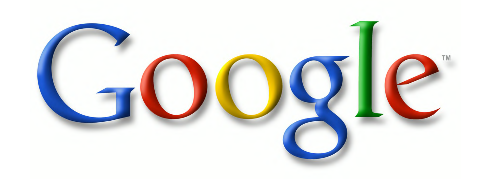

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO
ECCLESIAE
VE RI TAS

Тип[illegible] М. М. Стасюлевича, В. О. 5 лин. 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1896.

Стр

☛ **Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть года въ 1896 г.** ☚

(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ LX. — ТОМЪ CCCLV. — 1/13 СЕНТЯБРЯ, 1896.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1896

2470

ДОМА

Очерки современной деревни.

Окончаніе.

IX *).

„Послѣдняя туча разсѣянной бури" пронеслась, на душѣ у меня снова прояснилось, сомнѣнія и страхи разлетѣлись какъ дымъ и ко мнѣ снова вернулось то живое, бодрящее настроеніе, которое я переживалъ въ первые безоблачные дни по пріѣздѣ домой. Доброму настроенію содѣйствовала и вновь установившаяся прекрасная погода. Родная деревня какъ-то вдругъ похорошѣла, повеселѣла; унылый недавно садъ снова привѣтливо улыбался мнѣ, высокая мачта перемѣнила свою тоскливую пѣсню, загудѣла шумно, привольно и радостно.

Тихо, тихо въ нашей деревнѣ. Солнце высоко стоитъ на небѣ. Въ деревнѣ ни души; даже малые ребятки веселой гурьбой убѣжали куда-то—вѣроятно на рѣчку купаться. Всѣ на работѣ. Я тоже только-что пришелъ съ поля, гдѣ порядкомъ повозился съ сѣномъ. Благодатный трудъ! Пришелъ домой, выпилъ чаю, и усталь какъ рукой сняло. Однако больше въ поле идти не хочется, хотя и знаю, что семья была бы очень рада и моей работѣ. День такой чудный, солнце палитъ во всѣ лопатки. Убрать зеленое сѣнцо—какъ весело!.. Я забрался въ бесѣдку и сталъ придумывать себѣ оправданіе, почему я бросилъ работу всего въ пол-

---

*) См. выше: августъ, стр. 641.

день и обѣденной смѣны не дождался? Какъ-то стыдно, неловко лѣниться, когда старые и малые всѣ на работѣ.

Прибылъ я изъ Питера отдохнуть, освѣжиться... И смѣются надо мной православные, и завидуютъ вмѣстѣ, что вотъ я могу не работать, не гнуть спину. Работаю такъ, сколько хочу, въ охотку, для забавы. Хоть я по рожденію и ихъ поля ягода и меня по существу никто не смѣшаетъ съ настоящимъ бариномъ, тѣмъ не менѣе не смѣшивали меня и съ собой и всѣ относились ко мнѣ какъ-то не то насмѣшливо, не то снисходительно, точь-въ-точь какъ къ малолѣтку, въ первый разъ вышедшему на работу. Я однако не имѣлъ причины сердиться на такое отношеніе: во всякомъ случаѣ въ немъ было больше милаго добродушія, чѣмъ нехорошей ироніи.

— Богъ на помочь, Миколай Ивановичъ! — крикнетъ мнѣ всякая баба и взрослая дѣвица, проходя, когда я кошу или загребаю сѣно, и непремѣнно при этомъ засмѣется.

— Что, усталъ, поди-тко?

Мужики, тѣ не могутъ не отпустить какой-нибудь шутки.

— Приналягъ, приналягъ, бокомъ-то здоровъ, нечего!..

Встрѣтивъ меня въ полѣ, всякій непремѣнно спроситъ:

— Прогуливаешься? Доброе дѣло.

Эта фраза больше всего меня конфузила и смущала. „Прогуливаться“, когда старый и малый на работѣ! Надо сознаться, завидовали мнѣ только лѣнивые мужичонки, „неработи“, лежни. Серьезный мужикъ и въ особенности бабы относились ко мнѣ совсѣмъ просто.

Вотъ я сижу въ освѣжающей тѣни бесѣдки и благодушествую. Грозды рябины ласково киваютъ мнѣ; спѣлая черемуха спускается тяжелыми кистями чуть не прямо въ ротъ; молодая березка ласкается ко мнѣ своими гибкими прутьями; скромная яблоня, увѣшанная сверху до низу гнѣздами румяныхъ яблокъ, стоитъ не шелохнется, любовно и бережно подставляя лучамъ солнца обильные, но еще недозрѣлые плоды свои. До Спаса еще далеко.

Потянулъ вѣтерокъ. Набѣжала тучка. Православный людъ, едва успѣвъ перекусить, спѣшитъ въ поле загребать сухое сѣно; бѣгутъ торопливо, озабоченно: испугались, не спрыснулъ бы дождикъ. Вотъ пробѣжала, съ граблями на плечѣ, жена Васьки Кострыги, здоровая бабёнка, загорѣлая, кровь съ молокомъ. Бѣжитъ, только пятки сверкаютъ; красная рубашка съѣхала съ одного плеча... Поправить некогда.

Туча, однако, прошла, не обронивъ ни капли дождя. Горячка

въ полѣ миновала. Сѣно убрано сухое-пресухое, ломится. Вотъ опять Фелицата... Ѣдетъ, растянувшись въ полу-ондрецѣ, да переваливается съ боку-на-бокъ на душистомъ сѣнѣ отъ покачиванья экипажа; станъ рубашки задрало до колѣнъ; за возомъ плетется усталый мужъ ея, Василій, равнодушно поглядывая по сторонамъ. На спинѣ у лошади, подъ самой дугой, храбро примостился шестилѣтній сынишка старосты, Ваня, крѣпко держится за хомутъ и воображаетъ, что правитъ лошадью.

По деревнѣ бродитъ безъ дѣла толстый, съ одутловатымъ лицомъ, дѣтина. Я о немъ уже упоминалъ. Это — нашъ ульевскій сыроваръ, Анисимъ Пѣтуховъ. Вчера я былъ у него во время пріема молока. Ульево служитъ центромъ для сбора молока изъ нѣсколькихъ окрестныхъ деревень. Анисимъ Пѣтуховъ имѣетъ у насъ постоянно квартиру, нанятую въ домѣ-особнякѣ. Здѣсь имѣются кой-какія приспособленія для сбивки сливокъ на масло, а также ледникъ для сохраненія кусковъ до отправки хозяину. Анисимъ только и дѣлаетъ, что принимаетъ молоко, которое приносятъ къ нему по утрамъ и вечерамъ бабы и дѣвки тотчасъ вслѣдъ за удоемъ коровъ. Молоко принимается послѣ того, какъ оно взвѣшено или измѣрено, при помощи особой палочки съ мѣтками, на фунты; количество молока записывается въ разсчетную книжку принесшей. Доброкачественность молока Пѣтуховъ съумѣетъ различить наглазъ, на вкусъ, на ощупь, тѣмъ не менѣе въ его пріемной имѣется особая лабораторія, впрочемъ весьма несложная, для точнаго и нагляднаго опредѣленія качества молока. На особой полкѣ, на видномъ мѣстѣ, выставленъ цѣлый рядъ пробирныхъ стаканчиковъ по числу домохозяевъ, приносящихъ молоко; каждый такой стаканчикъ соотвѣтствуетъ нумеру разсчетной книжки. Стаканчики наливаются только-что принесеннымъ молокомъ и по количеству отстоявшихся сливокъ судятъ о качествѣ молока. Подобная выставка образцовъ вполнѣ достигаетъ цѣли; боясь улики, бабы не рѣшаются разбавлять молоко ни водой, ни снятымъ. Коварный стаканчикъ немедленно обнаружилъ бы порчу, о чемъ тотчасъ заговоритъ вся деревня, и бабы ревниво охраняютъ репутацію своихъ коровъ.

Маслодѣліе въ нашей мѣстности—явленіе совершенно новое, но въ самое короткое время получило довольно широкое развитіе. Принося деревнѣ нѣкоторый заработокъ, оно, къ сожалѣнію, гибельно отражается на другихъ сторонахъ жизни крестьянина.

Странное дѣло: почти всякое нововведеніе, заимствованное нашею деревнею у города, нехорошо отражается и на народномъ продовольствіи, и на народной нравственности. Такъ до

появленія маслодѣленъ у народа было и молоко, и сметана, а слѣдовательно и сдобный пирогъ къ празднику; съ появленіемъ же послѣднихъ, все это замѣнилось прокислымъ и непитательнымъ „обратомъ", да грошовымъ капорскимъ чаемъ, отпускаемымъ содержателемъ маслодѣленъ за счетъ молока. Вмѣстѣ съ маслодѣльнями же явился въ деревню новый праздный человѣкъ—маслодѣлъ или „сыроваръ", по мѣстному выраженію. Этотъ „культурный" человѣкъ — крайне несимпатичное явленіе въ деревнѣ. Имѣя массу свободнаго времени и вращаясь постоянно среди дѣвокъ и бабъ, онъ ни о чемъ больше не помышляетъ, какъ только о развратѣ и попойкахъ, совращая деревенскую молодежь обоего пола. И хуже всего то, что эта молодежь увлекается имъ. Деревенскія дѣвки поютъ:

Сыровара наглядѣлась,
Ровно сахара наѣлась...
Ставь-ка, мамка, самоваръ,
Золотыя чашки,
Ѣдетъ Мишка-сыроваръ
Въ бѣленькой рубашкѣ.
Въ сыроварнѣ два окошка въ улицу,
Съ горя ноженьки не ходятъ по крыльцу.
Въ сыроварню я носила молока,
Мама за косу домой приволокла;
Я на то не разсердилася,
Мамѣ въ ноги поклонилася...
Сыроваръ-отъ парень-хватъ,
Больно ласковъ, важеватъ:
Мнѣ орѣшковъ накупилъ,
Самоваромъ угостилъ.

Вчера ждали губернатора. Вся сельская полиція была собрана въ волости. Старшина мнѣ прислалъ спеціальное приглашеніе съ полицейскимъ. Земскій буквально загонялъ мужиковъ: дороги, мосты,—все исправлено, только работы по уборкѣ сѣна запущены.

Не на чемъ было везти губернатора съ пристани; съ грѣхомъ пополамъ сыскали сборную тройку; за экипажемъ ѣздили за 25 верстъ къ зажиточному мужику (помѣщиковъ въ нашей мѣстности нѣтъ).

Предстояло разбирательство нѣсколькихъ дѣлъ въ волостномъ судѣ. Земскій, чтобы показать и правосудіе во всемъ блескѣ, еще наканунѣ собралъ судъ и велѣлъ судьямъ прорепетировать дѣла.

Губернатора ждали на пристани съ 6 часовъ утра до 9 часовъ вечера. Тревога произошла напрасная: губернаторъ гдѣ-то замѣшкался и не пріѣхалъ въ назначенное время. На пристани полагалось устроить начальнику губерніи встрѣчу, и для сей оказіи сюда были собраны мужики и бабы изъ всѣхъ окрестныхъ деревень; однихъ сельскихъ старостъ было множество, хотя они были раздѣлены на два лагеря: часть должна была ждать у правленія. Все пошло прахомъ. Когда будетъ получено новое извѣстіе о пріѣздѣ высокаго гостя, придется все это вторично продѣлать.

Сегодня день Ильи, „гремящаго пророка". Къ общему удивленію, нынче Ильинъ день прошелъ безъ всякихъ приключеній: ни грома, ни молніи, ни дождя не было. Это крайне озадачило нашихъ мужиковъ. Всѣ диву даются: отчего нынче Илья не помочилъ, не погремѣлъ даже?

Надо замѣтить, впрочемъ, что репутація св. Ильи, какъ громовержца, въ послѣднее время въ народѣ значительно подорвана проникающею все глубже и глубже въ народныя массы грамотностью. Сотни лѣтъ думали, что громъ и молнію производитъ Илья пророкъ, разъѣзжающій на огненной колесницѣ по стогнамъ небеснымъ за водой для дождя, а теперь десятилѣтній парнишка, поучившійся въ начальной школѣ, побѣдоносно очищаетъ великое имя пророка отъ всякихъ языческихъ наслоеній, объясняя происхожденіе грома и молніи силами природы. Наши мужики обвиняютъ еще св. Илью во всѣхъ пожарахъ, происходящихъ отъ „Божья милосердія", т.-е. когда пожаръ начинается не отъ людской неосторожности или злого умысла лиходѣя, а отъ грома и молніи. По народнымъ вѣрованіямъ, молнія — это огненныя стрѣлы, метаемыя Михаиломъ архангеломъ, повозничающимъ у Ильи, въ „нечистую силу", гоняющуюся за пророкомъ, чтобы не дать ему воды для дождя и тѣмъ извести родъ людской. Нечистая сила прячется отъ стрѣлъ, шныряя по всѣмъ закоулкамъ. Угодить въ открытое окно, неогражденное крестнымъ знаменіемъ, и вылетѣть въ трубу,—завѣтная мечта нечистой силы. Во власти Ильи— спалить этотъ домъ или пощадить, во-время полить дождемъ затлѣвшееся отъ молніи мѣсто въ трубѣ. Слова: „святъ, святъ" и „Святый Боже" и пр. служатъ заклинаніями отъ нечистой силы.

„Красный пѣтухъ" въ народномъ сознаніи непосредственно связывается съ карой Божьей, и потому борьба съ нимъ почитается за грѣхъ великій, противодѣйствіе волѣ Божіей. Эта пагубная увѣренность простого народа дѣлаетъ всякую борьбу съ краснымъ пѣтухомъ мѣрами принудительными совершенно безплод-

ною. Въ этомъ мнѣ довелось воочію убѣдиться и нынѣшнимъ лѣтомъ. Деревенское сознательное „непротивленіе злу" заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Между тѣмъ, борьба съ этимъ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ до сихъ поръ у насъ не организована хоть сколько-нибудь сносно, да и организовать это дѣло при настоящихъ условіяхъ крестьянской жизни едва ли возможно.

Скитаясь нынѣшнимъ лѣтомъ по деревнямъ Н—й губерніи, я между прочимъ обратилъ вниманіе на то, какъ наше крестьянство относится къ разнаго рода пожарнымъ мѣропріятіямъ, насаждаемымъ въ деревняхъ и земствомъ, и полиціей. Постройки въ Н—й губерніи исключительно деревянныя и въ большинствѣ случаевъ подъ соломенными крышами; поэтому, казалось бы, всѣ эти мѣропріятія здѣсь должны быть встрѣчаемы особенно радушно. Ничего подобнаго я не видѣлъ въ дѣйствительности; напротивъ, крестьяне съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, какъ бы отстаиваютъ свободу дѣйствій краснаго пѣтуха. Даже земскій начальникъ, съ его штрафами, арестами и другими болѣе или менѣе внушительными средствами, далеко не всегда можетъ сокрушить мужицкое равнодушіе въ борьбѣ съ огненной стихіей и опускаетъ руки. Крестьяне платятъ штрафы, отсиживаютъ аресты, или же, если выполняютъ предписанія, то выполняютъ только для виду, доходя въ послѣднемъ случаѣ зачастую до комизма. Велѣно было, напр., ранней весной насадить деревья въ селеніяхъ участка. Чего бы, кажется, легче? И спасительно, и пріятно имѣть зелень передъ окнами своей избы! Что же дѣлаютъ наши мужички? Вмѣсто того, чтобы посадить молодое деревцо какъ слѣдуетъ, оно втыкается кое-какъ, по большей части даже безъ корней, просто срубленное, только чтобы отвести глаза начальству. И поступаютъ такъ даже вполнѣ степенные мужики, примѣрные домохозяева.

— Что же вы, братцы, дѣлаете это?—спросилъ я у мужиковъ.

— Да вѣдь это одна канитель, эти березки!—отвѣтили мнѣ.— Гдѣ ихъ уберечь? Все равно скотина обгложетъ кору, ощиплетъ листья, и дерево засохнетъ, либо задѣнетъ колесомъ кто, выворотитъ. Толку мало.

И такъ изъ году въ годъ наказъ повторяется, а православные мужички исправно отводятъ глаза.

На моихъ глазахъ мужиковъ заставляли обзавестись огнетушительными снарядами. Черезъ недѣлю въ каждой деревнѣ красовалось пожарное депо (тесовый навѣсъ на столбахъ). Приказъ исполненъ, но какъ? По истинѣ курамъ на смѣхъ, какъ говорится. Мужики одной богатой деревни поставили дроги на колеса, у которыхъ не только не было шинъ, но даже ободъ былъ только

сверху, — для виду; нижнія спицы колеса упирались прямо въ землю!

Крестьяне другой деревни устроили дроги такъ, что колеса на оси не вертѣлись,—такъ туго они были набиты.

Крестьяне третьей деревни, гдѣ тридцать дворовъ, должны были выставить трое дрогъ и три чана. Задачу эту они разрѣшили такъ, что земскій начальникъ даже расхохотался при осмотрѣ: на одни дроги поставили четыре огромныхъ чана съ водой и ждали отъ начальства благодарности за усердіе.

— Да вѣдь вашимъ клячамъ съ мѣста не сдвинуть такой тяжести!

— Оно, конечно, тарантасъ не по нашимъ лошадямъ, такъ вѣдь куда и ѣздить-то? Пока соберемся, вся деревня сгоритъ.

Въ другомъ участкѣ былъ изданъ строгій приказъ, чтобы мужики на общественный счетъ обзаводились пожарными машинами. Эту мысль ранѣе проводила и уѣздная земская управа, но крестьяне и слышать не хотѣли, несмотря на то, что губернское страховое отъ огня общество уступало имъ машины въ разсрочку и за полцѣны. При настояніяхъ начальства, въ результатѣ явился общественный приговоръ о пріобрѣтеніи одной машины на нѣсколько деревень.

Можно было думать, что каждая деревня будетъ всѣми силами стараться оставить машину у себя, чтобы на случай пожара имѣть ее подъ руками. На дѣлѣ мужики отнеслись къ машинѣ самымъ неожиданнымъ образомъ: ни одна деревня не хотѣла пріютить ее у себя! На мой вопросъ, почему они открещиваются отъ машины, крестьяне отвѣчали:

— Да куда намъ ее, эту машину-то! Одинъ грѣхъ только выйдетъ. Примѣрно, пожаръ въ деревнѣ ночью, лошади въ полѣ; пока ходишь за ними, да впрягаешь, вся деревня сгоритъ; гдѣ-жъ тутъ поспѣть, а опоздаешь—штрафъ; не пріѣдешь—штрафъ; а коли нѣтъ ея у насъ—и спросу нѣтъ.

Съ этимъ оригинальнымъ разсужденіемъ, пожалуй, нельзя не согласиться.

Почему же нашъ народъ такъ безнадежно смотритъ на борьбу со своимъ злѣйшимъ врагомъ—огнемъ? Конечно, его непроходимая темнота—первѣйшая причина того; его умъ и сердце слишкомъ опутаны всякими суевѣріями: между прочимъ, оказывать сопротивленіе какому-либо бѣдствію, а въ томъ числѣ красному пѣтуху — грѣшно; это значило бы идти противъ Божьей воли. Этой твердыни народной вѣры не пробьешь никакими полицей-

скими приказами, и борьба съ краснымъ пѣтухомъ именно на этой почвѣ почти безплодна. Необходимо разъяснить темному крестьянству, что оно неправильно толкуетъ свои излюбленные афоризмы о Богѣ, что нелѣпо и грѣшно приписывать Всемилостивому Богу совсѣмъ неприсущія Ему качества; необходимо просвѣтить его умъ и сердце, научивъ отличать божественное отъ человѣческаго, чтобы люди не смѣшивали своихъ религіозныхъ воззрѣній съ мірскими потребностями жизни. На ряду съ его суевѣріями пусть напомнятъ народу и другія, не менѣе мудрыя наставленія: что „береженаго и Богъ бережетъ", что „на Бога надѣйся, а самъ не плошай", что „Богъ-то Богъ, да будь и самъ не плохъ"; пусть народъ знаетъ, что не грѣшно оберегать себя отъ вліянія злыхъ силъ, и даже напротивъ—слѣдуетъ. Сельское духовенство первое должно въ этомъ случаѣ придти на помощь. Оно должно разсѣевать всякія вредныя заблужденія своей паствы, идя рука объ руку въ этомъ спасительномъ дѣлѣ съ начальной школой и другими разсадниками свѣта и знанія въ народныхъ массахъ. Зло, покоящееся на религіозныхъ заблужденіяхъ, съ церковной каѳедры прежде всего и должно быть искореняемо.

Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ однажды, что на завалинкѣ сосѣдняго дома размѣстился кружокъ дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ разнаго возраста, которые старались пѣть церковныя пѣсни. Я вышелъ къ дѣтямъ и вступилъ съ ними въ разговоръ. Все это были ученики нашей церковно-приходской школы; нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ церковномъ хорѣ. Отъ дѣтей я узналъ, что обученіе пѣнію молитвъ въ нашей школѣ составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, затѣмъ уже слѣдуетъ чтеніе церковныхъ книгъ и письмо по-церковному.

Я попросилъ одного изъ мальчиковъ принести мнѣ свою школьную тетрадку съ письмомъ по-церковному. Тотъ принесъ. Я подивился превосходной копировкѣ изъ псалтыря: нѣкоторыя буквы исполнены съ такимъ мастерствомъ, что имъ позавидовали бы древніе писцы, работавшіе до введенія книгопечатанія. Очевидно было, что на это письмо, потрачено не мало кропотливаго труда и терпѣнія. Обучаетъ такому искусству крестьянскихъ дѣтишекъ молодой дьяконъ при участіи о. Морошкина. Заинтересовавшись нашей новой школой, я отправился къ преподавателю чтобы изъ перваго источника узнать о цѣли обученія письму древнеславянскими литерами. Принявъ за комплиментъ мой отзывъ о прекрасномъ письмѣ дѣтей по-церковному, преподаватель пріятно улыбнулся и прибавилъ:

— Да, слава Богу, отлично дѣло идетъ. И представьте, всего одинъ урокъ въ недѣлю, а какихъ результатовъ достигли.—И чтобы окончательно убѣдить меня въ отличныхъ результатахъ, преподаватель предложилъ мнѣ пойти съ нимъ въ школу и просмотрѣть другія тетради.

Преподаватель подвелъ меня къ знакомому шкафчику, изъ котораго и я бралъ когда-то книжки. Увы, я ничего не нашелъ здѣсь изъ прежняго состава; здѣсь были: одна большая и нѣсколько маленькихъ библій, пожертвованныхъ обществомъ распространенія св. писанія, нѣсколько часослововъ, псалтырей, требникъ, четьи-минеи и проч. Въ заключеніе учитель, съ нескрываемымъ чувствомъ самодовольства, показалъ мнѣ нѣсколько тетрадокъ лучшихъ учениковъ, исписанныхъ по-церковному. На мой вопросъ о цѣли такого письма-печатанія, онъ отвѣтилъ, что это, во-первыхъ, отлично выправляетъ почеркъ, да и программа предписываетъ упражненія въ церковныхъ письменахъ. Во-вторыхъ...

— Какое же примѣненіе подобныхъ письменъ?—перебилъ я батюшку.

— Ахъ, еслибъ вы видѣли, какъ дѣти поминальники пишутъ! Чудо! Родителямъ это очень нравится.

Тетрадокъ съ упражненіями въ русскомъ языкѣ мнѣ посмотрѣть не довелось. Ихъ совсѣмъ не оказалось въ школьномъ архивѣ; но учитель мнѣ говорилъ, что и по-русски дѣти пишутъ превосходно, почти безъ ошибокъ. Ошибаются нѣсколько только первогодки.

Дорогой я вспомнилъ про старое, когда и самъ я мальчикомъ бѣгалъ въ эту школу. Не скажу, чтобы все веселыя мысли приходили мнѣ въ голову. Дѣтское молитвопѣніе, церковныя письмена, поминальники, псалтыри, часословы, земская школа съ ея „разрушительными" тенденціями—чего тутъ больше: отраднаго или безотраднаго?.. Вотъ вѣдь прошло какихъ-нибудь восемь-десять лѣтъ,—и какъ иныя вещи видоизмѣнились, перевернулись! Въ наше время ученье шло совсѣмъ иначе, а Богъ всѣхъ миловалъ, и веселіе у насъ въ школѣ было великое. Молитвы не были забыты, но дѣти знали и свои народныя пѣсни. Вообще жилось весело, вспомнить любо. На третьемъ году ученья, когда школьники подростали и готовились вступить на жизненное поприще, помню, Ѳедоръ Петровичъ устраивалъ спеціальные уроки, на которыхъ разъяснялъ права и обязанности крестьянъ, толковалъ о выборахъ въ земство, о волостномъ судѣ, и для большей наглядности и вразумительности устраивалъ примѣрные выборы, примѣрный волостной судъ, волостной и сельскіе сходы. Дѣла

разбирались, конечно, доступныя пониманію двѣнадцатилѣтнихъ и моложе участниковъ. Выборы производились отъ трехъ отдѣленій школы: младшаго, средняго и старшаго; самъ Ѳедоръ Петровичъ только наблюдалъ за правильностью хода выборовъ или суда дѣтей. На разсмотрѣніе такого суда. Лобовъ нерѣдко передавалъ и своихъ учениковъ, провинившихся въ чемъ-либо. Я еще отлично помню и себя и въ роли судьи, и въ роли обвиняемаго. Замѣчательно, что всѣ мы самымъ серьезнымъ образомъ относились къ своимъ судейскимъ обязанностямъ. У Ѳедора Петровича имѣлся какой-то „судебникъ", по которому и вершились дѣла. Нынѣ въ нашей школѣ не осталось и слѣда послѣ Ѳедора Петровича, да, кажется, и въ его ольховской школѣ уже многое посокращено изъ его прежней программы, введено кое-что новое,—по чьей иниціативѣ, сказать не могу. „Игры въ судьи" совсѣмъ упразднены, какъ неумѣстныя.

На дняхъ я снова встрѣтился съ Васькой Кострыгой, но на этотъ разъ не какъ съ начальствомъ, „головой трехъ обчествъ", какъ онъ самъ именовалъ себя при нашей первой встрѣчѣ, а какъ съ неисправнымъ плательщикомъ. Въ этой своей роли Васька вызвалъ во мнѣ полное сочувствіе къ его незавидному положенію. Кострыга, одинокій мужичонка, въ солдатахъ не былъ, а потому міръ посадилъ его въ сельскіе старосты. Онъ же—сборщикъ податей. Обѣ эти нелегкія должности, какъ повинности,—безплатныя. Взваливается это бремя на человѣка иногда и за какую-нибудь и провинность предъ міромъ. Должность старосты хотя и хлопотлива, но еще не такъ отвѣтственна, какъ сборщика податей. Особенно тяжело сборщику въ года неурожаемые, когда мужики туго вносятъ оброкъ. Не взыскалъ—ступай къ отвѣту. Всѣ сельскія власти заваливаютъ бѣднягу разнаго рода порученіями и приказами по волости. Въ сѣнокосъ, въ жниву, въ непогоду—бѣги безъ оглядки, ибо каждая власть „строго приказываетъ" старостѣ „немедленно исполнить или наблюсти лично". Зная все это, міръ раньше выбиралъ старосту всего на одинъ годъ, не болѣе. По общему мнѣнію, достаточно и годъ просидѣть въ старостахъ, чтобы такъ запустить свое хозяйство, что и многіе годы потомъ мужику не справиться. Есть и еще одна немаловажная причина, почему міръ не выбираетъ старосту-сборщика болѣе чѣмъ на годъ: чтобы сборщикъ не „насидѣлъ" слишкомъ много на свою шею. Насидѣть значитъ просчитать, израсходовать, вообще такъ или иначе не донести мірскія деньги въ

казну. Зачастую безграмотный, безтолковый сборщикъ, записывающій крестами и другими кабалистическими знаками въ платежныхъ книжкахъ свои получки, въ теченіе одного года еще не можетъ насидѣть свыше своей головы; во всякомъ случаѣ при учетѣ достанетъ у него имѣньишка на восполненіе недостающихъ суммъ; въ крайнемъ случаѣ и простить можно, принявъ недочетъ на міръ,—не пускать же человѣка съ сумой. Все это міръ принимаетъ во вниманіе при выборѣ старосты-сборщика, наученный горькимъ опытомъ. Рѣдкій, даже самый толковый староста хоть сколько-нибудь да не насидитъ; особенно тѣ, кто выпиваетъ.

Нынче предстояли новые выборы. Василій Кострыга подводилъ счеты и радовался предстоящему концу муки, какъ вдругъ объявлено было новое правило, въ силу котораго старосты избираются на три года, а міру начальникъ сказалъ:

— Я доволенъ прежними старостами и утверждаю всѣхъ вновь на три года.

Взвыли бѣдняги, но дѣлать было нечего: снова потянули тяжелую лямку, надѣвъ бляху на шею. Міръ сжалился надъ мужиками и положилъ имъ жалованье по десяти копѣекъ съ души, что составитъ по тридцати рублей въ годъ на каждаго старосту.

Со введеніемъ новаго порядка выборовъ старостъ (нынче міръ только намѣчаетъ кандидатовъ, а земскій начальникъ утверждаетъ по своему усмотрѣнію) должность эта значительно измѣнилась: ранѣе староста былъ только повинный міру человѣкъ, нынѣ онъ—ступень начальства въ деревнѣ, помощникъ земскаго начальника.

Староста и полагаетъ, что онъ „за все отвѣчать должонъ"; а въ качествѣ таковаго онъ хозяйничаетъ въ деревнѣ, какъ старшина въ волости, земскій начальникъ въ своемъ участкѣ.

Такимъ образомъ, власть сильная и крѣпкая установилась; только насчетъ податей все еще вожделѣннаго порядка нѣтъ: мужики никакъ въ назначенный срокъ не вносятъ требуемаго оброка полностью, упрямятся, скряжничаютъ, клянчатъ, отсиживаютъ въ „рестанской", валяются въ ногахъ у начальства, а оброковъ полностью не вносятъ; волей-неволей въ иныхъ случаяхъ приходится дѣлать послабленія.

Изъ-за неисправныхъ мужиковъ страдаютъ безвинно и старосты. Такъ случилось и съ Васькой Кострыгой; онъ не добралъ значительной суммы оброка. Хотя Кострыга и былъ сельскимъ старостой, „головой трехъ обчествъ", но, какъ истый рус-

скій мужичонка, онъ и горе, и радость сопровождалъ выпивкой, —сегодня выпилъ онъ, уже идучи изъ правленія. За нимъ слѣдовали жена, Фелицата, и старуха мать, Домна, послѣдняя съ бадогомъ въ рукахъ. Подгулявшій Василій всякій разъ возвращался домой съ этимъ сильнымъ конвоемъ. Бабы стали усиленно слѣдить за Кострыгой съ тѣхъ поръ, какъ онъ однажды, возвращаясь домой, потерялъ книгу; не мало хлопотъ стоило разыскать ее; только черезъ недѣлю ребятишки притащили книгу въ деревню и вручили ее перепугавшемуся старостѣ. За Василіемъ водилась одна хорошая сторона: онъ всегда слушался своей матери, хоть и ругалъ ее на чемъ свѣтъ стоитъ, подчинялся ея бадогу; жену онъ, конечно, не слушалъ, и та лишь сопутствовала шествію молча, стараясь не попадать на глаза мужу. Очевидно, въ полѣ между Васькой и его провожатыми произошла стычка.

— Чтò ты, Василій?—спросилъ я участливо старосту.

— Да какже, Миколай Иванович,—заговорилъ онъ, остановившись:—есть ли въ людяхъ совѣсть, правда-то есть ли въ нихъ, ай? Есть ли крестъ-отъ на вороту?

— Да чтò такое? говори толкомъ!

Оказалось, что велѣно было собрать восемьдесятъ рублей податей, а у мужиковъ безхлѣбица, и продать нечего.

— Такъ ты такъ и скажи исправнику,—посовѣтовалъ я.

— Какъ же я скажу, коли всѣ прочіе старосты собрали, только я да еще пятеро не донесли за другую треть. Кабы многіе— другое дѣло, а то только мы изъ двадцати трехъ человѣкъ. Вѣры не будетъ. Всѣхъ требуетъ въ городъ. Кабы ежели бѣдствіе какое было въ моемъ участкѣ—неурожай, тамъ, падежъ, что-ли, такъ нѣтъ, ничего не было. Чтò я скажу?—безнадежно спросилъ староста.

Я ничего не могъ возразить на это. Дѣйствительно, чтò мужикъ скажетъ въ свое оправданіе, когда ни падежа, ничего другого такого не было, на чтò бы еще могъ онъ сослаться безнаказанно. Молча стоялъ я и напрасно ломалъ голову, придумывая, какъ пособить Васькину горю. Въ моемъ сердцѣ уже шевельнулась-было добрая мысль: одолжить ему эти восемьдесятъ рублей; соберетъ—отдастъ.

— Двадцать пять цѣлковыхъ думаю собрать,—рапортовалъ между тѣмъ староста:—у Нѣловыхъ самоваръ могу продать, у Прокисловыхъ молодую нѣтель, у Мосягина—овцу... Сколочу и еще кое-что, а всѣхъ не собрать. Вотъ кабы ежели повременилъ малость...

Рискъ мой становился еще меньше. Однако я не торо-

пился со своимъ предложеніемъ. Мнѣ пришла другая мысль: „А что, если Васька пропьетъ мои деньги? Вѣдь у меня ихъ у самого не много. Пожалуй еще выйдетъ хуже: мои деньги дадутъ Васькѣ возможность лишній день пропьянствовать. Лучше подождать. Въ городъ его требуютъ еще черезъ три дня, время терпитъ".

Дома Кострыгина ждала пріятная компанія. Трое изъ ближайшихъ сельскихъ старостъ—изъ нихъ двое недоборщики—зашли къ нему, идучи домой изъ правленія. Всѣ трое тоже были навеселѣ. Кострыгинъ, какъ нельзя болѣе обрадовался дорогимъ гостямъ.

У Васьки начался пиръ горой. Едва я успѣлъ вернуться домой, какъ предъ нашими окнами раздался нетрезвый голосъ старосты:

— Миколай Ивановичъ, пойдемъ-ко ко мнѣ! Ужъ сдѣлай милость! Загуляли... Ужъ не откажи, сдѣлай компанію!

Къ вечеру нашу деревню огласило неистовое пѣніе захмелѣвшихъ старостъ. Васька провожалъ гостей до околицы. Возвращавшіеся съ поля мужики снисходительно подтрунивали надъ старостами, лыка не вязавшими.

— Домой правишься? Доброе дѣло!—напутствовали мужики старостъ.

— Книгу-то не потеряй, Анисимычъ! Мотри, наскачешься потомъ!—предупреждалъ Анисимова одинъ изъ мужиковъ.

X.

Губернаторъ не пріѣхалъ; да, какъ теперь стало извѣстно, онъ и не думалъ заѣзжать къ намъ и прямо прослѣдовалъ на пароходѣ въ городъ, лишь на четверть часа остановившись на пристани, гдѣ ему едва успѣли представиться наши власти.

Успокоившись отъ ложной тревоги, вызванной ожиданіемъ губернатора, православные снова предались своимъ повседневнымъ заботамъ.

Размышляя такимъ образомъ, я совершенно успокоился за свою безопасность, махнувъ рукой на всѣ страхи. Да не долго уже мнѣ оставалось и пожить въ деревнѣ. Августъ былъ въ серединѣ, а въ сентябрѣ я долженъ былъ вернуться въ Петербургъ.

Рожь была уже убрана съ поля, овсы дожинались. Въ воздухѣ припахивало осенью, полевыя работы приходили къ концу, и деревня стала вновь оживляться. Я уже думалъ, что всѣ мои

наблюденія надъ обновленной деревней приходятъ къ благополучному концу, что никакихъ сюрпризовъ ждать больше нечего и теперь можно предаться спокойному созерцанію природы; но судьба готовила мнѣ цѣлый фейерверкъ новыхъ впечатлѣній съ трагическимъ заключеніемъ.

Успеніе Божьей Матери (15-го августа) у насъ—большой праздникъ. Гуляютъ подъ рядъ нѣсколько дней. Вообще „Успленіе Господне", какъ называютъ наши бабы этотъ праздникъ, у насъ почитается однимъ изъ веселыхъ и широкихъ; съ нимъ можетъ сравниться только „Богословъ" (26-го сентября), который такъ и называется—„веселый Богословъ", или „богатый Богословъ"—по обилію плодовъ земныхъ.

Окончивъ полевыя работы и поубравшись съ хлѣбомъ, людъ православный справляетъ „Богословъ" шумно и весело, какъ ни одинъ праздникъ въ году. Къ осени выясняются результаты работъ и ожиданій за цѣлый годъ. Не даромъ говорится, что если на „Богословъ" пусто, то на Новый годъ съ сумой. Въ „Богословъ" деревня празднуетъ свою побѣду и одолѣніе надъ всѣми превратностями года. Съ этого дня для нея начинается собственно новый годъ, когда деревня переходитъ на хлѣбъ новаго урожая. Не даромъ древняя Русь вела лѣтосчисленіе съ сентября. Молодежь и въ пѣсняхъ воспѣваетъ этотъ праздникъ, и меланхолически вспоминаетъ какъ невозвратное время:

Воротилъ бы это времячко,
Которое прошло,
Воротилъ бы этотъ праздничекъ,
Веселый Богословъ,—

распѣваетъ молодежь, догуливая послѣдніе дни „Богослова".

Успенье—передышка отъ работъ. Хлѣбъ уже полученъ новый, а потому Успеніе — пивной праздникъ; иные, кто успѣлъ продать „новинки" малость, запасаются и водочкой. Два дня мужики безпросыпно бражничаютъ, перегащиваются, съ пѣснями переходя изъ одной деревни въ другую, куражась подъ хмелькомъ. Дѣвки водятъ хороводы, на улицѣ неумолчныя пѣсни и пляска подъ гармонью; качаются на качеляхъ.

Успеніе—первый день когда начинаютъ группироваться „некрута" (рекруты). Они особенно загуливаютъ въ этотъ день, пользуясь общей поблажкой въ виду ихъ особаго положенія:

Погуляйте-ка, робята,
Погуляйте, молодчи,
Пока не отдали въ солдаты,
Дали волюшку отчи.

Въ нашей деревнѣ каждый годъ въ этотъ день, послѣ обѣдни на улицѣ, подъ открытымъ небомъ, служится водосвятный молебенъ, послѣ котораго духовенство обходитъ всю деревню, совершая въ каждомъ домѣ краткое молебствіе. Къ общему молебну высыпаетъ вся деревня — и старый, и малый; здѣсь собираются и всѣ гости, бывшіе у обѣдни и запоздавшіе; здѣсь домохозяева снова приглашаютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ къ обѣду, такъ какъ случается, что у одного и того же лица въ деревнѣ есть родня или рады ему не въ одномъ домѣ. Послѣ общаго молебствія на улицѣ и обхода по домамъ духовенства, всѣ обѣдаютъ, пробуютъ пиво, бражку, а гдѣ есть—и водочку. Послѣ сытнаго обѣда и обильнаго угощенія, гости разбредаются кто куда. Выспавшись и снова поправившись изъ той же чашки, гости высыпаютъ на улицу: кто только навеселѣ, кто и въ куражѣ. Начинается гулянье. Молодежь, конечно, веселится больше всѣхъ: хороводы по пѣснямъ, танцы и русская подъ гармонью, просто пѣсни, игры въ „огорѣла" и проч., вплоть до вечера. Нынѣшній праздникъ приходился на воскресенье, и гостей собралось со всѣхъ окрестныхъ деревень. День стоялъ съ утра чудный, ясный, солнечный, располагающій къ веселью.

Праздникъ и нынче удался бы на славу, еслибъ не одно обстоятельство, послужившее впослѣдствіи роковой завязкой для весьма прискорбнаго происшествія. Только-что молодежь высыпала на улицу, только-что первый словутникъ въ околоткѣ, Михайло Софроновъ, развелъ гармонью, окруженный цвѣтникомъ дѣвицъ и гостей, какъ молодца схватили подъ руки двое полицейскихъ, схватили при всемъ честномъ народѣ, при дѣвкахъ, при гостяхъ.

— Не смѣть играть! подай сюда гармонь!—потребовали полицейскіе.

— Какъ не смѣть?—вскипѣлъ парень.

— Такъ, не смѣть! — не приказано!

— Ты врешь, Дементій,—усомнился Михайло, и растолкалъ полицейскихъ, успѣвшихъ уже захмелѣть. Парень снова заигралъ. Но тутъ на него набросились нѣсколько человѣкъ и, не долго думая, начали накладывать парню по чемъ попало. Здоровенный дѣтина, Михайло Софроновъ, нѣсколько времени отбивался, размахивая гармоникой. Однако полицейскіе сбили его и отобрали гармонью. Дорогая „игрушка" была разбита въ дребезги, канифасовая рубашка на Михайлѣ была изорвана въ лоскутья и самъ онъ избитъ въ кровь. Попало многимъ и полицейскимъ. Явился

урядникъ, составилъ протоколъ, и обезкураженнаго молодца подъ конвоемъ полицейскихъ отправили въ арестантскую.

Такъ начался нынѣшній праздникъ для молодежи. Я сначала никакъ не могъ понять, изъ-за чего началась вся эта печальная исторія. Оказалось, что земскій начальникъ запретилъ играть на гармоникѣ. Чѣмъ мотивировано это распоряженіе—никому не было извѣстно. По деревнѣ весь день съ бляхами на груди расхаживали захмелѣвшіе полицейскіе, слѣдя за порядкомъ.

— Эй, вы, потише! — покрикивали эти люди, не въ мѣру важничая, что они представляютъ начальство.

Разыгравшаяся исторія съ Михайломъ Софроновымъ и эти доморощенные патрули произвели на всѣхъ крайне удручающее впечатлѣніе. Все замолкло, точно въ деревнѣ оказался покойникъ. Молодежь, однако, не хотѣла примириться съ нежданнымъ распоряженіемъ; да мало кто и вѣрилъ запрещенію невинной игрушки: кому она мѣшаетъ! Всѣ думали, что это — штуки либо Агапа, либо самихъ полицейскихъ. Подъ вечеръ, когда въ головѣ у всѣхъ зашумѣло, гармоника снова заревѣла во всѣхъ концахъ деревни: сначала въ избахъ и на околицѣ, а затѣмъ и на улицахъ, и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ взятъ Михайло Софроновъ. Иные заиграли просто на зло полиціи. Пріятели Михайла Софронова, урѣзавъ для храбрости или прикидываясь пьяными, сами налѣзали на полицейскихъ. О рѣшительномъ настроеніи молодежи можно было судить по переодѣтымъ рубашкамъ съ засученными рукавами и снятымъ часамъ. Очевидно, ребята рѣшились на все, чтобы отстоять свою волю. Къ вечеру выпустили и Михайла, который и сталъ во главѣ бушующей компаніи. Двумъ-тремъ полицейскимъ, наиболѣе требовательнымъ, уже попало по здоровой затрещинѣ. Урядникъ, увидя бѣду неминучую, куда-то скрылся. Деревня заволновалась. Я никогда не видалъ такого страшнаго настроенія молодежи. Уговоры родителей не дѣйствовали, ребята точно осатанѣли: съ крикомъ и свистомъ и нажаривая въ десятокъ гармоникъ, они расхаживали по деревнѣ, взявъ верхъ надъ пьяными полицейскими. Опасаясь за послѣдствія, я рѣшился-было вмѣшаться въ дѣло, и сталъ уговаривать вожаковъ.

— Отойди, Николай Ивановичъ! — крикнулъ мнѣ Михайло Софроновъ такимъ голосомъ, что мнѣ ничего не оставалось сдѣлать, какъ дѣйствительно отойти.—Вишь, чтò выдумали! За что схватили меня?.. Въ Сибирь пойду, а не дамся!—кричалъ обезумѣвшій парень.

— Разнесемъ!..

Какъ вдругъ откуда-то явился урядникъ съ новымъ отрядомъ полицейскихъ, сотскихъ, десятскихъ, вооруженныхъ кольями. На парѣ, съ колокольчикомъ, въ деревню пріѣхалъ Агапъ съ писаремъ. Демонстрація эта произвела нѣкоторое впечатлѣніе на бушующихъ ребятъ, и кто потрусливѣе—стали расходиться. Старшина приказалъ арестовать буяновъ, связать имъ руки и отправить въ волость.

На дворѣ уже вечерѣло. Теплыя сумерки спускались съ неба, но деревня кишѣла народомъ. Только-что прибывшіе трезвые полицейскіе, видя буйное настроеніе толпы, стали уговаривать ребятъ добромъ разойтись.

— Мы вѣдь ничего, дядя Семенъ,—говорилъ одинъ изъ ребятъ своему односельчанину-полицейскому.—Мы вѣдь што, только гуляли. Чтò они, лѣшманы эдакіе, мѣшаютъ намъ! На-тко, Мишку схватили, гармонью изломали, острамили при дѣвкахъ... Чтò мы такое, не разбойники какіе, чтобы сажать въ рестанскую!

— Некрутамъ гулять не позволяютъ, чтò же это такое?—волновался другой парень. — Дома и не погулять! Не долго и осталось-то.

— А нынче вышелъ запретъ, чтобъ не было гармоніи, и все тутъ, — вразумлялъ трезвый полицейскій.—Тишину и порядокъ, говоритъ, нарушаютъ.

— Оно точно начальство, но какъ же это такъ, чтобы, значитъ, не погулять некрутамъ? Дядя Михей, самъ ты разсуди, умная твоя башка, какъ же не погулять-то, коли подъ турку, можетъ, скоро идтить!..

Пока ребята такъ разговаривали, всѣхъ ихъ переписали поименно; записали и свидѣтелей. Протоколъ вышелъ на славу, листовъ въ десять.

— А этихъ молодцовъ въ волость! — распорядился Агапъ, указавъ на нѣсколькихъ человѣкъ, признанныхъ зачинщиками.

— Это въ рестанскую! Насъ-то въ рестанскую?—заволновались опять ребята.—Да ты что же это, Агапъ Овдокимовичъ, зло-то разводишь?

Однако перевѣсъ въ силѣ былъ на сторонѣ полицейскихъ, и молодцамъ скрутили руки и отправили подъ конвоемъ. Сюда снова попалъ и Михайло Софроновъ, и его товарищи. Громадная толпа молодежи вплоть до правленія провожала арестованныхъ пріятелей.

Въ деревнѣ все какъ будто стихло, но это была только видимая тишина. Буйство снова возобновилось около полуночи, когда старшина уѣхалъ и часть полицейскихъ разошлась по до-

мамъ. Сигналомъ къ новому буйству послужила чья-то гармонья, заревѣвшая на деревнѣ. Съ десятокъ полицейскихъ, остававшихся на стражѣ, бросились на дерзкаго. Завязалась новая свалка. На этотъ разъ буяны осилили представителей порядка; нѣкоторыхъ страшно избили. Деревня всю ночь оглашалась криками: „караулъ!“, стономъ и ревомъ избитыхъ участниковъ свалки.

Такъ кончилось нынѣшнее Успеніе. На другой день деревня точно вымерла. Гости спозаранку убрались во-своязи, чтобы не попасть какъ-нибудь въ дѣло. Снова явился урядникъ съ понятыми, былъ составленъ третій протоколъ. Съ минуты на минуту ждали пріѣзда самого начальства, за которымъ еще вчера былъ посланъ нарочный.

Наслышавшись ранѣе о примитивности способовъ взысканія, чинимыхъ въ подобныхъ случаяхъ, я съ ужасомъ ожидалъ жестокой расправы съ провинившейся молодежью. Ребятъ мнѣ было до смерти жалко, особенно Михайла Софронова и его пріятеля, которыхъ навѣрное, думалось мнѣ, сочтутъ зачинщиками и, слѣдовательно, заслуживающими наибольшаго наказанія; между тѣмъ оба они были чудесные ребята и обѣщали быть отличными мужиками. Теперь ихъ, самое меньшее, накажутъ розгами и такимъ образомъ лишатъ на всю жизнь всѣхъ правъ и преимуществъ, сопряженныхъ съ обязанностями честнаго крестьянина. Опасался я и другого: оба они уже настолько развиты, что не перенесутъ публичнаго позора, и пожалуй либо учинятъ еще большій дебошъ, либо, чего добраго, поднимутъ на себя руки. Бывали и такіе случаи.

Не желая раздувать дѣла о побоищѣ изъ-за гармоникъ, мудрый Агапъ рѣшилъ не доводить дѣла дальше волостного суда. Въ первое же воскресенье былъ созванъ судъ, и нашихъ молодцовъ потребовали въ волость. Судьба ихъ всѣхъ была предрѣшена Агапомъ. Судъ постановилъ подвергнуть тѣлесному наказанію всѣхъ замѣченныхъ въ буйствѣ, при чемъ число ударовъ было назначено соотвѣтственно степени виновности, начиная съ максимальной порціи, разрѣшенной закономъ, двадцати ударовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, наибольшее число ударовъ было постановлено дать пріятелямъ, Михайлу Софронову и его пріятелю Тимоѳею, какъ зачинщикамъ. Разсказываютъ, что Агапъ давно уже косился на Софронова за непочтительность и теперь вдвойнѣ радъ былъ случаю наказать непокорнаго парня. Не принимая личнаго участія въ судѣ, какъ старшина, онъ, однако, употребилъ все свое вліяніе, чтобы наказать Софронова не въ примѣръ про-

чимъ. Напрасно родители провинившихся упрашивали Агапа не срамить молодыхъ людей.

Оставалось привести въ исполненіе постановленіе суда; но для того необходимо было утвержденіе земскаго начальника. Цѣлую недѣлю съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждали осужденные пріѣзда земскаго. И вотъ онъ пріѣхалъ. Ребята ходили что ночь темная, сумрачные, молчаливые. Софроновъ страшно похудѣлъ и рѣдко гдѣ показывался; куда-то онъ даже уходилъ на нѣсколько дней, чтѝ подало поводъ думать, что онъ скрылся. Однако парень вернулся. Онъ ходилъ въ городъ посовѣтоваться съ кѣмъ-то. Тимоѳей, за все время отсутствія Михайла, справлялъ за него всѣ работы. Тимоѳей, въ свою очередь, два раза ходилъ къ земскому „упрашивать", но земскій не принялъ его на свои очи. Ходили старики, родители осужденныхъ, просить земскаго не „срамить" ребятъ, не стегать въ волости.

Не знаю, внялъ ли земскій этимъ просьбамъ или самъ пожалѣлъ молодежь, но къ общему удивленію наказаніе было значительно смягчено: троимъ тѣлесное наказаніе было замѣнено строгимъ арестомъ, двоимъ число ударовъ было уменьшено до пяти, Тимоѳею—съ 20 до 12, только Михайлу Софронову оставлены были прежніе 20 ударовъ. Степень наказанія, какъ говорятъ, была уменьшена и потому, что земскій не призналъ вполнѣ цѣлесообразными и дѣйствія своей полиціи; такъ полицейскимъ поставлено было въ вину, что многіе изъ нихъ были пьяны при исполненіи своихъ обязанностей и вообще дѣйствовали вызывающимъ образомъ, тогда какъ они должны были предупредить молодежь вѝ-время и не вступать въ бой съ пьяными буянами. Впрочемъ существо дѣла отъ смягченія наказанія нимало не измѣнилось: не число ударовъ страшило ребятъ, а самый фактъ тѣлеснаго наказанія, публичный позоръ и сопряженная съ нимъ утрата правъ неопороченнаго члена общества.

На другой день послѣ того, какъ земскій начальникъ утвердилъ приговоръ суда, является ко мнѣ Михайло Софроновъ.

— Чтѝ, братъ? вишь васъ угораздило!—участливо спросилъ я обезкураженнаго парня.

— Ничего не подѣлаешь, Николай Ивановичъ; только я ни живой, ни мертвый не дамся. Въ Сибирь пойду, а не дамся. Пускай судятъ. Отвѣчу, а стегать не дамся.

— Милый мой, чтѝ же ты сдѣлаешь? Вѣдь на ихъ сторонѣ право и сила.

— Какое это право?—вскрикнулъ Михайло.—Истязать человѣка! Почему всѣхъ судятъ, а насъ нѣтъ? Пускай судятъ, пускай

въ Сибирь, на поселеніе ссылаютъ, коли я провинился!—Глаза у Михайла загорѣлись лихорадочнымъ огнемъ. Онъ сорвался съ мѣста, прошелъ раза два по избѣ и вдругъ, схватившись за лицо, зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Дорогой Николай Ивановичъ, вотъ я тебѣ такъ въ ноги поклонюсь, не стыдно, а имъ не дамся!—и парень повалился-было на колѣни.

Я попытался утѣшить парня, разъяснивъ ему, что не все еще потеряно, что есть еще хотя и слабая надежда: есть съѣздъ, куда можно обжаловать.

— Ахъ, родной Николай Ивановичъ, растолкуй, какъ это сдѣлать... Такъ есть, ты говоришь, надежда, могутъ ослободить насъ? Дай-то, Господи! А ужъ мы думали, конецъ пришелъ, хотѣли съ Тишкой лапти заказывать, да ай-да куда глаза глядятъ.

При мысли, что есть еще надежда, парень сразу расцвѣлъ, даже засмѣялся отъ радости. Михайло сбѣгалъ за Тимоѳеемъ и еще за двумя приговоренными, и всѣ мы сообща написали жалобу въ съѣздъ земскихъ начальниковъ. Ребята мои точно преобразились и готовы были цѣловать мнѣ руки, что надоумилъ. Бѣдняги хватались за соломенку. Я зналъ, что жалоба навѣрное не будетъ уважена, но не хотѣлъ разочаровывать. Страшно тяжелое чувство переживалъ я въ эти минуты. Помочь ребятамъ не было никакой возможности, а открыть глаза имъ на ихъ безвыходное положеніе—я былъ не въ силахъ.

Мнѣ вспомнился одинъ эпизодъ изъ моей жизни, въ бытность мою учителемъ въ деревнѣ. Дѣло тоже было почти аналогичное съ нынѣшнимъ, но тамъ я вышелъ побѣдителемъ, совсѣмъ по наитію, экспромтомъ, спасъ молодого парня отъ розогъ. Страшная драма, имѣвшая мѣсто лѣтъ пятнадцать тому назадъ, представилась мнѣ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Спасъ я тогда человѣка только тѣмъ, что рискнулъ своимъ положеніемъ, а вотъ теперь и никакой рискъ не поможетъ.

Чтобы понять весь позоръ, какому подвергается человѣкъ при наказаніи его розгами, недостаточно только читать или слышать разсказы объ этой по истинѣ отвратительной операціи,—надо видѣть, какъ она продѣлывается. Говорятъ невѣжественные люди, что крестьяне спокойно относятся къ розгамъ. Я тоже такъ думалъ, пока воочію не убѣдился въ противномъ.

Я былъ тогда еще совсѣмъ юношей, только-что выступилъ на жизненное поприще въ роли народнаго учителя.

Былъ морозный зимній день. По случаю праздника, я былъ свободенъ отъ занятій и сидѣлъ дома. Вдругъ мнѣ сообщаютъ,

что сегодня въ правленіи порка, что Ваську Бойцова повели сѣчь въ правленіе. Кровь бросилась мнѣ въ голову. Василія Бойцова я зналъ за хорошаго, честнаго парня, который за пять лѣтъ до меня отлично окончилъ курсъ начальной школы и затѣмъ все время былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ посѣтителей школьной библіотеки. Приблизительно зналъ я и причину, почему именно Василія Бойцова хотятъ выпороть въ волостномъ. Причина была самая маловажная; но нашему старшинѣ было желательно во что бы то ни стало обезчестить парня предъ волостью; а на это у него были свои основанія: Василій Бойцовъ являлся опаснымъ конкуррентомъ его сыну на богатую невѣсту, миловидную и неглупую дѣвушку. Старшина достигалъ цѣли: за „стеганаго" ни одна хорошая дѣвушка не пойдетъ. Наскоро одѣвшись, я прибѣжалъ въ волостное правленіе. Здѣсь уже все было готово къ экзекуціи. По случаю воскреснаго дня, въ правленіи была масса народа. Всѣ были возбуждены. Я пробрался сквозь толпу... Василій, блѣдный какъ смерть, стоялъ съ понуренной головой; около него старикъ-отецъ кулакомъ утиралъ градомъ катившіяся по его лицу слезы. Правленскіе сторожа готовились исполнить роль палачей (замѣтимъ, что рѣдко кто изъ мужиковъ берется добровольно исполнить это дѣло: порютъ всегда правленскіе сторожа).

— Православные,—взмолился старикъ,—пожалѣйте парня-то!

— Никакъ нельзя, старина: судъ рѣшилъ тàкъ, — тàкъ и должно быть,—безапелляціонно отвѣтилъ старшина. — Готовься, Василій!

Бойцовъ стоялъ, какъ человѣкъ, привязанный къ позорному столбу.

— Говорятъ тебѣ!—прикрикнулъ старшина.—Сотскіе! покажите молодцу, какъ рубаху снимаютъ. Запамятовалъ, видно.

Двое сотскихъ схватили Василія подъ локти.

Василій то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, но не двигался съ мѣста; очевидно въ немъ совершалась страшная борьба: ложиться на позоръ людямъ, или рвануться изо всѣхъ силъ, разбросать сотскихъ, избить старшину: все равно — семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Насталъ рѣшительный моментъ. Я стоялъ и трясся какъ въ лихорадкѣ, но помочь человѣку было нечѣмъ. Чтò я могъ сдѣлать,—я, человѣкъ пришлый и не имѣющій права голоса въ народномъ судѣ! Сердце мое надрывалось отъ боли. Вдругъ взглядъ помутившихся глазъ Бойцова упалъ на меня.

— Николай Ивановичъ, родной мой, и ты пришелъ поглядѣть на мой позоръ! Спасибо, другъ!..

Слова эти были обращены ко мнѣ. Я готовъ былъ, что называется, сквозь землю провалиться отъ стыда...

— Такъ нате-же, окаянные, тѣшьтесь!—неистово вскрикнулъ вдругъ Бойцовъ и съ силой бросилъ объ полъ свою шапку. — Нате, нате!—бросалъ онъ къ ногамъ сотскихъ части своего туалета.—Любуйтесь, кровопійцы!

Бойцовъ всѣмъ тѣломъ грохнулся на полъ. У многихъ на глазахъ были слезы. Отецъ Василія не вынесъ позора своего сына и, горько рыдая, вышелъ изъ правленія. У меня закружилась голова.

— Стойте! — вдругъ закричалъ я не своимъ голосомъ.— Стойте! Вы учиняете беззаконіе! Вы не имѣете права сѣчь Василія Бойцова!

— Какъ такъ?!—вырвалось у всѣхъ.

— Такъ. Онъ окончилъ курсъ въ начальной школѣ, имѣетъ право на льготу по воинской повинности, и онъ не можетъ быть наказанъ розгами. Вы всѣ подъ судъ пойдете! — кричалъ я въ страшномъ волненіи.

— Гдѣ законъ такой есть? — спросилъ старшина. — Ты не путай, Николай Ивановичъ. Смотри, худо будетъ!

— Есть такой законъ!—выпалилъ я рѣшительно, не понимая, откуда у меня взялось такое знаніе законовъ, и, кажется, до того разошелся, что назвалъ статью несуществующаго закона, и даже годъ его изданія.

Какъ все это вышло—я рѣшительно не могу и по сіе время отдать себѣ отчета. Мужички только руками всплеснули.

— Богъ отвелъ,—разсуждали потомъ они:—долго ли подъ судъ попасть. Спасибо, разъяснилъ дуракамъ.

— Слава Богу! — выкрикнулъ кто-то въ толпѣ. — Вставай, Василій, благодари учителя: вô-время пришелъ.

— Вставай, что же ты?..

Но, къ общему удивленію, Бойцовъ не вставалъ,—какъ упалъ онъ на полъ, такъ и лежалъ.

Овладѣвъ собою отъ охватившаго меня волненія, я схватилъ Бойцова за руку. Онъ былъ въ глубокомъ обморокѣ. Изъ законовѣда мнѣ тутъ же пришлось превратиться во врача. Я распорядился вынести Бойцова на свѣжій воздухъ, гдѣ онъ вскорѣ и очнулся. Отецъ Василія тутъ же повалился мнѣ въ ноги.

— По гробъ жизни не забуду тебя, родной: избавилъ ты и меня, старика, отъ срама.

Нечего и говорить, какъ самъ Василій былъ признателенъ мнѣ за свое спасеніе отъ розогъ. Любопытно въ этомъ случаѣ и

то, что потомъ сами судьи, приговорившіе Бойцова къ розгамъ, благодарили меня, что „вразумилъ дураковъ“, и не доискивались моего „закона“, котораго я и самъ, конечно, не нашелъ бы, какъ несуществующаго; тѣмъ не менѣе, я искренно вѣрилъ, что на судѣ говорилъ правду. Эта-то моя увѣренность, вѣроятно, такъ сильно и повліяла на простодушныхъ и довѣрчивыхъ судей. Замѣчательно, что съ тѣхъ поръ я не знаю въ той мѣстности ни одного случая, чтобы окончившіе начальную школу подвергались тѣлесному наказанію. Кромѣ того, въ результатѣ было еще и то, что мужики стали съ большимъ почтеніемъ относиться къ своей школѣ, какъ учрежденію, дающему ихъ дѣтямъ право на освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія, и можно съ увѣренностью сказать, что фактическая отмѣна тѣлеснаго наказанія для окончившихъ начальную школу, помимо нравственнаго удовлетворенія, послужила бы сильнѣйшимъ стимуломъ къ процвѣтанію народной школы—этой первой ступени темнаго человѣка къ свѣту.

Изъ того, какъ мужики отнеслись къ дѣлу Василія Бойцова, когда ихъ увѣрили, что онъ не подлежитъ тѣлесному наказанію, позволительно думать, что въ самомъ народѣ существуетъ сознаніе справедливости отмѣны тѣлеснаго наказанія для тѣхъ, кто удостоенъ льготы даже по воинской повинности,—льготы, выше которой нѣтъ въ глазахъ мужика. Пожелаемъ же, чтобы это сознаніе поскорѣе нашло себѣ выраженіе и въ соотвѣтствующемъ, не выдуманномъ, а дѣйствительномъ законѣ.

XI.

Душная, тяжелая атмосфера окутала наше мирное Ульево. Унылое настроеніе взбунтовавшейся молодежи заразило и другихъ. Старики охали да покачивали головами.

— Какъ топерь быть? Полъ-деревни стеганые. Хорошо будетъ общество ульевское! Всякій тебѣ ротъ зажметъ. Стеганый, значитъ молчи. Праву ты всякую потерялъ. Какъ, значитъ, баба какая. Если тебѣ и полосу переѣдутъ, нишкни, потому ты стеганый, молчи. Вотъ жизнь-то какая приходитъ... Ну-тка: Микитка стеганъ, Онисимъ стеганъ, Петра стеганъ, а вотъ топерь и молодцы наши попали: Мишка, Тимка, Ѳедька, Васька, тоже не отлягаются. Овдокимычъ шкуру спуститъ.

По тому же поводу одинъ изъ мужиковъ разсуждалъ:

— Въ старину при господахъ было лучше: люди зла не помнили; побьютъ тебя, да и только; никакихъ тамъ правовъ не отнимали

черезъ это, въ книгу по гробъ жисти не записывали, да и страму тогда никакого не было: всѣхъ били, всѣхъ стегали, никто въ обидѣ не оставался; всѣ были равны передъ бариномъ. Топерь, поди, и боли той нѣтъ, — стегаютъ такъ, больше для острастки, а страму не оберешься.

Сожалѣніе о старинѣ, когда всѣ были равны... Какая иронія судьбы! Стыдиться некого было... Откуда же теперь взялся у мужика стыдъ? Вѣдь стыдъ обусловливается присутствіемъ въ человѣкѣ чувства собственнаго достоинства, сознаніемъ чести, которыя въ свою очередь обусловливаются извѣстнымъ уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія разумнаго существа, проснувшейся совѣстью?.. Такъ народъ нашъ преобразился въ немногіе годы свободной жизни... Суждено ли народу этому, превозмогшему вѣка рабства и нынѣ выбравшемуся на дорогу свѣта, чести, труда, слѣдовать по пути преуспѣянія, не потеряться на распутьи?.. Этотъ грустный вопросъ возникъ предо мной послѣ разговора съ однимъ изъ нестарыхъ мужиковъ, изъ сосѣдней деревни, Яковомъ Маркеловымъ. Яковъ—довольно зажиточный мужикъ, честный, трезвый и работящій. Домъ его—полная чаша. Житью Якова завидуютъ многіе въ нашей вотчинѣ. У Якова были три сына: старшій уже женатый, средній сынъ тоже былъ на возрастѣ, меньшому было всего лѣтъ четырнадцать, онъ только-что окончилъ школу и тоже готовился вступить въ жизнь. А жить есть чѣмъ у Якова. Между тѣмъ второй его сынъ, Андрейко, не жилъ дома. Мужикъ и пришелъ ко мнѣ именно поговорить о своемъ Андрейкѣ, котораго онъ почему-то предпочиталъ остальнымъ дѣтямъ. Андрейко проживалъ въ Питерѣ, но мнѣ не доводилось тамъ встрѣчать его. Отецъ, конечно, не могъ упустить случая побесѣдовать со мной о своемъ сынѣ-питерякѣ, приходитъ и говоритъ:

— А я къ тебѣ, Николай Ивановичъ.

— Чтò такое, Яковъ Маркеловичъ? Радъ услужить тебѣ.

— А вотъ видишь ты, дѣло какое: ты, можетъ, знаешь, сынокъ-отъ мой Андрейко въ Питеръ осенесь ушелъ. Пишетъ, что живетъ, слава Богу, хорошо. „Не тужите, говоритъ, обо мнѣ, тятенька и маменька, благодаря Бога, живу не хуже другихъ". Больно одобряетъ житье. Хочется и другого парня отправить. Дома-то житье ой-ой-ой, какъ не сладко!.. Такъ вотъ и пришелъ я покалякать съ тобой. Какъ ты мекаешь, ладно дѣлаю, али нѣтъ? Хоша Андрейко и пишетъ мнѣ о своей жисти, что жить прытко хорошо, а все-таки сумлительно. Ушелъ онъ на лодкахъ, до Пи-

тера, да тамъ и остался, я не перечилъ. Богъ съ нимъ, ежели участь свою нашелъ.

Я спросилъ, чѣмъ его Андрейко занимается въ Питерѣ.

— Хорошенько-то и не знаю, — отвѣтилъ мужикъ. — Надо полагать, онъ тамъ человѣкомъ сталъ не кой-какимъ. Всѣ, говоритъ, мнѣ почетъ отдаютъ, съ господами кажинный день видится. Только мнѣ это сумлительно стало. Какъ такъ, думаю, за что его господа такъ возлюбили? Пойду, думаю, поразспрошу у Николая Ивановича, какъ такъ мой сынъ съ господами водится. Жалованье-то, говоритъ, средственное, такъ, рублевъ пятнадцать въ мѣсяцъ при готовой квартирѣ, да, говоритъ, господа кажинный день надарятъ.

Я догадывался, что парень, вѣроятно, служитъ въ швейцарахъ, либо попалъ въ лакеи. Мнѣ тяжело было слышать, что сынъ крестьянина, исконнаго землепашца, промѣниваетъ свое честное ремесло на лакейство, службу холопскую. До послѣднихъ лѣтъ у насъ въ Ульевѣ о Питерѣ только и знали по наслышкѣ отъ солдатъ да отъ случайныхъ захожихъ; а теперь вотъ пронюхали о легкихъ заработкахъ питерскихъ. Андрейко Яковлевъ—не первый примѣръ, что парень бросаетъ деревню и остается въ Питерѣ на житье: мнѣ разсказывали еще о двоихъ нашей волости, ушедшихъ въ Питеръ. Какъ они живутъ тамъ, Богъ ихъ вѣдаетъ, но домой пишутъ, что все слава Богу и отъ господъ рука. Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ, но не любитъ сознаваться въ томъ, и зачастую расхваливаетъ другимъ то, отъ чего самъ плачетъ. Я зналъ одного чудака, который, бѣдствуя въ столицѣ, писалъ домой восторженныя письма о своей жизни. Подобныя письма отъ земляковъ заносятъ въ деревню страшную заразу—стремленіе къ легкому житью; подбиваютъ къ окончательному рѣшенію оставить деревню для города и всѣхъ тѣхъ, кому почему-либо жизнь въ деревнѣ несладка приходится. Одинъ человѣкъ, поселившійся въ Питерѣ, непремѣнно совратитъ и еще нѣсколькихъ своихъ земляковъ, и вслѣдъ затѣмъ начинается повальное переселеніе изъ деревни въ городъ—съ одной стороны лѣнивыхъ и праздныхъ байбаковъ, разсчитывающихъ на легкіе хлѣба; съ другой—всего честнаго, мыслящаго, недовольнаго, стремящагося туда, гдѣ лучше, вольготнѣе живется. Всѣ тащатся въ Петербургъ въ надеждѣ на поддержку всемогущаго въ ихъ глазахъ земляка. Конечно, многіе потомъ, если не всѣ, горько разочаровываются и въ своихъ землякахъ, и въ хваленой питерской жизни, но русскій человѣкъ отступать не любитъ: обманутый самъ, онъ въ свою очередь начинаетъ расхва-

ливать свою жизнь, обманывать другихъ... только изъ-за того, чтобы не думали о насъ другіе дурно. Эта черта русскаго человѣка съ поразительной ясностью и рельефностью сказалась и въ переселенческомъ вопросѣ, принеся горькіе плоды многимъ: по хвастливымъ письмамъ земляковъ цѣлыя семьи, деревни бросаютъ насиженныя мѣста и идутъ куда глаза глядятъ, очертя голову, идутъ въ большинствѣ случаевъ на вѣрную гибель.

Я спросилъ Якова, почему народъ нынче повалилъ въ городъ,—раньше этого не было,—и почему онъ, Яковъ, зажиточный домохозяинъ, примѣрный мужикъ, не требуетъ своего Андрейка домой и даже какъ будто потворствуетъ сыну? Андрейка я зналъ еще мальчикомъ. Это былъ шустрый, понятливый малый; отлично учился у Ѳедора Петровича и вообще обѣщалъ быть хорошимъ парнемъ. „Зачѣмъ ты, говорю, дядя Яковъ, отпустилъ Андрейка въ городъ, али у тебя дома жить нечѣмъ, пустилъ своего сына въ услуженіе?“ Дядя Яковъ собрался съ мыслями и въ простыхъ словахъ развилъ вполнѣ своеобразную мысль, почему нынче народъ повалилъ въ городъ.

— Оно, конечно, прытко хорошо и дома,—началъ онъ:—что и говорить, на что лучше крестьянская жизнь, коли ежели всего вдоволь, да миръ, да ладъ въ семьѣ. На что лучше нашей жизни! Только бы оброкъ справить да повинности по крестьянству. Одно тяжко: тѣснятъ больно нынче и народъ не берегутъ, земли въ умаленіи стало, а оброкъ все ростетъ да ростетъ; ну отъ дому всего не справишь, надо копѣечку достать, какъ ни на есть, на сторонѣ. Вотъ и пошлешь парня, куда всѣ люди ходятъ. Оно, конечно, самому бы идти сподручнѣе, да вотъ и старость—не радость, и по дому одного парня нельзя оставить, опасно: одно не допашетъ, другое перепашетъ. Земелька любитъ уходъ, руки; вотъ на вершокъ подыми ее выше, хвати плоти али тамъ косулей мельче пройди—ужъ и не то: у людей хлѣбъ, у тебя нѣтъ. Вотъ и бродишь за косулей, пока ноги носятъ, да показываешь парню-то, поучаешь: вотъ, молъ, какъ, да вотъ какъ. Какъ его оставишь хозяевать на полоскѣ безъ отцовскаго глаза?—Дядя Яковъ видимо отвлекся отъ моего вопроса. Я напомнилъ ему объ этомъ.

— Вѣдь и то сказать,—началъ онъ снова:—хорошо дома, что̀ и говорить, а всякому охота, гдѣ лучше; на что рыба—глупая тварь, а и та ищетъ поглубже омутокъ... Тѣснятъ, говорю, больно, безъ дѣла, безъ толку изводятъ народъ, особливо молодыхъ робятъ. Вотъ хоша бы опять это стеганье пошло: чуть что̀, шалость какая, глупость—и дѣло-то плёвое самое, а страмятъ въ волости, правовъ лишаютъ, и безъ того страмъ, не говорю о

боли, безчестно. На-тко вотъ робятъ засудили, что въ Успленье подрались... Ну что-жъ что подрались! Это ихъ дѣло; подрались и помирились—и дѣла нѣту. А вовсе хорошихъ робятъ осудили выстегать. Вотъ я и думаю, долго ли до грѣха! Андрейко—парень хорошій, напрасно нечего грѣшить, парень не пьющій, не баловень, а все-же нельзя заложиться: молодо-зелено, погулять велѣно, и старики баютъ. Попадетъ на глаза хоть Агапу—ничѣмъ не отойдешь... Не берегутъ народъ. Пускай, думаю, живетъ, благо свою участь нашелъ. Войдетъ въ года и дома наживется, замѣнитъ отца.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ дядей Яковомъ выяснилось, что отъ розогъ бѣгутъ изъ деревни не одни только молодые ребята, а и пожилые, почтенные мужики. Осенью ушелъ въ городъ Матвѣй съ Лукинокъ и не вернулся, ушелъ даже безъ паспорта, такъ какъ старшина не далъ ему отпуска; такъ и затерялся гдѣ-то мужикъ. И все оттого, что погрозили выстегать. Павелъ съ Окоснаго, выстеганный за порубку лѣса, также бросилъ хозяйство и ушелъ отъ стыда куда-то на заработки.

Еще яснѣе и опредѣленнѣе развилъ эту мысль Якова другой весьма толковый мужикъ, бывалый и зажиточный, Парамонъ съ Кислихи, мужикъ уважаемый во всей волости, дѣловой и начитанный. Парамонъ выписывалъ газету и нынче пришелъ ко мнѣ именно по газетному дѣлу: вычиталъ онъ, что розги хотятъ вывести; не утерпѣлъ и прибѣжалъ за пять верстъ, какъ только дождался праздничнаго дня.

— Правда ли это?—допрашивалъ онъ меня.—Вотъ-то бы хорошо! Просто житья не стало. Чуть чтò, при всемъ честномъ народѣ разложатъ, какъ глупаго мальчишку либо разбойника какого. Скотинку—и то Господь миловать велѣлъ. Какъ это человѣка-то полосуютъ? Али другого суда нѣтъ, какъ только срамить передъ людьми?.. Ну посади въ рестанскую, оштрафуй, въ острогъ, на поселеніе, въ Сибирь пошли, да суди по закону, какъ всѣхъ; противъ закона не пойдешь, а это чтò такое?—захотятъ острамить человѣка, чтобы, значитъ, заткнуть ему ротъ, ежели къ случаю, и весь сказъ... Засудить нашего брата—полъдѣла, только захоти: кто передъ Богомъ не грѣшенъ, передъ царемъ не виноватъ!

— Что же судьи-то? — спросилъ я Парамона. — Вѣдь они могутъ и не стегать, когда знаютъ, что человѣкъ не виноватъ.

— Чтò судьи?—воронъ ворону глазъ не выклюнетъ; чтò скажетъ старшина, то и дѣлаютъ, потому и онъ имъ нуженъ въ иное время. Какъ же имъ рознить? — Въ судьи назначаютъ

лишь тѣхъ, кто любъ старшинѣ, а нынче судья не то, что допрежъ, жалованье получаетъ изъ волости. Прежде у насъ въ судьи шли изъ чести хорошіе мужики, а нынче нанимаются, и на это общественныя деньги идутъ. Предсѣдатель получаетъ сто рублей, судьи—по шестидесяти. Вотъ какая накладка на міръ, а ничего не подѣлаешь. Раньше было—ежели что, подашь въ городъ въ присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ. И все разберутъ, хорошо ли худо — разберутъ, а нынче и жаловаться некуда стало... Не повѣришь, Миколай Ивановичъ, иной разъ такъ обидно!—думаешь, думаешь... Посуди самъ, почитай всѣ перестеганы, только однимъ плутамъ лега стала. Сегодня выстегаютъ одного, завтра другого, скоро всѣ будутъ стеганые! Оногдысь церковнаго старосту выбирали, такъ за кого ни хватись, всѣ стеганы, а стеганаго не посадишь въ старосты: стеганый мужикъ хуже бабы, никуда не гожъ, стѣнъ стыдно, не только людей. Какъ стеганому отцу домой придти, какъ ему показаться на глаза добрымъ людямъ!—Вотъ и Гаврило какой мужикъ-отъ былъ, а теперь глазъ никуда не показываетъ, даже въ храмъ Божій пересталъ ходить; а первый мужикъ былъ, берегли въ церковные старосты, а тутъ на-тко вотъ!.. А ужъ какъ не хотѣлъ, сердешный, ровно полотно стоялъ, какъ стали приговоръ читать, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ... Заплакалъ, сердешный, ровно малый робенокъ, какъ стали казакинъ снимать: „Православные, говоритъ, для чего вамъ позоръ мой, что я сдѣлалъ дурного, что какъ разбойника какого схватили меня?—Какъ домой приду?—Какъ гляну на дѣтей? — Православные, пожалѣйте меня, Бога ради! Послужу міру, какъ смогу; зачѣмъ вамъ мое униженіе — али мало у насъ и безъ того страму?..." Кое-кто покричали: „для чего, молъ, губить такого человѣка?" Да ничего изъ того не вышло. У мужика домъ — полная чаша, сынъ въ городѣ учится, дочь первая словутница, всѣ ему первый поклонъ... Легко ли такому человѣку ложиться подъ розги! Какъ темная ночь всталъ онъ: „Ну, говоритъ, православные, Богъ вамъ судья. Накажетъ васъ Господь за мой стыдъ". Махнулъ рукой Гаврило и молча вышелъ изъ правленія. Трое сутки скитался гдѣ-то и только на четвертыя вышелъ домой, когда домашніе стали плакать да искать вездѣ; всей деревней искали, думали, что бѣдняга со стыда наложилъ на себя руки...

XII.

Какъ и слѣдовало ожидать, апелляціонная жалоба Михайла Софронова и его товарищей, приговоренныхъ за буйство къ розгамъ, не была уважена въ городѣ. Настроеніе ребятъ, узнавшихъ о своей участи, было самое тревожное. Забросивъ работу, день и ночь они пропадали гдѣ-то и лишь къ утру возвращались домой, по обыкновенію въ нетрезвомъ видѣ. Ребята запили съ горя. Агапъ не любилъ откладывать подобныхъ дѣлъ и уже правленскому сторожу, Степану Тяжелому, приказано было сходить въ лѣсъ за свѣжими розгами. По какой-то странной случайности Михайло повстрѣчался со старикомъ въ полѣ, когда тотъ возвращался съ пучкомъ гибкихъ березовыхъ прутьевъ за спиной. Парень потрепалъ по плечу старика и велѣлъ передать отъ него поклонъ старшинѣ.

Экзекуція была назначена на одинъ изъ слѣдующихъ праздничныхъ дней. Замѣчательно, что какъ ни привычна деревня къ подобнаго рода зрѣлищамъ, она не спокойна была въ ожиданіи предстоящей порки. Глухое раздраженіе противъ постановленія волостного суда сказывалось вездѣ; при встрѣчѣ съ осужденными ребятами всѣ старались выразить имъ свое сочувствіе и всячески поносили старшину и судей. Это общее сочувствіе къ буянамъ было до того трогательно, что наши молодцы казались какими-то героями, идущими на позоръ за правду. Самая казнь, казалось, утрачивала свою отвратительную сторону, свою позорность. Наказаніе вызываетъ стыдъ, позоръ лишь въ томъ случаѣ, если ему сочувствуетъ окружающая среда; въ данномъ же случаѣ ничего подобнаго не было. Такое удивительное отношеніе русскаго человѣка къ своимъ провинившимся сочленамъ выработалось, конечно, не случайно.

Въ этомъ, кажется, безошибочно можно усматривать серьезный протестъ противъ устарѣлыхъ формъ нашего правосудія вообще и въ отношеніи крестьянъ въ частности. Непріязненное отношеніе „міра" къ представителямъ суда и явное сочувствіе къ осужденнымъ, превращающее позоръ въ мученичество, есть лучшій показатель устарѣлости, несоотвѣтствія закона съ жизнью. Несчастныя жертвы ложатся съ полной увѣренностью, что міръ ихъ не обидитъ, не станетъ попрекать ихъ позоромъ, все проститъ. Этотъ сознательный протестъ деревенской среды противъ тѣлеснаго наказанія не есть ли лучшее украшеніе современной деревни, требующей за свои грѣхи и провинности суда, а не

издѣвательства надъ человѣкомъ, суда, какой завѣщанъ незабвеннымъ Возстановителемъ чести деревни, ея правъ человѣческихъ: для всѣхъ равнаго, скораго и милостиваго?..

Общее сочувствіе къ Михаилу Софронову и его сотоварищамъ, присужденнымъ къ розгамъ за то, что они попытались въ Успеньевъ день отстоять свои права, свою молодецкую волю, вызвало во мнѣ невольное умиленіе.

Вскорѣ молодежь повидимому сжилась со своимъ положеніемъ, и за нѣсколько дней до экзекуціи ребята казались настолько спокойными, что даже способны были шутить надъ своимъ положеніемъ.

Я не хотѣлъ переживать позора нашей молодежи, которой я съ своей стороны отъ души сочувствовалъ, и рѣшилъ, не дожидаясь воскресенья, выѣхать въ Петербургъ. Но тутъ судьба приготовила мнѣ новый сюрпризъ, котораго ужъ я никакъ не могъ предвидѣть. То, чтὸ случилось наканунѣ моего отъѣзда, и теперь еще не только у насъ не забыто, хотя тому прошло уже болѣе года, но еще не закончено слѣдствіемъ. Когда все уже было готово къ отъѣзду, я узналъ о страшной новости: нашъ волостной старшина, Агапъ Евдокимовъ, найденъ въ полѣ, верстахъ въ двухъ отъ правленія, убитымъ. Смерть настигла старика, когда онъ поздно вечеромъ шелъ домой изъ правленія. Покойный обыкновенно пѣшкомъ возвращался прямикомъ, полями, чтобы миновать нашу деревню, которую онъ искренно не любилъ за что-то. Разбитая голова старика и окровавленное полѣно, лежавшее около трупа, не оставляли сомнѣній въ истинной причинѣ смерти старшины.

Я рѣшилъ не откладывать отъѣздомъ и на утро слѣдующаго дня велѣлъ подавать лошадей.

Мои проводы совсѣмъ не походили на встрѣчу. Нынче ульевскимъ обывателямъ было не до меня. Всѣ были въ страшной тревогѣ и ждали пріѣзда начальства.

Было начало сентября. Осень въ томъ году была ранняя; погода стояла довольно сумрачная; моросилъ пронизывающій дождикъ. Сѣверный вѣтеръ заунывно гудѣлъ оголенными на половину березами и черемухами. Послѣдніе, разрозненные караваны журавлей тянулись къ югу, наводя уныньe своимъ прощальнымъ крикомъ. Въ поляхъ уже не было ни снопа. Проводить меня собралась только одна Домна съ внучкой на рукахъ. Я простился съ своими, съ тетушкой Домной, и мы тронулись. На душѣ какъ-то было неопредѣленно тоскливо. Урядникъ съ по-

нятыми уже производилъ обыскъ по домамъ, пытаясь напасть на слѣды убійцъ.

Тропа, по которой возвращался Агапъ Евдокимовъ изъ правленія, проходила какъ разъ черезъ наше поле, за церковью, и нашъ путь лежалъ по близости этой роковой тропинки, идущей частью полями, частью перелѣсками. Смерть настигла старика немного не доходя до стараго раскольничьяго кладбища, прикрытаго небольшой березовой рощей. Про этотъ старовѣрскій погостъ у насъ сложилась масса легендарныхъ сказаній. Кладбище уже давно закрыто и раскольниковъ здѣсь не хоронятъ, но слѣды могилъ хорошо сохранились. Полуразрушенные срубы, полусгнившіе кресты торчали здѣсь и тамъ среди вѣковыхъ березъ. Разсказываютъ, что здѣсь по ночамъ, передъ большими праздниками, свѣтятся какіе-то таинственные огни и въ кухтыряхъ березъ теплятся свѣчи и лампады; иногда съ кладбища раздавались душу раздирающіе причеты. Плодъ ли это суевѣрной фантазіи нашихъ бабъ или въ самомъ дѣлѣ раскольники въ тѣ ночи поминаютъ своихъ усопшихъ сродниковъ — сказать не могу. Разсказываютъ также, что всѣ березы на этомъ погостѣ —заповѣдныя, заколдованныя: кто срубитъ такую березу, тотъ непремѣнно умретъ въ томъ году, и никто, конечно, не тревожилъ заповѣдныхъ березъ; по завѣренію бабъ, даже скотъ туда не заходитъ. И не только бабы, и мужики очень боятся проходить ночью мимо раскольничьяго погоста, да и днемъ всякій, проходя мимо странныхъ березъ, ускоряетъ шагъ и осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, творя молитву: „да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его“, которая отгоняетъ всякое навожденіе бѣсовское. Таинственность мѣстности, гдѣ лежалъ убитый старикъ, наводила еще больше страха. Теперь у покойника была приставлена стража. Я еще издали замѣтилъ дымящійся костеръ и вокругъ него группу людей. Завидѣвъ это мѣсто, Григорій опустилъ возжи, снялъ шапку и набожно покрестился.

— Вишь гдѣ голубчика устроили!—обратился онъ ко мнѣ, указывая кнутовищемъ по направленію тѣла.—Лютъ былъ, царство ему небесное, а вотъ уходили.

— Ты думаешь, кто?—спросилъ я Григорія.

— Господь ихъ знаетъ. Надо думать, наши. Я такъ полагаю, что тутъ не безъ грѣха многіе.

Мнѣ казалось, что Григорій знаетъ убійцъ, но не хочетъ назвать ихъ. На всѣ дальнѣйшіе мои разспросы, онъ только повторялъ: „давно добирались“.

Вся жизнь Агапа представилась мнѣ, и стало жалко бѣднаго

старика; каковъ онъ ни былъ, а не одна злая воля руководила его дѣйствіями. Онъ свято чтилъ законъ, и не его вина въ томъ, что законы и жизнь не всегда въ пріятной гармоніи обрѣтаются. Старику недоставало просвѣщеннаго взгляда на законъ да любви къ своему брату-человѣку. Онъ былъ ревностный исполнитель закона, темный, но честный чиновникъ, а какъ человѣкъ—не безъ грѣха, и вотъ этотъ грѣхъ и погубилъ его, вызвавъ другой грѣхъ—убійство.

Ив. Соколовъ.

СЕРДЦЕ—СЕРДЦУ ВѢСТЬ ПОДАЕТЪ

I.

Среди заливныхъ луговъ, окаймленныхъ лѣсами, на берегу широкой рѣки, повернувшись окнами къ водѣ, а задворками къ лѣсу, вытянулась и стоитъ съ незапамятныхъ временъ небольшая деревенька. Тѣснятся избушки одна къ одной; засыпаютъ ихъ снѣга по зимамъ, разражаются надъ ними лѣтнія грозы, осенніе дожди поливаютъ, а онѣ стоятъ себѣ твердо. Пожретъ ихъ пожаръ, пожретъ всѣ до тла, пропадутъ онѣ не надолго, а потомъ выростутъ словно изъ земли и стоятъ себѣ да стоятъ, а надъ ними текутъ за годами года. Въ этихъ избушкахъ люди живутъ, поколѣніе за поколѣніемъ, всѣ какъ одинъ и каждый какъ всѣ. Поживутъ, потрудятся, постарѣютъ и помрутъ покорно и крѣпко, а за ними начнутъ молодые: жить, трудиться, старѣть и умирать покорно и крѣпко. Время идетъ, проходятъ вѣка.

На дворѣ осень поздняя. Въ одной изъ избенокъ сидитъ молодой мужикъ, Дмитрій, кудрявый, веселый, здоровый.

Лѣтнія работы всѣ кончены, а зимы съ извозомъ да обозомъ еще нѣтъ—нѣтъ у него и дѣла; сидитъ да позѣвываетъ—силы бережетъ, а баба Аграфена, жена молодая, красивая, бѣлая, на лавкѣ съ нимъ рядомъ сидитъ и кормитъ сына Ивана. Сидятъ да помалкиваютъ, словно слушаютъ вольную пѣсню, грустную пѣсню осенняго вѣтра; а то возьмутъ и поговорятъ.

— Али ужъ спать ложиться,—скажетъ Дмитрій, потягиваясь.

— Да, ложись,—отвѣтитъ Аграфена,—а я съ вечера рубахи помою.

И опять замолчатъ.

Стукнули въ дверь, вошли два сосѣда, Николай и Анисимъ;

вошли, помолились, съ хозяевами поздоровались и стали звать Дмитрія съ собою.

Идемъ, да идемъ, а куда—не говорятъ; и Дмитрій не спрашиваетъ, будто знаетъ,—видно раньше сговаривались. Посмотрѣла Аграфена то на мужа, то на гостей незваныхъ, и слова не молвитъ, а Дмитрій надѣлъ свиту, кушакомъ подпоясался да и пошелъ съ ними; время не позднее, а ночь осенняя долгая—выспаться успѣешь.

Осталась Аграфена одна; позолила рубахи [1]), прибрала посуду, еще разъ покормила грудью младенца, помурлыкала надъ нимъ пѣсню, а Дмитрія все нѣтъ и нѣтъ. Затушила баба огонь и прилегла на лавку. Пока дѣло дѣлалось, была она спокойна, а чуть къ лавкѣ припала, заныло ея сердце.

Подъ печкой трюкаетъ сверчокъ, а въ думушкѣ сверлитъ: „ахъ, куда онъ пошелъ, онъ не за добромъ ночь пропадаетъ". И вспомнила тутъ Аграфена, что, какъ вошли Анисимъ съ Николаемъ, встревожилось ея сердце, да за работой ей его словно не слышно было, а теперь, какъ затихло все, оно и заныло. Лежитъ она и не спитъ, въ темноту смотритъ — темнота будто дышетъ, и жутко бабѣ. Корова во дворѣ шарахнется—вздрогнетъ она; пѣтунъ пропѣлъ въ сѣнцахъ, горластый, словно надъ самымъ ухомъ—Аграфена даже ахнула. Вздуетъ огонь, посидитъ—послушаетъ, опять ляжетъ,—все Дмитрія нѣтъ. Согнула она правую руку въ локтю, положила на нее голову, да и задремала тревожно. Снится ей, будто моетъ она на рѣкѣ лѣтомъ, и кругомъ все знакомыя бабы вальками работаютъ, а она всѣхъ перестучать хочетъ и колотитъ своимъ валькомъ, чтò есть мочи, даже рука заболѣла, но чуетъ во снѣ, что не то дѣлаетъ. Очнулась, руку перележала, а валекъ все стучитъ и стучитъ. Опомнилась Аграфена, слышитъ—въ дверь стучатъ; вскочила она на ноги, встряхнулась, юбку передернула, платокъ на головѣ поправила и побѣжала въ сѣнцы отворять.

Дмитрій вернулся. Занимается осенняя заря, сырая, непривѣтная. Хотѣла жена огонь засвѣтить—мужъ не велѣлъ, полѣзъ на печку и оба заснули.

На утро встали. Видитъ Аграфена, Дмитрій не веселъ, молчитъ, въ глаза ей не смотритъ; подпояски нѣтъ, рубаху взялъ чистую, а куда запряталъ ту, чтò снялъ, не знаетъ. „Ну, думаетъ, и мнѣ помалкивать надо; видно, недоброе дѣло надъ мужемъ сдѣлалось". Скоро узнала Аграфена; узнали и всѣ, что въ ту ночь

---

[1]) Крестьянки употребляютъ часто золу вмѣсто мыла, стирая бѣлье.

конокрада въ лѣсу убили, и убійцъ трехъ нашли. Попался и Дмитрій. Въ лѣсу у мертваго тѣла подпояску забылъ. Судили ихъ, опрашивали, въ тюрьмахъ держали и присудили кого-куда, а Дмитрія въ рудники на каторгу.

Плакала Аграфена, голосила, обмирала; жалѣла Дмитрія, жалѣла себя, думала—бабѣ молодой безъ мужика, одинокой не прожить, какъ телѣгѣ безъ лошади шагу не двинуться.

Время идетъ, Дмитрія нѣтъ; смиряется Аграфена, за работу берется, сына на ноги ставитъ.

Похудѣла, потемнѣла женщина, красота пропала, глаза потускнѣли; въ церковь чаще ходитъ, стоитъ въ ней, вздыхаетъ и молится, а о чемъ, никто не знаетъ, да и знать не можетъ, не предъ людьми—предъ Богомъ льетъ свои молитвы и слезы: Онъ ихъ и слышитъ, Онъ ихъ и вѣдаетъ.

Обагрилъ Дмитрій человѣческой кровью руки свои, обагрилъ онъ и сердце; запеклась она въ немъ лютой злобою и живетъ человѣкъ, словно каменный. Ничего ужъ ему и не помнится; будто не было у него ни отца съ матерью, ни жены, ни дѣтища, ни села съ Божьей церковью: однимъ лишь и живъ Дмитрій — ненасытною злобою.

Гоняли его долго, изъ острога въ острогъ провожали, въ каторгу привели, на работу поставили, а звѣрь въ немъ не унимается. Веселости нѣтъ и слѣда; какъ брили его, падали кудри на холодный полъ, а за ними ушла и вся молодость, смѣха не слышно, на устахъ нѣтъ улыбки, лишь откроетъ ихъ—сквернословитъ.

Одинъ работаетъ, все ругается, а увидитъ людей—и духъ въ немъ займется: билъ бы, душилъ, обагрялъ бы руки теплой кровью. Страшное стало лицо Дмитрія и легли на немъ морщины глубокія, какъ трещины по землѣ, отъ засухи въ бездождіе.

Время течетъ, течетъ словно вода черезъ пальцы, старость подходитъ.

Всѣмъ опостылѣлъ Дмитрій, изъ-подъ наказанія не выходитъ, кандалы тяжелѣютъ, спина гнется, смерть надвигается ближе и ближе, а Дмитрій не видитъ, и живетъ день за днемъ, каменѣя безъ мысли, безъ сновъ и безъ памяти.

II.

Много лѣтъ пронеслось, а среди заливныхъ луговъ, на берегу широкой рѣки все такъ же стоитъ деревенька. Ночь кругомъ. Въ одной изъ избушекъ сквозь тусклое окно мерцаетъ огонекъ.

На дворѣ, среди ясной, звѣздной апрѣльской ночи, вѣетъ весной, а въ избѣ тяжко и душно; въ черепкѣ коптитъ толстый фитиль и сидитъ на лавкѣ, опершись рукой на столъ, худая старушка въ морщинахъ.

Сидитъ Аграфена, не спитъ, караулитъ больного ребенка. Часто онъ плачетъ и жалко бабушкѣ внука, жалко невѣстку будить. Баба молодая, рабочая, покорная—наморилась и спитъ безъ просыпу. У ней у самой, у старухи, всѣ кости болятъ, да терпѣть ужъ не долго, поскрипитъ годъ-другой и затихнетъ — снесутъ ее дѣти на вѣчный покой. Придетъ время, насидится и молодайка, своихъ внучатъ ночь цѣлую качать будетъ, а теперь спи себѣ съ Богомъ, пока въ домѣ старуха есть.

Младенецъ затихъ, а бабушка все не приляжетъ, опустила свою мудрую голову на изсохшія руки и крѣпко задумалась. Тревожно ей на сердцѣ—оттого и не спится. И сидитъ Аграфена, свою жизнь вспоминаетъ. Съ молоду трудно ей было—все одна, да одна, безъ красы, безъ радости. Сила была, было здоровье и вѣкъ прожила, слава Богу. Сына вспоила, вскормила, на все толкомъ наставила, домъ сберегла, добра не растратила, невѣстку взяла, и хорошую: не за красоту и богатство брала, за ласковый нравъ, за породу степенную, и живутъ себѣ мирно и честно. Какъ осталась одна послѣ мужа, часто о немъ вспоминала; а привыкла жить безъ него—и забыла; развѣ въ праздникъ большой, въ церкви стоя, вспомнитъ Дмитрія—перекрестится, или еще въ непогоду, когда вѣтеръ несется Богъ вѣсть откуда и воетъ, и плачетъ, припомнится мужъ на чужой сторонѣ и вздохнетъ Аграфена.

Вспоминался онъ ей молодымъ: какимъ знала — такимъ его помнила.

Сегодня, какъ встала къ ребенку, какъ заныли всѣ косточки сразу, представился Дмитрій ей старымъ и сидитъ, о немъ думаетъ, всѣмъ сердцемъ жалкуетъ.

„Гдѣ же ты, моя дружечка? и твои болятъ косточки старыя; пришелъ бы ко мнѣ, понавѣдался, посмотрѣлъ бы на сына — на Ванюшку, на свое добро сбереженное, на свою дружбу старую, вѣрную.

„Уложила бъ тебя я на теплую печь, напоила бъ тебя, накормила бы до сыта, а пришелъ бы къ тебѣ часъ твой смертный, не чужими руками—своими собрала бъ, обрядила; на погостѣ бы легъ съ отцомъ, съ матерью; мы бы съ Ванюшкой крестикъ поставили“.

Сидитъ старушка одна, а слезы текутъ, расплываются по щекамъ, по морщинамъ.

Тоскливая ночь долго тянется.

Какъ пропѣли третьи пѣтухи, поднялась Аграфена, припомнила, что воскресный день начинается, захотѣлось ей въ церковь къ заутрени.

„Помяну старика, душа моя проситъ", про себя говоритъ Аграфена: „видно, померъ онъ тамъ сиротливый. Холстинки возьму моей смертной, на поминъ отнесу въ церковь Божью". Давно заготовила Аграфена все смертное и лежитъ въ сундучкѣ весь нарядъ; къ нему тонкій холстъ изъ льна положила. Теперь руки старыя, не прядутъ и не ткутъ, а была мастерица и любила работать надъ пряжей; а труда надъ ней много. Холстина зато ужъ своя, рукодѣльная, не чужая, не купленная. Бывало, пройдутъ святой Константинъ — мать Елена, ужъ гонитъ Ивана полосочку льну ей посѣять; какъ взойдетъ хорошо, и начнетъ ходить за нимъ—не лѣнится; сорныя травы за лѣто раза два или три всѣ прополетъ, а начнетъ ленъ цвѣсти — сердце радуется. Постоитъ иной разъ — полюбуется. Поспѣетъ, когда время придетъ, весь повыдергаетъ, обмолотитъ, посушитъ, на лугу разстелетъ рядами, дождика ждетъ, чтобы онъ его полилъ, хорошенько смочилъ, сама повернетъ сколько разъ на всѣ стороны. Какъ работы въ поляхъ всѣ покончитъ къ зимѣ, опять за свой ленъ принимается, и треплетъ, и мнетъ, и къ пряжѣ готовитъ. Когда ляжетъ зима, подойдетъ постъ Филиповки, и засядетъ за прялку. Длинный вечеръ сидитъ и ниточку тонкую тянетъ. Тихо въ избѣ, только прялка гудитъ, а у ней въ головѣ мысли, одна за другою, тоже тянутся. Великимъ постомъ по серединѣ избы станъ поставитъ, оснуетъ и засядетъ ткать. Челнокъ такъ и бѣгаетъ, Аграфена пристукиваетъ, а у ней изъ-подъ рукъ холстъ ростетъ и ростетъ.

— Своей рукодѣльной холстины хоть снесу тебѣ, моя дружечка,—говоритъ Аграфена.

Разбудила она и невѣстку, и сына. Умылась, одѣлась, темнымъ платкомъ повязалась и, какъ стало въ избѣ уже видно, поискала въ своемъ сундучкѣ, вынула холстъ, отрѣзала семь локтей, за пазуху спрятала, достала двѣ гривны, въ кончикъ платка увязала, взяла палочку въ руки и поплелась въ Божій храмъ.

Какъ сошла съ крыльца Аграфена, какъ взглянула кругомъ: благодать да и только. Солнце еще не вставало, свѣжій воздухъ весной такъ и вѣетъ, мягкая грязь на дорогѣ окрѣпла, застыла,

затянуло всѣ лужи слюдой ледяною. Поглядѣла старуха кругомъ и пошла-поспѣшила: боится, нагонять сосѣдки.

Просидѣла всю ночь съ одной думушкой и не хочется ей растревожить ее разговоромъ.

Церковь видна недалеко.

Аграфена дошла до ограды; раздался къ заутрени благовѣстъ и священникъ подъѣхалъ, старичокъ уже старенькій.

Вмѣстѣ на паперть поднялись, вмѣстѣ и въ церковь вошли. Помолились, потомъ повидались другъ съ дружкой, сговорились насчетъ панихиды.

Не хотѣлъ-было батюшка.

— Можетъ, живъ,—говоритъ,—твой старикъ?

— Нѣтъ, родной, нѣтъ,—не живъ, сердце чуетъ, что умеръ.

Посмотрѣлъ на старуху священникъ, подумалъ...

— Ну, что-жъ,—говоритъ,—послѣ службы помянемъ.

И пошли: онъ въ алтарь, а она въ уголокъ подъ окошко. Сталъ народъ собираться, началась и заутреня, а за нею обѣдня. Аграфена стоитъ пригорюнившись, все вздыхаетъ.

Подошли ко кресту, а потомъ по домамъ всѣ расходятся. Церковь почти опустѣла. Батюшка снялъ свою ризу, подошелъ онъ къ канонику, а на немъ ужъ лежитъ холстины кусокъ, двѣ гривны поверхъ и стоитъ Аграфена, помина души ожидаетъ.

Началась панихида; старуха кладетъ поклонъ за поклономъ, платочкомъ глаза утираетъ.

Кончилось все; всѣ вышли изъ церкви. Осталась одна Аграфена, постояла передъ папертью, постояла, подумала и пошла не домой, а на кладбище—поклониться могиламъ родителей мужа.

Долго искала старуха могилки, стерлись ихъ холмики, давно не была, кресты всѣ погнили.

Нашла наконецъ, и то лишь по вербочкѣ; сама посадила свекрови въ ногахъ. Изъ вѣточки стало ужъ древо большое, пушистое, желтое, весной все разубрано.

На кладбищѣ тихо, пчелы гудятъ, по вербѣ летаютъ, хлопочутъ, во рву еще снѣгъ, а подъ нимъ, слышно, бѣжитъ ужъ вода.

Подошла Аграфена, кругомъ оглядѣлась, положила поклонъ и лбомъ прикоснулась земли.

Верба надъ ней безшумно вѣтвями колышетъ, на небѣ высоко бѣгутъ облака, а тамъ, за погостомъ, надъ вспаханнымъ полемъ волнуется, льется оттаявшій духъ отъ согрѣтой земли.— Поднялась Аграфена, поплакала, головой покачала.

„Эхъ, старикъ, мой старикъ! не свѣковали мы съ тобой свой

вѣкъ, свою долюшку. Упокой тебя Господи на чужой сторонѣ!" Утерла глаза и пошла домой съ утѣшеніемъ: чѣмъ могла, старику послужила.

Надъ арестантскими казармами въ вышинѣ широко развернулось звѣздное небо; свѣжая ночь словно звенитъ легкимъ морозцемъ.

Въ одномъ изъ сараевъ запертъ за буйство старикъ — арестантъ Дмитрій.

Съ утра онъ сидитъ больно избитый, безъ пищи и зябнетъ. Сарай ничего—въ казармахъ-то хуже, ругань да брань, дышать тоже тяжко, а здѣсь тишина и воздуху много; но Дмитрію страшно, особенно къ ночи, тѣло болитъ, кости всѣ ноютъ, сердце то бьется, то вдругъ затихаетъ и жутко ему, словно ждетъ онъ кого.

Завтра день не рабочій — воскресный; Дмитрій все ждалъ, не придутъ ли за нимъ, не вернутъ ли въ казармы. Ночь наступила, за нимъ не пришли, видно забыли, а силы уходятъ, и Дмитрій припалъ головою на мусоръ, на старыя доски, и сонъ навалился тяжелый; то стонетъ, то дышетъ онъ хрипло.

Ночь все идетъ, въ сараѣ затихло, просторъ, темнота, и надъ старой сѣдой головой, проникая въ сомкнутыя очи, сонный слухъ наполняя, повѣяло вдругъ сновидѣньемъ.

Снится ему на родной сторонѣ поле весною. Онъ пашетъ, глубоко врѣзаясь сохою въ мягкую землю. Изъ темныхъ откинутыхъ глыбъ земляныхъ поднимается свѣжая сырость. Грудь его дышетъ свободно. Радостно, вольно работать на полѣ широкомъ. Пашетъ Дмитрій и думаетъ: сейчасъ Аграфена придетъ, обѣдъ принесетъ; что-то ѣсть ему хочется.

Только подумалъ, и слышитъ онъ громкую пѣсню; это она, его молодайка, идетъ и поетъ. Забилось въ немъ сердце, жметъ воротъ рубахи, а пѣсня все льется, все громче, яснѣе, и пѣсня знакомая:

Воробей мой, воробьюшка,
Воробей, вольна пташечка...

Аграфена поетъ, а Дмитрій не можетъ сдержаться, радъ онъ ей, радъ самъ не знаетъ чему, хочетъ бѣжать повидаться скорѣе, бросаетъ соху, повернулся. Она передъ нимъ стоитъ и смѣется, на рукахъ держитъ мальчика. „Цѣлуй, говоритъ, тятьку, Ванюшка!"

Дмитрій нагнулся къ нему, руками манитъ. Ребенокъ словно стыдится, вертитъ головой, трется объ мать, цѣпляетъ ее за плечо.

— Цѣлуй, цѣлуй! — говоритъ Аграфена. Отецъ беретъ его силой и чувствуетъ мягкое, теплое тѣльце вотъ тутъ, на рукѣ. Ванюшка смѣется и вдругъ, зажмуривши глазки, широко разинувши ротъ, въ которомъ ужъ блещутъ два первые зубка, припалъ всѣмъ лицомъ къ отцовой щекѣ.

Дмитрій проснулся, ему хорошо; въ сараѣ прохладно, отъ мусора сыростью пахнетъ и онъ потянулся; руки и ноги заныли; и понялъ вдругъ Дмитрій, что былъ это сонъ, что нѣту ни поля, ни бабы, ни сына. Онъ чуетъ его на щекѣ, на рукѣ; онъ видитъ теперь его синіе глазки, волосики свѣтлые. Еще бы заснуть, еще только разикъ увидѣть, что снилось. Но сонъ улетѣлъ, какъ дымъ на просторѣ, какъ снѣгъ на кострѣ растаялъ, расплылся, его не вернуть.

Въ избитомъ, въ изношенномъ тѣлѣ боли не слышно, зато въ немъ самомъ, внутри его поднимается новая, тяжкая боль, словно рвутъ ему сердце на части.

Нѣтъ силы терпѣть, вскочилъ на ноги Дмитрій, душно ему, рванулъ воротъ рубахи и вырвался крикъ изъ груди. Пустота, темнота; голосъ прорвался сквозь стѣны сарая и замеръ въ ночи.

Дмитрій упалъ, подняться не можетъ, и страшно ему, страшна ему память; она уже тутъ—отъ нея не уйти. Вернуться въ казармы, увидѣть людей, проститься бы съ ними, прощенія спросить у товарищей.

А память стоитъ и чеканитъ:—онъ видитъ родителей, вспомнилась церковь—народу полна, все лица знакомыя, есть и родныя; за нею кладбище, не тамъ ляжетъ онъ. Передъ нимъ и жена, а вотъ и Ванюшка, поле родное, изба и заваленка.

Всѣхъ привела, всѣхъ показала предъ смертію память.

Сильнѣй и сильнѣй бьется сердце у Дмитрія; по спинѣ, по ногамъ побѣжалъ смертный холодъ; еще надо вспомнить одно,— оно уже тутъ, оно страшное.

Темная ночь, шумъ лѣса безъ листьевъ, осенняя мгла, стоятъ трое ихъ у тропы и шепчутъ тихонько.—Проучимъ его, перестанетъ онъ красть,—одинъ говоритъ, озираясь.

— Да развѣ и вправду онъ воръ?—Дмитрій спросилъ, будто жалѣя.

— А развѣ не воръ, — другой говоритъ:—конокрадъ—одно слово, учить его надо, того...

— Ну, что-жъ, поучить его можно, того—такъ того,—и всѣ три замолчали.

Вотъ слышны шаги, дали пройти, потомъ со спины и напали; завязался тутъ бой, страшный бой, человѣкъ былъ могу-

чій. Однако упалъ—троихъ не осилилъ. Все помнится Дмитрію и память сверлитъ, какъ буравъ, слова на смерть пораженнаго вора.

„За что убиваете, братцы? за что? дайте и мнѣ умереть съ покаяніемъ!"

Онъ, Дмитрій, наноситъ послѣдній ударъ, и голосъ затихъ, и нѣтъ уже жизни.

Приходитъ и къ Дмитрію смерть, онъ понялъ; и страшно ему, и жалко убитаго брата.

„Прожилъ я какъ звѣрь и звѣремъ умру, непрощенный!"

Припавши на руки, одинъ въ темнотѣ заплакалъ вдругъ Дмитрій. И слезы текутъ все сильнѣй и сильнѣй, не капаютъ, льются одна за одной.

Какъ повѣетъ весна послѣ зимняго холода, какъ начнетъ таять ледъ при лучахъ теплыхъ солнца, не сдержать берегамъ водъ согрѣтыхъ, и чѣмъ дольше лежала зима, чѣмъ крѣпче ковали морозы, тѣмъ сильнѣй и бурнѣй разольется вода.

Дмитрій все плачетъ, крестится, шепчетъ устами; за душу убитаго Бога онъ проситъ: „Упокой его, Господи, прости мнѣ, прости меня, грѣшнаго!"

Не пришлось Аграфенѣ обмыть, обрядить передъ смертью мужа. Слезами своими обмылъ онъ себя.

Никто не поплачетъ надъ нимъ при прощаніи—рыдаетъ онъ самъ надъ собой.

Сердце бьется все тише и тише, тѣло уже коченѣетъ. И среди звѣздной ночи, надъ всѣми забытымъ, всѣмъ опостылѣвшимъ Дмитріемъ свершается тайна великая. Изъ грѣшнаго тѣла Дмитрій уходитъ на вѣчную волю. Въ эту ночь самъ Господь изъ темницы извелъ его душу.

В. Цурикова.

НА ОЗЕРѢ ПРОКАЖЕННЫХЪ

ОЧЕРКЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЕКОЙ ПОЛЯРНОЙ ОКРАИНЫ.

I.

Далеко отъ людей, въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ Якутской земли затеряно озеро Деркатахъ. Густыми, необозримыми рядами деревьевъ раскинулась по берегамъ его мрачная, непривѣтливая тайга. Семь мѣсяцевъ въ году она молчалива, безжизненна подъ бѣлымъ снѣговымъ покровомъ, точно все умерло въ ней, точно всякая жизнь угасла на берегахъ сжатаго въ ея объятьяхъ озера. Солнце надолго скрывается гдѣ-то за ледяными горами; съ нимъ исчезаетъ всякій слѣдъ жизни и движенья; наступаетъ царство холода и мрака. Ничто, въ это время, не нарушаетъ молчанья пустынныхъ береговъ лѣсного озера: изрѣдка пробѣжитъ по мягкому ковру снѣга легкими, быстрыми прыжками лисица, или пройдетъ олень тихо, неслышно, какъ призракъ. Легкою тѣнью мелькнетъ его стройная фигура подъ усыпанными пушистымъ снѣгомъ вѣтвями и скроется въ угрюмой чащѣ. Все мертво, сурово, безнадежно печально. Оцѣпенѣлая природа похожа на огромное безжизненное тѣло, а мутное блѣдное небо, нависшее надъ землею, похоже на погребальный саванъ. Только буря на мигъ выводитъ изъ оцѣпенѣнія, изъ нѣмого молчанія всю эту мерзлую бѣлую пустыню. Грозная, все ниспровергающая, мчится она отъ ледовитаго моря въ снѣжныхъ облакахъ; оглушающій вой, свистъ и грохотъ наполняютъ мерзлую пустыню. За первымъ порывомъ вѣтра слѣдуетъ другой, третій... Снѣжныя облака нале-

таютъ другъ на друга, крутятся по ровной глади озера, принимая причудливыя формы. Пройдетъ буря, и снова все умолкнетъ, все умретъ кругомъ. Буря оставитъ позади себя покрытое бѣлыми сугробами озеро и молчаливый, обнаженный отъ снѣга лѣсъ съ обломанными вѣтвями.

Въ темныя ночи ранней осени все спитъ на тихихъ берегахъ озера: звѣри, птицы, деревья. Неугомонные ручьи, стекающіе съ дальнихъ горъ, тихо журчатъ монотоннымъ ропотомъ, похожимъ на сонное дыханье; застонетъ гдѣ-то филинъ; крикнетъ утка въ озерныхъ камышахъ; раздастся плескъ воды отъ упавшаго въ нее куска земли, который отвалился отъ берега. По мѣрѣ того какъ свѣтлѣетъ небосклонъ и края лѣсовъ обозначаются на немъ черною полосою, выступаетъ изъ темноты лѣсное озеро. Туманы клубятся надъ неподвижными, сонными водами, расплываются въ воздухѣ и медленно ползутъ вверхъ къ облакамъ. Съ первымъ розовымъ лучомъ зари трепетъ пробужденья пробѣгаетъ въ воздухѣ, и лишь только выглянетъ изъ-за лѣса горячее солнце, тайга вновь наполнится свѣтомъ, движеньемъ, жизнью; опять синее небо глядится въ глубину водъ и прибрежныя заросли отражаются въ водѣ своими кудрявыми вершинами; кажется, что деревья ростутъ подъ водою и сплетаются корнями съ деревьями, окаймляющими берегъ. Напоенныя росой листья яркою зеленью сверкаютъ въ лучахъ солнца, рубинами горятъ рѣдкіе красные листки; начинающія блекнуть и желтѣть травы отливаютъ золотомъ. Стаи отлетающихъ птицъ тянутся къ югу. Клочьями бѣлоснѣжныхъ облаковъ кажутся въ поднебесьѣ стада лебедей. Вытянувъ свои длинныя шеи между плавно движущихся крыльевъ, тянутся они надъ озеромъ длинными вереницами; рѣзко и звонко раздаются ихъ прощальные крики въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Тетерева, проснувшись, качаются на гибкихъ вершинахъ лиственницъ и неуклюже слетаютъ, точно скатываются по вѣтвямъ на землю. Куропатки, не успѣвшія скинуть лѣтняго пестраго убора и надѣть зимній бѣлый, стаями перелетаютъ съ одного мѣста на другое и лакомятся брусникой, краснѣющей среди зеленыхъ курчавыхъ листьевъ на сѣромъ коврѣ мховъ.

Суровая зимою, задумчивая осенью, природа береговъ озера Деркатахъ становится чудно прекрасной въ короткій мигъ полярнаго лѣта. Въ лѣтнія бѣлыя ночи, когда двѣ зари сходятся на небѣ, а облака, стоящія надъ дальними лѣсами, похожи на золотые острова въ розовомъ морѣ, природа полна жизни и звуковъ. Стаи пернатыхъ лѣтнихъ гостей съ громкими криками носятся надъ водою, рѣзвятся и купаются въ свѣжихъ, прозрачныхъ ея

струяхъ. Зеленыя заросли тальниковъ, этихъ полярныхъ ліанъ, ласкаемыя вѣтеркомъ, трепещутъ, шевелятъ листьями, будто шепчутся между собою; притаившіеся подъ ними пестрые ряды цвѣтовъ неподвижны, точно прислушиваются къ этому сладкому шопоту листьевъ, который волнами аромата носится по тайгѣ, къ журчанью ручейковъ, катящихся по ложбинамъ. Тайга оживаетъ на короткій мигъ прелестнаго полярнаго лѣта, на всемъ своемъ безконечномъ просторѣ отъ моря до моря... Она полна веселаго шума, того зеленаго весенняго шума, отъ котораго такъ радостно, такъ сладко становится всякому, кто умѣетъ слиться душою съ обновленною природой.

Столько свѣта, красоты, жизни и радости разлито кругомъ, что не вѣрится въ то, что въ этой ликующей природѣ могутъ быть борьба и смерть, что въ этомъ очаровательномъ пустынномъ уголкѣ могутъ страдать и мучиться люди... Но что-то чернѣетъ тамъ на холмѣ, который высится среди водъ, образуя высокій, узкій мысъ, протянувшійся въ озеро изъ нѣдръ лѣсной чащи? Это дряхлый, покачнувшійся крестъ; за нимъ другой, третій... Деревянный срубъ, похожій на гробъ, виднѣется сквозь рѣдкій, низкорослый кустарникъ. Эти кресты и срубы говорятъ о томъ, что на берегахъ пустыннаго лѣсного озера, вдали отъ жилыхъ мѣстъ, нѣкогда жили и умирали люди. Это кладбище отверженныхъ людей—прокаженныхъ. Для нихъ отведены пустынные берега озера Деркатахъ. Здѣсь они жили и мучились, оставленные всѣми, покорно ожидая смерти-избавительницы. При жизни общество заботилось о нихъ; оно доставляло имъ пищу и считало себя свободнымъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ обязательствъ, а по смерти ихъ ставило имъ кресты на могилахъ.

Пустынно, безлюдно вокругъ озера, и нѣтъ другихъ слѣдовъ человѣка, кромѣ кладбища на холмѣ, гдѣ зарыты отверженные люди. Двѣ, три пустыя юрты, гдѣ они ждали смерти, скрыты въ зеленыхъ заросляхъ, а одна печально ютится у холма, поросшаго лѣсомъ; отъ нея идетъ къ озеру тропинка, еще не успѣвшая зарости травою. Еще недавно въ ней жилъ и ждалъ смерти одинъ прокаженный.

Каждый день утромъ, когда всходило солнце, отворялась дверь юрты, и въ дверяхъ показывалось лицо, покрытое мертвенной блѣдностью. Это было лицо страшное, лицо, покрытое синевой,—безъ волосъ, безъ носа, съ глубоко ввалившимися въ орбиты, безцвѣтными, потухшими глазами. Можно было подумать,

что мертвецъ всталъ изъ одной изъ могилъ, увѣнчавшихъ высокій холмъ среди озера; но это былъ живой человѣкъ съ маской мертвеца на лицѣ. Онъ не могъ сбросить ее: за это былъ изгнанъ изъ среды людей въ лѣса, на берегъ пустыннаго озера, въ уединенную юрту, въ сосѣдствѣ съ уединеннымъ кладбищемъ. Онъ жилъ здѣсь шесть лѣтъ. Въ эти шесть лѣтъ, ходя ежедневно пò-воду, онъ протопталъ тропинку отъ юрты къ озеру. Это была его единственная прогулка отъ юрты къ озеру, гдѣ онъ черпалъ воду и гдѣ лѣтомъ заметывалъ сѣти и ставилъ петли на утокъ, когда не былъ слишкомъ слабъ. Онъ почти не гулялъ по окрестнымъ лѣсамъ и полянамъ: видъ ихъ угнеталъ его, ибо онъ вспоминалъ тогда то время, когда онъ былъ полонъ силъ и здоровья, когда онъ ходилъ на промыселъ на рыбныя озерья, ночевалъ у костра на берегахъ ихъ, отдыхалъ подъ тѣнью зеленыхъ тальниковъ, слушалъ щебетанье птичекъ и шелестъ листьевъ, глядѣлъ въ небесную высь и любовался бѣлыми облачками, принимавшими видъ лодочекъ, кустовъ, животныхъ и расплывавшимися клочьями по небесной лазури... Онъ вспоминалъ тогда свою жизнь въ обществѣ людей, и не могъ оставаться дольше въ лѣсахъ и полянахъ, а убѣгалъ въ свою юрту, ложился на оронъ [1]) лицомъ къ стѣнѣ и плакалъ. Онъ оплакивалъ невозвратное время своей силы и здоровья, которое прошло и не вернется и не повторится никогда въ его жизни. Онъ вспоминалъ своихъ дѣтей, жену, родныхъ и тѣ минуты, когда онъ былъ счастливъ въ жизни. Какъ немного нужно было для него, чтобы быть счастливымъ: крики дитяти, смѣхъ жены, бесѣда съ гостемъ, удачный уловъ рыбы.—Самыя обыденныя событія, мелочи, изъ которыхъ складывалась жизнь, казались ему моментами недосягаемаго счастія теперь, когда онъ потерялъ надежду на то, что эти мелочи когда-нибудь повторятся въ его жизни. Потерявъ надежду на лучшее будущее, онъ старался не думать и о прошломъ. Для него все было потеряно; онъ былъ похороненъ какъ мертвый и не надѣялся больше на свиданіе съ дѣтьми и на жизнь въ обществѣ людей. Чтò же оставалось ему? Одни воспоминанія. Но они усиливали его печаль.

Всѣ эти шесть лѣтъ онъ былъ одинъ: никто не посѣтилъ его. Его снабдили сѣтьми, посудой, домашнею утварью и оставили. Разъ въ мѣсяцъ привозили ему пищу, оставляли ее недалеко отъ юрты и уѣзжали. Заслышавъ стукъ лошадиныхъ копытъ, онъ вставалъ съ постели, пріотворялъ дверь такъ, чтобы не показы-

[1]) Полати, вдѣланныя въ стѣны и тянущіяся вдоль покатыхъ стѣнъ юрты.

вать своего лица, и наблюдалъ за пріѣзжимъ. Онъ не хотѣлъ показать своего лица рѣдкимъ гостямъ своего пустыннаго убѣжища для того, чтобы они не разсказали о немъ его женѣ и дѣтямъ. Онъ не хотѣлъ быть причиною страданій людей, которыхъ онъ любилъ нѣкогда и продолжалъ любить теперь, когда они отъ него отвернулись. Когда стукъ лошадиныхъ копытъ утихалъ, онъ прокрадывался изъ избы на дворъ и слѣдилъ за всадникомъ, пока онъ не исчезалъ въ густыхъ кустахъ, окаймляющихъ лѣсъ. Въ лѣтніе мѣсяцы люди навѣдывались въ селеніе отверженныхъ еще рѣже, чѣмъ зимою. Еслибы онъ заболѣлъ такъ, что долго не могъ бы вставать съ постели и ѣздить на озеро смотрѣть свои сѣти, онъ могъ бы умереть съ голоду. Ему случалось голодать по нѣскольку дней, когда онъ былъ такъ слабъ, что не могъ подняться съ постели; онъ съ тоскою прислушивался, не раздастся ли на озерѣ плескъ веселъ, не ѣдетъ ли посолъ отъ наслега съ запасомъ пищи для него. Онъ понималъ, отчего происходятъ эти замедленія и запаздыванія въ доставкѣ пищи, и не могъ жаловаться на нихъ. Какъ неохотно онъ самъ отрывался отъ промысла или отъ сѣнокосныхъ работъ, когда его посылали куда-нибудь по общественнымъ дѣламъ!.. Разъ, много лѣтъ тому назадъ, когда на его мѣстѣ въ той же юртѣ жилъ другой отверженный, его вдругъ послали къ нему съ боченкомъ соры [1]) и рыбой. Какъ бранилъ онъ въ душѣ старосту наслега, пославшаго его, и исключеннаго изъ общества людей страдальца, невольнаго виновника его временного огорченія! Въ досадѣ онъ забылъ предосторожности и съ ношею на плечахъ близко подошелъ къ юртѣ прокаженнаго. Вдругъ нечаянно онъ поднялъ голову и встрѣтился взглядомъ съ его потухшими глазами, устремленными на него. Что это былъ за взглядъ! Онъ точно обжегъ его. Досада его миновала. Онъ положилъ пищу на землю и поклонился больному, отдалъ дань уваженія человѣческому страданію. Онъ почувствовалъ такое состраданіе къ живому мертвецу, что нашелъ въ себѣ смѣлость вступить съ нимъ въ разговоръ. Прокаженный отвѣчалъ какимъ-то глухимъ, хриплымъ голосомъ; видно было, что онъ шевелитъ губами, но голосъ выходилъ откуда-то снизу какъ бы изъ подъ земли... Онъ разсказалъ прокаженному всѣ новости: каковъ промыселъ рыбы, птицы, пушного, про урожай скота и сѣновъ. Не сказалъ онъ ему только ничего о его женѣ и дѣтяхъ, и удивился тому, что онъ его объ этомъ не спросилъ. Теперь, очутившись самъ въ подобномъ положеніи, онъ понялъ,

[1]) Родъ кислаго молока.

почему не спросилъ его тогда прокаженный о своихъ близкихъ людяхъ: невыносимо равнодушіе любимыхъ людей. Дѣти его забыли о немъ,—но развѣ могло быть иначе? Это вполнѣ въ порядкѣ вещей, и развѣ онъ самъ не отвергъ бы своего отца, если бы тотъ заболѣлъ проказой? Онъ не роптал и покорился своей участи. Съ самаго начала болѣзни онъ готовился къ уединенной жизни въ глубинѣ лѣсовъ; онъ зналъ, что отъ него всѣ отвернутся, и не предпринялъ ничего, чтобы избѣгнуть изгнанія, потому что онъ привыкъ думать, что иначе быть не можетъ.

Онъ не зналъ, какъ привязалась къ нему болѣзнь, откуда взялась она. Разъ онъ нагнулся надъ свѣтлымъ ручьемъ и, увидѣвъ свое лицо, замѣтилъ перемѣну на немъ. Но онъ не понималъ, что̀ съ нимъ дѣлается, пока другіе не обратили вниманіе на него. Губы его начали блѣднѣть; волосы на бровяхъ вылѣзли; глаза потускнѣли и ввалились; на лицѣ появились бурыя пятна. Тогда онъ понялъ, что̀ съ нимъ происходитъ, палъ духомъ и какъ автоматъ исполнялъ то, что̀ ему говорили другіе. Все въ немъ умерло: гордость, достоинство, воля. Онъ почувствовалъ себя въ объятіяхъ неумолимой, страшной силы. Всѣ окружающіе его начали смотрѣть на него какъ на обреченнаго смерти; властный глава семьи вдругъ сталъ безсильнѣе самаго малаго члена ея; любовь дѣтей смѣнилась страхомъ, уваженіе—состраданіемъ. Когда глаза его встрѣчались съ глазами близкихъ людей, они читали въ нихъ однѣ и тѣ же мысли, что его мѣсто не здѣсь, среди здоровыхъ, а тамъ, на берегахъ озера отверженныхъ. Онъ и самъ понималъ это, но боялся самъ уѣхать туда. Съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что необходимо кончить неловкія отношенія между имъ и его родными, установившіяся съ тѣхъ поръ, какъ страшный недугъ наложилъ на него столь явственную печать. Когда оконечности пальцевъ у него посинѣли, явился къ нимъ старшина ихъ рода и привелъ съ собою трехъ осѣдланныхъ лошадей. Одна изъ нихъ была для него.

Молча, какъ автоматъ, одѣлся онъ и, не смотря по сторонамъ, пошелъ къ дверямъ. Ребенокъ, игравшій на полу, съ плачемъ протянулъ къ нему руки, но онъ отвернулся и закрылъ лицо рукавомъ кафтана. Уже за дверью онъ почувствовалъ влажность въ глазахъ и щекотанье въ носу... Горячая слеза скатилась по его щекѣ, другая повисла на рѣсницахъ. Онъ какъ будто удивился тому, что онъ не разучился плакать, что въ больномъ, разрушающемся тѣлѣ остались всѣ прежнія здоровыя чувства... Третья лошадь уже была навьючена его вещами. Онъ сѣлъ на лошадь и покорно поплелся за старшиной по лѣсной тропинкѣ

къ озеру прокаженныхъ, гдѣ давно когда-то, въ юности, его взоръ встрѣтился со взоромъ живого мертвеца.

Они ѣхали два дня. Старшина молчалъ и онъ молчалъ. Когда они пріѣхали на озеро Деркатахъ, старшина прервалъ свое продолжительное молчаніе и началъ давать ему разные совѣты: какъ жить, что̀ дѣлать, указалъ мѣсто, гдѣ будутъ оставлять пищу. Онъ, очевидно, испытывалъ необходимость сказать что-нибудь въ утѣшеніе такому, какъ онъ, честному и мирному человѣку, котораго онъ водворялъ въ сосѣдствѣ съ кладбищемъ, гдѣ уже была намѣчена для него могила. За каждымъ словомъ онъ повторялъ одно и то же:

— А ты не печалься. Что̀ станешь дѣлать? Такова судьба.

Кончивъ свои совѣты и наставленія, онъ сѣлъ на лошадь и поклонился прокаженному.

— Че [1]), прощай!

Вскорѣ лошадь, пущенная рысью, умчала его за стѣну зарослей.

А прокаженный долго стоялъ около юрты и смотрѣлъ ему во слѣдъ, прислушиваясь къ удаляющемуся стуку копытъ. Съ этимъ стукомъ, замирающимъ подъ сводомъ лѣса, казалось, уходило все прошлое и умирали надежды. .

Всѣ шесть лѣтъ отшельнической жизни протекли какъ одинъ день; хотя отдѣльные дни тянулись какъ годы, но они были похожи другъ на друга. Болѣзнь его дѣлала медленные, но вѣрные успѣхи; тѣло его умирало частями, а онъ все жилъ и чувствовалъ по прежнему... Надъ бровями у него появились опухоли, скулы точно окаменѣли, на всемъ лицѣ образовалась сплошная язва, какъ бѣлая скорлупа, носъ отвалился, губы поднялись вверхъ и скривились въ страшную гримасу, похожую на смѣхъ. Она застыла на его лицѣ и не сходила съ него. Онъ не переставалъ смѣяться, даже когда плакалъ. Онъ боялся смотрѣть въ воду, чтобы не видѣть своего лица, боялся разговаривать громко самъ съ собою, чтобы не слышать своего измѣнившагося голоса. Но разъ, когда онъ плылъ въ вѣткѣ [2]) на промыселъ, онъ нечаянно взглянулъ въ воду и увидѣлъ въ ней отраженіе своего лица. Онъ крикнулъ, уронилъ весло и задрожалъ такъ, что чуть не опрокинулъ вѣтку и не утонулъ; чувство самосохраненія взяло верхъ: онъ поплылъ къ берегу. Но лишь только онъ вступилъ на берегъ ногою, онъ пожалѣлъ, что онъ не утонулъ, а все-таки на-

---

[1]) Ну (як.).

[2]) Маленькая лодочка съ однимъ весломъ, сшитая изъ трехъ досокъ. Въ ней можетъ помѣститься только одинъ или два человѣка.

шелъ въ себѣ достаточно силы воли, чтобы опять выплыть на глубину и опрокинуть вѣтку. Онъ замѣтилъ, что въ ту минуту, когда онъ увидѣлъ въ водѣ отраженіе своего помертвѣлаго лица, какое-то новое, неиспытанное еще чувство дрожью пробѣжало по немъ. Въ этомъ чувствѣ былъ ужасъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то похожее на радость. Ему казалось, что ему необходимо разгадать это новое чувство, что когда онъ его разгадаетъ, то пойметъ многое, чего до сихъ поръ не понималъ, и онъ рѣшился еще разъ взглянуть на отраженіе своего лица въ водномъ зеркалѣ. Потомъ онъ началъ смотрѣть часто и все уяснялъ себѣ испытываемое чувство. Онъ понялъ, что жить ему больше нельзя, что пора умереть, что умереть не страшно, а страшно жить съ такимъ лицомъ, одинъ видъ котораго заставляетъ вздрагивать отъ ужаса.

Съ тѣхъ поръ онъ началъ ожидать смерти. Онъ чувствовалъ, что его силы съ каждымъ днемъ слабѣютъ, и почти радовался этому. Каждый вечеръ онъ ложился спать съ надеждою умереть во снѣ. Утромъ онъ ощупывалъ себя, желая узнать, въ томъ ли онъ еще мірѣ, гдѣ онъ испыталъ столько страданій, или въ иномъ, лучшемъ, который въ дѣтствѣ грезился ему въ снахъ долгихъ, зимнихъ ночей, носился передъ нимъ въ смутныхъ мечтахъ юности.

Съ этимъ невидимымъ міромъ его знакомилъ старый, дряхлый дѣдушка, котораго всѣ уважали за знакомство съ духами, населяющими горы, лѣса, пустыни. Онъ такъ хорошо разсказывалъ про этихъ духовъ, такъ описывалъ ихъ наружность, свойства и образъ жизни, какъ будто бы самъ былъ среди нихъ.

— А почему бы ему и не бывать у нихъ?—говорили люди. Въ свое время онъ былъ большой шаманъ: его слава гремѣла отъ береговъ Яны до береговъ Колымы. Даже нюча [1]) спрашивали у него совѣтовъ.

И дѣдушка дѣйствительно могъ заткнуть за поясъ любого изъ молодыхъ шамановъ. Изрѣдка онъ позволялъ упросить себя заклинать духовъ, въ особенности когда его объ этомъ просили именитые люди. Онъ шаманилъ не такъ яростно, какъ молодые шаманы, зато съ большею торжественностью, и заклинанья его были болѣе краснорѣчивы. Онъ пѣлъ и звенѣлъ бубномъ, а присутствующимъ казалось, что звонъ происходитъ гдѣ-то далеко, не то подъ потолкомъ, не то подъ землею; казалось, что духи слетаются на зовъ старика, съ глухимъ шумомъ машутъ своими крыльями и отвѣчаютъ ему на его вопросы голосами, похожими

---

[1]) Такъ якуты называютъ русскихъ.

на звонъ и гулъ бубна. Когда онъ ослабѣвалъ въ борьбѣ съ духами, онъ останавливался и говорилъ унылымъ, хриплымъ голосомъ:

— Я изнемогаю... Онъ меня побѣждаетъ... я путаюсь въ полахъ моей одежды. Дайте скорѣе огня, укрѣпите мои колѣни!

Тогда его внукъ подбѣгалъ къ нему съ огнивомъ и кремнемъ въ рукахъ и высѣкалъ огня у его ногъ. Искры сыпались, летѣли кругомъ и возвращали старику бодрость, давали ему силу продолжать бесѣду съ духами.

Прокаженный не разъ вспоминалъ въ своемъ одиночествѣ дѣдушку и его разсказы.

Часто они вдвоемъ ѣздили на озерья метать сѣти въ маленькой вѣткѣ и, сидя въ ней спиной къ спинѣ, вели тихій разговоръ о таинствахъ природы. Дѣдушка разсказывалъ ему о тѣхъ могучихъ духахъ, которые прячутся въ небѣ среди звѣздъ, носятся въ облакахъ надъ землею, гремятъ и сверкаютъ изъ тучъ своими огненными очами; о тѣхъ, что населяютъ лѣса, живутъ на днѣ озеръ и рѣкъ и слѣдятъ оттуда за людьми своими невидимыми взорами. И мальчику являлись эти духи на яву. Ему казалось изъ средины озера, что на дальнемъ берегу появилась изъ кустовъ косматая голова одного изъ безчисленныхъ духовъ лѣсовъ, вся обросшая кудрявыми зелеными тальниками вмѣсто волосъ, съ рогами, похожими на клыки мамонта. Вотъ онъ наклоняется надъ водою, протягиваетъ свои длинныя руки; но рукъ самыхъ не видно, а видна тѣнь рукъ; туловища его не видно, а видна тѣнь туловища; она закрыла солнце темно-сизымъ облакомъ, и въ тотъ же мигъ быстрая рябь пробѣжала по лону потемнѣвшихъ водъ. Озеро заколыхалось, зашумѣло, пѣнистыя волны подняли вѣтку на своемъ хребтѣ; на небѣ изъ темной тучи блеснула молнія и потухла; мальчику казалось, что лѣсной духъ сверкнулъ оттуда своими огненными глазами. Волны бросаютъ вѣтку, какъ щепку, но мальчикъ не боится дыханья лѣсного духа; дѣдушка знаетъ такія заклинанія, отъ которыхъ духъ смирится, спрячетъ свою косматую голову въ чащу деревьевъ, уйдетъ подъ землю. Мальчикъ слушаетъ вой вѣтра и видитъ, какъ изъ-за деревьевъ выходятъ безчисленныя толпы духовъ, качаютъ зелеными головами и плещутся въ озерѣ своими руками. Высокая водяная трава колышется подъ напоромъ вѣтра; кажется, таинственные духи водъ распустили по волѣ вѣтра свои зеленыя косы, а дальше на берегу изъ сочной темно-зеленой травы „бердигесъ“ глядитъ воздушный призракъ дѣвушки, которую духи, какъ гласитъ легенда, обратили въ траву. Дѣвушка наклоняется надъ травою и ищетъ свои крылья, которыя духи оборвали и бросили въ болото.

О многомъ говорилъ мальчикъ съ дѣдушкой, о всемъ, что̀ случалось въ ихъ жизни, что̀ обращало на себя его вниманіе. Случалось, что дѣдушка говорилъ съ нимъ и о смерти. Когда умерла его мать, онъ просилъ старика объяснить ему, что̀ это значитъ. Онъ не могъ понять, отчего вдругъ человѣкъ похолодѣетъ и обратится въ кусокъ гнилого мяса. Куда уходитъ жизнь? Откуда приходитъ смерть? Дѣдушка говорилъ ему много о смерти, объяснялъ ему то или частицу того, что̀ ему самому объяснили духи. Онъ понялъ, правда, мало, но всѣ эти объясненія не изгладились у него въ умѣ тридцатью годами жизни. Они сохранились въ умѣ, и умъ независимо отъ воли старался разобраться въ нихъ. Теперь, когда ему самому надо было умирать, онъ понялъ, что̀ говорилъ старикъ. Онъ говорилъ, что смерть—это одинъ мигъ, въ которомъ сосредоточивается все прошлое, настоящее и будущее человѣка, весь міръ, который доступенъ глазамъ и уху, и міръ, который запечатлѣнъ въ умѣ. Этотъ мигъ начинается въ то время, когда кончается, а кажется, что онъ начался давно и никогда не кончится, потому что въ немъ сливаются всѣ пережитыя мгновенія... Потомъ они всѣ сразу забываются, тонутъ въ забытьѣ, исчезаютъ въ вѣчной ночи. Теперь ему не казался страшнымъ этотъ мигъ.

Разъ вечеромъ онъ лежалъ на жесткомъ оронѣ на оленьей шкурѣ и не могъ заснуть. Онъ слушалъ, какъ выла буря, какъ сыпала она мерзлымъ снѣгомъ по стѣнамъ его юрты. Ему представилось все его дѣтство, юность, вся прежняя жизнь—такъ ясно, какъ будто бы онъ еще жилъ всей этой прежней жизнью. Казалось, съ бурей налетѣли воспоминанія и наполнили его мрачную юрту свѣтлыми образами. Въ одинъ мигъ они всѣ прошли передъ нимъ длинною смѣющейся вереницей, и въ этотъ короткій мигъ онъ могъ различить и замѣти́ть ихъ всѣхъ. Ему показалось страннымъ и непонятнымъ, какъ всѣ эти безчисленные образы, видѣнные имъ на необъятномъ просторѣ отъ береговъ Яны до береговъ Колымы, могли разомъ воскреснуть въ одинъ мигъ. Какъ онъ былъ радъ тому, что̀ они навѣстили его, прежде чѣмъ перейти въ забытье. Онъ съ наслажденіемъ всматривался въ нихъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ было все, что̀ было внѣ его, и все, что̀ было въ немъ: земля, одѣтая саваномъ снѣговъ, земля, застланная зеленымъ ковромъ травъ и безбрежнымъ моремъ лѣсовъ; земля, залитая дождемъ, покрытая поблекшими лохмотьями осени; озерья, рѣки и горы, уходящія въ облака; небо мутное, бѣлое, непроницаемое, похожее на одинъ огромный снѣжный сугробъ, нависшій надъ землею; небо синее, усѣянное звѣздами; небо голубое

съ бѣлыми и розовыми облаками; небо, покрытое бурыми тучами, сверкающее молніями; берега родимаго озера; поляны, покрытыя травой, гдѣ пасутся табуны лошадей, стада коровъ, и берега озера отверженныхъ съ мрачными стѣнами тайги, съ покосившимися крестами на холмѣ. Потомъ ему представилась юрта, гдѣ онъ родился и выросъ. Мать и отецъ сидятъ у пылающаго очага и плетутъ сѣти; онъ самъ сидитъ у ногъ дѣдушки, который дѣлаетъ ножомъ изъ куска березы ложки и разсказываетъ ему про духовъ земли и неба, а изъ темнаго угла юрты уже глядятъ духи, про которыхъ онъ разсказываетъ. Среди нихъ является страшное лицо прокаженнаго, которому онъ нѣкогда, по приказанію старосты, возилъ пищу. Онъ киваетъ ему костлявымъ пальцемъ, съ котораго слѣзла кожа, и приглашаетъ къ себѣ. А дѣдъ его уже не строгаетъ ложекъ, а надѣлъ шаманскія одежды и заклинаетъ духовъ, чтобы они ушли изъ угла юрты въ свои лѣса, горы, озерья. „Давай огня! давай огня!“—кричитъ онъ хриплымъ голосомъ. Не успѣваетъ онъ подать дѣду огня, какъ онъ исчезаетъ, а на мѣстѣ его является ему жена его съ ребенкомъ на рукахъ. Ребенокъ протягиваетъ къ нему руки и плачетъ, а онъ старается не глядѣть на него.

Прокаженный очнулся и опять прислушался къ вою бури. Онъ хотѣлъ подняться съ постели и не могъ, хотѣлъ поднять руку, но рука была тяжела, какъ желѣзная гиря. Тогда онъ понялъ, что мигъ, который ему объяснилъ нѣкогда дѣдъ, наступилъ, и на него навалилась всею тяжестью сила, которой ничто не можетъ побороть. И онъ отдался этой силѣ безъ сопротивленія, безъ сожалѣнія о жизни, которая должна сейчасъ угаснуть, а съ какимъ-то страннымъ чувствомъ любопытства... Ему показалось, что стѣны юрты исчезли, что надъ нимъ разстилается небо со сверкающими звѣздами, съ солнцемъ, съ луною и съ сѣвернымъ сіяніемъ, и всѣ эти свѣтила свѣтятъ каждое своимъ особеннымъ свѣтомъ... Онъ смутно сознавалъ, что видитъ свѣтъ умомъ, а не глазами, но ему это было все равно. Зрѣлище было чудное. Онъ хочетъ подняться и стать подъ теплые лучи солнца, но не можетъ... А земля гдѣ-то внизу подъ нимъ, въ глубокой пропасти, вся свѣтится чуднымъ свѣтомъ... небольшимъ свѣтлымъ пятномъ свѣтится на ней озеро прокаженныхъ, и никто уже не страдаетъ на берегахъ этого озера... Но вдругъ гдѣ-то раздается стукъ копытъ. Это везутъ другого прокаженнаго къ нему въ товарищи... Онъ хочетъ крикнуть людямъ, которые везутъ его, чтобы они вернулись назадъ, потому что озера прокаженныхъ уже нѣтъ и земли уже нѣтъ, а есть только одинъ

свѣтъ, но не можетъ произнести ни слова и вдругъ падаетъ съ высоты, на которую онъ незамѣтно взобрался тогда, когда думалъ, въ тѣсную прорубь, на покрытое льдомъ озеро прокаженныхъ, въ ту самую прорубь, гдѣ ежедневно, въ теченіе шести лѣтъ, онъ черпалъ воду...

Пріѣхалъ посыльный отъ наслега съ пищей для прокаженнаго и обратилъ вниманіе на то, что изъ трубы юрты не выходитъ дымъ и труба засыпана снѣгомъ. Онъ подошелъ ближе и увидѣлъ, что двери засыпаны сугробами, какъ будто бы больной не выходилъ изъ юрты ни разу послѣ бури, которая была недѣлю тому назадъ. Въ нерѣшимости онъ остановился около двери и долго колебался, прежде чѣмъ отворить ее. Онъ боялся быть въ одной избѣ съ прокаженнымъ, дышать однимъ воздухомъ съ нимъ. Потомъ онъ сообразилъ, что если, какъ онъ думалъ, прокаженный умеръ, то съ нимъ умерло и его дыханіе, и въ юртѣ теперь такой же чистый морозный воздухъ, какъ на дворѣ. Онъ вошелъ и остановился у потухшаго, засыпаннаго черезъ трубу очага. Сомнѣнія его исчезли: прокаженный былъ мертвъ: изъ-подъ изорваннаго заячьяго одѣяла торчали голыя, посинѣвшія ноги; что-то бѣлое вынырнуло изъ-подъ одѣяла, пробѣжало по тѣлу и скрылось въ углу юрты. Это былъ горностай. Посыльный отшатнулся отъ трупа, выбѣжалъ на дворъ. Второпяхъ онъ забылъ притворить дверь. Не медля ни минуты, онъ сѣлъ на коня и поспѣшно уѣхалъ къ старостѣ объявить, что кладбище прокаженныхъ увеличилось еще однимъ мертвецомъ.

Общественныя дѣла у якутовъ рѣшаются очень медленно. Прошло цѣлыхъ десять дней, пока собрались родовичи и рѣшили, кому ѣхать хоронить прокаженнаго, пока нашли „кайлу“ копать могилу.

Былъ пасмурный зимній вечеръ, когда посланные приблизились къ озеру Деркатахъ. Ихъ слухъ былъ пораженъ дикимъ заунывнымъ воемъ. Въ недоумѣньѣ они остановились и осматривались кругомъ. — „Это волки!“ — крикнулъ одинъ изъ нихъ. Сквозь рѣдкіе, голые кусты тальниковъ виднѣлась занесенная снѣгомъ юрта прокаженнаго; вокругъ нея стояли полукругомъ сѣрые, лохматые волки; они впились въ нее своими сверкающими, какъ раскаленный уголь, глазами и, поднявъ вверхъ морды, пронзительно выли. Заслышавъ крикъ людей и лошадиный топотъ, они скрылись въ чащѣ, но еще долго раздавался ихъ вой на опушкѣ лѣса. Огонь, зажженный на холмѣ для того, чтобы оттаяла земля для могилы, отогналъ ихъ дальше, но и сквозь

чащу деревьевъ долеталъ ихъ жалобный вой, похожій на вой вѣтра въ ущельѣ, до слуха людей, хоронившихъ прокаженнаго...

Весною новый крестъ прибавился на холмѣ, гдѣ было кладбище. Юрта прокаженныхъ опустѣла, дорожка къ озеру начала заростать травою.

II.

Не долго стояла пустой юрта прокаженныхъ. Весною явились люди съ топорами и начали ее поправлять.

Якуты и для себя работаютъ лѣниво, а для общества они работаютъ совсѣмъ нѣхотя: часъ работаютъ, часъ курятъ, потомъ опять часъ работаютъ, а два часа пьютъ чай. Не такъ работали якуты на озерѣ Деркатахъ: они работали по пяти часовъ, а курили по пяти минутъ. Они торопились кончить свою работу, точно они чувствовали себя худо на томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно ихъ знакомые умирали медленной, мучительной смертью. Вечеромъ они разводили большой костеръ и ложились отдыхать вокругъ огня, боязливо озираясь на кресты, какъ бы боясь, что вдругъ изъ-подъ крестовъ встанутъ скелеты отверженныхъ людей. Въ два дня все было кончено. Умолкъ стукъ топоровъ. На берегахъ опять воцарилась тишина; только перелетныя птицы оглашали ихъ своими криками. Одно человѣческое страданіе окончилось вмѣстѣ съ жизнью...

Но вскорѣ началось другое.

Разъ, вечеромъ, на опушкѣ лѣса показались три всадника. Одинъ ѣхалъ по срединѣ, а два по сторонамъ. Средній ѣхалъ съ потупленными взорами, съ опущенной на грудь головой; руки его были связаны. Его ссадили съ лошади подлѣ юрты, гдѣ зимою умеръ прокаженный, и развязали ему руки. Онъ поднялъ голову и оглядѣлся кругомъ. Лицо его не носило еще слѣдовъ страшной болѣзни; оно не отличалось ничѣмъ отъ лицъ другихъ людей. Люди, изгнавшіе его изъ своей среды, считали его прокаженнымъ, и потому наложили запрещеніе на его личность и свободу и приговорили его къ уединенію. Онъ долженъ былъ не показываться людямъ, отъ которыхъ ничѣмъ не отличался, и покорно ожидать смерти тамъ, гдѣ ему укажутъ. Но онъ не сознавалъ за собою такой тяжкой вины, за которую его слѣдовало оторвать отъ близкихъ людей и заживо похоронить въ пустынѣ. Никто не могъ назвать его дурнымъ человѣкомъ и обвинить его въ дурныхъ поступкахъ. Если же онъ заболѣлъ, то развѣ въ этомъ его вина? Если они боятся общенія съ нимъ,

то онъ добровольно можетъ отказаться отъ этого общенія, но онъ желаетъ остаться хотя бы въ сосѣдствѣ съ близкими людьми, которые не считаютъ его недостойнымъ общества людей за то, что онъ боленъ. Зачѣмъ же общество принуждаетъ этихъ близкихъ людей противъ воли ихъ отвернуться отъ него? Это не первый на его памяти случай, когда общество принуждаетъ отдѣльныхъ членовъ отказаться отъ своихъ правъ и обязанностей, отъ голоса крови, и заставляетъ поступать такъ, какъ нравится обществу и его заправиламъ. И всѣ покорно подчиняются обществу; плачутъ, а дѣлаютъ то, что̀ имъ приказываютъ старшіе, потому что такъ велитъ обычай, такъ велось изъ рода въ родъ. Онъ первый восталъ противъ общества и не хотѣлъ добровольно отправляться въ изгнаніе, которое считалъ несправедливымъ. Даже,—разсуждалъ онъ, — если онъ боленъ страшною болѣзнью, никто не имѣетъ права заставить его уйти отъ своихъ родныхъ, пока тѣ сами не захотятъ этого. Но онъ не боленъ, онъ совершенно здоровъ и не чувствуетъ себя больнымъ. Неужели только потому, что его признали больнымъ другіе — онъ долженъ отправиться въ изгнаніе на всю жизнь, жить не видя человѣческаго лица, чахнуть въ разлукѣ съ близкими людьми и умереть съ тоски по людямъ? За что все это?—„Таковъ обычай",—отвѣчали ему старики. — „Больной долженъ быть отдѣленъ отъ здоровыхъ совершенно безвозвратно, чтобы не заболѣлъ и не вымеръ весь родъ. Одинъ долженъ подчиниться голосу большинства".—Но онъ не хотѣлъ подчиниться приговору общества, потому что не считалъ себя больнымъ.

— Ты научился,—сказалъ ему староста,—неповиновенію отъ хайлаковъ [1]), которые не повинуются намъ.

Онъ долженъ былъ замолчать. Ему приказали покинуть свое прежнее жилище, потому что оно было слишкомъ близкимъ къ жилищамъ другихъ людей, а именно тѣхъ, которые его любили, и отправиться на берега, гдѣ съ давнихъ поръ наслегъ поселялъ своихъ прокаженныхъ, ни дальше, ни ближе. Не дальше потому, что наслегу трудно доставлять ему пищу далеко; не ближе потому, что общество хочетъ пресѣчь ему возможность сообщаться съ родными, чтобы черезъ нихъ не перешла болѣзнь на весь родъ. Впрочемъ, онъ рѣшилъ подчиниться голосу большинства и сталъ уже собираться въ дорогу, простился съ родными. Но потомъ, когда за нимъ пріѣхали люди, чтобы отвезти его въ назначенное ему мѣсто, въ немъ вдругъ вспыхнуло негодованіе, которое онъ такъ

---

[1]) Такъ называютъ якуты уголовныхъ ссыльныхъ.

долго таилъ въ груди. Когда ему стали противорѣчить, онъ разсердился и отказался наотрѣзъ ѣхать. Послѣ тщетныхъ уговоровъ люди кинулись на него, связали его и повезли на озеро прокаженныхъ.

Невеселыя думы думалъ онъ во время дороги.

„Значитъ, — думалъ онъ, — общество болѣе страшная сила, чѣмъ онъ предполагалъ. Съ обществомъ шутить нельзя. Онъ во власти общества, и никто его не можетъ защитить. Никто!“ Онъ припоминалъ слышанные нѣкогда разсказы о томъ, какъ внезапно пропадали безъ вѣсти поселенцы, требовавшіе у общества землю, на основаніи предписаній властей. Люди исчезали безслѣдно, словно проваливались въ воду. И на самомъ-то дѣлѣ они проваливались въ воду. Общество или, вѣрнѣе, богачи, руководившіе имъ, рѣшали гибель назойливыхъ и требовательныхъ поселенцевъ. Да, общество рѣшало, и дѣло дѣлалось безъ шума, безъ огласки, само собою; поселенцы — обыкновенно люди одинокіе, не имѣющіе ни одной близкой души въ чужой землѣ, среди чужого народа; потому никто не замѣчалъ ихъ исчезновенія. Неудобнаго человѣка схватывали соннаго въ глухую, темную ночь, связывали, закрывали ротъ и топили гдѣ-нибудь въ такомъ озерѣ, гдѣ никто не промышлялъ рыбы. А другимъ поселенцамъ говорили: — „молчите, не требуйте земли, а берите то, что вамъ даютъ, а то, знаете, у насъ есть такія озерья, въ которыхъ топятъ вашего брата такъ хорошо, что никакими сѣтьми не сыщешь“. — Эти слова передавались строптивыми поселенцами начальству, но начальство не вѣрило имъ, и пропавшій безъ вѣсти поселенецъ считался утонувшимъ на промыслѣ „по собственной неосторожности“, или ушедшимъ бродяжить, хотя послѣднее было совсѣмъ невѣроятно: сколько горъ, лѣсовъ и озеръ надо было пройти поселенцу, прежде чѣмъ попасть на большую дорогу бродягъ. Но начальство не могло вѣрить людямъ, лишеннымъ правъ, больше, чѣмъ воротиламъ общества, „почетнымъ людямъ“, которые были вхожи къ самому губернатору, имѣли медали и туго набитую мошну и цѣлые наслеги у себя въ кабалѣ. Этимъ богачамъ былъ большой разсчетъ не давать земли поселенцамъ, потому что вся лучшая земля, лучшія угодья наслеговъ были у нихъ въ рукахъ; они предпочитали кормить поселенцевъ всѣмъ обществомъ, т.-е. на счетъ бѣдняковъ. А бѣдные члены общества ничего не потеряли бы, еслибы поселенцы были надѣлены землей на счетъ богачей, но они не смѣли противорѣчить по обычаю и изъ боязни. Они знали, какъ поселенцы пропадали безъ вѣсти, но молчали.

Чтò же мѣшаетъ обществу поступить точно такъ же и съ нимъ? Его могутъ въ одну прекрасную бѣлую ночь утопить въ озерѣ и потомъ объявить, что онъ умеръ смертію прокаженныхъ, и поставить на холмѣ новый крестъ надъ несуществующимъ покойникомъ... Кто можетъ увидѣть все это?

Не жаловаться ли исправнику? Но исправникъ, хотя имѣетъ большую власть, всегда дѣлаетъ такъ, какъ хотятъ богачи. Бѣжать къ тунгусамъ? Но если онъ не умретъ въ дорогѣ съ голода и найдетъ тунгусовъ, то развѣ они не узнаютъ отъ его общества о немъ? Нѣтъ, нигдѣ нѣтъ спасенія отъ общества.

Долго, послѣ того какъ уѣхали люди, насильно привезшіе его въ пустыню, бросившіе его на необитаемыхъ берегахъ озера, только за то, что онъ боленъ, сидѣлъ онъ на завалинѣ подъ юртой и думалъ свои горькія думы. Все его будущее представлялось ему однимъ сѣрымъ, пасмурнымъ днемъ, безъ солнечнаго свѣта, какой бываетъ зимою, наканунѣ долгой темной ночи. Онъ бросилъ разсѣянный взглядъ на лѣса: его окружала знакомая природа. Онъ имѣлъ передъ собою все, чтò любилъ: лѣса, тихія воды озера, поляны, заросшія травою, пестрѣющія цвѣтами, и все, съ чѣмъ онъ сжился и выросъ. Надо было сначала привыкнуть и сжиться съ своимъ горемъ до того, чтобы не замѣчать его, тогда, можетъ быть, вернулась бы способность воспринимать то, чтò происходитъ вокругъ. Онъ былъ еще молодъ и хотѣлъ жить среди людей, хотѣлъ слышать ихъ голосъ, видѣть ихъ лица, жить ихъ радостями и ихъ горемъ. Вѣчно жить только съ собою, заботиться только о себѣ казалось ему невыносимымъ. А надо было привыкать къ этому.

Событія послѣдняго года его жизни воскресли въ его памяти. Всѣ они случились такъ недавно, а уже прошли безвозвратно. Незадолго передъ тѣмъ какъ онъ заболѣлъ, онъ хотѣлъ жениться, избрать себѣ мѣсто, недалеко отъ того мѣста, гдѣ жилъ раньше, построить домъ и поселиться въ немъ съ молодой женою. Но прежде всего онъ долженъ былъ поселиться въ домѣ своего будущаго тестя для того, чтобы заслужить себѣ невѣсту. Дѣло пошло у него на ладъ, но вдругъ съ нимъ случилось несчастье, и все разстроилось. Кто же захочетъ выйти замужъ за прокаженнаго, кто захочетъ имѣть зятемъ прокаженнаго? Онъ молилъ судьбу только объ одномъ, чтобы ему остаться жить вблизи людей, которые его любили. Этими людьми былъ его старшій братъ съ женою и ихъ дѣти.

Его родители умерли, когда онъ еще былъ малъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ себя помнилъ, онъ жилъ съ братомъ и сестрою.

Сестра потомъ вышла замужъ, братъ женился, а онъ остался у брата. Хорошо ему жилось въ семействѣ брата: всѣ его любили и онъ всѣхъ любилъ. Лѣтомъ онъ ходилъ промышлять рыбу на озерья, косилъ сѣно, металъ стога и, вообще, работалъ много, такъ что его хвалили; по зимамъ онъ ставилъ луки на лисицъ, на зайцевъ, промышлялъ куропатокъ, но больше всего лѣнился и спалъ. Длинные скучные вечера зимы проходили незамѣтно у камина, гдѣ онъ сидѣлъ и заслушивался сказками стараго дяди, который живалъ у нихъ по недѣлямъ и своими разсказами помогалъ коротать имъ зимніе вечера. Хорошо разсказывалъ старикъ древнія сказанія; онъ такъ увлекался, что пѣлъ ихъ. Чаще всего онъ пѣлъ про національнаго героя Дыгина, про его подвиги, про смерть его отъ коварства русскихъ, и про сына Дыгина, славнаго Чалая, который живъ еще и ожидаетъ только „своего времени", чтобы опять появиться на землѣ и вернуть своему народу утраченныя права...

На великомъ ледовитомъ морѣ, разсказывалъ старикъ, среди ледяныхъ горъ есть талое море; на таломъ морѣ есть островъ, весь скрытый туманами, окутанный облаками... Въ облакахъ по рединѣ—дыра; черезъ дыру свѣтитъ солнце. На томъ островѣ зимой ни тепло, ни холодно, а лѣтомъ—жарко. Туда-то летятъ птицы „лѣтовать" черезъ нашу землю, по нашимъ большимъ рѣкамъ. Ихъ тамъ такъ много, что не видно солнца, во время ихъ пролета. Тамъ скрывается славный богатырь Чалай; онъ бодрствуетъ мало, а все больше спитъ. Каждую весну онъ просыпается не надолго, чтобы узнать, не пора ли ему вернуться въ свою землю, откуда ушелъ онъ послѣ смерти отца. Онъ понимаетъ по-птичьи и разговариваетъ съ бѣлыми лебедями полебяжьи, съ сѣрыми гусьями по-гусиному. Онъ говоритъ: „скажите мнѣ, бѣлые лебеди и сѣрые гуси, что дѣлается въ Якутской землѣ, какъ живетъ мой бѣдный народъ"? Но молчатъ лебеди, молчатъ гуси, только гагара печально стонетъ ему въ отвѣтъ. По этому стону онъ узнаетъ, что не пришло еще его время, и опять засыпаетъ до будущей весны. Онъ живетъ давно, но бодрствуетъ мало: въ двѣсти лѣтъ онъ прожилъ двѣсти дней, по одному дню въ годъ. Остальное время онъ спитъ, чтобы набраться силъ на трудный подвигъ, который предстоитъ тогда, когда настанетъ его время.

Такъ разсказывалъ дядя о богатырѣ Чалаѣ. Но другіе разсказывали иначе. Онъ понялъ, что дядя вноситъ кое-что свое въ свои сказки и древнія сказанья, и проникся къ нему большимъ

уваженіемъ. До восемнадцати лѣтъ онъ жилъ въ семействѣ брата безъ заботъ, безъ огорченій, безъ скуки.

Когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, онъ вдругъ сталъ задумываться. Часто по вечерамъ, когда онъ сидѣлъ около очага, плелъ сѣти и слушалъ дядины разсказы, работа валилась у него изъ рукъ; онъ устремлялъ глаза на огонь и долго смотрѣлъ, не отрываясь.

Дядя подходилъ къ нему и ударялъ его рукою по плечу.

— Что задумался?—говорилъ онъ, хитро улыбаясь:—какая же дѣвушка приглянулась тебѣ?

— Да, задумываться парень сталъ,—подхватывалъ братъ.— Надо женить его.

Всѣ шутили насчетъ его и всѣмъ было весело.

Но прошло еще пять лѣтъ, прежде чѣмъ онъ окончательно рѣшилъ жениться. Намѣтивъ себѣ невѣсту, онъ началъ ѣздить въ ея домъ и, какъ водится, старался заслужить расположеніе ея отца. Онъ всячески ухаживалъ за старикомъ: подавалъ ему огонь, когда онъ готовился закурить трубку, игралъ по вечерамъ съ нимъ въ карты, ходилъ вмѣсто него давать кормъ лошадямъ, ѣздилъ на озеро заметывать сѣти, стругалъ струганину и чинилъ рыболовныя снасти. Ухаживая за старикомъ, онъ старался незамѣтно расположить къ себѣ будущую невѣсту свою. Старикъ-отецъ видѣлъ его насквозь и посмѣивался въ усъ. Ему нравился будущій его зять.

Когда было рѣшено, что онъ поселится у невѣсты въ домѣ, онъ вдругъ заболѣлъ. Онъ не чувствовалъ никакой особенной боли, а только тяжесть во всѣхъ членахъ. На тѣлѣ у него появились пузыри, изъ которыхъ текла какая-то жидкость, когда они лопались; лицо осунулось, похудѣло. Онъ чувствовалъ, что съ нимъ происходитъ что-то неладное, но не давалъ себѣ въ этомъ отчета. Недѣли черезъ три онъ почти выздоровѣлъ. Онъ очень обрадовался своему выздоровленію, и лишь только могъ садиться на коня, поѣхалъ провѣдать своего будущаго тестя. Тамъ засталъ онъ нѣсколько человѣкъ гостей. Когда онъ вошелъ, гости какъ-то странно между собой переглянулись, такъ что онъ оглядѣлъ себя кругомъ, нѣтъ ли на его платьѣ чего-нибудь такого, что̀ дѣлаетъ его смѣшнымъ. Тесть принялъ его, повидимому, съ радушіемъ, но онъ замѣтилъ, что и тотъ относится къ нему иначе, чѣмъ прежде. Его не то боялись, не то жалѣли; его присутствіе, казалось, стѣсняло всѣхъ. Всѣ точно знали что-то такое, чего онъ не зналъ, и не хотѣли ему объяснить, и старались показать видъ, что они ничего не знаютъ такого, чего бы и онъ не зналъ.

Когда дальнѣйшія наблюденія подтвердили первое впечатлѣніе, у него тревожно забилось сердце.

Онъ посидѣлъ столько, сколько было необходимо, чтобы дать отдыхъ лошади, и, отговорившись спѣшнымъ дѣломъ, простился и уѣхалъ.

Дома онъ молчалъ весь вечеръ и нѣхотя отвѣчалъ на вопросы брата; а послѣ ужина, когда дѣти улеглись спать, онъ прервалъ свое молчаніе.

— Скажите мнѣ,—началъ онъ, понижая голосъ:—боленъ ли я страшною болѣзнью, которой всѣ боятся?

— Зачѣмъ ты спрашиваешь объ этомъ?—отвѣтилъ братъ:—тебѣ лучше знать, боленъ ли ты.

— Если же я боленъ, скажите, долженъ ли я уйти отъ васъ?

Братъ молчалъ нѣсколько мгновеній, посмотрѣлъ на жену, такъ что ихъ взгляды встрѣтились, и сказалъ:

— Я думаю, что у тебя не та болѣзнь, какую ты назвалъ. Но чѣмъ бы ты ни былъ боленъ, ты останешься съ нами; пока будетъ въ нашей власти, мы тебя не отпустимъ отъ насъ. Когда нашъ отецъ померъ, ты остался совсѣмъ безпомощнымъ и слабымъ сиротой, и некому тебя было защитить, кромѣ меня. Мнѣ кажется, что ты и теперь такъ же малъ и безпомощенъ, какъ былъ тогда, когда померъ отецъ... Грѣшно мнѣ будетъ не защитить тебя...

Онъ не далъ брату говорить дальше и бросился ему на шею. Ему даже весело стало, точно бремя скатилось съ души.

Но потомъ начался рядъ безсонныхъ ночей, когда онъ узналъ, что среди заправилъ общества идутъ совѣщанья о томъ, что̀ дѣлать съ нимъ. Братъ скрывалъ отъ него извѣстія объ этомъ, но онъ прочелъ ихъ на печальныхъ лицахъ брата и невѣстки. Настроеніе его ухудшилось. Онъ уподобился человѣку, держащемуся за разбитый челнокъ среди волнъ и ожидающему, что вотъ, вотъ нахлынетъ волна и унесетъ его куда-то далеко, въ невѣдомый просторъ. Онъ тревожно озирался вокругъ юрты, когда выходилъ на дворъ, не ѣдетъ ли кто-нибудь за нимъ.

Онъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. За нимъ пріѣхали два человѣка. Сначала они не сказали, зачѣмъ пріѣхали. Они ѣли, пили, разсказывали новости, а потомъ одинъ изъ нихъ спохватился и вспомнилъ что-то.

— Чуть не забылъ-было,—сказалъ онъ, обращаясь къ старшему брату:—отъ князя Спиридона приказъ есть. Заказываетъ, чтобы вы оба пріѣхали черезъ три дня по важному дѣлу. Обще-

ственныя дѣла обсуждать будутъ, или приказъ отъ начальства изъ города пришелъ, пожалуй.

— Пожалуй, что есть,—подхватилъ второй якутъ.

Черезъ три дня онъ съ братомъ уѣхалъ къ князю обсуждать дѣла. Тамъ уже было нѣсколько человѣкъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ слылъ за знахаря и шамана. Этотъ старикъ не сводилъ съ него глазъ все время, пока онъ пилъ чай. Потомъ, когда пришла пора давать сѣно лошадямъ, его послали за этимъ во дворъ, и въ это время, видно, была рѣшена его судьба.

Когда онъ вернулся въ избу, старикъ, проницательно смотрѣвшій на него, прервалъ свое молчаніе.

— У тебя, парень, начинается опасная болѣзнь. Для того, чтобы она не перешла на другихъ, ты долженъ поселиться отдѣльно отъ всѣхъ людей и не имѣть съ ними сношеній. О тебѣ будутъ заботиться и доставлять тебѣ пищу. Тебя будетъ кормить твой братъ; по его просьбѣ, мы тебя оставляемъ не далеко отъ него, въ пяти верстахъ только. Но смотри, ты долженъ подчиниться всему тому, что̀ я тебѣ скажу.

И старикъ началъ давать ему наставленія, какъ жить и какъ себя вести. Онъ не долженъ ходить въ домъ брата и прикасаться къ его дѣтямъ, не долженъ трогать его скота, ни близко подходить къ дому, а переговариваться съ братомъ издали; онъ не долженъ ѣздить или ходить въ гости ни къ кому изъ знакомыхъ или друзей.

Молча выслушалъ онъ наставленія и далъ обѣщаніе исполнять ихъ. Грозная волна, которую онъ давно уже ждалъ, хлынула на него, но не отнесла его далеко отъ родного крова. Томительное ожиданье кончилось, разразился ударъ, и ему стало гораздо легче.

Онъ поселился въ брошенной юртѣ, въ пяти верстахъ отъ брата, но на другомъ озерѣ, не рыбномъ, отчего берега его не посѣщались людьми. Ни онъ, ни братъ его не исполняли указаній стараго знахаря. Братъ бывалъ у него ежедневно; онъ самъ сначала издали разговаривалъ съ братомъ, не подходя къ самому дому, потомъ началъ подходить къ окну; дѣти выбѣгали ему на встрѣчу и напрашивались на ласки. Большого труда стоило ему уклоняться отъ ихъ объятій. Потомъ онъ началъ захаживать въ домъ сначала не надолго, потомъ просиживалъ цѣлые вечера, разсказывалъ дѣтямъ сказки, слышанныя имъ самимъ въ дѣтствѣ у того же очага. Онъ уходилъ только ночевать къ себѣ. Когда издали слышался стукъ копытъ, возвѣщавшій проѣзжаго, онъ убѣгалъ въ тайгу и скрытными тропинками пробирался въ свое логовище.

Братъ извѣщалъ его, когда можно приходить къ нимъ, а когда нельзя. Вся семья брата сжилась и привыкла къ нему и безъ него скучала. Его присутствіе приводило всѣхъ въ лучшее настроеніе.

Болѣзнь, казалось, совсѣмъ оставила его. Въ общемъ онъ чувствовалъ себя здоровымъ; лишь по временамъ слабость находила на него. Тогда онъ впадалъ въ мрачное настроеніе: съ трепетомъ всматривался въ темную глубь лѣса, прислушивался къ тишинѣ, не услышитъ ли онъ стука копытъ, плохо спалъ и видѣлъ страшные сны. Постепенно онъ привыкъ къ своему новому положенію, взялся за свои прежнія занятія, опять ходилъ промышлять рыбу и птицъ и ставить луки на звѣрей. Онъ надѣялся перейти опять въ семью брата совсѣмъ, надѣялся выздоровѣть. Но надъ головой его вновь собралась гроза.

Въ улусѣ, среди якутовъ, въ огромномъ пустынномъ просторѣ лѣсовъ и болотъ, труднѣе скрыть что-нибудь отъ людей, чѣмъ въ тѣсныхъ стѣнахъ города. Всякая вѣсть съ быстротою молніи распространяется по улусу отъ юрты къ юртѣ. Разъ въ одной юртѣ стало извѣстно, что прокаженный вовсе не соблюдаетъ правилъ, которыя далъ слово исполнять, что онъ бываетъ каждый день у своего брата, няньчитъ его дѣтей, ѣстъ и пьетъ вмѣстѣ съ ними. Откуда это все стало извѣстнымъ? Можетъ быть, это все говорилось въ первомъ домѣ какъ предположеніе, во второмъ домѣ это передавалось какъ увѣренность, а въ третьемъ — въ извращенномъ видѣ. Утомленные скукой долгой зимы, люди чувствуютъ неотразимую потребность не только узнать новость, но и распространить ее; всякій, кто узналъ что-нибудь новое, сейчасъ сѣдлаетъ коня и ѣдетъ подѣлиться новостью съ сосѣдомъ.

Въ двѣ недѣли новость сдѣлала свое дѣло, встревожила воротилъ общества, заботящихся объ охраненіи общественнаго здравія. Они съѣхались на совѣщаніе, и участь прокаженнаго была рѣшена. Рѣшено было поселить его на озерѣ Деркатахѣ; оттого ранней весною явились тамъ люди съ топорами и поправили юрту, гдѣ умеръ прошлою зимою прокаженный. Братъ его не въ силахъ былъ противиться волѣ общества. Онъ одинъ только думалъ иначе, и зато его повезли на новое мѣсто жительства съ связанными руками, какъ преступника.

III.

...Итакъ, онъ остался одинъ въ опоясанной болотами лѣсной трущобѣ. Но развѣ онъ въ первый разъ видѣлъ такую трущобу? Развѣ онъ не живалъ въ нихъ съ дѣтства? Цѣлыя недѣли и мѣсяцы проводилъ онъ на недоступныхъ островахъ, гдѣ не было людей, гдѣ бродили медвѣди, сохатые, да олени. Да, но онъ жилъ тамъ добровольно, по своему желанію; теперь онъ принужденъ жить въ болотной трущобѣ противъ своей воли. Тюрьмой его была пустыня; въ предѣлахъ ея онъ могъ дѣлать, что̀ хотѣлъ, могъ удаляться на сотни верстъ отъ своей юрты, онъ могъ быть вездѣ, гдѣ не было людей, но не имѣлъ права быть тамъ, гдѣ были люди. Надолго ли онъ запертъ въ этой пустынной, просторной тюрьмѣ? Неужели на всю жизнь? Дрожь пробѣгала по его тѣлу при этой мысли. Эта мысль рождала много другихъ мыслей, возможности появленія которыхъ онъ не подозрѣвалъ. Онѣ никогда не пришли бы ему въ голову, еслибы онъ жилъ по прежнему въ прежней обстановкѣ, въ обществѣ людей, еслибы не случилось все то, что̀ привело его на озеро отверженныхъ. Ему казалось, что мысли, приходившія ему на умъ, не рождались въ немъ, а уже готовыя приходили къ нему отъ деревьевъ, отъ зеленыхъ береговъ, отъ крестовъ на могилахъ. Или это души прокаженныхъ, которые страдали и умирали здѣсь, невидимо носятся въ воздухѣ и показываютъ ему мысли, которыхъ они были полны при жизни?

Раньше онъ никогда не завидовалъ ни чужому здоровью, ни чужому богатству. Теперь онъ завидовалъ всѣмъ людямъ своего общества, которые остались въ своихъ прежнихъ жилищахъ, въ кругу своихъ друзей и знакомыхъ, а его принудили удалиться и жить въ лѣсной трущобѣ. Почему они всѣ имѣютъ право жить, какъ прежде жили, а ему отказываютъ въ этомъ правѣ? Почему,—спрашивалъ онъ себя,—князь Спиридонъ, который былъ главнымъ виновникомъ переселенія его на Деркатахъ, имѣетъ право жить по своему усмотрѣнію, а онъ не имѣетъ на это права? Развѣ князь Спиридонъ не такъ родился на свѣтъ, какъ онъ? Нѣтъ, Спиридонъ родился такъ же, какъ онъ, одаренъ тѣми же качествами, какъ онъ, и имѣетъ тѣ же потребности, онъ всѣмъ похожъ на него. Отчего Спиридонъ богатъ, уважаемъ всѣми, а онъ бѣденъ, всѣми отверженъ, лишенъ всѣхъ благъ, которыми пользуется князь Спиридонъ? Оттого, что онъ, по мнѣнію князя Спиридона и знахаря, боленъ проказой. Но откуда же Спиридонъ знаетъ,

что завтра онъ самъ не заболѣетъ проказой? Тогда съ княземъ будетъ поступлено такъ же, какъ съ нимъ... Но развѣ можно утѣшаться въ своемъ страданьѣ сознаніемъ того, что страдаетъ другой? Развѣ справедливо отлучать отъ общества людей только за то, что они заболѣли такою болѣзнью, которая можетъ случиться со всякимъ? Почему другой князь, Иванъ, который ограбилъ сиротъ, отданныхъ ему въ опеку, пользуется всеобщимъ уваженіемъ, а онъ, который не только не сдѣлалъ никому зла, но и не подумалъ зла противъ другого человѣка, составляетъ предметъ всеобщаго отвращенія и боязни? Князя Ивана всѣ называютъ умнымъ за то, что онъ съумѣлъ оттягать имущество отъ беззащитныхъ сиротъ, всѣ ему кланяются всѣ ему льстятъ, а отъ него, который ничего ни у кого не отнялъ въ жизни, всѣ отворачиваются. Неужели болѣзнь—преступленіе?

Но еслибы онъ самъ былъ здоровъ, не поступилъ ли бы онъ такъ съ другимъ прокаженнымъ, какъ теперь поступили съ нимъ другіе люди? Навѣрное онъ поступилъ бы такъ же, какъ другіе, онъ избѣгалъ бы встрѣчи съ нимъ, онъ подалъ бы свой голосъ за изгнаніе его изъ общества людей. Зачѣмъ же теперь онъ думаетъ иначе, чѣмъ думалъ бы тогда, когда бы былъ здоровъ? Онъ удивлялся тому, что у него на Деркатахѣ явились мысли, какихъ не было у него раньше. Откуда брались онѣ? Ихъ приносилъ вѣтеръ отъ могилъ прокаженныхъ. Они оставили ему въ наслѣдство печальныя воспоминанія о себѣ. Онъ вступилъ во владѣніе этимъ наслѣдствомъ и началъ переживать тѣ же муки, какія переживали они до него, на этомъ самомъ мѣстѣ. Такъ же, какъ они, онъ томился своимъ одиночествомъ, безмолвіемъ пустыни, окружающей его со всѣхъ сторонъ; думалъ о несправедливости людей и видѣлъ страшные сны въ долгія, зимнія ночи, подъ вой бури, плакавшей на могилахъ прокаженныхъ. Лѣтомъ онъ тосковалъ среди ликующей природы, среди зеленаго шума лѣсовъ еще болѣе, чѣмъ зимою, потому что онъ не имѣлъ возможности наслаждаться прекрасными мгновеніями короткаго лѣта въ обществѣ другихъ людей. Онъ былъ невольникъ огромной безлюдной пустыни и ненавидѣлъ ее, какъ узникъ ненавидитъ тюрьму.

Съ теченіемъ времени онъ освоился со своею тюрьмою, но не пересталъ тосковать. Грустный, задумчивый, сидѣлъ онъ въ лѣтніе вечера у порога своей юрты и глядѣлъ, какъ солнце склонялось къ закату и деревья ложились на воду своею длинною тѣнью, какъ заря разливалась по небу красною каймою и застилала озеро розовымъ, прозрачнымъ туманомъ, а на темносинемъ

сводѣ неба зажигалась вечерняя звѣздочка; какъ зеленыя заросли по краямъ озера приходили въ движеніе и утки со своими выводками выплывали изъ нихъ на широкій водный просторъ. По цѣлымъ часамъ онъ слушалъ, какъ кричали гуси гдѣ-то за лѣсомъ, выбирая мѣсто ночлега на берегу удобнаго залива, какъ чирикали мелкія птички по кустамъ, а гдѣ-то далеко, далеко стонала гагара протяжнымъ, тоскливымъ стономъ, похожимъ на истерическій смѣхъ. Какой-то странный отзвукъ этого крика давала вода. Онъ точно катился по поверхности озера по одной невидимой водяной тропинкѣ, которая дрожала и звучала, какъ дрожитъ струна отъ рѣзкаго посторонняго звука. Онъ смотрѣлъ и на кладбище прокаженныхъ. Когда тайга шумѣла и волны ходили по озеру, безпорядочной толпою обгоняя другъ друга, ему казалось, что кресты шатаются на могилахъ, киваютъ вершинами и манятъ его въ свои широко раскрытыя объятія.

Первое мѣсто въ его думахъ занималъ издавна волнующій его вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ онъ боленъ тою болѣзнью, которая въ ихъ обществѣ считается преступленіемъ. Правда, онъ иногда чувствовалъ странную боль во всѣхъ членахъ, но чаще всего онъ бывалъ совершенно здоровъ, чувствовалъ потребность въ движеніи и работѣ. Онъ не ограничивался, какъ его предшественникъ, прогулкой по протоптанной тропинкѣ отъ юрты къ озеру и обратно. Онъ ходилъ далеко, верстъ за пятнадцать и дальше по своей обширной тюрьмѣ.

Далеко на горизонтѣ виднѣлся высокій холмъ, поросшій лѣсомъ; за нимъ въ полусотнѣ верстъ начинались горы, окаймляющія берегъ большой, широкой рѣки. Ихъ туманныя очертанія въ ясную погоду обозначались тамъ, гдѣ лѣсъ не походилъ на лѣсъ, а на полоску неба, отличающуюся отъ всего небеснаго свода своимъ болѣе темнымъ цвѣтомъ. За холмомъ жили люди; тамъ была граница его тюрьмы. Онъ не имѣлъ права ходить туда, но онъ все-таки шелъ по направленію къ холму верстъ пятнадцать, взбираясь на другой холмъ поменьше, и окидывалъ взоромъ всю разстилавшуюся передъ нимъ даль. Сначала его взоръ встрѣчалъ лѣсъ, за лѣсомъ были низкорослыя заросли, дальше онѣ рѣдѣли и разсыпались небольшими рощицами по огромной полянѣ, гдѣ искрилось въ лучахъ солнца большое озеро. Окрестности озера были пустынны, только недѣли двѣ въ году подъ осень пріѣзжали сюда люди промышлять рыбу. Эти двѣ недѣли прокаженный почти не сходилъ съ холма; притаившись подъ деревьями, онъ жадно впивался глазами въ синѣющуюся даль, въ сверкающую ленту озера, старался увидѣть людей, угадать ихъ

присутствіе. Онъ видѣлъ черныя точки на водѣ: это люди разъѣзжали въ лодочкахъ по озеру. Онъ радостно глядѣлъ на движущіяся черныя точки, угадывалъ въ нихъ знакомыхъ и вспоминалъ о томъ времени, когда онъ самъ былъ среди нихъ. Ему такъ хотѣлось сойти съ холма, перейти черезъ лѣсъ, болота и ручьи, подойти къ людямъ и заговорить съ ними. Но онъ не долженъ былъ этого дѣлать, а долженъ былъ скрываться отъ людей. Ему такъ грустно и досадно становилось на душѣ при этой мысли, что хотѣлось уйти сейчасъ же отсюда, бѣжать за тысячу верстъ отъ границъ родного наслега. Онъ обдумывалъ подробности этого страннаго побѣга изъ тюрьмы, имѣющей сотни верстъ въ окружности, въ неизвѣстную пустыню, гдѣ бродятъ тунгусы. Онъ поселится въ горахъ, въ дикомъ недоступномъ ущельѣ, будетъ жить сурово и бѣдно своимъ скуднымъ промысломъ, но зато не будетъ чувствовать своей отверженности и презрѣнія людей. У него хватило бы энергіи сдѣлать это, но его удерживала надежда, эта вѣчная спутница молодости. Онъ надѣялся, что онъ выздоровѣетъ, что братъ похлопочетъ за него, и его опять вернутъ къ людямъ. Но проходили дни, мѣсяцы, а вѣстей отъ брата не было. Изрѣдка пріѣзжали чужіе люди, привозили ему пищу и оставляли ее подъ бугромъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ юрты, и уѣзжали.

Разъ утромъ онъ проснулся въ испугѣ; ему показалось, что его зоветъ кто-то. Но въ юртѣ не было никого и было тихо вокругъ юрты; обычная тишина господствовала въ лѣсахъ. Онъ слышалъ чей-то голосъ во снѣ; звукъ этого голоса остался у него въ памяти, а сна онъ не могъ припомнить. Только онъ открылъ дверь юрты, какъ вдругъ послышался звукъ, который онъ слышалъ во снѣ. Это было ржаніе лошади. Онъ оглядѣлся кругомъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно оставляли пищу для прокаженныхъ, привязанная за ремень къ корнямъ кустовъ, стояла лошадь. Его лошадь! Та самая, на которой онъ всегда ѣздилъ на промыселъ. Когда скрипнула дверь, она заржала сильнѣе, она увидѣла и привѣтствовала его. Онъ бросился къ лошади и обнималъ ее, какъ друга. Она смотрѣла на него своими умными глазами, хватала его губами за руки и дѣлала видъ, что кусаетъ его.

Съ тѣхъ поръ онъ раздѣлялъ свое уединеніе съ лошадью, которую, повидимому, послалъ ему братъ. Когда она паслась, онъ бродилъ по близости и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы она не перешла за поясъ болотъ и не ушла къ табунамъ, бродившимъ по

водѣ. Часто онъ предпринималъ на ней поѣздки по берегамъ озера и въ лѣса, туда, гдѣ онъ не могъ встрѣтиться съ людьми.

Такъ жилъ онъ въ своемъ изгнаніи, безъ всякихъ радостей и развлеченій, какія даетъ человѣку общество другихъ людей. Въ долгіе зимніе вечера его развлекали завыванія бури, которая носилась по озеру, взметая сугробы снѣга, трескъ огня на очагѣ, который говорилъ ему о быломъ, о томъ времени, когда онъ сидѣлъ у огня и слушалъ сказки про богатыря Чалая. Лѣтомъ онъ промышлялъ рыбу и утокъ, ѣздилъ по окрестностямъ своей лѣсной тюрьмы, входилъ на холмъ, искалъ глазами черныя движущіяся точки на поверхности дальняго озера и думалъ тѣ же думы, какія думали до него другіе прокаженные на томъ самомъ мѣстѣ. Онъ велъ жизнь, съ внѣшней стороны болѣе или менѣе похожую на жизнь его предшественниковъ, но въ душѣ у него не было того же чувства тупой покорности, что у нихъ. Онъ не хотѣлъ умереть какъ они, онъ надѣялся на свое освобожденіе изъ тюрьмы и ждалъ.

А. К.

НАСЕЛЕНІЕ УНИВЕРСИТЕТОВЪ

Проектъ „урегулированія“ числа учащихся по университетамъ.

I.

Давно уже сообщается извѣстіе въ газетахъ о вновь возникшемъ проектѣ урегулированія количества учащихся по университетамъ. Поводомъ для возникновенія такого проекта, по этимъ извѣстіямъ, является „значительное увеличеніе студентовъ въ двухъ столичныхъ университетахъ и въ университетѣ св. Владиміра (кіевскомъ) и соотвѣтственное уменьшеніе числа студентовъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ университетахъ, какъ напримѣръ въ казанскомъ и новороссійскомъ“. „Такое неравномѣрное распредѣленіе учащихся по университетамъ и скопленіе ихъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, — говорится далѣе въ сообщеніяхъ, — дѣлаютъ крайне затруднительнымъ какъ веденіе сколько-нибудь правильныхъ практическихъ занятій, такъ, особенно, производство испытаній, непосильно утомляющихъ и экзаменующихся и экзаменаторовъ. Во избѣжаніе этого и въ видахъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія студентовъ по университетамъ, министерство народнаго просвѣщенія проектируетъ установить правило, чтобы въ каждый университетъ поступали лишь молодые люди, имѣющіе аттестатъ зрѣлости одной изъ гимназій соотвѣтственнаго учебнаго округа“. Совѣтамъ всѣхъ университетовъ предложено высказаться по этому предмету, и мнѣнія ихъ будутъ представлены въ министерство вмѣстѣ съ заключеніями попечителей учебныхъ округовъ.

Такія мнѣнія, вѣроятно, уже составлены совѣтами нѣкоторыхъ университетовъ или, по крайней мѣрѣ, многими факульте-

тами тамъ, гдѣ предварительное обсужденіе проекта было предоставлено послѣднимъ. Вполнѣ своевременнымъ является обсужденіе этого вопроса и въ печати. Цѣль настоящей статьи — возможно болѣе подробное разсмотрѣніе проекта, какъ со стороны вызвавшихъ его *поводовъ*, такъ и со стороны *результатовъ*, къ которымъ можетъ привести его осуществленіе, а также обсужденіе *мѣръ*, которыя представляются въ настоящее время наиболѣе желательными для успѣха университетскаго дѣла вообще и провинціальныхъ университетовъ въ частности.

Главными поводами къ возникновенію проекта, какъ уже было указано выше, являются: 1) неравномѣрное распредѣленіе студентовъ по университетамъ, вслѣдствіе значительнаго увеличенія числа учащихся въ трехъ университетахъ: петербургскомъ, московскомъ и кіевскомъ, при уменьшеніи числа ихъ въ остальныхъ университетахъ, и 2) невозможность сколько-нибудь правильно вести практическія занятія и испытанія въ тѣхъ университетахъ, гдѣ оказалось такое непомѣрное скопленіе учащихся. — Остановимся на этихъ поводахъ.

Насколько значительно увеличеніе числа студентовъ въ указанныхъ университетахъ, и насколько неравномѣрное распредѣленіе студентовъ по университетамъ превосходитъ въ настоящее время все, что̀ замѣчалось въ этомъ отношеніи раньше,—вотъ два вопроса, прежде всего останавливающіе на себѣ наше вниманіе. Отчеты университетовъ и всеподданнѣйшіе отчеты министра народнаго просвѣщенія даютъ намъ небезъинтересныя данныя для уясненія этихъ вопросовъ. Судя по этимъ даннымъ, въ петербургскомъ университетѣ въ 1886 году было 2.525 студентовъ и 102 вольнослушателя, всего 2.627 учащихся [1]); въ 1894 году студентовъ числилось 2.768, вольнослушателей 36, всего учащихся 2.804. Итакъ, мы видимъ, что число учащихся въ этомъ университетѣ за 8 лѣтъ увеличилось менѣе, чѣмъ на 200 человѣкъ, т.-е. всего въ среднемъ на 0,8% въ годъ; такое увеличеніе нельзя, конечно, назвать чрезмѣрнымъ, такъ какъ число учащихся возрастало въ данномъ случаѣ вдвое медленнѣе, чѣмъ общее населеніе Россіи. Что же касается той преобладающей роли, которую якобы началъ играть петербургскій университетъ въ дѣлѣ привлеченія учащихся, то и такое наблюденіе

[1]) Какъ здѣсь, такъ и въ послѣдующемъ изложеніи цифры учащихся относятся къ концу указаннаго года, или, иначе говоря, къ 1 января слѣдующаго года.—Надо замѣтить, что въ ближайшій за 1886 годомъ періодъ времени число студентовъ петербургскаго университета сократилось, благодаря случайнымъ причинамъ, а потому мы взяли именно 1886 годъ, когда этого искусственнаго сокращенія еще не было.

опровергается слѣдующими цифровыми данными. Въ 1894 году, изъ 14½—15 тысячъ учащихся (вмѣстѣ съ вольнослушателями) во всѣхъ университетахъ, на петербургскій падаетъ около 19%, въ 1886 году изъ 13.913 учащихся—почти столько же (18,9%), между тѣмъ какъ въ періодъ, напримѣръ, съ 1873 по 1881 гг.—не менѣе 20 и даже 21,7% (въ 1877 году).

Переходя къ московскому и кіевскому университетамъ, мы наблюдаемъ совершенно аналогичные факты. Московскій университетъ имѣлъ въ 1887 году 3.667 учащихся (въ томъ числѣ 408 вольнослушателей) и въ 1894 году 4.118 учащихся (въ томъ числѣ 212 вольнослушателей); такимъ образомъ приростъ учащихся въ немъ за семь лѣтъ составилъ всего 451 человѣкъ, или, въ среднемъ, 1,76% въ годъ. Кіевскій университетъ имѣлъ въ 1887 году 2.067 учащихся (въ томъ числѣ 43 вольнослуш. [1]), а въ 1894 г.—2.354 учащихся (въ томъ числѣ 41 вольнослуш.); приростъ кіевскаго университета за семь лѣтъ равнялся 287 человѣкамъ, или 1,98% въ годъ. Въ обоихъ случаяхъ цифры прироста (въ 1,76% и 1,98% въ годъ) едва-ли можно признать для Россіи чрезмѣрными. Въ общемъ, всѣ три университета: петербургскій, московскій и кіевскій, увеличились за данный періодъ времени всего лишь на 905 человѣкъ, т.-е., въ среднемъ, на 1½% въ годъ, при годовомъ приростѣ всего населенія Россіи приблизительно составляющемъ такой же процентъ. Итакъ, приростъ числа учащихся въ трехъ университетахъ, по оффиціальному указанію, возраставшихъ быстрѣе другихъ, не только не является чрезмѣрнымъ, но, напротивъ, едва поспѣваетъ за приростомъ населенія Россіи. Уже судя по этимъ даннымъ, т.-е. умышленно выбравъ наиболѣе благопріятное положеніе, мы должны признать, что распространеніе университетскаго образованія не прогрессировало у насъ за послѣднее время.

Неравномѣрность въ распредѣленіи учащихся, по отношенію къ московскому и кіевскому университетамъ, тоже понизилась за девятидесятые годы, подобно тому, какъ это было выше отмѣчено для петербургскаго университета. Изъ всѣхъ учащихся въ университетахъ на вышеуказанные два приходилось въ 1887, 1888 и 1889 годахъ 42,7, 44,1 и 45,1%, а въ 1893 и 1894 годахъ—43,2 и 43,6%, при чемъ учащіеся въ московскомъ университетѣ составляли около 27% общаго числа студентовъ, а въ кіевскомъ—болѣе 16%. Лѣтъ тридцать—сорокъ тому назадъ этотъ процентъ для московскаго университета былъ даже нѣсколько больше:

---

[1]) Цифры фармацевтовъ по кіевскому у. неизвѣстны и въ счетъ не вошли.

въ теченіе 11 лѣтъ—съ 1855 по 1865 годъ—онъ не спускался ниже 30 и доходилъ (въ 1855 г.) до 32,8%. Одинъ лишь кіевскій университетъ въ былыя времена игралъ въ этомъ отношеніи менѣе значительную роль (въ 1865 г.—10%, въ 1873 г.—14%), но и это не покажется намъ удивительнымъ, если мы припомнимъ, что всякія замѣшательства въ Польшѣ отражались на судьбѣ этого многострадальнаго университета, искусственно понижая число студентовъ въ немъ: такъ, благодаря возстанію 1863 года, число студентовъ кіевскаго университета въ 1865 году уменьшилось вдвое противъ 1862 года.

Но, можетъ быть, — несмотря на то, что три указанныхъ университета едва поспѣваютъ въ своемъ ростѣ за населеніемъ и за общей цифрой университетскихъ студентовъ и вольнослушателей,—абсолютное количество учащихся въ нихъ уже раньше было такъ велико, что теперь всякое возрастаніе ихъ бросается въ глаза? Быть можетъ, при небываломъ, нигдѣ невиданномъ скопленіи студентовъ въ одномъ мѣстѣ правильное устройство практическихъ занятій (и испытаній) дѣйствительно невозможно? Быть можетъ, три указанные университета представляютъ такія количества студентовъ, которыя не часто встрѣчаются во всей Европѣ? Послѣдняго можно было бы ожидать, такъ какъ въ Россіи университеты рѣдки, какъ нигдѣ. Такъ въ Швейцаріи 1 университетъ (включая въ счетъ 2 академіи) приходится на 430 тысячъ жителей; въ Голландіи, Бельгіи, Италіи, Испаніи— на 1 — 1,9 милліона; въ Норвегіи, Швеціи, Финляндіи, Даніи, Франціи, Германіи, Сербіи и Румыніи—на 2—2,9 милліона; въ Англіи, Австро-Венгріи, Болгаріи—на 3—4 милліона, въ Португаліи—на 5 милл. и даже въ Европейской Турціи на 5,6 милліона [1]); въ Россіи же каждый изъ ея девяти университетовъ приходится на 13,9 милліона населенія. Слѣдовательно, для того, чтобы Россія приблизилась къ европейскимъ нормамъ развитія университетскаго дѣла, русскіе университеты должны быть даже гораздо болѣе многолюдными, чѣмъ западно-европейскіе. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго не замѣчается, и наши центры „чрезмѣрнаго скопленія“ учащихся значительно отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ Европы. Впереди московскаго университета съ его 4.118 слушателями стоятъ пять университетовъ, изъ которыхъ первымъ является парижскій съ 12 тысячами слушателей въ своихъ

[1]) Для этого вычисленія послѣднія имѣющіяся данныя объ университетахъ и населеніи взяты изъ ежегодника John Scott Keltie: The Statesman's yearbook. London. 1895.

четырехъ спеціальныхъ школахъ [1]); далѣе слѣдуютъ: берлинскій, имѣющій 4.979 студентовъ и 3.471 вольнослушателя, всего 8.450 человѣкъ, мадридскій съ 6.000 слушателей, вѣнскій съ 4.919 студентами и неаполитанскій съ 4.751 слушателемъ. Что касается петербургскаго университета, то, кромѣ упомянутыхъ уже пяти иностранныхъ и одного русскаго университета, его превосходятъ еще семь университетовъ: буда-пештскій, пражскій, мюнхенскій, лейпцигскій, оксфордскій, эдинбургскій и кэмбриджскій; кіевскій же университетъ стоитъ *пятнадцатымъ* въ общемъ спискѣ европейскихъ университетовъ. Несмотря на такое скопленіе учащихся въ университетахъ большихъ западно-европейскихъ городовъ, едва ли на Западѣ возникалъ гдѣ-либо проектъ сокращенія числа университетскихъ слушателей. Не говоря уже о практическихъ занятіяхъ, которыя въ большинствѣ случаевъ за границей обставлены гораздо лучше, чѣмъ въ нашихъ университетахъ, и государственные экзамены въ Германіи, откуда мы ихъ и заимствовали, вызываютъ неудовольствія лишь вслѣдствіе недостатковъ, присущихъ имъ самимъ, а не вслѣдствіе слишкомъ большого количества экзаменующихся.

Но одной справки о числѣ студентовъ въ европейскихъ университетахъ недостаточно для рѣшенія вопроса о затрудненіяхъ „въ веденіи сколько-нибудь правильныхъ практическихъ занятій и особенно въ производствѣ испытаній, непосильно утомляющихъ и экзаменующихся и экзаменаторовъ". Необходимо разсмотрѣть цифры учащихся въ сказанныхъ университетахъ по отдѣльнымъ факультетамъ, такъ какъ постановка на нихъ практическихъ занятій и экзаменовъ крайне различна. Такое разсмотрѣніе обнаружитъ, на какихъ именно факультетахъ количество студентовъ увеличилось за взятый нами періодъ и дѣйствительно достигло большой цифры, а затѣмъ уже, на основаніи этихъ данныхъ, можно будетъ судить и о значеніи числа студентовъ для правильной постановки занятій и испытаній.

Исключивъ изъ разсмотрѣнія цифры вольнослушателей, не распредѣляемыя отчетами по факультетамъ, мы видимъ, что въ

---

[1]) См. статью: „Парижскій университетъ", М. В. Венюкова, въ „Книжкахъ Недѣли", іюль 1895. На отдѣльныхъ факультетахъ въ Парижѣ было слѣдующее число студентовъ:

на юридическомъ факультетѣ	(Ecole des Droits)	5.000
„ медицинскомъ „	(Ecole de Médecine) . . .	4.600
„ фармацевтическомъ „	(Ecole de Pharmacie). . .	1.600
„ физико-математ. „	Сорбонна	1.300
„ словесномъ „		500

трехъ университетахъ (московскомъ, петербургскомъ и кіевскомъ) были на разныхъ факультетахъ ниже указанныя числа студентовъ. Зная, что каждый медицинскій факультетъ имѣетъ пять курсовъ, а всѣ остальные по четыре, мы можемъ вычислить, сколько въ среднемъ приходилось студентовъ на одинъ курсъ каждаго изъ факультетовъ. Вотъ соотвѣтственныя цифры:

Число студентовъ по факультетамъ.		Историко-филолог.	Естественное отдѣленіе.	Математ. отдѣленіе.	Юридическій факультетъ.	Медицинскій факультетъ.	Восточный факультетъ.
1886 г.	Московскій университетъ	314	237	349	1.045	1.237	—
	Петербургскій „	224	426	618	1.170	—	87
	Кіевскій „	149	91	224	559	945	—
	Итого . .	687	754	1.191	2.774	2.182	87
1894 г.	Московскій университетъ	266	480	346	1.530	1.284	—
	Петербургскій „	187	536	494	1.462	—	89
	Кіевскій „	53	212	120	942	986	—
	Итого . .	506	1.228	960	3.934	2.270	89
Въ среднемъ, на 1 курсъ приходилось въ 3-хъ университетахъ.	1886 г.	57	63	99	231	218	22
	1894 г.	42	102	80	328	227	22

Итакъ, на филологическомъ факультетѣ среднее число студентовъ, приходящееся на одинъ курсъ, упало съ 57 до 42; пало оно также на математическомъ отдѣленіи съ 99 до 80, осталось почти безъ перемѣны на медицинскомъ—218 противъ 227, и только на двухъ остальныхъ поднялось: на естественномъ съ 63 до 102, и на юридическомъ—съ 231 до 328 человѣкъ. Такимъ образомъ, судя уже по самымъ цифрамъ учащихся, ни о какомъ переполненіи на филологическомъ и математическомъ факультетахъ не можетъ быть и рѣчи; по отношенію къ естественному и медицинскому факультетамъ вопросъ о переполненіи ихъ можетъ быть разрѣшенъ разсмотрѣніемъ постановки на нихъ практическихъ занятій и отчасти государственныхъ испытаній; то же нужно сказать и о юридическомъ факультетѣ, съ тою лишь разницею, что для него положеніе практическихъ занятій менѣе важно, а государственныя испытанія, напротивъ, ведутъ къ массѣ неудобствъ. Займемся поочередно послѣдними тремя факультетами.

Если на отдѣленіи естественныхъ наукъ число учащихся и поднялось нѣсколько, то, во всякомъ случаѣ, количество въ 102 человѣка на курсъ не можетъ представлять затрудненій при экзаменахъ: каждый преподаватель легко можетъ проэкзаменовать своихъ слушателей въ теченіе двухъ-трехъ дней. Гораздо большее значеніе имѣетъ вопросъ о правильной постановкѣ на этомъ отдѣ-

леніи практическихъ занятій. Можно, конечно, съ полнымъ основаніемъ утверждать, что ни на одномъ изъ естественныхъ факультетовъ Россіи дѣло это не поставлено безусловно хорошо. Поэтому здѣсь примѣнима только относительная, но не абсолютная мѣрка: мы можемъ говорить не о томъ, какое число студентовъ вполнѣ обезпечено существующими въ каждомъ университетѣ приспособленіями для практическихъ занятій, а лишь о томъ, гдѣ именно можетъ учиться сравнительно большее число студентовъ съ меньшими, сравнительно же, неудобствами. При этомъ намъ придется довольствоваться только приблизительной оцѣнкой помѣстительности кабинетовъ, лабораторій и т. д., такъ какъ въ отчетахъ цифровыя указанія по этому поводу весьма рѣдки. Иногда же намъ придется составлять наши оцѣнки на основаніи косвенныхъ данныхъ. Такъ, если мы найдемъ, что учебно-вспомогательныя учрежденія устроены въ столичныхъ университетахъ сравнительно недавно, то это уже можетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ, что эти университеты болѣе приспособлены для вмѣщенія въ нихъ увеличившагося количества слушателей. Къ сожалѣнію, недостатокъ точныхъ данныхъ не даетъ намъ возможности категорически утверждать, что такія мѣры не принимались въ провинціальныхъ университетахъ, но имѣющіяся о нихъ свѣденія заставляютъ предположить, что они едва ли смогутъ удовлетворить потребностямъ новаго количества слушателей.

Правильная постановка на естественномъ отдѣленіи практическихъ занятій прежде всего требуетъ устройства химическихъ лабораторій. По этому вопросу мы нашли слѣдующія указанія. Въ петербургскомъ университетѣ зданіе лабораторіи окончено лишь въ 1894 году; лабораторія построена на назначенную въ 1890 году ассигновку изъ государственнаго казначейства въ 250 тысячъ рублей, на суммы изъ общихъ остатковъ по министерству народнаго просвѣщенія и изъ спеціальныхъ средствъ университета. Она представляетъ обширное, отдѣльное зданіе въ три этажа; въ ней двѣ аудиторіи, одна на 350 слушателей, другая на 72, нѣсколько залъ для практическихъ упражненій студентовъ, нѣсколько химическихъ отдѣленій и значительное количество отдѣльныхъ комнатъ для спеціальныхъ занятій и разныхъ химическихъ работъ; въ зданіи же лабораторіи находятся квартиры профессора и лаборантовъ. Достаточныя средства, отпущенныя на постройку лабораторіи, и имя устроителя ея, проф. Меншуткина, ручаются за то, что эта лабораторія будетъ однимъ изъ образцовыхъ учрежденій этого рода у насъ въ Россіи. Очевидно также, что лабо-

раторія, разсчитанная по меньшей мѣрѣ на 400 учащихся, не только съ избыткомъ можетъ удовлетворять потребностямъ наличнаго числа студентовъ, равнаго въ среднемъ 134 человѣкамъ на курсъ, но еще долгое время не будетъ представлять препятствій и для увеличенія этого количества въ будущемъ [1]). Химическая лабораторія московскаго университета, построенная сравнительно недавно (въ началѣ 80-хъ годовъ), хотя и крайне неудачно, довольно помѣстительна, а устроенная при ней аудиторія можетъ вмѣщать до 300 человѣкъ. Если зданіе лабораторіи и требуетъ перестройки, то не столько вслѣдствіе тѣсноты, сколько вслѣдствіе какихъ-то неблагопріятныхъ условій мѣстности и техническихъ пріемовъ постройки, благодаря чему является неравномѣрная осадка частей зданія, и оно постоянно даетъ трещины. Переустройство такихъ помѣщеній все равно необходимо при всякомъ количествѣ студентовъ. Кіевская лабораторія перестроена, какъ и московская, въ 80-хъ годахъ, и ея четырехъ-этажное зданіе можетъ вмѣстить достаточное число практикантовъ. Если размѣры московской и кіевской лабораторій въ будущемъ окажутся недостаточными, то правильная постановка практическихъ занятій по химіи потребуетъ развѣ небольшихъ затратъ: единовременныхъ на расширеніе этихъ лабораторій, да постоянныхъ—на приглашеніе одного-двухъ лишнихъ руководителей.

Переходя къ постановкѣ практическихъ работъ по остальнымъ наукамъ естественнаго отдѣленія, мы принуждены ограничиться лишь общими замѣчаніями, за отсутствіемъ точнаго матеріала. Мы знаемъ, что почти всѣ онѣ допускаютъ размѣщеніе работающихъ по группамъ, а это даетъ возможность приспособляться къ существующимъ условіямъ въ весьма широкихъ предѣлахъ. Если же на естественныхъ отдѣленіяхъ большихъ университетовъ нѣкоторыя практическія занятія обставлены неудовлетворительно, то улучшеніе ихъ обстановки уже въ большинствѣ случаевъ поставлено на очередь, и мы въ правѣ думать, что и болѣе обширныя помѣщенія, и лучшія учебно-вспомогательныя пособія будутъ созданы въ крупныхъ университетахъ, гдѣ объ этомъ уже давно поднятъ вопросъ, и гдѣ сравнительно небольшое количество наукъ еще нуждается въ лучшихъ приспособленіяхъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь это можетъ быть сдѣлано скорѣе, чѣмъ въ провинціальныхъ университетахъ, разсчитывавшихъ до сихъ поръ на много мень-

[1]) Свѣденія о лабораторіи заимствованы изъ отчета петербургскаго университета, стр. 37, въ Журналѣ министерства просвѣщенія, 1895, май.

шее количество слушателей и потому не имѣвшихъ повода заговорить объ улучшеніи учебно-вспомогательныхъ учрежденій [1]).

Переходя къ медицинскимъ факультетамъ, которые имѣются только въ двухъ изъ указанныхъ университетовъ—московскомъ и кіевскомъ, мы не можемъ не признать жалобъ на переполненіе ихъ по меньшей мѣрѣ неосновательными. Большое скопленіе студентовъ въ нашихъ медицинскихъ факультетахъ существуетъ не первый годъ. По времени, появленіе такого скопленія связано съ эпохами турецкихъ войнъ 1855 и 1878 годовъ и въ значительной мѣрѣ вызвано потребностью нашего правительства въ медикахъ. На первыхъ порахъ такое скопленіе затрудняло, конечно, правильную постановку преподаванія, но тогда не принималось никакихъ мѣръ для сокращенія числа учащихся. Теперь, когда за послѣднее время потрачено много усилій на правильную постановку преподаванія на медицинскихъ факультетахъ и многія потребности уже удовлетворены, а самое число слушателей на факультетахъ значительно поубавилось, жалобы на переполненіе ихъ являются запоздалыми. Вотъ что̀ говорятъ по этому поводу имѣющіяся данныя.—Еще въ 1859 году число студентовъ на болѣе многолюдномъ изъ медицинскихъ факультетовъ—московскомъ—доходило до 899, а съ конца 1879 года по 1894 г. оно не опускалось ниже 1.096 человѣкъ. За послѣднее время число студентовъ на этомъ факультетѣ не только не повышалось, но даже падало: за три послѣдовательныя пятилѣтія,—1880—84, 1885—89 и 1890—94 гг.—число это равнялось въ среднемъ 1.370, 1.232 и 1.169 человѣкъ. Конечно, за 35 лѣтъ московскій медицинскій факультетъ могъ приспособить свои зданія и пособія для удовлетворенія потребностей наличнаго числа учащихся. И дѣйствительно, имъ созданы цѣлыя учрежденія для практическихъ работъ студентовъ, отчасти уже раньше, какъ, напр., анатомическій театръ, а, главнымъ образомъ, за послѣднее время, какъ институты физіологіи и гистологіи, фармакологіи, общей патологіи и гигіены, какъ огромный патолого-анатомическій институтъ и клиники. „Московскій университетъ,—гласитъ отчетъ его за 1894 годъ [2]),—чрезвычайно богатъ различными вспомогательными учебными учрежденіями. Помимо своихъ обширныхъ и велико-

---

[1]) Насколько можетъ затруднить нѣкоторые провинціальные университеты всякое, самое незначительное увеличеніе количества ихъ слушателей, именно вслѣдствіе недостатка лабораторій, кабинетовъ и клиникъ, а отчасти даже аудиторій на естественномъ и медицинскомъ факультетахъ, см. письмо изъ казанскаго унив. въ № 288 „Русск. Вѣд.“ за 1895.

[2]) Журналъ мин. просв. 1895, апрѣль (Современная лѣтопись, стр. 68).

лѣчныхъ клиникъ, которыя являются однѣми изъ первыхъ во всемъ мірѣ [1]), онъ имѣетъ еще: обсерваторію, ботаническій садъ, 12 кабинетовъ, 7 лабораторій, 4 музея и 3 института; за исключеніемъ кабинета изящныхъ искусствъ и древностей и кабинета судебной медицины, всѣ остальные служатъ для цѣлей преподаванія на факультетахъ медицинскихъ и физико-математическомъ". Дѣйствительно, въ настоящее время въ московскомъ университетѣ не замѣчается тѣсноты при групповыхъ занятіяхъ даже по диссекціи труповъ, не говоря уже о занятіяхъ по физіологіи или гистологіи или о кураторствѣ при постели больного. Московскій медицинскій факультетъ уже 15 лѣтъ тому назадъ вмѣщалъ гораздо большее число студентовъ, чѣмъ вмѣщаетъ теперь, а о цифрахъ въ 900 человѣкъ имѣлъ понятіе еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ; въ настоящее время онъ вполнѣ приспособилъ свои учебно-вспомогательныя учрежденія къ нуждамъ большого количества студентовъ. Какая надобность въ 1895 году возвращаться къ числу учащихся 1874 и 1873 годовъ, къ чему пятиться назадъ на слишкомъ 20 лѣтъ?! Вѣдь если въ московскій медицинскій факультетъ будутъ допускаться окончившіе курсъ гимназій лишь въ московскомъ округѣ, то общее число студентовъ этого факультета неминуемо упадетъ съ 1.200 до 700, такъ какъ студентовъ-медиковъ изъ гимназистовъ московскаго округа въ Москвѣ было въ 1890—1893 годахъ только 671, 658, 685 и 743 человѣка. Надо замѣтить при этомъ, что стоимость содержанія клиникъ и другихъ учебныхъ институтовъ ничуть не уменьшится, и искусственная малолюдность ихъ не будетъ имѣть никакихъ оправданій.

Въ кіевскомъ университетѣ число студентовъ медицинскаго факультета на цѣлую четверть меньше числа этихъ студентовъ въ московскомъ университетѣ; благодаря этому цѣлесообразное переустройство въ Кіевѣ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, въ разсчетѣ на наличное количество слушателей, представляется гораздо менѣе затруднительнымъ. Въ настоящее время эти учрежденія если и не выдѣляются такъ выгодно изъ ряда другихъ, какъ московскія, то, во всякомъ случаѣ, удовлетворяютъ потребностямъ наличнаго количества слушателей не хуже соотвѣтственныхъ учрежденій другихъ провинціальныхъ университетовъ. Въ нѣкоторыхъ же изъ послѣднихъ они положительно хуже, чѣмъ въ Кіевѣ, и всякая попытка насильственнаго перемѣщенія извѣст-

[1]) Клиники эти строились какъ на государственныя, такъ, главнымъ образомъ, и на пожертвованныя частными лицами средства, и содержаніе ихъ стоитъ казнѣ весьма дорого.

наго количества слушателей изъ кіевскаго университета въ другіе провинціальные университеты еще болѣе увеличитъ неудобства практическихъ занятій въ этихъ университетахъ. Судя по отчету кіевскаго университета за 1894 г. [1]), медицинскій факультетъ этого университета разсчитываетъ на притокъ частныхъ пожертвованій для расширенія своихъ клиникъ, и ужъ конечно имѣетъ при этомъ въ виду не уменьшеніе, а скорѣе увеличеніе числа учащихся.

Условія, при которыхъ происходятъ испытанія на медицинскомъ факультетѣ, также не оправдываютъ пессимистическихъ взглядовъ, высказываемыхъ въ проектѣ. Останавливаясь и тутъ на московскомъ медицинскомъ факультетѣ, какъ на большемъ изъ двухъ, мы можемъ сказать, что введеніе государственныхъ коммиссій, по уставу 1884 года, очень мало перемѣнило постановку экзаменовъ именно на медицинскихъ факультетахъ, и что результаты испытаній въ послѣднихъ, несмотря на многочисленность экзаменующихся [2]), пока настолько благопріятны, что вовсе не вызываютъ необходимости въ ломкѣ цѣлыхъ университетовъ, предлагаемой новымъ проектомъ. Вообще, неудобства экзаменовъ въ государственныхъ коммиссіяхъ, а отчасти и въ университетскихъ испытательныхъ коммиссіяхъ, всего сильнѣе должны были сказаться на юридическихъ факультетахъ, курсы которыхъ уже съ 1886 года многолюднѣе теперешнихъ медицинскихъ. Объ этихъ неудобствахъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ по поводу юридическихъ факультетовъ, къ которымъ мы теперь и переходимъ.

Количество слушателей на юридическихъ факультетахъ значительно возросло за послѣднее время: въ 1894 году на 1 курсъ приходилось въ среднемъ 328 человѣкъ, тогда какъ въ 1886 году это число равнялось 231. Если бы это возрастаніе продолжалось и далѣе въ такой же пропорціи, то могъ бы явиться вопросъ, могутъ ли старыя аудиторіи вмѣстить эти возрастающія количества студентовъ. Что же касается устройства практическихъ занятій и испытаній, то эти вопросы далеко не такъ существенны и разрѣшаются, какъ мы постараемся показать, довольно просто.

Итакъ, останавливаясь на быстротѣ возрастанія юридическихъ факультетовъ, разсмотримъ поподробнѣе его тенденцію. Вычисливъ—на основаніи абсолютнаго количества студентовъ на этихъ

---

[1]) См. „Извѣстія" этого университета за 1895 годъ.

[2]) Кстати замѣтимъ, что многочисленность эта не представляетъ ничего новаго и терпится уже 16 лѣтъ.

факультетахъ—среднiй годовой приростъ числа ихъ за четыре послѣдовательные періода, получимъ слѣдующія цифры:

	Среднiй годовой приростъ колич. студентовъ въ %			
	московск.	петерб.	кіевск.	3 вмѣстѣ.
1872—77	— 9,7	— 5,5	—11,8	— 8,2
1878—83	+20,2	+ 7,2	+38,0	+14,2
1884—89	+12,6	+ 0,8	+23,0	+ 9,0
1890—94	+ 5,2	+13,4	+ 5,9	+ 8,0

Изъ этой таблички мы видимъ, что ростъ юридическихъ факультетовъ былъ особенно силенъ въ шестилѣтіе съ 1878 по 1883 г., послѣ страшнаго упадка ихъ въ семидесятыхъ годахъ. Затѣмъ ростъ ихъ сильно замедлился и былъ сравнительно слабѣе въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ и еще слабѣе въ началѣ девятидесятыхъ. Такое послѣдовательное паденіе размѣра прироста юридическихъ факультетовъ замѣчается какъ вообще по всѣмъ тремъ университетамъ, такъ и отдѣльно, въ университетахъ московскомъ и кіевскомъ. Единственное исключеніе представляетъ петербургскій университетъ, гдѣ вслѣдствіе временныхъ причинъ, на которыхъ мы здѣсь не будемъ останавливаться, произошло паденіе числа юристовъ, да и студентовъ вообще, въ концѣ 80-хъ годовъ, а потому и особенно сильное возрастаніе этого числа въ началѣ 90-хъ годовъ.

Есть много основаній думать, что явленіе возрастанія юридическихъ факультетовъ, вызванное, вѣроятно, громаднымъ увеличеніемъ съ конца 70-хъ годовъ интереса къ общественнымъ наукамъ въ русскомъ обществѣ, уже заканчиваетъ свой циклъ, и что скоро, достигнувъ извѣстнаго предѣла, число студентовъ на юридическихъ факультетахъ сдѣлается неподвижнымъ и даже само собою пойдетъ на убыль; такое явленіе замѣчалось уже въ семидесятыхъ годахъ по сравненію съ шестидесятыми. Конечно, такой исходъ сдѣлалъ бы ненужными искусственныя ограниченія числа юристовъ, но, поскольку онъ является гадательнымъ, на немъ нельзя обосновать соображеній о неосновательности проектируемыхъ мѣръ противъ чрезмѣрнаго увеличенія числа студентовъ. Но если бы даже увеличеніе это и продолжалось, оно, съ нашей точки зрѣнія, не вызываетъ необходимости въ мѣрахъ, результаты которыхъ, какъ мы покажемъ дальше, могутъ оказаться неблагопріятными для развитія университетскаго дѣла вообще. Существуетъ много другихъ средствъ для уменьшенія неудобствъ отъ чрезмѣрнаго скопленія слушателей на томъ или иномъ факультетѣ. Такъ наиболѣе переполненные факультеты могли бы указать предѣлъ, по достиженіи котораго желающимъ поступить на

эти факультеты отказывали бы въ зачисленіи, что̀ и примѣнялось уже въ августѣ 1894 года по отношенію къ юридическому факультету въ Москвѣ. Эта вполнѣ обыкновенная и естественная мѣра безъ всякой ломки существующихъ университетскихъ порядковъ прекратила бы увеличеніе неудобствъ, дѣйствительно замѣчающихся теперь на юридическихъ факультетахъ, но неудобства эти совсѣмъ не указаны въ разбираемомъ нами проектѣ. Дѣло въ томъ, что, благодаря нѣкоторой оброшенности юридическихъ факультетовъ за послѣднее время, выразившейся въ томъ, что ни казна, ни сами университеты не увеличивали средствъ этихъ факультетовъ, аудиторіи въ большинствѣ изъ нихъ не соотвѣтствуютъ ни количеству слушателей, ни требованіямъ гигіены и достоинству университетскаго преподаванія. Въ московскомъ университетѣ, напримѣръ, гдѣ наибольшее количество спеціальныхъ средствъ университета [1]) доставляется именно юридическимъ факультетомъ, за послѣднія 8 лѣтъ почти ни копѣйки изъ нихъ не было затрачено на этотъ факультетъ, точно такъ же, какъ ничего не досталось ему и изъ средствъ, полученныхъ отъ возрастанія болѣе чѣмъ на половину суммъ, ассигнуемыхъ казною. Благодаря этому, два старшихъ курса юридическаго факультета помѣщались въ крайне тѣсныхъ и неудобныхъ аудиторіяхъ, а два младшихъ курса совсѣмъ не имѣли аудиторій, помѣщаясь—одинъ въ очень плохо устроенной въ акустическомъ отношеніи актовой залѣ, другой—въ пыльной и тѣсной библіотечной комнатѣ. Между тѣмъ на одни спеціальныя средства, полученныя за послѣднія восемь лѣтъ московскимъ университетомъ съ юридическаго факультета, помимо всякихъ субсидій и пожертвованій, можно было бы разрѣшить вопросъ объ аудиторіяхъ [2]).

---

[1]) Составляются они, главнымъ образомъ, изъ студенческихъ взносовъ въ пользу университета.

[2]) Слѣдующія справки съ бюджетомъ университета (суммы округлены до тысячъ) пояснятъ нѣкоторыя изъ высказанныхъ соображеній. Въ 1894 году весь доходъ университета составилъ 1.448 тыс. рублей, въ томъ числѣ:

1. По Высоч. утвержденной смѣтѣ и дополнительнымъ кредитамъ . .			960 тыс. р.
2. Спеціальныхъ средствъ:	a) % отъ капит. университета.	186 т. р.	
	b) разныхъ доходовъ и сборовъ (преимуществ. за слушаніе лекцій).	236 „ „	422 „ „
3. Прочихъ доходовъ			66 „ „
		Итого . . .	1.448 „ „

Расходовъ же было всего 1.213 тыс. рублей, а именно:

1. Изъ штатныхъ суммъ: a) на содержаніе личн. состава. 368 т. р.

Разъ вопросъ о тѣснотѣ аудиторій на юридическихъ факультетахъ будетъ поставленъ на очередь, болѣе тщательное изученіе дѣла укажетъ не только размѣры этого дѣйствительнаго неудобства, но и средства для его устраненія. Что же касается затрудненій, указанныхъ въ разбираемомъ нами проектѣ, то таковыя представляются намъ только кажущимися. Съ нашей точки зрѣнія, затрудненія при веденіи практическихъ занятій и производствѣ испытаній отчасти вовсе не существуютъ на юридическихъ факультетахъ, отчасти происходятъ отъ особыхъ причинъ, а не отъ многочисленности слушателей. Постараемся развить нашу мысль.

На юридическихъ факультетахъ устройство практическихъ занятій до сихъ поръ предоставлялось личнымъ силамъ преподавателей тѣхъ или другихъ предметовъ; занятія эти, смотря по талантливости руководителей, выбору темъ и составу слушателей, привлекали большее или меньшее количество студентовъ, но, къ сожалѣнію, никогда еще не отличались многолюдствомъ, слѣдовательно, и не могли страдать отъ излишней многочисленности участвующихъ въ нихъ. Напротивъ, отчасти вслѣдствіе невыработанности способовъ веденія занятій по общественнымъ наукамъ, отчасти вслѣдствіе сокращенія, по уставу 1884 года, преподаванія весьма важныхъ предметовъ, которые могли бы поставленными ими научными вопросами сильно заинтересовать практикантовъ, иногда вслѣдствіе недостатка пособій, иногда въ зависимости отъ состава профессоровъ, придерживающихся старыхъ пріемовъ преподаванія, а можетъ быть, и по другимъ какимъ-либо причинамъ,—практическія занятія на юридическихъ факультетахъ вообще слишкомъ малочисленны и малолюдны. Очень возможно, что такая постановка практическихъ занятій ведетъ ко многимъ нежелательнымъ послѣдствіямъ, затрудняя для студентовъ сдачу экзаменовъ, для профессоровъ—ознакомленіе со слушателями, а можетъ быть и внося непосильное утомленіе на испытаніяхъ для тѣхъ и другихъ. Поэтому профессорскимъ коллегіямъ юридиче-

---

b) на учебно-вспомог. учрежденія и хозяйственные расходы . .	504 „ „	
c) на остальныя нужды	93 „ „	960 тыс. р.
2. Изъ спеціальныхъ средствъ университета		194 „ „
3. Изъ статьи „прочіе доходы“		59 „ „

Такимъ образомъ остатокъ спеціальныхъ средствъ превышалъ 200 тыс. р. На учебно-воспитательныя учрежденія, какъ указано выше, казною въ 1894 году отпущено было 504 тыс. р. противъ 162 тыс. р. въ 1884 году; это увеличеніе ассигновки на 342 тыс. р. падаетъ почти исключительно на клиники. (См. отчетъ д-та: Журн. мин. просв. 1895, апрѣль, стр. 64).

скихъ факультетовъ предстоитъ озаботиться иной постановкой преподаванія общественныхъ наукъ, подумать о лучшемъ снабженіи учащихся соотвѣтственными научными методами и, во всякомъ случаѣ, о привлеченіи студентовъ къ практическимъ занятіямъ (конечно, не путемъ принудительныхъ мѣръ), а не объ искусственномъ сокращеніи числа практикантовъ. Затрудненія же въ производствѣ испытаній на юридическихъ факультетахъ, замѣчаемыя, главнымъ образомъ, въ государственныхъ коммиссіяхъ, зависятъ скорѣе отъ неправильной постановки самихъ испытаній, чѣмъ отъ возрастанія числа экзаменующихся. Вопросъ этотъ очень сложенъ, и здѣсь не мѣсто подвергать его подробному разсмотрѣнію; приведемъ лишь нѣсколько фактовъ, которые, какъ намъ кажется, помогутъ намъ разъяснить нашу мысль. Но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, укажемъ на перемѣны, происшедшія въ постановкѣ испытаній за послѣднее время.

Начиная съ 1888 — 89 года, окончившіе курсъ студенты подвергаются окончательнымъ испытаніямъ по пройденнымъ въ университетѣ наукамъ въ особыхъ испытательныхъ коммиссіяхъ, согласно уставу 1884 года. Эти испытательныя коммиссіи считаются, какъ извѣстно, какъ бы отдѣльными отъ университетскаго преподаванія, а такъ называемые „государственные экзамены" связаны съ надѣленіемъ правами на службу. Сообразно съ этимъ, члены коммиссій особо назначаются министромъ, хотя на практикѣ экзаменаторами бываютъ профессора соотвѣтственнаго университета, и лишь предсѣдатель назначается изъ постороннихъ университету лицъ. Вотъ къ этимъ-то коммиссіямъ и относятся, главнымъ образомъ, указанія проекта на неудобства испытаній, и, дѣйствительно, испытанія въ юридическихъ коммиссіяхъ не лишены типическихъ чертъ, на которыя мы вкратцѣ и укажемъ.

Заимствуемъ примѣры изъ практики московскаго университета. При разсмотрѣніи ихъ оказывается: 1) что производство испытаній въ государственныхъ юридическихъ коммиссіяхъ дало гораздо болѣе печальные результаты, чѣмъ это наблюдалось въ прежнее время; 2) что эти результаты гораздо хуже, чѣмъ въ въ другихъ коммиссіяхъ: филологической, физико-математической и медицинской; 3) что эти результаты подвержены вліянію какихъ-то случайныхъ причинъ, колеблются изъ года въ годъ, чего не замѣчается въ другихъ коммиссіяхъ, и что не можетъ свидѣтельствовать о правильной постановкѣ испытаній, и 4), наконецъ, что, благодаря этимъ условіямъ, съ каждымъ годомъ все больше и больше увеличивается число экзаменующихся, такъ какъ невыдержавшіе экзамены приступаютъ къ нимъ вторично, и что

скопленіе экзаменующихся зависитъ именно отъ этой причины, а не исключительно отъ роста факультетовъ. Остановимся на этихъ обстоятельствахъ.

Въ 1887—8 году, до введенія коммиссій, на IV курсѣ юридическаго факультета было 262 студента; громадное большинство ихъ приступило къ экзаменамъ [1]), причемъ степеней кандидата или дѣйствительнаго студента достигло 213 человѣкъ, т.-е. 81,3%. Для предшествующихъ лѣтъ получаются подобныя же отношенія: такъ въ 1885 — 86 году число получившихъ степени по отношенію къ числу студентовъ IV курса равнялось 96,5% (167 на 173). Не то мы замѣчаемъ послѣ введенія коммиссій: въ 1895 году (1894—95 уч. году) процентъ лицъ, выдержавшихъ испытанія, былъ равенъ уже только 66,1 [2]). Вотъ насколько ухудшились результаты испытаній въ 1895 году, сравнительно съ 1888 или 1886 годами, несмотря на то, что коммиссія 1895 года является по своимъ результатамъ самой благопріятной въ ряду коммиссій послѣднихъ лѣтъ, какъ мы это увидимъ дальше. Между тѣмъ въ другихъ коммиссіяхъ процентъ выдержавшихъ испытанія былъ значительно выше, чѣмъ въ юридической: въ историко-филологической коммиссіи онъ равнялся 71,4; въ физико-математической, въ отдѣленіи естественныхъ наукъ—88%, въ отдѣленіи математическихъ наукъ—94,7, а въ медицинской коммиссіи (1894 года) даже 100.

Если сравнить результаты дѣятельности московскихъ испытательныхъ коммиссій 1895 года съ результатами дѣятельности ихъ за два предшествующіе года, то можно замѣтить, что количества лицъ, какъ пожелавшихъ держать государственные экзамены, такъ и невыдержавшихъ ихъ или неявившихся на испытанія, близко подходятъ другъ къ другу за эти года. Разницу представляетъ лишь цифра подавшихъ прошенія въ юридическую коммиссію 1893 года, равнявшаяся 258, противъ 406 въ 1894 году и 416 въ 1895 г. Но особенно выдвигается, и абсолютно и относительно, количество молодыхъ людей, хотя и подавшихъ прошенія, но не выдержавшихъ испытаній въ коммиссіи весною 1894 года. Составляетъ оно 49% всѣхъ, имѣвшихъ намѣреніе подвести послѣдній итогъ факультетскому курсу, противъ 38% въ 1893 году

[1]) Точныхъ свѣденій о числѣ приступившихъ къ экзаменамъ нѣтъ.

[2]) Число лицъ, пожелавшихъ подвергнуться испытанію при юридической коммиссія, равнялось 416; 91 изъ нихъ удостоились диплома первой степени, 184—диплома второй степени, 115 человѣкъ не выдержали экзамена вовсе и 26 ч. къ испытанію не явились.

и 34% въ 1895 году [1]). Такимъ образомъ, изъ года въ годъ большое количество молодыхъ людей, приступающихъ къ экзаменамъ въ юридической коммиссіи, не выдерживаетъ ихъ. Какъ велико число отстающихъ, видно изъ цифръ 1895 года. Какъ уже было указано, всего подало прошенія и желало подвергнуться испытаніямъ въ томъ году 416 человѣкъ, изъ которыхъ прошедшіе 8 семестровъ университетскаго курса въ томъ же году, составляютъ только половину; остальные получили университетскія выпускныя свидѣтельства въ прежнее время [2]). Такимъ образомъ, количество приступающихъ къ экзаменамъ изъ числа окончившихъ курсъ въ томъ же году простиралось въ 1893, 94 и 95 годахъ отъ 200 до 260 противъ 262 въ 1888 году, т.-е. вовсе не увеличилось; весь же приростъ экзаменующихся падаетъ на отставшихъ отъ предъидущаго времени, и приростъ этотъ происходилъ бы еще быстрѣе, если бы окончившіе въ московскомъ университетѣ не обращались въ испытательныя коммиссіи при другихъ университетахъ. Итакъ, плохіе результаты испытаній въ юридическихъ коммиссіяхъ зависятъ отъ внутреннихъ причинъ, вліяющихъ на постановку испытаній: при повтореніи изъ года въ годъ этихъ неудачъ быстро ростетъ число экзаменующихся, ростъ же факультетовъ вліяетъ на все это гораздо меньше.

Вопросъ о томъ, въ чемъ именно заключаются внутреннія причины неудачъ испытаній, требуетъ особаго изслѣдованія. Онѣ могутъ заключаться въ плохихъ программахъ юридическаго факультета; въ массѣ матеріала, подлежащаго сдачѣ; въ безжизненности предметовъ, выдвинутыхъ въ преподаваніи на первый планъ, и въ отсутствіи болѣе важныхъ и интересныхъ предметовъ преподаванія; въ уничтоженіи отдѣленій юридическаго факультета, позволявшихъ учащимся сосредоточивать свои занятія вокругъ тѣхъ или другихъ предметовъ соотвѣтственно ихъ способностямъ и интересамъ; въ плохой постановкѣ преподаванія и малочисленности практическихъ занятій, а вслѣдствіе всего этого и въ плохой подготовкѣ студентовъ, и т. п. Съ другой стороны, тутъ могутъ оказывать вліяніе и слѣдующія причины: малое знакомство экзаменаторовъ-профессоровъ со слушателями и замѣна на экзаменѣ преподавателей, читавшихъ курсы данному контингенту испытуемыхъ, другими лицами, которыя, съ одной стороны, со-

[1]) Предсѣдателями коммиссій были: въ 1892-3 уч. году орд. проф. кіевскаго у. П. П. Цитовичъ, въ 1893-4 г.—орд. проф. петербургскаго у. Н. Д. Сергіевскій и въ 1894-5 г. заслуж. орд. проф. того же унив. В. И. Сергѣевичъ.

[2]) Свѣденія объ испытательныхъ коммиссіяхъ 1895, 94 и 93 годовъ взяты изъ № 89 и др. „Русскихъ Вѣд.“ 1895.

всѣмъ не знаютъ экзаменующихся, а съ другой стороны относятся слишкомъ формально къ курсамъ, лежащимъ въ основѣ экзамена. Далѣе, имѣютъ нѣкоторое значеніе краткость времени, въ продолженіе котораго экзаменаторъ знакомится со знаніями испытуемаго [1]), и другія условія, мѣшающія первому индивидуализировать свои отношенія ко второму; наконецъ, непосредственное вліяніе предсѣдателей коммиссій, которые слишкомъ сухо и формально относятся къ испытуемымъ, несмотря на условія экзаменовъ, и безъ того неблагопріятныя для правильной оцѣнки знаній, и иногда ни при какихъ обстоятельствахъ не позволяютъ перенесенія экзаменовъ съ одного дня на другой, ни повторенія ихъ. Таковы вѣроятныя причины указанныхъ выше явленій; очевидно, что устраненіе послѣднихъ требуетъ серьезныхъ заботъ и усилій. Еслибы дѣло заключалось въ непомѣрномъ ростѣ юридическихъ факультетовъ, вопросъ разрѣшался бы крайне просто. Дѣло въ томъ, что университетскій уставъ 1884 года даетъ всѣ средства для этого. Статья 75-я этого устава гласитъ, что „число коммиссій по каждому факультету опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія“ и что имъ же „назначаются ежегодно также предсѣдатели и члены коммиссій“. Стало быть, еслибы гдѣ-либо число приступающихъ къ экзамену оказалось слишкомъ велико для одной коммиссіи, то стоило бы только назначить другую. Что именно таковъ смыслъ закона, свидѣтельствуетъ примѣчаніе 1-ое къ § 74 проекта устава: „въ случаѣ значительнаго числа экзаменующихся по тому или другому отдѣлу, могутъ быть назначены двѣ коммиссіи [2])“. За средствами для назначенія новой коммиссіи дѣло не стало бы: ихъ могли бы дать экзаменующіеся. По ст. 76-й устава „предсѣдатели и члены коммиссій получаютъ вознагражденіе, опредѣляемое министромъ народнаго просвѣщенія по соображенію съ понесеннымъ ими трудомъ, изъ назначаемой на сей предметъ смѣтной суммы и изъ взноса, производимаго испытуемыми“. Такъ какъ взносъ этотъ равняется 20 рублямъ (ст. 79-я), а время, которое отнимаетъ каждый испытуемый,— едва двумъ часамъ (см. примѣчаніе выше), то можно предположить, что экзаменаторовъ за эту плату всегда возможно было бы найти. Вотъ вполнѣ удобный и указываемый уже существующими

---

[1]) Въ московской юридической коммиссіи въ одинъ день экзамена, т.-е. за 5—6 часовъ, проходятъ группы экзаменующихся въ 50 человѣкъ, такъ что каждый испытуемый бесѣдуетъ съ экзаменаторомъ, въ среднемъ, 6—7 минутъ. Такихъ экзаменовъ испытуемый долженъ выдержать 10 (не считая письменныхъ) и такимъ образомъ онъ въ общей сложности беретъ у экзаменаторовъ 1—2 часа.

[2]) Н. А. Любимовъ. „Мой вкладъ“. М. 1881, стр. 609.

законами выходъ изъ тѣхъ затрудненій, которыя видѣлъ проектъ по отношенію къ испытаніямъ.

При внимательномъ разсмотрѣніи роста нашихъ университетовъ вообще, и въ частности двухъ столичныхъ и кіевскаго, а также постановки въ нихъ практическихъ занятій и испытаній, мы не нашли въ дѣйствительномъ положеніи вещей основаній для тѣхъ мѣръ, которыя предлагаются проектомъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся доказать, что проектъ этотъ, представляющійся намъ лишеннымъ всякой внутренней опоры,—при своемъ осуществленіи можетъ привести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ для университетскаго дѣла, нежелательнымъ прежде всего для самого министерства. Онъ не можетъ не понизить уровня университетской науки, и безъ того стоящей не высоко въ настоящее время, причемъ, отражаясь всего сильнѣе на одной части университетовъ—на студентахъ, онъ, несомнѣнно, не останется безъ вліянія и на профессорскія корпораціи. Съ другой стороны введеніе проекта внесетъ также большія матеріальныя затрудненія для студентовъ. Въ общемъ, осуществленіе проекта, въ силу неблагопріятнаго вліянія его на образовательное значеніе университетовъ и матеріальное положеніе студентовъ, можетъ повлечь за собою значительное уменьшеніе общаго количества учащихся во всѣхъ университетахъ. Такой результатъ тѣмъ вѣроятнѣе, что провинціальные университеты по своимъ размѣрамъ едва ли будутъ въ состояніи вмѣстить всѣхъ лицъ, которыя по закону должны будутъ искать въ нихъ высшаго образованія, и принуждены будутъ отказывать въ пріемѣ извѣстной части ихъ. Разсмотримъ подробнѣе вѣроятныя послѣдствія введенія проекта; при этомъ, по мѣрѣ разсмотрѣнія ихъ, мы будемъ останавливаться и на мѣрахъ, которыя съ нашей точки зрѣнія, могли бы способствовать наиболѣе успѣшной постановкѣ у насъ университетскаго образованія.

Остановимся на предполагаемомъ вліяніи проекта на пониженіе уровня университетской науки.

По общему смыслу постановки у насъ университетовъ и по буквѣ устава (ст. 66-я), „о полнотѣ, послѣдовательности и правильности преподаванія факультетскихъ предметовъ, а равно научныхъ по нимъ упражненій студентовъ“ заботится „каждый факультетъ въ цѣломъ своемъ составѣ и въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ преподавателей“. На факультетѣ, слѣдовательно, лежитъ отвѣтственность за постановку университетскаго преподаванія. Между

тѣмъ средства фактическаго контроля надъ преподаваніемъ, находящіяся въ распоряженіи факультетовъ, крайне ограничены; кромѣ того самое примѣненіе этихъ средствъ всецѣло зависитъ отъ состава факультетовъ. А какъ различенъ бываетъ этотъ составъ! Иногда,—подъ вліяніемъ новаго движенія въ той или другой отрасли знанія, интереса общества къ ней, отчасти, можетъ быть, и случайныхъ причинъ,—на томъ или иномъ факультетѣ оказывается приливъ молодыхъ ученыхъ, отдающихъ всѣ свои таланты и силы наукѣ. Научная работа на факультетѣ кипитъ, воодушевленіе къ ней передается и прочимъ членамъ факультета, и единство, цѣльность и полнота факультетскаго преподаванія, о желательности которыхъ говорилось выше, осуществляются болѣе или менѣе совершенно. Но проходитъ періодъ расцвѣта факультета; у однихъ изъ дѣятелей его ослабѣваетъ научная продукція; другихъ свели съ преподавательскаго поприща внѣшнія обстоятельства или смерть; среди профессоровъ все болѣе и болѣе становится такихъ, которые изъ года въ годъ безъ малѣйшихъ измѣненій повторяютъ свои курсы, и люди, еще продолжающіе научную работу, представляютъ отрадное, но крайне рѣдкое явленіе. Тогда полное отсутствіе всякихъ улучшеній въ преподаваніи, и какъ бы полное равнодушіе къ уровню его, становятся отличительной чертой такого факультета; рутина и непотизмъ занимаютъ въ немъ крѣпкую позицію, и ничто не можетъ заставить его привлекать къ преподаванію новыя молодыя, или хотя бы давно извѣстныя, но оставшіяся въ сторонѣ отъ университетовъ, научныя силы. Когда-то, въ шестидесятыхъ годахъ, широкая публика имѣла доступъ въ университеты и не давала лекторамъ засыпать на лаврахъ; затѣмъ, въ семидесятыхъ годахъ, стимуломъ къ работѣ служила печать. Въ настоящее время доступъ публикѣ закрытъ, періодическая печать уже не пользуется прежнимъ вліяніемъ, и почти единственнымъ внѣшнимъ показателемъ, барометромъ уровня факультетскаго преподаванія служитъ интересъ, проявляемый учащейся молодежью, и приливъ ея на тотъ или другой факультетъ. Для хорошо работающаго факультета увеличеніе такого прилива является признаніемъ его заслугъ и поощреніемъ къ новымъ работамъ, и, наоборотъ, передъ засыпающимъ факультетомъ уменьшеніе числа слушателей ставитъ вопросъ объ его дальнѣйшемъ существованіи и можетъ заставить проснуться. Такъ это и бываетъ, несмотря на малое развитіе у насъ конкурренціи между университетами въ дѣлѣ науки.

Надо замѣтить, что обѣщанное de jure уставомъ 1884 года право выбора слушателями преподавателей фактически отмѣнено

на нѣкоторыхъ факультетахъ обязательными для студентовъ учебными планами. Что же будетъ, когда проектъ прикрѣпитъ вдобавокъ учащихся къ университетамъ и этимъ какъ бы установитъ привилегію часто плохихъ преподавателей и плохихъ факультетовъ на обязательныхъ слушателей? Это отниметъ у профессорскихъ корпорацій послѣдній внѣшній стимулъ къ улучшенію преподаванія,—стимулъ, который былъ тѣмъ дѣйствительнѣе, что имѣлъ для отдѣльныхъ профессоровъ и матеріальное значеніе. Очертимъ роль послѣдняго фактора въ психологіи нѣкоторой части профессоровъ словами одного изъ членовъ профессорской корпораціи: „Есть разнообразные стимулы къ возбужденію профессорской дѣятельности,—пишетъ бывшій профессоръ московскаго университета Н. А. Любимовъ [1],—одни внутренняго, другіе внѣшняго свойства. Преподаваніе въ высшемъ смыслѣ, какъ удовлетвореніе призванія, желанія сообщить изслѣдованное и продуманное, можетъ не нуждаться въ побужденіяхъ второго рода. Но преподаваніе въ тѣсномъ смыслѣ, въ смыслѣ обученія элементамъ преподаваемой науки, есть работа исполняемая въ мѣру принятаго на себя обязательства, не легкая и рутинная, и требуетъ побужденій болѣе внѣшняго свойства". И вотъ для второго рода преподавателей полезна гонорарная система, говоритъ далѣе тотъ же профессоръ: „Возрастаніе аудиторіи слушателей, явившихся свободно и съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ (гонораръ), способно поднимать энергію, принося вмѣстѣ съ тѣмъ и выгоды" [2]). Осуществленіе проекта закрѣпитъ за каждымъ преподавателемъ опредѣленное количество слушателей (а слѣдовательно и доходовъ), независимо отъ его личныхъ усилій, а лишь благодаря извѣстному постоянству въ количествѣ оканчивающихъ ежегодно курсъ гимназій въ каждомъ учебномъ округѣ. Такое положеніе дѣлъ исключитъ возможность развитія соревнованія въ профессорской средѣ подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ факторовъ, будь то болѣе благородные изъ нихъ, или чисто матеріальные. Оно даже у незаурядныхъ по своей преданности дѣлу преподаванія профессоровъ отниметъ всякую возможность судить объ успѣхѣ своихъ усилій. Такъ или иначе, оно поведетъ къ пониженію уровня университетскаго преподаванія. Такихъ же результатовъ слѣдуетъ ожидать и для университетскаго обученія, въ случаѣ осуществленія проекта, такъ какъ онъ нарушаетъ одинъ изъ су-

[1]) „Мой вкладъ", стр. 321.
[2]) Тамъ же, стр. 336.

щественнѣйшихъ научныхъ интересовъ учащихся, а именно свободу обученія. Остановимся на этомъ вопросѣ.

Въ эпоху пересмотра университетскаго устава 1863 года, когда всѣ главные принципы этого закона подвергались заподозриванію нашей реакціонной печати, а одинъ изъ органовъ ея, „Московскія Вѣдомости" Каткова и Леонтьева, открылъ цѣлый походъ противъ этихъ принциповъ,—лишь одинъ изъ нихъ былъ оставленъ въ покоѣ. Несмотря на недовѣріе къ университетамъ, господствовавшее тогда въ административныхъ сферахъ, этотъ принципъ признавался коммиссіей по пересмотру университетскаго устава, и былъ подтвержденъ новымъ уставомъ 1884 года. Этимъ принципомъ, встрѣчавшимъ, повидимому, всеобщее теоретическое признаніе, былъ принципъ „академической свободы". Какимъ же образомъ теперь могутъ возникать предположенія о мѣрахъ, значительно ограничивающихъ его? Очевидно, сознаніе его необходимости вовсе не вошло въ практику.

Стремленіе ограничить академическую свободу, и въ частности свободу обученія [1]), является, какъ намъ кажется, результатомъ тѣхъ взглядовъ на университетское образованіе и его задачи, нѣкоторое распространеніе которыхъ въ нашемъ обществѣ замѣчается ужъ не первый годъ. Съ точки зрѣнія этихъ взглядовъ, университеты имѣютъ цѣлью дать только нѣкоторые профессіональные навыки и подготовить своихъ слушателей къ практической дѣятельности на томъ или иномъ поприщѣ, въ качествѣ чиновника, учителя, врача. Такія задачи крайне упрощаютъ постановку университетскаго преподаванія: дѣло сводится къ тому, чтобы написать или перевести соотвѣтственные учебники, да установить наблюденіе за занятіями студентовъ. О научномъ значеніи университетовъ при такихъ условіяхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи, а академическая свобода является излишней роскошью. Существуетъ даже мнѣніе, что истинное знаніе,—„опытность",—пріобрѣтается въ судѣ, у постели больного и т. д.; роль же университетовъ сводится къ раздачѣ дипломовъ. Такіе взгляды исповѣдываются даже значительнымъ числомъ людей, въ свое время прошедшихъ черезъ университеты, написавшихъ, когда подобало, факультетскія сочиненія и подведшихъ „итогъ итоговъ" своему образованію, т.-е. сдавшихъ окончательные экзамены. Лица съ такими взглядами достигаютъ часто профессорскихъ каѳедръ; съ другой стороны, такое отношеніе къ университетскому образованію можетъ находить откликъ и въ

[1]) Вопросъ о свободѣ преподаванія не входитъ въ предѣлы этой статьи.

прикосновенныхъ къ университетамъ административныхъ сферахъ. По крайней мѣрѣ, возникновеніе разбираемаго проекта, какъ мы уже сказали, легко можетъ быть объяснено вліяніемъ этихъ причинъ, такъ какъ вносимое имъ крупное ограниченіе академической свободы несовмѣстимо съ научнымъ значеніемъ университетовъ.

Почему же академическая свобода имѣетъ такое значеніе для правильной постановки научнаго университетскаго образованія? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы опять обратимся къ мнѣніямъ знатоковъ университетскаго дѣла, имѣющимъ притомъ высоко-оффиціозный характеръ. Такимъ является мнѣніе бывшаго профессора, нынѣ члена совѣта министра народнаго просвѣщенія, Н. А. Любимова. „Университетское преподаваніе,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1878 г., — имѣетъ въ виду передачу науки въ полномъ объемѣ и современномъ состояніи, а не въ тѣхъ только частяхъ, кои требуются для той или другой профессіи, и обращается къ слушателямъ не только какъ къ людямъ, готовящимся вступить на то или иное поприще, но и какъ къ будущимъ ученымъ, принимающимъ отъ учителей своихъ наслѣдство знанія“. Отсюда вытекаетъ требованіе академической свободы, одной изъ составныхъ частей которой является свобода слушанія. „Истинное основаніе академической свободы въ томъ, что университетское преподаваніе, какъ преподаваніе высшее, имѣющее въ виду прежде всего интересы науки и ея развитіе, предполагается *по необходимости* [1]) далеко выходящимъ изъ рамокъ требованій, какія могутъ быть поставляемы для различныхъ профессій, къ какимъ готовитъ себя большинство студентовъ“, — говорится во „Мнѣніи“ того же самаго лица, представленномъ имъ въ 1876 году въ качествѣ члена коммиссіи по пересмотру университетскаго устава 1863 года [2]). Для возникновенія правильнаго отношенія студентовъ къ своимъ занятіямъ, авторъ, находя „недостаточными“ мѣры принужденія и поощренія, требуетъ „системы свободнаго слушанія и гонорара“ (послѣдній не есть непремѣнная принадлежность первой, можемъ мы прибавить). По

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Членами коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ И. Д. (нынѣ графа) Делянова, были: князь А. И. Ширинскій-Шихматовъ, А. А. Воскресенскій, С. М. Соловьевъ Н. М. Благовѣщенскій, М. Н. Капустинъ, Е. Г. Осокинъ, Н. В. Варадиновъ, И. И. Новиковъ, А. И. Георгіевскій, А. С. Питра, И. И. Рахманиновъ, Ѳ. И. Леонтовичъ, А. Н. Бекетовъ, К. А. Коссовичъ, К. А. Кремлевъ, Н. А. Любимовъ, В. М. Флоринскій, М. М. Гезенъ.

этой системѣ, „студенту предоставляется бо̀льшая или меньшая свобода въ распредѣленіи... своихъ собственныхъ занятій, сообразно съ опредѣленно-выраженными правилами испытаній. Въ рекомендуемыхъ планахъ и предлагаемыхъ курсахъ онъ находитъ всѣ указанія и пособія, чтобъ, если имѣетъ охоту и прилежаніе, не только пріобрѣсти знанія, требуемыя на испытаніяхъ, но и удовлетворить высшимъ требованіямъ любознательности". Свободу ученія авторъ характеризуетъ словами дерптскихъ постановленій, предоставляющихъ „свободному обсужденію студента... выборъ въ слушаніи университетскихъ лекцій и научныхъ упражненій". Онъ полагаетъ, что только при условіи этой свободы найдетъ себѣ приложеніе внутреннее побужденіе къ исканію знаній, „вызвать къ дѣятельности и удовлетворить которое—главная задача преподаванія [1])".

Мы преднамѣренно сдѣлали такъ много выписокъ: онѣ показываютъ, что даже въ эпоху наибольшаго недовѣрія къ университетамъ ясно сознавалась необходимость свободы слушанія. Было очевидно, что стѣсненіе ея понизитъ и уровень университетскаго преподаванія [2]), и уровень занятій студентовъ. Вышеизложенныя мнѣнія, повидимому, раздѣлялись большинствомъ коммиссіи, и даже въ текстъ закона 23 августа 1884 вошли постановленія, соотвѣтствующія этимъ требованіямъ. Таково — допущеніе со стороны студентовъ отступленій отъ учебныхъ плановъ (статья 72-ая [3]); такова въ особенности статья 73-ья, гласящая: „Если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, то студенту предоставляется слушать лекціи и принимать участіе въ практическихъ упражненіяхъ у того изъ означенныхъ преподавателей, у кого онъ самъ пожелаетъ". Мысль и цѣль закона совершенно ясны: онѣ состоятъ въ расширеніи права выбора студентами тѣхъ или другихъ преподавателей, и если, по буквальному смыслу закона, дозволеніе относится къ выбору между профессорами лишь *даннаго* факультета, то это потому, что право выбора тѣхъ или другихъ преподавателей, посредствомъ перехода изъ университета въ университетъ или

---

[1]) См. книгу Н. А. Любимова: „Мой вкладъ". Т. I. Университетскій вопросъ. М. 1881, стр. 563, 535, 336, 533, и опять 535 и 533. Это сборникъ статей, печатавшихся въ „Московскихъ Вѣд." и „Русскомъ Вѣстникѣ", и оффиціальныхъ записокъ.

[2]) См., между прочимъ, стр. 336 и 533 той же книги.

[3]) Отступленія эти по закону обусловлены дозволеніемъ декановъ, а по § 68 проекта закона, выработанному коммиссіей (см. „Мой вкладъ", стр. 608), ограниченіе касалось лишь стипендіатовъ.

поступленія въ тотъ или другой изъ нихъ, тогда, повидимому, предполагалось само собой.

Если въ настоящее время свобода выбора преподавателя въ данномъ университетѣ часто уничтожается de facto обязательностью учебныхъ плановъ, отступленія отъ которыхъ просто не утверждаются деканами; если свобода выбора между отдѣльными профессорами разныхъ университетовъ, широко примѣняемая въ Германіи, уничтожается стѣсненіемъ переходовъ изъ университета въ университетъ, то остается еще возможность выбора между аналогичными факультетами отдѣльныхъ университетовъ при поступленіи въ университетъ,—возможность, исключаемая разбираемымъ проектомъ. Между тѣмъ, эта возможность имѣетъ не малое значеніе. Даже въ профессіональныхъ, спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе можетъ имѣть отличительныя особенности; тѣмъ болѣе это касается университетовъ. На данномъ факультетѣ, напримѣръ, поставлено лучше преподаваніе извѣстной отрасли наукъ, представляющей для даннаго слушателя спеціальный научный интересъ, между тѣмъ какъ на другомъ факультетѣ лучше преподаются другія науки, менѣе ему нужныя; съ воззрѣніями одного профессора онъ хорошо знакомъ по его печатнымъ трудамъ, и ему интересно послушать именно другого, который почему-либо не успѣлъ напечатать своихъ трудовъ. Что дастъ въ результатѣ принужденіе слушать профессора, который слушателю уже знакомъ, или подробно изучать науки, которыя ему менѣе нужны? Ничего, если даже не вредъ. Такой вредъ будетъ еще больше, если цѣлый факультетъ будетъ пользоваться незавидной репутаціей въ научномъ или какомъ-либо другомъ отношеніи: принужденіе учиться именно здѣсь будетъ отбивать у принуждаемыхъ всякій интересъ къ университетскимъ занятіямъ. Этого мало: въ дальнѣйшемъ такое принужденіе, поскольку оно понижаетъ научные интересы слушателей, вредитъ дѣлу выработки научныхъ дѣятелей.

Для чего же приносятся всѣ эти жертвы? Почти исключительно, какъ мы видѣли, для достиженія нѣкоторыхъ удобствъ въ производствѣ испытаній. Вотъ къ чему привели въ концѣ концовъ государственные экзамены, которые вводились съ совсѣмъ другой цѣлью! По крайней мѣрѣ, въ „Соображеніяхъ", которыми министерство Д. А. Толстого, выдвинувшее вопросъ о пересмотрѣ устава 1863 года, сопровождало проектъ новаго устава, говорится, что экзамены для окончившихъ курсъ предполагается отдѣлить отъ текущаго преподаванія и перенести въ особыя коммиссіи, „дабы поднять учебное дѣло, не нарушая университет-

ской системы, не стѣсняя преподаванія и не сокращая учебнаго персонала" [1]). Нынѣ ради нихъ нарушается университетская система, стѣсняется преподаваніе. Посмотримъ же, въ чемъ, ближайшимъ образомъ, скажутся дурныя послѣдствія стѣсненія академической свободы для учащихся. Мы послѣдовательно остановимся на томъ вліяніи, которое окажутъ эти стѣсненія въ смыслѣ пониженія уровня спеціальнаго образованія учащихся, затруднивъ цѣлесообразное пользованіе профессорскими курсами и учебно-вспомогательными учрежденіями, а затѣмъ на вредѣ, который причинятъ они общему образовательному значенію университетовъ.

Скопленіе студентовъ въ извѣстныхъ университетахъ сильно повышаетъ вознагражденіе профессоровъ прибавкою гонорара, и такое болѣе выгодное положеніе профессоровъ въ большихъ университетахъ даетъ послѣднимъ возможность имѣть лучшихъ преподавателей, тѣмъ болѣе, что крупные университетскіе центры являются вмѣстѣ съ тѣмъ и крупными культурными центрами, дѣятельность и жизнь въ которыхъ сами по себѣ привлекательны для многихъ ученыхъ. Скопленіе студентовъ, по мысли устава 1884 года, должно бы также служить почвою для развитія приватъ-доцентуры, и хотя въ дѣйствительности мысль эта не осуществляется — ни одинъ доцентъ не могъ бы прожить у насъ только на гонораръ отъ своихъ слушателей,—но приватъ-доцентура развилась все-таки лишь въ крупныхъ центрахъ. Причина послѣдняго явленія та, что только въ такихъ центрахъ болѣе или менѣе легко найти занятія, дающія средства существованія при почетномъ преподавательствѣ въ университетѣ. Это справедливо даже для медицинскихъ факультетовъ, гдѣ званіе приватъ-доцента можетъ дать вполнѣ достаточную частную медицинскую практику лишь въ крупныхъ центрахъ, но еще болѣе для другихъ факультетовъ, гдѣ средства существованія можетъ доставить преподаваніе въ спеціальныхъ заведеніяхъ, участіе въ періодической печати, адвокатская дѣятельность и другія профессіи, совсѣмъ мало доступныя внѣ крупныхъ центровъ. — Наконецъ, только столичные университеты имѣютъ достаточныя спеціальныя средства для того, чтобы въ случаѣ нужды открывать съ надлежащаго разрѣшенія новыя каѳедры. Благодаря всему этому, въ столичныхъ и вообще крупныхъ университетахъ преподавательскія силы и лучше, и многочисленнѣе; въ нихъ также читаются курсы и даже преподаются предметы, съ которыми невозможно

---

[1]) См. „Мой вкладъ", стр. 618 и 619.

познакомиться въ провинціальныхъ университетахъ (напр., бактеріологія на московскомъ медицинскомъ факультетѣ).

Сказанное о преподавателяхъ въ значительной мѣрѣ сохраняетъ силу и по отношенію къ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ, и вообще къ обстановкѣ практическихъ занятій, которыя, въ большинствѣ случаевъ, гораздо лучше въ столицахъ, чѣмъ въ провинціи; выше мы видѣли, что такихъ клиникъ, какъ на московскомъ медицинскомъ факультетѣ, или такой химической лабораторіи, какъ на петербургскомъ отдѣленіи естественныхъ наукъ, нѣтъ въ другихъ университетахъ.

Итакъ, несомнѣнно, что и условія преподаванія, и условія практическихъ занятій—гораздо лучше въ столичныхъ университетахъ, чѣмъ въ провинціальныхъ. Является вопросъ, предвидѣлось ли при разработкѣ проекта, что осуществленіе его лишаетъ провинціальную молодежь права пользоваться хорошими учебными пособіями, слушать лучшихъ профессоровъ и даже обучаться нѣкоторымъ предметамъ, которые не преподаются въ провинціальныхъ университетахъ. Очевидно, что такія послѣдствія проектируемой мѣры несправедливы и министерство, закрывая провинціальной молодежи доступъ въ столичные университеты, беретъ на себя нравственную обязанность создать для нея такія же образовательныя средства, какихъ она лишается; иначе общій уровень образованія понизится. Министерство должно будетъ назначить провинціальнымъ университетамъ новыя ассигновки на добавочное вознагражденіе лучшимъ профессорамъ, на открытіе новыхъ каѳедръ и содержаніе лишнихъ штатныхъ преподавателей, на устройство учебно-вспомогательныхъ учрежденій[1]). Все это является неизбѣжнымъ требованіемъ при осуществленіи проекта, и очень возможно, что это отчасти предвидѣлось при разработкѣ послѣдняго. Но если министерство думаетъ сдѣлать все это, то не лишнее ли будетъ запрещать доступъ въ столичные univer-

[1]) Но и эти мѣры далеко не вознаградятъ всѣхъ потерь провинціальной молодежи. Лишеніе права поступленія въ столичные университеты закрываетъ ей доступъ къ болѣе богатымъ научнымъ средствамъ большихъ городовъ: музеямъ, библіотекамъ и т. п. Это является большой несправедливостью именно по отношенію къ наиболѣе талантливымъ изъ провинціальной молодежи, затрудняя имъ возможность опредѣлить и развить свои способности такъ полно и легко, какъ это могли бы они сдѣлать при лучшихъ условіяхъ.—Надо замѣтить, что выше мы не хотѣли сказать, будто хорошіе профессора и учебныя учрежденія могутъ быть только въ столицахъ, а что въ провинціи они поголовно плохи. Напротивъ, мы признаемъ, что и тутъ могутъ встрѣчаться блестящія исключенія, особенно среди профессоровъ, но и по отношенію къ нимъ мы не считаемъ цѣлесообразнымъ пользованіе ихъ руководствомъ путемъ приписки къ нимъ обязательныхъ слушателей.

ситеты? Послѣ осуществленія указанныхъ мѣръ, наплывъ студентовъ въ провинціальные университеты и такъ немедленно увеличится.

Переходя къ вліянію проекта на общее образовательное значеніе университетовъ, мы остановимся на уменьшеніи для учащихся возможности слушать нужныя имъ науки на другихъ факультетахъ. Университетъ, по своей идеѣ, долженъ преподавать науки въ ихъ связи, чтобы вмѣстѣ онѣ составляли единое и всеобъемлющее человѣческое знаніе, что̀ и выражается въ названіи: университетъ, которое въ настоящее время можетъ употребляться исключительно въ смыслѣ universitas litterarum [1]. На западѣ система посѣщенія другихъ факультетовъ очень развита; у насъ необходимость ея тоже признается и имѣетъ еще большее значеніе въ виду скудости средняго образованія. Университетскій уставъ 1884 года ясно понималъ важность слушанія лекцій на другихъ факультетахъ для общеобразовательнаго значенія университетовъ и прямо санкціонировалъ право на это статьею 72-ой, гласящей: „каждому студенту предоставляется, сверхъ предметовъ избраннаго имъ факультета, слушать, по собственному желанію, лекціи также по другимъ факультетамъ“. Всюду распространенный обычай устанавливаетъ для молодыхъ студентовъ, еще не остановившихся на выборѣ спеціальности, право безплатнаго слушанія всякихъ лекцій, при чемъ они имѣютъ льготный срокъ для перехода съ факультета на факультетъ. Для распространенія этого обычая на всѣхъ студентовъ единственной, но сильной помѣхой является система гонорара, устанавливающая необходимость отдѣльно оплачивать всѣ слушаемые курсы; при этомъ русскій студентъ не имѣетъ de facto возможности вполнѣ самостоятельно распредѣлять свои занятія—между тѣмъ свобода распредѣленія занятій вытекаетъ, какъ слѣдствіе, изъ системы гонорара и безусловно примѣняется всюду на Западѣ (de jure это право условно дано и у насъ). Въ русскихъ университетахъ на извѣстные курсы, именуемые „обязательными“, предписывается „записываться“ (т.-е. вносить деньги за слушаніе ихъ), хотя бы студентъ желалъ слушать необязательные курсы, несовмѣстимые по времени съ обязательными [2]. Очевидно, что при такихъ условіяхъ лишь ничтожное меньшинство можетъ оплачивать необязательные курсы; большинству же не хватаетъ средствъ и для взноса и за обязательные предметы; слѣдствіемъ этого является

[1]) Выясненію этой простой истины посвящаетъ нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ покойный П. Г. Рѣдкинъ; см. т. I „Изъ лекцій по исторіи философіи права“.

[2]) Запись на такіе курсы не воспрещается.

стѣсненіе въ посѣщеніи необязательныхъ курсовъ, къ числу которыхъ, конечно, относятся и курсы другихъ факультетовъ, хотя бы они и „рекомендовались" учебными планами. Такъ какъ система гонорара установлена закономъ преимущественно для улучшенія матеріальнаго положенія преподавателей, то правильно понятый долгъ университетскаго начальства состоялъ бы въ томъ, чтобъ не препятствовать посѣщенію курсовъ лицами, не оплатившими ихъ, если сами преподаватели не имѣютъ ничего противъ такого безплатнаго расширенія своей аудиторіи. Практика показываетъ, что студенты пользуются всякой возможностью такимъ путемъ пополнять пробѣлы своего образованія. Но даже не касаясь вопроса о платѣ, мы должны признать, что опредѣленное уставомъ 1884 года право нуждается скорѣе въ расширеніи, чѣмъ въ сокращеніи; между тѣмъ при осуществленіи проектируемыхъ мѣръ оно было бы совсѣмъ уничтожено.

Дѣло въ томъ, что не всѣ университеты имѣютъ у насъ полный составъ факультетовъ; таковы петербургскій, одесскій и особенно томскій. До тѣхъ поръ пока студенты сами выбирали себѣ университетъ, они сами ограничивали для себя возможность слушать лекціи другихъ факультетовъ, избирая указанные выше неполные университеты. Какъ бы ни казалось нежелательнымъ такое ограниченіе, самое право оставалось неприкосновеннымъ. Осуществленіе проекта могло бы прямо лишить Высочайше дарованнаго права даже тѣхъ студентовъ, которые изъ-за неполноты ближайшаго къ нимъ университета рѣшились бы ѣхать въ дальнѣйшій. Какъ же при осуществленіи проекта сохранить это право? — Естественно является предположеніе, что министерство намѣревается открыть недостающіе факультеты, какъ-то: медицинскій въ Петербургѣ [1]), и еще болѣе давно жданные факультеты: медицинскій въ Одессѣ и юридическій въ Томскѣ [2]). Но если министерство выполнитъ это, и въ особенности если оно въ добавокъ проведетъ законъ объ открытіи кавказскаго университета, — необходимость котораго давно доказывается мѣстной печатью, — то и въ данномъ случаѣ наплывъ слушателей въ столичные университеты сохранится самъ собою, безъ всякихъ ограничительныхъ мѣръ.

Изъ сказаннаго выше мы убѣдились, что осуществленіе проекта

---

[1]) Хотя въ Петербургѣ для медицинскаго образованія и существуетъ военно-медицинская академія, но она составляетъ совсѣмъ отдѣльное учрежденіе, закрытое для посѣщенія вольнослушателей изъ студентовъ университета.

[2]) Въ Томскѣ не открыты также и другіе факультеты: физико-математическій и историко-филологическій.

можетъ принести разнообразный вредъ положенію университетской науки. Не менѣе существенный вредъ причинитъ оно и безъ того незавидному у насъ матеріальному положенію студентовъ. Столичные университеты имѣютъ значительное количество стипендій, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, обезпеченныхъ большими капиталами, изъ которыхъ многія, даже большинство,—связаны съ этими университетами. Послѣдніе выдаютъ также студентамъ много мелкихъ пособій. Другіе университеты не имѣютъ соотвѣтственныхъ средствъ, и ихъ дѣятельность въ дѣлѣ поддержки недостаточныхъ студентовъ гораздо менѣе значительна. Приведемъ нѣсколько цифръ, иллюстрирующихъ положеніе студентовъ столичныхъ университетовъ въ этомъ отношеніи. Въ московскомъ университетѣ въ первую половину 1894 года пользовались стипендіями 546, а во вторую—555 человѣкъ, при чемъ за годъ выдано было стипендій на сумму 150.708 рублей; въ Петербургѣ соотвѣтственныя цифры равнялись 343 человѣкамъ и 93.985 рублямъ. Кромѣ того, въ московскомъ университетѣ выдано было пособій на 21.156 рублей, а въ петербургскомъ—на 6.604 рубля. Наконецъ, московскій университетъ обладалъ къ концу 1894 года капиталомъ въ 3.014.000 рублей. Но этого мало. Въ указанныхъ городахъ широко развита частная иниціатива въ дѣлѣ помощи учащимся. Общество вспомоществованія студентамъ петербургскаго университета выдало въ 1894 году пособій на 22.246 рублей; расходы московскаго общества за тотъ же годъ простирались до 51.963 рублей, изъ которыхъ болѣе 25 тыс. пошло на взносъ платы въ университетъ и до 23 тысячъ на содержаніе безплатныхъ столовыхъ, устроенныхъ комитетомъ общества. Въ Москвѣ вообще принимается много мѣръ съ цѣлью дать болѣе бѣднымъ студентамъ возможность учиться, вмѣсто того, чтобы тратить университетскіе годы на добываніе себѣ скуднаго куска хлѣба. Не говоря объ упомянутыхъ выше двухъ столовыхъ комитета общества для пособія нуждающимся студентамъ, въ Москвѣ существуетъ еще безплатное общежитіе С. В. Лепешкина, которое, имѣя текущихъ расходовъ болѣе 10 тыс. рублей въ годъ, даетъ полное, вполнѣ достаточное содержаніе 40 съ лишнимъ студентамъ; есть, далѣе, безплатныя квартиры въ домѣ М. И. и Н. И. Ляпиныхъ, дающія помѣщеніе значительному количеству учащихся. Въ Петербургѣ тоже имѣются нѣкоторыя соотвѣтственныя учрежденія. Что же касается частной иниціативы въ дѣлѣ помощи студентамъ въ провинціальныхъ университетскихъ городахъ, то размѣры ея несравненно ўже.

Даже неполное примѣненіе проектируемыхъ мѣръ тотчасъ же

создаетъ страшную неравномѣрность въ распредѣленіи помощи недостаточнымъ студентамъ. Чтобы не уменьшить доступа русской молодежи въ университеты, необходимо будетъ увеличить ассигновки на учрежденіе новыхъ стипендій въ провинціальныхъ университетахъ. Но и несмотря на это, положеніе учащейся молодежи въ провинціальныхъ университетахъ будетъ много хуже, чѣмъ въ столицахъ, такъ какъ въ дѣлѣ помощи студентамъ первымъ не будетъ хватать участія общественной иниціативы, не создающейся въ одну минуту. Конечно, потребность въ ней отчасти можетъ быть уменьшена сокращеніемъ для провинцій размѣра платы за право слушанія лекцій [1]), но остается еще одна сторона дѣятельности частныхъ лицъ и обществъ въ столицахъ; это—устройство столовыхъ, квартиръ и т. п. Единственнымъ средствомъ, которымъ хоть отчасти можно было бы восполнить этотъ пробѣлъ, является содѣйствіе со стороны министерства дѣлу взаимопомощи учащихся, по крайней мѣрѣ разрѣшеніе въ провинціальныхъ университетахъ студенческихъ кассъ взаимопомощи и столовыхъ.

Вопросъ о студенческихъ корпораціяхъ уже не новъ, и онѣ имѣютъ у насъ не мало сторонниковъ. Мы можемъ привести здѣсь нѣсколько взятыхъ наугадъ болѣе или менѣе извѣстныхъ именъ. Покровителемъ студенческихъ корпорацій былъ князь Щербатовъ, попечитель петербургскаго округа въ концѣ пятидесятыхъ годовъ; горячимъ защитникомъ ихъ, и въ жизни, и въ печати, является бывшій профессоръ петербургскаго университета В. Д. Спасовичъ; либерально къ нимъ нѣкогда относился нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ; всегдашнимъ сторонникомъ ихъ, какъ указываетъ онъ самъ, былъ бывшій профессоръ московскаго университета и членъ коммиссіи по пересмотру устава 1863 г., нынѣ членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, Н. А. Любимовъ; далѣе—бывшій (1880 г.) министръ народнаго просвѣщенія, А. А. Сабуровъ, а также бывшій (въ началѣ 80-хъ годовъ) ректоръ московскаго университета, нынѣ покойный, академикъ Н. С. Тихонравовъ. Примѣненію къ жизни студентовъ корпоративнаго начала старались способствовать покойный проф. О. Ѳ. Миллеръ, основатель студенческаго научно-литературнаго общества, и недавно вышедшій въ отставку попечитель московскаго учебнаго округа, графъ П. А. Капнистъ, организовавшій на корпоративныхъ началахъ студенческій хоръ

---

[1]) Различіе въ этомъ отношеніи между провинціей и столицами существовало съ самаго введенія платы въ университетахъ въ 1817 г., вплоть до устава 1884 г.

и оркестръ и выдвинувшій, неувѣнчавшуюся, впрочемъ, успѣхомъ, иниціативу преобразованія изданія лекцій въ университетѣ на тѣхъ же началахъ, и т. д. Въ этомъ столь неполномъ и бѣгло составленномъ спискѣ перечислены люди весьма различныхъ убѣжденій и различнаго общественнаго положенія, которыхъ объединяетъ лишь простая мысль о необходимости способствовать сплоченію студентовъ для цѣлей образованія и взаимной матеріальной поддержки. Вслѣдствіе различныхъ причинъ мысль эта въ общемъ не вылилась еще до сихъ поръ въ опредѣленныя формы, но въ формѣ учрежденій для матеріальной взаимопомощи она встрѣчала меньше возраженій и необходимо должна будетъ всплыть наружу для восполненія недостатка общественной помощи недостаточнымъ студентамъ, въ случаѣ осуществленія разбираемаго нами проекта. Однако и самостоятельно, безъ осуществленія проекта, учрежденіе новыхъ стипендій, уменьшеніе размѣра университетской платы и разрѣшеніе студенческихъ кассъ и столовыхъ въ провинціальныхъ университетахъ, могли бы содѣйствовать увеличенію числа студентовъ въ этихъ послѣднихъ, т.-е. другимъ путемъ повести къ достиженію той цѣли, которая стояла предъ составителями проекта, а вмѣстѣ съ намѣченными выше мѣрами по учебной части и вполнѣ достигнуть этой цѣли.

Но извѣстная доля вреда, которая будетъ нанесена матеріальному положенію студентовъ, ничѣмъ не можетъ быть восполнена. Многіе студенты выбираютъ тотъ, а не другой университетскій городъ только въ виду имѣющихъ цѣну лишь для нихъ лично соображеній объ удобствѣ жизни въ немъ: одинъ разсчитываетъ жить у родственниковъ, другой у знакомыхъ; у одного есть основаніе надѣяться на тотъ или другой заработокъ, другой разсчитываетъ на поддержку товарищей по гимназіи, ранѣе тамъ поселившихся; наконецъ, могутъ быть случаи переѣзда родителей студента, раньше жившихъ въ одномъ учебномъ округѣ, въ другой округъ, въ которомъ при такихъ условіяхъ оказалось бы выгоднѣе учиться ихъ сыну. Правда, въ новомъ проектѣ имѣется указаніе, что „въ единичныхъ случаяхъ, по особымъ какимъ-либо соображеніямъ, допускаются отступленія отъ изложеннаго порядка пріема въ университеты, но не иначе, какъ съ разрѣшенія каждый разъ попечителя учебнаго округа“. Конечно, такимъ путемъ могутъ быть устранены затрудненія нѣкоторой части студентовъ, но трудно разсчитывать, чтобы удовлетвореніе подобныхъ ходатайствъ стало общимъ правиломъ, благодаря чему для большинства учащихся вышеуказанныя неудобства останутся во всей силѣ.

Какъ уже было упомянуто раньше, пониженіе образователь-

наго значенія университетовъ и ухудшеніе матеріальнаго положенія учащихся въ зависимости отъ осуществленія проекта можетъ неблагопріятно отразиться на ростѣ университетовъ и способствовать уменьшенію общаго числа студентовъ. Но помимо такого, такъ сказать, косвеннаго вліянія, проектъ повлечетъ, вѣроятно, также и прямое, которое выразится въ гораздо болѣе рѣзкихъ формахъ. Возьмемъ для примѣра юридическіе факультеты. Число слушателей на нихъ по всѣмъ университетамъ можно считать къ концу 1894 года равнымъ 5.100—5.200. Изъ нихъ на юридическихъ факультетахъ большихъ университетовъ было сосредоточено болѣе 4 тысячъ человѣкъ: 1.569 въ московскомъ университетѣ, 1.462—въ петербургскомъ и 986—въ кіевскомъ. На остальныхъ пяти юридическихъ факультетахъ: варшавскомъ, дерптскомъ, одесскомъ, харьковскомъ и казанскомъ,—было лишь 1.100—1.200 студентовъ. На основаніи принциповъ проекта, около половины общаго числа юристовъ, московскаго, петербургскаго и кіевскаго университетовъ, т.-е. болѣе двухъ тысячъ студентовъ, должны были бы быть признаны учащимися тутъ не по праву, какъ окончившіе курсъ гимназій не въ соотвѣтствующихъ округахъ [1]). Предположимъ, что этимъ студентамъ пришлось бы оставить тѣ университеты, гдѣ они до тѣхъ поръ обучались благополучно, и искать образованія въ провинціальныхъ университетахъ. Количество юристовъ на послѣднихъ сразу должно было бы увеличиться на 2 тысячи и съ 1.100—1.200 человѣкъ подняться до 3.100—3.200. Какъ бы ни были до тѣхъ поръ пусты юридическія аудиторіи провинціальныхъ университетовъ, онѣ все-таки не были бы въ состояніи вмѣстить такого количества студентовъ. И вотъ значительному количеству послѣднихъ, которое, по всей вѣроятности, было бы не меньше 1.000, пришлось бы отказать въ зачисленіи въ провинціальные университеты, благодаря чему уменьшилось бы на соотвѣтственную цифру и общее количество юристовъ въ русскихъ университетахъ. То же, съ бо́льшими или меньшими варіантами, случилось бы и на другихъ факультетахъ. Нарисованная выше картина осуществилась бы, конечно, не сразу, а постепенно, такъ какъ учащіеся уже въ крупныхъ университетахъ студенты „несоотвѣтственныхъ“ округовъ не могутъ быть лишены права продолжать свое образованіе тамъ, гдѣ начали его, но черезъ четыре года по введеніи проекта, когда

---

[1]) Въ одномъ московскомъ университетѣ было 835 студентовъ-юристовъ, происходившихъ изъ гимназій *не*-московскаго округа.

подъ его правила подойдутъ почти всѣ уже студенты, картина будетъ именно такова.

Итакъ, всестороннее разсмотрѣніе новаго проекта урегулированія числа учащихся по университетамъ привело насъ къ признанію, что введеніе его является не только нежелательнымъ, но даже вреднымъ для успѣховъ русскаго образованія. Для того, чтобы хотя отчасти смягчить могущій произойти отъ него вредъ, необходимъ цѣлый рядъ положительныхъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію университетскаго дѣла въ провинціяхъ. Между тѣмъ проектъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сталъ достояніемъ печати, вовсе не сопровождается указаніями на имѣющіяся въ виду какія бы то ни было мѣры положительнаго характера, направленныя къ этой цѣли. Въ виду всего изложеннаго, врядъ ли можно думать, что проектъ встрѣтитъ сочувственное отношеніе со стороны университетскихъ совѣтовъ, на обсужденіе которыхъ онъ былъ предложенъ. Несмотря на смуту, царящую въ умахъ нашего общества, большинство образованныхъ людей понимаетъ, что игнорированіе требованій чисто-научнаго образованія, — нежелательное само по себѣ,—понижаетъ также и уровень образованія вообще, хотя бы имѣющаго лишь профессіональный характеръ, и принесетъ странѣ неисчислимый вредъ. Можно надѣяться, что разбираемый проектъ не найдетъ въ дѣйствительномъ положеніи нашихъ университетовъ никакихъ основаній для его признанія, и что они, переживъ уже самые тяжелые моменты своего существованія, въ общемъ останутся у насъ, какъ и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, высшими учебными заведеніями, предназначенными для научнаго, въ строгомъ смыслѣ, преподаванія всѣхъ предметовъ человѣческаго знанія.

Единственная мысль проекта, съ которой можно вполнѣ согласиться, это признаніе необходимости поднятія провинціальнаго университетскаго образованія. Поднятіе его путемъ тѣхъ мѣръ, которыя предлагаются проектомъ, потребовало бы, какъ мы уже указывали выше, дополнительныхъ мѣръ, при условіи которыхъ только и могъ бы осуществиться проектъ. Мѣры эти и сами по себѣ могутъ достигнуть цѣли—поднятія провинціальныхъ университетовъ, которые, въ такомъ случаѣ, тѣмъ болѣе не будутъ нуждаться въ крайне стѣснительныхъ для образованія и учащихся мѣрахъ проекта. Средства для поднятія провинціальнаго университетскаго образованія были нами намѣчены выше по мѣрѣ разсмотрѣнія проекта, и неоднократно указывались какъ мѣстной, такъ и общей печатью. Проведеніе всѣхъ этихъ мѣръ, хотя бы

и постепенное, повыситъ и уровень преподаванія, и число студентовъ въ провинціальныхъ университетахъ; примѣненіе же ихъ, mutatis mutandis, въ связи съ нѣкоторыми другими реформами, ко всѣмъ университетамъ сильно подвинуло бы у насъ высшее образованіе, а такая задача несомнѣнно входитъ въ настоящее время въ миссію высшаго учрежденія, вѣдающаго народное просвѣщеніе въ Россіи.

А. Л.

ПОСТАВИЛЪ РЕБРОМЪ

РАЗСКАЗЪ.

I.

— Домой!—приказалъ Павелъ Арсеньевичъ кучеру, усаживаясь въ карету.

Пара вороныхъ, слегка сѣвшихъ на переднія ноги, но все же щеголеватыхъ рысаковъ съ мѣста пошла крупной рысью. Большая, тяжелая карета глухо постукивала на выбоинахъ мостовой. Павелъ Арсеньевичъ забился въ самый уголъ и плотно запахнулъ бобровый воротникъ шинели. Мысли одна за другой такъ и кружились у него въ головѣ. Во-первыхъ, ему сейчасъ очень вѣжливо, какъ-то изысканно вѣжливо отказали въ деньгахъ. Это былъ даже не отказъ, а просьба не брать, не занимать, не запутываться еще больше, а постараться перетерпѣть тяжелую полосу и, такъ сказать, подумать о будущемъ. Какъ ни старались позолотить ему пилюлю, но она вышла очень горька. Денегъ не было, а нужны онѣ были, какъ никогда. Еще какихъ-нибудь десять тысячъ рублей—и все будетъ сдѣлано, все окончено... Но гдѣ достать эти десять тысячъ? Онъ долженъ былъ вездѣ, гдѣ только можно было задолжать, не роняя своего достоинства. Каждый дальнѣйшій шагъ теперь будетъ уже на счетъ его репутаціи и можетъ не только не помочь, а даже помѣшать и испортить все дѣло...

Во-вторыхъ, онъ сейчасъ только узналъ, что „имъ недовольны“, что имъ недовольны *тамъ*. Странное впечатлѣніе произвело это извѣстіе на Павла Арсеньевича. Когда ему намекнули, что „тамъ имъ недовольны“, онъ вздрогнулъ и похолодѣлъ... и обрадовался.

Да, почти обрадовался. Тѣ сферы казались ему всегда такими далекими, недосягаемыми, что онъ никакъ себѣ и представить не могъ, чтобы тамъ могли говорить про него, обратить на него хотя бы малѣйшее вниманіе, ну, просто даже произнести его имя и фамилію—Павелъ Арсеньевичъ Масловскій.—И вдругъ ему теперь говорятъ, что тамъ не только знаютъ о его существованіи, но даже вниманіе на него обратили.—„Имъ недовольны".—Павелъ Арсеньевичъ, конечно, отлично понималъ, что это нехорошо, что это страшно, но... онъ еще не могъ освоиться хорошенько съ этимъ, онъ еще не умѣлъ отнестись къ этому реально. Павелъ Арсеньевичъ всегда боялся тѣхъ сферъ, но боялся какъ-то отвлеченно, какъ нѣкоторые боятся призраковъ, привидѣній, предчувствій. Но бояться сознательно, какъ, напримѣръ, теперь онъ боялся того, что если онъ не достанетъ денегъ—все дѣло его можетъ пойти прахомъ—онъ еще не умѣлъ.

Такимъ образомъ, сегодняшній отказъ въ деньгахъ на Павла Арсеньевича произвелъ впечатлѣніе удручающее, а намекъ на то, что „тамъ имъ недовольны" онъ принялъ какъ-то смутно, почти съ трепетомъ, но не безъ примѣси нѣкоторой радости. „Вѣдь если недовольны, стало быть, могутъ быть и довольны... Значитъ, онъ можетъ заслужить и расположеніе... О! Онъ готовъ для этого сдѣлать все, пожертвовать чѣмъ угодно, но какъ сдѣлать это? Чѣмъ пожертвовать? Уѣхать изъ Петербурга? Увезти дочь опять въ деревню? Оборвать все сразу? Конечно, это онъ можетъ сдѣлать, но чего достигнетъ онъ этимъ? Тамъ успокоятся и забудутъ его, т.-е. не будутъ знать его такъ же, какъ не знали прежде... А чтò скажетъ Лидія на это? Что за жизнь ждетъ ее тамъ, въ глуши, въ деревнѣ; особенно послѣ того, какъ счастье улыбнулось ей такъ близко, поманило ее. Она и прежде изнывала въ деревнѣ, въ своей провинціальной безъизвѣстности, а теперь это для нея будетъ ссылка, каторга, пытка... Такъ чтò же дѣлать?

— Достать во что бы то ни стало денегъ и доводить все до конца,—почти вслухъ проговорилъ Павелъ Арсеньевичъ и даже слегка утвердительно махнулъ рукой.

Карета остановилась у небольшого особняка на Захарьевской. Не дождавшись швейцара, Павелъ Арсеньевичъ самъ отворилъ дверцу и позвонилъ у подъѣзда.

— Гдѣ же швейцаръ?—спросилъ онъ у встрѣтившаго его лакея.

— Должно, что куда-нибудь отосланъ,—отвѣтилъ тотъ, подхватывая сброшенную ему на руки шинель.

Нервно стаскивая съ себя перчатки и покашливая сухимъ,

короткимъ кашлемъ, Павелъ Арсеньевичъ быстро прошелъ нѣсколько ступенекъ лѣстницы, ведшей изъ вестибюля въ жилыя комнаты, и направился прямо къ себѣ въ кабинетъ.

Каждый разъ, когда онъ возвращался къ себѣ домой, т.-е. въ этотъ особнячокъ на Захарьевской, который онъ нанималъ вотъ уже около года за несоразмѣрно высокую съ его бюджетомъ цѣну, Павелъ Арсеньевичъ неизмѣнно наталкивался на разныя упущенія въ домашнемъ обиходѣ: то, какъ сегодня, напримѣръ, швейцара нѣтъ на мѣстѣ, то пахнетъ дымомъ отъ печей, давно не ремонтированныхъ домовладѣльцемъ, ожидавшимъ, что жилецъ сдѣлаетъ это на свой счетъ; то онъ замѣчалъ, что коверъ на лѣстницѣ пробился до такой степени, что ступени сквозь него просвѣчиваютъ, то ему казалось даже, что откуда-то пахнетъ кушаньями, совсѣмъ какъ въ ихъ деревенскомъ домѣ. Павла Арсеньевича все это раздражало, почти мучило и тѣмъ болѣе, что жена его, Наталья Христофоровна, видимо ничего этого не замѣчала, да и не умѣла замѣтить. И Павлу Арсеньевичу приходилось самому вмѣшиваться во всѣ мелочи домашней жизни, а у него и безъ этого было не мало заботъ. Да къ тому же каждая мелочь требовала денегъ и денегъ, а деньги день ото дня изсякали и доставать ихъ было все труднѣе и труднѣе. Нѣсколько разъ уже приходило Павлу Арсеньевичу въ голову желаніе бросить всю эту затѣю, бросить эту непомѣрно дорогую жизнь, уѣхать опять къ себѣ въ деревню и отдохнуть на привольѣ. А отдохнуть Павлу Арсеньевичу хочется. За годъ напряженной сутолоки онъ постарѣлъ на десять лѣтъ. Его и безъ того худое, желтое лицо совсѣмъ осунулось и пріобрѣло даже какой-то землистый оттѣнокъ. Бакенбарды посѣдѣли почти совсѣмъ, да и на вискахъ засеребрились бѣлыя нити, которыхъ прежде не было. И спина болитъ, и каждое утро онъ просыпается съ головной болью... Но какъ сдѣлать это? Какъ бросить? Дѣло уже затянулось настолько, что отступленіе почти невозможно. Прежней жизни нельзя вести и въ деревнѣ: нѣтъ прежнихъ средствъ. Они совсѣмъ подорваны однимъ этимъ годомъ петербургской жизни. Имѣніе сдано въ аренду, вмѣстѣ съ усадьбой и домомъ. Жить въ губернскомъ городѣ? Но и тамъ предстоитъ не мало расходовъ, а средства ихъ истощены... изсякли... Дѣло было поставлено сразу ребромъ, стало быть его надо доводить до конца. Лидія должна выйти замужъ—и выйти именно такъ, какъ они намѣтили, какъ они обдумали; внѣ этого—нѣтъ спасенія. Цѣль уже близка, съ часу на часъ они ждутъ предложенія... и тогда... вся ихъ жизнь вступитъ въ новую колею...

— Денегъ нѣтъ и тамъ недовольны,—почти вслухъ проговорилъ Павелъ Арсеньевичъ, присаживаясь къ письменному столу и принимаясь распечатывать письма, только-что поданныя ему камердинеромъ.

— Денегъ надо достать во что бы то ни стало, довести дѣло до конца и потомъ уже заслужить милость и расположеніе, хотя бы цѣною жизни, — закончилъ онъ и потомъ настойчиво прошепталъ нѣсколько разъ: — Надо... надо... надо..

II.

Супруга Павла Арсеньевича, Наталья Христофоровна, была изъ рода князей Листопадъ-Древлянскихъ, рода стараго, но давно уже сошедшаго со сцены и захудалаго. Многіе Древлянскіе даже и не знали полностью своей фамиліи. Не знала этого и Наталья Христофоровна до выхода замужъ за Павла Арсеньевича. Но онъ, разбираясь въ ея бумагахъ, откопалъ, что она не только Древлянская, но и Листопадъ-Древлянская. Положимъ, эта прибавка ничего не прибавила къ приданому молодой княжны, но Павелъ Арсеньевичъ не хотѣлъ пренебрегать ничѣмъ и указалъ своей супругѣ писаться во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это допускало приличіе: „рожденная княжна Листопадъ-Древлянская“. Наталья Христофоровна родилась и выросла въ Москвѣ, въ семьѣ дальнихъ, но довольно видныхъ родственниковъ, Уртминцевыхъ. Тамъ она встрѣтилась и познакомилась съ молодымъ еще тогда Павломъ Арсеньевичемъ Масловскимъ, только-что вышедшимъ изъ военной службы и причисленнымъ къ канцеляріи генералъ-губернатора. Это былъ бракъ по любви. Масловскому понравилась молоденькая, тихая княжна, съ веселенькимъ, свѣжимъ личикомъ, съ наивной, почти дѣтской рѣчью. Онъ зналъ, что за ней нѣтъ никакого приданаго, кромѣ крошечнаго и запущеннаго имѣньица гдѣ-то въ средней полосѣ Россіи, но ея княжеское происхожденіе въ его глазахъ значительно пополняло этотъ ущербъ. Самъ же онъ понравился добренькой Натальѣ Христофоровнѣ сразу, безъ всякихъ размышленій, разсужденій и критики. Судьба съ первыхъ же шаговъ начала улыбаться молодой четѣ. Во-первыхъ, не прошло и года, какъ у нихъ родился ребенокъ, прелестная дѣвочка, которую они, въ честь старухи Уртминцевой, окрестили Лидіей. А вслѣдъ за ребенкомъ пришло и состояніе: умеръ какой-то дядя Павла Арсеньевича и оставилъ ему большое, хорошее имѣніе, чуть ли не въ той же губерніи, гдѣ были маленькія угодья Натальи Христофо-

ровны. Масловскіе покинули Москву и перебрались въ провинцію. Павелъ Арсеньевичъ сталъ заниматься хозяйствомъ и довольно удачно. Былъ выбранъ въ уѣздные предводители дворянства, не безъ основанія мѣтилъ въ губернскіе, при чемъ не забывалъ поддерживать свои связи въ обѣихъ столицахъ, связи, пріобрѣтенныя имъ, главнымъ образомъ, благодаря браку на княжнѣ Древлянской, воспитанницѣ вліятельныхъ и богатыхъ Уртминцевыхъ. Одна изъ подругъ Натальи Христофоровны, Вѣра Уртминцева, была давно уже замужемъ за однимъ виднымъ петербургскимъ сановникомъ, но ни на минуту не забывала своей пріятельницы, Наташи, и вела съ ней дѣятельную переписку, а мужъ ея, сановникъ, проѣзжая какъ-то по дѣламъ черезъ губернію, въ которой было имѣніе Масловскихъ, завернулъ къ нимъ и прогостилъ нѣсколько сутокъ въ ихъ усадьбѣ.

Года черезъ четыре послѣ Лидіи, Наталья Христофоровна родила еще дочку, названную Наташей.

Время шло, дѣти росли, Павелъ Арсеньевичъ мѣтилъ въ губернскіе предводители.

Дочери Масловскихъ получали, такъ называемое, домашнее воспитаніе. У нихъ были гувернантки англичанки, француженки. Къ нимъ ѣздили учителя гимназіи—по зимамъ они жили въ губернскомъ городѣ. Старушка итальянка, когда-то примадонна итальянской оперы, доживавшая теперь вѣкъ въ пригрѣвшей ее Россіи, учила ихъ пѣнію и музыкѣ. Болѣзненно напряженная любовь, съ которой Масловскіе относились къ старшей дочери съ самаго дня ея рожденія, не допускала и мысли о разлукѣ, объ отдачѣ дѣтей въ какой-нибудь институтъ. Лидія росла, дѣйствительно, необычайнымъ ребенкомъ: граціозная, изящная, она съ пяти уже лѣтъ обращала на себя общее вниманіе. Въ ней сказывалась порода князей Древлянскихъ. Отъ отца же она пріобрѣла быстрый умъ и сообразительность. Всѣ въ ней души не чаяли. Вторая, Наташа, росла при сестрѣ. Ее любили, ласкали, но относились къ ней гораздо проще и она обѣщала въ будущемъ повторить свою мать. Лидію, еще въ дѣтствѣ, въ шутку прозвали „принцессой“, а Наташу звали „mademoiselle“.

Когда Лидіи минуло шестнадцать лѣтъ, ее свозили въ Москву и въ Петербургъ, показали родственникамъ, и вездѣ она произвела самое сильное впечатлѣніе своей красотой, граціей и сдержанностью. А въ Петербургѣ жена сановника Вѣра, урожденная Уртминцева, такъ была очарована молодой дѣвушкой—своихъ дѣтей у нея не было—что не хотѣла ее отпускать отъ себя. И только благодаря слишкомъ юному возрасту дала родителямъ от-

срочку на два года, взявъ съ нихъ слово, что по истеченіи этого времени они привезутъ ее обратно и поселятъ хотя на одинъ сезонъ у нея.

Два года пролетѣли быстро и родители сдержали слово. Какъ ни грустно имъ было разставаться съ Лидіей, но счастье дочери —а жена сановника сулила ей большое счастье—подсказало имъ это рѣшеніе.

Вотъ тутъ-то, т.-е. въ домѣ сановной пріятельницы Натальи Христофоровны, создался и созрѣлъ планъ замужества Лидіи: ее замѣтилъ такой женихъ, какого даже въ самыхъ пылкихъ мечтахъ своихъ Павелъ Арсеньевичъ не могъ бы придумать. Правда, молодой человѣкъ обратилъ на нее вниманіе сначала совсѣмъ просто, какъ на очень красивую и мило воспитанную дѣвушку, но для жены сановника, опытной въ такихъ дѣлахъ, было довольно этого, чтобы предугадать будущее. Она стала давать Лидіи такіе умѣлые и тонкіе совѣты, а Лидія такъ ловко и находчиво пользовалась ими, что молодой человѣкъ, и самъ не замѣчая того, все сильнѣе и сильнѣе запутывался въ сѣтяхъ юной красавицы. Но для того, чтобы довести дѣло до конца, Лидіи нельзя было оставаться долѣе въ домѣ сановника, на положеніи милой родственницы. Женихъ долженъ былъ взять невѣсту изъ нѣдръ ея семьи. Павла Арсеньевича вызвали въ Петербургъ, объяснили ему все—онъ сразу все сообразилъ и взвѣсилъ, и къ началу зимняго сезона вся семья его жила уже въ Петербургѣ.

— Послѣднюю копѣйку поставлю ребромъ, а составлю счастье дочери!—повторялъ Павелъ Арсеньевичъ, широко устраиваясь въ нанятомъ имъ особнякѣ на Захарьевской улицѣ.

Начались выѣзды, вечера, пріемы, рауты. Благодаря фамиліи своей жены и дружбѣ ея съ княгиней Вѣрой, урожденной Уртминцевой, Павлу Арсеньевичу удалось собрать у себя почти безукоризненное общество, а благодаря красотѣ дочери и ея тонкому, наивному кокетству, въ ихъ домѣ появился, наконецъ, правда, послѣ нѣкотораго колебанія, и намѣченный молодой человѣкъ. Появился онъ сначала нерѣшительно, какъ бы робко осматриваясь и спрашивая себя: мѣсто ли ему здѣсь? Но молодая дѣвушка живо съумѣла пріучить его къ ихъ дому. Молодой человѣкъ сталъ бывать часто. Другіе женихи не только игнорировались, но даже не подпускались близко.

Прошла зима; лѣто Масловскіе провели въ окрестностяхъ Петербурга, въ мѣстѣ, наиболѣе часто посѣщаемомъ молодымъ человѣкомъ по его оффиціальному положенію,—съ осени они переѣхали опять въ особнякъ на Захарьевской и стали ожидать

начала конца. Въ обществѣ начали уже говорить о возможности брака молодого человѣка съ Лидіей Масловской. Слухи эти дошли и до его важной семьи, жившей въ другомъ государствѣ. Семья всполошилась и сдѣлала негласный запросъ. А когда убѣдилась въ справедливости этихъ слуховъ, то хотѣла-было отозвать молодого человѣка изъ Петербурга къ себѣ домой; но тотъ, всегда покорный и почтительный къ старшимъ родственникамъ, на этотъ разъ вдругъ заупрямился. Объ этомъ упрямствѣ было доведено и до высшихъ петербургскихъ сферъ. Тамъ это вызвало легкое неудовольствіе и по отношенію къ сановнику, въ домѣ котораго Лидія встрѣтилась съ молодымъ человѣкомъ, и по отношенію къ невѣдомому дотолѣ Павлу Арсеньевичу Масловскому. Дѣло приняло дурной оборотъ. Молодой человѣкъ хоть и упрямился, и не хотѣлъ уѣзжать изъ Петербурга, но съ предложеніемъ тоже почему-то медлилъ.

У Павла Арсеньевича голова шла кругомъ.

III.

Лидія, какъ и отецъ ея, постоянно замѣчала разные недочеты въ ихъ домашнемъ обиходѣ и тяготилась ими. Нервы ея были напряжены до послѣдней крайности. Она знала, что, въ случаѣ неудачи, въ дальнѣйшемъ будущемъ ничего хорошаго ждать ей нельзя. Она знала, что ихъ и безъ того небольшое состояніе подорвано въ конецъ, что они почти на краю полнаго разоренія, а перспектива неудавшейся невѣсты страшила ее не менѣе самой смерти. Несмотря на всю красоту и обаяніе, ей уже трудно будетъ выйти замужъ, даже такъ, какъ она мечтала, еще не вѣдая о настоящемъ женихѣ. Конечно, ею можетъ увлечься какой-нибудь старикъ, и важный, и богатый, но старикъ. А Лидія еще не была такъ развращена, чтобы въ дѣвушкахъ уже думать объ измѣнѣ будущему мужу. Можетъ на ней жениться и одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ дюжинами она встрѣчаетъ на разныхъ вечерахъ, приличныхъ и корректныхъ, но съ маленькой карьерой и ничтожнымъ состояніемъ. Она знаетъ, что на нее засматривается и молодой богачъ С., но она также знаетъ, что отецъ этого С. неизлечимо душевно-больной, старшій братъ его какой-то мрачный пьяница, а самъ С. обѣщаетъ быть и тѣмъ, и другимъ. Что за ужасъ!.. Нѣтъ, нѣтъ... Она выйдетъ или за того, за кого хочетъ, или ни за кого. Она лучше умретъ, чѣмъ откажется отъ намѣченной цѣли...

Лидіи доложили о пріѣздѣ того, о комъ она сейчасъ только думала. Она осмотрѣла себя въ зеркалѣ и вышла въ небольшой салонъ, гдѣ мать ея принимала гостей. При ея входѣ молодой человѣкъ, въ военномъ сюртукѣ, съ свѣжимъ, красивымъ лицомъ, коротко остриженными бѣлокурыми волосами, быстро поднялся съ кресла и вѣжливо, но съ оттѣнкомъ легкой фамильярности поздоровался съ ней. Онъ передъ этимъ разговаривалъ съ Натальей Христофоровной, сидѣвшей на маленькомъ креслѣ, и, видимо повторяя только-что сказанныя имъ слова, быстро проговорилъ, обращаясь къ Лидіи:

— Я заѣхалъ проститься. Сегодня вечеромъ я уѣзжаю.

Лидія почувствовала, какъ захолонуло у нея сердце, даже въ глазахъ слегка потемнѣло и дрогнули ея длинныя, густыя рѣсницы.

— Вотъ какъ! И надолго? — возможно простымъ голосомъ вымолвила она.

— Нѣтъ, нѣтъ,—заторопился молодой человѣкъ:—всего дня на три, на четыре и самое большее на недѣлю. Мы ѣдемъ на охоту, въ западныя губерніи, въ имѣніе графа Пирвицъ фонъ-Лихтенштраль.

Сердце молодой дѣвушки забилось быстро, быстро, но успокаиваясь съ каждымъ ударомъ.

— Эта охота обѣщаетъ много интереснаго,—продолжалъ молодой человѣкъ, занимая свое мѣсто, послѣ того, какъ и Лидія сѣла возлѣ матери. — Я хочу испытать моихъ новыхъ мраморныхъ таксъ. На видъ онѣ такія хрупкія... И туда же пріѣдетъ изъ Германіи мой дядя, Людвигъ-Эрнестъ, и братъ мой, Карлъ, пріѣдетъ съ нимъ. Мы проведемъ вмѣстѣ нѣсколько дней, поохотимся, поговоримъ...

Опять сжалось сердце у Лидіи. Она поняла, что охота эта не больше, какъ предлогъ, а на самомъ дѣлѣ назначенъ семейный съѣздъ и разговоръ будетъ о ней.

Пристально, пристально посмотрѣла она въ глаза молодому человѣку, словно стараясь прочесть въ нихъ всю свою судьбу. Онъ весело улыбался, смотрѣлъ привѣтливо и нѣжно, и какъ будто совсѣмъ не замѣтилъ ея взгляда.

„Однако, если дѣло дошло до семейнаго съѣзда, стало быть онъ ведетъ его настойчиво и серьезно“, соображала Лидія, и ей страшно хотѣлось прочесть подтвержденіе этой мысли хоть въ какомъ-нибудь намекѣ съ его стороны; но онъ опять заговорилъ о мраморныхъ таксахъ, о прекрасномъ, серебристомъ скочъ-терьерѣ

котораго ему только-что прислали изъ Англіи... „О! эти люди умѣютъ прятать свои мысли и чувства глубоко!“—думала она.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Молодой человѣкъ продолжалъ говорить такія же незначительныя, мало интересныя вещи. Лидія все ждала чего-то. Но вотъ молодой человѣкъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы собираясь уходить, и какъ разъ въ это время въ комнату вошелъ Павелъ Арсеньевичъ, сдѣлавшій видъ, что онъ сейчасъ только пріѣхалъ домой, а потому не успѣлъ встрѣтить дорогого гостя.

— А я заѣхалъ проститься. Сегодня уѣзжаю,—заговорилъ опять тотъ и повторилъ и о мраморныхъ таксахъ, и о дядѣ Людвигѣ-Эрнестѣ, и о братѣ Карлѣ, и о предстоящей охотѣ.

Павелъ Арсеньевичъ почтительно и внимательно слушалъ его, и когда тотъ кончилъ, пожелалъ ему благополучнаго путешествія и счастливой охоты. Дамы повторили то же и прибавили еще пожеланія скораго возвращенія.

Молодой человѣкъ уѣхалъ.

Павелъ Арсеньевичъ, проводившій гостя до вестибюля, возвратился въ салонъ, гдѣ жена и дочь дожидались его. Наталья Христофоровна какъ сидѣла на креслѣ, такъ и осталась; Лидія стояла возлѣ окна и задумчиво смотрѣла на улицу. Павелъ Арсеньевичъ прошелся раза два взадъ и впередъ по комнатѣ и пріостановился передъ другимъ окномъ.

— Этотъ Людвигъ-Эрнестъ, говорятъ, человѣкъ очень строгаго характера и имѣетъ на племянника большое вліяніе,—какъ бы про себя проговорилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Однако, они не вызвали же его къ себѣ, а сами пріѣхали сюда,—тоже послѣ небольшой паузы отозвалась Лидія.

Павелъ Арсеньевичъ опять помолчалъ немного.

— Лидія, поди ко мнѣ!—сказалъ онъ и направился къ себѣ въ кабинетъ.

Лидія пошла слѣдомъ.

Наталья Христофоровна осталась одна, но не сдвинулась съ мѣста и какъ-то задумчиво-грустно продолжала разсматривать не то лежащія на столикѣ бездѣлушки, не то коверъ подъ ногами.

— Видишь ли, Лидія, — заговорилъ Павелъ Арсеньевичъ, придя съ дочерью въ кабинетъ и прислонившись къ своему большому письменному столу:—видишь ли, дитя мое, я тебѣ долженъ прямо сказать, дѣла приняли очень дурной оборотъ: съ его стороны нѣтъ еще ничего яснаго... Не правда ли, вѣдь онъ... никакихъ такихъ... ясныхъ намековъ не сдѣлалъ еще?

Лидія молчала.

— Ну, а непріятностей уже не мало,—продолжалъ Павелъ Арсеньевичъ, не дождавшись отъ дочери отвѣта.—Во-первыхъ, нѣтъ денегъ... а во-вторыхъ... „тамъ", кажется, нами не совсѣмъ довольны... Такъ вотъ — Павелъ Арсеньевичъ закурилъ папиросу—такъ вотъ я счелъ долгомъ все прямо тебѣ такъ и сказать, чтобы ты... знала...

— Вамъ это Левъ Степановичъ сказалъ, что тамъ недовольны?—спросила Лидія.

— Нѣтъ, не Левъ Степановичъ, но во всякомъ случаѣ это достовѣрно.

— Съѣздите къ Льву Степановичу.

— Да, да, я сегодня же буду у него. Сегодня же вечеромъ. Я уже предупредилъ.

— Я напишу княгинѣ Вѣрѣ Борисовнѣ. Вы передайте ей письмо.

— Хорошо, хорошо.

— А денегъ надо достать непремѣнно. Это главное,—дѣловито проговорила Лидія.

— Ты все-таки надѣешься?—тихо спросилъ отецъ.

— Надѣюсь... только достаньте денегъ... Ну, я пойду къ себѣ. —И Лидія, кивнувъ головой, пошла изъ кабинета. Высокая, статная, медленными шагами проходила она комнату за комнатой, упорно и строго глядя впередъ. Она прошла мимо матери, все еще сидѣвшей на томъ же мѣстѣ, и даже не взглянула на нее. Въ одной изъ комнатъ ей встрѣтилась сестра Наташа. Лидія, кажется, и ее не замѣтила. Дѣвочка даже попятилась слегка: такъ поразило ее сосредоточенное и строгое лицо старшей сестры.

Придя къ себѣ въ комнату, Лидія бросила мимолетный взглядъ на зеркало, отразившее ея красивое блѣдное лицо, съ большими темными глазами, и подсѣла къ письменному столику.

„Во всякомъ случаѣ этотъ семейный съѣздъ для нея шансъ за, а не противъ", думала Лидія, доставая листикъ почтовой бумаги. „Онъ-то, стало быть, относится серьезно. А если серьезно, то возможенъ и успѣхъ". И она стала припоминать и комбинировать всѣ болѣе или менѣе значительныя слова, сказанныя имъ въ разное время. Всегда сдержанный, всегда умѣренный, онъ иногда прорывался. А нѣсколько разъ даже и очень серьезно. Разъ, послѣ обѣда у княгини Вѣры Борисовны, когда они остались наединѣ, у него сорвались слѣдующія слова, что: если когда-нибудь ему придется жениться, онъ желалъ бы, чтобы его будущая жена походила во всемъ на нее... Затѣмъ на балу въ посольствѣ, танцуя съ ней, онъ сказалъ: „Какъ жаль, что все

имѣетъ свой конецъ и мазурка эта не можетъ продолжаться вѣчно". Но главное, въ своихъ отношеніяхъ къ ней онъ не допускалъ никогда ни малѣйшей вольности, что довольно часто позволяли себѣ другіе люди его положенія. Правда, онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ ея руку, но это было всегда такъ почтительно и мило... совсѣмъ не то, что другіе. А между тѣмъ княгиня Вѣра говорила, что до встрѣчи съ ней онъ былъ гораздо развязнѣе съ другими женщинами... Нѣтъ! онъ серьезенъ и это не шалость.

Лидія взяла перо и принялась писать длиннымъ, красивымъ почеркомъ.

IV.

Павелъ Арсеньевичъ тоже писалъ въ это время. Нѣсколько только-что закуренныхъ, но уже забытыхъ папиросъ лежало возлѣ него на пепельницѣ. Очевидно, что настоящее письмо давалось ему съ трудомъ. Жутко и стыдно было ему обращаться съ „покорнѣйшей просьбой“ къ человѣку, котораго онъ едва удостоивалъ поклономъ. Онъ зналъ, что этотъ Лазарь Давидовичъ Боцарисъ только одинъ изъ всѣхъ можетъ выручить его въ настоящемъ положеніи. Онъ зналъ, что этотъ дѣлецъ грекъ не преминетъ поломаться надъ нимъ, не постѣснится сболтнуть гдѣ-нибудь въ клубѣ, что онъ только-что облагодѣтельствовалъ Масловскаго; но онъ также отлично зналъ, что, кромѣ Боцариса, денегъ достать ему негдѣ, а не достать денегъ—значитъ проиграть всю партію и остаться ни съ чѣмъ, загубить судьбу любимой дочери, дочери, которую онъ любилъ съ самой колыбели и всегда мечталъ о ея счастіи.

Когда она родилась, онъ почему-то былъ увѣренъ, что у него родится дочь и сына какъ-то даже боялся,—онъ чуть ли не въ первый же день рѣшилъ, что этотъ ребенокъ предназначенъ для большой роли, что черезъ нее устроится вся его жизнь, и потому всю свою жизнь онъ обѣщался посвятить ей. Сыновья ему представлялись сначала сорванцами-кадетами, потомъ офицерами, дѣлающими долги и попадающими въ разныя непріятности, однимъ словомъ, чѣмъ-то очень хлопотливымъ и даже разорительнымъ. А дочь, особенно если она будетъ красива,—а въ кого бы могла быть некрасивой Лидія?—можетъ сдѣлать свою карьеру гораздо скорѣе и спокойнѣе. И раньше предоставить родителямъ возможность тихаго отдыха... Такъ почему-то мечталъ

Павелъ Арсеньевичъ, и трепетно, и ревниво слѣдя за развитіемъ своей дѣвочки.

„Мы будемъ друзья“, часто говорилъ онъ самъ себѣ. А когда родилась вторая, онъ обрадовался и той, какъ возможности удѣлить что-нибудь и для Натальи Христофоровны. Дѣвочки такъ и назывались: Лидія—папина, а Наташа—мамина дочки.

Павелъ Арсеньевичъ любилъ и Наташу, но уже не тою любовью. Она, конечно, была тоже его дочь и въ своемъ родѣ премилый ребенокъ, но, однимъ словомъ, Лидія была „принцесса“, а Наташа—„mademoiselle“.

И вотъ теперь, когда одинъ только шагъ—и всѣ мечты, всѣ даже самыя смѣлыя мечты Павла Арсеньевича превзойдены, онъ наталкивается на разныя препятствія и непріятности. А, преодолѣвая однѣ изъ нихъ, онъ зналъ, что можно надѣлать новыя, труднѣе исправимыя.

И въ письмѣ Павла Арсеньевича Лазарь Боцарисъ назывался то „добрѣйшимъ“, то „почтеннѣйшимъ“, то „любезнѣйшимъ“, то всѣ эти три эпитета зачеркивались и замѣнялись однимъ „многоуважаемымъ“ или даже просто „уважаемымъ“. Просьбу свою Павелъ Арсеньевичъ именовалъ то „большою“, то „нѣкоторою“, то „маленькою“, то болѣе опредѣленно „покорнѣйшею просьбой“. Сначала Павелъ Арсеньевичъ написалъ-было „покорною просьбой“, но сейчасъ же нашелъ, что „покорная просьба“ болѣе унизительна, чѣмъ „просьба покорнѣйшая“. Трудно давалось Павлу Арсеньевичу письмо къ Лазарю Боцарису...

— Мама, ты тутъ одна? — проговорила Наташа, войдя въ гостиную и едва различая мать при слабомъ свѣтѣ сгущавшихся петербургскихъ сумерокъ.

— Да, одна. Поди, посиди со мной.

Наташа проскользнула между мебелью и хотѣла-было присѣсть возлѣ матери, но въ это время вошелъ лакей и началъ зажигать лампы. Свѣтъ непріятно рѣзнулъ по глазамъ Натальи Христофоровны.

— Нѣтъ, Наташа, пойдемъ лучше ко мнѣ!—предложила она, поднимаясь съ кресла.

— Пойдемъ, мама, тамъ у тебя уютнѣе,—согласилась Наташа, и онѣ обѣ отправились въ комнату Натальи Христофоровны.

Тамъ топился каминъ и горѣла одна большая лампа подъ шолковымъ абажуромъ въ видѣ китайской пагоды.

— Наташа, погаси лампу, посумерничаемъ при свѣтѣ камина!—тихо сказала мать.

— Мама, это не будетъ сумерничать,—заговорила Наташа, завертывая огонь въ горѣлкѣ и присаживаясь бокъ-о-бокъ съ Натальей Христофоровной на маленькомъ, уютномъ диванчикѣ противъ камина.—Чтобы сумерничать, нужно, чтобы въ окна лился тихій, сѣрый, зимній свѣтъ и погасалъ бы понемногу, а въ комнатѣ чтобы становилось все темнѣе и темнѣе. Сначала чтобы пропали стѣны, потомъ чтобы все пропало и только одни окна неясно чтобъ сѣрѣли. Помнишь, мама, какъ мы съ тобой сумерничали въ Клекоткахъ?

Наталья Христофоровна ничего не отвѣтила, только ласково погладила Наташу по ея темнорусой головкѣ. Наташа взяла руку матери и приложила ее къ своимъ губамъ.

Наташѣ было уже пятнадцать лѣтъ. Такая же миловидная и тихая, какъ и мать ея въ молодости, она была только ростомъ немножко повыше Натальи Христофоровны, обѣщая въ будущемъ развиться въ довольно высокую, статную женщину.

— Мама, неужели мы еще долго будемъ жить въ Петербургѣ?—заговорила опять Наташа, плотнѣе прижимаясь къ матери.

— Не знаю, моя дѣвочка. Я бы такъ хоть сейчасъ готова уѣхать въ Клекотки.

— И я, мама. Я такъ соскучилась и о нашемъ домѣ, и о моемъ Васькѣ,—Васька былъ клеперъ, верховая лошадка Наташи, носившая еще другое, оффиціальное имя: Робъ-Рой,—и объ Еленѣ Марковнѣ соскучилась... И о Катѣ Селищевой... Обо всѣхъ соскучилась. Мама, когда мы туда уѣдемъ?

— Не знаю, моя дѣвочка,—опять повторила Наталья Христофоровна.—Теперь туда и ѣхать-то нельзя; въ нашемъ домѣ живетъ арендаторъ.

— Неужели, мамочка, они такъ въ самомъ дѣлѣ и живутъ тамъ?

— Да, такъ въ самомъ дѣлѣ и живутъ,—улыбнулась Наталья Христофоровна.

— И ходятъ по нашимъ комнатамъ, и обѣдаютъ, и спятъ тамъ чужіе люди... Мамочка, вѣдь когда Лидія замужъ выйдетъ, мы непремѣнно вернемся въ Клекотки.

— Вѣроятно, вернемся, — подтвердила Наталья Христофоровна и вздохнула.

— А Лидія уѣдетъ туда, за границу?

— На первое время, вѣроятно... А можетъ быть, и не уѣдетъ... не знаю.

— Какъ это страшно!

— Чтò страшно?

— Да вотъ такъ выходить замужъ и сдѣлаться совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ. Вѣдь это совсѣмъ другіе люди... Даже не русскіе. Другіе обычаи, другой языкъ... Страшно!

Въ глубинѣ души Натальѣ Христофоровнѣ тоже было страшно за свою старшую дочь, но высказать этого она никогда не смѣла. Она смотрѣла на Лидію, удивлялась ей, почти передъ ней благоговѣла, какъ передъ существомъ другой породы. Какой жалкой, какой потерянной чувствовала она себя здѣсь, въ Петербургѣ, въ томъ свѣтѣ, въ который попала теперь! Каждую минуту она боялась сказать что-нибудь не такъ или сдѣлать какую-нибудь безтактность; а когда пріѣзжалъ этотъ молодой человѣкъ, этотъ, можетъ быть, будущій мужъ Лидіи и ея будущій зять, она такъ терялась и такъ робѣла, несмотря на всю простоту и привѣтливость его, что послѣ каждаго его посѣщенія у нея разбаливалась голова. Вотъ и сегодня тоже: лѣвый високъ слегка ноетъ, и лѣвый глазъ подергивается, и только тихій полусвѣтъ комнаты, слабо освѣщенной тлѣющими углями въ каминѣ, да нѣжное воркованіе Наташи, такъ ласково прижавшейся къ ней, слегка успокоиваютъ ее.

— Когда мы вернемся въ Клекотки, мама, я останусь въ прежней моей комнаткѣ, а въ комнату Лидіи перейдешь ты, а въ твоей комнаткѣ можно поселить Елену Марковну,—продолжала мечтать Наташа, совсѣмъ съ ножками взобравшись на диванъ и положивъ головку на плечо матери.—А на лѣто выпишемъ къ намъ гостить Ермолинцевыхъ... Только все-таки безъ Лидіи будетъ скучно... Неужели же она никогда къ намъ не будетъ пріѣзжать?

— Кушать подано,—доложила горничная.

И мать, и дочь вздрогнули и нѣхотя приподнялись съ дивана.

V.

Въ столовой больше, чѣмъ гдѣ-либо, и Павелъ Арсеньевичъ, и Лидія замѣчали упущенія и недочеты домашняго обихода. Когда не было гостей, проскальзывало всегда какое-то неряшество: то скатерть съ пятномъ накроютъ на столъ, то кушанье окажется испорчено поваромъ, но тѣмъ не менѣе подано, на томъ основаніи, что „свои-де, ничего, а добро не выбрасывать же“. При постороннихъ же бывало еще хуже: чувствовалось какое-то напряженное безпокойство. Павелъ Арсеньевичъ то-и-дѣло зорко осматривалъ столъ и, замѣтивъ безпорядокъ, нервно комкалъ сал-

фетку. Наталья Христофоровна робѣла и совсѣмъ терялась, Лидія хмурилась, а Наташа въ такія минуты всегда готова была расплакаться. Прислуга не дорожила непостояннымъ мѣстомъ — всѣ почему-то знали, что все это временное: и особнякъ, и эта обстановка — и позволяла себѣ фыркать. Въ большинствѣ случаевъ гости и не замѣчали никакихъ упущеній, но и Павлу Арсеньевичу, и Лидіи казалось, что они опозорены...

Наталья Христофоровна и Наташа первыми пришли въ столовую. Затѣмъ явился Павелъ Арсеньевичъ—Лидія немного запоздала. Павелъ Арсеньевичъ не любилъ этого и нахмурился, но сдѣлать замѣчаніе старшей дочери онъ на этотъ разъ почему-то не рѣшился.

Молча сидѣла за столомъ ихъ маленькая семья. Каждый былъ занятъ своими мыслями.

— Вы сегодня ѣдете куда-нибудь?—спросилъ наконецъ Павелъ Арсеньевичъ, ни къ кому особенно не обращаясь.

— Да, я съ мамой сегодня у Волкушиныхъ, — отвѣтила Лидія.

— А ты? — спросилъ отецъ, взглянувъ на Наташу.

— У меня урокъ англійскаго языка съ миссъ Джонсъ,— отозвалась та.

Опять наступило молчаніе.

„Странная вещь, — разсуждалъ Павелъ Арсеньевичъ:—какъ Лидія отдаляется и отдаляется отъ семьи. Она и теперь ужъ почти чужая. Какъ брезгливо она посматриваетъ и на нашъ столъ, и на всю обстановку. Словно и впрямь создана она для иной доли и все это считаетъ временнымъ, преходящимъ... И это въ ней было всегда; и тамъ, въ деревнѣ, она и чувствовала и держала себя такъ же... Любитъ ли она насъ? Каждое движеніе говоритъ въ ней:—я знаю, что для васъ это все очень трудно, что вамъ приходится напрягаться изъ послѣднихъ силъ, но что̀ дѣлать? Я вѣдь тоже не виновата, что родилась въ вашей семьѣ. Потерпите немного, я скоро освобожу васъ отъ этой обузы“...— И Павелъ Арсеньевичъ почти непріязненно посмотрѣлъ на старшую дочь.—„Все для нея и для нея одной. И эта натянутая жизнь не по средствамъ, и эти унизительныя хлопоты о деньгахъ, и раболѣпство передъ разными несимпатичными людьми, все для нея одной. Какъ это случилось? Вѣдь они сами же сдѣлали все это и никто въ этомъ не виноватъ... Да и они не виноваты. Развѣ любовь—проступокъ? А они только любили ее... А любитъ ли ихъ она?“—опять задалъ вопросъ Павелъ Арсеньевичъ и опять взглянулъ на Лидію.

Молодая дѣвушка задумчиво смотрѣла передъ собой и почти ничего не ѣла. Но, какъ бы почувствовавъ на себѣ взглядъ отца, она медленно вскинула на него глазами.

„Какой у папы сѣрый цвѣтъ лица и жесткіе волосы на бородѣ!"—мелькнуло у нея при этомъ въ головѣ и отразилось, должно быть, во взглядѣ, потому что холоденъ показался этотъ взглядъ Павлу Арсеньевичу.

„Любитъ, но какъ-то по-своему, обдуманно и сухо", — рѣшилъ онъ, и опять чувство недовольства дочерью шевельнулось въ немъ и онъ перевелъ глаза на жену и на Наташу. И тѣ обѣ, такъ похожія другъ на друга, словно заробѣли подъ его пытливымъ взглядомъ.

Обѣдъ окончился. Павелъ Арсеньевичъ первымъ всталъ изъ-за стола и поцѣловалъ у жены руку, что въ послѣднее время дѣлалъ рѣдко. А Наташу, когда та потянулась губками къ его щекѣ, ласково потрепалъ по плечу.

Когда не было постороннихъ, кофе Павлу Арсеньевичу подавали въ кабинетѣ и тамъ же онъ выкуривалъ свою послѣобѣденную сигару.

— Надо... надо... надо,—твердилъ Павелъ Арсеньевичъ, полуразвалясь на большомъ сафьянномъ диванѣ и прихлебывая изъ маленькой чашки горячій кофе. — „Le vin est tiré — il faut le boire", надо довести дѣло до конца. А затѣмъ ужъ можно и отдохнуть... Съ Наташей много хлопотъ не предвидится. Съ ней, навѣрное, все устроится и тихо, и просто... А Лидію... да! Надо, надо, надо... Выйдетъ она замужъ, уѣдетъ за границу, а мы даже не будемъ приняты въ ея семью... И фамиліи мужа она носить не будетъ... А выдумаютъ для нея какое-нибудь графство... И вся жизнь, въ будущемъ, предстоитъ такая же выдуманная... Ну, что жъ? Она не боится этого и смѣло идетъ на встрѣчу всѣмъ возможнымъ непріятностямъ"...

— Можно къ тебѣ?—раздался за портьерой голосъ Натальи Христофоровны.

— Можно,—отозвался Павелъ Арсеньевичъ, не двигаясь съ мѣста.

— Мы скоро ѣдемъ съ Лидіей къ Волкушинымъ... Ты часамъ къ одиннадцати пришли за нами карету, — проговорила Наталья Христофоровна, входя въ кабинетъ.

— Да, хорошо. Я часовъ въ девять самъ поѣду къ Льву Степановичу. Тоже, вѣроятно, просижу часовъ до одиннадцати... Ну, ничего! Я могу вернуться на извозчикѣ.

Наталья Христофоровна постояла нѣсколько минутъ молча и потомъ, кивнувъ головой, сказала:

— Ну, au revoir.

— Au revoir,—отозвался Павелъ Арсеньевичъ.

И она вышла изъ кабинета.

„Какъ здѣсь стало скучно и сухо! — думала Наталья Христофоровна, идя по большимъ, слабо освѣщеннымъ комнатамъ къ себѣ въ уборную.—Совсѣмъ не то, что у насъ было въ Клеткахъ. И Павелъ Арсеньевичъ посѣдѣлъ и осунулся, словно послѣ болѣзни какой... А ужъ эти выѣзды скучнѣе всего... Наташу жаль... Совсѣмъ закисла дѣвчурка“...

— Мама, я уже готова,—встрѣтила ее Лидія.

— Сейчасъ и я, — отвѣтила Наталья Христофоровна и, позвонивъ горничную, принялась переодѣваться.

Черезъ полчаса мать и дочь выходили уже изъ подъѣзда своего дома. Выѣздной лакей, впрочемъ, исполнявшій много другихъ обязанностей, въ нѣсколько мѣшковатой ливреѣ,—она была шита на другого, уволеннаго съ мѣсяцъ тому назадъ за грубость,—подсадилъ дамъ въ карету, захлопнулъ дверцу и, взобравшись на козлы, сказалъ кучеру:

— Пошелъ!

— И безъ тебя знаю!—огрызнулся тотъ.

Лошади дернули сразу. Наталья Христофоровна сначала сильно покачнулась, потомъ прижалась въ уголъ кареты и довольно громко зѣвнула.

Лидія задумчиво смотрѣла въ окно, на мелькавшіе по сторонамъ улицы тусклые фонари.

Письмо къ Лазарю Давидовичу Боцарису было написано Павломъ Арсеньевичемъ еще до обѣда, но онъ рѣшилъ его не посылать, не повидавшись съ княземъ Львомъ Степановичемъ. „Можетъ быть, какъ-нибудь еще и обойдется, — размышлялъ онъ, дремля на своемъ диванѣ. — Можетъ быть, Левъ Степановичъ посовѣтуетъ что-нибудь другое и можно будетъ обойтись безъ унизительныхъ просьбъ и заискиванія у этого биржевого кулака“. Левъ Степановичъ всегда являлся для Павла Арсеньевича въ критическія минуты послѣднимъ прибѣжищемъ. Онъ давалъ ему основательные и вѣскіе совѣты; двумя-тремя словами освѣщалъ возможныя перспективы... Правда, всякія денежныя затрудненія онъ старался обходить въ разговорахъ, словно считалъ непозволительнымъ для себя знать, что Павелъ Арсеньевичъ можетъ нуждаться въ деньгахъ, — но на этотъ разъ Масловскій рѣшилъ заговорить и о Боцарисѣ. „Можетъ быть, что-нибудь и посовѣ-

туетъ, — размышлялъ онъ, — а вѣдь и самъ бы могъ помочь. При его состояніи это пустяки, о которыхъ говорить не стоитъ", — мелькало въ головѣ у Павла Арсеньевича, хотя онъ и отлично зналъ, что ни за что не рѣшится заговорить съ княземъ о деньгахъ. „Нѣтъ, главное сообщить ему о томъ, что „тамъ недовольны", и спросить: какъ это надо понимать... Хорошо, если бы съ своей стороны и княгиня Вѣра Борисовна заговорила... Вѣдь, въ сущности, этотъ бракъ—ея затѣя... Левъ же Степановичъ держался въ этомъ дѣлѣ какъ-то уклончиво, но тѣмъ не менѣе, кажется, не безъ легкаго сочувствія. Еще бы! Въ случаѣ удачи, это и ему было бы на руку"... Вдругъ Павлу Арсеньевичу стало казаться, что самъ-то онъ тутъ совсѣмъ не при чемъ, что это они вовлекли его въ эту интригу, а теперь, вотъ, умываютъ руки... А теперь-то ихъ помощь и нужнѣе всего... Ахъ! Если бы можно было бросить все и уѣхать... Да нѣтъ, какъ бросишь? Куда уѣдешь? Le vin est tiré, il faut le boire...

— Карета вернулась,—доложилъ лакей.

Павелъ Арсеньевичъ всталъ и медленной и нерѣшительной походкой, словно раздумывая о чемъ-то, прошелъ въ свою спальню, служившую ему и уборной, чтобы привести въ порядокъ свой костюмъ.

„Письмо Боцарису я опущу самъ, поговоривъ уже съ Львомъ Степановичемъ", соображалъ онъ, черезъ нѣсколько минутъ, спускаясь уже по лѣстницѣ.

Въ виду того, что ему домой предстояло возвращаться на извозчикѣ, Павелъ Арсеньевичъ приказалъ дать себѣ пальто. Распорядившись, куда ѣхать и когда послать экипажъ за Натальей Христофоровной, Павелъ Арсеньевичъ усѣлся въ карету.

И вдругъ ему представилось громадное, снѣговое поле, все залитое луннымъ свѣтомъ, а по узкой проселочной дорогѣ, ныряя изъ ухаба въ ухабъ и скользя по лоснящимся раскатамъ, быстро несется славная дорожная кибитка. Тройка ретивыхъ киргизскихъ лошадокъ лихо скачетъ, словно стараясь обогнать тѣнь свою, несущуюся рядомъ по снѣгу. Весело позвякиваютъ колокольчики подъ дугой коренника и гудятъ глухари у пристяжекъ. Скрипятъ полозья кибитки, ямщикъ; приткнувшись на облучкѣ, покрикиваетъ па коней и волочитъ за собою длинный, словно змѣя извивающійся, кнутъ. А въ кибиткѣ сидитъ самъ онъ, Павелъ Арсеньевичъ, и свѣжій морозный воздухъ покалываетъ ему щеки и леденитъ усы и бороду, осаживаясь пушистымъ инеемъ на воротникѣ его дорожной шубы. Путь предстоитъ далекій... Славно спать, откинувшись на большія тиковыя по-

душки, славно ѣхать по безпредѣльному полю въ лунную, морозную ночь...

Электрическіе фонари Невскаго проспекта заставили Павла Арсеньевича очнуться—словно и въ самомъ дѣлѣ лунный свѣтъ ворвался къ нему въ карету... Но вотъ еще два-три поворота, и лошади остановились у подъѣзда.

VI.

Князь Левъ Степановичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, когда ему доложили о Павлѣ Арсеньевичѣ Масловскомъ.

— Проси, — сказалъ онъ, отодвигая лежавшій передъ нимъ французскій иллюстрированный журналъ, и, не торопясь, всталъ на встрѣчу гостю.

Князь, высокій, статный человѣкъ, съ коротко-остриженными бѣлокурыми волосами, съ гладко-выбритымъ, еще свѣжимъ лицомъ, казался гораздо моложе своихъ пятидесяти пяти лѣтъ. Движенія его сохраняли еще пластичность и гибкость молодости, руки были мягки и нѣжны; голосъ нѣсколько глухой, но пріятнаго тембра. Въ немъ ничего не было того, что̀ принято называть „чиновничьимъ“, но не было и барской изнѣженности и лѣни. Это былъ сановникъ, сановникъ нашего времени, привѣтливо-сдержанный и сдержанно-общительный.

— Здравствуйте, Павелъ Арсеньевичъ,—заговорилъ онъ, протягивая Масловскому руку. — Радъ васъ видѣть, садитесь. Здоровье вашей супруги? Дѣвочекъ?

Павелъ Арсеньевичъ чувствовалъ себя всегда нѣсколько сконфуженнымъ въ этомъ большомъ, строго-убранномъ кабинетѣ, гдѣ не было ни одной лишней или ненужной вещи и гдѣ, тѣмъ не менѣе, было такъ много всего. Всѣ прорѣхи Павла Арсеньевича какъ бы выступали наружу, когда онъ входилъ въ эту комнату: и костюмъ его казался ему какъ бы неподходящимъ ни къ мѣсту, ни къ его возрасту. Зачѣмъ, напримѣръ, онъ закололъ булавку въ свой галстухъ? Да и булавку-то дрянненькую, претенціозную... И къ чему онъ носитъ на цѣпочкѣ столько брелоковъ? Совсѣмъ не къ лицу это ему...

— Благодарю васъ, благодарю васъ, князь,—нѣсколько растерянно говорилъ онъ, опускаясь на указанное ему кресло, почти съ отвращеніемъ замѣчая, какъ выпячиваются при этомъ его большія, костлявыя колѣни.

— Курите пожалуйста!—предложилъ князь, самъ ставя возлѣ него ящикъ съ сигарами.

Павелъ Арсеньевичъ протянулъ-было руку, но сейчасъ же отдернулъ ее назадъ. Онъ зналъ, что Левъ Степановичъ, не курившій самъ, не любилъ табачнаго дыма въ своихъ комнатахъ.

— А нами недовольны, — началъ князь, усаживаясь около своего гостя.

Павелъ Арсеньевичъ всколыхнулся.

— Стало быть, вамъ это уже извѣстно? — проговорилъ онъ, вопросительно взглядывая въ большіе блѣдно-голубые глаза Льва Степановича.

— Да, извѣстно,—совсѣмъ просто отвѣтилъ тотъ.

— Ну, и что̀ же?—спросилъ Масловскій и замеръ въ ожиданіи.

— Нехорошо,—такъ же просто отвѣтилъ князь.—Нехорошо,—повторилъ онъ послѣ маленькой паузы. — Нехорошо ужъ по одному тому, что это такъ затянулось.

— Но какъ же было раньше... то-есть, я хочу сказать, какъ же можно было ускорить это? Вѣдь нельзя же насильно...—сбиваясь и путаясь, нервно заговорилъ Павелъ Арсеньевичъ.—Вѣдь не отъ насъ же зависѣло это! Это была его добрая воля...

Князь молчалъ.

— Но вы сказали, что „нами недовольны", стало быть и вами тоже?—вдругъ оборвавшись и перемѣнивъ тонъ, спросилъ Масловскій.

— Да, и мной.

„Ну, и слава Богу,—мелькнуло въ головѣ у Павла Арсеньевича.—Если тебя затронутъ, такъ ты не останешься такимъ безучастнымъ, а какъ-нибудь да выпутаешься".

— Да, и мной,—повторилъ князь. — И, можетъ быть, мнѣ придется представить свои объясненія.

Сухо и холодно прозвучали послѣднія слова, и опять ёкнуло сердце у Павла Арсеньевича.

„Онъ-то вывернется, онъ-то представитъ свои объясненія, а насъ утопитъ,—утопитъ, потому что и дѣваться больше некуда... Вѣдь все, все поставлено ребромъ"...

— Что̀ же дѣлать?—тихо и какъ-то покорно спросилъ онъ.

— Завтра,—и князь назвалъ имя предполагаемаго жениха,—завтра онъ уѣзжаетъ на охоту... Тамъ у нихъ будетъ семейный совѣтъ, на которомъ все и... рѣшится... то-есть, можетъ быть, и не въ окончательной формѣ, но во всякомъ случаѣ видно будетъ, какъ вамъ поступать въ дальнѣйшемъ. Можетъ быть, придется

и совершенно отказаться отъ мысли... отъ этой мысли... А можетъ быть, вы, не теряя еще совсѣмъ надежды, уѣдете куда-нибудь, за границу, гдѣ еще молодые люди могутъ опять встрѣтиться и...

„Какъ же я поѣду за границу, когда у меня уже гроша ломанаго нѣтъ больше?—почти со злобой думалъ въ то же время Павелъ Арсеньевичъ.—Да на поѣздку за границу мнѣ никто и копѣйки не дастъ. Вѣдь это Улита, которая ѣдетъ, да неизвѣстно когда будетъ... А кто же подъ Улиту повѣритъ что-нибудь“?..

— Видите ли, Павелъ Арсеньевичъ,—продолжалъ между тѣмъ князь:—самая большая ошибка въ этомъ дѣлѣ съ вашей стороны была та, что вы позволили себѣ очень преждевременно намекнуть кое-гдѣ о возможности этого брака... Даже въ смыслѣ кредита, я не думаю, чтобы это было необходимо... Вѣдь вы еще не нуждались въ кредитѣ, когда уже кое-гдѣ заговорили объ этомъ.

„Заглядывалъ въ будущее... Зналъ, что буду нуждаться“,—мысленно каялся и въ то же время оправдывалъ себя Павелъ Арсеньевичъ.

— И дѣло стало слишкомъ гласно. Если бы все это дѣлалось такъ, что вамъ самимъ какъ бы не было извѣстно, то, полагаю, обошлось бы безъ малѣйшихъ непріятностей... Но, повторяю, все зависитъ отъ того рѣшенія, къ которому придутъ члены семьи на предстоящей охотѣ.

„Значитъ, тамъ-то не особенно недовольны, если онъ такъ говоритъ... А насчетъ денегъ-то какъ же? Вдругъ тотъ окажется настойчивымъ и ни на какія убѣжденія Людвига-Эрнеста не пойдетъ... Можетъ быть, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ любитъ?.. А какъ увезутъ они его съ охоты прямо домой — мы-то куда? А вѣдь все они затѣяли... Главнымъ образомъ, княгиня Вѣра Борисовна... А теперь представятъ свои объясненія, и пиши пропало“,—сбивчиво мелькало въ головѣ Павла Арсеньевича во все время плавной, размѣренной рѣчи князя.

— Я вамъ не помѣшаю?—раздался голосъ изъ-за тяжелой опущенной портьеры.

— Нѣтъ, нѣтъ, Вѣра, нисколько, — предупредительно отвѣтилъ Левъ Степановичъ.

Масловскій быстро всталъ съ кресла и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу княгинѣ Вѣрѣ Борисовнѣ, поцѣловалъ протянутую ему руку.

Княгиня сдѣлала видъ, что цѣлуетъ его въ голову.

— Ну, какъ ваши? Здоровы? Отчего Лидія не пріѣхала?

Мнѣ нужно съ ней поговорить!—быстро заговорила эта маленькая черноволосая женщина, съ очень моложавымъ и смѣлымъ личикомъ.

— Ахъ, княгиня!—спохватился Павелъ Арсеньевичъ:—у меня къ вамъ есть письмо отъ нея... Сію минуту... виноватъ, не это...

И Масловскій быстро, почти вырвалъ изъ рукъ княгини письмо, на которомъ былъ четко написанъ адресъ Боцариса; но князь, стоявшій возлѣ нихъ, кажется, успѣлъ прочитать фамилію грека.

— Вотъ, вотъ, княгиня, письмо дочери!—поправился Павелъ Арсеньевичъ, вынимая изъ кармана другой конвертъ и передавая его Вѣрѣ Борисовнѣ.

— Чтò за глупости? Зачѣмъ она пишетъ? Лучше бы пріѣхала сама, — проговорила та и, отойдя къ письменному столу, гдѣ горѣла большая лампа, распечатала письмо и принялась торопливо его читать.

Мужчины молча, тихими шагами похаживали въ это время взадъ и впередъ по кабинету.

— Вздоръ и пустяки! Ничего этого не нужно!—рѣзко проговорила княгиня, окончивъ чтеніе письма и вкладывая его обратно въ конвертъ.

Павелъ Арсеньевичъ пріостановился, насторожившись, но княгиня даже не взглянула на него.

— Пойдемте чай пить,—проговорила она и быстрой походкой пошла впередъ.

— Вы, Павелъ Арсеньевичъ, скажите Лидіи, что все, чтò она замышляетъ—пустяки,—продолжала Вѣра Борисовна, сидя уже въ столовой за самоваромъ и сама разливая чай.—Скажите ей, что я и безъ нея все это продумала и нашла, что... Нѣтъ, лучше ничего не говорите, я ей напишу подробно... Да и не напишу даже, а пусть она ко мнѣ завтра сама утромъ пріѣдетъ...

Княгиня говорила быстро и отрывисто, проворно переставляя маленькими ручками стаканы, чашки, позвякивая ложками, словно торопясь куда, открывая и завертывая снова кранъ у самовара и въ то же время перебѣгая своими небольшими, но красивыми черными глазками съ предмета на предметъ.

— Натальѣ Христофоровнѣ скажите, чтобы та тоже не безпокоилась. Ни изъ чего не нужно дѣлать grand cas... Все придетъ на свое мѣсто, въ свое время... Молодого человѣка я люблю—онъ съ принципами и не тряпка... А если есть непріятности, такъ чтò дѣлать? Онѣ есть у всѣхъ... Pour être belle, il faut

souffrir... Я ничего не понимаю насчетъ денегъ и это меня не касается... Но оставьте мнѣ мое дѣло... И ты, Левъ, — обратилась она къ мужу: — ты тоже, пожалуйста, молчи... Странная манера у мужчинъ все преувеличивать... Чтò говорить о томъ, чего нѣтъ? Если нужно будетъ, я съѣзжу и поговорю... А вы всѣ дѣлаете большіе глаза и собираете на лбу морщины... Я знаю, это даетъ вамъ видъ глубокомысленности, но положительно ни къ чему не ведетъ. Пишите ваши бумаги, а живыхъ людей оставьте мнѣ...

Все это княгиня сыпала почти безъ умолку, словно боясь, что вотъ-вотъ ее сейчасъ перебьютъ и не дадутъ ей договорить главнаго. Но ни Павелъ Арсеньевичъ, ни князь перебивать ее не думали. Они почти не слушали ее. Павелъ Арсеньевичъ, задумчиво мѣшая въ стаканѣ ложечкой, схватывалъ только несвязные обрывки ея рѣчи и горько и желчно внутри себя улыбался.

„Да, да,—думалъ онъ, — насчетъ денегъ ты не хочешь ничего понимать! Это тебя, конечно, не касается... Кашу-то заварила, а расхлебывать мнѣ приходится... Принципы... А куда съ ними безъ денегъ уѣдешь? Деньги-то въ этомъ дѣлѣ главное и есть“... И чувство глубокой непріязни шевелилось въ немъ противъ этой маленькой, говорливой женщины, которую онъ считалъ главной виновницей своего настоящаго безвыходнаго положенія. Конечно, онъ не вѣрилъ ей. Не вѣрилъ тому, что когда нужно будетъ, она съѣздитъ и поговоритъ. То-есть можетъ быть, и съѣздитъ, и поговоритъ, да толку-то изъ этого никакого не выйдетъ... Она представлялась ему маленькой хвастливой синицей, похвалившейся зажечь море. И въ эту минуту онъ сердился и на жену, и, главнымъ образомъ, на дочь, поддавшихся ея болтовнѣ, ея птичьимъ планамъ настолько, что даже завлекли и его самого во всю эту непріятную исторію.

Князь, напротивъ, былъ очень спокоенъ. Онъ уже по опыту зналъ, что все, казавшееся и ему, и многимъ другимъ совершенно несбыточнымъ, постоянно удавалось его маленькой, торопливой и часто даже безтактной женѣ. Казалось даже, что безтактностью-то этой она и брала иногда тамъ, гдѣ другіе, дѣйствовавшіе болѣе осмотрительно и осторожно, всегда проигрывали. Вотъ она сейчасъ сказала, что напишетъ туда письмо. Туда, на охоту, въ имѣніе графа Пирвицъ-фонъ-Лихтенштраль и самому дядѣ Людвигу-Эрнесту. У каждаго другого подобную мысль онъ счелъ бы почти безумной. А она дѣйствительно напишетъ и онъ не помѣшаетъ ей. Конечно, и совѣтовать не будетъ, но предоставитъ ей

просто дѣйствовать, какъ она тамъ знаетъ. Да за совѣтомъ она и не придетъ. И отлично сдѣлаетъ, потому что посовѣтовать ей подобную сумасбродную выходку онъ бы никогда не могъ. Княгиня дѣйствуетъ всегда на свой рискъ и страхъ, а ему приходится только обыкновенно пріятно улыбаться, выслушивая подъ часъ совершенно неожиданные комплименты уму, находчивости и энергіи его супруги. Въ глубинѣ души князь сознавался даже, что и въ блестящей своей карьерѣ онъ многимъ обязанъ ея неосторожнымъ, неожиданнымъ, а иногда и безтактнымъ выходкамъ. Случалось, что она вмѣшивалась въ дѣла, для нея, казалось бы, самыя неподходящія, но князь и тутъ не препятствовалъ ей и въ этихъ случаяхъ онъ былъ просто пассивенъ и ожидалъ результатовъ. Вотъ только въ свои денежныя дѣла онъ не допускалъ ея вмѣшательства. Тутъ ужъ онъ былъ непреклоненъ и упрямъ. Вѣра Борисовна, сдѣлавъ двѣ-три неудачныхъ попытки, сама отказалась отъ всякаго вліянія въ вопросахъ финансовыхъ, хорошо зная, что въ денежныхъ дѣлахъ мужъ ея довѣряетъ несравненно болѣе опытности управляющаго, Ильи Пузырькова, чѣмъ ея уму, находчивости и даже счастливой звѣздѣ.

„А можетъ быть, все это и къ лучшему,—думалъ князь, прислушиваясь только однимъ ухомъ къ неумолкаемой болтовнѣ своей супруги.—Если Вѣра такъ убѣждена въ успѣхѣ, то еще не было случая, чтобы ей не удалось. А удастся это...“ И въ головѣ князя начали складываться разныя болѣе или менѣе пріятныя перспективы.

Но Павелъ Арсеньевичъ чувствовалъ себя все болѣе и болѣе подавленнымъ. Когда же, передъ уходомъ, князь, оставшись съ нимъ съ глазу на глазъ, довольно прозрачно посовѣтовалъ ему быть осторожнѣе въ денежныхъ дѣлахъ и не связываться съ разными сомнительными личностями, онъ почти обозлился. Ему захотѣлось крикнуть этому спокойному, холодному человѣку, что хорошо ему, имѣющему чуть не сто тысячъ годового дохода, разсуждать такъ, а что онъ, вотъ, не сегодня-завтра по міру пойдетъ, что у него ни кола, ни двора не останется, что онъ и теперь уже въ долгу чуть не по уши, что у него на рукахъ судьба двухъ дочерей и что по милости именно князя и его болтливой синицы онъ и попалъ въ такое ужасное положеніе, что на его мѣстѣ было бы несравненно деликатнѣе не совѣты давать, а просто предложить нѣсколько тысячъ, для того ничего не значащихъ и могущихъ спасти всю его ни въ чемъ неповинную семью...

Но, конечно, ничего подобнаго Павелъ Арсеньевичъ не крик-

нулъ и не сказалъ даже, а совѣтъ князя онъ принялъ чуть не съ благодарной улыбкой и почтительно пожалъ нѣсколько разъ протянутую ему руку.

VII.

Но когда Павелъ Арсеньевичъ вышелъ на улицу, лицо его сразу измѣнилось: брови хмуро сдвинулись и углы губъ нервно оттянулись внизъ.

Извозчиковъ по близости подъѣзда не оказалось, и Павелъ Арсеньевичъ пошелъ пѣшкомъ. Падалъ мелкій снѣгъ; вѣтеръ налеталъ порывами, какой-то сырой, сулившій оттепель. На улицѣ было тихо, и потому отдѣльные звуки, голоса, раздавались какъ-то отчетливо и ясно. Очки Павла Арсеньевича замокли, вѣтеръ трепалъ полы его пальто. Медленно шагая, шелъ онъ по тротуару, глядя себѣ подъ ноги, и раздумывалъ: послать ли письмо Боцарису, или нѣтъ? Вѣдь все равно, кромѣ него достать денегъ негдѣ, а деньги нужны... Боцарисъ дастъ внѣ всякаго сомнѣнія, но чтò изъ этого толку? Деньги опять уйдутъ въ эту ненасытную прорву петербургской жизни, и опять онъ очутится въ томъ же положеніи, даже въ худшемъ.. И тогда чтò?

— Помогите, пожалуйста, бездомному человѣку, съ малюткой! — раздался возлѣ него хриплый голосъ, и запахъ виннаго перегара такъ и обдалъ Павла Арсеньевича.

Онъ сердито повернулъ голову: рядомъ съ нимъ шелъ какой-то господинъ, довольно прилично, но совершенно уже не по сезону одѣтый—старенькая цилиндрическая шляпа была сдвинута нѣсколько на бекрень, легонькая, лѣтняя „крылатка" была накинута на его худыя плечи и распахнута на груди. Бѣлье на этомъ господинѣ было крахмальное и галстукъ повязанъ какъ слѣдуетъ. На носу сидѣло стальное пенснэ съ длинной черной ленточкой. Онъ велъ за руку мальчика лѣтъ восьми, одѣтаго довольно заботливо, то-есть, въ тепленькомъ пальто, въ барашковой шапочкѣ, съ завязанными даже наушниками. На ногахъ у мальчика Павелъ Арсеньевичъ разглядѣлъ высокія, теплыя калошки, и лицо у мальчика было полненькое и даже свѣжее. И смотрѣлъ онъ спокойно, съ нѣкоторымъ только любопытствомъ.

— Безъ пріюта и безъ пристанища съ семьей. Бывшій помѣщикъ трехъ черноземныхъ губерній, а теперь вотъ... дѣти на рукахъ... больная жена...—тихо продолжалъ говорить господинъ въ „крылаткѣ", умильно посматривая на Павла Арсеньевича черезъ мокрое пенснэ.

— Подвезти прикажете?—крикнулъ подъѣхавшій къ панели извозчикъ.

Павелъ Арсеньевичъ обрадовался ему и сталъ торопливо усаживаться въ сани. Господинъ въ крылаткѣ сдѣлалъ-было попытку застегнуть полость, не переставая шептать:

— Помогите, пожалуйста... Положеніе самое безвыходное.

— Стыдитесь водить ребенка въ такую погоду... Идите домой!—сердито проговорилъ Павелъ Арсеньевичъ и отвернулся.

Запахъ виннаго перегара нестерпимо раздражалъ его.

Извозчикъ дернулъ вожжами, и лошадь затрусила усталой, надорванной рысью. Господинъ въ крылаткѣ исчезъ во мглѣ, какъ сонъ, какъ мимолетный призракъ. А у Павла Арсеньевича вдругъ сжалось сердце.

„Зачѣмъ я такъ оттолкнулъ его? Зачѣмъ не подалъ чего-нибудь? Наконецъ, просто почему не разспросилъ?"—замелькало у него въ головѣ, и длинное, худое лицо господина въ крылаткѣ, съ большимъ носомъ и маленькими, полусѣдыми, получерными усиками и бородкой, ясно и четко вырисовалось передъ его глазами. Павлу Арсеньевичу хотѣлось остановить и вернуть извозчика, но почему-то онъ не рѣшился, словно не съумѣлъ этого сдѣлать. И сани отъѣзжали все дальше и дальше отъ того мѣста, гдѣ остался этотъ странный нищій.

„Можетъ быть, и впрямь это несчастіе, большое несчастіе,— раздумывалъ Павелъ Арсеньевичъ.—Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ господинъ этотъ—забитый, задавленный судьбою человѣкъ. Самъ онъ одѣтъ по-лѣтнему, а ребенокъ заботливо окутанъ, стало быть еще бережетъ свою семью. А если взялъ съ собой мальчика, такъ что же? Ему, тепло одѣтому, все-таки лучше на улицѣ, чѣмъ въ какомъ-нибудь промозгломъ подвалѣ... А что водкой пахнетъ, то и это естественно: слабый русскій человѣкъ любитъ запивать съ горя. Можетъ быть, онъ давно бы удавился, если бы не пилъ"... И рядомъ съ этими размышленіями, въ голову Павла Арсеньевича полѣзли другія горькія, мрачныя мысли: ему стало казаться, что и онъ можетъ впасть въ такое же тяжкое, безвыходное положеніе. Конечно, не сразу, но и не много времени нужно, чтобы опуститься до послѣдней крайности. Онъ зналъ отлично, что въ минуту нужды никто не поможетъ безкорыстно, а какая корысть помогать ему? И самъ онъ человѣкъ вполнѣ безпомощный... Онъ можетъ быть уѣзднымъ предводителемъ дворянства, даже губернскимъ, но это при средствахъ... А безъ средствъ куда возьмутъ его?.. На что̀ онъ способенъ? Сто̀итъ только вѣдь упасть, и уже не поднимешься... Это чув-

ствовалъ онъ всю жизнь и всю жизнь цѣплялся за все... Въ молодости, конечно, онъ былъ смѣлѣе, но съ годами и съ наростаніемъ семьи жуткое чувство ужаса передъ жизнью чаще и чаще охватывало его... „Помѣщикъ трехъ черноземныхъ губерній"... А можетъ быть, и вправду этотъ худой, потерянный субъектъ былъ помѣщикомъ трехъ черноземныхъ губерній... угощалъ сосѣдей, бражничалъ съ пріятелями, жилъ не по средствамъ, протянулъ руки къ какой-нибудь аферѣ, оборвался и упалъ... И онъ, Павелъ Арсеньевичъ, тоже протянулъ руки и поставилъ послѣднюю копѣйку ребромъ и весь, со всѣмъ своимъ будущимъ, зависитъ отъ самаго капризнаго случая... Оборвется волосокъ, и онъ полетитъ...

— Направо, направо къ подъѣзду! — крикнулъ Павелъ Арсеньевичъ, замѣтивъ, что сани поровнялись съ его домомъ.

Извозчикъ повернулъ къ тротуару. Швейцаръ, стоявшій на подъѣздѣ и разговаривавшій о чемъ-то съ дворникомъ, бросился къ нему и, отстегнувъ полость, высадилъ Павла Арсеньевича изъ саней. Дворникъ снялъ шапку.

— Барыня еще не возвращалась? — спросилъ Павелъ Арсеньевичъ, входя въ вестибюль.

— Никакъ нѣтъ-съ.—Карета только-что за ними поѣхала-съ.

Каждый разъ, когда Павлу Арсеньевичу приходилось спрашивать прислугу о женѣ, онъ всегда нѣсколько заминался, не зная, какъ назвать ее. „Барыня" въ Петербургѣ звучитъ слишкомъ вульгарно: всякая мелкая чиновница здѣсь называетъ себя барыней. „Ея превосходительство"... но хотя вся прислуга и величала ихъ сама такимъ образомъ, Павелъ Арсеньевичъ, не имѣя генеральскаго чина, допуская это, самъ не рѣшался величать себя неподходящимъ титуломъ. „Наталья Христофоровна"— ему казалось слишкомъ фамильярнымъ обращеніемъ къ этой чужой, пришлой, временной прислугѣ. Какъ бы хорошо было, еслибъ онъ былъ графомъ, княземъ, даже барономъ! Какъ это красиво и коротко звучитъ:—„Княгиня вернулась?"—„Отнесите это графинѣ". Или: „доложите баронессѣ".

Но на этотъ разъ Павелъ Арсеньевичъ не думалъ объ этомъ и совсѣмъ машинально сказалъ первое подвернувшееся ему слово:— „барыня". Его занимали другія мысли.—„Вотъ я швейцара держу, думалъ онъ.—Совершенно лишній, непроизводительный расходъ. А можетъ быть, и года не пройдетъ, какъ этотъ же швейцаръ отгонитъ меня отъ какого-нибудь благотворительнаго подъѣзда. Вѣдь всѣ они, вся эта челядь отлично чуетъ, что дѣла мои плохи, что въ домѣ нѣтъ денегъ... О! Это такой чувствитель-

ный барометръ! По выраженію ихъ лицъ можно прочитать, что тебя ждетъ впереди. Они тамъ шепчутся между собой, судачатъ, пересмѣиваются, а ты ходишь между ними, какъ балаганный король въ мишурной мантіи".

Павелъ Арсеньевичъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и тутъ только вспомнилъ, что онъ забылъ опустить въ почтовый ящикъ письмо Боцарису.

„Отправлять или не отправлять?"—задумался онъ на минуту, стоя передъ письменнымъ столомъ и вертя въ рукахъ слегка помявшійся въ его карманѣ конвертъ. И вдругъ чувство злобы задрожало въ немъ: „Какъ ни раздумывай, а вѣдь другого исхода нѣтъ,—прошепталъ онъ.—Вѣдь не съ протянутой же рукой въ самомъ дѣлѣ идти на улицу. Вѣдь надо же давать деньги на текущіе расходы"...

И Павелъ Арсеньевичъ надавилъ кнопку звонка.

— Вели сейчасъ же это письмо отнести по адресу. Сію же минуту!—сердито приказалъ онъ вошедшему лакею.—Постой, тутъ марка наклеена.

И Павелъ Арсеньевичъ, подсѣвъ къ столу, взялъ новый конвертъ и, надписавъ на немъ адресъ, переложилъ письмо.

— Сейчасъ же отнести,—повторилъ онъ.—Отвѣта не ждать. Если дома нѣтъ, или спятъ, передать швейцару. Сейчасъ же.

Лакей взялъ письмо и вышелъ изъ кабинета.

VIII.

Въ домѣ было томительно тихо. Наташа уже спала. Въ гостиныхъ горѣло только по одной лампѣ. Съ улицы не доносилось ни звука. Павелъ Арсеньевичъ одиноко ходилъ взадъ и впередъ по своему большому кабинету. Онъ старался думать о дѣлѣ, о деньгахъ, а мысли его, какъ-то сами, противъ воли, перескакивали на разный вздоръ. То ему, ни съ того, ни съ сего, вспоминался ихъ уѣздный исправникъ, съ его таинственнымъ подмигиваніемъ однимъ глазомъ; то онъ вдругъ начиналъ припоминать о томъ, какъ мучилась Наташа, когда у нея прорѣзывались первые зубки... Худой господинъ въ крылаткѣ, съ сопровождавшимъ его мальчикомъ, мелькалъ у него въ головѣ, какъ ни старался гнать его Павелъ Арсеньевичъ изъ своихъ мыслей... А за худымъ господиномъ опять лѣзли разные ужасы.

„Вздоръ, не объ этомъ надо думать,—твердилъ Масловскій про себя, пріостанавливаясь то въ томъ, то въ другомъ углу

кабинета. — Надо рѣшить самые существенные вопросы: ну, дастъ Боцарисъ денегъ, дастъ, положимъ всѣ десять тысячъ, которыя онъ просилъ... А дальше-то что же? Вѣдь на десять тысячъ всю жизнь не проживешь... то-есть, конечно, можно, но надо уже круто и безповоротно рѣшить съ настоящимъ, т.-е. выкинуть изъ головы всякія надежды на жениха, уѣхать куда-нибудь, замкнуться, съёжиться и чинить сдѣланныя бреши... Долго чинить придется... хватитъ ли у него силы и умѣнья? Онъ хоть и не старъ, но здоровье его замѣтно начало пошаливать... Голова слишкомъ часто болитъ... Вотъ и теперь онъ чувствуетъ: начинаетъ ныть високъ, а съ лѣваго виска,—онъ зналъ уже—пойдетъ и дальше... Докторъ говорилъ что-то насчетъ сердца, ну, да не въ въ сердцѣ дѣло... А вотъ что̀ съ дочерьми его станется? Какъ онѣ это перенесутъ? Наташа еще ничего... эта безропотная, а Лидія"?...

— Ахъ, Лидія! — вслухъ уже выговорилъ онъ, видя, что къ нему въ кабинетъ входитъ его старшая дочь.—Это ты?—переспросилъ онъ, отступая даже нѣсколько назадъ.

— Я. Что̀ съ тобой, папа? — Ты какъ будто испугался?— проговорила Лидія, внимательно всматриваясь въ отца и тоже пріостанавливаясь на мѣстѣ.

— Стало быть, вы вернулись ужъ... А я и не слыхалъ, какъ подъѣхала карета.

— Да, вернулись. Былъ ты у князя? Отдалъ мое письмо Вѣрѣ Борисовнѣ? Что̀ она сказала?—говорила Лидія, уже смѣло подходя къ отцу и прикладывая руку къ его лбу.

— Что̀ сказала Вѣра Борисовна?—Представь себѣ: не помню... Но что-то она говорила... Должно быть, не важное что-нибудь...

— А у тебя горяча голова, папа. Ты здоровъ?

Въ голосѣ дочери скользнула какая-то не то заботливая, не то безпокойная нотка.

— Ничего, здоровъ, — отвѣтилъ Павелъ Арсеньевичъ, чувствуя, что заботливость дочери его раздражаетъ.

„Она боится,—мелькнуло у него въ головѣ, — чтобы я не захворалъ, не потому, что ей жаль меня, а потому, что она знаетъ, что у насъ сейчасъ нѣтъ денегъ, и дрожитъ за свое будущее"...

— Мама, посмотри, ты не находишь, что у папы горяча голова?—обратилась Лидія къ вошедшей Натальѣ Христофоровнѣ.

Та сейчасъ же всполошилась и испугалась. Она потрогала лобъ мужа сначала рукой, потомъ, наклонивъ его голову, приложила къ его виску свой глазъ. — Такимъ образомъ Наталья

Христофоровна всегда измѣряла температуру у своихъ дѣтей прежде, чѣмъ поставить термометръ. Она почему-то особенно вѣрила въ чувствительность своего вѣка.

„Эта вотъ *не такъ* боится", подумалъ Павелъ Арсеньевичъ, позволивъ продѣлать надъ собой эту странную манипуляцію.

— Ну, оставь, Наташа,—сейчасъ же разсердился онъ, освобождаясь изъ рукъ жены.—Оставь, пожалуйста! Никакого жара у меня нѣтъ и ничего не болитъ.

— А високъ-то горячій,—чуть слышно проговорила Наталья Христофоровна, грустно-растеряннымъ взглядомъ посматривая на мужа.

— Ну, и отлично! Ну, и пускай горячій! Идите вы къ себѣ. Я тоже сейчасъ спать лягу,—нетерпѣливо проговорилъ Павелъ Арсеньевичъ, прощаясь съ дочерью, то-есть, холодно, на этотъ разъ, цѣлуя ее въ лобъ.

— А все бы принялъ чего-нибудь,—нерѣшительно посовѣтовала Наталья Христофоровна и, поцѣловавъ у мужа руку, вышла изъ кабинета вслѣдъ за Лидіей.

Оставшись одинъ, Павелъ Арсеньевичъ приложилъ руку къ виску и на минуту задумался. Вошелъ камердинеръ съ письмомъ на подносѣ.

— Это что̀ такое?—спросилъ Масловскій.

— Отвѣтъ отъ господина Боцариса.

— Какъ отвѣтъ?—испугался Павелъ Арсеньевичъ.—Зачѣмъ отвѣтъ? Вѣдь я сказалъ, чтобы отвѣта не дожидались.

— Не могу знать-съ. Степанъ ходилъ и говоритъ, что господинъ Боцарисъ были дома и приказали подождать отвѣта.

— Ну, хорошо, хорошо. Иди, приготовь въ спальнѣ, я сейчасъ ложусь!—нетерпѣливо крикнулъ Павелъ Арсеньевичъ, присѣвъ къ столу и почти дрожащими руками срывая конвертъ.

Три раза подъ-рядъ прочелъ онъ письмо Боцариса. Сомнѣнія не было никакого: самый рѣшительный и категорическій отказъ. Ссылки на то, что при его, Боцариса, большихъ дѣлахъ, онъ не можетъ заниматься разными мелкими ссудами; что для этого есть разные дисконтеры, къ которымъ и рекомендуется обратиться высокоуважаемому Павлу Арсеньевичу; нѣсколько извиненій, нѣсколько ничего не значащихъ пустыхъ любезностей и затѣмъ довольно сухая подпись: „съ почтеніемъ Лазарь Боцарисъ".

Долго сидѣлъ около письменнаго стола Павелъ Арсеньевичъ, облокотивъ голову на обѣ руки. Письмо лежало передъ нимъ и онъ время отъ времени взглядывалъ на него.

„Что же дѣлать? Что же дѣлать?“—поминутно повторялъ онъ, и ни одного отвѣта не приходило ему на мысль.

Вошелъ камердинеръ и доложилъ, что все готово. Павелъ Арсеньевичъ всталъ и покорно направился въ свою спальню. — Онъ спалъ съ женой на разныхъ половинахъ.—Сдѣлавъ при помощи камердинера свой ночной туалетъ, онъ улегся на свѣжія, нѣсколько холодныя простыни и завернулся въ одѣяло.

— Что же дѣлать?—почти вслухъ проговорилъ онъ, задувая свѣчу и поворачиваясь на правый бокъ.

Началась длинная, безсонная, тяжелая ночь. Павелъ Арсеньевичъ ворочался съ боку на бокъ, сердито поправлялъ сбивавшіяся подушки, зажигалъ нѣсколько разъ свѣчу, курилъ и не могъ уснуть. Мысли тяжелыя, раздражающія, угнетали его и никакъ онъ не могъ отдѣлаться отъ нихъ. Онъ пробовалъ мечтать —средство, къ которому онъ прибѣгалъ всегда, чтобы скорѣй уснуть,—но это ему не удавалось. У Павла Арсеньевича были даже въ обиходѣ уже совсѣмъ готовыя мечты: такъ, иногда, онъ мечталъ о томъ, что вдругъ, неожиданно разбогатѣвъ, онъ займется хозяйствомъ въ широкихъ размѣрахъ и совсѣмъ на новыхъ началахъ и въ самый короткій срокъ, что-то даже въ очень короткій, сдѣлаетъ свое имѣніе лучшимъ въ цѣлой Россіи. Затѣмъ иногда онъ воображалъ себя министромъ внутреннихъ дѣлъ,— тоже необычайно быстро и успѣшно вводившимъ разныя благодѣтельныя реформы. Иногда въ своихъ мечтахъ онъ отправлялся въ кругосвѣтное путешествіе и передъ самымъ моментомъ засыпанія открывалъ какой-то необитаемый, но премиленькій островокъ, гдѣ можно отлично будетъ устроить виллу и проводить зимніе мѣсяцы. Но всѣ эти мечты на этотъ разъ оказывались безсильными, и голова Павла Арсеньевича словно не принимала ихъ.

Было уже около семи часовъ утра, когда Павелъ Арсеньевичъ очутился на извозчичьихъ санкахъ рядомъ съ господиномъ въ крылаткѣ и въ цилиндрѣ, а на колѣняхъ у него сидѣлъ мальчикъ въ тепленькомъ пальто, въ шапкѣ съ наушниками. Мальчикъ правилъ лошадью, а та, съ страшной быстротой и какъ-то бокомъ понеслась въ зіявшую съ лѣвой стороны пропасть. Павелъ Арсеньевичъ громко вскрикнулъ, вскочилъ съ постели и затрясся всѣмъ тѣломъ: что-то мучительно давило у него по срединѣ груди и нылъ високъ.

— Опять!—прошепталъ онъ, зажигая свѣчу.

Все его тѣло сразу покрылось холоднымъ потомъ и ходуномъ ходила подъ нимъ и кровать, и полъ.

Подобные припадки съ Павломъ Арсеньевичемъ случались и раньше, но рѣдко и никогда съ такой силой. Обыкновенно онъ вскрикнетъ, вздрогнетъ, проснется и снова заснетъ. Мучительнаго же удушья и жженія въ груди онъ никогда прежде не чувствовалъ, и это его сильно напугало. Павелъ Арсеньевичъ всталъ, отыскалъ валеріановыя капли и дрожащей, невѣрной рукой сталъ отсчитывать ихъ въ стаканъ, стоявшій у него на столикѣ. Голова его кружилась, горло сдавливала спазма, високъ и сердце мучительно ныли.

Принявъ лекарство, Павелъ Арсеньевичъ опять улегся въ постель. Мысли его стали спокойнѣе—онъ даже почти ни о чемъ ужъ не думалъ—и скоро онъ забылся въ тихомъ снѣ.

IX.

Было уже довольно поздно, когда проснулся Павелъ Арсеньевичъ. Едва онъ успѣлъ открыть глаза, какъ чувство ѣдкой тоски сдавило ему грудь. Онъ сразу вспомнилъ все, и весь вчерашній день, и мучительную ночь, и предстоящія непріятности и хлопоты. Отказъ Боцариса заставлялъ его подумать о пріисканіи другого источника, а ему такъ не хотѣлось думать, такъ хотѣлось отдохнуть послѣ пережитыхъ уже волненій и неудачъ. Уѣхать бы куда-нибудь хотя на нѣсколько дней... Выйти на время изъ колеи, все отложить, отсрочить, хотя немного забыться. Но ни уѣхать, ни отложить предстоящія дѣла не представлялось ни малѣйшей возможности. Павлу Арсеньевичу казалось, что даже серьезной, тяжкой болѣзни обрадовался бы онъ теперь, чтобы хотя этой цѣной купить отдыхъ на нѣсколько дней. Тоскливо посматривалъ онъ въ полумракъ спальни, съёжившись на боку подъ своимъ теплымъ одѣяломъ. Но, пролежавъ такимъ образомъ съ полчаса и видя, что ему не уснуть уже больше, Павелъ Арсеньевичъ вздохнулъ, повернулся и, нащупавъ на стѣнѣ кнопку звонка, надавилъ ее. Черезъ минуту вошелъ камердинеръ и поднялъ тяжелыя занавѣски на окнахъ. Яркій свѣтъ морознаго зимняго дня ворвался въ спальню. Павелъ Арсеньевичъ взглянулъ на часы: было уже безъ четверти двѣнадцать.

— Что это, сегодня, кажется, холодно?—спросилъ онъ.

— Да-съ, сильно подмораживаетъ,—отвѣтилъ камердинеръ, приготавливая умывальный приборъ.

Голова у Павла Арсеньевича была тяжела и кружилась. Вставъ на ноги, онъ даже покачнулся. Умываніе не освѣжило

его—отъ холодной воды только лихорадочная дрожь пробѣгала по всему тѣлу.

Наскоро напившись кофе и повидавшись съ женой и дочерьми, онъ рѣшилъ немедленно ѣхать по дѣлу, приказавъ подать себѣ не карету, а одиночку въ саняхъ.

Морозный воздухъ охватилъ его, когда онъ вышелъ на улицу, а отъ рѣзкаго солнечнаго свѣта правый глазъ заслезился. Уже усѣвшись въ сани, онъ вдругъ сообразилъ, что не рѣшилъ еще хорошенько — куда ѣхать. Правда, у него въ головѣ мелькало нѣсколько фамилій и лицъ, къ которымъ еще можно было обратиться, но надежды на нихъ все-таки было мало, меньше даже, чѣмъ на Боцариса.

„Посовѣтоваться бы съ кѣмъ-нибудь“, подумалъ Павелъ Арсеньевичъ и сказалъ кучеру адресъ одного изъ своихъ хорошихъ знакомыхъ, очень пріятнаго собесѣдника, но человѣка совершенно не дѣлового.

Знакомаго этого Павелъ Арсеньевичъ засталъ дома и просидѣлъ у него часа полтора, съ большимъ интересомъ выслушивая разныя городскія новости и сплетни. Но о дѣлѣ такъ и не заговорилъ, зная, что это безполезно. Знакомый, навѣрное, только бы руками развелъ и, сдѣлавъ комическое лицо, сказалъ бы:

— Cher ami, я самъ всегда нуждаюсь въ деньгахъ, а откуда ихъ достать—никогда не знаю.

А вечеромъ въ клубѣ разболталъ бы всѣмъ, что Масловскій въ ужасномъ положеніи и что онъ его, бѣднягу, сердечно жалѣетъ.

Выйдя отъ этого знакомаго, Павелъ Арсеньевичъ поѣхалъ къ другому. И того засталъ дома. Это былъ большой фантазеръ и прожектеръ. Правда, всѣ его фантазіи и проекты не имѣли никакого успѣха за предѣлами его кабинета, но говорилъ онъ чрезвычайно умно и складно и умѣлъ сулить заманчивыя перспективы. Этотъ прямо такъ-таки и встрѣтилъ Павла Арсеньевича блестящимъ предложеніемъ принять участіе въ одномъ крупномъ и выгодномъ предпріятіи. Онъ даже не требовалъ ничего отъ Масловскаго въ настоящемъ времени и готовъ былъ ожидать, когда состоится свадьба Лидіи Павловны и вліяніе Павла Арсеньевича на будущаго зятя обезпечитъ имъ всякій успѣхъ.

— А пока, нѣсколько теплыхъ словъ, нѣсколько тонкихъ намековъ князю Льву Степановичу и ничего намъ болѣе не нужно! —почти съ восторгомъ говорилъ этотъ идеалистъ-прожектеръ, крѣпко пожимая на прощаніе Масловскому руку.

У Павла Арсеньевича даже во рту горько стало, когда онъ вышелъ отъ этого знакомаго.

„Нѣтъ! съ этими болтунами каши не сваришь",—проговорилъ онъ про себя и послѣ небольшого размышленія рѣшилъ ѣхать къ Боцарису въ контору.—„Отчего еще разъ не попытать счастія у грека? Можетъ быть, хоть совѣтъ какой-нибудь дѣльный дастъ".

Боцарисъ встрѣтилъ его очень любезно, заботливо усадилъ въ кресло, предложилъ сигару, спросилъ о здоровьѣ и ни словомъ не заикнулся о вчерашнемъ письмѣ и о своемъ отказѣ.

Павелъ Арсеньевичъ заговорилъ самъ. Боцарисъ сразу сдѣлался серьезнымъ и даже слегка нахмурился.

— Нѣтъ, Павелъ Арсеньевичъ,—началъ онъ, выслушавъ довольно внимательно Масловскаго:—вы совершенно напрасно обращаетесь съ этимъ ко мнѣ. Подобныя дѣла не входятъ въ сферу моихъ операцій...

Слово „операцій" Боцарисъ произносилъ съ какимъ-то страннымъ акцентомъ и выходило у него не „операцій", а „опарацій". Павелъ Арсеньевичъ совершенно машинально замѣтилъ это.

— Даже совѣта вамъ подать въ настоящемъ случаѣ не могу,—продолжалъ грекъ.—Самому мнѣ въ такихъ положеніяхъ бывать не приходилось, знакомствъ подобныхъ я не имѣю. Я не дисконтеръ,—почти строго выговорилъ онъ послѣднее слово, но, чтобы смягчить нѣсколько свой тонъ, сейчасъ же весело разсмѣялся.

— А впрочемъ вотъ что̀!—заговорилъ, немного спустя, Боцарисъ, видя, что Масловскій собирается уже уходить:—впрочемъ, вотъ что̀!—повторилъ онъ, какъ бы раздумывая что-то, сейчасъ только пришедшее ему на память.—Съѣздите-ка вы къ Бентовичу. Я вамъ, пожалуй, дамъ свою карточку, а этотъ человѣкъ несравненно опытнѣе меня въ этихъ дѣлахъ.

Павелъ Арсеньевичъ взялъ карточку и поѣхалъ.

Бентовичъ оказался если не очень молодымъ, то, во всякомъ случаѣ, очень моложавымъ, бѣлокурымъ господиномъ, въ золотомъ пенснэ. Онъ очень мило и весело выслушалъ Павла Арсеньевича и сразу обнадежилъ его.

— Ну, это вздоръ, который мы уладимъ!—улыбаясь во весь ротъ и потирая руки, говорилъ онъ, лаская Павла Арсеньевича своими голубыми, красивыми глазами.—Кто не попадалъ въ такое положеніе? Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ? Вы только дайте мнѣ немного времени, и я устрою вамъ.

— А все-таки, сколько же времени вамъ нужно для этого? —почти робко спросилъ Павелъ Арсеньевичъ.

— Ну, дня три-четыре, что-ли... Я васъ извѣщу,—закончилъ Бентовичъ, вставая съ мѣста и этимъ какъ бы давая знать, что больше и говорить не о чемъ.

— Такъ, стало быть, я могу быть совершенно спокойнымъ? —спросилъ Масловскій, берясь за шапку.

— Будьте спокойны и ждите моего письма,—провожалъ его Бентовичъ, обѣими руками пожимая руку Павла Арсеньевича.

„Странная вещь!—размышлялъ Масловскій, идучи уже домой: —зачѣмъ имъ всегда нужно время? Эти три-четыре дня? Вѣдь каждый изъ нихъ чуть не милліонеромъ считается... Чего бы проще: вынулъ деньги, да и далъ бы... Такъ нѣтъ, нужно еще срокъ на размышленіе... Вѣдь если для справокъ, такъ не въ сыскномъ же отдѣленіи обо мнѣ справки наводить... Боцарису я, напримѣръ, хорошо извѣстенъ, дѣла мои также... Нѣтъ, это просто дѣлается для того, чтобы потомить человѣка, потрепать его душу, чтобы лучше чувствовалъ ихъ благодѣяніе“...

Но отъ Бентовича Павелъ Арсеньевичъ ѣхалъ уже значительно успокоеннымъ. Этотъ бѣлокурый, ласковый господинъ почему-то внушалъ ему довѣріе и теперь ему казалось, что дѣло его будетъ улажено.

— Да, улажено, но надолго ли? Выйдутъ эти десять тысячъ рублей, а выйдутъ они скоро, и опять та же исторія... Ну, да это еще впереди, а теперь, слава Богу, отсрочка дана...

И Павелъ Арсеньевичъ глубоко и съ облегченіемъ вздохнулъ, чувствуя, что эти сегодняшніе разъѣзды страшно утомили его.

Дома его ждало нѣсколько мелкихъ непріятностей чисто денежнаго характера, то-есть, нужно было заплатить тамъ-то, отдать тому-то, купить то-то, но теперь Павелъ Арсеньевичъ отнесся ко всему этому гораздо спокойнѣе.

— Черезъ три-четыре дня,—увѣренно говорилъ онъ, и эта увѣренность сообщалась и другимъ, и всѣ ждали.

— Что это у тебя, папа, какой усталый видъ сегодня?—спросила Лидія за обѣдомъ.

— Ночь плохо спалъ,—отвѣтилъ Павелъ Арсеньевичъ, почти безъ всякаго аппетита принимаясь за супъ.—А ты видѣлась съ княгиней Вѣрой Борисовной?—спросилъ онъ въ свою очередь.

— Нѣтъ еще, я поѣду къ ней вечеромъ,—отвѣтила Лидія.

Послѣ обѣда, Павелъ Арсеньевичъ прилегъ у себя въ кабинетѣ на диванъ и совершенно неожиданно быстро и хорошо заснулъ. Вечеромъ поѣхалъ въ клубъ, игралъ въ карты, проигралъ рублей около ста—въ другое время, конечно, такой проигрышъ былъ бы для него незамѣтенъ, но теперь, уплачивая, онъ слегка

пожалѣлъ о деньгахъ. Тѣмъ не менѣе, Павелъ Арсеньевичъ былъ довольно спокоенъ и, вернувшись домой, надѣялся хорошо выспаться. Но ночь прошла опять тревожно. Сначала его мучила безсонница,—„это оттого", соображалъ онъ, „что я позволилъ себѣ уснуть послѣ обѣда",—но затѣмъ повторился припадокъ сердца и какъ разъ въ то же самое время, что и наканунѣ, то-есть около семи часовъ утра. Это сильно обезпокоило Павла Арсеньевича, и онъ рѣшилъ сегодня же пригласить доктора.

X.

„Какъ я похудѣлъ! Какое у меня больное, желтое тѣло!" думалъ Павелъ Арсеньевичъ, посматривая на свою впалую грудь, на свои выпятившіяся и ясно обозначенныя ребра, въ то время, какъ докторъ, пріѣхавшій въ тотъ же день около двухъ часовъ дня, внимательно выстукивалъ и выслушивалъ его со всѣхъ сторонъ.

Теплое ухо доктора мягко прижималось къ его груди, а пушистая борода его щекотала ему тѣло. Отъ головы доктора, покрытой рѣдкими волосами, пахло чѣмъ-то пріятнымъ, свѣжимъ и здоровымъ.

— Вздохните глубже,—говорилъ докторъ, плотно прижимаясь къ нему.—Еще... еще...

Отъ глубокихъ дыханій у Павла Арсеньевича слегка кружилась голова и темнѣло въ глазахъ. Онъ боялся покачнуться и разставилъ ноги пошире.

— Теперь лягте,—приказалъ докторъ.

Павелъ Арсеньевичъ легъ, и тотъ принялся мять ему его впалый и дряблый животъ.

— Да-съ, запасиковъ мало... Не мѣшало бы немножко и жиркомъ обзавестись,—говорилъ докторъ, взглядывая черезъ очки на Павла Арсеньевича.—Тутъ не больно?

— Нѣтъ.

— И тутъ?

— Тоже нѣтъ.

— Отлично-съ. Можете одѣваться.

— Ну, что̀, докторъ? Какъ дѣла?—спросилъ Павелъ Арсеньевичъ, когда тотъ, вымывъ руки, подсѣлъ къ письменному столу и задумался надъ положеннымъ передъ нимъ блокъ-нотомъ.

— Да что̀, Павелъ Арсеньевичъ, организмъ-то у васъ срав-

нительно въ порядкѣ и страданія чисто-функціональныя. Отдыхъ надо,—раздумчиво отвѣтилъ докторъ.

— Функціональныя,—повторилъ Павелъ Арсеньевичъ.

— Да-съ, но и съ ними шутить не слѣдуетъ и запускать ихъ тоже... Потому что... при длительности оно, пожалуй, и того...

Докторъ, очевидно, что-то не договаривалъ.

— Вамъ сколько лѣтъ?—вдругъ спросилъ онъ.

— Пятьдесятъ одинъ годъ.

— Во всякомъ случаѣ признаковъ склероза...—началъ-было докторъ и опять оборвался.—Отдыхъ нуженъ,—повторилъ онъ.— Серьезный, основательный отдыхъ. Поѣзжайте-ка за границу. Поѣзжайте въ Алжиръ,—тамъ чудесно! И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше... Кстати, тамъ сейчасъ одинъ русскій врачъ живетъ... Въ случаѣ чего, онъ и присмотритъ за вами... Вѣдь вы, кажется, выражали недовѣріе къ иностраннымъ эскулапамъ?

— Не то что недовѣріе,— поправилъ его Павелъ Арсеньевичъ, — а какъ бы вамъ сказать... меньшую приспособленность ихъ къ нашему организму.

— Ну, да, ну, да! Это все равно,—перебилъ его докторъ, и принялся писать рецептъ. — Я вамъ пока дамъ кое-что, но, повторяю, самое наилучшее для васъ—это въ Алжиръ.

— Это для меня почти невозможно, то-есть, по крайней мѣрѣ, сейчасъ вотъ, въ близкомъ будущемъ...

— Ну, что жъ, время еще терпитъ. Это не такъ экстренно. А тутъ вотъ вамъ капли, я вамъ бромистое золото прописалъ... Принимайте два раза на дню, утромъ и вечеромъ по десяти капель, а затѣмъ...—и докторъ, сдѣлавъ еще нѣсколько наставленій, закурилъ предложенную ему сигару.

— Вотъ и мнѣ на дняхъ предстоитъ поѣздка,—проговорилъ онъ, откидываясь на спинку кресла и пуская тонкія струйки дыма.—Ѣду на съѣздъ, въ Бернъ. И не хотѣлось бы, а надо...

— И долго вы тамъ пробудете?

— Да тамъ-то всего недѣли двѣ, но ужъ потомъ за-одно думаю еще въ два-три мѣстечка завернуть, посмотрѣть кое-что.

— А какъ же практика?

— Да Евгеній Ивановичъ за меня тутъ похлопочетъ. Въ случаѣ чего и вы къ нему обращайтесь... Но, повторяю, въ Алжиръ вамъ надо, то-есть, другими словами, перемѣна мѣста, условій жизни и полный отдыхъ. Кстати, хотите, я вамъ оставлю, на всякій случай, адресъ нашего русскаго врача?

— Пожалуйста.

И докторъ, оторвавъ другой листокъ отъ блокъ-нота, четко, совсѣмъ не такъ, какъ онъ писалъ рецепты, написалъ: „Algérie, Alger, Moustapha. Hôtel Bon-Accueil, docteur Michel Véréten-nikoff“.

Когда докторъ, получивъ солидный гонораръ, уѣхалъ, Павелъ Арсеньевичъ, оставшись одинъ, принялся задумчиво ходить взадъ и впередъ по кабинету.

„Algérie... Alger... Bon-Accueil... склерозъ“... мелькало у него въ головѣ, и веселый, звучный голосъ доктора все еще раздавался въ ушахъ. „А въ самомъ дѣлѣ, какъ бы хорошо уѣхать, хотя бы и не въ Алжиръ, а просто къ себѣ въ Клекотки; а то эти разныя функціональныя при длительности тоже оказываются „не того“... вспоминалъ онъ только-что слышанныя слова. „Да съ чего это я вдругъ такъ осѣлъ? Чувствовалъ все время себя, кажется, не дурно, и вдругъ нà вотъ! И не старъ еще, и организмъ, говоритъ докторъ, въ порядкѣ, а тутъ какіе-нибудь два-три дня... два-три дня... Нѣтъ, не въ два-три дня... вѣдь это напряженное состояніе длится уже болѣе года, именно напряженное... Особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ ихъ домѣ появился этотъ молодой человѣкъ... Всѣ струны какъ-то сразу натянулись... ну, а при длительности-то это нехорошо... Вотъ и сдавать начали... Ахъ, поскорѣй бы все это кончилось... поскорѣй бы“...

Весь этотъ день Павелъ Арсеньевичъ провелъ дома, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, читалъ, старался не думать о дѣлахъ, на ночь принялъ бромистаго золота и спалъ сравнительно спокойнѣе, но на другое утро проснулся такой же усталый и разбитый. Своихъ онъ почти не видалъ, встрѣчался съ ними только за завтракомъ да за обѣдомъ.

Вечеромъ онъ получилъ письмо отъ Бентовича. Тотъ, крупнымъ и неряшливымъ почеркомъ, который совсѣмъ не шелъ къ его розовой и свѣжей внѣшности, писалъ, что дѣло почти улажено и чтобы Павелъ Арсеньевичъ въ среду, не позже девяти часовъ утра, ѣхалъ бы въ Измайловскій полкъ, въ 10-ю роту и въ домъ № такой-то, отыскалъ бы квартиру купца Селезенкина, уже заранѣе предувѣдомленнаго о посѣщеніи Павла Арсеньевича и готоваго дать ему нужныя деньги.

Обыкновенно Павелъ Арсеньевичъ вставалъ довольно рано, но за послѣдніе дни, благодаря болѣзненнымъ припадкамъ, порядокъ жизни его нарушился, и теперь быть къ девяти часамъ въ Измайловскомъ полку значило сильно не доспать. Но дѣлать нечего, ѣхать надо было, и, ложась во вторникъ въ постель, Павелъ Ар-

сеньевичъ приказалъ камердинеру разбудить себя въ восемь часовъ утра.

Скверно провелъ эту ночь Павелъ Арсеньевичъ. Раздражало его странное отношеніе Бентовича. Развѣ не могъ тотъ прислать этого Селезенкина къ нему на домъ? Развѣ не могъ, наконецъ, устроить все это дѣло самъ и просто привезти къ нему деньги? А то заставляютъ его, какъ какого-то мальчишку или промотавшагося шалопая, разъѣзжать по Измайловскому полку и отыскивать какихъ-то купцовъ. „Непочтительно и... и... неприлично".

И заснулъ Павелъ Арсеньевичъ только въ седьмомъ часу утра, послѣ трехъ мучительныхъ припадковъ. И не успѣлъ онъ заснуть, какъ казалось ему, а уже камердинеръ явился въ спальню съ теплой водой и заявилъ, что ровно восемь часовъ.

XI.

Купецъ Селезенкинъ жилъ во дворѣ большого каменнаго дома, принадлежавшаго купчихѣ Селезенкиной. „Вѣроятно, женѣ этого дисконтера", подумалъ Павелъ Арсеньевичъ, проходя, въ сопровожденіи младшаго дворника, по неопрятному большому двору.

Поднявшись по узенькой каменной лѣстницѣ въ третій этажъ, онъ позвонилъ у обитой клеенкой и войлокомъ двери. Отворили не скоро, да и то не всю дверь, а лишь настолько, насколько допускала закинутая изнутри желѣзная цѣпочка.

— Что, господинъ Селезенкинъ дома?—спросилъ Павелъ Арсеньевичъ выглянувшую въ эту щель какую-то пожилую бабу.

— Нѣтути,—флегматично отвѣтила та.

— Какъ „нѣтути",—вспыхнулъ Павелъ Арсеньевичъ,—когда мнѣ назначили сегодня пріѣхать сюда!

— Да такъ вотъ и нѣтути. Вчера еще уѣхалъ въ Кронштадтъ, молебенъ служить у батюшки... Къ вечеру-то хотѣлъ вернуться, да вѣрно задержало чтò. Побывайте послѣ полденъ. Можетъ, и пріѣдетъ.

Павелъ Арсеньевичъ, ничего не говоря, повернулся и сталъ спускаться внизъ по лѣстницѣ и вдругъ ему стало смѣшно: онъ вспомнилъ, что „тамъ имъ недовольны". „Тамъ" и—купецъ Селезенкинъ! Вотъ двѣ точки, между которыми растянулся онъ... „Тамъ" имъ недовольны, а онъ обиваетъ порогъ у какого-то Селезенкина. Его дочь можетъ выйти замужъ за племянника Людвига-Эрнеста, а грязная баба говоритъ ему: „побывайте послѣ

полденъ: можетъ, и пріѣдетъ"... „А вѣдь я могъ бы быть губернскимъ предводителемъ дворянства", мелькнуло у него почему-то въ головѣ, и онъ почти весело разсмѣялся, выходя на грязный, заваленный дровами дворъ.

Когда онъ вышелъ на улицу, швейцаръ отъ сосѣдняго подъѣзда подбѣжалъ къ его каретѣ и, отворивъ дверцу, подсадилъ его.

„Славный, вѣжливый швейцаръ и, вѣроятно, онъ увѣренъ, что у меня денегъ гораздо больше, чѣмъ у купца Селезенкина", подумалъ Павелъ Арсеньевичъ и опять весело разсмѣялся.

Домой ему ѣхать не хотѣлось. Онъ уже ненавидѣлъ свой особнякъ на Захарьевской; ему противны были холодно-почтительныя физіономіи его прислуги; наконецъ, онъ разсчитывалъ вернуться сегодня съ десятью тысячами рублей; дома ждали его уже неотложные расходы: онъ самъ назначилъ сегодня нѣкоторые платежи, онъ чувствовалъ, что не можетъ вернуться домой, а между тѣмъ куда дѣваться въ Петербургѣ въ такой ранній часъ?.. Было всего четверть десятаго... „Только церкви теперь и открыты", подумалъ Павелъ Арсеньевичъ и потомъ вдругъ, сразу рѣшивъ что-то, приказалъ ѣхать въ Исакіевскій соборъ.

Мрачная громада храма охватила его, когда онъ вошелъ въ однѣ изъ дверей этой колоссальной церкви. Въ одномъ изъ придѣловъ шла служба, но молящихся было мало, да и тѣ совсѣмъ терялись въ полумракѣ, всегда царящемъ въ соборѣ.

„Какъ здѣсь все велико, пусто и угрюмо!"—думалъ Павелъ Арсеньевичъ, медленно идя по храму. И жуткое чувство охватывало его все болѣе и болѣе. Вспомнилъ онъ свою небольшую сельскую церковь, бѣдную, но такую веселую, такую радостную... Какъ много и хорошо молился тамъ народъ! Даже Павла Арсеньевича, вообще равнодушнаго къ религіи, охватывало тамъ какое-то молитвенное настроеніе; но здѣсь молиться онъ не могъ. Не могъ даже и думать. Грандіозные размѣры храма, его страшная высота подавляли его. Особенно удручающе дѣйствовалъ на Павла Арсеньевича царившій полумракъ. Ему даже жутко становилось отъ него. Не пробывъ и получаса, Павелъ Арсеньевичъ вышелъ изъ собора и остановился на высокихъ ступеняхъ паперти. Его кучеръ, сидѣвшій на козлахъ кареты, снизу вопросительно посматривалъ на него. Онъ, кажется, былъ не мало изумленъ сегодняшними ранними и необычными поѣздками. „Куда же теперь?"—спрашивалъ самъ себя Павелъ Арсеньевичъ, щурясь отъ яркаго солнечнаго свѣта.

Налѣво, черезъ покрытыя инеемъ деревья сквера, бѣлѣло зда-

ніе гостинницы „Англія“. „Пойду и позавтракаю“,—вдругъ рѣшилъ Павелъ Арсеньевичъ и пѣшкомъ направился въ подъѣздъ гостинницы, приказавъ кучеру ѣхать сзади.

Въ ресторанѣ было уже все прибрано и готово, но тѣмъ не менѣе такой ранній посѣтитель вызвалъ, кажется, нѣкоторое удивленіе. Павелъ Арсеньевичъ заказалъ себѣ что-то и спросилъ краснаго вина. Кушанье, какъ показалось Павлу Арсеньевичу, было подано черезъ-чуръ скоро. „Вѣроятно, этотъ бритый, услужливый татаринъ-лакей думаетъ, что я куда-нибудь ужасно тороплюсь и хочу поскорѣе позавтракать“, соображалъ Павелъ Арсеньевичъ, чувствуя, что онъ даже насильно не въ состояніи съѣсть этого дымящагося передъ нимъ куска мяса, но зато стаканъ краснаго вина онъ выпилъ съ удовольствіемъ и оно слегка затуманило ему голову. Павлу Арсеньевичу захотѣлось спать, и чтобы преодолѣть дремоту, онъ приказалъ подать себѣ чашку чернаго кофе и прошелъ въ читальную комнату, гдѣ на стоявшемъ по срединѣ столѣ лежали разные русскіе и иностранные газеты и журналы. Отъискавъ газету, которую обыкновенно получалъ Павелъ Арсеньевичъ, онъ принялся ее читать, заставляя себя ничего не пропускать, начиная съ объявленій на первой страницѣ, чтобы убить какъ можно болѣе времени. Занятіе это ему показалось скучнымъ, и онъ сталъ перелистывать иллюстрированные журналы. Ему казалось, что онъ уже съ полъ-сутокъ сидитъ здѣсь, но, взглянувъ на часы, онъ убѣдился, что было всего только половина двѣнадцатаго.

Расплатившись въ ресторанѣ, онъ вышелъ опять на улицу и хотѣлъ-было идти пѣшкомъ по Вознесенскому проспекту, но едва дошелъ до Маріинскаго дворца, какъ почувствовалъ, что ноги у него подгибаются и непреодолимая усталость охватываетъ его. Онъ подозвалъ свою карету и приказалъ кучеру ѣхать снова въ 10-ю роту Измайловскаго полка.

XII.

Опять тотъ же дворъ, заваленный дровами, опять та же узенькая каменная лѣстница и опять та же баба, выглянувшая въ щель слегка отворенной двери.

— Дома?—коротко спросилъ Павелъ Арсеньевичъ, вполнѣ увѣренный, что услышитъ тоже „нѣтути“.

Но на этотъ разъ баба, ничего не отвѣтивъ, затворила дверь и, отстегнувъ цѣпочку, снова отворила ее уже во всю, сказавъ:

— Пріѣхалъ, пожалуйте.

У Павла Арсеньевича даже сердце дрогнуло. Войдя въ узенькую переднюю, онъ самъ снялъ съ себя шубу—баба въ это время запирала дверь на крюкъ—и прошелъ въ смежную съ передней комнату, видимо изображавшую изъ себя гостиную.

По стѣнамъ стояли въ чинномъ порядкѣ мягкіе стулья, въ бѣлыхъ чахлахъ. Надъ маленькимъ диванчикомъ, тоже покрытымъ бѣлымъ, висѣло овальное, въ орѣховой рамѣ, зеркало, а по бокамъ его двѣ олеографіи изъ тѣхъ, что иллюстрированные журналы разсылаютъ въ видѣ преміи. На кругломъ предиванномъ столѣ, покрытомъ ковровой скатертью, стояла дешевенькая лампа, съ гаруснымъ колпачкомъ на стеклѣ. Чѣмъ-то нежилымъ и непривѣтливымъ вѣяло отъ этой мизерной обстановки.

Павелъ Арсеньевичъ опустился въ одно изъ креселъ около дивана и слышалъ, какъ туго натянувшійся бѣлый и ветхій чахолъ гдѣ-то треснулъ при этомъ. Въ квартирѣ было тихо и холодно. Прошло минутъ пять. За стѣной послышались быстрые шаги, дверь въ гостиную отворилась и невысокій, плотный человѣкъ, одѣтый въ черный мѣшковатый сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, съ румяной, почти красной физіономіей и рыжеватыми, слегка подстриженными бородкой и усами, вышелъ къ Павлу Арсеньевичу.

— Чѣмъ могу служить-съ?—коротко и сухо проговорилъ онъ, дѣлая едва замѣтный поклонъ.

— Меня направилъ къ вамъ Бентовичъ... Вѣдь вы господинъ Селезенкинъ?—съ легкой хрипотой въ голосѣ выговорилъ Павелъ Арсеньевичъ, приподнимаясь съ мѣста.

— Точно такъ-съ, я-съ,—подтвердилъ тотъ и сдѣлалъ жестъ рукой, какъ бы приглашая Масловскаго опять занять свое мѣсто и самъ опускаясь на кресло, стоявшее по другую сторону стола.

— Чтò же собственно вамъ угодно-съ?—равнодушно спросилъ онъ, взглядывая на Павла Арсеньевича своими маленькими бѣлесоватыми глазками.

— Развѣ васъ Бентовичъ не предупреждалъ, зачѣмъ я пріѣду?—удивился Масловскій.

— Упоминали вскользь, да мнѣ такъ, ни къ чему было... Что-то насчетъ денегъ говорили...

— Да, насчетъ денегъ,—подтвердилъ Масловскій.—Бентовичъ говорилъ мнѣ, что вы можете ссудить меня небольшой суммой...

— Такъ-съ.

— Онъ писалъ мнѣ, что вы готовы дать...

— Такъ-съ.

— Ну, такъ вотъ я и... пріѣхалъ... къ вамъ...

— Какая же сумма вамъ потребна-съ?—спросилъ Селезенкинъ, помолчавъ немного и глядя куда-то въ сторону.

— Десять тысячъ.

— Такъ-съ.

Опять наступило молчаніе.

— А обезпеченье-съ?—спросилъ Селезенкинъ и слегка забарабанилъ короткими пальцами по столу, на которомъ лежала его рука.

— Обезпеченье? Я вамъ выдамъ вексель...

— Вексель-съ,—повторилъ Селезенкинъ.

Павелъ Арсеньевичъ началъ уже раздражаться. Этотъ купчишка, казалось ему, издѣвается надъ нимъ. Ему захотѣлось прикрикнуть на него, поставить его на свое мѣсто, но онъ вд время удержалъ себя, вспомнивъ, какъ нужны ему деньги и что̀ ожидаетъ его дома, и онъ, смягчивъ тонъ, сталъ говорить нервно и сбивчиво о томъ, что онъ непремѣнно отдастъ, что его вексель—тѣ же наличныя деньги, что онъ вообще никогда не занимался подобными займами, но что теперь сложились такъ обстоятельства и что ему нужно перебиться только нѣсколько мѣсяцевъ, а что въ будущемъ онъ опять будетъ имѣть хорошія деньги и что, конечно, за нимъ не пропадетъ. Чѣмъ убѣдительнѣе и горячѣе говорилъ Павелъ Арсеньевичъ, тѣмъ холоднѣе и безучастнѣе становилось круглое, красное лицо Селезенкина. Онъ даже полузакрылъ глаза, какъ бы желая выразить, что все это онъ слышалъ уже не разъ и что на подобныя убѣжденія онъ и вниманія не обращаетъ. А Павелъ Арсеньевичъ говорилъ, горячился, нервно двигался на своемъ креслѣ, не замѣчая уже, что чахолъ подъ нимъ рвется все болѣе и болѣе, что̀, очевидно, замѣчалъ Селезенкинъ и замѣчалъ съ неудовольствіемъ.

— Какія же надежды въ будущемъ вы имѣете-съ?

— Да развѣ же вамъ Бентовичъ не говорилъ?—опять раздражился Масловскій.

— Нѣтъ-съ, не говорилъ... Виноватъ-съ,—и Селезенкинъ, вставъ съ мѣста, подошелъ къ креслу, на которомъ сидѣлъ Масловскій, и сталъ обдергивать на спинкѣ чахолъ.

Павелъ Арсеньевичъ, не понявъ, что̀ онъ дѣлаетъ, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Виноватъ-съ, привстаньте немножко-съ, а то чахолъ порется.

Павелъ Арсеньевичъ вскочилъ и извинился. Селезенкинъ основательно поправилъ чахолъ и опять сѣлъ на свое мѣсто. Скон-

фуженный Павелъ Арсеньевичъ сѣлъ тоже, но уже съ бо́льшей осторожностью.

— Я думалъ, что Бентовичъ сообщилъ вамъ обо всемъ,—заговорилъ онъ, стараясь не шевелиться.

— Нѣтъ-съ, не говорили-съ,—холодно отвѣтилъ Селезенкинъ.

„Сказать или не сказать ему?"—мелькнуло въ головѣ у Масловскаго. Онъ чувствовалъ инстинктивно, что этотъ купецъ какъ бы уклоняется отъ него, и страшно боялся этого, видя въ немъ послѣднюю свою надежду. Отчего же и не сказать? Вѣдь сфера, въ которой они вращаются, слишкомъ различна и слова Селезенкина не могутъ дойти „туда". И онъ сказалъ. Правда, онъ не назвалъ жениха, замѣтивъ только, что это очень богатый и вліятельный молодой человѣкъ.

И это все выслушалъ Селезенкинъ спокойно и холодно, не пошевеливъ даже бровью.

Окончивъ свое признанье, Павелъ Арсеньевичъ сталъ ждать отвѣта.

— Денегъ въ настоящее время свободныхъ нѣтъ-съ,—рѣшительно наконецъ заявилъ Селезенкинъ.

— Какъ нѣтъ?—упавшимъ и дрогнувшимъ голосомъ переспросилъ Павелъ Арсеньевичъ.

— Да такъ и нѣтъ-съ, какъ не бываетъ.

Масловскому показалось, что въ комнатѣ стало вдругъ темнѣе и полъ началъ уходить изъ-подъ его похолодѣвшихъ ногъ.

— Свободныхъ денегъ такихъ сейчасъ не имѣемъ-съ,—повторилъ Селезенкинъ, дѣлая видъ, что хочетъ подняться съ мѣста.

Страшно стало Масловскому.

— Послушайте... послушайте,—сбивчиво заговорилъ онъ, теряясь все болѣе и болѣе.—Ну, если у васъ сейчасъ нѣтъ десяти тысячъ, ну, дайте мнѣ хоть пять... теперь... а остальныя потомъ... Вѣдь я вамъ дамъ какіе угодно проценты... Слышите... какіе угодно...

— За какіе угодно проценты-то нынче подъ судъ отдаютъ,—какъ бы про себя замѣтилъ Селезенкинъ и рѣшительно поднялся съ мѣста.

— Ну, скажите, ну, кто же объ этомъ узнаетъ? Вѣдь никто. Мы съ вами съ глазу на глазъ,—продолжалъ убѣждать Масловскій, тоже поднявшись съ мѣста и почти вплотную подходя къ Селезенкину.

Тотъ пытливо, снизу вверхъ взглянулъ на него и настойчиво повторилъ:

— Не подходяще-съ.

— Ну, дайте хоть три тысячи, — почти умолялъ Павелъ Арсеньевичъ.

— Повѣрьте, денегъ свободныхъ не имѣемъ-съ, — какъ бы окончательно уже рѣшивъ отказъ, заявилъ купецъ и пошелъ провожать Масловскаго до передней.

Онъ самъ помогъ надѣть ему шубу, самъ отворилъ дверь и довольно вѣжливо даже проговорилъ:

— Прошу извинить-съ.

„Да что же? Что-жъ это такое?" —твердилъ Павелъ Арсеньевичъ, спускаясь по узенькимъ ступенькамъ каменной лѣстницы: — „До чего я дошелъ... Какой стыдъ... какой позоръ... какое униженіе... И изъ-за чего все?.."

Усѣвшись въ карету и приказавъ кучеру ѣхать къ Бентовичу, Павелъ Арсеньевичъ едва не заплакалъ отъ стыда и злобы. Онъ чувствовалъ, что все его тѣло нервно трясется. Ему казалось, что лошади бѣгутъ слишкомъ тихо, и онъ готовъ былъ выскочить изъ кареты и побѣжать впередъ. Онъ смотрѣлъ въ окна и ничего не замѣчалъ, кромѣ того, что на улицѣ свѣтло и что-то мелькаетъ въ этомъ зимнемъ свѣтѣ. По временамъ и то неясно, онъ различалъ вдругъ проѣхавшаго на встрѣчу извозчика или какую-нибудь мелькнувшую вывѣску. Зубы его стискивались, пальцы рукъ шевелились, стараясь схватить что-нибудь и сжать.

Но вотъ и контора Бентовича. Швейцаръ говоритъ, что самого уже нѣтъ, онъ только-что уѣхалъ. Павелъ Арсеньевичъ все-таки вошелъ въ контору и спросилъ себѣ листъ бумаги и конвертъ, но онъ не зналъ, что́ написать, да и рука у него дрожала, дыханіе спиралось въ груди. Посидѣвъ съ минуту около стола, съ перомъ въ рукѣ, онъ вдругъ всталъ и, сказавъ бывшему тутъ конторщику, что онъ послѣ самъ заѣдетъ, вышелъ въ швейцарскую.

— Домой! — приказалъ онъ кучеру, торопливо усаживаясь въ карету.

Онъ чувствовалъ, что ему что-то нужно сейчасъ узнать, но что́ именно—опредѣлить не могъ, и это его мучило. Уже подъѣзжая къ дому, онъ вдругъ сразу понялъ все:

— Да съ чего же я вообразилъ, что бракъ этотъ долженъ непремѣнно состояться?—почти крикнулъ онъ и всплеснулъ даже руками.—Съ чего? Съ чего? Откуда взялась эта увѣренность? Съ какой стати я все поставилъ на карту? Какое я имѣлъ право?.. А Наташа?.. а развѣ она мнѣ тоже не дочь? Почему же я принесъ все въ жертву этой?

И чувство злобы зашевелилось у него въ сердцѣ противъ Лидіи.

„Какимъ образомъ онѣ могли убѣдить меня, что ихъ глупыя бабьи мечтанія сбудутся? Да, наконецъ, еслибы сбылись, то почему же я разсчитывалъ, что женихъ возвратитъ мнѣ всѣ деньги?.. Господи! Господи... какъ безумно все это... какъ безнравственно... Господи, я погибъ!"...

И всѣ прежніе планы, казавшіеся еще такъ недавно столь удобоисполнимыми, естественными и даже привлекательными, сразу разсыпались прахомъ, и жизнь Павла Арсеньевича уперлась куда-то въ уголъ, въ какой-то непроходимый тупикъ. Онъ почти метался въ каретѣ, и едва она успѣла остановиться у подъѣзда, онъ самъ быстро отворилъ дверцу и выскочилъ. Не поддержи его швейцаръ, онъ навѣрное упалъ бы на тротуаръ.

Торопливо, спотыкаясь на ступенькахъ, почти взбѣжалъ онъ на лѣстницу и крикнулъ встрѣтившемуся ему по дорогѣ камердинеру:

— Скорѣй... Скорѣй позови ко мнѣ Лидію Павловну!

XIII.

Когда Лидія вошла къ отцу, онъ быстро ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, кулаками стискивая себѣ виски.

— Папа, что̀ съ тобой? Ты боленъ?—испуганно спросила дѣвушка, взглянувъ на Павла Арсеньевича.

— Лидія, постой... Слушай... постой!—быстро заговорилъ онъ, подбѣгая къ ней и хватая ее за руку.—Лидія, ты должна мнѣ сказать все откровенно... Послушай, почему ты увѣрена, почему ты знаешь... Скажи, онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе?..

— Нѣтъ еще, — отвѣтила Лидія, глядя большими, испуганными глазами на отца.

— Такъ почему же ты увѣрена, что онъ женится на тебѣ? Отвѣчай, почему?

— Я не знаю,—чуть слышно выговорила дѣвушка.

— Какъ? Не знаешь? Не знаешь? — зашепталъ Павелъ Арсеньевичъ, пятясь отъ нея и какъ-то странно вытягивая впередъ голову.—А знаешь ли ты, что̀ я надѣлалъ? Знаешь ли ты, что мы разорены? Что мнѣ милостыню, можетъ быть, придется просить?

Слезы брызнули изъ глазъ Лидіи.

— Папа, милый, успокойся!—заговорила она, не сходя съ

мѣста и только протягивая къ отцу руки.—Папа, успокойся! Прими чего-нибудь! Милый, нельзя такъ волноваться...

— Да ты пойми, что мы разорены! — крикнулъ Павелъ Арсеньевичъ какимъ-то пискливымъ голосомъ и, опустившись на диванъ, вдругъ заплакалъ, закрывая себѣ лицо руками..

Лидія бросилась къ нему.

— Папа, папочка! Да не волнуйся же! Вѣрь мнѣ: все устроится... Гдѣ у тебя капли?.. Милый, успокойся... Я все. все сдѣлаю... Я не дамъ тебѣ разориться...

Но Павелъ Арсеньевичъ плакалъ уже навзрыдъ. Лидія сама бросилась въ смежную съ кабинетомъ спальню отца, схватила тамъ полотенце, намочила его, налила стаканъ воды и, никого не призывая на помощь, не желая, чтобы кто-нибудь видѣлъ эти слезы, принялась ухаживать за Павломъ Арсеньевичемъ. Она положила ему на голову холодный компрессъ, поила его водой, давала ему валеріановыхъ капель, становилась передъ нимъ на колѣни, цѣловала его руки и говорила ласковыя, успокоивающія слова. А лицо ея было серьезно, сосредоточенно, сжатыя брови какъ бы показывали, что въ головѣ молодой дѣвушки зрѣетъ какая-то мысль, какое-то рѣшеніе.

Черезъ четверть часа Павелъ Арсеньевичъ успокоился. Слабый, разбитый, съ опущенной внизъ головой и тупо устремленнымъ куда-то взглядомъ сидѣлъ онъ на диванѣ, но ему было гораздо лучше—слезы облегчили его.

— Папа, лягъ, усни!—уговаривала его дочь.

И Масловскій, вспомнивъ, что онъ провелъ сегодня безсонную ночь, покорно пошелъ въ спальню, поддерживаемый Лидіей, и позволилъ даже ей снять съ себя сюртукъ, жилетъ и уложить въ постель. Ему не хотѣлось звать камердинера и жаль было напугать свою робкую и хрупкую жену. Лидія сама опустила занавѣску и, тихо поцѣловавъ отца въ лобъ, вышла изъ спальни, притворивъ за собой дверь...

Павелъ Арсеньевичъ почти сейчасъ же уснулъ, а черезъ полчаса Лидія одна ѣхала уже къ княгинѣ Вѣрѣ Борисовнѣ. Лицо ея было все такъ же сосредоточенно, серьезно, а красивыя густыя брови крѣпко стягивались одна къ другой—между ними легла глубокая морщинка.

Въ домѣ Масловскихъ было по обыкновенію тихо, только изъ комнаты Наташи доносилось мѣрное чтеніе какой-то англійской исторіи.. Тихій и милый голосокъ дѣвочки перебивался иногда сухимъ и скрипучимъ голосомъ старой англичанки, миссъ Джонсъ, дѣлавшей свои поправки.

У Натальи Христофоровны былъ мигрень и она съ повязанной головой лежала у себя въ спальнѣ.

Часа два проспалъ Павелъ Арсеньевичъ и проснулся какъ-то вдругъ, сразу. Онъ всталъ съ постели, самъ поднялъ занавѣску, одѣлся и вышелъ въ кабинетъ. Тихая грусть щемила ему сердце. Но думать ни о чемъ не хотѣлось, дѣлать онъ ничего не могъ, и, узнавъ отъ камердинера, что Лидія Павловна еще не возвращалась, онъ подошелъ къ книжному шкафу и, порывшись въ немъ немного, досталъ томъ „Фрегата Паллады" и, покойно усѣвшись на широкомъ диванѣ, принялся перелистывать когда-то давно-давно читанную имъ эту тихую, успокоивающую книгу.

Лидія вернулась передъ самымъ обѣдомъ и прошла прямо въ кабинетъ къ отцу.

— Папа, ты уже не спишь?—спросила она, подходя къ нему и цѣлуя его въ голову.

Павелъ Арсеньевичъ ничего не отвѣтилъ и только вопросительно посмотрѣлъ на нее. Та поняла этотъ вопросъ и, едва замѣтно вздрогнувъ, тихо проговорила:

— Княгиня написала письмо... Потерпи еще нѣсколько дней, все рѣшится...

„А денегъ-то князь Левъ Степановичъ все-таки не дастъ",— подумалъ про себя Павелъ Арсеньевичъ и снова принялся читать. Лидія вышла.

Немного спустя камердинеръ доложилъ, что „кушать подано". Павелъ Арсеньевичъ за обѣдомъ почти ничего не ѣлъ и не говорилъ. Грустный, задумчивый сидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ, по временамъ взглядывая то на ту, то на другую дочь. Лидія была серьезна и тоже не проронила почти ни одного слова. Наташа испуганно переводила свои большіе, красивые глаза съ сестры на отца, съ отца на мать. Наталья Христофоровна хотя и вышла въ столовую, но была совсѣмъ больна: мигрень не проходилъ и отъ нея пахло ментоломъ.

Весь вечеръ Павелъ Арсеньевичъ читалъ у себя въ кабинетѣ „Фрегатъ Палладу" и нѣсколько разъ принималъ лекарство. Но ночь прошла для него тревожно и мучительно: онъ почти не сомкнулъ глазъ. Разныя мысли и заботы лѣзли къ нему въ голову; каждый разъ, какъ онъ только начиналъ забываться, мучительный припадокъ будилъ его: сердце переставало биться, дыханіе спиралось и острая боль отъ сердца въ лѣвый високъ, руку и ногу пронизывала его. Онъ вскрикивалъ, вскакивалъ на постели, открывалъ глаза и, трепеща всѣмъ тѣломъ, замѣчалъ, что каждый разъ какое-то черное пятно проплывало надъ нимъ. Иногда это

пятно пріобрѣтало довольно опредѣленное очертаніе и принимало форму то рыбы, то ежа...

— Галлюцинація,—соображалъ Павелъ Арсеньевичъ, но тѣмъ не менѣе рѣшилъ не посылать за докторомъ.—„Вѣдь все равно, не помогутъ",—думалъ онъ.—„И пока не кончится это напряженное состояніе, не разрѣшится этотъ мучительный вопросъ о будущемъ—ничто не поможетъ ему... Не бромистое золото нужно для него въ настоящее время, а самыя простыя, презрѣнныя деньги... Да, болѣе года уже длится эта ненормальная жизнь, болѣе года нервы его натянуты, только раньше онъ не обращалъ на это никакого вниманія, не чувствовалъ этого гнета, какъ не замѣчаемъ мы, выступая съ свѣжими силами, лежащей на нашихъ плечахъ ноши, тяжесть которой къ концу пути подавитъ насъ... Надо терпѣть, ждать и не жаловаться...

Прошелъ день, два, три. Нужда и забота скапливались и напрягались въ домѣ Павла Арсеньевича, но все еще было тихо. Самъ Павелъ Арсеньевичъ какъ бы притаился въ своемъ кабинетѣ, боясь всколыхнуть эту тишину. И кругомъ всѣ еще молчали, ждали, словно щадили его. Тихо было въ домѣ—даже и въ людскихъ все какъ-то замерло. Лица были у всѣхъ серьезныя, почти угрюмыя. Изрѣдка навѣдывались разные мелкіе кредиторы, но прислуга сама отсылала ихъ, не рѣшаясь безпокоить барина... Всѣ ждали, и только припадки Павла Арсеньевича росли съ каждымъ днемъ и безсонныя ночи становились все мрачнѣе и тягостнѣе. Къ счастію и знакомые какъ-то въ эти дни, словно сговорившись, не тревожили Масловскихъ своими посѣщеніями... Въ природѣ такая тишина наступаетъ или передъ разсвѣтомъ, или передъ грозой...

XIV.

Но какъ ни оберегали, какъ ни ограждали Павла Арсеньевича, а жизнь ворвалась къ нему прямо съ улицы и ворвалась гадко и скверно. Маленькій, тщедушный человѣчекъ, съ рыженькимъ портфелемъ подъ мышкой, послѣ трехъ-четырехъ неудачныхъ попытокъ, прорвался-таки въ кабинетъ къ Масловскому. Прислуга, можетъ быть обманутая имъ, а можетъ быть и подкупленная, пропустила его. Когда камердинеръ подалъ Павлу Арсеньевичу визитную карточку, на которой было напечатано: „Степанъ Ермиловичъ Камушкинъ", тотъ сначала было-испугался —онъ теперь боялся всего. Фамилія Камушкина ему была неизвѣстна, а всякая неизвѣстность пугаетъ въ особенности.

— Чтò ему нужно?—спросилъ Павелъ Арсеньевичъ камердинера.

— Не могу знать-съ. Говоритъ, что по важному для васъ дѣлу.

„Можетъ быть отъ Бентовича? Можетъ быть, деньги привезъ?"—мелькнуло у Павла Арсеньевича въ головѣ и онъ сказалъ:

— Проси.

И плюгавенькій человѣчекъ, съ рыженькимъ портфелемъ подъ мышкой, вошелъ въ кабинетъ, а вмѣстѣ съ нимъ ворвались и всѣ мелкія заботы и непріятности, и хлопоты, затихшія-было въ послѣдніе дни. Камушкинъ оказался мелкимъ ходатаемъ по исковымъ дѣламъ и напомнилъ Павлу Арсеньевичу объ одномъ долгѣ, всего въ семьсотъ рублей, сдѣланномъ еще лѣтомъ и почти забытомъ Павломъ Арсеньевичемъ.

— Мой довѣритель приказалъ мнѣ подать въ мировой судъ,—говорилъ Камушкинъ, ёрзая на кончикѣ стула:—но я, не желая доводить васъ до такой непріятности, счелъ долгомъ предупредить.

— Пріѣзжайте завтра, я приготовлю деньги,—сказалъ Павелъ Арсеньевичъ, чувствуя, какъ опять заныло его сердце.

Семьсотъ рублей, конечно, достать было нетрудно. Рублей четыреста у Павла Арсеньевича еще было, а затѣмъ можно и заложить что-нибудь; но Павелъ Арсеньевичъ зналъ, что это вѣдь только первая капля, а за ней пойдутъ и другія, да и, наконецъ, дойти до закладыванія вещей — это уже прямо позоръ...

Онъ торопливо вынулъ изъ стола свою расходную книгу и съ ужасомъ увидалъ, какую бездну денегъ прожили они за эти полтора года. Отъ арендатора ожидать было нечего—получено далеко впередъ. Имѣніе заложено и перезаложено, а впереди еще надо было тянуться и вести эту ненормальную жизнь. Какъ скромно, какъ дешево могъ бы онъ жить тамъ у себя въ деревнѣ, особенно отказавшись отъ предводительства, и какія безумныя траты начались, какъ только онъ вышелъ изъ колеи! Павелъ Арсеньевичъ упрекалъ себя уже не за одну петербургскую жизнь, но и за то, что, живя въ провинціи, онъ не умѣлъ быть экономнымъ, не умѣлъ по одёжкѣ протягивать ножки, и не только не скопилъ ничего, а даже тогда еще заложилъ имѣніе. Положимъ, это было сдѣлано для расширенія хозяйства и принесло бы щедрые плоды, но здѣсь, въ Петербургѣ... Какое безуміе!..

Павелъ Арсеньевичъ велѣлъ подавать себѣ одѣваться. Какъ ни уговаривала его Наталья Христофоровна поберечь себя, не выѣзжать совсѣмъ больнымъ изъ дому, но онъ даже и не слу-

шалъ ее. Онъ хорошенько не зналъ—куда поѣдетъ. Съ ужасомъ видѣлъ онъ теперь, что за полтора года жизни въ Петербургѣ онъ не сдѣлалъ ни одного нужнаго, дѣлового знакомства. Въ числѣ его знакомыхъ были люди вліятельные, какъ, напр., князь Левъ Степановичъ, люди пріятные, какъ, напр., Волкушинъ, люди забавные, какъ, напр., Казарскій, съ своими вѣчными проектами, но человѣка, у котораго бы онъ могъ перехватить при нуждѣ пять-шесть тысячъ—не было...

Въ тотъ же день было получено княгиней Вѣрой Борисовной письмо отъ предполагаемаго жениха, и маленькая княгиня сама прискакала съ этимъ извѣстіемъ къ Масловскимъ. Письмо было очень загадочно и неясно. Оказалось, что молодого человѣка дядя Людвигъ-Эрнестъ съ охоты увезъ прямо въ Германію, но въ письмѣ его Вѣра Борисовна между строкъ читала что-то очень утѣшительное и обнадеживающее.

— Повѣрь мнѣ,—говорила она Лидіи:—что все идетъ какъ нельзя лучше, и это очень хорошо, что онъ проѣхалъ въ Германію. Тамъ это все и рѣшится. Развѣ ты не видишь, какъ онъ настойчивъ и твердъ?

Но Лидія, какъ ни перечитывала письмо, не видѣла ничего. Она узнала только, что мраморныя таксы, какъ и слѣдовало ожидать, оказались очень хрупкими, что охота была неудачна, вслѣдствіе оттепели и рыхлости снѣга, что дядя Людвигъ-Эрнестъ и братъ Карлъ находятся въ вожделѣнномъ здравіи, а что въ Германію его призываютъ неотложныя дѣла, и, окончивъ ихъ, онъ вернется въ Петербургъ къ первому же придворному балу. Было нѣсколько туманныхъ выраженій и на нихъ-то особенно напирала княгиня Вѣра Борисовна.

— Повѣрь мнѣ, — говорила она: — не сталъ бы онъ такъ освѣдомляться о тебѣ и о твоемъ здоровьѣ, еслибы не пришелъ къ непоколебимому рѣшенію.

Лидія старалась повѣрить, но не могла, а Наталья Христофоровна ничего почти не понимала — она вся была поглощена заботой, что Павелъ Арсеньевичъ больной выѣхалъ изъ дому и такъ долго не возвращается.

Насталъ часъ обѣда, а его все нѣтъ. Мать и дочери пообѣдали безъ него, т.-е. сдѣлали видъ, что обѣдаютъ, а сами ничего почти не ѣли, да и за столъ-то сѣли только потому, что въ этотъ день у нихъ обѣдала одна знакомая дама, съ сыномъ-правовѣдомъ. Послѣ обѣда дама эта скоро уѣхала, и страшное безпокойство охватило Наталью Христофоровну всецѣло. Она ходила изъ комнаты въ комнату, подходила къ окнамъ, смотрѣла

на улицу. А на улицѣ было скверно. Порывистый вѣтеръ гудѣлъ и трепалъ желтые языки уличныхъ фонарей. Мостовая была черна отъ сразу наступившей оттепели и извозчичьи сани едва тащились по грязной кашѣ таявшаго снѣга. Дыханіе спиралось въ груди у Натальи Христофоровны—это бывало съ ней всегда при рѣзкой перемѣнѣ погоды. Она взглянула на барометръ—такъ и есть: падаетъ съ необычайной быстротой. И она заволновалась еще больше, не за себя, а за Павла Арсеньевича, который тоже такъ чувствителенъ къ этимъ рѣзкимъ перемѣнамъ.

— Господи, не случилось ли съ нимъ что-нибудь? — шептала она, заходя то въ комнату Лидіи, то къ Наташѣ.

Въ одиннадцатомъ часу Лидія надоумила ее послать въ клубъ. Посланный вернулся и сообщилъ, что Павелъ Арсеньевичъ тамъ и играетъ въ карты. Наталья Христофоровна съ облегченіемъ вздохнула и сейчасъ же приказала послать за нимъ туда карету. До часу ночи ждала она мужа, почти не отходя отъ окна, и когда карета ихъ подъѣхала къ подъѣзду, она бросилась на лѣстницу, чтобы встрѣтить Павла Арсеньевича. Страннымъ, почти страшнымъ показалось ей его лицо. Тяжело переводя дыханіе, медленно поднимался онъ по ступенькамъ, тупо глядя передъ собой помутнѣвшими глазами; ротъ его былъ полуоткрытъ и онъ то-и-дѣло облизывалъ губы языкомъ. Увидавъ жену, онъ тихо улыбнулся и едва слышно выговорилъ:

— А того-то... увезли... въ Германію... Дядюшка увезъ... Теперь... пропало...

Извѣстіе о томъ, что Людвигъ-Эрнестъ увезъ своего племянника прямо съ охоты къ себѣ въ Германію, дошло до Павла Арсеньевича въ клубѣ за карточнымъ столомъ. Тамъ онъ, какъ будто, на это даже и вниманія не обратилъ, но по тому, какъ онъ сообщилъ это извѣстіе своей женѣ, можно было видѣть, что оно подавило его окончательно.

— Поль, не послать ли за докторомъ? — робко предложила Наталья Христофоровна, входя вмѣстѣ съ нимъ въ его кабинетъ.

— Нѣтъ... не надо, — отказался Павелъ Арсеньевичъ и сейчасъ же прибавилъ: — что̀ онъ можетъ? Вѣдь у него только и разговоровъ, что „Moustapha“ да „Bon-Accueil“...

Наталья Христофоровна не поняла этихъ словъ и испуганно посмотрѣла на мужа.

— Домой надо ѣхать... къ себѣ, въ Клекотки, — добавилъ онъ, присаживаясь къ письменному столу.

— Поль, ты бы прилегъ... Пойдемъ въ спальню, я тебя

провожу, уговаривала его она, рѣшивъ эту ночь не оставлять его ни на минуту одного.

А Павелъ Арсеньевичъ медленно вынималъ изъ кармановъ записную книжку, бумажникъ, часы.

— Завтра пріѣдетъ этотъ... Шишкинъ... кажется, Шишкинъ, а можетъ быть и не Шишкинъ... Ну, да все равно... Ему надо заплатить семьсотъ рублей... Такъ вотъ тутъ деньги... Я сегодня занялъ въ клубѣ тысячу...— медленно говорилъ Павелъ Арсеньевичъ, съ трудомъ передвигая руками, словно какія-то путы чувствуя на нихъ...

Не прошло и часу, какъ въ домѣ Масловскихъ начался переполохъ. Швейцаръ, наскоро накинувъ пальто, поскакалъ за докторомъ; Лидія и Наташа, полуодѣтыя, выскочили изъ своихъ комнатъ и побѣжали въ спальню отца, а тамъ, блѣдная, трепещущая Наталья Христофоровна стояла надъ распростертымъ на постели и хрипѣвшимъ мужемъ.

Съ Павломъ Арсеньевичемъ сдѣлался нервный ударъ.

Домъ проснулся весь, всѣ зашевелились, но было страшно тихо, словно не люди, а призраки двигались тутъ.

XV.

Стоялъ конецъ мая. На просторной террасѣ деревенскаго дома, въ покойномъ соломенномъ креслѣ сидѣлъ Павелъ Арсеньевичъ Масловскій. Его блѣдное, слегка исказившееся отъ удара лицо было задумчиво и грустно. Усталые, словно выцвѣвшіе глаза были неподвижно устремлены куда-то въ садъ, но, казалось, ничего не различали, не видѣли. Въ двухъ шагахъ отъ него, примостившись на ступенькѣ террасы, сидѣла Наташа и читала вслухъ для отца какую-то книгу, видимо не замѣчая, что Павелъ Арсеньевичъ давно уже не слушаетъ ее. Наташа тоже похудѣла немного и на дѣтскомъ личикѣ легла уже печать мысли и начинающейся зрѣлости. Да и фигура ея сильно выровнялась и опредѣлилась; только руки были еще красны и велики.

Теплый день догоралъ. Солнце стояло низко и изъ цвѣтника несся удушливый ароматъ цвѣтовъ.

— Посмотри-ка, не проснулась ли мама? — съ трудомъ выговаривая слова, перебилъ чтеніе Наташи Павелъ Арсеньевичъ.

Наташа встала, сложила книгу и прошла во внутреннія комнаты.

Масловскіе гостили въ имѣніи двоюроднаго брата Павла

Арсеньевича, отставного полковника Хомутова. Прошло уже около полугода съ того времени, какъ Павла Арсеньевича сразилъ ударъ, и многое измѣнилось за это время въ судьбѣ его семьи. Лидія вышла замужъ. Да, маленькая княгиня Вѣра Борисовна, по обыкновенію, оказалась правой: молодой человѣкъ проявилъ и энергію, и настойчивость, и вѣрность своимъ принципамъ. Какъ ни противодѣйствовала его семья, какія суровыя требованія ни предъявляла къ нему, онъ рѣшился на все, скоро вернулся въ Россію и сдѣлалъ предложеніе Лидіи Масловской. Съ свадьбой поторопились: на этомъ особенно настаивали и княгиня Вѣра Борисовна, и женихъ. Рѣшено было не дожидаться полнаго выздоровленія Павла Арсеньевича, въ виду того, что оно могло затянуться на неопредѣленное время,—а кому извѣстно, что̀ могло случиться за это время и какія новыя препятствія могли возникнуть.

Когда Павелъ Арсеньевичъ пришелъ въ себя и нѣсколько оправился, его порадовали этимъ извѣстіемъ; онъ очень охотно далъ свое благословеніе и только просилъ объ одномъ, чтобы его поскорѣе увезли изъ Петербурга въ деревню. Въ Клекотки ѣхать было нельзя и потому воспользовались радушнымъ гостепріимствомъ полковника Хомутова.

Лидія перебралась въ домъ княгини Вѣры Борисовны, а Наталья Христофоровна вмѣстѣ съ больнымъ мужемъ и младшею дочерью выѣхала въ N-скую губернію. Но къ свадьбѣ ее вытребовали опять въ Петербургъ. Бракосочетаніе послѣдовало тотчасъ же послѣ Пасхи, и изъ-подъ вѣнца молодые немедленно уѣхали за границу, но Лидія взяла слово съ матери, что черезъ мѣсяцъ та опять навѣститъ ее въ Германіи, въ небольшомъ за̀мкѣ, который ей подарилъ мужъ.

Наталья Христофоровна исполнила это обѣщаніе, тѣмъ болѣе, что Павлу Арсеньевичу и Наташѣ въ семьѣ Хомутовыхъ жилось лучше даже, чѣмъ у себя дома, уже по одному тому, что не было никакихъ заботъ и хозяйственныхъ непріятностей, да и больной поправлялся быстро и выражалъ даже намѣреніе навѣстить старшую дочь. Въ началѣ мая, Наталья Христофоровна уѣхала, а недѣли черезъ три, то-есть, сегодня утромъ, она вернулась уже въ Хомутовку.

При первой встрѣчѣ Павелъ Арсеньевичъ ни о чемъ ее не разспрашивалъ, видя, что жена его сильно устала и разбита дальней дорогой. Послѣ ранняго обѣда онъ уговорилъ ее пойти въ спальню и хорошенько отдохнуть. А вотъ теперь послалъ за ней Наташу и съ нетерпѣніемъ ждалъ, что̀ разскажетъ ему его вѣр-

ная подруга о ихъ старшей дочери „графинѣ“, какъ мысленно прибавлялъ онъ.

— Ну, что, выспалась?—кротко улыбаясь, спросилъ Павелъ Арсеньевичъ, когда Наталья Христофоровна вышла къ нему на террасу.

— Merci, отдохнула, — отвѣтила та, подходя къ мужу и цѣлуя его руку.

— Ну, садись... разсказывай...

Наталья Христофоровна придвинула стулъ къ креслу Павла Арсеньевича и сѣла. Она тоже похудѣла за это время и не только похудѣла, но и постарѣла значительно. Они были вдвоемъ. Семья Хомутовыхъ деликатно не мѣшала имъ, зная, что супругамъ есть о чемъ поговорить наединѣ. Наташа же, вышедшая вслѣдъ за матерью, исчезла въ глубинѣ старой липовой аллеи.

— Ну, разсказывай!—повторилъ Павелъ Арсеньевичъ.

— Да, что же, Поль, она счастлива,—начала Наталья Христофоровна, какъ бы въ чемъ-то оправдывая Лидію.—Мужъ въ ней, видимо, души не чаетъ, и она такъ хорошо освоилась со своей новой ролью, какъ будто и вѣкъ жила въ зàмкахъ да во дворцахъ.

„Принцесса“,—вспомнилъ Павелъ Арсеньевичъ дѣтское прозвище Лидіи.

— Оффиціально она, конечно, не принята, но тотъ ее такъ съумѣлъ поставить, что теперь вся семья бываетъ у нея и искренно, кажется, полюбили... Да и Лидіи надо отдать справедливость: умна и держитъ себя очень мило... И ко мнѣ были чрезвычайно внимательны и предупредительны... А осенью тебѣ и за границу незачѣмъ ѣхать. Они сами перебираются въ Петербургъ.

— Какъ, какъ ей теперь фамилія-то? — перебилъ Павелъ Арсеньевичъ.

Наталья Христофоровна назвала, а онъ повторилъ и съ легкой улыбкой прибавилъ:

— Боже, какъ трудно! Ну, ну, продолжай!..

— Къ осени Лидія надѣется, что мы переселимся въ Клекотки, и думаетъ пріѣхать погостить къ намъ съ мужемъ,—начала опять Наталья Христофоровна, нѣжно поглаживая руку Павла Арсеньевича.

А тотъ внимательно и грустно слушалъ ее, хотя тихая улыбка такъ и не сходила съ его губъ.

— А все-таки... жаль Лидіи,—выговорилъ онъ, когда Наталья Христофоровна, окончивъ разсказъ, замолчала.

На замѣчаніе мужа она не возразила ничего, только чуть слышно вздохнула. И ей тоже почему-то было жаль своей старшей дочери, но почему—ни она, ни Павелъ Арсеньевичъ этого не знали.

Изъ глубины аллеи показалась Наташа. Она была не одна; съ ней рядомъ шелъ очень высокій и красивый юноша, въ студенческомъ кителѣ. Это былъ Коля Болдинъ, пасынокъ полковника Хомутова. По какимъ-то обстоятельствамъ онъ пріѣхалъ на каникулы еще въ концѣ апрѣля и почти сразу привлекъ всѣ симпатіи Павла Арсеньевича. Только въ самые первые дни Масловскій относился нѣсколько недовѣрчиво къ этому юношѣ. Его какъ бы смущала немного удивительная вѣжливость и почтительность въ этомъ студентѣ. Онъ помнилъ студентовъ своего времени—тѣ были не таковы; а зная современную молодежь очень поверхностно, Павелъ Арсеньевичъ заключилъ-было сначала, что это или ловкій будущій карьеристъ, или просто тупой малый. Но, присмотрѣвшись къ юношѣ поближе, онъ, къ искренней своей радости, нашелъ въ немъ и ясный молодой умъ, и хорошее, теплое сердце. Съ Наташей Болдинъ почти не разставался и къ концу мѣсяца они посматривали уже другъ на друга такими милыми, хорошими глазами, такъ дружно говорили о чемъ-то, такъ весело бѣгали по саду, что, глядя на нихъ, Павелъ Арсеньевичъ всегда улыбался счастливой и радостной улыбкой.

Семейство Хомутовыхъ видимо относилось тоже съ большой симпатіей къ этому зарождающемуся молодому чувству. Наталья Христофоровна только-что взглянула сегодня утромъ на эту парочку, какъ ея чуткое материнское сердце сразу подсказало ей что-то. Она-было испугалась, насторожилась, но, посмотрѣвъ внимательно на Наташу, на Колю и на своего мужа, вдругъ почувствовала, что на сердцѣ у нея стало хорошо.

Черезъ часъ двѣ семьи —Хомутовыхъ и Масловскихъ, слившись во-едино, сидѣли на террасѣ за чайнымъ столомъ. Пріѣхалъ кто-то изъ сосѣдей, завязался горячій разговоръ, споры. Молодой Болдинъ тоже какъ-то вовлекся въ общую бесѣду и говорилъ такъ умно и сдержанно, что не только Наташа, все время не спускавшая съ него глазъ, но и Павелъ Арсеньевичъ слушалъ съ большимъ, нескрываемымъ удовольствіемъ. И вспомнился ему опять господинъ въ легкой крылаткѣ, въ помятомъ цилиндрѣ и съ сваливающимся съ носа пенснэ, просившій у него подаянія въ зимнюю петербургскую ночь и рекомендовавшій себя помѣщикомъ трехъ черноземныхъ губерній. Призракъ этого человѣка часто тревожилъ Павла Арсеньевича за эти полъ-года и

каждый разъ, когда онъ являлся передъ нимъ, ужасъ охватывалъ его и безотчетный страхъ сжималъ ему сердце. А теперь вотъ вдругъ Павелъ Арсеньевичъ почувствовалъ, что онъ не боится уже болѣе этого призрака. Онъ глядѣлъ на Колю Болдина и на Наташу и почти безсознательно повторялъ:

„Съ этими не страшно... Эти не выдадутъ...“ — И тутъ же, сейчасъ же рядомъ, словно эхо, пронеслось у него въ головѣ:— „А Лидію жаль“.

Павелъ Арсеньевичъ поднялъ глаза и взглянулъ на Наталью Христофоровну, и ему показалось, что и она думаетъ то же самое.

Влад. Тихоновъ.

ИЗЪ ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ

1.—БЕЗДНА.

Въ пестрыхъ узорахъ моихъ сновидѣній
Юноши образъ я видѣлъ однажды:
Онъ надъ колодцемъ, страдая отъ жажды,
Молча склонился, исполненъ томленій.

Съ тѣмъ, чтобъ вода поднялася до края,
Золото, жемчугъ—бросалъ онъ горстями
Въ темную бездну, напрасно устами
Влаги студеной коснуться желая.

Сколько безумцевъ, чарующе-мрачной
Бездною гордой души привлеченныхъ,
Грезятъ напрасно о влагѣ прозрачной,
Вѣчно далекой отъ устъ истомленныхъ.

Каждый мечтаетъ изъ бездны холодной
Вызвать родникъ животворный,—и въ нѣдра
Золото чувства бросаетъ онъ щедро,
Силы души расточая безплодно.

---

2. — НА ВЫСОТѢ.

I.

На высоту твоихъ созданій
Пусть, равнодушна и слѣпа,
Не поднимается толпа.
Переступить не смѣя грани
Безсмертныхъ замысловъ, она
Не достигаетъ, какъ волна,
Вершинъ могучихъ и свободныхъ.
Томясь въ усиліяхъ безплодныхъ,
Ее не думай повести
Съ собой по трудному пути.
Не пролагай къ нему ступеней,
Не поясняй,—напрасный трудъ!
Тамъ, гдѣ парѝтъ свободно геній,
Одни избранники пройдутъ.

Пусть одиноко надъ долиной
Гора сіяющей вершиной
Стремится къ небу—для орла
Она доступна: взмахъ крыла—
И достигаетъ онъ желанныхъ,
Снѣгами вѣчными вѣнча̀нныхъ
И уходящихъ въ небосводъ—
Недосягаемыхъ высотъ.

II.

Долина къ горѣ обратилась съ укоромъ:
— Что̀ пользы въ безплодной твоей высотѣ?—
Глядѣвшему въ небо задумчивымъ взоромъ
Пѣвцу говорили:—Ты служишь мечтѣ!—

Гора отвѣчала:—Отъ бурь и тумановъ
Тебя охраняя подобно щиту,
Я грудью встрѣчаю порывъ ураѓановъ
И грозныя тучи ловлю налету.

Въ горнилѣ моемъ растопляются льдины;
Весной изъ груди бѣлоснѣжной моей
Обильныя вóды сбѣгáютъ въ долины,
Питая весенніе всходы полей.

Поэтъ же отвѣтилъ:—Я въ пѣсняхъ печали
Всю жизнь изливаю и душу мою.
Родникъ ихъ обиленъ, и тѣхъ, кто страдали—
Струею живою я всѣхъ напою.

---

3. — ДРУЗЬЯМЪ.

Выступая въ великой борьбѣ,
О быломъ сожалѣнья умѣрьте,
Будьте стойки,—и въ жизни, и въ смерти
Оставайтеся вѣрны себѣ.

Вы, носители свѣта и знанья,
Вы, искатели тайнъ міровыхъ—
Очищайтесь въ горнилѣ страданья
Отъ своихъ заблужденій былыхъ.

Если вѣра въ сердцахъ не остыла,
Если смерть не пугаетъ—впередъ!
Этой вѣры живительной сила
Васъ къ желанному свѣту ведетъ.

И покрова священнаго складки
Упадутъ передъ вами, друзья;
Вы постигнете тайну загадки:
Сокровеннѣйшій смыслъ бытія.

---

4. — ВОСПОМИНАНІЯ.

Порою въ памяти невольной укоризной
Воспоминанія мелькаютъ о быломъ,
Когда душа, сроднясь съ небесною отчизной,
Не прикасалася къ землѣ своимъ крыломъ.

Они, подобныя сіянію заката,
Которымъ даль небесъ и водъ озарена—
Являютъ душу намъ, какой была когда-то,
Какою и теперь могла бы стать она.

5.—ЧЕСТОЛЮБІЕ.

Свѣтильникъ истины возжечь
И знать, что пламенная рѣчь
Найдетъ сочувственное эхо;
Все предпринять, достичь всего,
Извѣдать славы торжество
И тайну высшаго успѣха.

Свои дѣлá въ сердцахъ людей
Запечатлѣть; какъ чародѣй,
Какъ властелинъ царить надъ міромъ;
Ему предписывать законъ,
Быть выше, чѣмъ Наполеонъ,
Быть новымъ Данте иль Шекспиромъ...

Какъ это мало! Все кругóмъ
Полнó тобой; въ тебѣ одномъ—
Лишь одиночества сознанье!
И лавры гордые свои
За слово истинной любви
Ты всѣ отдашь безъ колебанья.

---

6. — СОСНА.

Среди степи́ унылой и песчаной,
Гдѣ жалкая растительность скудна,
Виднѣется — съ глубокой въ сердцѣ раной —
Ростущая особнякомъ сосна.

Здѣсь человѣкъ употребилъ насилье:
Вонзилась сталь—и, какъ слеза свѣтла,
Изъ свѣжаго надрѣза въ изобильѣ
Струится внизъ прозрачная смола.

И медленно избытокъ силъ теряя,
Стоитъ сосна, какъ раненый боецъ,
Который, постъ опасный охраняя,
Безропотно встрѣчаетъ свой конецъ.

Таковъ поэтъ среди пустыни свѣта:
Чудесный даръ таитъ ревниво онъ,
И лишь тогда польется пѣснь поэта,
Когда ударъ глубоко нанесенъ.

7.—СОНЕТЪ.

Я—ласточка; купаюсь прихотливо
На волѣ я въ лазурной вышинѣ,
И гнѣздышко голубки боязливой
Могилою всегда казалось мнѣ.

Когда въ лѣсахъ и надъ пустынной нивой
Промчится вихрь осенній въ тишинѣ—
Черезъ моря́ направлюсь я къ счастливой,
Безоблачно цвѣтущей сторонѣ.

И здѣсь, и тамъ лишь гостьей легкокрылой
Являюсь я, и прочнаго гнѣзда
Я не совью нигдѣ и никогда,
Но все, что̀ я покинула—мнѣ мило,
И радостно я изъ иныхъ краевъ
Опять спѣшу подъ тотъ же самый кровъ.

---

8. — ПЛЯСКА СМЕРТИ.

Надменнаго всадника въ каскѣ
Сбивая съ его скакуна,
Съ собой, въ изступленіи пляски,
Его увлекаетъ она.

Въ тавернѣ, гдѣ буйные гости
Гуляютъ и пьютъ на зарѣ,
Она загребаетъ всѣ кости
Въ проигранной ими игрѣ.

Съ собой увлекая къ веселью,
Не давъ имъ окончить портретъ —
Она живописцамъ моделью
Нагой предлагаетъ скелетъ.

Изъ рукъ ослабѣвшихъ палитру
Она вырываетъ безъ словъ,
Снимаетъ блестящую митру
Съ сѣдыхъ кардинальскихъ головъ.

Бреттера за часъ до пирушки
Она поражаетъ шутя,
Беретъ у шута погремушки,
У матери скорбной — дитя!

Войдя во дворецъ величавый,
И власти ни съ кѣмъ не дѣля,
Старуха свой черепъ костлявый
Вѣнчаетъ вѣнцомъ короля.

И сбросивъ постылыя маски:
Шуты со своей мишурой,
Безумецъ, мудрецъ и герой —
Смѣшались въ безумiи пляски.

И пара несется за парой,
Равняемы смерти рукой,
И тутъ же, за папской тiарой
Мелькаетъ колпакъ шутовской.

---

9. — ESPANA.

I. — Эскурiалъ.

Среди равнины мертвой и беплодной,
Гранитной массою зловѣщей и холодной —
Возвысился Эскурiалъ.
Тиверiя испанскаго творенье,
Добычей смерти и забвенья
Теперь онъ сталъ.

Едвали Египта фараону
Съ випѐрой царскою носившему корону —
Воздвигнутъ былъ столь мрачный мавзолей.
И сфинксы грозные не болѣе безмолвны,
Чѣмъ онъ—теперь, когда людскія волны
Отхлынули и мохъ ростетъ среди камнѐй.

Вельможи, воины, монахи,
И тотъ, предъ кѣмъ народъ лежалъ во прахѣ —
Исчезло все... Безмолвіе кругомъ!
Лишь ласточекъ неугомонныхъ стая
Кружѝтся съ криками, гиганта задѣвая,
Заснувшаго своимъ тяжелымъ сномъ.

II.—Прометей.

(Къ картинѣ Рибейры.)

Небеснаго огня отважный похититель,
Прикованъ къ высотáмъ, на муки осужденъ,
Олимпу и теперь бросаетъ вызовъ онъ, —
И втайнѣ передъ нимъ трепещетъ небожитель.

Когда ночная мгла объемлетъ небосклонъ,
Покинувъ синихъ водъ прохладную обитель,
Ундины юныя спѣшатъ со всѣхъ сторонъ
Къ скалѣ, гдѣ пригвожденъ недавній побѣдитель.

Онъ внемлетъ въ тишинѣ ихъ жалобнымъ рѣчамъ,
Ихъ слезы льютъ бальзамъ въ зіяющую рану;
Но ты, Рибейра, былъ суровѣе, чѣмъ самъ
Неумолимый Зевсъ къ отважному титану:
Тобою осужденъ одинъ во тьмѣ ночей
Терзаться муками великій Прометей.

О. Михайлова.

УСТРОИЛИСЬ

Очерки изъ жизни незамѣтныхъ людей.

Привычка свыше намъ дана,
Замѣна счастію она.

Пушкинъ.

...Обѣдъ приходилъ къ концу. Игнатій Львовичъ Дымкинъ, упитанный, рослый блондинъ съ лысиной, круглымъ бритымъ лицомъ и слегка выпученными глазами, угощалъ своего стараго университетскаго товарища и закадычнаго друга, доктора Воробейчика, который изъ далекой провинціи пріѣхалъ въ Москву на Пироговскій съѣздъ. Пріятели не видались лѣтъ двѣнадцать и теперь, несмотря на обоюдное желаніе, никакъ не могли взять настоящій „тонъ".

Хозяинъ былъ радушенъ, ласковъ, даже слишкомъ ласко́въ, точно извинялся:—я, молъ, хоть и столичная знаменитость, но посмотри, какъ милъ и простъ. Гость чувствовалъ „генеральское благоволеніе" и ёжился. Особенно смущала его хозяйка, очень нарядная дама въ модномъ платьѣ съ рукавами въ видѣ раздутыхъ парусовъ. На видъ ей было лѣтъ сорокъ пять. Маленькая, косоглазая, толстая, съ широкимъ, плоскимъ лицомъ, черными и курчавыми, какъ у негра, волосами—она, казалось, вотъ-вотъ задохнется отъ туго-стянутаго корсета. Говорила м-мъ Дымкина тоненькимъ голоскомъ въ носъ и поминутно бросала на мужа кокетливые, нѣжные взоры. Съ гостемъ она была автоматически любезна, то-есть, обращалась къ нему съ неизмѣнной улыбкой, спрашивала: скучно ли въ провинціи, много ли онъ нашелъ въ Москвѣ перемѣнъ, и очень удивилась, узнавъ, что онъ никогда не былъ за границей.

— А мы съ Джономъ каждый годъ ѣздимъ,—сообщила она.— Прошлое лѣто онъ работалъ въ Лондонѣ, а позапрошлое—въ Вѣнѣ. Я всегда съ нимъ. Онъ безъ меня тоскуетъ, и я не рѣшаюсь отпускать его одного. Помните, милостивый государь, какъ вы вздумали укатить въ Парижъ *самостоятельно* (она лукаво подмигнула мужу)... И поплатился за свою храбрость, захворалъ... А вы, докторъ, такой же хорошій семьянинъ, какъ мой Джонъ?

— Объ этомъ нужно спросить мою жену,—отозвался Воробейчикъ, и его сумрачное худое лицо съ тонкими, острыми чертами освѣтилось ѣдкой усмѣшкой. Онъ пытливо взглянулъ на пріятеля и съ удивленіемъ замѣтилъ, что у него былъ какой-то пристыженный видъ. „Эге, голубчикъ, трусишь!"—не безъ злорадства подумалъ Воробейчикъ.

Подали шампанское. Хозяинъ постучалъ ножомъ о свой бокалъ и всталъ.

— Этотъ съѣздъ,—началъ онъ, торжественно простирая лѣвую руку къ огромному дубовому буфету,—этотъ съѣздъ въ память геніальнаго учителя... вокругъ его имени... великое дѣло. Здѣсь не мѣсто говорить о научныхъ трудахъ, которые... которыми такъ блестятъ засѣданія съѣзда, но, господа (Игнатій Львовичъ задумчиво поглядѣлъ на потолокъ), — есть и другая сторона вопроса, сторона интимная, но не менѣе важная! Друзья, которыхъ безпощадная дѣйствительность толкнула на разныя тропинки усѣяннаго терніями жизненнаго пути, друзья, которые не видались десятки лѣтъ, опять сошлись, опять увидались, вспомнили свою alma mater.

Тутъ Игнатій Львовичъ остановился. Видно было, что онъ хочетъ сказать еще что-то, но наплывъ чувствъ мѣшаетъ ему продолжать. Онъ тяжело вздохнулъ, чокнулся съ пріятелемъ, любезно поклонился женѣ и съ достоинствомъ осушилъ свой бокалъ.

Воробейчикъ тоже всталъ.

— Я, братъ, не мастеръ говорить,—произнесъ онъ суховатымъ теноркомъ;—а потому, позволь попросту: здоровье твоей жены... твое. Спасибо за гостепріимство.

Послѣ обѣда мужчины перешли въ кабинетъ пить кофе. Игнатій Львовичъ нарочно провелъ Воробейчика черезъ гостиную, которой тотъ еще не видалъ. Чего только не было въ этой гостиной! Вѣера, картины, маіолики, лампы подъ зонтиками, статуэтки, фарфоровые уродцы, китайскія вазы, японскія ширмочки, подушки на полу, подушки на диванахъ, низенькія кресла, медвѣжьи шкуры, столики, этажерки, альбомы... Вся эта благо-

дать была разставлена по модѣ, то-есть, такъ, что шагу нельзя было ступить, не зацѣпивъ за что-нибудь.

— Это базаръ жены,—небрежно проронилъ Игнатій Львовичъ, довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ.—Пойдемъ ко мнѣ, тамъ уютнѣе,—и онъ ввелъ гостя въ большую комнату, всю заставленную книжными полками, тяжелой, обитой темнымъ сафьяномъ, мебелью, электрическими машинами, рефлекторами. Средину кабинета занималъ огромный письменный столъ съ внушительной бронзовой чернильницей, микроскопомъ и цѣлой кипой бумагъ. Со стѣнъ смотрѣли портреты европейскихъ знаменитостей съ болѣе или менѣе подлинными автографами. Гипсовый бюстъ Пирогова бѣлѣлъ съ высоты библіотечнаго шкафа, а въ углу, какъ разъ насупротивъ того кресла, на которомъ Игнатій Львовичъ принималъ паціентокъ (Игнатій Львовичъ былъ гинекологъ), красовался на мольбертѣ поясной портретъ Сканцони, съ протянутыми впередъ руками, какъ бы благословляющими доктора Дымкина на служеніе страждущему человѣчеству. Воробейчикъ былъ уничтоженъ этимъ великолѣпіемъ. Онъ закашлялся, заморгалъ глазами, и на душѣ у него заныло—не то чтобы отъ зависти, а такъ, отъ какого-то неопредѣленнаго печальнаго чувства.

— Н-да,—пробормоталъ онъ:—это ужъ того... стиль...—и, немного оправившись, прибавилъ:—Ну, а „инквизиція" у тебя гдѣ? Вѣдь мы въ захолустьѣ вѣнскими стульями обходимся, а у васъ небось цѣлыя сооруженія.

— Какъ же,—съ усмѣшкой сказалъ Дымкинъ:—самыя патентованныя, изъ Лондона привезъ,—и, отдернувъ бархатную портьеру, показалъ рукой на узкую, длинную комнату, гдѣ стояло кресло на винтахъ, съ подножками и подушками, трюмо и бѣлоснѣжный мраморный умывальникъ.

— Удобно!—похвалилъ Воробейчикъ. — Я всегда говорилъ, что ты парень съ головой. Эти ковры, портьеры, бронзы, да журналы на разныхъ языкахъ... охъ, какъ это дѣйствуетъ на больныхъ! У тебя какъ — такса? — спросилъ онъ, и въ чуть замѣтной вибраціи его голоса прозвучала иронія,—та иронія, которою неудачникъ утоляетъ горечь сердца, въ которой слышится и сознаніе собственнаго превосходства, и легкое презрѣніе къ баловню „слѣпой фортуны".

Дымкинъ обидѣлся.

— Какъ ты могъ думать!—возразилъ онъ.—Такса!.. И потомъ, душа моя, это штука обоюдоострая. Объявился тутъ у насъ, было, одинъ молодчикъ, изъ „раннихъ", и вздумалъ вывѣсить въ пріемной записку: „консультація отъ 10 до 15 рублей". А какая-то,

не въ мѣру остроумная больная и припиши карандашомъ: „это prix-fixe, или можно торговаться?“ И надѣлала, братецъ мой, эта фраза такого шуму, точно ее выпалилъ Бисмаркъ, а не шальная бабенка. Совсѣмъ извели человѣка. Другой не отъ 10 до 15, а прямо сто цѣлковыхъ за „поглядѣнье“ хапаетъ, да еще юродствуетъ: стой передъ нимъ на манеръ идола... И ничего— стоятъ!.. Во всемъ нужно счастье... А что до меня, то я никогда и не взгляну—положила что-нибудь больная или нѣтъ.

— Одно слово—безсребренникъ,—расхохотался Воробейчикъ, хлопнувъ пріятеля по плечу: — за простоту твою и посылаетъ тебѣ Господь.

— Все такой же,—добродушно замѣтилъ Игнатій Львовичъ:— вѣчно остритъ и язвитъ, словно всѣ предъ нимъ виноваты. Ты даже и по внѣшности не особенно измѣнился,—продолжалъ онъ, обводя долгимъ взглядомъ небольшую фигуру товарища, его взъерошенную голову, его красивое смуглое лицо съ пронзительными изжелта-карими глазками и рѣзкой линіей рта.—Только, вотъ, бороду ты отпустилъ напрасно.

— Паціенткамъ нравится,—сказалъ Воробейчикъ, поглаживая свою жиденькую рыжеватую бородку.—За недостаткомъ другихъ прерогативъ...

— Полно тебѣ дурачиться,—прервалъ Игнатій Львовичъ.— Лучше разскажи о себѣ. Вѣдь ты какъ въ воду канулъ. Двѣнадцать лѣтъ ни слуху, ни духу. Усаживайся-ка на диванъ, бери свое кофе и начинай. Тебѣ чтò: папиросу или сигару?

— Давай папиросу. Спасибо. Только (Воробейчикъ отхлебнулъ нѣсколько глотковъ изъ чашки) ты ужъ меня извини, мнѣ рѣшительно не о чемъ повѣствовать. Науки я не двигаю, капиталовъ не наживаю и съ голоду не плачу. Другое дѣло—ты. Тебѣ есть чѣмъ похвалиться. Ergo, я вѣшаю свои уши на гвоздь вниманія.

Въ дверь постучались, и вслѣдъ за этимъ въ кабинетъ вошла хозяйка, шурша свѣтлымъ шолковымъ платьемъ, вся въ оборкахъ, кружевахъ и брилліантахъ. На ея широкомъ, плоскомъ лицѣ и жирной апоплексической шеѣ, обвитой двойной ниткой жемчуга, лежалъ густой слой пудры. Въ курчавыхъ, высоко подобранныхъ на макушкѣ и тщательно растрепанныхъ на лбу волосахъ колыхалось красное страусовое перо, приколотое золотыми шпильками.

— Джонъ, — зашепелявила она, — я распорядилась, чтобы вамъ подали холодный ужинъ. Ты только позвони. Пожалуйста, докторъ, напомните ему, онъ такъ разсѣянъ! Повѣрите, когда онъ увлечется, онъ совсѣмъ забываетъ, что человѣку нужно пить и ѣсть. Ахъ, чтò бы съ нимъ было, еслибъ не я!..—воскликнула

м-мъ Дымкина, улыбаясь и обнажая рѣдкіе, желтые зубы.—А я уѣзжаю,—продолжала она:—сегодня у моихъ родственниковъ вечеръ по случаю помолвки дочери. Блестящая партія, невѣста богата, красавица, воспитывалась за границей... Женихъ—юристъ, но теперь вѣдь это не имѣетъ значенія и она, конечно, никогда бы за него не пошла, еслибъ онъ не былъ единственнымъ сыномъ богатыхъ родителей. Тетя будетъ недовольна, что Джонъ не пріѣхалъ, но я постараюсь это загладить. Парадный балъ еще предстоитъ.

— Ты, пожалуйста, не стѣсняйся, Игнатій, — началъ Воробейчикъ и поднялся.

— Вздоръ, сиди, — возразилъ хозяинъ: — я бы и такъ не поѣхалъ. У этихъ милыхъ родственниковъ тоска смертная.

Жена обидѣлась.

— Это, однако, не мѣшаетъ тебѣ играть у нихъ въ винтъ до утра,—замѣтила она колко.

— По-неволѣ будешь играть, когда тамъ не съ кѣмъ по человѣчески слова сказать.

— Очень тебѣ благодарна, что ты такъ рекомендуешь мою семью. Не понимаю, почему ты сегодня такой сердитый. До свиданія, докторъ. Джонъ, я уѣзжаю, хочешь помириться?—произнесла она тономъ водевильной ingénue и поднесла свои ручки къ устамъ супруга. Тотъ поцѣловалъ, и она, нѣжно улыбаясь, выплыла изъ комнаты, распространяя за собой приторный запахъ „Peau d'Espagne".

Нѣкоторое время пріятели сидѣли молча. У хозяина былъ сконфуженный видъ; его холеное, цвѣтущее лицо какъ-то сразу вытянулось и потускнѣло. Воробейчикъ попыхивалъ папироской и немилосердно теребилъ свою тощую бородку. Вдругъ произошло нѣчто неожиданное. Игнатій Львовичъ вскочилъ съ дивана и, подойдя вплотную къ Воробейчику, положилъ ему на плечи свои сильныя руки. Тотъ съ изумленіемъ поднялъ на него взоры.

— Слушай,—заговорилъ Дымкинъ:—я тебѣ тутъ расписывалъ свою удачу, свое довольство, свое умѣнье... Ну такъ знай! все это хвастовство, ломанье, ложь!.. Эти ковры, мягкіе диваны, шелки и бархаты, которымъ ты позавидовалъ—не отрицай: позавидовалъ—я замѣтилъ!—это куплено такой цѣной, что еслибы не человѣческая трусость и подлость, я бы сегодня же плюнулъ на весь этотъ „стиль" и пошелъ камни разбивать на улицѣ. И теперь вру!.. Не пошелъ бы... Видѣлъ ты эту толстую бабищу, которая называетъ меня „Джонъ" (онъ съ яростью передразнилъ голосъ жены)? Она купила меня себѣ въ законные мужья, повезла

за границу, сдѣлала изъ меня „ученаго“ и сразу поставила на ноги, что̀ въ нынѣшнее развратное время считается верхомъ благополучія. Я ей кругомъ обязанъ и даже жаловаться не могу: она бережетъ меня и лелѣетъ, какъ свою вещь, и хотя я давно съ избыткомъ вернулъ ей все, что̀ она затратила на мою персону — она считаетъ меня своимъ неоплатнымъ должникомъ. Сто̀итъ только, чтобы ей показалось, что я не въ достаточномъ восторгѣ отъ своего ярма, какъ она преспокойно—кричать и вообще „разстраиваться“ она не любитъ — напоминаетъ мнѣ, что безъ нея, при всѣхъ моихъ способностяхъ, я былъ бы ничтожнымъ лекаришкой. Она на десять лѣтъ старше меня и требуетъ,—при такой-то физіономіи,—чтобы я былъ не только влюбленнымъ, но и ревнивымъ мужемъ. Эгоистка страшная. Напримѣръ, я умолялъ ее взять на воспитаніе ребенка—хоть бы одно чистое созданье было въ домѣ (въ прошломъ году здѣсь умерла одна несчастная женщина и оставила сиротку — хорошенькую какъ ангелъ, лѣтъ трехъ). Ни за что! „Развѣ тебѣ мало меня!—говоритъ:—я для тебя жена и ребенокъ“... Каково?!..—Ты меня давно знаешь, я мягкій человѣкъ и со мной можно ладить. Но иногда, повѣришь ли, я просто... желаю ей смерти... Самъ себя упрекаю, стыжу и мечтаю, какъ мальчишка мечтаю объ освобожденіи... Нѣтъ, голубчикъ, хоть я и не знаю, въ какой дырѣ ты прозябаешь, но въ сравненіи со мной — ты во всякомъ случаѣ счастливецъ.

Воробейчикъ улыбнулся и, заложивъ руки за спину, принялся шагать взадъ и впередъ по комнатѣ.—Вотъ оно что̀!—произнесъ онъ съ разстановкой.—Правда, видно, что „въ самой сочной грушѣ скрытъ червякъ“. И разыграли мы съ тобой, другъ единственный, Щедринскихъ мальчиковъ!—Ну скажи откровенно, за сколько ты „свою душу продалъ“?

— За пятьдесятъ тысячъ... И деньги-то плёвыя! — съ горечью воскликнулъ Дымкинъ.—Это не то что какая-нибудь московская купчиха, которая за свой капризъ милліоны платитъ.

— Та-акъ,—протянулъ Воробейчикъ.—Ну, а я свою, братъ, даромъ отдалъ... и не по благородству, а просто надули... И это бы не бѣда,—прибавилъ онъ:—а бѣда въ томъ, что мы, евреи, ужасно безтолковый, легкомысленный народъ, и только дураки могутъ вѣрить въ нашъ умъ и нашу практичность.—Вотъ хоть бы меня взять!... Но лучше я тебѣ разскажу по порядку. Еслибъ ты въ самомъ дѣлѣ былъ „соколъ“, какъ мнѣ показалось,—я бы не сталъ передъ тобой изливаться. Но теперь, когда я знаю,

что ты такой же общипанный гусь, какъ я, отчего же не подѣлиться съ другомъ сердца...

— Надо тебѣ сказать,—медленно началъ Воробейчикъ, не переставая ходить по комнатѣ,—что послѣ университета я мыкался лѣтъ пять съ мѣста на мѣсто. За отсутствіемъ другихъ блестящихъ качествъ, я несомнѣнно обладаю однимъ — никогда не былъ дуракомъ и на собственный счетъ не обманывался. Это вовсе не значитъ, чтобы я былъ какого-нибудь ужъ особенно низменнаго мнѣнія о своей особѣ. Зачѣмъ же, такое смиреніе вѣдь паче гордости. Но я отлично зналъ, что я хоть и не дурной лекарь, и смекалкой меня Богъ не обидѣлъ, но—то, что̀ называется: человѣкъ сѣрый. Къ тому же ростъ, фигура, „маска" (онъ провелъ рукой по лицу)... все это имѣетъ значеніе не только на театральной, но и на житейской сценѣ. Словомъ, о карьерѣ вольнопрактикующаго столичнаго врача и помышлять было нечего. Это я рѣшилъ сразу. А пропадать съ голоду въ „центрѣ" только потому, что постомъ тамъ поетъ Мазини... для этого нужно быть исключительнымъ меломаномъ... Конечно, еслибы въ моемъ дипломѣ рядомъ съ именемъ Семенъ не стояло въ скобкахъ: „Симхе" — разговоръ былъ бы иной. Были бы мы и прозекторами, и бактеріологами, и порядочными клиницистами—не боги вѣдь горшки обжигаютъ...—Ну да что̀ объ этомъ толковать—дѣло извѣстное... Впрочемъ, законопатить себя сразу гдѣнибудь въ Шавляхъ у меня все же не хватало духу, и нѣсколько мѣсяцевъ я проваландался въ меланхолическихъ надеждахъ: авось молъ... вдругъ... чудо. Въ это время умеръ мой отецъ. Имущество послѣ него мнѣ досталось только движимое: мать, сестра и братъ. Самое еврейское наслѣдство. Долго тутъ разсуждать не приходилось. Устремился я въ грады и веси, попросту сталъ пытать счастья въ Мозырѣ, Слуцкѣ, Пинскѣ, въ чаяніи, что меня поддержатъ единовѣрцы—и совершенно напрасно. Промаялся я этакимъ манеромъ годика четыре, пока судьба не бросила меня въ Загнанскъ. И тутъ мнѣ повезло... то-есть, работая съ утра до ночи, я могу жить, посылать матери и даже недавно выдалъ замужъ сестру. (Братъ уѣхалъ въ Америку.) Долго описывать Загнанскъ не стоитъ. Городъ такой же, какъ и всѣ уѣздные города. Водится тамъ и общественный садъ, и каменная тюрьма, и рѣчка Гнилушка, съ которой, конечно, открывается самый живописный видъ, и знаменитый монастырь, и прогимназія, и банкъ, изъ котораго кассиръ утащилъ шестьсотъ рублей, и даже корреспондентъ. Населеніе состоитъ изъ поляковъ, нищихъ евреевъ и русскихъ чиновниковъ. „Цвѣтъ общества" представляютъ офицеры

квартирующихъ тамъ полковъ. Но вообще говоря, всѣ элементы живутъ врозь. Поляки высокомѣрно держатся въ сторонѣ отъ „кацаповъ“, кацапы дѣлаютъ видъ, что имъ на это „наплевать“, и всѣ вмѣстѣ презираютъ евреевъ, только поляки — ласково, а русскіе грубо. Я попалъ туда вовремя холерной эпидеміи. Тутъ ужъ не до кастовыхъ перегородокъ. Ничто вѣдь такъ не сливаетъ воедино панскую кровь съ хлопской, какъ страхъ и безденежье. Не даромъ говорится: кѐды біда, то до жида. Очутился я, понимаешь, сразу вездѣ и у всѣхъ, а когда гроза прошла, я былъ ужъ у всего города и на пятьдесятъ верстъ кругомъ у помѣщиковъ — своимъ человѣкомъ. Русскіе находили, что я нисколько „не похожъ“; полякамъ было пріятно, что я все-таки „жидъ“; а евреямъ импонировало, что я говорю по-русски какъ „полковникъ“. Такъ я и застрялъ въ ономъ Загнанскѣ. Квартиру я нанялъ у часовщика-еврея, три комнаты за десять рублей въ мѣсяцъ. Часовщикъ—его звали Вольфъ — былъ вдовецъ и жилъ вдвоемъ съ дочерью, Диной, которая вела его несложное хозяйство. Когда я у нихъ поселился, Динѣ было лѣтъ восемнадцать. Дикарка она была ужасная, однако прехорошенькая. Настоящая роза Сорона... Высокая, стройная какъ пальма, съ янтарной кожей и профилемъ камея; надъ низкимъ лбомъ цѣлый лѣсъ изсиня-черныхъ волосъ, бархатныя брови, тонкій съ чуть-чуть замѣтной горбинкой носъ, полузакрытые пушистыми рѣсницами черные глаза, длинные, влажные и покорные, пунцовыя губки... Однимъ словомъ, картина. Глядишь бывало, какъ она ходитъ по комнатѣ, стряпаетъ, раздуваетъ самоваръ, при чемъ ея розовыя ноздри трепещутъ, какъ у породистой арабской лошадки, смотришь на ея проворныя, смуглыя, нервныя руки, мелькающія по грубому холсту рубашки, и думаешь: „какъ это ты, красавица, съ береговъ Іордана попала въ Загнанскъ, на берегъ рѣчки Гнилушки?..“

— Да ты поэтъ, Воробейчикъ!—воскликнулъ Игнатій Львовичъ:—вотъ не ожидалъ!

Воробейчикъ усиленно затянулся папиросой.—Дорого, братъ, я за эту поэзію заплатилъ,—промолвилъ онъ.—Слушай дальше. Это только присказка, сказка будетъ впереди. Ну-съ, чтобы долго тебя не томить, скажу, что Дина скоро перестала меня дичиться, и мы съ ней подружились. Она выучилась звать меня по имени-отчеству: Семенъ Михайловичъ, а не: „панъ докторъ“, какъ звала вначалѣ. Къ тому же я лечилъ ея отца отъ различныхъ недуговъ, и это насъ еще больше сближало. Вольфъ былъ славный, тихій старикъ, глубоко убѣжденный, что всѣ скорби Израиля

есть только выраженіе самой нѣжной любви Всевышняго къ своему избранному народу, что тотъ, кто потопилъ фараона, можетъ поразить своей карающей десницей даже исправника, и твердо вѣрилъ, что мессія придетъ... рано или поздно. Въ ожиданіи этого блаженнаго дня, онъ, однако, очень интересовался политикой, и когда я по вечерамъ читалъ газеты, съ улыбкой говорилъ: „ну, панъ докторъ, разскажите намъ тоже, что̀ слышно на свѣтѣ" (самъ онъ хоть и разбиралъ русскую печать, но съ трудомъ). И вотъ, представь, привязался я къ этому старику и его милой дѣвочкѣ, какъ къ роднымъ. Ѣдешь, бывало, верстъ за двадцать съ практики и знаешь, что ужъ меня ждутъ, что Дина выбѣжитъ съ фонаремъ на крыльцо, торопливо спроситъ: „проголодались, устали, озябли?" и сама сниметъ съ меня пальто, принесетъ обѣдъ, заваритъ чай... Ни малѣйшаго намека на ухаживанье или на романъ не было въ нашихъ отношеніяхъ. Мнѣ это прямо въ голову не приходило, а она была слишкомъ первобытна, да и смотрѣла на меня какъ на высшее, недосягаемое существо. Въ свободное время я училъ ее грамотѣ. Читать и писать она выучилась изумительно быстро, и нужно было видѣть, съ какимъ восторгомъ, съ какимъ благоговѣніемъ эта взрослая дѣвушка твердила грамматику, переписывала басни. Эта идиллія продолжалась около двухъ лѣтъ. Я чувствовалъ себя превосходно, много работалъ, въ квартирѣ у меня царилъ образцовый порядокъ... Я понемногу устраивался, купилъ по случаю кое-какую мебель, выписалъ нѣсколько медицинскихъ журналовъ, сталъ подумывать о докторскомъ экзаменѣ, завелъ фракъ... Бѣлье мое было всегда вычинено, носки заштопаны, носовой платокъ на мѣстѣ. Я зналъ, что объ этомъ заботятся милыя, проворныя руки Дины, и находилъ это вполнѣ естественнымъ. Когда я выѣзжалъ въ „свѣтъ", то-есть, въ дворянскій клубъ, или на балъ въ офицерское собраніе, или на имянинный пирогъ къ паціенту-помѣщику, она же съ привѣтливой улыбкой щебетала: „Посмотрите, какая сорочка! я сама гладила, ни у какого магната не можетъ быть лучше. Ну, веселитесь хорошенько".—Я смѣялся и на другой день разсказывалъ ей, что̀ и какъ тамъ было, съ кѣмъ я танцовалъ, о чемъ разговаривалъ...—Не обошлось у меня, конечно, безъ нѣсколькихъ легонькихъ интрижекъ съ уѣздными дамами, которыя, къ слову сказать, охъ, какія мастерицы концы прятать. Но этими побѣдами я передъ Диной не хвастался. Отъ этой простой, необразованной дѣвушки вѣяло такой цѣломудренной чистотой, что не только вольное слово, но даже и вольная мысль въ ея присутствіи показалась бы мнѣ несообразностью.

— Говоря по просту, ты втюрился какъ болванъ въ эту сандрильону,—прервалъ Игнатій Львовичъ.

— То-то и есть, что нѣтъ. Можешь себѣ представить, что я не видѣлъ въ ней женщину... то-есть, такую, въ которую можно влюбиться, на которой можно жениться. А почему?.. Потому что она не умѣла коверкать французскія слова (какъ будто я самъ что-нибудь въ этомъ смыслю!), не знала, что̀ такое физика и педагогика (и на кой чортъ мнѣ это нужно?), не слыхала, что на свѣтѣ есть симфоніи и сонаты, хотя сама была воплощенная симфонія. Словомъ, въ ней не было ничего похожаго на ту смѣсь обезьяны и попугая, которой имя:—еврейская образованная барышня.

— Ну, милый другъ, это ужъ ты того... черезъ край...—запротестовалъ Дымкинъ:—есть прелестныя...

— Можетъ, и есть... да не про нашего брата онѣ, настоящія-то прелестныя. А провинціальныя дѣвицы, средне-мѣщанскаго круга, побывавшія въ гимназіи, съ перетянутыми таліями, взбитыми на лбу гривками, въ шляпахъ, длинныхъ перчаткахъ и pince-nez... Это отрава, бичъ, чума!..

— Насолила тебѣ, должно быть, здо̀рово подобная дѣвица,— замѣтилъ Дымкинъ.

— Еще бы не насолила, когда я самъ, собственной волей, женился на такомъ уродѣ.

— Н-ну! какъ же это ты!—воскликнулъ Игнатій Львовичъ, у котораго точно отлегло отъ сердца съ той минуты, какъ онъ узналъ, что и пріятелю не посчастливилось.

— А такъ!..—Воробейчикъ глубоко вздохнулъ.—Отъ судьбы не уйдешь. Надо тебѣ сказать,—началъ онъ послѣ небольшого молчанія,—что и въ Загнанскѣ блаженствуетъ нѣсколько „почтенныхъ“ еврейскихъ семействъ. Но я избѣгалъ тамъ бывать, ибо тоска непреодолимая. Тонъ въ этомъ аристократическомъ кругу всегда задавала одна изъ моихъ паціентокъ, м-мъ Ципкина, вдова подрядчика, уже немолодая. Женщина она не глупая, читаетъ русскія и нѣмецкія книжки, бывала за границей, т.-е. ѣздила раза два въ Карлсбадъ, и вообще держитъ себя „дамой“. Вотъ эта-то госпожа и вздумала принять во мнѣ участіе. Однажды она мнѣ говоритъ:—А вы, докторъ, все у Вольфа квартируете?— Я даже удивился.—Конечно, говорю, а то гдѣ же?.. Она скривила губы и спрашиваетъ:—А что̀ вамъ больше нравится—квартира или хозяева? Я засмѣялся.—И то, и другое. Комнаты, говорю, у меня уютныя, а хозяева—прекрасные, добрые люди, обращаются со мной какъ съ роднымъ.

М-мъ Ципкина пожала плечами.

— Можетъ быть, они и въ самомъ дѣлѣ мечтаютъ породниться съ вами! Что вы—плохой женихъ для дочери часовщика? Кого же ей еще надо? губернатора?...

— Увѣряю васъ, что они ни о чемъ подобномъ не думаютъ.

— Ну это позвольте вамъ не повѣрить. Я больше васъ жила на свѣтѣ и лучше знаю людей; этотъ Вольфъ — хитрая штука. Кстати, докторъ, мнѣ разсказывали, будто вы эту дѣвушку выучили читать по-русски и она теперь по цѣлымъ днямъ читаетъ романы. Правда это?

— Неправда,—возразилъ я:—не романы, а всеобщую исторію и путешествія, и не по цѣлымъ днямъ, а въ свободное отъ хозяйства время.

— Но зачѣмъ вы ее учили?

— Затѣмъ, что это—милое, чрезвычайно способное и доброе существо. Заниматься съ такой ученицей—удовольствіе.

М-мъ Ципкина покачала своей длинной головой.—Гмъ... а вы не подумали, что это для нея несчастье?

Я поглядѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Конечно... Прежде она бы вышла замужъ за длиннополаго фактора и была бы довольна, а теперь она на такого и глядѣть не захочетъ.

Въ этомъ была доля правды. Я вспомнилъ, какъ рѣшительно Дина отвергала всѣхъ жениховъ — и почувствовалъ смущеніе. М-мъ Ципкина замѣтила это и повела на меня правильную атаку.

— Видите, докторъ, я хочу вамъ добра. Вы—рѣдкій молодой человѣкъ, вы должны жениться на дѣвушкѣ, которая васъ достойна. У меня для васъ есть невѣста: красавица, замѣчательно образованная, музыкантша, скромная, изъ хорошей семьи. Ну и приданое приличное—десять тысячъ—масло вѣдь каши никогда не портитъ. А? что вы на это скажете?

Я отвѣтилъ, что до сихъ поръ и не думалъ о женитьбѣ.

— Напрасно. Вѣдь не всегда вы будете молоды... Теперь съ вами разныя дамы кокетничаютъ—о! я знаю, вы интересный, интересный (это я-то!). Не пройдетъ, говоритъ, нѣсколько лѣтъ, явятся морщины, болѣзни... Кто тогда за вами будетъ ухаживать, а?

Въ моей головѣ промелькнуло кроткое личико Дины, ея большіе, покорные глаза, нѣжная улыбка, но я сейчасъ же прогналъ отъ себя этотъ образъ, какъ нѣчто совершенно невозможное, почти неприличное, а самъ говорю этой старой бестіи:—Можетъ быть, вы и правы, но... для этого надо выждать случай.

— Знаете, докторъ, когда человѣкъ ищетъ, то случай бѣжитъ ему на встрѣчу.

Черезъ нѣсколько дней м-мъ Ципкина за мной прислала. Я засталъ у нея гостя, съ которымъ она меня тотчасъ же познакомила. Господинъ Кацъ былъ маленькій юркій человѣчекъ съ круто выдавшимся впередъ подбородкомъ, на которомъ уморительно торчала вверхъ крохотная эспаньолка. Онъ былъ до того подвиженъ, что положительно мелькалъ передъ глазами. Услыхавъ мою фамилію, онъ сейчасъ же засыпалъ меня вопросами— не прихожусь ли я сродни цѣлой сотнѣ людей, о которыхъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Это впрочемъ его нисколько не огорчило и онъ съ легкостью резиноваго мячика перескочилъ на другой, третій, десятый предметъ. Это былъ не человѣкъ, а воплощенное perpetuum mobile; о себѣ онъ говорилъ съ упоеніемъ, страстію, паѳосомъ, разсказывалъ о своемъ финансовомъ геніи, о томъ, какъ онъ уже десятилѣтнимъ мальчикомъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ хеджѣ, сталъ торговать спитымъ чаемъ, описывалъ свои путешествія и между прочимъ сообщилъ, что онъ только-что изъ Туниса.—Какъ это вы туда попали?—изумился я. Онъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторой обидой и высокомѣрно отвѣтилъ:—Я туда попадаю каждый годъ. У меня дѣла въ Тунисѣ, Алжирѣ, Египтѣ, Марокко...

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

— Чѣмъ?—древностями,—отвѣчалъ онъ отрывисто.

Мнѣ показалось, что онъ торгуетъ старымъ платьемъ, и не понимая, къ чему за этимъ ѣздить въ Алжиръ, я переспросилъ его: какими древностями?

— Какими? старый бронзъ, картины, оружіе, фарфоръ, утварь, кружево, ткань, манускрипты, гравюры, вообще всякій „обжедаръ",— проговорилъ онъ безъ запинки.

— И вы въ этомъ что-нибудь понимаете?

Онъ расхохотался такъ, какъ будто я произнесъ величайшую глупость.

— Я! понимаю?! можетъ быть, въ Берлинѣ, въ Парижѣ и въ Лондонѣ вы найдете еще трехъ такихъ знатоковъ, какъ я, но въ Россіи—могу съ вами пари держать, что нѣтъ. Покажите мнѣ какую хотите картину, и я вамъ сейчасъ скажу: первое (онъ загнулъ одинъ палецъ) — школа: голландская, испанская, итальянская, французская, нѣмецкая... Эпоха (онъ загнулъ второй палецъ): ренессансъ, или передъ-Рафаэль, или вовсе режансъ. Меня не надуешь.

— Что же, вы учились этому?

— Нѣтъ... отъ себя.

— Но, послушайте, это невозможно.

— Почему? Когда Богъ дастъ человѣку талантъ, то онъ безъ ученья сдѣлаетъ больше, чѣмъ двадцать болвановъ съ ученьемъ. Вы не подумайте, господинъ докторъ, что я не уважаю науку. Сохрани Богъ!.. У меня семь человѣкъ дѣтей и всѣ они первые ученики. И что за головы! министры!.. Я не потому говорю, что я отецъ, я знаю, что смѣшно хвалить своихъ дѣтей, но спросите м-мъ Ципкину—много, напримѣръ, она знаетъ такихъ барышенъ, какъ моя Изабелла?

— М-мъ Ципкина даже вздохнула.

— Рѣдкая дѣвушка!—произнесла она съ восторгомъ.—Господинъ Кацъ—счастливый отецъ.

— Ну!—воскликнулъ съ торжествующей улыбкой антикварій. —Что̀ вамъ сказать объ образованіи моей Изабеллы? По-французски—свободно, музикъ-кляviръ—что-нибудь особенность... Учителя мнѣ говорили: „господинъ Кацъ, мы не можемъ учить вашу дочь, она умнѣе насъ". Позвольте, я вамъ покажу своихъ дѣтей. Я вамъ говорю—стоитъ посмотрѣть. Онъ досталъ изъ бокового кармана бумажникъ и принялся оттуда выкладывать одну за другой карточки своихъ птенцовъ. И лицо его при этомъ сіяло такою гордостью, такимъ счастьемъ, онъ такъ искренно хвасталъ, что, несмотря на весь комизмъ, онъ былъ трогателенъ.

Черезъ мѣсяцъ m-lle Изабелла Кацъ пріѣхала „погостить" къ м-мъ Ципкиной. Это была маленькая, рыжеватая блондиночка, съ пикантнымъ, хотя и птичьимъ личикомъ, плоской, какъ у мальчика, грудью, узкими плечиками и воздушной таліей. Единственное, что̀ въ ней было дѣйствительно красиво—это великолѣпный цвѣтъ лица—ослѣпительной бѣлизны, съ румянцемъ во всю щеку. Манерами и бойкостью она напоминала отца, правда, въ нѣсколько смягченномъ видѣ. Говорила m-lle Изабелла рѣшительно обо всемъ, съ необыкновеннымъ апломбомъ, быстро-быстро, точно въ ея головѣ бѣгалъ испуганный кроликъ, и съ такой жестикуляціей, что когда входила въ экстазъ, непремѣнно, бывало, или задѣнетъ что-нибудь, или уронитъ... Сама она очевидно считала эту живость одной изъ главныхъ своихъ прелестей и любила повторять, что у нея „огненная натура".—Но это не значитъ, что я не умѣю глубоко чувствовать,—прибавляла она, и въ доказательство садилась за кислое фортепіано м-мъ Ципкиной, закатывала глаза и начинала выстукивать „мандолинату" или „Prière d'une vièrge". Она очень любила бесѣду, т.-е. не бесѣды, потому что она никому не давала слова сказать,—а раз-

сужденія на тэмы о семейной жизни, любви и т. п. Устремитъ вдаль томный взоръ и зачаститъ: — Не понимаю той женщины, которая не стремится достигнуть духовнаго развитія мужа (m-lle Кацъ выражалась высокимъ слогомъ). Представьте, что мужъ, интеллигентный человѣкъ, принужденъ жить въ глуши. Если онъ не можетъ дѣлиться мыслями даже съ женой, потому что эта женщина ниже его (странное дѣло! когда она произносила слова: „эта женщина“, мнѣ всегда казалось, что она намекаетъ на мою бѣдную Дину), что же станется съ нравственною личностью такого человѣка? — строго вопрошала m-lle Изабелла, и безъ малѣйшаго колебанія отвѣчала: — Онъ неминуемо отупѣетъ!..—Ну, скажи же мнѣ на милость, Дымкинъ, вѣдь не трудно, кажется, было раскусить, что все это пустыя фразы, жалкія слова, давно избитыя общія мѣста... А я слушалъ какъ дуракъ, и когда приходилъ домой, а Дина съ робкой улыбкой прислуживала мнѣ, я глядѣлъ на нее какъ на низшее существо, хотя тамъ гдѣ-то, на днѣ души, внутренній голосъ шепталъ мнѣ: берегись, ты лѣзешь въ яму... Однажды я сказалъ Динѣ:—Знаете, Дина, я хочу жениться. — Она поблѣднѣла, глаза ея вспыхнули какъ молнія, но она сейчасъ же потупилась и тихо спросила:—На комъ?— Тутъ... я познакомился съ одной очень образованной барышней...— Дина молчала, и только рука ея, рѣзавшая хлѣбъ, безсильно опустилась на столъ вмѣстѣ съ ножомъ.

— И что же... вы въ нее влюблены?—выговорила она, запинаясь и не поднимая глазъ.

— Не то что влюбленъ?—говорю,—а въ этомъ родѣ...

— Ну, и деньги у нея есть?

— Не большія, а все-таки не придется дрожать изъ-за куска хлѣба. Для насъ, горемычныхъ, вѣдь и это счастье.

Густыя черныя рѣсницы Дины дрогнули, она глянула на меня исподлобья, прошептала побѣлѣвшими губами:—Дай вамъ Богъ счастья, господинъ докторъ!—и вышла изъ комнаты своей легкой, неслышной поступью.

И я не побѣжалъ за ней, не упалъ къ ея ногамъ, не согрѣлъ поцѣлуями ея блѣдныя, дрожащія руки... Нѣтъ. Я надѣлъ красный галстукъ и пошелъ къ m-meЦипкиной слушать, какъ m-lle Кацъ играетъ мандолинату и соображать съ ней вмѣстѣ, что Гоголь „хотѣлъ сказать“ своими „Мертвыми Душами“. Черезъ мѣсяцъ я былъ счастливымъ женихомъ этой необыкновенной дѣвицы, и, по настоянію моего добраго генія, м-мъ Ципкиной, занялъ подъ вексель четыреста рублей, чтобы купить невѣстѣ брилліантовыя сережки. Такимъ же путемъ я добылъ еще тысячу рублей

для „обстановки“, ибо нельзя же дѣвушку, которая привыкла и т. д., поселить въ „сараѣ“.

— И чего вы безпокоитесь? — возражала на мои колебанія м-мъ Ципкина. — Слово г. Каца — золото. Приданое Изабеллы будетъ вамъ вручено въ день свадьбы.

Но въ этотъ высокоторжественный день въ домѣ стоялъ такой гвалтъ, а тесть мой былъ такъ взволнованъ и такъ громко оплакивалъ свое дитя, свою гордость, свое сокровище, что только закоренѣлый злодѣй могъ бы въ подобныя минуты говорить съ несчастнымъ отцомъ о мірской суетѣ. Я не закоренѣлый злодѣй, и молчалъ. Потомъ онъ мнѣ сообщилъ, что у него временное затрудненіе въ дѣлахъ, но—это-де совершенный пустякъ, деньги все равно, что у меня въ карманѣ, и я могу спать спокойно. Подъ такими ауспиціями я началъ свою семейную жизнь. Чтобъ быть справедливымъ, я долженъ сказать, что въ первые два мѣсяца нашего супружества жена моя выражала ко мнѣ самую пылкую любовь, не желала разставаться со мной ни на одну минуту, душила меня въ объятіяхъ, плакала, когда я уѣзжалъ на практику. Но, какъ только прошелъ медовый угаръ дозволенной страсти, она показала себя во всей красѣ. Первая сцена у насъ вышла изъ-за обѣда. Я пріѣхалъ изъ деревни прозябшій и голодный какъ волкъ. Оказалось, что обѣда нѣтъ, ибо хозяйка поссорилась съ кухаркой и выгнала ее немедленно.

— Не могу же я выносить грубости отъ какой-то мужички!

— Конечно, моя милая. Но въ такомъ случаѣ ты должна была сама что-нибудь приготовить.

— Извините, но я не училась стряпать. Если вы желали имѣть жену кухарку, вамъ слѣдовало жениться на вашей хозяйкѣ: она, кажется, васъ отлично кормила.

— Она все дѣлала чудесно,—отвѣтилъ я,—и вы могли бы многому у нея поучиться.

Этого она никакъ не ожидала, и чтобъ пріучить меня къ дисциплинѣ, устроила такую истерику, что хоть бы настоящей барынѣ, такъ и то въ пору!—только она ошиблась на мой счетъ. Я понялъ, что стоитъ мнѣ уступить разъ—я пропалъ, и потому, несмотря на вопли, рыданья, конвульсіи, безумный смѣхъ, ломанье рукъ и рванье одеждъ—до батистовой сорочки включительно—съ мѣста не двинулся.

Конечно, еслибъ я любилъ эту женщину, я бы не устоялъ, знай я сто разъ, что все это штуки. Но пока я глядѣлъ, какъ она корчится, съ глазъ моихъ точно пелена сползала. Я понялъ все... и то, что я никогда ее не любилъ, и то, что я

любилъ другую, ту чистую, прекрасную дѣвушку, которую такъ безжалостно оттолкнулъ, такъ грубо оскорбилъ. Я испугался всего, что̀ надѣлалъ въ своемъ ослѣпленіи, и мысленно сталъ давать себѣ клятвы не видаться съ Диной, быть добрымъ мужемъ своей женѣ. Но что̀ значатъ наши благія намѣренія! Захворалъ старый часовщикъ, мнѣ пришлось навѣщать его каждый день, и опять, какъ въ былое время, я проводилъ цѣлые часы съ Диной. Она похудѣла. Скорбь наложила свою одухотворяющую печать на прекрасное лицо, но эта простая дѣвушка умѣла нести свое горе. Она ухаживала за больнымъ отцомъ, замѣняла его въ лавкѣ, управлялась по хозяйству. Меня она и встрѣчала и провожала благодарной улыбкой, но никогда не упоминала о моей женѣ. Такъ протянулась вся зима, а весной старый Вольфъ умеръ. Хотя я и приготовилъ Дину къ возможности рокового исхода, но ударъ былъ слишкомъ жестокъ. Я никакъ не ожидалъ именно отъ нея, всегда спокойной и сдержанной, такого взрыва отчаянія. Она билась надъ тѣломъ отца, какъ раненая птица, и съ ненавистью отталкивала всѣхъ, кто къ ней приближался. Потомъ она какъ-то неестественно скоро затихла и вскорѣ послѣ похоронъ сдала въ наймы свой домикъ, а сама уѣхала въ Кіевъ. Со мной она простилась очень холодно, но по прошествіи нѣкотораго времени я получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она меня извѣщала, что поступила въ модную мастерскую и надѣется года черезъ два изучить это дѣло основательно. Черезъ два съ чѣмъ-то года Дина вернулась въ Загнанскъ, все такая же красавица, но въ значительно цивилизованномъ видѣ. Она поселилась опять въ своемъ домикѣ, открыла магазинъ и скоро такъ прославилась, что отъ заказчицъ прямо отбою не было. М-мъ Дина положительно сдѣлалась „особой" въ Загнанскѣ. А моя собственная жизнь между тѣмъ становилась все хуже и хуже. Будь Изабелла настоящей женщиной, а не каррикатурой на свѣтскую даму— наше дѣло бы еще могло наладиться. Но—не тутъ-то было. Она точно поставила себѣ задачей отравлять каждый мигъ нашего существованія. Появившіяся дѣти (у насъ два мальчика) еще болѣе ее раздражили. Вѣчно не въ духѣ, вѣчно ноющая, вѣчно въ претензіи на судьбу, грубая съ прислугой, мелко самолюбивая,—она точитъ себя и другихъ. Дома—безпорядокъ; дѣти капризныя, оборванныя, грязные; сама она или лежитъ по цѣлымъ днямъ и читаетъ дурацкіе романы, или пойдетъ въ гости къ нашей благодѣтельницѣ, м-мъ Ципкиной, и отводитъ душу, расписывая мое тиранство. Пробовалъ я ее ввести въ русское обще-

ство. Ея самоувѣренный тонъ, бойкость, находчивость возбудили вначалѣ любопытство, но скоро ее перестали замѣчать. Она почувствовала, что провалилась, и, уязвленная въ своемъ тщеславіи, отказалась отъ выѣздовъ. Съ тѣхъ поръ и понынѣ она пилитъ меня деревянной пилой. Я то и-дѣло слышу: „мужъ, который не умѣетъ заставить другихъ уважать свою жену—ничтожество". Большею частью я отмалчиваюсь. А иной разъ огрызнешься. Мужъ, молъ, тутъ не при чемъ. Если женщину не уважаютъ, стало быть она не умѣетъ вызвать къ себѣ уваженія; если она не нравится, стало быть не интересна.

Послѣ этого обмѣна мыслей наступаетъ обыкновенно зловѣщее молчаніе и „дутье", которое длится недѣлю, двѣ, мѣсяцъ! А то вдругъ она явится ко мнѣ въ кабинетъ и сообщитъ, положимъ, что въ клубѣ будетъ любительскій спектакль.

— Ну и пускай его.

— Я желаю тамъ быть.

— Сдѣлай одолженіе.

— Мнѣ надоѣло сидѣть одной въ четырехъ стѣнахъ.

Я благоразумно воздерживаюсь отъ возраженій.

— Ты слышишь, чтò я говорю?

— Слышу.

— Чтò же ты не отвѣчаешь?

— Не нахожу нужнымъ.

— Такъ!.. впрочемъ, это мнѣ все равно. Я хотѣла тебѣ сказать, что мнѣ надѣть нечего.

Я пожимаю плечами и отвѣчаю:

— Закажи себѣ платье.

— Я не могу ходить въ лохмотьяхъ,—отвѣчаетъ она, нарочно не слушая, чтò я сказалъ.

— Никто тебя и не заставляетъ. Но чего ты желаешь отъ меня? Вѣдь я не портниха и сшить тебѣ платья не могу.

— Въ домѣ моего отца прислуга была лучше одѣта,—продолжаетъ она прикидываться глухой.

Я начинаю терять терпѣніе и ядовито замѣчаю, что по тѣмъ средствамъ, которыя далъ ей ея папаша, она одѣта еще очень прилично. Она, конечно, только этого и добивалась. Наступаетъ полное безобразіе. Женщина исчезаетъ окончательно, остается разъяренная фурія. Нужно нечеловѣческое самообладаніе, чтобы не броситься на эту нѣжную спутницу жизни и не разорвать ее на клочки. Я призываю на помощь послѣднія воспоминанія о порядочности, стискиваю зубы, чтобъ не кричать, и говорю:—Вы

вѣдь видите, что я занятъ... Оставьте меня въ покоѣ. Я долженъ работать, чтобы кормить васъ и дѣтей.

Она пронзительно рыдаетъ на весь домъ:—Онъ меня гонитъ! Извергъ! злодѣй! я съ тобой жить не хочу!.. Я убѣгу къ родителямъ!..

Казалось бы, что послѣ такихъ сценъ людямъ должно быть стыдно глядѣть въ глаза другъ другу. Какъ бы не такъ! Черезъ часъ, черезъ два, супруга влетаетъ ко мнѣ какъ ни въ чемъ не бывало и лепечетъ:—Котикъ, ты сердишься? самъ обидѣлъ свою бѣдненькую жену и еще дуется. У-у! злюка!—и она усаживается ко мнѣ на колѣни, прижимается ко мнѣ своей плоской, какъ доска, грудью, осыпаетъ поцѣлуями, а я дрожу, словно въ меня впилась лягушка; мнѣ противно ея красное лицо, ея сухія губы, короткіе пальцы съ грязными ногтями... Я ненавижу ея дыханіе, ненавижу ее всю съ ногъ до головы. Послѣ этого я долго крѣплюсь, наконецъ не выдерживаю характера и бѣгу въ старый домикъ, гдѣ ждетъ меня вѣрное сердце, которое не помнитъ зла, которое все простило и страдаетъ вмѣстѣ со мной. Заслышавъ мои шаги, Дина выходитъ ко мнѣ на встрѣчу, стройная какъ античная статуя, красивая, съ плавными движеніями, милымъ голосомъ. Ей ничего не надо говорить—она безъ словъ все понимаетъ. Я это чувствую по тревогѣ, которая свѣтится въ ея чудныхъ, покорныхъ глазахъ, по той особенной ласкѣ, съ которой она ведетъ меня въ свою свѣтлую, уютную комнату, усаживаетъ на кожаный диванчикъ, подаетъ мнѣ чай, папиросы. А я думаю, что она могла быть моей, что мы могли быть счастливы, и мнѣ страстно хочется обнять этотъ гибкій станъ, погладить эти блестящіе черные волосы и цѣловать безъ конца это прелестное лицо библейской красавицы.

— Дина, вы меня любите?—спросилъ я ее какъ-то.

Она молча кивнула головой.

— И тогда любили?

— Всегда,—промолвила она тихо.

— Зачѣмъ же вы допустили меня жениться на другой?

Она съ удивленіемъ подняла на меня взоръ.

— Какъ же я могла... Я была вамъ не пара... бѣдная, необразованная...

— Дина, Дина... Зачѣмъ вы это говорите! Вы въ милліонъ разъ умнѣе и образованнѣе, чѣмъ цѣлый лѣсъ такихъ ученыхъ обезьянъ, какъ моя супруга.

Она тихо покачала головой.

— Это вамъ теперь такъ кажется... потому что у вашей жены нехорошій характеръ... А за меня вы бы стыдились передъ свѣтомъ.

— Никогда. Вѣдь вы умница и такая красавица, какихъ немного.

Она покраснѣла и отвернулась.

— Зачѣмъ вы это говорите!.. Я простая еврейская дѣвушка... работница.

Мои частые визиты къ Динѣ не замедлили породить цѣлую тучу сплетенъ. Инидіатива въ этомъ благородномъ дѣлѣ принадлежала моей женѣ. Стоило мнѣ собраться куда-нибудь, какъ она ужъ меня напутствуетъ:—Къ любовницѣ спѣшите?.. Бѣгите скорѣй, опоздаете!..

Я рѣшилъ избавить ни въ чемъ неповинную дѣвушку отъ новыхъ страданій и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, отправился къ ней въ первый же праздникъ. Въ мастерской никого не было. Мнѣ хотѣлось начать исподволь, я обдумалъ цѣлую рѣчь, но когда я увидалъ Дину, я все забылъ и сказалъ только:

— Знаете, Дина, вамъ бы лучше уѣхать отсюда.

Она такъ вся и затрепетала.

— Зачѣмъ?

— Да хоть бы затѣмъ,—говорю,—что здѣсь вы заработываете гроши, а съ вашимъ искусствомъ вы въ любомъ городѣ можете магазинъ открыть.

Она недовѣрчиво посмотрѣла на меня и промолвила:

— У васъ не то на умѣ. Скажите правду. Вѣрно что-нибудь случилось?

— Хорошо, милая Дина. Вы желаете знать правду? Будь по-вашему. Вамъ надо уѣхать, потому что въ городѣ говорятъ, что вы—моя любовница. Я не могу помѣшать разнымъ гадюкамъ васъ жалить. Слѣдовательно...

Она долго молчала, а я опустилъ голову на ея рабочій столъ и—чтò грѣха таить—заплакалъ какъ баба. Она подошла ко мнѣ и осторожно провела рукой по моимъ волосамъ. Мнѣ стало еще горше.

— Перестаньте, пожалуйста, перестаньте,—прошептала она чуть слышно,—и слушайте, чтò я вамъ скажу. Я давно это предвидѣла. Мнѣ не пятнадцать лѣтъ, и я вѣдь не богатая барышня, которая не должна ничего понимать; я два года прожила во французскомъ модномъ магазинѣ и на многое насмотрѣлась. И вотъ чтò я рѣшила: я не уѣду. Еслибъ вамъ было хорошо, или

еслибъ мой старикъ отецъ былъ живъ—я бы уѣхала, чтобы его не огорчать... А теперь... зачѣмъ? Вѣдь у васъ только и есть одна вѣрная душа—я. А у меня и совсѣмъ никого нѣтъ на свѣтѣ. Совѣсть моя чиста. Даже враги мои не могутъ сказать, что я сижу сложа руки. Я заработываю больше, чѣмъ мнѣ нужно. А что я... не любовница ваша (бѣдняжка запнулась на этихъ словахъ и ея блѣдныя щеки вспыхнули), это и вы знаете, и я, и Богъ это видитъ, и мой бѣдный отецъ, которому я передъ смертью обѣщала, что буду жить честно... Пусть говорятъ! поболтаютъ годъ, другой и надоѣстъ. А мы будемъ терпѣть. Хорошо?

Что̀ я могъ ей сказать... да и много ли вообще значитъ въ такихъ случаяхъ краснорѣчіе!.. Я взялъ ея тонкія, смуглыя руки и сталъ цѣловать. Она не отнимала. Она поняла, что ея жертва принята. Такъ, братъ, мы и живемъ. Дома—адъ кромѣшный. У Дины—рай... до грѣхопаденія. И за всѣмъ тѣмъ до того иной разъ тошно приходится, что готовъ, кажется, на первомъ крюкѣ удавиться. Дѣти ростутъ безтолково; хорошо еще, что мальчики: пойдутъ въ гимназію и какъ-нибудь выровняются...

— Вотъ тебѣ и вся моя исторія,—произнесъ Воробейчикъ съ натянутой усмѣшкой.—Больше ничего нѣтъ... не взыщи. А теперь, вели-ка, братъ, и въ самомъ дѣлѣ подать чего-нибудь. У меня въ горлѣ пересохло.

Хозяинъ позвонилъ. Горничная внесла на большомъ подносѣ закуску и вино, поставила на круглый столъ и удалилась.

— Да, да,—глубокомысленно промолвилъ Игнатій Львовичъ.—Отличились мы съ тобой... особенно ты. Вотъ тебѣ и „блестящія партіи“. Но почему ты не разведешься?

— Жена двадцать тысячъ отступного требуетъ. Гдѣ же ихъ взять! Развѣ ты по старой дружбѣ выручишь?—насмѣшливо спросилъ Воробейчикъ.

— Хе, хе,—принужденно засмѣялся Дымкинъ:—такихъ денегъ у меня нѣтъ въ распоряженіи, голубчикъ.—А признайся,—промолвилъ онъ вкрадчиво:—неужели съ Диной у тебя такъ-таки... ничего?

Воробейчикъ свирѣпо взглянулъ на пріятеля и повелъ плечами. Дымкинъ сконфузился. Наступило небольшое молчаніе.

— Прости меня, — началъ опять Дымкинъ, — я не желалъ тебя оскорбить,—и, чтобы окончательно разсѣять дурное впечатлѣніе, прибавилъ:—Знаешь, братъ, обоихъ насъ жизнь исковеркала. Но... были и у насъ золотые дни—наша чистая молодость.

Вспомянемъ же ее добромъ. Ну-ка, тряхнемъ стариной... Gaudeamus igitur!..

— Убирайся ты къ чорту!—крикнулъ Воробейчикъ, словно его ударили по больному мѣсту, подбѣжалъ къ столу, выпилъ залпомъ двѣ рюмки водки и, забравшись на диванъ съ ногами, уныло поникъ головой.

Р. М. Гинъ.

МЕЧТАТЕЛЬ

„An imaginative man“, by John Hichens.

ПРОЛОГЪ.

Высокій, худощавый господинъ, лѣтъ тридцати-восьми, стоялъ задумавшись въ хорошенькой, уютно обставленной спальнѣ. Онъ внимательно слѣдилъ глазами за молодой женщиной, которая молилась.

Его темные, почти черные глаза блестѣли и бѣгали тревожно; усы и короткая, остроконечная бородка почти не прикрывали тонко-очерченныхъ подвижныхъ губъ, съ которыхъ не сходила довольно-циническая улыбка. Одѣтъ онъ былъ въ свободную куртку; въ одной рукѣ онъ держалъ портсигаръ, а въ другой—серебряный подсвѣчникъ. На ногахъ у него уже были надѣты туфли, а подъ мышкой—четвертое изданіе газеты „Pall-Mall“.

Онъ все еще стоялъ неподвижно, въ то время, какъ молодая женщина, въ бѣломъ ночномъ капотѣ, все еще стояла на колѣняхъ и молилась. Огонь, пылавшій въ каминѣ, скользилъ по ея маленькой фигуркѣ и по темной, низко-низко наклоненной головѣ.

„Интересно бы знать, почему она молится? — думалъ Генри Денисонъ, все время не спуская глазъ со своей жены и слегка хмуря брови. — Потому ли, что она вѣритъ въ существованіе Бога, или просто потому, что ей хочется испытать меня? Вотъ ужъ четвертый мѣсяцъ, что мы съ нею женаты, а этотъ вопросъ первѣйшей важности,—вопросъ религіозный,—еще нами не только не разработанъ, но даже не затронутъ. Положимъ, странствуя по Италіи, мы по воскресеньямъ обязательно заходили въ самую

интересную изъ церквей слушать обѣдню; но вѣдь и всѣ путешественники, проѣздомъ въ Италіи, бываютъ тамъ у обѣдни, какъ въ оперѣ или вообще въ театрѣ... Теперь же она молится „домашнимъ“ образомъ, и это для меня крайне любопытно. Хотѣлось бы мнѣ знать, о чемъ она такъ умоляетъ Бога?“

Онъ шагнулъ тихонько впередъ, словно намѣреваясь идти прочь; но опять раздумалъ и остановился.

„Что же это она—фарисействуетъ... или нѣтъ? Или только для виду молится такъ долго? Можетъ быть, она думаетъ, что я сошелъ внизъ; она вѣдь все равно меня не видитъ: ея лицо прикрыто руками... А все же есть своя особая притягательная сила въ молитвѣ у себя дома. Все частное, все неявное, непоказное, тѣмъ болѣе насъ привлекаетъ, чѣмъ болѣе оно для насъ является тайнымъ, сокрытымъ. Возьмемъ въ примѣръ хотя бы персикъ: онъ только тогда потеряетъ свой пушокъ и свѣжесть, когда его обнажатъ совсѣмъ... А между тѣмъ единственное, куда стоитъ добиваться проникнуть,—это тайникъ души человѣческой, въ которомъ можетъ оказаться такъ же жутко и темно, какъ въ потайной комнатѣ Синей Бороды. Но хуже всего то, что въ большинствѣ случаевъ доступъ къ этому тайнику слишкомъ легокъ и что онъ оказывается не сказочнымъ, таинственнымъ покоемъ, а самой заурядной (въ сущности даже довольно приличной) комнатой, какую всякая человѣколюбивая хозяйка дастъ своей горничной. Но я еще не успѣлъ проникнуть въ тайникъ души моей Эниды. Найду ли я тамъ памятники ея умственныхъ погрѣшностей и нравственныхъ преступленій? Надо надѣяться, что да!“

И онъ самъ улыбнулся себѣ странной, причудливой улыбкой, которой удивлялись еще его школьные товарищи и многіе изъ его знакомыхъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Денисонъ поступилъ въ Итонъ-колледжъ, онъ всегда и всѣмъ казался страннымъ человѣкомъ. Въ минуты тихаго, безмолвнаго одиночества, когда никого близко не было, Генри часто благодарилъ за это мысленно невидимое божество. Онъ принималъ прозвище „странный“ за дань поклоненія ему, какъ существу высшему, отличавшемуся отъ людей низшаго разряда. Ему казалось преступленіемъ быть тѣмъ, что на ходячемъ языкѣ принято называть „добрымъ малымъ“; тѣмъ болѣе, что онъ самъ считалъ, будто этимъ именемъ величаютъ обыкновенно ловкаго разсказчика нескромныхъ анекдотовъ. По счастію, судьба смиловалась надъ нимъ: до сихъ поръ онъ еще не былъ окрещенъ этимъ обиднымъ названіемъ, которое въ его

глазахъ олицетворяло верхъ оскорбленія. Случалось, что онъ напряженно выжидалъ, что вотъ-вотъ эта бѣда надъ нимъ стрясется... но ее проносило мимо. Его личныя свойства были достаточной противъ этого защитой, и онъ былъ за это глубоко благодаренъ.

Но вотъ жена окончила молитву и, вставая съ колѣнъ, вздохнула, въ то время какъ мужъ все еще продолжалъ улыбаться. Ея вздохъ полураскрылъ ея хорошенькія розовыя губки, въ глазахъ—большихъ и темныхъ—искрились слезинки. Денисонъ сразу все это замѣтилъ; онъ все и всегда сразу замѣчалъ,—это вошло у него въ привычку, и даже въ своего рода профессію.

„Или, быть можетъ, эти слезы у нея въ самомъ дѣлѣ слѣдствіе того, что она вознеслась душою къ Богу?" — подумалось ему.

— Мнѣ показалось, что ты давно ушелъ,—начала м-съ Денисонъ, и румянецъ залилъ ея бѣленькія щечки.

Она казалась очень юной и миніатюрной въ своемъ ночномъ капотѣ, богато украшенномъ массою оборокъ; длинные волосы пышными волнами спускались у нея по спинѣ и плечамъ.

— Ты, значитъ, слѣдилъ за мною? — спросила она съ легкимъ оттѣнкомъ шаловливости въ голосѣ.

— Да. Что же тутъ такого? Всякій развитой человѣкъ слѣдитъ за тѣми, кого онъ любитъ. Чувство страстной любви ужъ само по себѣ является самымъ дѣятельнымъ и неутомимымъ агентомъ тайной полиціи, къ услугамъ котораго цѣлая фаланга невидимыхъ сыщиковъ, чтобы ходить по пятамъ за умственными движеніями и поступками обожаемаго существа.

— Право, не знаю! — съ сомнѣніемъ проговорила она, и, скользнувши въ кровать, улеглась въ ней мило и миніатюрно, какъ темнокудрый восхитительный хорошенькій ребенокъ, который чуть-чуть озадаченъ и даже словно боится, самъ не зная чего.

— Развѣ же человѣкъ страстно влюбленный долженъ непремѣнно все и всегда обдумывать? Не думаю!.. А сыщики вѣдь должны всегда разсуждать, — пояснила она съ дѣтски-забавною серьезностью.—Ты, Гарри, всегда разсуждаешь; и мнѣ думается часто...

Она остановилась, видимо не рѣшаясь продолжать.

— Ну, что же „часто", дорогая?—подсказалъ ей мужъ, довольно нервно вертя въ рукахъ свой портсигаръ.

— ...Мнѣ кажется иной разъ, что ты не разсуждалъ бы такъ много, еслибы любилъ меня больше,—договорила Энида и тревожно шевельнула своей головой на подушкѣ.

— Твоя мысль прямо противорѣчитъ всѣмъ моимъ убѣжденіямъ,—возразилъ Гарри, и по движенію, по лицу жены увидалъ, что она хочетъ что-то спросить.

— Ну, спрашивай! — обратился онъ къ ней, поставивъ подсвѣчникъ на столъ и придвигая стулъ къ ея кровати. — Вѣдь иначе тебѣ ни за что не уснуть!

— Ну, вотъ что, Гарри: я... Ну, ты вотъ сейчасъ говорилъ о сыщикахъ...

— Да, милая...

— Развѣ и за моей молитвой тоже слѣдилъ сыщикъ?

Онъ улыбнулся ея тревожной проницательности; но это было ему пріятно.

— А что, ты развѣ слышала его шаги за собою?

— Да, мнѣ такъ показалось.

— И тебя это встревожило?

— Не совсѣмъ. Только знаешь что, Гарри: мнѣ иной разъ хотѣлось бы, чтобы ты не былъ такъ ужасно уменъ.

— Желаніе твое уже исполнено: я вовсе уже не такъ *ужасно* уменъ.

— Да нѣтъ же, нѣтъ: ты все-таки уменъ! Ну, не сердись... не сердись на меня за то, что я тебѣ такъ говорю!—И она тихонько положила свою ручку на его руку. —Знаешь, я иной разъ сама пускаюсь въ размышленія, обдумываю все, все хорошенько!

— Вотъ какъ?.. Но все-таки ты говоришь довольно неопредѣленно.

— Я все обдумываю, и тогда мышленіе и умъ начинаютъ казаться мнѣ своего рода болѣзнью,—робко высказалась Энида, и ея темные глаза тревожно остановились на мужѣ.

— Ты хочешь сказать, что глупые люди здоровы, а за развитыми и умными необходимъ присмотръ съ цѣлью обуздывать ихъ, ограничивать ихъ развитіе, держать ихъ въ ограниченности и даже въ невѣжествѣ? Неужели ты захотѣла бы сама, чтобъ геній измельчалъ, а талантъ питался бы размазней посредственности?

— Конечно, нѣтъ! А только...

— Только надо же хоть что-нибудь дѣлать и для бѣдныхъ больныхъ! Я не могу рѣшительно утверждать, что ты неправа. Въ одномъ только я твердо увѣренъ, что человѣкъ развитой и умный никогда не избавится отъ своего ума, который его побуждаетъ думать и разсуждать не переставая. Въ концѣ концовъ онъ непремѣнно погибнетъ жертвой своего ума.

— Ну, ты впадаешь въ саркастическій тонъ, — замѣтила

обиженно Энида, и спрятала свою ручку подъ подушку. — Я, значитъ, положительно глупа!

— Нѣтъ, ты умнѣе, нежели ты думаешь. Въ твоихъ словахъ есть доля правды; но, по счастію, не всѣ люди страдаютъ болѣзненной пытливостью ума, — ты не можешь съ этимъ не согласиться. И это должно служить намъ утѣшеніемъ.

— Неужели?

— Конечно, и даже большимъ утѣшеніемъ! Крайне утѣшительно еще и то, что весь міръ переполненъ докторами, въ роли которыхъ выступаютъ глупые члены общества для того, чтобы исцѣлять умныхъ и блестящихъ. Если имъ это и не всегда удается, зато случается нерѣдко, что ихъ вліяніе не исцѣляетъ, а убиваетъ паціента. А развѣ это еще не лучшее изъ худшаго?

Взглядъ Эниды выразилъ жалость и сомнѣніе, а мужу пришелъ въ голову вопросъ: смотритъ ли она такъ оттого, что такъ думаетъ; оттого ли, что ей это къ лицу, или просто это выраженіе, которое часто появлялось у нея на лицѣ, — естественное слѣдствіе очертаній ея дугообразныхъ бровей. Развѣ иной разъ не бываетъ, что сама природа отразитъ въ нашей внѣшности такія свойства, противъ которыхъ умъ нашъ горячо возстаетъ. Намъ можетъ быть и весело, и смѣшно, но если концы рта у насъ опущены книзу, наша наружность можетъ казаться другимъ лишь кислой и угрюмой. Подумавъ съ минуту и придя къ заключенію, что черты лица жены вѣроятно точно передаютъ ея умственныя свойства, Денисонъ счелъ за лучшее перемѣнить разговоръ.

— Послѣ молитвы ты чувствуешь себя счастливой? — спросилъ онъ.—Мнѣ еще ни разу не случалось видѣть тебя на молитвѣ... Когда ты встала, у тебя были слезы на глазахъ.

— У меня часто бываютъ слезы на глазахъ, когда я думаю о чемъ-нибудь серьезномъ; но это вовсе не значитъ, чтобы я чувствовала себя несчастной.

— Можетъ быть, ты какъ школьница, которая мнѣ говорила, что въ церкви она всегда плачетъ; она это считала непремѣнной принадлежностью церковныхъ обрядовъ. Но *твои* слезы, надѣюсь, были не для виду?

— О, Гарри! Нѣтъ.

— Ну, очень радъ. Погоня за внѣшностью—одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ, тяготѣющихъ надъ обществомъ; остальные шесть я тебѣ перечислю какъ-нибудь въ другой разъ, при болѣе удобномъ случаѣ. Теперь ужъ слишкомъ поздно; скоро двѣнадцать, а мы вѣдь завтра утромъ уѣзжаемъ въ Египетъ. Ложись-ка,

да спи хорошенько. Желаю тебѣ видѣть во снѣ, что море всегда безмятежно, и что призракъ разрушенія—недуговъ и болѣзней—несется дальше, не коснувшись дверей нашей каюты. Ну, покойной ночи!

Онъ наклонился къ женѣ, поцѣловалъ ее въ лобъ и тихо вышелъ вонъ, оставивъ ее въ полномъ недоумѣніи.

Когда онъ уходилъ отъ нея такъ тихо, она не могла не смущаться.

. . . .

Минуты двѣ спустя, зажигая надъ своей лампой сигару, Денисонъ не могъ удержаться, чтобы не спросить себя:

— Неужели она—загадка, которую я никогда не разгадаю? Врядъ ли это такъ. Еслибъ я только могъ напасть на что-нибудь такое, что меня привлекало бы своей неразгаданностью и никогда не теряло въ моихъ глазахъ обаянья! Зачѣмъ все въ мірѣ такъ ясно и прямолинейно? Даже женщинъ не такъ ужъ трудно разгадать. Стоитъ только изучить ихъ пустоту и тщеславіе, и тогда легко опредѣлить личныя свойства каждой. Стоитъ только научить ихъ ревновать — и онѣ покажутъ себя въ настоящемъ свѣтѣ... Но все это такъ утомительно, такъ скучно!

Кончикъ его сигары запылалъ словно красный уголекъ, и Денисонъ, пыхнувъ разъ-другой, опустился въ кресло.

На Кадогонъ-Стритѣ была тишина; лишь изрѣдка до него долетала стукотня колесъ, замиравшая за угломъ Понтъ-Стрита, гдѣ экипажъ останавливался, по всей вѣроятности у одного изъ красныхъ домовъ, надъ которыми высоко сіяли безмятежныя звѣзды на далекомъ ясномъ небѣ. Ничто не могло помѣшать думамъ Денисона. Огонь привѣтливо пылалъ въ каминѣ и отражался въ носкахъ его лакированныхъ сапогъ. Теплая, полутемная комната, замкнутая въ высокихъ стѣнахъ, украшенныхъ панелями подъ дубъ и книжными полками и шкафами, располагала къ мирнымъ размышленіямъ.

Онъ стряхнулъ пепелъ съ сигары и его тревожно-пытливый взглядъ скользнулъ по широкому мрамору камина, на которомъ красовался цѣлый рядъ кабинетныхъ карточекъ знакомыхъ: все женщинъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ мужчинъ.

„Всѣ вы — мои загадки! — подумалъ онъ, слегка подбирая губы, которыя обыкновенно плотно прилегали къ его большимъ бѣлымъ зубамъ.—Да, загадки, надъ которыми я когда-то задумывался; ребусы, которые, мнѣ казалось, невозможнымъ отгадать. И я ихъ отгадалъ... да, всѣ до единой!

Взглядъ его остановился на портретѣ маленькой брюнетки

съ тонко-выточенными чертами лица, съ большими мечтательными глазами, которые смотрѣли какъ-то пытливо и жалобно изъ-подъ черныхъ бровей дугою. То была карточка его жены.

— Я для того женился на тебѣ, чтобъ тебя отгадать,—проговорилъ онъ, обращаясь къ ея изображенію.—Довольно рискованный шагъ съ моей стороны—зайти такъ далеко, не правда ли? Только, пожалуйста, не дай себя такъ скоро разгадать.

У него вырвался невольный вздохъ.

— Черезчуръ много говорятъ люди о томъ, какъ имъ отрадно имѣть чувство вѣры; какъ будто въ этомъ есть что-либо особенно прекрасное. Говорятъ еще, что пріятно читать въ душѣ другихъ какъ въ открытой книгѣ; но нѣтъ такой уже *открытой* книги, которую стоило бы прочитать. Ахъ, еслибъ только мужчины и женщины были загадочнѣе, нежели они есть на самомъ дѣлѣ! Мнѣ еще не случалось никогда встрѣтить ни одной живой души, которую я не могъ бы совершенно разгадать послѣ нѣкотораго времени наблюденій и знакомства. А между тѣмъ я не задумался жениться на Энидѣ... и это было, конечно, необдуманно съ моей стороны. Но я вѣдь все еще ее не понимаю... Какое счастье! Неразгаданность — единственное средство къ продолжительной и неослабѣвающей любви.

Задумчиво и машинально онъ снова кончикомъ мизинца стряхнулъ пепелъ съ сигары и перевелъ глаза на другія карточки.

— Какъ подумаешь, всѣ эти люди дѣйствительно казались мнѣ нѣкогда загадкой и задали-таки работы моему пытливому воображенью!—разсуждалъ онъ самъ съ собой.—Мнѣ бы хотѣлось пригласить ихъ всѣхъ, всѣхъ заразъ къ себѣ отобѣдать, а я возсѣдалъ бы, въ качествѣ хозяина, на главномъ мѣстѣ, какъ на развалинахъ своего былого Карѳагена, я первый пилъ бы за здоровье былыхъ загадокъ и недоумѣній и произнесъ бы красивую напутственную рѣчь моимъ разсѣявшимся заблужденіямъ. Это было бы такъ забавно и оригинально! Столъ былъ бы у насъ разукрашенъ простыми полевыми маргаритками въ настоящей травѣ, а каждому гостю полагался бы букетъ шаловливыхъ нарциссовъ, въ знакъ того, что мои шаловливыя иллюзіи отжили свой вѣкъ и преданы землѣ. Я предсѣдательствовалъ бы за столомъ скорѣе въ грустномъ, нежели въ гнѣвномъ настроеніи, и во все время обѣда не произошло бы между моими гостями и мною ни малѣйшаго затрудненія какъ въ мысляхъ, такъ и въ поступкахъ нашихъ или ощущеніяхъ. Впрочемъ, слишкомъ ужъ много было бы здѣсь женщинъ. Но вѣдь весьма естественно, что большинство моихъ загадокъ были женщины. Романисты совершенно ложно

утверждають, что всякая простодушная, краснощекая баба, лишь бы она была молода да быстроглаза, можетъ вокругъ пальца вертѣть любымъ мужчиной, какъ онъ ни будь уменъ и хитеръ. Но женщина—существо несравненно сложнѣе мужчины, и этотъ фактъ самъ говоритъ за то, почему у меня преобладаютъ не мужскія, а женскія карточки. Не знаю самъ, чего ради я ихъ еще здѣсь держу: теперь имъ больше нечего вѣдь отъ меня таить. Видно, мнѣ ужъ пора думать о нихъ не иначе, какъ о бездушныхъ украшеніяхъ и бездѣлушкахъ, или смотрѣть на нихъ, какъ смотритъ радушная хозяйка дома на своихъ угрюмыхъ и упрямыхъ гостей — мужчинъ, которые шпалерами сидятъ вдоль стѣнъ танцовальной залы и отказываются танцовать.

Не странно ли, что съ незапамятныхъ временъ люди, которыхъ весь міръ величаетъ учеными и мудрецами, стремятся къ тому, чтобы человѣкъ всѣ свои досуги употреблялъ на загадки и тайны природы, которыхъ онъ не можетъ разгадать? Обыкновенный, заурядный человѣкъ и не станетъ биться надъ ними, а просто отказывается видѣть ихъ; онѣ для него не существуютъ! Такой человѣкъ любитъ людей и не обращаетъ никакого вниманія на безмолвную толпу твореній искусства и природы, которыя ни о чемъ ему не говорятъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ полны таинственнаго значенія. Какое ему до нихъ дѣло? Онѣ не могутъ забавно или безобразно наряжаться и выставляться напоказъ въ Гайдъ-Паркѣ; онѣ не могутъ разъигрывать изъ себя шутовъ и дѣлать скандалы... Онѣ безмолвны и зачастую красивы, привлекательны; — но вотъ и все! Однако онѣ съ самаго начала всегда меня привлекали и плѣняли, и, какъ я ни стараюсь, какъ ни старался всегда убѣдить себя, что мужчина прекраснѣе, а женщина — таинственнѣе всякой тайны въ искусствѣ и въ природѣ,—я не могъ въ этомъ убѣдиться и всѣ мои старанія остались безуспѣшны.

Неужели я и въ Энидѣ ошибусь? За послѣднее время мнѣ нерѣдко приходилось объ этомъ думать: недѣль шесть тому назадъ она мнѣ казалась интереснѣе, она больше подстрекала мое любопытство, чѣмъ теперь; но все же еще и теперь она меня интересуетъ. Я изучалъ ее среди римскихъ развалинъ и памятниковъ старины, и на венеціанскихъ лагунахъ; изучалъ даже и тогда, какъ цѣловалъ ее, ссорился съ ней или мирился. Я слѣдилъ за нею даже въ сновидѣніяхъ, когда она лежала спящая рядомъ со мною. Я нарочно самъ просыпался раньше поутру, чтобы смотрѣть, какъ она будетъ просыпаться и чтò за слова вырвутся у нея первыя, невольно. По ночамъ я будилъ ее и

всячески испытывалъ ее, то фантастическими вымыслами, то разсужденіями, чтобы только добраться до ея настоящей душевной подкладки, при помощи жуткаго чувства, которое вселяютъ ночной мракъ и тишина...

Но, нѣтъ! Она все еще остается для меня до нѣкоторой степени загадкой.

Еслибъ только узнать, о чемъ она молилась? Мнѣ кажется, тогда я могъ бы угадать, какая она есть на самомъ дѣлѣ. Наша душа вся соткана изъ нашихъ сокровеннѣйшихъ желаній. Я боюсь разгадать ее, а между тѣмъ я самъ же всячески стараюсь, чтобъ она выдала себя, милое, бѣдное мое дитя! Какъ я исподтишка ни подбираюсь къ ней, она увертывается такъ ловко, что ее можно только похвалить за находчивость и искусство. Можетъ быть, въ ней зарождается инстинктивное чувство, которое ее предостерегаетъ, чтобы она не давала себя разгадать, потому что она меня любитъ и, конечно, желаетъ какъ можно дольше сохранить мою любовь. Право, кажется, любящія женщины такъ же полны инстинктивныхъ чувствъ, какъ сама жизнь полна тревогъ, тоски и заботъ.

А все-таки я твердо убѣжденъ, что и у меня есть инстинктъ, который меня не обманетъ: когда-нибудь душа Эниды будетъ передо мной раскрыта и я ее пойму; весь вопросъ только во времени. О, какимъ бы это было для меня благодѣяніемъ, еслибъ нашлась хоть одна человѣческая душа, которую я никогда, никогда въ жизни не могъ бы разгадать! Какой я ни есть усталый, пресыщенный и холодный человѣкъ, я полюбилъ бы ее беззавѣтно, горячо!

На мигъ глаза его засверкали возбужденно. Онъ всталъ порывисто и бросилъ свою сигару въ огонь; потомъ поднялъ руку и повернулъ всѣ карточки лицомъ къ стѣнѣ.

— Вы утомляете меня, и даже очень! — проговорилъ онъ дѣйствительно усталымъ голосомъ и остановился у огня, опираясь одной ногою на каминную рѣшетку.

— Суждено ли мнѣ когда-нибудь избавиться отъ нелѣпой наклонности увлекаться безразсудными стремленіями и картинами, которыя рисуетъ лишь воображеніе? — думалъ онъ. — Еслибы въ свѣтскомъ обществѣ знали о моихъ цѣляхъ и желаніяхъ, о моихъ скрытыхъ ощущеніяхъ, — меня навѣрное стали бы звать ужъ не циникомъ, не пресыщеннымъ, а ребенкомъ... да: ребенкомъ! Или, какъ добродушно выражаются снисходительные люди, — *сумасшедшимъ*... Надо мной стали бы смѣяться, а пока только по-

баиваются меня немножко и называютъ страннымъ, но вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ я дѣйствительно страненъ.

Почему я такъ непохожъ на другихъ людей? Почему меня могутъ глубоко взволновать неодушевленные предметы: звукъ, запахъ, трепетный шумъ дождя, падающаго на лавровую листву, или поза человѣческой фигуры на старинной картинѣ?.. Даже краски, и тѣ способны возбуждать во мнѣ мысли скорѣе, нежели слова, выражающія опредѣленныя мысли и понятія. Въ ярко-красной окраскѣ я вижу больше оживленія, нежели во многихъ изъ мужчинъ; въ густо-оранжевой, блеклой краскѣ—больше страсти, нежели въ цѣлой тысячѣ современныхъ женщинъ. Мнѣ иногда казалось, что я могу влюбиться въ голосистое эхо, или слиться душою съ пестролиственной орхидеей, самый видъ которой говоритъ объ ея историческомъ происхожденіи. Я иногда мечталъ, что весь свой вѣкъ буду биться не на жизнь, а на смерть съ призракомъ безчувственнаго окаменѣнія, которое одно только могло бы уничтожить воображеніе и разсѣять всякія къ нему поползновенія. Мы сами разрушаемъ свои воздушные за̀мки своимъ же словомъ, даже своими движеніями,—тѣми привычными поступками и движеніями, которые люди называютъ ухищреніями и уловками. Но бездушный звукъ не имѣетъ ухищреній; статуя или картина—безсловесны. Онѣ подсказываютъ намъ то, что̀ мы должны и сами угадать... если сможемъ. Въ ихъ безсиліи и кроется ихъ сила!..

Упавшій уголь прервалъ его мысли и далъ имъ другое направленіе.

— Загадки!.. Загадки!..—прошепталъ онъ опять.—Безмолвные, нѣмые никогда не выдадутъ своей тайны; а мы-то?.. Мы дѣлаемъ, напротивъ, все возможное для того, чтобы умѣть вести и поддерживать разговоры. И что̀ за комичное бываетъ тогда представленіе. Какъ умалишенные, которые сошлись на маскарадъ, люди изъ кожи лѣзутъ одинъ передъ другимъ; но еслибъ здравомыслящій человѣкъ сорвалъ съ нихъ маски, въ какой бы ужасъ и смятеніе пришли всѣ танцующіе, при видѣ своихъ настоящихъ лицъ, а хозяйка дома, вѣрно, отказала бы дерзновенному въ почетномъ званіи „джентльмена“. Всякій же, лишенный его, въ глазахъ общества уже является хуже, чѣмъ преступникомъ,—нулемъ!..

Денисонъ зажегъ свѣчу и потушилъ лампу.

— Надо полагать, что задаваться въ жизни какой-нибудь цѣлью — глупо! — сказалъ онъ самъ себѣ; но еслибъ я имѣлъ это въ виду, то единственнымъ моимъ стремленіемъ было бы

именно... озадачить хозяйку дома и довести ее до истерики такимъ „непристойнымъ“ поступкомъ, какъ разоблаченіе ея замаскированныхъ гостей,—этихъ кривляющихся куколъ и шутовъ!

Проходя черезъ сѣни, онъ остановился на минуту.

Тамъ лежало нѣсколько сундуковъ и чемодановъ съ надписями, и на одной изъ нихъ онъ прочелъ крупными буквами:

Baggage.
P. O. G. N. C°.
London to Ismaïlia.

— Завтра мы ѣдемъ въ Египетъ, — подумалъ мечтатель. Интересно знать, не найду ли я тамъ предметъ моихъ желаній: неразгаданную, вѣчную загадку?

Онъ усмѣхнулся самъ себѣ усталою усмѣшкой и тихо поднялся по лѣстницѣ, устланной мягкимъ ковромъ, къ себѣ въ спальню.

I.

— Благодарю васъ; моя жена очень страдаетъ отъ морской болѣзни,—отвѣчалъ м-ръ Денисонъ на вопросъ участливаго пассажира дня два спустя, на палубѣ судна „Островитянинъ“, которое то-и-дѣло ныряло, повинуясь злой волѣ однообразно сѣрыхъ валовъ.—Жена, вообще говоря, терпѣть не можетъ всякихъ такихъ обязательствъ и общественныхъ привычекъ,—чтò говоритъ, конечно, въ пользу ея здраваго смысла; но на этотъ разъ, дѣлать нечего, ей приходится подчиниться общему правилу. Она уже вошла въ норму и даже простерла свою заурядность до того, чтобы умолять завѣдующую женскими каютами выбросить ее за бортъ, не теряя времени въ напрасныхъ проволочкахъ. Сколько я слышалъ, еще человѣкъ пятнадцать дамъ и дѣвицъ ничего иного не говорили, начиная съ самаго завтрака... Вѣрно, бѣдной завѣдующей не сладко приходится!

Участливый пассажиръ, который былъ не кто иной, какъ пожилая дама съ вытянутымъ, худымъ лицомъ и аскетически-строгимъ взоромъ, посмотрѣлъ на Денисона неодобрительно, то-есть, такъ именно, какъ она привыкла смотрѣть на всѣхъ, кого только могла заподозрить въ желаніи быть или казаться оригинальнымъ. Съ минуту она молча постояла передъ нимъ, какъ бы соображая, чтò бы такое похитрѣе ему отвѣтить; но затѣмъ, видя, что ничего такого не находитъ, повернулась на своихъ низкихъ каблукахъ и съ негодованіемъ отошла къ сторонкѣ.

„Ну, пойдетъ теперь трезвонить всѣмъ и каждому, что

я—грубое животное! — подумалъ про себя Денисонъ, переворачивая страницу въ своей книгѣ.—И зачѣмъ это люди придаютъ такое значеніе всякой мелочи“?

Ему на минуту стало какъ будто нѣсколько досадно; но онъ тотчасъ же углубился въ описаніе подробностей въ характерѣ самаго новаго типа современной женщины. Время шло впередъ и путешествіе—также. Близъ Гибралтара м-съ Денисонъ оправилась уже настолько, что сама могла выбирать и покупать испанскіе вѣера съ боемъ быковъ, окрашенныхъ то въ красную, то въ желтую краску, апельсины и плетеные половики. Въ Мальтѣ она уже была такъ же оживлена, какъ и обыкновенно. Когда же судно вошло въ мальтійскую гавань и на встрѣчу ему понеслись цѣлыя стаи зелененькихъ лодченокъ, вырвавшихся изъ-подъ своего родного крова гдѣ-нибудь подъ сѣнью прибрежныхъ укрѣпленій, Энида почувствовала приливъ сантиментальности, и ея крохотная ручка въ изящной перчаткѣ тихонько легла на руку мужа съ той милой простотой движеній, которая была особенно свойственна ей. Въ теченіе всего дня она то-и-дѣло мѣняла свое настроеніе, какъ мѣняла перчатки—поминутно; впрочемъ, общей, преобладающей чертой его была непремѣнно нѣжность и ласковость, а въ перчаткахъ—сидѣвшихъ одинаково хорошо на рукѣ—измѣнялось лишь число пуговицъ. По крайней мѣрѣ, къ такому заключенію началъ приходить ея мужъ.

— Гарри!—сказала вдругъ м-съ Денисонъ.—Теперь, когда я оправилась совершенно, мнѣ кажется, что я переживаю вновь медовый мѣсяцъ; а тебѣ?.. Какъ все здѣсь хорошо вокругъ!

— А я такъ нахожу, что видъ на Мальту съ моря даже очень некрасивъ!

— Ну, Гарри! Въ самомъ дѣлѣ? Я, знаешь, думаю, что мѣстность сама по себѣ ничего не значитъ, а принимаетъ ту или другую окраску сообразно съ тѣмъ, ка́къ мы на нее склонны смотрѣть: то она кажется намъ исключительно прекрасной, то наоборотъ. Тетя Фанни, напримѣръ, рѣшительно и положительно говоритъ, что ничего хуже Люцерна нѣтъ на свѣтѣ, потому что сынъ ея тамъ въ озерѣ утонулъ. Я же сегодня чувствую себя такой счастливой, что Мальта кажется мнѣ настоящимъ раемъ.

— Ну, это рай довольно каменистаго свойства, моя дорогая! Скажи-ка лучше: гдѣ бы ты хотѣла побывать, когда мы уже высадимся на берегъ? Мальта вѣдь славится, во-первыхъ: своими назойливыми нищими; во-вторыхъ—своими нуга̀, которыя продаются на Strada Reale (Королевской улицѣ), и, въ-третьихъ,—апельсинными

рощами Сантъ-Антоніа. Впрочемъ, въ путеводителѣ упоминается еще о „Часовнѣ Рыцарей“.

— О, пожалуйста, Гарри, поѣдемъ въ апельсинныя рощи! Не надо намъ никакой часовни: довольно мы ихъ навидались въ Италіи.

А приставая къ берегу, она не могла удержаться, чтобы не прибавить съ довольно мечтательною миной:

— Знаешь, голубчикъ: мнѣ и нугà хотѣлось бы немножечко... чуть-чуть!..

. . . .

Наутро пароходъ уже приближался къ Измаиліи по горько-соленому озеру, окутанному сѣрымъ предразсвѣтнымъ туманомъ. Пригородная деревня поразительно напоминала собою Ноевъ ковчегъ,—эту любимѣйшую изъ дѣтскихъ игрушекъ,—до такой степени деревца, окружавшія сельскіе домики, были похожи на игрушечныя. Деревня вся замерла въ сладостной дремотѣ, какъ бы покоясь въ объятіяхъ бѣлоснѣжной необъятной пустыни. Но когда пароходъ остановился, когда его котелъ, пыхтя, поровнялся съ пристанью, — тогда весь горизонтъ и все небо вдругъ порозовѣли, зарумянились и быстро разгорались, зажигая своимъ блескомъ безплодные, голые пески, казавшіеся блестящей мостовой, надъ которой раскинулся необъятный, низкій небосклонъ. Еще минута-другая—и все вмѣстѣ вспыхнуло, какъ зарево пожара... Такова была картина Египта, какимъ онъ предсталъ передъ взорами м-ра и м-съ Денисонъ на первый взглядъ; картина радости и оживленія, возникающихъ на почвѣ горестей и глубокаго сна. Но восторгъ, который чувствовали путешественники при видѣ роскошнаго вида, разстилавшагося передъ ними, значительно былъ охлажденъ необходимостью заботиться самымъ прозаическимъ образомъ о томъ, чтобъ сосчитать свой багажъ и слѣдить, чтобы ничего не пропало.

Позавтракавъ въ отелѣ, молодые супруги направились вдоль по сверкающей бѣлой дорогѣ, между длинными вереницами финиковыхъ пальмъ и абрикосовыхъ деревьевъ, къ песчанымъ берегамъ озера. День былъ чудесный, солнечный, благоухающій розами, которыя окаймляли садики арабовъ. Межъ зеленой листвы мелькало то-и-дѣло синее платье арабской женщины и ея босыя ноги, неслышно ступавшія по сухому песку дорожекъ. На умѣ и на сердцѣ Денисоновъ было легко и беззаботно, когда они смотрѣли на окружающія ихъ картины простой, безхитростной жизни среди роскошной тропической природы.

Мало-по-малу м-съ Денисонъ стала задумчивѣе, а взглядъ ея — нѣжнѣе.

За все время своихъ странствованій съ мужемъ по Италіи она ни на минуту не переставала чувствовать нѣкоторый суевѣрный страхъ передъ своимъ Гарри,—передъ его выдающимся умомъ и сверхъестественной проницательностью; и этотъ страхъ невольно пробудилъ въ ней инстинктъ актрисы, который, въ сущности, таится въ глубинѣ души каждой женщины, для нея самой непримѣтно. Она невольно подмѣтила, что мужъ смотритъ на нее какъ на интересную загадку, и старалась поддержать въ немъ это мнѣніе. Природа надѣлила ее загадочно-большими и темными глазами, которые всему ея хорошенькому личику придавали нѣкоторый оттѣнокъ таинственности. Красота Эниды льстила художественному вкусу Денисона, а загадочность была главной притягательной силой для его ума и,—какъ онъ думалъ,—для сердца.

Но онъ ошибался. Наружность молодой женщины казалась болѣе загадочной, нежели она была въ дѣйствительности. Впрочемъ и зачастую случается въ жизни, что у большинства людей наружность не соотвѣтствуетъ ихъ внутреннему содержанію, которое оказывается, какъ у Эниды, менѣе значительно и глубоко, нежели можно ожидать, судя только по внѣшности. Она никогда не забывала своего инстинктивнаго стремленія казаться въ глазахъ мужа еще непонятой, интересной; но на этотъ разъ прелести Египта совершенно ошеломили, разнѣжили ее и она, поддавшись ихъ обаянію, забыла всякую осторожность. Энида никогда не понимала мужа; но ее и не заботило желаніе понимать то, чтò вообще не удавалось ей понять, ее не тревожила недостаточность ея знаній. Однако, здѣсь, подъ тѣнью финиковыхъ пальмъ, гдѣ солнце, скользя межъ вѣтвей, украдкой цѣловало тѣни на бѣломъ пескѣ гладкихъ дорожекъ, Энида невольно поддалась не особенно свойственной ей задумчивости и ей почему-то вдругъ захотѣлось, чтобъ мужъ понялъ ее, разгадалъ настоящую подкладку всей ея души. Они сѣли на берегу озера, гдѣ деревянныя будочки для купанья торчали надъ тихой поверхностью воды; надъ ними, въ яркихъ небесахъ пылало огненное солнце. Козы толпами бродили по прибрежному песку и лакомились зеленью и цвѣтами кувшинокъ.

— Не сѣсть ли намъ посидѣть? — предложила м-съ Денисонъ мужу.

— Хорошо,—согласился онъ:—въ такой день и въ такой мѣстности, которая дышетъ тишиною, всякое движеніе кажется оскорб-

леніемъ самой природы. Не наше дѣло нарушать ея безмятежный покой.

Въ голосѣ его слышалась необычная мягкость и жена подмѣтила, что во взглядѣ его отражалось какое-то непривычно-ясное чувство счастья и довольства. Это придало ей смѣлости и она, полная ожиданія, сѣла рядомъ съ мужемъ, на пескѣ, давая солнцу полную волю жечь ее своими лучами.

Денисону не хотѣлось говорить; тишина обаятельно дѣйствовала на него и клонила къ мечтательности,—чего съ нимъ обыкновенно не случалось, когда онъ былъ не одинъ. Но м-съ Денисонъ не имѣла ни малѣйшаго представленія о томъ, что̀ могъ думать или чувствовать ея мужъ въ эту минуту, какъ не чувствовала и того, что тишина роскошнаго тропическаго дня могла имѣть не только для него, но и для нея особое обаяніе. Ей хотѣлось говорить, болтать; ей казалось, что она хочетъ сказать мужу что-то такое новое, рѣшительное и прекрасное.

— Скажи мнѣ, Гарри,—начала она:—вѣдь на свѣтѣ не можетъ быть полной любви безъ полной откровенности?

Словно холодной водой окатилъ бѣднаго мечтателя порывъ болтливости его хорошенькой супруги. Мечты его разлетѣлись во прахъ, спугнутыя неожиданнымъ перерывомъ. Онъ довольно удивленно вскинулъ глазами на Эниду и отвѣчалъ:

— Да; многіе такъ думаютъ.

— Ну, значитъ, это вѣрно! Папа говоритъ, что мнѣніе большинства всегда справедливо.

— Вотъ какъ!

— И это большое утѣшеніе, потому что тогда не можетъ случаться много зла на свѣтѣ. Мнѣ часто приходитъ въ голову это разсужденіе, когда говорятъ по привычкѣ, что Англія „вся пойдетъ къ чорту“.

— Очень радъ, что это разсужденіе тебя утѣшаетъ,—отвѣчалъ Денисонъ и тѣмъ еще больше ободрилъ жену; или, по крайней мѣрѣ, ей такъ показалось, что ее ободрили мужнины слова.

Она оперлась головкой и прислонилась къ плечу мужа, а онъ настолько вышелъ изъ своей обычной сдержанности, что обвилъ рукою ея нѣжный станъ.

— Я такъ и знала, Гарри, что ты согласишься съ мнѣніемъ папа,—продолжала она утвердительно, хотя и не имѣла на это никакихъ основаній.—Онъ вѣдь считаетъ тебя очень умнымъ!

— Твой отецъ здравомыслящій человѣкъ.

— О, да! Но мнѣ хотѣлось поговорить съ тобою объ откровенности...

— Говори, дорогая!

— Я только хотѣла высказать тебѣ мое главное желаніе,— чтобы любовь наша была полна и совершенна.

— А развѣ она теперь уже не полна и не совершенна?

— Ну... еще не совсѣмъ! Видишь, истинная любовь исключаетъ чувство страха, а я... я вѣдь все еще побаиваюсь тебя... немножечко, Гарри!

Онъ снисходительно улыбнулся,—чего еще съ нимъ никогда не случалось; впрочемъ, такого рода бесѣда была для него новостью.

— Но сегодня-то тебѣ хотѣлось бы отбросить въ сторону свой страхъ?—проговорилъ онъ.

Энида была просто въ восторгѣ.

— Какой ты догадливый! — радовалась она: — Ну, да! Я только этого и добиваюсь. Я думаю, что боюсь тебя потому, что ты меня еще не знаешь. Мнѣ, понимаешь, кажется, что я иной разъ озадачиваю тебя своими словами или выходками. Понятно, ты меня любишь; но мнѣ сдается, что ты меня изучаешь; ты не перестаешь приглядываться и прислушиваться ко мнѣ. Меня даже волнуетъ твое пытливое вниманіе до того, что я просто боюсь быть сама собой...

Огонекъ любопытства сверкнулъ въ блестящихъ карихъ глазахъ Денисона.

— Ахъ, ты, недовѣрчивая моя! — сказалъ онъ.—Итакъ, ты хочешь непремѣнно, чтобы я тебя понималъ вполнѣ?

— О, да, мой дорогой!

— И ты думаешь, что это возможно? Ты думаешь, что люди могутъ совершенно понимать друга друга?

— О, да! Мнѣ кажется, что я вполнѣ тебя понимаю.

Улыбка Денисона опять приняла свой обычный, холодно насмѣшливый оттѣнокъ.

— Радуюсь за тебя, если ты можешь испытывать въ этомъ увѣренность,—проговорилъ онъ.—Ну, такъ ты и меня поставь въ такое же завидное положеніе относительно тебя: нехорошо вѣдь съ твоей стороны такъ обогнать меня на скачкахъ къ нашей общей цѣли—супружескому счастью!

— Ну, что жъ, попробую! — возразила Энида, и въ первый разъ съ начала разговора голосъ ея немного дрогнулъ нерѣшимостью.—Но это... это очень трудно,—замѣтила она послѣ минутнаго молчанія.

— Всякое признаніе не легко; хотя, впрочемъ, признаваться въ образѣ мыслей должно быть легче, нежели въ понесенной не-

удачѣ. Ты, значитъ, съ самаго начала уяснила себѣ мой внутренній строй; дай же мнѣ уяснить себѣ—тебя!

Но колебаніе Эниды возрастало; она смутно чувствовала, какъ что-то въ ихъ взаимномъ положеніи перемѣнилось, и это предчувствіе не дало ей возможности ощутить въ душѣ полное счастье,—какъ ей это показалось бы естественнымъ послѣ ихъ дружеской бесѣды. Молодая женщина была теперь, напротивъ того, нервно настроена, тѣмъ болѣе, что мужъ ея смотрѣлъ на нее какъ-то критически пытливо.

— Ты уже отдалась мнѣ всѣмъ сердцемъ,—сказалъ онъ во время ея нерѣшительнаго молчанія:—отдайся же и всей душою!

— Мнѣ самой такъ бы этого хотѣлось; только я... я не знаю, какъ это сдѣлать? Всякому хочется, чтобъ его понимали,— прибавила она, ластясь къ мужу и спустивъ голосъ до нѣжнаго шопота.

— Особенно женщинамъ: это имъ даже необходимо; но онѣ наряжаютъ свою душу въ ленты и цвѣты, и даже въ чувствахъ своихъ слѣдуютъ такимъ страннымъ модамъ, что я только могу удивляться, какъ это модные журналы еще не додумались до того, чтобы еженедѣльно посвящать хоть одинъ столбецъ описанію изящнѣйшихъ магазиновъ, въ которыхъ можно покупать самыя модныя мысли и чувства, которыя наиболѣе къ лицу.

— Я бы этого столбца никогда не читала, милый: мнѣ кажется, я для этого черезчуръ проста душою. Мнѣ ужъ давно хотѣлось поговорить съ тобой объ этомъ;—особенно же съ того вечера, когда ты слѣдилъ за моей молитвой. Тебѣ тогда хотѣлось знать, о чемъ я просила Бога?

— Да.

— Я просила его, чтобы ты пересталъ пытливо изучать меня; чтобъ у тебя побольше тогда оставалось времени меня любить,— тихо и вся зардѣвшись сказала Энида.

Его лицо подернуло нервнымъ движеніемъ; но она ничего не замѣтила. Онъ наклонился къ ней и поцѣловалъ.

— Во мнѣ такъ мало достойнаго изученія,—продолжала она.

— И такъ много достойнаго любви,—докончилъ Денисонъ.— Съ этой минуты я отказываюсь изучать тебя и сыщикъ уступаетъ мѣсто просто мужу.

Энида крѣпче прижалась къ его рукѣ и заглянула ему въ лицо своими чудными темными глазами, которыми восхищались даже великосвѣтскіе обитатели Гайдъ-Парка.

— А я надѣялась, что ты скажешь... влюбленному,—прошептала она.

— Ну, я и скажу!—отвѣчалъ мужъ и дѣйствительно такъ и сказалъ; а въ то же время его неудержимо тянуло наброситься на глупую женщину, которая разрушила его мечты, и прокричать надъ ней въ ярости:

— Безумная! Зачѣмъ, зачѣмъ ты допустила меня разгадать тебя?!

II.

Дневной поѣздъ изъ Измаиліи въ Каиръ съ тяжелымъ грохотомъ катился по песчаной пустынѣ, залитой жгучимъ солнцемъ. Окна вагоновъ были закрыты наглухо, занавѣски спущены во избѣжаніе пыли и зноя; но тонкая песочная пыль ухитрялась прорываться въ вагонъ и садилась на его стѣнки, сѣтки и подушки, не говоря уже о платьяхъ, шляпахъ и лицахъ злосчастныхъ пассажировъ.

Денисоны сидѣли другъ противъ друга. Энида утопала въ массѣ кисейныхъ покрововъ, которые почему-то составляютъ непремѣнную принадлежность англичанокъ за границей. Она читала одинъ изъ рождественскихъ нумеровъ какого-то журнала и вновь переживала въ памяти праздникъ Рождества Христова. Мужъ ея сидѣлъ, прислонясь къ спинкѣ дивана и, казалось, дремалъ.

Единственными ихъ попутчиками были: дама лѣтъ подъ сорокъ и высокій юноша лѣтъ двадцати. Его смертельно-блѣдное лицо, сверкающіе черные глаза и страшная худоба обличали въ немъ одного изъ тѣхъ несчастныхъ, которые бѣгутъ за границу, чтобы встрѣтить призракъ неумолимой смерти гдѣ-нибудь подальше отъ дома,—ото всѣхъ, кто ихъ знавалъ еще полными силы и надеждъ. Они говорили урывками, какъ люди грустные и несчастные. Но и то говорила больше мать, стараясь всѣми силами заинтересовать сына въ чемъ-либо изъ окружающихъ картинъ, смѣнявшихся по мѣрѣ того, какъ поѣздъ шелъ впередъ. Она обращала его вниманіе то на вереницы верблюдовъ, то на странныя кучи своеобразнаго хвороста, замѣняющаго здѣсь дрова; то на живописныя фигуры арабовъ, поразительно напоминающія изображенія первобытныхъ библейскихъ патріарховъ... Замѣчанія ея были умны и мѣтки; она видимо была настолько развита и самостоятельна, чтобы не полагаться всецѣло на замѣтки и описанія „Путеводителя“. Но сынъ мало обращалъ вниманія на ея слова. Съ угрюмымъ, зловѣщимъ выраженіемъ на лицѣ, онъ молча смотрѣлъ въ окно неподвижнымъ взоромъ, изрѣдка проводя языкомъ по засохшимъ губамъ или отирая тонкимъ шолковымъ платкомъ потъ, высту-

павшій у него на лбу и на щекахъ. Безнадежное отчаяніе таилось въ глубинѣ его блестящихъ глазъ.

Денисонъ, обыкновенно подмѣчавшій все и за всѣми, сегодня былъ чѣмъ-то озабоченъ. Онъ сидѣлъ съ закрытыми глазами, но не спалъ, а лишь дѣлалъ видъ, что дремлетъ, для того, чтобы не выслушивать замѣчаній со стороны Эниды, которая (какъ ему казалось) имѣла особый даръ, свойственный женщинамъ, быть разговорчивой не во-время. Теперь же именно и была бы ея разговорчивость особенно некстати... съ точки зрѣнія мужа, который въ настоящую минуту былъ занятъ тѣмъ, что припоминалъ всю сцену на берегу Суэзскаго канала.

Итакъ, онъ еще разъ ошибся!.. Его поразительно ловко обошла сама природа, одарившая Эниду парой мечтательныхъ, глубокихъ глазъ. Ему казалось, что въ нихъ лежитъ неизвѣданная глубина мысли и чувства. Но считать Эниду глубокой или непонятной—это уже значило быть къ ней несправедливымъ. Ея внезапное стремленіе, чтобы мужъ понялъ ее совершенно, показывало ея совершенную простоту,—въ этомъ мужъ былъ теперь достаточно убѣжденъ: къ несчастію для него, она была не изъ такихъ, которыя стали бы притворяться и разъигрывать изъ себя простушку. Къ сожалѣнію, онъ никакъ не могъ допустить, чтобы Энида лишь старалась показаться ему простодушной, чтобы поддержать въ немъ интересъ къ себѣ. Да, она была положительно чистосердечна; она не стала бы смѣяться, когда ее душили бы слезы, не стала бы пѣть и плясать съ тоскою въ сердцѣ. Она была, какъ сама говорила, простушка, и на этой-то простушкѣ судьба судила ему жениться!..

Такъ думалъ онъ, сидя съ закрытыми глазами, въ которые однако попадала тонкая песочная пыль.

— Да, она положительно простушка изъ разряда тѣхъ, которыя живутъ не собственною мыслью, а убѣжденіями; не желаніями и личными стремленіями, а вѣрою на-слово. Она—самая заурядная мѣщаночка, нарядившаяся свѣтской женщиной и разъигрывающая роль лондонской красавицы. Умъ у нея самый сѣренькій, заурядный и такой же безцвѣтный, какъ та шерсть, изъ которой она вѣчно вяжетъ что-нибудь по рисунку, который можно встрѣтить въ первой попавшейся лавчонкѣ.

— Наконецъ-то я ее разгадалъ и могу спокойно отнести къ той или другой категоріи женщинъ и нѣтъ у меня ни малѣйшей надежды на то, чтобы я хоть отчасти заблуждался на ея счетъ. Какъ глубоки или необъяснимы ни были бы теперь ея выходки,

мнѣ будетъ невозможно отрѣшиться отъ мысли, что въ глубинѣ ихъ лежитъ заурядное простодушное и недалекое мѣщанство"...

Какъ разъ въ эту (не особенно радостную для него) минуту размышленія его были прерваны голосомъ юноши-брюнета, который сидѣлъ наискось отъ него, въ углу дивана.

— А я считаю, что всѣ эти виды страшно некрасивы, и мнѣ просто противно это жгучее солнце среди зимы... Джимъ теперь, вѣроятно, на охотѣ. Интересно бы знать, гдѣ у нихъ назначенъ сборный пунктъ? Собрались ли они всѣ сегодня?.. Чортъ побери этотъ дурацкій песокъ!

Онъ умолкъ, но лишь затѣмъ, чтобы вздохнуть глубоко и сердито.

Затѣмъ послышался голосъ матери, кротко говорившій:

— Вотъ мы скоро и въ Каирѣ, милый! Я знаю, что тебѣ понравится Mena House; тамъ множество верховыхъ лошадей и прекрасныхъ,—лордъ Шафтонъ мнѣ сказалъ.

— Лордъ Шафтонъ знаетъ толкъ въ лошадяхъ,—возразилъ юноша нѣсколько оживленнѣе.—Онъ славный малый!

Денисонъ почувствовалъ, что невольно улыбнулся при этихъ словахъ: такое чисто-британское умозаключеніе даже его не могло не позабавить. Ему всегда казалось, что всѣ юноши—англичане—на одинъ покрой; но онъ самъ былъ когда-то молодъ, а между тѣмъ ему уже не въ первый разъ пришла въ голову мысль, что онъ самъ скорѣе иностранецъ, нежели сынъ своей родины. Прислушиваясь къ голосамъ собесѣдниковъ, онъ тѣмъ яснѣе различалъ ихъ слова, что глаза его были закрыты. Но голосъ юноши былъ какъ и голосъ всякаго другого въ его годы; голосъ матери—какъ голосъ всякой матери вообще, ... или, по крайней мѣрѣ, ему такъ казалось сначала.

— Интересно, скоро ли я буду въ состояніи опять идти на охоту?—съ тревогой спрашивалъ себя вслухъ юный англичанинъ.— А какъ, бывало, весело мы тамъ охотились съ Пичлеемъ. Мнѣ даже подумать противно, что на моей „Зоѣ" ѣздитъ кто-нибудь другой...

— Никому, кромѣ тебя, ѣздить на ней не придется: я приказала, чтобы никто не смѣлъ на нее садиться, пока... пока ты не вернешься.

При этихъ словахъ, голосъ говорившей вдругъ понизился.

— Это прекрасно съ твоей стороны, mea mater!—поспѣшно проговорилъ юноша: — Бѣдная моя лошадка! Жалко подумать, что ее теперь гоняютъ на кордѣ, въ попонкѣ, а мы-то здѣсь

сидимъ, безъ нея, въ этой глупѣйшей Сахарѣ или какъ бишь ее? Все здѣсь чертовски грубо и глупо!

— Со временемъ ты свыкнешься съ Египтомъ...

— Ну, это уже развѣ кто другой, только не я! Никто не можетъ свыкнуться со своей темницей, а я никогда не любилъ того, что̀ люди называютъ „живописнымъ мѣстоположеніемъ". И есть же на свѣтѣ такіе уголки, гдѣ ровно нечего дѣлать и гдѣ все знаешь наизусть! Дайте мнѣ мѣстность, гдѣ бы спортъ былъ въ ходу, а поэтовъ и артистовъ можете послать къ чорту!

Въ голосѣ его слышалось сильное раздраженіе, точно онъ горячо возражалъ кому-то.

Мать поспѣшила перемѣнить предметъ разговора.

— Ты можешь еще побывать на скачкахъ, въ декабрѣ,— проговорила она.

— Да; это все-таки лучше, чѣмъ ничего!

Онъ помолчалъ и вдругъ прибавилъ, какъ-то зловѣще и угрюмо:

— Ужъ будь покойна: я своего не упущу! Если недолго проживу, то хоть повеселюсь во всю!

Денисонъ поспѣшилъ открыть глаза; ему ужъ больше не казался складъ ума этого „англійскаго юноши" такимъ заурядным. По крайней мѣрѣ, его прежнее сравненіе казалось уже не совсѣмъ подходящимъ. Его тянуло еще разъ посмотрѣть ему въ лицо. Онъ взглянулъ — и былъ пораженъ, до чего рѣзкую противоположность съ блѣдно-желтоватымъ оттѣнкомъ кожи составляли большіе черные глаза юноши, полные жизни и оживленія. Все лицо его освѣщало выраженіе такой энергіи и рѣшимости, какого нельзя было отъ него ожидать, судя по общему изможденному виду его исхудалаго тѣла. Сосредоточенность мысли, отражавшаяся въ его чертахъ, была слишкомъ зрѣлымъ явленіемъ сравнительно съ возрастомъ больного, но зато тѣмъ привлекательнѣе показалась она Денисону.

„Положительно, не всѣ юноши-англичане одинаковаго покроя!"—думалъ онъ теперь.

Надо полагать, что слова сына кольнули бѣдную мать въ сердце, потому что она вздрогнула, какъ отъ удара кнутомъ; но видно она была изъ тѣхъ матерей, которыя понимаютъ, что лучшее средство противъ боли — подавить ее. Послѣ минутнаго молчанія, она спокойно проговорила:

— Намъ придется прожить здѣсь по меньшей мѣрѣ мѣсяца четыре. Весна въ Египтѣ чудо какъ хороша, а въ Каирѣ тогда закипаютъ вновь жизнь и веселье. Да, намъ дѣйствительно бу-

деть весело, когда наконецъ наступитъ весенняя пора, и ты тогда увидишь поближе общество настоящихъ космополитовъ.

— Я вовсе не то хотѣлъ сказать,—угрюмо возразилъ сынъ:— впрочемъ ты, mater, и сама это знаешь!.. Въ сущности, не все ли равно, что̀ именно я хотѣлъ сказать?—И онъ опять уставился глазами въ открытое пространство за окномъ вагона.

Не разъ случалось Денисону наблюдать за впечатлѣніемъ, которое производитъ на зауряднаго человѣка сознаніе неминуемой и сравнительно недалекой смерти, и потому онъ рѣшительно сталъ теперь еще болѣе интересоваться узнать, какъ это сознаніе отразилось на его больномъ спутникѣ. Очевидно, онъ не бросается искать утѣшенія въ религіозныхъ чувствахъ, какъ это бываетъ съ большинствомъ; но вотъ вопросъ: какъ онъ смотрѣлъ на вещи прежде, *до* своей болѣзни, и на какой путь вступилъ или рѣшилъ вступить *послѣ* того, какъ узналъ о своемъ безнадежномъ состояніи?

— А что̀, Гарри!—прервала жена нить его размышленій:—не купишь ли ты мнѣ апельсинъ... отсюда, въ окошко? Мнѣ такъ хочется пить, что я противъ воли рѣшилась бы поступить такъ неблаговоспитанно,—заключила она жалобно.

— Было бы еще неблаговоспитаннѣе съ моей стороны не исполнить твоего желанія, — возразилъ ея мужъ и дѣйствительно купилъ ей апельсинъ. Но ему показалось, что жена вѣчно обращается къ нему съ подобной просьбой, когда онъ задумается о чемъ-либо особенно важномъ или любопытномъ.

Бѣдная Энида! Въ первый разъ въ жизни вздумалось ей съѣсть апельсинъ въ присутствіи мужа и навлечь на себя его несправедливое нареканіе. Но она никогда еще не чувствовала себя такой счастливой; она радовалась, что ей, наконецъ, удалось раскрыть передъ мужемъ всю свою душу. Теперь ужъ и голая песчаная пустыня, и вьючные верблюды казались ей чудомъ красоты. А вечеромъ, при свѣтѣ розоваго южнаго неба, озарявшаго египетскія пирамиды, которыя виднѣлись изъ окна ея комнаты, она восторженно заявила мужу:

— Ну, что̀ за прелесть эти пирамиды!

И она была просто поражена, когда, вмѣсто отвѣта на ея восторженный возгласъ, на губахъ ея „Гарри“ опять появилась знакомая, обычная саркастическая улыбка.

Нѣсколько дней спустя, Денисоны поѣхали въ небольшой туземной телѣжкѣ осматривать эти самыя пирамиды.

Солнце ярко свѣтило надъ рѣкою, берега которой были запружены шумливой толпой. Двигались вереницы вьючныхъ верблюдовъ; группы продавцовъ и продавщицъ спѣшили по направленію къ великолѣпной аллеѣ акацій, ведущей прямо къ пустынѣ; женщины подгоняли своихъ ословъ; бородатые, статные мужчины шли, степенно бесѣдуя. Чистый, ясный воздухъ звенѣлъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ голосовъ, къ которымъ примѣшивались и голоса молодыхъ супруговъ, также болтавшихъ, покачиваясь въ своемъ миніатюрномъ экипажѣ, въ то время, какъ ихъ кучеръ пробивалъ себѣ дорогу сквозь толпу, поминутно покрикивая свое неизмѣнное: „Уу...а!"

— А что̀, Энида, тебѣ не кажется, что здѣсь черезчуръ много индюковъ? — съ обычной насмѣшливостью спросилъ Денисонъ.—Я бы желалъ путешествовать, не чувствуя себя туристомъ: это страшно унизительное ощущеніе. Въ первый разъ осматривать пирамиды и знаменитаго сфинкса, — да это все равно, что вновь народиться на свѣтъ божій и обратиться въ новорожденнаго младенца... Когда состаришься, то не разъ (и весьма разнообразно) можетъ случиться такое перерожденіе.

— Мнѣ кажется, видъ этихъ пирамидъ долженъ приводить всякаго въ волненіе,—замѣтила молодая женщина.

— Не особенно; слишкомъ ужъ это все похоже на картинки. А всему виною верблюды: благодаря имъ, все вокругъ получаетъ библейскій отпечатокъ. Но неужели тебѣ не жутко стать лицомъ къ лицу съ однимъ изъ величайшихъ чудесъ свѣта? А между тѣмъ всякій, какъ ни старается проникнуться чувствомъ почтительнаго страха, все-таки не забудетъ ни на минуту своихъ личныхъ мелочныхъ интересовъ. Глядя на внушительный обликъ сфинкса, невольно думаешь съ тревогой, что въ гостинницѣ ждетъ тебя пережаренный завтракъ и что египетское солнце ужъ вовсе не художественно припекаетъ.

— О, Гарри! Отъ него легко закрыться зонтикомъ.

— Ну хорошо; но отъ пережареннаго завтрака и зонтикъ не спасетъ! А я такъ рѣшительно боюсь этого „развѣнчаннаго великана", безобразнаго сфинкса. Его величественное безобразіе было у насъ въ семьѣ ходячимъ выраженіемъ; да и не мы одни, а всѣ туристы испытывали (и еще испытываютъ) паническій трепетъ при видѣ чудовища-колосса. Я увѣренъ, что мои нервы измѣнятъ мнѣ и что я неожиданно разражусь, къ стыду моему, громкимъ смѣхомъ...

— А въ иллюстраціяхъ онъ такъ хорошъ!

— Еще бы! Въ иллюстраціяхъ будетъ все казаться прекраснымъ.

— Мнѣ кажется, что этотъ сфинксъ — живое существо,— продолжала Энида;—но существо, скрывающее свою тайну отъ людей изъ вѣка въ вѣкъ.

— Сфинксъ—и вѣчная загадка!—подхватилъ Денисонъ.—Ну, можно ли себѣ представить, чтобы его окаменѣлое, гранитное лицо могло, какъ и живое, выразить, напримѣръ, вопросъ: почему мельникъ долженъ ходить въ бѣломъ колпакѣ?

— О, Гарри, ты все удовольствіе способенъ мнѣ испортить.

— И конечно это весьма нелюбезно съ моей стороны. Лучше ужъ не будемъ мѣшать этому чудовищу произвести на насъ подобающее впечатлѣніе. Впрочемъ, и то сказать, насмѣшливое отношеніе къ тому, чего не понимаешь,—скорѣе принадлежность низшихъ классовъ, нежели культурныхъ. Постараемся же какъ можно больше любоваться сфинксомъ; во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ намъ пріѣсться, какъ нашимъ спутникамъ, которые живутъ по сосѣдству съ нимъ, въ своемъ Mena-House-Hôtel. Даже странно подумать, что есть на свѣтѣ люди, которые могутъ уживаться бокъ-о-бокъ съ такимъ выдающимся явленіемъ, какъ чудо свѣта! Не говоря ужъ о неприличіи тревожить его вѣковѣчный покой, довольно и того, что будешь напрягать всѣ свои силы, дабы удержать свой восторгъ на подобающей высотѣ. Пожалуйста, и не проси меня хотя бы недѣлю прожить тамъ, у пирамидъ: я бы не выдержалъ все это время говорить объ одномъ только сфинксѣ!

— Не буду, милый! — промолвила Энида въ ту самую минуту, какъ они въѣзжали изъ аллеи акацій на просторъ, гдѣ вокругъ величественной пирамиды стояли шумъ толпы и суета, неразлучные съ нею.

— Лучше позавтракаемъ сначала, а потомъ уже отправимся обозрѣвать всякія чудеса!—предложилъ Денисонъ:—тогда нашъ умъ будетъ менѣе склоненъ поддаваться будничнымъ интересамъ.

И Денисоны прежде всего направились къ гостинницѣ Mena-House.

III.

Позавтракавъ и выйдя на крыльцо, чтобъ ѣхать дальше, молодые супруги замѣтили, что ихъ уже опередила цѣлая компанія туристовъ безъ проводника и толмача, съ шумомъ и крикомъ спѣшившая къ пирамидамъ. Денисоны сѣли на ословъ и поѣхали

вслѣдъ за шумливой компаніей; зато ихъ самихъ сопровождали назойливые толмачи-арабы, бѣжавшіе кто рысцой, пѣшкомъ, а кто на флегматически-шагавшихъ ослахъ.

Доѣхавъ до пирамиды, они осмотрѣли ея прочное основаніе и позабавились кой-какими замѣчаніями насчетъ туристовъ, имѣвшихъ дерзость взбираться вверхъ по ея гранитной поверхности; затѣмъ, не теряя времени, отправились прямо къ сфинксу.

Денисонъ былъ въ насмѣшливомъ настроеніи. Впрочемъ, всякаго рода зрѣлища вызывали въ немъ саркастическій складъ мысли.

— Даже такого серьезнаго и развитого человѣка, какъ я,— проговорилъ онъ,—вліяніе этого колосса побуждаетъ говорить и дѣлать что-нибудь необычайное, поразительное. Знаешь, все время, пока мы осматривали пирамиду, у меня невольно почему-то вертѣлось на языкѣ: „этотъ домъ строилъ Джэкъ, Джэкъ"... и мнѣ стоило большого труда удержаться, чтобъ не пропѣть вслухъ всего, до конца. Слышала ты, какъ вонъ та старушка сказала: „какая забавная постройка!?"—Да, именно „постройка" и есть настоящее для нея названіе! А мужъ сказалъ ей въ отвѣтъ: „Чтò за странный народъ, должно быть, были эти египтяне!" Мнѣ самому, кажется, захочется разсмѣяться при взглядѣ на сфинкса.

Энида была положительно озадачена.

— Нѣтъ, Гарри; ужъ, пожалуйста, не надо! Это было бы такъ некстати... да и неловко передъ этими арабами. Они вѣдь въ нѣкоторомъ родѣ считаютъ эту землю и все, чтò есть на ней, своей личной собственностью; и насмѣшка могла бы ихъ обидѣть.

— Ахъ, да! Такъ, значитъ, мы не имѣемъ права порицать то, чтò имъ принадлежитъ? такъ ли? — продолжалъ онъ.— А, вотъ и самое чудо! Не пойти ли намъ пѣшкомъ, чтобъ выказать ему побольше уваженія?

Онъ помогъ женѣ спѣшиться и оба стояли нѣсколько времени молча.

Въ отдаленіи слышался шумъ говора и смѣха приближавшихся туристовъ; но до ихъ прибытія все-таки еще можно было побыть однимъ. Денисону удалось уговорить своихъ незваныхъ толмачей остаться позади; а единственные двое, сопровождавшіе ихъ до самаго сфинкса, прикурнули у ногъ своихъ муловъ, кутаясь въ живописные синіе плащи и не заботясь объ удовольствіи созерцать величественную пирамиду, съ которой они уже не сегодня были знакомы и не чувствовали ни малѣйшаго стремленія

поясвять ея особенности или приписываемыя ей красоты и достоинства.

Пока, до прибытія шумливой ватаги, Денисонъ могъ вполнѣ насладиться уединеніемъ и вмѣстѣ съ женою глядѣлъ на покоившееся передъ ними чудовище, которое, повидимому, не обращало на нихъ ни малѣйшаго вниманія. М-съ Денисонъ держала въ рукахъ путеводитель и справлялась въ немъ:

— Арабы зовутъ его Абў-эль-Холъ, что̀ значитъ: „Отецъ ужасовъ“ или „Отецъ необъятности“...—начала она; но ее прервалъ мужъ.

— Тсс!.. Тише!—тихо проговорилъ онъ, кладя ей на руку свою руку.

На мгновеніе она умолкла въ удивленіи.

Солнце жгло немилосердно и она открыла свой бѣлый зонтикъ на блѣдно-зеленой подкладкѣ. Ящерица пробѣжала по самому подножію сфинкса, на мигъ остановилась, чтобы насладиться теплотой раскаленнаго камня, и скрылась въ его грандіозной тѣни...

М-съ Денисонъ теребила свои перчатки, начиная нетерпѣливо поглядывать на мужа. Онъ стоялъ рядомъ съ нею, повидимому погруженный въ созерцаніе этого чуда; только ей показалось, что онъ нѣсколько поблѣднѣлъ.

— Гарри! Раскрой-ка зонтикъ!—сказала она:—у тебя такой видъ, какъ будто вотъ-вотъ съ тобой приключится солнечный ударъ... Ну, какъ тебѣ нравится этотъ сфинксъ? Онъ безобразнѣе, нежели можно было ожидать. На картинкахъ онъ нравился мнѣ несравненно больше.

Отвѣта не послѣдовало. Мужъ ея пристально смотрѣлъ прямо передъ собою и точно не слыхалъ ничего. Энидѣ показалось, что онъ становится какъ-то непохожъ на себя.

— Гарри!.. Гарри, да что̀ съ тобой? Ты боленъ? Тебѣ дурно?..

— Не мѣшай намъ! —особымъ, глухимъ и многозначительнымъ шопотомъ проговорилъ онъ и тѣмъ еще больше встревожилъ жену.

Она положительно стала опасаться солнечнаго удара и, въ заботливомъ стремленіи предотвратить его, загородила голову мужа своимъ бѣлымъ зонтикомъ отъ палящихъ лучей египетскаго солнца. Не успѣлъ мужъ на это возразить что-либо, какъ его вниманіе, по счастію, было отвлечено совершенно постороннимъ обстоятельствомъ.

Одинъ изъ мальчиковъ, погонщиковъ муловъ, который усталъ

сидѣть безъ движенія на солнопекѣ, всталъ и подошелъ къ господамъ. Онъ набралъ отъ нечего дѣлать полную горсть мелкихъ камешковъ и, покачиваясь лѣниво на своихъ сухопарыхъ, загорѣлыхъ ногахъ, поднялъ руку и однимъ изъ камешковъ прицѣлился въ угрюмаго, безстрастнаго сфинкса.

Камешекъ засвистѣлъ въ ясномъ, жгучемъ воздухѣ... Денисонъ вдругъ оглянулся и лицо его передернулось отъ гнѣва. Въ ярости, однимъ прыжкомъ онъ очутился подлѣ озадаченнаго арабченка и ошеломилъ его ударомъ кулака по головѣ, такъ что тотъ кубаремъ покатился прочь по раскаленному песку.

Мальчишка вскочилъ и съ громкимъ крикомъ испуга, рыдая, рванулся впередъ, убѣгая по направленію къ пирамидѣ. По дорогѣ, онъ толкалъ прохожихъ и туристовъ, пугая ихъ своимъ неистовымъ крикомъ, словно за нимъ гнались тысячи чертей.

М-съ Денисонъ отшатнулась отъ мужа совершенно въ испугѣ: его возбужденіе казалось ей безмѣрнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, лицо его разгорѣлось, какъ еще никогда, дыханіе было громко и прерывисто, а пальцы сжимались и разжимались, словно сдавливая горло мальчишка, который его разгнѣвалъ.

— Гарри! Гарри! Чтò ты, милый? Чтò съ тобой?..—восклицала она.

— Да какъ онъ смѣлъ?.. Какъ смѣлъ?..—повторялъ тотъ, прерывистымъ и глухимъ голосомъ, оглядываясь на мальчишку, который остановился и повидимому разсказывалъ окружающимъ погонщикамъ и туристамъ свое приключеніе. Онъ говорилъ, должно быть, очень горячо, потому что размахивалъ руками и усиленно двигалъ головою.

— Ну, полно, Гарри, успокойся! — успокоивала мужа м-съ Денисонъ:—вѣдь онъ только бросилъ камешкомъ и даже не въ человѣка...

— Энида! ты сама не знаешь, чтò говоришь!—возразилъ ея мужъ, и вдругъ въ немъ произошла новая перемѣна: онъ будто очнулся, краска отлила у него отъ лица и на губахъ появилась обычная холодная усмѣшка.

— Ужъ и не знаю, чтò за причина? Завтракъ ли виноватъ, или солнце, или то и другое заразъ?—проговорилъ онъ:—но мальчишка еще подбавилъ: очень ему надо было прерывать мои возвышенныя размышленія на тэму... на тэму... о мельникѣ и его бѣломъ колпакѣ. А! Вонъ онъ и самъ идетъ, окруженный цѣлымъ судилищемъ туристовъ въ качествѣ обвинительной власти. Ну, я полагаю, пяти-піастровая монетка будетъ самымъ лучшимъ пластыремъ для его тяжкихъ ранъ.

Онъ опустилъ руку въ карманъ, пошарилъ въ немъ и, вынувъ оттуда требуемую монету, протянулъ ее мальчику, который продолжалъ на ходу лить неизсякаемыя слезы и тѣлодвиженіями въ лицахъ изображать на себѣ жестокое съ нимъ обращеніе иностранца. При видѣ блестящей монетки, слезы его мгновенно изсякли и онъ ловко очутился подлѣ „жестокаго иностранца". Еще мигъ—монета очутилась у него въ кулакѣ и все его лицо расплылось въ пріятную улыбку. Онъ затараторилъ бойко и весело, любезно помогъ Денисону сѣсть на мула и побѣжалъ рядомъ съ нимъ въ припрыжку, осыпая его всевозможными похвалами и любезными эпитетами, объявляя рѣзкимъ, визгливымъ голосомъ, что „любитъ милаго господина" больше, чѣмъ даже свой „правый" глазъ—кстати сказать—единственный, которымъ онъ что-нибудь видѣлъ.

Но Эниду не такъ-то легко было успокоить и она рѣшила добиться отъ мужа настоящаго отвѣта.

— Что это было съ тобою, милый? — допытывалась она по дорогѣ домой.—Тебѣ не увѣрить меня, что ты уже опять совершенно здоровъ. Я убѣждена, напротивъ, что солнце серьезно повредило тебѣ; кромѣ того, намъ не слѣдовало ѣхать тотчасъ же послѣ завтрака.

— Да нѣтъ же, я совершенно здоровъ. Здоровѣе даже, чѣмъ когда-либо!

— Знаю, знаю: ты хочешь только меня успокоить, боишься мнѣ признаться!

Такое приставанье угрожало нарушить миръ и тишину, которыми дорожилъ мечтатель; поэтому онъ поспѣшилъ разувѣрить жену. Онъ слегка разсмѣялся и нѣсколько мягче прибавилъ:

— Еслибъ не этотъ дрянной мальчишка, мнѣ, можетъ быть, и удалось бы поступить вполнѣ подобающимъ образомъ и почувствовать благоговѣйный трепетъ передъ сфинксомъ, какъ приличествуетъ истому англійскому туристу.

— Такъ, значитъ, онъ понравился тебѣ?

— И самъ не знаю. Можетъ быть, онъ и понравился бы мнѣ, еслибъ не его прикрашенное изображеніе въ иллюстрированныхъ изданіяхъ... А, вотъ мы ужъ и дома! Осталось только надѣлить погонщика бакшишемъ и напиться чаю.

Сидя въ качалкахъ, на верандѣ гостинницы, Денисоны замѣтили невдалекѣ ту самую даму съ юношей, которая была ихъ попутчицей отъ Измаиліи до Каира.

Она сидѣла одна въ плетеномъ креслѣ съ крышкой, но зоркій женскій взглядъ м-съ Денисонъ живо подмѣтилъ, что бѣлое платье и большая бѣлая шляпа были очень ей къ лицу и что подъ сѣнью широкихъ полей темныя, красиво очерченныя брови и быстрые глаза незнакомки еще выгоднѣе оттѣнялись. Эта дама читала какой-то французскій романъ и то-и-дѣло посматривала на дорогу, точно поджидая кого-то.

Денисонъ тоже внимательно наблюдалъ за нею, потому что сказалъ женѣ, прихлебывая чай, который имъ подали на воздухъ:

— А наши спутники живутъ вѣдь по сосѣдству съ сфинксомъ...

— Да. Какая она прелесть!

— Энида! Ты не настоящая женщина, если способна восхищаться красотою другихъ женщинъ!

— Ужъ вы, мужчины, думаете непремѣнно, что женщины только завистью и живутъ!

— А вы, женщины, думаете, что мужчины всѣ поголовно черствые эгоисты,—возразилъ мужъ горячѣе обыкновеннаго.— Отчего бы людямъ обоего пола не признавать своихъ обоюдныхъ совершенствъ? Но нѣтъ! Они слѣпы, какъ тѣ, которые не различаютъ красокъ и однѣхъ не видятъ, а другихъ не желаютъ замѣчать. Такіе люди не задумаются утверждать, что души чистыя, какъ бѣлый снѣгъ, сѣры и однообразны... точь-въ-точь, какъ современные поэты-декаденты, имѣющіе смѣлость утверждать, что деревья фіолетоваго цвѣта, а моря—пурпуроваго... Ну, конечно: женщины отъ природы *не* завистливы, а мужчины—*не* эгоистичны!

Они посидѣли немного въ полномъ молчаніи, тѣмъ болѣе, что солнце и усталость располагали къ тихой лѣни, а передъ ихъ глазами разъигрывались забавныя и разнообразныя сцены—любопытнѣе и, главное, оживленнѣе всякой комедіи.

Каждая изъ европейскихъ національностей принимала въ нихъ живѣйшее участіе. Арабы-толмачи и проводники, въ своихъ длинныхъ живописныхъ бѣлыхъ одеждахъ, собирали тутъ же обильную жатву съ кармановъ туристовъ англичанъ, французовъ, итальянцевъ, русскихъ, нѣмцевъ и другихъ. То были сцены, полныя споровъ, взрывовъ негодованія, гнѣва и разбоя. Онѣ чередовались всѣ безъ перерыва, безъ перемѣны декорацій, которыми служили безбрежная песчаная равнина, залитая солнцемъ, но въ глубинѣ „сцены" красовалась величественная пирамида. Изрѣдка случалось, что суматоху прерывалъ громкій вопль испуга, и какой-нибудь дородный старичокъ или не менѣе дородная пожилая

дама летѣли съ подвернувшагося сѣдла прямо носомъ въ песокъ, причемъ разражались, конечно, попреками и угрозами...

Денисоны сидѣли, наблюдали и тихонько потягивали чай, когда вдругъ раздался бѣшеный топотъ и въ карьеръ влетѣла во дворъ запыхавшаяся лошадь, вся въ мылѣ. Толпившіеся на дворѣ шарахнулись въ разныя стороны и гвалтъ моментально умолкъ. Съ коня спрыгнулъ разгоряченный ѣздокъ и, пошатываясь на ногахъ, поспѣшно вбѣжалъ по лѣстницѣ на веранду; Денисонъ тотчасъ же узналъ въ немъ смуглаго юношу,—сына красивой дамы.

Молодой человѣкъ бросился въ кресло рядомъ съ матерью и началъ говорить ей что-то нервно, возбужденно, помахивая рукой, въ которой еще держалъ хлыстикъ. Его исхудалое лицо пылало, а глаза горѣли неестественнымъ блескомъ. Мать взяла его за руку и повидимому старалась успокоить; затѣмъ оба подъ руку тихо пошли въ комнаты.

Двое-трое изъ мужчинъ, также подмѣтившихъ эту сцену, обмѣнялись улыбкой. Денисонъ обернулся къ женѣ и началъ о чемъ-то говорить, но замѣтно было, что онъ нѣсколько разъ оканчивалъ начатую фразу не такъ, какъ было-намѣревался, начиная ее. Это тѣмъ болѣе бросалось въ глаза, что эти окончанія выходили какъ-то шероховатѣе и зауряднѣе обыкновеннаго.

Наконецъ, когда ихъ экипажъ уже стоялъ у крыльца, чтобы ѣхать обратно въ Каиръ, и Денисонъ уплатилъ по счету, женѣ показалось, что мужъ не-спроста проговорилъ, стараясь придать своему голосу оттѣнокъ небрежности:

— А вѣдь здѣсь прислуживаютъ недурно; не правда ли, Энида?

— И даже очень,—согласилась жена, съ удовольствіемъ отдохнувшая отъ поѣздки по солнопеку.

— А какъ ты думаешь... Что̀ бы ты сказала, еслибы мы еще здѣсь побыли немножко?

— То-есть, завтра и... послѣ-завтра?

— Нѣтъ; денька три-четыре...

— А наши комнаты въ „Континенталѣ“?

— Ну, съ ними устроиться не трудно!

Въ словахъ его слышалась какъ бы нѣкоторая настойчивость; и это удивило Эниду.

— Мы могли бы теперь же взять здѣсь заранѣе комнаты, прежде чѣмъ уѣдемъ отсюда,—продолжалъ онъ.

— Но мнѣ казалось, что ты именно и былъ противъ этого? Ты говорилъ, чтобъ я и не думала...

— Оставаться здѣсь?.. Ну да! Всему виною мой насмѣшливый тонъ. Въ сущности, эта гостинница прелестна. Что жъ, мы закажемъ, что-ли, нумеръ?

— Если тебѣ угодно, милый! Только...

Но онъ уже исчезъ за дверью, не дослушавъ ее.

Оставшись одна, м-съ Денисонъ инстинктивно оглянулась вокругъ, ища причины для такой быстрой и необъяснимой перемѣны, какая вдругъ произошла во мнѣніи ея мужа. Въ эту минуту изъ комнатъ вышла красивая дама въ бѣлой шляпѣ и опять сѣла на свое прежнее мѣсто. Въ рукахъ у нея все еще была та же французская книжка, но она смотрѣла не въ нее, а въ пространство, прямо передъ собою. Очевидно, она и не думала читать.

— Какъ она моложава, если подумать, что у нея уже такой взрослый сынъ! — подумала м-съ Денисонъ. И вдругъ въ глубинѣ души ея зашевелилось смутное предчувствіе ревности. Неужели она и въ самомъ дѣлѣ угадала настоящую причину?

IV.

На слѣдующій же день м-съ Денисонъ, все еще не разувѣрившаяся и чуть-чуть недовѣрчивая, переѣхала съ мужемъ въ Mena-Hôtel. Настоящій сезонъ еще не наступилъ и въ гостинницѣ было далеко не тѣсно. Нѣсколько человѣкъ больныхъ, а равно и здоровыхъ иностранцевъ уже водворились въ ней на всю зиму; впрочемъ, послѣдніе лишь отдыхали передъ дальнѣйшимъ путешествіемъ по Нилу. Денисонъ съ перваго же дня присмотрѣлся къ нимъ уже настолько, что они перестали интересовать его. Вообще его вниманіе къ людямъ не было вызвано лаской или участіемъ; онъ даже никогда не слѣдовалъ модному влеченію разъигрывать роль человѣколюбца. Слабости людскія еще иной разъ привлекали его любопытство; достоинства же — никогда. Его просто забавляло наблюдать въ нихъ проявленія горя и радости, злости или волненія, доводившихъ ихъ до высшей степени страсти или отчаянія. Ему нерѣдко случалось повторять:

— Мы интересны лишь когда мы бываемъ сами собою; когда же мы не прикидываемся иными, мы являемся въ томъ настоящемъ видѣ, въ какомъ насъ Богъ создалъ. А создалъ онъ насъ прескучными!

Привлекательнѣе всего казались ему люди, когда чувствовали

себя, говорили и дѣлали все ненормально. Все странное, выходящее изъ ряду обыденнаго, привлекало его, вызывало въ немъ болѣе постоянное, холодно-насмѣшливое чувство пытливости. Но не въ пестромъ обществѣ туристовъ могло оно найти себѣ подходящую пищу: во всѣхъ главныхъ пунктахъ земного шара, гдѣ общество мѣняется безпрерывно, не мѣняется ни говоръ, ни пріемы путешественниковъ, которые говорятъ и движутся по росписанію „Путеводителя“. Есть ли между ними такіе, которые сквозь шумъ и болтовню прислушивались бы къ таинственнымъ голосамъ далекаго прошлаго, потонувшаго въ глубокой, неизвѣданной, до-исторической древности; такіе, воображенію которыхъ представлялись бы тѣни минувшаго?

Денисону, понятно, хотѣлось бы полнаго уединенія даже за обѣдомъ; но такъ какъ оно было здѣсь положительно недостижимо, то онъ условился съ дворецкимъ, чтобы его съ женою сажали ежедневно рядомъ со смуглымъ юношей и его матерью,— единственными лицами во всемъ обществѣ, которыя казались ему менѣе заурядными. Онъ инстинктивно предугадывалъ, что они-то ужъ навѣрное ему не надоѣдятъ. Больной юноша ничѣмъ не напоминалъ коренастыхъ, пышащихъ здоровьемъ юношей, типъ которыхъ ужъ давно пріѣлся нашему мечтателю. Глядя на него, Денисону казалось, что, несмотря на всю лихорадочную живость, которая сказывалась въ его глубокихъ, но сверкавшихъ глазахъ, въ каждомъ его движеніи, бѣдный мальчикъ живетъ какъ бы уже отдѣлившись отъ живыхъ. Онъ производилъ на мечтателя впечатлѣніе молодого деревца, только-что вошедшаго въ пору весенняго расцвѣта и вдругъ застигнутаго осенними морозами, съ холоднымъ вѣтромъ, который изсушилъ и разметалъ его зеленую листву. Шелестъ этихъ сухихъ, отжившихъ листьевъ стоялъ въ ушахъ у Денисона; ему хотѣлось поймать ихъ на лету и прослѣдить за тайной вымиранія по ихъ разрушающейся ткани. Ему хотѣлось этого единственно съ цѣлью развѣять тоску пустоты и однообразія жизни въ гостинницѣ; — вотъ почему онъ пожелалъ быть за столомъ сосѣдомъ блѣднаго юноши и его матери.

Въ первый же разъ за обѣдомъ ему поставили приборъ между женой и м-съ Энтри. Вниманіе Эниды было вскорѣ поглощено однимъ изъ типичнѣйшихъ туристовъ—завсегдатаевъ дорожныхъ отелей. Мужу было слышно, какъ она съ поразительной легкостью порхала изъ Буэносъ-Айреса къ озерамъ Килларнея; погружалась въ самую глубь Японіи и бродила по дикимъ лѣсамъ горнаго Валлиса; силою крылатаго слова въ одно мгновеніе ока перелетала черезъ цѣлые материки...

Денисонъ обратился къ м-съ Энтри въ надеждѣ услышать отъ нея нѣчто лучшее, нежели бѣглый и неточный перечень географическихъ свѣденій.

Она поздравила его съ удачной перемѣной пребыванія въ Каирѣ на просторъ и чистый воздухъ пустыни.

— Съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, я себя не узнаю,—говорила она.—Дѣла здѣсь мало, зато воздуху много; этотъ воздухъ дѣйствуетъ какъ настоящее шампанское, и, что̀ всего страннѣе, даже члены общества трезвости ничего противъ него не имѣютъ. Надо полагать, что и имъ, не хуже насъ, грѣшныхъ, нравится какъ можно ближе приступать къ запрещенному плоду.

— А развѣ есть на востокѣ что-либо запрещенное?—спросилъ Денисонъ. — Мнѣ всегда казалось, что вся притягательная сила запрещеннаго плода пропадаетъ, разъ что самого запрещенія не существуетъ. Это у насъ въ Лондонѣ ужъ такъ изстари ведется, что добродѣтель кажется слишкомъ суровой; здѣсь же порокъ принимаетъ привлекательный видъ и, облекшись въ синія одежды и ярко-оранжевые кушаки, выходитъ открыто пѣть и плясать на мостовой, вмѣсто того, чтобы, какъ у насъ, на сѣверѣ, прятаться отъ людей и отъ дневного свѣта.

— Лондонъ—вылитый м-ръ Стиггинсъ,—сказала его собесѣдница:—онъ тоже проповѣдуетъ всенародно трезвость и воздержаніе, а дома попиваетъ сосновую настойку.

— А все-таки въ народѣ начинаютъ замѣчать его румяный носъ и кое-что подозрѣвать о его происхожденіи. Наша столица поступаетъ какъ страусъ, который прячетъ голову подъ крыло и думаетъ, что его никто не видитъ. Ужъ не сегодня морщатся, презрительно поглядывая на него, Парижъ и Вѣна; имъ смѣшно на его забавныя ужимки. Даже столичному городу не слѣдуетъ вѣчно придерживаться одной и той же формы притворства. Вотъ кого нельзя упрекнуть въ постоянствѣ, такъ это арабовъ, которые молодецки и разнообразно врутъ одинъ передъ другимъ. Послѣдній изъ грязнѣйшихъ мальчишекъ-погонщиковъ доводитъ здѣсь ложь и притворство до такой степени совершенства, передъ которой я преклоняюсь.

— Сущіе скоты! Такъ и норовятъ тебя провести! — вмѣшался въ разговоръ юноша.—Ну, что̀ бы подумалъ о нихъ нашъ англійскій грумъ?

— А развѣ грумъ вообще что-либо думаетъ? — возразилъ Денисонъ.

— Если онъ на что-нибудь годенъ, онъ думаетъ прежде всего о своихъ лошадяхъ и о ихъ упряжи — по буднямъ, и о

своей милой—по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ,—замѣтила м-съ Энтри, принимаясь за отварную нильскую рыбу.

— Ну, а я того мнѣнія, что лучше бъ ему думать всю недѣлю о своей милой и лишь въ праздникъ—о докучной обязанности заботиться о своей лошади и ея упряжи.

— Знаю, знаю старое воззрѣніе на жизнь, какъ на веселье,— не безъ слегка-дерзкаго оттѣнка замѣтила м-съ Энтри.

— И самое настоящее, скажи на придачу! — подхватилъ юноша съ какой-то сердитой, твердой поспѣшностью и кидая на Денисона взглядъ, какъ бы вызывающій его на товарищескій обмѣнъ мыслей.—По моему: живи коротко, но живи молодецки!

— Но вѣдь такъ-называемая удалая, веселая жизнь бываетъ иной разъ такъ коротка, что и жизнью-то ее нельзя назвать,— возразила м-съ Энтри, но ея слова отнюдь не имѣли проповѣдническаго тона.

И вообще, насколько могъ замѣтить Денисонъ, отношенія между ними были совсѣмъ не такія, какъ между матерью и сыномъ; въ ея словахъ и движеніяхъ сказывалась бо̀льшая свобода мысли и моложавость, нежели можно было ожидать. Ей шелъ уже сороковой годъ, но ею не успѣла еще овладѣть та особая степенность въ манерахъ, которая неразлучна съ началомъ пятаго десятка. Она была свѣтской женщиной, и заботы материнства, повидимому, не лишали ее неизмѣннаго добродушія, которое проявлялось въ ея отношеніяхъ къ сыну. Казалось, она не считала материнскія обязанности бременемъ и докучнымъ, обязательнымъ долгомъ, а напротивъ—лучшимъ своимъ украшеніемъ, которое и носила съ достоинствомъ, но не давая это замѣтить, не выставляя это напоказъ. Такая система не осталась безъ награды; она отразилась благодѣтельно на юношѣ, который не позировалъ своимъ сыновнимъ почтеніемъ, — что̀ неизбѣжно влечетъ за собою нѣкоторую натянутость отношеній,—а смотрѣлъ на мать скорѣе какъ на товарища, способнаго понимать и раздѣлять его интересы. Въ его глазахъ, она, очевидно, была скорѣе почти равной съ нимъ по возрасту, нежели почтенной матроной, преисполненной нравоученіями, которыми она, какъ мать, обязана была начинять его съ утра до вечера, постоянно предостерегая отъ того или другого житейскаго шага.

Еще до конца обѣда Денисону стало ясно, что сынъ не скрывалъ отъ нея ничего и что тому былъ причиной исключительный даръ, присущій едва-ли одной изъ сотни самыхъ любящихъ и умныхъ матерей — умѣнье внушить своему ребенку

безграничное довѣріе, а слѣдовательно и знать его, какъ знаетъ рѣдкая мать своего роднаго сына.

Между тѣмъ, сынъ уже спѣшилъ возразить на ея замѣчаніе о краткости веселаго житья:

— Ну, mater, что-жъ подѣлаешь? Ты и сама, напримѣръ, не знаешь, почему непремѣнно одна лошадь схватитъ сапъ, а другая беретъ призы на скачкахъ?..

— Ужъ это я не берусь рѣшать, другъ мой! Только, по моему, чтѐ пустяки на скачкахъ для настоящаго породистаго скакуна, то для лошади съ сапомъ будетъ не подъ силу.

Въ этихъ словахъ слышался намекъ и довольно колкій, но не такой рѣзкій, который могъ бы обидѣть, а лишь предупредительный.

— У нѣкоторыхъ жизнь только потому и бываетъ коротка, что слишкомъ была весела; а это признакъ безразсудности эгоизма,— продолжала она, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Все равно, я намѣренъ пользоваться жизнью и веселиться, пока мы еще на семъ свѣтѣ!—полу-вызывающимъ, полу-возбужденнымъ тономъ проговорилъ Витъ Энтри.

— Да, я думаю, всѣ мы имѣемъ то же намѣреніе,—поддержалъ его Денисонъ.—Только какъ вы за это приметесь, вотъ вопросъ?

— Я ужъ принялся!—отвѣтилъ поспѣшно юноша и подкрѣпилъ свой отвѣтъ такимъ смѣхомъ, что ближайшая изъ сосѣдокъ, старая дѣва, строго взглянула въ его сторону и на лицѣ ея отразилось выраженіе безукоризненной строгости и нравственной чистоты.

— Я все уже наладилъ, и по мнѣ теперь хоть трава не рости!—заключилъ онъ.

— Да здѣсь и не выростетъ безъ хорошаго ухода; не такая здѣсь почва!—свернула разговоръ мать Энтри, и до самаго конца обѣда сосѣди болтали больше о постороннихъ предметахъ.

Но едва умолкъ шумъ отодвинутыхъ стульевъ и присутствующіе стали расходиться, какъ Витъ уже очутился рядомъ съ Денисономъ.

— Вы тоже на веранду, покурить?—спросилъ онъ.

Денисонъ отвѣтилъ утвердительно и, обернувшись къ женѣ, предложилъ ей пойти въ гостиную. Дамы вошли вмѣстѣ, и м-съ Энтри, уходя, сказала мимоходомъ:

— Витъ! Ты бы надѣлъ сюртукъ!

— Надѣну, mater!—и въ самомъ дѣлѣ, пошелъ и вернулся

уже въ сюртукѣ, хотя, застегивая его на всѣ пуговицы, имѣлъ недовольный видъ.

Денисонъ уже сидѣлъ въ качалкѣ, и Энтри бросился въ кресло рядомъ съ нимъ.

— Чертовски досадно кутаться! — заворчалъ онъ.—Въ эту долгополую штуку влѣзаешь все равно что въ саванъ... Изъ меня раньше времени уже успѣютъ сдѣлать порядочную кляксу!

— Вѣтеръ сегодня холодный: здѣсь по ночамъ зима, и только днемъ—тропическое лѣто.

— Самое лучшее мѣсто по ночамъ—Каиръ!—замѣтилъ Энтри со своимъ особымъ смѣхомъ. — Вы вѣдь сами — прямо оттуда... А? Чтò скажете?

Денисонъ испугался, что разговоръ приметъ легкій тонъ, свойственный холостой компаніи послѣ сытнаго обѣда. Усыпанный звѣздами небосклонъ казался ему совсѣмъ неподходящей кровлей для нескромной болтовни, которая больше подстать разнымъ лондонскимъ такъ-называемымъ „салонамъ".

— Мнѣ случалось бывать въ Каирѣ только днемъ, — сухо отвѣтилъ онъ.

Юноша взглянулъ на него и многозначительно кивнулъ головою:

— Простите, я забылъ, что вы ужъ человѣкъ женатый!

— Все равно, мнѣ женитьба не можетъ преградить доступъ никуда!

— И мнѣ... мнѣ тоже ни въ чемъ нѣтъ запрета, пока я... пока я не полечу къ чорту!

— Вы хотите сказать,—пока вы еще не женаты?

— Пожалуй...—заикаясь, проговорилъ онъ, и вдругъ съ горечью, твердо закончилъ:—Нѣтъ, я совсѣмъ не то хочу сказать. Есть вѣдь и другіе способы полетѣть къ чорту.

— Ну да, конечно.

— Послушайте!—сталъ откровенничать юноша:—вы, по всей вѣроятности, сочтете это страннымъ съ моей стороны; но я усталъ все хранить про себя и... и вообще, мнѣ уже все равно, чтò и кто обо мнѣ подумаетъ. Кромѣ матери мнѣ не съ кѣмъ было этимъ подѣлиться, но вы меня поймете, я увѣренъ! Я знаю, что меня ненадолго хватитъ, хоть они всѣ и продолжаютъ обманывать меня. Мнѣ только двадцать лѣтъ, а я еще не веселился, не успѣлъ пожить, какъ живутъ молодые люди; и вдругъ... вдругъ мнѣ придется такъ ничего и не повидать, не повеселиться? Чтò бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

Денисонъ повернулся къ нему лицомъ; Витъ положительно начиналъ его интересовать.

— Чтò бы *вы* сдѣлали? — повторилъ Энтри и жаднымъ взоромъ уставился въ своего собесѣдника.

Тотъ помолчалъ и мысленно какъ бы готовился приступить къ микроскопически-подробному разбору новаго для него положенія въ жизни человѣческаго существа.

— Вы спрашиваете, чтò бы я сдѣлалъ?—переспросилъ онъ: право, не знаю; только думаю, что всякій изъ насъ (хоть и въ разное время своей жизни) хочетъ испытать тотъ вихрь удовольствій, который называютъ глаголомъ „пожить".

— Пожалуй. Вотъ и я хочу пользоваться жизнью... пока не изведу себя, какъ говорятъ доктора и mea mater. Но пусть ихъ! Мнѣ ужъ и то недолго осталось. Человѣкъ! Водки съ водой, да развести покрѣпче!

Слуга тотчасъ же вернулся. Энтри глотнулъ нѣсколько разъ поглубже и опять засмѣялся:

— Чѣмъ я не молодецъ? Вотъ я опять бодръ и легокъ, какъ перышко, хоть сейчасъ на скачки! А? Какъ вы думаете? Могу я скакать?

Денисонъ не зналъ, чтò отвѣтить; пока же въ задумчивости отвѣчалъ наобумъ:

— Отчего же!—и поспѣшилъ прибавить:—вы, значитъ, веселились въ Каирѣ?

— Не очень. Вотъ бы и вамъ побывать; вы вѣдь не особенно преслѣдуете людскія слабости и пороки? Да и какая польза въ добродѣтели? Кому она нужна? Mater моя гонится за ней, конечно, но не пилитъ меня. Она все-таки у меня молодецъ и понимаетъ мужчинъ; а большинство женщинъ, конечно—нѣтъ. По крайней мѣрѣ, наши дѣвушки-невѣсты ничего не понимаютъ и не умѣютъ прощать, да и французскія также.

Хмурое лицо его еще больше нахмурилось, и онъ умолкъ.

Денисонъ не мѣшалъ его молчанію: слишкомъ ужъ оно отвѣчало его собственному настроенію. Напряженному его вниманію слышенъ былъ приливъ страстей, бушевавшихъ въ душѣ бѣднаго больного.

А подъ ними, на тихомъ небосклонѣ, сверкали безмятежно и величественно далекія звѣзды...

V.

Спальни молодыхъ супруговъ были рядомъ; такъ распорядился самъ м-ръ Денисонъ, и жена ничего по этому поводу ему не сказала, не спросила. Ее удерживало чувство какой-то непонятной неловкости, которая, однако, не доходила до страха.

Въ полночь, мужъ зашелъ къ Энидѣ проститься и подошелъ къ ней тихонько, безъ шума; но она еще не спала.

— Кончилъ курить?—спросила она, отвѣчая ему поцѣлуемъ на его поцѣлуй.

— Да, дорогая. Покойной ночи!

— И тебѣ также, Гарри!... А ты совсѣмъ здоровъ? Навѣрное?

— Конечно! И чувствую себя легко и бодро, какъ подобаетъ истому туристу. Спи же спокойно, дорогая!

Онъ потушилъ лампу и вышелъ.

Очутившись у себя въ спальнѣ, онъ проворно снялъ свой сюртукъ и одѣлся проще и теплѣе. Надѣлъ сѣрую куртку и брюки, толстые сапоги и, съ палкою въ рукѣ, остановился на порогѣ.

— Не къ чему мнѣ говорить ей, — возразилъ онъ самъ себѣ и вышелъ изъ гостинницы.

Тихо закрылась за нимъ дверь, и онъ остался одинъ на сонномъ ночномъ просторѣ, оставивъ позади длинные корридоры, окаймленные длинными рядами сапогъ, выставленныхъ для чистки.

Въ Египтѣ всѣ ложатся спозаранку. Давно угомонились погонщики и туристы; давно умолкъ однообразный крикъ продавцовъ и длинныхъ каравановъ; давно затихли топотъ муловъ и неспѣшный стукъ колесъ. Лишь кружевная листва стройныхъ, раскидистыхъ акацій трепетала, шелестя чуть слышно въ тихомъ, прозрачномъ воздухѣ.

Нигдѣ ни шума, ни шороха...

А вдали безмолвно возвышались темныя, непоколебимыя очертанія колосса, безстрастнаго свидѣтеля множества вѣковъ. Вокругъ него замерла благоговѣйная, полная таинственныхъ думъ тишина, въ которой воскресали, какъ живые, минувшіе славные и позорные, шумные и мирные годы далекаго прошлаго.

Свѣжесть воздуха заставила Денисона поднять воротникъ и быстрѣе зашагать по бѣлѣвшей впереди дорогѣ.

Онъ чувствовалъ какое-то странное волненіе. Его напряженные нервы, казалось, растянулись и дали ему вздохнуть свободно, какъ узнику, вырвавшемуся на приволье. Вольный вѣ-

теръ пустыни касался его щекъ и глазъ, ласкалъ ему лицо и руки. Торжественная тишина, царившая вокругъ безмолвнаго хранителя вѣковъ—гранитнаго колосса, захватывала его и невольно умиляла...

— Энида сочла бы меня, навѣрное, сумасшедшимъ, если бы знала, гдѣ я теперь и зачѣмъ... Надо полагать, что я и въ самомъ дѣлѣ глупъ, подчиняясь своему воображенію, какъ подчиняются другіе своимъ страстямъ и порокамъ! Если-бъ я крался, „какъ тать ночью", чтобы ограбить или убить человѣка, или спѣшилъ бы какъ влюбленный на свиданье—это всѣмъ было бы понятно, всѣмъ показалось бы возможнымъ и вполнѣ вѣроятнымъ; по крайней мѣрѣ, всякій могъ бы угадать мои мысли и чувства. Но спѣшить тайкомъ на свиданье... и къ кому же? — къ бездушной громадѣ, къ уродливому камню?! Да, на это способенъ лишь безумный или лунатикъ, не имѣющій своей воли! Развѣ не сумасшествіе—давать волю своему необузданному воображенію и не на однихъ только словахъ, а и на дѣлѣ?..

Онъ вдругъ остановился и прислушался.

Безбрежное пространство, казалось, оживало и тишина, пустыни наполнялась дивными звуками, ясными для одного лишь того, кто поддается ея волшебному обаянію... Положительно самое звучное молчаніе—это невозмутимое безволвіе пустыни!

Денисонъ молча, затаивъ дыханіе, жадно прислушивался къ дивнымъ звукамъ... И вдругъ, издали, изъ селенья, ютившагося въ зеленой равнинѣ, до него донеслись лай и завываніе собакъ. Онъ вздрогнулъ. Ему показалось, что онѣ лаютъ на него, что онѣ преслѣдуютъ его за его тайное стремленіе...

— Чтò за мученье вѣчно притворяться, стараясь, чтобы никто не угадалъ, что я сгораю тайнымъ желаніемъ дать волю своему воображенію! Я тщательно скрываю, какъ порокъ, что оно мной владѣетъ. Оно мнѣ освѣщаетъ все, чтò я вижу,—все, чтò чувствую; оно порождаетъ во мнѣ всѣ мои ощущенія. Жадное стремленіе ко всему необъяснимому, таинственному живетъ въ каждомъ изъ насъ, въ мужчинахъ или женщинахъ—безразлично; но кто посмѣетъ его проявить? Проклятое общество! Никому въ немъ не дозволяется идти прямо и безъ притворства своею дорогой, безъ опасенія понести за такую смѣлость наказаніе, всегда готовое надъ нимъ разразиться!.. Я теперь дѣйствую свободно, безъ притворства, а испугался лая собакъ, точно совершаю преступленіе.

— Если-бъ Энида знала, что я здѣсь, она приписала бы это единственно солнечному удару и пригласила бы доктора-спеціа-

листа, по двѣ гинеи за визитъ... А здѣсь передо мной существо таинственное, безстрастное и изъ вѣка въ вѣкъ не смыкающее своихъ холодныхъ гранитныхъ очей! Со всѣхъ концовъ живого міра стекаются къ нему люди, чтобы посмотрѣть на него минуть пять-шесть и разбрестись во всѣ стороны, совершенно довольные другъ другомъ... Но я такъ не могу! Я готовъ стоять, и еще стоять передъ нимъ безъ конца, спрашивая себя, какъ вчера, когда я впервые очутился передъ нимъ:—Неужели ты—дѣло рукъ человѣческихъ? И внутренній голосъ, изъ глубины души моей, опять отвѣтитъ мнѣ:—Нѣтъ, нѣтъ!—Это безуміе, но такъ мнѣ говоритъ воображеніе, и вотъ—я здѣсь!.. Я столько часовъ тратилъ на разгадку живыхъ загадокъ; почему-жъ бы мнѣ не потратить одного единственнаго часа на то, чтобы разгадать гранитную душу сфинкса, эту навѣки погребенную загадку, которой мнѣ никогда не удастся разгадать? Я смотрю на него какъ на неприкосновенную тайну, и она переноситъ мои мысли туда, куда я стремлюсь.

По мѣрѣ того, какъ Денисонъ приближался къ углубленію, въ которомъ покоится сфинксъ, сердце его билось все чаще и чаще, а въ глазахъ загорался слишкомъ яркій огонекъ, который испугалъ бы любого мирнаго жителя англійской столицы.

— Такова ужъ таинственная, роковая сила чистаго искусства,—думалъ онъ.—Оно захватываетъ насъ, уноситъ въ невѣдомый міръ чудныхъ грезъ и видѣній. Оно, какъ слабое дитя, беретъ насъ за руку и ведетъ въ горнія пространства, которыхъ намъ, слабымъ и недовѣрчивымъ созданіямъ, никогда бы однимъ и не достигнуть. Разъ какъ-то, въ частномъ домѣ на балу, я стоялъ во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, передъ картиной Бернъ-Джонса и, забывъ все на свѣтѣ — и балъ, и нарядную толпу, умчался въ мысляхъ далеко; меня неудержимо влекло за собою чувство, душившее меня слезами, которыя готовы были хлынуть... Музыка?.. Да развѣ она не увлекаетъ и не потрясаетъ до глубины души, вызывая иногда давно забытыя и лучшія наши чувства; развѣ она не радуетъ или не печалитъ насъ всѣхъ, — отъ мала до велика? Но эта грусть — не та обычная тоска отъ горя или безнадежности, нѣтъ: слезы — лишь естественное проявленіе того потрясающаго душу восторга передъ истинно-прекраснымъ, которое испытываешь прежде, чѣмъ даже успѣешь себѣ его уяснить. И это чувство — такъ отрадно, такъ оно облегчаетъ, просвѣтляетъ душу, что я опять стремлюсь испытать его вторично...

Денисонъ былъ ужъ на краю углубленія, въ которомъ, на

пескѣ, покоился сфинксъ съ неизвѣданныхъ временъ, и въ тишинѣ прохладной, ясной ночи онъ былъ одинъ, съ глазу на глазъ съ гранитнымъ колоссомъ, который долженъ былъ на вѣки остаться для всѣхъ живыхъ существъ неразрѣшимою загадкой. И чудилось ему, что вѣщій сфинксъ имѣетъ душу и этой душой видитъ его и понимаетъ, какъ не понималъ никто изъ живыхъ людей. Его умственнымъ очамъ онъ являлся той неразгаданною, той неизмѣнно-привлекательною тайной, которую всю жизнь искалъ мечтатель,—рабъ своего слишкомъ чуткаго воображенія...

Однажды, въ юности, онъ всю ночь провелъ безъ сна, наединѣ съ картиной, которая его плѣнила. Онъ чувствовалъ благоговѣйный трепетъ и жутвій восторгъ передъ изображеніемъ, которое овладѣло его чуткою душой... А на зарѣ онъ тихо, съ лицомъ, еще мокрымъ отъ слезъ таинственнаго восторга, истомленный волненьемъ, прокрался обратно къ себѣ въ комнату, чтобы никому не попасть на глаза.

Въ другой разъ такъ случилось, что онъ сжалъ въ страстныхъ объятіяхъ своихъ пѣвучую скрипку, будившую въ немъ особыя чувства. Его толкала, его влекла неудержимо настоятельная потребность — вырвать на свѣтъ божій тотъ волшебный голосъ, который лился изъ самыхъ нѣдръ ея и будилъ въ людяхъ самыя высокія, свѣтлыя ощущенія.

Онъ часто спрашивалъ себя:

— Ужъ не съ ума ли я схожу?—но тотчасъ же разувѣрялъ себя и съ холодно-насмѣшливой улыбкой продолжалъ скрывать ото всѣхъ свои настоящія мысли и притворяться. Но въ эту дивную, безмолвную ночь — прочь всякое притворство! Прочь напускная холодность! Здѣсь въ полномъ уединеніи онъ могъ дать себѣ волю, могъ безо всякаго стѣсненія восхищаться и благоговѣть передъ тѣмъ, что̀ ему казалось дѣйствительно таинственнымъ, прекраснымъ.

Стоя въ глубокомъ молчаніи передъ сфинксомъ, онъ погрузился въ созерцаніе его величественнаго, безмолвнаго лица и услужливое воображеніе сплетало ему чудныя, сказочныя грезы, будило древнія, неизвѣданныя сказанія, центромъ которыхъ былъ *онъ*, онъ одинъ — прекрасный въ своемъ безобразіи, развѣнчанный царь пустыни, вѣковой ея стражъ и хранитель!.. Денисонъ наслаждался возможностью любоваться имъ безъ свидѣтелей и въ этотъ долго жданный часъ, самъ того не замѣчая, кажется, впервые за всю свою жизнь, невольно отступилъ отъ своего обыкновенія слѣдить за своими собственными думами и чувствами и разбирать ихъ придирчиво и подробно, какъ сыщикъ. Его вос-

хищала безучастность, съ которой, повидимому, гранитный великанъ смотрѣлъ на теченіе вѣковъ и погружалъ ихъ въ тьму забвенія, какъ нѣчто незначительное и пустое...

Такъ онъ стоялъ, въ нѣмомъ созерцаніи, безмолвно, неподвижно, пока сѣрая, предразсвѣтная заря не затянула небосклонъ на востокѣ. И тихо, незримо въ сердцѣ его разгоралась новая и жгучая страсть...

Ему становилось жутко, какъ безумцу, который впервые чувствуетъ, что разсудокъ его мутится и гонится за несбыточной мечтой, а между тѣмъ онъ на половину еще сознаетъ нелѣпость своего представленія, но уже не имѣетъ силы побороть его.

Денисонъ былъ на порогѣ своей гостинницы лишь съ появленіемъ солнца.

За послѣдующіе нѣсколько дней между Денисонами и Энтри отношенія значительно сблизились; одна только Энида повидимому нѣсколько сторонилась, хотя ревность еще не особенно пустила корни въ ея маленькомъ сердечкѣ. Сверхъ того, у нея съ м-съ Энтри было слишкомъ мало общаго: та любила мѣнять свое мѣстопребываніе и свой образъ жизни,—Эниду же это ничуть не привлекало; м-съ Энтри любила музыку во всѣхъ ея проявленіяхъ; м-съ Денисонъ была исключительно того мнѣнія, что музыканты должны быть непремѣнно трепаные и неопрятные. М-съ Энтри была скорѣе, нежели ея новая знакомая, передовою женщиной: она слѣдила за движеніемъ умовъ, нравовъ и обычаевъ, и сама охотно подчинялась тѣмъ изъ нихъ, которые ей были болѣе по вкусу и по характеру. Энида инстинктивно чувствовала, что она съ м-съ Энтри не могли подружиться: слишкомъ значительна была разница въ ихъ вкусахъ и воззрѣніяхъ. Энида любила узкія дорожки въ изящныхъ садикахъ, притаившихся за густой изгородью; м-съ Энтри рвалась на просторъ, въ безбрежныя степи, на холмы и крутые пригорки. Энида придерживалась скорѣе консервативнаго направленія, нежели наоборотъ; м-съ Энтри была положительно противъ него, но не потому, чтобы она была дѣйствительно противъ существующихъ порядковъ, а просто вслѣдствіе естественной подкладки ея ума и настроенія. Она слѣдовала общему движенію умовъ, какъ человѣкъ, который идетъ съ толпою и не хочетъ отставать отъ другихъ. Ея непосѣдливость, ея тревожное стремленіе куда-то впередъ граничили съ тревожной пытливостью Денисона. Онъ даже самъ былъ пораженъ, какъ это открытіе было ему пріятно. Имъ овладѣло состояніе непрерывнаго возбужденія, которое онъ усми-

ряя въ себѣ, лишь предаваясь изученію нравовъ семейства Энтри.

Но Энида замѣтила лишь послѣднее и начала втайнѣ раскаяваться въ своемъ желаніи, чтобы мужъ перестала изучать ее. Она добилась своего: онъ больше не слѣдилъ за ней пытливо, не чувствовалъ при видѣ ея любопытства, которое служило главнымъ двигателемъ его любви къ ней. Дрожь пробирала ее при мысли, что вмѣстѣ съ уничтоженіемъ въ немъ любопытства могла уничтожиться и... Тоска одиночества при одной только мысли объ этомъ, казалось, надвигалась на нее, но она сама была въ этомъ отчасти виновата. Когда бы ни сошлись бесѣдовать ея мужъ и м-съ Энтри, она непремѣнно садилась (если ужъ не сидѣла) за письмо къ матери. Положимъ, и писала-то она все пустое; но и мать отвѣчала ей въ томъ же духѣ, что, впрочемъ, совершенно удовлетворяло ихъ обѣихъ и даже служило большимъ утѣшеніемъ для Эниды.

Большинство гостей, поселившихся въ Mena-Hôtel'ѣ уѣхало на утро въ Каиръ; въ томъ числѣ и Витъ Энтри. Мать его и Денисонъ, вышедшій подышать воздухомъ, оказались почти единственными на большой верандѣ.

М-съ Энтри не читала; раскрытая книга лежала у нея на колѣняхъ, и она не заглядывала въ нее. Онъ подсѣлъ къ ней и сказалъ:

— А я думалъ, что вы тоже уѣхали въ Каиръ?

Она улыбнулась, но довольно невеселою улыбкой.

— Нѣтъ; на сегодня я рѣшила сложить съ себя свои материнскія обязанности, хоть у меня и было стремленіе къ нимъ... Впрочемъ Витъ даже былъ этому радъ, сколько мнѣ показалось.

— Но онъ такой сынъ, что другія матери могутъ вамъ позавидовать.

— Да; но мнѣ кажется, что мы сами прибавляемъ къ жизни своей трагическія стороны. Большинство бѣдъ въ семьѣ вытекаетъ изъ ея обыденности, изъ ея нежеланія измѣнить традиціоннымъ семейнымъ отношеніямъ. Немногія изъ насъ знаютъ хорошо своихъ сыновей, и это сознаніе ихъ сердитъ, раздражаетъ; а между тѣмъ онѣ вѣдь сами виноваты, что обходятся съ ними слишкомъ по-матерински. Да и мы сами развѣ согласились бы повѣдать свои сокровенныя думы такому человѣку, который не можетъ насъ понять? Весьма естественно, что дѣти будутъ склонны обманывать такую мать, которая ихъ осудитъ, не понимая хорошенько ихъ темперамента и юношескихъ стремленій.

— У меня нѣтъ дѣтей; но еслибы они и были, я вѣроятно

не умѣлъ бы обращаться съ ними въ отеческомъ духѣ. Настоящему отцу полагается быть важнымъ, толстымъ, съ двойнымъ подбородкомъ и лишь затѣмъ призывать къ себѣ дѣтей, чтобы дѣлать имъ сцены и читать нравоученія. А эта обязанность, охъ, какъ тяжела!

— И притомъ же она такого свойства, что приноситъ съ собой значительную долю душевной боли и тревоги!—подхватила м-съ Энтри.—Но вы ужъ черезчуръ пересолили. Важность и толстый подбородокъ я еще допускаю; но сцены — никогда! У моего мальчика нѣтъ отца, и это, пожалуй, одна изъ причинъ, почему онъ относится ко мнѣ какъ къ мужчинѣ.

— А не будь у него матери, развѣ онъ сталъ бы обращаться съ отцомъ какъ съ матерью?—спросилъ Денисонъ.

М-съ Энтри раскрыла зонтикъ и отодвинула свой стулъ больше въ тѣнь. Солнце и въ самомъ дѣлѣ жгло немилосердно.

— Не понимаю, почему женщина можетъ замѣнять и того, и другого, а мужчина можетъ быть лишь чѣмъ-нибудь однимъ,— замѣтила она.

— Мужчины слишкомъ увлекаются своей суровостью; имъ кажется, что это—единственное, совмѣстимое съ ихъ достоинствомъ.

— Но суровость и непреклонность даже исключительно мужскія свойства; въ нихъ, пожалуй, и кроется причина, почему мужчина не можетъ замѣнить мать своему ребенку. Меня рѣдко принимаютъ за мать моего сына: я вѣдь катаюсь съ нимъ верхомъ и хожу на охоту. А взамѣнъ моихъ уступокъ онъ также уступаетъ мнѣ кое въ чемъ: напримѣръ, разсказываетъ про свои похожденія... Да! про всѣ...

— Однако, вы сегодня не въ Каирѣ?..

— Какъ видите.

— Вы даже, кажется, изволили сказать: „Витъ былъ радъ"...

— Ну, да!.. Но изъ моихъ словъ и нельзя было заключить, чтобы я всегда была съ нимъ неразлучна. Я сама знаю, что Витъ слишкомъ часто бываетъ въ Каирѣ.

— И вы ему такъ прямо говорите?

— Да; но какъ можно рѣже. Онъ самъ, вернувшись, признается мнѣ во всемъ откровенно.

— И вы въ этомъ увѣрены?

— Еще бы!..

Денисонъ ничего не нашелся возразить и помолчалъ съ минуту, заинтересованный тѣмъ, что м-съ Энтри дѣйствительно оказывалась незаурядной женщиной, но затѣмъ все-таки сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, я не могу себѣ представить, въ качествѣ кого онъ смотритъ на васъ во время своихъ признаній?

— Ну, въ качествѣ равнаго себѣ, товарища.

— Однако, вѣдь товарищи бываютъ разные. Не правда ли?

— Онъ смотритъ на меня, я думаю, какъ вообще на человѣка, которому ничто человѣческое не чуждо и который никого не осудитъ, даже сына родного. Мнѣ кажется, я веду съ вами довольно странный разговоръ, м-ръ Денисонъ; но вы повидимому поняли моего Вита, да и онъ почему-то успѣлъ къ вамъ привязаться, несмотря на большую разницу въ годахъ. Бѣдный мальчикъ! Пустые люди назвали бы его спятившимъ съ ума; но онъ лишь измѣнился противъ прежняго,—онъ уже не тотъ. Да и какъ бы онъ могъ не измѣниться? Сама жизнь его всецѣло измѣнилась, а онъ лишь послѣдовалъ ея теченію.

— А, такъ онъ прежде былъ совсѣмъ другой?

— Да; онъ былъ здоровый и сильный юноша; настолько здоровый, чтобы не задумываться надъ прелестью пороковъ. Совершенно здоровый человѣкъ даже скорѣе склоненъ презирать порочныхъ, а къ ихъ разряду принадлежатъ (будьте увѣрены!) лишь люди нетвердые на ногахъ!

Денисонъ слегка улыбнулся, но м-съ Энтри смотрѣла на него блестящими глазами и, въ пылу бесѣды, нагнулась впередъ подъ защитой своего большого бѣлаго зонтика.

— Вы понимаете, онъ не обращалъ вниманія ни на что порочное, не въ силу религіозныхъ убѣжденій, а просто потому, что былъ здоровъ. Но отецъ его умеръ отъ чахотки, а вскорѣ послѣ того Витъ простудился на охотѣ, и наслѣдственный недугъ проявился въ немъ тотчасъ же. Затѣмъ ему стало какъ будто временно легче, и мы уже начали надѣяться на лучшее, какъ вдругъ осеннее ненастье напомнило намъ о своемъ существованіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о существованіи рокового недуга. Этотъ грозный урокъ не прошелъ Виту даромъ: онъ сразу измѣнилъ его воззрѣнія, пробудилъ въ немъ труса, который въ сущности лишь дремлетъ непримѣтно въ глубинѣ души чуть не каждаго мужчины... Всѣ это видятъ; всѣ здѣсь въ отелѣ осуждаютъ или жалѣютъ меня, но никому неизвѣстно глубоко-трагическое состояніе моего бѣднаго мальчика. Осуждаютъ меня тѣ, которые полагаютъ, что я потворствую его легкомыслію, а жалѣютъ тѣ, которые считаютъ меня за жертву его дурного поведенія. Но посмотрите: развѣ кто изъ нихъ подумаетъ пожалѣть его самого? Кто допуститъ мысль, чтобъ я могла быть наперсницей своего сына?

Пожалуй, любая изъ матерей-англичанокъ будетъ готова счесть меня за изверга и чудовище въ образѣ женщины.

— Ну, знаете, у англичанокъ совсѣмъ своеобразные взгляды на жизнь,—замѣтилъ Денисонъ.

— Только не такіе, какъ мои! Ничего я больше не знаю и знать не хочу, какъ только то, что дитя мое чувствуетъ себя порой страшно одинокимъ въ душѣ, и я скорѣе готова бы предаваться разгулу вмѣстѣ съ нимъ, лишь бы не оставлять его одного, не предоставлять его самому себѣ! Нѣтъ, *мой* сынъ никогда не будетъ одинокъ!

Въ голосѣ ея звучала почти не-женственная твердость. Она взглянула прямо въ лицо Денисону и прибавила:

— Постарайтесь узнать его ближе и понять его. Ему такъ бы этого хотѣлось!.. Это было бы доброе дѣло съ вашей стороны.

— Мнѣ кажется, что я уже отчасти его понимаю, — замѣтилъ Денисонъ: — онъ хочетъ собрать всѣ соки жизни въ одну чашу и осушить ее до дна: какая жалость, что онъ не прошелъ той школы жизни, которая выпала мнѣ на долю и научила меня, что всѣ соки жизни не стòютъ того, чтобы въ нихъ омочить хотя бы только губы.

— Да? Неужели?

Этотъ вопросъ нѣсколько изумилъ Денисона.

— Развѣ вы?...— протянулъ онъ.

— Какъ замужняя женщина, я даже не отвѣдала ихъ; но и въ дѣвушкахъ я никогда не страдала жаждой,—отвѣчала она, подхватывая налету все, чтò могъ бы онъ самъ сказать. — Мнѣ вообще казалось, что только мужчины способны осушать всю чашу до дна, не брезгая и подонками; нѣкоторые даже увѣряютъ, что они особенно вкусны.

— По преданію, да, конечно. Но, какъ и всѣ преданія, оно вѣрно лишь на словахъ.

— Къ сожалѣнію, Витъ этого не видитъ. Я же не стараюсь ему доказывать противное, чтобы онъ не переставалъ быть со мною откровеннымъ. Вотъ еслибъ вы попробовали повліять на него, онъ убѣдился бы, что вамъ уже постыло опьянѣніе зельемъ жизни,—что вы жить устали...

— И еще какъ усталъ!—горячо подхватилъ ея собесѣдникъ.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы дали ему замѣтить всю вашу усталость. Я не могу, и только потому, что я ея не испытала на себѣ: я люблю, страстно люблю жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ... но лишь правдивыхъ, отвѣчающихъ жизненной правдѣ.

— А я терпѣть не могу всѣ проявленія жизни, которыя съ вашей точки показались бы вамъ правдивы...

— То-есть?...

— Самихъ людей.

— А!..

— Вообще говоря, я ихъ ненавижу.

— Но люди такъ разнообразны?...

— По моему, они, напротивъ, ужасно однообразны.

— Съ поверхностной точки зрѣнія,—можетъ быть! У каждаго есть свои тонкости и фокусы.

— Да, вотъ именно: фокусы! Но тогда только вы и можете убѣдиться въ ихъ однообразіи, когда взглянете глубже, нежели на одну только поверхность. Въ самой-то глубинѣ и сидятъ эти нравственные и умственные фокусы, которые у всѣхъ и всегда одинаковы, а слѣдовательно и однообразны. Разговоры и сужденія у всѣхъ и всегда одни и тѣ же, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ—безразлично!

М-съ Энтри приготовилась-было горячо ему возражать,—по крайней мѣрѣ такъ онъ заключилъ изъ ея позы и выраженія лица; но въ эту минуту на порогѣ появилась Энида. Она только-что сама снесла на почту свое письмо къ матери и подошла къ собесѣдникамъ—хорошенькая и трогательно-нѣжная.

— Съ добрымъ утромъ, м-съ Энтри! — проговорила она.— Не правда ли, прелестная погода, какъ и вообще въ Египтѣ?

На этотъ разъ Денисонъ назвалъ жену мысленно „желанною помѣхой".

VI.

Этотъ разговоръ вдругъ сблизилъ случайныхъ собесѣдниковъ, которые отнеслись другъ къ другу откровеннѣе, нежели сами ожидали. Особенно-же странно это было со стороны Денисона, который привыкъ отстранять отъ себя всякое вмѣшательство въ чужія дѣла, а тѣмъ болѣе—семейныя.

Витъ Энтри и въ самомъ дѣлѣ привязался къ Денисону, который цѣлые дни посвящалъ изученію этого несчастнаго юноши и его семейныхъ отношеній. Какъ-то разъ, въ чудный лунный вечеръ, Денисоны и Энтри сидѣли вмѣстѣ на верандѣ и тихо бесѣдовали съ больнымъ юношей, который съ ногъ до головы былъ укутанъ въ плэды и шолковые платки. Онъ казался блѣднѣе и худѣе обыкновеннаго.

— А что, скоро мы будемъ охотиться на шакаловъ?—спросилъ онъ вдругъ.

— Саидъ говорилъ мнѣ, что теперь самая пора, когда ими кишатъ пустыни Сахары.

— Ну, что-жъ, пожалуй!—весело согласилась мать.—А вы что скажете?—обратилась она къ Денисону.

— Я вообще плохой стрѣлокъ, — довольно сухо отвѣчалъ тотъ.—Впрочемъ, если не попадешь въ шакала, останется намъ на добычу пирамида—по ней промаха дать невозможно!

— Только смотрите, не попадите въ пресловутаго сфинкса: онъ ужъ и безъ того достаточно обезображенъ! — подхватилъ оживленно больной.

— Но это безобразіе дѣло рукъ времени,—возразилъ Денисонъ съ натянутой улыбкой, на которую никто не обратилъ вниманія.—Мнѣ даже кажется, что большинство древностей потому только и красиво, что разрушеніе придаетъ имъ особую художественную прелесть.

— Ну, Гарри! Будь я на мѣстѣ сфинкса, я предпочла бы сохранить въ неприкосновенности свой носъ, нежели его цѣною пріобрѣсти такъ-называемую „художественную прелесть“!—замѣтила м-съ Денисонъ.

Не успѣли эти слова сорваться у нея съ языка, какъ она увидала, что мужъ сдерживаетъ непонятное для нея раздраженіе. Ей показалось, что онъ имѣетъ такой видъ, будто намѣренъ горячо защищать отъ нападокъ какое-то отсутствующее и оскорбленное лицо. Тонкостью наблюденія Энида, впрочемъ, не могла похвалиться, а только взглянула на мужа какимъ-то полу-вопросительнымъ, полу-жалобнымъ взглядомъ.

— Арабы ничуть не уважаютъ своихъ замѣчательныхъ древностей,—сказала м-съ Энтри.—Имъ ни почемъ было бы играть въ кости въ древнемъ храмѣ или швырять камнями въ величественнаго сфинкса.

Взглядъ, который бросила Энида на мужа, сталъ еще тревожнѣе.

— Ихъ надо учить приличному обхожденію,—замѣтилъ онъ, энергично отряхивая пепелъ сигары.

— Но кто же за это возьмется? Ужъ не тѣ ли туристы-англичане, которые не стѣсняются выскабливать свои прелестныя имена: „Джонсъ“ или „Уильсонъ“, на гранитныхъ стѣнахъ пирамиды или на первомъ попавшемся придорожномъ камнѣ? Мнѣ кажется, на это плоха надежда!

— Какъ бы то ни было, а я уже попробовалъ-было вчера

образумить одного изъ мальчишекъ, который швырнулъ камень въ сфинкса,—сказалъ Денисонъ.—Я далъ ему славнаго тумака, но когда онъ поднялся на ноги, наградилъ его цѣлыми пятью піастрами.

— И очень дурно сдѣлали! — улыбаясь, подхватила м-съ Энтри.—Вы показали другимъ вѣрный путь къ піастрамъ. Теперь отбою не будетъ отъ мальчишекъ, угощающихъ камнями гранитнаго великана; а къ концу сезона отъ него, бѣднаго, не останется ни обломка!

— Не безпокойтесь! Онъ прожилъ уже такъ долго на свѣтѣ, что уморить его будетъ не такъ легко!—И Денисонъ оживленно улыбнулся, а жена поспѣшила поддержать его веселою улыбкой и отогнала отъ себя всѣ мысли о солнечномъ ударѣ и тому подобныхъ ужасахъ.

Ей нравилось, что она миловидна, и въ эту самую минуту она была въ самомъ счастливомъ настроеніи. На ней была надѣта кофточка-зуавка, которую только-что мужъ купилъ ей въ Каирѣ и которая очень къ ней шла. Энида чувствовала это; ей нравилось быть хорошенькой и молодой; нравилось сознавать, что м-съ Энтри въ этомъ отношеніи не можетъ соперничать съ нею, да и не стремится отбивать отъ нея мужа. За возрастъ ея собесѣдницы говорило достаточно краснорѣчиво наглядное доказательство—ея взрослый сынъ. Его года и стройный ростъ разувѣрили Эниду, и она мысленно рѣшила, что въ мать *такого* большого сына немыслимо влюбиться. Сама успокоенная, она захотѣла успокоить и мужа и, повинуясь внезапному приливу нѣжности, тихо коснулась его руки своей нѣжной ручкой... благо подъ столикомъ никому не было замѣтно. На ея тихое пожатіе мужъ отвѣчалъ ей тѣмъ же; но это еще не значило, что онъ раздѣляетъ чувство, подсказавшее ей поступить съ нимъ какъ съ любимой куколкой или съ ребенкомъ, котораго надо непремѣнно успокоить. Если бъ она хотя немного больше имѣла той умственной и душевной чуткости, которою щедро была надѣлена мать Вита, м-съ Денисонъ никогда (а тѣмъ болѣе въ эту минуту) не приравняла бы мужа своего къ ребенку. Ему это было положительно непріятно, тѣмъ болѣе, что онъ привыкъ на все смотрѣть особенно спокойно и равнодушно, а выводы и сужденія людскіе выслушивать съ безмолвною насмѣшкой. Выдержка его была такъ строга, что онъ вполнѣ могъ на себя положиться. Только за время своего пребыванія въ Mena-Hôtel онъ замѣтилъ за собой впервые нѣкоторую уступку, которая состояла въ томъ, что онъ не могъ удержаться отъ такихъ словъ и поступ-

ковъ, которые могли удивить или даже встревожить окружающихъ. Цѣпь, сковывавшая непроницаемую броню, которая ограждала его отъ внѣшнихъ вліяній, очевидно, ослабѣла, потому что теперь онъ долженъ былъ сначала разсуждать, а затѣмъ ужъ поступать такъ, какъ привыкъ, бывало, поступать инстинктивно.

М-съ Энтри была наблюдательна отъ природы и пытлива; трусость не входила въ число ея личныхъ недостатковъ. Поэтому она бровью не повела, когда Денисонъ поймалъ на себѣ ея участливый и почтительный взглядъ. Она выдержала его спокойно и не отвела въ сторону своихъ большихъ темныхъ глазъ, а лишь измѣнила ихъ выраженіе: въ нихъ тотчасъ же загорѣлся взглядъ бодрый, вызывающій. Съ ловкостью и непринужденностью истинно умной свѣтской женщины, м-съ Энтри перемѣнила разговоръ, а Денисонъ почувствовалъ, что за нимъ наблюдало живое существо, вниманіе котораго нельзя было отвлечь пустымъ пожатіемъ руки, какъ, напримѣръ, Эниду.

Но этому вечеру не суждено было окончиться въ мирѣ и согласіи.

Только-что простились и ушли на покой обѣ дамы, какъ вдругъ за ними поднялся и Витъ Энтри.

— Хочется мнѣ напиться,—сказалъ онъ:—пойдемте вмѣстѣ, выпьемъ!

Но Денисонъ былъ не изъ такихъ, которые готовы пить изъ вѣжливости. Онъ не могъ допустить, чтобы водка и благовоспитанность могли уживаться; ненужное и чрезмѣрное употребленіе вина всегда казалось ему нестерпимо нелѣпымъ.

— Благодарю, мнѣ не хочется пить: я жаждой не страдаю!—отвѣтилъ онъ и, замѣтивъ зловѣще-истомленный и болѣзненный видъ юноши, прибавилъ, подъ вліяніемъ чувства жалости къ нему:

— Ступайте лучше, ложитесь! Вы и то уже переутомились.

— Ложиться? Такъ рано?! Полноте, голубчикъ: я еще, дай Богъ, чтобы черезъ два часа угомонился. Пойдемъ со мной, пойдемъ!

И, напустивъ на себя необычайную развязность, Витъ засунулъ руки въ карманы и покачался на своихъ тонкихъ, слабыхъ ногахъ. На губахъ его появилась насильственная улыбка; лицо было мертвенно-блѣдно.

— Ложитесь!—рѣзко и твердо проговорилъ Денисонъ.

Энтри пересталъ улыбаться; съ минуту остановился, точно собираясь дать ему отпоръ, затѣмъ вдругъ повернулъ круто къ дому и вскорѣ исчезъ за дверью.

Денисонъ остался почти одинъ на верандѣ. Только двое-трое завзятыхъ курильщиковъ еще дымили своими душистыми сигарами.

Онъ тихо задумался, поддаваясь потребности въ серьезномъ мышленіи, которое настоятельно чувствовалъ послѣ цѣлаго дня мелочныхъ интересовъ и пустой болтовни. Невольно мысли его занялись злополучнымъ мальчикомъ, который жилъ подъ гнетомъ скорой и неизбѣжной смерти.

Впервые съ самаго начала ихъ знакомства Денисонъ увидалъ во многихъ его чертахъ сходство съ собою и увидалъ также ясно рѣзкое между ними различіе. Оба они незримо боролись, но предметъ борьбы былъ неодинаковъ: одинъ видѣлъ себѣ врага въ неумолимой смерти, а другой—въ пустой и обыденной жизни. Но еслибъ они помѣнялись своимъ положеніемъ, остался ли бы каждый изъ нихъ такимъ, какимъ былъ теперь?

— Еслибы мнѣ пришлось жить ежеминутно подъ страхомъ смерти, какъ бы отразилось это на мнѣ? — уже не въ первый разъ спрашивалъ себя Денисонъ, и не въ первый разъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ съ холодной увѣренностью, что онъ, напротивъ, горячо привѣтствовалъ бы зловѣщую спутницу жизни, которая пугала нервнаго юношу. Но вскорѣ мысли его приняли другое направленіе и онъ вернулся къ предмету своихъ пытливыхъ стремленій—къ вѣчно-прекраснымъ, безстрастнымъ пирамидамъ. Вдали, за волнистымъ уровнемъ песковъ виднѣлись ихъ величавыя, строгія очертанія и, глядя на ихъ непоколебимую твердыню, мечтатель почувствовалъ, что отъ него отпадаютъ всѣ мелочные заботы и интересы, а въ душу вливается величавый, всеобъемлющій покой...

— М-ръ Денисонъ, не знаете ли вы, гдѣ Витъ? — послышался вдругъ подлѣ него голосъ м-съ Энтри.

Денисонъ вздрогнулъ. Онъ замечтался до того, что не замѣтилъ, какъ пробило полночь.

М-съ Энтри повторила свой вопросъ, кутаясь въ большой теплый платокъ. Лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго.

— Витъ?—переспросилъ онъ, понемногу приходя въ себя.— Онъ ушелъ къ себѣ вскорѣ послѣ того, какъ мы съ вами простились, и вѣрно ужъ давно спитъ... Я и не думалъ, что уже такъ поздно,—прибавилъ онъ, справляясь съ часами.

— Нѣтъ, онъ не дома, и комната пуста. Вдобавокъ, у него сегодня весь день такой ужасный видъ, что я рѣшилась уже не по-товарищески, а по-матерински послать его спать... Но куда же онъ могъ запропаститься?

Голосъ ея звучалъ какъ обыкновенно, но въ глазахъ горѣлъ огонекъ тревоги и возбужденія.

— Я пойду, посмотрю! — предложилъ Денисонъ.—Мнѣ кажется, найти его не трудно.

— Онъ вѣдь пошелъ въ пивную?—просто замѣтила она.

— Да!—былъ краткій отвѣтъ, и оба пошли черезъ сѣни, гдѣ горѣла принесенная м-съ Энтри свѣча, вдоль по глубокимъ, темнымъ корридорамъ гостинницы, разъискивая молча слѣдъ бѣднаго мальчика.

Вдругъ они натолкнулись на него, на полу. Онъ лежалъ скорчившись, лицомъ къ стѣнѣ; и поза, и лицо его не оставляли сомнѣній относительно его положенія. М-съ Энтри не вымолвила ни слова; даже выраженіе лица ея не перемѣнилось.

Когда Денисонъ нагнулся и сталъ поднимать его, Витъ что-то пробормоталъ сердито, въ видѣ возраженія; но тотъ спокойно взялъ его на руки, какъ настоящаго ребенка (онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ легокъ какъ дитя) и съ помощью матери понесъ наверхъ въ его комнату.

— Вотъ и готово! — сказалъ Денисонъ и, тихо дотащивъ безчувственнаго юношу до постели, вернулся къ себѣ въ нумеръ.

Отворяя дверь, онъ услышалъ голосъ жены: она звала его и даже дверь въ его комнату не была плотно заперта. Энида сидѣла на постели; глаза ея смотрѣли напряженно и устало, и остановились на немъ съ выраженіемъ жаднаго любопытства. Мужъ подошелъ къ ней.

— Какъ ты поздно, Гарри! — сказала она. — Отчего тебѣ вздумалось ложиться, не простившись со мною?..

— Я просто боялся тебя безпокоить,—возразилъ онъ, но въ лицѣ и въ голосѣ его замѣтна была холодная суровость.

Послѣдній изъ эпизодовъ минувшаго дня былъ для него особенно непріятенъ и ему было не до разговоровъ. Его тянуло посидѣть спокойно, въ полномъ уединеніи и тишинѣ; весь его видъ, его манера, казалось, молча выражали страстное желаніе того и другого.

Чуткость Эниды почему-то, на этотъ разъ, обострилась и дала ей это замѣтить.

— Отчего ты торопишься уходить? — спросила она, и ея нѣжные пальчики смущенно крутили край тонкой простыни.

Денисонъ покорился необходимости, но не безъ того, чтобы черезъ эту покорность сквозило нетерпѣніе.

— Я и не тороплюсь; ты хочешь поболтать?—спросилъ онъ, садясь рядомъ съ нею.

Темные глаза Эниды вопросительно остановились на его лицѣ, но она промолчала и легла, прижавшись къ подушкѣ своей пылавшей щечкой.

— Мнѣ было слышно, какъ ты возвращался, — сказала она тихо.

— Къ себѣ въ комнату?—договорилъ онъ за нее.

— Нѣтъ, въ сосѣдній корридоръ съ... съ м-съ Энтри.

У Денисона пробѣжала по спинѣ дрожь отвращенія. Онъ тотчасъ же догадался, къ чему она клонитъ рѣчь, и ему стало противно, что его жена пойдетъ по стопамъ другихъ замужнихъ женщинъ, отнимающихъ отъ себя послѣднюю долю привлекательности. Она, очевидно, готовитъ ему сцену, которую давно пора бы снять съ жизненныхъ подмостковъ.

Энида выжидала его возраженій, а онъ сидѣлъ молча, угрюмый, словно закованный въ броню ледяного презрѣнія и гнѣва. Видя, что мужъ упорно хранитъ молчаніе, она продолжала съ возростающимъ возбужденіемъ:

— Два часа тому назадъ, м-съ Энтри, вмѣстѣ со мной, простилась и пошла будто бы спать. Теперь, послѣ полуночи, она ходитъ съ тобой по корридорамъ, а ты хочешь ложиться, не простясь со мною! А я-то, я...

Она спрятала лицо въ подушки и начала рыдать.

Денисонъ вдругъ сорвался съ мѣста. Ему безгранично противны показались и жена его, и Витъ Энтри съ матерью, и всѣ на свѣтѣ. Не въ силахъ подавить въ себѣ это чувство, онъ подчинился ему.

— Покойной ночи! — пробормоталъ онъ, уходя поспѣшно. Еще мигъ—и онъ ужъ заперъ за собою дверь своей комнаты и настежъ распахнулъ окно, въ которое смотрѣли яркія звѣзды и вѣяло необъятной тишиной пустыни и безмолвіемъ тропическаго неба.

Ему, какъ ребенку, хотѣлось схватить нѣжный, пушистый вѣтерокъ въ свои объятія и прижать его къ своей груди, приласкать, погладить его. Онъ былъ готовъ вознести безмолвію пустыни и небесъ благоговѣйную мольбу, даже не требуя у нихъ отвѣта.

Но вскорѣ ему стало казаться, что тѣсныя стѣны комнаты надвигаются на него, душатъ и давятъ безъ пощады... Онъ бросился вонъ, на просторъ, туда, куда великая, таинственная страсть звала его неудержимо.

ГРИГОРІЙ КОТОШИХИНЪ

— Григорій Карповъ Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII вѣка. Ал. И. Маркевича. Одесса, 1895.

Подьячій посольскаго приказа, бѣжавшій изъ Москвы при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и поступавшій на службу сначала въ Польшу, потомъ въ Швецію и уже вскорѣ казненный въ Швеціи за убійство, остался бы безвѣстнымъ перебѣжчикомъ, о которомъ оффиціальные документы сохранили одну строчку въ приходорасходной книгѣ посольскаго приказа: „И въ прошломъ въ 172 году Гришка (Котошихинъ) своровалъ, измѣнилъ, отъѣхалъ въ Польшу" [1]), — еслибы отъ него не осталось сочиненіе, которое является однимъ изъ важнѣйшихъ, и единственнымъ въ своемъ родѣ, источниковъ для изображенія внутренней жизни Московскаго государства въ половинѣ XVII столѣтія. Изданное нѣсколько разъ Археографическою Коммиссіею, постоянно цитируемое историками, изучающими XVII столѣтіе, это сочиненіе, какъ и его авторъ, не вызывали до сихъ поръ спеціальнаго изслѣдованія. Правда, съ тѣхъ поръ, какъ открыто было его сочиненіе, главные факты біографіи Котошихина были мало-по-малу выяснены, но во всякомъ случаѣ можно было желать болѣе точнаго опредѣленія различныхъ подробностей этой біографіи, а съ другой стороны, указать цѣнность историческихъ извѣстій, сообщаемыхъ въ его книгѣ, — такъ какъ эти извѣстія, хотя и были множество разъ приводимы историками, какъ достовѣрныя или сомнительныя, но никогда не были подвергнуты критической оцѣнкѣ сполна, во всемъ ихъ составѣ. Трудъ подобнаго рода

---

[1]) Этотъ 172 (7172) годъ есть 1664.

былъ предпринятъ г. Маркевичемъ, хотя въ послѣднемъ отношеніи не былъ доведенъ имъ до конца. Мы укажемъ главные факты біографіи, насколько они извѣстны уже давно и насколько они были ближе разъяснены г. Маркевичемъ, и остановимся потомъ на его толкованіи сочиненія Котошихина.

Сочиненіе о Московскомъ государствѣ написано было Котошихинымъ послѣ его бѣгства и закончено было въ Швеціи. Какъ увидимъ, оно заинтересовало въ свое время шведскихъ государственныхъ людей и ученыхъ, было переведено на шведскій языкъ; въ архивахъ Швеціи сохранился и этотъ переводъ, и подлинная русская рукопись Котошихина; но въ Россіи это сочиненіе осталось совершенно неизвѣстно. Въ первый разъ увидѣлъ эту рукопись въ Упсалѣ извѣстный А. И. Тургеневъ, еще до 1837 года, и въ 1837 — 38 повидимому доложилъ о ней императору Николаю [1]). Тѣмъ временемъ познакомился съ сочиненіемъ Котошихина профессоръ гельсингфорсскаго университета Соловьевъ, путешествовавшій въ 1837 въ Швеціи,—на первый разъ въ его шведскомъ переводѣ. Соловьевъ тогда же довелъ до свѣдѣнія Археографической Коммиссіи, что въ шведскихъ библіотекахъ и архивахъ находится множество рукописей, служащихъ къ объясненію русской исторіи. Представивъ нѣкоторыя выписки, Соловьевъ указывалъ недостаточность своихъ средствъ для продолженія путешествія, и по ходатайству Археографической Коммиссіи и министра просвѣщенія ему назначено было вспомоществованіе на совершеніе трехъ поѣздокъ въ Швецію, „съ тѣмъ, чтобы переводъ и изданіе въ свѣтъ отысканныхъ тамъ актовъ на иностранныхъ языкахъ предоставить ему, всѣ же списанныя имъ рукописи на славянскомъ и русскомъ *нарѣчіяхъ* считать собственностію Коммиссіи". Въ первыхъ извѣстіяхъ Соловьева было уже упомянуто сочиненіе подьячаго посольскаго приказа о Россіи, переведенное на шведскій языкъ королевскимъ переводчикомъ Баркгузеномъ; теперь Археографическая Коммиссія, „полагая, что здѣсь могли заключаться важныя свѣдѣнія о законодательствѣ и государственномъ управленіи XVII вѣка", поручила Соловьеву заняться перепиской шведской рукописи; но во вторую свою поѣздку, въ 1838 году, онъ отъискалъ въ библіотекѣ упсальскаго университета и русскій подлинникъ этого сочиненія, сохранившійся только въ

[1]) Это указано было уже только въ 3-мъ изданіи Котошихина (Спб. 1884, пред., стр. IX) на основаніи письма Тургенева къ Сербиновичу отъ марта 1840, которое напечатано было Н. П. Барсуковымъ.

одномъ экземплярѣ. Литературный фактъ выяснился, хотя на первый разъ имя автора было прочитано неправильно. „Въ имени автора,—говорилось потомъ въ объясненіи Археографической Коммиссіи,—не оставалось сомнѣнія, по припискѣ къ заглавію рукописи: *Григорія Карпова Кошихина, посольскаго приказа подъячево, а потомъ Иваномъ Александромъ Селицкимъ зовимаго, работы въ Стохолмѣ 1666 и 1667* (т.-е. годовъ), которая, по мнѣнію г. Соловьева, сдѣлана извѣстнымъ въ свое время лингвистомъ Спарвенфельдтомъ, основательно знавшимъ русскій языкъ“. Съ этимъ именемъ Кошихина и было въ первый разъ издано сочиненіе московскаго подьячаго; впослѣдствіи оказалось, что Спарвенфельдтъ невѣрно прочелъ это имя, которое въ своей правильной формѣ нашлось и въ оффиціальныхъ документахъ посольскаго приказа, въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ 1839 году Соловьевъ представилъ въ Археографическую Коммиссію снятый имъ списокъ съ подлинной рукописи Котошихина, присоединивши потомъ въ 1840 и свѣдѣнія о Котошихинѣ, заимствованныя у его шведскаго переводчика Баркгузена. Съ высочайшаго соизволенія Коммиссія занялась изданіемъ, которое вышло въ свѣтъ въ концѣ 1840 года, подъ редакціею Бередникова. Съ тѣхъ поръ Котошихинъ—или, какъ въ первое время еще называли его, Кошихинъ—занялъ важное мѣсто въ ряду источниковъ для исторіи XVII вѣка, особливо съ его бытовой стороны [1].

Уже вскорѣ вопросъ о Котошихинѣ сталъ разъясняться новыми данными. Въ 1841 Археографическая Коммиссія получила изъ Стокгольма шведскій переводъ его сочиненія и по разсмотрѣніи его оказалось, что этотъ переводъ отличается отъ сообщеннаго прежде Соловьевымъ перевода Баркгузена припискою, указывающею, что онъ сдѣланъ, въ 1669, въ Стокгольмѣ, и отсутствіемъ предисловія Баркгузена; что присланная рукопись есть собственно позднѣйшій списокъ съ перевода 1669 года, именно времени царя Ѳедора Алексѣевича; что переводъ вѣрно передаетъ подлинникъ, причемъ въ него включены и приписки, находящіяся въ подлинникѣ, но что есть въ переводѣ и нѣкоторыя,

[1]) „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Современное сочиненіе Григорія Кошихина“. (Изданіе Археографической Коммиссіи). Спб. 1840. 4°. Гельсингфорсскій профессоръ, которому русская наука обязана изъятіемъ Котошихина изъ забвенія, остался потомъ очень мало извѣстенъ. У Бестужева (Русская исторія, стр. 55) его имя означается М. А.; настоящее имя и отчество его, Сергѣй Васильевичъ, указано было г. Куникомъ въ 3-мъ изданіи, пред., стр. IX.

хотя неважныя, отличія отъ оригинала. Послѣднее обстоятельство, по мнѣнію г. Маркевича, могло наводить на мысль, что этотъ списокъ (доставленный въ 1841) „при списываніи его съ рукописи 1669 г., былъ исправляемъ и пополняемъ, и переписчикъ могъ внести русскія свѣдѣнія, не находящіяся у Котошихина, или даже расходящіяся съ имъ сообщенными“ [1]).

Въ разборѣ шведской рукописи, который былъ сдѣланъ А. Ѳ. Бычковымъ [2]), было уже опредѣлено правильное имя Котошихина. Въ томъ же году новыя свѣдѣнія о немъ доставлены были въ Коммиссію кн. М. А. Оболенскимъ, который управлялъ тогда архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ; а именно, указавъ и по другимъ даннымъ настоящее написаніе имени Котошихина, онъ сообщалъ изъ бумагъ „метрики польскаго королевства“ [3]) записку о себѣ Котошихина какому-то вліятельному лицу въ Польшѣ, какъ видно, для доставленія ея самому королю, въ 1664—1665 году, когда Котошихинъ бѣжалъ изъ Московскаго государства и искалъ службы въ Польшѣ. Кн. Оболенскій объяснялъ также, что упсальская рукопись была написана самимъ Котошихинымъ, потому что по почерку сходна съ его письмомъ къ польскому королю.

Новыя указанія о Котошихинѣ нашлись въ 1851 въ томъ же архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ между прочимъ хранились бумаги посольскаго приказа. Это были выписки изъ приходорасходныхъ книгъ, гдѣ оказались свѣдѣнія о службѣ Котошихина въ томъ приказѣ. Эти свѣдѣнія были употреблены въ дѣло при второмъ изданіи, которое вышло въ 1859 подъ редакціей Коркунова и Калачова, и гдѣ кромѣ того текстъ напечатанъ былъ уже не по копіи, а по подлинной рукописи Котошихина, полученной изъ Швеціи.

Это второе изданіе доставляло уже довольно опредѣленныя данныя о біографіи Котошихина. А именно, въ предисловіи къ изданію сообщена уже сполна въ шведскомъ подлинникѣ и въ переводѣ біографія Котошихина, прибавленная Баркгузеномъ къ шведскому переводу, гдѣ между прочимъ включена была просьба Котошихина къ шведскому королю Карлу XI объ оказаніи ему защиты и покровительства, такъ какъ онъ желалъ вступить на шведскую службу. Затѣмъ помѣщены въ предисловіи упомянутыя свѣдѣнія изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ,

[1]) Стр. 67.

[2]) Докладъ въ Коммиссіи 10 февраля, 1842.

[3]) Не знаемъ, основательно ли г. Маркевичъ предполагаетъ (стр. 22), что это была такъ-называемая Литовская метрика.

а именно, извѣстія о службѣ Котошихина въ посольскомъ приказѣ и записка его, предназначенная для польскаго короля.

Къ этимъ біографическимъ даннымъ присоединились потомъ еще нѣкоторые новые матеріалы. Въ 1860 напечатаны были г. Бычковымъ два прошенія Котошихина къ шведскому королю и шведскому совѣту, опредѣляющія положеніе русскаго бѣглеца въ Швеціи [1]). Эти прошенія находились въ подлинникѣ у лектора финскаго языка въ гельсингфорсскомъ университетѣ Готтлунда, владѣвшаго большимъ собраніемъ актовъ: самыя просьбы поданы были на шведскомъ языкѣ, въ переводѣ Баркгузена, а подлинники остались у переводчика и впослѣдствіи могли перейти въ частныя руки. Въ 1861 С. М. Соловьевъ сообщилъ въ „Исторіи Россіи“ грамоту царя Алексѣя Михайловича къ Ордину-Нащокину съ товарищи съ нѣкоторыми указаніями о Котошихинѣ (т. XI). Наконецъ, въ 1881, профессоръ упсальскаго университета Ерне (Hjärne) помѣстилъ въ шведскомъ историческомъ журналѣ статью: „Русскій эмигрантъ въ Швеціи двѣсти лѣтъ назадъ“, гдѣ онъ пользовался отчасти русскими, а главное шведскими архивными матеріалами, и содержаніе этой статьи передано было тогда же Я. К. Гротомъ [2]).

Въ 1884 сдѣлано было третье изданіе Котошихина, гдѣ повторены были прежнія предисловія, а въ новомъ предисловіи г. Куника приведены тѣ свѣдѣнія, какія явились въ литературѣ съ 1859 года, кончая тѣми данными, какія сообщены были профессоромъ Ерне [3]).

Таковъ матеріалъ, какой имѣется до сихъ поръ относительно русскаго эмигранта XVII вѣка. Авторъ новаго изслѣдованія не былъ доволенъ тѣмъ, что извѣстія о Котошихинѣ и при послѣднемъ изданіи его сочиненія не были сведены въ одно цѣлое, и дѣлаетъ это въ своей книгѣ. Правда, что существенное было уже сказано въ упомянутомъ матеріалѣ: въ выпискахъ изъ дѣлъ посольскаго приказа, въ біографіи Баркгузена, въ собственныхъ письмахъ и просьбахъ Котошихина къ польскому и шведскому королямъ и къ шведскому совѣту, въ матеріалахъ Ерне, — но

---

[1]) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, Калачова. Спб. 1860, кн. I.

[2]) „Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ“, въ „Сборникѣ“ Русскаго Отдѣленія Академіи. Спб. 1882, т. XXIX.

[3]) Въ заглавіи царь Алексѣй Михайловичъ, неизвѣстно почему, переименованъ: „О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича“ и пр. (Спб. 1884, больш. 8°); изданіе печаталось подъ наблюденіемъ члена Археогр. Коммиссіи А. И. Тимоѳеева.

все-таки оставалось выяснить нѣкоторыя подробности и пробѣлы этой біографіи.

Котошихины были довольно мелкіе московскіе служилые люди. Отецъ въ 1660 году былъ уже старикомъ и служилъ казначеемъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей. Григорій родился вѣроятно около 1630 года, какъ можно судить по указаніямъ объ его службѣ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ служилъ въ посольскомъ приказѣ, сначала писцомъ, потомъ подьячимъ. Какое онъ могъ получить образованіе, неизвѣстно: по всей вѣроятности онъ пріобрѣлъ первоначальную грамотность дома, а затѣмъ набирался свѣдѣній на службѣ. На томъ основаніи, что Григорій, хотя былъ въ служебномъ отношеніи лицо не важное, но былъ, однако, человѣкъ довольно знающій и развитой, г. Маркевичъ дѣлаетъ такія соображенія: „Очевидно, въ половинѣ XVII вѣка, въ служебныхъ сферахъ московскаго государства, и особенно въ органахъ центральнаго управленія, уже сформировался извѣстный типъ людей, очень ловкихъ, наблюдательныхъ, свѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ, практически хорошо знавшихъ жизнь, дѣльцовъ на всѣ руки, даже развитыхъ для своего времени, и Котошихинъ является представителемъ людей именно этого типа. Позднѣе же, во время пребыванія за границей, Котошихинъ особенно много работалъ надъ своимъ образованіемъ, зная по крайней мѣрѣ польскій, а можетъ быть, отчасти, и шведскій языкъ, читалъ историческія сочиненія, еще болѣе знакомился съ жизнью, и такимъ образомъ, сталъ настолько развитымъ человѣкомъ, какихъ въ то время въ Московскомъ государствѣ было очень немного“ [1]). Авторъ сравниваетъ съ Григоріемъ другого подьячаго посольскаго приказа конца XVII вѣка, Василія Айтемирева, въ которомъ „виденъ такой же опытный и развитой дѣлецъ, между тѣмъ онъ заграничной культурѣ не подвергался“: „правда,—прибавляетъ г. Маркевичъ,— Айтемиревъ жилъ въ Москвѣ 30-годами позже и притомъ тогда, когда западно-европейское вліяніе оказало здѣсь не малые успѣхи“. Соображеніе довольно странное: какъ будто безъ „заграничной культуры“ и „западно-европейскаго вліянія“ не могло въ старой Москвѣ явиться людей развитыхъ и опытныхъ,—дѣло только въ томъ, что за недостаткомъ образованія такіе люди были рѣдки и ихъ опытъ и развитіе бывали всего больше дѣломъ личнаго ума и дарованія; а съ другой стороны то возбужденіе, какое авторъ повидимому приписываетъ „заграничной культурѣ“, давно уже проникало въ Москву разнообразными частными путями, и

[1]) Стр. 7—8.

служба въ посольскомъ приказѣ была, безъ сомнѣнія, однимъ изъ наиболѣе важныхъ путей этого рода.

Съ 1658 года, а можетъ быть и нѣсколько ранѣе, началась для Котошихина и посольская служба, когда онъ состоялъ при русскомъ посольствѣ во время переговоровъ о мирѣ съ шведскими уполномоченными въ Валлисари, а въ слѣдующемъ году присутствовалъ и при дальнѣйшихъ переговорахъ со шведами о вѣчномъ мирѣ. Біографъ полагаетъ, что еще раньше Григорій могъ присутствовать на переговорахъ съ польскими уполномоченными. Къ этому времени относится вѣроятно и производство Григорія въ подьячіе.

Какъ человѣкъ умный и наблюдательный, какимъ Григорій несомнѣнно былъ, на своей службѣ въ посольскомъ приказѣ онъ въ особенности имѣлъ возможность познакомиться съ дипломатическими и административными дѣлами. Посольскій приказъ былъ въ этомъ отношеніи особенно важнымъ вѣдомствомъ. Служебныя занятія Котошихина біографъ предполагаетъ въ слѣдующемъ видѣ. „Будучи писцомъ, онъ, безъ сомнѣнія, переписывалъ всѣ тѣ дипломатическія и иныя бумаги, которыя обращались въ посольскомъ приказѣ, т.-е. грамоты, посылаемыя въ иностранныя государства, наказы, даваемые русскимъ дипломатамъ и пр., точно также письма, отправляемыя въ тѣ города, которые вѣдались въ посольскомъ приказѣ, отписки по всякимъ справкамъ, затребованнымъ изъ этого приказа; здѣсь же могъ онъ переписывать и статейные списки, доставляемые нашими возвращавшимися дипломатами въ посольскій приказъ, протоколы происходившихъ въ немъ переговоровъ русскихъ бояръ съ иностранными дипломатами, состоявшихся при этомъ соглашеній и договоровъ—словомъ, всѣ тѣ акты, о которыхъ онъ обстоятельно говоритъ въ своемъ трудѣ. Поэтому, уже какъ писецъ, Котошихинъ могъ пріобрѣсть въ канцелярскомъ дѣлѣ основательныя свѣдѣнія, что̀ и повело къ пожалованію его въ подьячіе; въ этомъ же званіи онъ могъ еще лучше познакомиться съ дѣлопроизводствомъ посольскаго приказа; ему, конечно, приходилось составлять начерно всѣ тѣ виды актовъ, о которыхъ только-что было говорено, и дѣлать это надо было умѣючи, чтобы не имѣть непріятностей со стороны начальства. Сочиненіе Котошихина и показываетъ въ немъ очень опытнаго и свѣдущаго дѣльца, которому хорошо извѣстны не только дипломатическія отношенія Московскаго государства, но и далекія, южно-русскія и всякія инородческія дѣла, конечно потому, что они вѣдались въ посольскомъ приказѣ; знаетъ онъ, что̀ дѣлается и въ Архангельскѣ, и въ Астрахани, откуда именно пріѣзжаютъ

къ намъ иностранцы и т. д." Мы увидимъ, однако, что и при этихъ условіяхъ только особенно даровитый и смѣтливый человѣкъ могъ пріобрѣсти такое широкое знаніе порядковъ управленія, какое мы находимъ въ сочиненіи Котошихина.

Послѣ участія въ переговорахъ со шведами, въ 1659—1660 г., Котошихинъ находился при посольствѣ въ Дерптѣ, занятомъ тогда русскими войсками. Здѣсь съ подьячимъ произошла служебная непріятность: въ одной отпискѣ пословъ къ царю была сдѣлана ошибка (слѣдовало написать: „великаго государя", и слово „государя" было пропущено), и за это послы получили отъ царя грамоту со строгимъ выговоромъ, а подьячему Котошихину велѣно учинить наказаніе—бить батоги, хотя на его службу это, кажется, вліянія не имѣло. Въ томъ же 1660 году Котошихина посылали съ дипломатическими бумагами въ Ревель, къ шведскому посольству, одинъ и другой разъ, и во второй разъ Котошихинъ былъ принятъ самими послами, причемъ, кромѣ письменнаго отвѣта, ему дано было порученіе и на словахъ, — и это довѣріе было ему оказано, конечно, потому, что его считали уже опытнымъ человѣкомъ. Въ половинѣ 1661 года онъ находился при заключеніи Кардисскаго мира между Россіей и Швеціей и затѣмъ возвратился на службу въ Москву.

Здѣсь ожидали его большія непріятности. Въ Москвѣ онъ имѣлъ уже собственный домъ, былъ женатъ; отецъ его, какъ выше упомянуто, служилъ казначеемъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей. „Въ послѣднія времена,—говоритъ Котошихинъ въ своей автобіографической запискѣ, сохраненной Баркгузеномъ,—когда я находился при заключеніи Кардисскаго договора, у меня отняли въ Москвѣ домъ со всѣми моими пожитками, выгнали изъ него мою жену, и все это сдѣлано за вину моего отца, который былъ казначеемъ въ одномъ московскомъ монастырѣ и терпѣлъ гоненія отъ думнаго дворянина Прокофія Елизарова, ложно обнесшаго отца моего въ томъ, что будто онъ расточилъ ввѣренную ему казну монастырскую, что впрочемъ не подтвердилось, ибо по учиненіи розыска оказалось въ недочетѣ на отцѣ моемъ только пять алтынъ, равняющихся пятнадцати шведскимъ рундштюкамъ; но несмотря на то, мнѣ, когда я вернулся изъ Кардиса, не возвратили моего имущества, сколько я ни просилъ и ни заботился о томъ".

Въ томъ же 1661 подьячему Григорію дано было новое порученіе. Утвержденіе Кардисскаго договора шведскимъ правительствомъ затянулось, и Котошихинъ осенью отправленъ былъ гонцомъ въ Стокгольмъ съ письмомъ царя къ королю Карлу XI;

при немъ былъ переводчикъ и трое служителей. Почему-то поѣздка его запоздала, и шведы не могли отправить посольства къ назначенному русскими сроку, и въ Стокгольмѣ рѣшено было отпустить Котошихина обратно на небольшомъ кораблѣ, причемъ ему подарено было 2 серебряныхъ бокала вѣсомъ 253½ лота и цѣною въ 304 далера серебряныхъ; и вообще онъ остался очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Стокгольмѣ.

„Въ бытность въ Стокгольмѣ,—говоритъ біографъ,—Котошихинъ могъ познакомиться съ нѣкоторыми шведами; по крайней мѣрѣ шведскій вельможа Таубе указывалъ позднѣе, что онъ видѣлъ Котошихина въ Стокгольмѣ, когда онъ пріѣзжалъ гонцомъ; но едва-ли въ то время у Котошихина могли установиться съ кѣмъ-либо изъ шведовъ какія-либо особенныя связи; это было неудобно, да Котошихинъ потомъ и не упоминаетъ о нихъ. Правда, Котошихинъ позже, когда онъ уже жилъ въ Швеціи, увѣрялъ, что много лѣтъ назадъ, еще въ то время, когда служилъ у царя въ посольскомъ приказѣ и отпущенъ былъ съ порученіемъ въ Стокгольмъ, онъ желалъ поступить на службу къ шведскому королю; но это желаніе, вѣроятно, было платоническое. Не невозможно, впрочемъ, что Котошихину, въ бытность его въ Стокгольмѣ, понравились шведскіе порядки и вообще жизнь шведскаго общества, что̀ и сказалось впослѣдствіи“ [1]).

Въ приказѣ онъ также получилъ награду прибавкой жалованья. О слѣдующихъ годахъ его службы ничего неизвѣстно; но служба повидимому цѣнилась, потому что въ 1663 сдѣлана была еще небольшая прибавка къ его жалованью. Въ этомъ же 1663 г. началась его измѣна. Послѣ заключенія мира съ Швеціей долго тянулись переговоры о денежныхъ претензіяхъ между двумя государствами. Съ шведской стороны въ Москву посланъ былъ для этого нѣкто Эберсъ, который еще раньше бывалъ въ Москвѣ, когда съ 1655 до 1658 былъ коммиссаромъ шведскаго подворья и по сношеніямъ съ посольскимъ приказомъ уже тогда могъ свести знакомство съ Котошихинымъ. Теперь ему важно было знать, на что̀ уполномочены русскіе послы, и для этого онъ подкупилъ Котошихина. Въ іюлѣ 1663 Эберсъ писалъ въ донесеніи королю, что „этотъ человѣкъ, хотя русскій, но по симпатіямъ добрый шведъ, обѣщался и впредь извѣщать меня обо всемъ, что̀ будутъ писать (русскіе) послы и какое рѣшеніе приметъ его царское величество относительно денежныхъ суммъ“. Онъ не называетъ человѣка, но впослѣдствіи самъ Котошихинъ ставилъ себѣ

[1]) Стр. 15.

въ заслугу передъ шведскимъ правительствомъ, что во время этихъ переговоровъ принесъ Эберсу на подворье инструкцію, данную русскимъ посламъ, и другія бумаги, за что Эберсъ подарилъ ему 40 рублей. Эти услуги продолжались и позднѣе. Въ Москвѣ къ Эберсу, какъ и вообще къ иностраннымъ агентамъ, относились недовѣрчиво; за лицами, его посѣщавшими, былъ устроенъ надзоръ, но сношенія съ подьячимъ обнаружены не были. Эберсъ былъ очень огорченъ, когда въ слѣдующемъ году его „корреспондентъ" долженъ былъ оставить Москву по новому порученію; Эберсъ писалъ, что ему трудно будетъ найти другого такого человѣка, — впослѣдствіи оказалось, однако, что онъ нашелъ и другого.

Дальнѣйшая исторія московскаго подьячаго разсказана имъ въ запискѣ, поданной шведскому королю, слѣдующимъ образомъ: „Вскорѣ послѣ того я опять посланъ былъ (въ 1664) на службу царскую въ Польшу при войскѣ съ бояриномъ и воеводою, княземъ Яковомъ Куденетовичемъ Черкасскимъ да съ княземъ Иваномъ Семеновичемъ Прозоровскимъ. Оба они, находившись малое время при войскѣ, были отозваны въ Москву, а бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій сдѣланъ былъ воеводою на ихъ мѣсто. Я въ это время еще прежними воеводами былъ отправленъ изъ арміи въ посольство подъ Смоленскъ для переговоровъ, и князь Юрій писалъ ко мнѣ съ другимъ подьячимъ, Мишкою Прокофьевымъ, улещивая меня, чтобъ я согласился написать къ нему, что князь Яковъ Куденетовичъ сгубилъ войско царское, далъ возможность королю скрыться въ Польшу и такимъ образомъ выпустилъ его изъ рукъ, не давъ полякамъ битвы, тогда какъ весьма легко то сдѣлать и проч. За такое пособство и услугу князь Юрій обѣщалъ мнѣ исходатайствовать повышеніе и клятвенно обязывался помочь дѣлу отца моего въ Москвѣ. Не вѣря искренности сладкихъ посуловъ князя Юрія и не имѣя ни малѣйшей причины безвинно оклеветать князя Якова, я не хотѣлъ противъ совѣсти писать къ первому и быть ему пособникомъ въ дѣлѣ неправомъ, а еще менѣе могъ рѣшиться ѣхать обратно къ нему въ войско. Бывъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, сожалѣя о томъ, что не возвратился въ Москву съ княземъ Яковомъ, а еще болѣе горюя о худой удачѣ мнѣ на службѣ царской, въ которой за вѣрность и усердіе награжденъ былъ, при безвинномъ поруганіи моего отца, лишеніемъ дома и всего моего благосостоянія, и принимая во вниманіе, что если бы я вернулся къ Долгорукову въ армію, то меня, по всей вѣроятности, ожидали бы тамъ его злоба, истязанія и пытки, за не-

исполненіе мною его желанія повредить князю Якову, я рѣшился покинуть мое отечество, гдѣ не оставалось для меня никакой надежды, и убѣжалъ сначала въ Польшу, потомъ въ Пруссію и, наконецъ, въ Любекъ, оттуда прибылъ въ предѣлы владѣній вашего королевскаго величества"...

По мнѣнію біографа, едва ли нужно искать какихъ-нибудь сложныхъ мотивовъ измѣны Котошихина. По поводу подкупа его Эберсомъ, г. Маркевичъ говоритъ: „онъ просто соблазнился предложенными деньгами, такъ какъ въ его время 40 р., уплаченныхъ притомъ ему серебряною (если даже не золотою) монетою, составляли очень большую сумму, особенно для подьячаго, получавшаго за цѣлый годъ жалованья меньше 40 р., да еще и разореннаго московскою волокитою (припомнимъ, что Котошихинъ, получившій, какъ и всѣ служилые люди въ это время, жалованье мѣдными деньгами, долженъ былъ страшно потерпѣть отъ паденія цѣны ихъ). Вообще служебная атмосфера московскихъ центральныхъ учрежденій была очень подходящая для всякихъ злоупотребленій. Конечно, взятки или казнокрадство было явленіемъ обычнымъ, а предательство—исключительнымъ; но на скользкомъ пути служебныхъ преступленій трудно было останавливаться лицамъ съ мало развитымъ чувствомъ патріотизма и понимавшимъ службу лишь какъ источникъ для полученія средствъ къ жизни, какъ она часто и понималась въ Московскомъ государствѣ" [1]. По поводу приведенныхъ выше показаній Котошихина о причинахъ, побудившихъ его къ бѣгству и затѣмъ къ окончательной измѣнѣ, біографъ замѣчаетъ: „Показаніе Котошихина о причинахъ, заставившихъ его эмигрировать, точно провѣрено быть не можетъ за отсутствіемъ соотвѣтственныхъ источниковъ; такіе мелкіе факты, какъ сношенія воеводы со своими подьячими, да еще по столь щекотливымъ дѣламъ, не заносились въ акты, за исключеніемъ развѣ самыхъ рѣдкихъ случаевъ" [2]. Но біографъ находитъ, что кое въ чемъ показанія Котошихина подтверждаются. Кн. Черкасскій дѣйствовалъ противъ поляковъ не совсѣмъ удачно, такъ что король могъ пробиться и уйти въ Польшу; кн. Черкасскаго могли не безъ основанія винить за неудачу военныхъ дѣйствій, такъ что у кн. Долгорукаго, который его смѣнилъ, могла возникнуть мысль о доносѣ, и доносъ могъ быть и не совсѣмъ лживымъ; съ другой стороны кн. Долгорукій былъ извѣстенъ какъ человѣкъ суроваго нрава, и Котошихинъ, если бы дѣйствительно

---

[1]) Стр. 17.

[2]) Стр. 19.

рѣшился не исполнить желанія новаго начальника, долженъ былъ опасаться со стороны кн. Долгорукаго большихъ бѣдъ. Біографъ не безъ основанія думаетъ, что кромѣ того „на бѣгство Котошихина могло имѣть вліяніе и опасеніе, какъ бы не открылась его московская измѣна, а это стоило бы Котошихину жизни; онъ и предпочелъ эмигрированіе, бросивъ въ Москвѣ жену, если она была еще жива, отца и все имущество" [1]). Очень осмотрительный историкъ, г. Куникъ, полагалъ, что причину совершеннаго разстройства своихъ домашнихъ дѣлъ по возвращеніи въ Москву изъ Кардиса, Котошихинъ, „можетъ быть не совсѣмъ безъ основанія, приписалъ крутому обращенію правительства съ его отцемъ и женою"; а по поводу бѣгства въ Польшу, тотъ же историкъ замѣчаетъ, что „какими бы соображеніями Котошихинъ ни руководствовался, переходъ русскихъ въ польскій, а литовцевъ и поляковъ въ русскій лагерь былъ въ то время явленіемъ обыкновеннымъ: вѣдь перешелъ же въ 1660 году на сторону Польши прекрасно воспитанный сынъ такого достославнаго патріота, какъ Ординъ-Нащокинъ!.." [2]). Такимъ образомъ говорить съ полною точностью о мотивахъ бѣгства и измѣны Котошихина трудно по недостатку данныхъ; но по всей вѣроятности дѣйствовали здѣсь въ той или другой степени всѣ указанные мотивы: и сомнительная нравственность московскаго приказнаго сословія, вообще легко продававшаго свои услуги; и личная обида за разореніе; и боязнь мщенія кн. Долгорукаго; и опасеніе, что откроются его сношенія съ Эберсомъ; и нѣкоторое вліяніе старыхъ „отъѣздовъ" въ Литву,—а когда въ Литвѣ его дѣла почему-то не устроились, Котошихину ничего не оставалось кромѣ бѣгства въ знакомую уже Швецію.

Приключенія Котошихина послѣ бѣгства состояли въ слѣдующемъ. Пріѣхавши въ Вильну, онъ послалъ королю Яну-Казиміру просьбу о принятіи его въ польскую службу и о разрѣшеніи ѣхать къ королю для сообщенія важныхъ военныхъ и политическихъ извѣстій. О немъ были, вѣроятно, собраны свѣдѣнія, которыя оказались для него благопріятными, потому что онъ былъ принятъ на службу съ жалованьемъ въ сто рублей и съ назначеніемъ состоять при литовскомъ гетманѣ въ Вильнѣ. Но это положеніе его, повидимому, не удовлетворяло, и онъ снова обращается къ какому-то вліятельному лицу съ запиской, предназначенной опять для самого короля: благодаря короля за его

---

[1]) Стр. 20.

[2]) Предисловіе къ третьему изданію, стр. IV, VII.

милости, онъ снова заявлялъ о своемъ желаніи быть въ его службѣ и „службу свою въ скорыхъ временахъ показать добрую". Онъ просилъ при этомъ, чтобы ему сообщены были послѣднія вѣсти о московскихъ дѣлахъ, такъ какъ онъ могъ при этомъ дать свои полезныя (для Польши) указанія; онъ предлагалъ и другія услуги и просилъ, наконецъ, чтобы ему „черезъ кого дойти и королевскому величеству поклониться и проходить въ полаты, въ которыя мочно". Между прочимъ онъ хотѣлъ скрыть свое имя, и въ Польшѣ назвался Яковомъ Александромъ Селицкимъ. Повидимому, однако, его исканія остались безуспѣшны, и въ концѣ концовъ онъ бѣжалъ изъ Польши въ Силезію.

Въ запискѣ, писанной для польскаго короля, употреблено уже не мало польскихъ выраженій; отсюда заключаютъ, что онъ знакомился съ польскимъ языкомъ и подчинялся его вліянію [1], — онъ дѣйствительно знакомился съ польскимъ языкомъ (и Баркгузенъ говорилъ потомъ, что онъ зналъ польскій языкъ), но никакого „вліянія" тутъ не было: впослѣдствіи, Котошихинъ написалъ свою книгу о Московскомъ государствѣ чистѣйшимъ русскимъ языкомъ своего времени, а въ запискѣ, писанной въ Вильнѣ, просто приноровлялся къ польскому языку, чтобы быть лучше понятымъ тамошними людьми.

Бѣгство изъ Польши біографъ объясняетъ тѣмъ, что онъ былъ недоволенъ недостаточной оцѣнкой его польскимъ правительствомъ, а вмѣстѣ могъ пожалуй опасаться, что заключеніе мира между Россіей и Польшей, котораго можно было тогда ожидать, повлечетъ за собой выдачу его московскому правительству. Котошихинъ бѣжалъ въ концѣ 1664 года, а лѣтомъ 1665 онъ ушелъ въ Силезію, оттуда въ Пруссію, затѣмъ въ Любекъ. Повидимому, у него не было никакого опредѣленнаго плана, но возврата уже не было и надо было куда-нибудь дѣваться. Осенью того же года онъ отправился изъ Любека въ шведскія владѣнія и прибылъ въ Нарву нищимъ, оборваннымъ и больнымъ. Онъ все еще недоумѣвалъ, что̀ ему предпринять, но встрѣтился здѣсь съ прежнимъ знакомымъ, ивангородскимъ (нарвскимъ) купцомъ, шведскимъ подданнымъ, Кузьмой Овчинниковымъ; увидѣвъ, что тотъ „своимъ мужественнымъ духомъ преклоненъ къ службѣ его королевскаго величества", Котошихинъ открылся ему и черезъ него подалъ находившемуся въ Нарвѣ ингерманландскому генералъ-губернатору Таубе прошеніе, гдѣ объяснялъ, что уже много лѣтъ назадъ, во время посылки къ шведскому королю, желалъ поступить на его

[1]) Маркевичъ, стр. 26.

службу, указывалъ свои сношенія съ Эберсомъ, говорилъ, что онъ освободился изъ польскаго плѣна и, наконецъ, просилъ: „Прошу ваше превосходительство, а также его величество дать мнѣ какую-нибудь должность по моимъ силамъ и услать меня подалѣе отъ отечества. Богъ дастъ, я въ годъ выучусь читать и писать по шведски. Съ тѣхъ поръ, какъ я прибылъ сюда и оставилъ Москву, никто еще не знаетъ, гдѣ я". Обѣщаясь служить королю, онъ просилъ Таубе, если тотъ не согласится принять его, сохранить эту просьбу въ тайнѣ: „прошу и умоляю содержать письмо мое въ тайнѣ, дабы мнѣ не попасть въ бѣду, и я, несмотря на это письмо, могъ бы безопасно ѣхать въ Москву, а вы къ моей погибели не открыли бы всего и не послали письма моего вслѣдъ за мною въ Москву". Онъ обѣщалъ сообщить важныя вѣсти о московскихъ дѣлахъ и въ самомъ письмѣ передалъ нѣсколько извѣстій. Но въ письмѣ онъ умолчалъ, что въ Польшѣ онъ назвался Селицкимъ и подписалъ письмо своимъ настоящимъ именемъ.

Таубе принялъ въ немъ участіе, велѣлъ именемъ короля выдать ему платье и немного денегъ, написалъ о немъ королю; но въ Стокгольмѣ замедлили отвѣтомъ, вѣроятно потому, что въ это время опять шли новые переговоры съ Москвою, гдѣ, между прочимъ, шла рѣчь и о выдачѣ перебѣжчиковъ. По мнѣнію біографа, весьма вѣроятному [1]), Котошихинъ, не имѣя отвѣта, самъ послалъ еще изъ Нарвы прошеніе къ королю съ тѣми автобіографическими свѣдѣніями, которыя привелъ потомъ Баркгузенъ въ своемъ жизнеописаніи Котошихина.

Прошеніе Котошихина имѣло успѣхъ; 24-го ноября 1665 данъ былъ слѣдующій указъ въ камеръ-коллегію: „Такъ какъ до свѣдѣнія нашего дошло, что это человѣкъ, хорошо знающій русское государство и служившій въ канцеляріи великаго князя и изъявляющій готовность сдѣлать намъ разныя полезныя сообщенія, то мы всемилостивѣйше жалуемъ этому русскому 200 риксдалеровъ серебр. и повелѣваемъ послать ихъ ему съ Ад. Эберсомъ". Въ томъ же смыслѣ написано было объ этомъ и генералъ-губернатору; Котошихину велѣно было ѣхать въ Стокгольмъ. Эти распоряженія были привезены въ Нарву Эберсомъ только 6-го января 1666. Эберсъ, ѣхавшій въ Москву, остался въ Нарвѣ недолго, видѣлся съ Котошихинымъ, передалъ ему деньги и, повидимому, окончательно уговорилъ его поступить на шведскую службу.

Тѣмъ временемъ, однако, съ бѣглецомъ едва не случилась

---

[1]) Маркевичъ, стр. 30—31.

большая бѣда. Въ концѣ ноября 1665 года былъ въ Нарвѣ, проѣздомъ въ Стокгольмъ, царскій гонецъ Михаилъ Прокофьевъ, вѣроятно тотъ самый подьячій Мишка, имя котораго мы встрѣтили раньше по поводу отношеній Котошихина къ кн. Долгорукому. Котошихинъ пришелъ къ нему, вѣроятно, по старому знакомству, но Прокофьевъ не захотѣлъ его знать и, уѣзжая въ Стокгольмъ, успѣлъ извѣстить о немъ новгородскаго воеводу кн. Ромодановскаго, и послѣдній не замедлилъ послать къ Таубе стрѣлецкаго капитана Рѣпина и нѣсколько солдатъ съ требованіемъ, чтобы онъ, „по кардійскому вѣчному договору, измѣнника и писца Гришку прислалъ съ конвоемъ въ Новгородъ“ [1]). Таубе отвѣтилъ 19-го декабря, что дѣйствительно изъ Любека прибылъ въ Нарву подьячій, выдающій себя за бѣжавшаго польскаго плѣнника и въ бѣдственномъ положеніи, что онъ велѣлъ выдать ему платье и нѣсколько денегъ на дорогу въ Москву; что теперь, по полученіи письма Ромодановскаго, губернаторъ велѣлъ разыскивать Котошихина, но онъ не былъ найденъ, а хозяинъ дома, гдѣ онъ жилъ, показалъ, что онъ уѣхалъ во Псковъ къ воеводѣ Нащокину, съ сыномъ котораго познакомился въ Польшѣ; но еслибы Котошихинъ снова появился въ Ингерманландіи, Таубе обѣщалъ выдать его, но указывалъ, что Котошихинъ не подходитъ подъ условія договора о перебѣжчикахъ, потому что онъ не бѣглецъ и не плѣнникъ, а прибылъ изъ чужихъ краевъ. Возможно, что Таубе на этотъ разъ не скрывалъ Котошихина, какъ онъ скрывалъ его въ другой разъ, немного времени спустя,— потому что и въ Стокгольмъ Таубе также писалъ въ это время, что Котошихинъ не былъ найденъ: послѣдній вѣроятно дѣйствительно укрылся, прослышавъ объ опасности и еще не зная о стокгольмскомъ рѣшеніи.

Когда дѣло выяснилось по пріѣздѣ Эберса (въ январѣ 1666), Таубе тотчасъ донесъ въ Стокгольмъ (10-го января), что отправитъ туда Котошихина, „какъ скоро онъ снова отъищется“. Тотъ, разумѣется, тотчасъ отъискался, и чтобы сохранить дипломатиче-

---

[1]) Прокофьевъ выѣхалъ въ Стокгольмъ 23-го ноября, письмо Ромодановскаго написано 11-го декабря: изъ этого г. Маркевичъ заключаетъ (стр. 33), что Ромодановскій успѣлъ сдѣлать сношенія съ Москвой, такъ какъ дѣло было важное. Намъ кажется, что въ этомъ предположеніи нѣтъ надобности: во-первыхъ, дѣло было ясно и, вѣроятно, само собой входило въ полномочія воеводы; а во-вторыхъ, тогдашнія сношенія не были очень быстры, и вѣроятно потребовалось бы гораздо больше времени, еслибы извѣстіе изъ Нарвы, полученное въ Новгородѣ, пришлось посылать въ Москву, ожидать оттуда отвѣта и отправлять въ Нарву. Письмо Ромодановскаго къ Таубе сохранилось въ шведскомъ переводѣ.

скія приличія, Таубе (какъ онъ писалъ въ Стокгольмъ 20-го января) устроилъ слѣдующее: „Такъ какъ реченнаго писца, которому я запретилъ показываться, видѣли и знаютъ другіе пребывающіе здѣсь русскіе, то г. цейхмейстеръ посовѣтовалъ мнѣ велѣть открыто схватить его и посадить въ тюрьму, а потомъ выпустить, какъ будто онъ по оплошности стражей бѣжалъ, чтобы при предстоящихъ совѣщаніяхъ не могло произойти никакого неудовольствія за то, что онъ здѣсь находился и не былъ, какъ того требовали, схваченъ и выданъ. Почему я въ этомъ случаѣ послѣдовалъ совѣту цейхмейстера и того писаря согласно съ повелѣніемъ вашего королевскаго величества посылаю съ курьеромъ въ Стокгольмъ, а также написалъ воеводѣ, что онъ (Котошихинъ) по оплошности сторожей хитростью освободился, но что я приказалъ тщательно искать его и, если онъ будетъ пойманъ, выдать; офицеръ же, которому поручено было смотрѣть за нимъ, будетъ наказанъ".

Курьеръ и Котошихинъ прибыли въ Стокгольмъ 5-го февраля 1666 года.

Проживши здѣсь недѣли три безъ всякаго дѣла и не имѣя никакихъ средствъ, Котошихинъ подалъ въ мартѣ этого года двѣ челобитныя, королю и совѣту, гдѣ, благодаря за первую оказанную ему милость (выдача денегъ въ Нарвѣ), снова проситъ дать ему дѣло и жалованье: „...и та моя служба его королевскому величеству будетъ годна такимъ обычаемъ: первое, чтобъ королевское величество пожаловалъ, велѣлъ меня учить свѣйскаго языку студенту, а я того студента буду учить по-русски, что онъ годенъ будетъ въ переводчики; также, ежели похочетъ хто учиться по-русски васъ высок. господъ дѣти, и имъ то ученіе будетъ надобно для такого способу: лучится которому быть въ Ригѣ или въ иныхъ городѣхъ губернаторомъ, и имъ для пограничества и для посольствъ годёнъ будетъ. Еще покорно... прошу, чтобъ я пожалованъ былъ, гдѣ жить и чѣмъ сыту быть, за что за такое жалованье его королевскаго величества за здоровье и васъ высокопочтенн. господъ за здоровье же буду Бога хвалить до вѣку живота своего... А ежели какое у меня письмо по-русски, или какимъ инымъ языкомъ на Русь, или къ русскимъ людямъ сыщется совѣтная грамотка, достоинъ смертныя казни безъ всякія пощады".

Біографъ не сомнѣвается, что послѣ этихъ челобитныхъ Котошихинъ, у котораго были въ Стокгольмѣ покровители (знавшіе его по прежнимъ дипломатическимъ дѣламъ), былъ принятъ на аудіенціи королемъ и совѣтомъ; по крайней мѣрѣ, въ концѣ

того же марта состоялся приказъ о выдачѣ Селицкому (какъ опять назвалъ себя Котошихинъ), бывшему русскому писцу, поступившему на королевскую службу и принявшему шведское подданство, на его содержаніе 150 серебряныхъ далеровъ.

На первое время Котошихину не было, кажется, дано никакого спеціальнаго дѣла, и біографъ полагаетъ, что такъ какъ ему не стали бы выдавать денегъ даромъ, ему поручено было составить записку о Московскомъ государствѣ, гдѣ онъ могъ бы изложить свѣдѣнія, полезныя для шведскаго правительства, на что самъ онъ постоянно вызывался [1]). Поэтому, біографъ не соглашается съ показаніемъ Баркгузена, который приписываетъ составленіе записки собственной инціативѣ Котошихина. Такъ или иначе, Котошихинъ занялся своей книгой, которая, повидимому, особенно интересовала шведскаго государственнаго канцлера, графа Делагарди. Весьма вѣроятно, что, благодаря его вліянію, въ ноябрѣ 1666 года Котошихину назначено было 300 далеровъ жалованья", такъ какъ онъ нуженъ намъ ради своихъ свѣдѣній о русскомъ государствѣ", и онъ зачисленъ былъ на государственную службу въ число чиновниковъ государственнаго архива.

Въ концѣ того же года Котошихинъ поселился въ предмѣстьѣ Стокгольма у нѣкоего Анастасіуса, русскаго переводчика, служившаго въ томъ же государственномъ архивѣ. Онъ прожилъ здѣсь восемь мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ онъ закончилъ свой трудъ. Хозяева снабжали его всѣмъ необходимымъ для его содержанія, но, какъ говорятъ, онъ имъ ничего не платилъ. Съ Анастасіусомъ онъ былъ сначала въ пріятельскихъ отношеніяхъ, но потомъ они поссорились: по словамъ Баркгузена, Анастасіусъ приревновалъ его къ своей женѣ; по показаніямъ Котошихина, даннымъ впослѣдствіи на судѣ, ихъ ссора началась съ тѣхъ поръ, какъ въ Стокгольмъ пріѣхали русскіе купцы и у переводчика поэтому завелись деньги, онъ предался пьянству, не заботился о домѣ, ссорился съ женой, такъ что Котошихинъ мирилъ ихъ и журилъ его. Такъ случилось и 25-го августа 1667 года; но вечеромъ того дня, когда Котошихинъ вернулся домой отъ одного знакомца нетрезвымъ и засталъ Анастасіуса дома пьянымъ, между ними произошла ссора, кончившаяся дракой, и Котошихинъ нанесъ Анастасіусу нѣсколько ранъ кинжаломъ. Тотчасъ послѣ этого Котошихинъ опомнился и сталъ ходить по комнатѣ; онъ говорилъ послѣ, что еслибы его не арестовали, онъ лишилъ бы себя жизни; но кто-то успѣлъ позвать стражу, и его взяли на

[1]) Маркевичъ, стр. 89.

гауптвахту. На первое время Анастасіусы не подавали на него жалобы; но недѣли черезъ двѣ Анастасіусъ умеръ отъ ранъ; вдова подала жалобу, и Котошихинъ былъ преданъ суду. Когда разнеслась вѣсть объ этомъ происшествіи, царскій посолъ, находившійся въ Стокгольмѣ, предъявилъ требованіе о выдачѣ Котошихина, но въ концѣ концовъ въ выдачѣ было отказано, такъ какъ Котошихинъ прибылъ не прямо изъ Россіи, притомъ совершилъ преступленіе въ Швеціи, и здѣсь же долженъ понести наказаніе. Дѣло разсматривалось въ ратушѣ; по поводу требованій русскаго посла оно разбиралось и въ совѣтѣ, и при этомъ одинъ изъ членовъ совѣта, Браге, высказалъ сожалѣніе, что убійца такъ тяжко провинился, тѣмъ болѣе, что, по слухамъ, онъ трудится надъ весьма полезнымъ сочиненіемъ. Совѣтъ призналъ, что дѣло Котошихина должно быть разсмотрѣно и рѣшено гофгерихтомъ, и послѣдній приговорилъ Котошихина къ смертной казни; русскому послу совѣтъ предоставилъ поручить кому-либо удостовѣриться, что преступникъ былъ дѣйствительно преданъ казни. Исполненіе казни было отсрочено тѣмъ, что Котошихинъ пожелалъ принять лютеранское исповѣданіе. Баркгузенъ разсказываетъ: „за нѣсколько времени до назначеннаго дня казни, онъ съ величайшимъ благочестіемъ принялъ св. тайны отъ шведскаго священника... Прусскій уроженецъ, магистръ Іоаннъ Гербиніусъ, бывшій въ то время ректоромъ школы нѣмецкаго прихода въ Стокгольмѣ и совершенно знавшій польскій языкъ, посѣщая часто Селицкаго въ его заключеніи, утѣшалъ его въ несчастіи словомъ Божіимъ, и по совершеніи надъ нимъ казни, отозвался объ немъ въ слѣдующихъ словахъ: „Obiit quam piissime!“ [1]).

Во время обсужденія дѣла въ совѣтѣ зашла рѣчь и о томъ, гдѣ произойдетъ анатомированіе послѣ казни; Браге былъ рѣшительно противъ анатомированія, изъ опасенія возбудить неудовольствіе русской націи; оно тѣмъ не менѣе было произведено. Баркгузенъ разсказываетъ: „Тотчасъ послѣ казни, тѣло его было отвезено въ Упсалу, гдѣ оно было анатомировано профессоромъ, высокоученымъ магистромъ Олофомъ Рудбекомъ; кости Селицкаго хранятся тамъ и до сихъ поръ, какъ монументъ, нанизанныя на мѣдныя и стальныя проволоки.—Такъ кончилъ жизнь свою Селицкій, мужъ русскаго происхожденія, ума несравненнаго“ [2]).

---

[1]) Т.-е.: умеръ самымъ благочестивымъ образомъ. Этотъ Гербиніусъ жилъ потомъ въ польскихъ владѣніяхъ и извѣстенъ сочиненіемъ о кіевскихъ пещерахъ. См. у Маркевича, стр. 48.

[2]) Эти слова въ шведской біографіи написаны по-латыни: „Sic en talem finem habuit vita Selitzki, Viri quondam Roxolani, Ingenio incomparabili“.

Такова была печальная біографія московскаго подьячаго, закончившаго свою жизнь на шведскомъ эшафотѣ. При всей ея исключительности, она объясняетъ происхожденіе книги, которая безъ этихъ условій, быть можетъ, и не могла бы быть написана. Нельзя принять объясненія, какое даютъ нѣкоторые историки мотивамъ, вызвавшимъ это сочиненіе,—но справедливо, кажется, одно, что оно могло быть написано только внѣ обычныхъ условій московской жизни. Какъ бы мы ни судили о степени враждебности Котошихина къ русской жизни (мы остановимся на этомъ далѣе), самая мысль о цѣльной картинѣ Московскаго государства и русскаго быта возникла и (болѣе или менѣе) исполнена въ этомъ трудѣ единственный разъ въ теченіе всего древняго періода русской литературы. Не было писателя, который поставилъ бы себѣ подобную задачу: надо думать, что не было пониманія ея важности и ея интереса.

Какими побужденіями вызвано было составленіе этой книги? Новѣйшій біографъ, какъ упомянуто выше, полагаетъ, что она составлена именно по порученію шведскаго правительства, которое желало найти въ ней полезныя для себя свѣдѣнія. Біографъ настойчиво отвергаетъ показаніе Баркгузена, что составленіе записки о Московскомъ государствѣ было предпринято Котошихинымъ по собственной иниціативѣ и задумано еще ранѣе его пріѣзда въ Швецію [1]. Но это показаніе представляется намъ, напротивъ, весьма правдоподобнымъ. Баркгузенъ говоритъ такъ: „Первая мысль и желаніе описать нравы, обычаи, законы, управленіе и вообще настоящее состояніе своего отечества родились у него *еще тогда*, какъ онъ, во время бѣгства своего изъ Россіи, посѣщая разные области и города, имѣлъ случай замѣчать въ нихъ отличное отъ Московіи устройство политическое, преимущественно же въ той странѣ, въ которой онъ остался на постоянное жительство. Важнѣйшею же побудительною причиною *къ продолженію уже начатаго имъ труда* служило ободреніе государственнаго канцлера, высокороднаго графа Магнуса Гавріила Делагарди, который, *узнавъ* острый умъ Селицкаго и его особенную опытность въ политикѣ (онъ отличался умомъ передъ своими сверстниками и единоземцами), далъ ему средства и возможность окончить начатый трудъ въ той самой формѣ, въ какой онъ ниже [2]) слѣдуетъ. При составленіи этого сочиненія онъ отчасти пользовался русскимъ Уложеніемъ“.

[1]) Стр. 39 и далѣе.

[2]) Т.-е. въ шведскомъ переводѣ книги, къ которой разсказъ Баркгузена былъ предисловіемъ.

Нашъ біографъ думаетъ однако, что этотъ разсказъ есть лишь собственная догадка Баркгузена, и возражаетъ противъ него слѣдующимъ образомъ: „Съ какой стати было Котошихину въ то время заниматься литературною дѣятельностью? и для кого писалъ бы онъ свое сочиненіе? Не для русскихъ, конечно, ибо оно къ нимъ и попасть тогда не могло; но и не для шведовъ, которые не могли бы прочесть его въ подлинникѣ. Очевидно, составляя свою записку, Котошихинъ уже зналъ, что она будетъ переведена на шведскій языкъ, а такой нелегкій трудъ могъ быть предпринятъ развѣ по оффиціальному порученію. Наоборотъ, Котошихинъ такъ подчеркивалъ постоянно свое знаніе Московскаго государства и возможность сообщить о немъ важныя свѣдѣнія, что у шведскаго правительства естественно могла явиться мысль объ удовлетвореніи желанія Котошихина. Наконецъ, Котошихинъ былъ большой практикъ и заняться составленіемъ подобной записки для себя, безо всякой иной цѣли, совсѣмъ было не въ его характерѣ, да и не въ духѣ вообще того времени".

Прежде всего очень рискованно говорить о „характерѣ", который намъ неизвѣстенъ; но объ умственномъ складѣ Котошихина можно до нѣкоторой степени судить по самой его книгѣ, представляющей, по общему впечатлѣнію изучавшихъ ее историковъ, произведеніе для своего времени весьма замѣчательное,— и умственному складу человѣка, въ которомъ и сами иностранцы, безъ сомнѣнія довольно требовательные, цѣнили „острый умъ", вовсе не противорѣчила бы самостоятельная мысль о подобномъ описаніи Московскаго государства... Возвращаясь къ аргументамъ г. Маркевича, замѣтимъ, во-первыхъ, что его взгляду не совсѣмъ отвѣчаютъ чисто внѣшнія обстоятельства дѣла. Почему, если считали нужнымъ требовать отъ Котошихина подобной работы, на него обратили вниманіе уже только въ концѣ 1666 года, когда началось, повидимому, покровительство гр. Делагарди и Котошихинъ былъ зачисленъ на службу? Такимъ образомъ прошелъ какъ будто почти цѣлый годъ безъ его услугъ. Далѣе, если въ немъ видѣли свѣдущаго человѣка по текущимъ практическимъ дѣламъ, собственно посольскимъ, почему могли предположить въ немъ человѣка способнаго къ такому многостороннему труду? Вниманіе гр. Делагарди имѣло, повидимому, чисто личный характеръ, вслѣдствіе того, что онъ узналъ самого Котошихина и оцѣнилъ его умъ: всего вѣроятнѣе, что онъ именно поощрялъ его къ продолженію *начатаго* труда (какъ говоритъ Баркгузенъ), а не самъ заказывалъ ему этотъ трудъ. Выше мы

приводили отзывъ другого государственнаго человѣка, члена совѣта, гр. Браге, который во время суда высказывалъ сожалѣніе о преступникѣ, такъ какъ „по слухамъ“ онъ трудился надъ весьма полезнымъ сочиненіемъ: едва ли Браге могъ бы ссылаться на слухи, еслибы работа Котошихина была оффиціально заказанная, слѣдовательно правительству извѣстная. Во-вторыхъ, мнѣнію нашего біографа противорѣчатъ и внутреннія основанія, свойства самой работы. Еслибы работа была заказана, всего скорѣе можно было бы предположить, что Котошихину была бы дана какая-нибудь программа, поставлены опредѣленные вопросы и притомъ особенно такіе, которые имѣли бы практическую важность для настоящей минуты, какъ, напримѣръ, были бы вопросы о политическихъ замыслахъ Московскаго правительства, о военныхъ силахъ Московскаго государства, о составѣ и характерѣ наиболѣе вліятельныхъ людей и т. п. На дѣлѣ мы этого вовсе не видимъ. Трудъ Котошихина есть, въ цѣломъ, систематическое описаніе Московскаго государства, описаніе, которое ведется по плану, опредѣляемому самымъ существомъ дѣла, безъ всякаго примѣненія къ какимъ-нибудь спеціальнымъ требованіямъ, —въ сущности безъ всякой заботы о томъ, нужны или не нужны эти свѣденія для шведскаго правительства. Свое сочиненіе Котошихинъ распредѣлялъ, какъ это подобало московскому человѣку и подьячему посольскаго приказа: въ первой главѣ онъ говоритъ „о царѣхъ, о царицахъ, о царевичахъ, о царевнахъ“, во второй—„о царскихъ чиновныхъ и всякихъ служилыхъ людехъ“, въ третьей—„о титлахъ, какъ царь къ которому потентату пишетца“, и т. д. по іерархіи людей и вѣдомствъ, и кончая въ тринадцатой главѣ бытовыми свѣдѣніями: „о житіи бояръ, и ближнихъ, и иныхъ чиновъ людей“. Самъ біографъ, приступивъ далѣе къ подробному обзору сочиненія (собственно нѣкоторыхъ частей его), не могъ не замѣтить, что Котошихинъ иногда какъ будто вовсе не заботится объ интересахъ шведскихъ читателей. Напримѣръ, біографъ упрекаетъ его за краткость XII-й главы, „между тѣмъ въ ней говорится о торговлѣ, т.-е. предметѣ не только очень обширномъ, но и *для шведовъ небезъинтересномъ*“, и объясняетъ эту краткость тѣмъ, что Котошихинъ, вѣроятно, мало зналъ этотъ вопросъ. Наоборотъ, очень обширна VII глава, посвященная центральному управленію Московскаго государства, что было ему хорошо извѣстно: „онъ и распространился о немъ, хотя большинство сообщенныхъ въ этой главѣ свѣдѣній въ сущности имѣло *для шведскихъ читателей слабый интересъ*“. Далѣе, по мнѣнію біографа, „*слѣдовало бы* Котошихину расширить

очень важную для шведовъ главу IX о московскихъ войскахъ, но онъ, вѣроятно, и самъ не былъ очень компетентенъ въ этомъ отношеніи"[1]). Однимъ словомъ, выходитъ, что Котошихинъ совсѣмъ забывалъ о предполагаемыхъ интересахъ шведскихъ читателей, говорилъ кратко о томъ, что̀ было бы для нихъ важно, и напротивъ, распространялся о томъ, что̀ самъ хорошо зналъ и что̀, очевидно, казалось ему самому интереснымъ. Говоря о цѣломъ планѣ сочиненія, нашъ біографъ опять встрѣчаетъ *недостатки*, которые могли бы быть осуждены съ точки зрѣнія шведскихъ читателей: „Особенно замѣтно въ сочиненіи Котошихина почти отсутствіе свѣдѣній о духовной жизни москвичей: о религіи не сообщено ничего, объ образованіи очень мало и т. д.; видимо, Котошихинъ всѣмъ такимъ свѣдѣніямъ значенія не придавалъ, мало ими интересовался, еле касался ихъ по пути, плохо и зная эту область, и не предполагая, чтобы это было *для шведовъ* интересно, между тѣмъ извѣстно, что вообще иностранцы очень интересовались, напр., религіознымъ бытомъ москвичей, ихъ обрядами и пр. и отводили этому, напр. Олеарій, много мѣста въ своихъ описаніяхъ Московскаго государства"[2]). Такимъ образомъ предполагаемая шведская программа опять не выдерживалась,—хотя объясненія біографа объ этихъ пробѣлахъ въ сочиненіи не представляются удовлетворительными.

Біографъ не можетъ забыть о „шведахъ" и тогда, когда говоритъ объ общемъ тонѣ и направленіи сочиненія: „Желая своимъ сочиненіемъ познакомить *шведскихъ его читателей* съ состояніемъ Московскаго государства въ половинѣ XVII в., Котошихинъ, по всей вѣроятности, не имѣлъ при составленіи его какой-нибудь иной цѣли, напр. не думалъ провести въ немъ какую-либо идею, подобно современнымъ писателямъ. Тѣмъ не менѣе по прочтеніи сочиненія Котошихина неизбѣжно получается впечатлѣніе, что Московское государство въ половинѣ XVII в. есть нѣчто неблагоустроенное, отсталое, вообще плохое сравнительно съ западно-европейскими государствами того же времени. Этотъ взглядъ *какъ-то* господствуетъ во всемъ сочиненіи Котошихина" и т. д. Но біографъ все-таки думаетъ, что всѣ подобныя мѣста, заключающія неблагопріятныя представленія о Московскомъ государствѣ, „не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Котошихинъ писалъ свое сочиненіе проникнутый убѣжденіемъ въ превосходствѣ западно-европейской культуры предъ московскою[3]).

---

[1]) Маркевичъ, стр. 83.

[2]) Стр. 71.

[3]) Стр. 84, 86.

По крайней мѣрѣ біографъ предполагаетъ здѣсь у Котошихина какую-нибудь собственную точку зрѣнія.

Единственное обстоятельство, указывающее на „шведскаго читателя", состоитъ въ слѣдующемъ. Въ нѣскольнихъ мѣстахъ (а именно пять разъ, какъ сосчиталъ г. Маркевичъ) изложеніе Котошихина отъ своего лица измѣняется въ „вопросъ" и „отвѣтъ"; напримѣръ, почему московскій царь въ грамотахъ, посылаемыхъ въ христіанскія государства, употребляетъ титулы, которыхъ не бываетъ въ грамотахъ въ государства магометанскія; почему московскіе послы пишутъ въ статейныхъ спискахъ не то, что̀ было въ дѣйствительности; почему царица не приняла польскихъ пословъ; что̀ такое помѣстья, вотчины и земли; почему царь Алексѣй Михайловичъ пишется самодержцемъ? По своему содержанію большинство этихъ вопросовъ стоятъ всѣ на своемъ мѣстѣ, то-есть соотвѣтствуютъ ходу цѣлаго изложенія, и развѣ только одинъ имѣетъ случайный характеръ и сдѣланъ какъ бы постороннимъ лицомъ, какимъ-либо читателемъ. Г. Маркевичъ отвергаетъ здѣсь возможность простого литературнаго пріема,—хотя этотъ пріемъ былъ весьма обыкновенный, и могъ для автора служить только для сообщенія новыхъ подробностей, для болѣе вразумительнаго объясненія дѣла. Подобнымъ образомъ Котошихинъ раза два обращается прямо къ своему читателю, когда предполагаетъ возможность его недоумѣнія: „Благоразумный читателю, не удивляйся сему",—и даетъ свое объясненіе. Біографъ не сомнѣвается, что эти вопросы и отвѣты показываютъ, что Котошихинъ писалъ для иностранцевъ, которымъ нужно было объяснять, что̀ такое самодержецъ, что̀ такое вотчина и т. п.; что поэтому же онъ даетъ другія объясненія: какъ далекъ отъ Москвы Троицкій монастырь, гдѣ хоронятъ царицъ, что московское желѣзо не такое мягкое какъ свѣйское, какъ московскія деньги отвѣчаютъ свѣйскимъ и т. п. [1]). Что Котошихинъ могъ предполагать шведскихъ читателей при переводѣ своей книги, это было естественно, когда подлѣ онъ уже имѣлъ такого читателя, какъ Баркгузенъ, когда его трудомъ былъ заинтересованъ гр. Делагарди; но во всякомъ случаѣ это было соображеніе второстепенное, — онъ могъ имѣть въ виду читателя и русскаго и не-русскаго и не только шведа, но вообще какого-либо иностранца, а послѣднія шведскія сравненія приведены просто его послѣднимъ мѣстопребываніемъ.

Книга Котошихина, автора которой знали какъ очень свѣдущаго человѣка, получившаго потомъ печальную извѣстность

[1]) Стр. 87.

своей трагической судьбой, весьма естественно возбудила интересъ, который выразился переводомъ ея на шведскій языкъ. Московія была еще малоизвѣстная страна; къ концу XVII вѣка о ней существовала уже цѣлая литература описаній и посольскихъ путешествій, участниками которой бывали уже и шведскіе писатели; многія изъ этихъ иностранныхъ сочиненій о Россіи пользовались великой славой, какъ Герберштейнъ, Майербергъ, Олеарій, у шведовъ Петрей и др. и эти сочиненія имѣли уже тогда по нѣскольку изданій; наконецъ Швеція издавна, и въ послѣднее время особенно, находилась въ постоянныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ и военныхъ столкновеніяхъ съ Московскимъ государствомъ. Понятно, что тѣмъ больше должно было возбудить интересъ сочиненіе русскаго человѣка, занесеннаго судьбой въ Швецію: это былъ примѣръ, еще небывалый въ этой литературѣ, когда притомъ писатель имѣлъ, совершенно справедливо, репутацію хорошаго знатока московской жизни и человѣка „остраго ума". Но этотъ интересъ былъ вовсе не оффиціально-служебный а обще-литературный. Шведскій переводъ книги Котошихина распространился въ рукописяхъ и донынѣ имѣется во многихъ шведскихъ библіотекахъ [1]).

Это обстоятельство, которое объясняется прежде всего указанными общими литературно-историческими условіями, нашъ біографъ толкуетъ опять исполненіемъ шведской программы. И опять оказывается, однако, что шведскую программу Котошихинъ исполнялъ плохо. „Существованіе этихъ списковъ служитъ доказательствомъ того интереса, которое внушало сочиненіе Котошихина шведскимъ государственнымъ людямъ, и такимъ образомъ Котошихинъ, повидимому, не обманулъ довѣрія, ему оказаннаго гр. Делагарди и другими. Но въ сущности, при всей обстоятельности своего труда, *что̀ важнаго* о Россіи для шведовъ Котошихинъ сообщилъ въ немъ? Много любопытнаго, курьезнаго — это такъ. Котошихинъ привелъ свѣдѣнія о Московскомъго сударствѣ, собрать которыя въ подобномъ полномъ видѣ иностранцу было бы невозможно: онѣ считались весьма секретными и иностранцу ихъ

---

[1]) Въ предисловіи къ первому русскому изданію было уже замѣчено по сообщеніямъ С. В. Соловьева: „Кромѣ Стокгольмскаго Государственнаго Архива экземпляры сей рукописи (шведскаго перевода Баркгузена) находятся въ библіотекахъ: Скуклостерской Графа Браге, Лёберёдской Графа Делагарди, Стрёской Роламба, Тидёской Барона Риддерстольпе, и проч." Прибавимъ еще, что сочиненіе Котошихина было такъ извѣстно въ Швеціи, что Николай Бергіусъ, авторъ книги: De statu ecclesiae et religionis moscoviticae (Holmiae, 1704) упоминалъ Селицкаго (Котошихина) въ числѣ писателей о Россіи (2-е изд., стр. IV; Маркевичъ, стр. 62).

бы и не сообщили; очень понятно поэтому, что Котошихинъ, какъ московскій служилый человѣкъ, привыкъ придавать этимъ составляющимъ служебную тайну свѣдѣніямъ большое значеніе и радъ былъ услужить шведамъ ихъ передачею, такъ какъ ничѣмъ инымъ пока отблагодарить за покровительство не могъ. Но принесло ли его сочиненіе шведскимъ государственнымъ людямъ какую-либо серьезную практическую пользу, въ этомъ *позволительно усомниться*; по крайней мѣрѣ это ни откуда не видно впослѣдствіи. Какъ указано будетъ далѣе [1]), наиболѣе важныя для шведовъ свѣдѣнія о Россіи, напр. о войскѣ, или о торговлѣ, отличаются и *наибольшею краткостью.* Затѣмъ нѣкоторую важность могли имѣть пожалуй свѣдѣнія объ отношеніяхъ между Москвою и окрестными государствами, еслибы они тоже не были *слишкомъ краткими*" [2]).

Когда забота о томъ, чтобы Котошихинъ непремѣнно исполнялъ шведскую программу, такъ мало оправдывается, можно представить себѣ дѣло гораздо проще,—именно такъ, какъ излагаетъ его Баркгузенъ. Біографъ не имѣлъ въ сущности никакого основанія считать показаніе послѣдняго только его „домысломъ" (т.-е. догадкой). Подобная догадка была бы совершенно ненужна, и Баркгузенъ могъ очень просто слышать, что сочиненіе начато было Котошихинымъ еще раньше, чѣмъ онъ вступилъ въ шведскую службу. Нѣтъ основанія сомнѣваться въ отзывахъ объ особенной даровитости русскаго эмигранта, и если такъ, не было ничего удивительнаго въ томъ, что онъ могъ задумать подобный трудъ. Напротивъ, это имѣло бы достаточныя психологическія объясненія. Онъ измѣнилъ государству, и еслибы даже онъ совершенно оторвался отъ всякихъ воспоминаній, которыя могли привязывать его къ родинѣ, онъ могъ имѣть простое желаніе собрать свои свѣдѣнія для любознательнаго читателя, кто бы онъ ни былъ—московскій человѣкъ или человѣкъ изъ *западной Руси*, среди которой онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего бѣгства, или какой бы ни было иностранецъ, которому книга была бы доступна въ переводѣ. Къ этому могло присоединяться и несознаваемое побужденіе оправдать свое бѣгство изъ отечества, въ которомъ онъ испыталъ много несправедливостей и въ порядкахъ котораго многому не сочувствовалъ. Могло быть и другое несознаваемое побужденіе: несмотря на измѣну, эта родина была все-таки ему близка, такъ сказать физіологически; разсказъ пере-

---

[1]) Выше мы приводили это.

[2]) Стр. 61—62.

носилъ его въ эту родину, и указаніе недостатковъ московскихъ людей могло быть и желаніемъ, чтобы эти люди не отстали отъ націй болѣе просвѣщенныхъ. Нашъ біографъ чувствовалъ эту сторону настроенія автора книги о Московскомъ государствѣ. При всемъ желаніи приписать ему исполненіе шведской программы, онъ находитъ, что у Котошихина не было иной цѣли, кромѣ описанія Московскаго государства; напримѣръ, онъ „не думалъ провести въ немъ какую-либо идею, подобно современнымъ писателямъ" [1]), и самому біографу бросалось въ глаза, до какой степени Котошихинъ остался „вполнѣ московскимъ служилымъ человѣкомъ XVII вѣка" [2]). Въ нѣсколько неясныхъ выраженіяхъ біографъ замѣчаетъ: „Очень курьезною чертою въ Котошихинѣ является усвоеніе имъ общепринятыхъ нравственныхъ принциповъ и строгое осужденіе тѣхъ лицъ, которыя эти принципы почему-либо нарушали. Съ этой точки зрѣнія онъ въ сочиненіи своемъ постоянно осуждаетъ москвичей, хотя ему бы это было и не къ лицу". Въ своемъ, обыкновенно сухомъ, дѣловомъ разсказѣ Котошихинъ иногда по старому обычаю входитъ въ роль московскаго законника; сказавъ, напримѣръ, о наказаніи, постигающемъ побочнаго сына, если тотъ обманомъ получитъ наслѣдство, онъ выражается такъ, что его, „бивъ кнутомъ, сошлютъ въ ссылку въ Сибирь, для того: не вылыгай и не стався честнымъ человѣкомъ" [3]). Или въ другомъ случаѣ, разсказывая о томъ, что въ случаѣ иска, истца и отвѣтчика обязываютъ не выѣзжать изъ Москвы до рѣшенія дѣла, онъ говоритъ: „а будетъ съѣдетъ отвѣтчикъ, и за отвѣтчика исцовъ искъ и пошлины доправятъ на порутчикахъ его, хотя бъ истецъ или отвѣтчикъ правъ былъ, однако не дождався указу и не бивъ челомъ царю съ Москвы не съѣзжай" и т. п. [4]). Въ краткихъ историческихъ извѣстіяхъ, помѣщенныхъ въ началѣ книги, онъ говоритъ, напримѣръ, въ обычномъ тонѣ негодованія о Лжедимитріи, который есть „воръ и лживый царь", и о другихъ самозванцахъ, такихъ же „ворахъ", которые „пролыгався называлися царевичемъ Димитріемъ; и такимъ людемъ по замысламъ ихъ и конецъ имъ былъ таковъ же" [5]). Наконецъ весь тонъ его разсказа — серьезный, дѣловой, привычный тонъ его прежней службы. Біографъ не однажды отмѣчаетъ, что Котошихинъ могъ иногда ошибаться, но онъ не лгалъ. Сло-

---

[1]) Стр. 84.

[2]) Стр. 54.

[3]) Третье изданіе, стр. 108.

[4]) Тамъ же, стр. 134.

[5]) Тамъ же, стр. 4.

вомъ, Котошихинъ относился къ своему дѣлу очень серьезно, имѣлъ въ виду самую его сущность, разсказывалъ что̀ зналъ и вовсе не исполнялъ какой-нибудь чужой программы.

Какъ мы видѣли, біографія Котошихина даетъ только внѣшнюю исторію его службы и послѣднихъ приключеній и не даетъ почти ничего, что̀ бы выяснило его личный характеръ, степень его образованія, наконецъ даже тѣ побужденія, которыя привели его къ бѣгству и измѣнѣ. Новѣйшій біографъ дѣлаетъ тѣмъ не менѣе попытку опредѣлить черты его личности. Приводимъ нѣкоторыя подробности, отчасти вѣрныя, отчасти гадательныя, отчасти произвольныя.

„Умеръ онъ сравнительно молодымъ, едва ли имѣя 40 лѣтъ. Въ умственномъ отношеніи Котошихинъ былъ человѣкъ выдающійся. Баркгузенъ говоритъ о немъ, что онъ былъ ума несравненнаго... Конечно, этотъ умъ и вообще блестящія способности даны были Котошихину отъ природы; но многому научила его и жизнь. Уже въ Москвѣ онъ былъ не только грамотнымъ и хорошо пишущимъ чиновникомъ, но дѣльнымъ, опытнымъ, достаточно ловкимъ для порученія ему немаловажныхъ государственныхъ дѣлъ... При этомъ онъ былъ человѣкъ обходительный... какъ это видно изъ его переговоровъ съ шведскими послами, на которыхъ онъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе. Затѣмъ не можемъ не указать на громадную наблюдательность Котошихина и знаніе имъ жизни: свое огромное и разностороннее сочиненіе о Россіи, столь документальнаго характера, написалъ онъ далеко отъ родины, почти безъ пособій, по прежнимъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ; отсюда видна также и его огромная память. Далѣе, нельзя не указать на его умѣніе не потеряться въ кучѣ фактовъ, а наоборотъ, ихъ сгруппировать, довольно искусно обработать матеріалъ, находящійся въ его распоряженіи; я вижу, впрочемъ, въ этомъ не столько свойство работы самого Котошихина, сколько манеру всей школы московскихъ дѣльцовъ, образовавшуюся подъ вліяніемъ служебныхъ, финансовыхъ и даже политическихъ требованій; но во всякомъ случаѣ Котошихинъ былъ однимъ изъ удачнѣйшихъ представителей такихъ оффиціальныхъ писателей. Скитаясь за границей, Котошихинъ, какъ это свидѣтельствуетъ Баркгузенъ, развилъ себя еще сильнѣе: съ большою наблюдательностью всматривался онъ въ чужеземные, столь несходные съ отечественными порядки, увлекался новшествами (?); а это дало ему возможность цѣльнѣе взглянуть на московскую жизнь, лучше оцѣнить ея важнѣйшія стороны и не потеряться въ мелочахъ, изображая ее въ своемъ трудѣ“. Образованіе Ко-

тошихина „сводилось на простую грамотность да на знакомство съ фактами путемъ ихъ наблюденій или о нихъ разговоровъ; спеціальныхъ знаній у Котошихина тоже было не очень много... но у русскихъ людей половины XVII в. и такія знанія, какими обладалъ Котошихинъ, были рѣдки; самая грамотность была дѣломъ еще не часто встрѣчавшимся".

Далѣе: „Европеизмъ Котошихина, конечно, рѣзко отличаетъ его отъ московскихъ его современниковъ (за немногими исключеніями, въ родѣ А. Л. Ордина-Нащокина); но я не допускаю, чтобы онъ уже былъ въ Котошихинѣ раньше его бѣгства изъ Москвы и даже сталъ причиною, что онъ покинулъ родину, жизнь въ которой его будто бы не могла удовлетворить (такое мнѣніе встрѣчается); напротивъ, Котошихинъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ не только во время службы въ Москвѣ, но и за границей; европеизмъ проявился у него впослѣдствіи и то въ немногихъ, хотя и важныхъ чертахъ; онъ обусловилъ отрицательное отношеніе Котошихина въ его трудѣ къ московской жизни, но изъ этого самаго труда видно, а изъ біографіи и того болѣе, что онъ все же остался русскимъ человѣкомъ, даже въ Швеціи, гдѣ ему, по свидѣтельству Баркгузена, жизнь особенно нравилась". Къ этому „европеизму" мы еще возвратимся.

Нѣсколько странно другое замѣчаніе: „Укажу еще на одно качество умственной природы Котошихина. Онъ былъ какой-то жесткій человѣкъ, съ сильными практическими тенденціями; въ его сочиненіи нѣтъ ни одной строчки художественной и въ біографіи вполнѣ отсутствуетъ какое бы то ни было эстетическое указаніе. Но опять-таки московскіе дѣльцы XVII в., за немногими исключеніями, вообще были таковы; и потребность въ художественныхъ впечатлѣніяхъ испытывали лишь тѣ русскіе люди, которые спасались отъ міра сего въ лѣса и пустыни и съ которыми у Котошихина было мало общаго". Во-первыхъ, странно требовать художества въ сочиненіи, посвященномъ администраціи; полагаемъ, что въ подобномъ сюжетѣ не было бы мѣста для поэзіи и въ XVII, какъ въ XIX столѣтіи,—а кромѣ этого сочиненія не имѣется никакихъ данныхъ о художественныхъ или нехудожественныхъ вкусахъ писателя. Во-вторыхъ, странно представлять, будто бы художественныя впечатлѣнія испытывали въ старину только люди, уходившіе въ пустыни, — а кѣмъ и для кого создана была вся богатая народная поэзія въ пѣснѣ, сказаніи, живомъ обрядѣ, поэзія въ большинствѣ не имѣющая ничего общаго съ пустыней? Въ-третьихъ, еслибы біографъ желалъ искать у Котошихина художественныхъ элементовъ, онъ нашелъ

бы ихъ въ его мѣткомъ, иногда образномъ языкѣ: съ тѣхъ поръ, какъ его книга вошла въ нашу литературу, нѣкоторыя выраженія Котошихина стали типическими, — именно потому что они были мѣтки и образны.

Далѣе, — „менѣе всего удовлетворителенъ нравственный образъ Котошихина; хотя и здѣсь мы склонны видѣть болѣе типическія черты московскаго практика, чѣмъ личныя Котошихина". Біографъ приписываетъ ему „алчность къ деньгамъ, доходившую до забвенія долга", „нахальную требовательность, если можно, легко переходящую въ низкую угодливость, если нужно" (?); сварливость, пьянство — какъ общія черты времени, только доведенныя до крайности, и изъ этого біографъ заключаетъ, что это былъ въ сущности человѣкъ характера слабаго, неустановившагося. Но біографъ отмѣчаетъ въ его характерѣ и хорошія черты: таково было его поведеніе съ кн. Долгорукимъ; его поведеніе послѣ убійства „показываетъ не закоренѣлаго преступника, а человѣка правдиваго, сознательно готоваго заплатить жизнью за совершенное преступленіе, ужасный смыслъ котораго ему вполнѣ понятенъ, почему онъ не рѣшается даже оправдываться". Наконецъ, замѣчаетъ біографъ: „правдивостью дышетъ и его повѣствованіе о Россіи; относится онъ къ ней отрицательно, охотно отмѣчаетъ недостатки ея государственнаго и общественнаго строя, но дѣлаетъ это спокойно, безъ озлобленія, просто, какъ человѣкъ уже знающій лучшее, и никогда не спускается до клеветы; Котошихинъ легко можетъ ошибиться, но не солгать".

По поводу его бѣгства біографъ замѣчаетъ, „что въ упрекъ Котошихину должна быть поставлена только такая крайность, какъ измѣна; вообще же московскіе служилые люди были насчетъ патріотизма, какъ политической любви къ родинѣ, довольно сбивчивыхъ воззрѣній". Относительно религіозныхъ понятій Котошихина, біографъ полагаетъ, что это была „религіозность обычная, болѣе формальная, чѣмъ глубокая", что „протестантскій прозелитизмъ, особенно въ лицѣ такого ученаго и богослова проповѣдника, какъ Гербиній, легко могъ окончательно поколебать не глубокое традиціонное вѣроученіе Котошихина, разрушить своимъ раціонализмомъ вѣру его въ значеніе обрядовъ и склонить его, въ виду грозной перспективы близкой смерти, къ переходу въ лютеранство". Біографъ не сомнѣвается, что перемѣна исповѣданія была у Котошихина искреннею.

Но, — заключаетъ онъ, — „все это уже дѣла давно минувшихъ дней, и потому отнесемся теперь къ Котошихину безъ гнѣва и злобы; скорѣе пожалѣемъ, чѣмъ осудимъ даровитаго авантюриста, столь

мало выигравшаго своими похожденіями, а въ заключеніе поблагодаримъ его за то замѣчательное сочиненіе, которое имъ оставлено и котораго онъ, къ слову сказать, навѣрное никогда не написалъ бы, оставаясь на службѣ въ Московскомъ государствѣ... Имя его внушаетъ историкамъ чувство неподдѣльнаго уваженія, такъ какъ говоритъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для знакомства съ отечественною исторіей" [1]).

Изъ этой характеристики можно признать вѣрнымъ развѣ лишь то, что̀ можетъ быть подтверждено самымъ сочиненіемъ Котошихина; главная черта, важная для историка, есть писательская правдивость и точность Котошихина, и она не подлежитъ сомнѣнію. Остальное, что̀ говоритъ біографъ о личномъ характерѣ Котошихина, остается предположеніемъ, для котораго нѣтъ достаточныхъ основаній въ скудномъ матеріалѣ біографическихъ извѣстій [2]).

Главный интересъ изслѣдованія сосредоточивается на самомъ сочиненіи, которое осталось результатомъ этой странной и печальной біографіи. Новѣйшій біографъ, разсматривая литературную судьбу сочиненія, высказываетъ изумленіе, что со времени своего появленія оно не вызвало спеціальнаго историко-критическаго разбора: оно требовало этого разбора, какъ важный историческій источникъ, дающій иногда единственныя указанія о нѣкоторыхъ фактахъ русской жизни XVII вѣка,—но отсутствіе такого разбора объясняется общимъ состояніемъ нашей исторіографіи, въ которой есть и несравненно болѣе крупные пробѣлы. Теперь авторъ самъ предпринялъ это изслѣдованіе труда Котошихина съ цѣлью опредѣлить его цѣнность какъ историческаго источника, степень достовѣрности его показаній. Это предпріятіе составляетъ большую заслугу г. Маркевича, потому что, хотя уже болѣе полвѣка историки пользуются трудомъ Котошихина, значеніе его оставалось неяснымъ и, кажется, вслѣдствіе его біографіи, къ нему относились даже съ извѣстнымъ пренебреженіемъ. Новѣйшій біографъ справедливо поставилъ наконецъ раз-

[1]) Стр. 51—56.

[2]) Потому заключенія біографа иногда противорѣчивы; напр., въ одномъ мѣстѣ онъ считаетъ его доносчикомъ, а рядомъ хвалитъ его за отказъ писать доносъ, какого требовалъ отъ него кн. Долгорукій. Желаніе пополнить своими предположеніями недостатокъ точныхъ данныхъ приводитъ автора къ излишествамъ, даже неумѣстнымъ въ серьезномъ трудѣ. Напр., разсказывая стокгольмскую жизнь Котошихина, о которой сохранились только краткія свѣдѣнія въ родѣ плохо составленнаго полицейскаго протокола, біографъ недоумѣваетъ, почему Котошихинъ не уплатилъ за стирку бѣлья, и ставитъ серьезно вопросъ: „куда же онъ дѣвалъ деньги? Неужели прокучивалъ?" (стр. 42).

личіе между біографіей писателя и его произведеніемъ и призналъ, что послѣднее должно быть оцѣняемо по его собственному содержанію. Общій выводъ изслѣдователя благопріятный. Книга Котошихина—систематическій трудъ, исполненный весьма обстоятельно; онъ свидѣтельствуетъ о весьма точномъ знаніи русской жизни, которое обнаруживается тѣмъ болѣе замѣчательно, что при составленіи книги писатель былъ совершенно лишенъ всякихъ пособій и ограниченъ былъ только матеріаломъ своей памяти. Котошихинъ ссылается только на двѣ книги—на „хронику“ шведскаго историка Петрея и на Уложеніе; но, сличивъ его текстъ съ этими книгами, г. Маркевичъ нашелъ, что Котошихинъ указывалъ эти книги только для того, чтобы читатель искалъ тамъ дальнѣйшихъ подробностей, а его собственное изложеніе отъ нихъ не зависитъ. Что касается до общихъ ссылокъ на какія-то хроники („въ кроникахъ пишутъ“), это опять не были какія-нибудь опредѣленныя цитаты, а только ссылка на то, что въ прежнее время случалось читать. Были ли это иностранныя хроники, или русскія лѣтописи, г. Маркевичъ не рѣшаетъ.

Считая нужнымъ, для оцѣнки Котошихина, сличать его извѣстія съ показаніями другихъ источниковъ, г. Маркевичъ пересматриваетъ его ссылки на Уложеніе, его разсказъ о народномъ бунтѣ по поводу мѣдныхъ денегъ, его показанія о мѣстничествѣ, показанія о производствѣ въ чины, связанномъ съ мѣстничествомъ, показанія о томъ, какого чина и чести московскіе послы, посланники и гонцы бываютъ отправляемы въ иностранныя государства,—и эта провѣрка его по Уложенію, по дѣламъ о мѣстничествѣ, по дворцовымъ разрядамъ убѣждаетъ въ самостоятельности и доброкачественности его показаній о русскомъ управленіи половины XVII вѣка; ошибки у него могутъ быть, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ его показанія являются единственнымъ источникомъ. Разнообразіе его свѣденій указывается самою сложностію плана сочиненія, гдѣ онъ излагалъ самыя различныя области московскаго управленія. Весьма понятно, что особенно близко были знакомы Котошихину тѣ дѣла, которыя имѣли отношеніе къ прежнему мѣсту его службы, посольскому приказу, но кромѣ того, говоритъ біографъ, онъ „могъ знать и такіе акты, которые не касались посольскаго приказа, напр. царскія грамоты монастырямъ или служилымъ людямъ, патріаршія грамоты, приговоры боярской думы, рѣшенія по мѣстническимъ стычкамъ, челобитья къ государю и пр., и, судя по его сочиненію, его память все это ему сохранила прекрасно; по крайней мѣрѣ приводимыя имъ выдержки изъ актовъ сходны съ нынѣ опубликованными; поэтому всѣ по-

добныя показанія Котошихина могутъ считаться заслуживающими довѣрія" [1]).

Приступая къ этому разбору показаній Котошихина, г. Маркевичъ прежде всего остановился, конечно, на цѣломъ планѣ сочиненія. Изложивъ его содержаніе по главамъ, г. Маркевичъ приходитъ къ заключенію, что планъ у него былъ. А именно, Котошихинъ первую главу посвятилъ, какъ подобало, царской семьѣ; вторую главу—служилому сословію; три главы (3—5) посвящены дипломатическимъ дѣламъ: дипломатическимъ актамъ, посольствамъ изъ Москвы въ иностранныя государства, посольствамъ иностранныхъ государствъ въ Москву; три главы (6 — 8) отведены управленію: дворцовому, центральному и областному; три главы (9—11) отведены сословіямъ, кромѣ служилаго: военному, торговому и крестьянскому; двѣнадцатая глава говоритъ о торговлѣ, и тринадцатая о частномъ бытѣ московскихъ людей. Но г. Маркевичъ находитъ, что планъ не вполнѣ выдерживается въ подробностяхъ. Напримѣръ: 9-я глава его труда слишкомъ примыкаетъ ко 2-й и вообще лучше было бы собрать всѣ главы о классахъ населенія вмѣстѣ; не было цѣли выдѣлять торговлю въ особую главу, когда не выдѣлены иныя стороны государственной дѣятельности, и лучше было присовокупить ее къ главѣ 10-й, очень короткой; но,—замѣчаетъ г. Маркевичъ,—„нельзя примѣнять къ Котошихину тѣ требованія относительно стройности сочиненія, которыя нечасто соблюдаются и современными намъ историками". Еще больше важнымъ недостаткомъ плана онъ считаетъ занесеніе свѣдѣній не на то мѣсто, гдѣ имъ слѣдовало быть, что̀ по мнѣнію г. Маркевича объясняется или тѣмъ, что Котошихинъ въ свое время забылъ сказать о чемъ-нибудь интересномъ, а потомъ припомнилъ, или тѣмъ, что извѣстное явленіе было ему болѣе знакомо въ связи съ другимъ, къ которому онъ его и прибавилъ. Критикъ приводитъ примѣры, и ихъ дѣйствительно не мало. Иногда Котошихинъ сливаетъ въ одно мѣсто извѣстія, которыя лучше было бы раздѣлить, иногда ставитъ эти извѣстія произвольно, затрудняясь, куда ихъ помѣстить; иногда онъ долженъ былъ повторяться и обыкновенно замѣняетъ повтореніе ссылками: „зри ниже", или „зри глава такая-то, статья такая-то". Наконецъ критикъ упрекаетъ Котошихина за неравномѣрность главъ [2])...

Намъ кажется, что въ этомъ обсужденіи плана забыто глав-

---

[1]) Стр. 151.

[2]) Стр. 80 — 84.

ное: книга Котошихина является передъ нами въ незаконченномъ видѣ. Судя по припискамъ и ссылкамъ, это—*черновая*, которая такъ и осталась неисправленной и недополненной окончательно; что касается до неравномѣрности главъ, она объясняется прежде всего количествомъ данныхъ, какимъ авторъ владѣлъ по тому или другому предмету, и вѣроятно опять тою же незаконченностію работы.

Излишества критики обнаруживаются и тамъ, гдѣ г. Маркевичъ разбираетъ историческія („былевыя") показанія Котошихина. Этихъ показаній немного: главнымъ образомъ онѣ находятся въ началѣ первой главы (Котошихинъ начинаетъ книгу извѣстіями объ Иванѣ Грозномъ, котораго называетъ Гордымъ) и кромѣ того встрѣчаются въ другихъ главахъ, гдѣ упомянуты при случаѣ. Самъ критикъ замѣчаетъ, что почти всѣ эти извѣстія маловажны, и во всякомъ случаѣ не въ нихъ заключается цѣнность сочиненія; никакихъ письменныхъ пособій у Котошихина не было, справиться было негдѣ,—и тѣмъ не менѣе критикъ считаетъ возможнымъ ставить спеціальный вопросъ о значеніи Котошихина „какъ историка" и „какъ мемуариста". Выводъ получается неблагопріятный: историкъ онъ—плохой, мемуаристъ—„второй руки", и критикъ доказываетъ свой отзывъ указаніемъ различныхъ „вздорныхъ" извѣстій и „домысловъ" Котошихина. Не будемъ исчислять опроверженій г. Маркевича. Очевидно, что Котошихинъ, „какъ историкъ", долженъ быть осужденъ съ высоты учебника Иловайскаго; но критикъ правильнѣе понялъ бы дѣло, еслибы больше обратилъ вниманія на два обстоятельства, которыя и самъ онъ замѣчалъ. Во-первыхъ, упомянутое отсутствіе у Котошихина всякихъ справочныхъ свѣдѣній. Во-вторыхъ, возможность предположить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Котошихинъ, сообщая невѣрныя извѣстія, только повторялъ какое-либо ходячее мнѣніе,—самъ критикъ не одинъ разъ замѣчаетъ, что Котошихинъ ничего не выдумывалъ и не лгалъ. Напримѣръ, критикъ изобличаетъ „вздорность" показанія Котошихина, будто бы митрополитъ Алексѣй былъ въ плѣну въ Крымской ордѣ и съ тѣхъ поръ завѣщалъ московскимъ государямъ не ходить войною на Крымъ и поддерживать миръ дарами,—но митрополитъ въ плѣну не былъ, а былъ въ Золотой ордѣ и пользовался тамъ уваженіемъ, и заклятій не клалъ, но „по возвращеніи изъ орды митрополитъ Алексѣй *настоятельно склонялъ* нашихъ князей къ миролюбивымъ отношеніямъ къ могущественнымъ еще въ то время ханамъ". Очевидно, что извѣстіе Котошихина не было совершенно „вздорно"; ошибочны были подробности, и самъ критикъ предполагаетъ, что ошибка могла происходить „изъ какого-либо апокрифическаго

житія митрополита Алексѣя, основаннаго на преданіи о его миролюбивыхъ отношеніяхъ къ татарамъ и имѣвшаго именно цѣлью объяснить причины нашихъ неудачъ въ борьбѣ съ крымцами". Подобнаго апокрифическаго житія до сихъ поръ, кажется, не нашлось, и мы думали бы скорѣе, что здѣсь именно повторялось преданіе о политическихъ отношеніяхъ съ татарами: Золотой орды давно не было, но Крымъ былъ еще опаснымъ врагомъ, и на него перенесено было преданіе о митр. Алексѣѣ: самъ критикъ соглашается, что „важность показанія Котошихина о существовавшемъ въ XVII вѣкѣ мнѣніи относительно борьбы съ Крымомъ сама собою ясна, тѣмъ болѣе, что это показаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ фактамъ" [1]). Далѣе, Котошихинъ дѣлалъ ошибку, когда связывалъ возникновеніе московскаго царскаго титула съ покореніемъ разныхъ царствъ во времена Грознаго,—но опять оказывается, что „мнѣніе о зависимости царскаго титула въ Москвѣ отъ покоренія различныхъ царствъ вообще существовало въ Московскомъ государствѣ" [2]),—и т. п.

Общій выводъ критика таковъ: „Историкъ онъ—плохой, отечественную исторію зналъ слабо и не по сочиненіямъ въ родѣ лѣтописей, а болѣе по толкамъ и разсказамъ, къ которымъ, какъ чуткій человѣкъ, охотно прислушивался; поэтому онъ можетъ разсказать явный вздоръ, но можетъ сообщить и правду, если она дошла до него путемъ пересказа. Если же Котошихинъ говоритъ о событіяхъ, которыя онъ могъ помнить, или о которыхъ могъ лично слышать отъ ихъ современниковъ, тогда вѣрить ему можно и показанія его имѣютъ цѣну" [3]). Разсужденіе должно было поставить обратно. Могло быть очевидно само собою, что Котошихинъ, во второй половинѣ XVII вѣка, на чужбинѣ, лишенный всякихъ матеріаловъ, ограничиваясь одною памятью, *не могъ* быть историкомъ митрополита Алексѣя, Ивана Грознаго и его преемниковъ до того самаго времени, котораго онъ уже самъ могъ быть современникомъ и очевидцемъ. Поэтому его показанія о старыхъ временахъ могли быть только отраженіемъ его прежняго чтенія или же ходячихъ историческихъ понятій и преданій: критикѣ было бы напрасно предъявлять ему требованія, какія возможно было бы примѣнять къ первоисточнику или къ спеціальному историческому сочиненію; разсматривать его историческія показанія можно было бы лишь какъ литературный фактъ ходячаго историческаго преданія.

---

[1]) Стр. 90—91.
[2]) Стр. 93.
[3]) Стр. 102—103.

Между прочимъ критикъ коснулся, какъ и слѣдовало, того впечатлѣнія, какое книга Котошихина произвела при своемъ появленіи; къ сожалѣнію, коснулся кратко [1]). Справедливо, что книга „произвела не малый эффектъ" не только потому, что представила новый и богатый источникъ историческихъ свѣдѣній, но и потому, что своимъ критическимъ отношеніемъ къ старому московскому быту давала оригинальный матеріалъ для объясненія уже давно возникшаго вопроса о древней и новой Россіи. Значеніе книги въ первомъ отношеніи было оцѣнено уже въ предисловіи перваго изданія, гдѣ Бередниковъ писалъ: „Можно сказать утвердительно, что кромѣ иностранныхъ сказаній о Россіи, по большей части наполненныхъ ошибками, или недоразумѣніями, въ нашей литературѣ, до XVIII вѣка преимущественно состоявшей изъ духовныхъ твореній, лѣтописей и грамотъ, не было сочиненія, которое въ такой степени соединяло бы въ себѣ достоинство истины съ живостію повѣствованія". Но съ другой стороны уже здѣсь обнаруживается то враждебное отношеніе къ Котошихину, которое внушено было недовѣріемъ къ личности и распространялось на сочиненіе: Бередниковъ говорилъ уже, что Котошихинъ, „заразившись чужеземными предразсудками, началъ обнаруживать нерасположеніе къ своимъ соотечественникамъ, замѣтное и въ его сочиненіи"; что онъ „несправедливо отзывается о нравственности русскихъ", причемъ „явно увлекается озлобленіемъ противъ своего отечества, и повторяетъ непріязненные толки о Россіи иностранныхъ писателей". Новѣйшій критикъ считаетъ эту характеристику тенденціозною; она была притомъ и бездоказательна,—но она сохранилась надолго и впослѣдствіи. Уже вскорѣ этотъ историческій памятникъ вовлеченъ былъ въ начавшуюся около того времени борьбу двухъ литературныхъ направленій, которыхъ споръ выражалъ основное противорѣчіе понятій общественныхъ и историческихъ. Съ новой точки зрѣнія взглянулъ на сочиненіе Котошихина Бѣлинскій. Его отношеніе къ вопросу г. Маркевичъ изображаетъ такъ: „Бѣлинскій въ извѣстной своей публицистической манерѣ въ общихъ чертахъ, въ черныхъ краскахъ, заимствуя обильный матеріалъ для того у Котошихина, изображаетъ древнюю Русь, съ цѣлью показать благотворное значеніе реформы Петра Великаго"... Сочиненіе Котошихина пріобрѣло публицистическое значеніе въ спорѣ между западниками и славянофилами, когда рѣчь касалась древней Россіи. „Первые, подобно Бѣлинскому, брали у Котошихина ма-

[1]) Стр. 64—66.

теріалъ для очерненія древней Руси, а бѣгство автора за границу объясняли невозможностью для него, какъ для болѣе развитого человѣка, дышать въ тогдашней московской атмосферѣ; славянофилы же, сознавая, что рисуемыя Котошихинымъ картины служатъ далеко не въ пользу проводимаго ими тогда идеализированія московской Руси, отказывались въ общемъ ему вѣрить (хотя иногда и пользовались отдѣльными его показаніями) и парализовали данныя Котошихина недовѣріемъ къ его личности, которая потому такъ позорно и закончила свою дѣятельность, что отличалась стремленіемъ къ западничеству. Конечно, такому врагу родины и вѣрить нельзя"... „Долго и страстно тянулись нѣкогда эти споры, но теперь это все уже и быльемъ поросло; поэтому не стоитъ на немъ и останавливаться, тѣмъ болѣе, что для критики сочиненія Котошихина все это совершенно непригодно, и никто изъ споривших не далъ себѣ труда отнестись къ этому сочиненію какъ къ такому историческому источнику, который прежде всего нуждается въ примѣненіи къ нему исторической критики"... „Подобные споры о значеніи показаній Котошихина бывали и позже (и до нынѣшняго времени) и прошли совершенно безплодно для науки... а критическихъ работъ относительно его сочиненія все еще нѣтъ".

Эти споры относительно Котошихина не были, однако такъ, безплодны, какъ думаетъ критикъ. Во-первыхъ, странно говорить, что сочиненіемъ Котошихина приверженцы реформы Петра пользовались для „очерненія" древней Руси; для нихъ, какъ и для ихъ противниковъ, славянофиловъ, вопросъ шелъ не о томъ, чтобы ребячески очернять или прикрашивать древнюю Русь, а о томъ, чтобы опредѣлить въ ней тѣ стихіи національной жизни, которыя могли быть основаніемъ для дальнѣйшаго историческаго развитія или служили ему помѣхой. Вопросъ былъ немаловажный, и наша исторіографія до сихъ поръ не порѣшила окончательно этого вопроса, съ которымъ связаны и современные ожесточенные споры о путяхъ, предстоящихъ русскому историческому развитію. Во-вторыхъ, критикъ ошибается и въ томъ, что эти споры прошли безплодно для науки. Историческое сознаніе подвигается впередъ не одними диссертаціями; хотя бы Котошихину и не было посвящено такой диссертаціи, успѣхъ былъ уже въ томъ, что съ его изученіемъ, хотя бы и отрывочнымъ, и съ поднятыми по поводу его спорами, историческій горизонтъ расширялся; то новое, что̀ доставлялъ Котошихинъ, было замѣчено историками, его показанія не однажды были провѣряемы другими источниками, и какъ разъяснялось значеніе его труда, такъ

вмѣстѣ съ тѣмъ стали пониматься точнѣе и тѣ отрицательныя стороны древней русской жизни, указаніе которыхъ считалось прежде ея „очерненіемъ". Такимъ образомъ споры о Котошихинѣ вовсе не остались безплодны, а съ другой стороны и г. Маркевичъ все еще не рѣшилъ разногласія между западниками и славянофилами.

Въ оцѣнкѣ Котошихина, какъ писателя, въ опредѣленіи его взгляда на Московское государство разнорѣчіе, повидимому, не кончилось и до сихъ поръ, и это зависитъ отъ того, что наши историки и донынѣ дѣлятся на два лагеря въ вопросѣ о культурныхъ особенностяхъ древней русской жизни. На оцѣнкѣ Котошихина, которому приписывается спеціально „отрицательное" отношеніе къ московской Россіи, вѣроятно, еще долго будетъ отражаться разнорѣчіе двухъ взглядовъ на до-Петровскую Россію. Бередниковъ, какъ мы видѣли, прямо приписываетъ ему „озлобленіе противъ своего отечества", и этимъ самымъ, конечно, подрывалось довѣріе къ сообщеніямъ Котошихина, носившимъ критическій характеръ. Погодинъ, воюя противъ западниковъ, причислилъ къ нимъ и Котошихина, и въ забавномъ раздраженіи осудилъ ихъ вмѣстѣ извѣстнымъ въ свое время восклицаніемъ: „избави насъ Богъ отъ Котошихинскаго прогресса", какъ будто западническій прогрессъ долженъ былъ сопровождаться измѣной, перемѣной вѣры и казнью за смертоубійство въ Швеціи. Новѣйшій авторитетный историкъ находитъ, что, „привлеченный новымъ для него зрѣлищемъ западной цивилизаціи, Котошихинъ, какъ большинство русскихъ европейцевъ даже позднѣйшаго времени, вдался въ отрицательное направленіе", и что въ замѣткахъ его о нравахъ московскихъ людей „нельзя не видѣть значительной односторонности: онъ беретъ только смѣшныя и грязныя стороны".

Выше мы привели отзывъ г. Маркевича объ „европеизмѣ" Котошихина [1]), отзывъ неясный и не рѣшающій дѣла. Новѣйшій біографъ также полагаетъ, что этотъ европеизмъ „обусловилъ отрицательное отношеніе Котошихина въ его трудѣ къ московской жизни", но въ то же самое время біографъ настойчиво (и, по нашему мнѣнію справедливо) утверждаетъ, что изъ его труда и изъ самой біографіи видно, что Котошихинъ „все же остался русскимъ человѣкомъ, даже въ Швеціи, гдѣ ему жизнь особенно нравилась", и что особенно по нѣкоторымъ своимъ взглядамъ это былъ „вполнѣ московскій служилый человѣкъ XVII вѣка" [2]).

---

[1]) Стр. 52 его книги.

[2]) Стр. 54.

Біографъ оставилъ неразъясненнымъ это противорѣчіе: его мысль надо, кажется, понимать такъ же, какъ въ приведенной сейчасъ цитатѣ, что Котошихинъ, „привлеченный зрѣлищемъ западной цивилизаціи, вдался въ отрицательное направленіе"... Такимъ образомъ и у новѣйшаго біографа вопросъ объ европеизмѣ Котошихина стоитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ давно. Правда, г. Маркевичъ сдѣлалъ одну важную прибавку къ прежнему рѣшенію, отмѣтивъ въ Котошихинѣ все-таки не только русскаго человѣка, но даже московскаго служилаго человѣка XVII столѣтія; къ сожалѣнію онъ только не развилъ этого положенія.

Говоря объ этомъ европеизмѣ, должно прежде всего (какъ это и дѣлалъ г. Маркевичъ) раздѣлить личную біографію писателя и его сочиненіе. Въ личной жизни писатель былъ несчастный человѣкъ, къ исторіи котораго можно отнестись „безъ гнѣва и злобы", какъ къ дѣлу давно минувшихъ дней [1]); но остается книга съ ея фактическимъ содержаніемъ, съ ея взглядамъ, которую мы и должны судить по этому содержанію и по этимъ взглядамъ. Представимъ себѣ (что̀ было бы совершенно возможно для литературныхъ обычаевъ тѣхъ временъ), что сочиненіе Котошихина дошло до насъ безъ имени автора и, слѣдовательно, безъ всякаго понятія объ его біографіи. Историкъ, встрѣчая въ книгѣ извѣстное критическое отношеніе къ московской жизни XVII-го вѣка, не имѣлъ бы возможности удобно свалить это критическое отношеніе на европеизмъ, на озлобленіе бѣглеца противъ своего отечества и т. д.; онъ долженъ былъ бы вникнуть въ самую сущность этого критическаго отношенія и безъ предвзятой мысли опредѣлять, насколько вѣрны или невѣрны показанія писателя. Историкъ легко пришелъ бы къ заключенію, что этотъ писатель имѣлъ нѣкоторое понятіе о западно-европейскихъ обычаяхъ, и предположилъ бы, что это былъ служилый человѣкъ, прикосновенный къ посольскимъ дѣламъ и, вѣроятно, самъ бывавшій гдѣ-нибудь въ посольствахъ за границей, — что̀ въ тѣ времена бывало уже нерѣдко; историкъ предположилъ бы, что знакомство съ европейскими нравами могло пробудить въ писателѣ естественную мысль о сравненіи и внушить наклонность не только смотрѣть на европейскіе обычаи безъ той фанатической нетерпимости, какая отличала массу московскихъ людей, но и съ признаніемъ въ иныхъ случаяхъ превосходства этихъ обычаевъ передъ русскими,—и въ особенности предположилъ бы безъ особаго труда, что такая книга могла бы быть написана въ самой Москвѣ, такъ какъ авторъ

---

[1]) Маркевичъ, стр. 56.

былъ чисто русскій человѣкъ, даже „вполнѣ московскій служилый человѣкъ XVII вѣка"; историкъ нашелъ бы къ этому не мало параллелей среди русскихъ людей второй половины XVII-го вѣка: тогда именно, среди высшаго боярства и въ посольскомъ приказѣ (спеціально и почти исключительно имѣвшемъ дѣла съ иноземцами), было не мало людей, признававшихъ значеніе европейской образованности и пользу, какую усвоеніе этой образованности могло бы принести для русской жизни (таковъ былъ бояринъ Матвѣевъ, извѣстный дипломатъ Ординъ-Нащокинъ и пр). Имя писателя, обстоятельства составленія его труда остались бы загадкой, но почти выиграла бы сущность дѣла: историкъ обязанъ былъ бы изслѣдовать самые факты, объяснить взгляды, т.-е. опредѣлить самое содержаніе книги. Теперь случилось иначе: на лицо—біографія; писатель—бѣглецъ и измѣнникъ, и даже серьезные историки считали возможнымъ думать, что вопросъ этимъ рѣшенъ, хотя въ то же время должны были признавать, что въ нашей старой литературѣ „не было сочиненія, которое въ такой степени соединяло бы въ себѣ достоинство истины съ живостію повѣствованія". Самое признаніе этого значенія книги обязывало бы къ болѣе внимательному изслѣдованію именно тѣхъ сторонъ сочиненія, въ которыхъ высказывалось критическое отношеніе писателя къ московской жизни и которыя навлекли на Котошихина столько осужденій со стороны консервативныхъ историковъ. Но большинство ихъ, и г. Маркевичъ въ томъ числѣ, довольствовались ссылкой на біографію; послѣдній, указавъ нѣсколько извѣстныхъ мѣстъ въ сочиненіи Котошихина, представляющихъ его критическое отношеніе къ московской жизни, удовольствовался замѣчаніемъ: „всѣ подобныя мѣста не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Котошихинъ писалъ свое сочиненіе, проникнутый убѣжденіемъ въ превосходствѣ западно-европейской культуры передъ московскою" [1]). Назвавши эту попытку критики „европеизмомъ", авторъ кромѣ того „не допускаетъ", чтобы этотъ европеизмъ „уже былъ въ Котошихинѣ раньше его бѣгства изъ Москвы" [2]), т.-е. раньше этого бѣгства Котошихинъ не могъ додуматься до тѣхъ критическихъ мыслей о московскомъ бытѣ, которыя кажутся такъ удивительны консервативнымъ историкамъ и представляются имъ то озлобленіемъ противъ отечества, то отрицательнымъ направленіемъ, то европеизмомъ и т. д.

Чтобы рѣшить, наконецъ, этотъ вопросъ, нужно было бы

---

[1]) Стр. 85—86.

[2]) Стр. 52.

просто пересмотрѣть всѣ тѣ мѣста въ сочиненіи, которыя заключаютъ не одинъ сухой фактъ, а также отражаютъ взглядъ писателя. Къ сожалѣнію этого не сдѣлалъ и г. Марвевичъ...

При нѣкоторомъ вниманіи къ этимъ эпизодамъ книги легко видѣть, что въ замѣчаніяхъ Котошихина сказывается такое же давнее, привычное наблюденіе, изъ какихъ состоитъ вся его книга; эти эпизоды идутъ все въ томъ же ровномъ изложеніи, вовсе не имѣя вида какого-нибудь новаго впечатлѣнія или новой образовавшейся мысли. Было бы очень странно предположить, что эти мысли могли зародиться у него лишь въ послѣдніе три-четыре года его жизни, съ его бѣгства; и напротивъ, представляется совершенно естественнымъ, что онъ возъимѣлъ эти мысли уже издавна въ своемъ служебномъ опытѣ, при той наблюдательности, сильная степень которой видна изъ самой книги, при умѣ, которому иноземцы не находили достаточныхъ похвалъ. Понятно, что, живя въ Москвѣ и пребывая на своей службѣ, онъ, быть можетъ, побоялся бы написать нѣкоторыя (немногія) подробности своего разсказа,—это было бы не безопасно; но, пересматривая эти эпизоды, нельзя не видѣть, что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сравненіе съ иноземными порядками могло навести его на критическую мысль, а въ большинствѣ эта мысль была давнимъ наблюденіемъ, сдѣланнымъ дома въ Москвѣ, и жизнь за границей только доставила ему возможность высказать свои мысли безъ опасеній.

Приводимъ нѣсколько примѣровъ, безъ системы, по порядку книги.

Въ первой главѣ, разсказывая о царскомъ бытѣ, Котошихинъ ведетъ рѣчь, какъ всегда, въ спокойномъ дѣловомъ тонѣ, самъ видимо сочувствуя чинной обрядности московскаго обычая. Таково, напр., описаніе свадебнаго царскаго обряда; между прочимъ, во время вѣнчанія:.. „и потомъ протопопъ поучаетъ ихъ, какъ имъ жити: женѣ у мужа быти въ послушествѣ и другъ на друга не гнѣватися, развѣ нѣкія ради вины мужу поучити ея слегка жезломъ, занеже мужъ женѣ яко глава на церквѣ, и жили бы въ чистотѣ и богобоязни, недѣлю и среду и пятокъ всѣ посты постили, и Господьскія праздники и въ которые дни прилучатся праздновати Апостоломъ и Еуангелистомъ и инымъ нарочитымъ святымъ грѣха не сотворили, и къ церквѣ бъ Божіи приходили и подаяніе давали, и со отцемъ духовнымъ спрашивались почасту, той бо на вся блага научитъ“. Далѣе, по порядку Котошихинъ разсказываетъ о затворничествѣ царскихъ сестеръ и дочерей. „Сестры жъ царскіе, или и тщери, царевны, имѣя свои особые жъ покои

разные, и живуще яко пустынницы, мало зряху людей и ихъ люди; но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху и лица свои слезами омываху, понеже удоволство имѣяй царственное, не имѣяй бо себѣ удоволства такова, какъ отъ всемогущаго Бога вдано человѣкомъ... А государства своего за князей и за бояръ замужъ выдавати ихъ не повелось, потому что князи и бояре ихъ есть холопи и въ челобитьѣ своемъ пишутца холопми, и то поставлено въ вѣчной позоръ, ежели за раба выдать госпожа; а иныхъ государствъ за королевичей и князей давати не повелось, для того что не одной вѣры и вѣры своей отмѣнити не учинять, ставять своей вѣрѣ въ поруганіе, да и для того, что иныхъ государствъ языка и политики не знають, и отъ того бъ имъ было въ стыдъ". Это затворничество и отсутствіе ученія, незнаніе языка и политики составляють столь общеизвѣстный фактъ, что Котошихина невозможно упрекнуть здѣсь въ какомъ-нибудь очерненіи московскаго быта,—точно также какъ и тамъ, гдѣ онъ говорить объ обученіи царевичей: „А какъ приспѣетъ время учити того царевича грамотѣ, и въ учители выбирають учителныхъ людей, тихихъ и *не бражниковъ*; а писать учить выбирають изъ посолскихъ подьячихъ; а инымъ языкомъ, латинскому, греческого, нѣметцкого, и никоторыхъ, кромѣ руского, наученія въ Россійскомъ государствѣ не бываеть". Опять нельзя не замѣтить, что Котошихинъ съ полной непосредственностью, безъ всякой задней мысли говорить о томъ, что царевичу выбирають учителей—„не бражниковъ", т.-е. не пьяницъ.

Когда совершается царское погребеніе, Котошихинъ, изложивъ весь церемоніалъ, замѣчаеть: „и сотворя погребеніе, пойдуть кождый восвояси; а предики не бываеть". Это упоминаніе объ отсутствіи предики указывали какъ явный признакъ иноземнаго вліянія на мысли Котошихина; но это опять — простое указаніе факта, а съ другой стороны паденіе церковной проповѣди въ то время замѣчали и другіе люди, и нѣсколько позднѣе мы читаемъ такія суровыя слова объ отсутствіи проповѣди. „Оле окаянному времени нашему,—говорилъ Димитрій Ростовскій,—яко отнюдь не брежено сѣяніе слова Божія, вельми оставися слово Божіе; сѣятели не сѣють, а земля не пріемлеть, іереи небрегуть, а людіе заблуждаются, іереи не учать, а людіе невѣжествують, іереи слова Божія не проповѣдують, а людіе не слушають, ни слушати хотять". Около того же времени Посошковъ между прочимъ такъ объяснялъ, почему православные совращаются въ расколъ: „вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ: ибо не только отъ лютеранской, или римской ереси, но и отъ самаго

дурацкаго раскола не знаютъ оправити себя... Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и татаркѣ противъ ея заданья отвѣту здраваго дать не умѣлъ: что же можетъ рещи сельскій попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не знаетъ". Читатель можетъ видѣть, что эти обличенія недостатка проповѣди несравненно сильнѣе простого замѣчанія Котошихина. Самое возстановленіе проповѣди въ Москвѣ во второй половинѣ XVII-го вѣка принадлежитъ людямъ не московской, а кіевской школы: Епифанію Славинецкому, Симеону Полоцкому, Димитрію Ростовскому.

Въ томъ же описаніи царскаго погребенія, Котошихинъ подробно, съ приказной документальностью, перечисляетъ выдачи изъ казны церковнымъ властямъ и духовенству, „смотря по человѣку"; говоритъ объ обильной раздачѣ милостыни и наконецъ замѣчаетъ: „Горе тогда людемъ, будучимъ при томъ погребеніи, потому что погребеніе бываетъ въ ночи, а народу бываетъ многое множество, московскихъ и пріѣзжихъ изъ городовъ и изъ уѣздовъ; а московскихъ людей натура не богобоязливая, съ мужеска полу и женска по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и сыщетца того дни, какъ бываетъ царю погребеніе, мертвыхъ людей убитыхъ и зарѣзанныхъ болши ста человѣкъ". Полагали, что и это написано Котошихинымъ для очерненія московскихъ обычаевъ; осторожные историки хотѣли по крайней мѣрѣ уменьшить цифру убитыхъ и зарѣзанныхъ. Но и это извѣстіе опять сообщается имъ съ бытовыми подробностями безъ малѣйшей тенденціи, и извѣстіе не представитъ ничего невѣроятнаго, если принять въ соображеніе, что какъ разъ передъ этимъ онъ сообщаетъ, что „на Москвѣ и въ городѣхъ всякихъ воровъ, для царскаго преставленія, изъ тюремъ свобождаютъ всѣхъ безъ наказанія"; если припомнить разсказы иностранцевъ о грубости московскихъ нравовъ и недостаткѣ въ Москвѣ городского благоустройства и самой безопасности.

Во второй главѣ, консервативнымъ историкамъ опять казался очерненіемъ московскихъ обычаевъ разсказъ о царской думѣ. Когда царю случится сидѣть съ боярами и думными людьми въ думѣ объ иноземскихъ и своихъ государственныхъ дѣлахъ,—разсказываетъ Котошихинъ,—то бояре, окольничіе и думные дворяне садятся по чинамъ, а думные дьяки стоятъ, „и о чемъ лучитца мыслити, мыслятъ съ царемъ, яко обычай и индѣ въ государствахъ. А лучитца царю мысль свою о чемъ объявити, и онъ имъ объявя приказываетъ, чтобъ они бояре и думные люди помысля къ тому дѣлу дали способъ: и кто исъ тѣхъ бояръ по-

болши и разумнѣе, или кто и изъ меншихъ, и они мысль свою къ способу объявливаютъ; а иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованые, однако сыщется и окромѣ ихъ кому быти на отвѣты разумному изъ болшихъ и изъ меншихъ статей бояръ". Опять простой разсказъ безъ задней мысли, гдѣ упоминаніе о боярахъ, поставленныхъ не по разуму, а по великой породѣ, составляетъ историческій фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и вовсе не служитъ къ очерненію думы, потому что Котошихинъ говоритъ не о всѣхъ, а лишь о нѣкоторыхъ боярахъ, которые, уставя брады, не умѣютъ отвѣтить на поставленный вопросъ, но потомъ замѣчаетъ, что кромѣ ихъ находятся другіе „разумные на отвѣты" и изъ большихъ и изъ меньшихъ статей бояръ, и затѣмъ опять продолжается дѣловой разсказъ о порядкѣ боярскихъ приговоровъ и рѣшеній. Сказанное о недостаткѣ образованія не подлежитъ опять никакому сомнѣнію: въ тогдашней Москвѣ и учиться было негдѣ; извѣстный призывъ кіевскихъ ученыхъ въ Москву свидѣтельствовалъ, что недоставало знаній даже въ необходимѣйшихъ вопросахъ церковной книжности; иного образованія съ какими-либо свѣтскими науками не было и подавно; въ половинѣ XVII-го вѣка люди съ нѣкоторымъ образованіемъ и съ пониманіемъ его необходимости составляли еще очень рѣдкое исключеніе.

Могло казаться очерненіемъ или осмѣяніемъ московскихъ обычаевъ и то, что̀ разсказываетъ Котошихинъ о мѣстническихъ спорахъ, о „выдачѣ головою", о мѣстническихъ препирательствахъ даже въ присутствіи царя, за царскимъ столомъ, но новѣйшіе изслѣдователи мѣстничества находятъ у Котошихина только вѣрное описаніе фактически существовавшаго обычая.

Далѣе, однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненій противъ Котошихина со стороны консервативныхъ историковъ служитъ его изображеніе людей россійскаго государства (въ главѣ четвертой) по поводу того, что статейные списки (протоколы) посольскихъ переговоровъ составляются невѣрно. „И кто что въ посольствѣ своемъ говорилъ какіе рѣчи, — разсказываетъ Котошихинъ, — сверхъ наказу, или которые рѣчи не исполнятъ противъ наказу: и тѣ всѣ рѣчи, которые говорены и которые не говорены, пишутъ они въ статейныхъ своихъ спискахъ не противъ того, какъ говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разумъ на обманство, чрезъ что бъ достать у царя себѣ честь и жалованье болшое; и не срамляются того творити, понеже царю о томъ

кто на нихъ можетъ о такомъ дѣлѣ объявить?" Неизвѣстный собесѣдникъ спрашиваетъ: „для чего такъ творятъ?" — и авторъ даетъ свое объясненіе: „Для того: россійскаго государства люди породою своею спесивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого доброго не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спесивства и безстыдства и ненависти и неправды; и ненаученіемъ своимъ говорятъ многіе рѣчи къ противности, или скоростію своею въ подвижности, а потомъ въ тѣхъ своихъ словахъ времянемъ запрутся и превращаютъ на иные мысли; а что они какихъ словъ говоря запираются, и тое вину возлагаютъ на переводчиковъ, будто измѣною толмачатъ. Благоразумный читателю! чтучи сего писанія, не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая в-ыные государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи, и волность благую, начали бъ свою вѣру отмѣнить и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домомъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили. И о поѣздѣ московскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые посылаются по указу царскому и для торговли съ проѣзжими (т.-е. грамотами), ни для какихъ дѣлъ ѣхати никому не позволено. А хотя торговые люди ѣздятъ для торговли в-ыные государства, и по нихъ по знатныхъ нарочитыхъ людехъ собираютъ поручные записи, за крѣпкими поруками, что имъ съ товарами своими и зъ животами в-ыныхъ государствахъ не остатися, а возвратитися назадъ совсѣмъ. А которой бы человѣкъ, князь или бояринъ, или кто-нибудь, самъ, или сына, или брата своего, послалъ для какого-нибудь дѣла в-ыное государство безъ вѣдомости, не бивъ челомъ государю, и такому бъ человѣку за такое дѣло поставлено было в-ызмѣну, и вотчины и помѣстья и животы взяты бъ были на царя; и ежели бъ кто самъ поѣхалъ, а послѣ его осталися сродственники, и ихъ бы пытали, не вѣдали ль они мысли сродственника своего; или бъ кто послалъ сына, или брата, или племянника, и его потому жъ пытали бъ, для чего онъ послалъ в-ыное государство, не напроваживаючи ль какихъ воинскихъ людей на московское государство, хотя государствомъ завладѣти, или для какого иного воровскаго умышленія по чьему наученію, и пытавъ того такимъ же обычаемъ, какъ написано объ указѣ выше сего, кто пойдетъ черезъ царской дворъ съ ружьемъ".

Не легко понять, какимъ образомъ эти слова, заключающія несомнѣнный фактъ старой русской жизни, могли возбуждать такое негодованіе въ славянофильскихъ и консервативныхъ истори-

кахъ. Извѣстно очень хорошо, что какой-либо правильной школы въ Москвѣ не было, что для науки и „обычая" въ другія государства (гдѣ были давнія и знаменитыя школы) не посылали; причина, которой Котошихинъ это приписываетъ, была дѣйствительно та самая — фанатическая вражда и боязнь къ латинской и люторской ереси. Что касается „спесивства" московскихъ людей, это опять черта, вѣрно подмѣченная Котошихинымъ: онъ разумѣлъ, вѣроятно, съ одной стороны привычки боярской спеси, которыя отражались и на дѣлахъ, а съ другой—то упрямство и самонадѣянность, какія свойственны людямъ мало образованнымъ. Въ отношеніяхъ къ иноземцамъ и всему иноземному былъ еще особый родъ спеси—то національное самомнѣніе, которое развивалось въ московскихъ людяхъ съ самаго основанія московскаго царства: господствовало убѣжденіе, что русское царство было единственное на землѣ, послѣ паденія Византіи, истинно-христіанское царство (настоящіе московскіе люди не считали латину и люторовъ даже за христіанъ), что поэтому русскіе выше всѣхъ этихъ западныхъ еретиковъ и могутъ смотрѣть на нихъ съ пренебреженіемъ... Старая русская литература не имѣла нравоописательныхъ сочиненій; но для провѣрки Котошихина можетъ найтись не мало матеріала въ поученіяхъ XVI-го и XVII-го вѣка, которыя касались общественныхъ нравовъ, и еще болѣе въ разсказахъ иностранныхъ путешественниковъ того времени, наконецъ въ историческихъ фактахъ, которые могутъ примѣрами подтвердить эти отзывы.

Въ той же главѣ, разсказывая о томъ, какъ послы польскаго короля Яна-Казиміра, отправленные въ Москву съ дарами царю и царицѣ, будучи у царя посольство свое правили и дары подносили, „а къ царицѣ посольства править и eѣ видѣть не допустили, а отговорилися тѣмъ, назвали царицу болною, а она въ то время была здорова; и слушалъ у пословъ посолства, и дары за царицу принималъ царь самъ". И опять на вопросъ: „для чего такъ творятъ?" Котошихинъ объясняетъ подробнѣе: „Для того: Московского государства женской полъ грамотѣ неученые, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужства своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ—и потому мочно дознатца, отъ чего бъ имъ быти гораздо разумнымъ и смѣлымъ; такъ же какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потому жъ люди видаютъ мало. И толко бъ царь въ то время учинилъ такъ, что полскимъ

посломъ велѣлъ бы быть у царицы своей на посолствѣ, а она бъ выслушавъ посолства собою отвѣту не учинила бъ никакого, и отъ того пришло бъ самому царю въ стыдъ". Этотъ разсказъ представляетъ параллель къ тому, что̀ говорилось раньше о затворничествѣ женщинъ и особливо при царскомъ дворѣ. Бередниковъ (въ предисловіи къ первому изданію) опровергалъ этотъ разсказъ Котошихина слѣдующимъ образомъ: „Не недостатокъ образованія, а освященный древностію обычай былъ причиною, что царственныя лица женскаго пола уклонялись отъ придворныхъ и другихъ публичныхъ обрядовъ, до временъ Петра Великаго. Доказательствомъ служитъ Царевна Софія Алексіевна, объ умѣ которой не только русскіе, но и иностранцы отзывались съ особенною похвалою". Но первое вовсе не опровергаетъ Котошихина: обычай существовалъ потому, что жизнь терема отъучала отъ общества и естественно создавала эту неловкость и трудность являться въ церемоніи и говорить съ чужими людьми, особливо иностранцами. Достаточно вспомнить разсказъ Котошихина, чисто фактическій, о томъ, какъ царица, царевичи и царевны приходили въ церковь, выѣзжали на богомолье, какъ при этомъ скрывали ихъ даже отъ взгляда подданныхъ; достаточно припомнить другой разсказъ, какъ царь Алексѣй Михайловичъ, увлекшись театромъ, хотѣлъ показать его своей супругѣ и какія предосторожности были приняты для того, чтобъ при этомъ никто не увидалъ царицы; достаточно припомнить, что эта цѣль вообще и на самомъ дѣлѣ достигалась, — чтобы понять совершенную отчужденность царицы отъ общества и признать полную вѣроятность разсказа Котошихина. Второе, ссылка на царевну Софью, опровергаетъ его еще меньше. Во-первыхъ, это было на двадцать лѣтъ позже; во-вторыхъ, время царевны Софьи представляетъ уже начало той крутой ломки стараго бытового порядка, которая завершилась во времена Петра: царевна Софья была уже исключеніемъ, отрицаніемъ стараго обычая; она уже училась у человѣка иныхъ, не-московскихъ понятій, какъ Симеонъ Полоцкій; она не хотѣла довольствоваться жизнью терема и еще раньше Петра Великаго нарушила въ этомъ отношеніи старый обычай.

Наконецъ, еще однимъ изъ главныхъ укоровъ противъ Котошихина считался его разсказъ, въ главѣ тринадцатой, о домашнемъ бытѣ московскихъ людей, объ отсутствіи благоустройства и особливо о брачныхъ обычаяхъ, когда женихъ до завершенія свадьбы могъ даже совсѣмъ не видѣть своей невѣсты и когда при этомъ совершались всякіе обманы. „Московскаго государства люди, —

говоритъ Котошихинъ, — домами своими живутъ не гораздо устроеными, и городы и слободы безъ устроенія жъ", и передъ тѣмъ онъ объясняетъ, почему, между прочимъ, это бываетъ. Затѣмъ, разсказавъ подробно о брачныхъ обычаяхъ и обманахъ, какіе при этомъ дѣлаются, Котошихинъ останавливается: „Благоразумный читателю! не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такова на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ; а такого у нихъ обычая не повелось, какъ в-ыныхъ государствахъ, смотрити и уговариватися времянемъ съ невѣстою самому". По словамъ г. Маркевича, этотъ разсказъ объ обманахъ при свадьбахъ „есть въ сущности обвинительный актъ противъ московской жизни" [1]); по другимъ историкамъ, Котошихинъ выискивалъ въ московской жизни смѣшныя и грязныя стороны. Эти и подобныя сужденія представляются намъ совершенно неправильными: Котошихинъ изображалъ только факты. „Обвинительный актъ" обыкновенно естъ односторонность, намѣренное собираніе обстоятельствъ, служащихъ къ обвиненію,—но достаточно прочесть Котошихина, чтобы получить впечатлѣніе обстоятельнаго дѣлового разсказа, свободнаго отъ какой-либо намѣренной тенденціи (какъ это однажды положительно призналъ самъ г. Маркевичъ). Котошихинъ всегда вооруженъ фактами, всегда серьезенъ; у него нѣтъ мысли о сатирическомъ преувеличеніи (старая наша письменность еще не имѣла представленія о сатирѣ), и если въ самой жизни онъ встрѣчалъ явленія, которыя заслуживали осужденія, онъ разсказывалъ о нихъ съ тѣмъ же холоднымъ спокойствіемъ, съ какимъ онъ писалъ нѣкогда въ своемъ приказѣ дѣловыя бумаги, и если дѣлаетъ выводъ, этотъ выводъ всегда какъ бы вынужденъ цѣлымъ рядомъ фактическихъ явленій. Котошихинъ могъ бы быть обвиненъ въ преувеличеніи или въ неправдѣ только при другой тенденціозности, при желаніи прикрашивать старый московскій бытъ. Обвинить его въ желаніи изображать однѣ грязныя и смѣшныя стороны можно было бы, опровергнувъ его фактическія показанія,—но этого сдѣлано не было, и не могло быть сдѣлано. Напротивъ, въ подтвержденіе его разсказовъ можетъ найтись цѣлая масса данныхъ и изъ самой старой письменности, и изъ народной поэзіи, разсказывающей о несчастныхъ насильственныхъ бракахъ, и изъ показаній иностранцевъ о московской жизни XVI—XVII вѣка. Представлять московскую жизнь тѣхъ вѣковъ какою-то патріархальною идилліей было бы слишкомъ большимъ нару-

[1]) Стр. 85.

шеніемъ исторической правды. Не вдаваясь въ подробности, довольно указать на памятники не только XVII-го, но еще XVI вѣка: если представить себѣ тѣ факты этой жизни, которые вызывали нѣкогда обличенія митр. Даніила и Максима Грека, или съ другой стороны Ивана Пересвѣтова, Валаамскихъ старцевъ и т. д.; если даже вникнуть въ практическую мораль знаменитаго „Домостроя", который давалъ своимъ современникамъ патентованный кодексъ нравоученія, мы найдемъ уже основу тѣхъ изображеній, какія ставятъ въ вину Котошихину, какъ очерненіе московскаго быта. Въ XVII-мъ вѣкѣ не произошло ничего, что измѣнило бы этотъ складъ московской жизни, и скрывать отъ себя существованіе ея отрицательныхъ сторонъ есть малодушіе, особенно недостойное историка. Если можно углѣдить у Котошихина долю желчности, она все-таки была бы невелика и находила бы объясненіе въ тѣхъ личныхъ невзгодахъ, какія онъ вынесъ отъ московскихъ порядковъ: у него отняли имущество (какъ онъ говоритъ, несправедливо, — и это опровергнуто); его, уже довольно значительнаго чиновника, во время посольскаго съѣзда, за неумышленную описку били батогами... Можно предположить, что даже у человѣка XVII столѣтія, привычнаго къ нравамъ эпохи, могло просыпаться сознаніе несправедливости, совершаемой на основаніи обычая, и затѣмъ раздраженіе противъ этого обычая и отрицаніе его какъ грубаго, несправедливаго, даже неразумнаго. Мы согласимся съ новѣйшимъ біографомъ, когда онъ отвергаетъ мысль, что новый, „европейскій", образъ мысли заставилъ Котошихина покинуть Москву, жизнь въ которой будто бы не могла его удовлетворить [1]; но въ то же время мы думаемъ, что такъ называемое отрицательное отношеніе къ московскому быту зародилось у него еще въ Москвѣ, частію вслѣдствіе личныхъ опытовъ, частію вслѣдствіе того, что въ средѣ московскихъ людей со второй половины XVII вѣка вообще стали обнаруживаться проблески общественнаго сознанія, — они заставляли относиться критически къ существующимъ нравамъ и порядкамъ и побуждали искать чего-то лучшаго, и прежде всего — образованія.

Что это было такъ, что не личное раздраженіе было мотивомъ Котошихина, можно видѣть изъ того, что при существованіи причинъ къ такому раздраженію мы не найдемъ въ его сочиненіи отраженія его собственныхъ невзгодъ и обиды; его осужденіе направляется на общія стороны московскаго быта и на предметы, къ которымъ онъ не имѣлъ никакого личнаго отношенія:

---

[1]) Стр. 52.

мы уже не разъ указывали, что въ его сочиненіи господствуетъ серьезный, дѣловой тонъ, величайшая точность, не позволяющія обвинить его трудъ въ какой-нибудь тенденціи.

Главнѣйшій интересъ Котошихина и историческая его цѣнность заключаются, кромѣ богатаго собранія фактовъ, гдѣ онъ является иногда единственнымъ источникомъ, именно въ этомъ новомъ направленіи его взглядовъ, критическомъ отношеніи къ московской средѣ, въ видимомъ желаніи, чтобы недостатки этой среды были наконецъ исправлены образованіемъ и лучшими нравами, которые должны съ нимъ придти. Книга Котошихина сама по себѣ важна исторически именно какъ предчувствіе другого порядка вещей, въ которомъ Московское государство пойдетъ однимъ путемъ съ образованными народами, что въ немъ, какъ „в-ыныхъ государствахъ", получитъ свое право наука и явятся люди „студерованные". Уже въ свое время онъ не былъ въ этомъ направленіи одинокимъ: безъ сомнѣнія такъ же, какъ онъ, относились къ этому недостатку просвѣщенія въ Москвѣ другіе люди съ инстинктами образованія въ родѣ Ордина-Нащокина и пока еще немногихъ другихъ подобныхъ людей. Но теперь такихъ людей съ каждымъ годомъ становилось все больше: въ Москвѣ почувствована была необходимость науки; на первый разъ представителями ея являлись ученые кіевской школы; одинъ изъ нихъ нашелъ доступъ къ самому двору царя Алексѣя Михайловича въ качествѣ учителя царскихъ дѣтей и придворнаго стихотворца; московскіе люди стараго закала относились къ нему враждебно,— они чувствовали, что съ этой наукой приходитъ что-то новое, по существу враждебное подлинной московской старинѣ, и они не ошибались, потому что дѣйствительно здѣсь приходили первые зачатки новыхъ знаній и съ ними перваго критическаго отношенія къ старому преданію. Преемникъ царя Алексѣя Михайловича былъ уже ученикъ Симеона Полоцкаго; при царевнѣ Софьѣ „европейское" направленіе сказывается весьма опредѣленно, хотя западное вліяніе проникаетъ пока только косвеннымъ путемъ черезъ латино-польскую окраску.

Итакъ, исторически ошибочно изображать Котошихина какимъ-то единичнымъ и злонамѣреннымъ отрицателемъ благоустроеннаго московскаго порядка; напротивъ, въ его сочиненіи до насъ дошелъ только случайно сохранившійся отголосокъ неяснаго движенія въ пользу новаго образованія, отголосокъ, который имѣетъ не единичное, а напротивъ, типическое значеніе: въ то время, когда Котошихинъ писалъ свою книгу, онъ уже не одинъ держался своего образа мыслей,—Симеонъ Полоцкій уже назначенъ

былъ учителемъ царскихъ дѣтей; все больше и больше обращались къ ученымъ людямъ и техникамъ Нѣмецкой слободы; нѣсколькими годами позднѣе въ самой Москвѣ основывается академія; иноземная затѣя, театръ, проникаетъ ко двору и увлекаетъ самого царя Алексѣя Михайловича.

Новѣйшія изслѣдованія выяснили уже, кажется, окончательно, что Петровская реформа не была вовсе ни внезапнымъ переворотомъ, ни единственно личнымъ дѣломъ Петра. Задатки ея готовились давно. До Петра было уже нѣкоторое, хотя еще небольшое, число людей до извѣстной степени образованныхъ, которые понимали вредъ стараго московскаго застоя и необходимость научнаго знанія; были люди, которые охладѣвали къ старому обычаю, потому что онъ мѣшалъ этой наукѣ и мѣшалъ новымъ формамъ общественной жизни; мы замѣтили выше, что царевна Софья, владѣвшая сильнымъ умомъ и извѣстнымъ образованіемъ, уничтожила уже въ принципѣ старое затворничество женщины; иноземныя искусства и въ частности иноземное военное искусство утверждались еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; начиналось броженіе въ литературной и церковной жизни,—церковные пастыри кіевской школы были уже литературные классики и латинисты... Все это было еще до Петра. Возвращаясь къ Котошихину, мы находимъ въ его понятіяхъ несомнѣнное совпаденіе съ тѣмъ, что уже вскорѣ становилось обычнымъ взглядомъ людей болѣе образованныхъ: именно тѣ эпизоды его сочиненія, которые давали консервативнымъ историкамъ поводъ обвинять его въ „отрицательномъ направленіи", представляютъ любопытную параллель съ тѣми понятіями, которыя уже вскорѣ стала распространять реформа, какъ принципіальное убѣжденіе. Таковы были сожалѣнія Котошихина, что въ московскомъ государствѣ нѣтъ школъ, что въ немъ „не повелось" посылать молодыхъ людей для наученія „в-ныя" государства,—Петръ и самъ отправился и разослалъ много молодыхъ людей въ эти иныя государства для наученія вещамъ, которыя сочтены были необходимыми для государства; Котошихинъ возставалъ противъ затворничества женщинъ, — и вслѣдъ за царевной Софьей Петръ стремился если не уничтожить, то ограничить этотъ старый обычай; Котошихинъ подшучивалъ надъ боярами, посаженными въ думу не по разуму, а по великой породѣ, и которые въ думѣ, „уставя брады", не умѣли отвѣчать на царскіе вопросы,—Петръ окончательно разстался съ этими боярами и требовалъ даже, чтобы самыя брады были острижены; онъ искалъ людей знающихъ и дѣловыхъ, хотя бы они не были родовиты, и самыхъ родовитыхъ заставлялъ учиться...

Эти совпаденія не оставляютъ сомнѣнія, что въ стремленіяхъ Котошихина было вовсе не какое-то произвольное и предосудительное отрицаніе, а именно предчувствіе иного порядка вещей, одно изъ проявленій общественнаго и національнаго сознанія, подготовлявшаго новый періодъ государственной жизни и образованія.

Мы не во всемъ соглашались съ новѣйшимъ біографомъ Котошихина; но это не мѣшаетъ намъ признать большую заслугу изслѣдованія г. Маркевича, который старался собрать въ связное цѣлое отрывочныя свѣдѣнія о Котошихинѣ и въ особенности поставилъ вопросъ о значеніи собраннаго имъ историческаго матеріала и о характерѣ его взглядовъ на Московское государство. Этотъ послѣдній вопросъ въ особенности давно требовалъ разъясненія.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПОЭЗІЯ.

Я устаю. Мнѣ съ каждымъ днемъ труднѣе
Борьба и жизнь... Соблазнъ манитъ меня.
Во тьмѣ ночной для сердца все страшнѣе
Коварный свѣтъ болотнаго огня.
Я духомъ слабъ и нѣтъ кругомъ опоры.
Зло шепчетъ мнѣ: „Свой факелъ погаси!..
Нѣтъ, нѣтъ! Къ тебѣ я обращаю взоры,
Поэзія! Спаси меня! Спаси!

Ты—вздохъ небесъ. Твой непорочный пламень
Неугасимъ! Ты имъ сердцà живишь.
Ты въ божество преображаешь камень,
Мгновеннымъ снамъ безсмертіе даришь.
Явись ко мнѣ! Отъ пошлости надменной
Мой шаткій духъ къ святынѣ вознеси!
Пусть онъ падетъ къ стопамъ ея смирѐнный!..
Поэзія! Спаси меня, спаси!

Спаси меня! Какъ мрачныхъ думъ Саула,
Коснись души могуществомъ крыла!
Ты въ грудь мою святой огонь вдохнула,
Но сѝлы мнѣ для битвы не дала.
О, вѣрю я,—хоть умъ туманитъ горе,—

Есть правда здѣсь, есть Богъ на небеси.
Но человѣкъ—песчинка въ бурномъ морѣ...
Молюсь тебѣ съ надеждою во взорѣ,
Поэзія! Спаси меня! Спаси!

II.

ЕЛИ.

Вѣчно-зеленыя ели,
Что̀ вы глядите такъ мрачно?
Радостно солнышко свѣтитъ,
Синее небо прозрачно.
Всюду восторгъ пробужденья,
Всюду весна торжествуетъ.
Пышныя почки деревьевъ
Вѣтеръ, колебля, цѣлуетъ.
Плещутся въ воздухѣ тепломъ
Жаворонковъ звонкія трели.
Только однѣ вы печальны,
Вѣчно-зеленыя ели!

Ели вздыхаютъ уныло,
Ели шумятъ надо мною.
„Чуждо намъ вешнее счастье,
Грустно намъ, грустно весною!
Вѣчно-зеленыя ели,
Мы къ непогодѣ безстрастны.
Наши колючія иглы
Бурямъ земли не подвластны,
Но и блаженство земное
Насъ никогда не тревожитъ.
Тайная зависть невольно
Насъ угнетаетъ и гложетъ.
Чуютъ теперь всѣ деревья,
Чуютъ въ волненіи пылкомъ,
Какъ животворные соки
Льются отъ корней по жилкамъ;
Ждутъ они съ дрожью любовной

Перваго майскаго грома...
Это ль не радость, не счастье!
Это ль не жизнь, не истома?!
Мы хоть не мертвы, но, Боже!
Жизнь ли—безсмертіе наше,
Если прильнуть мы не смѣемъ
Къ вешней, живительной чашѣ!
Если на праздникѣ свѣтломъ,
Въ будущность глядя безъ цѣли,
Всѣмъ мы—чужія, чужія,
Вѣчно-зеленыя ели!"

А. М. Өедоровъ.

КАПИТАЛИЗМЪ

въ

ДОКТРИНѢ МАРКСА

Окончаніе.

III *).

Картина постепеннаго развитія крупной промышленности, представленная въ „Капиталѣ", выдвигаетъ на первый планъ умственныя и техническія силы, находящіяся въ распоряженіи капиталистовъ, и весьма рельефно обрисовываетъ руководящую роль предпринимателей и служащей имъ „науки" въ новѣйшихъ успѣхахъ экономической жизни. Простому мускульному труду отводится при этомъ крайне незначительное, все болѣе уменьшающееся мѣсто: наемные рабочіе являются скорѣе пассивными жертвами, чѣмъ двигателями промышленнаго роста. Въ капиталистическомъ производствѣ, по описаніямъ Маркса, господствуетъ сложная умственная работа, требующая техническихъ и коммерческихъ знаній, большого практическаго искусства, находчивости и изобрѣтательности, тогда какъ значеніе простой рабочей силы неизбѣжно понижается вмѣстѣ съ сокращеніемъ и упрощеніемъ функцій мускульнаго труда въ крупной промышленности. Описательная часть книги Маркса, такимъ образомъ, идетъ совершенно въ разрѣзъ съ его экономическою теоріею, по которой простой на-

*) См. выше: августъ, стр. 775 и слѣд.

емный трудъ предполагается единственнымъ творцомъ всѣхъ производимыхъ цѣнностей при капиталистическомъ способѣ производства.

Положеніе представителей высшихъ и сложныхъ формъ труда остается неяснымъ: съ одной стороны, отъ нихъ зависитъ весь успѣхъ промышленныхъ предпріятій, а съ другой — они существуютъ будто бы исключительно на счетъ прибавочной цѣнности, создаваемой простыми рабочими, и слѣдовательно, не могутъ обойтись безъ эксплуатаціи ихъ, наравнѣ съ капиталистами. Оттого и заключительный практическій выводъ, что „экспропріаторы должны быть экспропріированы", оказывается фальшивымъ, такъ какъ, по объясненіямъ самого Маркса, никогда не будетъ устранена необходимость содержать многочисленные разряды лицъ, прямо или косвенно участвующихъ въ производствѣ и сбытѣ товаровъ, въ качествѣ завѣдующихъ фабриками и заводами, ученыхъ техниковъ и спеціалистовъ, бухгалтеровъ, кассировъ, конторщиковъ, надзирателей, всевозможныхъ дѣятелей по перемѣщенію и продажѣ произведенныхъ издѣлій и продуктовъ [1]). Существуютъ, слѣдовательно, необходимые „экспропріаторы", безъ которыхъ не можетъ обойтись самъ рабочій классъ, если только раздѣлять ту (отрицаемую Марксомъ въ принципѣ, но на дѣлѣ исключительно имъ признаваемую) точку зрѣнія, что все обширное зданіе промышленности держится на узкомъ фундаментѣ простого мускульнаго труда, и что эксплуатаціей послѣдняго кормится и обогащается все промышленное общество.

Съ распространеніемъ системы общественнаго и банковаго кредита капиталы дѣлаются все болѣе доступными предпріимчивымъ людямъ, промышленнымъ техникамъ, иниціаторамъ и изобрѣтателямъ; дѣловитые спеціалисты всегда находятъ деньги къ своимъ услугамъ, и функція промышленныхъ хозяевъ отдѣляется отъ функціи денежныхъ капиталистовъ. Марксъ останавливается только на одной формѣ раздѣленія обѣихъ функцій,—когда трудъ управленія и надзора отпадаетъ отъ капиталиста и возлагается на особыхъ управляющихъ за извѣстную плату. Вознагражденіе этихъ управляющихъ, — говоритъ онъ,—есть не что иное какъ

---

[1]) Марксъ говоритъ весьма сбивчиво объ этихъ необходимыхъ, но все-таки „непроизводительныхъ" работникахъ промышленности, которые въ свою очередь пользуются трудомъ наемныхъ рабочихъ силъ, и недостаточно оплачиваютъ его изъ безконечнаго, какъ видно, запаса прибавочной цѣнности, создаваемой небольшимъ сравнительно числомъ непосредственно производительныхъ рабочихъ; см. т. II, стр. 108—114, 126 и др.; т. III, ч. I, стр. 276—78 (гдѣ аргументація окончательно запутывается и признается незаконченною), 366—375 и др.

заработная плата за болѣе искусный трудъ, и эти управляющіе, а не капиталисты, составляютъ „душу современной промышленности". Само капиталистическое производство „привело къ тому, что трудъ управленія, вполнѣ отдѣленный отъ собственности на капиталъ, бѣгаетъ по улицѣ; поэтому нѣтъ уже надобности въ исполненіи этой работы самимъ капиталистомъ". Капельмейстеръ не долженъ быть непремѣнно собственникомъ инструментовъ своего оркестра; въ обязанности его, какъ распорядителя, не входитъ также забота о вознагражденіи музыкантовъ за ихъ трудъ. Кооперативныя фабрики доказываютъ, что капиталистъ, какъ дѣятель въ производствѣ, сдѣлался уже излишнимъ. Насколько трудъ капиталиста вытекаетъ изъ общественной формы труда, изъ комбинаціи и коопераціи многихъ для достиженія совмѣстнаго результата, онъ является вполнѣ независимымъ отъ капитала. „По отношенію къ денежному капиталисту промышленный хозяинъ есть работникъ, но работникъ въ качествѣ капиталиста, т. е. эксплуататора чужого труда. Плата, которую онъ требуетъ и получаетъ за эту работу, въ точности равняется присвоенному количеству чужого труда и непосредственно зависитъ отъ степени эксплуатаціи этого труда, а не отъ степени напряженія, какого стоитъ ему эта эксплуатація и которое онъ можетъ свалить на управляющаго за умѣренное вознагражденіе. Плата за управленіе совершенно отдѣлена отъ предпринимательской прибыли въ кооперативныхъ фабрикахъ рабочихъ и въ капиталистическихъ акціонерныхъ предпріятіяхъ. При кооперативномъ производствѣ трудъ надзора теряетъ характеръ антагонизма по отношенію къ рабочимъ, такъ какъ управляющій получаетъ плату отъ самихъ рабочихъ вмѣсто того, чтобы представлять собою противъ нихъ интересъ капитала. Акціонерныя предпріятія имѣютъ вообще тенденцію все болѣе отдѣлять трудъ управленія, какъ функцію, отъ обладанія капиталомъ, собственнымъ ли или заемнымъ. Въ то время какъ съ одной стороны собственнику капитала, денежному капиталисту, противостоитъ дѣйствующій промышленный капиталистъ, а съ развитіемъ кредита денежный капиталъ пріобрѣтаетъ характеръ общественнаго капитала, сосредоточивается въ банкахъ и раздается въ ссуду ими, а не непосредственными владѣльцами; въ то время какъ съ другой стороны простой управляющій, не владѣющій капиталомъ, ни своимъ, ни заемнымъ, исполняетъ всѣ реальныя функціи, лежащія собственно на дѣйствующемъ капиталистѣ, — на сценѣ остается только промышленный дѣятель, а капиталистъ, какъ излишнее лицо, исчезаетъ изъ производственнаго процесса. Изъ публичныхъ отчетовъ кооперативныхъ фабрикъ въ

Англіи видно, что — за вычетомъ платы управляющаго, образующей часть израсходованнаго перемѣннаго капитала точно такъ же какъ плата остальныхъ рабочихъ, — прибыль была выше средней, хотя мѣстами эти фабрики платили большій процентъ, чѣмъ частные фабриканты. Причиной болѣе высокой прибыли была во всѣхъ этихъ случаяхъ бо́льшая экономія въ употребленіи постояннаго капитала. Средняя прибыль фактически и наглядно выступаетъ здѣсь какъ величина совершенно независимая отъ платы за управленіе. Такъ какъ прибыль была здѣсь выше средней, то и предпринимательскій доходъ былъ больше обыкновеннаго... Съ развитіемъ коопераціи на сторонѣ рабочихъ и акціонерныхъ предпріятій на сторонѣ буржуазіи, устраняется послѣдній предлогъ для смѣшенія предпринимательской прибыли съ платою за управленіе, и прибыль является на практикѣ тѣмъ, чѣмъ она была несомнѣнно въ теоріи, — простою прибавочною цѣнностью,—цѣнностью, за которую не уплачено никакого эквивалента, реализованною неоплаченною работою; — такъ что дѣйствующій промышленный капиталистъ въ самомъ дѣлѣ эксплуатируетъ трудъ, и плоды его эксплуатаціи, если онъ работаетъ съ занятымъ капиталомъ, дѣлятся на процентъ и предпринимательскую прибыль" [1]).

Итакъ, трудъ управленія и надзора въ промышленныхъ предпріятіяхъ,— который въ одномъ мѣстѣ прямо названъ „производительнымъ", т.-е. создающимъ цѣнность [2]), — оплачивается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всякая другая работа, и не имѣетъ ничего общаго ни съ прибылью предпринимателя, ни съ процентомъ на капиталъ, каково бы ни было промышленное устройство — капиталистическое или кооперативное; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же трудъ заключается для капиталиста или для его управляющаго въ эксплуатаціи чужого труда, и плата за него въ точности соотвѣтствуетъ степени этой эксплуатаціи,—слѣдовательно совпадаетъ съ прибылью или составляетъ ея часть и не имѣетъ ничего общаго съ обыкновенною заработною платою. Одинъ и тотъ же трудъ управленія и надзора относится такимъ образомъ одновременно и къ производительной работѣ, равной всякому другому труду, и къ работѣ непроизводительной, оплачиваемой всецѣло на счетъ прибавочнаго труда простыхъ рабочихъ,—и это въ однихъ и тѣхъ же капиталистическихъ предпріятіяхъ. Которое изъ этихъ двухъ прямо противоположныхъ мнѣній, высказанныхъ

---

1) Т. III, ч. I, стр. 378—6.

2) Тамъ же, стр. 369 (въ концѣ).

рядомъ съ одинаковою категоричностью, выражаетъ дѣйствительный взглядъ Маркса или болѣе гармонируетъ съ общимъ характеромъ его доктрины? Несомнѣнно, что второе, связывающее трудъ управленія и надзора съ эксплуатаціею чужой работы и предполагающее самостоятельную производительность труда однихъ только простыхъ рабочихъ,—такъ какъ высшія формы труда вообще игнорируются во всѣхъ разсужденіяхъ автора „Капитала" о наемныхъ рабочихъ и производимой ими прибавочной цѣнности. Трудъ управленія и надзора, какъ признаетъ и Марксъ, по существу вполнѣ однороденъ въ капиталистическихъ и кооперативныхъ предпріятіяхъ, насколько онъ вытекаетъ изъ сложной организаціи производства; противорѣчащее же этому замѣчаніе о томъ, что трудъ капиталиста сводится къ заботамъ объ эксплуатаціи рабочихъ, основано на очевидномъ недоразумѣніи, ибо дурное, хищническое отношеніе къ рабочимъ, выражающееся въ низкой заработной платѣ, въ непомѣрной продолжительности рабочаго дня, въ несоблюденіи извѣстныхъ санитарныхъ условій и т. д., требуетъ отъ хозяина скорѣе пассивности и бездѣйствія въ принятомъ разъ режимѣ, чѣмъ особаго труда и напряженія.

Какъ бы то ни было, признавать ли трудъ управленія производительнымъ или эксплуататорскимъ, онъ во всякомъ случаѣ необходимъ, и представители его, будучи даже по своему положенію „экспропріаторами", не могутъ быть экспропріированы не только въ капиталистическихъ, но и въ кооперативныхъ предпріятіяхъ. Экспропріировать оставалось бы однихъ денежныхъ капиталистовъ, получающихъ свою долю въ дѣлежѣ „прибавочной цѣнности" въ видѣ процента съ капитала; сдѣлать это тѣмъ легче, по мнѣнію Маркса, что капиталы постепенно сосредоточиваются въ немногихъ рукахъ и что акціонерная форма предпріятій подготовляетъ уже переходъ отъ частной капитальной собственности къ общественной. Но процентъ съ капитала составляетъ только часть (и обыкновенно небольшую часть) чистаго дохода или прибыли, и главная масса этой прибыли по-прежнему добывалась бы съ рабочихъ, послѣ устраненія платежей въ пользу капиталистовъ. Кооперативныя фабрики, какъ говоритъ Марксъ, приносятъ даже большую прибыль, чѣмъ частныя, хотя онѣ выплачиваютъ болѣе высокій процентъ по займамъ. Откуда же берется эта прибыль при самостоятельной коопераціи рабочихъ, когда трудъ вознаграждается уже вполнѣ, по справедливой оцѣнкѣ его производительности, безъ всякихъ вычетовъ въ пользу вампира-капитала? Зачѣмъ сами рабочіе высасываютъ изъ себя и изъ своихъ товарищей ничѣмъ не оплаченную „прибавочную цѣн-

ность", если извлеченіе послѣдней изъ наемнаго труда составляетъ исключительную функцію капиталистовъ? Притомъ прибыль здѣсь больше обыкновенной, а такъ какъ размѣръ прибыли „въ точности соотвѣтствуетъ степени эксплуатаціи труда", то рабочіе въ кооперативныхъ предпріятіяхъ эксплуатируютъ самихъ себя въ болѣе сильной мѣрѣ, чѣмъ эксплуатируютъ ихъ капиталисты. Замѣтимъ еще, что, во-первыхъ, прибыль считается здѣсь „за вычетомъ платы управляющаго", отнесенной всецѣло къ фонду расходовъ на трудъ, и во-вторыхъ, даже процентъ съ капитала предполагается чѣмъ-то независимымъ отъ прибыли („прибыль выше средней, *хотя* процентъ уплачивается болѣе высокій", т.-е. прибыль принимается за доходъ, остающійся за вычетомъ процента на капиталъ). Допуская въ послѣднихъ словахъ обмолвку, нельзя все-таки не видѣть, что приведенныя замѣчанія Маркса уничтожаютъ всякое принципіальное различіе между кооперативными и капиталистическими предпріятіями; и тѣ и другія имѣютъ „перемѣнный капиталъ" для распредѣленія заработной платы между рабочими и въ томъ числѣ для вознагражденія управляющихъ; и тѣ, и другія даютъ „прибавочную цѣнность", т.-е. излишекъ дохода сверхъ вознагражденія за трудъ и покрытія издержекъ производства; и тѣ и другія платятъ проценты за занятые капиталы. Разница тутъ не въ организаціи производства, не во внутреннемъ его строѣ и порядкѣ, не въ характерѣ работы, а только въ способѣ распредѣленія произведенной прибыли, т.-е. въ томъ, что̀ происходитъ уже внѣ производственнаго процесса. Прибыль или, вѣрнѣе, часть прибыли, за вычетомъ вознагражденія необходимыхъ участниковъ производства, обращенія и сбыта товаровъ, поступаетъ въ этомъ случаѣ не въ кассы капиталистовъ или акціонеровъ, а въ фондъ для улучшенія и обезпеченія быта самихъ рабочихъ [1]). Разница эта имѣетъ важное значеніе, но она касается не организаціи производства, а способа распредѣленія нѣкоторой части чистаго дохода. Прибыль выше въ кооперативныхъ предпріятіяхъ, какъ говоритъ Марксъ,—вслѣдствіе „большей экономіи въ примѣненіи постояннаго капитала", а не вслѣдствіе какихъ-нибудь внутреннихъ преимуществъ, связанныхъ

---

[1]) Ср. т. I, стр. 549—50: „Устраненіе капиталистическаго производства позволяетъ ограничить рабочій день необходимымъ трудомъ (т.-е. безъ прибавочнаго, создающаго прибыль). Однако послѣдній, при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, расширилъ бы свой объемъ, — съ одной стороны потому, что условія жизни работника были бы богаче и потребности его выше, а съ другой—часть нынѣшняго прибавочнаго труда отнесена была бы къ необходимой работѣ, именно та, которая нужна для образованія общественнаго фонда запаса и накопленія".

съ устраненіемъ капиталиста. Вѣрный сотрудникъ Маркса, Фридрихъ Энгельсъ, довершаетъ это приравненіе кооперативныхъ предпріятій къ капиталистическимъ, сообщая любопытный фактъ, относящійся къ концу шестидесятыхъ годовъ: одинъ обанкрутившійся фабрикантъ сдѣлался наемнымъ работникомъ у своихъ собственныхъ бывшихъ рабочихъ, такъ какъ рабочее товарищество, взявшее на себя дальнѣйшее веденіе дѣлъ фабрики, оставило прежняго владѣльца управляющимъ [1]). Энгельсъ не говоритъ, что этотъ фабрикантъ былъ какой-то особенный, исключительный; это могъ быть самый обыкновенный дѣловой человѣкъ, запутавшійся вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ промышленнаго кризиса. Прежній „дѣйствующій капиталистъ“ былъ, очевидно, хорошимъ управляющимъ и, сдѣлавшись уполномоченнымъ своихъ рабочихъ, онъ продолжалъ нести на себѣ тотъ же трудъ управленія, какой лежалъ на немъ раньше; онъ сталъ получать только меньшую долю дохода, въ видѣ опредѣленной платы. Переходъ капиталистическаго предпріятія въ кооперативное совершился здѣсь безъ всякой перемѣны въ устройствѣ и общемъ ходѣ дѣла и въ личномъ составѣ его участниковъ; это было бы, разумѣется, невозможно, еслибы существовалъ непримиримый принципіальный антагонизмъ между обѣими промышленными формами и между представляемыми ими интересами капитала и труда. Марксъ указываетъ на упадокъ рыночной цѣнности работы управляющихъ, вслѣдствіе образованія значительнаго класса промышленныхъ спеціалистовъ и искусныхъ рабочихъ; поэтому наемные управляющіе довольствуются несравненно меньшимъ вознагражденіемъ, чѣмъ капиталисты, сами завѣдующіе своими дѣлами, и, слѣдовательно, низведеніе дохода хозяевъ на степень простой платы за трудъ было бы для нихъ крайне невыгодно. Но рыночная цѣна труда не есть справедливая цѣна, соотвѣтствующая реальной его цѣнности, и въ этомъ отношеніи эксплуатація высшихъ формъ работы ничѣмъ не отличается отъ всякой другой эксплуатаціи. Трудъ организаціи и веденія промышленнаго дѣла долженъ оцѣниваться на тѣхъ же началахъ, какъ и трудъ простыхъ наемныхъ рабочихъ,—по степени своего участія въ общихъ результатахъ производства; съ этой точки зрѣнія дешевизна соперничающихъ между собою на рынкѣ (или „бѣгающихъ по улицѣ“, какъ выражается Марксъ) умственныхъ работниковъ не можетъ служить доказательствомъ того, что высшія формы производительнаго труда цѣнились бы такъ же де-

[1]) Т. III, ч. I, стр. 374, прим. 76.

шево при разумномъ примѣненіи кооперативныхъ принциповъ. Если ненормально положеніе простыхъ рабочихъ, нанимаемыхъ капиталистами, то столь же несправедливо подчинять умственныхъ работниковъ представителямъ простого мускульнаго труда, въ качествѣ ихъ наемниковъ.

Промышленные спеціалисты не имѣютъ, однако, надобности непремѣнно оставаться въ роли наемныхъ работниковъ, при современной доступности и легкости кредита; сплошь и рядомъ бываетъ наоборотъ, что свободные капиталы ищутъ помѣщенія и охотно отдаются въ распоряженіе предпріимчивыхъ людей, которые становятся такимъ образомъ самостоятельными хозяевами, не будучи собственно капиталистами. Капиталъ давно пересталъ быть враждебною силою для представителей высшихъ формъ труда; напротивъ, онъ поддерживаетъ съ ними тѣсный союзъ, и раздѣляющая ихъ граница нерѣдко совершенно стирается на практикѣ. Кредитъ доступенъ и рабочимъ кооперативнымъ товариществамъ, иногда даже на болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ отдѣльнымъ предпринимателямъ; рабочія артели имѣютъ полную возможность пользоваться чужими капиталами и орудіями производства, уплачивая за нихъ умѣренные проценты, и принудительно „экспропріировать“ кого бы то ни было имъ нѣтъ никакого основанія.

Слово „обобществленіе“ играетъ большую роль въ разсужденіяхъ и выводахъ Маркса. Совмѣстный трудъ многихъ наемныхъ рабочихъ есть общественный трудъ, и совмѣстное пользованіе орудіями и средствами производства—есть обобществленіе ихъ; капиталы, собирающіеся въ банкахъ, суть общественные капиталы, и собственность акціонерныхъ обществъ есть общественная собственность. Отсюда дѣлается заключеніе, что частныя права капиталистовъ фактически упраздняются общественною организаціею производства, общественною системою кредита и акціонерною, т.-е. общественною формою, промышленныхъ предпріятій. Произвольная игра словъ бросается тутъ въ глаза. Понятіе общества, въ смыслѣ соединенія опредѣленныхъ лицъ, подмѣнивается здѣсь понятіемъ общества, какъ совокупности гражданъ, какъ чего-то высшаго по отношенію къ частнымъ интересамъ и правамъ. Рабочіе, случайно собранные на одной фабрикѣ по выбору ея хозяина и подъ его командою, не составляютъ общества, хотя могутъ имѣть общественную организацію для совмѣстной охраны своихъ индивидуальныхъ правъ и интересовъ. Участіе многихъ наемныхъ рабочихъ въ совмѣстномъ трудѣ надъ чужимъ матеріаломъ и съ чужими орудіями производства не дѣлаетъ этихъ

средствъ и орудій общественными, не обобществляетъ ихъ, не отнимаетъ у нихъ характера продуктовъ чужого труда и предметовъ чужой собственности. Мелкіе и крупные капиталы, сосредоточивающіеся въ общественныхъ банкахъ, не перестаютъ быть частными капиталами, имѣющими своихъ точно опредѣленныхъ владѣльцевъ: капиталисты, учреждающіе акціонерную компанію или пріобрѣтающіе ея акціи, остаются собственниками предпріятія въ точно-опредѣленныхъ доляхъ, соотвѣтственно своимъ денежнымъ взносамъ. Кромѣ этихъ заинтересованныхъ вкладчиковъ и акціонеровъ, никакія постороннія лица не могутъ заявлять притязаніе на участіе въ выгодахъ предпріятія, хотя банковская или промышленная компанія и называется обществомъ. Обиліе капиталовъ въ немногихъ банкахъ не означаетъ еще сосредоточенія капиталовъ въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, такъ какъ сотни милліоновъ, находящіяся на храненіи или на текущемъ счетѣ у банкировъ, образуются изъ многочисленныхъ и частью незначительныхъ вкладовъ, принадлежащихъ различнымъ владѣльцамъ. Распространеніе системы кредита вовлекаетъ все бо́льшую часть населенія въ круговоротъ промышленныхъ дѣлъ; акціонерная форма предпріимчивости размножаетъ мелкихъ капиталистовъ во всѣхъ классахъ общества, превращая обладателей небольшихъ сбереженій въ участниковъ и кредиторовъ крупныхъ предпріятій. Духъ капиталистической собственности распространяется и усиливается въ странѣ до того, что банкротство какой-нибудь крупной промышленной компаніи, въ родѣ Панамской, представляется чуть не національнымъ бѣдствіемъ, отъ котораго всего меньше страдаютъ денежные и промышленные капиталисты въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Съ одной стороны, на дѣлѣ не существуетъ того рѣзкаго разграниченія между классомъ капиталистовъ и другими слоями общества, на которомъ основываетъ свои выводы Марксъ; а съ другой—внѣшнія общественныя формы труда, производства и кредита не только не умаляютъ, но еще усиливаютъ и расширяютъ значеніе частныхъ правъ и интересовъ въ промышленной жизни. Часто повторяемая въ „Капиталѣ" фраза о капиталистической оболочкѣ, не соотвѣтствующей уже своему содержанію, могла бы быть замѣнена по праву противоположнымъ утвержденіемъ, что капиталистическое содержаніе разростается и крѣпнетъ при новѣйшихъ перемѣнахъ своей оболочки.

Развитіе крупной промышленности вызываетъ спросъ на тѣ рабочія силы, которыя не находятъ примѣненія въ земледѣліи; естественное размноженіе сельскаго населенія при недостаткѣ новыхъ земель заставляетъ часть поселянъ уходить въ города и

искать занятій въ области ремесленнаго и промышленнаго производства. Крестьянство, даже вполнѣ обезпеченное землею, неизбѣжно выдѣляетъ изъ себя извѣстный процентъ безземельныхъ или избыточныхъ въ хозяйствѣ рабочихъ силъ. Этотъ правильно возростающій излишекъ сельскаго населенія болѣе чѣмъ достаточенъ для созданія и постояннаго пополненія класса наемныхъ рабочихъ, безъ котораго не могла бы развиться крупная промышленность. Мысль, что для этого требовалось обезземеленіе цѣлой крестьянской массы, принадлежитъ къ числу тѣхъ предположеній, которыя при ближайшемъ анализѣ сами себя опровергаютъ. Сгонять съ земли милліоны крестьянъ только для того, чтобы имѣть нѣсколько тысячъ или десятковъ тысячъ свободныхъ работниковъ, которыхъ и безъ того всегда можно было найти въ городахъ и селахъ, было бы тѣмъ болѣе нелѣпо, что это значило бы въ то же время уничтожать или сокращать до невозможности внутренній рынокъ для сбыта промышленныхъ произведеній, а потребители столь же нужны для промышленности, какъ и рабочіе. Въ западной Европѣ, какъ, напр., въ Германіи, уже со второй половины XIV вѣка существовалъ особый рабочій классъ, который непрерывно пополнялся пришлыми элементами изъ земледѣльческихъ округовъ страны; рабочіе организовались въ самостоятельные союзы и товарищества, по образцу цеховъ, для защиты своихъ интересовъ отъ произвола хозяевъ. Тогда, какъ и позднѣе, не чувствовалось недостатка въ свободныхъ рабочихъ силахъ; тогда было также сильно развито чувство солидарности между рабочими, что помогало имъ успѣшно защищать свои права противъ мастеровъ, и, слѣдовательно, организація рабочаго класса развивалась задолго до возникновенія крупной промышленности. Если впослѣдствіи промышленные капиталисты старались обойти старыя правила объ отношеніяхъ къ рабочимъ, то только потому, что эти правила были приноровлены къ условіямъ мелкаго ремесленнаго производства и противорѣчили новымъ требованіямъ мануфактурной или фабричной работы (напр., правило о семилѣтнемъ срокѣ предварительнаго ученья для того, чтобы быть рабочимъ или подмастерьемъ, по англійскому закону XVI вѣка); устарѣлое и стѣснительное законодательство могло быть измѣнено или отмѣнено безъ ущерба для рабочихъ, и крупная промышленность достигла бы несомнѣнно болѣе прочнаго процвѣтанія при охранѣ интересовъ рабочаго населенія, чѣмъ безъ этой охраны. Опыты Роберта Оуэна, совпавшіе по времени съ уничтоженіемъ всѣхъ стѣсненій для хозяевъ и съ оставленіемъ рабочихъ безъ всякой законодательной защиты, доказали неопровержимо, что беззащитность рабочихъ вовсе не

нужна была для успѣшнаго хода промышленныхъ предпріятій. Позднѣе, съ введеніемъ фабричныхъ законовъ, это отсутствіе необходимой внутренней связи между успѣхами крупной промышленности и бездушной эксплуатаціей рабочихъ выяснилось съ полною убѣдительностью.

Рабочіе союзы, получившіе право законнаго существованія съ 1824 года, обезпечили англійскимъ рабочимъ фактическую равноправность съ капиталистами, добились повышенія заработной платы и значительно подняли общій уровень матеріальнаго и нравственнаго быта рабочаго класса; при этомъ „капиталистическое производство" шло впередъ гигантскими шагами. Мѣстные рабочіе союзы постепенно объединяются съ начала пятидесятыхъ годовъ; они располагаютъ огромными денежными средствами: такъ, общество машиностроительныхъ рабочихъ имѣло въ 1875 году резервный фондъ въ $264^1/_2$ тыс. фунтовъ стерлинговъ. Обширныя стачки, къ которымъ часто прибѣгали рабочіе, все болѣе уступаютъ мѣсто мирнымъ переговорамъ и соглашеніямъ, при участіи посредническихъ камеръ, устроенныхъ по проекту фабриканта Мунделлы (позднѣе министра въ кабинетѣ Гладстона). Тамъ, гдѣ дѣйствуютъ эти посредническія камеры или третейскіе суды, стачекъ почти не бываетъ больше. Марксъ совершенно замалчиваетъ дѣятельность рабочихъ союзовъ и достигнутые ими благотворные результаты; онъ ничего не говоритъ также объ усиліяхъ многихъ фабрикантовъ и просвѣщенныхъ филантроповъ улучшить положеніе рабочихъ и ихъ семействъ, при помощи надлежащихъ законодательныхъ мѣръ. Это умолчаніе объ исторіи рабочихъ союзовъ и ихъ союзниковъ понадобилось Марксу для неуклоннаго проведенія той идеи, что рабочіе осуждены на безчеловѣчную эксплуатацію со стороны капитала при господствѣ капиталистической формы промышленности, что заработная плата наемныхъ рабочихъ не можетъ превышать необходимыхъ средствъ къ жизни и что рабочіе имѣютъ только одинъ выходъ для измѣненія своей судьбы къ лучшему—прибѣгнуть къ насильственной экспропріаціи капиталистовъ. Такъ какъ факты явно противорѣчатъ этимъ положеніямъ, то Марксъ устраняетъ факты и не даетъ имъ мѣста въ спеціальномъ трактатѣ о капиталѣ. Программа Маркса требуетъ, чтобы съ одной стороны жестокое обезземеленіе крестьянства вызвано было потребностями „капиталистическаго производства", а съ другой—чтобы безпощадное истощеніе рабочихъ силъ составляло существенную, неустранимую принадлежность этой формы производства. Все, что несогласно съ этими идеями, оставляется просто въ сторонѣ или истолковывается въ обратномъ

смыслѣ, по особому научному методу, усвоенному и усовершенствованному Марксомъ.

Насколько интересы истины подчинены у Маркса постороннимъ соображеніямъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Марксу нужно доказать, что безполезно разсчитывать на прочное улучшеніе быта рабочихъ даже при новѣйшемъ колоссальномъ ростѣ промышленныхъ богатствъ. Онъ приводитъ слова Гладстона, который въ бюджетной рѣчи 1863 года, сообщая поразительныя цифры увеличенія промышленныхъ доходовъ за послѣднее десятилѣтіе, прибавилъ: „это опьяняющее увеличеніе богатства и силы ограничивается всецѣло классами собственниковъ". Въ такомъ видѣ цитата уже раньше была приведена Марксомъ въ составленномъ имъ воззваніи международнаго рабочаго союза, причемъ Гладстону приписано было „дикое восхищеніе" по поводу подобнаго „прогресса націи". Фраза произвела необычайный эффектъ среди друзей рабочаго класса; свидѣтельство авторитетнаго либеральнаго министра объ исключительномъ обогащеніи класса собственниковъ было чрезвычайно важнымъ аргументомъ въ пользу теоріи, которую защищалъ Марксъ. Никому не приходило въ голову сомнѣваться въ точности этой цитаты; ее повторяли другіе, со словъ автора „Капитала". Профессоръ Брентано пожелалъ даже заняться опроверженіемъ взгляда, выраженнаго Гладстономъ; но, считая неудобнымъ довольствоваться чужою и не совсѣмъ понятною выдержкою, онъ справился въ подлинныхъ парламентскихъ отчетахъ и убѣдился, что Гладстонъ высказалъ мысль прямо противоположную. Оказалось, что рѣчь шла объ увеличеніи доходовъ, обложенныхъ подоходнымъ налогомъ, а такъ какъ доходы ниже извѣстной суммы не облагаются налогомъ, то приводимыя цифры касались исключительно болѣе зажиточныхъ классовъ, что̀ и отмѣтилъ Гладстонъ. Указавъ на поразительные результаты подоходнаго налога за послѣдніе годы, министръ продолжалъ: „Я съ своей стороны смотрѣлъ бы съ болью и съ серьезнымъ опасеніемъ на этотъ необычайный и почти опьяняющій ростъ богатства, еслибы я имѣлъ основаніе думать, что онъ ограничивается только тѣмъ классомъ лицъ, который можетъ быть названъ зажиточнымъ. Цифры, которыя я привелъ, не даютъ свѣдѣній о положеніи тѣхъ, которые не платятъ подоходнаго налога; или другими словами, хотя онѣ довольно точны для оцѣнки общаго положенія, онѣ ничего не сообщаютъ о собственности рабочаго населенія и объ увеличеніи его доходовъ. Но можно положительно утверждать, что большія и непосредственныя выгоды достались и на долю массы народа... Мы имѣемъ глубокое

утѣшеніе знать, что одновременно съ обогащеніемъ богатыхъ и бѣдные сдѣлались менѣе бѣдными. Относительно средняго положенія британскаго рабочаго, будь онъ поселянинъ или горный рабочій, искусный или простой работникъ, мы знаемъ изъ разнообразныхъ и несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, что въ послѣднія двадцать лѣтъ достигнуто такое увеличеніе его средствъ къ жизни, которое можетъ считаться почти безпримѣрнымъ въ исторіи какого-либо народа или столѣтія". Брентано помѣстилъ соотвѣтственную поправку въ берлинской еженедѣльной газетѣ „Конкордія", безъ подписи, подъ заглавіемъ: „Какъ цитируетъ Карлъ Марксъ". Въ своемъ отвѣтѣ, появившемся нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ газетѣ „Volksstaat", Марксъ сослался, во-первыхъ, на статью одного англійскаго журнала, гдѣ слова Гладстона приведены въ томъ же видѣ, какъ и въ его цитатѣ, и во-вторыхъ, на книжку неизвѣстнаго автора съ тою же выдержкою; затѣмъ онъ привелъ изъ отчета „Times" фразу, что „это увеличеніе относится лишь къ зажиточному классу", не упомянувъ ни о подоходномъ налогѣ, ни о замѣчаніяхъ относительно рабочаго класса. Въ заключеніе, высмѣявъ автора замѣтки, какъ „фабриканта, привыкшаго къ фальсификаціи товаровъ", и назвавъ его кстати осломъ, онъ заявилъ, что въ оффиціальномъ парламентскомъ отчетѣ Гладстонъ, очевидно, выпустилъ непріятныя слова и измѣнилъ вообще текстъ своей рѣчи, согласно обычаю буржуазныхъ дѣльцовъ. Брентано опять провѣрилъ указанія Маркса и нашелъ, что въ статьѣ названнаго имъ журнала изложена исторія „международнаго общества рабочихъ" и спорная цитата повторена со словъ самого Маркса, при разборѣ его „воззванія"; книжка же неизвѣстнаго автора, вышедшая ранѣе составленія этого воззванія, оказалась истиннымъ источникомъ не только ложной цитаты, но и сопровождающихъ ее комментаріевъ и фактическихъ возраженій въ соотвѣтственномъ мѣстѣ „Капитала". Въ книжкѣ, имѣющей характеръ состряпаннаго на скорую руку памфлета, сдѣлана въ точности та искаженная выдержка, которую воспроизвелъ Марксъ, съ тѣми же пропусками и многоточіями; оттуда же заимствованы цифры и факты, долженствующіе служить опроверженіемъ замѣчанія Гладстона объ удешевленіи необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ. Интересное разоблаченіе Брентано, напечатанное въ двухъ нумерахъ „Конкордіи" за 1872 годъ, вызвало новый рѣзкій отвѣтъ Маркса въ „Volksstaat". Марксъ настойчиво утверждалъ, что цитата сдѣлана вѣрно, что взята она имъ не изъ анонимной книжки, а изъ какой-то газеты, которой онъ, однако, назвать не можетъ, такъ какъ вырѣзка

у него затерялась, и что извращеніе словъ Гладстона произведено не имъ, Марксомъ, а самимъ министромъ, „однимъ изъ наилучше оплачиваемыхъ представителей интересовъ капитала“; во всемъ виноватъ Гладстонъ, поддѣлавшій будто бы оффиціальный текстъ своей рѣчи, и въ доказательство опять приводится нѣсколько выписокъ изъ газетныхъ отчетовъ, въ томъ числѣ изъ „Morning Star“, послѣ чего Марксъ обрываетъ полемику „по недостатку времени“. Тотъ фактъ, что Гладстонъ говорилъ о результатахъ подоходнаго налога, касающихся только зажиточныхъ классовъ, и указывалъ именно на этотъ характеръ своего цифрового матеріала, старательно замалчивается Марксомъ, и съ его стороны споръ до конца вертится около отдѣльной фразы, вырванной изъ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ. Понятно, что смыслъ обсуждаемыхъ словъ совершенно измѣняется, если дѣло идетъ о простомъ объясненіи свойства приводимыхъ данныхъ, а не объ общемъ положительномъ выводѣ. Обвиненіе, предъявленное профессоромъ Брентано, осталось въ полной силѣ: Марксъ приписалъ Гладстону выводъ, котораго тотъ никогда не дѣлалъ и который даже категорически отвергался имъ, и когда Марксу указали на эту ошибку, онъ продолжалъ упорно настаивать на своемъ, при помощи сомнительныхъ изворотовъ и натяжекъ. Мало того: онъ увѣрилъ своихъ послѣдователей, что ему удалось сохранить отъ забвенія поучительныя слова, несомнѣнно сказанныя Гладстономъ, но вычеркнутыя имъ изъ парламентскихъ отчетовъ, и еще въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ заявлено было объ этой заслугѣ Маркса въ письмѣ, напечатанномъ его дочерью, г-жею Элеонорою Марксъ, въ лондонскомъ „Times“. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ „Капитала“ ложная цитата была еще подкрѣплена невѣрною ссылкою на „Morning Star“, хотя отчетъ этой газеты вовсе не подходилъ къ тексту выдержки, заимствованной изъ анонимнаго памфлета [1]). Вполнѣ естественно, что публика, къ которой обращался Марксъ, безусловно довѣряла его утвержденіямъ, такъ какъ нападки исходили отъ заинтересованныхъ „фабрикантовъ“, пріютившихся въ „Конкордіи“ и некомпетентныхъ въ серьезной наукѣ. Для людей безпристрастныхъ эта полемика ярко освѣтила качества научныхъ пріемовъ Маркса и степень достовѣрности многочисленныхъ цитатъ, наполняющихъ его книгу.

---

[1]) Статьи Брентано и отвѣты Маркса перепечатаны въ 1890 году въ особой брошюрѣ, съ вступительнымъ разъясненіемъ и съ приложеніями: Lujo Brentano, Meine Polemik mit Karl Marx. Berlin.

IV.

Вражда къ промышленной буржуазіи, какъ мы уже упоминали, не мѣшаетъ Марксу быть вполнѣ проникнутымъ промышленными идеями о мірѣ и человѣчествѣ; въ этомъ отношеніи онъ доводитъ чисто промышленное міросозерцаніе до невозможныхъ крайностей. На всю человѣческую жизнь онъ смотритъ сквозь промышленные очки; онъ не видитъ въ ней другихъ руководящихъ двигателей и интересовъ, кромѣ узко-промышленныхъ. Производство и обращеніе товаровъ, распредѣленіе прибыли и суровая борьба общественныхъ классовъ изъ-за участія въ промышленныхъ доходахъ исчерпываютъ для него содержаніе всемірной исторіи. Съ такой промышленной точки зрѣнія разсматриваетъ онъ и двѣ коренныя основы народнаго богатства — трудъ и землю. Взглядъ на рабочую силу человѣка, какъ на товаръ, выводится Марксомъ изъ условій капиталистическаго производства и признается имъ обязательнымъ для современной экономической эпохи; но этотъ взглядъ сталкивается съ массою фактовъ, свидѣтельствующихъ неопровержимо, что товаръ, именуемый трудомъ или рабочею силою, дѣйствуетъ какъ человѣкъ, ставитъ себѣ опредѣленныя цѣли и успѣшно достигаетъ ихъ, при тѣхъ же условіяхъ капиталистическаго производства. Понятіе о человѣкѣ-товарѣ надо окончательно бросить, какъ болѣзненный продуктъ промышленной логики. Никуда не годится также представленіе о землѣ какъ товарѣ. Промышленные экономисты не знаютъ, къ какой рубрикѣ отнести землю: они видятъ въ ней источникъ человѣческаго существованія, и въ то же время считаютъ ее товаромъ или капиталомъ. Сужденія Маркса о землѣ и землевладѣніи столь же противорѣчивы и неопредѣленны, какъ и о капиталѣ. Повторяя въ одномъ мѣстѣ изреченіе Вильяма Петти, что трудъ есть отецъ богатства, а земля-мать, Марксъ, однако, гораздо одностороннѣе буржуазныхъ экономистовъ прилагаетъ къ землѣ спеціально промышленную мѣрку. Земля есть для него „средство труда“ или производства; она не имѣетъ цѣнности, какъ вмѣстилище даровыхъ силъ и веществъ природы, и въ то же время имѣетъ цѣнность соразмѣрно затраченнымъ на ея обработку капиталамъ; въ послѣднемъ случаѣ она сама есть капиталъ и притомъ „капиталъ постоянный“; наконецъ, какъ цѣнность и какъ предметъ оборотовъ, она есть товаръ [1]). Марксъ

---

[1]) Т. I, стр. 18, 165—7, 527; т. III, ч. II, стр. 158 и слѣд.

никакъ не можетъ выйти изъ круга торгово-промышленныхъ понятій, и эта особенность его воззрѣній на міръ сильнѣе всего отражается на его разсужденіяхъ о землѣ и поземельномъ строѣ.

Марксъ не останавливается надъ вопросомъ о принципіальныхъ различіяхъ между землею и другими „средствами производства", между „землею-капиталомъ" и прочими видами промышленнаго капитала; онъ предполагаетъ заранѣе, что начала крупной промышленности одинаково примѣняются или должны примѣняться въ земледѣліи, какъ и въ остальныхъ отрасляхъ производства. Подобно тому, какъ въ области крупнаго машиннаго производства онъ произвольно обобщаетъ исторію ткачества и бумагопрядильнаго дѣла, приписывая, напр., желѣзнодорожнымъ или кораблестроительнымъ заводамъ характеръ новой капиталистической формы, вытѣснившей будто бы прежніе народные промыслы, точно такъ же и земледѣльческое производство кажется ему вполнѣ однороднымъ съ фабрично-заводскою промышленностью. Земледѣльческое хозяйство съ его сложными и разнообразными элементами, съ его зависимостью отъ случайностей климата и погоды, ставится на одну доску съ фабрикою или заводомъ; и здѣсь, и тамъ господствуютъ будто бы одни и тѣ же правила капиталистическаго производства. Признавая большою заслугою капитализма „сознательное технологическое примѣненіе науки" въ земледѣліи, Марксъ приравниваетъ послѣднее ко всякой вообще промышленности, переходящей отъ мелкаго ремесленнаго производства къ крупному машинному. Но сельское хозяйство представляетъ отличительныя черты, не допускающія подобнаго смѣшенія. Дѣйствіе машинъ примѣнимо лишь тамъ, гдѣ производятся однородныя операціи въ обширныхъ размѣрахъ; оно непримѣнимо или только въ слабой степени примѣнимо въ значительныхъ отрасляхъ земледѣльческой промышленности, при разнообразіи культуръ, при необходимости постояннаго приспособленія къ перемѣнчивымъ обстоятельствамъ. Машинамъ нечего дѣлать въ огородничествѣ, садоводствѣ, молочномъ хозяйствѣ, скотоводствѣ и т. п.; только при посѣвахъ одного какого-нибудь продукта, напр. пшеницы, на большихъ пространствахъ земель, возможно широкое примѣненіе машинъ, какъ это практикуется въ Сѣверной Америкѣ. Земледѣліе по существу имѣетъ мало общаго съ фабрично-заводскимъ дѣломъ, какъ и земля имѣетъ мало общаго съ промышленными капиталами или съ простыми „средствами труда". Характеристика англійскихъ поземельныхъ отношеній, дѣлаемая самимъ Марксомъ, показываетъ съ достаточною ясностью, что экономическое значеніе земли далеко не исчерпывается употребленіемъ ея для цѣлей производства и что

роль ея въ судьбахъ народнаго хозяйства несравненно шире и глубже.

Понятіе о „землѣ-капиталѣ" приводитъ къ несообразностямъ съ точки зрѣнія собственной доктрины Маркса. Если земля превращается въ капиталъ, благодаря затраченнымъ на ея воздѣлываніе или застройку средствамъ, то она остается капиталомъ при всякой формѣ производства; она будетъ капиталомъ и въ рукахъ самостоятельныхъ работниковъ-земледѣльцевъ, какъ и въ рукахъ промышленныхъ капиталистовъ, ибо отличіе ея отъ „земли-вещества" заключается только въ употребленныхъ на нее затратахъ, а не въ чемъ-либо другомъ. „Обработанное поле,—справедливо замѣчаетъ Марксъ,—стоитъ больше, чѣмъ невоздѣланный участокъ того же качества". Кому принадлежитъ земля и кѣмъ она воздѣлывается—это безразлично для значенія ея, какъ „земли-капитала". Обыкновенныя средства производства имѣютъ другую, болѣе перемѣнчивую, судьбу; они лишаются званія капитала, когда принадлежатъ самимъ производителямъ. Вложенные въ землю капиталы придаютъ цѣнность всѣмъ обработаннымъ или застроеннымъ землямъ; они составляютъ предметъ собственности на такомъ же основаніи, какъ и всякіе другіе промышленные капиталы. Между тѣмъ поземельная собственность опредѣляется какъ „монополія извѣстныхъ лицъ на обладаніе и распоряженіе опредѣленными частями земного шара, какъ исключительными сферами ихъ частной воли, съ устраненіемъ всякой другой воли". Откуда взято это опредѣленіе и какую связь имѣетъ оно съ „землей-капиталомъ"? Ни въ одномъ законодательствѣ не встрѣчается подобнаго опредѣленія; нигдѣ нѣтъ этого права частныхъ лицъ на исключительное обладаніе частями земного шара"; повсюду надъ частнымъ землевладѣніемъ существуетъ еще политическое право на землю, и поземельная собственность подлежитъ многимъ ограниченіямъ въ пользу постороннихъ лицъ (право прохода и проѣзда) и въ интересахъ всего общества и государства (запрещеніе истреблять лѣса, право экспропріаціи или выкупа въ казну для общественныхъ надобностей, для потребностей желѣзныхъ дорогъ и т. п.). Марксъ говоритъ о „юридической власти отдѣльныхъ лицъ пользоваться и злоупотреблять „частями земного шара" и объясняетъ условія возникновенія этого юридическаго понятія, не справляясь ни съ юриспруденціею, ни съ исторіею поземельнаго права и законодательства, точно такъ же, какъ онъ цитировалъ Гладстона, не заглядывая въ текстъ его рѣчей. По его мнѣнію, юридическое представленіе о частной поземельной собственности въ современномъ смыслѣ выступаетъ только съ разви-

тіемъ капиталистическаго производства и принимаетъ форму, требуемую послѣднимъ; въ дѣйствительности, поземельная собственность до сихъ поръ регулируется юридическими принципами, установленными около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ въ древнемъ Римѣ. Утвержденіе силы этого стараго права въ современной Европѣ зависѣло, конечно, не отъ новыхъ промышленныхъ условій, а отъ возродившагося общаго культа классической древности, въ связи съ открытіемъ письменныхъ памятниковъ римской юриспруденціи. Римское гражданское право сдѣлалось обязательнымъ въ Европѣ подъ вліяніемъ ученыхъ юристовъ, не только не въ согласіи съ экономическими требованіями, но напротивъ, въ явный ущербъ общему ходу и развитію промышленной жизни; вслѣдствіе этого экономическія права на землю, основанныя на обработкѣ ея и на затратѣ капиталовъ, подчинены были номинальнымъ правамъ, имѣвшимъ политическое происхожденіе и условный характеръ. На дѣлѣ происходило, слѣдовательно, нѣчто обратное тому, что̀ утверждаетъ Марксъ. „Земля-капиталъ" не принята во вниманіе юристами и законами; они отдали предпочтеніе монополіи,—и капиталистическое производство было тутъ, очевидно, не при чемъ.

Изображая современный строй землевладѣнія и земледѣлія, Марксъ просто списываетъ свои обобщенія съ англійскихъ образцовъ; онъ рисуетъ собственниковъ въ видѣ лордовъ, получающихъ ренту, земледѣльческихъ хозяевъ—въ видѣ фермеровъ-капиталистовъ, получающихъ прибыль, и непосредственныхъ производителей — въ видѣ наемныхъ рабочихъ, получающихъ заработную плату. Этотъ порядокъ вещей представляется ему нормальнымъ въ современномъ буржуазномъ обществѣ. „Капиталистическое производство въ земледѣліи,—говоритъ онъ,—предполагаетъ, что дѣйствительные земледѣльцы суть наемные рабочіе, занятые у капиталиста, арендатора, который ведетъ земледѣльческое хозяйство только какъ особую отрасль промышленной эксплуатаціи, какъ способъ помѣщенія своего капитала въ извѣстной области производства. Этотъ арендаторъ-капиталистъ платитъ поземельному собственнику, владѣльцу эксплуатируемой имъ почвы, установленную договоромъ денежную сумму, въ опредѣленные сроки, за дозволеніе приложить свой капиталъ въ этой спеціальной сферѣ производства. Эта денежная сумма называется поземельною рентою, независимо отъ того, платится ли она за пахотныя земли, участки для построекъ, горные рудники, рыбныя ловли, лѣса и т. д. Капиталъ можетъ быть вложенъ въ землю или временно, какъ при удобреніи, или болѣе прочно, какъ при осушкѣ или орошеніи

почвы, нивеллировкѣ ея, хозяйственныхъ постройкахъ и пр. Помѣщенный такимъ образомъ капиталъ можетъ быть названъ „землею-капиталомъ". Онъ входитъ въ категорію постояннаго капитала. Процентъ за этотъ капиталъ и за улучшенія, сохраняющія его въ качествѣ орудія производства, можетъ составлять часть ренты, уплачиваемой арендаторомъ поземельному собственнику, но не образуетъ собственно поземельной ренты, которая платится за пользованіе почвою, какъ таковою, находится ли послѣдняя въ естественномъ состояніи или въ обработанномъ. Временныя помѣщенія капитала, вызываемыя обычными процессами производства въ земледѣліи, дѣлаются всѣ безъ изъятія арендаторомъ. Болѣе постоянные капиталы также большею частью затрачиваются арендаторомъ, а по истеченіи срока контракта, достаются въ собственность владѣльцу земли" и т. д. [1]). Такъ устроена сельскохозяйственная промышленность въ Англіи, и иначе ее не представляетъ себѣ Марксъ. Впрочемъ, и въ Англіи преобладаютъ среднія и малыя хозяйства, вопреки распространенному мнѣнію о крупной промышленной обработкѣ: по статистическимъ даннымъ, резюмированнымъ профессоромъ Пааше въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, болѣе 40% всей земли острова занято хозяйствами, имѣющими отъ 100 до 300 акровъ земли, а число крупныхъ фермъ, пространствомъ болѣе 500 акровъ, не превышаетъ 12%, въ Уэльсѣ даже только 2%. Но англійскій поземельный строй признается самими англичанами исключительнымъ, и одинъ только Марксъ возводитъ его въ норму. Когда онъ говоритъ о поземельной собственности вообще, онъ всегда имѣетъ въ виду лордовъ, а подъ земледѣльческими хозяевами онъ всегда разумѣетъ промышленныхъ капиталистовъ, занятыхъ эксплуатаціею чужихъ земель. Оттого „земля-капиталъ" противопоставляется у него землѣ, какъ предмету собственности. „Земля-капиталъ" — промышленный терминъ, предполагающій возможность заурядной промышленной собственности на землю, а „монополія на части земного шара" превращаетъ эту прозаическую собственность въ фантазію или каррикатуру. Монополія лордовъ, созданная особыми политическими условіями и не имѣющая прямой связи ни съ общепринятыми понятіями о землевладѣніи, ни съ характеромъ и потребностями сельскаго хозяйства, берется за основу общаго опредѣленія поземельной собственности. Въ результатѣ выходитъ, что крестьянинъ, владѣлецъ обработаннаго имъ участка земли, есть монополистъ, обладающій исключительнымъ правомъ на опредѣ-

[1]) Т. III, ч. II, стр. 157—9.

ленную часть земного шара, въ томъ же смыслѣ, какъ герцогъ Вестминстеръ, владѣлецъ чуть ли не цѣлаго квартала въ Лондонѣ, въ мѣстности, полученной въ даръ его предками, въ видѣ малоцѣннаго пригороднаго пустыря. Разнороднѣйшія формы самостоятельныхъ поземельныхъ правъ, дѣйствительныхъ и фиктивныхъ, хозяйственныхъ и анти-хозяйственныхъ, принимаются за одинъ и тотъ же институтъ поземельной собственности, и существенными признаками его выставляются именно тѣ, которые наиболѣе исключительны. Трудно сказать, какъ относится Марксъ къ общинному землевладѣнію: съ одной стороны, собственность сельской общины есть тоже монопольное право на часть земного шара и, слѣдовательно, право неосновательное; съ другой—община есть учрежденіе устарѣлое, несовмѣстимое съ сельско-хозяйственнымъ прогрессомъ и безсильное въ борьбѣ съ капитализмомъ; но въ то же время для будущаго предлагается, рядомъ съ коопераціею свободныхъ рабочихъ, „общая собственность ихъ на землю", причемъ не указывается отличіе ея отъ общинной собственности. Взамѣнъ общаго землевладѣнія самихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, говорится иногда объ ассоціаціи всего общества, эксплуатирующей землю наиболѣе разсчетливымъ образомъ и упраздняющей нынѣшнюю зависимость цѣнъ отъ рынка; но почему все общество будетъ распоряжаться лучше и разсчетливѣе, чѣмъ отдѣльные, непосредственно заинтересованные хозяева-земледѣльцы, и какимъ образомъ будетъ устранено вліяніе внѣшнихъ рынковъ на цѣны,—неизвѣстно. Что касается мелкаго участковаго землевладѣнія, то оно безусловно осуждается на гибель, такъ какъ оно „по природѣ своей исключаетъ развитіе общественныхъ производительныхъ силъ труда, общественныя формы работы, общественное сосредоточеніе капиталовъ, скотоводство въ крупныхъ размѣрахъ, прогрессивное примѣненіе науки" [1]). Однако не все то, что оно исключаетъ, необходимо для успѣховъ земледѣлія; едва ли нужно и желательно, напр., общественное сосредоточеніе капиталовъ; не всегда также требуется скотоводство въ крупныхъ размѣрахъ, а недостатокъ солидарности, техническихъ знаній и средствъ часто восполняется союзами для спеціальныхъ хозяйственныхъ цѣлей. Интенсивное земледѣльческое хозяйство близъ большихъ городовъ несомнѣнно процвѣтаетъ при мелкомъ участковомъ владѣніи; оно не теряетъ, а выигрываетъ отъ развитія крупной промышленности. Наконецъ, крестьянская община, съ распространеніемъ образованія въ народѣ, можетъ избавиться отъ своихъ слабыхъ

---

[1]) Т. I, стр. 793; т. III, ч. II, стр. 200 и 341.

сторонъ и выдвинуть на первый планъ свои незамѣнимыя преимущества, которыя обезпечатъ ей прочную будущность и при общемъ торжествѣ машиннаго производства во всѣхъ промышленныхъ областяхъ, допускающихъ фабрично-заводскую организацію.

Отдѣлъ третьяго тома „Капитала", посвященный поземельной рентѣ и землевладѣнію, долженъ быть признанъ самымъ слабымъ въ книгѣ Маркса. Пространная диссертація о рентѣ содержитъ въ себѣ подробнѣйшее, необычайно растянутое воспроизведеніе и развитіе существенныхъ пунктовъ знаменитой теоріи Рикардо, съ нѣкоторыми лишь отступленіями въ частностяхъ и въ терминологіи. Множество безцѣльныхъ цифровыхъ разсчетовъ, примѣрныхъ выкладокъ и таблицъ предназначено, повидимому, только для того, чтобы прикрыть недостатокъ оригинальности и содержательности всей работы, ибо достоинство этой математической обстановки нашло себѣ на этотъ разъ справедливую оцѣнку даже со стороны Фридриха Энгельса. Вѣрный другъ и комментаторъ Маркса замѣчаетъ, что выкладки даютъ „чудовищныя числовыя отношенія", что въ нихъ есть важныя ошибки, что за исходную точку принимаются невѣрныя предположенія, которыя при дальнѣйшихъ разсчетахъ приводятъ къ совершенно невозможнымъ комбинаціямъ [1]) и т. п. Правда, Энгельсъ старается смягчить свои замѣчанія и поправки, но общій смыслъ ихъ указываетъ на негодность значительной части мнимо-научнаго аппарата, изготовленнаго Марксомъ и придающаго его изложенію видъ чего-то очень спеціальнаго, недоступнаго профанамъ.

Никто такъ рѣзко не судитъ другихъ, какъ Марксъ: ядовитая сила его полемики направляется далеко не противъ однихъ мѣщанскихъ экономистовъ и мѣщанскаго общества, а противъ всѣхъ, попадающихся ему на пути, противъ союзниковъ и единомышленниковъ въ борьбѣ за рабочій классъ, особенно противъ дѣятелей, могущихъ заслонить собою значеніе автора „Капитала" въ экономической наукѣ и въ исторіи рабочаго движенія. Съ первыхъ же страницъ своей книги онъ заявляетъ, что Лассаль заимствовалъ у него всѣ основныя идеи своихъ экономическихъ работъ почти съ буквальною точностью, безъ указанія источника, и что притомъ онъ не совсѣмъ вѣрно понялъ ихъ. Обвиненіе это, высказанное послѣ смерти Лассаля, должно было уронить его популярность въ Германіи; но само по себѣ оно было совершенно голословно и не выдерживало критики уже потому, что указываемыя Марксомъ идеи излагались раньше его Родбер-

---

[1]) Тамъ же, т. III, ч. II, стр. 239, 250 и слѣд., 260 и 272—3.

тусомъ и другими. Родбертуса онъ замалчиваетъ или отдѣлываетъ нѣсколькими пренебрежительными словами, хотя во многомъ является лишь его послѣдователемъ. Увѣренія, что труды Родбертуса, относящіеся къ началу сороковыхъ и къ началу пятидесятыхъ годовъ, были неизвѣстны Марксу до 1859 года, крайне неправдоподобны, въ виду того, что еще въ 1848 году Родбертусъ былъ виднымъ депутатомъ и затѣмъ министромъ, и Марксъ съ Энгельсомъ должны были разбирать его рѣчи и дѣйствія въ редактируемой ими тогда газетѣ. Ругательные эпитеты сыплются съ пера Маркса по адресу отдаленныхъ и близкихъ писателей;—Мальтусъ объявляется ничтожествомъ, и его теорія народонаселенія есть „школьнически-поверхностный и безстыдный плагіатъ"; Сэй—чуть-ли не кретинъ, Бентамъ — жалкій софистъ, Милль—безсмысленный излагатель чужихъ несовмѣстимыхъ мнѣній, даже Адамъ Смитъ уличается иногда въ „пустой болтовнѣ". Прудонъ, которымъ раньше увлекался Марксъ, сдѣлался для него позднѣе шарлатаномъ; Марксъ зло критиковалъ и высмѣивалъ его, а Прудонъ назвалъ его критику „сплетеніемъ грубостей, клеветъ, извращеній и плагіатовъ". Въ первомъ изданіи „Капитала" былъ жестоко выруганъ „русскій беллетристъ Герценъ" за желаніе обновить Европу при помощи русской общины, открытой имъ въ сочиненіи „прусскаго правительственнаго совѣтника Гакстгаузена"; по этому поводу было сказано кстати нѣсколько сильныхъ словъ о русскомъ обществѣ и народѣ. Узнавъ впослѣдствіи, что его книга пріобрѣла большой авторитетъ въ Россіи и нашла здѣсь поклонниковъ и истолкователей, Марксъ во второмъ изданіи выпустилъ обидныя выходки и вставилъ лестныя замѣчанія.

Все это мало похоже на пріемы истиннаго ученаго и свидѣтельствуетъ скорѣе о неразборчивости практическаго дѣятеля, для котораго крупная общественная задача была интересомъ личнаго честолюбія. Марксъ былъ по темпераменту человѣкъ борьбы, и этотъ характеръ ясно выраженъ въ его „Капиталѣ". Злобныя чувства проявляются гораздо ярче и занимаютъ гораздо больше мѣста въ его книгѣ, чѣмъ искреннія симпатіи къ обездоленнымъ и угнетеннымъ. Въ исторіи умственнаго движенія, связаннаго съ рабочимъ вопросомъ, книга эта играетъ весьма значительную роль, но для экономической науки она не представляетъ серьезнаго шага впередъ.

Л. Слонимскій.

ИЗЪ АРМЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ

I.

ИЗЪ ПОЭМЫ „СКОРБЬ ЛЕОНА“

С. Шахъ-Азиза [1]).

...Вотъ, съ улыбкой безпечной на юномъ лицѣ,
Выступаютъ армянки толпою...
Дѣва сѣверныхъ странъ, въ своей блѣдной красѣ,
Точно тѣнь передъ ихъ красотою!..

Пышны кудрей ихъ волны, и ростъ ихъ красивъ;
Всѣ дивятся ихъ чудному взгляду...
Не скрывай же, о, юноша, страстный порывъ!
Дай вѣнокъ имъ лавровый въ награду!

Черныхъ, нѣжныхъ очей ихъ плѣнителенъ взглядъ,
Въ нихъ то ночь, то заря вдругъ заблещетъ...

[1]) С. Шахъ-Азизъ (род. въ 1841 г.) принадлежитъ къ числу наиболѣе популярныхъ армянскихъ поэтовъ. Онъ прославился изящными по формѣ лирическими стихотвореніями и большою поэмою „Скорбь Леона“, представляющею собою едва ли не самый поздній отголосокъ байроновской поэзіи (1864 годъ). Герой поэмы, разочарованный юноша Леонъ, является благороднымъ прогрессистомъ и истиннымъ патріотомъ, горько сѣтующимъ о различныхъ темныхъ явленіяхъ родной жизни, съ которыми онъ знакомится, странствуя подобно Чайльдъ-Гарольду. Въ настоящемъ отрывкѣ мы находимъ грустныя наблюденія Леона надъ внутреннимъ міромъ армянскихъ дѣвушекъ и женщинъ, которымъ, какъ свѣтлый контрастъ, противопоставляются армянки V-го вѣка, совершившія во время борьбы съ Персіей чудеса мужества и вѣрности.

Какъ цвѣтущія розы, ихъ щеки горятъ,
И пылаетъ лицо, и трепещетъ.

Гдѣ поэтъ, чтобъ въ чарующей пѣснѣ своей
Ихъ на лирѣ воспѣлъ вдохновенной?..
Гдѣ та кисть, чтобъ могла чудный взоръ ихъ очей
Возсоздать въ красотѣ несравненной?...

О, Эллада, счастливый, сіяющій край,
Ты—страна красоты и блаженства!
Здѣсь ты нѣжнаго сердца отраду познай
И горячей любви совершенство!

О, Италія! Въ грезахъ къ тебѣ мы летимъ,
Ты—поэтовъ мечта золотая...
Но достался вѣнецъ твой лавровый другимъ,
Скромнымъ дѣвамъ кавказскаго края!..

Но любовь не всегда торжествуетъ въ груди,—
Сердце жаждетъ, забывъ увлеченье,
Въ юныхъ дѣвахъ народности проблескъ найти,
И его безуспѣшно стремленье!..

Всюду чуждый языкъ, всюду чуждая рѣчь...
О, армянки! Презрѣвъ все родное,
Вы рѣшились роднымъ языкомъ пренебречь
И принять воспитанье чужое!

Иль слаба и бѣдна рѣчь армянской земли,
Чтобъ излить вамъ мечтанья и муки?
Нѣтъ! и въ ней есть слова увлеченья, любви,
Есть отрадные, нѣжные звуки!..

Пышно вы расцвѣли... Но въ армянскій народъ
Не вдохнете вы счастья и жизни!
Въ жены русскій, татаринъ, грузинъ васъ возьметъ,
И забудете вы объ отчизнѣ!

Суетливо, безцвѣтно пройдутъ ваши дни...
Нѣтъ вамъ счастья и нѣтъ утѣшенья!
Слыша горькій укоръ вашей прежней земли,
Вы свое проклянёте рожденье!

И придутъ къ вамъ пѣвцы безпріютные въ домъ...
Они скажутъ вамъ: „О, помогите!
Мать Арменія страждетъ въ несчастьѣ своемъ“...
„Васъ не знаемъ!“—отвѣтъ вы дадите.

Ни горючія слезы молящихъ людей,
Ни страны беззащитной терзанья
Не зажгутъ въ вашемъ сердцѣ къ отчизнѣ своей
И къ народу—огонь состраданья!!..

Но умѣли армянки отчизну любить
Въ старину беззавѣтной любовью,
И, безстрашно борясь, ея раны омыть
Непорочною, чистою кровью.

Съ сладкозвучнымъ бамбирномъ [1]), на битву съ врагомъ
Шли отважно армянскія дѣвы,
И изъ юной груди, осѣненной крестомъ,
Полились боевые напѣвы...

Когда персъ горделивый армянской странѣ
Сталъ готовить позоръ, разрушенье,
Съ крикомъ: „гибель врагамъ!“ понеслись на конѣ
Благородныя дѣвы въ сраженье!

Позабывъ о дѣвическихъ, нѣжныхъ мечтахъ
И надежду на бракъ отвергая,
Лишь къ народу, къ странѣ сохранили въ сердцахъ
Онѣ пламя любви, умирая!

И остались въ тѣ дни въ запустѣньѣ, въ пыли
Ложа юныхъ супругъ; ожиданье—
Не сбылось; ихъ мужья—не вернулись они!
Грозный врагъ ихъ обрекъ на страданье!..

Наступила весна... Пышно роза цвѣла...
Вновь безпечно толпа веселилась...
Въ юныхъ вдовахъ тоска умереть не могла,
И любовь неизмѣнно таилась.

---

[1]) Древне-армянскій струнный инструментъ.

Проходили года. Съ безутѣшной душой
Горевали онѣ объ отчизнѣ,
И заснули навѣкъ, не разставшись съ тоской
До заката страдальческой жизни.

На поляхъ Аварайра ихъ кости легли...
Вскорѣ люди, придя, увидали:
Надъ могилой ихъ лиліи пышно цвѣли,
И фіалки на ней расцвѣтали...

Пусть вѣнчаютъ ихъ лавры за подвигъ святой!..
Пусть, отдавшись мечтамъ вдохновеннымъ,
Ихъ почтитъ патріотъ благодарной слезой!..
Вѣчный миръ—ихъ останкамъ священнымъ!..

II.

ИЗЪ Р. ПАТКАНЬЯНА.

Новое поколѣніе мушцевъ [1]).

Когда, для жизни трудовой,
Средь мукъ рождаетъ сына мать,—
Ему точеный, острый мечъ
Отецъ въ подарокъ долженъ дать!

Когда ребенокъ подростетъ,—
Къ игрушкамъ вкусъ проснется въ немъ;
Пусть привыкаетъ онъ играть
Безстрашно гибельнымъ ружьемъ!

И пусть, когда придетъ пора
Въ ученье мальчика отдать,
Онъ прежде учится мечомъ
Владѣть,—а послѣ ужъ читать!..

Читать, писать—полезно всѣмъ...
Но мало грамоты одной!

---

[1]) Мушъ—названіе города и области въ турецкой Арменіи Стихотвореніе написано въ стилѣ суровой, энергической народной пѣсни.

Пролить готовъ ли ученикъ
Всю кровь за честь страны родной?..

И лишь тогда иной удѣлъ
Придетъ для насъ, въ краю родномъ...
Кто сердцемъ гордъ, и духомъ смѣлъ,—
Не будетъ нищимъ и рабомъ!

III.

ИЗЪ А. ЦАТУРІАНА [1]).

1.

Въ ея альбомъ.

Я безмолвно любуюсь красою твоей,
Полонъ радостныхъ думъ, свѣтлыхъ грезъ о любви...
Я ловлю чудный взоръ твоихъ ясныхъ очей,—
И трепещетъ душа, какъ въ минувшіе дни!

Точно въ нѣжномъ, ласкающемъ взорѣ твоемъ
Улыбается мнѣ новой жизни весна,
И проснулась любовь въ моемъ сердцѣ больномъ,
И холодную грудь вновь согрѣла она...

Точно грезится мнѣ увлекательный сонъ:
Новый міръ, полный счастья, открытъ предо мной,
И, отвѣтной любовью твоей упоенъ,
Я живу... я дышу—для тебя лишь одной!

О, придетъ ли когда мигъ завѣтный любви?..
Дашь ли волю ты мнѣ свои думы излить?
И любви поцѣлуй суждено ли, скажи,
Съ этихъ розовыхъ губъ мнѣ въ отвѣтъ получить?

---

[1]) А. Цатуріанъ—молодой армянскій поэтъ-лирикъ, много переводившій съ русскаго (между прочимъ, „Стихотворенія въ прозѣ" Тургенева).

2.

* * *

Неужели, мой другъ, изнемогъ ты въ борьбѣ
И не снесъ до конца испытанья,
Что лишь смерти безсильно ты просишь себѣ,
Истомленный, подъ гнетомъ страданья?

А не ты ли несчастному брату отдать
Поклялся свои лучшія силы,
И стремился бойцомъ безбоязненнымъ стать,
Чтобъ бороться со зломъ до могилы?..

Развѣ солнце средь грознаго мрака взошло,
И настала весна золотая?
Нѣтъ! царятъ полновластно неправда и зло,
Своихъ жертвъ неповинныхъ терзая!

Ободрись! до желанныхъ, до радостныхъ дней
Много крови прольется безплодной...
Но въ страданьяхъ, въ борьбѣ, другъ несчастныхъ людей,
Ты ищи свой вѣнецъ благородный!

Юрій Веселовскій.

Москва.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1896.

Именные указы 15-го іюля.—Правительственное сообщеніе о забастовкахъ на с.-петербургскихъ бумагопрядильняхъ.—Не-земскія губерніи и земскія учрежденія.—Меліоративный кредитъ.—Спеціальные присяжные.—Отвѣтъ г. Закревскому.

Въ составъ предыдущаго внутренняго обозрѣнія не вошли Именные Высочайшіе указы 15-го іюля, вызванные извѣстной ходынской катастрофой. Значеніе ихъ такъ серьезно, что мы и теперь еще считаемъ своевременнымъ занести ихъ въ нашу лѣтопись. „Глубоко скорбя“ — таковъ текстъ перваго указа — „о тяжкомъ несчастіи, происшедшемъ 18-го мая сего года въ Москвѣ, на Ходынскомъ полѣ, и о гибели многихъ близкихъ сердцу Нашему подданныхъ, Мы признали необходимымъ обезпечить, по возможности, участь оставшихся вдовъ и сиротъ, что̀ и сдѣлано по Нашему указанію. Горячо принимая къ сердцу все, что̀ касается этого горестнаго событія, Мы, въ постоянной заботѣ о правдѣ, признали необходимымъ Лично разсмотрѣть произведенное по этому дѣлу предварительное слѣдствіе, и нынѣ, тщательно сообразивъ обстоятельства, выясненныя этимъ слѣдствіемъ, Мы признали за благо, не обращая дѣло къ судебному порядку, разрѣшить его Нашею непосредственною властью. Убѣдившись, затѣмъ, что причину несчастія слѣдуетъ искать въ томъ, что московскія власти, обязанныя охранять порядокъ и безопасность столицы, не приняли своевременно должныхъ мѣръ для

направленія массы народа, стремившагося на Ходынское поле, и уволивъ въ виду сего вовсе отъ службы, безъ прошенія, исправляющаго должность московскаго оберъ-полиціймейстера,—повелѣваемъ: министрамъ Императорскаго Двора и внутреннихъ дѣлъ, по принадлежности, принять относительно другихъ должностныхъ лицъ, виновныхъ въ неисполненіи своего долга, иныя, указанныя Нами, мѣры взысканія, соотвѣтствующія обнаруженнымъ упущеніямъ". „Разсмотрѣвъ Лично" — сказано во второмъ указѣ — „предварительное слѣдствіе, произведенное по несчастному событію, происшедшему 18-го мая нынѣшняго года на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ, Мы, къ крайнему Нашему прискорбію, не могли не усмотрѣть, что желаніе второстепенныхъ исполнителей присвоить себѣ несоотвѣтствующее значеніе вызвало между ними соперничество, послѣдствіемъ чего было отсутствіе взаимнаго содѣйствія. Желая положить предѣлъ подобнымъ явленіямъ, могущимъ имѣть самыя вредныя послѣдствія по всей Россіи, Мы повелѣваемъ: всѣмъ министрамъ, всѣмъ главноуправляющимъ отдѣльными частями, всѣмъ генералъ-губернаторамъ, всѣмъ губернаторамъ и всѣмъ начальствующимъ лицамъ всѣхъ вѣдомствъ направлять свои дѣйствія и распоряженія къ единству и имѣть неослабное наблюденіе, дабы подчиненныя имъ учрежденія и лица, не допуская между собою соперничества, неуклонно оказывали другъ другу содѣйствіе, для пользы службы".

Прекращеніе Высочайшимъ повелѣніемъ дѣла, первоначально направленнаго въ судебномъ порядкѣ, напомнило намъ аналогичный случай, имѣвшій мѣсто семь лѣтъ тому назадъ. Высочайшимъ рескриптомъ 13-го мая 1889 г. прекращено судебное производство о крушеніи, 17-го октября 1888 г., императорскаго поѣзда на курско-харьковско-азовской желѣзной дорогѣ, хотя предварительнымъ слѣдствіемъ и были обнаружены, по словамъ рескрипта, „нерадѣніе и неосторожность должностныхъ лицъ не только частной, но и государственной службы, и ослабленіе у послѣднихъ сознанія гражданскаго долга". Чиновъ вѣдомства путей сообщенія, виновныхъ въ нерадѣніи и неосторожности, предписано было подвергнуть дисциплинарному взысканію. Говоря, въ свое время, о рескриптѣ 13-го мая [1]), мы замѣтили, что „данныя, раскрытыя предварительнымъ

[1]) См. „Вѣстникъ Европы" за 1889 г., № 6, „Изъ общественной хроники", стр. 859—860.

слѣдствіемъ, являются на судѣ сплошь и рядомъ въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ, производятъ еще болѣе поразительное впечатлѣніе"... Аналогія между обоими случаями идетъ дальше. Отъ оглашенія данныхъ, собранныхъ по дѣлу о крушеніи императорскаго поѣзда, мы ожидали „всесторонняго обсужденія порядковъ, существующихъ на желѣзныхъ дорогахъ и по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ — порядковъ, послужившихъ и отдаленнымъ, и ближайшимъ источникомъ крушенія 17-го октября и постоянно грозящихъ новыми опасностями въ будущемъ", а затѣмъ и предохранительныхъ мѣръ, всего болѣе, конечно, зависящихъ отъ администраціи, но отчасти и отъ „указаній со стороны общества и печати". Ходынская катастрофа, какъ и крушеніе 17-го октября 1888 г., не была только случайнымъ продуктомъ стихійныхъ силъ, непреодолимыхъ и неотвратимыхъ. И тамъ, и тутъ мѣры предупрежденія были возможны — и если онѣ не были приняты, то это зависѣло и тамъ, и тутъ отъ административныхъ упущеній. И тамъ, и тутъ взысканіе съ виновныхъ является лишь первымъ шагомъ къ устраненію условій, вызвавшихъ вину. Объ этомъ свидѣтельствуетъ съ полною ясностью второй изъ именныхъ указовъ 15-го іюля, приписывающій ходынскую катастрофу „соперничеству второстепенныхъ исполнителей" и повелѣвающій начальствующимъ лицамъ не допускать ничего подобнаго на будущее время. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что *въ принципѣ* предосудительность и вредъ „соперничества", необходимость взаимнаго содѣйствія, и раньше были извѣстны и понятны нашей администраціи. Весь вопросъ въ томъ, почему и какимъ образомъ практика могла столь рѣзко разойтись съ теоріей.

Вслѣдствіе недостатка времени въ прошломъ мѣсяцѣ, мы только теперь перепечатываемъ въ нашемъ журналѣ замѣчательное правительственное сообщеніе о происходившихъ въ Петербургѣ стачкахъ рабочихъ, появившееся 19-го іюля въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" (№ 158).

„Обычное теченіе работъ на нѣкоторыхъ с.-петербургскихъ мануфактурахъ было временно нарушено отказомъ рабочихъ продолжать свои занятія; забастовка въ промежутокъ времени съ 24-го мая по 5-е іюня постепенно охватила 19 фабрикъ и, также постепенно пре-

кращаясь, продолжалась до 17-го іюня [1]). Первоначальнымъ предлогомъ къ прекращенію работъ послужили недоразумѣнія между фабрикантами и рабочими относительно продолжительности празднованія торжества священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Руководствуясь указаніями фабричной инспенкціи, фабриканты пріостановили работы на 14-е мая, съ выдачею рабочимъ платы за этотъ день, и разрѣшили рабочимъ не являться на фабрики въ теченіе 15-го и 16-го мая, но безъ выдачи имъ за эти дни заработной платы; рабочіе же настаивали на освобожденіи ихъ отъ работъ, съ сохраненіемъ заработка, и на два слѣдующіе дня, 15-го и 16-го мая; на четырехъ фабрикахъ въ нарвской части, дѣйствительно, въ эти дни къ работамъ не приступали. Въ теченіе недѣли съ 17-го мая всѣ фабрики были въ полномъ ходу. 23-го мая въ контору Россійской бумагопрядильной мануфактуры явились 102 подручныхъ, называемыхъ мальчиками, и потребовали вознагражденія за всѣ три коронаціонные дня. Контора исполнила ихъ требованіе. Приглашенному фабрикантомъ фабричному инспектору подручные заявили, что, кромѣ того, желаютъ получить плату за лишнее время, которое они проводятъ за работой, благодаря тому, что механизмы пускаются въ дѣйствіе нѣсколько ранѣе, нежели положено: приблизительно на 20 минутъ въ теченіе дня. Хотя фабричная администрація признала справедливость этого требованія, подручные 24-го мая работали только до обѣда, а затѣмъ разошлись по домамъ и до понедѣльника, 27-го мая, на работы не возвращались, а въ этотъ день, проработавъ до обѣда, снова, и на этотъ разъ окончательно, прекратили свои работы. Изложенныя событія были предвѣстниками общей забастовки, настоящія причины которой выяснились на Екатерингофской мануфактурѣ (дер. Волынкина, петергофскаго участка). Приблизительно за недѣлю, прядильщики (мюльщики) Екатерингофской мануфактуры заявляли фабричной администраціи о необходимости сокращенія рабочаго дня, который продолжается съ 6-ти часовъ утра до 8-ми вечера, съ часовымъ промежуткомъ для обѣда. Не получивъ удовлетворенія въ этомъ требованіи, подручники, прядильщики и слесаря 27-го мая остановили свои работы. 28-го мая примѣру ихъ послѣдовали рабочіе на бумагопрядильнѣ Кенига и Митрофаньевской мануфактурѣ,

---

[1]) Въ Петербургѣ числится фабрикъ и заводовъ — 484, съ 79.157 рабочими кромѣ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и казенныхъ заводовъ.

26-го—на Тріумфальной мануфактурѣ, 30-го—на бумагопрядильняхъ Невской, Новой, Кожевниковской и на бумагопрядильнѣ „Александръ". Сначала на Невской бумагопрядильнѣ, а потомъ и на всѣхъ остальныхъ забастовщики заявили требованіе, чтобы рабочій день былъ ограниченъ 12-ю часами, отъ 7-ми часовъ утра до 7-ми часовъ вечера, съ перерывомъ на 1½ часа для обѣденнаго отдыха, чтобы въ точности было опредѣлено начало работъ, согласно правиламъ внутренняго распорядка, и чтобы прекращена была чистка машинъ во время обѣденнаго перерыва; поступали также жалобы на грубое обращеніе нѣкоторыхъ мастеровъ, на взятки и вымогательства подмастерьевъ. Движеніе разросталось. Подручные, бывшіе застрѣльщиками, уступили первое мѣсто болѣе вліятельнымъ, хотя и малочисленнымъ, прядильщикамъ (мюльщикамъ), которые увлекли своимъ примѣромъ остальную массу рабочихъ. 1-го іюня остановились работы на Спасской и Петровской мануфактурахъ и на фабрикѣ Паля. Съ 3-го іюня забастовки начались въ зарѣчныхъ частяхъ столицы: на Старосампсоньевской мануфактурѣ, рабочіе которой потребовали прекращенія работъ, и на сосѣдней Новосампсоньевской фабрикѣ; къ нимъ примкнули рабочіе Охтенской бумагопрядильни, 4-го іюня—бумагопрядильни Бека и 5-го—„Невка". Устояла одна ткацкая фабрика Воронина на Рѣзвомъ островѣ, благодаря тому, что въ прошломъ году заработная плата была тамъ возвышена на 10%, и тому, что забастовавшая смѣна, въ числѣ 105 человѣкъ, была немедленно уволена, остальные же 895 рабочихъ не рѣшились подвергнуться такой же участи. Общее число забастовщиковъ дошло до 14.712 рабочихъ. Дѣйствія рабочихъ на всѣхъ поименованныхъ фабрикахъ были одинаковы. Они начинались сравнительно небольшою группою изъ подручныхъ, впослѣдствіи — мюльщиковъ; остальная масса, составлявшая значительное большинство, примыкала къ нимъ послѣ нѣкотораго колебанія; былъ уже упомянутъ случай принудительнаго прекращенія работъ рабочими Старосампсоніевской мануфактуры на сосѣдней фабрикѣ; забастовщики вели себя чинно, не подавая поводовъ къ обвиненію въ нарушеніи порядка или въ попыткахъ возбужденія такого же движенія на другихъ заводахъ и фабрикахъ, на которыхъ въ это время работы не прерывались. Громадная масса 68.445 рабочихъ на остальныхъ частныхъ с.-петербургскихъ заводахъ оставалась въ сторонѣ отъ стачки бумагопрядильщиковъ, не оказывая имъ матеріальной поддержки при наступившей безработицѣ. Забастовки, такимъ образомъ, имѣли спеціальный характеръ и вызывались особенностями бумагопрядильнаго и ниточнаго производствъ. Тѣмъ не менѣе, мирное, хотя и незаконное уклоненіе рабочихъ отъ обязанностей, принятыхъ ими на себя относительно фа-

брикантовъ, разорительное для обѣихъ сторонъ, подало поводъ злонамѣреннымъ личностямъ попытаться придать стачкамъ преступный политическій характеръ. За подписями „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса", „Рабочаго союза" и „Московскаго рабочаго союза" появились 25 различнаго содержанія подметныхъ листковъ; самый ранній помѣченъ 30-мъ числомъ мая, самый поздній— 27-мъ іюня. Съ достовѣрностью можно предположить, что сочинители этихъ листковъ пытались воспользоваться уже совершившимися стачками, съ цѣлью придать имъ соціальный характеръ и въ этомъ смыслѣ руководить забастовщиками. Обращаясь къ рабочимъ, агитаторы въ болѣе раннихъ листкахъ повторяютъ тѣ требованія, которыя уже были заявлены рабочими; указываютъ на цѣли, преслѣдуемыя западно-европейскими рабочими; убѣждаютъ упорствовать въ стачкѣ, обѣщая даже денежную помощь, уже будто бы идущую отъ германскихъ рабочихъ, и преподаютъ совѣты благоразумнаго поведенія, котораго рабочіе уже держались до появленія листковъ, съ самаго начала забастовокъ; но затѣмъ листки наполняются возмутительными наущеніями противъ капиталистовъ, правительственныхъ установленій и государственной власти. Не ограничиваясь рабочими, авторы листковъ обращаются къ обществу, приглашая его примкнуть къ „русскимъ соціалъ-демократамъ". Нѣсколько листковъ направлены были на другіе заводы и фабрики съ воззваніемъ о поддержкѣ забастовщиковъ и о присоединеніи къ симъ послѣднимъ; два или три листка назначались для московскихъ фабричныхъ заведеній. Эта преступная пропаганда, однако, не имѣла послѣдствій. Не говоря уже о безуспѣшности такихъ листковъ среди общества вообще, здравый смыслъ рабочихъ не дозволилъ имъ ни нарушать правильное теченіе дѣлъ на заводахъ, ни поддерживать нарушеніе порядка на бумагопрядильняхъ какою-либо коллективною помощью забастовщикамъ. Столь же мало имѣли успѣха соціалъ-демократическія воззванія и среди забастовщиковъ. Своевременныя внушенія и соотвѣтственныя мѣропріятія столичной полиціи и фабричной инспекціи въ непродолжительномъ времени устранили какъ пріостановку работъ, такъ и ближайшія причины недоразумѣнія между фабрикантами и рабочими. Съ цѣлью содѣйствовать скорѣйшему возобновленію работъ, градоначальникъ лично и непосредственно разъяснялъ рабочимъ незаконность ихъ поведенія, указывалъ тотъ порядокъ, при соблюденіи котораго единственно возможно удовлетвореніе ихъ требованій, если они имѣютъ законное основаніе, и тотъ путь, на которомъ возможно ходатайствовать о новыхъ мѣрахъ, желательныхъ для улучшенія быта рабочихъ. Успѣху этихъ увѣщаній способствовало то обстоятельство, что значительнѣйшая часть рабочихъ не сочувствовала за-

бастовщикамъ и участвовала въ забастовкѣ, страдательно подчиняясь сравнительно небольшой группѣ зачинщиковъ стачки. Истощеніе средствъ существованія, порожденное безработицей, заставляло ихъ желать возобновленія трудовой жизни. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, забастовка начала постепенно прекращаться. На бумагопрядильняхъ Екатерингофской, Тріумфальной и Россійской она продолжалась 8 дней, на фабрикѣ Кенига — недѣлю, на Митрофаніевской мануфактурѣ—пять дней, на фабрикахъ Паля и „Александръ"— четыре дня, на Охтенской — три дня, на бумагопрядильнѣ Бека— два дня. Не желавшимъ приступить къ работамъ было объявлено, чтобы они получили разсчетъ и паспорты и возвратились на мѣста постояннаго жительства. Во всѣхъ бумагопрядильняхъ расклеены были печатныя объявленія съ предвареніемъ, что претензіи, послужившія предлогомъ къ забастовкѣ, останутся безъ разсмотрѣнія, пока рабочіе не станутъ на работы. Поименованныя мѣропріятія имѣли послѣдствіемъ возобновленіе работъ и на остальныхъ мануфактурахъ: 10-го іюня — на Невской ниточной, Кожевниковской и „Невкѣ", 12-го іюня—на Невской, 13-го іюня—на Новой и Новосампсоньевской, 15-го іюня—на Петровской и Спасской и, наконецъ, 17-го іюня— на Старосампсоніевской. Бо̀льшая продолжительность стачекъ на этихъ фабрикахъ обусловливалась лучшимъ положеніемъ на нихъ рабочаго труда, благодаря которому рабочіе, имѣя сбереженія и кредитъ, могли долѣе обойтись безъ заработка. Въ настоящее время порядокъ возстановленъ, работы происходятъ безостановочно и рабочіе подчинились указаніямъ правительства. Разслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ оконченною нынѣ забастовкой, возложено на чиновъ фабричной инспекціи и петербургскаго градоначальства".

Особенное вниманіе обращаютъ на себя тѣ части правительственнаго сообщенія, по которымъ можно судить съ одной стороны — о причинахъ забастовокъ, съ другой стороны — о мѣрахъ, которыми имѣется въ виду предупредить ихъ повтореніе. Еще недавно въ оффиціальномъ документѣ—циркулярѣ министра финансовъ фабричнымъ инспекторамъ—было выражено предположеніе, что безпорядки среди фабричныхъ рабочихъ вызываются „или тѣми переходящими съ фабрики на фабрику рабочими, которые, по своимъ нравственнымъ качествамъ, не могли пріобрѣсти себѣ прочнаго положенія ни на одной изъ мануфактуръ, или людьми, превратно понимающими интересы рабочихъ и стремящимися искусственно создать у насъ ту печальную рознь, которая возникла между фабрикантами и рабочими на Западѣ". Правительственное сообщеніе удостовѣряетъ, что послѣднія петербургскія забастовки не зависѣли ни отъ того, ни отъ

другого. Агитаторы выступили на сцену лишь тогда, когда стачки были уже совершившимся фактомъ, а о вліяніи бродячихъ рабочихъ въ сообщеніи вовсе нѣтъ и рѣчи. Ключъ къ забастовкамъ слѣдуетъ, такимъ образомъ, искать въ положеніи рабочихъ, въ ихъ дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ нуждахъ, въ „особенностяхъ" бумагопрядильнаго и ниточнаго производства, за предѣлы котораго стачки не выходили. Съ этимъ существенно важнымъ фактомъ будетъ, повидимому, сообразовано и дальнѣйшее движеніе вопросовъ, послужившихъ поводомъ къ недоразумѣніямъ между фабрикантами и рабочими. *Ближайшія* причины этихъ недоразумѣній устранены, какъ сказано въ сообщеніи, внушеніями и мѣропріятіями фабричной инспекціи и полиціи; затѣмъ, рабочимъ указанъ путь, „на которомъ возможно ходатайствовать о новыхъ мѣрахъ, желательныхъ для улучшенія ихъ быта". Возложенное на чиновъ фабричной инспекціи и на петербургскаго градоначальника „разслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ забастовкой", доставитъ, безъ сомнѣнія, матеріалъ, достаточный—вмѣстѣ съ другими, общеизвѣстными данными—для разрѣшенія такихъ ходатайствъ. Плохую услугу общественному порядку и народному благосостоянію оказываютъ, поэтому, газеты, выводящія изъ петербургской забастовки только одно практическое заключеніе: необходимость усиленной бдительности и строгости. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", измѣняющіяся условія производства могутъ вести къ „соотвѣтствующимъ измѣненіямъ рабочаго законодательства", но не въ его „основныхъ принципахъ"—а такой основой является въ настоящее время „право договаривающихся сторонъ заключать какія угодно условія, если только условія эти не противорѣчатъ дѣйствующимъ законамъ и не нарушаютъ интересовъ третьихъ лицъ". Это совершенно невѣрно. Отличительная черта современнаго рабочаго законодательства—постоянно ростущее вмѣшательство государственной власти въ отношенія между работодателями и рабочими, направленное къ охранѣ интересовъ не однихъ только третьихъ лицъ, но и самихъ договаривающихся сторонъ, въ особенности стороны фактически слабѣйшей, т.-е. рабочихъ. Въ составъ этой охраны входитъ ограниченіе рабочаго времени, сначала для дѣтей, подростковъ, женщинъ, а потомъ и для всѣхъ вообще рабочихъ. Напрасно „Московскія Вѣдомости" пытаются доказать, что нормировка рабочаго дня противорѣчитъ законамъ предложенія и спроса и можетъ повредить самимъ рабочимъ, приведя къ пониженію рабочей платы. Иначе смотрятъ на дѣло даже многіе изъ числа фабрикантовъ, московскихъ, владимірскихъ, лодзинскихъ; они допускаютъ, что сокращеніе рабочаго дня до 11, даже до 10 часовъ не только не убыточно, но выгодно для предпринимателей, такъ какъ

оно увеличиваетъ интенсивность труда. Изъ правительственнаго сообщенія видно, что рабочій день на петербургскихъ бумагопрядильняхъ обнимаетъ собою 13 часовъ (съ 6 ч. утра до 8 ч. веч., съ часовымъ промежуткомъ въ обѣденное время), т.-е. превышаетъ обычный, для большинства русскихъ фабрикъ, двѣнадцатичасовой рабочій день, продолжительность котораго въ послѣднее время почти всѣми признается чрезмѣрной.

Подробное, основательное знакомство съ тѣмъ, что̀ есть—необходимое условіе всякой перемѣны къ лучшему. Отсюда одно изъ характеристичныхъ свойствъ нашего газетнаго консерватизма: нерасположеніе и недовѣріе къ изслѣдованію народной жизни. Припомнимъ, напримѣръ, ожесточенныя, много разъ повторявшіяся нападенія противъ земской статистики или противъ первыхъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ — единственныхъ, оглашенныхъ во всеобщее свѣденіе. Такою же свѣтобоязнью, прикрываемою попеченіемъ объ общественномъ спокойствіи, о̀рганы реакціонной печати страдаютъ и въ настоящее время. „Смоленское губернское земство“ — читаемъ мы въ въ № 199 „Московскихъ Вѣдомостей“ — поручило завѣдующему медико-статистическимъ отдѣленіемъ губернской управы, Д. Н. Жбанкову, произвести санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ смоленской губерніи. Само по себѣ это уже дѣло довольно серьезное, требующее большого такта, такъ какъ касается такой области, какъ область отношеній между хозяиномъ и рабочими: вѣдь санитарная обстановка во многомъ зависитъ отъ высоты заработной платы и отъ тѣхъ матеріальныхъ жертвъ, которыя приносятся фабрикантами и заводчиками. Ужъ по одному этому санитарному врачу, предѣлы изслѣдованія котораго и безъ того обширны, не слѣдовало бы ихъ переступать и вторгаться въ область, не имѣющую до него ни малѣйшаго отношенія. Въ самомъ дѣлѣ, ну неужели къ современной медицинѣ имѣетъ отношеніе даже то обстоятельство, есть ли на фабрикѣ для рабочихъ читальня и имѣютъ ли они къ ней легкій доступъ? А между тѣмъ, повидимому, именно такъ думаютъ и Д. Н. Жбанковъ, и смоленская губернская земская управа. Во II томѣ упомянутаго изслѣдованія находимъ такое свѣденіе про ярцевскую фабрику: читальня для рабочихъ недоступна, и для пользованія книгами изъ библіотеки требуются разрѣшительныя записки.—И вотъ, такія санитарныя изслѣдованія производятся на земскій счетъ, печатаются какъ оффиціальный документъ, и можетъ быть даже лягутъ и въ основу земскихъ мѣропріятій“. Если принять во вниманіе, что эти строки появились въ московской газетѣ почти одновременно съ правительственнымъ сообщеніемъ о петербургскихъ забастовкахъ, то нельзя не усмотрѣть въ нихъ призыва къ властной рукѣ, могу-

щей закрыть передъ земствомъ „область отношеній между хозяевами и рабочими"... У насъ нѣтъ подъ рукою того тома статистическихъ трудовъ смоленскаго земства, гдѣ помѣщена работа г. Жбанкова, и мы не можемъ опредѣлить съ точностью, по какому поводу авторъ коснулся читальни, существующей на ярцевской фабрикѣ; но связь между здоровьемъ рабочихъ и ихъ развлеченіями такъ велика, такъ несомнѣнна, что въ переходѣ отъ перваго къ послѣднимъ нѣтъ ровно ничего произвольнаго или страннаго. Допустимъ, что, по наблюденіямъ г. Жбанкова, рабочіе той или другой фабрики всѣ немногіе свободные часы свои проводятъ въ кабакѣ и что этимъ, отчасти, объясняется ихъ болѣзненность; неужели это не давало ему права замѣтить, что желательно было бы облегчить для рабочихъ доступъ къ такому препровожденію времени, которое отвлекало бы ихъ отъ пьянства?.. Всѣ эти страхи передъ вымышленною опасностью, всѣ эти тревоги изъ-за самыхъ невинныхъ фактовъ были бы только смѣшны, еслибы можно было быть увѣреннымъ, что они всегда проходятъ безслѣдно...

Мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ, предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, до истеченія срока дѣйствія земскихъ смѣтъ (въ не-земскихъ губерніяхъ) на наступившее трехлѣтіе, „внести на уваженіе государственнаго совѣта свои соображенія о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣла о земскихъ повинностяхъ въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, и о мѣрахъ, кои могли бы способствовать правильной постановкѣ въ этихъ губерніяхъ земскаго хозяйства". Если постановка земскаго хозяйства въ губерніяхъ не-земскихъ признается, такимъ образомъ, *неправильною*, то отсюда вытекаетъ сама собою необходимость распространенія круга дѣйствій земскихъ учрежденій, съ нѣкоторыми, быть можетъ, частными приспособленіями къ тѣмъ или другимъ мѣстнымъ условіямъ, но безъ существенныхъ отступленій отъ духа и смысла положенія 12 іюня 1890 г. Въ самомъ дѣлѣ, современные недостатки земскаго хозяйства въ не-земскихъ губерніяхъ ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыми, до реформы 1864 г., оно страдало во всей Россіи; та же тяжеловѣсность бумажнаго производства, то же отсутствіе иниціативы, та же канцелярская рутина, тотъ же сложный порядокъ разсмотрѣнія и утвержденія смѣтъ, отнюдь, притомъ, не гарантирующій ихъ цѣлесообразность. Нормальный выходъ изъ этого положенія только одинъ—тотъ самый, который былъ принятъ, тридцать три года тому назадъ, для внутреннихъ губерній Россіи. Полумѣры здѣсь помочь не могутъ: въ мѣстномъ хозяйствѣ *управленіе*, какъ бы оно ни было устроено, не можетъ замѣнить *самоуправленія*.

Если земская реформа не была проведена сразу во всей Россіи, то, конечно, не потому, чтобы старый порядокъ былъ признаваемъ достаточно хорошимъ или возможно лучшимъ для окраинъ государства, а по соображеніямъ временнаго свойства, давно потерявшимъ свою силу. Въ западномъ краѣ только-что было подавлено возстаніе; въ остзейскихъ губерніяхъ ни въ чемъ еще не былъ поколебленъ сословный строй, созданный вѣками; на Кавказѣ и за Кавказомъ приходила къ концу вѣковая борьба, мѣшавшая мирному развитію края; Сибирь, съ европейскимъ крайнимъ сѣверомъ, казалась какъ бы отрѣзанною отъ центра государства. Съ тѣхъ поръ положеніе вещей совершенно измѣнилось. На западѣ (не исключая привислянскихъ губерній) господствуетъ глубокое спокойствіе и рядомъ съ дворянствомъ и городскимъ сословіемъ выросло свободное крестьянство, своею экономическою самостоятельностью обязанное русскому правительству; въ остзейскихъ губерніяхъ „феодальное земство“ является почти единственнымъ остаткомъ старыхъ порядковъ, уступившихъ мѣсто обще-русскимъ учрежденіямъ; замиренный Кавказъ тяготится своею отчужденностью отъ русской общественной жизни; Сибирь и архангельская губернія приближены къ центру желѣзными дорогами, и о возможности уравненія ихъ съ остальною Россіей свидѣтельствуетъ предстоящее и тамъ, и тутъ введеніе судебныхъ уставовъ императора Александра II-го. Понятно, что при такихъ условіяхъ преобразованіе земскаго хозяйства на окраинахъ Россіи можетъ выразиться только въ распространеніи на нихъ земскихъ учрежденій. Этого логическаго вывода никакъ не хотятъ допустить систематическіе противники самоуправленія. „Изъ того, что является необходимость пересмотра нѣкоторыхъ устарѣвшихъ законоположеній,—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“, — никакъ не слѣдуетъ, чтобы надо было замѣнить ихъ такими, которыя, несмотря на то, что они новые, успѣли уже обнаружить другія, едва ли не болѣе существенныя неудобства“. Такое разсужденіе было бы понятно (хотя и невѣрно) лѣтъ семь тому назадъ, въ самый разгаръ нападеній противъ земскаго положенія 1864 г.: тогда можно было думать, что анти-реформенное движеніе приведетъ къ уничтоженію земства, если не юридическому, то фактическому—т.-е. къ обращенію его въ безусловно-подчиненный исполнительный органъ административной власти. Этого, однако, не случилось: вовсе обойтись безъ земства не было найдено возможнымъ, и положеніе 1890 г., обезсиливъ земскія учрежденія, все-таки оставило ихъ земскими не только по имени. Другими словами, „удобства“, представляемыя земскими учрежденіями, были оффиціально признаны перевѣшивающими ихъ „неудобства“, и земскому строю, въ сферѣ мѣстнаго хозяйства, дано было преимуще-

ство передъ канцелярскимъ. Нѣтъ причины думать, чтобы этотъ взглядъ на земство теперь уступилъ мѣсто другому. Въ *принципѣ* бюрократическое завѣдываніе земскимъ хозяйствомъ осуждено въ 1890 г. столь же рѣшительно, какъ и въ 1864-мъ—и этимъ самымъ заранѣе отвергнуты *частныя* поправки и передѣлки въ системѣ завѣдыванія земскими повинностями не-земскихъ губерній. Разъ что моментъ земской реформы признается наступившимъ и для окраинъ Россіи, самая реформа, очевидно, можетъ состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ возможно бóльшемъ приближеніи къ земскому положенію 1890-го года.

Приходя въ ужасъ отъ одной мысли о распространеніи круга дѣйствій земскихъ учрежденій, но сознавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ пользу этой мысли говоритъ, между прочимъ, безспорный ростъ земской школы и земской медицины, „Московскія Вѣдомости" прибѣгаютъ къ слѣдующему діалектическому построенію: единственное назначеніе земства — завѣдываніе мѣстнымъ хозяйствомъ; народное образованіе и медицина „имѣютъ лишь отдаленную связь съ экономическими или хозяйственными дѣлами, за исключеніемъ необходимости ассигновать на нихъ деньги"; собственно хозяйственную дѣятельность земства „мудрено восхвалять", ибо „всѣ почти земства въ долгу, какъ въ шелку"; ergo—земство никуда не годится. Оставляя въ сторонѣ фактическія „неточности" этого разсужденія (задолженность земства, напр., вовсе не такъ велика и не такъ общераспространена, какъ утверждаетъ московская газета), укажемъ только на полнѣйшую несостоятельность его исходной точки. Къ области мѣстнаго хозяйства законъ относитъ не только дѣла спеціально финансовыя или экономическія, но и заботу о народномъ здоровьѣ и о народномъ образованіи. Попытка эскамотировать заслуги земства на этомъ поприщѣ, назвавъ ихъ не-хозяйственными, падаетъ всей своей тяжестью не на земство, а на враговъ его, ярко освѣщая ихъ неразборчивость въ выборѣ оружія... Не лучше и дальнѣйшіе аргументы московской газеты. „Нетрудно,—говоритъ она,—выстроить новый домъ *вдвое* лучше или вдвое больше прежняго, если израсходовать на него *втрое* больше денегъ. Земскимъ учрежденіямъ еще могла бы принадлежать нѣкоторая честь въ этомъ отношеніи, еслибы они *изыскивали* источники для такихъ полезныхъ расходовъ; но когда дѣло сводится къ простому ариѳметическому разсчету накинуть по копѣйкѣ или по двѣ на десятину, тогда являются невольно нѣкоторыя сомнѣнія, имѣетъ ли большинство земскихъ дѣятелей достаточныя основанія гордиться достигнутыми результатами; такой способъ получить репутацію благодѣтелей и просвѣтителей народа уже черезчуръ простъ". Господа обвинители земства очень хорошо

знають, что *изыскивать* новые источники расходовъ оно не можетъ, въ виду узкихъ предѣловъ, установленныхъ закономъ для земскаго обложенія. Въ большинствѣ случаевъ единственнымъ рессурсомъ для земскихъ собраній остается именно повышеніе поземельнаго сбора. Коварными словечками: *вдвое* и *втрое* на земство взводится подозрѣніе въ томъ, что его затраты не соотвѣтствуютъ получаемой отъ нихъ пользѣ, что оно не хочетъ или не умѣетъ дѣйствовать какъ добрый хозяинъ. Итакъ, земскія школы и больницы слишкомъ роскошны, трудъ земскихъ врачей и учителей оплачивается слишкомъ щедро?.. Конечно, можно было бы замѣнить, ради экономіи, нормально организованныя земскія школы—школами грамоты, земскихъ врачей—земскими фельдшерами; но въ такомъ случаѣ уровень попеченія о народномъ здоровьѣ и народномъ образованіи стоялъ бы—если не количественно, то качественно—столь же низко, какъ и въ до-реформенное время. Главная заслуга земства заключается именно въ такой постановкѣ врачебной и школьной части, которая ниспровергла или значительно поколебала народный предразсудокъ противъ правильнаго леченья и ученья, сдѣлала школу дорогою и близкою для массы, вызвала самихъ крестьянъ на добровольную поддержку земскихъ училищъ, больницъ, пріемныхъ покоевъ. Не довольствуясь ассигнованіемъ средствъ на школу и медицину, земство постоянно заботилось о наилучшей ихъ организаціи. Въ активъ земства долженъ быть поставленъ, впрочемъ, и самый ростъ расходовъ на народное образованіе и народную медицину. Вѣдь поземельный сборъ, изъ котораго эти расходы преимущественно покрываются, падаетъ непосредственно на оба класса населенія, играющіе главную роль въ земствѣ; подать голосъ за его повышеніе, для развитія медицины и школы, значитъ поставить общій интересъ—выше частныхъ, идейные мотивы—выше карманныхъ. Представимъ себѣ, что правительство принимаетъ, для пользы населенія, какую-нибудь мѣру, требующую увеличенія государственныхъ расходовъ, а слѣдовательно и налоговъ—напр. хотя бы единовременное открытіе множества начальныхъ школъ. Придетъ ли въ голову „Московскимъ Вѣдомостямъ" разсуждать такимъ образомъ: никакой заслуги здѣсь нѣтъ, потому что все сводится къ нѣсколькимъ лишнимъ копѣйкамъ, взимаемымъ съ каждаго плательщика податей? Не поспѣшатъ ли онѣ, наоборотъ, прославить высокую мудрость, не отступающую передъ благодѣтельнымъ расходомъ? Гдѣ же, затѣмъ, основаніе прилагать къ мѣропріятіямъ земскимъ другой масштабъ, чѣмъ къ мѣропріятіямъ государственнымъ? Разница между ними, съ занимающей насъ точки зрѣнія, заключается только въ томъ, что земскій сборъ уплачивается именно тѣми, кто его установляетъ, и слѣдовательно самый фактъ

его установленія (если онъ идетъ на расходы необязательные) предполагаетъ нѣкоторое торжество гражданскаго чувства надъ внушеніями эгоизма.

In cauda venenum: самый внушительный, по ея мнѣнію, аргументъ реакціонная газета приберегла къ концу статьи. Признавая участіе мѣстныхъ жителей въ дѣлахъ своей мѣстности, „съ теоретической точки зрѣнія", желательнымъ, „Московскія Вѣдомости" выражаютъ сожалѣніе о томъ, что въ губерніяхъ, гдѣ введено земское положеніе, „собранія нерѣдко обнаруживаютъ стремленіе заниматься *не мѣстными* дѣлами и невнимательное отношеніе къ тому, что̀, казалось бы, ближе всего должно интересовать ихъ. *Когда удастся устранить это коренное зло, тогда только можно будетъ говорить о распространеніи дѣйствія положенія о земскихъ учрежденіяхъ, по возможности, на всю Россію*". Разсуждая такимъ образомъ, можно отложить ad calendas graecas распространеніе какой угодно реформы. Всякому учрежденію свойственны слабыя стороны—слабыя либо безусловно, т.-е. по мнѣнію всѣхъ и каждаго, либо относительно, т.-е. съ той или другой спеціальной точки зрѣнія. Сколько бы ни ждать, совершеннаго устраненія этихъ слабыхъ сторонъ — въ особенности послѣднихъ—никогда не дождешься. Болѣе чѣмъ странно было бы, поэтому, отлагать, напримѣръ, распространеніе суда присяжныхъ до тѣхъ поръ, пока перестанетъ встрѣчаться оправданіе сознавшихся подсудимыхъ, или расширеніе желѣзнодорожной сѣти—до тѣхъ поръ, пока не прекратятся несчастные случаи на желѣзныхъ дорогахъ. Менѣе чѣмъ гдѣ-либо выжидательная политика, рекомендуемая „Московскими Вѣдомостями", была бы умѣстна въ области земскаго хозяйства. Точной демаркаціонной черты между мѣстными и *не-мѣстными* дѣлами провести нельзя; множество вопросовъ одинаково легко можетъ быть отнесено какъ къ той, такъ и къ другой категоріи—а слѣдовательно и обвиненіямъ земства въ нарушеніи границъ, установленныхъ для его дѣятельности, никогда не будетъ конца, особенно со стороны тенденціозныхъ его противниковъ... Если, наконецъ, стремленіе земства „заниматься *не-мѣстными* дѣлами" не мѣшаетъ ему существовать внутри Россіи, то на какомъ же основаніи оно должно помѣшать введенію земскихъ учрежденій на окраинахъ государства? Неужели смутныхъ, неопредѣленныхъ опасеній достаточно для того, чтобы отложить sine die удовлетвореніе насущной нужды многомилліоннаго населенія?

Высочайше утвержденное 6-го мая мнѣніе государственнаго совѣта о ссудахъ на сельско-хозяйственныя улучшенія составляетъ, по

всей вѣроятности, только первый шагъ къ широкой организаціи такъ называемаго меліоративнаго кредита. Правила о ссудахъ установлены лишь на трехлѣтній срокъ. Ко времени истеченія этого срока министръ земледѣлія и госуд. имуществъ имѣетъ войти въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о томъ, на какія сельскохозяйственныя улучшенія можетъ быть распространено дѣйствіе правилъ, и вообще объ измѣненіяхъ въ нихъ, которыя „окажутся необходимыми сообразно указаніямъ опыта". Ссуды выдаются только на осушительныя, обводнительныя и оросительныя работы, на укрѣпленіе береговъ рѣкъ, овраговъ и сыпучихъ песковъ и на разведеніе плодовыхъ садовъ и виноградниковъ. Получать ссуды могутъ земства (если улучшеніе имѣетъ значеніе для цѣлой губерніи или цѣлаго уѣзда), отдѣльные землевладѣльцы и сельскія общества. Второй и третьей категоріямъ заемщиковъ ссуды могутъ быть выдаваемы или непосредственно, или по ходатайству и черезъ посредство земскихъ учрежденій. Въ послѣднемъ случаѣ отвѣтственность за возвратъ ссуды земскія учрежденія на себя не принимаютъ; отъ нихъ требуется только удостовѣреніе полезности улучшенія и установленіе ближайшаго надзора надъ его дѣйствительнымъ осуществленіемъ.—Не возражая, въ принципѣ, противъ ограниченія круга дѣйствій меліоративнаго кредита, такъ какъ оно имѣетъ лишь временный характеръ, мы думаемъ, однако, что критерій для выдачи ссудъ слѣдовало бы, на первое время, избрать другой, менѣе произвольный и случайный. Если обводнительныя и осушительныя работы, а также укрѣпленіе береговъ рѣкъ, овраговъ и сыпучихъ песковъ полезны, *въ большинствѣ случаевъ*, не только для того, кто ихъ предпринимаетъ, то этого никакъ нельзя сказать о разведеніи плодовыхъ садовъ и виноградниковъ. Трудно угадать, почему этому виду сельско-хозяйственныхъ улучшеній дано предпочтеніе передъ другими, болѣе важными—каковы, напр., усовершенствованіе породъ скота, распространеніе травосѣянія и т. п. Намъ кажется, что при незначительности средствъ, назначаемыхъ, на первое время, на меліоративный кредитъ (въ 1896 г.—только полъ-милліона), всего правильнѣе было бы пріурочить его исключительно къ улучшеніямъ, *имѣющимъ значеніе для цѣлой мѣстности*, все равно, въ чемъ бы они ни заключались. Нельзя не пожалѣть, затѣмъ, что къ числу получателей ссудъ не присоединены *товарищества*, составленныя изъ землевладѣльцевъ (и крестьянскихъ обществъ) именно съ цѣлью производства общеполезныхъ улучшеній. Такія товарищества широко распространены за-границей, въ особенности для работъ обводнительныхъ и осушительныхъ. При извѣстныхъ условіяхъ, участіе въ товариществѣ слѣдовало бы признать обязательнымъ для всѣхъ землевладѣльцевъ данной мѣстности. Только при

такихъ условіяхъ меліоративный кредитъ приведетъ къ крупнымъ результатамъ и замѣтно подниметъ народное благосостояніе.

Меліоративный кредитъ не пріуроченъ, по закону 6-го мая, къ какому-нибудь одному сословію или классу—и нужно надѣяться, что пользованіе имъ на практикѣ также не будетъ зависѣть отъ общественнаго положенія просителей. Что съ разныхъ сторонъ будутъ сдѣланы попытки нарушить основное начало новаго закона—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Присяжные ревнители сословныхъ интересовъ не перестаютъ изыскивать средства къ искусственной охранѣ дворянскаго землевладѣнія. Было время, когда усилія ихъ были направлены въ особенности къ удешевленію поземельнаго кредита; теперь они извѣрились въ этой панацеѣ и восклицаютъ, не стѣсняясь противорѣчіемъ съ прежними ихъ взглядами: „разсрочки, пониженіе платежей въ дворянскомъ банкѣ и тому подобныя мѣры могутъ, *очевидно*, только облегчить положеніе владѣльцевъ заложенныхъ имѣній, но, конечно, не остановятъ постепенную убыль дворянскихъ земель" („Московскія Вѣдомости", № 171). Нѣсколько времени тому назадъ въ газетахъ извѣстнаго лагеря много говорилось о необходимости запретить переходъ дворянскихъ имѣній къ лицамъ другихъ сословій; теперь указывается на то, что подобное запрещеніе „поставило бы въ безвыходное положеніе не только владѣльцевъ имѣній, но и кредитныя учрежденія, гдѣ громадное большинство этихъ имѣній заложено" („Московскія Вѣдомости" № 173). Между тѣмъ, „дворянское землевладѣніе должно исчезнуть, если не прекратится отчужденіе дворянскихъ земель въ руки другихъ сословій, или *если отчуждаемыя земли не будутъ замѣняться вновь пріобрѣтаемыми*". За невозможностью перваго исхода, „остается только разсмотрѣть, *нѣтъ ли какого-нибудь способа пополнить земли, выбывающія изъ дворянскаго землевладѣнія*". Само собою разумѣется, что на поставленный такимъ образомъ вопросъ тотчасъ же дается отвѣтъ утвердительный. Исходя изъ той мысли, что прежде практиковавшееся пожалованіе земель за службу замѣнено назначеніемъ пенсій, московская газета проектируетъ обратную замѣну пенсій — земельными пожалованіями. Правда,—замѣчаетъ она,—„пенсіи даются пожизненно, а пожалованное имѣніе переходитъ къ потомству; но различіе не такъ существенно, какъ оно можетъ показаться на первый взглядъ. Во-первыхъ, и пенсіи, хотя не въ полномъ размѣрѣ, продолжаются вдовамъ и несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пенсіонера; а во-вторыхъ, ограниченія эти вызваны очевидно необходимостью оградить государственное казначейство отъ черезчуръ обременительнаго расхода" (итакъ, еслибы у казначейства было побольше средствъ, то можно было бы продолжать уплату пенсіи ad infinitum, до

десятаго или двадцатаго поколѣнія?!). Такое сходство въ цѣляхъ пожалованія имѣній и назначенія пенсій наводитъ газету на мысль, „нѣтъ ли возможности нѣкотораго перехода отъ одного къ другому“? Допустимъ—продолжаетъ она, — что государство обладаетъ еще неограниченнымъ запасомъ свободныхъ земель, имѣющихъ, однако, положительную и болѣе или менѣе опредѣленную цѣнность: ясно, что для него безразлично, выдавать ли пенсіонеру пенсію въ извѣстномъ размѣрѣ въ теченіе числа лѣтъ, которое можетъ быть опредѣлено довольно точно посредствомъ статистики, или же выдать ему участокъ земли, проценты и погашеніе котораго равнялись бы размѣру ежегодно выдаваемой пенсіи“.—Нужно ли доказывать, что „запасъ свободныхъ земель“, которымъ располагаетъ у насъ государство, уже теперь очень и очень ограниченъ и что сохраненіе его необходимо въ виду увеличивающейся густоты населенія, соразмѣрно съ которой ростетъ потребность въ землѣ? Нужно ли доказывать, что меньше всего производительною земля окажется въ рукахъ отставного чиновника, никогда, быть можетъ, не имѣвшаго къ ней ни малѣйшаго отношенія и ни малѣйшей тяги? Нужно ли доказывать, что мѣра, прямо разорительная для государства, была бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне тягостна для самого „служилаго сословія“? Таковы ли, наконецъ, воспоминанія, сопряженныя съ системой пожалованій—начиная съ закрѣпощенія крестьянъ при Екатеринѣ II и Павлѣ I до уфимскихъ „хищеній“ недавняго времени,—чтобы можно было рекомендовать возвращеніе къ ней, въ болѣе или менѣе обновленной формѣ? Пускать въ оборотъ подобныя мысли можетъ только безцеремонное прожектерство, всѣмъ готовое пожертвовать въ интересахъ излюбленнаго меньшинства... А вотъ еще прожектъ, исходящій изъ того же источника („Моск. Вѣд.“; № 216): чтобы облегчить тяжесть банковаго долга, „имѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ можно раздѣлить пополамъ и одну половину взять въ казну, взамѣнъ лежащаго на оныхъ долга банку, а другую половину, очищенную отъ долга, оставить во владѣніи помѣщиковъ съ тѣмъ, чтобы она составляла неотчуждаемую собственность ихъ семействъ“. Какъ поступать, если половиною имѣнія не покрывается весь банковый долгъ (а не покрывается онъ ею почти никогда), что̀ дѣлать съ массою земель, сразу переходящихъ во владѣніе казны, какъ извлекать изъ нихъ доходъ, достаточный хотя бы для уплаты процентовъ по закладнымъ листамъ дворянскаго банка — объ этомъ авторъ прожекта очевидно и не помышляетъ; его интересуетъ только участь дворянъ, обремененныхъ банковымъ долгомъ. Настоящее мѣсто для всѣхъ подобныхъ измышленій — Щедринскій „Дневникъ провинціала въ Петербургѣ“.

Чтобъ исчерпать, съ нашей точки зрѣнія, вопросъ о преобразованіи суда присяжныхъ [1]), намъ остается только разсмотрѣть возможность и цѣлесообразность учрежденія, для нѣкоторыхъ дѣлъ, такъ называемыхъ *специальныхъ* присяжныхъ. За это учрежденіе высказался недавно (въ „Русской Мысли“ 1894 г.) профессоръ В. П. Даневскій. Онъ напомнилъ, что нѣчто въ этомъ родѣ проектировалось, въ 1862 г., государственной канцеляріей, предложившей распространеніе суда присяжныхъ на дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, но съ тѣмъ, чтобы присяжные избирались, въ подобныхъ случаяхъ, „изъ лицъ зрѣлаго возраста, съ обезпеченными средствами къ жизни, способныхъ къ обсужденію важности государственныхъ преступленій и точной силы письменныхъ доказательствъ, на которыхъ обыкновенно основывается обвиненіе въ этихъ дѣяніяхъ“. Избраніе такихъ присяжныхъ предполагалось предоставить „представителямъ сословныхъ управленій“, а за начальникомъ губерніи признать право исключать изъ списка всѣхъ тѣхъ, „въ благонадежности которыхъ онъ сомнѣвается“. Составленіе *особаго* списка присяжныхъ предполагалось возложить на комитетъ, составленный, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ уѣздныхъ предводителей, городскихъ головъ и мировыхъ судей. При разсмотрѣніи основныхъ положеній судебной реформы на мѣсто спеціальныхъ присяжныхъ былъ поставленъ судъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Законами 1878 и 1889 г. сфера дѣйствій этого суда была значительно расширена, въ ущербъ суду присяжныхъ. Суду съ сословными представителями подвѣдомственны въ настоящее время, помимо государственныхъ преступленій, преступленія противъ порядка управленія и должностныхъ лицъ, преступленія по должности, двоеженство и еще множество другихъ преступныхъ дѣяній, признаваемыхъ особенно опасными для общества или государства. Профессоръ Даневскій предлагаетъ возвратить бо́льшую часть этихъ дѣлъ въ вѣденіе обыкновеннаго суда присяжныхъ, а для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ и о важнѣйшихъ преступленіяхъ по должности, противъ порядка управленія и противъ должностныхъ лицъ создать спеціальный судъ присяжныхъ, пріурочивъ его по дѣламъ политическимъ—къ уголовному кассаціонному департаменту сената, по всѣмъ остальнымъ—къ окружнымъ судамъ. Въ списокъ спеціальныхъ присяжныхъ, по мнѣнію проф. Даневскаго, должны быть вносимы лица, достигшія 30 лѣтъ, получившія образованіе не ниже средняго и обладающія значительнымъ имущественнымъ цензомъ (понижающимся по мѣрѣ повышенія образованія) или занимающія

[1]) См. „Внутр. Обозр.“ за мартъ, май, іюнь и іюль.

должности по выборамъ или отъ правительства. Составлять этотъ списокъ долженъ судъ, на основаніи общаго списка присяжныхъ, дополненнаго по заявленіямъ правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій и по указаніямъ частныхъ лицъ.

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, проектъ профессора Даневскаго. Подкрѣпить его примѣромъ западно-европейскихъ законодательствъ авторъ не могъ, такъ какъ спеціальные присяжные, существующіе въ Англіи, не имѣютъ, въ сущности, ничего общаго съ спеціальными присяжными, предлагаемыми для Россіи [1]), а въ другихъ странахъ ихъ теперь нѣтъ вовсе. Это еще не значитъ, однако, чтобы мысль г. Даневскаго не заслуживала вниманія. Въ переходныя эпохи государственной и общественной жизни,—говоритъ г. Даневскій,—„когда судъ присяжныхъ не пользуется еще довѣріемъ правительства для всѣхъ дѣлъ, когда необходимо оберечь его отъ всякихъ случайностей и превратностей судьбы, учрежденіе спеціальныхъ присяжныхъ, обладая всѣми хорошими свойствами присяжнаго суда и не лишая подсудимаго существенныхъ гарантій правильно устроеннаго процесса, можетъ внушить къ себѣ бо́льшее довѣріе со стороны правительства—а это устраняетъ, до извѣстной степени, опасность перехода отъ общаго присяжнаго суда къ какой-либо формѣ судовъ чрезвычайныхъ и исключительныхъ... Наврядъ ли можно оспаривать два положенія: 1) чѣмъ образованнѣе присяжные, чѣмъ они независимѣе по положенію и средствамъ, тѣмъ бо́льшія они представляютъ гарантіи хорошаго суда; 2) имѣются дѣла такого рода, при обсужденіи и рѣшеніи которыхъ, какъ показалъ опытъ, обычный составъ присяжныхъ поставленъ въ большое затрудненіе, а въ нѣкоторыхъ, *хотя и рѣдкихъ*, случаяхъ—даже въ такое положеніе, при которомъ шансы на ошибочное или случайное рѣшеніе значительно увеличиваются. Весьма позволительно усомниться въ томъ, чтобы уѣздная сессія сѣрыхъ присяжныхъ могла съ успѣхомъ разобрать дѣло о злоупотребленіяхъ въ таганрогской таможнѣ [2]). Въ будущемъ, когда образованіе распространится въ массѣ, когда будетъ возможно нѣсколько повысить требованія, предъявляемыя ко всѣмъ вообще присяжнымъ, исчезнетъ, конечно, и необходимость въ спеціальныхъ присяжныхъ“. Доводы г. Даневскаго въ пользу спеціальнаго суда присяжныхъ распадаются, такимъ образомъ, на двѣ категоріи. Одни

---

[1]) Англійскіе спеціальные присяжные призываются гораздо чаще къ рѣшенію дѣлъ гражданскихъ, чѣмъ дѣлъ уголовныхъ; обращеніе къ нимъ зависитъ отъ желанія подсудимаго, но по дѣламъ о болѣе тяжкихъ преступленіяхъ оно не допускается вовсе.

[2]) Это дѣло разсматривалось въ Харьковѣ, составомъ присяжныхъ, въ которомъ особенно сильно былъ представленъ интеллигентный элементъ.

имѣютъ, если можно такъ выразиться, характеръ оппортунистическій (въ лучшемъ смыслѣ слова); считаясь съ положеніемъ дѣлъ въ данную минуту, съ предубѣжденіемъ противъ суда присяжныхъ, существующимъ въ руководящихъ сферахъ, они направлены къ тому, чтобы предупредить его ломку и возстановить или даже расширить его прежніе предѣлы. Отказать этимъ доводамъ въ значеніи и силѣ, по нашему мнѣнію, нельзя. Безспорно, спеціальный судъ присяжныхъ, во всемъ остальномъ устроенный и дѣйствующій по образцу обыкновеннаго, имѣетъ громадныя преимущества и передъ судомъ шеффенскимъ (т.-е. передъ соединеніемъ присяжныхъ и коронныхъ судей въ одну коллегію), и передъ судомъ короннымъ, и передъ судомъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Еслибы дѣла, въ настоящее время подвѣдомственныя суду съ участіемъ сословныхъ представителей (т.-е. какъ дѣла политическія, такъ и дѣла, перечисленныя въ законахъ 9 мая 1878 г. и 7 іюля 1889 г.), были переданы въ вѣденіе спеціальнаго суда присяжныхъ, организованнаго согласно съ проектомъ г. Даневскаго, это было бы существенной перемѣной къ лучшему, уже по той простой причинѣ, что менѣе удачную форму суда, чѣмъ судъ съ сословными представителями, трудно себѣ и представить [1]). Другая категорія доводовъ г. Даневскаго разсчитана не только на настоящее, но и на будущее, болѣе или менѣе продолжительное: она признаетъ спеціальный судъ присяжныхъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, не только цѣлесообразнымъ при условіяхъ переживаемой нами минуты, но и независимо отъ нихъ, впредь до широкаго распространенія образованія въ народной массѣ. Раздѣляя и здѣсь окончательное заключеніе г. Даневскаго, мы не вполнѣ согласны съ его аргументаціей. Онъ утверждаетъ, что „чѣмъ образованнѣе присяжные, чѣмъ они независимѣе по положенію и средствамъ, тѣмъ бòльшія они представляютъ гарантіи хорошаго суда". Еслибы это утвержденіе было справедливо, оно доказывало бы гораздо больше, чѣмъ хочетъ доказать г. Даневскій. „Гарантію хорошаго суда" нѣтъ причины пріурочивать только къ нѣкоторымъ разрядамъ преступленій; если такой гарантіей является образованность и независимость „по положенію и средствамъ", то удовлетворять этому требованію присяжные должны не по нѣкоторымъ только дѣламъ, а по всѣмъ, входящимъ въ кругъ ихъ вѣдомства. Другими словами, измѣненію должны подлежать самыя основы, на которыхъ зиждется теперь судъ присяжныхъ. Ничего подобнаго, какъ мы знаемъ, г. Даневскій не предлагаетъ; ни въ чемъ подобномъ и не предстоитъ

---

[1]) Мы не приводимъ здѣсь доказательствъ этой мысли, потому что нѣсколько разъ имѣли случай развивать ее въ нашихъ прежнихъ обозрѣніяхъ и хроникахъ.

надобности. Насколько желательна и полезна наличность въ средѣ присяжныхъ образованнаго элемента, настолько ненужнымъ и даже вреднымъ было бы установленіе высокаго образовательнаго ценза для *всѣхъ* присяжныхъ. Судъ присяжныхъ пересталъ бы тогда быть *народнымъ* судомъ и сдѣлался бы судомъ одного класса надъ другими; исчезли бы всѣ преимущества, связанныя именно съ его всесословнымъ характеромъ. Что касается до *независимости* суда присяжныхъ, то она обусловливается не общественнымъ положеніемъ и не матеріальными средствами лицъ, его образующихъ, а отношеніемъ къ нему законодательства и практики—правильною организаціей учрежденій, составляющихъ списки присяжныхъ, ограниченіемъ вліянія коронныхъ судей, сохраненіемъ тайны совѣщаній, юридическою и фактическою безотвѣтственностью присяжныхъ и т. п. Вполнѣ основателенъ, за то, второй главный тезисъ г. Даневскаго: „имѣются дѣла, при обсужденіи и рѣшеніи которыхъ обычный составъ присяжныхъ поставленъ въ большое затрудненіе". Здѣсь мы идемъ даже нѣсколько дальше г. Даневскаго, предлагающаго спеціальный судъ присяжныхъ только для нѣкоторыхъ изъ числа дѣлъ, теперь подвѣдомственныхъ суду съ участіемъ сословныхъ представителей. Такое ограниченіе его компетенціи было бы совершенно понятно, еслибы единственнымъ побужденіемъ къ его созданію было желаніе положить конецъ суду сословныхъ представителей; но если въ пользу учрежденія спеціальнаго суда присяжныхъ говоритъ, между прочимъ, трудность и сложность иныхъ уголовныхъ дѣлъ, то не логично устранять этотъ признакъ при опредѣленіи сферы дѣйствій спеціальныхъ присяжныхъ. Дѣла о подлогѣ (не-служебномъ), о мошенничествѣ, о злостномъ банкротствѣ, о растратѣ (не-банковой и не-служебной) подсудны въ настоящее время суду присяжныхъ; между тѣмъ, именно въ числѣ этихъ дѣлъ всего чаще встрѣчаются такія, разрѣшеніе которыхъ можетъ представить особыя затрудненія для обыкновеннаго состава присяжныхъ. Намъ казалось бы, поэтому, наиболѣе правильнымъ отнести къ вѣдомству спеціальнаго суда присяжныхъ тѣ дѣла изъ числа вышеозначенныхъ категорій, по отношенію къ которымъ это признаетъ нужнымъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, судебная палата. Постановляя опредѣленіе о преданіи суду, палата всего лучше можетъ рѣшить, выдѣляется ли данное дѣло, по запутанности обстоятельствъ или по трудности возникающихъ въ немъ вопросовъ, изъ массы уголовныхъ дѣлъ и должно ли оно сообразно съ этимъ получить дальнѣйшее направленіе въ общемъ или въ спеціальномъ порядкѣ.

Нѣсколько раздвигая, сравнительно съ г. Даневскимъ, сферу дѣйствій спеціальнаго суда присяжныхъ, мы расходимся съ почтеннымъ

профессоромъ по вопросу о способѣ образованія этого суда. Безусловно требуя отъ спеціальныхъ присяжныхъ образованія не ниже средняго, г. Даневскій совершенно устраняетъ изъ ихъ состава *элементъ народный*, безъ котораго, собственно говоря, немыслимъ настоящій судъ присяжныхъ. Намъ кажется, что разница между обыкновеннымъ и спеціальнымъ судомъ присяжныхъ должна заключаться только въ *мѣрѣ* участія образованныхъ людей, болѣе значительной въ послѣднемъ, чѣмъ въ первомъ. Въ списокъ спеціальныхъ присяжныхъ слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, вносить извѣстный процентъ лицъ, получившихъ высшее или среднее образованіе (напр.— не менѣе половины общаго числа), а остальныхъ избирать, на основаніи общаго списка, изъ представителей другихъ общественныхъ классовъ. Еслибы въ составъ присутствія по данному дѣлу, подсудному спеціальнымъ присяжнымъ, вошли, по жребію, исключительно или преимущественно лица второй категоріи, то слѣдовало бы производить новую жеребьевку, пока не было бы достигнуто извѣстное отношеніе (напр.—равенство) между обоими элементами. Въ одномъ изъ предыдущихъ обозрѣній [1]) мы высказались въ пользу составленія нѣсколькихъ списковъ, между которыми присяжные распредѣлялись бы по степени образованія, съ тѣмъ, чтобы въ составъ присутствія входило каждый разъ извѣстное число лицъ изъ каждаго списка. Еслибы эта мысль получила осуществленіе на практикѣ, вся разница между присутствіями обыкновеннымъ и спеціальнымъ могла бы быть сведена къ тому, что въ послѣднемъ процентъ образованныхъ лицъ былъ бы обязательно болѣе высокій, чѣмъ въ первомъ.

Кромѣ высокаго образовательнаго ценза, г. Даневскій предлагаетъ установить для спеціальныхъ присяжныхъ еще особыя условія возраста и имущественнаго положенія. Повышеніе возрастнаго ценза съ 25 до 30 лѣтъ не возбуждаетъ серьезныхъ возраженій, хотя едва ли представляется необходимымъ. Другое дѣло—требованіе *значительнаго* имущественнаго ценза (или, что все равно, занятія крупной служебной должности): оно обратило бы спеціальныхъ присяжныхъ въ представителей не только одного общественнаго класса, но одной, сравнительно небольшой, его группы. Мы имѣли уже случай замѣтить, что ни общественное положеніе, ни матеріальныя средства не могутъ считаться добавочной гарантіей независимости присяжныхъ. Присутствіе спеціальныхъ присяжныхъ, составленное согласно указаніямъ г. Даневскаго, было бы, въ большинствѣ случаевъ, слишкомъ однородно, слишкомъ одноцвѣтно; отъ него нельзя было бы ожидать того широкаго житейскаго опыта, который составляетъ одну

---

[1]) См. „Вѣстн. Европы“ за іюль, стр. 413—414.

изъ сильныхъ сторонъ обыкновеннаго суда присяжныхъ. Быть можетъ, впрочемъ, есть дѣла (напр., о государственныхъ преступленіяхъ), по которымъ спеціальный судъ присяжныхъ *практически* осуществимъ *въ настоящую минуту* только подъ условіемъ значительнаго имущественнаго ценза, какъ ручательства въ „благонадежности" присяжныхъ. По отношенію къ такимъ дѣламъ вопросъ ставится такъ: что̀ лучше—дѣйствующій ли порядокъ, предоставляющій ихъ рѣшенію суда съ участіемъ сословныхъ представителей, или спеціальный судъ присяжныхъ, въ составѣ, проектируемомъ г. Даневскимъ? Лучше, несомнѣнно, послѣдній—но такъ какъ онъ самъ по себѣ несвободенъ отъ крупныхъ недостатковъ, то область дѣйствія его должна быть ограничена возможно тѣсными предѣлами... Замѣтимъ, въ заключеніе, что въ случаѣ учрежденія у насъ спеціальнаго суда присяжныхъ по дѣламъ политическимъ, къ вѣдомству этого суда могли бы быть отнесены и проступки печати (преслѣдуемые въ порядкѣ публичнаго обвиненія), съ освобожденіемъ печати отъ каръ административныхъ. Мы очень хорошо помнимъ, что Салтыковъ, возражая противъ личной отвѣтственности писателей, допускалъ судъ по дѣламъ печати лишь „обыкновенный, такой же, какъ для татей"; но съ тѣхъ поръ обстоятельства перемѣнились, и теперь едва ли кто-нибудь усомнится въ томъ, что для развитія русской печати даже спеціальный, очень спеціальный судъ былъ бы условіемъ несравненно болѣе благопріятнымъ, чѣмъ полновластіе администраціи.

Резюмируемъ все сказанное нами о судѣ присяжныхъ. Преобразованія въ устройствѣ и дѣятельности этого суда распадаются, въ нашихъ глазахъ, на три категоріи—вредныхъ, излишнихъ или неудобныхъ, и желательныхъ или необходимыхъ. Къ первой категоріи мы относимъ: 1) соединеніе присяжныхъ и коронныхъ судей въ одну коллегію, на подобіе суда шеффеновъ; 2) предоставленіе предсѣдательствующему на судѣ „руководительнаго участія" въ совѣщаніи присяжныхъ, все равно, обязательнаго или факультативнаго, по приглашенію самихъ присяжныхъ; 3) предоставленіе предсѣдательствующему права открыто выражать свое мнѣніе о виновности или невиновности подсудимаго; 4) предоставленіе коронному суду права отмѣнять оправдательные вердикты присяжныхъ, на томъ же основаніи, на какомъ могутъ быть отмѣняемы имъ теперь, по ст. 818 уст. угол. судопр., вердикты обвинительные, и 5) изъятіе изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ дѣлъ, по которымъ имѣется на лицо сознаніе подсудимаго. Ко второй категоріи принадлежатъ: 1) предоставленіе присяжнымъ права избирать старшину изъ лицъ, не вошедшихъ въ составъ присутствія; 2) ограниченіе права отвода, если пользованіе имъ направлено къ устраненію изъ состава присутствія людей интел-

лигентныхъ; 3) составленіе по каждому дѣлу особой „програмы" для преній присяжныхъ, и 4) участіе присяжныхъ, вмѣстѣ съ коронными судьями, въ опредѣленіи размѣра наказанія. Къ третьей категоріи, наконецъ, слѣдуетъ отнести: 1) ознакомленіе присяжныхъ съ наказаніемъ, къ которому, въ случаѣ произнесенія обвинительнаго вердикта, можетъ подвергнуться подсудимый; 2) разрѣшеніе присяжнымъ брать съ собой въ комнату для совѣщаній акты слѣдственнаго производства, оглашенные на судѣ за силою ст. 687 уст. угол. суд., а также вещественныя доказательства и научныя сочиненія, на которыя были сдѣланы ссылки во время преній; 3) предоставленіе присяжнымъ права ходатайствовать передъ Высочайшею властью о смягченіи наказанія или о совершенномъ помилованіи подсудимаго; 4) измѣненіе условій, дающихъ право быть присяжнымъ, на основаніяхъ, подробно изложенныхъ нами въ іюльскомъ обозрѣніи; 5) возложеніе на каждаго, имѣющаго право быть присяжнымъ, *обязанности* заявить о томъ учрежденію или лицу, составляющему общій списокъ присяжныхъ; 6) предоставленіе присяжнымъ права на вознагражденіе, которымъ покрывались бы расходы, сопряженные съ исполненіемъ этой обязанности и, наконецъ, 7) учрежденіе спеціальнаго суда присяжныхъ, въ тѣхъ предѣлахъ и при тѣхъ условіяхъ, которыя указаны нами выше.

Когда мы говорили, въ іюльскомъ обозрѣніи, о статьѣ г. Закревскаго: „Въ заключеніе преній о судѣ присяжныхъ", мы имѣли въ виду только двѣ первыя части этой статьи, напечатанныя въ №№ 41 и 42 „Юридической Газеты". Въ послѣдней ея части (№ 43), дошедшей до насъ, по случайнымъ причинамъ, гораздо позже, г. Закревскій обращается лично къ намъ и упрекаетъ насъ въ пристрастіи, въ умышленномъ непониманіи его словъ, въ оставленіи безъ вниманія даже тѣхъ его мыслей, къ которымъ мы не могли не отнестись „нѣсколько одобрительно". Какія это мысли—авторъ не объясняетъ; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что онъ имѣетъ въ виду отрицательное отношеніе его къ „административнымъ мѣропріятіямъ, направленнымъ противъ личной свободы и тѣлесной неприкосновенности". Отсылаемъ его, въ такомъ случаѣ, къ послѣдней страницѣ нашего мартовскаго обозрѣнія, на которой приведены его подлинныя слова по этому вопросу и выражено полное согласіе съ ними. Непониманіе нами его словъ г. Закревскій доказываетъ только ссылкою на то, что онъ допускалъ возможность причинной связи между неправильными дѣйствіями должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства и неправильнымъ вердиктомъ присяжныхъ—а мы приписываемъ ему, будто бы, стремленіе безусловно обѣлить первыхъ и во всемъ обви-

нить послѣднихъ. Это не такъ: на стр. 363 нашего майскаго обозрѣнія мы прямо говоримъ, что г. Закревскій признаетъ, въ одномъ мѣстѣ своей брошюры, тѣсную связь между вердиктомъ и предшествующей судебной процедурой—и указываемъ только на противорѣчіе, въ которое онъ по этому вопросу впадаетъ съ самимъ собою.

Во всемъ написанномъ г. Закревскимъ о судѣ присяжныхъ, начиная съ декабря прошлаго года, слышится сильнѣйшее раздраженіе противъ какихъ-то „записныхъ любителей“ или „спасителей“ суда присяжныхъ, у которыхъ „черты лица въ пуху“, но которые, тѣмъ не менѣе, имѣютъ „наивныхъ поклонниковъ обоего пола“. Обвиняются эти „первосвященники“ преимущественно въ „кассаціонныхъ придиркахъ“, т.-е. въ придумываніи искусственныхъ поводовъ къ отмѣнѣ оправдательнаго вердикта, если онъ вызываетъ неудовольствіе въ обществѣ и въ оффиціальныхъ сферахъ. Мы пригласили г. Закревскаго назвать тѣ кассаціонныя рѣшенія, въ которыхъ выразились, будто бы, эти „придирки“. И дѣйствительно, первое условіе правильнаго спора—точное опредѣленіе его предмета. Пока неизвѣстно, какія именно рѣшенія имѣетъ въ виду г. Закревскій, до тѣхъ поръ, очевидно, вопросъ о „придиркахъ“ не можетъ выйти изъ области предположеній и догадокъ, рѣшительно ни къ чему не ведущихъ: вѣдь нельзя же разобрать подъ рядъ всѣ кассаціонныя рѣшенія по дѣламъ наиболѣе важнымъ. Вмѣсто того, чтобы отнестись къ нашему приглашенію такъ, какъ оно было сдѣлано — просто и прямо,— г. Закревскій старается проникнуть въ его мотивы и приписываетъ намъ намѣреніе „защитить опредѣленныхъ лицъ“, связанныхъ съ нами личной дружбой. Мы не послѣдуемъ за нимъ на почву личностей; мы убѣждены, что, перечитавъ нѣкоторыя мѣста своей послѣдней статьи, въ особенности приведенную въ ней легенду о Касторѣ и Поллуксѣ, самъ г. Закревскій пожалѣлъ или пожалѣетъ о страстномъ порывѣ, заставившемъ его прибѣгнуть къ подобнымъ полемическимъ пріемамъ. Замѣтимъ только одно: припоминая, мысленно, кассаціонныя рѣшенія по дѣламъ сенсаціоннымъ, мы не шли дальше послѣднихъ лѣтъ и, конечно, не восходили къ концу семидесятыхъ годовъ, т.-е. ко времени воспослѣдованія того рѣшенія, на которое, повидимому, намекаетъ г. Закревскій, удивляясь, что оно не претитъ нашей „политической совѣсти“...

Въ концѣ статьи г. Закревскаго затронутъ вопросъ о возможности введенія суда присяжныхъ въ Сибири. Въ нашемъ утвердительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ г. Закревскій усматриваетъ желаніе „призвать тунгузовъ, якутъ, эскимосовъ, потомковъ бѣглыхъ, ссыльнопоселенцевъ, каторжниковъ и др. къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей“. „Подумалъ ли авторъ о томъ,—восклицаетъ

г. Закревскій,—что учрежденія, прекрасно дѣйствующія въ странахъ цивилизованныхъ, могутъ дать совершенно иные результаты въ мѣстностяхъ дикихъ (слѣдуетъ ссылка на Индію, гдѣ англичанами до сихъ поръ не введенъ судъ присяжныхъ)? "Принялъ ли въ соображеніе авторъ, что его рискованное предложеніе можетъ имѣть послѣдствіемъ то, что судъ присяжныхъ будетъ затѣмъ по неволѣ скоро закрытъ въ Сибири, среди общаго хохота?" Читая эти слова, лица мало знакомыя съ нашимъ судебнымъ строемъ могутъ подумать, что присяжные выбираются у насъ по жребію изъ всей массы населенія, безъ всякихъ условій и ограниченій. Но вѣдь г. Закревскій не принадлежитъ къ числу такихъ лицъ; ему очень хорошо извѣстно, что присяжными у насъ могутъ быть только люди, знающіе русскій языкъ, умѣющіе читать по-русски и обладающіе опредѣленнымъ имущественнымъ или служебнымъ цензомъ—и притомъ далеко не всѣ, удовлетворяющіе этимъ требованіямъ, а только тѣ, которые будутъ включены особой коммиссіей въ очередной списокъ присяжныхъ засѣдателей. „Дикари" или даже полу-дикари ни въ какомъ случаѣ, слѣдовательно, присяжными быть не могутъ. Если тунгузъ или якутъ будетъ включенъ въ очередной списокъ присяжныхъ, то это будетъ означать, что онъ способенъ исполнять обязанности присяжнаго—и ничего смѣшного его присутствіе въ средѣ присяжныхъ представлять не будетъ. Что касается до *потомковъ* бѣглыхъ поселенцевъ и каторжниковъ, то мы не совсѣмъ понимаемъ, на какомъ основаніи г. Закревскій не признаетъ за ними права или способности быть присяжными? Развѣ дѣти и внуки отвѣчаютъ за грѣхи родителей и предковъ, развѣ потомки бѣглыхъ и ссыльныхъ отличаются хоть въ чемъ-нибудь, по своему общественному положенію, отъ другихъ лицъ одного съ ними сословія или класса? Наконецъ, развѣ Сибирь—„дикая мѣстность"? Въ ней есть нѣсколько дикихъ мѣстностей—но жителей ихъ можно было бы, какъ уже замѣчено въ нашемъ іюньскомъ обозрѣніи, и вовсе не призывать въ число присяжныхъ... Что въ нашемъ мнѣніи о возможности введенія въ Сибири суда присяжныхъ нѣтъ ничего экстравагантнаго—лучшимъ доказательствомъ этому служатъ приведенныя нами въ іюльскомъ обозрѣніи слова государственнаго совѣта: *„въ недалекомъ будущемъ наступитъ, быть можетъ, пора, когда представится возможность устроить судъ присяжныхъ если не въ большей части Сибири, то хотя бы въ западныхъ ея губерніяхъ"*.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1896 г.

Благопріятные признаки настроенія въ Европѣ, въ связи съ путешествіемъ Государя Императора.—Наши отношенія съ Австро-Венгріею.—Новое подтвержденіе франко-русскаго союза. — Событія въ Турціи и роль дипломатіи. — Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій †. — Внутреннія дѣла въ Германіи.—Колоніальныя дѣла.

Заграничное путешествіе Государя Императора обсуждается съ разныхъ точекъ зрѣнія во всей европейской печати, и повсюду оно признается весьма важнымъ признакомъ благопріятнаго международнаго положенія въ Европѣ. При той политической роли, которую издавна играетъ Россія, твердое убѣжденіе въ русскомъ миролюбіи есть само по себѣ одинъ изъ существенныхъ элементовъ общаго мира. Наибольшее вниманіе обращаютъ на себя два обстоятельства: во-первыхъ, посѣщеніе Вѣны раньше другихъ западно-европейскихъ столицъ и особенная сердечность манифестацій, вызванныхъ этимъ событіемъ, и, во-вторыхъ, предстоящее пребываніе Ихъ Величествъ во Франціи и въ Парижѣ. Вѣнскія празднества 15-го—17-го августа имѣли не только оффиціальный, но и общественный и общенародный характеръ; онѣ сопровождались заявленіями сочувствія со стороны всѣхъ классовъ разноплеменнаго населенія Австро-Венгріи,—и только потому, что сближеніе съ Россіею открываетъ перспективу болѣе прочнаго и долговѣчнаго мира. Взаимное недовѣріе между двумя сосѣдними имперіями не прекращалось со времени русско-турецкой войны, несмотря на внѣшнее сохраненіе дружескихъ и даже союзныхъ связей, которыя искусственно поддерживались подъ вліяніемъ Берлина. Соперничество на европейскомъ юго-востокѣ значительно ослабѣло въ послѣдніе годы, благодаря сдержанной и отчасти пассивной политикѣ нашей дипломатіи; мы не вмѣшивались ни въ болгарскія, ни въ сербскія дѣла, даже въ періодъ владычества Стамбулова въ Болгаріи и во время политическихъ интригъ бывшаго короля Милана въ Сербіи, — и враждебные толки по неволѣ должны были затихнуть по недостатку матеріала. Однако политика бездѣйствія и пассивности всегда допускаетъ возможность подозрѣній; она кажется лишь выжидательною, скрывающею въ себѣ невѣдомые замыслы, и чувство неопредѣленной тревоги легко прорывается наружу при малѣйшихъ перемѣнахъ въ ходѣ международныхъ дѣлъ, иногда даже по поводу какихъ-нибудь случайныхъ газетныхъ статей, принимае-

мыхъ за серьезные отголоски общественнаго мнѣнія. Послѣдовавшее недавно признаніе принца Фердинанда законнымъ болгарскимъ княземъ было первымъ положительнымъ шагомъ Россіи на встрѣчу Австро-Венгріи въ области такъ-называемаго восточнаго вопроса. Наши отношенія съ монархіею Габсбурговъ постепенно упрощались, подготовляя почву для той оффиціальной близости, которая одна только могла вполнѣ успокоить австрійцевъ и мадьяръ. Австро-Венгрія и Германія, какъ сосѣднія съ Россіею великія державы, должны были прежде другихъ государствъ получить визитъ русскаго Государя, а положеніе императора Франца-Іосифа, какъ старѣйшаго изъ континентальныхъ монарховъ, давало первенство Вѣнѣ предъ Берлиномъ. Какъ ни естественны мотивы этого преимущества, выпавшаго на долю австрійской столицы, оно во всякомъ случаѣ усиливало значеніе вѣнскихъ торжествъ въ глазахъ народовъ и правительствъ Австро-Венгріи; простой актъ международной вѣжливости превращался, такимъ образомъ, въ доказательство искренняго желанія жить въ мирѣ и дружбѣ съ имперіею, которая до сихъ поръ считалась главнѣйшею соперницею нашею на Балканскомъ полуостровѣ.

Разумѣется, личныя свиданія государей и ихъ министровъ не устраняютъ разногласій, вытекающихъ изъ противоположности или различія интересовъ; но возможно большее общеніе представляетъ вѣрнѣйшій способъ предупредить столкновенія и кризисы, одинаково нежелательные для обѣихъ сторонъ. Дружеское воздѣйствіе на чужіе кабинеты облегчаетъ мирное достиженіе опредѣленныхъ политическихъ цѣлей, путемъ своевременныхъ компромиссовъ, безъ которыхъ не обходится никакая активная политика; система же замкнутости и чрезмѣрнаго воздержанія даетъ пищу недовѣрію даже тогда, когда послѣднее въ дѣйствительности ничѣмъ не оправдывается. Всеобщая жажда прочнаго мира находитъ свое удовлетвореніе въ мысли, что Россія избѣгаетъ политической обособленности, не ищетъ спеціальныхъ союзовъ и вступаетъ въ близкія дружескія связи съ державами, отъ которыхъ ее отдѣляетъ несомнѣнный антагонизмъ интересовъ въ недавнемъ прошломъ. Фактическій союзъ съ Франціею окончательно пріобрѣлъ значеніе „лиги мира“, и въ этомъ смыслѣ онъ служитъ такою же опорою миролюбія, какою прежде выставлялась тройственная средне-европейская лига съ Германіею во главѣ. Обѣ лиги въ настоящее время свободны отъ всякихъ воинственныхъ примѣсей; въ сущности онѣ дополняютъ одна другую и образуютъ, быть можетъ, основу будущей международной организаціи, которая обезпечитъ правильное совмѣстное обсужденіе и разрѣшеніе общихъ европейскихъ вопросовъ, въ родѣ турецкаго.

Франко-русскій такъ-называемый союзъ настолько выяснилъ свой

невинный характеръ, что онъ не можетъ уже возбуждать опасенія ни въ Германіи, ни въ Австро-Венгріи. Пріѣздъ русскаго Государя во Францію будетъ только новымъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ существующаго, всѣми признаннаго факта. Республиканская форма правленія дѣлаетъ весь французскій народъ участникомъ сближенія, которое при монархіи было бы дѣломъ двора и правительства. Вмѣсто свиданія правителей, мы видимъ здѣсь какъ бы свиданіе монарха съ цѣлымъ дружественнымъ народомъ. Это обстоятельство придаетъ исключительный интересъ предстоящимъ французскимъ празднествамъ и манифестаціямъ. Старый предразсудокъ, что монархія не можетъ сблизиться съ республикою на равныхъ правахъ, опровергается теперь нагляднѣйшимъ образомъ. Внѣшнія связи не касаются внутреннихъ различій государственнаго строя; каждая страна держится такихъ порядковъ, какіе признаетъ для себя подходящими, и то, что намъ представляется зломъ, можетъ быть благомъ для другихъ. Этотъ принципъ полной политической терпимости вошелъ въ общее сознаніе только въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій; онъ получилъ особенную практическую важность съ тѣхъ поръ, какъ одна изъ могущественныхъ державъ Европы установила у себя республику. Первое торжественное примѣненіе этого принципа мы видѣли во время кронштадтскихъ и тулонскихъ празднествъ, когда пѣніе русскаго гимна чередовалось съ пѣніемъ „Марсельезы"; болѣе блестящій примѣръ представитъ пребываніе Государя Императора среди ликующей массы французскихъ республиканцевъ. Президентъ республики будетъ встрѣчать и привѣтствовать Государя отъ имени французской націи; главнымъ дѣйствующимъ лицомъ будетъ при этомъ собственно не Феликсъ Форъ, а сама эта нація, которой онъ служитъ временнымъ представителемъ. Равноправность государствъ оттѣсняетъ на задній планъ вопросъ о неравноправности правителей. Русскіе патріоты, приверженцы французскаго союза, большею частью не скрываютъ своихъ антипатій къ французской республикѣ; но дружба и союзъ были бы невозможны, еслибы оцѣнка чужихъ учрежденій играла какую-нибудь роль въ политическихъ комбинаціяхъ. Впрочемъ, многіе французскіе республиканцы стараются быть имперіалистами по отношенію къ Россіи, и это имъ удается иногда въ совершенствѣ.

Нечего и говорить, что для Франціи визитъ русскаго Государя будетъ крупнымъ политическимъ событіемъ; но онъ не останется безъ вліянія и на общее международное положеніе въ Европѣ. Все, что сближаетъ между собою народы, что смягчаетъ шероховатости въ человѣческихъ отношеніяхъ, дѣйствуетъ благотворно, и доказанная на опытѣ возможность близкой дружбы между монархическою державою и республикою можетъ побудить и Германію искать сближенія

съ Франціею. Необходимость большей солидарности между различными европейскими государствами въ вопросахъ общаго интереса никогда не чувствовалась такъ сильно, какъ въ настоящее время. На глазахъ дипломатіи происходитъ непрерывная рѣзня турокъ съ армянами и кандіотами; въ самой столицѣ Турціи водворяется кровавая анархія: армяне, доведенные до отчаянія, рѣшаются на отчаянные подвиги; небольшая кучка армянъ среди бѣлаго дня овладѣваетъ Оттоманскимъ банкомъ, держитъ его двое сутокъ въ своей власти и сдается иностраннымъ представителямъ подъ условіемъ надежной иноземной охраны для безпрепятственнаго отъѣзда за границу. Захватъ банка армянами, 26-го (14) августа, совершился при такихъ обстоятельствахъ, которыя исключали мысль о покушеніи на денежные капиталы банка; армяне убили сторожей, закрыли всѣ входныя двери и стали стрѣлять изъ оконъ въ полицію; они почти публично заняли помѣщеніе банка и никакъ не могли думать о томъ, что ихъ выпустятъ оттуда живыми. Очевидно, цѣлью ихъ было произвести извѣстное впечатлѣніе на вліятельную иностранную колонію и на европейскую дипломатію, чтобы вызвать болѣе энергическое вмѣшательство въ турецко-армянскія дѣла; такъ объясняли потомъ нѣкоторые изъ участниковъ, и это объясненіе вполнѣ соотвѣтствуетъ исключительной роли Оттоманскаго банка въ Константинополѣ. Задѣть финансы и биржу — значило возбудить общее вниманіе и волненіе, а для армянъ было важно показать всему свѣту, что турки далеко не покончили съ армянскимъ вопросомъ, хотя и вырѣзали нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ въ разныхъ мѣстахъ. Вслѣдъ за захватомъ банка армянами возникли безпорядки и серьезныя стычки въ армянскихъ кварталахъ города; уличныя замѣшательства и волненія продолжались нѣсколько дней; толпы вооруженныхъ мусульманъ нападали, грабили, убивали, при полномъ бездѣйствіи или безсиліи турецкихъ властей; полицейскіе служители и солдаты отчасти сами участвовали въ преслѣдованіи попадавшихся армянъ, и избіеніе происходило иногда буквально на глазахъ дипломатовъ, какъ показываетъ случай съ драгоманомъ русскаго посольства, г. Максимовымъ. Послѣдній лично задержалъ на улицѣ нѣсколькихъ турокъ, убившихъ армянина, и не могъ уговорить ближайшее начальство арестовать ихъ; убійства и грабежи считаются дозволенными, когда жертвы ихъ принадлежатъ къ непокорному племени. Столица Турціи можетъ вдругъ очутиться въ распоряженіи башибузуковъ; элементарныя условія безопасности и порядка отсутствуютъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ и красивѣйшихъ пунктовъ земного шара. Возмутительныя безчинства разоряютъ и губятъ множество людей въ резиденціи султана; мусульмане бросаются на невинныхъ обывателей, торговцевъ и

рабочихъ, въ отместку за поступки отдѣльныхъ армянъ. Газетныя телеграммы опредѣляютъ число убитыхъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, даже до тысячъ; точныя цифры въ подобныхъ случаяхъ не могутъ быть установлены.

Что же дѣлаетъ въ это время дипломатія, имѣющая своихъ видныхъ представителей въ Константинополѣ? Она хлопочетъ о Критѣ, согласно полученнымъ ранѣе инструкціямъ, вручаетъ Портѣ одну ноту за другою, требуетъ возстановленія порядка и хорошаго управленія; она вынуждена въ сотый разъ повторять одни и тѣ же безполезные совѣты, предъявлять одни и тѣ же требованія, въ неосуществимости которыхъ при турецкомъ режимѣ заключается весь корень вопроса. Скучно становится слѣдить за однообразною смѣною дипломатическихъ проектовъ и правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ устраненію или облегченію зла. На островѣ Критѣ еще далеко не исчерпана обычная программа: для контроля надъ дѣйствіями Абдулла-паши посланъ былъ Георгій Беровичъ-паша, но вмѣсто контроля было только отдѣленіе военной расправы отъ административныхъ дѣйствій и обѣщаній; вмѣсто Абдулла-паши назначенъ былъ другой паша, а затѣмъ посланъ еще высшій паша въ сопровожденіи греческаго помощника,—Зихни-паша и Иніадисъ-эффенди,—для переговоровъ съ критскими депутатами и для изслѣдованія общаго положенія дѣлъ на островѣ, т.-е. для исполненія задачи, которая уже возложена была на Георгія Беровича-пашу. Нагромождая одно мѣропріятіе на другое, смѣняя одно назначеніе другимъ, Порта заранѣе уничтожаетъ возможность достигнуть чего-нибудь опредѣленнаго въ области мирныхъ воздѣйствій, а тѣмъ временемъ кровавыя насилія идутъ своимъ чередомъ, въ качествѣ неизбѣжныхъ послѣдствій военнаго положенія. Великія культурныя державы обладаютъ всѣми нужными средствами, чтобы прекратить эти безобразія; но общее согласіе легко достигается только на почвѣ отрицательной и съ большимъ трудомъ можетъ быть обезпечено для малѣйшаго положительнаго шага. Нѣмецкія и австрійскія газеты рѣзко обвиняли Англію за нарушеніе будто бы единодушія европейскихъ кабинетовъ; но выражалось ли это единодушіе въ чемъ-нибудь практическомъ и цѣлесообразномъ, что́ заслуживало бы общаго одобренія? Можно ли жалѣть о томъ, что Англія отвергла проектъ блокады Крита, предложенный Австро-Венгріею? Окружить злосчастный островъ броненосцами, для прекращенія подвоза оружія, — значило бы прежде всего облегчить для турокъ расправу съ возставшими жителями; Англія не пожелала „играть роль жандарма для Турціи", и несправедливо нападать за это на англичанъ. Косвенно помочь туркамъ придушить критское возстаніе и оставить затѣмъ островъ подъ турецкою властью,

не сдѣлавъ ничего реальнаго въ пользу критянъ, — идея мало соблазнительная сама по себѣ, и трудно было связывать ее съ вопросомъ объ устройствѣ судьбы Кандіи для избѣжанія частныхъ кровопролитій и возстаній.

Серьезныя задачи предстоятъ еще дипломатіи въ области турецкихъ дѣлъ, и участіе талантливыхъ дипломатическихъ дѣятелей болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимо для успѣшнаго хода дальнѣйшихъ переговоровъ по этимъ труднымъ и щекотливымъ вопросамъ.

При такихъ обстоятельствахъ особенно чувствительна потеря, понесенная Россіею въ лицѣ неожиданно скончавшагося руководителя нашей иностранной политики, князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Покойный былъ въ теченіе многихъ лѣтъ представителемъ русскихъ интересовъ въ Константинополѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ,—въ трехъ главныхъ центрахъ дипломатической дѣятельности по восточному вопросу; наибольше времени провелъ онъ въ австрійской столицѣ — около тринадцати лѣтъ, и едва ли найдется въ Европѣ дипломатъ, который могъ бы соперничать съ нимъ въ знаніи всѣхъ тонкостей восточной политики, всѣхъ сложныхъ условій и подробностей турецко-балканскаго кризиса. Князь Лобановъ - Ростовскій былъ не только знатокъ своего дѣла, но и человѣкъ съ характеромъ и съ опредѣленными самостоятельными мнѣніями, которыя онъ умѣлъ проводить и отстаивать. Самостоятельность и опредѣленность мнѣній не часто встрѣчаются между дипломатами по профессіи; ясныя, положительныя цѣли обыкновенно отсутствуютъ въ тѣхъ двусмысленныхъ формулахъ и фикціяхъ, которымъ придаютъ такую важность дипломатическія канцеляріи. Искусство безцѣльнаго лавированія между различными взглядами и тенденціями, между рутиною и новыми потребностями жизни, принимается нерѣдко за необходимую принадлежность дипломатіи; постоянныя шатанія отъ одной мысли къ другой, отъ одного предложенія или проекта къ другому, и всегдашняя готовность прикрыться какимъ - нибудь безсодержательнымъ принципомъ для сведенія обсуждаемаго предпріятія на нуль,—таковы обычныя характерныя черты дипломатической спеціальности. Боязнь возраженій и противодѣйствій заставляетъ высказывать и одобрять то, что по своей безцвѣтности имѣетъ наибольше шансовъ быть принятымъ всѣми безъ споровъ; отсюда безжизненность и ничтожество многихъ комбинацій, придумываемыхъ не для пользы дѣла, а для наружнаго поддержанія мнимаго европейскаго согласія (или „концерта“, какъ выражаются наши газеты). Дипломатія превращается такимъ образомъ въ искусство топтаться на одномъ мѣстѣ съ соблюденіемъ всѣхъ внѣшнихъ признаковъ неуклоннаго движенія впередъ. Дипломаты подобнаго типа избѣгаютъ даже исполнять прямую свою обя-

занность—брать подъ свою дѣятельную охрану соотечественниковъ, права которыхъ нарушаются въ чужомъ государствѣ; это уклоненіе также объясняется желаніемъ не давать повода къ непріятнымъ переговорамъ и конфликтамъ. Дипломатическое представительство дѣлается тогда почетною синекурою, оплачиваемою несоразмѣрно дорого безъ достаточныхъ къ тому основаній. Бездѣйствіе выдается за миролюбіе, активность и энергія смѣшиваются съ воинственностью, хотя между этими понятіями нѣтъ ничего общаго. Способность дѣйствовать своевременно и цѣлесообразно встрѣчается еще рѣже, чѣмъ опредѣленность цѣлей и мнѣній. Князь Лобановъ-Ростовскій отличался именно тѣми качествами, которыхъ чаще всего недостаетъ профессіональнымъ дипломатамъ и многимъ государственнымъ людямъ. Онъ имѣлъ извѣстную программу и руководствовался своими личными убѣжденіями, не уклоняясь въ сторону изъ-за мотивовъ самолюбія или карьеры. Назначенный послѣ смерти Н. К. Гирса (въ началѣ прошлаго года) министромъ иностранныхъ дѣлъ, покойный князь Лобановъ - Ростовскій, за короткій періодъ своего управленія министерствомъ, успѣлъ совершить два важныхъ дѣла: во-первыхъ, онъ весьма удачно разрѣшилъ многочисленныя затрудненія, вызванныя войною между Японіею и Китаемъ, при чемъ обезпечилъ наши интересы на дальнемъ востокѣ отъ неудобныхъ послѣдствій японскихъ побѣдъ, безъ ущерба для мирныхъ отношеній съ Японіею; во-вторыхъ, онъ покончилъ съ болгарскимъ кризисомъ и съ безконечными раздражающими толками о самозванствѣ принца Фердинанда, устроивъ оффиціальное признаніе его законнымъ княземъ и возстановивъ нормальныя связи Болгаріи съ Россіею. Относительно событій въ Турціи онъ соблюдалъ понятную осторожность, но предстоявшіе личные переговоры съ руководящими министрами главныхъ европейскихъ державъ могли подготовить почву для болѣе серьезнаго дипломатическаго соглашенія; это дѣло, начатое имъ уже въ Вѣнѣ, было прервано смертью. Онъ скончался внезапно, на 72 году отъ рожденія, во время проѣзда по желѣзной дорогѣ въ Кіевъ.

Нѣмецкія газеты много говорятъ о правительственномъ кризисѣ, о неустойчивости прусскихъ министерствъ и о вѣроятной перемѣнѣ имперскаго канцлера. Вильгельмъ II часто мѣняетъ своихъ сотрудниковъ по личнымъ соображеніямъ, независимо отъ ихъ достоинствъ и заслугъ, и это обстоятельство вызываетъ неудовольствіе въ обществѣ и въ печати. Недавно вышелъ въ отставку военный министръ Бронсаръ фонъ-Шеллендорфъ и на его мѣсто назначенъ генералъ фонъ-Госслеръ; публика не знаетъ, почему произошла эта внезапная

перемѣна, и различные толки по этому поводу принимаютъ иногда характеръ рѣзкой критики „личнаго режима". Бронсаръ фонъ-Шеллендорфъ пользовался большою популярностью и авторитетомъ въ парламентѣ; онъ принадлежалъ къ числу немногихъ правительственныхъ дѣятелей, обладающихъ даромъ слова, умѣющихъ оживлять обсужденіе спеціальныхъ вопросовъ ясными и остроумными доводами; лучшіе парламентскіе бойцы находили въ немъ противника, всегда готоваго къ отвѣту. Эти качества тѣмъ болѣе цѣнились въ имперскомъ сеймѣ, что изъ остальныхъ министровъ одинъ только фонъ-Беттихеръ можетъ быть признанъ искуснымъ ораторомъ, а при защитѣ оффиціальныхъ проектовъ или при спорахъ съ оппозиціею имѣетъ большое значеніе способность говорить толково, интересно и въ то же время содержательно, безъ педантизма и фразерства. Канцлеръ, князь Гогенлоэ, не имѣетъ этой способности; онъ обыкновенно читаетъ свои публичныя заявленія или говоритъ слабо или блѣдно, въ противоположность своему предшественнику генералу Каприви, который отлично справлялся съ своими противниками въ парламентѣ. Бронсаръ фонъ-Шеллендорфъ состоялъ военнымъ министромъ въ продолженіе трехъ лѣтъ и, по общему отзыву, прекрасно исполнялъ свои обязанности; довѣріе къ нему императора оставалось въ полной силѣ. Почему же онъ вынужденъ былъ удалиться? Газеты указываютъ на закулиснаго виновника этой перемѣны, начальника военнаго кабинета императора, генерала фонъ-Ганке. По мнѣнію даже консервативной печати, „кабинетъ" нарушаетъ правильное дѣйствіе конституціонныхъ учрежденій и порядковъ, вторгаясь въ кругъ законной компетенціи министровъ и подвергая ихъ своему контролю. Пользуясь личною близостью къ императору, начальникъ военнаго кабинета можетъ легко парализовать дѣятельность военнаго министра, отмѣнять его распоряженія, навязывать ему своихъ кандидатовъ на видные военные посты; все это дѣлалъ генералъ фонъ-Ганке не стѣсняясь: командиры военныхъ частей переводились съ одной должности на другую безъ вѣдома военнаго министра; генералъ Шпицъ, которому поручены были министромъ подготовительныя работы по составленію проекта новаго военно-судебнаго устава, долженъ былъ выйти въ отставку; генералъ Габерлингъ переведенъ изъ центральнаго военнаго управленія въ провинцію, помимо участія и желанія министра. Поводомъ къ этой закулисной борьбѣ былъ вопросъ о военно-судебной реформѣ. Вліятельная военная партія въ Пруссіи до сихъ поръ стоитъ за сохраненіе старыхъ формъ военнаго процесса, тогда какъ парламентъ и общественное мнѣніе давно уже требуютъ введенія общихъ гарантій правосудія для лицъ, подлежащихъ суду по военнымъ законамъ. Въ Баваріи новыя на-

чала военнаго судопроизводства дѣйствуютъ какъ нельзя лучше; военный судъ происходитъ публично, при участіи защитниковъ, и никто не видитъ въ этомъ неудобства для интересовъ арміи и военной дисциплины, вопреки предположеніямъ прусскихъ военныхъ консерваторовъ. Въ Баваріи военные интересы охраняются не менѣе заботливо, чѣмъ въ Пруссіи, и однако тамъ нашли возможнымъ ввести новые военно-судебные порядки, противъ которыхъ такъ усердно возстаютъ многіе представители прусской арміи. Военный министръ держался на первыхъ порахъ той же традиціонной точки зрѣнія: но впослѣдствіи, когда имперскій сеймъ категорически высказался въ пользу реформы, онъ обѣщалъ выработать и внести проектъ общаго военно-судебнаго устава для имперіи; такое же обѣщаніе далъ парламенту и канцлеръ, князь Гогенлоэ. Генералъ фонъ-Ганке противился этому, и онъ добился удаленія Бронсара фонъ-Шеллендорфа; говорятъ, что и положеніе канцлера поколебалось по той же причинѣ. Но что̀ можетъ сдѣлать начальникъ военнаго кабинета противъ имперскаго сейма, который отъ каждаго военнаго министра будетъ настойчиво требовать реформы? Новый министръ, фонъ-Госслеръ, получилъ свое назначеніе вѣроятно съ вѣдома и согласія князя Гогенлоэ, и слѣдовательно онъ долженъ быть солидаренъ съ нимъ въ спорномъ вопросѣ. Почему выборъ палъ именно на него, а не на кого-либо другого,—неизвѣстно; онъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался изъ ряда военныхъ дѣятелей, и по рангу онъ ниже генераловъ, занимающихъ теперь должности начальника главнаго штаба и начальника военнаго кабинета. Все это возбуждаетъ недоумѣнія. Зачѣмъ было смѣнять опытнаго и талантливаго министра другимъ, который долженъ еще доказать свою пригодность къ занятію этого труднаго и отвѣтственнаго поста? Почему мнѣніе генерала фонъ-Ганке важнѣе мнѣнія Бронсара фонъ-Шеллендорфа, поддерживаемаго имперскимъ канцлеромъ и имперскимъ сеймомъ? Газеты откровенно критикуютъ эту склонность Вильгельма II слѣдовать случайнымъ личнымъ впечатлѣніямъ—или закулиснымъ внушеніямъ—въ выборѣ министровъ и прочихъ сановниковъ; публика недовольна частыми правительственными кризисами, создаваемыми по произволу, безъ достаточныхъ къ тому мотивовъ.

Въ оффиціальномъ „Имперскомъ Указателѣ" помѣщено было разъясненіе по поводу отставки Бронсара фонъ-Шеллендорфа; слухи о причинахъ ея и особенно о вмѣшательствѣ генерала фонъ-Ганке названы ложными, и дѣло сводится лишь къ болѣзни министра, нуждающагося будто бы въ поправленіи. Министръ нѣсколько разъ просилъ уволить его, въ виду состоянія его здоровья, и императоръ наконецъ согласился исполнить его просьбу. Понятно, что иначе нельзя

было представить факты съ чисто внѣшней, формальной стороны. Но въ дѣйствительности болѣзнь министра заключалась въ томъ, что генералъ Ганке распоряжался военными назначеніями и увольненіями безъ его вѣдома и согласія, прикрываясь личною волею Вильгельма II. Императоръ дорожитъ своимъ правомъ дѣйствовать по личному усмотрѣнію, въ предѣлахъ законности, и, безъ сомнѣнія, онъ нисколько не обязанъ руководствоваться желаніями парламента при назначеніи и смѣнѣ своихъ сотрудниковъ, такъ какъ принципъ отвѣтственности министровъ предъ парламентомъ не признается конституціею ни въ Пруссіи, ни въ Германіи. Тѣмъ не менѣе на практикѣ само правительство Вильгельма II наиболѣе заинтересовано въ томъ, чтобы дѣйствія его не вызывали неудовольствія и не давали матеріала для непріятной полемики, чтобы опытные и выдающіеся люди не вытѣснялись со службы второстепенными и бездарными, чтобы закулисныя вліянія не нарушали правильнаго хода государственной жизни.

Въ концѣ концовъ, большого вреда отъ этихъ министерскихъ перемѣнъ произойти не можетъ: новый военный министръ или пойдетъ по пути своего предмѣстника, или не удержится на мѣстѣ, если захочетъ подчиняться руководству генерала Ганке. Военно-судебная реформа пока отсрочена, но надолго отложить ея осуществленіе едва ли удастся, въ виду заявленной уже канцлеромъ готовности удовлетворить желаніе имперскаго сейма. Что касается военнаго кабинета и генерала Ганке, то по всей вѣроятности будутъ приняты мѣры, чтобы въ этой области строже соблюдались законные предѣлы служебныхъ функцій, къ общей выгодѣ правительства и самого Вильгельма II.

Общественное мнѣніе въ Германіи волнуется также по поводу разоблаченій, выставляющихъ въ крайне непріятномъ свѣтѣ способъ дѣйствій нѣмецкихъ чиновниковъ и офицеровъ въ африканскихъ колоніяхъ. Люди, сдержанные и справедливые у себя дома, въ отечествѣ становятся непонятно жестокими, когда имъ приходится имѣть дѣло съ дикарями. Извѣстный изслѣдователь Петерсъ вѣшалъ негровъ безъ пощады и между прочимъ казнилъ за бѣгство одну негритянку, съ которою прежде находился въ близкихъ отношеніяхъ; въ такихъ же звѣрствахъ обвинялся недавно другой колоніальный дѣятель, Шредеръ, и нѣмецкій судъ, разбиравшій дѣло на мѣстѣ, призналъ его виновнымъ и приговорилъ къ тюремному заключенію на полтора года. Прежняя снисходительность къ подобнымъ обвиненіямъ, очевидно, уступила мѣсто болѣе здравому и человѣчному взгляду, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, и въ этомъ смыслѣ

приговоръ суда по дѣлу Шредера составляетъ весьма утѣшительный фактъ.

Колоніальное управленіе пыталось прежде оправдывать своихъ подчиненныхъ, ссылаясь на невозможность управлять дикими племенами безъ суровыхъ мѣръ, внушающихъ спасительный страхъ подвластнымъ; малочисленность европейцевъ и ихъ исключительное положеніе вдали отъ родины, безъ надежды на скорую помощь, не позволяютъ будто бы оцѣнивать ихъ поступки по общимъ правиламъ и законамъ культурнаго общежитія. Поэтому, когда Лейстъ въ Камерунѣ уличался въ жестокомъ обращеніи съ туземцами, его старались защитить; то же самое было съ докторомъ Петерсомъ, который даже не былъ отданъ подъ судъ, несмотря на убійственные факты, выставленные противъ него обвинителями въ печати и въ парламентѣ. Колоніальное управленіе убѣдилось, что дѣйствія, приписываемыя мнимымъ цивилизаторамъ туземцевъ, не имѣютъ ничего общаго ни съ какою правительственною системою, а вытекаютъ большею частью изъ грубыхъ похотей и инстинктовъ, которымъ предоставленъ полный просторъ; напр., убійство женщинъ, съ которыми поддерживалась извѣстная связь, повторяется въ различныхъ процессахъ, начиная съ дѣла Петерса. Правительство стало добросовѣстно привлекать виновныхъ къ отвѣтственности, но не могло добиться строгаго осужденія ихъ по разнымъ причинамъ; такъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, судился ассесоръ Велау за истязаніе и убійство негровъ и между прочимъ за „казнь“ женщины, съ которою онъ жилъ, и высшій судъ въ Лейпцигѣ оправдалъ его по главнымъ обвинительнымъ пунктамъ, подвергнувъ его только денежному штрафу въ 500 марокъ за второстепенныя нарушенія. Убѣжденіе, что законы человѣчности непримѣнимы къ дикарямъ, упорно держится не въ одной Германіи. Недавно высшій судъ въ Брюсселѣ не нашелъ признаковъ преступленія въ поступкѣ военнаго чиновника государства Конго, майора Лотэра, который арестовалъ англійскаго купца Стокса и казнилъ его за снабженіе враговъ Конго оружіемъ, при чемъ не предоставилъ обвиняемому обычнаго права обжаловать его рѣшеніе установленнымъ порядкомъ и обошелся вообще безъ всякаго подобія законнаго суда. На судѣ обнаружено было, что главнымъ мотивомъ „казни“ Стокса было желаніе завладѣть его запасами слоновой кости, но это обстоятельство признано было второстепеннымъ, въ виду интересовъ безопасности, требовавшихъ будто бы немедленной крутой расправы. Склонность къ жестокимъ мѣрамъ проявляется въ европейцахъ гдѣ-нибудь въ отдаленной африканской колоніи, даже среди смирнаго вообще населенія; нѣмцы въ этомъ отношеніи не отстаютъ отъ англичанъ и бельгійцевъ; всего рѣже попадаются въ по-

добныхъ дѣлахъ французы. Не показываетъ ли этотъ печальный фактъ, что нравы и обычаи культурнаго человѣка несравненно больше зависятъ отъ внѣшнихъ сдерживающихъ условій, чѣмъ отъ внутреннихъ природныхъ свойствъ и влеченій? Поставленный внѣ житейскихъ и общественныхъ стѣсненій, не чувствуя надъ собою никакого контроля и имѣя дѣло лишь съ низшими существами, европеецъ легко и свободно отдается своимъ естественнымъ инстинктамъ и порывамъ, а эти инстинкты и порывы оказываются, къ несчастью, низменными, чисто животными, въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Строгаго внѣшняго порядка, очевидно, недостаточно для нравственнаго воспитанія людей, для смягченія ихъ внутренней природы; напротивъ, чѣмъ строже дисциплина на родинѣ, тѣмъ больше разнузданности замѣчается въ человѣкѣ при предоставленіи ему безконтрольной власти надъ туземцами въ отдаленной колоніи. Французы, можетъ быть, потому и не подвергаются такой рѣзкой метаморфозѣ въ дикихъ странахъ, что и у себя дома они привыкли къ большей свободѣ нравовъ и стѣснены гораздо меньше, чѣмъ нѣмцы. Во всякомъ случаѣ факты новѣйшей колоніальной исторіи даютъ любопытный матеріалъ для психологическихъ наблюденій и размышленій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1896.

— **Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ девяносто восьмой. Спб. 1896.**

Въ настоящемъ томѣ, „Сборникъ" Имп. Русск. Историческаго Общества, если не ошибаемся, въ первый разъ обращается къ новѣйшей, сравнительно, исторіи. Томъ посвященъ сполна частію біографіи императора Николая I, частію историнескимъ документамъ его царствованія. Поводомъ къ этому составу книги было, безъ сомнѣнія, совершившееся въ нынѣшнемъ году столѣтіе рожденія импер. Николая (25 іюня 1796 г.). Въ началѣ книги помѣщены: „Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и къ исторіи его царствованія", составленные барономъ, впослѣдствіи графомъ, М. А. Корфомъ; далѣе слѣдуетъ статья: „Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ", изъ современныхъ записокъ барона Корфа; наконецъ, различные оффиціальные документы того царствованія.

Нѣтъ надобности говорить о чрезвычайномъ интересѣ всѣхъ этихъ матеріаловъ. Личная исторія нашихъ монарховъ до сихъ поръ мало находила мѣста въ нашей исторической литературѣ: съ одной стороны матеріалы этой исторіи заключены или въ семейныхъ архивахъ царской фамиліи, или въ малодоступныхъ архивахъ государственныхъ; съ другой стороны новѣйшая исторія вообще остается до сихъ поръ слишкомъ мало доступна исторической критикѣ. Это не могло не отражаться на характерѣ нашей историографіи, когда она приближается къ новѣйшему времени: цѣлый рядъ явленій нашей внутренней и внѣшней государственной жизни остается безъ достаточнаго или безъ правильнаго освѣщенія, или обходится молчаніемъ. Только въ самое послѣднее время, въ другомъ изданіи Историческаго Общества, появилась, можно сказать, первая на русскомъ языкѣ біографія имп. Александра I и Александра II и теперь мы имѣемъ

вступленіе въ жизнеописаніе имп. Николая I. Вслѣдствіе этого особаго положенія исторической литературы, при необходимости во многихъ случаяхъ удовлетворять любознательность только отрывочными извѣстіями и устными преданіями, представленіе о личности имп. Николая I нельзя было назвать достаточно опредѣленнымъ, какъ нельзя было бы назвать исторически выясненнымъ значеніе самаго царствованія во внутренней жизни и внѣшней политикѣ Россіи. Отсутствіе критической исторіи отражается, безъ сомнѣнія, и на представленіяхъ о современномъ ходѣ русской жизни. Различныя стороны общественнаго мнѣнія еще колеблются, напримѣръ, въ томъ основномъ вопросѣ, рѣшеніемъ котораго долженъ опредѣляться тотъ или другой путь современной внутренней политики: нужно ли русскому народу оставаться неподвижнымъ на его предполагаемыхъ традиціонныхъ путяхъ, или для него также, какъ для всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, которымъ должно принадлежать міровое значеніе, необходимы пути широкаго совершенствованія, чтобы не остаться позади другихъ, что̀ равнялось бы ослабленію этого значенія. Исторія не даетъ уроковъ личной и политической нравственности, какъ думали прежде,—и до сихъ поръ эти уроки не водворили на землѣ добродѣтели; но несомнѣнно исторія можетъ давать другіе уроки, болѣе широкаго значенія: излагая объективно явленія государственной и народной жизни въ связи съ воздѣйствіями учрежденій, состояніемъ народнаго образованія, она указываетъ результаты тѣхъ или иныхъ условій національной жизни и тѣмъ даетъ возможность оцѣнивать вліяніе, пользу или вредъ той или другой внутренней и внѣшней политики, и этимъ давать указанія, которыя могутъ имѣть большую важность и для данной минуты. Въ этомъ отношеніи изученіе новѣйшей исторіи могло бы быть въ особенности плодотворно: здѣсь бываетъ болѣе возможно непосредственное наблюденіе причинъ и слѣдствій... Это расширеніе нашей исторіографіи все еще остается въ будущемъ.

Возвращаемся къ Сборнику. „Матеріалы“ барона Корфа составлены уже очень давно, около сорока лѣтъ тому назадъ, вскорѣ по смерти имп. Николая, по порученію имп. Александра II. Баронъ Корфъ пользовался въ своемъ трудѣ слѣдующими документами: камеръ-фурьерскіе журналы съ 1796 года, въ которыхъ записывались внѣшніе факты дворцовой жизни; вседневные журналы или рапорты, на французскомъ языкѣ, писанные дежурными кавалерами и подававшіеся императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, о поведеніи и учебныхъ занятіяхъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, съ половины 1802 до апрѣля 1816 года (всего 62 тома); приходо-расходныя книги суммъ великаго князя Николая Павловича 1797—1817;

документы изъ послѣдняго времени юности великаго князя, между прочимъ собственноручныя письма императрицы Маріи Ѳедоровны, журналы, веденные великимъ княземъ во время путешествія по Россіи въ 1816 году; собственные разсказы импер. Николая о времени его молодости, извлеченные изъ современныхъ записокъ барона Корфа, поднесенныхъ имъ импер. Александру Николаевичу, въ числѣ 7-ми томовъ, въ апрѣлѣ 1857 года; воспоминанія министра двора гр. В. Ѳ. Адлерберга, гр. А. И. Рибопьера и нѣкоторыхъ другихъ лицъ; записка гр. Ламсдорфа о службѣ его отца, который былъ воспитателемъ великаго князя, и наконецъ, записки и воспоминанія няни великаго князя, шотландки Лайонъ. Записка барона Корфа переписана была въ двухъ экземплярахъ, въ одномъ изъ которыхъ при каждомъ событіи, замѣчаніи, анекдотѣ указанъ источникъ, откуда они взяты, и по этому экземпляру записка издана въ настоящемъ случаѣ. Замѣтимъ, наконецъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ на рукописи барона Корфа сдѣланы были замѣтки импер. Александра II съ поправками или дополненіями, которыя также нашли мѣсто въ настоящемъ изданіи.

Разсказъ барона Корфа доведенъ до 1817 года и заключаетъ множество интересныхъ подробностей, объясняющихъ характеръ будущаго императора, а также нѣсколько общихъ историческихъ эпизодовъ изъ временъ Екатерины II и Павла I. Указавъ натянутыя отношенія, какія существовали между императрицей Екатериной и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, баронъ Корфъ разсказываетъ: „Въ сентябрѣ того же 1795 года великая княгиня Марія Ѳедоровна, находившаяся тогда въ Гатчинѣ, почувствовала, что ей снова предназначено быть матерью. Если позволено разоблачать тайныя, темныя ощущенія сердца человѣческаго, то не трудно указать, какія чувства преобладали въ эту эпоху въ ея супругѣ. Они были: 1) нелюбовь къ императрицѣ Екатеринѣ, 2) враждебное чувство къ Польшѣ, которой послѣднее дѣленіе совершалось именно въ это время, и 3) страсть къ военнымъ экзерциціямъ, которыми великій князь безпрерывно и, можно сказать, ежеминутно занимался тогда въ Гатчинѣ. Всѣ эти три чувства должны были рѣзко отразиться на характерѣ будущаго его сына“. Замѣчаніе весьма любопытное, хотя нѣкоторыя черты этого настроенія могли находить себѣ обильную пищу и въ позднѣйшей обстановкѣ великаго князя.

Изъ подробностей, относящихся къ временамъ императрицы Екатерины, чрезвычайно любопытенъ разсказъ великой княгини Анны Павловны. Въ минуту откровенности, императрица Марія Ѳедоровна разсказывала (уже по смерти импер. Александра I), что вскорѣ послѣ рожденія великаго князя Николая императрица Екатерина велѣла

передать ей бумагу, гдѣ шла рѣчь о томъ, чтобы потребовать отъ великаго князя Павла Петровича отреченія отъ его правъ на корону въ пользу великаго князя Александра Павловича, причемъ Екатерина II требовала, чтобы Марія Ѳедоровна подписала эту бумагу въ знакъ своего согласія на этотъ актъ. Марія Ѳедоровна почувствовала справедливое негодованіе и отказалась подписать. Императрица Екатерина была этимъ очень раздражена, и результатомъ была большая холодность между ними. Впослѣдствіи имп. Павелъ увидѣлъ этотъ документъ, который нашелся въ бумагахъ Екатерины послѣ ея смерти. Впечатлѣніе того, что къ Маріи Ѳедоровнѣ могли обращаться съ подобнымъ дѣломъ, было такъ непріятно, что это стоило потомъ Маріи Ѳедоровнѣ большихъ испытаній. Если не ошибаемся, это—первое документальное подтвержденіе давно извѣстнаго плана имп. Екатерины II предоставить престолъ послѣ ея смерти Александру Павловичу.

Въ „Матеріалахъ" извлечено, вѣроятно, все существенное, что заключалось въ упомянутыхъ выше источникахъ о временахъ дѣтства и юности импер. Николая; многія черты весьма интересны, какъ подготовленіе характера, который отличалъ потомъ импер. Николая. Разсказъ доходитъ до большихъ подробностей, которыя вообще болѣе или менѣе значительны. Въ особенности любопытны тѣ, которыя касаются участія императрицы Маріи Ѳедоровны въ воспитаніи великихъ князей, когда они были уже юношами. Таково напримѣръ, ея обширное письмо къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу, когда въ 1815 они отправлялись за границу въ дѣйствующую армію; таковы другіе примѣры ея участія въ дѣлѣ воспитанія, какъ напримѣръ ея старанія о томъ, чтобы ослабить у великаго князя Николая Павловича его пристрастіе къ военнымъ занятіямъ и экзерциціямъ, которое казалось ей преувеличеннымъ и нежелательнымъ, такъ какъ оно отвлекало отъ занятій другими не менѣе важными предметами.

Очень любопытенъ и исторически важенъ другой разсказъ барона Корфа: „Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ", по современнымъ запискамъ, какія составлялъ баронъ Корфъ по своей службѣ въ государственномъ совѣтѣ съ начала сороковыхъ годовъ. Послѣ заглавія мы встрѣчаемъ здѣсь помѣту: „томъ первый", — изъ чего можно заключать, что предстоитъ и дальнѣйшее изложеніе этихъ записокъ. Въ предисловіи баронъ Корфъ предпослалъ своему разсказу нѣсколько общихъ мыслей объ историческомъ значеніи цѣлаго царствованія. Онъ придаетъ той исторической эпохѣ столь же великое значеніе, какое принадлежитъ эпохамъ Петра Великаго, Екатерины II, Генриха IV и Фридриха II: великое историческое

значеніе той эпохи не подлежитъ сомнѣнію, но сравненіе (ограничиваясь предѣлами русской исторіи) не точно въ томъ отношеніи, что царствованіе импер. Николая не отличалось тѣмъ духомъ широкихъ нововведеній, какимъ ознаменована дѣятельность Петра и въ значительной мѣрѣ дѣятельность Екатерины II; вмѣсто того здѣсь господствовала дѣятельность, такъ сказать, устроительная въ строгомъ консервативномъ смыслѣ. Далѣе баронъ Корфъ замѣчалъ, что импер. Николай „въ тиши, безъ возгласовъ, съ скромностью истиннаго величія, тридцать лѣтъ — *оканчивалъ Петра Великаго*": послѣднее выраженіе стилистически неловко и исторически неясно. Но чрезвычайно любопытенъ разсказъ о дѣятельности импер. Николая въ совѣщательныхъ собраніяхъ по различнымъ вопросамъ государственнаго управленія. „Мужъ высшаго разума, въ которомъ государственная предусмотрительность, быстрый и всеобъемлющій взглядъ, увлекательный даръ рѣчи, словомъ, многія принадлежности генія такъ счастливо сочетались съ желѣзною энергіей и съ пламенною любовію къ своему народу, этотъ вѣчный работникъ на тронѣ любилъ окружать себя всѣми свѣдѣніями, всѣми данными, всѣми мнѣніями. Для сего, въ предметахъ сложныхъ и важныхъ, когда колебалось личное его убѣжденіе, или казался необходимымъ голосъ спеціальныхъ знаній, онъ, не довольствуясь предварительными сужденіями оффиціальныхъ своихъ совѣтовъ, созывалъ еще особо передъ себя довѣренныхъ сановниковъ и, вмѣстѣ съ ними, вникалъ въ подробности дѣла; послѣ чего, допуская полную свободу мнѣній, самъ настоятельно ея требуя, принималъ то, которымъ прояснялось или разрѣшалось его недоумѣніе — нерѣдко въ отмѣну высказанной имъ или даже имъ предложенной мысли. Эта черта и этотъ образъ дѣйствій, извѣстные только небольшому числу самыхъ приближенныхъ, для прочихъ, для цѣлой Россіи, для цѣлой Европы, должны казаться чѣмъ-то совершенно неправдоподобнымъ, будучи совершенно противоположны тому понятію, которое они составили себѣ о первомъ, въ нашу эпоху, представителѣ самодержавія. И однако же, такъ дѣйствительно было. Настоящій очеркъ послужитъ тому доказательствомъ, слѣдственно изобразитъ императора Николая, съ этой стороны, въ краскахъ новыхъ для массы".

Одно изъ самыхъ любопытныхъ совѣщательныхъ собраній, какія описываетъ баронъ Корфъ, было засѣданіе государственнаго совѣта, въ которомъ принималъ участіе импер. Николай, и гдѣ предметомъ сужденій былъ законъ объ обязанныхъ крестьянахъ 1842 года.

Затѣмъ большая часть тома занята отчетами министерствъ за двадцатипятилѣтіе царствованія импер. Николая Павловича.

— Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ XII. 1863 — 1877. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1896.

Изданіе сочиненій князя Вяземскаго начато было вскорѣ послѣ смерти писателя, въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Вышедшій теперь двѣнадцатый томъ заключаетъ стихотворенія, писанныя съ 1863 года до 1877: онѣ изданы съ большою точностью, отчасти по автографамъ, отчасти по копіямъ съ автографовъ, сдѣланнымъ близкими лицами и любителями, отчасти по отдѣльнымъ печатнымъ листамъ и небольшимъ сборникамъ, которые оставались мало извѣстны или совсѣмъ не извѣстны въ публикѣ. Такъ, напримѣръ были отдѣльно напечатаны тетрадками или листами: „Фотографія Венеціи", изд. въ Венеціи въ армянской типографіи, 1863, и потомъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" того же года; „Подмосковная", 1865; „Пѣсня лейбъ-гусаровъ", 1868; особо изданы были стихотворенія „Памяти гр. М. И. Ламздорфъ", 1890; многія стихотворенія были въ свое время напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ", „Русскомъ Вѣстникѣ", въ сборникѣ Погодина „Утро". Въ началѣ двѣнадцатаго тома помѣщенъ алфавитный указатель ко всѣмъ стихотвореніямъ кн. П. А. Вяземскаго съ 1808 до 1877 года; послѣднее стихотвореніе настоящаго тома, „Моя легенда", помѣчено цифрой 793.

Значеніе литературной дѣятельности кн. П. А. Вяземскаго было не однажды опредѣлено критикой. Онъ занимаетъ въ нашей литературѣ совершенно исключительное положеніе. Онъ вступилъ на литературное поприще, когда Пушкинъ даже еще и не поступалъ въ лицей, когда еще не родился Гоголь и Лермонтовъ, и онъ десятками лѣтъ пережилъ ихъ всѣхъ; онъ былъ свидѣтелемъ смѣны нѣсколькихъ поколѣній и нѣсколькихъ направленій литературы. Правда, онъ не былъ никогда писателемъ по профессіи, человѣкомъ преданнымъ исключительно литературнымъ интересамъ и литературному труду,—только одно время онъ дѣятельно вмѣшался въ литературную борьбу, въ первые годы „Московскаго Телеграфа" Полевого, когда шла защита романтизма отъ устарѣлыхъ литературныхъ направленій, но это ближайшее участіе въ литературной борьбѣ было непродолжительно; все остальное время кн. Вяземскій былъ только наблюдателемъ со стороны, шелъ своей давно намѣченной дорогой и отзывался на то, что не было ему сочувственно въ новой литературѣ, только шутками и эпиграммами, болѣе или менѣе раздражительными. Въ прежнее время онъ выступалъ на критическое поприще, и самымъ замѣчательнымъ трудомъ его въ этой области была извѣстная книга о Фонъ-Визинѣ. Личная дружба связывала его съ писателями на-

чала вѣка: онъ былъ родственникъ и поклонникъ Карамзина, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ, Батюшковымъ и Пушкинымъ, и навсегда, послѣ смѣны нѣсколькихъ поколѣній, остался горячимъ защитникомъ той литературной эпохи. Это была по преимуществу эпоха романтизма, которая въ дѣятельности Пушкина и вскорѣ потомъ Гоголя завершалась самостоятельнымъ періодомъ нашей литературы; но вѣрно замѣчено было, что тѣмъ не менѣе кн. Вяземскій въ сущности оставался классикомъ по своимъ художественнымъ симпатіямъ,—конечно не такимъ, какими бывали старомодные русскіе классики конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго, потому что къ классическимъ сочувствіямъ присоединялся вкусъ и опытъ эпохи Пушкина. И дѣйствительно, если потомъ онъ возставалъ противъ новѣйшихъ литературныхъ школъ, то въ сущности онъ не раздѣлялъ и того реалистическаго направленія, которое возникало при Пушкинѣ и утверждено было Гоголемъ; новое литературное движеніе было ему еще менѣе сочувственно,—но корень этого движенія лежалъ, конечно, въ Пушкинѣ и въ Гоголѣ. Такимъ образомъ кн. Вяземскій оставался въ новой литературѣ представителемъ стараго времени; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принадлежалъ къ высшему общественному кругу, и его произведенія, именно значительная доля его стихотвореній, тѣсно связаны съ лицами, интересами и взглядами этого круга; своеобразное и всегда готовое остроуміе придавало особенный интересъ его стихотвореніямъ въ этой области, хотя въ другихъ случаяхъ его поэтическая сатира не достигала цѣли, между прочимъ потому, что самыя явленія жизни онъ наблюдалъ слишкомъ издалека. Въ послѣдніе годы въ его стихотвореніяхъ господствуетъ въ особенности элегическая нота, и до послѣднихъ дней его не оставляли воспоминанія о быломъ времени и былыхъ друзьяхъ: укажемъ, напр., любопытное стихотвореніе „Поминки", 1877 года, посвященное памяти гр. М. Ю. Віельгорскаго, котораго онъ, однако, предоставляетъ читателю угадывать (стр. 536—540 и стр. XVI).

Сочиненія кн. Вяземскаго останутся любопытнымъ памятникомъ нашей литературы, а вмѣстѣ и весьма цѣннымъ историческимъ матеріаломъ для изученія прошедшихъ эпохъ нашей литературы и общественной жизни. Прекрасно исполненное изданіе сочиненій представляетъ матеріалъ во всей полнотѣ.

— **Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 годъ. Спб. 1896.**

Отчеты Библіотеки всегда представляютъ, кромѣ обычныхъ статистическихъ цифръ, извѣстія о новыхъ книжныхъ пріобрѣтеніяхъ,

нерѣдко чрезвычайно любопытныхъ для нашей исторіи и исторіи литературы. Такъ было и за отчетный 1893 годъ. Мы замѣчали, что за послѣдніе годы вообще весьма замѣтно уменьшилось количество пріобрѣтеній Библіотеки по отдѣлу древнихъ рукописей: онѣ видимо истощаются въ обращеніи и наличная масса ихъ уже собрана въ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ. Но на этотъ разъ по особенному случаю Библіотекѣ посчастливилось пріобрѣсти значительное число (98) чрезвычайно любопытныхъ рукописей, а именно Библіотека пріобрѣла собраніе рукописей Ѳ. И. Буслаева. „Со многими рукописями этого собранія,—говорится въ отчетѣ,—изслѣдователи древней нашей литературы и искусства были знакомы какъ изъ трудовъ самого ихъ владѣльца, особенно изъ „Историческихъ очерковъ русской народной словесности и искусства" и „Русскаго лицевого Апокалипсиса", такъ и изъ изслѣдованій и изданій другихъ лицъ, которымъ Ѳ. И. Буслаевъ радушно предоставлялъ пользоваться своимъ собраніемъ. Всѣхъ рукописей въ этомъ замѣчательномъ собраніи находится 98, которыя относятся къ XV — XVIII вѣкамъ. Богатѣйшій отдѣлъ собранія составляютъ такъ называемыя лицевыя рукописи, которыхъ насчитывается въ коллекціи 52 нумера. Тутъ находятся: нѣсколько экземпляровъ толковаго Апокалипсиса, въ томъ числѣ два древнѣйшей редакціи, изъ нихъ одинъ въ спискѣ XV—XVI вѣка, а другой въ спискѣ XVI—XVII вѣка, положенные въ основу изслѣдованія Ѳ. И. Буслаева о русскомъ лицевомъ Апокалипсисѣ; „Александрія", XVII-го вѣка, со множествомъ миніатюръ при каждой главѣ, составленныхъ подъ вліяніемъ иностранныхъ кунштовъ какъ въ фигурахъ, такъ и по архитектурѣ; особенно изящны въ этой рукописи изображенія звѣрей и чудовищъ; по художественности исполненія эта рукопись можетъ быть поставлена на ряду съ извѣстнымъ спискомъ „Александріи", принадлежащимъ И. Е. Забѣлину; Псалтырь съ возслѣдованіемъ, XV-го вѣка, съ характерною орнаментаціею этого столѣтія и художественными миніатюрами, могущими соперничать съ миніатюрами лицевой Псалтыри 1397 года, принадлежащей Императорскому Обществу любителей древней письменности; по нѣскольку экземпляровъ Страстей Христовыхъ, Синодиковъ, житій Василія Новаго и Андрея Юродиваго; далѣе житія священномученика Харлампія, епископа магнисійскаго, Евфросиніи Суздальской; чудеса Тихвинской иконы Божіей Матери; нѣсколько сборниковъ, въ одномъ изъ которыхъ находится весьма рѣдко встрѣчающійся лицевой списокъ повѣсти о бѣломъ клобукѣ". Наконецъ, есть нѣсколько замѣчательныхъ памятниковъ и въ числѣ рукописей не лицевыхъ, т.-е. не иллюстрированныхъ.

„Вообще собраніе рукописей Ѳ. И. Буслаева, составленное въ

теченіе многихъ лѣтъ съ большимъ знаніемъ дѣла, имѣетъ огромное значеніе для изслѣдователей старинной нашей литературы и древнерусскаго искусства и, ставъ собственностью Императорской Публичной Библіотеки, оно, смѣло можно сказать, является однимъ изъ украшеній ея богатаго рукописнаго отдѣленія". Подробное описаніе этого собранія отложено до Отчета за 1894 годъ.

Не исчисляя другихъ пріобрѣтеній Библіотеки, отмѣтимъ только, что между новѣйшими письменными документами поступило въ Библіотеку большое собраніе переписки знаменитаго генерала Ермолова; по восточной литературѣ большое собраніе турецкихъ рукописей, закупленныхъ для Библіотеки проф. В. Д. Смирновымъ на книжныхъ рынкахъ Константинополя и Бруссы; для музыкантовъ будетъ интересно обширное собраніе автографовъ Мусоргскаго, въ числѣ которыхъ есть, кажется, неизданные наброски и отрывки, и т. д.

Въ приложеніяхъ къ Отчету напечатаны, по обычаю, принятому Библіотекою въ послѣдніе годы, новые матеріалы для исторіи русской литературы, а именно, собраніе писемъ С. П. Шевырева къ Гоголю, съ 1843 до 1851, и письмо В. К. Кюхельбекера къ кн. В. Ѳ. Одоевскому. Письма Шевырева—главнымъ образомъ дѣловыя по поводу изданій и денежныхъ счетовъ Гоголя, но въ нихъ есть и подробности общаго литературнаго интереса. Друзья Гоголя, даже столько подчинявшіеся его авторитету, какъ Шевыревъ, замѣчали уже странное высокомнѣніе, развивавшееся у Гоголя въ тѣ годы, и высказывали свое неодобреніе. Какъ извѣстно, Гоголь былъ очень недоволенъ тѣмъ, что Погодинъ помѣстилъ въ своемъ Москвитянинѣ его портретъ; это могло быть неделикатно при извѣстной уже самолюбивой щепетильности Гоголя, но послѣдній обратилъ это чуть не въ преступленіе.

..."Прекрасны, — пишетъ Шевыревъ,—мысли твои о взаимномъ исправленіи, которымъ мы обязаны другъ другу, и о христіанской обязанности нашей стремиться къ совершенствованію. Но позволь мнѣ прибавить къ этому нѣсколько собственныхъ размышленій. Чтобы исправлять другого, надобно пріобрѣсти на то право исправленіемъ самого себя, и если берешься за это, то браться за это въ минуту самую спокойную, въ минуту самой сильной любви къ человѣку, а не въ такую, когда на него хотя за что-нибудь сердишься. Тогда исправленіе пойдетъ въ прокъ: иначе оно будетъ похоже на осужденіе. Мнѣ кажется, что ты въ оба раза поступилъ такъ, когда брался исправлять Погодина. Первое письмо написалъ ты къ нему въ отвѣтъ на письмо, которое тебя разсердило, и теперь второе пишешь также въ ту минуту, когда еще сильно сердишься на него за портретъ. Теперь объ этомъ портретѣ. Я рѣшительно не понимаю, за что̀ ты тутъ разсердился. Въ шутку скажу тебѣ, что твое

кокетство (если ты его имѣешь) могло быть оскорблено, потому что портретъ нехорошъ, хотя и имѣетъ сходство; но въ натурѣ, безъ комплиментовъ, ты лучше, чѣмъ на портретѣ. Что же касается до самаго дѣйствія Погодина, я, право, не понимаю, чтó тутъ оскорбительнаго. Журналистъ хочетъ украсить свой журналъ портретомъ писателя, любимаго публикою. Это его выгода. Конечно, лучше бы спроситься. Но чѣмъ же обидѣлъ онъ твое смиреніе или твое самолюбіе? Смиреніе твое не можетъ страдать отъ этого, потому что славу свою ты не утаишь же отъ Россіи, которая признаетъ ее. Самолюбіе могло бы оскорбиться только тѣмъ, что портретъ нехорошъ; но если государь Н. П. (Николай Павловичъ) не сердится на свои дурные портреты, то зачѣмъ же оскорбляться твоему литературному величеству? Никто, конечно, не оподозритъ въ томъ ни тебя, ни Погодина, что вы по взаимному согласію это сдѣлали. Остается отнятіе собственности, но, конечно, ты за тѣмъ и не подумаешь гнаться. Растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, въ чемъ тутъ эта горькая непріятность, эта страшная исторія? Я рѣшительно не понимаю. Никто здѣсь и не обратилъ вниманія на это; никто не шумѣлъ: ни друзья твои, ни литераторы, ни публика,—и первый шумъ изъ этого дѣла подымаешь ты".

Въ другомъ письмѣ, по поводу распоряженія Гоголя выдать изъ его денегъ извѣстную сумму бѣднымъ студентамъ, Шевыревъ воспротивился исполнить это. Онъ напомнилъ Гоголю, что тотъ не уплатилъ еще своего долга Аксаковымъ, которые были тогда въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. „Мнѣ казалось несправедливымъ употреблять твои деньги на бѣдныхъ студентовъ, когда еще не уплоченъ тобою долгъ человѣку нуждающемуся. Языковъ—другое дѣло, конечно, подождетъ. И такъ, вотъ первая причина. О другой говорить я теперь не стану, потому что лишнее, а поговорю съ тобою тогда, когда уничтожится первая... Когда я расплачусь за тебя съ Аксаковымъ, тогда примусь съ тобою разсуждать о будущемъ назначеніи твоихъ денегъ. Пока же эта первая обязанность, тобою же на меня наложенная, не выполнена, о другомъ я говорить съ тобою не буду, потому что не могу принять на себя исполненіе такого дѣла, которое мнѣ кажется противнымъ справедливости".

Въ письмѣ отъ октября 1846 года говорится о томъ, какъ встрѣчено было письмо Гоголя къ Жуковскому о переводѣ Одиссеи,—съ извѣстными преувеличеніями значенія этого перевода. Шевыревъ пишетъ: „Письмо твое вызвало многіе толки. Розенъ возсталъ на него въ „Сѣверной Пчелѣ" такими словами: если Иліаду и Одиссею язычникъ могъ сочинить, чтó гораздо труднѣе, то, спрашивается, зачѣмъ же нужно быть христіаниномъ, чтобы ихъ перевести, чтó

гораздо легче. Многіе находили это замѣчаніе чрезвычайно вѣрнымъ, глубокомысленнымъ и остроумнымъ. Болѣе снисходительные судьи о тебѣ сожалѣютъ о томъ, что ты впалъ въ мистицизмъ". Далѣе упоминаются толки о „Перепискѣ съ друзьями", выходъ которой въ свѣтъ тогда ожидался. „Говорятъ,—пишетъ Шевыревъ,—что ты въ своей Перепискѣ, которая должна выйти, отрекаешься отъ всѣхъ своихъ прежнихъ сочиненій, какъ отъ грѣховъ. Этотъ слухъ огорчилъ даже всѣхъ друзей твоихъ въ Москвѣ. Источникъ его—петербургскія сплетни. Содержаніе книги твоей, которую цензуровалъ Никитенко, оглашено было какъ-то странно и достигло сюда. Боятся, что ты хочешь измѣнить искусству, что ты забываешь его, что ты приносишь его въ жертву какому-то мистическому направленію. Книга твоя должна возбудить всеобщее вниманіе; но къ ней приготовлены уже съ предубѣжденіемъ противъ нея. Толковъ я ожидаю множество безконечное, когда она выйдетъ".

Шевыревъ не получалъ еще „Переписки съ друзьями", когда въ письмѣ отъ декабря 1846 года опять высказывалъ Гоголю свои мысли объ его самомнѣніи. Онъ отказывался быть передатчикомъ Погодину словъ Гоголя, для него непріятныхъ. „Не такъ, другъ мой, говорятъ правду отъ любви, не тѣмъ языкомъ, безъ того раздраженія. Если ты любишь его, скажешь и правду ему иначе". Въ тонѣ, какимъ говорилъ Гоголь, „наставленіе становится похоже на брань, и любовь на гнѣвъ и злобу". Очень любопытно, что друзья Гоголя еще до появленія „Переписки" замѣчали странное возбужденіе Гоголя и предостерегали его. „Возвратиться въ Россію тебѣ пора. Даже отсюда ты могъ бы предпринять это путешествіе (въ Іерусалимъ). Чтò ни говори, а живя въ чужомъ народѣ и въ чужой землѣ—вбираешь въ себя чужую жизнь, чужой духъ, чужія мысли. Вотъ это замѣтили многіе и въ твоихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ. Мнѣ кажется тоже, что ты слишкомъ вводишь личное начало въ религію и въ этомъ увлекаешься тѣмъ, чтò тебя окружаетъ. Римское католичество ведетъ къ тому, что человѣкъ не Бога начинаетъ любить, а себя въ Богѣ. Даже молитва въ немъ переходитъ въ какое-то самоуслажденіе. Я замѣтилъ въ письмѣ твоемъ, что ты въ побочныхъ обстоятельствахъ видишь себѣ указанія (такъ напримѣръ болѣзнь Щепкина). Это мнѣ напомнило княгиню З. (Зинаиду Волконскую), которая также во всякомъ обстоятельствѣ жизни видитъ Бога, ей указующаго. Да вѣдь надобно заслужить это высокое состояніе пророка. Есть, конечно, во всемъ воля Божія. И волосъ не падетъ съ головы безъ нея. Но видѣть во всякомъ постороннемъ обстоятельствѣ личное отношеніе Бога ко мнѣ значитъ какъ бы хотѣть пріобрѣсти милость Божію въ свою собственность и самозванно на-

зваться избранникомъ Божіимъ и любимцемъ. Это все продолженіе motu proprio римскаго владыки. Берегись этой заразы. Отъ нея хранитъ чистое и смиренное наше православіе. Вотъ и поэтому пора тебѣ на родину. Здѣсь погрузишься въ жизнь своего народа и стряхнешь съ себя лишнее, чужое".

Въ письмѣ отъ 8-го января 1847, все еще не имѣя „Переписки", Шевыревъ пишетъ: „Плетневъ въ восторгѣ отъ твоей книги. Мнѣ до смерти досадно, что ея еще у насъ нѣтъ".

Въ письмѣ отъ 30-го января, опять о книгѣ, объ отношеніяхъ Гоголя къ Погодину и о настроеніи Гоголя: „Объ книгѣ твоей много толковъ. Она составляетъ теперь главный предметъ свѣтскихъ разговоровъ. Говорятъ и за нее, и противъ нея. Прежде чѣмъ говорить о книгѣ, я скажу о твоемъ поступкѣ съ Погодинымъ. Мнѣ кажется онъ нехорошимъ. Ты говоришь, что полезно бываетъ человѣку получить публичную оплеуху: полезно тому, кто ее съ смиреніемъ приметъ (такъ и принялъ Погодинъ); но каково тому, кто даетъ? Кто же изъ насъ въ правѣ дать ее, когда Самъ Іисусъ Христосъ не бросилъ камня въ грѣшницу? Мы, говорящіе о Церкви и Православіи, должны вести себя во всемъ святѣе и чище для того, чтобы вмѣстѣ съ собою не подвергнуть оговору Церковь и Православіе. Странно еще говоришь ты, что въ наше время можно сказать вслухъ всякую правду, и въ доказательство приводишь Карамзина, котораго Записка о древней Руси до сихъ поръ не напечатана, и когда я вздумалъ изъ нея немногое (не самое важное) привести на лекціи, то получилъ за это выговоръ отъ попечителя. Мы еще не доросли до высокой правды: никого въ томъ обвинять не надобно".

„Судя по книгѣ твоей,—продолжаетъ Шевыревъ,—ты находишься въ состояніи переходномъ. Разумъ твой убѣжденъ въ истинѣ нашей Церкви и Православія, но воля твоя заражена современною болѣзнію, болѣзнію личности, и ты дѣйствуешь скорѣе какъ римскій католикъ, а не какъ православный. Такъ могу я объяснить въ твоемъ завѣщаніи первую мысль о своемъ тѣлѣ, а послѣднюю о портретѣ. Въ тебѣ есть самообожаніе; ты имъ и нравишься нашимъ дамамъ, которыя хотя и православныя, но заражены тою же болѣзнію, какъ и ты. Такъ объясняю я твое поклоненіе одной изъ нихъ, которой ты позволяешь говорить все, увѣряя ее, что все будетъ прекрасно, если бы даже случилось ей сказать вздоръ, что̀ можетъ случиться со всякимъ. Совѣты твои помѣщику, хозяйкѣ и проч. проистекаютъ изъ той же личности твоей, страдающей недугомъ... Замѣчу только, что ты слишкомъ льстишь Жуковскому. Второе изданіе твоей книги я приму на себя на томъ только условіи, чтобы уничтожено было то, что̀ ты сказалъ о Погодинѣ. Въ противномъ случаѣ отказываюсь...

Ты же говоришь въ одномъ изъ писемъ: исправляй (недостатки) прежде въ самомъ себѣ. Неряшество въ слогѣ и въ изданіяхъ простительнѣе, чѣмъ неряшество душевное, проистекающее въ насъ отъ неограниченнаго самолюбія".

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ марта 1847, Шевыревъ снова возвращается къ книгѣ Гоголя, опять высказываетъ ему нѣсколько суровыхъ замѣчаній, но цѣлое впечатлѣніе у него, кажется, не установилось. „Ты избалованъ всею Россіею,—говоритъ онъ,—поднося тебѣ славу, она питала въ тебѣ самолюбіе. Потому въ тебѣ и должно быть его больше, чѣмъ во мнѣ. Но на всякаго своя доля. Въ книгѣ твоей оно выразилось колоссально, иногда чудовищно. Самолюбіе никогда такъ не бываетъ чудовищно, какъ въ соединеніи съ вѣрою. Въ искусствѣ, въ наукѣ, во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ оно можетъ значить и принести плодъ даже, а въ вѣрѣ оно уродство". Онъ думаетъ однако, что книга Гоголя „проистекла все-таки изъ добраго и чистаго источника, а что̀ изъ добраго источника проистекаетъ, то̀ непремѣнно къ добру и приведетъ". Гоголь, изъ писемъ Шевырева или самъ, увидѣлъ неприличіе своихъ словъ о Погодинѣ, о чемъ и писалъ Шевыреву; но послѣдній этимъ не удовлетворяется: „Мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—ты долженъ публично сознаться въ томъ, что его обидѣлъ. Ты говоришь, что и забылъ о словахъ оскорбительныхъ, какія были въ письмахъ твоихъ о Погодинѣ, потому что былъ занятъ чѣмъ-то важнѣйшимъ. Да развѣ о такихъ вещахъ забываютъ и что̀ же можетъ быть этого важнѣе? Тутъ же ты читаешь урокъ: слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ!—а самъ, говоря о человѣкѣ близкомъ, сказалъ такое слово, которое забылъ".

Гоголь, какъ извѣстно, желалъ имѣть всѣ отзывы о своей книгѣ. Шевыревъ извѣщалъ его о томъ, что̀ уже явилось въ журналахъ и газетахъ, и между прочимъ писалъ: „Въ Петербургѣ всѣ тебя ругали, за исключеніемъ Булгарина, который обрадовался случаю оправдаться и сказалъ: вотъ, видите! вѣдь я правду говорилъ, что сочиненія Гоголя никуда не годятся. Вотъ, онъ и самъ то же говоритъ. Здѣсь вышло двѣ статьи. Одна въ Листкѣ, Григорьева, съ сочувствіемъ къ тебѣ. Другая, самая сильная статья противъ тебя изъ всего до сихъ поръ напечатаннаго, статья Павлова. Она возбудила во многихъ сочувствіе, и много объ ней говорятъ... Павловъ печатаетъ рядъ писемъ и разбираетъ всю книгу твою по косточкамъ". Самъ Шевыревъ собирался высказать свое мнѣніе позднѣе, когда выслушаетъ всѣхъ. Здѣсь онъ пока прибавляетъ: „Главное справедливое обвиненіе противъ тебя слѣдующее: зачѣмъ ты оставилъ искусство и отказался отъ всего прежняго? зачѣмъ ты пренебрегъ даромъ Божіимъ? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь талантъ данъ тебѣ былъ отъ Бога. Ты развилъ

его, ты не скрылъ его въ землю. За что же пренебрегать тѣмъ? Ты такимъ пренебреженіемъ оскорбляешь и Бога, оскорбляешь и людей, которые въ тебѣ любовались этимъ талантомъ и его цѣнили. Какъ хочешь, это внушеніе гордости личной, гордости духовной, противъ которой ты самъ же говоришь на послѣднихъ страницахъ твоей книги".

Отмѣтимъ еще въ письмѣ отъ октября 1847 года весьма значительныя замѣчанія Шевырева о дурныхъ отношеніяхъ Гоголя къ семейству Аксаковыхъ.

Кому памятна литературная исторія „Переписки съ друзьями", тотъ оцѣнитъ большой историческій интересъ этихъ писемъ Шевырева. Эти письма представляютъ еще новое свидѣтельство того, что книга Гоголя вызвала неудомѣніе и даже негодованіе не только между такъ-называемыми западниками того времени, но и между ближайшими друзьями Гоголя, раздѣлявшими его религіозно-консервативныя идеи сороковыхъ годовъ. Эту сторону тогдашнихъ споровъ о книгѣ Гоголя должны бы больше изучить и уразумѣть новѣйшіе защитники „Переписки съ друзьями".

— Проф. Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Томъ I. (1802—1815 г.). Вып. второй. Харьковъ. 1896.

Мы имѣли случай упоминать о первомъ выпускѣ (1894) труда, предпринятаго г. Багалѣемъ. Исторія нашихъ университетовъ въ особенности служитъ историческимъ показателемъ развитія нашего просвѣщенія. Университетовъ у насъ еще слишкомъ мало въ виду той необходимости образованія, которая повидимому такъ очевидна при громадной территоріи государства, при обширности населенія, при широко развивающемся политическомъ значеніи Россіи. Повидимому, требовалась бы особливая забота объ умноженіи умственныхъ силъ, которыя должны были бы служить разнообразнымъ потребностямъ этого великаго организма; на дѣлѣ развитіе университетовъ, которые представляютъ собой единственные источники высшаго образованія, шло чрезвычайно медленно. Широкіе замыслы Петра для русскаго просвѣщенія никогда не были продолжаемы его преемниками съ тою энергіей, которая у Петра была свидѣтельствомъ пониманія національныхъ потребностей и обязанности государства. Московскій университетъ долго оставался единственнымъ; прошло цѣлыхъ полъ-вѣка, когда основано было еще три университета — въ Петербургѣ, Харьковѣ и Казани, и впослѣдствіи къ нимъ прибавились еще только университеты въ Кіевѣ и Одессѣ, при чемъ послѣд-

ній только теперь ожидаетъ открытія медицинскаго факультета; университетъ томскій едва можетъ называться университетомъ, потому что имѣетъ только медицинское преподаваніе; университеты варшавскій и юрьевскій существовали раньше; бывшій университетъ виленскій былъ закрытъ. Вся эта внѣшняя судьба высшихъ учебныхъ учрежденій имѣетъ тѣснѣйшую связь со всѣмъ ходомъ, какъ правительственной политики, такъ и общества, и исторія университетовъ въ томъ и другомъ отношеніи чрезвычайно любопытна... Въ первомъ выпускѣ своей книги г. Багалѣй далъ оригинальную картину культурнаго состоянія харьковскаго края до открытія университета. Если русское общество XVIII-го вѣка было вообще, по старому вѣковому преданію, довольно равнодушно къ начинавшемуся просвѣщенію и даже видѣло въ немъ иногда не только излишнюю прихоть, но и настоящій вредъ, потому что оно приходило нарушать безмятежную умственную лѣнь, нажитую вѣками, — то съ другой стороны среди этого общества были люди съ извѣстнымъ образованіемъ и понимавшіе пользу этого образованія. Въ Малороссіи такихъ людей, быть можетъ, бывало въ тѣ времена больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ въ Россіи: продолжалось вліяніе кіевской академіи, въ которой получали образованіе между прочимъ и свѣтскіе люди; потомъ дѣйствовалъ харьковскій „коллегіумъ", и въ первой главѣ своего труда (выпускъ первый) г. Багалѣй даетъ любопытную картину этого культурнаго состоянія харьковскаго края, которое предшествовало основанію харьковскаго университета и подготовляло его. Вторая глава разсказываетъ исторію самаго основанія харьковскаго университета (1802—1805), причемъ игралъ такую роль извѣстный В. Н. Каразинъ. Эта роль была весьма значительна, и необходимость особенныхъ усилій со стороны частнаго лица показываетъ однако, сколько было и въ этомъ дѣлѣ личнаго и случайнаго. Второй выпускъ книги г. Багалѣя заключаетъ опять двѣ главы. Одна разсказываетъ объ университетскомъ самоуправленіи за первые годы существованія университета (1805 — 1815); другая представляетъ обзоръ матеріальныхъ средствъ университета и его учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

Работа г. Багалѣя основана въ особенности на архивномъ матеріалѣ и тѣмъ болѣе становится цѣнной. Понятно, что интересъ этой исторіи выходитъ за предѣлы исторіи мѣстнаго учрежденія: это лишь эпизодъ изъ цѣлой исторіи русскаго образованія: уровень научнаго знанія, свойства университетскаго самоуправленія, сложившіеся обычаи, достоинства и недостатки университетскаго персонала, отношеніе общества къ университету и т. д. представляли конечно свои мѣстныя черты, объяснявшіяся мѣстными условіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ они въ значительной степени и даже гораздо больше отражали

въ себѣ общее состояніе нашего просвѣщенія. Такимъ образомъ исторія мѣстнаго университета является наглядной иллюстраціей этихъ общихъ условій нашего образованія и получаетъ широкій интересъ. Исторія нашихъ университетовъ до сихъ поръ разработана очень мало. Юбилейная исторія московскаго университета (1855) была только краткимъ оффиціальнымъ очеркомъ; такова же была исторія петербургскаго университета за пятьдесятъ лѣтъ (1869); болѣе обстоятельна была юбилейная исторія за пятьдесятъ лѣтъ кіевскаго университета въ связи съ біографическимъ словаремъ профессоровъ (1884),—только исторія начальныхъ годовъ казанскаго университета, Булича, и настоящій трудъ г. Багалѣя ставятъ задачей болѣе обстоятельное историческое изложеніе, съ подробностями, которыя изъ-за оффиціальной оболочки даютъ возможность видѣть черты настоящей дѣйствительности.—Т.

Въ теченіе августа мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бурже, Поль.—Трагическая идиллія. Одесса, 1896. Двѣ части, Стр. 307 и 306. Ц. 50 коп.

Гамбалевскій. В. В.—Отчетъ агронома Вятскаго губернскаго земства по Орловскому уѣзду. Вятка, 1896. Стр. 131.

Гольденвейзеръ, А. С.—Современная система наказаній и ея будущность по трудамъ Парижскаго пенитенціарнаго Конгресса. Приложеніе къ протоколамъ Кіевскаго Юридич. Общества. Кіевъ, 1896. Стр. 134. Ц. 1 р.

Гринченко, Б. Д.—Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Выпускъ 1. Черниговъ, 1895, IV и 308 стр. Выпускъ 2. Черниговъ, 1896, II т. Стр. 390.

Демянскій, В. В. проф. спб. консерваторіи.—О первоначальномъ преподаваніи игры на фортепіано въ семьѣ. Спб. 1896. Стр. 37. Ц. 20 коп.

Джерольдъ, Дугласъ Уильямъ.—Тридцать шесть поученій моей благовѣрной. Переводъ Вл. Ив. Штейна. Рисунокъ на обложкѣ Т. И. Никитина. Спб. 1896. Стр. 263. Ц. 1 р. 50 к.

Добролюбовъ, Н. А.—Сочиненія, томъ IV. Изданіе пятое. 1896. Спб. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 674. Цѣна за всѣ четыре тома семь руб.

Жеденовъ, Н. — Дѣтскіе сельскохозяйственно-кустарные пріюты самопомощи. Исторія ихъ, устройство и жизнь. Съ 5-ю рисунками и 5-ю планами. Спб. Изд. кн. маг. Фену и К°. 1896. Ц. 1 р.

Жеденовъ, Н.—Казенная, общественная и частная продажа вина. Ихъ экономическое и нравственное значеніе. Съ рисункомъ, картою и 2 графическими таблицами. Спб. Изд. кн. маг. Фену и К°. 1896.

Кропоткинъ, А., кн.—Стихотворенія. М. 1896. Стр. 138.

Крюковъ, Н. А., агрономъ при приамурскомъ генералъ-губернаторѣ, представитель приамурскаго края на Всероссійской Выставкѣ.—Приамурскій край

на Всероссійской Выставкѣ 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ. Съ 2 планами и 16 приложеніями. Нижній-Новгородъ, 1896. Стр. 232.

Кюнеръ, д-ръ.—Гигіена любви. Сокращенный переводъ съ нѣмецкаго. Одесса, 1896. Стр. 77. Ц. 50 коп.

Лавровъ, С. И.—Очеркъ земской медицины нижегородскаго уѣзда, 1866—1895 г. Изданіе нижегородск. уѣзд. земства. Н.-Новгородъ, 1896. Стр. 54.

Лавровъ, С. И.—Приложенія къ очерку земской медицины нижегородскаго уѣзда. Н.-Новгородъ, 1896. Стр. 11+8.

Ланге, д-ръ.—Эмоціи. Психофизіологическій этюдъ. Изданіе магазина „Книжное Дѣло". М. 1896. Стр. 95. Ц. 30 коп.

Литвинскій, П. А.—Домашній уходъ за учащимся ребенкомъ. (Изъ журнала „Воспитаніе и обученіе"). Спб. 1896. Стр. 109. Ц. 50 к.

Львова, А. Д.—Водоросли. Новый сборникъ стихотвореній. Изданіе кн. маг. Ледерле. Спб. 1896. Стр. 304. Ц. 1 р. 75 коп.

Маракуевъ, В. Н.—Наши азіатскіе сосѣди китайцы. Составлено по сочиненіямъ Роберта Дугласа, Симона, Э. Реклю, Ланессана и пр. Изданіе „Народной Библіотеки". Одесса, 1896. Стр. 190. Ц. 25 к.

Масловичъ, Н. В.—Басни и были. Посвящаю моимъ внукамъ и внучкамъ. Спб. 1896. Стр. 195. Ц. 75 коп.

М. З.—Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ. Біографическая замѣтка. Изданіе редакціи „Земскаго Сборника Черниговской губ." Черниговъ, 1896. Стр. 31.

Озе, Я.—Персонализмъ и проективизмъ въ метафизикѣ Лотце. Юрьевъ, 1896. Стр. IV и 476. Ц. 2 р. 50 к.

Птицынъ, Влад.—Селенгинская Даурія. Очерки Забайкальскаго края. Въ двухъ частяхъ, съ 10 рисунками и географ. картой Забайкалья. (La Daourie du bassin de Sélénga и пр.). Спб. 1896. Стр. X и 306. Ц. 2 руб.

Радимичъ, Е.—Изъ міра русскихъ народныхъ преданій. № 2. Милостивый Осипъ, или милости хочу, а не жертвы. (Изложено по „Бѣлорусскому Сборнику" Романова). Витебскъ, 1896. Стр. 83. Ц. 20 коп.

Раевскій, В., инспекторъ народныхъ училищъ.—Изъ жизни народныхъ училищъ. Очерки и характеристики училищъ, попечителей ихъ, законоучителей, учителей, учительницъ и дѣтей. Нижній-Новгородъ, 1896. Стр. 112.

Рамо, Жанъ.—Сердце Регины, романъ. Переводъ съ французскаго. (Новости Иностранной Литературы, іюнь, 1896). Стр. 220.

Риттихъ, П. А. — Политико-статистическій очеркъ Персіи. Съ картою. Спб. 1896. Стр. V+292. Ц. 2 р. 50 коп.

Роденъ, Эмилія.—Взбалмошная головка. Разсказъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Д. Михайловой. (Библіотека нашего юношества, выпускъ X). Изданіе кн. маг. Ледерле. Спб. 1896. Стр. VIII и 320. Ц. 80 коп., въ роск. переплетѣ 1 р. 40 коп.

Розановъ, П.—Судьба санитарно-медицинской организаціи въ Таврической губерніи. С. 35. Спб. Оттискъ изъ журнала „Общественно-санитарное обозрѣніе".

Рубакинъ, Н. А.—Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Изд. 3-е. Спб. 1896. Изданіе О. Н. Поповой. Съ рисунками. Стр. 92. Ц. 18 к.

Селивановъ, А. Ѳ., секретарь Общества пчеловодства.—Историческій очеркъ развитія пчеловодства въ Россіи. Изданіе, № 13, Русскаго Общества пчеловодства. Спб. 1896. Стр. 97. Ц. 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Сѣрошевскій, В. Л.—Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія. Изданіе Имп. Р. Географическаго Общества на средства, пожертвованныя А. И. Гро-

мовой. Подъ редакціей проф. Н. И. Веселовскаго. Томъ I. Съ 168 рисунками, портретомъ и картой. Спб. 1896. Больш. 8°. Стр. XII и 719. Ц. 4 руб.

Тиграновъ, Г. Ѳ. — Кассы горнорабочихъ. Очеркъ организаціи и дѣятельности ихъ. Спб. 1896. Стр. 117.

Угетти, Г. Б.—Лихорадка. Краткій обзоръ современныхъ знаній о лихорадочномъ процессѣ. Ауторизированный переводъ съ итальянскаго, съ поправками и добавленіями автора по нѣмецкому изданію сочиненія д-ра Валерія Идельсона, съ 32 рисунками въ текстѣ. Спб. 1896. Изданіе кн. маг. К. Л. Риккера. Ц. 2 р.

Чаевъ, Н.—Стихотворенія. М. 1896. Стр. 142. Ц. 1 р.

Шаховской, кн. Н. — Сельскохозяйственные отхожіе промыслы. Москва, 1896. Стр. VII+253. Ц. 1 р.

Шёнбергъ, Густавъ, профессоръ государственныхъ наукъ въ Тюбингенскомъ университетѣ.—Положеніе труда въ промышленности. Пер. съ нѣмецкаго Михаила Соболева, подъ редакціей проф. А. И. Чупрова. (Библіотека для самообразованія). М. 1896. Стр. XII, 401, III.

Шиманскій, Ф. С.—Статистическій обзоръ Саратовской губерніи. Отчетъ Губернскаго Статистическаго Комитета за 1895 годъ. Изданіе Саратов. Статист. Комитета. Саратовъ, 1896. f°.

Щегловъ, Иванъ.—Дачный мужъ, его похожденія, наблюденія и разочарованія. Второе дополненное изданіе. Спб. 1896. Стр. 174. Ц. 1 р.

— *Bełza*, Stanisław.—Obrazy Korsyki. Warszawa. Gebethner i Wolf. 1897. Стр. 232.

— *Drandar*, A. G.—Les événements politiques en Bulgarie depuis 1876 jusqu'à nos jours. Bruxelles, Paris. 1896. Стр. 381. Ц. 8 франковъ.

— Журналы засѣданій очередного Елисаветградскаго уѣзднаго земскаго собранія сессіи 1896 года. (Сессія XXXII). Съ приложеніемъ докладовъ уѣздной земской управы и коммиссій. Елисаветградъ, 1896. Стр. XXXVII и 149.

— Историческій очеркъ дѣятельности Россійскаго Общества Краснаго Креста. Составлено, подъ редакціею М. М. Федорова, В. Ѳ. Боцяновскимъ. Спб. 1896. Стр. 143. (Ц. 25 коп.).

— Краткій обзоръ дѣятельности Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ за второй годъ его существованія (30 марта 1895—30 марта 1896 г.). Спб. 1896. Стр. 234+V.

— Почтово-телеграфная статистика за 1894 годъ. Изданіе Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ. Спб. 1896. f°.

— Реформа денежнаго обращенія въ Россіи. Доклады и пренія въ III Отдѣленіи Импер. Вольнаго Экономическаго Общества. Стенографическій отчетъ. Спб. 1896. Стр. 263.

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томы девяносто пятый, шестой, седьмой и восьмой. Спб. 1896.

— Урожай 1895 г. въ Костромской губ. Кострома. 1896. Изд. Костромского губ. земства. Стр. 27+31+43 и таблицы.

— Что читать дѣтямъ до-школьнаго возраста. Руководящая статья и каталогъ. („Родительскій кружокъ" при Педаг. музеѣ в. у. з. въ Петербургѣ). Спб. 1896. Стр. 80. Ц. 30 коп.

ЗАМѢТКА.

По вопросу о происхожденіи Императрицы Екатерины I.

Выбитая Петровскимъ переворотомъ изъ своей московской колеи, русская жизнь преобразилась, прежде всего, въ высшемъ общественномъ слоѣ, въ лицѣ сановниковъ, завѣдывавшихъ государственными дѣлами, и царедворцевъ, толпившихся у трона. Чрезъ все восемнадцатое столѣтіе и даже позже чувствуется этотъ разрывъ съ прошлымъ: начиная съ Петра Великаго, при русскомъ дворѣ появляются все новые люди, случайные избранники, ни своими качествами, ни своимъ рожденіемъ не оправдывавшіе тѣхъ милостей, которыя сыпались на нихъ. Ничтожные вчера, возвеличенные сегодня, они нерѣдко на завтра уже удалялись со сцены, не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ. Въ извѣстномъ сочиненіи совѣтника саксонскаго посольства при дворѣ Екатерины II, Георга фонъ-Гельбига: „Русскіе избранники и случайные люди", приведено болѣе сотни именъ такихъ новыхъ людей, недостойныхъ памяти и весьма давно позабытыхъ.

Среди этихъ созданій счастія и случая первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, лифляндской крестьянкѣ, ставшей всероссійскою императрицею — единственный въ своемъ родѣ и никогда не повторявшійся въ анналахъ человѣчества примѣръ личнаго возвышенія. Неудивительно, поэтому, что какъ современники, такъ и въ позднѣйшее время историки интересовались возможно точными свѣдѣніями о происхожденіи императрицы Екатерины I Алексѣевны. Это не было празднымъ любопытствомъ: въ свѣдѣніяхъ о родныхъ и родственникахъ Мареы изъ Маріенбурга могли заключаться данныя для объясненія ея послѣдующей судьбы, быть можетъ для оправданія ея быстраго возвышенія. Между тѣмъ, подобныя разысканія тѣмъ затруднительнѣе, что именнымъ высочайшимъ указомъ были строжайше воспрещены всякіе даже разговоры о происхожденіи Екатерины, вслѣдствіе чего русскіе источники являются въ данномъ случаѣ крайне скудными. Тѣмъ цѣннѣе для насъ источники иностранные, благодаря которымъ мы можемъ въ настоящее время представить нѣкоторое дополненіе къ этому интересному вопросу.

Точно было извѣстно только, что въ 1702 году, при взятіи Маріенбурга, нѣкая Мареа попала, какъ плѣнница, въ руки фельдмар-

шала Шереметева; что она росла, какъ пріемышъ, въ домѣ пастора Глюка, и что была родомъ изъ крестьянъ. Въ первое время, конечно, легко было бы узнать всѣ мельчайшія подробности о ея происхожденіи, еслибы она своимъ положеніемъ того заслуживала; но она обратила на себя общее вниманіе не ранѣе, какъ въ 1712 году, послѣ своего брака съ императоромъ Петромъ I. Тотчасъ же составилась довольно обширная и болѣе или менѣе сказочная литература о происхожденіи молодой императрицы. Не останавливаясь на подобной литературѣ, отмѣтимъ только, что покойный академикъ Я. К. Гротъ собралъ и издалъ всѣ эти легендарныя сказанія въ 18 т. „Сборника II-го Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ", № 4, при чемъ онъ подтвердилъ высказанный Бюшингомъ, Вильбоа и Соловьевымъ взглядъ, что Екатерина была дочерью лифляндца Самуила Сковронскаго.

Этотъ взглядъ подкрѣпляется и получаетъ новое освѣщеніе, благодаря небольшой книжкѣ, принадлежащей „Обществу для исторіи и древностей прибалтійскаго края" и полученной имъ по наслѣдству отъ рижскаго антиквара Антона [1]). Вотъ что̀ представляетъ изъ себя эта драгоцѣнная нынѣ книжка.

Съ давнихъ временъ существуетъ въ Ригѣ пріютъ Св. Духа (Convent zum heiligen Geist) для безпомощныхъ вдовъ. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, въ началѣ прошлаго столѣтія, экономкою (Speisemutter) пріюта состояла госпожа Геслеръ, рожденная Лудендорфъ, изъ Помераніи; ея мужъ, Петръ Геслеръ, состоялъ экономомъ (Speisevater) пріюта. Послѣ г-жи Геслеръ, умершей въ 1740 году, осталась ея записная книжка, въ которой рядомъ съ наставленіями о приготовленіи различныхъ кушаній, печеніи хлѣбовъ и т. п., встрѣчаются рецепты противъ лихорадки, зубной боли и другія замѣтки подобнаго рода. Въ этой-то книжкѣ, на оборотѣ 7-й страницы, рукой г-жи Геслеръ записано:

„ihren nahmen So unter dem Mayoren Wulffenschild gewohnet [2]), welche in Riga sint eingekommen wo weitter hinauss waist man nicht. Anno 1725 den 2 Septem ist er bey mir gewesen. Sein nahm Siemon Leman, Ihr nahm ist Christina Sckonoromsky. Ihr Kinder der Elste Sohn Andreas Der Jüngst Sohn Johann Die Elste Tochter Agata Die Jüngste Maria".

(Переводъ:) Они поселенцы на землѣ майора Вульфеншильда; прибыли въ Ригу и куда они отсюда отправятся, неизвѣстно. Въ 1725 г. 2-го сентября онъ былъ у меня. Его зовутъ Симеонъ Леманъ—ее

[1]) Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1885, стр. 98.

[2]) Т.-е. въ рижскомъ округѣ въ имѣніи Ленневарденъ, принадлежавшемъ въ то время майору Вульфеншильду.

Христина Сконоромская. У нихъ дѣти: старшій сынъ Андрей, младшій Іоганнъ, старшая дочь Агаѳія, младшая Марія.

Далѣе рукою сына г-жи Геслеръ приписано:

„Dass war Catharina Kayserin von Russland ihre Schwester, eben benanndte Christina“.

(Переводъ:) Вышеназванная Христина была сестрою Екатерины, императрицы Россіи.

Насколько замѣтки эти заслуживаютъ довѣрія, видно изъ приведенной Гротомъ [1]) переписки рижскаго генералъ-губернатора князя Н. И. Репнина съ кабинетъ-министромъ А. В. Макаровымъ. Во время пребыванія императрицы въ Ригѣ, въ 1721 году, ей представлялась Христина Гендрикова, рожденная Сковоронская, объяснившая, что она—родная сестра императрицы и что ея братъ, вмѣстѣ съ женою, взяты во время войны въ плѣнъ русскими. Императрица одарила ее деньгами и отпустила ее, но вслѣдъ за тѣмъ Макаровъ получилъ, отъ 28-го февраля 1722 года, указъ объ отысканіи лифляндца Дириха Самуилева сына *Сковороцкаго*, который былъ взятъ въ плѣнъ, когда фельдмаршалъ Шереметевъ ходилъ въ Лифляндію. Но всѣ розыски по этому поводу остались безуспѣшными.

Князь Репнинъ былъ счастливѣе Макарова. Уже отъ 7-го апрѣля 1723 года онъ доносилъ, что жена лифляндца Карлуса Самуилева сына Сковоронскаго отыскана и что онъ убѣждалъ ее отправиться къ своему мужу, но она отъ этого отказалась, „понеже знаетъ состояніе мужа своего, что онъ и отъ нея не отъ малой причины ушелъ“. Въ другомъ письмѣ, отъ 13-го іюня того же года, онъ ссылается на указъ Ея Величества объ извѣстной женщинѣ (Христинѣ) съ мужемъ ея и дѣтьми, „и по тому указу буду чинить, и гдѣ пожелаетъ жить, въ домѣ или другомъ гдѣ мѣстѣ, содержать ее подъ присмотромъ чтобъ куда не отъѣхали и довольствовать буду. Только прошу васъ, моего государя, въ какомъ ее довольствѣ съ мужемъ и дѣтьми содержать, и писать ко мнѣ подлинно“.

Далѣе, въ письмѣ отъ 4-го іюня 1725 года онъ сообщаетъ, что наканунѣ вечеромъ была у него и „подала суплику на польскомъ языкѣ, которую при семъ посылаю, и сказывала мнѣ словесно, будто она Ея Величества сестра, что̀ и въ письмѣ ея написано, и братъ де ея родной и съ женою взятъ въ Русь, а она въ прошломъ 1721 году, въ бытность блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества и Ея Величества Государыни Императрицы здѣсь въ Ригѣ, та женка у Ея Величества была, и тогда Ея Величество пожаловала ей двадцать червонныхъ, и отпущена паки

[1]) Сборникъ, стр. 20 и слѣд.

въ домъ, и нынѣ она съ мужемъ и дѣтьми живетъ въ Лифляндіи недалеко отъ Риги". Въ своей просьбѣ Христина пишетъ: „я нынѣ живу въ бѣдномъ весьма положеніи въ деревнѣ Кегему на землѣ, принадлежащей г. майору Гульдынашульду (Вульфеншильду), который обращается со мной какъ съ крестьянкою и обижаетъ меня". Изъ дальнѣйшей переписки видно, что Христина лѣтомъ этого года была уже въ Ригѣ, такъ какъ въ письмѣ отъ 25-го августа князь Репнинъ напоминаетъ Макарову „объ извѣстной женщинѣ съ мужемъ ея и фамиліею, которые за непристойныя слова содержатся здѣсь подъ карауломъ". Наконецъ, въ донесеніи отъ 23-го января 1726 года князь Репнинъ перечисляетъ всѣхъ членовъ фамиліи въ особой „Росписи". „Женщина Крестина Сковорощанка съ мужемъ. У нихъ дѣтей два сына: одинъ 12-ти, другой 6-ти лѣтъ, да двѣ дочери: одна 9-ти, другая 2-хъ лѣтъ, и того самъ шостъ".

Такимъ образомъ, оказывается, что замѣтка г-жи Геслеръ совершенно вѣрна. Если она мужа Христины называетъ только Симеонъ Леманъ, то, очевидно, она выпустила второе имя, Генрихъ (по нѣмецки: Heinrich); Генрихъ же обращенъ позже въ Гендрикова потому, что Генрихъ соотвѣтствуетъ литовскому Индрикисъ. Имена дѣтей и сравнительный возрастъ ихъ опредѣлены въ замѣткѣ вѣрно. Андрей родился въ 1715 г., Іоганнъ въ 1719 г., Агаѳія, бывшая за Г. А. Петрово-Солововымъ, въ 1714 г., и Марія, по первому браку Чоглокова, а по второму Глѣбова, въ 1723 году [1]).

Послѣ замѣтки сына г-жи Геслеръ не подлежитъ уже сомнѣнію, что родители Екатерины носили фамилію Скавронскихъ или сходную съ нею. Невозможно допустить, чтобы сынъ записалъ въ этомъ случаѣ фамилію по ходившимъ въ то время слухамъ о происхожденіи императрицы; напротивъ, можно думать, что мать его давно уже знала Симеона, вслѣдствіе чего онъ и посѣтилъ ее въ Ригѣ.

Подобно происхожденію, столь же запутаны и противорѣчивы извѣстія и о первомъ женихѣ или мужѣ будущей императрицы, Іоганнѣ Крузе. Одни утверждаютъ, что она была только помолвлена и что свадьба не состоялась, вслѣдствіе занятія Маріенбурга русскими; другіе разсказываютъ, что Маріенбургъ былъ штурмованъ именно во время вѣнчанія и поэтому молодымъ было не до свадьбы, что ея молодой мужъ былъ убитъ во время штурма, что онъ былъ убитъ нѣсколько дней послѣ свадьбы. Наконецъ существуетъ и совсѣмъ уже невѣроятное извѣстіе, будто Марѳа была вдовою подполковника Тизенгаузена: еслибъ это извѣстіе было справедливо, члены стариннаго и обширнаго рода Тизенгаузеновъ не только не скрывали бы

---

[1]) Долгоруковъ, Россійская родословная книга, т. II, стр. 145.

своего родства съ Екатериною, но, напротивъ, старались бы извлечь изъ него различныя выгоды въ пользу самаго рода.

Одно изъ самыхъ раннихъ извѣстій о первомъ бракѣ императрицы принадлежитъ брауншвейгъ-люнебургскому резиденту при русскомъ дворѣ Веберу [1]). Онъ разсказываетъ, что молодой драгунъ, 22 лѣтъ, часто видѣлъ Мароу въ церкви, и влюбился въ нее. Онъ обратился къ одному изъ родственниковъ пастора Глюка и просилъ его содѣйствія. Глюкъ далъ свое согласіе, равно какъ и комендантъ города, обѣщавшій жениху повышеніе за его хорошую службу. Въ тотъ же вечеръ состоялась помолвка, и такъ какъ фельдмаршалъ Шереметевъ стоялъ всего лишь въ 15-ти миляхъ отъ Маріенбурга, черезъ три дня совершился бракъ. Недѣлю спустя, этотъ драгунъ, въ числѣ десяти, былъ посланъ на рекогносцировку, а на другой же день городъ былъ обложенъ русскими и ему предложено было сдаться. Такъ какъ гарнизонъ былъ слишкомъ слабъ, чтобъ защищаться, то пасторъ Глюкъ, съ славянской библіей въ рукахъ, въ сопровожденіи всей своей семьи, Екатерины, своего преподавателя Готфрида Вурма и со многими горожанами, вышелъ изъ города на встрѣчу Шереметева и просилъ его о пощадѣ, что̀ фельдмаршалъ и обѣщалъ. Ему бросилась при этомъ въ глаза Екатерина и онъ спросилъ Глюка, кто эта красавица; Глюкъ отвѣчалъ, что это его воспитанница, лишь нѣсколько дней назадъ вышедшая замужъ за шведскаго драгуна. Шереметевъ возразилъ на это, что она его и должна при немъ остаться; другіе же военноплѣнные будутъ отправлены въ Москву. Въ 1714 г. перебрался Вурмъ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ и давалъ ему, Веберу, и другимъ уроки русскаго языка. Вурмъ прибѣгъ къ милосердію Екатерины и получалъ отъ нея 10 рублей ежемѣсячно. „По временамъ она навѣдывалась о своемъ первомъ мужѣ и даже въ то время, когда находилась при князѣ Меншиковѣ, пересылала ему иногда отъ 20 до 30 рублей, не прибѣгая, однако, къ большимъ подаркамъ изъ опасенія, что онъ станетъ жить не по состоянію и начнетъ бахвалиться. Но это опасеніе длилось не долго, такъ какъ уже въ 1705 году этотъ драгунъ былъ убитъ въ какой-то стычкѣ“.

Бюшингъ, напротивъ, разсказываетъ [2]): „Недавно умершая въ Петербургѣ престарѣлая дама, хорошо знавшая Екатерину со времени ея появленія въ Россіи и пользовавшаяся полнымъ ея довѣріемъ, не только подтверждала вполнѣ справедливость извѣстнаго сообщенія, какъ Екатерина повѣнчалась съ шведскимъ драгуномъ въ

[1]) Nachricht, Die gewisse, von Ihro Russ. Kayserl. Majestät der Czaarin Catharina Alexiewna Ankunfft... Leben und Todt, wie dieselle aus der Feder eines vornehmen Officiers geflossen, der sich lange in Russland auffgehalten hat. S. l. 1717.

[2]) Magazin für die neuere Historie und Geographie, т. III, стр. 190.

Фрауштадтѣ, въ Польшѣ, но даже разсказывала мнѣ о слѣдующемъ замѣчательномъ обстоятельствѣ. Она одна присутствовала при дружескомъ и веселомъ разговорѣ императрицы Екатерины съ генераломъ Шлиппенбахомъ [1]), во время котораго Екатерина спросила его, не былъ ли ея женихъ Іоганнъ храбрымъ солдатомъ? Шлиппенбахъ отвѣтилъ на это вопросомъ: развѣ я тоже не храбръ? Екатерина подтвердила его храбрость и въ то же время повторила свой вопросъ, на что̀ Шлиппенбахъ отвѣчалъ: „всеконечно, ваше величество! и я горжусь, что я имѣлъ честь считать его въ числѣ своего отряда войскъ".

Вотъ два противорѣчивыя извѣстія: Веберъ говоритъ о *мужѣ*, съ которымъ Екатерина жила цѣлую недѣлю послѣ свадьбы; Бюшингъ же, со словъ самой Екатерины, только о *женихѣ*. Которое изъ этихъ двухъ извѣстій заслуживаетъ довѣрія? Веберъ—писатель серьезный, никогда не сообщающій какихъ-либо вымысло̀въ; его „Das veränderte Russland" отличается большою достовѣрностью, его указанія всегда точны, свѣдѣнія вѣрны. Такъ и въ данномъ случаѣ: свѣдѣнія о первой свадьбѣ Екатерины почерпнуты имъ изъ вполнѣ надежнаго источника—отъ Готфрида Вурма, который былъ въ Маріенбургѣ учителемъ пастора Глюка и, слѣдовательно, не только могъ, но и долженъ былъ хорошо знать всѣ подробности о свадьбѣ Іоганна и Екатерины. Бюшингъ [2]), съ своей стороны, заслуживаетъ всегда довѣрія, какъ человѣкъ, никогда въ теченіе своей многолѣтней литературной дѣятельности не сообщавшій завѣдомой неправды; онъ и въ данномъ случаѣ совершенно точно передаетъ слова Екатерины, которая завѣдомо, съ умысломъ, называетъ своего перваго мужа только женихомъ. Указъ отъ 30 января 1727 года проливаетъ яркій свѣтъ на это обстоятельство: по словамъ этого указа, являлись „въ разныхъ городѣхъ и уѣздѣхъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ многіе злодѣи въ непристойныхъ и противныхъ словахъ противъ персонъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества. Также и нынѣ благополучно владѣющей Ея Императорскаго Величества и ихъ высокой фамиліи... Того ради Ея Императорское Величество указала, ежели съ сего указу впредь кто бъ какого зва-

---

[1]) Вольмаръ-Антонъ Шлиппенбахъ, плѣненный подъ Полтавою и поступившій позже на русскую службу.

[2]) Пасторъ церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ съ 1761 года. Человѣкъ, близкій не только съ русскими государственными дѣятелями того времени, но и съ иностранными дипломатами — учитель въ 1750 году въ домѣ датскаго посланника Линара, сотрудникъ Миниха, Бирона, Сиверса по церковнымъ дѣламъ, знавшій Бестужева-Рюмина, Воронцова, Панина, Румянцова, Корфа и другихъ особъ Елисаветинскаго времени, онъ могъ слышать многое о Екатеринѣ.

нія ни былъ, явится въ такихъ же непристойныхъ и противныхъ словахъ про Его блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императорское Величество, также и противъ персоны Ея Императорскаго Величества и Ихъ Величества Высокой Фамиліи, а по извѣтомъ и по доказательству оныя въ томъ будутъ обличены, и хотя станутъ показывать отговоркою, якобы они тѣ непристойныя и противныя слова говорили съ проста или съ пьяна, и таковымъ злодѣямъ за тѣ ихъ вины, не смотря на такія ихъ отговорки, учинена будетъ смертная казнь безъ пощады".

Очевидно, Екатерина употребляла всевозможныя средства, чтобы скрыть свое происхожденіе, и въ разговорѣ съ генераломъ Шлиппенбахомъ, въ присутствіи другихъ лицъ, не задумалась назвать Іоганна не мужемъ, а только женихомъ.

Кромѣ этого отрицательнаго доказательства, показаніе Вебера дополняется и истинность его подтверждается документомъ, который былъ найденъ предсѣдателемъ вышеупомянутаго Общества барономъ Брюнингомъ при протоколахъ лифляндской духовной консисторіи, гдѣ этотъ важный документъ хранится въ подлинникѣ, и куда онъ былъ представленъ 27 января 1708 г. [1]).

Находившійся на шведской службѣ Іоганнъ Крузе, въ то время фурьеръ въ ротѣ полковника Нирота и капитана Менвенкампа, стоявшій въ Перновѣ, желалъ вступить въ бракъ съ Софіею Рихтеръ, вдовою магистратскаго мельника, за три года предъ тѣмъ умершаго. Спрошенный по этому поводу о своемъ первомъ бракѣ, Крузе показалъ: Его жена, тотчасъ послѣ свадьбы, была взята въ плѣнъ при сдачѣ Маріенбурга въ 1702 году. Она была дочерью купца и родомъ изъ Польши; по имени ее звали Екатериной [2]), фамиліи же ея онъ никогда не зналъ. Онъ, Крузе, былъ въ то время простымъ рейтаромъ въ полку полковника Фрица Вахтмейстера. Вотъ этотъ документъ, выданный, по просьбѣ Крузе, шведскимъ майоромъ М. П. фонъ-Гейненомъ:

„Produc. uthi Consist. eccles. Pern. 1708 d. 29. Jan. Weilen der Führer Johann Kruse mich gebetten einen Atest von seiner Frauen, die bey Margienburg von denen Russen gefangen worden und sich da zu Mahl bey dem Prinz Alexander Danelowitz Menschenkopf autgehalten, wie ich nebst denen anderen Officiren nach der Dorptschen Eroberung nach Narva hin geführet wurden, Ihr daselbst gesehen und von Unterschiedenen befraget wurde, ob sie nicht wieder verlangte bey ihrem Manne zu seyn? Worauf sie gesaget: er mögte sich suchen

[1]) Sitzungsberichte. 1894, стр. 117.

[2]) Весьма важное показаніе: католичка Марѳа, при переходѣ въ протестантство, была наречена Екатериной.

zu behelfen wie er wolte, sie verlangte nicht ihr Lebtage bey ihm zu sein noch zu kommen, maassen sie es an jezo so gutt hette als eine Prinzessin es verlangen könte. Auch sagte die Frau General Majorin Renne, dass sie mit erwehnten Alexander zwey Kinder gezeiget hette, welche zu Petersburg wehren. Dieses passirte A. 1704 d. Augusti Mohnat unb kan dis atestatum gedachten Führer Kruse auf sein Begehren nicht weigern, sondern habe diss zu mehrer Beglaubigung unter meines Nahmens Unterschrieft und bey gedructen Signet von mir geben wollen. So geschehen Pernau d. 12. July 1706.

M: P: v. Heinen".

(Sig.)

(Переводъ:) Предъявлено изъ перновской духовной консисторіи 29 января 1708.

„Фурьеръ Іоганнъ Крузе просилъ меня о свидѣтельствѣ по поводу его жены, которая была плѣнена русскими при Маріенбургѣ и содержалась въ то время у князя Александра Даниловича Меншикова, какъ я, вмѣстѣ съ другими офицерами, препровождавшимися по завоеваніи Дерпта въ Нарву, видѣлъ ее тамъ, причемъ многіе спрашивали ее, не желаетъ ли она возвратиться къ своему мужу? На что она сказала: онъ можетъ дѣлаться, какъ хочетъ, она же не желаетъ не только жить съ нимъ, но и придти къ нему, такъ какъ въ настоящее время она обладаетъ всѣмъ, чего только княгиня могла бы пожелать. Супруга генералъ-майора, г-жа Ренне, также говорила, что она прижила отъ упомянутаго Александра двоихъ дѣтей, которыя находятся въ Петербургѣ. Это происходило въ августѣ 1704 года, и я не только не могу отказать названному фурьеру Крузе въ этомъ свидѣтельствѣ, котораго онъ желаетъ, но для большей достовѣрности скрѣпляю его подписомъ своего имени и приложеніемъ печати. Дано въ Перновѣ, 12-го іюля 1706 года.

М. П. фонъ-Гейненъ".

(Мѣсто печати.)

На прошеніе Іоганна Крузе послѣдовала изъ консисторіи резолюція въ томъ смыслѣ, что онъ обязанъ представить еще новыя достовѣрныя доказательства, на основаніи которыхъ консисторія могла бы содѣйствовать формальному его разводу; до тѣхъ же поръ консисторія не можетъ разрѣшать ему обручиться съ Софіей Рихтеръ. Протоколы духовной консисторіи сохранились до 11-го марта 1709 года, и въ нихъ уже ничего не говорится о занимающемъ насъ вопросѣ.

Всѣ показанія майора Гейнена, касающіяся историческихъ данныхъ, оказываются совершенно вѣрными. Дерптъ былъ взятъ 13 іюля 1704 года. По дневнику коменданта города Скитте [1]), въ условіяхъ

[1]) Lenz, Livländische Lesebibliothek, III, стр. 111.

капитуляціи гарнизону былъ предоставленъ свободный выходъ и продолженіе службы въ рядахъ шведской арміи, чѣмъ и объясняется, что Гейненъ въ 1706 году стоялъ со своимъ отрядомъ въ Перновѣ. Скитте съ нѣсколькими офицерами былъ посланъ въ Нарву, которая въ то время была окружена русскими войсками подъ предводительствомъ Петра и Меншикова. Изъ переписки Меншикова съ дѣвицами Арсеньевыми видно, что Меншиковъ, письмомъ отъ 26-го іюля 1704 года, вызывалъ „подъ Нарву“ Арсеньевыхъ, „и по всему вѣроятію и Екатерину“, прибавляетъ издатель [1]). Эта догадка издателя вполнѣ подтверждается свидѣтельствомъ Гейнена. Что же касается разсказа генералъ-майорши Ренне, то онъ подлежитъ еще всестороннему обслѣдованію на основаніи писемъ Меншикова и самой Екатерины [2]).

Благодаря барону Брюнингу, разъяснена до извѣстной степени и дальнѣйшая судьба перваго мужа Екатерины, Іоганна Крузе [3]). По просьбѣ Брюнинга, начальникъ военно-историческаго отдѣла шведскаго генеральнаго штаба, майоръ фонъ-Стедтъ, собралъ въ военномъ архивѣ всѣ справки по службѣ Іоганна Крузе, и оказалось, что показанія протокола духовной консисторіи какъ о личности, такъ и о службѣ Крузе совершенно справедливы. Дѣйствительно, въ полковыхъ спискахъ отъ 5-го іюля 1702 года, подъ № 33 значится Іоганнъ Крузъ (Iohan Cruhs) въ полку полковника Фрица Вахтмейстера, въ ротѣ ротмистра фонъ-Будберга, въ эстонскомъ взводѣ (estnische Adelsfahne); онъ отмѣченъ вмѣстѣ съ другими четырьмя рейтарами, поставленными собственниками Мекса и Палопера [4]), двухъ помѣстій, обложенныхъ обычною военною поставкою. Позже, въ перновскихъ спискахъ 1703 года, этотъ же Крузе (здѣсь уже Kruss) значится фурьеромъ въ полку полковника Нирота. Въ 1705 г., майоръ Гейненъ дѣйствительно состоялъ ротнымъ командиромъ въ полку Нирота и могъ, слѣдовательно, выдать Іоганну Крузе вышеприведенное свидѣтельство. Позже, въ 1710 году, въ спискахъ полка Нирота, Крузе значится сержантомъ въ ротѣ Г. Г. Швебса. 28-го сентября 1710 года, послѣ капитуляціи Ревеля, этотъ полкъ Нирота отплылъ въ Швецію [5]), и такимъ образомъ, если Крузе не палъ подъ стѣнами Ревеля, онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ полкомъ отправиться въ Швецію или возвратиться на родину, но о дальнѣйшей его судьбѣ свѣдѣній не имѣется.

---

[1]) Есиповъ, Князь А. Д. Меншиковъ, въ Русскомъ Архивѣ 1875, II, стр. 242.
[2]) Ibid., стр. 241, 242.
[3]) Sitzungsberichte. 1895, стр. 110.
[4]) Въ приходѣ Кошкуль, гаррійскаго округа, эстляндской губерніи.
[5]) Wrangell, Chronik von Ehstland, стр. 180.

Исторія первой русской императрицы еще не написана. Конечно, ливонская плѣнница „свѣтила не собственнымъ свѣтомъ“ [1]), но она въ значительной степени освѣщаетъ личность перваго русскаго императора. Не зная Екатерины, нельзя узнать Петра. Въ этомъ отношеніи приведенныя нами показанія особенно цѣнны, такъ какъ касаются ранней судьбы Екатерины, еще до появленія ея на русской землѣ. Ребенкомъ, въ домѣ Глюка, она была уже не Мареой, какъ принято именовать ее, а Екатериной—это имя было наречено ей при переходѣ изъ католичества въ протестантство, а не при переходѣ ея изъ протестантства въ православіе [2]). Вопреки словамъ самой Екатерины, шведскій драгунъ Крузе былъ не только женихомъ, но мужемъ ея, и эти первыя ея брачные узы были признаны настолько крѣпкими, что духовная консисторія не признавала себя въ правѣ развязать ихъ. Эти два вывода изъ предложенныхъ нами данныхъ не подлежатъ уже сомнѣнію.

К. Феттерлейнъ.

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, XVIII, 279.

[2]) Костомаровъ, „Екатерина Алексѣевна“ въ „Др. и Новой Россіи“, 1877, I, 189.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Henri Rochefort. Les Aventures de ma vie. Tome I. Paris, 1896. Стр. 378.

Анри Рошфоръ, какъ бы уставши громить всѣхъ представителей смѣняющихся режимовъ Франціи, взялся за писаніе мемуаровъ, т.-е. за „сведеніе счетовъ“ съ своими политическими врагами въ прошломъ; онъ даже старался на этотъ разъ смѣнить рѣзкость своихъ полемическихъ пріемовъ болѣе добродушнымъ тономъ безпристрастнаго повѣствователя минувшихъ дѣлъ. Этого намѣренія, однако, ему не удалось осуществить: какъ только отъ разсказовъ о событіяхъ дѣтства онъ переходитъ къ своимъ первымъ столкновеніямъ съ людьми и политическими интересами, онъ сразу превращается въ неистоваго партійнаго борца, для котораго побѣда надъ врагомъ гораздо важнѣе возстановленія исторической правды. Этимъ, конечно, значительно умаляется интересъ записокъ Рошфора.

Богатое фактическое содержаніе ихъ является повсюду тенденціозно освѣщеннымъ и не внушаетъ довѣрія;—пользоваться, какъ документами, его разсказами о политическихъ процессахъ временъ имперіи, о прошломъ разныхъ дѣятелей политики и журналистики—было бы неосторожно. Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько Рошфоръ „увлекается“ въ своихъ сужденіяхъ и воспоминаніяхъ, достаточно одной небольшой подробности: Рошфоръ настаиваетъ нѣсколько разъ на томъ, что онъ никогда не игралъ въ рулетку и на скачкахъ и что всѣ обвиненія его въ этомъ ни на чемъ не основаны. А между тѣмъ, какъ парижане, такъ и многіе иностранцы были свидѣтелями того, что̀ произошло года полтора тому назадъ, при возвращеніи Рошфора изъ Англіи: амнистированнаго изгнанника встрѣтили въ Парижѣ толпы рабочихъ, носили его на рукахъ съ вокзала къ нему на домъ, онъ говорилъ соотвѣтственныя рѣчи—и черезъ два дня уѣхалъ на скачки въ Ниццу и затѣмъ въ Монте-Карло. Даже равнодушные ко всему въ мірѣ кромѣ своей ставки посѣтители казино повскочили съ мѣстъ при его появленіи, окружили толпой знаменитаго демагога съ его непримиримо торчащей кверху бѣлой шевелю-

рой и слѣдили за тѣмъ, какъ, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, онъ ставилъ только на „rouge“ въ trente et quarante—и выигрывалъ; за дальнѣйшимъ теченіемъ его игры уже никто, однако, не слѣдилъ, потому что, ежедневно посѣщая казино въ теченіе цѣлыхъ недѣль, Рошфоръ утратилъ интересъ новизны. Но поспѣшность, съ которой Рошфоръ отправился въ Монако въ первые же дни возвращенія на родину, показываетъ, что негодованіе его противъ „клеветъ“ враговъ неосновательно, какъ и во многихъ другихъ его пререканіяхъ съ политическими врагами.

Интересъ мемуаровъ Рошфора — не столько документальный, сколько психологическій. Неугомонный обличитель всѣхъ режимовъ теперь подводитъ итоги своей дѣятельности и тѣмъ самымъ какъ бы признаетъ ее законченной, отжившей свое время. Для читателя же, слѣдящаго за перипетіями пестрой жизни Рошфора, законченнымъ— и тоже, быть можетъ, нѣсколько отжившимъ — рисуется общественный типъ, воплощенный въ авторѣ мемуаровъ. Рошфоръ — журналистъ-воитель чисто-французскаго образца, представитель того времени, когда пресса не составляла еще во Франціи признанной общественной силы, но стремилась стать ею. Въ лицѣ Рошфора соединились всѣ элементы, составляющіе и силу, и слабость французской журналистики; на его примѣрѣ ясно видно, какъ странная смѣсь активности, стойкости и непримиримости убѣжденій уживается въ французскомъ газетномъ дѣятелѣ съ величайшимъ фразерствомъ, узкимъ партизанствомъ, недобросовѣстностью и тѣмъ специфическимъ парижскимъ свойствомъ, которое окрещено словомъ „благёрство“ и которое въ значительной степени создано самимъ Рошфоромъ. Отрицательныя черты этого типа журнальныхъ дѣятелей неприкосновенно сохранились во французской газетной печати нашихъ дней — немногіе обладаютъ мѣткостью и сочностью пера Рошфора, но всѣ готовы прибѣгать къ его не всегда благовиднымъ пріемамъ. Если же Рошфоръ кажется представителемъ отживающаго во Франціи типа, то именно положительными сторонами своей натуры, тѣмъ, что за его внѣшнимъ трескучимъ энтузіазмомъ не скрывается полное равнодушіе къ торжеству принциповъ, подобно тому, какъ это можно прослѣдить на журналистахъ новѣйшей формаціи. Какъ ни странно сказать это про человѣка, часто мѣнявшаго свое знамя и скомпрометированнаго въ такихъ политическихъ аферахъ, какъ буланжизмъ, Рошфоръ неуклонно слѣдовалъ какому-то неопредѣленному идеалу свободы, и во имя этого несбыточнаго идеала былъ протестантомъ противъ всякихъ существовавшихъ на дѣлѣ правительствъ и порядковъ. Всѣ его дѣйствія и журнальныя начинанія отмѣчены

безкорыстностью и воодушевленіемъ, характерными для созидателей новаго въ различныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, — а Рошфоръ былъ несомнѣнно однимъ изъ талантливыхъ созидателей французской прессы, ставшей грозною общественною силой.

Первый томъ мемуаровъ знакомитъ читателей съ дѣтствомъ и молодостью Рошфора, а также съ расцвѣтомъ его журнальной славы, т.-е. временемъ изданія „Lanterne". Интересны подробности о семьѣ маркизовъ де-Рошфоръ-Люсэ, владѣвшихъ нѣкогда громадными помѣстьями въ центрѣ Франціи и разорившихся окончательно во время революціи. Со словъ различныхъ бабушекъ и прабабушекъ Рошфоръ вноситъ поправки въ общеизвѣстныя историческія подробности. Такъ, напр., разсказы о послѣднихъ минутахъ королевы Маріи Антуанетты во время казни Рошфоръ называетъ „сентиментальной басней": бабушка Рошфора была будто бы свидѣтельницей казни; по ея словамъ, королева была все время въ обморокѣ, и ни одного слова не было произнесено ни ею, ни палачами до самаго конца. Со словъ другихъ родныхъ — дѣда и отца — Рошфоръ даетъ новое освѣщеніе знаменитой исторіи объ ожерельѣ Маріи-Антуанетты, подаренномъ ей кардиналомъ Рогановъ. Онъ доказываетъ, совершенно голословно по обыкновенію, что Роганъ въ самомъ дѣлѣ далъ ожерелье королевѣ, очень стремившейся одѣть его; когда же ювелиры, напрасно ожидавшіе уплаты двухъ милліоновъ, обнаружили покупку ожерелья кардиналомъ для королевы, устроена была цѣлая комедія, найдена авантюристка, которая будто бы выдавала себя передъ кардиналомъ за королеву и для которой онъ хотѣлъ купить бриллiанты, затѣмъ найдена была дама, взявшая на себя роль мнимой посредницы и представшая передъ судомъ въ качествѣ обвиняемой—и все это для того, чтобы королева не оказалась героиней скандальнаго процесса. Разыграна была комедія суда, причемъ осужденнымъ заранѣе обѣщаны были безнаказанность и награды—и въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ строгаго приговора судьи, обѣ обвиняемыя — авантюристка Оливія и статсъ-дама м-мъ Ламотъ исчезли изъ своихъ тюремъ и удобно устроились внѣ предѣловъ Франціи. Рошфоръ негодуетъ на легковѣрность французскаго общества, повѣрившаго сочиненной баснѣ, но такъ какъ его собственная версія составлена лишь на основаніи предполагаемыхъ семейныхъ преданій, то нѣтъ основанія довѣрять ей болѣе, чѣмъ другимъ передачамъ той же исторіи.

Жизнь Рошфора въ дѣтствѣ и молодости была менѣе всего роскошной; родители его были очень стѣснены въ матеріальномъ отношеніи, и, едва успѣвши сдѣлаться баккалавромъ, молодой Рошфоръ долженъ былъ заняться уроками. Онъ разсказываетъ нѣсколько слу-

чаевъ изъ своей педагогической дѣятельности по поводу того, какъ родители его воспитанниковъ гордились тѣмъ, что у нихъ состоитъ на жалованьѣ потомокъ древняго рода. Интересны картинки школьной жизни въ запискахъ Рошфора. Жалобами на тяжесть режима въ закрытыхъ школахъ во Франціи полны всѣ воспоминанія французскихъ дѣятелей на разныхъ общественныхъ поприщахъ. Мрачную эпопею школы написалъ Жюль Валлесъ, авторъ „Refractaires", и воспоминанія Рошфора рисуютъ такую же безотрадную картину школьнаго рабства: лицей, въ который онъ попалъ, Рошфоръ считаетъ хуже всѣхъ тюремъ, знакомыхъ ему очень близко—и этимъ сравненіемъ онъ пользуется, чтобы дать внушительный списокъ тюремъ, составлявшихъ послѣдовательные этапы его политической карьеры: „Я терся въ своей жизни объ изрядное количество тюремныхъ стѣнъ,— говоритъ Рошфоръ:—въ тюрьмѣ Сенъ-Пелажи я пробылъ семь мѣсяцевъ, въ Версальскомъ домѣ заключенія—пять мѣсяцевъ, жилъ кромѣ того въ фортѣ Баяръ, представляющемъ нѣчто въ родѣ каменнаго слона, покрытаго слоемъ дегтя и имѣющаго по вечерамъ видъ огромнаго катафалка среди моря, въ Олеронской крѣпости и фортѣ св. Мартина, не считая Турской тюрьмы, гдѣ я былъ заключенъ во время процесса Луи Бонапарта, и замка въ Блуа,—тамъ меня поселили въ большой комнатѣ, въ которой былъ убитъ герцогъ де-Гизъ". Къ этому перечню Рошфоръ прибавляетъ еще четыре мѣсяца, проведенныхъ въ закрытомъ помѣщеніи на кораблѣ „Virginie", переплавлявшаго его вмѣстѣ съ другими дѣятелями коммуны „къ антиподамъ".

Литературные дебюты Рошфора были значительно облегчены литературными связями его отца, извѣстнаго автора водевилей. Дюма-отецъ былъ первымъ покровителемъ начинающаго журналиста, который одновременно писалъ въ „Charivari", „Presse Théatrale", „Nain Jaune" и „Figaro" и состоялъ на службѣ въ Hôtel de Ville, гдѣ его непосредственные начальники, въ томъ числѣ Дрюмонъ, отецъ редактора „Parole Libre", снисходительно относились къ его небрежному отношенію къ службѣ.

До начала второй имперіи журнальная дѣятельность Рошфора не имѣла рѣзко оппозиціоннаго характера,—вопросы театра, литературы и искусства занимали его болѣе всего другого. Онъ ставилъ съ разнымъ успѣхомъ небольшія пьесы и вырабатывалъ въ себѣ большое пониманіе картинъ. Очень любопытны сообщаемыя имъ подробности о картинахъ, ихъ цѣнителяхъ и покупателяхъ, объ аукціонахъ и продѣлкахъ ловкихъ продавцовъ, о фальшивомъ бюстѣ Донателло, купленномъ Лувромъ, о продажѣ какой-то ремесленной копіи подъ

названіемъ „Salvator Mundi“ за работу знаменитаго стараго мастера Сальватора Мунди, и т. п.

Въ Рошфорѣ просыпается его воинственная натура вмѣстѣ съ началомъ Наполеоновской имперіи. Отъ службы онъ вскорѣ отказывается, хотя ему предлагаютъ повышеніе, и въ „Figaro“ начинаетъ выдѣляться своими выходками противъ бонапартистовъ и своей остроумной борьбой противъ цензуры. Когда же дурныя отношенія съ собственникомъ „Figaro“ Вильмесаномъ и цензурныя условія сдѣлали для Рошфора невозможнымъ дальнѣйшее сотрудничество въ „Figaro“, Рошфоръ, по совѣту друзей, „переѣхалъ въ собственный домъ“, по его выраженію, и даже домъ-особнякъ, въ которомъ жилъ совершенно одинъ; другими словами, онъ основалъ „Lanterne“ и на второй день послѣ появленія перваго нумера сдѣлался знаменитѣйшимъ человѣкомъ Парижа. Все, чтó разсказываетъ Рошфоръ о размѣрахъ своей славы, не преувеличено, а выдержки изъ „Lanterne“, приводимыя имъ, показываютъ, что слава эта была заслужена талантливостью памфлетиста.

На исторіи возникновенія „Lanterne“ обрывается первый томъ мемуаровъ;—во второмъ будетъ разсказано о самой интересной сторонѣ его политической карьеры — объ участіи въ событіяхъ коммуны и объ эпохѣ буланжизма, которому онъ, конечно, придастъ свое особое освѣщеніе.

II.

Augustin Filon. Le Théâtre anglais. Paris, 1896. Стр. 308.

Въ то время, какъ англійская поэзія и англійскій романъ нашего столѣтія составляютъ общеевропейское достояніе и изучаются за предѣлами Англіи съ тѣмъ же рвеніемъ, какъ и въ самой странѣ,— судьба англійской драмы сложилась совершенно иначе. Англія дала міру величайшаго драматурга, и пережила послѣ Шекспира еще одинъ періодъ — въ концѣ XVII-го вѣка — блестящаго расцвѣта комедіи; послѣ того англійское драматическое искусство, какъ бы истощивъ всѣ свои жизненныя силы, изсякло. Драма и комедія XVIII-го вѣка и начала нынѣшняго имѣютъ почти исключительно историко-литературный интересъ, и даже талантливыя комедіи Шеридана и Гольдсмита не поднимаютъ общаго уровня, являясь какъ бы исключеніями среди всеобщей посредственности.

Англійскимъ театромъ нашихъ дней европейская публика совер-

шенно не интересуется и совершенно его не знаетъ. Извѣстно, что на англійскихъ сценахъ господствуютъ такіе суррогаты искусства, какъ фарсъ (burlesque), пантомима и, въ лучшемъ случаѣ, мелодрама съ разными сенсаціонными приправами, въ родѣ „линчеванія" на сценѣ, крушенія поѣздовъ и т. п.; извѣстно также, что болѣе серьезныя сцены живутъ переводами и передѣлками французскаго театра 30-хъ и 40-хъ годовъ,— этотъ старинный репертуаръ не подлежитъ оплатѣ droits d'auteur и потому директора театровъ предпочитаютъ его переводу новыхъ иностранныхъ пьесъ. Возможно ли при такихъ внѣшнихъ условіяхъ существованіе серьезнаго національнаго театра, и въ состояніи ли публика, привыкшая къ кривляніямъ паяцовъ, цѣнить настоящихъ актеровъ, играющихъ пьесы съ внутреннимъ содержаніемъ? Этимъ вопросомъ задается Огюстенъ Филонъ въ своемъ добросовѣстномъ и обстоятельномъ очеркѣ современнаго англійскаго театра. Книга его особенно интересна въ виду незнакомства европейскихъ читателей съ англійскимъ театромъ; она содержитъ много фактическихъ данныхъ о современныхъ драматургахъ, о лучшихъ пьесахъ новаго репертуара и о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ артистахъ, которые стараются поднять эстетическое развитіе публики. Однимъ изъ главныхъ элементовъ возрожденія, переживаемаго теперь англійскимъ театромъ, Филонъ считаетъ высокій уровень драматической критики, существованіе нѣсколькихъ талантливыхъ писателей, успѣвшихъ уже воспитать воспріимчивую публику для сложныхъ психологическихъ и философскихъ пьесъ новаго репертуара.

Исторію современнаго англійскаго театра Филонъ начинаетъ издалека—съ самаго начала столѣтія. Изучая положеніе театра въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, онъ констатируетъ существованіе крупныхъ по таланту актеровъ и отсутствіе новыхъ пьесъ, въ которыхъ они могли бы выступать. Это—время Кина и Макреди; изъ нихъ первый достигалъ величайшихъ эффектовъ отдѣльными вдохновенными моментами, а второй былъ болѣе выдержаннымъ артистомъ.—Оба они стяжали славу на шекспировскомъ репертуарѣ, но Макреди былъ вмѣстѣ съ тѣмъ ревнителемъ новизны и искалъ новыхъ пьесъ; подъ его вліяніемъ создалось нѣкоторое оживленіе, учреждена была театральная коммиссія для поощренія начинающихъ драматурговъ и выдѣлилось нѣсколько драматическихъ писателей, каковы Шериданъ Нольсъ, Дугласъ Джерольдъ и Бульверъ. Но пьесы этихъ поставщиковъ сенсаціонныхъ мелодрамъ и комедій въ сущности только подчеркивали паденіе сценическаго искусства. Имѣвшія въ то время репутацію шедевровъ драмы „Richelieu", „Money", „The Lady of Lyons" окончательно забыты уже слѣдующимъ поколѣніемъ. Большее значеніе

для дальнѣйшаго развитія театра имѣли авторы историческихъ драмъ, Томъ Тайлоръ и въ особенности Діонъ Бусико; послѣдній создалъ особый жанръ, такъ называемую ирландскую драму. До первыхъ пьесъ Бусико Ирландія считалась лишь удобнымъ матеріаломъ для насмѣшекъ, а своими пьесами „Colleen Bawn“, „Shraughraun“, „The Octoroon“ и др. онъ открылъ патетическую сторону ирландскаго характера и очень тонко рисовалъ психологію ирландцевъ, самой живой, глубокой и остроумной изъ обитающихъ въ Великобританіи націй. Англичане, несмотря на разныя политическія распри, сами чувствуютъ непосредственное влеченіе къ Ирландіи, любятъ ее, по опредѣленію нѣкоторыхъ историковъ и критиковъ, какъ женщину, иногда вопреки доводамъ разсудка; вотъ почему пьесы Бусико крайне популярны съ ихъ героическими и наивными героями, съ ихъ типами священниковъ, которые одновременно и люди изъ народа, и люди божіи. Во всѣхъ его пьесахъ чувствуется настоящая Ирландія, полная героевъ и предателей, покорныхъ и бунтарей, безумцевъ и мучениковъ, страна противорѣчій, возбуждающая симпатіи и недоумѣнія и остающаяся вѣчной загадкой для исторіи.

Одновременно съ ирландской драмой, т.-е. въ концѣ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ, начался расцвѣтъ чисто англійскаго жанра „burlesque“, имѣющаго поклонниковъ и въ Англіи нашихъ дней. Напоминая нѣсколько опереточный жанръ своимъ веселымъ и насмѣшливымъ содержаніемъ, „burlesque“ почти совершенно лишены специфически пикантнаго элемента французскихъ и иныхъ оперетокъ и замѣняютъ его эксцентричностью, добродушными шутками и главнымъ образомъ чисто внѣшнимъ остроуміемъ, т.-е. игрой словъ. Одна изъ самыхъ знаменитыхъ „burlesque“, это—„Ixion“ Бёрнанда; весь юморъ пьесы держится на томъ, что дѣйствующія лица принадлежатъ къ древнему міру и говорятъ современнымъ языкомъ. Юпитеръ, призываемый Иксіономъ, у котораго народъ поджегъ дворецъ, спрашиваетъ, въ какомъ обществѣ онъ застрахованъ, или же приглашаетъ его къ себѣ на небо, предупреждая его, что „лёнчъ (второй завтракъ) у нихъ въ половинѣ второго“. Меркурій, которому поручено отвести Иксіона, окликаетъ воздушный дилижансъ словами: „Эй, Олимпъ! подожди, намъ нужно мѣсто на имперьялѣ!“ и т. п. Однимъ изъ постоянныхъ поставщиковъ burlesque былъ Генри-Джемсъ Байронъ неистощимый острякъ, мечтавшій, однако, писать серьезныя комедіи вмѣсто безсмысленныхъ фарсовъ.

Новая плодотворная эра для англійскаго театра начинается съ Робертсономъ. Онъ сталъ писать для театра, побуждаемый одной талантливой молодой актрисой, Мэри Вильтонъ, изнемогавшей отъ без-

смысленныхъ фарсовъ, которые ей приходилось играть. Она основала собственный театръ „Prince of Wales", окружила себя талантливыми актерами, изъ которыхъ одинъ, Банкрофтъ, сдѣлался вскорѣ ея мужемъ, а за пьесами она обратилась къ Робертсону, въ которомъ угадала талантъ. Робертсонъ былъ неудачникомъ до тридцати пяти лѣтъ, скитался по Англіи въ качествѣ провинціальнаго актера, былъ мелкимъ журналистомъ, много жилъ среди литературной богемы, хорошо зналъ разные клубы, въ томъ числѣ и аристократическіе — и когда Банкрофты пригласили его въ товарищество, воспользовался своимъ опытомъ для цѣлаго ряда комедій, въ которыхъ вмѣсто несообразностей прежнихъ фарсовъ рисовались современные нравы и характеры. Театръ „Prince of Wales" открылся въ 1865 г. комедіей Робертсона „The Society", въ которой авторъ остроумно, хотя и добродушно, осмѣивалъ клубную богему. Будущность театра Банкрофтовъ и всей дѣятельности Робертсона зависѣла отъ того, какъ общество отнесется къ карриватурѣ на себя. Дружный смѣхъ публики сразу успокоилъ автора и актеровъ относительно успѣха. Къ одной изъ сценъ комедіи герою пьесы нужно полъ-кроны, чтобы заплатить за кэбъ. Не имѣя ничего въ карманѣ, онъ обращается за этой суммой къ товарищу. „У меня нѣтъ,—отвѣчаетъ тотъ,—но я достану вамъ". Онъ обращается къ третьему, который даетъ такой же отвѣтъ. Просьба о полъ-кронѣ обходитъ всѣхъ членовъ клуба, пока наконецъ въ карманѣ у кого-то оказывается нужная монета, и, переходя изъ рукъ въ руки въ обратномъ порядкѣ, она попадаетъ наконецъ къ тому, кто просилъ ее. Эта сцена оказалась счастливымъ кризисомъ пьесы— послѣ нея публика аплодировала уже всему; и въ самомъ дѣлѣ эта мелкая подробность очень характерна для опредѣленія богемы, которая, ничего не имѣя, готова все дать. Въ „Society" Робертсонъ создалъ нѣсколько удачныхъ театральныхъ фигуръ, въ родѣ, напр., лорда Птармиганта, который достигаетъ неотразимаго театральнаго эффекта только своей манерой приходить всегда таща за собой стулъ, усаживаться и засыпать, причемъ всякій входящій въ комнату запутывался въ его длинныхъ ногахъ.

Послѣ „Society" Робертсонъ написалъ и поставилъ съ такимъ же успѣхомъ нѣсколько другихъ комедій, „Caste", „School", „Play", „M. P.", въ которыхъ фабула играетъ меньшую роль, чѣмъ естественная живость діалога и удачная сатира современныхъ нравовъ. Онъ создалъ цѣлый рядъ типовъ, какъ, напр., капитана Гоутри (въ „Caste"), свѣтскаго человѣка, соединяющаго скептицизмъ и насмѣшливость съ чисто англійскимъ умѣньемъ самому все дѣлать въ жизни и не казаться смѣшнымъ въ самыхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ;

любопытны также его народные типы. Комедіи Робертсона, благодаря своей живости и современности, сдѣлались надолго господствующими на англійской сценѣ и вызывали много подражаній.

Съ Робертсономъ кончилось господство условныхъ жанровъ въ англійскомъ театрѣ и началось преобладаніе реализма, стремленіе рисовать дѣйствительность. У самого Робертсона изображеніе жизни еще чисто внѣшнее; больше психологическаго пониманія обнаруживаетъ другой изъ его современниковъ Джильбертъ, авторъ одной изъ самыхъ художественныхъ и тонко-сатирическихъ пьесъ современнаго англійскаго репертуара—„Пигмаліонъ и Галатея". Джильбертъ выступилъ на литературномъ поприщѣ, какъ авторъ сатирическихъ пѣсенъ на разныя тэмы дня (Bob Ballads), и пріобрѣлъ большую популярность; затѣмъ онъ сталъ писать комедіи, въ сущности очень пессимистическія по замыслу. Первая его небольшая пьеса, „Sweethearts", сводится къ легкому, хотя и меланхолическому, осмѣиванію любви: молодой человѣкъ собирается ѣхать въ Индію, гдѣ его ожидаетъ блестящая служебная карьера. Онъ любитъ молодую дѣвушку, сосѣдку по имѣнію; стоитъ ей сказать одно слово, и онъ не уѣдетъ или не уѣдетъ одинъ. Но, подъ вліяніемъ застѣнчивости, гордости или просто юношескаго духа противорѣчія, она не даетъ ему возможности говорить о своемъ чувствѣ и не выдаетъ своей отвѣтной привязанности. Проходятъ тридцать лѣтъ. Прежній юноша вернулся на родину съ сѣдыми волосами и сквозь завѣсу долгихъ лѣтъ юношеская любовь кажется ему дѣтской фантазіей; дѣвушку же, которую онъ любилъ, онъ застаетъ подъ тѣнью дерева, которое они вмѣстѣ посадили, вѣрной любви, въ которой она не сознавалась въ молодости. Скептицизмъ разочарованнаго холостяка тронутъ въ концѣ такой преданностью, — прежніе влюбленные женятся, и этотъ поздній бракъ является опять какъ бы насмѣшкой надъ истинной любовью. Такой сюжетъ могъ бы стать источникомъ крайне поэтичныхъ настроеній, смѣной улыбокъ молодости и грусти жизненнаго заката; но Джильбертъ, при всей своей художественности, холодный скептикъ и изъ двухъ дѣйствующихъ лицъ его комедіи одинъ всегда смѣется надъ любовью, — въ первомъ актѣ женщина, во второмъ мужчина, — причемъ и тотъ, и другой говорятъ мало истинно глубокаго. Этотъ первый опытъ показалъ молодому драматургу, что онъ не способенъ изображать любовь,—и поэтому онъ сталъ обличать ее съ дурной стороны во всѣхъ дальнѣйшихъ пьесахъ. Изъ этого скептическаго настроенія вышелъ цѣлый рядъ пьесъ: „Engaged", „Palace of Truth", „Wicked World" и др. Въ первой изъ нихъ авторъ какъ бы выворачиваетъ человѣческую душу и показываетъ публикѣ ея изнанку —

очень уродливую и поэтому, какъ ему кажется, очень смѣшную. Все сводится къ тому, чтобы, отбросивъ узы общественныхъ условій, показать основные себялюбивые и пошлые инстинкты людей. Мужчины и женщины сходятся и понимають другъ друга лишь на почвѣ денежныхъ интересовъ, дающихъ возможность удовлетворить всѣмъ другимъ стремленіямъ; чтобы изобразить эту комедію жизни, Джильбертъ лишаетъ всѣхъ своихъ дѣйствующихъ лицъ этическаго чувства, и въ пьесѣ движутся три пары людей, цинично мѣняющихъ взаимныя отношенія и весь образъ дѣйствія сообразно съ тѣмъ, какъ этого требуетъ ихъ непосредственная выгода. Впечатлѣніе отъ этой комедіи тѣмъ болѣе жестокое, что всѣ лица взяты изъ дѣйствительной жизни. Вмѣсто прежней обрисовки нѣсколькихъ комическихъ типовъ и сатиры на то или другое явленіе дѣйствительности, комедія Джильберта даетъ каррикатуру всей жизни и пародію на человѣчество. Недостатокъ пьесы заключался въ томъ, что, повѣствуя правду жизни, Джильбертъ недостаточно реально изображалъ ее, заставляя людей открывать свои мотивы и говорить правду о себѣ такъ, какъ этого въ жизни не бываетъ. Чтобы исправить этотъ недостатокъ, Джильбертъ переноситъ дѣйствіе другихъ своихъ пьесъ въ фантастическую обстановку, чтобы, не стѣсняясь внѣшней правдоподобностью, болѣе свободно и рѣзко выставлять внутреннюю правду. Лучшимъ образцомъ этого полуфантастическаго жанра, очень пригоднаго для освѣщенія философскихъ истинъ, была пьеса „Пигмаліонъ и Галатея". Критика нападала на Джильберта за то, что онъ соединилъ въ оживленной статуѣ слишкомъ глубокую мудрость съ слишкомъ большой наивностью. Его Галатея ничего не знаетъ, — очнувшись въ студіи художника, она спрашиваетъ: это ли міръ, и ей нужно объяснять, что̀ такое комната, домъ, городъ и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она очень тонко объясняетъ свое душевное пробужденіе, переходъ отъ холодной неподвижной сущности къ полусознанію и жизни; она не знаетъ разницы между мужчиной и женщиной, но отличаетъ копію оригинала въ статуяхъ, и страдаетъ отъ мысли, что другая служила моделью для ея чертъ. Она не знаетъ, что̀ такое солдатъ, и когда ей объясняютъ, опредѣляетъ его какъ „убійцу на жалованьѣ". Но всѣ неправдоподобности оправдываются основной фантастичностью сюжета: если мраморная статуя можетъ преисполниться жизнью, то возможны и вопросы, которые она предлагаетъ въ пьесѣ. Авторъ воспользовался поэтическимъ миѳомъ, чтобы подъ его покровомъ представить женщину съ абсолютно нетронутой душой и разумомъ, готовымъ воспринимать впечатлѣнія жизни, причемъ воспріятія ея тѣмъ болѣе вѣрны, что жизнь открывается передъ нею сразу въ одной,

внезапно раскрывшейся картинѣ. Пессимизмъ Джильберта сказывается въ развязкѣ: Галатея своимъ наивнымъ отношеніемъ къ жизни творитъ лишь зло, разбиваетъ семейную жизнь Пигмаліона и хочетъ опять стать камнемъ, потому что жизнь представляется ей непонятной и жестокой. „О, — грустно восклицаетъ она:—какъ онѣ быстро потухли одна за другой, блестящія надежды жизни! Моя любовь къ Пигмаліону оказывается преступной, его ко мнѣ — позорной; сонъ, который превращаетъ насъ въ безчувственные камни—наше естественное состояніе, а само существованіе — иллюзія времени, нарушающая сонъ. О, какъ они разбиты, одинъ за другимъ, золотые обѣты жизни!"

Переходя къ англійскому театру послѣднихъ лѣтъ, Филонъ останавливается на трехъ наиболѣе крупныхъ драматургахъ, Сиднеѣ Гренди, Генри-Артурѣ Джонсѣ и Артурѣ Пинеро. Первый изъ нихъ воспитанъ въ традиціяхъ французскаго театра Дюма и отчасти Скриба и Лабиша, и первыя его пьесы — не что иное какъ передѣлки на англійскіе нравы французскихъ пьесъ. Двѣ изъ этихъ передѣлокъ, „A pair of spectacles" и „Mammon", Филонъ считаетъ выше ихъ французскихъ оригиналовъ, особенно „Mammon", гдѣ выведенъ оригинальный типъ стараго служащаго, почитаемаго всѣми за скромность и вѣрность, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ таитъ непримиримую злобу за всѣ пережитыя имъ униженія и захватываетъ втихомолку все состояніе своего хозяина. Изъ новѣйшихъ пьесъ Гренди особеннымъ успѣхомъ пользуется „The New Woman", гдѣ въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ представлена „новая женщина", стремящаяся создать себѣ самостоятельное положеніе въ обществѣ.

Генри-Артуръ Джонсъ—авторъ серьезно задуманныхъ комедій, въ которыхъ сатира нравовъ преобладаетъ надъ всѣмъ остальнымъ; „Saints and Sinners", „Crusaders", „The Tempter", „Masqueraders" представляютъ прежде всего драгоцѣнный матеріалъ для характеристики англійскаго общества и заключаютъ нападки на лицемѣріе и „снобизмъ", еще столь сильно распространенные въ англійскомъ обществѣ.

Артуръ Пинеро написалъ одну изъ лучшихъ—быть можетъ, лучшую—пьесу современнаго англійскаго театра: „The Second Mrs Tanqueray". Въ ней задѣта одна изъ любимыхъ тэмъ Александра Дюма—психологія куртизанки, въ которой пробуждаются лучшія чувства, дѣлающія ее способной на подвигъ самопожертвованія; но эта нѣсколько устарѣлая тэма пріобрѣтаетъ новый интересъ въ пьесѣ Пинеро, вслѣдствіе своеобразнаго освѣщенія индивидуальныхъ характеровъ.

Филонъ заканчиваетъ свою книгу общею оцѣнкою англійскаго

театра послѣдняго времени и приходитъ къ заключенію, что для него наступила теперь несомнѣнная пора оживленія, какъ благодаря наличности даровитыхъ драматурговъ, такъ и вслѣдствіе благодѣтельнаго вліянія артистовъ и критики, прививающихъ публикѣ пониманіе драматическаго искусства, культивирующихъ традиціи Шекспира и знакомящихъ лучшую часть публики съ театромъ Ибсена и другихъ свѣтилъ европейскаго театра.—З. В.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОПРОВЕРЖЕНІЕ Г. ДИРЕКТОРА НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

На основаніи § 138 устава о цензурѣ покорнѣйше прошу напечатать въ ближайшемъ (сентябрьскомъ) № слѣдующее дополнительное опроверженіе:

„Редакція „Вѣстника Европы" послѣ указанія моего въ № 7 на допущенную въ статьѣ „Вѣстника Европы" наиболѣе существенную ошибку при толкованіи моего „разъясненія о правахъ попечителей начальныхъ училищъ", именно на то, что попечители школъ названы „одною изъ инстанцій", именно „низшею распорядительною властью" самимъ Правительствующимъ Сенатомъ, вновь дѣлаетъ произвольные „выводы", утверждая, что я говорю о подчиненіи попечителей начальныхъ училищъ инспекторамъ и директорамъ народныхъ училищъ, приравниваю ихъ „къ чему-то въ родѣ служащихъ въ канцеляріи директора". Ничего о „подчиненіи" попечителей и „отдачѣ ихъ въ личное распоряженіе директора училищъ" въ моемъ разъясненіи и не упоминалось, а придумано г. М. С., но указывалось, что правительство, рядомъ съ стремленіемъ привлечь мѣстныхъ жителей къ участію въ руководствѣ школами Положеніемъ 1874 г., не могло не заботиться о сохраненіи за мѣстными органами Министерства Народнаго Просвѣщенія, т. е. за директоромъ народныхъ училищъ, руководства учебною частью школъ, почему и ввело § 20 Положенія: „завѣдываніе учебною частью всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ въ губерніи ввѣряется директору народныхъ училищъ и инспекторамъ сихъ училищъ". Указывалось и на то, что между попечителями школъ, особенно въ селахъ, бываютъ лица и необразованныя, что попечители нерѣдко больше заботятся о своихъ „правахъ", чѣмъ объ „обязанностяхъ".

Кромѣ того, въ статьѣ г. М. С., въ № 8, „По поводу опроверженія директора училищъ С.-Петербургской губерніи", вновь говорится, будто бы я произвольно заявилъ, что попечители начальныхъ школъ „лишь предсѣдательствуютъ на экзаменахъ", и отъ себя еще г. М. С. прибавилъ: „но не экзаменуютъ". Окончаніе передано не точно; напротивъ, во избѣжаніе недоразумѣній было разъяснено еще въ № 5 „Русскаго Начальнаго Учителя", что предсѣдательство, какъ само собою понятно, „не обязываетъ къ молчанію", но, будучи лишь пред-

сѣдателями коммиссій, попечители, по существующимъ правиламъ, „не имѣютъ права отстранять отъ экзамена учащихъ (къ чему нерѣдко стремятся), но сообща съ ними ставятъ отмѣтки, сообща и экзаменуютъ“ (стр. 255). Въ разъясненіи же моемъ о правахъ попечителей на экзаменахъ указанія взяты изъ § 14 „Правилъ для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ“ для полученія права на льготу по воинской повинности, утвержденныхъ еще 16-го ноября 1885 г., но часто нарушаемыхъ на практикѣ, такъ что пришлось указать Г. Попечителю С.-Петербургскаго Учебнаго Округа въ циркулярѣ отъ 29 февраля 1896 г. за № 2257 на необходимость „ознакомить съ правилами объ испытаніяхъ на льготу по воинской повинности, разъясненіями Управленія Округа и изданными Округомъ программами всѣхъ лицъ, производящихъ экзаменъ на льготу по воинской повинности“. Въ § 14 „Правилъ“ говорится: „экзамены оканчивающимъ курсъ ученія въ училищахъ производятся въ каждомъ училищѣ изъ положеннаго въономъ курса своими преподавателями, т.-е. законоучителями и учителями (или учительницами), въ присутствіи лица, уполномоченнаго отъ совѣта или приглашеннаго на основаніи §§ 11 и 12“.

Наконецъ въ той же статьѣ г. М. С. „По поводу опроверженія директора народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи“ на стр. 902 говорится, будто я говорилъ, что директора „могутъ самолично рѣшать всѣ возбуждаемые учащими вопросы, т. е. жалобы на попечителей“. Это также произвольный „выводъ“ г. М. С., автора статьи „Вѣстника Европы“, такъ какъ Положеніемъ 1874 г. права губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ точно опредѣлены въ §§ 29 и 32, по пунктамъ. Между тѣмъ этими пунктами не исчерпывается учебная часть, даже нѣтъ упоминанія о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ установленіе программъ училищъ. Рядомъ съ такимъ ограничительнымъ указаніемъ закона на права училищныхъ совѣтовъ поставленъ приведенный выше § 20 о завѣдываніи директорами всею учебною частью. Учащіе, хотя и служатъ въ городскихъ или сельскихъ начальныхъ училищахъ, не могутъ быть лишены права жаловаться на ближайшихъ распорядителей школы, т.-е. попечителей ихъ; естественно, что жалобы на распоряженія попечителей по учебной части, смотря по роду ихъ, должны быть направляемы къ завѣдывающимъ всею учебною частью или въ училищные совѣты, участвующіе въ завѣдываніи школами.

Наконецъ на практикѣ весьма важное значеніе имѣетъ ошибочное на стр. 901 утвержденіе г. М. С., что „попечители являются всюду, такъ сказать, органами училищныхъ совѣтовъ, а потому и состоятъ полноправными ихъ членами по дѣламъ своихъ училищъ“.

Въ § 13 Положенія 1874 г. сказано, что попечители и попечительницы „имѣютъ право засѣдать въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ и подавать голосъ только по дѣламъ своихъ училищъ и школъ". Въ этихъ словахъ закона трудно усмотрѣть „полноправность", а при толкованіи г. М. С. уѣздные училищные совѣты оказались бы только номинально состоящими въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, а въ дѣйствительности были бы въ вѣдѣніи земскихъ начальниковъ, входящихъ въ составъ училищнаго совѣта „на правахъ членовъ при разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся ихъ участковъ".

Директоръ В. Латышевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1896.

Панегирикъ всероссійскому купечеству.—Еще о литературномъ судѣ чести.—Публичное обвиненіе по дѣламъ объ оскорбленіяхъ въ печати. — Мнѣніе „Московскаго Сборника" о печати.—Нужны ли „полномочія" для дѣятелей печатнаго слова?—Ю. Н. Говоруха-Отрокъ †.

Въ самый разгаръ нижегородской выставки, за нѣсколько дней до одного изъ наиболѣе выдающихся ея эпизодовъ, въ нижегородской газетѣ „Волгарь" появилась передовая статья, не лишенная значенія именно въ виду времени и мѣста ея напечатанія. „Всероссійское купечество,—такъ начинается статья,—дѣятельно готовится къ встрѣчѣ Царя на нижегородской ярмаркѣ. Это будетъ первый въ исторіи случай такого всероссійскаго чествованія Царя купечествомъ, *составляющимъ нынѣ оплотъ торговаго и промышленнаго могущества Россіи*". Указавъ на то, что въ рядахъ купечества имѣется масса европейски образованныхъ людей, изъ которыхъ многіе занимаютъ важныя мѣста въ администраціи и высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, „Волгарь" продолжаетъ: „становясь въ ближайшее общеніе съ народомъ, составляя его наиболѣе крѣпкую часть, *купечество наиболѣе всѣхъ другихъ сословій сохранило въ себѣ самобытный русскій духъ*, и національныя чувства нигдѣ не проявляются съ такою силою, увѣренностью и широтою, какъ въ этомъ сословіи. Оно единственно сильное въ наше время и своею зажиточностью. *Оно все можетъ*... Нѣтъ того дѣла патріотическаго, въ которомъ были бы нужны средства, нѣтъ того государственнаго предпріятія, принимающаго обликъ общенароднаго дѣла, гдѣ бы современное купечество щедрой рукой не вносило свой цѣнный вкладъ... Въ то время, какъ многія сословія, въ силу измѣнившихся соціальныхъ сторонъ жизни, не могутъ нынѣ, какъ во время былой старины, проявить свою силу и положеніе въ развитіи производительности народной, купечество, достаточно окрѣпнувшее въ своихъ соціальныхъ условіяхъ, является именно тѣмъ оплотомъ, на который въ правѣ разсчитывать государство, при дальнѣйшемъ развитіи въ купеческой средѣ образованія". Какъ только эта статья обратила на себя вниманіе столичной печати, на нее съ разныхъ сторонъ посыпались возраженія, не оставившія въ ней камня на камнѣ. Возстали противъ нея даже обычные защитники нашего протекціонизма, столь выгоднаго для купеческихъ интересовъ, и обратили самый протекціонизмъ

въ орудіе противъ притязаній, выставленныхъ „Волгаремъ“ отъ имени купечества. По остроумному замѣчанію „Московскихъ Вѣдомостей“, „только тогда, когда наша торговля и промышленность въ состояніи будутъ обойтись безъ покровительственныхъ пошлинъ, можно будетъ сказать, что онѣ поддерживаютъ государство, а не государство поддерживаетъ ихъ“. Не менѣе удаченъ отвѣтъ „Новаго Времени“ на удивительное восклицаніе „Волгаря“: „купечество все можетъ!“—„оно ничего не можетъ безъ другихъ сословій, безъ народа, а также и безъ образованія и просвѣщенія, которыхъ ему еще сильно не хватаетъ“. Какъ ни слаба, однако, аргументація „Волгаря“, какъ ни комиченъ ея заключительный выводъ, нельзя отрицать реальность нѣкоторыхъ фактовъ, послужившихъ для нея исходной точкой. Наша литература давно уже отмѣтила нарожденіе новой силы, основанной на могуществѣ капитала. Представителей ея мы встрѣчаемъ прежде всего у Салтыкова, еще въ семидесятыхъ годахъ (Деруновъ, Разуваевъ и др.). Это — близкіе родственники Титовъ Титычей и Большовыхъ, невѣжественные, грубые, вѣрные, съ формальной стороны, обычаямъ предковъ, но отличающіеся отъ нихъ большимъ размахомъ претензій и большимъ сознаніемъ своей, постоянно растущей власти. Въ восьмидесятыхъ годахъ и позже къ Дерунову и К° присоединяются образованные на европейскій манеръ герои „Китай-города“ и другихъ, если можно такъ выразиться, спеціально-московскихъ романовъ П. Д. Боборыкина. Беллетристика, въ этомъ случаѣ, была вѣрнымъ отраженіемъ жизни. Вліяніе купечества увеличивалось параллельно съ оскудѣніемъ дворянства и съ расширеніемъ покровительства, оказываемаго крупной промышленности. „Зажиточность“, несомнѣнно—источникъ силы; столь же несомнѣнно и то, что этимъ источникомъ купечество, въ послѣднее время, располагаетъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ какая-либо другая часть нашего общества. Всякой силѣ вообще, а въ особенности силѣ недавно сложившейся и опирающейся исключительно на матеріальные устои, свойственно преувеличивать свое значеніе и свои размѣры. Отсюда иллюзіи, отразившіяся въ статьѣ „Волгаря“—иллюзіи, общія, конечно, не всему купечеству, но соблазнительныя для наиболѣе увлекающихся членовъ этого сословія. Варьируя, мысленно, извѣстный стихъ: „все мое —сказало злато“, они могли придти къ убѣжденію, что ихъ „покупной способности“ соотвѣтствуетъ и политическая и что имъ суждено сыграть выдающуюся роль въ русской исторіи. Однажды давъ волю фантазіи, не трудно было вообразить себя привилегированнымъ носителемъ „самобытнаго русскаго духа“ и русскихъ „національныхъ чувствъ“... Если та часть купечества, которая раздѣляетъ взгляды „Волгаря“, основываетъ свои надежды на примѣрѣ западно-европей-

ской буржуазіи, то она упускаетъ изъ виду, что значительною долей своей силы буржуазія была обязана такъ называемымъ либеральнымъ профессіямъ, входившимъ въ ея составъ—а русское купечество не имѣетъ ничего общаго съ этими профессіями. Насколько оно въ состояніи создать, безъ ихъ содѣйствія, что-нибудь прочное и цѣнное — объ этомъ свидѣтельствуетъ лучше всего сравненіе городского самоуправленія съ земскимъ... Занять—не первенствующее, конечно, но видное мѣсто въ русской государственной и общественной жизни купечество можетъ только въ такомъ случаѣ, если не будетъ стремиться къ обособленію отъ народа, къ образованію какого-то „избраннаго сословія". Изъ всѣхъ внушеній „Волгаря" купечеству слѣдуетъ запомнить только одно—указаніе на необходимость „дальнѣйшаго развитія образованія въ купеческой средѣ"... „Русское купечество,—такъ заканчивается статья „Волгаря",—покажетъ на гордость цѣлой России, что представляетъ изъ себя это сословіе и какую опору въ немъ имѣетъ государство". Торжественный моментъ, съ которымъ связывалось это ожиданіе, миновалъ—и никакого новаго повода гордиться своимъ купечествомъ Россія не имѣетъ. Широковѣщательный панегирикъ нижегородской газеты оказался холостымъ выстрѣломъ, сигнализировавшимъ не какое-нибудь дѣйствительное событіе, а только безпочвенную мечту, граничащую съ мономаніей величія.

Мысль о постоянномъ литературномъ судѣ чести, выраженная нами въ іюльской хроникѣ, встрѣтила возраженія со стороны „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 204). Не нужно, по ихъ мнѣнію, быть пророкомъ, „чтобы предвидѣть, что охотниковъ обращаться къ такому суду найдется немного, тѣмъ болѣе, что, сохраняя для потерпѣвшихъ почти всѣ невыгоды общихъ судовъ, онъ будетъ лишенъ ихъ преимуществъ. Судъ, избираемый членами литературнаго союза, для частныхъ лицъ представляетъ, конечно, довольно слабую гарантію безпристрастія въ литературныхъ дѣлахъ. Что сказалъ бы *Вѣстникъ Европы*, еслибы для разбора споровъ между рабочими и фабрикантами кто-нибудь предложилъ учрежденіе суда, состоящаго изъ фабрикантовъ, завѣдующихъ фабриками и ихъ ближайшихъ помощниковъ?... Нельзя же серьезно воображать, что современное общество, благодаря учрежденію одного или нѣсколькихъ литературныхъ союзовъ, вдругъ превратится въ какую-то Аркадію, гдѣ человѣкъ, настолько оскорбленный, что рѣшается на преступленіе и готовъ рисковать собственною жизнью, вмѣсто того, чтобы взяться за оружіе или требовать наказанія оскорбителя, скромно отправится къ сото-

варищамъ этого оскорбителя просить разъясненія, дѣйствительно ли онъ долженъ считать себя оскорбленнымъ"?

Замѣтимъ, прежде всего, что между судомъ фабрикантовъ по дѣлу одного изъ нихъ съ рабочимъ и судомъ литераторовъ по дѣлу одного изъ нихъ съ частнымъ лицомъ нѣтъ никакой аналогіи. Фабриканты и рабочіе—это два общественные класса, интересы которыхъ во многомъ прямо противоположны между собою. Отсюда солидарность между членами одного и того же класса, до крайности затрудняющая, въ случаѣ спора, справедливое отношеніе ихъ къ представителямъ другого. Въ чемъ бы ни заключалось столкновеніе между фабрикантомъ и рабочими, оно можетъ повториться на всякой другой фабрикѣ; всякій фабрикантъ, слѣдовательно, заинтересованъ въ томъ, чтобы дать отпоръ притязаніямъ рабочихъ. Совершенно инымъ является положеніе литераторовъ. Они не составляютъ общественнаго класса въ томъ смыслѣ, въ какомъ это можно сказать о фабрикантахъ—и еще менѣе, конечно, понятіе о классѣ примѣнимо къ публикѣ, т.-е. къ неорганизованной массѣ лицъ самыхъ разнообразныхъ сословій, профессій и положеній. Ни о какой противоположности интересовъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи — а затѣмъ нѣтъ и повода ожидать, что литературный судъ будетъ снисходителенъ къ „своимъ" и пристрастенъ по отношенію къ „чужимъ". Гораздо вѣроятнѣе наоборотъ, что именно къ „своимъ" онъ будетъ предъявлять строгія требованія, въ видахъ охраны добраго имени литературной профессіи. Ужъ если искать аналогіи для предлагаемаго нами литературнаго суда, то гораздо болѣе къ нему близкимъ, чѣмъ воображаемый судъ фабрикантовъ, окажется дѣйствительно существующій судъ адвокатовъ. Въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ, безъ сомнѣнія, больше общихъ интересовъ, чѣмъ въ средѣ литераторовъ,—но такъ какъ эти интересы не могутъ быть названы прямо противоположными интересамъ публики, да и публика, по отношенію къ адвокатамъ, столь же мало составляетъ солидарное цѣлое, какъ и по отношенію къ литераторамъ, то они не мѣшаютъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ быть настоящимъ судомъ, далекимъ отъ товарищескихъ поблажекъ. Скажемъ болѣе: кто присматривался поближе къ дѣятельности совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, тотъ очень хорошо знаетъ, что они, вообще говоря, отличаются гораздо бо́льшею строгостью, чѣмъ окружной судъ, когда онъ дѣйствуетъ на правахъ совѣта, или судебная палата, когда она разсматриваетъ жалобы на постановленія совѣта. Это объясняется стремленіемъ совѣтовъ поддержать честь корпораціи, установить и упрочить высокое представленіе объ адвокатскомъ долгѣ. Весьма можетъ быть, что примѣру адвокатскаго суда послѣдуетъ судъ литературный и пріобрѣтетъ тѣ же права на

довѣріе общества. Въ „охотникахъ" обращаться къ нему недостатка въ такомъ случаѣ конечно не будетъ.

По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", литературный судъ, по дѣламъ объ оскорбленіи или клеветѣ въ печати, будетъ имѣть почти всѣ невыгоды общаго суда, безъ его преимуществъ. Съ нашей точки зрѣнія единственное „преимущество" общаго суда передъ литературнымъ — это его право наказать оскорбителя; но мы имѣли уже случай замѣтить, что именно для незаслуженно обиженныхъ всего менѣе важно наказаніе виновнаго. Кто желаетъ отомстить оскорбителю, причинить ему реальный, осязательный вредъ, тотъ, безъ сомнѣнія, не обратится къ литературному суду; но вѣдь преслѣдованіе возбуждается сплошь и рядомъ исключительно съ цѣлью опровергнуть обвиненіе, изобличить ложь или исправить ошибку—а во всѣхъ подобныхъ случаяхъ литературный судъ чести имѣлъ бы на своей сторонѣ преимущество быстроты, безапелляціонности и возможно меньшаго формализма. Самое тяжелое для обиженнаго—это ожиданіе суда, продолжающееся мѣсяцы или даже годы; самое важное для него—какъ можно скорѣе добиться признанія его правоты, которое не могло бы, затѣмъ, подвергаться новому спору въ другихъ судебныхъ инстанціяхъ. Все это даетъ ему литературный судъ, не менѣе безпристрастный, чѣмъ судъ коронный, но болѣе знакомый съ правами и обязанностями печати, съ общими условіями, при которыхъ она дѣйствуетъ, съ особенностями отдѣльныхъ повременныхъ изданій—особенностями, часто дающими ключъ къ разрѣшенію вопроса о добросовѣстности или недобросовѣстности обвиненія. На внезапное наступленіе „Аркадіи" въ области литературныхъ споровъ мы разсчитываемъ столь же мало, какъ и на наступленіе ея въ чемъ бы то ни было другомъ. Не прекратятся, съ учрежденіемъ литературнаго суда чести, ни обращенія къ общему суду, ни даже самоуправства—но большой перемѣной къ лучшему было бы и постепенное уменьшеніе ихъ числа, постепенное, если можно такъ выразиться, ихъ дискредитированіе. И въ настоящее время немало столкновеній, сначала весьма рѣзкихъ и обостренныхъ, оканчивается благополучно, благодаря третейскому суду; но затрудненіе, часто непреодолимое, заключается въ *учрежденіи* третейскаго суда, требующемъ соглашенія между противниками. Мы продолжаемъ думать, поэтому, что третейскій судъ, обязательный для отвѣтчика и организованный не для даннаго, уже возникшаго дѣла, а для цѣлаго ряда могущихъ возникнуть дѣлъ, оказался бы во многихъ случаяхъ лучшимъ исходомъ для недоразумѣній, возбуждаемыхъ печатнымъ словомъ.

Чтó же предлагаетъ, съ своей стороны, московская газета вмѣсто нашего „фантастическаго лекарства противъ дѣйствительнаго и

серьезнаго зла"? „Всякое ложное обвиненіе въ печати,—утверждаютъ „Московскія Вѣдомости",—есть преступленіе не только противъ обвиняемаго, но и противъ общества. Поэтому было бы вполнѣ справедливо и цѣлесообразно преслѣдовать такія преступленія даже помимо жалобы частныхъ лицъ. Это сразу положило бы предѣлъ развращающему вліянію мнимыхъ радѣтелей о благѣ общества, лишивъ ихъ возможности драпироваться въ тогу гражданскаго мужества и выдавать шантажъ и клевету за изученіе общественныхъ нравовъ и за обличеніе пороковъ". Если *всякое* ложное обвиненіе въ печати есть преступленіе противъ общества, то такимъ же преступленіемъ придется признать и всякое вообще оскорбленіе частнаго лица, какова бы ни была его форма: вѣдь отъ способа оскорбленія зависитъ только его интенсивность, а не его юридическая сущность. Размѣры судебной опеки надъ частными лицами разрослись бы, такимъ образомъ, до громадныхъ размѣровъ, безъ всякой разумной причины и безъ всякой пользы. Необходимымъ условіемъ для возбужденія публичнаго преслѣдованія московская газета признаетъ, далѣе, ложность, т.-е. завѣдомую неправильность обвиненія, заявленнаго въ печати. Отсюда ясно, что иниціативу преслѣдованія долженъ взять на себя самъ обвиненный, потому что только онъ одинъ, въ большинствѣ случаевъ, можетъ знать, основательно ли обвиненіе или неосновательно—да и нельзя, помимо его воли или вопреки его желанію, дѣлать его доброе имя предметомъ судебнаго разбирательства. Безъ жалобы частнаго лица дѣло, слѣдовательно, не обойдется; вся разница въ томъ, что поддерживать ее передъ судомъ будетъ не самъ жалующійся, а обвинительная власть. Такой порядокъ существуетъ теперь по отношенію къ дѣламъ о диффамаціи, направленной противъ должностныхъ лицъ, и едва ли кто-нибудь станетъ утверждать, что онъ оказывается особенно цѣлесообразнымъ. Передъ обвинителемъ ставится, сплошь и рядомъ, такая дилемма: или обвинять вопреки убѣжденію, или, отказавшись отъ обвиненія, признать этимъ самымъ неосновательность жалобы, т.-е. выступить противъ того, кто положился на его защиту. Не трудно представить себѣ, къ чему привело бы, на практикѣ, вмѣшательство публичнаго обвиненія въ дѣла объ оклеветаніи или оскорбленіи частныхъ лицъ. Степень обвинительнаго усердія зависѣла бы, весьма часто, не столько отъ обстоятельствъ дѣла, сколько отъ положенія, занимаемаго жалующимся, и отъ характера періодическаго изданія, противъ котораго принесена жалоба. Такъ называемымъ благонамѣреннымъ изданіямъ позволялось бы, de facto, гораздо больше, чѣмъ другимъ; репутація „благонамѣренныхъ" или тѣмъ болѣе властныхъ людей отстаивалась бы съ удвоенною ревностью, особенно противъ нападеній, идущихъ

изъ другого лагеря. Припомнимъ, что публичное обвиненіе у насъ несовмѣстимо съ частнымъ: при дѣйствіи порядка, рекомендуемаго „Московскими Вѣдомостями“, частное лицо, несправедливо, по его мнѣнію, оскорбленное въ печати, могло бы доказывать свою правоту передъ судомъ только въ искусственной и не всегда удобной формѣ гражданскаго иска. Другое дѣло, если при пересмотрѣ судебныхъ уставовъ будетъ допущена совмѣстимость публичнаго обвиненія съ частнымъ, въ видѣ права прокурорской власти придти на помощь къ неумѣлому частному обвинителю. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлахъ печати такая помощь имѣла бы, бо́льшею частью, тенденціозный характеръ; но съ этимъ еще можно было бы примириться, еслибы главнымъ лицомъ въ процессѣ являлся частный обвинитель, другими словами—еслибы отказъ публичнаго обвинителя отъ участія въ преслѣдованіи не уничтожалъ силу частнаго обвиненія... Каково бы ни было, впрочемъ, внутреннее достоинство мѣры, предлагаемой московскою газетой, противодѣйствовать самоуправству въ дѣлахъ печати она ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Медленность судебнаго производства по этимъ дѣламъ не уменьшится отъ обращенія ихъ къ порядку публичнаго обвиненія; шансы возможно скораго и полнаго возстановленія чести для обиженнаго возростутъ очень мало и, слѣдовательно, не ослабѣютъ побужденія, вызывающія, въ настоящее время, обращеніе къ кулачной или вооруженной расправѣ.

Рѣшающее вліяніе въ выборѣ средствъ и путей къ возстановленію чести, задѣтой печатнымъ словомъ, имѣетъ не столько тотъ или другой порядокъ производства, судебнаго или внѣ-судебнаго, сколько степень распространенія въ обществѣ правильныхъ взглядовъ на значеніе и назначеніе печати. Пока въ ней расположены видѣть, исключительно или преимущественно, орудіе смуты въ государственной, общественной и частной жизни, пока ея дѣятели, вопреки извѣстной юридической формулѣ, предполагаются неправыми, впредь до представленія ими доказательствъ своей правоты (при чемъ подъ именемъ правоты часто разумѣется не что̀ иное, какъ „благонадежность“), пока въ сужденіяхъ о печати сваливаются въ одну кучу самые разнообразные ея представители, и свойства нѣкоторыхъ ея о̀рграновъ приписываются, безъ всякаго дальнѣйшаго разбора, всѣмъ или почти всѣмъ другимъ, — до тѣхъ поръ не можетъ наступить конецъ насилію, какъ средству разсчета съ писателями. Въ цитированной нами статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ только и говорится о *мнимыхъ* радѣтеляхъ общественнаго блага, какъ будто бы искреннее стремленіе къ нему, выражающееся, между прочимъ, въ изобличеніи всяческой неправды, было совершенно немыслимо со стороны печати (само собою разумѣется, что здѣсь дѣлается reservatio men-

talis въ пользу консервативной прессы). Напечатаніе „Недѣлей“ извѣстной корреспонденціи о г. Жеденовѣ приравнивается „Русскимъ Вѣстникомъ“ къ „самому возмутительному самосуду, самому грубому насилію, только не при помощи палки или револьвера, а при помощи печатнаго слова“,—и этимъ самымъ если не оправдывается, то извиняется насиліе, направленное г. Жеденовымъ противъ г. Меньшикова. Беззастѣнчивость консервативнаго журнала доходитъ до того, что онъ примѣняетъ къ „Недѣлѣ“ извѣстное выраженіе о „разбойничествѣ пера и мошенничествѣ печати“, между тѣмъ какъ во всемъ прошедшемъ „Недѣли“ навѣрное не найдется ни одного сознательнаго, намѣреннаго искаженія истины. Справедливы ли были обвиненія, взведенныя ея корреспондентомъ на г. Жеденова, исходили ли они изъ „мутнаго“ или изъ чистаго источника— во всякомъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что она напечатала ихъ bona fide и не могла взять ихъ назадъ по требованію г. Жеденова, подкрѣпленному только угрозой. Еслибы одна *возможность* ошибки была достаточна для того, чтобы предупредить оглашеніе возмутительнаго факта, то періодической печати пришлось бы отказаться отъ существенно важной части ея призванія — отъ раскрытія зла, въ особенности зла торжествующаго, гдѣ бы и въ чемъ бы оно ни проявлялось.

Что „Московскія Вѣдомости“ и „Русскій Вѣстникъ“ останавливаются только на одной сторонѣ вопроса и въ пользованіи правомъ не хотятъ видѣть ничего другого, кромѣ злоупотребленія имъ—это въ порядкѣ вещей, это и не могло быть иначе. Совершенно неожиданной, наоборотъ, была для насъ встрѣча съ аналогичными мнѣніями въ такой серьезной книгѣ, какъ недавно вышедшій „Московскій Сборникъ“ (изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва, 1896). Вотъ что мы читаемъ здѣсь въ статьѣ о печати. „Судья, имѣя право карать нашу честь, лишать насъ имущества и свободы, пріемлетъ его отъ государства и долженъ продолжительнымъ трудомъ и испытаніемъ готовиться къ своему званію. Онъ связанъ строгимъ закономъ; всякія ошибки его и увлеченія подлежатъ контролю высшей власти, и приговоръ его можетъ быть измѣненъ и исправленъ. А журналистъ имѣетъ полную возможность запятнать, опозорить мою честь, затронуть мои имущественныя права; можетъ даже стѣснить мою свободу, затруднивъ своими нападками или сдѣлавъ невозможнымъ для меня пребываніе въ извѣстномъ мѣстѣ. Но эту судейскую власть надо мною онъ самъ себѣ присвоилъ: ни отъ какого высшаго авторитета онъ не пріялъ этого званія, не доказалъ никакимъ испытаніемъ, что онъ къ нему приготовленъ, ничѣмъ не удостовѣрилъ личныхъ качествъ благонадежности и безпристрастія, въ судѣ своемъ

надо мною не связанъ никакими формами процесса и не подлежитъ никакой апелляціи въ своемъ приговорѣ... Нападки печати на частное лицо могутъ причинить ему вредъ неисправимый. Всѣ возможныя опроверженія и объясненія не могутъ дать ему полнаго удовлетворенія. Не всякій изъ читателей, кому попалась на глаза первая поносительная статья, прочтетъ другую, оправдательную или объяснительную, а при легкомысліи массы читателей позорящее внушеніе или наругательство оставляютъ во всякомъ случаѣ ядъ въ мнѣніи и расположеніи массы. Судебное преслѣдованіе за клевету, какъ извѣстно, даетъ плохую защиту, и процессъ по поводу клеветы служитъ почти всегда средствомъ не къ обличенію обидчика, но къ новымъ оскорбленіямъ обиженнаго; а притомъ, журналистъ имѣетъ всегда тысячу средствъ уязвлять и тревожить частное лицо, не давая ему прямыхъ поводовъ къ возбужденію судебнаго преслѣдованія". Во всемъ этомъ разсужденіи нѣтъ почти ни одного тезиса, который бы не могъ быть оспоренъ. Аналогія между судьею и журналистомъ—только кажущаяся. Судебное рѣшеніе, вошедшее въ законную силу, дѣйствительно и безповоротно лишаетъ меня того или другого блага; нападеніе на меня въ печати можетъ быть названо, въ худшемъ случаѣ, только попыткой повредить мнѣ—попыткой, сплошь и рядомъ, совершенно безсильной. „Приговоръ" журналиста никогда не является *безапелляціоннымъ*; я всегда могу его опровергнуть путемъ суда, общаго или третейскаго, если только на моей сторонѣ право и правда. Судебное преслѣдованіе за клевету часто оказывается защитой вполнѣ достаточной; сколько бы обидчикъ ни закидывалъ меня, на судѣ, новыми словесными обидами (что̀ возможно, впрочемъ, только при излишней снисходительности предсѣдательствующаго на судѣ), онъ будетъ признанъ клеветникомъ, если не докажетъ выставленнаго имъ противъ меня обвиненія, и на него упадетъ весь позоръ, которымъ онъ хотѣлъ покрыть меня. Если старанія журналиста „уязвить" меня не даютъ повода къ судебному преслѣдованію, то это значитъ, что самыя „уязвленія" опасны развѣ для моего самолюбія, но не для моей чести. Всего больше поражаетъ насъ, однако, не тотъ или другой отдѣльный доводъ въ аргументаціи „Московскаго Сборника", а общій смыслъ ея. Она направлена, очевидно, не только противъ ложныхъ, злонамѣренныхъ обвиненій, но и противъ самаго права печати на обвиненіе, хотя бы вполнѣ добросовѣстное и основательное. Что̀ бы ни совершалось на глазахъ у журналиста, какія бы достовѣрныя свѣдѣнія о всякаго рода неправдѣ до него ни доходили, онъ долженъ молчать, потому что ни отъ кого не получилъ формальнаго уполномочія на обвиненіе. Мы встрѣчаемся здѣсь съ тою же презумпціей, которую мы отмѣтили въ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей" и

„Русскаго Вѣстника“: обличеніе путемъ печати *предполагается* несправедливымъ, обличитель *предполагается* лживымъ или, по меньшей мѣрѣ, легкомысленнымъ— и это *предположеніе*, путемъ логическаго скачка, превращается въ *утвержденіе*, не допускающее никакихъ изъятій. На самомъ дѣлѣ мы видимъ нѣчто совершенно иное. Въ области печати, какъ и во всѣхъ другихъ, злоупотребленія правомъ—или силой — идутъ рука объ руку съ разумнымъ и честнымъ пользованіемъ ими. Задача государственной мудрости заключается въ томъ, чтобы обезпечить пользованіе правомъ, устраняя, насколько возможно, злоупотребленіе имъ, а не въ томъ, чтобы отмѣнить или ограничить самое право, какъ служащее *иногда* источникомъ злоупотребленій. Необходимо, конечно, охранять отдѣльныхъ лицъ отъ незаслуженныхъ или ничѣмъ не вызванныхъ нападеній со стороны печати; но столь же необходимо охранять общество отъ неправильныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ (въ особенности должностныхъ), а однимъ изъ средствъ охраны является свободное печатное слово, благодаря которому раскрывается многое, совершающееся или замышляемое во тьмѣ и тайнѣ. Даже русской печати, несмотря на всѣ тяготѣвшія и тяготѣющія надъ нею стѣсненія, удалось, съ этой точки зрѣнія, оказать не мало услугъ обществу и государству: достаточно напомнить хотя бы ту роль, которую она играла въ разоблаченіи уфимскихъ земельныхъ хищеній.

Вопросъ о „полномочіи“, которымъ должны, будто бы, обладать, но не обладаютъ пишущіе въ газетахъ и журналахъ, затрогиваетъ не одну только обличительную дѣятельность печати: если полномочіе необходимо для „обличенія“, то оно необходимо и для „обсужденія“. И дѣйствительно, такъ и смотритъ на дѣло статья „Московскаго Сборника“. „Печать,—говоритъ авторъ,—ставитъ себя въ положеніе судящаго наблюдателя ежедневныхъ явленій; она обсуждаетъ не только дѣйствія и слова людскія, но испытуетъ даже невысказанныя мысли, намѣренія и предположенія, по произволу клеймитъ ихъ или восхваляетъ, возбуждаетъ однихъ, другимъ угрожаетъ, однихъ выставляетъ на позоръ, другихъ ставитъ предметомъ восторга и примѣромъ подражанія. Во имя общественнаго мнѣнія, она раздаетъ награды однимъ, другимъ готовитъ казнь, подобную средневѣковому отлученію... Самъ собою возникаетъ вопросъ: кто же представители этой страшной власти, именующей себя общественнымъ мнѣніемъ? Кто далъ имъ право и полномочіе, во имя цѣлаго общества, править, ниспровергать существующія учрежденія, выставлять новые идеалы нравственнаго и положительнаго закона?“ Указавъ на то, что „начала новѣйшаго либерализма“ кладутъ въ основаніе каждаго учрежденія „санкцію выбора, авторитетъ всенародной воли“, а для жур-

налистовъ, „власть коихъ практически на все простирается", никакой санкціи не требуется, авторъ видитъ въ этомъ „одно изъ безобразнѣйшихъ логическихъ противорѣчій новѣйшей культуры". „Газета,—восклицаетъ онъ,—становится авторитетомъ въ государствѣ, и для этого единственно авторитета не требуется никакого признанія. Всякій, кто хочетъ, первый встрѣчный можетъ стать органомъ этой власти, представителемъ этого авторитета, и притомъ вполнѣ *безотвѣтственнымъ* (курсивъ въ подлинникѣ), какъ никакая иная власть въ мірѣ"... Опровергать послѣднее положеніе автора, доказывать, что печать, даже въ наиболѣе свободныхъ странахъ, вовсе не *безотвѣтственна*, а въ нѣкоторыхъ государствахъ отвѣтственна чрезъ мѣру—значило бы повторять всѣмъ извѣстное и совершенно очевидное: мы остановимся только на „логическомъ противорѣчіи", возмущающемъ автора. Оно существовало бы только въ такомъ случаѣ, еслибы печать была *учрежденіемъ* и *властью*, еслибы она имѣла опредѣленныя аттрибуціи и функціи, при отправленіи которыхъ ея слову принадлежалъ бы обязательный, рѣшающій характеръ. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ нѣтъ и быть не можетъ. Печать высказываетъ *мнѣнія*, тотчасъ же вызывающія отпоръ или находящія противовѣсъ въ ея собственной средѣ. Полномочіе—это передача уполномочиваемому тѣхъ или другихъ правъ уполномочивающаго; между тѣмъ, право мыслить, говорить, обсуждать не составляетъ ничьего исключительнаго достоянія и не можетъ, слѣдовательно, служить предметомъ передачи. Государство только регулируетъ пользованіе этимъ правомъ—и въ такой регламентаціи, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, ужъ конечно нѣтъ недостатка. Идти еще дальше и допускать къ участію въ повременной прессѣ только тѣхъ, кто получитъ на то особое правительственное разрѣшеніе (срочное или во всякое время отмѣнимое?), значило бы уничтожить всякое движеніе, всякую жизнь въ печати и ограничить ея призваніе оффиціальнымъ или оффиціознымъ разъясненіемъ и восхваленіемъ правительственныхъ мѣропріятій. Или, быть можетъ, имѣется въ виду какой-нибудь экзаменъ для дѣятелей печати? Не говоря уже о его безцѣльности (подъ фирмою „патентованнаго" писателя весьма легко могли бы выступать и не-патентованные) и несправедливости (припомнимъ, какую роль играли въ печати многія лица, не получившія высшаго образованія), онъ скоро показался бы недостаточнымъ, потому что удостовѣрялъ бы только умственную компетентность писателя, а не нравственную его благонадежность—и къ экзаменнымъ требованіямъ неизбѣжно прибавилось бы еще одно, самое существенное: административная апробація... Еслибы „полномочіе" было поставлено условіемъ доступа къ періодической прессѣ, то, во имя послѣдова-

тельности, пришлось бы признать его необходимымъ и для другихъ формъ печатнаго слова: особое разрѣшеніе понадобилось бы и для научныхъ или литературныхъ занятій, какъ только ихъ плоды предназначаются для печати. Съ точки зрѣнія, требующей особаго полномочія на провозглашеніе „новыхъ идеаловъ нравственнаго закона", это было бы совершенно логично — но во что̀ обратилась бы тогда наука и литература?

Поставивъ приведенный нами вопросъ о „полномочіи", авторъ продолжаетъ: „никто не хочетъ вдуматься въ этотъ совершенно законный вопросъ и дознаться въ немъ до истины; но всѣ кричатъ о такъ называемой свободѣ печати, какъ о первомъ и главнѣйшемъ основаніи общественнаго благоустройства. Кто не вопіетъ объ этомъ и у насъ, въ несчастной, оболганной и оболживленной чужеземною ложью Россіи? Вопіютъ, въ удивительной непослѣдовательности, и такъ называемые славянофилы, мнящіе возстановить и водворить историческую правду учрежденій въ землѣ русской [1]). И они, присоединяясь въ этомъ къ хору либераловъ, совокупленныхъ съ поборниками началъ революцій, говорятъ совершенно по западному: *общественное мнѣніе, т.-е. соединенная мысль съ чувствомъ и юридическимъ сознаніемъ всѣхъ и каждаго, служитъ окончательнымъ рѣшеніемъ въ дѣлахъ общественнаго быта; итакъ, всякое стѣсненіе свободы слова не должно быть допускаемо, ибо въ стѣсненіи сего рода выражается насиліе меньшинства надъ всеобщею волею*". Это „ходячее положеніе новѣйшаго либерализма" противорѣчитъ, по словамъ автора, „первымъ началамъ логики, ибо основано на вполнѣ ложномъ предположеніи, будто общественное мнѣніе тождественно съ печатью". Опровергая это предположеніе, авторъ указываетъ на то, что „самые ничтожные люди—какой-нибудь бывшій ростовщикъ, жидъ-факторъ, газетный разносчикъ, участникъ банды червонныхъ валетовъ, разорившійся содержатель рулетки—могутъ основать газету, привлечь талантливыхъ сотрудниковъ и пустить свое изданіе на рынокъ, въ качествѣ о̀ргана общественнаго мнѣнія".

Въ словахъ, напечатанныхъ нами курсивомъ—все равно, были ли они сказаны именно въ этомъ видѣ кѣмъ-либо изъ славянофиловъ, или составляютъ сдѣланное самимъ авторомъ résumé славянофильской доктрины—мы никакъ не можемъ признать „ходячее положеніе новѣйшаго либерализма". Безспорно, „либерализмъ" стоитъ за свободу слова, но вовсе не по тѣмъ мотивамъ, запутаннымъ и неяснымъ, которыми она обосновывается въ вышеприведенной фор-

[1]) Очень интересно и характеристично это презрительное отношеніе автора къ „такъ называемымъ славянофиламъ".

мулѣ. „Соединенною мыслью всѣхъ и каждаго“ общественное мнѣніе бываетъ только въ исключительныхъ случаяхъ; обыкновенно оно представляетъ собою только мысль большинства или, лучше сказать, *господствующую мысль*, преобладающее настроеніе даннаго момента (то, что̀ нѣмцы называютъ tonangebende Stimmung). Эта мысль, это настроеніе нуждается въ свободномъ выраженіи—но отнюдь не меньше нуждаются въ немъ и другія настроенія, слабо распространенныя, оттѣсненныя на задній планъ или только зарождающіяся въ обществѣ. Стѣсненіе свободы слова можетъ быть, иногда, „насиліемъ надъ всеобщею волею“, но еще чаще оно бываетъ насиліемъ надъ меньшинствомъ. Истинный „либерализмъ“ одинаково враждебенъ обоимъ видамъ насилія; стремясь къ свободѣ печати, онъ отстаиваетъ какъ права „общественнаго мнѣнія“, такъ и права тѣхъ взглядовъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ. Съ этой точки зрѣнія объ отождествленіи общественнаго мнѣнія съ печатью не можетъ быть, слѣдовательно, и рѣчи; печать является не чѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ различныхъ теченій, существующихъ въ обществѣ—отраженіемъ не всегда полнымъ, не всегда точнымъ и вѣрнымъ, да и далеко не единственнымъ, но во всякомъ случаѣ не произвольнымъ и не случайнымъ. Ни одинъ изъ о̀рłгановъ печати не имѣетъ права говорить отъ имени *всего* общества, но всякій изъ нихъ—если только онъ представляетъ собою нѣчто бо̀льшее, чѣмъ чисто-коммерческое предпріятіе,—служитъ какъ бы голосомъ той или другой общественной группы, того или другого оттѣнка мысли, того или другого направленія. Въ общемъ хорѣ каждый голосъ имѣетъ свое законное мѣсто; если замолкнетъ хоть одинъ, неминуемо пострадаетъ полнота гармоніи... Что газеты и журналы основываются и издаются иногда „самыми ничтожными людьми“—это несомнѣнно, но аргументомъ противъ свободы печати это служить не можетъ, доказывая скорѣе тщету стѣснительныхъ мѣръ, принимаемыхъ противъ печати: вѣдь въ руки „ничтожныхъ людей“ повременныя изданія попадаютъ и при системѣ предварительнаго разрѣшенія. Если „ничтожнымъ людямъ“ удается, въ отдѣльныхъ случаяхъ, заручиться сотрудничествомъ талантливыхъ писателей, то вѣдь и этому способствуютъ, отчасти, тѣ же стѣснительныя мѣры: чѣмъ меньше газетъ и журналовъ, тѣмъ труднѣе, для профессіональныхъ журналистовъ, разборчивость въ ихъ выборѣ. Не всегда, наконецъ, періодическое изданіе, основанное „ничтожнымъ человѣкомъ“, оказывается ничтожнымъ или презрѣннымъ по своему содержанію. Если обстоятельства слагаются такъ, что широкое распространеніе изданія можетъ быть достигнуто честными средствами, то „ничтожному человѣку“, для котораго важенъ только матеріальный успѣхъ,

нѣтъ надобности мѣшать своимъ честнымъ сотрудникамъ или замѣнять ихъ нечестными. Безспорно, такая комбинація условій встрѣчается не всегда; безспорно, есть періодическія изданія, носящія на себѣ ясный слѣдъ „ничтожества“ своихъ основателей или вдохновителей. Нужно бороться противъ этого зла, изобличая всѣ его проявленія, стараясь поднять уровень читающей публики, облагородить ея вкусы, увеличить строгость ея требованій. Это путь медленный, но единственный вѣрный; система „полномочій“, подавляя самостоятельность печати, весьма легко, вмѣстѣ съ тѣмъ, могла бы оказаться благопріятной для „ничтожныхъ людей“, потому что рука объ руку съ „ничтожествомъ“ идетъ, сплошь и рядомъ, готовность подчиняться внушеніямъ и писать подъ диктовку.

27-го минувшаго іюля скончался близъ Москвы Ю. Н. Говоруха-Отрокъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Ю. Николаева, которымъ онъ подписывалъ, въ послѣднее время, свои статьи и книги. Преждевременная смерть этого даровитаго писателя,—ему было, повидимому, развѣ немногимъ болѣе сорока лѣтъ,—оставитъ замѣтный пробѣлъ не только въ воинствующей журналистикѣ, но и въ литературѣ. Расходясь съ нимъ почти во всемъ, часто возставая противъ его мнѣній, мы всегда видѣли въ немъ крупную умственную силу и искренно сожалѣемъ, что ему не удалось высказаться до конца, не удалось исполнить занимавшіе его широкіе планы (на первой очереди между ними стоялъ большой трудъ о Гоголѣ). Переходъ покойнаго отъ одного строя мыслей къ другому, прямо противоположному, совершился не вдругъ; одинъ изъ промежуточныхъ его фазисовъ отразился въ двухъ небольшихъ разсказахъ: „Отъѣздъ“ и „Развязка“, напечатанныхъ Ю. Н. Говорухой, за подписью Г. О., въ „Вѣстникѣ Европы“ (1882 г., августъ и октябрь). Этимъ и ограничилось его сотрудничество въ нашемъ журналѣ; въ позднѣйшихъ его статьяхъ, сначала въ „Южномъ Краѣ“, потомъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Русскомъ Обозрѣніи“—онъ является критикомъ и публицистомъ рѣшительно консервативнаго оттѣнка. Порвавъ съ своимъ прошедшимъ, онъ не вполнѣ, однако, утратилъ способность понимать тѣ чувства, которыя нѣкогда были его собственными. Этимъ объясняется, напримѣръ, его горячая симпатія къ В. Г. Короленко—симпатія, столь странная, съ перваго взгляда, въ сотрудникѣ „Московскихъ Вѣдомостей“. Его критическій этюдъ о В. Г. Короленко (Москва, 1893 г.)—лучшее, быть можетъ, изъ всего написаннаго объ этомъ авторѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшее изъ произведеній самого Ю. Н. Говорухи. Гораздо болѣе яркую печать его новые взгляды

наложили на этюдъ его о Тургеневѣ (Москва, 1894 г.), основная мысль котораго заключается въ томъ, что Тургеневъ былъ „лишнимъ человѣкомъ“ (въ специфически-тургеневскомъ смыслѣ этого слова). Всецѣло, наконецъ, они заполонили его, какъ критика нашей критики: одностороннее и безусловное преклоненіе передъ А. Григорьевымъ и Н. Страховымъ сдѣлало его ожесточеннымъ противникомъ Бѣлинскаго и Добролюбова. Его послѣдняя статья, напечатанная въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за два дня до его смерти, оканчивается причисленіемъ Добролюбова къ внучатамъ Скалозуба!.. Какъ бы то ни было, даже въ самыхъ крайнихъ увлеченіяхъ своихъ Ю. Н. Говоруха-Отрокъ оставался оригинальнымъ и интереснымъ. Нужно надѣяться, что наиболѣе замѣчательныя его статьи не останутся погребенными въ старыхъ газетныхъ листахъ и журнальныхъ книжкахъ. Всего лучше было бы издать ихъ вмѣстѣ съ беллетристическими произведеніями автора, важными для пониманія его внутренней жизни [1]).

---

[1]) Кромѣ „Вѣстника Европы“, разсказы Ю. Н. Говорухи-Отрока, по словамъ г. Ясинскаго, появлялись еще въ „Словѣ“ и въ „Полярной Звѣздѣ“ (гр. Сальяса).

ИЗВѢЩЕНІЯ

Высочайше утвержденный С.-Петербургскій Комитетъ по сбору пожертвованій на памятникъ Луи Пастёру въ Парижѣ, состоящій подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго, доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ лицъ, желающихъ оказать посильное содѣйствіе къ увѣковѣченію памяти одного изъ величайшихъ научныхъ геніевъ и благодѣтелей человѣчества, что пожертвованія на означенный выше предметъ принимаются какъ членами Комитета, такъ и въ Императорскомъ Институтѣ Экспериментальной Медицины (С.-Петербургъ, Аптекарскій остр., Лопухинская ул., № 12). Въ составъ Комитета входятъ: г. Главный Военно-Медицинскій Инспекторъ А. А. Реммертъ (Садовая, 8—7), г. Городской Голова г. С.-Петербурга В. А. Ратьковъ-Рожновъ (Милліонная, 7), г. Главный Медицинскій Инспекторъ Флота В. С. Кудринъ (Гагаринская, 30), г. Инспекторъ по медицинской части вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи В. В. Сутугинъ (Фурштадтская, 37), г. Начальникъ Императорской Военно-Медицинской Академіи В. В. Пашутинъ (Выборгская стор., Нижегородская ул., 6), г. Директоръ Медицинскаго Департамента Л. Ф. Рагозинъ (Кузнечный пер., 14), г. Директоръ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины С. М. Лукьяновъ (Аптекарскій остр., Лопухинская ул., 12), г. Профессоръ Императорской Военно Медицинской Академіи Н. А. Вельяминовъ (Знаменская, 43) и г. Дѣйствительный Членъ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины С. Н. Виноградскій (Мытнинская наб., 9).

С.-Петербургскій Комитетъ, возникшій по ходатайству Парижскаго Центральнаго Комитета, которому принадлежитъ и мысль о постановкѣ памятника Луи Пастёру въ Парижѣ, твердо надѣется, что на призывъ его отзовутся не только отечественные естествоиспытатели и врачи, давно уже привыкшіе чтить имя Луи Пастёра, но и все русское общество, никогда не отказывающее въ своемъ сочувствіи тому, въ чемъ проявляется истинная мощь человѣческаго духа. Еще недавно, по случаю смерти Луи Пастёра, въ многочисленныхъ некрологахъ и статьяхъ были освѣжены въ памяти общества всѣ подробности научнаго подвига, совершеннаго Луи Пастёромъ. Перечислять всѣ эти подробности снова нѣтъ надобности; достаточно

сказать, что его мыслью питалась не только теоретическая наука, но и житейская практика, и что ему обязаны своими крупнѣйшими успѣхами и біологія, и патологія, и промышленность. Многіе запутанные вопросы науки разрѣшены Луи Пастёромъ; многія тысячи жизней сохранены благодаря ему; цѣлыя отрасли промышленности упрочились въ своемъ развитіи, благодаря ему же. Было бы утѣшительно думать, что въ уваженіи къ памяти славнаго дѣятеля, принадлежащаго тѣломъ Франціи, а духомъ всему человѣчеству, соединятся всѣ образованные русскіе люди, и что, принося посильную лепту въ честь его имени, мы вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпимся въ рѣшимости чтить науку и ея истинныхъ творцовъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Производительныя силы Россіи. Краткая характеристика различныхъ отраслей труда, соотвѣтственно классификаціи выставки. Изданіе Высоч. учрежденной Коммиссіи по завѣдыванію устройствомъ Всероссійской промышл. и художеств. выставки 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Составлено подъ общею редакціею В. И. Ковалевскаго. Спб., 1896.

Въ этомъ огромномъ томѣ собрано множество фактическихъ свѣдѣній о различныхъ отрасляхъ производительной дѣятельности въ Россіи и о достигнутыхъ ими успѣхахъ за послѣднее время. Матеріалъ распредѣленъ по отдѣламъ, соотвѣтственно классификаціи производствъ на выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ; такихъ отдѣловъ, главныхъ и второстепенныхъ, насчитывается всего 25. Въ концѣ книги помѣщены еще статьи о внѣшней торговлѣ съ 1856 по 1894 годъ и о привилегіяхъ на изобрѣтенія въ Россіи. Ближайшая цѣль этого сборника, какъ объяснено въ предисловіи В. И. Ковалевскаго, заключалась въ томъ, чтобы „облегчить ознакомленіе съ представленными на выставку предметами, дать руководящую нить среди огромнаго количества и разнообразія экспонатовъ"; поэтому отдѣльные обзоры составлены сжато и общедоступно, съ указаніемъ на все новое и оригинальное, безъ чрезмѣрнаго обилія историческихъ и статистическихъ данныхъ. Но, по дѣйствительному значенію и интересу своего содержанія, сборникъ далеко выходитъ изъ скромныхъ границъ, намѣченныхъ В. И. Ковалевскимъ. Укажемъ для примѣра на обстоятельный очеркъ начальнаго образованія, составленный А. Я. Острогорскимъ (стр. 41—82 въ XIX отдѣлѣ); въ статьѣ приложена карта, по которой можно судить о состояніи школьнаго дѣла въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Оказывается, что единственныя области, гдѣ дѣло народнаго обученія поставлено прочно, — Финляндія и Прибалтійскій край, съ 6% учащихся на общее число жителей; въ другихъ мѣстахъ процентъ гораздо ниже, только въ Саратовской и Ярославской губерніяхъ онъ доходитъ до 4% и 5%. Въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ говоритъ г. А. Острогорскій, начальное народное образованіе устроено совсѣмъ иначе, чѣмъ въ остальной Россіи; прежде всего народное обученіе признается здѣсь обязательнымъ; затѣмъ населеніе ближе стоитъ къ школѣ, принимаетъ большее участіе въ завѣдываніи школьнымъ дѣломъ; наконецъ, самая школа выше, основная ея програмка шире, чѣмъ, напр., програмка нашей земской школы;—„всѣ эти условія, равно какъ и большая культурность самого населенія, создали довольно высокое положеніе народнаго образованія". О школахъ Финляндіи нѣтъ свѣдѣній въ статьѣ г. Острогорскаго.

Реформа денежнаго обращенія въ Россіи. Доклады и пренія въ III Отдѣленіи Импер. Вольнаго Экономическаго Общества. Стенографическій отчетъ. Спб., 1896. Стр. 263. Ц. 1 р. 50 к.

Въ докладахъ и рѣчахъ, напечатанныхъ въ этой книгѣ, вопросъ о денежной реформѣ разсмотрѣнъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, но не можетъ все-таки считаться исчерпаннымъ; нѣкоторые существенные пункты спора, напр. о причинахъ и условіяхъ перехода къ золотой валютѣ, о роли серебра въ предполагаемомъ у насъ металлическомъ денежномъ обращеніи и др., остаются безъ надлежащаго обсужденія и разъясненія. Доклады проф. Л. В. Ходскаго и В. И. Касперова, вмѣстѣ съ вызванными ими преніями, посвящены главнымъ образомъ разбору общихъ экономическихъ и финансовыхъ условій, при которыхъ возможно осуществленіе денежной реформы. Большинство высказанныхъ мнѣній неблагопріятно для проекта въ томъ видѣ, какъ онъ былъ выработанъ министерствомъ финансовъ. Обсужденіе представляется незаконченнымъ въ настоящемъ отчетѣ; по крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе незаконченности выносится читателемъ изъ бѣглаго обзора книги.

Политическая экономія. П. И. Георгіевскаго, ордин. проф. Имп. С.-Петерб. университета. Второе изданіе. Ч. II. Выпускъ I. Стр. IV—166. Ц. 1 р. 25 к. Выпускъ II. Стр. VIII+145. Ц. 1 р. Спб., 1896.

Въ этой части курса проф. Георгіевскаго разсматриваются чрезвычайно важные и наиболѣе спорные вопросы политической экономіи— о положеніи рабочихъ, о рентѣ и заработной платѣ, о доходѣ съ капитала, о прибыли предпринимателя, призрѣніи бѣдныхъ и потребленіи цѣнностей. Авторъ справедливо удѣляетъ наибольшее вниманіе экономической доктринѣ Маркса, въ виду популярности ея у насъ; надъ его теоріею цѣнности, говоритъ онъ, „научной критикой уже произнесенъ окончательный приговоръ, и въ настоящее время тамъ (въ западной Европѣ) едва ли найдется хотя одинъ сколько-нибудь выдающійся ученый, который былъ бы сторонникомъ этой теоріи". Между прочимъ, авторъ объясняетъ происхожденіе процента и прибыли производительною силою „общественности", т.-е. общественныхъ условій труда и производства. Обиліе литературныхъ указаній дѣлаетъ книгу поучительною для всякаго, желающаго ознакомиться съ современнымъ состояніемъ политической экономіи.

Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften". Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе М. и Н. Водовозовыхъ. Москва, 1896. Стр. II + 381.

Мысль покойнаго Н. В. Водовозова сдѣлать доступнымъ русской публикѣ содержаніе наиболѣе интересныхъ отдѣловъ обширнаго „Словаря" проф. Конрада заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія. Въ вышедшемъ нынѣ первомъ томѣ соединены статьи о землевладѣніи, земледѣліи и хлѣбной торговлѣ, которыя въ оригиналѣ разбросаны по алфавитной системѣ; статьи принадлежатъ Адольфу Вагнеру, Конраду, Лексису, фонъ-деръ Гольцу, Бирмингаузу и др. Слѣдующій томъ долженъ былъ заключать въ себѣ отдѣлъ промышленности; затѣмъ предполагались дальнѣйшіе томы—объ освобожденіи крестьянъ, о фабричномъ законодательствѣ, о рабочемъ вопросѣ и т. д. Въ подобныхъ сборникахъ фактическихъ свѣдѣній и разъясненій чувствуется у насъ большой недостатокъ, особенно по вопросамъ экономическимъ и финансовымъ; пополнить этотъ пробѣлъ хорошимъ переводомъ хорошаго нѣмецкаго изданія было бы очень полезно, тѣмъ болѣе при той добросовѣстности, съ какою составленъ томъ о землевладѣніи и сельскомъ хозяйствѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1896 г.

(Тридцать-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Принимается подписка на годъ, второе полугодіе и третью четверть 1896 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

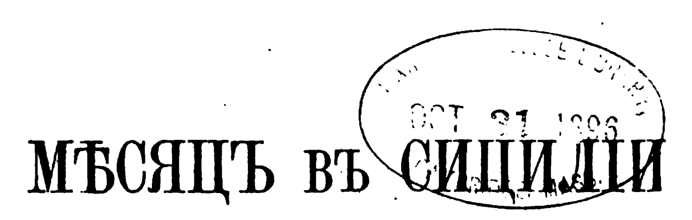
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1896.

Стр.

☞ Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть года въ 1897 г. ☜
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

МѢСЯЦЪ ВЪ СИЦИЛІИ

ОЧЕРКИ.

I.

Мысль о поѣздкѣ въ Сицилію зародилась во мнѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ сентябрѣ 1894 года на банкетѣ, устроенномъ международнымъ обществомъ соціологовъ въ честь его перваго президента Лэббока; редакторъ весьма вліятельнаго въ Италіи научнаго журнала, недавно назначенный профессоромъ политической экономіи въ одинъ изъ южныхъ университетовъ, открыто выразилъ желаніе, чтобы злополучію старинной Тринакріи положенъ былъ конецъ поступленіемъ ея подъ владычество хотя бы и иностранной державы, но способной понять, что задачи и обязанности правительства не ограничиваются вымогательствомъ однѣхъ податей и содержаніемъ полицейской стражи. Ораторъ не былъ систематическимъ противникомъ представляемой Криспи политики и еще менѣе сторонникомъ соціальной революціи. Такъ-называемые fasci или рабочіе союзы не считали его въ числѣ своихъ ревнителей,—и все же онъ не видѣлъ исхода для бѣдствій своей родины, помимо радикальнаго переворота. Вскорѣ затѣмъ я получилъ изъ совершенно другого лагеря подтвержденіе той мысли, что условія, въ которыхъ находится Сицилія, представляютъ нѣчто настолько анормальное, что для врачеванія ея ранъ необходимо въ полномъ смыслѣ слова новое онодательство.

Министерство вносило въ палату законъ, ограничивавшій одинъ › аттрибутовъ собственности—права распоряженія; предлагало ылать принудительнымъ дробленіе латифундій на участки сред- величины и подвергать конфискаціи земли собственниковъ, произведшихъ нужныхъ въ хозяйствѣ улучшеній по истече-

ніи установленнаго срока. Одновременно Франческо Нити въ искусно редактируемой имъ „Соціальной реформѣ" открывалъ рядъ статей, подписанныхъ самыми авторитетными въ Сициліи именами: Колаяни, Сальвіоли, Рикка Салерно, въ которыхъ въ одно слово указывалось на необходимость правительственнаго вмѣшательства въ отношенія землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ и подчиненія сицилійскихъ собственниковъ тѣмъ же, если не бо̀льшимъ ограниченіямъ, какимъ подвергнуты были англійскіе лэндлорды въ Ирландіи.

Приглашая меня въ число своихъ сотрудниковъ, Нити настаивалъ на скорѣйшемъ появленіи въ его журналѣ статьи о русской сельской общинѣ и мірскихъ передѣлахъ, говоря, что эти иноземные порядки могутъ оказать услугу при рѣшеніи тѣхъ затрудненій, съ какими правительству приходится бороться въ Сициліи. Хотя пророчества французскихъ газетъ о неминуемой аграрной революціи оказались праздными, хотя Криспи съ помощью полиціи, войска и административныхъ ссылокъ удалось положить конецъ дальнѣйшей пропагандѣ рабочихъ союзовъ, но переживаемый страною кризисъ, по сознанію самого правительства, далеко не можетъ считаться законченнымъ и по настоящій день. „Можно всего ждать отъ народа, поставленнаго въ необходимость выбора между нищенствомъ и преступленіемъ,—народа, среди котораго съ каждымъ днемъ возрастаетъ число лицъ, выбитыхъ изъ колеи и принужденныхъ выходить на большую дорогу",—говорилъ мнѣ Франческо Нити въ октябрѣ текущаго года, снабжая меня рекомендаціями въ Катанію, Мессину и Палермо. Первое впечатлѣніе при высадкѣ на берегъ далеко не отвѣчало, однако, напередъ сложившемуся представленію о бѣдности и разореніи. Мессина кишитъ народомъ, и хотя портъ ея далеко не имѣетъ того числа торговыхъ судовъ, какого ожидаешь отъ ея исключительно благопріятнаго географическаго положенія, но все же иностранцу не трудно замѣтить, что онъ попалъ въ омутъ коммерческихъ спекуляцій болѣе или менѣе международнаго характера. За столомъ встрѣчаешь не однихъ итальянцевъ, но также нѣмцевъ, французовъ и англичанъ; на улицахъ мелькаютъ по временамъ турецкія фески и разговоръ въ кофейняхъ и гостинницахъ болѣе или менѣе вращается вокругъ вопросовъ о цѣнахъ и сбытѣ; но стоитъ вмѣшаться въ эту бесѣду, внимательно прислушаться къ тѣмъ сѣтованіямъ, какія раздаются съ разныхъ сторонъ—и проникаешься убѣжденіемъ, что далеко не все обстоитъ благополучно, и что странѣ трудно пережить тотъ кризисъ, отъ котораго страдаетъ сельское хозяйство почти всей Европы. Ком-

миссіонеры по закупкѣ лимоновъ и апельсинъ сознавались мнѣ, что имъ самимъ совѣстно дѣлать тѣ предложенія хозяевамъ и транспортнымъ конторамъ, къ какимъ принуждаетъ ихъ паденіе цѣнъ на этотъ товаръ, благодаря возвышенію пошлинъ въ Америкѣ. Винодѣлы жаловались на то, что со времени таможенной борьбы съ Франціей прекратился спросъ на вина низкаго качества, прежде шедшія на изготовленіе бордо. Землевладѣльцы недружелюбно говорили объ Одессѣ и конкурренціи, оказываемой русской пшеницей. Ко всѣмъ этимъ сѣтованіямъ присоединилось еще одно: о невозможности сбыть и половину получаемой на островѣ сѣры, благодаря перевороту въ техническомъ производствѣ сѣрной кислоты. Я не сразу оцѣнилъ значеніе этого послѣдняго факта; то громадное общественное бѣдствіе, какое представляетъ для сицилійца паденіе цѣнъ на сѣру, выступило передо мною только тогда, когда мои странствованія привели меня въ Джирдженти и позволили посѣтить одинъ изъ многочисленныхъ рудниковъ сѣры, расположенныхъ въ окрестностяхъ этого города. Но объ этомъ рѣчь впереди. Пока я позволю себѣ отвлечь вниманіе читателя отъ печальной картины, открываемой этимъ послѣдовательнымъ наслоеніемъ хлѣбнаго, винодѣльнаго, фруктоваго и сѣрнаго кризисовъ, изображеніемъ того внѣшняго богатства, какое представляетъ непрерывное чередованіе апельсинныхъ и лимонныхъ рощъ на всемъ протяженіи отъ Мессины до Катаніи. На узкой полосѣ, расположенной между горными отрогами и моремъ по обѣ стороны желѣзной дороги разсѣяны мелкіе крестьянскіе участки, почти всецѣло занятые посадкой фруктовыхъ деревьевъ. На склонахъ Этны, тамъ, гдѣ столѣтіями раньше лилась огненная лава, ростутъ каштановыя, оливковыя и орѣховыя деревья; виноградныя лозы доставляютъ баснословные урожаи, дающіе жителямъ то крѣпкое и душистое вино, которое въ мѣстномъ обиходѣ носитъ имя грознаго вулкана. Но какую борьбу съ природой пришлось и приходится еще выдержать для того, чтобы достигнуть этого плодородія. Быстрое теченіе потоковъ, извѣстныхъ подъ именемъ fiumare, въ связи съ постепеннымъ вывѣтриваніемъ кварцовыхъ породъ—причина тому, что въ эпоху таянія снѣговъ болѣе или менѣе высохшіе ручьи превращаются въ бурныя рѣки, заносящія побережные сады и виноградники грудами камней и обращающія въ пустыню то, что еще недавно было цвѣтущимъ раемъ. О разрушительной силѣ этихъ наносовъ можно судить по тому, что въ окрестностяхъ Мессины доселѣ показываютъ колонны храма, заложеннаго ея норманскимъ завоевателемъ Руджіеро, и нынѣ погребенныя

болѣе чѣмъ на половину въ пескѣ. Неудивительно, если по всей дорогѣ отъ Мессины въ Катанію чередуются мосты, переброшенные не столько черезъ рѣки, сколько черезъ груды камней, спускающихся широкой полосою вплоть до моря. Каменистая Аравія рядомъ съ садами Эдема! Когда за Таорминой и Джардини открываются первые отроги Этны, бурая или черная, какъ уголь, земля еще говоритъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ жителей столѣтія назадъ и еще недавно заставившихъ поселянъ Николози бѣжать съ семьями и стадами предъ наступающимъ на нихъ потокомъ лавы. Я посѣтилъ это печальное селеніе и съ высоты „Красной горы" (Monte-Rosso), одного изъ потухшихъ кратеровъ, имѣлъ возможность наблюдать за тѣмъ одновременно разрушительнымъ и созидающимъ вліяніемъ, какое огнедышащая гора имѣетъ по отношенію къ сосѣднимъ мѣстностямъ. Требуется чередованіе многихъ поколѣній, прежде чѣмъ обратить въ „плодородный илъ" все окаменяющую на своемъ пути лаву. По самому цвѣту почвы можно догадаться о томъ, какъ далеко простирались опустошенія Этны и къ какому времени можно отнесть ея изверженія. Пласты остывшей лавы видны уже при выходѣ изъ Катаніи; мало этого, въ самомъ городѣ можно найти площади, грунтъ которыхъ составленъ изъ нея. Такова площадь замка Ореоли, построеннаго императоромъ Фридрихомъ II и сдѣлавшагося однимъ изъ оплотовъ германскаго владычества на островѣ. Отъ него уцѣлѣли круглыя башни, приставленныя нынѣ къ уродливой четырехугольной казармѣ, фундаментъ которой погребенъ въ лавѣ. Мучительна прогулка по окрестностямъ Катаніи, гдѣ болѣе или менѣе изящныя виллы подымаются изъ бураго грунта, говорящаго о томъ, что прошли столѣтія съ тѣхъ поръ, когда цвѣтущая муниципія сразу лишилась тридцати тысячъ своихъ жителей, и покрову святой Агаты, благоговѣйно вынесенному епископомъ для прекращенія бѣдствія, не удалось сдержать разлива огненнаго потока. Утверждаютъ, что четыре года назадъ тотъ же пріемъ оказался болѣе успѣшнымъ и что лава, при видѣ епископа съ хоругвями и молящагося люда, внезапно остановилась у самаго входа въ Николози, уступая предстательству святой мученицы и покровительницы Катаніи. Приходится сдѣлать немного шаговъ, чтобы очутиться лицомъ къ лицу съ голымъ, не представляющимъ никакой растительности чернымъ грунтомъ—виновникомъ и свидѣтелемъ недавнихъ опустошеній. Нѣсколько далѣе, при подъемѣ на Monte-Rosso, бурая земля уже покрыта виноградникомъ и травою; рядъ кипарисовъ ведетъ къ молельнѣ, построенной въ память о таинственномъ избавленіи. И что̀ за грозный и въ то же время

неподражаемый видъ открывается съ возвышенности потухшаго кратера на десятки миль въ окружности, по направленію и къ городу, и къ морю! Чудовищными бородавками выступаютъ потухшія и кое-гдѣ еще дымящіяся жерла великой горы. Съ ея возвышенности поднимаются два толстыхъ столба дыма, свидѣтельствующихъ о непрекращающейся внутренней жизни, а внизу, у самаго моря, точно лапы медвѣдя, виднѣются оконечности тѣхъ огненныхъ потоковъ, которые вылились изъ нея въ разное время и, на половину покрытые садами, выдаютъ себя самымъ своимъ цвѣтомъ или, вѣрнѣе, цвѣтами, чернымъ, бурымъ и сѣроватымъ.

Но борьба съ природой—только одно изъ бѣдствій мелкаго сицилійскаго собственника, собственника-крестьянина, которымъ заселено сѣверо-восточное побережье подножія Этны. Не меньшее зло представляетъ паденіе цѣнъ и напоръ иноземной конкурренціи. Судьбы мелкой собственности въ сѣверо-восточной и отчасти сѣверной Ривьерѣ сами по себѣ весьма поучительны; онѣ бросаютъ свѣтъ и на одинъ изъ главныхъ источниковъ происхожденія крестьянскаго землевладѣнія на западѣ и на ближайшее его будущее, которое, какъ мы сейчасъ увидимъ, далеко не представляется въ томъ радужномъ цвѣтѣ, въ какомъ экономисты, со времени Мирабо Старшаго, обыкновенно стараются изобразить его. Намѣченный вопросъ, очевидно, изъ тѣхъ, интересъ которыхъ простирается и за предѣлы острова. Онъ заслуживаетъ поэтому, чтобы мы остановились на немъ съ нѣкоторой подробностью.

II.

Задолго до поѣздки, я уже имѣлъ возможность познакомиться изъ писемъ Виллари о положеніи южныхъ провинцій и извѣстнаго сочиненія Соннино и Франкетти о сицилійскомъ крестьянствѣ съ той противоположностью, какую представляютъ по отношенію къ землевладѣнію прибрежныя общины сѣверной и сѣверо-восточной Ривьеры и остальная часть острова. Говоря о причинахъ, поддерживающихъ разбойничество или такъ-называемую „мафію,“ — терминъ, употребительный на тюремномъ жаргонѣ и проникшій въ литературу не ранѣе 1860 г.,—Виллари отмѣчаетъ отсутствіе ихъ въ сѣверо-восточной полосѣ и говоритъ, что здѣсь гористость мѣстности и меньшее ея плодородіе сдѣлали возможнымъ возникновеніе болѣе выгодныхъ для крестьянина земельныхъ контрактовъ, приближающихся по характеру къ тосканскому половничеству, а это обстоятельство дѣлаетъ народъ болѣе обезпеченнымъ

и довольнымъ своей участью. Поэтому каждый разъ, когда назначенные въ Сицилію профессора и преподаватели освѣдомлялись у автора о томъ, въ какой мѣрѣ гарантирована будетъ ихъ личная безопасность во время пребыванія на островѣ, приходилось давать одинъ и тотъ же отвѣтъ: „если вы назначены въ Катанію или Сиракузу съ подчиненными имъ округами, то вамъ нечего опасаться; другое дѣло, если васъ ждетъ Джирдженти и Кастанизетта [1]).

Съ того времени, когда редактированы были эти письма, прошло цѣлыхъ семнадцать лѣтъ и, несмотря на временное оживленіе разбойничества въ мѣсяцы, слѣдовавшіе за революціоннымъ броженіемъ 1893—94 года, условія внѣшней безопасности значительно улучшились. Мнѣ лично не разъ приходилось возвращаться поздно вечеромъ безъ всякаго оружія, пѣшкомъ или въ экипажѣ; еслибы не попадавшіеся на пути и на станціяхъ карабинеры, въ голову не пришло бы, что, гуляя по окрестностямъ Джирдженти, подвергаешь себя какой-либо другой опасности, кромѣ назойливаго приставанія нищихъ, калѣкъ и уличныхъ мальчишекъ съ однообразнымъ: „мусью, датэ ми унъ сольдо“ (т.-е.: господинъ, дайте мнѣ пять сантимовъ). Это не мѣшаетъ газетамъ, особенно французскимъ, выдавать одиночные случаи личной мести за доказательство повальнаго и безнаказаннаго разбойничества, къ немалому ужасу и негодованію хозяевъ гостинницъ и ресторановъ, остающихся безъ туристовъ. Но если мафія принадлежитъ въ наши дни къ числу вымирающихъ, если не вполнѣ вымершихъ порядковъ, то различіе въ общественныхъ условіяхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ провинцій съ западными, южными и центральными, остается прежнимъ, хотя и имѣетъ своимъ источникомъ далеко не тѣ причины, на какія указано было Виллари. Крестьянинъ береговъ Мессинскаго пролива и Эллинскаго моря далеко не является половникомъ; онъ собственникъ въ полномъ смыслѣ слова, и его собственность создана частью обычаемъ, частью закономъ. Обычай участвовалъ въ ея образованіи въ томъ смыслѣ, что съ среднихъ вѣковъ монастырскія корпораціи и епископіи, надѣленныя обширными владѣніями, благодаря щедрости норманскихъ властителей и благочестію ихъ свиты, не находили другого способа утилизировать покинутыя сарацинами или никогда не подвергавшіяся обработкѣ земли, какъ привлекая на нихъ колонистовъ ничтожностью ценза и вѣчно-наслѣдственными

[1]) Le lettere meridionali ed altri scritti sulla questione sociale in Italia, di Pasquale Villari. Второе изданіе, 1885, стр. 18, 82.

арендными контрактами. Бенедиктинцы и цистерціанцы Мессины—говоритъ лучшій знатокъ исторіи церковныхъ имуществъ въ Сициліи, Корлео—сдавали обширныя пространства земли въ руки мелкихъ колоновъ, владѣвшихъ ими отъ отца къ сыну или отчуждавшихъ ихъ въ третьи руки. Монастырь выговаривалъ себѣ право ежегоднаго полученія части продуктовъ: половины хлѣбнаго зерна и винограда, трети оливокъ и тутовой листвы, не считая приношеній курами, яйцами, ягнятами и плодами. Всѣ хозяйственныя работы и всѣ улучшенія производимы были съемщиками. Обитель принимала на себя только выдачу сѣмянъ для посѣва, вычетъ которыхъ обыкновенно производился изъ валового дохода до момента раздѣла урожая [1].

Образцы этихъ сдѣлокъ еще сохранились въ государственномъ архивѣ Палермо и не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что условія колоновъ были даже лучше тѣхъ, въ какія поставлены современные половники окрестностей Сіены и Флоренціи, такъ какъ размѣръ вознагражденія, вопреки утверждаемому Корлео, рѣдко когда достигалъ даже трети валовой выручки. Я приведу для примѣра одинъ изъ этихъ контрактовъ отъ 17-го мая 1405 г.: аббатъ бенедиктинскаго монастыря святого Плацида, расположеннаго въ территоріи Мессины, съ согласія прочей братіи сдаетъ въ „вѣчный эмфитеввисъ“, другими словами, въ наслѣдственную аренду, жителю селенія Платумина того же мессинскаго округа участокъ земли, состоящій изъ виноградника и оливковой рощи, подъ условіемъ ежегоднаго полученія шестой части вина и выжимковъ и половины оливковаго масла. Съемщикъ обязывается хорошо воздѣлывать этотъ участокъ и не отчуждать его въ руки лицъ духовнаго званія или „могущественныхъ феодальныхъ сеньоровъ“. Съ этой оговоркой переходъ арендмаго участка въ третьи руки считается дозволеннымъ [2].

Не трудно представить себѣ, что лица, получившія землю путемъ такихъ „продажъ“, на разстояніи нѣкотораго времени начинали смотрѣть на нее какъ на свою законную собственность. Церковному начальству не разъ приходилось предписывать производство особыхъ объѣздовъ, такъ-называемыхъ визитацій, съ цѣлью обнаружить, кто изъ бывшихъ съемщиковъ прекратилъ платежъ ренты и пользуется арендной землею какъ своей собственностью. Понятно также, что послѣдствіемъ такихъ „присвоеній и

[1]) Storia della Enfiteusi dei terreni ecclesiastici di Sicilia, per Simone Corleo, 1871, стр. 157.

[2]) Смотри Pergamene del monasterio della Madalena a Messina, грамота за № 757 (Archivio di stato въ Палермо).

отобраній" явились крайне натянутыя и враждебныя отношенія, которымъ нельзя было положить конецъ иначе, какъ допустивши выкупъ арендаторами ихъ земель у собственниковъ. Этотъ выкупъ распространенъ былъ въ 1838 году на земли только тѣхъ обителей, которыя находились подъ непосредственнымъ патронатомъ короля Обѣихъ Сицилій. Но въ 1862 году, при ближайшемъ участіи уже упомянутаго нами Корлео, проведена была общая мѣра, которою монастыри поставлены были въ необходимость удовольствоваться капитализаціей ренты и на этомъ условіи перенесть титулъ собственности на прежнихъ колоновъ. Когда въ 1865 и 1866 г. послѣдовала въ Сициліи секуляризація церковной собственности, оставашіяся еще въ личномъ управленіи земли подвергнуты были обязательному раздѣлу на участки величиной отъ 10 до 100 гектаровъ (смотря по большей или меньшей интенсивности ихъ культуры) и поступили въ продажу съ публичныхъ торговъ. Этимъ путемъ—говоритъ Корлео—создано было до 20.000 среднихъ и мелкихъ собственниковъ на протяженіи всей страны. Значительнѣйшая часть этого числа пришлась на долю сѣверной и сѣверо-восточной Ривьеры.

Такимъ образомъ законъ восполнилъ дѣйствіе обычая и окончательно упрочилъ въ этой части страны принципъ мелкаго крестьянскаго землевладѣнія. Самый характеръ мѣстности, содѣйствуя развитію садоводства и винодѣлія въ ущербъ земледѣлію и полеводству, не мало содѣйствовалъ тому, что, не въ примѣръ другимъ провинціямъ, эта область не сдѣлалась ареной латифундій и сохранила землю за крестьянствомъ. Чтобы познакомиться съ бытомъ населенія этихъ привилегированныхъ округовъ, я поселился на нѣкоторое время въ Таорминѣ, которую можно считать центромъ сѣверо-восточной Ривьеры. Живописностью своего положенія и богатствомъ историческихъ памятниковъ Таормина издавна привлекаетъ къ себѣ туристовъ. Пять, шесть отелей и нѣсколько частныхъ виллъ едва въ состояніи удовлетворить съ каждымъ годомъ возрастающему запросу англичанъ, французовъ и въ особенности нѣмцевъ. Едва-ли гдѣ можно видѣть лучше сохранившіяся развалины греческаго театра и нигдѣ нельзя встрѣтить такого страннаго, хотя и вполнѣ объяснимаго исторіей наслоенія греческой, римской, арабской, средневѣковой норманской архитектуры и пластики, какъ въ этомъ небольшомъ мѣстечкѣ, размѣрами не превышающемъ русскаго уѣзднаго города средней руки. Отъ грековъ уцѣлѣлъ фонтанъ съ центавромъ, которому католическое благочестіе вложило крестъ въ руки, и театръ, съ прекрасно сохранившимся просценіумомъ и мраморнымъ облом-

комъ статуи—какъ думаютъ—Аполлона. Римляне пристроили къ театру двѣ наружныя галереи и не разъ пользовались имъ и для экзекуціи преступниковъ. Арабы обагрили его кровью христіанъ и, считая себя не вполнѣ надежными среди покоренныхъ, построили на отвѣсномъ утесѣ крѣпость, которая донынѣ слыветъ подъ названіемъ сарацинскаго замка. Кромѣ этихъ развалинъ, да могилъ, высѣченныхъ въ скалѣ, ничего не осталось отъ ихъ владычества, если не считать ими арабески, какими много лѣтъ спустя украсились средневѣковыя постройки Таормины и дворцы эпохи Возрожденія. Если прибавить, что съ верхней галереи греческаго театра открывается видъ на всю Ривьеру по направленію къ Мессинѣ и къ Катаніи; что задній фонъ картины занимаетъ огнедышащая Этна съ „Венериной горою" и расположенной у ея подножія арабской крѣпостью Мола; что ярко-голубое море смѣняется темной зеленью апельсинныхъ рощъ и сѣроватой листвой оливокъ, которыя на покатостяхъ горъ смѣняются кактусами и такъ-называемыми арабскими фигами; что зимою средняя температура выше той, какою пользуешься въ Ниццѣ, и нѣтъ рѣзкихъ переходовъ отъ дневного жара къ вечерней стужѣ, то останется только удивляться, почему Таормина не сдѣлалась такой же модной климатической станціей, какъ, напримѣръ, Ментона или Нерви. Случайные туристы пріобрѣли бы возможность большаго комфорта. Но они лишились бы той спеціальной мѣстной окраски, той couleur locale, которая дѣлаетъ Таормину однимъ изъ привлекательнѣйшихъ мѣстопребываній на островѣ. Все, начиная отъ каталанской красной шапочки, покрывающей голову крестьянъ, и оригинальнаго способа доставки жидкостей въ глиняныхъ сосудахъ, напоминающихъ греческія амфоры, говоритъ о разновременной старинѣ, восходящей то за двѣ съ половиною тысячъ лѣтъ до нашего времени, то всего-на-все къ эпохѣ Возрожденія. Арабское вліяніе еще незамѣтно, но оно живо въ сосѣдней Катаніи и сказывается въ значительной замкнутости женщинъ и рѣдкомъ появленіи ихъ на улицахъ и мѣстахъ публичныхъ собраній. На всемъ протяженіи отъ Таормины до Мессины села продолжаютъ гнѣздиться на горныхъ покатостяхъ, оживляя въ умѣ память о тѣхъ временахъ, когда берегъ моря не былъ безопасенъ отъ набѣговъ корсаровъ, и жители, подобно кавказскимъ горцамъ, ютились у подножія неприступныхъ скалъ. Рѣдкій утесъ оставался незащищеннымъ. Мола и Алассіо сохраняютъ еще слѣды крѣпостей, сооруженныхъ руками служителей ислама и пріуроченныхъ впослѣдствіи норманнами къ береговой защитѣ. По утрамъ я разъѣзжалъ по окрестностямъ, то въ эки-

пажѣ, то верхомъ на мулѣ, не увѣренный въ своемъ завтракѣ и находя тѣмъ не менѣе все нужное въ простыхъ крестьянскихъ усадьбахъ. Въ Молѣ, положеніе которой напомнило самые неприступные хевсурскіе аулы, мнѣ зажарили цыпленка, подали яицъ и особый пряникъ, называемый мустардою. Его приготовляютъ изъ выжимокъ винограда, смѣшанныхъ съ орѣхами и мукою; вкусомъ своимъ онъ напоминаетъ кавказскій чурчхелъ. И съ бурдюкомъ мнѣ пришлось снова встрѣтиться въ этой такъ много имѣющей общаго съ Кавказомъ обстановкѣ. Въ немъ держать обыкновенно оливковое масло, но въ горныхъ селеніяхъ, какъ Мола, онъ служитъ также и для сохраненія вина, чѣмъ и объясняется тотъ специфическій нефтяной вкусъ, какимъ отличается не одно кахетинское, но и многія изъ мѣстныхъ сицилійскихъ винъ. Мои хозяева, точно по примѣру арабовъ, держали садъ съ огородомъ внутри небольшого, со всѣхъ сторонъ окруженнаго комнатами дворика, среди котораго устроенъ былъ бассейнъ съ журчащей водою,—отдаленное напоминаніе о знаменитомъ фонтанѣ львовъ въ гренадской Альгамбрѣ. Такіе садики внутри двора носятъ во всей Сициліи специфическое наименованіе виллы. Васъ приглашаютъ посидѣть на виллѣ, сорвать цвѣтовъ въ виллѣ. Сынъ моего хозяина, расторопный малый, научившійся итальянскому языку въ школѣ и мечтавшій о поступленіи въ гимназію, заодно съ проводникомъ, бывшимъ капуциномъ, а теперь страстнымъ приверженцемъ упразднившаго монастыри и надѣлившаго его женою итальянскаго правительства, прерывая другъ друга, стали посвящать меня во всѣ подробности ихъ далеко не сложнаго существованія. Не слышно было жалобъ на недостатокъ земли, на вымогательство ренты и суровую аккуратность домохозяевъ въ требованіи квартирной платы. Каждый жилъ своимъ дворомъ или во дворѣ родственниковъ, держалъ свой огородъ, выдѣлывалъ свое вино. Ну, кажется, чего бы болѣе, а между тѣмъ жилось плохо, не хватало денегъ для платежа налоговъ и даже для закупки хлѣба; приходилось имѣть дѣло съ ростовщиками, платить до 25% въ годъ. Разореніе начиналось съ продажи мула, лошади, рѣдко гдѣ коровы, такъ какъ ея обыкновенно не оказывалось. Выручалъ откормъ кабана, убиваемаго къ Рождеству и доставлявшаго 40—50 франковъ хозяйкѣ. На него закупалась обувь и одежда. И въ другихъ селеніяхъ, несмотря на близость лимонныхъ и апельсинныхъ рощъ, раздавались тѣ же сѣтованія. Поговаривали даже о необходимости послѣдовать примѣру жителей южныхъ и центральныхъ селеній, десятками и сотнями эмигрирующихъ въ Америку. Жаловались на паденіе цѣнъ на апель-

сины и лимоны, на дешевизну вина и недостатокъ сбыта, на новыя и новыя подати, создаваемыя господами въ Римѣ.

Такимъ образомъ благоденствіе крестьянъ-собственниковъ оказывалось миѳомъ, и мелкая сошка являлась еще болѣе беззащитной въ борьбѣ съ международной конкурренціей, чѣмъ владѣльцы плохо оплачиваемыхъ рентою латифундій. Позднѣе, въ Палермо и Катаніи, я имѣлъ возможность убѣдиться въ правильности полученныхъ мною впечатлѣній. Бесѣдуя о положеніи крестьянъ-собственниковъ, я слышалъ отъ профессора Майорано и историка права Сальвіоли, что переживаемый въ Сициліи кризисъ настолько задѣлъ имущественные интересы мелкихъ владѣльцевъ, что есть основаніе опасаться за дальнѣйшее сохраненіе въ ихъ рукахъ тѣхъ небольшихъ участковъ, какіе имъ удалось урвать отъ латифундій. Приведу нѣсколько статистическихъ данныхъ, съ цѣлью показать, насколько увеличилось за послѣднее время число экспропріацій за недоимки.

Въ десятилѣтіе отъ 1883 по 1893 гг., въ одной провинціи Кастанизеты, 16.662 мелкихъ и среднихъ участка поступили въ продажу съ публичныхъ торговъ. Въ одной общинѣ Кьярамонте Гульфи, при населеніи въ 10.000 человѣкъ, въ одномъ 1893 году послѣдовало 129 экспропріацій [1]).

Чтобы не быть одностороннимъ, я спѣшу прибавить: исчезновеніе мелкой собственности происходитъ главнымъ образомъ тамъ, гдѣ населеніе особенно потерпѣло отъ паденія цѣнъ на сѣру, т.-е. за предѣлами только-что упомянутой мною восточной полосы. По словамъ генерала Корси, автора анонимнаго сочиненія о Сициліи, мелкая собственность не только не исчезаетъ, но, наоборотъ, нарождается на сѣверномъ побережьѣ, въ окрестностяхъ Термини, Чефалу, Мистретта, Патти [2]). Но не слѣдуетъ терять изъ виду, что собранные имъ факты послѣдовали раньше того паденія цѣнъ на лимоны и апельсины, о которомъ говорено выше; владѣльцамъ садовъ только въ самое послѣднее время пришлось испытать тѣ же трудности, противъ которыхъ не въ состояніи были бороться мелкіе собственники промышленныхъ округовъ.

Ошибочно было бы думать, что стремленіе къ созданію крестьянской собственности и владѣнія появилось въ Сициліи сравнительно недавно. Еще въ прошломъ столѣтіи, правительство Бурбоновъ не разъ останавливалось передъ мыслью, не слѣдуетъ ли

[1]) Смотри Rivista popolare 31 декабря 1893 и Colajanni Gli Avvenimenti di Sicilia, 1895, стр. 41.

[2]) Смотри Sicilia, стр. 272.

воспользоваться экспропріаціей церковныхъ земель и раздѣломъ общинныхъ имуществъ, для созданія класса мелкихъ землевладѣльцевъ, если не собственниковъ, то по крайней мѣрѣ наслѣдственныхъ фермеровъ. Въ правленіе вице-короля князя Караманико возникъ цѣлый проектъ раздачи общинныхъ земель и монастырскихъ имуществъ въ наслѣдственный эмфитевзисъ, предложено—раздробить ихъ съ этою цѣлью на возможно мелкіе участки. Проектъ приведенъ былъ въ исполненіе только въ окрестностяхъ Термини, чѣмъ и объясняется приведенное выше, со словъ Корси, размноженіе мелкихъ владѣльцевъ въ этой мѣстности. По словамъ сицилійскаго экономиста и историка Николо Пальмери не имѣлось въ виду отчуждать этихъ участковъ съ публичныхъ торговъ, и предположено было установить съ самаго начала ничтожный и неизмѣнный сборъ за землю. Этотъ филантропическій характеръ предпріятія объясняетъ намъ и причину его неуспѣха, по крайней мѣрѣ, въ большей части страны [1]).

И въ позднѣйшіе годы вопросъ о мелкой собственности оставался жгучимъ вопросомъ въ Сициліи. То обстоятельство, что Паоло Бальзамо, которому, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, пришлось играть руководящую роль въ соціальныхъ и политическихъ реформахъ, задуманныхъ и отчасти осуществленныхъ въ 1812 году, былъ ревностнымъ ученикомъ и послѣдователемъ Артура Юнга, этого классическаго противника латифундій, объясняетъ намъ причину, по которой и самъ реформаторъ, и его ближайшій ученикъ Пальмери постоянно высказывались въ пользу раздѣла крупныхъ помѣстій и сдачи ихъ участками долгосрочнымъ фермерамъ, почему тѣ же лица ратовали за раздѣлъ общинныхъ имуществъ и сдачу церковныхъ земель въ наслѣдственный эмфитевзисъ; но оба экономиста держались того убѣжденія, что „микроскопическіе участки" невыгодны, ни для тѣхъ, кто владѣетъ ими, ни для государства, такъ какъ доходъ съ нихъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы создать нужный земледѣльцу основной и оборотный капиталы [2]). Когда приступлено было на дѣлѣ къ отчужденію церковныхъ имуществъ, величина которыхъ въ 1860 году равнялась еще 190.000 гектаровъ, фискальный интересъ взялъ рѣшительно верхъ надъ соціальнымъ. Всего четвертая часть ассигнована была общинамъ, остальныя три проданы съ публич-

---

[1]) Смотри Niccolo Palmeri, Intorno alla Censuazione dei beni communali di Sicilia въ Opere, 1883, стр. 89.

[2]) Смотри Palmeri Storia dell'economia politica in Sicila. Opere, стр. 104 и стр. 89. Смотри Corso di agricoltura teorico-pratica di Paolo Balsamo, 1851, стр. 7.

ныхъ торговъ, правда, послѣ предварительнаго раздѣла на участки средней величины, но съ правомъ одному и тому же лицу явиться покупателемъ нѣсколькихъ долей; а это открыло возможность, выражаясь словами профессора Базиле, перехода церковныхъ бенефицій въ руки тѣхъ же владѣльцевъ латифундій [1]). Такимъ образомъ, въ Сициліи повторилось тоже, что въ болѣе широкихъ размѣрахъ имѣло мѣсто въ Англіи и во Франціи, гдѣ секуляризація церковныхъ земель пошла на пользу буржуазіи, а не крестьянства. По словамъ оффиціальнаго отчета, отчужденіе этихъ имуществъ, къ которому присоединилась вскорѣ распродажа доменовъ, произведено было исключительно съ цѣлью обогащенія казны и стоило Сициліи 700.000.000 франковъ, ушедшихъ въ Римъ на покрытіе общихъ государственныхъ издержекъ объединеннаго королевства и на ту же сумму уменьшившихъ количество обращавшихся на островѣ капиталовъ, къ немалому вреду земледѣлія и сельско-хозяйственныхъ классовъ [2]).

Ближайшіе участники этой операціи, въ числѣ ихъ Корлео защищаютъ ее тѣми соображеніями, какія приведены были противъ мелкой собственности Бальзамо и Пальмери. Отмѣчая тотъ фактъ, что уже въ 1867 году парламентской коммиссіи, завѣдывавшей отчужденіемъ mani morte, предъявлены были жалобы на то, что поступающія въ продажу земли не подвергаются дробленію на достаточно мелкіе участки и что однимъ и тѣмъ же лицамъ дозволено скупать неограниченное ихъ число, Корлео говоритъ, что коммиссія оставила эти ходатайства безъ вниманія, потому что недвижимая собственность производительна только въ рукахъ тѣхъ, кто имѣетъ нужныя средства для ея эксплуатаціи [3]).

III.

Въ Катаніи, куда я перенесъ свое ближайшее мѣстопребываніе, мнѣ представилась совершенно неожиданная картина довольно высокаго матеріальнаго благосостоянія, созданнаго за послѣднее время, благодаря проведенію цѣлой цѣпи желѣзныхъ дорогъ, которыхъ этотъ городъ является центромъ. Какихъ бы нареканій ни заслуживало со стороны сицилійскихъ патріотовъ теперешнее правительство, но нельзя не отдать ему той спра-

[1]) La quistione dei contadini in Italia. Messina, 1894.

[2]) Смотри парламентскій отчетъ о крупныхъ собственникахъ въ Сициліи, стр. 4 и 5.

[3]) Storia della Enfiteusi, стр. 284.

ведливости, что оно сдѣлало чрезвычайно много для развитія путей сообщенія на островѣ. И говоря это, я имѣю въ виду не только желѣзныя дороги, но и прекрасные шоссейные пути. Они соединяютъ между собою не одни большіе города, какъ, напримѣръ, Мессину съ Катаніей, но и горныя селенія; укажу для примѣра на дорогу, ведущую въ Николузи, подъемъ въ Таормино изъ Джардини, проселочныя дороги изъ Сиракузы и Джирдженти. Постройка дорогъ, благодаря гористому характеру мѣстности, обходится далеко не дешево.

Между Палермо и Мессиной я насчиталъ болѣе 40 тоннелей и они не менѣе часты между Мессиной и Катаніей. Желѣзная дорога обошла въ настоящее время весь островъ, если не говорить о самой южной его полосѣ, но и эти пока заброшенныя общины не замедлятъ вступить въ сношенія съ прочими частями страны; южная желѣзная дорога не оканчивается болѣе Сиракузой, но имѣетъ уже дополнительную вѣтвь. Къ числу недавнихъ сооруженій надо отнесть и круговой путь, соединяющій селенія, расположенныя у подошвы Этны. Это—одна изъ плодороднѣйшихъ областей. Сицилійское винодѣліе много выиграетъ отъ возможности легкаго сбыта, а торговое процвѣтаніе Катаніи еще увеличится. Кто желаетъ составить себѣ понятіе о сельскомъ бытѣ внутреннихъ провинцій, свободныхъ отъ подавляющаго вліянія латифундій, можетъ въ настоящее время объѣхать въ сутки цѣлую область, посѣщеніе которой требовало прежде затраты четырехъ, пяти дней. Изъ Катаніи идетъ также дорога въ Джирдженти и портъ Эмпедокла; на обращенномъ къ Африкѣ берегу Кастро-Джованни, Кастанизетта лежатъ на этомъ пути; другими словами, вся область производства сѣры находится въ прямомъ сообщеніи съ Катаніей. Изъ Кастанизетты дорога проходитъ въ Палермо и заканчивается западными портами Трапани и Марсалы.

Если прибавить, что кромѣ морского сообщенія съ Неаполемъ, Сицилія связана съ нимъ еще желѣзной дорогой, начинающейся въ Реджіо-ди-Калабріа, такъ что моремъ приходится проѣхать не болѣе часа, то немудрено заключить, что торговое развитіе страны не встрѣчаетъ болѣе тѣхъ препятствій, отъ какихъ оно страдало въ эпоху, предшествовавшую итальянскому объединенію. Послѣдствіемъ этого значительнаго развитія сухопутныхъ дорогъ было не столько увеличеніе общей суммы торговаго обмѣна, сколько перемѣщеніе товаровъ изъ морскихъ портовъ сѣвера и въ частности изъ Мессины и Палермо въ болѣе удобную для сообщенія съ внутренними и южными провинціями Катанію, а это вызвало быстрый ростъ ея населенія и богатства, обратило

этотъ городъ, такъ много пострадавшій въ разное время отъ изверженій Этны и потому нѣсколько разъ перестраиваемый, въ цвѣтущую и совершенно новую по типу муниципію, съ широкими улицами, сходящимися подъ прямымъ угломъ и нерѣдко имѣющими нѣсколько километровъ протяженія. Муниципальнымъ управленіемъ сдѣлано все возможное для внѣшняго украшенія города: отведены широкія площади, разбиты парки и скверы, поставлены памятники великимъ уроженцамъ, начиная отъ полумиѳическаго законодателя Карондаса, бюстъ котораго, въ числѣ другихъ именитыхъ гражданъ Сициліи, украшаетъ городской садъ, и оканчивая извѣстнымъ композиторомъ „Нормы", „Пуританъ" и „Соннамбулы„—Беллини.

Послѣдній пользуется особой популярностью; его именемъ окрещена одна изъ главныхъ площадей, недавно построенная большая опера и городской садъ. Изъ этой такъ-называемой виллы Беллини открывается превосходный видъ на Этну вплоть до моря. Прилегающая къ порту площадь носитъ наименованіе площади Мучениковъ (Piazza dei Martiri) въ память о патріотахъ, павшихъ въ эпоху высадки Гарибальди, и похода организованнаго имъ тысячнаго корпуса инсургентовъ. Съ Карондасомъ, которымъ открывается портретная галерея великихъ юристовъ, прославившихъ собою Катанію и потому нашедшихъ мѣсто въ актовомъ залѣ ея университета, изъ древнихъ соперничество выдерживаетъ только поэтъ Стезихоръ, именемъ котораго окрещена главная площадь (Stesicoro Etnea). Изъ новыхъ музыкантъ Пачини, съ посвященнымъ его памяти палисадникомъ вблизи порта и довольно мизерной статуей, отнюдь не можетъ помѣряться въ успѣхѣ съ Беллини, смерть котораго оплакиваетъ мраморная муза въ соборѣ святой Агаты, этомъ построенномъ Руджіери норманскомъ храмѣ съ колоннами, взятыми изъ греческаго театра. Несмотря на то, что въ настоящемъ его видѣ соборъ представляетъ одинъ изъ худшихъ типовъ того архитектурнаго стиля, который извѣстенъ подъ наименованіемъ барокко,—стиля, къ сожалѣнію весьма распространеннаго въ Сициліи, одно обстоятельство дѣлаетъ посѣщеніе его желательнымъ для всякаго туриста. На образѣ въ сакристіи изображено послѣдовавшее въ 1669 году изверженіе Этны,—изверженіе, ознаменовавшееся образованіемъ Монте-Россо и стоившее Катаніи 30.000 жертвъ. Картина сдѣлана современникомъ событія Миньеми и хотя въ художественномъ отношеніи не представляетъ ничего выдающагося, но цѣнна вѣрнымъ изображеніемъ города и порта того времени.

На ряду съ колоннами собора, остаткомъ классической старины

является въ Катаніи болѣе чѣмъ на три четверти погребенный въ землѣ греческій театръ, находившійся въ сообщеніи съ такъ-называемымъ Одеономъ, въ которомъ, какъ извѣстно, давались у грековъ музыкальныя произведенія. Подымающіяся на этомъ мѣстѣ громадныя современныя постройки не позволили продолжать раскопокъ и обнаружить болѣе одной стѣны этого зданія. Отъ среднихъ вѣковъ въ Катаніи не уцѣлѣло почти ничего,—такъ часто этотъ городъ перестраивался съ фундамента, все благодаря опустошеніямъ Этны. Но отъ эпохи Возрожденія, и то поздняго, сохранилось опять на половину разрушенное землетрясеніемъ громадное зданіе бенедиктинскаго монастыря съ роскошнымъ храмомъ, изящнѣйшей лѣстницей, богатой пергаментами библіотекой и музеемъ греческихъ статуй, монетъ и вазъ. Нѣкоторыя изъ грамотъ остаются неизданными; онѣ привлекли уже вниманіе какъ туземныхъ, такъ и нѣмецкихъ историковъ. Древнѣйшія изъ нихъ не восходятъ, однако, далѣе XIII столѣтія и представляютъ поэтому интересъ только для періода Гогенштауфеновъ и позднѣйшихъ анжуйской и арагонской династій.

Университетъ въ Катаніи принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ въ Италіи. Раньше его возникли только болонскій, падуанскій и флорентійскій. Въ Сициліи долгое время Катанія одна имѣла преимущество высшаго научнаго заведенія. Университетъ въ Палермо возникъ три столѣтія спустя, а Мессина открыла его еще позднѣе. Созданный эдиктомъ короля Альфонза кастильскаго въ 1444 году, катанскій университетъ получилъ значительныя имущественныя пожалованія, которыя и теперь даютъ ему возможность разсчитывать на такъ-называемыя спеціальныя средства и пополнять ими недочеты, возникающіе благодаря весьма недостаточному обезпеченію, ежегодно доставляемому правительствомъ. И все же при осмотрѣ его музеевъ не трудно отмѣтить недостаточность капиталовъ и умѣнье оперировать незначительными суммами такимъ образомъ, чтобы удовлетворить наиболѣе неотвязчивому запросу. Не гоняясь за полнотою, профессора составили зоологическія и ботаническія коллекціи по преимуществу изъ продуктовъ мѣстной фауны и флоры; геологическій же кабинетъ представляетъ своего рода унику для тѣхъ, кого интересуетъ образованіе вулканическихъ породъ. Библіотека, значительно уступая по богатству палермскимъ книгохранилищамъ, также стремится къ тому, чтобы собрать въ своихъ стѣнахъ почти все, что̀ писано было о Сициліи. Недостатокъ новыхъ книгъ и цѣнныхъ изданій легко восполняется въ Италіи благодаря тому обстоятельству, что между библіотеками постоянно происходитъ

взаимный обмѣнъ услугъ и ссуда книгъ на срокъ не больше мѣсяца—явленіе самое обычное. Но если университетское книгохранилище, весьма широко открываемое и для постороннихъ, поставлено въ общемъ весьма недурно, то того же нельзя сказать о книжныхъ магазинахъ Катаніи. Всѣ мои попытки что-либо найти о Сициліи и ея экономическихъ порядкахъ оказались тщетными до самаго прибытія въ Палермо, да и въ немъ издательствомъ книгъ о Сициліи занимается почти исключительно одна фирма, къ тому же нѣмецкая. Фирма Карла Глаузена печатаетъ, между прочимъ, хорошо извѣстный фольклористамъ журналъ, при ближайшемъ участіи знаменитаго Джузеппе Питрэ, обогатившаго мѣстную этнографію весьма цѣнными сборниками народныхъ пѣсенъ, легендъ, пословицъ и не имѣющими себѣ равныхъ, по крайней мѣрѣ въ Италіи, изслѣдованіями о нравахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ и предразсудкахъ простонародья. Надо сказать, что нигдѣ такого рода работы не обѣщаютъ болѣе надежной поживы, какъ въ Сициліи, такъ какъ нигдѣ населеніе не составлено изъ болѣе разнообразныхъ этнографическихъ пластовъ и не сохранило такой массы переживаній отъ разнообразнѣйшихъ культуръ, какимъ оно подвергалось въ теченіе своей исторіи. Опытному глазу не трудно открыть слѣды и греческой, и римской, и византійской, и арабской, и испанской, не говоря уже о средневѣковой итальянской вообще. Всего меньше въ этой завоеванной норманнами странѣ остатковъ чисто норманской культуры, по всей вѣроятности потому, что сами завоеватели успѣли итальянизироваться прежде, чѣмъ сдѣлаться рѣшителями судебъ острова. Извѣстна къ тому же широкая терпимость ихъ къ покоренному населенію, не исключая иновѣрцевъ, и готовность слѣдовать въ своемъ домашнемъ обиходѣ не только византійскимъ, но и арабскимъ привычкамъ. Замкнутость—причина тому, что сицилійское простонародье доселѣ сохраняетъ еще пристрастіе къ героической эпохѣ, такъ рѣзко противорѣчащей современному буржуазно-индустріальному строю, эпохѣ, въ которой личный интересъ охотно приносимъ былъ въ жертву высокому служенію вѣрѣ, родинѣ и „дамѣ сердца“. Интереснѣйшій матеріалъ для сужденія о литературномъ и художественномъ вкусѣ мѣстнаго населенія могли бы доставить такъ-называемые „сказители“, которые только отчасти напоминаютъ нашихъ бандуристовъ. Весьма часто, особенно въ праздничные дни, можно видѣть на площадяхъ толпу зѣвакъ, собирающихся кругомъ послушать болѣе или менѣе вычурные разсказы про доблести крестоносцевъ и похожденія рыцарей „круглаго стола“, къ которымъ за послѣднее время присоединились еще

болѣе популярные эпизоды изъ походовъ Гарибальди и доблестныхъ дѣйствій его тысячнаго отряда. То же пристрастіе къ громкимъ событіямъ заставляетъ сицилійскихъ крестьянъ украшать свои повозки рисунками, заимствованными не изъ одной исторіи Ветхаго и Новаго завѣта, но и изъ исторіи крестовыхъ походовъ, открытія Новаго Свѣта и т. п. Кого интересуетъ кустарное производство, тотъ найдетъ еще мало затронутую изслѣдователями область въ изученіи разнообразнѣйшихъ рисунковъ, служащихъ мѣстнымъ малярамъ при раскрашиваніи этихъ повозокъ. Нигдѣ, впрочемъ, эти рисунки не являются столь разнообразными и не отличаются большею законченностью и живостью красокъ, какъ въ сосѣднихъ съ Катаніей селахъ. По дорогѣ въ Николози мое вниманіе ежеминутно было привлекаемо этими крестьянскими повозками, на которыхъ мелькали то изображеніе Христа въ Геѳсиманскомъ саду, то пріемъ Колумба королевою Изабеллой. Далѣе на югъ эти эпопеи въ картинахъ смѣняются болѣе однообразнымъ орнаментомъ, въ которомъ букеты и корзины цвѣтовъ играютъ главную роль. Но на сѣверѣ, вблизи Палермо, Мессины, снова воскресаютъ героическіе походы, въ которыхъ достается и Саладину, и арабскимъ беямъ, сокрушеннымъ норманномъ Руджіеро. Сицилійскій фольклоръ не нуждается, впрочемъ, въ любознательности постороннихъ изслѣдователей. Вкусъ къ нему настолько развитъ въ мѣстномъ обществѣ и его значеніе такъ ясно сознается въ высшемъ преподаваніи, что пятисотъ-страничные томы о народной медицинѣ и народныхъ повѣрьяхъ напередѣ обезпечены въ сбытѣ, а изученіе сицилійскаго нарѣчія и участія сицилійскихъ народныхъ поэтовъ, вращавшихся при дворѣ императора Фридриха II, въ образованіи итальянскаго языка и литературы входитъ въ программу университетскаго преподаванія и служитъ тэмою обширныхъ монографій. Не меньшій интересъ возбуждаетъ въ Сициліи обычное право. Ламантіей положены серьезная основы изученію сицилійскихъ „кутюмье". Цѣлая плеяда молодыхъ изслѣдователей съ жадностью набросилась на эту тэму, и въ настоящее время можно указать на роскошное изданіе отдѣльныхъ городскихъ и гильдейскихъ статутовъ, появляющихся и въ трудахъ сицилійскаго отдѣла итальянскаго Общества изученія отечественной исторіи, и въ прекратившемся, къ сожалѣнію, сборникѣ подъ редакціей двухъ Тодаро, сенатора и профессора гражданскаго права въ Палермо. Къ чести сицилійскихъ ученыхъ надо сказать, что они отводятъ въ своихъ работахъ видное мѣсто всестороннему изученію культурной исторіи острова. Слѣдуя примѣру, данному имъ еще въ прошломъ столѣтіи Минджатори, ди-

Джовани и Грегоріо, сицилійскіе историки занялись изданіемъ грамотъ и дипломовъ, выданныхъ въ разное время византійскими, арабскими, норманскими и нѣмецкими повелителями острова.

Такимъ образомъ собрался богатый матеріалъ для исторіи земельныхъ отношеній, которыми успѣли уже воспользоваться, хотя и не вполнѣ, молодые ученые въ родѣ Винченцо Сальво. Экономисты и статистики не остались чуждыми этому общему движенію и подвергли тщательному изслѣдованію древнѣйшія данныя по исторіи денежнаго обращенія и кредита. Въ одномъ палермскомъ университетѣ я могу назвать полъ-десятка лицъ, труды которыхъ положили прочныя основы исторіи сицилійской гражданственности. Справедливость требуетъ прибавить, что почти всѣ они испытали на себѣ вліяніе нѣмецкой историко-экономической литературы и вышли изъ семинарій Вагнера и Шмоллера. Назову только нѣкоторыя имена: Кузумано, профессора политической экономіи въ Палермо, которому мы обязаны исторіей сицилійскихъ банковъ, по древности не уступающихъ флорентинскимъ и ломбардскимъ; Рикко-Салерно, автора единственной въ своемъ родѣ исторіи финансовыхъ доктринъ въ Италіи, которую онъ изучаетъ параллельно съ ходомъ развитія финансовой системы и ростомъ европейской науки; Сальвіоли, лучшаго знатока экономическаго законодательства въ Италіи; Пернэ, автора монографій о ростѣ населенія Палермо и объ исторіи эпидемическихъ болѣзней въ Сициліи, монографій, которыя косвенно задѣваютъ разнообразнѣйшія стороны народной жизни, начиная отъ гигіены и оканчивая уровнемъ заработной платы въ разное время. Не могу также не упомянуть о прекрасномъ изслѣдованіи Калисса объ исторіи сицилійскаго парламента, парламента, основы котораго положены еще въ XII вѣкѣ. Сочиненіе молодого ректора университета въ Мачератѣ только завершаетъ собою рядъ работъ, посвященныхъ тому же предмету сицилійскими изслѣдователями—Монджиторе, Грегоріо, Пальмери, Гальяни и Ламантіей. Благодаря такой тщательной разработкѣ и изданію такъ-называемыхъ капитуловъ, или вышедшихъ изъ парламента постановленій, мы въ состояніи прослѣдить въ настоящее время въ ея мельчайшихъ подробностяхъ судьбу учрежденія, которое по своей древности и долговѣчности можетъ быть поставлено рядомъ съ англійскимъ парламентомъ и венгерскимъ сеймомъ. Стоитъ упомянуть только тотъ фактъ, что депутаты отъ общинъ призваны были въ сицилійскій парламентъ императоромъ Фридрихомъ II еще въ 1222 году, тогда какъ въ Англіи ихъ появленіе не можетъ быть отнесено раньше какъ къ 1265 году: съ XIII

столѣтія сицилійскій парламентъ продолжаетъ собираться съ большими или меньшими перерывами и съ постепенно падающимъ вліяніемъ вплоть до 1810 года, съ тѣмъ, чтобы уступить, два года спустя, мѣсто какой-то пародіи англійскихъ палатъ, лордовъ и общинъ, навязанной абсолютному монарху англійскимъ адмираломъ Бентингомъ подъ угрозой немедленной высылки изъ его владѣній. Этому парламенту, созданіе котораго встрѣчено было съ восторгомъ владѣльцами латифундій, сразу сдѣлавшимися пэрами королевства, суждено было, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, усилить общественную рознь и произвесть крестьянское обезземеленіе упраздненіемъ тѣхъ общинныхъ сервитутовъ, которыми дотолѣ обложены были земли феодальныхъ помѣстій. Неудивительно поэтому, если его упраздненіе встрѣчено было съ восторгомъ не одной придворной партіей, но и мѣстными „народниками", временно сдѣлавшимися по этой причинѣ союзниками самодержавія. Интересъ къ исторіи распространяется также и на современность; большинство уже упомянутыхъ мною ученыхъ принимаютъ дѣятельное участіе въ изученіи и врачеваніи тѣхъ общественныхъ недуговъ, отъ которыхъ страдаетъ ихъ островъ. Статьи Сальвіоли и Рикко Салерно по земельному вопросу появляются и въ мѣстной газетѣ (Giornale di Sicilia), и въ „Общественной реформѣ", издаваемой въ Туринѣ подъ редакціей Нити. Вообще университетская наука въ Италіи не сторонится жизни — старается, наоборотъ, принять дѣятельное участіе въ ходѣ общественныхъ и политическихъ событій. То обстоятельство, что многіе изъ профессоровъ-юристовъ въ то же время являются и адвокатами, позволяетъ имъ стать лицомъ къ лицу съ дѣйствительными нуждами населенія и говорить о нихъ съ каѳедры и на столбцахъ журналовъ и газетъ, не увлекаясь односторонними требованіями теоріи. Юридическое образованіе вообще довольно распространено: изъ 1.500 студентовъ, посѣщающихъ палермскій университетъ, и 800 катанскихъ, добрая треть—юристы. Профессоръ Майорано указывалъ мнѣ на это даже какъ на общественное зло, и ту же мысль развивали мнѣ не разъ компетентные судьи въ Катаніи и Палермо, говоря, что страна нуждается прежде всего въ развитіи своихъ матеріальныхъ богатствъ, а поэтому въ распространеніи высшаго сельско-хозяйственнаго и техническаго образованія, а между тѣмъ мало-мальски разбогатѣвшій буржуа только и думаетъ о томъ, чтобы вывести своего сына въ люди, открывъ ему доступъ къ либеральнымъ профессіямъ; отсюда переполненіе рядовъ адвокатуры и журналистики пропадающими даромъ силами. Неудобства такого порядка постепенно начинаютъ

чувствоваться. Рядъ частныхъ пожертвованій, достигающихъ уже милліона франковъ, позволитъ вскорѣ положить основы высшему агрономическому институту. Онъ открытъ будетъ въ Катаніи при ближайшемъ участіи профессоровъ естественнаго факультета. По всей вѣроятности этому учрежденію суждено будетъ бороться не мало съ вкоренившимся предразсудкомъ, который заставляетъ считать извѣстныя профессіи болѣе благородными, чѣмъ другія. „Сицилійцамъ надо бы поучиться у американцевъ", говорилъ мнѣ по этому случаю Майорано; заразившись ихъ примѣромъ, они пришли бы къ убѣжденію, что всякій честный трудъ одинаково честенъ.

IV.

Въ Сиракузѣ, третьей по счету стоянкѣ, я впервые наткнулся на самый жгучій въ Сициліи вопросъ, — вопросъ о крупномъ землевладѣніи. Латифундіи начинаются на небольшомъ разстояніи отъ города и тянутся затѣмъ длинной цѣпью на западъ во внутрь страны, уступая мѣсто болѣе дробной собственности только въ окрестностяхъ Термини и Палермо съ ея знаменитой Conca d'oro. Первое впечатлѣніе было совершенно неожиданное; я ѣхалъ по необозримому пространству выжженной солнцемъ степи, на которой не было слѣда жилья и только изрѣдка показывались рощи оливокъ или огороженные сады апельсинъ и лимоновъ съ поднимающейся среди нихъ помѣщичьей усадьбой. Никого по дорогѣ, кромѣ просящихъ подаянія калѣкъ. Гдѣ же воздѣлыватели, гдѣ крестьяне, своимъ пôтомъ удобряющіе эту почву? Ни о какомъ другомъ удобреніи въ Сициліи нѣтъ и рѣчи. Я привыкъ къ большимъ слободамъ средней и южной полосы Россіи, къ десяткамъ деревень съ церковными куполами и колокольнями, сразу открывающимися съ сосѣднихъ къ Москвѣ холмовъ, къ выстроеннымъ изъ камня мѣстечкамъ, съ трудомъ отличимымъ отъ городовъ, какими являются сельскія поселенія южной Франціи и Италіи, начиная съ Пьемонта и оканчивая неаполитанской Terra di Lavoro; и вдругъ—ничего, кромѣ немногихъ хозяйскихъ построекъ вблизи помѣщичьихъ усадьбъ, занятыхъ полевыми сторожами и домашней прислугой. Недоразумѣніе мое вскорѣ разъяснилось: особенность сицилійскихъ латифундій составляетъ то, что крестьяне, обращенные въ простыхъ батраковъ-наймитовъ, не имѣющихъ не только земельныхъ надѣловъ, но и усадьбъ, живутъ въ городѣ и выходятъ на работу только по утрамъ, да и то въ страдную пору или въ періодъ осеннихъ запашекъ. Хотя время для

нихъ повидимому уже наступило, но такъ какъ въ теченіе мѣсяца не выпало ни одной капли дождя и почва настолько высохла, что дала трещины, то пришлось медлить съ производствомъ сельскихъ работъ, откладывая ихъ со дня на день. И вотъ почему по обѣ стороны дороги, ведущей изъ Сиракузы въ старинную греческую крѣпость Эпиполи, простиралась необозримая Сахара, на которой нельзя было встрѣтить зеленѣющей травы и только по временамъ мелькали кусты низко ростущаго камеропа, да сѣроватыя и уродливыя очертанія кактуса, такъ называемой арабской фиги, обходящейся повидимому безъ влаги. Та же картина развернулась передо мною и въ окрестностяхъ Джирдженти вплоть до порта Эмпедокла. Въ этой провинціи болѣе двухъ мѣсяцевъ не было дождя и скотъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ кормомъ, какой доставляетъ изрѣзанный на мелкіе куски стволъ аравійской фиги, напоминающій собою рядъ жирныхъ сѣрозеленоватыхъ листьевъ, да срѣзанными до земли темнозелеными опахалами столь обычной на африканскомъ берегу пальмы (камеропъ). Въ Англіи, гдѣ крестьянинъ также не сохранилъ за собою пяди земли, помѣщикъ и фермеръ все же находитъ разсчетъ въ томъ, чтобы селить его въ окрестностяхъ полей. Крестьянинъ нанимаетъ свою усадьбу у лэндлорда и находитъ въ этомъ по крайней мѣрѣ ту выгоду, какую доставляетъ полученіе болѣе дешевой провизіи, не обложенной городскими сборами. Но въ Сициліи, гдѣ, какъ и во всей Италіи и Франціи, еще продолжаютъ держаться ввозныя пошлины на припасы, такъ называемый octroi, живущій въ городѣ крестьянинъ становится добровольной жертвой фискальнаго гнета и совершенно непроизводительно увеличиваетъ пассивъ своего бюджета. Многія причины приводятся въ объясненіе этой анормальности: и общежительный характеръ сицилійскаго простолюдина, несогласнаго проводить вдалекѣ отъ себѣ подобныхъ свободное отъ занятій время, и широкое распространеніе маляріи, и нежеланіе снимающихъ помѣстья откупщиковъ (gabelloti) дѣлать не легко возмѣстимыя затраты на постройку крестьянскихъ усадьбъ. Эта послѣдняя причина кажется мнѣ наиболѣе убѣдительной и во всякомъ случаѣ наиболѣе распространенной. Психическія особенности мѣстнаго населенія не представляютъ изъ себя чего-то непреоборимаго; иначе сѣверо-восточное побережье, гдѣ имѣются крестьяне-собственники, не было бы покрыто селами и хуторами, однохарактерными съ тѣми, какіе разсѣяны въ средней полосѣ Италіи. Что же касается до маляріи, то еще вопросъ—слѣдствіе она или причина, т.-е. не вызвана ли она опустѣніемъ селъ и совер-

шеннымъ невниманіемъ къ тѣмъ задачамъ осушенія, какія необходимо возникаютъ съ основаніемъ новыхъ поселеній, разведеніемъ укрѣпляющихъ почву деревьевъ, проведеніемъ каналовъ и т. п. Вѣдь тѣ самыя мѣстности, которыя теперь доставляютъ громадный процентъ заболѣваній, нѣкогда были центромъ цвѣтущихъ греческихъ колоній, кишѣвшихъ народомъ. Древнія Сиракузы простирались до самой крѣпости Эпиполи, а Агригентъ покрывалъ не только теперешнюю долину храмовъ, какъ показываютъ уцѣлѣвшія на ней развалины, но и спускался до моря, имѣя своей гаванью теперешній портъ Эмпедокла. Разбойничество—уже упомянутая нами мафія—также признается мотивомъ къ оставленію помѣстій и крестьянами-воздѣлывателями, и земельными собственниками; но и оно въ такой же мѣрѣ можетъ считаться слѣдствіемъ этого абсентеизма, какъ и его причиной. Будь помѣстья заселены, разбойничеству поставлены были бы болѣе серьезныя преграды, чѣмъ тѣ, какія представляютъ прогуливающіяся по дорогамъ пары конныхъ карабинеровъ. Причина причинъ такимъ образомъ лежитъ въ самомъ строѣ помѣстнаго хозяйства, въ отсутствіи мелкихъ фермеровъ-воздѣлывателей, которые бы снимали землю непосредственно отъ собственника, и въ необходимости прибѣгать къ посреднику, берущему на себя оптомъ хозяйственную эксплуатацію всего помѣстья, отвѣчающаго передъ собственникомъ въ платежѣ арендной суммы и сдающаго затѣмъ землю мелкими участками, срокомъ рѣдко долѣе трехъ лѣтъ, живущимъ въ городахъ сельскимъ батракамъ. Этотъ посредникъ, извѣстный подъ наименованіемъ „габелота" (отъ gabella, сборъ), представляетъ явленіе еще болѣе отрицательное, чѣмъ англо-ирландскій мидельменъ. Имъ обыкновенно является мелкій буржуа, обладающій недостаточнымъ капиталомъ для производства необходимыхъ хозяйственныхъ улучшеній, да и не имѣющій къ нимъ побудительныхъ причинъ въ виду краткосрочности своего контракта (отъ 4 до 8 лѣтъ). Еще съ начала текущаго столѣтія сельско-хозяйственные писатели и экономисты, имѣвшіе случай познакомиться съ иными земельными порядками, благодаря пребыванію въ Англіи и сѣверной Франціи, уже считали нужнымъ протестовать противъ анормальности господствующей въ Сициліи хозяйственной системы и доказывали необходимость созданія долгосрочнаго мелкаго фермерства. Сицилійскія помѣстья—разсуждали они—слишкомъ громадны, чтобы позволить одному человѣку снять ихъ оптомъ для личной эксплуатаціи, для этого у нихъ не имѣется достаточныхъ капиталовъ, такъ что арендаторъ на дѣлѣ является не болѣе какъ откупщикомъ, разсчитывающимъ на полученіе той

прибыли, какую представляетъ разница между арендной суммой и суммою тѣхъ платежей, какіе несутъ въ его пользу дѣйствительные воздѣлыватели почвы; иное дѣло, еслибы латифундіи разбиты были на участки и сданы непосредственно въ руки на долгіе сроки земледѣльцевъ, находящихъ свой разсчетъ въ томъ, чтобы вложить въ нихъ свои сбереженія. Бальзамо, а за нимъ Пальмери проповѣдывали необходимость такого переворота въ хозяйствѣ, ссылаясь на примѣръ англійскихъ фермеровъ, обезпечившихъ Великобританіи перевѣсъ надъ прочими странами въ дѣлѣ агрономіи. Насколько безплодна была ихъ проповѣдь, можно судить по тому, что современнымъ экономистамъ Сициліи, въ числѣ ихъ Рикко Салерно, приходится еще ломать оружіе изъ-за привитія тѣхъ же порядковъ. Крупные собственники оправдываютъ свою косность тѣмъ, что на островѣ не имѣется того класса зажиточныхъ буржуа, готовыхъ вложить капиталы въ землю, какихъ мы находимъ въ Англіи, что самый характеръ ихъ имѣній не допускаетъ возможности такого дробленія, а недостатокъ личной обезпеченности мѣшаетъ имъ самимъ вступить въ отправленіе тѣхъ обязанностей, какія въ разсчетахъ наживы принимаетъ на себя посредникъ-габелотъ. Всѣ эти соображенія приводились и прежде, въ эпоху, когда Бальзамо и Пальмери впервые поднимали вопросъ о необходимости радикальнаго переворота въ строѣ сельскаго хозяйства, но тогда къ нимъ присоединялось еще одно и наиболѣе убѣдительное: обиліе пустопорожнихъ, способныхъ къ обработкѣ земель и признаваемая поэтому самими пропагандистами реформы невозможность болѣе интенсивной агрономіи. Но теперь обстоятельства измѣнились. Ростъ населенія при сравнительно высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, державшихся въ первыя три четверти столѣтія, не оставилъ клочка земли безъ обработки и даже вызвалъ собою такое расширеніе земледѣлія въ ущербъ скотоводству, что мѣстные рынки поставлены въ необходимость получать мясо съ континента и оплачивать его сравнительно дорого. Даже послѣдовавшее недавно паденіе цѣнъ на хлѣбъ не вызвало ожидаемаго упадка ренты, что̀, разумѣется, объясняется тѣмъ, что въ Сициліи земледѣльческіе рабочіе не находятъ того выхода, какой въ Англіи представляютъ фабрики и заводы, и не имѣютъ поэтому возможности покинуть привычныя занятія для болѣе выгоднаго предпріятія. Работа въ сѣрныхъ рудникахъ, въ былые годы отвлекавшая отъ земледѣлія до 30.000 рабочихъ рукъ и доселѣ дающая занятіе тому же числу, оказывается, какъ мы увидимъ, еще менѣе производительной, такъ что крестьянинъ, не имѣя выбора, по-неволѣ долженъ идти на тѣ все болѣе и болѣе

невыгодныя условія, какія ставятъ ему земельные монополисты. Этимъ и объясняется, почему въ Сициліи не послѣдовало того паденія арендныхъ платъ, какое одновременно, подъ вліяніемъ той же иноземной конкурренціи, можетъ быть констатировано въ Англіи и во Франціи, и почему здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо, переходъ къ интенсивному хозяйничанью становится неотложнымъ для земледѣльца-съемщика. Какую форму приметъ эта естественная эволюція — сказать трудно; многое зависитъ, разумѣется, отъ того или другого отношенія, въ какое станетъ къ ней правительство; одни желали бы предоставить ему роль регулятора, требуя, чтобы владѣльцамъ латифундій было свыше предписано дробленіе ихъ помѣстій на участки извѣстной величины и сдача ихъ въ долгосрочныя аренды съ обязательствомъ болѣе интенсивной культуры для арендаторовъ; другіе, напротивъ того, желали бы сохранить за собственниками свободу распоряженія и довольствуются только постановкой имъ на видъ необходимости въ собственныхъ интересахъ завести иные порядки земельнаго найма, чѣмъ тѣ, какіе доселѣ являются господствующими. Отсутствіе капиталовъ у крестьянъ заставляетъ многихъ, въ числѣ ихъ Виллари, оказывать предпочтеніе тосканской системѣ половничества (медзеріи) надъ англійскимъ долгосрочнымъ фермерствомъ. То обстоятельство, что еще въ средніе вѣка половничество, какъ мы видѣли, пользовалось довольно широкимъ распространеніемъ въ Сициліи на протяженіи между прочимъ церковныхъ эмфитевзисовъ, подрываетъ силу той критики, которую противъ половничества выдвигаютъ нѣкоторые экономисты, напр. Рикко Салерно, утверждающіе, что эти будто бы исключительно тосканскіе порядки не могутъ быть съ удобствомъ перенесены въ совершенно чуждую имъ среду. Поборники англійскаго фермерства въ Сициліи, какъ мнѣ кажется, оставляютъ безъ отвѣта существенный вопросъ: откуда явятся тѣ капиталы, какіе необходимы для перехода къ болѣе интенсивному хозяйничанью при томъ отсутствіи земельнаго кредита, на который всѣ они указываютъ; если со стороны, другими словами, если земельными съемщиками явится городская буржуазія или капиталисты континента, то мѣстному крестьянину очевидно никогда не суждено будетъ подняться надъ тѣмъ уровнемъ сельско-хозяйственнаго батрака-пролетарія, какой составляетъ его удѣлъ въ наше время; а между тѣмъ не только интересы филантропіи, но и общественнаго порядка и спокойствія прежде всего требуютъ такого подъема. Вотъ почему мнѣ не кажется, чтобы въ вопросѣ о реформѣ сельско-хозяйственнаго быта послѣднее слово было сказано тѣми,

кто, подобно уже не разъ цитированному мною ректору палермскаго университета, хотѣлъ бы ограничить вмѣшательство государства производствомъ такъ-называемой censuazione или quotisazione (другими словами, разбитія латифундій на участки средней величины) только въ предѣлахъ государственныхъ доменовъ. Частному интересу, думаютъ они, слѣдуетъ предоставить производство той же реформы на протяженіи большей части острова [1]). Намъ же кажется, что дѣло не обойдется безъ изданія закона, подобнаго тому, какой проведенъ былъ въ Ирландіи въ министерство Гладстона и Морлэ и вызвалъ противъ себя протестъ со стороны всѣхъ ревнителей неограниченности правъ собственника. Само правительство, повидимому, рѣшительно вступило на этотъ послѣдній путь. Оно обѣщаетъ внести въ палату билль, обезпечивающій принудительное производство на земляхъ латифундій необходимыхъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Пожелаемъ этому проекту другую судьбу, чѣмъ та, какая выпала на долю предложеній, сдѣланныхъ въ томъ же направленіи министерствомъ Криспи-Соннино въ 1894 году, когда непрактичность рекомендуемыхъ мѣръ настолько показалась очевидной, что въ палатѣ безъ труда образовалось враждебное большинство и само правительство поспѣшило взять законъ обратно. Профессоръ Сальвіоли, лично благопріятный идеѣ правительственнаго вмѣшательства, въ то же время не можетъ отнестись иначе, какъ съ критикой, къ этой неумѣлой попыткѣ подчинить собственниковъ государственной регламентаціи. Законъ предписывалъ сдачу земель по меньшей мѣрѣ на 15-лѣтній срокъ и обязывалъ тѣхъ собственниковъ, которые пожелаютъ оставить землю за собою, произвесть въ тотъ же срокъ сельско-хозяйственныя улучшенія, какія необходимы для перехода къ болѣе интенсивному земледѣлію. Вмѣшательство государства могло сказаться такимъ образомъ на практикѣ только по истеченіи пятнадцати лѣтъ, когда не удовлетворившимъ требованій собственникамъ грозило бы установленіе наслѣдственнаго эмфитевзиса. Не говоря уже о томъ произволѣ, какой предполагаетъ толкованіе термина „меліораціи“ земель, термина слишкомъ растяжимаго и неопредѣленнаго, не трудно понять, что отсрочка на 15 лѣтъ государственнаго воздѣйствія лишаетъ самую мѣру всякаго значенія. Да и трудно ждать какихъ-либо серьезныхъ результатовъ, разъ правительство не хочетъ взять на себя иниціативы въ созданіи сельско-хозяйственнаго кредита и не

---

[1]) Смотри La Riforma Sociale 10-го ноября 1895 г., стр. 638.

идетъ, за недостаткомъ средствъ, на тѣ пожертвованія, какихъ требуетъ основаніе крестьянскаго банка [1]).

V.

Занятый главнымъ образомъ экономическимъ положеніемъ страны, я не могъ однако не уплатить дани тому интересу, какой возбуждаетъ во всякомъ туристѣ, даже не зараженномъ пристрастіемъ къ классической древности, величіе уцѣлѣвшихъ развалинъ и грандіозность раскрываемой ими греческой культуры. Теперешняя Сиракуза не занимаетъ и четвертой той части площади, на какой расположенъ былъ городъ Гелона, Діонисія и Архимеда; она гнѣздится на тѣсномъ полуостровѣ, извѣстномъ подъ наименованіемъ Ортиджія, и сохранила болѣе или менѣе неприкосновенными только дорическія колонны прежняго храма Минервы, обращеннаго въ католическій соборъ, да знаменитый фонтанъ Аретузы, сдѣлавшійся предметомъ одного изъ самыхъ поэтическихъ сказаній древности и привлекавшій тысячи пилигримовъ изъ древней Эллады, Великой Греціи и острововъ Архипелага. Но стоитъ только переѣхать черезъ длинный рукавъ моря, нынѣ обмелѣвшаго, но когда-то дѣлавшаго городъ Архимеда почти недоступнымъ для римскихъ легіоновъ, и на каждомъ шагу выступаютъ развалины величественныхъ храмовъ, крѣпости, театра, амфитеатра, школы, предназначенной столько же для гимнастическихъ упражненій, сколько и для проповѣди философскихъ системъ, и цѣлой „via sacra", или дороги усыпальницъ, тѣмъ отличающейся отъ знаменитой via Appia въ Римѣ, что она вся высѣчена въ скалѣ и по обѣ стороны представляетъ рядъ искусственныхъ пещеръ, служившихъ семейными могильниками. Все это разбросано на нѣсколько миль въ окружности и лежитъ среди воздѣлываемыхъ плугомъ полей вдалекѣ отъ всякаго жилья, такъ что туристу приходится вынести то же впечатлѣніе мертваго города, какое овладѣваетъ имъ при посѣщеніи Помпеи. Что было цѣннаго въ отношеніи къ искусству, что могло служить къ возстановленію частностей домашняго и общественнаго быта въ одномъ изъ главныхъ очаговъ эллинской культуры, сосредоточено въ настоящее время въ роскошномъ музеѣ, расположенномъ на набережной и заключающемъ въ себѣ чудо греческой скульптуры,

---

[1]) La Riforma Sociale 10-го августа 1894, статья Сальвіоли объ аграрномъ законѣ для Сициліи, стр. 120—130.

знаменитую сиракузскую Венеру, которой, къ сожалѣнію, недостаетъ головы. Два этажа довольно обширнаго дворца едва вмѣщаютъ въ себѣ массу греческихъ и римскихъ мраморовъ, бо̀льшая часть которыхъ состоитъ, увы, изъ однихъ торсовъ. Прекрасная коллекція греко-сицилійскихъ вазъ и монетъ занимаетъ верхнюю часть зданія и тутъ же расположены зачатки новаго, въ высшей степени цѣннаго для археологовъ собранія орудій каменнаго вѣка, относящихся къ эпохѣ предшествовавшей греческой колонизаціи. Отсутствіе каталога мѣшаетъ однако воспользоваться должнымъ образомъ тою массою свѣдѣній, какую раскрываетъ предъ посѣтителемъ это наслоеніе разнообразнѣйшихъ культуръ, на которыхъ не трудно отмѣтить и финикійское, и египетское воздѣйствіе. Въ Египетъ переноситъ васъ также прогулка въ лодкѣ вверхъ по теченію ничтожной рѣчонки Анапа, впадающей въ Сиракузскій заливъ и на половину заросшей гигантскими кустами папируса. Это—единственное мѣсто въ Европѣ, въ которомъ привилась его посадка — обстоятельство, само по себѣ свидѣтельствующее и о высотѣ средней температуры, и объ обиліи зимней влаги, мѣшающей Сиракузѣ сдѣлаться лечебной станціей. Плантаціи папируса заведены были съ цѣлью изготовленія матеріала для письма и первые экземпляры перенесены были изъ Египта сарацинами. Въ настоящее время онъ ростетъ въ дикомъ видѣ, что̀ не мѣшаетъ кустарямъ, правда, весьма немногочисленнымъ, изготовлять изъ нижней части его ствола, разрѣзаннаго на тонкія перпендикулярныя пластинки, отдаленное подобіе тѣхъ свитковъ, которые въ древнемъ Египтѣ служили для іероглифическихъ письменъ. Съ этою цѣлью пластинки, расположенныя въ такомъ порядкѣ, чтобы образовать изъ себя цѣлые листки, поступаютъ подъ прессъ и выходятъ изъ него въ формѣ желтоватыхъ страничекъ, на которыхъ нерѣдко акварелью выводятся изображенія уже упомянутыхъ мною крестьянскихъ телѣгъ, орнаментированныхъ разнообразнѣйшимъ рисункомъ. Съ верховьевъ Анапы, извѣстныхъ въ древности подъ наименованіемъ Ціаны, открывается видъ на развалины храма, посвященнаго Зевсу олимпійскому: уцѣлѣвшія три колонны свидѣтельствуютъ о величіи и красотѣ этого зданія, которое причисляемо было къ самымъ лучшимъ произведеніямъ греко-сицилійской архитектуры. Отсюда до упомянутой уже греческой крѣпости Эпиполи нѣсколько верстъ. И одно это обстоятельство позволяетъ судить о томъ, что по величинѣ занимаемой имъ площади городъ Архимеда принадлежалъ къ числу самыхъ населенныхъ муниципій древности. Подобно теперешнему Лондону, Сиракузы возникли путемъ постепеннаго раз-

ростанія цѣлаго ряда самостоятельныхъ общинъ Мегары, Ортиджіи, Наполи, Акрадины и т. д.

Матеріалъ для построекъ доставляемъ былъ изъ обширныхъ каменоломенъ, расположенныхъ вблизи театра и амфитеатра, прославленныхъ своимъ эхо. Къ нему пріурочено сказаніе про тирана Діонисія, помѣщавшаго политическихъ преступниковъ въ каменоломни и пользовавшагося эхомъ какъ средствомъ распознавать затѣваемые противъ него заговоры. Отъ дворца Діонисія, расположеннаго, какъ думаютъ, въ этомъ мѣстѣ, не осталось больше и слѣда. Панорама, открывающаяся съ лежащаго у его подножія театра, вполнѣ подтверждаетъ то представленіе, какое мы составили себѣ о греческой сценѣ съ декораціями, восполняемыми видомъ окружающей природы. И не въ однѣхъ Сиракузахъ поражаетъ насъ искусство въ выборѣ для драматическихъ представленій наиболѣе живописно расположенныхъ мѣстностей. То же надо сказать и о Таорминѣ, и о Катаніи, въ которыхъ театръ построенъ былъ такимъ образомъ, чтобы дать зрителямъ возможность любоваться одновременно и синеватымъ моремъ, и огнедышащей горою.

Представленіе о громадности и населенности древнихъ Сиракузъ подтверждается и размѣрами ихъ театра, въ которомъ по приблизительному разсчету могли помѣститься десятки тысячъ зрителей. Достаточно сказать, что низшія ступени расходятся на 150 метровъ и что число всѣхъ рядовъ 47. Театръ высѣченъ въ скалѣ точно такъ же, какъ и сосѣдній съ нимъ амфитеатръ, по своимъ размѣрамъ уступающій одному римскому Колизею. Длина его въ діаметрѣ 70 метровъ, а ширина 40. Большинство статуй, собранныхъ въ настоящее время въ музеѣ, украшали собою нѣкогда эти два зданія, блестѣвшія одновременно мраморомъ колоннъ и скалы.

И подземныя Сиракузы поражаютъ своими размѣрами: онѣ говорятъ намъ о сотняхъ тысячъ христіанъ, поставленныхъ въ необходимость искать въ нихъ убѣжища отъ преслѣдованій. Входъ къ нимъ открывается изъ церкви Іоанна Предтечи, въ настоящее время упраздненной. Приставленные къ ней монахи-капуцины сопровождаютъ посѣтителей въ подземные корридоры, спускающіеся наклонной плоскостью и образующіе изъ себя два яруса. По правую и лѣвую сторону расположены семейныя усыпальницы, высѣченныя въ скалѣ и заключавшія въ себѣ саркофаги, часть которыхъ перенесена въ музей. Наиболѣе интереснымъ изъ нихъ надо признать мраморный саркофагъ Адельфіи, открытый извѣстнымъ археологомъ Кавалари. Онъ не восходитъ далѣе V-го вѣка; укра-

шающіе его барельефы изображаютъ сцены Ветхаго и Новаго завѣта и несовершенствомъ своего исполненія свидѣтельствуютъ о глубокомъ упадкѣ зодчества во времена Одоакра и Теодорика остготскаго. На лицевой сторонѣ—медальонъ графа Валерія и его жены Адельфіи, погребенныхъ въ этой усыпальницѣ. Въ отличіе отъ римскихъ, сиракузскія катакомбы весьма бѣдны фресками; всего чаще встрѣчается символическое изображеніе благородства крови—павлинъ. Образъ Христа, по своему типу напоминающаго византійскаго „Судью Міра", сохранился въ одномъ изъ корридоровъ и въ реставрированномъ видѣ въ капеллѣ Марціана, построенной византійскимъ крестомъ и заключающей въ себѣ базальтовую колонну, къ которой якобы привязанъ былъ мученикъ. Нашъ проводникъ счелъ нужнымъ настаивать на томъ, что колонна чудеснымъ образомъ сохранила свою полировку въ мѣстахъ, въ которыхъ прикоснулось къ ней тѣло Спасителя. По интересу сиракузскій подземный городъ, еще далеко не раскопанный во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, уступаетъ римскимъ катакомбамъ. Самое его происхожденіе болѣе позднее. Большинство усыпальницъ высѣчено въ четвертомъ и пятомъ вѣкѣ.

Рѣзко бросается въ глаза противоположность стариннаго величія и современнаго паденія и при посѣщеніи сиракузскаго порта. Онъ пользовался въ древности извѣстностью наиболѣе обширной и надежной гавани. Въ настоящее время онъ обмелѣлъ и большія суда уже не имѣютъ къ нему доступа. Еще со временъ императора Фридриха II жителямъ Сиракузъ пришлось сдѣлаться свидѣтелями основанія рядомъ новаго порта, такъ-называемой Августы. Теперь оба пусты, если не говорить о немногихъ рыбачьихъ и каботажныхъ судахъ и небольшомъ пароходѣ, разъ въ недѣлю доставляющемъ пассажировъ съ Мальты, да и тотъ англійскаго происхожденія. Гдѣ онѣ, тѣ двѣсти вооруженныхъ галеръ, съ которыми Гелонъ собирался пойти на помощь аѳинянамъ въ ихъ борьбѣ съ Ксерксомъ?

VI.

Цѣлый день пришлось ѣхать изъ Сиракузы, прежде чѣмъ попасть въ Джирдженти. Сперва дорога идетъ на сѣверъ берегомъ моря, затѣмъ, не доходя до Катаніи, поворачиваетъ на западъ, пересѣкая островъ во всю его длину и обнаруживая по сторонамъ нескончаемую цѣпь пашенъ, нерѣдко поднимающихся на значительную высоту. Трудно не вынести того впечатлѣнія, что

районъ земледѣлія не можетъ быть болѣе расширенъ и хлѣбопашцу нѣтъ другого средства борьбы съ иноземной конкурренціей, кромѣ улучшенія самыхъ способовъ обработки. Поражаешься рѣдкостью пастбищъ и начинаешь понимать и причину, почему мясо доставляется изъ Неаполя и стоитъ такъ дорого, и препятствія, какія болѣе интенсивная культура находитъ въ недостаткѣ рабочаго скота и естественнаго удобренія. На серединѣ пути Кастро-Джованни—орлиное гнѣздо, расположенное въ самомъ центрѣ острова среди вершинъ, уступающихъ своими размѣрами одной только Этнѣ. Это — мѣстопребываніе извѣстнаго Колаяни, патріота и агитатора, одного изъ устроителей сицилійскихъ рабочихъ союзовъ, заклятаго врага Криспи, постоянно принимающаго участіе во всѣхъ интерпелляціяхъ, разсчитанныхъ на паденіе министерства. Колаяни не можетъ простить „измѣннику родины" и радикальной партіи ареста и заточенія Дефеличе, депутата Катаніи, популярность котораго не только не падаетъ, но ростетъ съ каждымъ днемъ. Надо прочесть написанный Колаяни памфлетъ о недавнихъ событіяхъ въ Сициліи, чтобы вынести впечатлѣніе о томъ, какъ раздуваются въ Италіи самыя заурядныя явленія и какое ложное толкованіе даютъ имъ борющіяся изъ-за власти партіи. Кто не слышалъ о „фасци", какъ о своего рода революціонныхъ комитетахъ, поставившихъ себѣ цѣлью осуществить на дѣлѣ проповѣдуемый Марксомъ коллективизмъ? И что же? Оказывается, что въ дѣйствительности эти закрытыя правительствомъ сообщества—не болѣе, какъ рабочіе синдикаты, устроенные по образцу англійскихъ trades-unions, въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствующимъ законодательствомъ и съ гарантированнымъ конституціей принципомъ свободы ассоціацій. Ихъ выставляли подобіемъ разбойничьихъ шаекъ, открыто организованной мафіи, виновниками всѣхъ безпорядковъ и кровопролитій, а они между тѣмъ въ большинствѣ случаевъ съумѣли сдержать рабочихъ въ границахъ закономѣрнаго сопротивленія властямъ, проявляя въ то же время на каждомъ шагу глубокую солидарность, какую сицилійскіе труженики питаютъ другъ къ другу. Меня поразило больше всего громадное число женщинъ, принимавшихъ участіе въ этихъ союзахъ, а также то обстоятельство, что по собраннымъ авторомъ даннымъ кровавыя стычки имѣли мѣсто въ тѣхъ именно общинахъ, въ которыхъ рабочіе союзы не успѣли еще образоваться. Какъ велика популярность Колаяни, можно судить по тому, что его книга разошлась тысячами экземпляровъ и теперь съ трудомъ можетъ быть найдена въ продажѣ, несмотря на новое изданіе.

Поѣздъ, постоянно поднимавшійся въ гору и потому шедшій весьма медленно, изъ Кастро-Джованни начинаетъ спускаться къ противоположному берегу моря. Дикій характеръ мѣстности смѣняется въ ближайшихъ окрестностяхъ Кастанизетты оливковыми посадками и апельсинными рощами. Затѣмъ ландшафтъ снова принимаетъ сѣрыя очертанія. Мы вступаемъ въ полосу сѣрныхъ рудниковъ, и дымящіеся курганы среди почти голой степи говорятъ о совершенно исключительныхъ условіяхъ почвы и климата. Попутчики увѣряли меня, что посѣти я Сицилію въ другое время года, моимъ глазамъ представились бы зеленѣющія поля и я бы вполнѣ насладился запахомъ весны, здѣсь болѣе ароматической, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но отсутствіе дождей—причина тому, что осенью трава выгораетъ, почва трескается и дороги покрываются столбомъ пыли, налагающей на все сѣрый отпечатокъ. Трудно придумать болѣе безотрадную обстановку. Присоедините къ этому невозможность достать что бы то ни было на станціи, частыя пересадки, постоянную смѣну вооруженныхъ карабинеровъ на всѣхъ стоянкахъ, и вамъ легко будетъ понять, съ какимъ чувствомъ подъѣзжаешь въ полночь къ Джирдженти, давно обезславленному европейской печатью, какъ главное гнѣздо сицилійскаго разбойничества. А тутъ еще необходимость ѣхать въ темень цѣлыхъ полчаса въ экипажѣ, такъ какъ городъ лежитъ далеко отъ станціи, а сколько-нибудь комфортабельный отель расположенъ еще на полъ-мили далѣе, среди такъ-называемой долины Храмовъ. Скрѣпя сердце и осматриваясь по сторонамъ двигаешься тихимъ шагомъ подъ-гору и затѣмъ стремглавъ внизъ, обдаваемый клубомъ пыли, пока не раздастся лай собакъ и не выбѣжитъ на встрѣчу одѣтый во фракъ швейцарецъ, лакей, объявляющій, что вамъ не будетъ тѣсно въ гостинницѣ, такъ какъ въ ней нѣтъ пока никого, кромѣ хозяина.

Послѣ Акрополя съ Пареенономъ и Пестума съ его тремя доселѣ сохранившимися храмами, Джирдженти представляетъ, можетъ быть, самый величественный образецъ греческой архитектуры. Недаромъ въ древности о его жителяхъ говорили, что они строятъ для вѣчности, недаромъ также византійскіе правители и норманскіе короли, желая спасти для потомства драгоцѣннѣйшіе остатки эллинской старины, пріурочивали ихъ къ цѣлямъ христіанскаго культа. Только этимъ можно объяснить причину, по которой храмъ Конкордіи удержался доселѣ, точно не двѣ тысячи пятьсотъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ времени его сооруженія.

Правда, многія колонны вывѣтрились и служатъ теперь убѣ-

жищемъ для ящерицъ и пчелъ, но онѣ все же стоятъ на мѣстѣ, какъ стояли во времена Эмпедокла.

Другое дѣло—храмъ Зевса, храмъ, размѣрами своими превышавшій все что-либо созданное греческимъ зодчествомъ, храмъ никогда не завершенный вполнѣ, и отъ котораго уцѣлѣли только обломки чудовищныхъ колоннъ и не менѣе чудовищныхъ каріатидъ.

Отъ сосѣднихъ къ нему капищъ Геркулеса, Кастора и Поллукса также сохранилось не много. Три колонны, поднимающіяся на мѣстѣ послѣдняго, сложены были недавно по иниціативѣ мѣстныхъ археологовъ. Но въ другомъ видѣ представляется намъ храмъ Юноны Лациніи, расположенный на величественномъ холмѣ въ сто-двадцать метровъ надъ поверхностью моря; его колонны длиною въ сорокъ девять съ половиною метровъ еще поднимаютъ свои капители къ небу, но, разумѣется, ничего не осталось отъ скульптуръ и картинъ, когда-то украшавшихъ это святилище... Какъ и въ Пестумѣ, колонны храмовъ строго дорическаго стиля, не имѣютъ пьедестала и завершаются капителью съ геометрическимъ орнаментомъ, но внутренняя часть капища (cela) не представляетъ здѣсь того верхняго этажа колоннъ, который можно считать особенностью знаменитаго храма Нептуна въ Пестумѣ.

О размѣрахъ древняго Агригента можно судить по тому, что всѣ описанныя мною развалины лежатъ на значительномъ разстояніи отъ той скалы, на которой расположенъ былъ мѣстный Акрополисъ, и до сихъ поръ уцѣлѣли остатки древнихъ капищъ, своими колоннами вошедшихъ въ составъ христіанскихъ храмовъ.

Въ каѳедральномъ соборѣ я видѣлъ чудо греческой скульптуры—саркофагъ Ипполита; его барельефы изображаютъ собою трагическую судьбу сына Тезея. Лучшую часть представляетъ группа Федры, окруженной своими служанками и изнемогающей подъ бременемъ преступной любви. Амуръ подкрался къ ея сидѣнію, натягиваетъ свой лукъ, собираясь пустить гибельную стрѣлу. Тщетно придворныя служительницы стараются развлечь ее звуками арфы. Ея скорбь такъ велика, что она не въ силахъ скрыть ея отъ присутствующихъ. Складки одѣянія, не говоря уже о выраженіи лицъ и благородствѣ позъ, свидѣтельствуютъ о рѣдкомъ искусствѣ неизвѣстнаго ваятеля, который обладалъ удивительнымъ даромъ сообщать жизнь и движеніе всѣмъ своимъ фигурамъ, не исключая и четырехъ коней, увлекающихъ въ бездну колесницу Ипполита, растаптывающихъ его тѣло подъ своими копытами. Соборъ въ Джирдженти знаменитъ, впрочемъ, не однимъ своимъ саркофагомъ, но также хранимымъ въ сакри-

стіи письмомъ дьявола. Рѣдко что̀ можетъ дать бо̀льшее понятіе о глубинѣ народнаго невѣжества, какъ этотъ грубый обманъ. Въ рукописи XVII-го столѣтія (я нашелъ помѣтку 1625 года), заключающей въ себѣ житіе святой Агаты, на задней сторонѣ одного изъ листковъ изображены на половину арабскимъ, на половину греческимъ шрифтомъ какія-то письмена. Никто еще не былъ въ состояніи прочесть ихъ,—говорилъ мнѣ сакристанъ,—за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, написанныхъ по-латыни. Эти слова, внесенныя посторонней рукою, буквально гласили: ohime, что̀ по-итальянски значитъ приблизительно: о, горе мнѣ.—Но къ чему же это письмо дьявола въ жизнеописаніи святой?—спросилъ я моего чичероне.—Дьяволъ искушалъ мученицу, посылая ей любовныя письма,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Теперешнее Джирдженти построено на мѣстѣ стариннаго сиканскаго города, существовавшаго еще до прихода грековъ; съ нимъ связана легенда о королѣ Кокале и постройкѣ особаго лабиринта, подобнаго знаменитому лабиринту царя Миноса. Діодоръ Сицилійскій приписываетъ его Дедалу, за тысячу четыреста лѣтъ до христіанской эры. Многіе думали найти подтвержденіе этому сказанію въ подземномъ городѣ, помѣщающемся въ самой скалѣ и состоящемъ изъ безконечнаго ряда корридоровъ и залъ, достаточно широкихъ, чтобы дать пріютъ и людямъ, и стадамъ. Доступъ къ нимъ загроможденъ въ настоящее время, но мы имѣемъ описаніе конца прошлаго столѣтія, не оставляющее сомнѣнія въ томъ, что эти высѣченные въ скалѣ входы и пещеры могли служить мѣстомъ укрывательства на случай нападеній, другими словами, имѣли то же назначеніе, что кельтическіе „oppida“ и наши городища. Есть основаніе приписать имъ большую древность, видѣть въ нихъ сооруженіе тѣхъ сикановъ, которыхъ считаютъ предшественниками грековъ въ Сициліи. Неудивительно поэтому, если въ сказанія эллиновъ проникла легенда о лабиринтѣ, заказанномъ королемъ Камико для укрывательства его сокровищъ. Джирдженти наравнѣ съ Сиракузой—удобное мѣсто для покупки греческихъ монетъ и греко-сицилійскихъ вазъ, законченностью своего рисунка не уступающихъ этрусскимъ. Послѣ дождя въ размытой водою глинистой почвѣ нерѣдко можно открыть присутствіе и мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ съ изображеніями Минервы, Меркурія и т. д. на лицевой сторонѣ, крылатаго коня или колесницы, влекомой то парою, то четверкой лошадей (biga и quadriga)—на задней. Всѣ эти предметы продаются по довольно сходной цѣнѣ у золотыхъ дѣлъ мастеровъ, но, разъ попавши въ Палермо, становятся болѣе или менѣе недоступными.

Городское управленіе приступило къ образованію музея или, вѣрнѣе, склада всякой древней рухляди, въ которомъ надо отмѣтить, однако, мраморный бюстъ какого-то божества, почему-то признаваемаго за Аполлона и своимъ типомъ напоминающаго эгинскіе мраморы и тѣ на половину египетскіе идолы, какіе найдены были въ основахъ аѳинскаго Парѳенона и украшаютъ собою музей Акрополиса.

Заплативъ дань уваженія величію прошлаго, я занялся изученіемъ причинъ современнаго упадка Джирдженти и окружающей его мѣстности. Изъ террасы моей гостинницы открывался обширный видъ до самаго моря, и на всемъ этомъ протяженіи еле-гдѣ можно было отмѣтить присутствіе жилья. Двѣ ничтожныя рѣчонки, у сліянія которыхъ нѣкогда помѣщался одинъ изъ храмовъ древняго Агригента, считались виновницами этого обезлюденія. Почва не впитываетъ влаги, такъ что весеннія наводненія становятся источникомъ образованія стоячихъ водъ, виновниковъ распространенія маляріи. Не принято никакихъ мѣръ для борьбы съ заразою, не сдѣлано даже той посадки эвкалиптовъ, которые стройными рядами поднимаются по обѣ стороны дороги, ведущей изъ Салерно въ Пестумъ, также очагъ злокачественныхъ лихорадокъ. Народъ предпочелъ разбѣжаться и человѣкъ показывается на этихъ пространствахъ только въ эпоху пахоты и уборки, живя вдали въ болѣе здоровыхъ мѣстностяхъ. Даже туристу совѣтуютъ не оставаться поздно вечеромъ въ полѣ и спѣшить къ закату домой. Мнѣ пришлось однако пренебречь этими совѣтами—такъ долго задержалъ меня осмотръ сѣрныхъ рудниковъ, расположенныхъ на разстояніи двухъ часовъ ѣзды отъ города. Поѣздка въ Джирдженти была вызвана главнымъ образомъ желаніемъ изучить этотъ единственный сколько-нибудь серьезный видъ сицилійской промышленности, упадокъ котораго грозитъ разореніемъ по меньшей мѣрѣ тридцати тысячамъ жителей. Прежде чѣмъ передать впечатлѣніе видѣннаго мною, считаю нужнымъ привести нѣкоторыя данныя о положеніи этого вида производства въ Сициліи и томъ вліяніи, какое оно долгое время оказывало на экономическій бытъ страны.

Когда въ 1811-мъ году первый по времени профессоръ политической экономіи въ Катаніи, Сальвадоръ Скудери, обнародовалъ свои разсужденія о мануфактурахъ и торговлѣ въ Сициліи, онъ поставленъ былъ въ необходимость констатировать тотъ печальный фактъ, что на островѣ почти отсутствуетъ фабричное производство. „Недавно,—пишетъ онъ,—приступлено было къ выдѣлкѣ черныхъ и синихъ суконъ по образцу испанскихъ. Осно-

ванная въ Леонфорте фабрика процвѣтала недолго и теперь закрыта. Шолковому производству положено было начало въ Мессинѣ, да и то иностранцемъ; дѣло пошло сперва хорошо, но вскорѣ завяло и наконецъ совершенно прекратилось, къ немалому ущербу лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе. Выдѣлка льняныхъ и пеньковыхъ тканей открыта была недавно въ Джирдженти и съ самаго начала обнаружила неспособность къ дальнѣйшему развитію. Мануфактура лентъ, заведенная въ Катаніи, продержалась здѣсь всего два года, послѣ чего перенесена была въ Мессину и здѣсь вскорѣ вымерла. Такимъ образомъ,—прибавляетъ авторъ,—не разъ возникали въ Сициліи фабрики и заводы, которые вслѣдъ затѣмъ приходили въ упадокъ и подвергались закрытію" [1]). Авторъ винитъ во всемъ самихъ мануфактуристовъ, недостаточно оттѣняя тотъ фактъ, что Сицилія, сдѣлавшаяся съ момента установленія континентальной системы главнымъ рынкомъ англійскихъ товаровъ, не могла не быть жертвой иностранной конкурренціи. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что до 1826 года, когда правительство, отказываясь отъ осуществленія своихъ верховныхъ правъ по отношенію къ рудникамъ, признало за земельными собственниками свободу ихъ эксплуатаціи, промышленность не играла въ Сициліи никакой серьезной роли. Съ этого времени добываніе сѣры пошло впередъ гигантскими шагами.

Если съ 1830 по 1843 годъ недостаточность вложенныхъ въ дѣло капиталовъ и примитивность пріемовъ обработки не позволяли извлеченія въ годъ болѣе шестидесяти тысячъ тоннъ, то въ 1851-мъ году мы имѣемъ уже дѣло съ сотней тысячъ, въ 1860-мъ г. съ полутора сотнями, а въ 1866—съ стадевяносто тысячами тоннъ. Это число остается болѣе или менѣе неизмѣннымъ въ ближайшія пять лѣтъ, но съ 1872 года слѣдуетъ новое и быстрое возрастаніе. Для 1879 года мы имѣемъ уже цифру въ триста тридцать тысячъ тоннъ, а для 1892 года—триста семьдесятъ четыре тысячи [2]). Эта цифра пріобрѣтаетъ дѣйствительный смыслъ и значеніе только при сопоставленіи съ тою, которая выражаетъ количество добываемой сѣры въ прочихъ странахъ міра, включая въ число ихъ и континентъ Италіи: 100.834 тонны—другими словами, 79% всей производимой въ мірѣ сѣры приходится на долю Сициліи. Изъ этого количества менѣе пятидесяти тысячъ вывозится въ Италію, которая сама

[1]) Dissertazioni economiche riguardanti il regno di Sicilia, di Salvadore Scuderi. Catania, 1811, стр. 46.

[2]) Смотри: San Giuliano, Le condizioni presenti della Sicilia, стр. 43—44.

производитъ въ одной изъ своихъ провинцій, въ Романіи, болѣе сорока четырехъ тысячъ тоннъ; все же остальное количество вывозится въ Америку, Германію. Россію и Англію.

Можно судить по этому, какое значеніе имѣетъ для Сициліи обнаружившійся за послѣдніе годы кризисъ въ этомъ производствѣ, кризисъ, не представляющій, какъ мы сейчасъ увидимъ, ничего общаго съ тѣмъ, какой пережитъ былъ страною въ сороковыхъ годахъ, и имѣетъ, повидимому, всѣ шансы распространенія и усиленія въ будущемъ году. Въ 1837 году послѣдовало, какъ и въ наши дни, паденіе цѣнъ на сѣру, но только благодаря перепроизводству всего-на-все трехсотъ тысячъ квинталовъ въ годъ, и правительство думало помочь бѣдѣ передачей всего дѣла въ руки компаніи Тайксъ и Эймаръ, принимавшей обязательство скупать у производителей сѣру въ количествѣ не ниже 600.000 квинталовъ. Хотя излишекъ позволено было отпускать за границу, минуя только-что указанное товарищество, но англичане увидѣли въ этомъ нарушеніе торговаго договора 1816 года, и по всей вѣроятности возгорѣлась бы война, еслибы вò-время не подоспѣло посредничество Франціи. Хотя компанія и была уничтожена, но быстро увеличивающійся спросъ на сѣру за границей пріостановилъ дальнѣйшее паденіе цѣнъ и спасъ туземную промышленность. Источникъ же преходящаго перепроизводства, вызвавшаго правительственное вмѣшательство и вскорѣ покрытаго спросомъ, лежалъ въ быстрой замѣнѣ примитивной системы добыванія сѣры изъ ямъ несравненно болѣе производительной—рудниковой [1]).

Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ выступаетъ положеніе сѣрной промышленности въ настоящее время. За послѣднюю четверть вѣка совершился переворотъ въ порядкѣ добыванія одного изъ главныхъ продуктовъ сѣры, сѣрной кислоты. Большинство государствъ Европы нашли болѣе выгоднымъ получать этотъ продуктъ изъ испанскихъ пиритовъ. Одни Соединенные-Штаты продолжаютъ по прежнему добывать его изъ сѣры, затрачивая съ этою цѣлью около ста тысячъ тоннъ въ годъ. Ничто не мѣшаетъ допущенію, что и они послѣдуютъ въ ближайшемъ будущемъ примѣру Европы и что спросъ на сѣру соотвѣтственно значительно понизится. Къ этой неотвратимой причинѣ присоединяются другія, случайныя, источникъ которыхъ лежитъ, какъ мы увидимъ, въ недостаткахъ организаціи самой промышленности, отпуска за границу, и кре-

---

[1]) Смотри: Bianchini, Della storia economico-civile di Sicilia, libri due. II, стр. 258—267.

дита предпринимателямъ. Совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ факторовъ повело къ тому результату, что цѣна на тонну сѣры со 140 франковъ въ 1874—1875 году пала до 55 франковъ въ 1894 году [1]).

Это пониженіе необходимо отразилось на судьбѣ всѣхъ классовъ, участвующихъ въ производствѣ: оно понизило доходъ собственника, сдающаго эксплуатацію рудниковъ, на откупъ тому или другому частному предпринимателю, который играетъ такимъ образомъ въ этой промышленности ту же роль посредника, какая въ земледѣліи принадлежитъ габелоту. Она сдѣлала положеніе этого послѣдняго настолько затруднительнымъ, что 40% рудниковъ уже обходятся безъ его посредничества [2]). Она понизила заработокъ рудокоповъ болѣе чѣмъ на половину и заставила ихъ уменьшить соотвѣтственно плату ихъ ближайшихъ помощниковъ, занятыхъ доставкою сѣры на поверхность. Все это было извѣстно мнѣ еще ранѣе посѣщенія рудниковъ и я такимъ образомъ былъ подготовленъ къ той картинѣ чудовищной эксплуатаціи дѣтскаго труда, которая раскрылась передо мною, едва я спустился, въ обществѣ директора, на глубину ста метровъ. Высокая температура и присутствіе почти голыхъ людей свидѣтельствовали о тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ какія поставлена всякая подземная работа. Немногихъ шаговъ, сдѣланныхъ по узкимъ корридорамъ, достаточно было, чтобы встрѣтиться съ одной изъ главныхъ трудностей, съ какими приходится считаться рудокопамъ: вода выступила изъ пробитой ими ямы и пришлось прервать работу до момента, когда съ помощью насосовъ устранено будетъ это препятствіе. Далеко не повсюду въ Сициліи имѣются дѣйствующія паромъ водокачалки. Во многихъ рудникахъ прибѣгаютъ къ труду дѣтей для удаленія воды, и они по часамъ проводятъ время въ топкой грязи, изнемогая отъ усталости. Вскорѣ мнѣ пришлось познакомиться изъ опыта и съ другой неприглядной стороною этой жизни при отсутствіи свѣжаго воздуха и свѣта. Работая желѣзнымъ ломомъ, рудокопъ пробиваетъ мину въ скалѣ и затѣмъ взрываетъ ее порохомъ. По цѣлымъ часамъ корридоры остаются насыщенными запахомъ пороха и дымъ ѣстъ глаза, заставляя искать другихъ выходовъ. Возвращеніе по подъемной машинѣ оказалось немыслимымъ въ виду указаннаго обстоятельства и пришлось начать страдный

---

[1]) La Crisi zolfifera in Sicilia, di Giacomo Pagano. Palermo, 1895, стр. 14, 20.

[2]) Ibid., стр. 26, а также Giornale di Sicilia, 17-го декабря 1894, статья инженера Tranaglia.

путь по плохо высѣченнымъ въ скалѣ и нерѣдко покрытымъ водою ступенямъ, путь, ежедневно продѣлываемый несчастными carusi—терминъ, подъ которымъ разумѣются дѣти и отроки, выносящіе на плечахъ сѣрную руду. Голые, съ непомѣрной для ихъ лѣтъ тяжестью, скользя по мокрой дорогѣ и не въ силахъ будучи отереть потъ съ лица, эти невольныя жертвы существующаго экономическаго порядка рискуютъ ежечасно схватить воспаленіе отъ сквозняковъ или заразиться маляріей при подъемѣ на поверхность. Сами рудокопы говорили мнѣ, что многіе не выносятъ этой жизни, что плачъ и стоны—довольно обычныя явленія, какъ обычны также бѣгство изъ рудниковъ и нарушеніе контрактовъ. Рудокопы обезпечиваютъ себѣ продолжительную службу носильщиковъ договоромъ съ ихъ родителями и платежомъ впередъ суммы въ сто и сто пятьдесятъ франковъ, которая затѣмъ погашается вычетами изъ жалованья или, точнѣе, изъ задѣльной платы, вычисляемой количествомъ вынесенной руды. Весьма часто родители, нарушая силу прежняго контракта, сдаютъ дѣтей въ услуженіе въ какой-нибудь другой рудникъ, при чемъ новый контрагентъ обязуется выплатить прежнему произведенный имъ въ пользу носильщика платежъ. Это условіе не всегда соблюдается въ точности и вотъ одна изъ причинъ тѣхъ кровавыхъ расправъ, какія пиконьеры, другими словами рудокопы, позволяютъ себѣ и съ семьей карузовъ-носильщиковъ, и съ ихъ новыми хозяевами. Наполеонъ Колаяни говоритъ о томъ, что въ числѣ требованій, предъявленныхъ ему, какъ депутату, избирателями, весьма часто повторялся запросъ о проведеніи закона, нарушающаго свободу сдѣлокъ въ интересахъ обезпеченія рудокоповъ отъ возможности ихъ оставленія карузами до срока [1]). Нужно ли настаивать на томъ, какія печальныя послѣдствія для нравственности имѣетъ совмѣстная жизнь подъ землею возрастнаго рудокопа съ десятилѣтними мальчиками вдали отъ всякаго контроля и какія чудовищныя отношенія возникаютъ нерѣдко между наемщикомъ, рудокопомъ и семьею малолѣтняго наймита-носильщика, эксплуатирующей порокъ и страхъ преслѣдованія въ интересахъ наживы? Хотя законъ и запретилъ пріемъ рабочихъ моложе десяти лѣтъ, но мнѣ самому пришлось видѣть дѣтей менѣе возрастныхъ, и всѣ тѣ, кого мнѣ пришлось разспрашивать на этотъ счетъ, говорили, что воля законодателя въ этомъ отношеніи соблюдается весьма слабо. Вознагражденіе, приходящееся на долю карузовъ, въ настоящее время, когда самъ рудокопъ едва можетъ разсчитывать

---

[1]) La Riforma Sociale 10-го мая 1894.

на полученіе франка въ день, не достигаетъ и половины этой цифры; въ дѣйствительности и та и другая значительно ниже, благодаря господству нѣкогда хорошо извѣстной въ Англіи truck system, т.-е. полученію провіанта рудокопомъ изъ лавочекъ, содержимыхъ на мѣстѣ габелотомъ, а носильщиками—отъ рудокопа. При отпускѣ каждый старается выгадать и на качествѣ, и на цѣнѣ товаровъ. Одно можетъ быть сказано къ выгодѣ труда въ сицилійскихъ рудникахъ: онъ менѣе продолжителенъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, а тѣмъ болѣе въ сравненіи съ трудомъ земледѣльческимъ.

Изъ парламентской анкеты видно, что среднимъ числомъ рудокопы и ихъ помощники остаются подъ землею не болѣе семи-восьми часовъ, опускаются въ седьмомъ-восьмомъ часу, выходятъ на поверхность во второмъ или третьемъ. Вечеръ принадлежитъ имъ, а равно праздники и воскресенье.

Въ прежніе годы, когда заработокъ былъ значителенъ, они любили щеголять платьемъ въ мѣстахъ публичныхъ собраній вмѣстѣ съ женами, одѣтыми въ шолковые платки и съ золотыми сережками въ ушахъ. Пьянство и тогда было мало распространено въ ихъ средѣ, но того же нельзя сказать объ азартныхъ играхъ. Теперь необходимость научила бережливости, и единственное преимущество, еще удержанное сицилійскимъ рудокопомъ предъ заводскимъ рабочимъ, состоитъ въ томъ, что жена его и дочь не поставлены въ необходимость раздѣлять его грустную участь и что семейный очагъ для него еще существуетъ.

Много было писано объ эксплуатаціи дѣтскаго труда пиконьерами, и нѣкоторые писатели изъ иностранцевъ позволяли себѣ даже говорить о новомъ рабствѣ въ примѣненіи къ тѣмъ контрактамъ, жертвою которыхъ являются карузы. Но дѣйствительность сама по себѣ настолько ужасна, что избавляетъ отъ необходимости какихъ-либо преувеличеній. Договоръ рудокопа съ носильщикомъ построенъ на началахъ вольнонаемнаго труда и самый фактъ его существованія какъ нельзя лучше показываетъ, что подъ вліяніемъ конкурренціи и при господствѣ теоріи laisser faire свобода сдѣлокъ не избавляетъ отъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Произведенное итальянскими камерами слѣдствіе порождено желаніемъ придти на помощь попавшей въ тиски сѣрной промышленности. Оно вызвало въ свою очередь въ литературѣ подробное обсужденіе тѣхъ мѣръ, какими можно было бы парализовать, хотя до нѣкоторой степени, послѣдствія переживаемаго кризиса. Чтобы предупредить совершенное исчезновеніе мелкаго производства, благодаря гибельной конкурренціи крупныхъ пред-

пріятій, многіе рекомендуютъ устройство обязательныхъ синдикатовъ между собственниками отдѣльныхъ рудъ. Но на это возражаютъ, что условія эксплуатаціи далеко не одинаковы въ разныхъ рудникахъ, что въ однихъ приходится производить большія затраты, для осушенія напримѣръ, и что поэтому несправедливо было бы возлагать на хозяевъ равныя требованія по отношенію къ издержкамъ. Другой вопросъ на очереди—устройство публичныхъ магазиновъ для склада очищенной сѣры, магазиновъ, которые парализовали бы вредное вліяніе, оказываемое на цѣны и кредитъ частными транспортными конторами. Весь сбытъ въ настоящее время находится въ ихъ рукахъ; принимая заказы, превышающіе количество находимой въ ихъ складахъ сѣры, транспортныя конторы находятъ разсчетъ въ пониженіи цѣнъ. Отсутствіе дешеваго правительственнаго кредита позволяетъ имъ дѣлать закупки на условіяхъ, невыгодныхъ для предпринимателей, съ помощью задатковъ, обыкновенно служащихъ оборотнымъ капиталомъ въ рукахъ габелотовъ. Реформы обѣщаны были правительствомъ въ томъ и другомъ направленіи, но недостатокъ средствъ заставилъ отложить ихъ въ дальній ящикъ.

Та же причина помѣшала и освобожденію рудниковъ отъ несправедливаго налога, какимъ, помимо земли, отходящей подъ эксплуатацію, обложенъ самый вывозъ сѣры. Къ этимъ двумъ податямъ присоединяется еще сборъ съ движимости предпринимателя и гербовый сборъ, взимаемый при заключеніи контракта между собственникомъ и габелотомъ. Изъ этихъ налоговъ самый значительный—тотъ, который падаетъ на вывозъ; онъ достигаетъ трехъ съ половиною милліоновъ въ годъ. Нужно ли говорить, что финансовая наука давно осудила всѣ подобнаго рода сборы. Его тягость и несправедливость тѣмъ рѣзче выступаютъ наружу, что пошлина взимается не съ цѣны, а съ вѣса отпускаемаго товара, и что такимъ образомъ въ моментъ кризиса, каковъ переживаемый нынѣ, налогъ этотъ искусственно сокращаетъ и безъ того недостаточное вознагражденіе рабочихъ и предпринимателей. Правительство обѣщало-было исключить изъ кадастра сѣрные рудники и устранить тѣмъ самымъ двойное обложеніе одного и того же предмета, но и эта реформа отодвинута на задній планъ, и мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ того недовольства, какое вызвало это рѣшеніе во всѣхъ классахъ мѣстнаго населенія. Не мнѣ, разумѣется, предсказывать ближайшее будущее сѣрной промышленности въ Сициліи, это—дѣло туземныхъ спеціалистовъ; я ограничусь поэтому только передачей ихъ собственныхъ пророчествъ. Противникъ государственнаго вмѣшательства, Джакомо

Пагано, инженеръ, дѣятельность котораго протекаетъ среди населенія рудниковъ, признаетъ мелкое производство осужденнымъ на скорую погибель. Чѣмъ глубже приходится спускаться рудокопу, тѣмъ значительнѣе становятся затраты на доставку продукта изъ нѣдръ земли, тѣмъ менѣе производительнымъ становится трудъ карузовъ-носильщиковъ и тѣмъ необходимѣе обращеніе къ механическимъ средствамъ доставки; а для этого нужны свободные капиталы, которыхъ нѣтъ у мелкихъ производителей. Авторъ весьма категорично высказываетъ свой взглядъ, говоря, что послѣдніе не могутъ оказать большей услуги промышленности, какъ приступивъ къ немедленному закрытію шахтъ. Какъ ни безотрадно положеніе сѣрнаго производства съ экономической точки зрѣнія, оно является еще болѣе печальнымъ, если принять во вниманіе уже констатированное статистикой вырожденіе физическаго типа того класса лицъ, къ которому принадлежатъ карузы-носильщики. Депутатъ Колаяни, по своей профессіи медикъ, проведшій большую часть жизни въ провинціяхъ, богатыхъ сѣрою, и долгое время не хотѣвшій, по собственному сознанію, помириться съ тѣмъ, что непосильный трудъ карузовъ имѣетъ послѣдствіемъ сокращеніе человѣческаго роста, долженъ былъ въ концѣ концовъ признать силу того факта, что въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе занято добываніемъ сѣры, процентъ лицъ, не попадающихъ въ наборъ по причинѣ недостаточнаго роста, болѣе чѣмъ въ два раза превышаетъ процентъ ихъ въ другихъ мѣстностяхъ. Вотъ нѣкоторыя статистическія данныя, къ сожалѣнію восходящія къ эпохѣ, когда отсутствіе всякаго закона о защитѣ малолѣтнихъ позволяло пріемъ въ рудники мальчиковъ шести, семи и восьмилѣтняго возраста: тогда какъ средній процентъ лицъ ниже нормы не превышалъ въ Сициліи въ 72-мъ и 73-мъ году $14^1/_2$%,—въ окрестностяхъ Пьяца Армерина, жители которой издавна живутъ работою въ рудникахъ, 32 и даже 38% не удовлетворяли требованіямъ закона. „Если ничто не измѣнитъ теперешняго положенія вещей,—восклицаетъ сицилійскій патріотъ,—намъ грозитъ сдѣлаться націей карликовъ и горбуновъ“ [1]).

VII.

Когда въ первый разъ, въ четвертомъ часу пополудни, я вышелъ на палермское Корсо, мнѣ представилась картина, не

[1]) См. Gli avvenimenti di Sicilia, стр. 51.

имѣвшая ничего общаго съ тѣмъ оскудѣніемъ и нищенствомъ, къ которому пріучило меня двухъ-недѣльное пребываніе въ южныхъ и внутреннихъ провинціяхъ. По обѣ стороны асфальтовой мостовой поднимались роскошные дворцы, утопавшіе въ тропической растительности; по тротуарамъ двигались нарядныя толпы, и два ряда изящныхъ экипажей съ ливрейными кучерами и лакеями поднимались и опускались по направленію отъ такъ-называемыхъ четырехъ угловъ (quatro cantoni) до англійскаго сада и загороднаго парка, Favorita. По пути открывался видъ на широкую площадь съ недостроенной оперой, уже стоившей городу восемь милліоновъ. Имя ей—„Величайшій театръ" (teatro Massimo). Она превосходитъ своими размѣрами и вѣнскую, и парижскую, не говоря уже о Ла-Скала въ Миланѣ и Санъ-Карло въ Неаполѣ. Нѣсколько далѣе, точно упрекъ мѣстнымъ эдиламъ, обрисовывались изящные контуры нынѣшней оперы, такъ-называемой Политеамы Гарибальди, просторной, характерной по своему стилю, сразу переносящему васъ въ страны юга и, несмотря на присутствіе хорошей труппы, обыкновенно пустой на половину. Во всемъ этомъ внѣшнемъ великолѣпіи опытному глазу не трудно замѣтить нѣкоторыя прорѣхи. Вблизи отъ площади съ недостроенной оперой возвышается достроенный, но закрытый Grand-Hôtel; другой, еще болѣе величественный, подъ названіемъ гостинницы „Пальмъ", едва сводитъ концы съ концами: такъ незначителенъ приливъ посѣтителей и такъ плохи вообще дѣла за послѣдніе годы. Нерѣдки также въ газетахъ извѣстія, что та или другая фирма принуждена была прекратить платежи.

Отель, въ которомъ я живу, набитъ странствующими приказчиками; изъ ихъ разговора не трудно узнать, что многіе присланы для присутствія на ликвидаціяхъ и конкурсахъ; они спѣшатъ, впрочемъ, прибавить, что дѣло обстоитъ далеко не такъ плохо, какъ думаютъ за границей и какъ пишутъ французскія газеты, что торговцы Палермо не такъ туги при разсчетѣ, какъ, напримѣръ, неаполитанцы, съ которыхъ приходится ждать расплаты по мѣсяцамъ и годамъ.

Агентъ знаменитыхъ бумажныхъ фабрикъ въ Біелла утверждалъ даже, что таможенная война съ Франціей обезпечила процвѣтаніе внутренней промышленности и торговли; въ накладѣ отъ нея, дескать, одни французы. Можно повѣрить тому, что въ Сициліи протекціонизмъ создалъ серьезный сбытъ для товаровъ средней и сѣверной Италіи, но чтобы самъ островъ былъ отъ него въ выигрышѣ, кажется мнѣ болѣе чѣмъ сомнительнымъ. На вопросъ, можно ли что̀ купить въ Палермо, чего бы не было въ

продажѣ въ другихъ городахъ Италіи, однообразно слѣдуетъ отвѣтъ: башмаки, перчатки, мозаику изъ камней; все остальное получается съ сѣвера; даже опахала изъ страусовыхъ перьевъ и въ черепаховой отдѣлкѣ, и тѣ получаются изъ Вѣны. Генералъ Корси въ своей книгѣ о Сициліи, говоря о печальномъ положеніи ея промышленности и торговли, упоминаетъ только о домѣ Floria, извѣстномъ своими пароходами и своей марсалой, да и они строятъ суда не въ Сициліи, а въ одномъ изъ сѣверныхъ портовъ. Даже такія предпріятія, какъ оптовый отпускъ крѣпкихъ винъ за границу, сосредоточивается въ рукахъ англійскихъ фирмъ. Въ числѣ моихъ знакомыхъ не мало адвокатовъ; я встрѣчаюсь съ ними въ юридическомъ обществѣ, помѣщающемся въ самомъ университетѣ и имѣющемъ богатую библіотеку. Наши бесѣды нерѣдко поднимаютъ жгучій вопросъ о гонорарѣ; присяжные повѣренные жалуются на недостатокъ заработковъ. Профессія становится невыгодной, развѣ кому перепадетъ ликвидація дѣлъ банкрота. Сыплются, разумѣется, порицанія на правительство; его дѣлаютъ отвѣтственнымъ за все. „Сицилія,—говоритъ мнѣ одинъ изъ адвокатовъ,—всегда имѣла никуда негодную администрацію; но едва ли когда дѣло обстояло такъ плохо, какъ теперь". Мои пріятели совѣтуютъ мнѣ не слишкомъ полагаться на то впечатлѣніе довольства и роскоши, какое производитъ посѣщеніе нѣкоторыхъ виллъ, и блескъ ливрейныхъ лакеевъ, швейцаровъ съ булавою и цѣнной упряжи. „Вы знаете итальянцевъ: они готовы дома довольствоваться макаронами и щеголять на улицѣ; лучше справьтесь въ кассѣ театра о величинѣ выручки; услышите грустную повѣсть о недоборахъ". А между тѣмъ жизнь не дорога въ Палермо. Ресторанъ „Прогресса", расположенный на главной улицѣ и въ которомъ съ утра до вечера толпы посѣтителей, отпускаетъ блюда и вино за четвертую часть тѣхъ цѣнъ, къ какимъ мы привыкли въ большихъ городахъ Европы. Кресло въ главномъ театрѣ стоитъ два франка; извозчику платятъ за конецъ шестьдесятъ сантимовъ; комнаты—только не въ отеляхъ—и цѣлыя квартиры также дешевы. Живется иностранцу привольно. Много оживленія, прекрасные сады, нѣтъ недостатка въ музыкѣ. Вечера можно проводить въ театрѣ или клубѣ. Не мало также сдѣлано и для умственной жизни: двѣ библіотеки, національная и городская, не говоря объ университетской и библіотекѣ юридическаго общества, два архива, государственный и городской, нѣсколько кабинетовъ для чтенія, присутствіе многихъ выдающихся профессоровъ, по временамъ публичныя лекціи и конференціи. Университетъ не чуждается и общественной жизни; профессора его

участвують въ хорошо редактируемой и весьма распространенной „Gazetta di Sicilia“. Университетъ открываетъ свои двери большой публикѣ въ началѣ каждаго сезона. Актъ проходитъ въ чтеніи отчета за протекшій годъ, послѣ чего тому или другому изъ профессоровъ по очереди поручается занять присутствующихъ обсужденіемъ одного изъ „основныхъ вопросовъ жизни и духа“. Въ этомъ году очередь за профессоромъ физіологіи, который читаетъ намъ блестящій докладъ на тэму, что̀ такое жизнь? Лекторъ—врагъ метафизики, къ которой справедливо относитъ и матеріализмъ; онъ также—противникъ всякой чрезмѣрной спеціализаціи. Не одно національное пристрастіе подсказываетъ ему мысль о необходимости не быть въ плѣну у нѣмцевъ и французовъ и вернуться къ научнымъ традиціямъ и широкому методу Спалланцани. Отчетъ, прочитанный ректоромъ, говоритъ о возрастаніи числа каѳедръ и учащихся, о недостаточности аудиторій и кабинетовъ, объ участіи, принятомъ муниципалитетомъ и префектурой въ устройствѣ ботаническаго сада. На этомъ мѣстѣ оратора прерываетъ дружное шиканье. Студенчество не забыло административныхъ высылокъ прошлаго года и такъ-называемыхъ обязательныхъ мѣстожительствъ (domicilio coatto) въ глухихъ углахъ. Призванный на праздникъ префектъ уже встрѣченъ былъ свистками и его ожидаютъ такіе же проводы. Ректоръ усиливаетъ голосъ, стараясь покрыть имъ свистки; онъ энергично машетъ перчаткою, давая сигналъ къ аплодисментамъ „благонамѣренныхъ“, и призываетъ студенчество къ поведенію, достойному великихъ традицій прошлаго. Буря унимается, но профессора расходятся грустные, вспоминая о недавнемъ прошломъ, когда проклятая политика не успѣла еще проникнуть въ студенческую среду и университетскія торжества протекали тихо и мирно, къ вящшему прославленію alma mater.

Насколько Сиракуза и Джирдженти переносятъ туриста въ отдаленныя времена греческихъ республикъ, настолько же Палермо раскрываетъ предъ нимъ чудную лѣтопись норманскихъ правителей, съумѣвшихъ не только покорить мавровъ оружіемъ, но и вызвать неповторившееся нигдѣ болѣе сліяніе востока съ западомъ, арабо̀въ и византійскихъ грековъ—съ мѣстными католиками. Эти Руджіеры и Вильгельмы, побѣды которыхъ положили такой же предѣлъ распространенію магометанскаго владычества въ Европѣ, какъ и пораженіе, нанесенное маврамъ Карломъ Мартелемъ, были въ своемъ родѣ великими политиками.

Сознавая, что кучка выходцевъ изъ Салерно и Беневента безсильна сохранить владычество при враждебности покоренныхъ,

они смѣло вступили на путь созданія того свѣтскаго государства, которое не требуетъ отъ подданныхъ единомыслія въ вопросахъ религіи и частной нравственности. Греки и сарацины продолжали жить подъ ихъ кровомъ. Полигамія удержалась наравнѣ съ моногаміей. Греческая мозаика и сарацинская арабеска слились въ стройное и гармоническое цѣлое съ готической аркой, создавая тѣ недосягаемые образцы оригинальнаго норманскаго стиля, которыми туристъ продолжаетъ любоваться доселѣ при посѣщеніи Палатинской капеллы, каѳедральнаго собора въ Палермо и Чефалу и знаменитаго храма въ Монтреалѣ, этого новаго Сенъ-Дени, усыпальницы сицилійскихъ правителей. Подражая въ своемъ образѣ жизни смѣненнымъ ими беямъ, преемники Руджіеро умѣли страннымъ образомъ сочетать глубину католическаго рвенія, побуждавшаго ихъ къ постройкѣ все новыхъ и новыхъ церквей, съ усвоеніемъ многихъ сторонъ арабской культуры. Ихъ дворцы и загородныя дачи, отъ которыхъ доселѣ сохранилась переносящая васъ въ Альгамбру Зиза, говорятъ не объ одной свободѣ отъ католической нравственности, но и объ умѣніи призвать къ служенію отчизнѣ и схизматика-грека, и упорствующаго въ своей вѣрѣ араба-артиста. Для Монтреаля, какъ и для Палатинской капеллы, для собора въ Чефалу, какъ и для церкви великаго адмирала, работаютъ и аѳонскіе монахи, и греческіе мозаисты Константинополя, уже приступившіе къ украшенію Санъ-Марко въ Венеціи, и арабскіе орнаментовщики. Греческимъ крестомъ построена церковь Марторана и церковь святого Катальда. Издержки по сооруженію первой покрываются грекомъ по происхожденію, Георгіемъ Антіохійскимъ, принятымъ на службу королемъ Руджіеро и извѣстнымъ подъ именемъ „великаго адмирала". Съ согласія папы Гонорія III, богослуженіе отправляемо было въ этомъ храмѣ съ самаго начала по-греческому ритуалу. Алтарь приподнятъ, какъ въ православныхъ церквахъ, на нѣсколько ступеней надъ общимъ уровнемъ храма. То же можетъ быть сказано и о расположенной по сосѣдству церкви святого Катальда, также построенной грекомъ и по типу византійскаго креста, но точно незаконченной и не имѣющей поэтому богатаго орнамента мозаикъ. Каѳедральный соборъ—бывшая мечеть, сперва расширенная королемъ Руджіеро, затѣмъ совершенно перестроенная по новому плану Вальтеромъ Офамиліо, давшимъ намъ одинъ изъ классическихъ образцовъ нормано-готическаго стиля, съ его остроконечными арками и заимствованными у сарацинъ арабесками. Всѣ эти сооруженія произведены были въ серединѣ XII-го вѣка и, слѣдовательно, могутъ быть отнесены къ числу древнѣйшихъ

памятниковъ итальянскаго зодчества. Съ именемъ Вильгельма Добраго связана постройка собора въ Монтреалѣ, въ концѣ того же столѣтія. Въ этомъ храмѣ норманскій стиль достигаетъ своего апогея. Не знаешь, чему больше удивляться—гармоніи ли слѣдующихъ другъ за другомъ готическихъ арокъ, которыми соединяются колонны, украшенныя арабскимъ орнаментомъ, или богатству золотыхъ мозаикъ, покрывающихъ въ общемъ площадь въ 6.300 метровъ. Если прибавить, что къ храму примыкаетъ монастырскій дворъ, обведенный галереей, поддерживаемой сотнею колоннъ, изъ которыхъ каждая отлична отъ остальныхъ и почти всѣ приближаются къ типу, видѣнному мною не въ одной Гранадѣ, но и во многихъ монастыряхъ южной Испаніи,—то какъ не сказать, что соборъ въ Монтреалѣ съ его византійскимъ Христомъ, готическими арками и арабскимъ орнаментомъ, является вѣрнымъ представителемъ той смѣшанной культуры, какую создало въ Сициліи чередованіе византійскихъ, мавританскихъ и нормано-италійскихъ правителей. И свѣтская архитектура Палермо носитъ на себѣ слѣды этого, не скажу, послѣдовательнаго наслоенія, а одновременнаго сочетанія рѣзкихъ національныхъ противорѣчій. Въ комнатахъ Руджіеро, составляющихъ часть бывшаго дворца беевъ, теперешняго королевскаго, и напоминающихъ наши терема, подъ потолкомъ, сходящимся подъ острыми готическими углами, тонкая византійская мозаика, изображающая чисто свѣтскіе сюжеты: стрѣлковъ, гоняющихся за оленемъ, деревья съ висящими плодами и т. п. Въ Зизѣ—этомъ норманскомъ гаремѣ—орнаментъ фонтана тотъ же, что и въ севильскомъ Альказарѣ.

Къ сожалѣнію, отъ этой свѣтской архитектуры сохранилось гораздо меньше, чѣмъ отъ построенныхъ норманнами церквей. Гдѣ онъ, этотъ дворецъ Mare dolce, т.-е. „рудниковая вода“, прозванный такъ потому, что, благодаря арабскимъ водопроводамъ, передъ нимъ разстилался обширный бассейнъ съ разнообразнѣйшими рѣчными рыбами? Теперь показываютъ только мѣсто его сооруженія. Надо заглянуть въ путешествіе араба Эбнъ-Джо-Баира, посѣтившаго Сицилію во времена норманскихъ правителей, чтобы составить себѣ понятіе о всемъ великолѣпіи тогдашняго Палермо, съ его храмами и дворцами, съ еще наглядными слѣдами арабской и византійской культуры. Кіези, которому мы обязаны одною изъ интереснѣйшихъ книгъ о Сициліи [1]), приводитъ отрывокъ изъ этихъ путешествій; мы воспользуемся имъ для возстановленія въ глазахъ читателей той картины средневѣковаго

[1]) La Sicilia illustrata.

великолѣпія, которое дѣлало изъ Палермо изящнѣйшую столицу западнаго христіанства. „Эта метрополія,—говоритъ арабскій писатель, —соединяетъ удобства съ величіемъ, городъ древній и изящный, красивый и величественный, разстилающійся горделиво среди равнины, сплошь покрытой садами; городъ удивительный, съ широкими улицами во вкусѣ тѣхъ, какія встрѣчаются въ Кордовѣ, съ домами, построенными изъ тесанаго камня; посреди его протекаетъ живая вода; четыре фонтана бьютъ въ четырехъ его концахъ. Дворцы короля разбросаны кругомъ, точно ожерелье на шеѣ молодой красавицы. Чтобы перейти изъ одного мѣста наслажденія въ другое, королю надо только переносить свою резиденцію въ эти обрамленные садами зàмки. И сколько у него павильоновъ, кіосковъ, бельведеровъ, а вокругъ города сколько монастырей, съ роскошными зданіями и богатыми помѣстьями, пожалованными короною. Сколько золотыхъ и серебряныхъ крестовъ украшаетъ верхушки великолѣпныхъ храмовъ, воздвигнутыхъ королевскими щедротами". Въ числѣ дворцовъ арабскій писатель называетъ и исчезнувшее Mare dolce, и обращенную нынѣ въ казарму Куба, и перешедшую въ частныя руки Зизу. Первый слылъ подъ арабскимъ названіемъ Фавара, чтò значитъ „бьющая ключомъ вода". Здѣсь расположены были сады, спускавшіеся съ гòръ къ морю, и возвышался дворецъ съ испорченнымъ арабскимъ названіемъ Альбагаръ. Еврей Веніаминъ изъ Туделы, посѣтившій Сицилію въ 1172 году, дополняетъ эту картину, говоря о раскрашенныхъ и покрытыхъ золотомъ и серебромъ лодкахъ, въ которыхъ король, вмѣстѣ со своими женщинами, любитъ прогуливаться по бассейну, отдыхая отъ занятій. Полъ дворца представлялъ мозаику разнообразнѣйшихъ камней, а двери покрыты были золотомъ и серебромъ. Нѣтъ въ мірѣ,—говоритъ Веніаминъ изъ Туделы,—болѣе роскошныхъ зданій, чѣмъ тѣ, какія можно видѣть въ Палермо, городѣ, имѣющемъ двѣ мили въ длину и двѣ мили въ ширину, богатомъ разнообразнѣйшими садами и растеніями. Для приводимаго нами писателя Палермо имѣетъ еще ту приманку, что въ немъ живетъ мирно, вдали отъ преслѣдованій, 1.500 іудейскихъ семей. Отъ этой, украшенной Руджіерами и Вильгельмами, столицы арабскихъ беевъ въ наши дни уцѣлѣли, кромѣ упомянутыхъ уже памятниковъ, характерная церковь Санъ-Джовани degli Eremiti, съ ея четырьмя арабскими куполами, всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ напоминающая ту мечеть, изъ которой она возникла, и мостъ съ готическими арками, сооруженный уже упомянутымъ нами Георгіемъ Антіохійскимъ—древнѣйшій изъ всѣхъ средневѣковыхъ мостовъ, какіе только попадаются въ Италіи.

VIII.

Въ числѣ зимнихъ резиденцій, Палермо, благодаря мягкости своего климата и живописному расположенію на берегу моря среди нескончаемаго ряда садовъ, призвано несомнѣнно занять въ будущемъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Этотъ городъ имѣетъ все то, чего недостаетъ, напримѣръ, Ниццѣ—прекрасныя загородныя гулянья, интереснѣйшій музей греческихъ статуй, саркофаговъ и вазъ, картинную галерею съ рѣдкими произведеніями не однихъ сицилійскихъ художниковъ, но и фламандцевъ, историческія гробницы, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ базальтовому саркофагу императора-философа Фридриха II, наконецъ рядъ садовъ, и публичныхъ, и частныхъ, охотно открываемыхъ иностранцамъ, въ которыхъ пальмы, араукаріи и фикусы достигаютъ невиданныхъ на Ривьерѣ размѣровъ, и вообще тропическая растительность представляется не чѣмъ-то искусственно поддерживаемымъ, а давно акклиматизированнымъ. Въ такомъ городѣ пріятно пожить и цѣлые мѣсяцы, тѣмъ болѣе, что культурные классы отличаются рѣдкимъ гостепріимствомъ, и иностранецъ не живетъ изолированно въ той нездоровой атмосферѣ, какую создаютъ вокругъ него гуляки всѣхъ странъ и сыплющіе деньгами „растакверы“, привлекаемые игорными домами Ниццы и Монте-Карло.

За осмотромъ достопримѣчательностей, всегда лихорадочнымъ и потому безрезультатнымъ, начинается тихое и занятое существованіе въ библіотекахъ и литературныхъ клубахъ, въ тѣсномъ кружкѣ близко знающихъ страну спеціалистовъ. Отъ книгъ нерѣдко снова возвращаешься къ памятникамъ, открывая въ нихъ то, чего не видѣлъ прежде. Бесѣда восполняетъ прочитанное, впечатлѣнія осмысливаются и является возможность подвести итоги всему видѣнному и слышанному. Какъ бы отличны ни были историческія судьбы Сициліи отъ тѣхъ, какими создана наша гражданственность, экономическій и общественный бытъ страны представляетъ во многомъ сходныя стороны съ нашимъ. То же господство крупной собственности, тотъ же абсентеизмъ помѣщиковъ, то же отсутствіе правильно организованной арендной системы, то же преобладаніе земледѣлія надъ обработывающей промышленностью, то же обремененіе налогами производительныхъ классовъ, то же быстрое развитіе сельскаго пролетаріата, благодаря неумѣнію воспользоваться такими, напримѣръ, крупными общественными факторами, какъ секуляризація церковныхъ имуществъ и разложеніе общиннаго землевладѣнія для созданія класса кре-

стьянъ-собственниковъ. Разумѣется, за сходствами не надо терять изъ виду и различій, но это различіе не въ природѣ самыхъ порядковъ, а въ степени ихъ развитія. Прибавлю сразу: всѣ они клонятся къ нашей выгодѣ, начиная съ меньшаго обезземеленія простонародья и оканчивая бо́льшимъ развитіемъ промышленности. Но, съ этой оговоркой, экономическіе и общественные порядки Сициліи кажутся мнѣ крайне поучительными и для русскаго читателя. Вотъ почему, прежде чѣмъ разстаться съ ними, я считаю полезнымъ ввести его въ кругъ тѣхъ людей, въ которомъ вращается сицилійская публицистика, озабоченная поднятіемъ матеріальнаго и нравственнаго уровня мѣстнаго населенія. Быть можетъ, этотъ очеркъ наведетъ на нѣкоторыя параллели, укореняя въ то же время то представленіе, что экономическіе факторы, пріобрѣвшіе въ наши дни господствующее вліяніе надъ остальными, способны придать одинаковую окраску самымъ различнымъ по расѣ и климату культурамъ.

Сицилія принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ на западѣ странъ, которыя обошло вліяніе французской революціи. Преслѣдуемый якобинцами, Фердинандъ III нашелъ на островѣ пріютъ и помощь. Честолюбивая и порочная сестра Маріи-Антуанеты, королева Каролина, при содѣйствіи лорда Эктона и съ помощью англійскаго флота, предводительствуемаго извѣстнымъ Нельсономъ, сдѣлала изъ Палермо главный очагъ контръ-революціи въ Италіи. Изъ Сициліи вышелъ ударъ, положившій конецъ существованію краткосрочной парѳенопейской республики, а нѣсколько лѣтъ спустя и древнему сицилійскому парламенту. Передъ легитимизмомъ мѣстнаго населенія и недоступностью охраняемаго англійскимъ флотомъ пролива должны были отступить и наполеоновскіе орлы. Сицилія не послѣдовала общимъ судьбамъ Италіи, не сдѣлалась леномъ Бонапартовъ, но это не избавило ее отъ подчиненія иностранцамъ. Англичане не только запрудили ее своими товарами, обративъ въ средоточіе той контрабанды, которою не разъ прерывалась цѣпь „континентальной системы", но и пріобрѣли такое вліяніе на ея внутреннюю политику, что адмиралу Бентингу не трудно было сдѣлаться всемогущимъ рѣшителемъ ея судебъ и въ союзѣ съ либеральнымъ дворянствомъ, подъ страхомъ высылки королевской семьи, навязать Фердинанду конституцію въ англійскомъ вкусѣ съ двумя палатами, наслѣдственной пэріей, высокимъ избирательнымъ цензомъ и вообще рѣшительнымъ перевѣсомъ аристократіи и крупнаго землевладѣнія. Эта конституція дала возможность либеральному дворянству ликвидировать средневѣковый общественный строй не только безъ урона, но съ рѣ-

шительной выгодой для себя. Крестьянинъ получилъ свободу, но подъ условіемъ обезземеленія.

Совмѣстное владѣніе и сеньоровъ, и вилланов, феодомъ уступило мѣсто единичному владѣнію собственника латифундій; права выпаса и въѣзда перестали существовать, и общинныя угодья сохранились только въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ муниципія издавна являлась владѣлицей коммунальныхъ земель. Присутствіе англичанъ на островѣ и усилившійся благодаря этому запросъ на продукты сельскаго хозяйства вызвалъ быстрое возрастаніе цѣнъ и заставилъ сосредоточить всѣ интересы правительства на подъемѣ мѣстнаго земледѣлія. Въ то время, какъ недавно заведенныя фабрики и заводы, безсильные выдержать конкурренцію болѣе дешевыхъ англійскихъ товаровъ, постепенно чахли и гасли, аббатъ Бальзамо, одинъ изъ главныхъ виновниковъ конституціи 1812 года, проповѣдовалъ необходимость болѣе экстенсивнаго земледѣлія и привлеченія къ обработкѣ пустопорожнихъ земель и нѣкогда обширныхъ выгоновъ. Фанатическій сторонникъ англійскихъ политическихъ порядковъ, онъ съ неменьшимъ увлеченіемъ проповѣдовалъ необходимость пересажденія на островъ и англійской системы долгосрочныхъ арендъ, освобожденія хлѣбной торговли отъ стѣсненій, въ какія ставила ее еще державшаяся система правительственной опеки за народнымъ продовольствіемъ, съ характеризующими ее хлѣбными магазинами и обязательной поставкой части зерна сельскими обществами. Подъ вліяніемъ начатой Бальзамо и продолженной его послѣдователями агитаціи, правительство отказывается отъ защитительныхъ пошлинъ и покровительства мѣстной промышленности. „Обратимъ,—писалъ онъ, —всѣ наши усилія на возможно лучшую обработку земли; не что, какъ это, создастъ несуществующіе у насъ капиталы. Потомъ, когда мы разбогатѣемъ, мануфактуры сами собою народятся въ нашей средѣ. Согласно естественному порядку вещей, излишекъ капиталовъ, ища наиболѣе выгоднаго для себя помѣщенія, отольетъ къ промышленности и торговлѣ“. Въ отличіе отъ физіократовъ, также считавшихъ земледѣліе единственнымъ производителемъ цѣнностей, но въ то же время направлявшихъ на него все бремя податей, Бальзамо выступаетъ противникомъ единаго налога на собственниковъ и рекомендуетъ смѣшанную систему съ преобладаніемъ косвенныхъ сборовъ, ничтожныхъ на предметы первой необходимости и высокихъ—на предметы роскоши. Система правительственнаго невмѣшательства, свободы и неограниченности земельной собственности находитъ въ немъ такого же горячаго поборника, какими въ Англіи являлись Локкъ, Юмъ, Дугальдъ

Стюартъ и Адамъ Смитъ, а во Франціи—школа, созданная Кенэ. Эта проповѣдь отчасти была услышана владѣльцами латифундій, которые, благодаря высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ, находили разсчетъ въ расширеніи своихъ культуръ. Въ одномъ отношеніи ихъ практика рѣзко разошлась съ характеромъ данныхъ имъ совѣтовъ. Они продолжали сдавать землю на короткіе сроки, позволявшіе воспользоваться первымъ возрастаніемъ цѣнъ и всякимъ увеличеніемъ спроса на землю для обремененія съемщиковъ все высшими и высшими рентами. Объ улучшеніяхъ въ культурѣ полей, разумѣется, не могло быть и помину. Собственникъ не хотѣлъ брать ихъ на себя, краткосрочный арендаторъ не находилъ въ нихъ выгоды. Земледѣліе все болѣе и болѣе расширялось въ ущербъ скотоводству, и крестьянинъ, прежде посылавшій свой скотъ на помѣщичій выгонъ, а теперь удаленный съ него силою закона, вмѣстѣ съ землею лишался постепенно и своего рабочаго инвентаря. Въ ту эпоху, которая занимаетъ насъ въ настоящее время, всѣ эти явленія были только въ зародышѣ; они принесли свои плоды лишь десятки лѣтъ спустя, когда отсутствіе обезпеченнаго крестьянства заставило владѣльцевъ латифундій обратиться къ услугамъ горожанина-капиталиста и въ лицѣ габелота создать посредника между собою и крестьяниномъ-пролетаріемъ. Но и тѣхъ зачатковъ, которые были положены крупному землевладѣнію и крестьянскому обезземеленію аристократическимъ парламентомъ 1812 года, было достаточно, чтобы дискредитировать его въ глазахъ народныхъ массъ и сдѣлать возможными отмѣну конституціи и возстановленіе абсолютизма, какъ только паденіе Наполеона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и континентальной системы, заставило англичанъ потерять всякій интересъ къ Сициліи и ея внутреннимъ порядкамъ. Критикѣ подвергнутъ былъ не одинъ созданный англичанами аристократическій строй, но и то направленіе, какое подъ ихъ вліяніемъ придано было экономической политикѣ. Односторонней показалась исключительная забота о развитіи и расширеніи земледѣлія, а послѣдовавшее вслѣдъ за отбытіемъ британскихъ эскадръ паденіе цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства открыло глаза на необходимость хотя бы искусственнаго развитія промышленности съ помощью защитительнаго тарифа. Выразителемъ этой тенденціи явился первый по времени профессоръ политической экономіи въ Катаніи, Сальваторъ Скудери, въ своихъ разсужденіяхъ о средствахъ привитія мануфактуръ въ Сициліи. Автора не пугаетъ авторитетъ Адама Смита и провозглашеннаго имъ ученія, что капиталы сами найдутъ наиболѣе производительное для себя помѣщеніе; онъ совѣтуетъ по-

этому земельнымъ собственникамъ перейти къ заводской и фабричной дѣятельности, а правительству—поощрить ихъ начинанія обложеніемъ высокими ввозными пошлинами чужихъ мануфактурныхъ издѣлій и стѣсненіемъ вывоза необработаннаго сырья: такимъ образомъ сразу возникли въ Сициліи, какъ и у насъ, и при томъ подъ вліяніемъ однохарактерныхъ, хотя и несходныхъ причинъ, двѣ противоположныя экономическія школы—фритредеровъ и протекціонистовъ.

Политическая связь Сициліи съ Неаполемъ, дѣлая возможнымъ безпошлинный ввозъ на островъ мануфактурныхъ издѣлій южной Италіи, ослабляла тѣмъ самымъ дѣйствіе закона 1824 года, которымъ обработывающая промышленность защищена была отъ иностранной конкурренціи высокимъ таможеннымъ тарифомъ. Это обстоятельство заставило многихъ поднимать вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли Сициліи оградиться и по отношенію къ Неаполю. Въ этомъ смыслѣ высказывался, между прочимъ, Пасквале Кальви въ сочиненіи, озаглавленномъ: „О необходимости заводской промышленности для острова". Горячій приверженецъ кольбертизма, авторъ взывалъ не только къ интересамъ, но и къ чувству патріотизма своихъ соотечественниковъ, приглашая ихъ отказаться отъ ношенія иноземныхъ тканей, съ цѣлью доставить заработокъ мѣстнымъ мануфактурамъ, и затрачивать свободные капиталы не въ землю, какъ прежде, а въ промышленность. Его взгляды встрѣтили рѣшительнаго противника въ лицѣ Николо Пальмери, ученика и послѣдователя Бальзамо. „Народное хозяйство Сициліи,—писалъ онъ,—не можетъ имѣть другого импульса, кромѣ того, какой даетъ свободная торговля за границей. Это—масло, безъ подливки котораго трудно поддерживать пламень. Я думаю поэтому, что фритредерство должно быть руководящимъ принципомъ нашей политики. Нечего опасаться сокращенія государственнаго дохода отъ пониженія пошлинъ на предметы иностраннаго ввоза; доходность пошлинъ не идетъ рука объ руку съ ихъ увеличеніемъ, ибо по мѣрѣ ихъ возрастанія падаетъ самый спросъ на товаръ". Пальмери иллюстрируетъ свою мысль ссылками на недавнюю практику, показавшую, что возвышеніе тарифа на привозное мясо, благодаря сокращенію размѣровъ потребленія, не доставило казнѣ большей суммы противъ прежняго. Пальмери настаиваетъ также на той мысли, что съ возрастаніемъ пошлинъ увеличивается контрабанда, а это въ свою очередь вліяетъ на сокращеніе суммы общей выручки [1]).

[1]) Смотри: Saggio sulle cause e di rimedii delle angustie attuali della economia agraria in Sicilia, въ Opere, стр. 166 и слѣд.

Строгое проведеніе началъ протекціонизма было немыслимо иначе, какъ подъ условіемъ возстановленія внутреннихъ таможенъ и обособленія острова отъ прочихъ частей королевства. Но на это, разумѣется, не могло пойти правительство Обѣихъ-Сицилій. Одновременно въ общество все болѣе и болѣе проникало сознаніе, что самою природою страна предназначена къ земледѣлію, а между тѣмъ обращающихся въ ней капиталовъ не хватаетъ для утилизаціи всей способной къ обработкѣ площади; эти два обстоятельства спасли интересы фритредеровъ. Хотя экономисты обоихъ университетовъ, Скудери въ Катаніи и Санъ-Филиппо въ Палермо, и высказались первоначально въ пользу защитительныхъ пошлинъ, но вскорѣ затѣмъ они отказались отъ крайностей протекціонизма и даже сочли нужнымъ подвергнуть его строгой критикѣ. Особенно характерно въ этомъ отношеніи поведеніе послѣдняго изъ названныхъ нами писателей. Въ 1831 году онъ издаетъ свой катехизисъ или основные принципы политической экономіи, нѣсколько разъ перепечатанной съ тѣхъ поръ и сдѣлавшейся настольною книгою учащейся молодежи. Съ большой откровенностью авторъ заявляетъ въ немъ, что факты дѣйствительности убѣдили его въ ошибочности прежнихъ взглядовъ. „Болѣе подобаетъ автору открыто сознаться въ своихъ ошибкахъ и по возможности исправить ихъ, нежели упорствовать въ прежнихъ заблужденіяхъ,—пишетъ Санъ-Филиппо въ своемъ предисловіи:—вотъ почему я не только перехожу на сторону фритредеровъ, но и считаю нужнымъ подвергнуть критикѣ ученіе протекціонистовъ". Съ большою ясностью развиваетъ Санъ-Филиппо ходячія воззрѣнія Смита и Жана-Батиста Сэ, не прибавляя къ нимъ въ то же время ничего новаго. Подобно имъ, онъ доказываетъ, что запрещеніе вывозить сырье гораздо меньше содѣйствуетъ его изобилію, нежели неограниченная свобода торговли, становящаяся импульсомъ для производителей. Запрещеніе ввоза мануфактурныхъ издѣлій, создавая монополію для мѣстныхъ промышленниковъ, избавляетъ ихъ отъ необходимости заботиться о высшемъ качествѣ и дешевизнѣ товаровъ. Для націи, какъ и для частнаго человѣка, безразлично создавать богатства путемъ земледѣлія или промышленности; каждый отдаетъ предпочтеніе тому, что̀ при наименьшихъ затратахъ доставляетъ наибольшія выгоды; въ условіяхъ же Сициліи земледѣліе обѣщаетъ бо̀льшую выручку, чѣмъ обработывающая промышленность. Я не стану слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ, слишкомъ хорошо извѣстныхъ, доселѣ высказываемыхъ съ каѳедры и въ печати. Для моей цѣли достаточно было показать связь ихъ съ фактами дѣйствительности

и объяснить такимъ образомъ одновременное зарожденіе двухъ радикально противоположныхъ ученій.

Въ настоящее время я перейду къ исторіи возникновенія въ Сициліи первыхъ, не скажу соціалистическихъ, но радикально-гуманитарныхъ теченій. Ближайшій поводъ къ нимъ подалъ вопросъ о судьбѣ церковныхъ имуществъ, государственныхъ доменовъ и общинной собственности, а также объ упраздненіи особенностей дворянскаго землевладѣнія. Всѣ эти вопросы поставлены были почти одновременно вслѣдъ за принятіемъ аристократической по характеру конституціи 1812 года; но рѣшеніе ихъ отложено было на цѣлое десятилѣтіе, благодаря оппозиціи палаты пэровъ и недостаточной рѣшимости правительства. Впервые вопросъ о секуляризаціи недвижимыхъ имуществъ церкви и монастырей поднятъ былъ, въ 1813 году, Антонино Скадути Дженна, мемуаръ котораго вызвалъ цѣлый рядъ возраженій и контръ-проектовъ. Въ пользу секуляризаціи, годъ спустя, высказался и баронъ Вентура, предложившій выдѣлить изъ наличнаго имущества духовныхъ корпорацій необходимое для ихъ содержанія, послѣ чего излишекъ отданъ былъ бы небольшими участками въ долгосрочную аренду, доходъ съ которой пошелъ бы на нужды государства и на поощреніе промышленности. Общественное мнѣніе настолько было подготовлено этими мемуарами, что въ 1815 году нижняя палата высказалась въ пользу такъ-называемой ценсуаціи, т.-е. обязательнаго раздѣла церковныхъ латифундій на участки средней величины и сдачу ихъ въ наслѣдственный эмфитевзисъ. Но палата пэровъ отвергла эту реформу въ теченіе того же 1815 года. Вопросъ о судьбѣ церковныхъ имуществъ рѣшенъ былъ окончательно, какъ мы уже видѣли, не ранѣе похода Гарибальди и организаціи временнаго правительства. Проведеніе закона на практикѣ далеко не достигло той цѣли, какую ставилъ себѣ законодатель. Вмѣсто того, чтобы создать мелкую собственность, оно только перенесло въ руки свѣтскихъ магнатовъ и латифундистовъ то, чтò съ большимъ или меньшимъ правомъ считалось нераздѣльнымъ имуществомъ духовенства и бѣдныхъ. Не болѣе удачнымъ можно признать и то рѣшеніе, какое дано было вопросу о судьбѣ общинныхъ имуществъ. Еще съ конца прошлаго столѣтія итальянскіе экономисты и во главѣ ихъ Филанджіери, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру физіократовъ и практикѣ французскаго конвента, стали доказывать необходимость раздѣла общинныхъ земель въ интересахъ созданія мелкой собственности. Законодатель подчинился тому же взгляду не ранѣе 1838 года, когда Фердинандомъ изданъ былъ законъ, повелѣвшій между

прочимъ произвесть дробленіе муниципальныхъ имуществъ на мелкіе участки и сдать ихъ въ индивидуальное владѣніе жителямъ подъ условіемъ платежа неизмѣнной ренты въ пользу общины. Примѣненіе этого закона подало поводъ къ нескончаемымъ препирательствамъ, которыя нельзя считать оконченными и по настоящій день. Такъ какъ не было принято никакихъ мѣръ противъ перехода мірскихъ участковъ въ третьи руки и допущенъ былъ выкупъ ихъ въ частную собственность, то не мудрено, что въ большинствѣ случаевъ въ выигрышѣ отъ всѣхъ этихъ отчужденій оказалась сельская буржуазія. Разверстка мірскихъ земель, впрочемъ, далеко не можетъ считаться законченной. Профессоръ Сальвіоли, слѣдуя указаніямъ статистическаго бюро, говоритъ о тридцати двухъ тысячахъ гектаровъ, которые къ первому января 1893 года еще продолжали оставаться въ рукахъ общинъ.

Въ отличіе отъ того, что̀ имѣетъ мѣсто въ нашей не-черноземной полосѣ, поборниками раздѣловъ являются бѣднѣйшіе міряне; болѣе зажиточное крестьянство, изъ котораго обыкновенно вербуется сельская администрація, желало бы удержать мірскія земли за общиной, главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы снимать ихъ затѣмъ на откупъ по сходной цѣнѣ и покрывать ихъ выручкой издержки, вызываемыя мѣстными нуждами.

Изъ всѣхъ вопросовъ, поднятыхъ въ Сициліи въ 1812 и слѣдующіе за нимъ годы, ни на одномъ не сказалось въ большей степени вліяніе, пріобрѣтенное земельной аристократіей, какъ на вопросѣ о фидеикомиссахъ, или заповѣдныхъ земляхъ, не подлежащихъ свободному отчужденію на рынкѣ, не отвѣчающихъ за долги и переходящихъ изъ рода въ родъ въ предѣлахъ одной и той же дворянской семьи. Хотя большинство писателей и требовало ихъ отмѣны съ разными оговорками, какъ, напримѣръ, обезпеченіемъ старшаго въ родѣ шестой частью оставляемыхъ въ наслѣдство имуществъ, хотя въ предложенныхъ парламенту мемуарахъ не разъ ставилось на видъ, что дворянскіе фидеикомиссы—главный источникъ неравенства и крупной собственности, съ характеризующимъ ее обиліемъ заброшенныхъ или плохо воздѣлываемыхъ полей, но парламентъ не рѣшился поднять руки на дорогое дворянству учрежденіе, и позднѣйшимъ по времени экономистамъ, какъ, напримѣръ, Пальмери и Санъ-Филиппо, пришлось еще не разъ доказывать вредъ подобныхъ порядковъ, послѣдніе слѣды которыхъ исчезли не ранѣе революціи 1860 года. Всѣ эти дебаты о вредѣ крупной собственности и связанныхъ съ нею учрежденій должны были рано или поздно привлечь вни-

маніе публицистовъ Сициліи на такъ-называемый соціальный вопросъ, тѣмъ болѣе, что за два съ половиною столѣтія до нашей эры на югѣ Италіи уже возникла попытка положить конецъ неравенству и борьбѣ интересовъ самымъ широкимъ примѣненіемъ коммунистическаго принципа. Говоря это, я имѣю въ виду переворотъ, задуманный доминиканцемъ Томазо Кампанелла въ 1600 году. Благодаря недавнимъ работамъ Амабиле, мы знаемъ, что знаменитая „civitas soli“ была не однимъ философскимъ умствованіемъ ревнителя Платоновыхъ утопій, но практической программой для революціонеровъ, рѣшившихъ отложиться отъ Испаніи и создать въ Абруццахъ республику съ духовно-свѣтскою диктатурой. Неудивительно поэтому, если новыя ученія Сенъ-Симона, Овена и Фурье, имѣвшія много общаго съ мечтаніями еретическаго монаха, нашли отголосокъ и въ Сициліи, и если въ 1840 году сицилійскимъ уроженцемъ Джузеппе Корвая напечатана была (правда, за границей, въ Миланѣ) первая попытка показать, что источникомъ современныхъ нестроеній является господство плутократіи или, какъ онъ выражается, банкократіи. Эта книга, которую одинъ изъ историковъ экономическихъ ученій въ Италіи признаетъ не болѣе какъ утопіей, давала возможность познакомиться съ ученіями французскихъ и англійскихъ общественныхъ реформаторовъ, къ которымъ авторъ относился, впрочемъ, съ разборомъ и критикой.

Съ этого времени и по настоящій день въ Сициліи не возникло ни одной вполнѣ самостоятельной попытки рѣшенія соціальнаго вопроса, но ученіе Карла Маркса нашло здѣсь ревностныхъ послѣдователей, если не въ средѣ рабочихъ союзовъ, какъ ошибочно утверждали противники „fasci“, то въ средѣ учащейся молодежи, радикальной печати и журналистики. Итальянскіе и въ частности сицилійскіе экономисты,—говорилъ мнѣ профессоръ Сальвіоли,—воспитанники нѣмцевъ: одни пошли по слѣдамъ катедеръ-соціалистовъ, другіе примкнули къ ученію Маркса. Какъ и въ остальныхъ странахъ Европы, марксизмъ получилъ въ Сициліи національную окраску: провозглашая, напримѣръ, принципъ принадлежности всей земли острова государству и сдачу ея въ одно наслѣдственное пользованіе частнымъ лицамъ, одинъ изъ представителей сицилійскаго народничества, Аристидъ Батталья, старается найти этимъ порядкамъ основы въ прошломъ и связать ихъ съ тою потребностью въ болѣе интенсивной культурѣ, къ привитію которой въ Сициліи направлены были, какъ мы знаемъ, всѣ усилія законодателя въ теченіе текущаго столѣтія. Кто воздержится отъ улучшеній или

пріостановить меліорацію полей—лишается своей аренды въ пользу государства или, точнѣе, совокупности всего гражданства. Въ полномъ соотвѣтствіи съ исторической традиціей, пользованіе водами, лѣсами и пастбищами снова переходить въ руки общинъ на началахъ нераздѣльности [1]).

При всей бѣглости представленнаго очерка онъ, какъ мнѣ кажется, вполнѣ оправдываетъ тотъ взглядъ, что распространенныя въ обществѣ доктрины всегда болѣе или менѣе вытекаютъ изъ переживаемыхъ имъ экономическихъ и соціальныхъ затрудненій. Даже тогда, когда происхожденіе ихъ лежитъ за морями, они способны пустить корни, но только тѣми своими сторонами, которыя отвѣчаютъ мѣстнымъ запросамъ. Вотъ почему въ Сициліи соціализмъ не идетъ далѣе того, что̀ въ прошломъ столѣтіи обозначалось терминомъ „аграрнаго закона“, и вотъ почему Карлу Марксу довольно трудно было бы узнать себя въ теоріяхъ, провозглашаемыхъ его мѣстными поклонниками.

Максимъ Ковалевскій.

---

[1]) См. Aristide Battaglia, L'evoluzione sociale in rapporto alla proprietà fondiaria in Sicilia. Palermo, 1895, стр. 406—407.

НА ОЗЕРѢ ПРОКАЖЕННЫХЪ

ОЧЕРКЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЕКОЙ ПОЛЯРНОЙ ОКРАИНЫ.

Окончаніе.

IV *).

Новый прокаженный думалъ, что онъ одинъ живетъ и страдаетъ на озерѣ Деркатахъ. Онъ не зналъ, что недалеко отъ него живетъ другой человѣкъ, и онъ также мучится печальными думами, только не тѣми, которыя приносилъ вѣтеръ отъ могилъ прокаженныхъ, а другими, привезенными изъ далекой, южной страны. Въ двадцати верстахъ отъ него, на другомъ концѣ озера, куда онъ не заѣзжалъ и не заходилъ изъ боязни встрѣтиться съ людьми, была прелестная лужайка, заросшая густой травой, окаймленная рядами ивовыхъ кустовъ. Въ глубинѣ лужайки, подъ нависшими вершинами деревьевъ ютилась юрта. Въ ней жилъ такой же изгнанникъ, заброшенный судьбою изъ прекрасной южной страны въ глухіе лѣса Якутской земли. Цѣлый рядъ событій его предъидущей жизни привелъ его въ далекую полярную окраину Якутской земли, гдѣ существуетъ обычай отлучать отъ общества и заживо хоронить въ лѣсахъ больныхъ людей; цѣлый рядъ мучившихъ его мыслей привелъ его на пустынные берега лѣсного озера. Онъ самъ ушелъ отъ людей, въ обществѣ которыхъ жилъ; онъ искалъ уединенія въ лѣсахъ и случайность привела его въ

---

*) См. выше, сентябрь, стр. 46.

эту мѣстность, гдѣ искони жили прокаженные. Якуты, которыхъ онъ нанялъ перевезти его сюда, ничего ему объ этомъ не сказали. Онъ не былъ членомъ ихъ общества и принадлежалъ, по ихъ мнѣнію, къ такой породѣ людей, которая не боится проказы и вообще ничего не боится. Они были правы: нюча [1]), человѣкъ чуждаго имъ народа, не боялся ничего того, чего они боялись.

Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ. Жизнь его сложилась такъ, что онъ былъ выбитъ изъ колеи, прежде чѣмъ могъ оглянуться кругомъ и опредѣлить себѣ свой жизненный путь. До того времени онъ былъ слишкомъ одностороненъ и не умѣлъ вдумываться въ смыслъ жизненныхъ явленій; онъ былъ слишкомъ большой энтузіастъ и нетерпѣливо стремился дѣйствовать и проводить въ жизнь то, о чемъ онъ не имѣлъ еще времени подумать и въ чемъ еще не умѣлъ отличить правды отъ лжи. Въ полярной окраинѣ онъ не могъ дѣйствовать и не умѣлъ проводить въ жизнь то, чтѣ считалъ правдой. Вынужденное бездѣйствіе заставило его думать о томъ, чтѣ онъ считалъ правдой, истиной и чтѣ раньше принялъ на вѣру отъ другихъ. Но думать, анализировать свои взгляды оказалось труднѣе, чѣмъ дѣйствовать по уже готовымъ, принятымъ на вѣру убѣжденіямъ, и онъ пожалѣлъ о томъ, что онъ раньше много вѣрилъ, мало думалъ. Теперь столько мыслей роилось въ головѣ, столько жгучихъ, неразрѣшенныхъ вопросовъ требовало къ себѣ вниманія, а онъ не могъ найти отвѣтовъ на нихъ въ самомъ себѣ, и некому было разъяснить ему то, чего онъ не понималъ. Онъ былъ заброшенъ въ мерзлую пустыню раньше, чѣмъ онъ понялъ и уяснилъ себѣ жизнь. Раньше онъ игнорировалъ вопросы, которые ставила ему жизнь, прогонялъ сомнѣнія, по временамъ вторгавшіяся въ душу. Онъ суетился, волновался, мечталъ и воображалъ, что онъ дѣлаетъ дѣло; теперь вдругъ чувство неудовлетворенности, раньше заглушаемое фикціей дѣятельности, шевельнулось въ немъ; назрѣвшіе, неразрѣшенные вопросы встали передъ нимъ и назойливо требовали отвѣтовъ. Но все молчало въ немъ; все молчало вокругъ него, потому что тамъ, гдѣ онъ жилъ—жизни не было, людей не было, а была одна безграничная пустыня. Она казалась мертвой, и онъ блуждалъ въ ней какъ слѣпой. Но она не была мертва, она говорила уму и сердцу о многомъ. Онъ любилъ пустыню, потому что любилъ природу, которая говорила ему о его ничтожествѣ и о его величіи. Среди нея онъ

[1]) Нюча значитъ: русскій.

чувствовалъ себя ничтожной песчинкой въ морѣ жизни, но въ то же время онъ могъ обнимать ее всю своимъ умомъ. Ему казалось, что въ природѣ заключается какая-то огромная, непреложная истина, которая можетъ объяснить все, но онъ не умѣлъ ее понять и въ ней найти отвѣты на волнующіе его вопросы. Въ отчаяніи онъ перешелъ отъ вѣры къ отрицанію. Онъ убѣдилъ себя, что вся предъидущая его дѣятельность была ошибкой. Все, чѣмъ онъ мучился, во что вѣрилъ, за что готовъ былъ страдать, все не привело его ни къ чему и даже не сдѣлало лучшимъ его самого. Онъ оказался чѣмъ-то въ родѣ банкрота; онъ не сдѣлалъ никому добра и не нашелъ для самого себя удовлетворенія въ томъ, что̀ дала ему жизнь. Чего же онъ искалъ въ жизни? Ему казалось, что онъ искалъ правды и былъ неустрашимъ въ своихъ поискахъ. Но правды не было нигдѣ, а прежде всего въ немъ самомъ, а была ложь и безцѣльныя страданія. Вездѣ онъ видѣлъ несоотвѣтствіе слова съ дѣломъ, идеала съ жизнью, и пересталъ вѣрить въ самого себя, пересталъ считать себя способнымъ жертвовать всѣмъ для того, что̀ онъ называлъ истиной. Онъ впалъ въ крайность отрицанія: вѣрованія, въ которыхъ раньше онъ черпалъ отраду, сдѣлались для него источникомъ мученій; онъ не зналъ, что̀ дѣлать съ своею жизнью, въ которой не было руководящаго начала.

Не онъ одинъ переживалъ такое настроеніе въ полярной окраинѣ; его переживали и другіе люди. Тѣ же обстоятельства и событія, которыя бросили его за полярный кругъ, бросили туда цѣлую группу такихъ же нервныхъ, несложившихся молодыхъ людей, какъ онъ. Всѣ эти люди были энергичны, они чувствовали въ себѣ избытокъ силъ и хотѣли дѣйствовать, но очутились въ такомъ положеніи, что дѣйствовать не могли. Они были поставлены въ вынужденное бездѣйствіе; они задыхались въ немъ, какъ морскія рыбы задыхаются въ болотныхъ лужахъ, какъ орлы въ тѣсныхъ пещерахъ. Они не могли побороть въ себѣ потребность дѣйствовать и создавали себѣ фикціи дѣятельности и обратили всю свою энергію противъ самихъ себя. Раньше они привыкли осуждать и порицать все, что̀ считали неправдой въ общественной жизни; теперь они начали искать неправды одинъ въ другомъ. Всякій промахъ одного изъ нихъ, который въ сферѣ болѣе широкихъ человѣческихъ отношеній не обратилъ бы на себя вниманія, становился предметомъ обсужденія всѣхъ. Скоро среди нихъ возникъ свой кодексъ морали, узкой, односторонней морали угнетенныхъ и озлобленныхъ людей. Удаленные отъ источниковъ жизни, отъ кипучей дѣятельности боль-

шихъ городовъ, гдѣ они выросли, въ отдаленную окраину, они мало-по-малу прониклись мелочными интересами. У нихъ образовалось свое общественное мнѣніе, свои предразсудки, свои предубѣжденія; все это выработалось ихъ жизнью, и потому было мизерно, какъ она. Они переняли всѣ дурныя стороны маленькихъ обществъ захолустныхъ городовъ. Въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ не было простоты и душевности, потому что въ нихъ самихъ было мало простоты и много самолюбія и гордости. Среди нихъ были люди съ большими претензіями, намѣревавшіеся стать знаменитостями; были другіе, которые этихъ претензій не признавали. Это одно незначительное, само по себѣ, обстоятельство создавало много ссоръ, дрязгъ и неудовольствій среди нихъ. Случалось, что всѣ грызли одного, который сдѣлалъ или сказалъ что-нибудь, что̀ не понравилось всѣмъ; случалось, рѣже впрочемъ, что одинъ ополчался противъ всѣхъ, которые поступали не такъ, какъ ему нравилось. Добровольный изгнанникъ озера Деркатахъ, о которомъ не зналъ прокаженный, жившій въ двадцати верстахъ отъ него, принадлежалъ къ числу послѣднихъ; онъ негодовалъ на всѣхъ своихъ товарищей за то, что они поступали не такъ, какъ ему нравилось. Онъ, сомнѣвавшійся въ истинѣ всего того, чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ, видѣлъ въ поступкахъ другихъ ложь въ большей степени, чѣмъ въ самомъ себѣ. Рядъ мелочныхъ столкновеній и дрязгъ, составляющихъ обычное, неизбѣжное явленіе вынужденнаго бездѣйствія, вынужденнаго общенія съ другими, мало-по-малу ослабилъ всякую солидарность между нимъ и его товарищами. Въ одинъ прекрасный день онъ оказался всѣми отвергнутымъ. Всѣ отъ него отвернулись, онъ отвернулся отъ всѣхъ, хотя онъ не винилъ никого въ этомъ. Онъ подчинился силѣ обстоятельствъ, приведшихъ его къ разрыву сношеній съ тѣми людьми, съ которыми онъ имѣлъ столько общаго по духу, по вѣрованіямъ, по участи.

Онъ остался одинокимъ, всѣми отвергнутымъ, и радъ былъ этому потому, что онъ вѣрилъ въ цѣлительную силу страданій и думалъ, что въ одиночествѣ онъ будетъ больше страдать. Но онъ въ этомъ ошибся: въ одиночествѣ онъ страдалъ меньше, чѣмъ въ обществѣ людей, потому что онъ испытывалъ совершенно новыя чувства и наслаждался этой новизной. Онъ испытывалъ странное удовольствіе при мысли, что онъ совершенно оставленъ, покинутъ всѣми, что никто не придетъ его утѣшить въ горѣ, что всѣ бывшіе товарищи отвернутся отъ него, когда онъ пройдетъ среди нихъ оборванный, голодный, съ протянутой рукой. Думать все это было не такъ скучно, какъ выслушивать

отъ всѣхъ банальныя похвалы или изъявленія дружбы, которая существуетъ лишь на словахъ. Въ своей жизни онъ не разъ испытывалъ наслажденіе отъ всеобщихъ похвалъ, и теперь хотѣлъ испытать наслажденіе отъ всеобщаго презрѣнія. Онъ не чувствовалъ раскаянія въ томъ, что онъ порвалъ съ товарищами. Люди измѣнились въ отношеніи его, отвернулись отъ него, но ему осталась вѣчно неизмѣнная природа. Солнце ему свѣтило такъ же, какъ всѣмъ людямъ; высокое небо улыбалось ему по прежнему своей нѣжной синевой; ему привѣтливо шумѣла тайга и въ ея шумѣ слышались таинственныя пѣсни о тщетѣ всего земного и будили въ немъ желаніе перестать жить индивидуально, какъ часть, и слиться съ цѣлымъ, со всею природой, съ жизнью безбрежнаго моря лѣсовъ. Онъ поселился на озерѣ Деркатахъ, въ пустой, брошенной юртѣ; онъ бѣжалъ отъ людей, чтобы жить съ природой, облегчить свою печаль общеніемъ съ нею и попытаться узнать то, что̀ онъ не могъ узнать отъ людей. Давно уже онъ искалъ уединенія, но не могъ найти его въ пустынныхъ окрестностяхъ города, въ которомъ жилъ. А между тѣмъ тамъ, вблизи города, была большая рѣка въ красивыхъ берегахъ, тихіе заливы, скрытые въ заросляхъ, прелестные острова, посреди ея широкой стальной глади, хмурая тайга, раскинувшаяся вездѣ, куда глазъ хватитъ: отъ береговыхъ утесовъ до облаковъ горизонта,—кудрявые кусты, окаймляющіе песчаные берега свѣтло-зеленой бахромой. Было почти все то, что̀ и на озерѣ Деркатахъ. Но онъ не могъ найти полнаго уединенія вблизи города, на берегахъ широкой рѣки: кто-то будто шелъ по пятамъ его, когда онъ бродилъ по ея окрестностямъ. Это было воспоминаніе о пережитомъ въ городѣ, который былъ позади него. Онъ шелъ дальше, городъ исчезалъ изъ глазъ, но тѣнь его, казалось, неотступно слѣдовала за нимъ. „Какъ хорошо было бы здѣсь,—говорилъ онъ самому себѣ,—еслибы не было за мной этой тѣни!“ И онъ бѣжалъ изъ города и изъ окрестностей его, по которымъ, казалось, бродили тѣни пережитыхъ страданій, въ окрестности озера, скрытаго отъ людей въ глубинѣ лѣсовъ.

Тамъ онъ сливался душою съ природой. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ неподвижно подлѣ своей избушки и всматривался въ окружающую его пустыню, гдѣ на сотни верстъ вокругъ не было слѣдовъ человѣка. Онъ любилъ смотрѣть, какъ вставало солнце изъ-за лѣса и будило сонную пустыню, какъ одинъ лучъ его, подобно звону колокола, потрясалъ туманный воздухъ и наполнялъ движеніемъ и жизнью дремлющіе лѣса; какъ передъ грозою тучи неслись по небу мрачной безконечной вереницей,

въ то время, какъ тѣни ихъ ползли по землѣ, наполняя сумракомъ густыя заросли и своей темнотою какъ бы придавливали къ землѣ цвѣты и травы; какъ молнія сверкала на краю неба, и полоса дождя проносилась надъ землей; какъ выглядывало солнце изъ-за разорванныхъ тучъ, а огромная радуга обнимала озеро и отражалась въ немъ какъ въ зеркалѣ... Любилъ онъ смотрѣть, какъ заходило солнце и свѣтъ его падалъ такъ, что деревья дальняго берега то погружались въ мракъ, то сверкали въ лучахъ. Казалось, что сами деревья то горятъ, то тухнутъ, точно обмѣниваясь между собою какими-то условными знаками. Онъ жилъ въ глубинѣ лѣсовъ своимъ существомъ, своимъ тѣломъ, но душою и мыслью онъ могъ быть гдѣ хотѣлъ. Въ одинъ мигъ онъ могъ перенестись мыслью за океанъ лѣсовъ его окружающихъ, въ далекую страну, гдѣ расцвѣла его молодость, которой суждено было завянуть въ пустынной тюрьмѣ, отдѣленной отъ всего міра стѣнами лѣсовъ въ нѣсколько тысячъ верстъ. По временамъ онъ переносился мечтами за эти стѣны и жилъ душою съ дорогими существами, которыхъ онъ кинулъ на родинѣ, и со всѣми, кто борется тамъ, страдаетъ и гибнетъ... Мысли его были съ несчастными, которыхъ стонъ не доносился до него, когда онъ думалъ о нихъ; онъ страдалъ за нихъ такъ, какъ бы жилъ съ ними. Часто онъ бродилъ безцѣльно по тайгѣ, по холмамъ и лощинамъ, или лежалъ подъ кустами и глядѣлъ на небо. Людей онъ видѣлъ рѣдко; изрѣдка якуты привозили ему провизію. Они отдыхали столько, сколько нужно было для лошадей, молча пили чай и уѣзжали. Онъ не скучалъ безъ людей. Жить въ самомъ себѣ было менѣе скучно, чѣмъ жить въ обществѣ людей, которые пріѣлись другъ другу до того, что одинъ не могъ видѣть равнодушно лица другого.

Хорошо ему было жить въ пустынѣ. Пройдетъ десятки, сотни верстъ и не встрѣтитъ ни человѣка, ни человѣческаго страданія. Только тайга раскинулась большими, темными полосами отъ краевъ озера до краевъ неба. Вездѣ стояли деревья необозримыми рядами. Они ползутъ вверхъ по холмамъ, сбѣгаютъ внизъ по долинамъ, смотрятся въ тихія воды озеръ и рѣкъ, ютятся по обрывистымъ берегамъ,—кажется, что они ростутъ изъ воды.

Но и здѣсь онъ не могъ не думать о своихъ неразрѣшимыхъ вопросахъ; мысли и воспоминанія, отъ которыхъ онъ бѣжалъ сюда, казалось, слѣдовали за нимъ по пятамъ. Онъ вспоминалъ о томъ времени, когда онъ жилъ среди людей, среди шума и движенія большихъ городовъ. Развѣ тамъ онъ былъ счастливѣе, чѣмъ здѣсь? Онъ видѣлъ тамъ одни страданія. Тамъ въ органи-

зованномъ обществѣ люди страдали больше, чѣмъ здѣсь разсѣянные по лѣсамъ звѣроловы-дикари. Въ лѣсахъ звѣроловъ не знаетъ надъ собою ничьей власти, ничьего произвола, кромѣ власти природы, которая ко всѣмъ одинаково милостива, ко всѣмъ одинаково строга; здѣсь первый князь племени и послѣднiй пастухъ оленей равны фактически; здѣсь бо̀льшее равноправiе, чѣмъ въ культурныхъ странахъ, гдѣ богатство дѣлаетъ фикцiей равенство людей, провозглашенное закономъ, гдѣ господствуетъ такая утонченная безчеловѣчная жестокость въ отношенiяхъ людей между собою, о какой здѣсь не имѣютъ понятiя. Тамъ среди сытости, роскоши и довольства на каждомъ шагу попадались нищiе, голодные, обездоленные люди. Онъ видѣлъ тамъ на каждомъ шагу страданiя, ненависть, зло и слезы, и страдалъ отъ сознанiя своего безсилiя уничтожить, ослабить это зло, которое было вокругъ него въ жизни, которое было въ немъ самомъ, привитое ему воспитанiемъ, примѣрами и всѣмъ складомъ окружающей его жизни. А здѣсь какъ тихо, какъ мирно текла его жизнь! Но онъ не могъ забыть все, чѣмъ мучился раньше; по временамъ онъ вспоминалъ въ своей тихой пустынѣ о страданiяхъ людей, которыя видѣлъ онъ въ водоворотахъ жизни; ему казалось, что думать объ угнетенныхъ, голодныхъ людяхъ еще тяжелѣе, чѣмъ страдать вмѣстѣ съ ними. Въ такiя минуты онъ забывалъ самого себя, свою испорченную жизнь и проникался состраданiемъ къ массѣ незнакомыхъ ему людей, которые страдаютъ гдѣ-то далеко, въ десяти тысячахъ верстъ отъ него. Ему такъ тяжело становилось на душѣ при мысли о чужихъ страданiяхъ!.. Въ эти минуты онъ готовъ былъ отдать жизнь за то, чтобы эти страданiя прекратились или были поровну раздѣлены между всѣми людьми. Какой-то внутреннiй голосъ говорилъ ему, что никогда не будетъ на землѣ равнаго распредѣленiя радостей и горестей среди людей, и всегда одни будутъ страдать для того, чтобы другiе наслаждались. Но противъ этого все возмущалось въ немъ.

Въ скучные морозные дни, въ долгiе зимнiе вечера онъ просиживалъ у горящаго камелька далеко за полночь, не смыкая глазъ, и думалъ до головной боли или погружался въ свои всегдашнiя мечты. Все было тихо въ юртѣ, все было тихо вокругъ юрты; только дрова трещали въ каминѣ сухимъ, отрывистымъ трескомъ, и огонь нашептывалъ ему какiя-то загадочныя рѣчи. Ему казалось, что онъ не одинъ въ юртѣ, что какiя-то странныя, фантастическiя существа поселились съ нимъ въ пустынѣ, что они ютятся по угламъ юрты, стоятъ у него за плечами, подслушиваютъ его мысли, вступаютъ съ нимъ въ споры. Каждый ве-

черъ они выходили изъ своихъ угловъ, неотступно слѣдили за его мыслями и мечтами, осмѣивали его и уличали его во лжи. Въ его мечтахъ была та же двойственность, та же ложь, что̀ была въ его жизни. И въ мечтахъ онъ не былъ безкорыстенъ и не могъ отрѣшиться отъ честолюбія и эгоизма. Онъ и въ мечтахъ ничего не давалъ другимъ безъ пользы или славы для себя. Онъ не хотѣлъ простить своимъ врагамъ безъ рисовки и великодушничанья; и въ мечтахъ онъ хотѣлъ быть выше всѣхъ, быть героемъ. Онъ опьянялъ себя мечтами о своихъ высокихъ подвигахъ.

Въ зимнія ночи онъ задумчиво смотрѣлъ на засыпанную снѣгомъ землю, на синее небо, усѣянное узорами звѣздъ. Все вокругъ его юрты лежало въ оцѣпенѣніи подъ снѣгомъ: неподвижно стояли деревья подъ сверкающимъ въ лучахъ луны уборомъ инея; какъ-то сонливо мерцали на небѣ звѣзды и какъ бы нéхотя роняли на землю свои блѣдные лучи. Но вдругъ на сѣверѣ что-то вспыхивало. То зажигались огни сѣвернаго сіянія и чудное движеніе свѣта начиналось на небѣ... Небо на сѣверѣ казалось завѣшеннымъ красною занавѣсью; сквозь нее искрились звѣзды; серебряныя, золотыя, розовыя полоски то бѣгали по небу, то стояли неподвижно на одномъ мѣстѣ, подобно колоннамъ какого-то чуднаго, неземного зданія... Казалось, огненные разноцвѣтные столпы поддерживали небесный сводъ... Онъ не могъ оторвать глазъ отъ этого зрѣлища до тѣхъ поръ, пока сильный морозъ не прогонялъ его въ его мрачную юрту.

Лѣтомъ онъ проводилъ въ тайгѣ цѣлые дни и наблюдалъ жизнь въ безбрежномъ морѣ лѣсовъ. Какъ тихо было все кругомъ! Темнозеленыя лиственницы стояли какъ заколдованныя; кудрявые тальники любовно жались къ ихъ стволамъ; гдѣ-то осторожно покрикивали куропатки; бѣлки перебѣгали съ вѣтки на вѣтку. Солнце ярко освѣщало ряды ближнихъ деревьевъ и кустовъ, а вдали между стволами деревьевъ господствовалъ полумракъ, полный какого-то таинственнаго трепета, какъ подъ величественными сводами готическаго храма.

Совсѣмъ иной видъ принимали лѣса передъ грозой: они были зловѣщи и сосредоточенны. Дрожь пробѣгала по вершинамъ деревьевъ и въ листьяхъ начинался ропотъ; туча медленно вползала на небо и закрывала собою солнце; дальніе лѣса на небосклонѣ сливались въ одноцвѣтную сѣрую массу... Короткій, отрывистый громъ грохоталъ по небу и отдавался въ лѣсахъ; казалось, что земля отвѣчала ему сдержаннымъ сердитымъ гуломъ... Потомъ все стихало; съ неба спускался сѣрыми прядями дождь; дальніе лѣса кутались непроницаемымъ плащомъ тумана, исчезали въ

облакахъ дождевой пыли... Тогда ему становилось грустно; онъ жалѣлъ о томъ, что прожилъ жизнь такъ безплодно для себя и для другихъ...

... А въ другомъ концѣ озера грустилъ прокаженный совсѣмъ о другомъ. Онъ вспоминалъ свою прежнюю жизнь, родныхъ, бѣлыя ночи на промыслѣ и зимніе вечера у камелька. Онъ молилъ у судьбы хоть одинъ день этого прежняго счастья. Онъ страдалъ оттого, что онъ удаленъ отъ людей и отъ жизни, которою былъ доволенъ, которую любилъ.

Такъ жили эти два человѣка на двухъ концахъ озера Деркатахъ, не зная ничего одинъ о другомъ. Имъ казалось, что природа страдаетъ вмѣстѣ съ ними и лѣса сочувствуютъ имъ. Каждый изъ нихъ воплощалъ въ природѣ свое настроеніе и все, что его мучило...

V.

Въ одинъ пасмурный вечеръ, когда тайга мрачно хмурилась по дальнимъ холмамъ, холодныя струи воздуха темною рябью пробѣгали по тихому лону озера, надъ которымъ плыла луна, пробираясь среди загромождавшихъ небо тучъ, какъ огненная лодка среди темныхъ волнъ, прокаженный услышалъ отдаленный топотъ копытъ. По привычкѣ онъ скрылся въ юртѣ и украдкою смотрѣлъ, черезъ вынутую изъ окна раму, на опушку тайги. Топотъ приближался, и скоро онъ различилъ въ вечернемъ сумракѣ двѣ фигуры верхомъ на лошадяхъ. Онъ былъ смущенъ и взволнованъ этимъ необычнымъ появленіемъ людей въ его лѣсной тюрьмѣ. Въ это время, обыкновенно, не привозили ему продуктовъ; ими снабжала его сама природа, безъ помощи людей. Онъ ставилъ силки на утокъ между водяныхъ зарослей, металъ сѣти и добывалъ мелкую рыбу. Эта рыба казалась ему очень вкусной, потому именно, что онъ ее самъ добывалъ, и это укрѣпляло въ немъ увѣренность въ томъ, что онъ не боленъ, если онъ способенъ къ труду и можетъ себя прокормить самъ, и не нуждается въ томъ, чтобы его кормили другіе. И люди рѣдко навѣдывались къ нему лѣтомъ. Общество знало, что онъ самъ себѣ промышляетъ пищу, но не хотѣло вернуть его въ его семью, потому что обычай требовалъ, чтобы онъ страдалъ въ одиночку. Топотъ коней будилъ въ немъ старыя воспоминанія, оживлялъ въ немъ умершія надежды. Кто это ѣдетъ къ нему или мимо него? Не братъ ли его? Или, можетъ быть, въ городѣ

начальство узнало, что онъ неправильно изгнанъ изъ общества людей и посылаетъ нарочныхъ за нимъ, чтобы возвратить его роднымъ? Чуткое ухо его уловило звуки чуждой рѣчи. Это, значитъ, не якуты и не купцы, потому что купеческій трактъ лежитъ далеко въ сторонѣ отъ озера Деркатахъ, это—казаки. Онъ вышелъ изъ юрты и остановился на порогѣ. Какъ разъ въ это время выплыла луна изъ-за тучъ и облила своимъ свѣтомъ поляну, гдѣ находились ѣдущіе люди, и освѣтила ихъ лица. Прокаженный вскрикнулъ отъ изумленія: широкое лицо, обрамленное длинной окладистой бородой одного изъ людей, казалось ему знакомымъ. Это было въ полномъ смыслѣ „мерзлое лицо", какъ говорятъ якуты: бѣлое, обросшее рыжими волосами, оживленное парой сѣрыхъ, круглыхъ глазъ. Это лицо было извѣстно по всему тракту отъ Якутска до Ледовитаго моря; у всѣхъ якутовъ при видѣ его появлялась веселая улыбка на лицѣ. Человѣкъ съ „мерзлымъ лицомъ" былъ любимъ всѣми. Всѣ трактовые жители, на разстояніи 3.000 верстъ, съ нетерпѣніемъ каждый годъ ожидали появленія этого лица. Человѣкъ съ рыжей бородой былъ не кто иной, какъ купецъ Иннокентій Васильевичъ, считавшій священнымъ долгомъ угощать всѣхъ якутовъ отъ Якутска до Ледовитаго моря, истратившій на это угощеніе порядочное состояніе и теперь старающійся вернуть это состояніе обратно...

Но что̀ онъ ищетъ на озерѣ прокаженныхъ?

Лицо другого всадника было ему незнакомо. Онъ все стоялъ неподвижно, ожидая, что „мерзлые люди" проѣдутъ мимо; но они направились прямо къ его юртѣ, и онъ разсмотрѣлъ лицо другого всадника. Это былъ молодой, безусый человѣкъ, съ бѣлымъ, нѣсколько изрытымъ оспою лицомъ, въ казацкой шапкѣ. Нерѣшительно стоялъ прокаженный на порогѣ; онъ былъ несказанно радъ увидѣть людей, но не считалъ возможнымъ, чтобы люди рѣшились зайти къ нему. Въ своемъ уединеніи онъ отвыкъ отъ людей, началъ бояться ихъ и весь вздрогнулъ, когда купецъ Иннокентій Васильевичъ, по своему обыкновенію, весело разсмѣялся и крикнулъ свое обычное привѣтствіе.

— Здорово, пріятель! Каково поживаешь?

Съ низкими поклонами онъ подошелъ къ Иннокентію Васильевичу и помогъ ему сойти съ лошади. Онъ не могъ выговорить ни слова; какъ во снѣ слушалъ онъ русскую рѣчь другого всадника, обращенную къ купцу. Ему не вѣрилось, что это люди пріѣхали къ нему; ему казалось, что лѣсные призраки дурачатъ его, или что древніе шаманы, могилы которыхъ находились въ

глубинѣ лѣсовъ на деревьяхъ, вышли изъ своихъ „арангасовъ“ [1]), чтобы пошаманить и позабавиться надъ нимъ.

— Ну, дагоръ, готовь чай,—сказалъ купецъ:—мы будемъ здѣсь пить чай и отдохнемъ.

Съ этими словами купецъ вошелъ въ юрту; его молодой спутникъ послѣдовалъ за нимъ.

Иннокентій Васильевичъ представлялъ изъ себя рѣдкій, почти исчезнувшій типъ стариннаго купца. Съ малыхъ лѣтъ онъ ѣздилъ по тракту отъ Якутска до Ледовитаго океана, проводя три четверти года въ кочеваньѣ по тракту, а четверть года болѣе осѣдло въ главныхъ пунктахъ своихъ торговыхъ операцій. Въ промежутокъ времени отъ того, какъ онъ началъ торговать, и до встрѣчи съ прокаженнымъ на озерѣ Деркатахъ много перемѣнъ произошло въ пріемахъ торговли, даже здѣсь, въ полярной окраинѣ. Всѣ купцы мало-по-малу перешли отъ торговли съ инородцами въ кредитъ, на слово, къ векселямъ, заемнымъ письмамъ и другимъ лучшимъ обезпеченіямъ, чѣмъ слово; всѣ старались сокращать расходы и увеличивать доходы.

Одинъ Иннокентій Васильевичъ торговалъ по старинѣ, вѣрилъ инородцамъ въ долгъ на слово и старался увеличивать расходы, полагая, что это вызоветъ увеличеніе доходовъ, что барыши сами полѣзутъ въ карманъ, какъ было въ старину. И пріемы торговли у Иннокентія Васильевича были всѣ старинные. Пріѣхавъ къ жителямъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣла, онъ входилъ въ юрту и, не раздѣваясь, а только снявъ шапку, долго крестился на иконы; въ это время ямщики его успѣвали внести „посудину“ внушительныхъ размѣровъ, ведерную, а иногда трехведерную фляжку, и поставить ее у орона, гдѣ уже была постлана медвѣжья шкура, въ знакъ уваженія къ пріѣзжему. Хозяева приносили изъ амбара цѣлое стегно мяса и вѣшали у камина, чтобы, по растаяніи его, отрѣзать лучшій кусокъ на ужинъ знатному гостю, а нарочный якутъ садился на коня и во весь опоръ скакалъ къ окрестнымъ жителямъ, объявлять радостную вѣсть и сзывать народъ на пиръ. „Иннокентій Васильевичъ пріѣхалъ!“—раздавалось по всѣмъ ближайшимъ домамъ; якуты сѣдлали коней и спѣшили на сборный пунктъ, гдѣ уже за столомъ сидѣлъ Иннокентій Васильевичъ, хозяинъ дома и другіе „почетные люди“. Менѣе почетные гости садились на ороны у дверей и терпѣливо ожидали того чуднаго, лелѣяннаго, въ продолженіе цѣлаго года, мгновенія, когда Инно-

[1]) Aranhas—могила на высокихъ столбахъ въ воздухѣ, имѣетъ видъ лодки; въ лодкѣ лежитъ покойникъ: такъ хоронили якуты покойниковъ въ древности, до появленія русскихъ.

кентій Васильевичъ нальетъ имъ по чашкѣ водки и ласково пригласитъ ихъ выпить. Всѣ входили въ юрту отвѣшивали ему низкій поклонъ, поздравляли съ пріѣздомъ, спрашивали о здоровьѣ. Онъ лобызался со всѣми троекратно, говорилъ бабамъ двусмысленныя шутки, щипалъ за щеку грязныхъ якутятъ. Якуты пили, крякали отъ удовольствія и кланялись Иннокентію Васильевичу до тѣхъ поръ, пока принесенная ямщиками фляга не опоражнивалась, не выбрасывалась во дворъ за ненадобностью. Это былъ знакъ того, что первое угощеніе кончилось, и что въ ожиданіи второго угощенія, полагающагося по издревле заведенному этикету передъ отъѣздомъ, можно заняться дѣломъ и поторговать. Ямщики вносили тюки съ чаемъ, съ ситцемъ и съ другими товарами. Иннокентій Васильевичъ вынималъ изъ дорожнаго сундучка засаленную счетную книгу и маленькіе счеты и начиналъ торговлю. Онъ читалъ въ книгѣ сумму долга каждаго якута и принималъ въ уплату его деньги, а чаще всего лисицъ, бѣлокъ и другую пушнину. Кто исправно платилъ старый долгъ, тотъ получалъ вновь въ кредитъ до будущаго года товары на такую же или бо̀льшую сумму; кто платилъ не весь долгъ, а меньше, тотъ получалъ въ долгъ меньше; кто ничего не платилъ, тотъ не долженъ былъ получить ничего. Но дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что послѣ продолжительныхъ дипломатическихъ переговоровъ, поклоновъ и обѣщаній несостоятельныхъ должниковъ, Иннокентій Васильевичъ смягчался и отпускалъ-таки имъ въ кредитъ товары, „чтобы дать поправиться должнику, сначала поставить его на ноги, а тамъ онъ, дастъ Богъ, и расплатится“... Правда, часто Богъ давалъ поправиться несостоятельнымъ должникамъ, но бывали случаи, что они не поправлялись вовсе, и долгъ за ними пропадалъ. Но Иннокентій Васильевичъ не сердился на нихъ и во время своего проѣзда поилъ ихъ водкой, какъ и всѣхъ прочихъ состоятельныхъ должниковъ.

На слѣдующій день передъ отъѣздомъ ямщики опять вносили въ юрту новую посудину, опять сходился народъ пожелать Иннокентію Васильевичу счастливаго пути. Обыкновенно путь былъ очень счастливый, по крайней мѣрѣ Иннокентій Васильевичъ бывалъ въ очень счастливомъ расположеніи духа и насилу влѣзалъ на коня при громкихъ прощальныхъ крикахъ своихъ должниковъ.

Такъ торговалъ онъ много лѣтъ и дѣла его шли недурно. Большихъ денегъ, при такомъ способѣ торговли, онъ не наживалъ, хотя бралъ за свой товаръ втрое и вчетверо больше, чѣмъ онъ ему стоилъ, что̀, впрочемъ, было въ порядкѣ вещей въ даль-

ней окраинѣ, почти у береговъ Ледовитаго океана. Но зато онъ жилъ сыто и хорошо, принималъ у себя людей и слылъ за хлѣбосола во всей округѣ. Въ его домѣ вѣчно кушали пирогъ, вѣчно пили за чье-нибудь здоровье; то встрѣчали или провожали его самого, то его жену, то приказчика, и всякіе проводы и встрѣчи знаменовались кушаньемъ пироговъ и обильными выпивками. Иннокентій Васильевичъ возилъ много спирта, какъ всѣ купцы, но не для продажи, а для личнаго употребленія. Изъ транспорта спирта, лошадей на 30, треть выпивалась въ дорогѣ, по тракту, треть—на проводахъ и встрѣчахъ, а треть поступала въ продажу и отдавалась въ долгъ.

Годы шли, обстоятельства измѣнились, и условія торговли измѣнились. Иннокентій Васильевичъ не измѣнился, но измѣнились его должники. Старики, державшіеся старинныхъ патріархальныхъ нравовъ, поумирали одинъ за другимъ, а сыновья ихъ уже были пропитаны другимъ духомъ. Они не считали себя связанными даннымъ словомъ; мѣсто „слова" у нихъ заняли расписка, вексель. И это одно неважное, съ чисто-коммерческой точки зрѣнія, обстоятельство принесло Иннокентію Васильевичу много убытка, потому что онъ не съумѣлъ совершить операцію замѣны честнаго слова векселемъ. Въ то время какъ его заимодавцы взяли съ него векселя, онъ отъ своихъ должниковъ получалъ лишь словесное обѣщаніе заплатить въ извѣстный срокъ. Это обѣщаніе исполнялось плохо, и ему приходилось напоминать о немъ своимъ должникамъ во всякій свой проѣздъ по тракту. Кромѣ того, въ районѣ его торговыхъ оборотовъ разразился вдругъ падежъ скота, за которымъ вскорѣ послѣдовала эпидемія на людей. Отъ падежа скота у Иннокентія Васильевича пало больше ста лошадей, а отъ эпидеміи умерли самые надежные его кліенты, платившіе долгъ безъ росписокъ и векселей, и не оставили послѣ себя надежныхъ плательщиковъ. По всѣмъ этимъ основательнымъ причинамъ дѣла Иннокентія Васильевича пошатнулись, онъ не въ состояніи былъ исполнить своихъ обязательствъ, лишился кредита въ Якутскѣ, съузилъ свою торговлю, но очень мало съузилъ свой образъ жизни. Теперь, какъ и прежде, двери его дома были гостепріимно раскрыты всѣмъ и каждому; такъ же праздновали въ немъ именины всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ членовъ семьи; такъ же устроивали обычные проводы и встрѣчи. Зато Иннокентій Васильевичъ познакомился съ прелестями осѣдлой жизни и съ семейными радостями. Онъ пересталъ ѣздить въ Якутскъ за товарами, а выписывалъ ихъ черезъ коммиссіонера. Но страсть къ передвиженіямъ, къ кочевой жизни, одолѣвала его. Проведши полъ

жизни верхомъ на конѣ, или въ саняхъ въ дорогѣ, онъ не на шутку скучалъ, когда подолгу засиживался дома, и онъ придумывалъ предлоги для того, чтобы уѣхать изъ дому. Каждый годъ онъ ѣздилъ встрѣчать свою кладь верстъ за тысячу или больше отъ своего города, для того, чтобы вести торговлю по дорогѣ и не прерывать торговыхъ сношеній съ якутами. Теперь онъ тоже ѣздилъ встрѣчать свою кладь, и изъ встрѣченныхъ 20 флягъ [1]) спирта онъ уже успѣлъ выпить половину и ѣхалъ обратно домой съ такимъ разсчетомъ, чтобы успѣть выпить до города другую половину.

Въ одной юртѣ онъ встрѣтился съ урядникомъ Владиміромъ, который ѣхалъ съ почтой на сѣверъ. Когда Иннокентій Васильевичъ кончалъ посудину, между его собутыльниками якутами произошло движеніе, многіе выбѣжали на дворъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ юрту казакъ; за нимъ ямщикъ внесъ ящикъ, гдѣ была закупорена почта. Иннокентій Васильевичъ поспѣшилъ на встрѣчу земляку. Такъ какъ онъ зналъ рѣшительно всѣхъ въ Якутскѣ, то вскорѣ по генеалогическимъ даннымъ было установлено родство между нимъ и троюродной теткой урядника Владиміра. На этомъ основаніи Иннокентій Васильевичъ его обнялъ, отдалъ приказъ ямщикамъ раскупорить одиннадцатую флягу спирта и наполнить „посудину" до краевъ. По этому случаю присутствующіе якуты, собиравшіеся уѣзжать, рѣшили остаться въ юртѣ до утра и принять участіе въ выпивкѣ по поводу встрѣчи двухъ родственниковъ. За столомъ во время ужина урядникъ Владиміръ едва успѣвалъ удовлетворять любопытство Иннокентія Васильевича, насчетъ того, что̀ слышно въ Якутскѣ...

А въ Якутскѣ, передъ выѣздомъ Владиміра, было слышно о проѣздѣ „знаменитой иностранки миссъ Марксденъ"; только и разговоровъ было, что о ней. Съ энтузіазмомъ описывалъ Владиміръ самоотверженіе этой госпожи, разсказывалъ, какъ она ѣздила къ прокаженнымъ, какъ снималась въ разныхъ позахъ и костюмахъ и разсылала свои карточки для помѣщенія въ журналахъ и календаряхъ, чтобы обратить вниманіе всего міра на бѣдственное положеніе прокаженныхъ и на свою скромную миссію.

Съ изумленіемъ слушалъ Иннокентій Васильевичъ разсказы урядника Владиміра, но не соглашался съ нимъ въ его восторженныхъ отзывахъ о знаменитой иностранкѣ. Впрочемъ онъ, благодаря своему узкому умственному кругозору, не могъ оцѣнить какъ слѣдуетъ значеніе поѣздки Марксденъ. Онъ, проѣздившій

---

[1]) Плоская посудина, вмѣщающая 3 ведра.

въ своей жизни, ради куска хлѣба, десятки тысячъ верстъ по трясинамъ, болотамъ, гдѣ лошади тонули по брюхо, по скаламъ, гдѣ лошади шли дрожа всѣмъ тѣломъ, срывались, падали и убивались до смерти, онъ, проведшій жизнь въ дорогѣ въ полярную стужу, подъ снѣгомъ, дождемъ, въ вихряхъ и снѣжныхъ метеляхъ, въ тучахъ комаровъ, подъ палящими лучами солнца, вовсе не считалъ подвигомъ комфортабельную поѣздку черезъ Сибирь, при сочувствіи и помощи общества, при заботливомъ отношеніи властей. Вслѣдствіе такого склада своей души, Иннокентій Васильевичъ не раздѣлялъ восторговъ своего собесѣдника, который умилялся душой по поводу поѣздки къ прокаженнымъ знатной иностранки. Эта тэма еще не вышла изъ моды въ Якутскѣ, и Владиміръ затронулъ ее въ якутской юртѣ, за полярнымъ кругомъ. Онъ настаивалъ на томъ, что г-жа Маркседенъ первая обратила вниманіе общества на ужасное положеніе прокаженныхъ. Но Иннокентій Васильевичъ не сдавался; онъ доказывалъ, что многіе администраторы давно уже обращали вниманіе на улучшеніе быта прокаженныхъ, но что вслѣдствіе недобросовѣстнаго отношенія низшихъ чиновниковъ, врачей, фельдшеровъ, ихъ затѣи остались безплодными. Его носъ покраснѣлъ отъ выпитой водки, а лицо побагровѣло отъ оживленнаго спора. Якуты, сидѣвшіе въ юртѣ для того, чтобы пить, а не разговаривать, не понимали, о чемъ русскіе такъ горячо спорятъ, зачѣмъ они теряютъ время на болтовню, когда посудина еще не опорожнена даже до половины. По поводу этого удивительнаго обстоятельства среди якутовъ, сидѣвшихъ подальше у дверей, началось шопотомъ совѣщанье. Многіе говорили, что Владиміръ долженъ Иннокентію Васильевичу деньги и не хочетъ платить, и что тотъ распекаетъ его, прежде чѣмъ простить ему долгъ.

— Чудакъ же онъ!—говорили они:—еслибы онъ пересталъ спорить, давно бы ему Иннокентій Васильевичъ старый долгъ простилъ и, можетъ быть, еще на дорогу чего-нибудь далъ бы.

Наконецъ, одинъ почетный человѣкъ (по-якутски, бай-киги)— спросилъ спорящихъ, о чемъ у нихъ рѣчь.

Вмѣшательство третьяго лица умѣрило споръ. Иннокентій Васильевичъ разсказалъ по-якутски новости, которыя привезъ Владиміръ. Потомъ онъ налилъ рюмки и чашки водкой; якуты, сидѣвшіе у дверей, придвинулись ближе.

— Что вы все говорили про Вилюй... У насъ тоже прокаженныхъ достаточно. Нашъ одинъ улусъ содержитъ 80 человѣкъ прокаженныхъ... Развѣ намъ легко это?

— Неужели такъ много?—воскликнулъ Владиміръ.—Гдѣ же они живутъ?

Староста хотѣлъ дать объясненія, но Иннокентій Васильевичъ прервалъ его. Его осѣнила внезапная мысль.

— Хотите посмотрѣть ихъ? Раньше нѣкоторые изъ нихъ жили отсюда верстахъ въ пятидесяти, на одномъ озерѣ, въ сторонѣ отъ тракта.

Онъ обратился къ якутамъ.

— Есть, есть,—отвѣчали они. — Одинъ человѣкъ тутъ недалеко есть.

Было рѣшено отправиться утромъ налегкѣ на озеро Деркатахъ. Кладь Иннокентія Васильевича и ямщикъ съ вещами Владиміра должны были отправиться по прямой дорогѣ до слѣдующей ночевки, а они оба поѣхали чуть свѣтъ къ той же ночевкѣ въ объѣздъ по пустыннымъ окрестностямъ озера Деркатахъ, гдѣ ихъ застигла ночь какъ разъ у дома того, кого они искали.

Такимъ образомъ, Иннокентій Васильевичъ былъ неправъ, не признавая заслугъ знаменитой покровительницы прокаженныхъ. Благодаря ей, въ далекой окраинѣ, за полярнымъ кругомъ, два человѣка вдругъ заинтересовались жизнью людей, которыми до тѣхъ поръ никто не интересовался. Событіе, которое совершилось гдѣ-то далеко въ центрахъ жизни, подъ вліяніемъ чувствъ добра и состраданія, проснувшихся въ сердцѣ одного человѣка, оказало свое дѣйствіе въ десяти тысячахъ верстъ отъ этихъ центровъ жизни, въ безлюдной пустынѣ. Прокаженный озера Деркатахъ былъ обязанъ миссъ Марксденъ посѣщеніемъ двухъ русскихъ, которое его такъ взволновало.

VI.

Когда вскипѣлъ чайникъ, Иннокентій Васильевичъ заварилъ чаю, поставилъ на столъ посуду, сахаръ, сухари и пригласилъ прокаженнаго сѣсть за столъ. Тотъ повиновался автоматически; лицо его выражало удивленіе, смѣшанное со страхомъ. Въ немъ боролись противоположныя чувства, которыми онъ разучился владѣть въ своемъ уединеніи. Ни одно изъ волновавшихъ его чувствъ не могло побороть другія. Онъ не зналъ, что̀ дѣлать: благодарить ли ему русскихъ людей за то, что они заѣхали къ нему, или убѣжать въ лѣсъ и дать волю слезамъ, которыя душили его, или держать себя весело и спокойно, чтобы заставить русскихъ позабыть, что передъ ними прокаженный. Онъ робко переводилъ глаза съ лица одного гостя на лицо другого; вдругъ глаза его

встрѣтились съ глазами Владиміра. Въ нихъ свѣтилось столько состраданія и жалости, что онъ сразу сталъ довѣрчивымъ.

— Я ожидалъ встрѣтить,—сказалъ Владиміръ,—человѣка со страшнымъ лицомъ, покрытымъ струпьями, но этотъ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ якутовъ. Скажите, по какимъ признакамъ видно, что онъ боленъ этою болѣзнью?

— Я самъ не вижу въ немъ ничего особеннаго,—отвѣчалъ Иннокентій Васильевичъ.—Но разъ его поселили здѣсь,—значитъ онъ боленъ. Якуты никогда въ этомъ не ошибутся, будьте спокойны.

Но Владиміръ не былъ спокоенъ. Съ какимъ-то печальнымъ любопытствомъ онъ продолжалъ разсматривать лицо хозяина юрты.

Съ инстинктомъ травленаго звѣря угадалъ прокаженный, кто изъ двухъ гостей за него и кто противъ него. Онъ сразу прочелъ на незнакомыхъ ему физіономіяхъ все, что̀ ему нужно было знать. Онъ понялъ по выраженію этихъ физіономій, что Иннокентій Васильевичъ находитъ его пребываніе здѣсь вполнѣ естественнымъ, и потому онъ на сторонѣ общества, поселившаго его здѣсь, а молодой казакъ пораженъ тѣмъ, что видитъ въ качествѣ прокаженнаго совсѣмъ здороваго человѣка, и что онъ сомнѣвается въ томъ: правы ли тѣ, которые рѣшали вопросъ, боленъ ли онъ, —и, стало быть, сочувствуетъ ему. Онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ сочувствіемъ и разсказать незнакомому русскому про свои страданія, хотя онъ понималъ, что судьба его отъ этого нисколько не измѣнится, что онъ по прежнему останется жить здѣсь въ грустномъ одиночествѣ. Но ему ничего и не хотѣлось, кромѣ сочувствія людей. Онъ испытывалъ настроеніе, подобное тому, какое онъ испыталъ, когда его братъ обѣщалъ ему не удалять его изъ своей семьи. И онъ горячо началъ говорить все то, что̀ онъ думалъ въ своемъ одиночествѣ, и онъ говорилъ такъ хорошо, какъ будто бы думалъ вслухъ.

Онъ жилъ со своими родными и никого не трогалъ, ни съ кѣмъ не ссорился и никому не завидовалъ. Онъ не думаетъ, что онъ боленъ; если лицо его похудѣло, то это отъ тоски по людямъ, а не отъ болѣзни. Но если даже онъ боленъ, то онъ не понимаетъ, зачѣмъ общество оторвало его отъ родныхъ, которые не боялись его и хотѣли жить съ нимъ. Онъ не понимаетъ, почему всѣ прочіе люди имѣютъ право вращаться въ кругу другихъ людей, имѣютъ право ѣхать, куда вздумается, и жить, какъ имъ вздумается, а онъ одинъ не имѣетъ права на все это и долженъ жить здѣсь, вдали отъ людей. Всѣ люди имѣютъ право

думать о томъ, что они слышатъ отъ другихъ людей, а онъ долженъ думать печальныя думы и тосковать, потому что онъ никогда не слышитъ того, что̀ говорится между людьми, и не знаетъ, о чемъ думаютъ люди. Ему надоѣло жить здѣсь и все смотрѣть на кресты на могилахъ. Онъ давно ушелъ бы въ другое мѣсто, подальше, откуда не видно крестовъ, и выстроилъ бы себѣ юрту, но не хочетъ этого дѣлать, чтобы люди не подумали, что онъ считаетъ свое пребываніе здѣсь вѣчнымъ, что онъ примирился со своимъ положеніемъ. Онъ не хочетъ вѣрить, что онъ проживетъ здѣсь всю жизнь. „Развѣ у русскихъ,—спросилъ онъ, наконецъ,—также удаляютъ изъ общества въ пустыню больныхъ людей"?

Владиміръ затруднялся отвѣтить на этотъ вопросъ, но онъ чувствовалъ живое, глубокое состраданіе къ человѣку, который не можетъ примириться съ мыслью жить безъ людей и тѣмъ не менѣе принужденъ жить въ совершенномъ одиночествѣ.

Урядникъ Владиміръ принадлежалъ къ тому особенному войску, которое называется якутскимъ казачьимъ полкомъ и составляетъ что-то среднее между полиціей и войскомъ; оно обременено военной и полицейской службой и плохо обезпечено матеріально. Владиміръ учился въ прогимназіи и пристрастился къ чтенію, что̀ очень не нравилось его начальникамъ, которые были въ одно и то же время казачьими офицерами и квартальными надзирателями, въ до-реформенномъ смыслѣ. Владиміръ самъ очень затруднялся въ сношеніяхъ со своими начальниками, съ которыми онъ не зналъ какъ обращаться: уважать ли ихъ какъ офицеровъ, или презирать ихъ какъ квартальныхъ. Его смущало то обстоятельство, что онъ видѣлъ ежедневно своихъ офицеровъ расхаживающими по базару и высматривающими, что̀ плохо лежитъ, дабы дать вещи должное назначеніе. Такъ какъ Владиміръ читалъ много книгъ, и изъ нихъ вынесъ убѣжденіе, что взятки—вещь позорная, а его начальники-квартальные возвели взятку въ культъ, то это одно должно было повести къ большимъ непріятностямъ для молодого казака. Эти непріятности не замедлили случиться: за непочтительность къ квартальнымъ Владиміръ былъ разжалованъ безъ суда и слѣдствія, какъ это было вообще принято въ Якутскѣ, и посланъ въ командировку за полярный кругъ.

Раньше онъ часто слышалъ о прокаженныхъ, но никогда не видѣлъ ихъ. Онъ представлялъ ихъ себѣ чѣмъ-то въ родѣ библейскихъ прокаженныхъ: покрытыми страшными язвами, сидящими на навозѣ и черепкомъ скоблящими гной своихъ струпьевъ, подобно многострадальному Іову. Онъ былъ очень удивленъ, уви-

дѣвъ передъ собой въ качествѣ больного проказой совсѣмъ, повидимому, здороваго человѣка. Онъ былъ тронутъ разсказомъ прокаженнаго о своихъ страданіяхъ и по пылкости своей натуры принялся доказывать Иннокентію Васильевичу, что необходимо вступиться за прокаженнаго. Онъ возмущался жестокостью якутовъ въ отношеніи больныхъ проказой. Иннокентій Васильевичъ оправдывалъ ихъ тѣмъ, что они боятся распространенія болѣзни и не имѣютъ возможности гарантировать себя отъ этого иначе, какъ совершенно удаливъ больныхъ изъ общества здоровыхъ людей. Онъ былъ рѣшительно противъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла якутовъ по поводу жалобъ прокаженнаго.

Прокаженный молчалъ, пока русскіе разсуждали. Онъ очень обрадовался тому, что они рѣшили остаться ночевать у него. Онъ не рѣшался приготовить имъ ужинъ, боясь, что они побрезгаютъ его пищей. Когда лошади выстоялись, онъ вышелъ отпустить ихъ на траву и, вернувшись опять, заварилъ чай. Владиміръ вступилъ съ нимъ въ разговоръ и разспрашивалъ его о семьѣ и о прежней его жизни. Они сидѣли у ярко-пылающаго очага. Прокаженный смотрѣлъ долго на огонь грустными глазами, наконецъ лицо его оживилось.

— Позволишь ли ты,—началъ онъ, — разсказать тебѣ одну быль, которую я слышалъ отъ своего дяди. Еслибы я не жилъ здѣсь одинъ, я бы ее разсказывалъ такъ, какъ слышалъ отъ дяди, но, живя здѣсь одинъ, я часто думалъ о ней, и теперь буду разсказывать такъ, какъ я думалъ о ней. Когда вѣтеръ воетъ надъ землей, а человѣкъ одинъ слушаетъ его вой, то ему кажется, что вѣтеръ поетъ очень печальную пѣсню и заставляетъ тайгу пѣть вмѣстѣ съ собой. Раньше, когда я жилъ съ людьми, мнѣ никогда не казались его пѣсни печальными, потому что люди, съ которыми я жилъ, весело смѣялись подъ вой вѣтра и говорили веселыя вещи, у ярко горящаго огня. Теперь, когда завоетъ вѣтеръ, деревья закачаютъ верхушками и зашумятъ по холмамъ и долинамъ, мнѣ грустно становится на сердцѣ, и кажется мнѣ, что вѣтеръ поетъ похоронную пѣсню, что эту пѣсню онъ будетъ пѣть вѣчно надъ моей могилой, какъ поетъ ихъ уже давно надъ прочими могилами. Здѣсь, на холмѣ, много крестовъ; подъ каждымъ крестомъ лежитъ человѣкъ, котораго прогнали отъ себя люди, какъ меня. Но подъ холмомъ есть одна могила вовсе безъ креста. Въ ней лежитъ человѣкъ, который самъ наложилъ на себя руки, потому что онъ не могъ жить безъ людей, и не хотѣлъ жить съ людьми, которые тяжко обидѣли его... Я думаю, что на томъ свѣтѣ люди примутъ его въ

свою среду, потому что его тѣло, котораго они боялись, осталось на землѣ, въ могилѣ безъ креста... Этого человѣка звали Иванъ, и онъ былъ очень счастливъ. Отецъ оставилъ ему большое стадо коровъ, табунъ лошадей и семьдесятъ сѣтей. Онъ женился на красивой молодой дѣвушкѣ и жилъ спокойно и хорошо на большомъ рыбномъ озерѣ, гдѣ жили до него его предки. На томъ же озерѣ жилъ другой человѣкъ, богатый князь Егоръ. Когда Иванъ женился, Егоръ вдругъ позавидовалъ ему и хотѣлъ отнять у него жену, но не зналъ, какъ это сдѣлать, и никто изъ его друзей не могъ ему посовѣтовать, какъ это сдѣлать. Князь Егоръ съ тѣхъ поръ затосковалъ; другой человѣкъ былъ счастливъ, а ему это было досадно. Однажды на собраніи, гдѣ были всѣ родовичи и совѣщались о своихъ дѣлахъ, старый шаманъ Бутуляхъ очень долго и внимательно всматривался въ лицо Ивана; а на этомъ лицѣ были уже слѣды болѣзни, но не проказы, а болѣзни, которую мы называемъ итыкъ-эрытй, а вы называете золотухой [1]). Послѣ собранія Бутуляхъ подошелъ къ князю Егору и сказалъ ему на ухо: „хочешь ли ты, чтобы я тебѣ далъ совѣтъ, какъ погубить Ивана, котораго ты ненавидишь"? Егоръ обрадовался, въ ноги кланялся шаману и обѣщалъ ему за его совѣтъ подарить коня. „Вези, — сказалъ шаманъ, — Ивана къ доктору, когда онъ пріѣдетъ въ нашъ наслегъ, и покажи ему его... Онъ прикажетъ увезти его въ городъ въ больницу. Потомъ подари доктору быка, а докторшѣ лисицъ, и все тогда будетъ хорошо". Егоръ такъ сдѣлалъ, какъ совѣтовалъ шаманъ. Когда осенью поѣхалъ докторъ по наслегамъ собирать лисицъ и всякую живность, къ Ивану пріѣхалъ нарочный и позвалъ его въ тотъ домъ, гдѣ остановился докторъ. Не говоря ни слова, докторъ осмотрѣлъ Ивана, потомъ взялъ бумагу, что-то написалъ, запечаталъ и послалъ черезъ нарочнаго къ старостѣ. Тогда въ первый разъ въ жизни заныло у Ивана сердце отъ недобраго предчувствія. На слѣдующій день пріѣхалъ староста къ Ивану, показалъ ему бумагу съ печатью и объявилъ, что докторъ велѣлъ отвезти его въ городъ, въ больницу. Не хотѣлось Ивану ѣхать, но якутъ привыкъ повиноваться. Вздохнулъ тяжело Иванъ, собралъ свои вещи, простился съ женою и уѣхалъ въ городъ. Тамъ онъ жилъ въ больницѣ, принималъ противное лекарство и надѣялся скоро уѣхать домой. Но разъ вечеромъ его позвали въ аптеку. Тамъ сидѣли: докторъ, фельдшеръ и улусный писарь; его раздѣли, щупали его лицо и шею, тыкали пальцами въ грудь,

---

[1]) Рѣчь идетъ о сифилисѣ.

а потомъ долго говорили между собою; наконецъ фельдшеръ взялъ перо и бумагу и написалъ то, что̀ говорилъ ему докторъ. Опять запечатали пакетъ и послали его въ инородную управу. Въ тотъ же вечеръ стало извѣстно въ городѣ и больницѣ, что пріѣхалъ князь Егоръ и привезъ лисицъ-огневокъ въ подарокъ докторшѣ, которая, хотя была похожа на мокрую мышь, очень любила наряжаться. Когда это услышалъ Иванъ, сердце его опять заныло отъ недобраго предчувствія. Черезъ три дня пріѣхали люди отъ наслега. Они сказали Ивану, что докторъ велѣлъ везти его на озеро Деркатахъ, гдѣ живутъ прокаженные. Иванъ весь затрясся отъ гнѣва и не могъ выговорить ни слова. Но якутъ привыкъ повиноваться! Покорно отправился Иванъ изъ больницы прямо на озеро прокаженныхъ. Онъ жилъ здѣсь долго, скучалъ безъ людей, и просилъ у Бога смерти, какъ всѣ другіе, которые жили здѣсь до него. Онъ былъ хорошій промышленникъ, онъ привыкъ къ шуму лѣсовъ, къ вою пургъ, къ плеску волнъ, и не боялся хищныхъ звѣрей. Часто, въ бурю, онъ переплывалъ озерья въ маленькой, шаткой лодкѣ, и проводилъ ночи на промыслѣ тамъ, гдѣ бродили медвѣди. Раньше онъ любилъ людей; теперь онъ началъ бояться людей, когда понялъ, что люди бываютъ злѣе хищныхъ звѣрей. Но его тянуло домой, ему хотѣлось еще разъ взглянуть на свою молодую жену, и онъ рѣшилъ тайно посѣтить ее. Бодро пустился онъ въ путь къ своему дому, черезъ лѣса и болота. Въ темную, глухую, осеннюю ночь, когда небо надъ лѣсами было такъ же темно, какъ лѣса подъ небомъ, и все было тихо въ лѣсахъ, лишь кое-гдѣ раздавался крикъ сторожевыхъ гусей по озерамъ, подошелъ онъ къ своей юртѣ. Окна ея были освѣщены; снопы искръ вырывались изъ трубы. Собака узнала хозяина, ласкалась къ нему и лизала ему руки. Онъ тихо подкрался къ окну и взглянулъ внутрь юрты черезъ щель въ налимьей кожѣ, которою была обтянута рама. Въ камелькѣ ярко горѣли дрова, около камелька сидѣлъ князь Егоръ на оронѣ и курилъ трубку; рядомъ съ нимъ лежала его (Ивана) молодая жена и обнимала его голою рукою...

Когда увидѣлъ это Иванъ, въ немъ опять заныло сердце. Онъ бросился бѣжать назадъ туда, откуда пришелъ. Ему казалось, что онъ—не онъ, что кто-то другой поселился въ немъ и ведетъ его неизвѣстно куда, чтобы сдѣлать съ нимъ неизвѣстно что̀. Его собака бѣжала за нимъ... Темна была осенняя ночь, но Иванъ нашелъ дорогу въ свою юрту. Онъ самъ не зналъ, зачѣмъ онъ возвращается назадъ, а зналъ другой человѣкъ, который поселился въ немъ... Настало ясное утро послѣ темной ночи. Взо-

шло солнце надъ землею, обратило иней, лежащій на травѣ, въ росу, и разсѣяло туманъ, укрывавшій озеро въ теченіе ночи. Выступили изъ тумана берега озера и юрта, гдѣ жилъ Иванъ. Вмѣстѣ съ нею выступилъ изъ тумана трупъ человѣка, висѣвшій у крыльца на столбѣ, и собака, которая выла подъ нимъ.

Когда пріѣхали люди навѣстить Ивана, вороны уже выклевали ему глаза; они спокойно садились на голову трупа, хотя собака, бѣгавшая у ногъ его, лаяла на нихъ. Они улетѣли лишь тогда, когда увидѣли людей на опушкѣ лѣса.

Не могли долго спать русскіе люди въ домѣ прокаженнаго. Послѣ короткаго, тревожнаго сна, они проснулись рано. Когда блѣдная полоса разсвѣта опоясала край темносиняго неба и заря начала загораться надъ лѣсами, они оба осѣдлали лошадей и пустились въ дальнѣйшій путь. Прокаженный провожалъ ихъ до береговъ озера. Онъ благодарилъ ихъ за то, что они не погнушались имъ, посѣтили его, и сдѣлали этотъ день навсегда памятнымъ въ его жизни.

Этотъ же день былъ памятенъ и для другого изгнанника, жившаго на другомъ концѣ озера Деркатахъ. Въ этотъ день онъ узналъ, что вблизи него, въ тихой и мирной пустынѣ, страдаютъ люди. Купецъ Иннокентій Васильевичъ и урядникъ Владиміръ ѣхали мимо его юрты и зашли въ нее. Они ожидали встрѣтить въ ней другого прокаженнаго якута, но встрѣтили здороваго человѣка господствующей расы. По этому случаю рѣшено было сдѣлать привалъ. Всякій, кто жилъ среди инородцевъ, знаетъ, съ какимъ радушіемъ встрѣчаетъ русскій русскаго; въ особенности радостна бываетъ встрѣча земляковъ въ пустыняхъ Якутской земли. Иннокентій Васильевичъ былъ очень обрадованъ неожиданной встрѣчей, но въ то же время очень сконфуженъ и огорченъ тѣмъ, что при немъ не было „посудины“ съ водкой, чтобы выпить съ земляками по поводу счастливой встрѣчи.

— Какая обида! Какая обида! — повторялъ онъ въ смущеніи.—Второй уже разъ со мной случается подобная исторія. Въ прошломъ году тоже ѣхалъ я на встрѣчу своей клади, а спиртъ послалъ впередъ на станцію, гдѣ ожидали меня лошади и кстати знакомые якуты. И вдругъ встрѣчаю на ночлегѣ господина Иванова. Какъ увидѣлъ я его, такъ и всплеснулъ руками отъ досады: нечѣмъ было его встрѣтить, нечѣмъ проводить! А послушайте, какая оказія тутъ вышла и какъ кстати было бы имѣть съ собою водочку! Зашли мы это къ якутамъ въ юрту и

сѣли по оронамъ: я, господинъ Ивановъ и наши каюры [1]). Сзади меня оронъ весь закрытъ якутской ровдужной занавѣской, какъ это у нихъ принято. Сижу я на оронѣ въ шубѣ, а чувствую сзади въ спину страшный холодъ, точно кто-то ледъ приложилъ къ моему тѣлу. Я кутаюсь и такъ, и сякъ, а все холодно. Наконецъ не выдержалъ: „Что это за чортъ! — говорю. — Никакъ согрѣться не могу, на спинѣ и боку точно ледъ у меня лежитъ“.

— „Не ледъ лежитъ, а вѣтеръ какъ разъ вамъ въ бокъ дуетъ, Иннокентій Васильевичъ,—говоритъ одинъ изъ каюровъ.—Посмотрите, уголъ юрты совсѣмъ полый; бревна вынуты, чтобы мертвое тѣло не портилось“.—„Какое тѣло?“ спрашиваю.—„Да на оронѣ, за занавѣской, уже безъ малаго недѣля мертвая старуха лежитъ, мать вонъ этихъ парней. Не могутъ никакъ кайло разыскать, чтобы вырыть могилу. Кайло куда-то увезли, въ другой наслегъ, сами, поди, не знаютъ куда, а топоромъ-то чего выроешь въ мерзлой землѣ“?

— При первыхъ же словахъ каюра я всталъ съ орона, посмотрѣлъ за занавѣску: лежитъ тѣло, прикрытое тряпкой; босыя, синія ноги изъ-подъ одѣяла выставились. Помолился я за душу старухи, и сейчасъ это у меня потеплѣло въ боку. Тѣло само о себѣ сказывало: видно, душа бѣдной старухи въ молитвѣ нуждалась. Между тѣмъ якуты поставили на столъ угощеніе: строганину, пѣнки, сливки, все, что у нихъ есть лучшаго. Наши якуты вѣдь очень угостительные. Хоть и не лѣзла пища въ ротъ, а пришлось поѣсть, иначе обидятся, а я никого и въ малости не обижу. Ивановъ тоже закусилъ немного, а остальное каюры живо со стола смели. Поблагодарили хозяевъ, а ночевать въ другую юрту ушли. Вотъ въ этакомъ-то положеніи выпить по рюмочкѣ было бы не худо. А теперь опять выпить было бы не худо, въ честь нашей встрѣчи... Какая обида!

Такъ какъ водки не было, то пришлось удовольствоваться чаемъ. Сама природа, казалось, была противъ Иннокентія Васильевича и точно напередъ рѣшилась продолжать его разлуку съ флягами и посудинами, которыя ожидали его на ночлегѣ въ 50-ти верстахъ отъ озера Деркатахъ. Вдругъ тучи обложили небо, пасмурныя полосы дождя показались надъ дальними холмами и быстро подвигались къ озеру. Вскорѣ заморосилъ мелкій дождикъ. Нечего было дѣлать, пришлось переждать дождь на берегахъ озера; это обстоятельство весьма огорчило Иннокентія Васильевича, который уже не разъ проклиналъ себя за свою нерасторопность.

[1]) Каюръ—ямщикъ при саняхъ, запряженныхъ собаками.

Зато это обстоятельство имѣло послѣдствіемъ чрезвычайно оживленную бесѣду между тремя русскими, случайно встрѣтившимися въ пустынѣ въ глубинѣ Якутской земли. Эта бесѣда заняла весь вечеръ.

VII.

— Итакъ, вы ничего не знали о вашемъ сосѣдѣ прокаженномъ, Андрей Ивановичъ?—спросилъ Владиміръ у хозяина.—Я удивляюсь, съ какою легкостью якуты изгоняютъ людей изъ семьи, изъ общества въ необитаемыя трущобы. Страшно становится при мысли о томъ, что при рѣшеніи вопроса о болѣзни возможна ошибка и, стало быть, насиліе надъ человѣкомъ.

— Вы ошибаетесь,—сказалъ Иннокентій Васильевичъ:—якуты въ этихъ случаяхъ очень осторожны. Притомъ больные всегда сами согласны уйти отъ здоровыхъ и всегда мирятся со своимъ положеніемъ. Конечно, непріятно то, что приходится жить совсѣмъ безъ людей...

Вмѣсто отвѣта Владиміръ разсказалъ слышанную наканунѣ исторію мнимо-прокаженнаго Ивана. Долго послѣ того, какъ онъ кончилъ, господствовало молчаніе въ юртѣ. Андрей Ивановичъ задумчиво глядѣлъ на тлѣющій въ камелькѣ уголь.

— Можетъ быть и не все вѣрно въ этомъ разсказѣ,—сказалъ онъ:—но онъ несомнѣнно доказываетъ, что жизнь якутовъ въ этой полярной окраинѣ не такъ спокойна и мирна, какою я себѣ ее воображалъ. И въ ихъ жизни бываютъ вполнѣ трагическіе случаи... Вотъ что̀ я вамъ предложу, господа. Вы, Иннокентій Васильевичъ, не перестаете жалѣть о томъ, что не можете ознаменовать нашей встрѣчи выпивкой. Ознаменуемъ ее чѣмъ-нибудь, что̀ лучше выпивки, о чемъ мы всѣ будемъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ вспоминать, чѣмъ о выпивкѣ. Мы только-что выслушали разсказъ прокаженнаго, и намъ не было скучно, когда мы слушали его. Я предлагаю разогнать скуку разсказами. Пусть каждый изъ насъ разскажетъ что-нибудь... все равно что̀. Можетъ быть, разсказъ одного изъ насъ не пройдетъ безслѣдно для другихъ, какъ не пройдетъ безслѣдно для моего незнакомаго сосѣда его разсказъ, сейчасъ переданный вами. А если мы завтра же позабудемъ наши разсказы, такъ что же? Мы и безъ водки не будемъ скучать въ этотъ дождливый вечеръ и, быть можетъ, когда-нибудь вспомнимъ, какъ коротали мы дождливый вечеръ на озерѣ Деркатахъ.

Всѣмъ понравилось это предложеніе, хотя Иннокентій Василье-

вичъ не могъ не прибавить, что не худо было бы, прежде чѣмъ разсказывать разсказы, выпить по рюмочкѣ „для фантазіи".

— Кому же начинать? Конечно, Иннокентію Васильевичу, потому что онъ старше всѣхъ,—ему первое мѣсто...

— Благодарю за честь, господа! Разсказъ прокаженнаго наводитъ меня вотъ на какія мысли. Вездѣ, гдѣ живутъ люди, имъ вездѣ одинаково худо и вездѣ одинаково хорошо... Это зависитъ отъ самихъ людей. Можно себя чувствовать вполнѣ счастливымъ въ Чукотской землѣ и несчастнымъ—въ богатомъ и роскошномъ городѣ... Зналъ я, напримѣръ, одного молодого человѣка. Онъ служилъ у купца чѣмъ-то въ родѣ приказчика въ Нижне-Колымскѣ и часто разъѣзжалъ, по торговымъ дѣламъ, по тундрѣ. „Ну, какъ вамъ нравится,—часто спрашивалъ я его,—жить тутъ у насъ?" „Какая это жизнь?—говорилъ онъ въ отвѣтъ.—Только и думаю о томъ, чтобы удрать въ Якутскъ; тамъ все-таки люди живутъ, а здѣсь одни дикари". Черезъ нѣсколько лѣтъ исполнилось его желаніе: онъ уѣхалъ въ Якутскъ. Потомъ ѣздилъ онъ и дальше, торговалъ очень успѣшно, пріобрѣлъ себѣ капиталъ, разбогатѣлъ —и что же? Разъ выпивали мы вмѣстѣ въ его домѣ въ Якутскѣ. Я и спрашиваю его. „Какъ же вы себя здѣсь чувствуете: лучше, чѣмъ у насъ"? Онъ долго мнѣ не отвѣчалъ, а потомъ и говоритъ: „Если говорить правду, нигдѣ я себя такъ хорошо не чувствовалъ, какъ въ Колымскѣ; тамъ я былъ молодъ, не имѣлъ заботъ, водилъ знакомство съ дикарями, но эти дикари были простые, честные люди. А теперь у меня заботъ полонъ ротъ и вожу-то я знакомство хотя съ важными лицами, но честнаго среди нихъ и не ищи, со свѣчой не найдешь. Хорошее житье тамъ было, но теперь этого времени не вернуть! Теперь я завелъ большія дѣла и тяну лямку до конца. Единственной наградой за то, что я хлопочу и огорчаюсь двѣнадцать часовъ каждый день, служатъ мнѣ деньги. А деньги что? Ихъ съ собой въ могилу не унесешь". И правду онъ говорилъ. Слава и богатство недолговѣчны. Мало ли знаменитыхъ людей лежитъ по неизвѣстнымъ могиламъ, и потомство не знаетъ ничего о нихъ. Прошлой весной у насъ въ Средне-Колымскѣ и Нижнемъ по цѣлымъ днямъ бродилъ по кладбищамъ одинъ человѣкъ. Онъ то-и-дѣло нагибался, ползалъ по травѣ, ворочалъ упавшіе кресты; онъ разбиралъ стертыя, обросшія мхомъ надписи на плитахъ и крестахъ. Его спросили: чего онъ ищетъ; онъ отвѣтилъ, что онъ ищетъ могилы ссыльныхъ вельможъ. Но онъ не нашелъ ихъ. Были въ Колымскѣ вельможи ссыльные, но народъ не помнитъ ихъ именъ и не знаетъ, гдѣ ихъ могилы. Имена ихъ, можетъ быть, были написаны на крестахъ, но кресты

давно уже сгнили. Я помню, отецъ разсказывалъ мнѣ про одного изъ нихъ, который былъ первымъ сановникомъ въ государствѣ, а потомъ былъ сосланъ въ нашъ дикій край и терпѣлъ поруганье отъ перваго встрѣчнаго казака. Это было болѣе полутораста лѣтъ тому назадъ. Онъ поселился въ Ср.-Колымскѣ на берегу рѣчки Анкудина и занимался тѣмъ, что перегораживалъ рѣчку и ловилъ плетеными корзинами, мордами, какъ называютъ у насъ, рыбу. Это не понравилось казачьему командиру, простому уряднику, и онъ велѣлъ казакамъ разрушить загородь, которую устроилъ сановникъ своими трудами. Въ этомъ не было ни малѣйшаго смысла, потому что въ то время въ Колымѣ рыбы было пропасть, и сановникъ никому не мѣшалъ своимъ промысломъ, а жители еще ему помогали въ этомъ. Уряднику прямо хотѣлось показать свою власть и покуражиться надъ бывшимъ вельможей. Тотъ попросилъ командира къ себѣ и сказалъ ему: „Раньше я однимъ почеркомъ пера могъ бы стереть тебя съ лица земли, а теперь долженъ сносить поруганья отъ тебя. Я считаю, что Богъ сдѣлалъ тебя орудіемъ своего гнѣва, чтобы наказать меня, и я долженъ покориться его волѣ. А теперь вотъ возьми 15 рублей ассигнаціями и дозволь мнѣ запирать рѣчку Анкудинъ". Урядникъ не постѣснился взять деньги и послѣ этого не мѣшалъ сановнику въ его промыслѣ. Вотъ какія вещи бывали въ старину. Вельможа умеръ, надъ нимъ поставили деревянный крестъ. Крестъ давно сгнилъ, могила сравнялась съ землею, а потомки ссыльнаго вельможи не знаютъ, гдѣ лежатъ кости ихъ знаменитаго опальнаго предка. Всякій разъ какъ отецъ разсказывалъ мнѣ эту исторію, мнѣ становилось очень грустно на душѣ. Что̀ же осталось въ памяти потомства объ опальномъ сановникѣ?—спрашивалъ я себя. Добрыя дѣла его. Но были ли они, или нѣтъ, я не знаю, потому что я человѣкъ темный и исторіи не изучалъ. А въ простотѣ своей души я думаю, что слава и богатство—пустяки. Вы думаете, я не былъ бы богатымъ, еслибы я копилъ все, какъ другіе? Но я не могу быть богатымъ: я живу весело и беззаботно, и желаю, чтобы всѣ, съ кѣмъ я встрѣчаюсь въ жизни, жили весело и беззаботно. Я разсуждаю такъ: „Что̀ съѣлъ и выпилъ, то мое, а остальное—пустяки. А посему жалѣю, что у насъ нѣтъ ни капли благодатной влаги, чтобы развеселить душу. А межутки [1]), господа, надѣюсь имѣть васъ обоихъ своими гостями въ моемъ домѣ въ скоромъ времени.

Съ этими словами Иннокентій Васильевичъ поклонился своимъ

---

[1]) Между тѣмъ (колымское выраженіе).

собесѣдникамъ, усѣлся поудобнѣе и принялся гладить рыжую бороду.

— Теперь моя очередь,—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Не странно ли, господа, что мы здѣсь на концѣ свѣта, за полярнымъ кругомъ, разсуждаемъ о томъ, что слава, богатство, извѣстность—пустяки? Выходитъ, что для насъ дымъ—то, что для насъ недостижимо, отъ чего мы отрѣзаны поясомъ болотъ и лѣсовъ. Но и здѣсь, въ мертвой пустынѣ, живетъ надежда въ сердцѣ человѣка. Съ надеждою мы входимъ въ жизнь, и покидаемъ землю съ надеждой на лучшую жизнь за гробомъ. А между тѣмъ какъ часто приходится убѣждаться, какъ призрачны и обманчивы лучшія надежды и самыя дорогія, завѣтныя упованія людей! Мнѣ хочется разсказать въ подтвержденіе этого краткую исторію одного талантливаго юноши, хотя въ этой исторіи нѣтъ ничего необыкновеннаго,—это исторія многихъ талантливыхъ и даровитыхъ молодыхъ людей. Лѣтъ шесть тому назадъ я зналъ юношу, который удивлялъ всѣхъ окружающихъ своими способностями. Онъ жилъ на лучшей улицѣ города, но ненавидѣлъ эту улицу всею силою своей души. Онъ ненавидѣлъ ее за то, что съ утра до вечера по ней ходили и ѣздили сытые, праздные и довольные люди и, казалось, не замѣчали бѣдныхъ и несчастныхъ людей, которые кишѣли по всѣмъ прочимъ улицамъ; а если замѣчали, то проходили безучастно мимо голодныхъ, или смѣялись надъ ними. На этой улицѣ царствовала полнѣйшая праздность, и несмотря на это, всѣ тамъ были сыты и довольны, а на другихъ улицахъ люди работали до изнеможенія, а были голодны. Его, юношу, учили въ школѣ, что трудъ кормитъ человѣка, что всякій обязанъ работать для того, чтобы быть сытымъ. Въ своемъ городѣ онъ видѣлъ какъ разъ обратное этому и обращался за разъясненіемъ этого противорѣчія къ родителямъ. Его вѣчные вопросы: „отчего?“ да „почему?“ очень огорчали его добрыхъ родителей. „Потому,—отвѣчали они ему,—на нашей улицѣ всѣ сыты и довольны, что здѣсь живутъ все богатые люди: банкиры, маклеры, подрядчики, а на сосѣднихъ улицахъ живетъ голь, которая умерла бы съ голоду, еслибы наша улица не давала ей заработковъ“. Такой отвѣтъ не удовлетворялъ юношу; онъ часто бѣгалъ на улицы, гдѣ жили голодные люди, и присматривался къ ихъ жизни, хотя это ему было строго запрещено, ибо, по понятіямъ сытой улицы, посѣщать голодныхъ людей было неприлично. Съ теченіемъ времени онъ перестали огорчать своихъ добрыхъ родителей неприличными вопросами, и родители подумали, что онъ забылъ про нихъ. Онъ учился хорошо и кончилъ училище съ золотою

медалью. На сытой улицѣ по этому поводу былъ большой пиръ; сытая улица съѣла въ честь его такой обильный обѣдъ, какого хватило бы на всю голодную улицу на недѣлю. Было выпито много шампанскаго; всѣ поздравляли счастливыхъ родителей юноши и пророчили ему великое будущее. „Онъ далеко пойдетъ“, говорили всѣ. „Онъ будетъ современемъ главою банкирскаго дома“. Это было самое завѣтное желаніе добрыхъ родителей юноши. Для того, чтобы онъ исполнилъ это пожеланіе, родители отправили его въ столицу изучать коммерческія и финансовыя науки. Но у юноши не то было на сердцѣ; онъ не желалъ основывать банкирскаго дома; у него было болѣе скромное, но болѣе опасное желаніе: онъ желалъ уничтожить голодную улицу въ своемъ родномъ городѣ и желалъ учиться въ столицѣ для того, чтобы узнать, какъ это сдѣлать. Онъ началъ съ того, что всѣ деньги, которыя посылали ему на жизнь родители, отдавалъ въ пользу голодной улицы, а самъ жилъ исключительно своимъ трудомъ: давалъ уроки, занимался перепиской бумагъ; онъ самъ чистилъ себѣ сапоги, чинилъ одежду, ставилъ самовары, т.-е. дѣлалъ все то, чего не дѣлали никогда обитатели сытой улицы его родного города. Въ учебномъ заведеніи, гдѣ онъ учился, онъ поражалъ всѣхъ своихъ учителей своими способностями и успѣхами. Они возлагали на него большія надежды и ожидали отъ него въ будущемъ большихъ заслугъ въ области науки.

Посмотрите же теперь, сколько надеждъ покоилось на молодомъ человѣкѣ. Вся сытая улица его родного города надѣялась, что онъ будетъ основателемъ банкирскаго дома, который будетъ красою всѣхъ банкирскихъ домовъ; столичные профессора надѣялись на то, что онъ будетъ выдающимся ученымъ; а онъ самъ надѣялся, что въ столицѣ онъ узнаетъ все, что̀ надо знать для того, чтобы найти средство уничтожить голодную улицу, сдѣлать ее сытой... Увы! ни одной изъ этихъ надеждъ не суждено было оправдаться.

Года черезъ три послѣ полученія золотой медали, т.-е. послѣ появленія всѣхъ описанныхъ выше надеждъ, юноша умиралъ въ душной наемной комнатѣ, оклеенной мрачными обоями. Приближалась смерть, а онъ не успѣлъ еще осуществить своего завѣтнаго желанія. Обитатели голодной улицы по прежнему голодали и работали до изнеможенія для сытой и праздной улицы; имъ не стало легче отъ того, что юноша думалъ о нихъ и страдалъ за нихъ душою. Онъ не успѣлъ даже подумать о многомъ, что̀ онъ замѣтилъ въ жизни. Онъ замѣтилъ въ жизни много, о чемъ надо было серьезно подумать, но объяснилъ себѣ изъ этого всего очень мало. О томъ, что̀ онъ объяснилъ себѣ, онъ написалъ и

помѣстилъ въ журналѣ небольшую статью. Эта статья была замѣчена. Не одинъ банкиръ, перелистывая журналъ послѣ сытаго обѣда, безпокойно заметался на диванѣ, когда ему пришлось наткнуться на эту статью. О, эта статья была написана совсѣмъ не для пищеваренія! Она не возбуждала пріятныхъ чувствъ; она нагоняла тоску, потому что въ ней были описаны страданія голодной улицы. Онъ чувствовалъ глубоко то, что̀ писалъ: его статью замѣтили, на нее указали какъ на выдающуюся вещь и пророчили ему блестящее будущее, какъ писателю. Но онъ не мечталъ ни о какомъ блестящемъ будущемъ, онъ писалъ не ради извѣстности и не ради денегъ. Онъ хотѣлъ только обратить вниманіе другихъ людей на страданія обитателей голодной улицы. Статья была хорошимъ началомъ его дѣятельности, но она была и концомъ ея. Онъ не могъ работать дальше; нужно было умереть во цвѣтѣ лѣтъ и надеждъ, а голодная улица и не узнаетъ, что онъ готовился быть борцомъ за нее, и не будетъ плакать о немъ, и никто не замѣтитъ его смерти, потому что онъ не осуществилъ ничьихъ надеждъ... Умирая, онъ зналъ, что никто не замѣтитъ его отсутствія, потому что онъ еще не успѣлъ стать никому необходимымъ; можетъ быть, въ какой-нибудь газетѣ появится замѣтка о смерти автора недавно появившейся въ такомъ-то журналѣ талантливой статьи...

Андрей Ивановичъ замолчалъ.

— Что̀ же дальше?—спросилъ Владиміръ.

— Юноша умеръ, огорчилъ своихъ добрыхъ родителей въ послѣдній разъ... Имъ послали телеграмму; они пріѣхали, похоронили своего сына, поплакали о немъ, а больше о томъ, что онъ не осуществилъ надеждъ, которыя возлагала на него вся сытая улица его родного города.

— Я разскажу,—началъ Владиміръ,—одинъ случай, который пришлось мнѣ наблюдать въ моей жизни. Былъ у насъ одинъ молодой чиновникъ. Онъ былъ глупъ, велъ себя очень дурно, и никому въ голову не приходило думать, что изъ него выйдетъ какой-нибудь толкъ... Спѣшу оговориться, что подъ этимъ словомъ толкъ, прокъ и проч. у насъ разумѣютъ матеріальный успѣхъ въ жизни, а не какое-либо нравственное усовершенствованіе. Въ нашемъ городѣ, гдѣ еще господствуютъ чисто уголовные, или варнацкіе, нравы и вкусы, единственное право на уваженіе людей даетъ богатство, какими бы путями оно ни было пріобрѣтено. Всѣмъ вамъ, вѣроятно, извѣстно дѣло опаснаго бродяги Лошадкова, который пользовался большимъ уваженіемъ въ нашемъ городѣ только потому, что былъ богатъ. Вся наша знать

бывала у него въ домѣ и принимала его у себя, а съ дочерью одного извѣстнаго въ городѣ лица, бывшаго администратора, онъ былъ въ любовной связи. Всѣ съ нимъ водили хлѣбъ-соль и никто не спрашивалъ, какими путями было нажито его состояніе. Наконецъ, онъ, къ большому конфузу всей нашей знати, попался въ убійствѣ своего компаньона, съ которымъ его связывали прошлыя преступленія, и котораго онъ хотѣлъ устранить со своего пути. Онъ былъ заключенъ въ острогъ и преданъ суду. Благодаря тому, что убійство было совершено такъ ловко, что трудно было найти, такъ сказать, нити и корни и доказать его, а можетъ быть отчасти вслѣдствіе хлопотъ всей городской аристократіи, онъ былъ оправданъ мѣстными служителями Немезиды. Но увы! По жалобѣ прокурора, сенатъ кассировалъ рѣшеніе суда и закатилъ его на 17 лѣтъ на каторгу, къ вторичному конфузу всей нашей знати.

Я привелъ этотъ примѣръ для того, чтобы нагляднѣе показать вамъ, что въ нашей далекой, забытой окраинѣ право на уваженіе и почетъ даютъ только деньги. Всякій поселенецъ спиртоносъ, котораго еще вчера наказывали плетьми, нажившись на пріискахъ торговлею краденымъ золотомъ, находитъ легкій доступъ въ наше такъ-называемое порядочное общество. Деньги открываютъ ему двери всюду... Вездѣ, во всякомъ казенномъ учрежденіи вы найдете уголовныхъ ссыльныхъ; они кишатъ вездѣ въ качествѣ адвокатовъ, писцовъ, секретарей; ими держится наша адвокатура, полиція. Не думайте, что я намѣренно сгущаю краски. Мнѣ, какъ уроженцу, коренному жителю этого края, очень больно сообщать это, больно сознавать, что моя родина стоитъ такъ низко, что люди съ запятнанной честью, съ нечистою совѣстью даютъ тонъ ея общественной жизни. Чтò дѣлать!

Но возвращаюсь къ герою моего разсказа. Его звали Бухарцевъ. Родители махнули на него рукой, такъ какъ онъ ничего не дѣлалъ, а лишь пилъ и игралъ въ карты. Всѣ, кто зналъ его, считали его никуда негоднымъ малымъ, зауряднымъ пьяницей и картежникомъ. Никто не возлагалъ на него никакихъ надеждъ. Но онъ, представьте себѣ, наклеилъ всѣмъ носъ. Онъ пилъ и игралъ въ карты не спроста. При помощи нѣкоторыхъ товарищей-забулдыгъ онъ заманивалъ къ себѣ на квартиру богатыхъ якутовъ и обыгрывалъ ихъ въ штосъ, стуколку и другія игры. Азартность якутовъ въ картахъ извѣстна; а въ тѣ времена они были глупѣе и простоватѣе, чѣмъ теперь. Понятно, Бухарцевъ съумѣлъ обезпечить себѣ львиную долю въ картежныхъ выигрышахъ. Его квартира стала сборнымъ мѣстомъ всѣхъ картежни-

ковъ: въ ней шла игра по цѣлымъ ночамъ напролетъ. Года черезъ три, благодаря картежнымъ успѣхамъ, у Бухарцева завелись порядочныя деньги; поэтому онъ получилъ повышеніе по службѣ. Это былъ первый его ходъ въ жизни; онъ показалъ свои козыри и удивилъ всѣхъ своихъ партнеровъ въ жизни. Слѣдующій его ходъ былъ тоже очень удаченъ. Онъ женился на одной красавицѣ, которая была въ связи съ однимъ изъ вершителей судебъ нашего края, и женился какъ разъ въ то время, когда эта связь грозила принять нежелательный оборотъ, вслѣдствіе неизбѣжныхъ законовъ природы. Онъ покрылъ чужой грѣхъ и за это получилъ еще повышеніе по службѣ. Въ то же время онъ продолжалъ округлять свой капиталецъ картежной игрой съ якутами. Онъ служилъ на коронной службѣ до тѣхъ поръ, пока его жена могла ему протежировать. Потомъ онъ вышелъ въ отставку, прекратилъ играть и открылъ торговлю разными товарами, между прочимъ и водкой. Теперь Бухарцевъ — одинъ изъ трехъ винныхъ монополистовъ нашего города и одинъ изъ крупнѣйшихъ коммерсантовъ. Открытіе торговли и виннаго склада былъ третій искусный ходъ его въ жизни. Какъ жизнь похожа на карточную игру тѣмъ, что люди, не имѣя равныхъ правъ на всѣ ея блага, азартно гонятся за ними, вырывая другъ у друга куски посредствомъ искусныхъ ходовъ!... Что такіе ходы могутъ быть совершаемы людьми глупыми и злыми въ ущербъ умнымъ и добрымъ—мы видимъ въ жизни на каждомъ шагу. Это же доказываетъ и исторія Бухарцева. Теперь Бухарцевъ смотритъ сверху внизъ на всѣхъ, которые нѣкогда говорили, что изъ него ничего не выйдетъ. Онъ очень гордится своимъ чиновничьимъ прошлымъ; на всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ, объявленіяхъ, рекламахъ и даже вывѣскахъ онъ подписывается безъ всякой нужды: „дворянинъ Бухарцевъ". Онъ держитъ себя очень гордо и надменно со всѣми и даже совѣтникамъ правленія подаетъ только два пальца... Всѣ пресмыкаются передъ нимъ, точно никто не знаетъ какими путями онъ пріобрѣлъ себѣ богатство... Его добродѣтельная супруга стоитъ во главѣ разныхъ благотворительныхъ учрежденій и слѣдитъ за нравственностью воспитанницъ пріютовъ и другихъ женскихъ школъ.

Впрочемъ, прежніе сослуживцы Бухарцева довольны имъ: въ каждый праздникъ, когда они приходятъ поздравлять его, онъ собственноручно наливаетъ имъ по стаканчику водки... изъ собственнаго виннаго склада...

Этимъ разсказомъ урядника Владиміра окончился этотъ вечеръ на Деркатахѣ. Тучи перенеслись за озеро и исчезли за лѣсами,

окаймляющими небосклонъ. Дождь пересталъ; по прояснившемуся небу разлился серебряный свѣтъ; дождевыя капли засверкали жемчугомъ по мокрымъ листьямъ и травамъ. Все выше и выше поднималась луна на очистившемся отъ тучъ небѣ. Иннокентій Васильевичъ заторопился ѣхать въ догонку за своими флягами и посудинами. Владиміръ былъ не прочь еще побесѣдовать съ Андреемъ Ивановичемъ, но надо было спѣшить съ почтой въ городъ. Угостивъ гостей ужиномъ изъ рыбы и дичи, Андрей Ивановичъ помогъ имъ осѣдлать лошадей и простился съ ними на опушкѣ лѣса.

Странно себя чувствовалъ Андрей Ивановичъ по отъѣздѣ своихъ гостей. Онъ такъ отвыкъ отъ общества, такъ привыкъ быть наединѣ съ своими мыслями, что былъ очень взволнованъ появленіемъ людей въ его пустынѣ. Вездѣ, куда онъ шелъ, онъ видѣлъ природу, а не видѣлъ людей. Онъ видѣлъ самого себя и думалъ о самомъ себѣ, даже тогда, когда онъ думалъ о другихъ людяхъ и блуждалъ въ прошломъ разсѣянными мечтами. Когда уѣхали гости, въ ушахъ у него долго раздавались звуки ихъ голосовъ; ему казалось въ темнотѣ, что они еще сидятъ у стола и говорятъ съ нимъ. Его жизнь была такъ бѣдна впечатлѣніями, что впечатлѣнія, полученныя имъ во время бесѣды съ неожиданно посѣтившими его людьми, разстроили его не на шутку. Все, что̀ онъ слышалъ отъ гостей, онъ переживалъ еще разъ въ самомъ себѣ. Ему мерещилось въ полудремотѣ, что онъ идетъ по болотамъ и трясинамъ въ темную, глухую ночь вслѣдъ за прокаженнымъ, который идетъ провѣдать жену... Онъ точно переживалъ все то, что̀ переживалъ прокаженный, когда его собака ласкалась къ нему и лизала ему руки, въ то время, какъ его жена обнимала человѣка, бывшаго виновникомъ его несчастія. Онъ видѣлъ его, блѣднаго, съ воспаленными глазами, какъ онъ бѣжитъ назадъ, въ мѣсто своего изгнанія, по лѣсной чащѣ, которая царапаетъ его лицо и рветъ его платье; видѣлъ его, висѣвшаго у крыльца юрты на столбѣ, и воронъ, носившихся надъ его головою. Онъ воображалъ себѣ другого прокаженнаго, который живетъ недалеко отъ него, уныло бродитъ по берегамъ озера, мучается своимъ одиночествомъ... И здѣсь, въ этомъ тихомъ, мирномъ, повидимому, безлюдномъ уголкѣ безбрежной пустыни страдаютъ люди отъ несправедливости другихъ людей,—а онъ не зналъ ничего объ этомъ. Онъ все думалъ о себѣ самомъ и ни разу не подумалъ о томъ, что онъ обязанъ думать о другихъ и не забывать чужихъ страданій... А вѣдь свои страданія забываются при видѣ чужихъ страданій. Онъ не зналъ, что̀

дѣлать съ своею энергіей и силой и расходовалъ ихъ на то, чтобы копаться въ самомъ себѣ и мучиться воображаемыми страданіями. А рядомъ съ нимъ мучится другой человѣкъ дѣйствительными страданіями. Можетъ быть, въ эту минуту онъ готовится послѣдовать примѣру Ивана, исторію котораго онъ разсказалъ русскимъ людямъ. При этой мысли онъ вздрогнулъ. Ему сдѣлалось вдругъ яснымъ, что онъ ошибался, гнался за призраками, мечталъ о такихъ дѣлахъ, какихъ не былъ въ силахъ исполнить. Благодаря этому, онъ не могъ подѣлиться съ другими людьми тѣмъ запасомъ добрыхъ, хорошихъ чувствъ, какія были въ немъ, и потому онъ чувствовалъ такую тоску и неудовлетворенность. Когда въ немъ созрѣло рѣшеніе пойти къ прокаженному сосѣду, взять его къ себѣ, помочь ему и отстоять его отъ людей, которые обрекли его существованію дикаго звѣря, онъ сразу почувствовалъ облегченіе: какое-то ясное, радостное чувство завладѣло имъ. Червь противорѣчія и отрицанія и тутъ шевельнулся въ немъ. „Не будетъ ли это смѣшно, глупо?“—шепталъ ему какой-то насмѣшливый голосъ, но онъ не слушалъ его. Ему хорошо было думать, что онъ облегчитъ горе чужого ему человѣка, что съ завтрашняго дня онъ будетъ жить не только для самого себя и въ самомъ себѣ, что его жизнь получитъ нѣкоторый смыслъ, хотя не надолго. Онъ заснулъ спокойно. Во снѣ онъ мечталъ, что онъ нашелъ, наконецъ, одну изъ истинъ, которыми люди должны руководствоваться въ жизни, и понялъ, что весь смыслъ въ жизни заключается въ добрѣ, которое люди дѣлаютъ другъ другу. Ему снилось, что онъ понялъ смыслъ выраженія: „Любви хочу, а не жертвы“...

VIII.

...Слѣдующій день былъ рѣшительнымъ днемъ въ жизни прокаженнаго. Утромъ, когда онъ собирался ѣхать на озеро, смотрѣть свои сѣти, явился къ нему незнакомый русскій человѣкъ и пригласилъ его къ себѣ жить. Онъ былъ изумленъ и испуганъ этимъ предложеніемъ. Онъ подумалъ-было, что „нюча“—докторъ, котораго послало начальство, чтобы тотъ освидѣтельствовалъ его. Но почему же онъ пріѣхалъ безъ казака? доктора̀ всегда ѣздятъ съ казаками и проводниками. Впредь до выясненія себѣ личности и намѣреній русскаго, онъ держалъ себя недовѣрчиво. Потомъ, изъ дальнѣйшихъ разговоровъ, онъ убѣдился въ искренности намѣреній русскаго и почувствовалъ къ нему довѣріе.

Онъ поселился въ юртѣ Андрея Ивановича и весело принялся

за работу. Онъ ѣздилъ промышлять рыбу и утокъ и рубилъ дрова въ тайгѣ; онъ какъ будто старался доказать русскому, что онъ вполнѣ здоровъ, потому что можетъ работать какъ здоровый человѣкъ. Андрей Ивановичъ, понимавшій немного по-якутски, разспрашивалъ его о его жизни, о томъ, чтò онъ дѣлалъ и думалъ въ своемъ уединеніи. Онъ разсказывалъ ему и о своей жизни, и вообще о жизни якутовъ, и старыя легенды, слышанныя въ дѣтствѣ отъ своего дяди. Эти легенды Андрей Ивановичъ записывалъ въ свою памятную книжку.

Черезъ нѣсколько дней послѣ переселенія прокаженнаго въ юрту Андрея Ивановича, якуты привезли прокаженному пищу и оставили ее у прежняго его жилища; черезъ двѣ недѣли опять пріѣхали люди, увидѣли, что пища осталась нетронутой и подумали, что прокаженный померъ. Пока искали старосту, бывшаго гдѣ-то на сѣнокосѣ, чтобы сообщить ему эту новость, одинъ якутъ поѣхалъ къ Андрею Ивановичу и повезъ закупленную имъ у него провизію. Не доѣзжая до юрты, онъ встрѣтилъ Андрея Ивановича, прогуливавшагося на берегу озера. „Поѣзжай ко мнѣ, я скоро вернусь!“ —крикнулъ ему тотъ. Привязавъ лошадь къ столбу у юрты, якутъ вошелъ въ нее и сталъ креститься на иконы. Въ это время взглядъ его упалъ на прокаженнаго, сидѣвшаго въ углу юрты и курившаго трубку. Рука якута, поднятая для крестнаго знаменія, застыла въ воздухѣ; узкіе глаза раскрылись широко, точно хотѣли выскочить. Послѣ минутнаго остолбенѣнія онъ началъ пятиться задомъ къ двери, выбѣжалъ на дворъ, сѣлъ на коня и ускакалъ домой.

— Чтò такое? Чтò случилось?—спрашивали его домашніе, когда онъ, весь блѣдный, испуганный, соскочилъ съ запыхавшагося отъ скорой ѣзды коня.

— Я пріѣхалъ къ русскому,—отвѣчалъ онъ,—а вмѣсто него въ юртѣ сидитъ *другой*. У него огненные глаза, горятъ какъ уголь, а изо рта выходятъ искры и дымъ... Онъ, *другой*, совсѣмъ похожъ на прокаженнаго, который недавно померъ...—Якутъ ни за что не хотѣлъ произнести слово „чортъ“, за котораго онъ принялъ прокаженнаго, считавшагося умершимъ.

Въ два часа новость обошла весь наслегъ и была на пути въ другіе наслеги. Возбужденные люди разносили ее по юртамъ на взмыленныхъ отъ быстрой ѣзды коняхъ. Вездѣ по юртамъ, на рыбныхъ промыслахъ, въ урасахъ, на сѣнокосахъ, только и рѣчи, что о „другомъ“, который поселился у русскаго въ юртѣ. Это обстоятельство бросило свѣтъ на загадочнаго русскаго, поселившагося, Богъ знаетъ зачѣмъ, въ лѣсахъ, гдѣ такъ скучно и

пустынно, оставившаго городъ, гдѣ такъ весело и шумно, гдѣ каждую недѣлю ѣдятъ пирогъ, чествуя именинника, и каждый день играютъ въ карты... „Что ему надо въ лѣсахъ? Зачѣмъ онъ бросилъ городъ и пришелъ сюда?"—спрашивали себя якуты давно и недоумѣвали. Теперь ихъ недоумѣнія разсѣялись. Нюча пріѣхалъ сюда жить ради „другого, съ огненными глазами", который боится приходить въ городъ, гдѣ такъ часто звонятъ колокола и происходитъ служеніе въ церкви. Не даромъ русскій никогда не ходитъ къ попу, когда тотъ пріѣзжаетъ разъ въ годъ исполнять требы. Никто еще ни разу не видѣлъ, чтобы онъ далъ батюшкѣ хоть одинъ рубль. Всѣ удивлялись, что онъ такъ мало заботится о своей душѣ. Теперь всѣ открыли причину страннаго поведенія нючи. Это открытіе доставило якутамъ не мало удовольствія еще потому, что оно произошло въ самую скучную пору года, когда новостей и извѣстій ни откуда нѣтъ, когда улусъ отрѣзанъ отъ города непроходимыми болотами. Теперь у всѣхъ было о чемъ говорить при встрѣчахъ, между тѣмъ какъ еще недавно всѣ ограничивались лаконичными: „копсё" [1]) и „сохъ", [2]), послѣ чего обѣ стороны, вопрошающая (копсё) и отвѣчающая (сохъ), сохраняли торжественное молчаніе. Теперь же, при встрѣчахъ, не успѣвала еще одна изъ сторонъ произнести обычное: „копсё" какъ другая въ свою очередь спрашивала: „слыхалъ ты про русскаго"? Хотя первая сторона слыхала объ этомъ уже не одинъ разъ, но она спѣшила отвѣтить: „сохъ", чтобы имѣть удовольствіе еще разъ выслушать разсказъ о „другомъ", который поселился въ домѣ русскаго. „Зачѣмъ онъ, „другой", принялъ образъ прокаженнаго, который померъ?"—дополняла одна изъ сторонъ свои свѣдѣнія. А что прокаженный померъ—въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Гдѣ же это видано, чтобы якутъ оставилъ неприкосновенною пищу, которую ему даютъ. Такого чуда у нихъ въ наслегѣ еще не бывало. Но трупа прокаженнаго не оказалось въ юртѣ? Такъ что же! онъ умеръ въ тайгѣ, а „другой" похитилъ у него его образъ.

Такъ волновался наслегъ въ самое скучное время года, и ему было суждено волноваться еще долго. Многіе изъ любопытныхъ разъѣзжали вокругъ юрты русскаго, но не рѣшались заѣхать къ нему, чтобы запастись матеріаломъ для дальнѣйшихъ разоблаченій. Повѣсть о появленіи „другого" въ домѣ нючи оставалась неконченной, но всѣ были увѣрены, что продолженіе послѣдуетъ, и оно послѣдовало въ скоромъ времени. Русскій поѣхалъ въ гости, вмѣстѣ съ „другимъ", къ ближайшимъ своимъ

[1]) Говори.
[2]) Нѣтъ.

сосѣдямъ, верстъ за 25. Они вошли въ юрту дверью, а такъ какъ дверь была крохотная, то бѣжать хозяевамъ не удалось. Всѣ присутствующіе приготовились къ бѣгству при появленіи русскаго, но должны были остаться и убѣдились, что у „другого" нѣтъ огня въ глазахъ и во рту. Всѣ начали присматриваться къ нему, осмѣлились до того, что начали дотрогиваться руками до его рукъ и платья, и, наконецъ, убѣдились, что „другой"—живой человѣкъ, прокаженный, котораго всѣ считали умершимъ. Удивленіе всего наслега возросло до послѣднихъ предѣловъ, когда русскій поѣхалъ вмѣстѣ съ прокаженнымъ къ старостѣ, и убѣждалъ его поселить прокаженнаго въ прежнемъ мѣстѣ его жительства, вблизи его семьи.

Староста боялся русскаго, потому что считалъ его богатымъ и знатнымъ, и не прочь былъ сдѣлать по его желанію, но онъ боялся нарушить обычай старины, и не зналъ, какъ ему быть. Онъ долго сидѣлъ въ раздумьѣ, потомъ всталъ и нѣсколько разъ поклонился Андрею Ивановичу.

— Нюча, — сказалъ онъ: — благодарю тебя за то, что ты хорошо и просто обращаешься съ нами. Мы, якуты, не привыкли, чтобы русскіе люди были къ намъ добры. Прежде, бывало, знатные люди, пріѣзжавшіе изъ Россіи, только и знали, что брать съ насъ мѣха и деньги; потому и вошло у насъ въ обычай дарить лисицъ, куницъ и бобровъ пріѣзжимъ чиновникамъ. Теперь, правда, многіе чиновники отказываются брать подарки отъ насъ только за честь, которую они оказываютъ намъ своимъ посѣщеніемъ. Но не дѣлаютъ ли они это съ тѣмъ, чтобы потомъ взять съ насъ еще больше, чѣмъ мы теперь даемъ добровольно? Хоть ты не чиновникъ, но по всему видно, что ты знатный человѣкъ: руки у тебя бѣлыя и въ твоей юртѣ столько книгъ, сколько мнѣ ни разу не доводилось видѣть ни у одного исправника. А я сколько ихъ видѣлъ, слава Богу. Притомъ, ты былъ въ томъ городѣ, гдѣ живетъ самъ царь. Стыдно мнѣ будетъ не угодить тебѣ и не исполнить твою просьбу. Но позволь мнѣ тебѣ сказать, что не отъ меня вышло это распоряженіе увезти этого человѣка на озеро Деркатахъ. Это рѣшилъ весь наслегъ, старые, почетные люди. Они всѣ боятся, чтобы отъ него не заразились другіе. Значитъ, были такіе случаи въ старину, что отъ одного больного заражались всѣ, коли искони такъ ведется, что прокаженныхъ отдѣляютъ отъ здоровыхъ, и никто съ ними не живетъ и не говоритъ. Они сами добровольно уходятъ въ лѣса, гдѣ нѣтъ людей, и не жалуются на свою судьбу. Этотъ первый не хотѣлъ уѣхать жить туда, гдѣ ему назначилъ наслегъ, и его

увезли насильно. Теперь они всѣ будутъ бунтовать, когда увидятъ, что русскіе люди вступаются за нихъ. По-моему, выходитъ такъ: кто вступается за нихъ, тотъ пусть и кормитъ ихъ. Ты просишь, чтобы этого человѣка поселили около его родныхъ. Я поговорю со всѣми нашими стариками. Можетъ быть, ради тебя, они согласятся. Но кто же его кормить будетъ, когда онъ еще больше заболѣетъ?

— Онъ самъ въ состояніи прокормить себя пока, — возразилъ Андрей Ивановичъ.—Я помогу ему на первыхъ порахъ, и братъ его будетъ ему помогать. Поселите его на прежнее мѣсто, вблизи его родныхъ. Онъ будетъ жить только съ ними. А кто его боится, тотъ пусть не имѣетъ съ нимъ никакого дѣла.

— Если онъ заболѣетъ и не сможетъ работать, все равно придется помогать ему всѣмъ наслегомъ, потому что братъ его бѣденъ. Если ты ему дашь денегъ, онъ ихъ истратитъ и сядетъ на шею общества. Дай лучше эти деньги обществу, и оно согласится на все, что̀ ты просишь.

Андрей Ивановичъ согласился; у него было немного денегъ, припасенныхъ на дорогу въ Россію. Онъ рѣшилъ отдать ихъ якутамъ.

Черезъ нѣсколько дней всѣ переговоры были кончены. Пріѣхалъ за прокаженнымъ братъ и увезъ его къ себѣ.

— Спасибо, тойонъ [1], — говорили они оба, прощаясь. — Мы не забудемъ тебя и разскажемъ нашимъ дѣтямъ о тебѣ.

Деньги, которыя Андрей Ивановичъ далъ обществу за освобожденіе прокаженнаго изъ лѣсной тюрьмы, пошли, какъ слышно въ уплату ясака за весь наслегъ.

На слѣдующій годъ въ далекую полярную окраину проникли слухи о томъ, что власти заботятся о судьбѣ прокаженныхъ и принимаютъ мѣры къ улучшенію ихъ быта, что для нихъ собираютъ пожертвованія, а въ Вилюйскѣ строятъ для нихъ дома и церковь. Эти слухи отразились на положеніи прокаженныхъ въ тѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ, которыхъ не коснулись никакія мѣры къ улучшенію ихъ быта, и якуты начали относиться менѣе жестоко къ отверженнымъ людямъ.

Озеро Деркатахъ опустѣло; юрты прокаженныхъ разрушились; тропинка, протоптанная отъ юртъ къ озеру, заросла травою; погнили и упали кресты на могилахъ. Андрей Ивановичъ уѣхалъ на родину...

А. К.

---

[1]) Господинъ.

ПО ДЕРЕВНЯМЪ

Изъ замѣтокъ „эпидемическаго" врача.

I.

„Предъявитель сего, эпидемическій врачъ NN, имѣетъ право на взиманіе трехъ лошадей для разъѣздовъ по дѣламъ службы, что̀ Х. земская управа удостовѣряетъ", и т. д., т. д.

— Можете получить! — сказалъ секретарь земской управы, вручая мнѣ вышеизложенную бумагу.—И пожалуйста поспѣшите, потому что мухояровскій земскій врачъ забомбардировалъ насъ просьбами. Должно быть, сильно тамъ...

Съ бумагой въ рукахъ я вышла изъ управы на пустынную площадь городка. Видъ былъ скучный, зимній, непривѣтливый; вся площадь была забаррикадирована сугробами, среди которыхъ кое-гдѣ, для надобностей обывателей, были протоптаны узенькія тропинки; дома имѣли нахмуренный, недовольный видъ.

И повсюду мертвая тишина и безлюдье; отчаянная скука висѣла надъ городомъ, и только черныя фигуры монаховъ безшумно скользили тамъ и сямъ по тропинкамъ, придавая впрочемъ еще болѣе траурный оттѣнокъ окутанному въ бѣлый саванъ городу.

Столкнувшись съ однимъ изъ монаховъ на тропинкѣ, я спросила его, какъ мнѣ найти земскую станцію. Монахъ, повидимому, обрадовался случаю поговорить и съ большимъ оживленіемъ, весьма обстоятельно и долго объяснялъ мнѣ дорогу. Поблагодаривъ его, я торопливо пошла по указанному направленію. Мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе уѣхать изъ этого мертваго города

къ мѣсту своего назначенія, въ село Мухоярово, куда я была приглашена на помощь земскому врачу въ борьбѣ съ дифтеритомъ. Насколько была сильна эпидемія, никто хорошенько не зналъ здѣсь, въ городѣ, но, судя по тревожнымъ сообщеніямъ мухояровскаго врача, нужно было предполагать, что работы предстоитъ порядочно. И раздумывая обо всемъ этомъ, я испытывала сложное чувство,—вѣроятно, хорошо знакомое всѣмъ, кому случалось ѣздить на эпидеміи. Было какъ-то и жутко, и нетерпѣніе разбирало какъ можно скорѣе очутиться на мѣстѣ и собственными глазами удостовѣриться въ размѣрахъ бѣдствія, и въ то же время ощущался какой-то подъемъ духа, приливъ силъ, являлась необычайная жажда дѣятельности... Казалось, что все для тебя возможно; что стоитъ только тебѣ взяться за дѣло, и эпидемія прекратится... а тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ души, сидитъ и гложетъ скверная мысль: „а ну, какъ и самъ останешься на мѣстѣ"?... Нѣчто подобное, я думаю, испытываютъ люди, идущіе въ бой, и мнѣ кажется, къ этому чувству нельзя привыкнуть. Послѣ, въ самомъ разгарѣ дѣла, оно притупляется, — некогда копаться въ себѣ, но передъ тѣмъ, хочешь не хочешь, а непремѣнно чувствуешь себя взвинченнымъ...

Земская станція оказалась въ довольно грязномъ и ветхомъ двухъ-этажномъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ котораго былъ трактиръ и постоялый дворъ. Грязный дворъ былъ весь заставленъ санями, лошадьми, бочками, ящиками. По скрипучей лѣсенкѣ я поднялась въ верхній этажъ, прошла дребезжащую подъ ногами галерейку, черезъ которую тянулись веревки, увѣшанныя разнымъ тряпьемъ, и отворила дверь въ большую комнату, разгороженную красной ситцевой занавѣской пополамъ. Убранство комнаты было обычное для уѣздныхъ станцій: клеенчатый диванъ въ стилѣ двадцатыхъ годовъ, неопрятная постель, большой сосновый столъ, покрытый клеенкой, топорные стулья, на стѣнахъ почтовыя правила, образа и неизбѣжные слѣды отъ клоповъ. Въ комнатѣ никого не было, такъ что я должна была покашлять и постучать ногами; тогда изъ-за занавѣски появился молодой человѣкъ, вытирая на ходу масляныя губы рукой и что-то прожевывая.

— Лошадей мнѣ,—сказала я, подавая ему бумагу.

Молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ испугомъ поглядѣлъ на меня, потомъ на бумагу, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, перевернулъ наизнанку и вздохнулъ:—О, Господи!

— Вамъ когда же надо?

— Сейчасъ.

— О, Господи!.. Тройку?

— Вѣдь вы прочли тамъ!

— Такъ-съ... Извольте росписаться.

Я росписалась и, выходя, слышала: „Ни днемъ, ни ночью, ни днемъ, ни ночью,—пожрать тебѣ не дадутъ,—о, Господи"!..

Недалеко отъ земской станціи, я увидѣла кучку народа, собравшуюся вокругъ мужицкихъ саней, запряженныхъ тощею лошаденкой. Мнѣ захотѣлось посмотрѣть, чтò заинтересовало обывателей этого мертваго города, и я подошла ближе.

— Чтò это здѣсь такое?

— Да, вотъ, мужикъ волкá убилъ.

На саняхъ лежалъ огромный, красивый волкъ, вытянувъ застывшія лапы и оскаливъ великолѣпные бѣлые клыки. Его полуоткрытые мертвые глаза укоризненно смотрѣли на толпу; на пушистой мордѣ запеклась кровь. Мнѣ почему-то вспомнился Щедринскій волкъ... Лошаденка пугливо подрагивала ушами; около нея терпѣливо похаживалъ рваный мужиченко—герой событія.

— Чѣмъ же ты его убилъ?

— А коломъ!

— Въ земство повезешь?

— Въ земство. Баютъ, деньги за него даютъ.

Публика, налюбовавшись на мертваго красавца-хищника, стала расходиться. Пошла и я къ себѣ въ гостинницу, собираться въ дорогу.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ я уже выѣзжала изъ города на тройкѣ довольно приличныхъ лошадей, въ огромныхъ саняхъ, заваленныхъ соломой. Когда мы отъѣхали отъ гостинницы, земскій староста, все время бѣжавшій около саней и дѣлавшій разныя наставленія ямщику, вдругъ сдѣлалъ умильную физіономію и, нагнувшись ко мнѣ, таинственно проговорилъ:

— А что, сударыня, позволите женщину съ собой посадить?

— Какую женщину?

— Да, тутъ одна...—замявшись, сказалъ староста.—По этапу она пересылается... на родину... Ужъ позвольте, сударыня!.. Лишней подводы-то нѣту, разгонъ большой,—загоняли совсѣмъ, а тутъ она, шкура, навязалась... Ужъ сдѣлайте ваше одолженіе! Разгонъ!.. А она тутъ гдѣ-нибудь на тычочкѣ сядетъ. Вы не извольте безпокоиться... она на тычочкѣ!..

Я согласилась. Староста крикнулъ что-то ямщику, а самъ побѣжалъ на станцію. Ямщикъ во весь духъ погналъ лошадей, и мы, гремя колокольцами, сломя голову понеслись по тихимъ городскимъ улицамъ. Но когда послѣднія строенія остались за

нами и впереди забѣлѣла снѣжная пустыня, ямщикъ остановилъ лошадей и оглянулся.

— Ну, чего же они тамъ копаются? Жди ихъ! — ворчалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ санямъ подбѣжалъ запыхавшійся староста, таща за собою какую-то жалкую фигуру, въ рваномъ лѣтнемъ „дипломатѣ", съ остатками какихъ-то модныхъ украшеній, въ ситцевомъ грязномъ платкѣ и стоптанныхъ полусапожкахъ, одѣтыхъ чуть не на босую ногу. Дрожа отъ холода, она силилась засунуть красныя, озябшія руки въ короткіе рукава „дипломата", и ея молодое, но изможденное лицо носило смѣшанное выраженіе тупой покорности и привычнаго страданія. Это и была — „шкура"...

— Ну, вотъ... иди, садись! — строго сказалъ староста, подталкивая ее локтемъ. — Вотъ, на краешекъ, на чемоданъ-то садись, да смотри, барыню у меня не безпокой. Эхъ, лохудра!.. Ну, сѣла, что-ль?

— Ничего... — хриплымъ шопотомъ отвѣчала несчастная, скорчившись на краешкѣ моего чемодана и снова запихивая руки въ рукава.

— Ну и ладно. Трогай, Сидоръ! Счастливо оставаться, сударыня, покорно васъ благодаримъ... Смотри, Сидоръ, чтобы все какъ слѣдуетъ!..

Сидоръ присвистнулъ, взмахнулъ кнутомъ, и мы понеслись по гладкой, широкой, уѣзжанной дорогѣ. Скоро покинутый нами городъ слился въ какую-то сплошную снѣжную кучу, и вокругъ насъ развернулась сверкающая снѣжная равнина. Въ городѣ казалось тепло и тихо, но здѣсь насъ сразу охватило рѣзкимъ холодкомъ открытаго поля. Язвительный вѣтерокъ пощипывалъ носъ и щеки, забирался подъ воротникъ, въ рукава; снѣжная пыль иголками стрекала лицо. Спутница моя вся съёжилась, и зубы ея выбивали мелкую дробь. Я обратилась къ ней:

— Холодно вамъ?

— Не... ничово...

— Вотъ, возьмите у меня плэдъ, окутайтесь.

— Нѣтъ... не надо.

— Какъ не надо? Замерзнете... Возьмите! Да садитесь поближе ко мнѣ, теплѣе будетъ.

— Не-на-до... — еле вымолвила бѣдняга.

Ямщикъ, замѣтивъ нашу возню, пріостановилъ лошадей и обернулся къ намъ.

— Чего она? Ты чего? Холодно, что-ль?

— Ноги... вотъ...

— Ну, такъ чего-жъ ты ломаешься? Бери, что барыня-то даетъ, да въ солому хорошенько ноги-то зарой. Слышишь, что-ль?

Его окрикъ подѣйствовалъ на мою спутницу убѣдительнѣе, чѣмъ просьба. Она взяла плэдъ и окоченѣвшими руками стала натягивать его себѣ на плечи. Но руки плохо слушались ее; Сидоръ глядѣлъ-глядѣлъ, слѣзъ съ козелъ и принялся укутывать бѣднягу. Общими силами мы укрыли ее, подтыкали со всѣхъ сторонъ, и сверху Сидоръ еще набросилъ свой зипунъ, лежавшій у него подъ сидѣньемъ.

— Ну, вотъ, теперь ладно будетъ!—одобрилъ онъ.—Теперь не околѣешь, а то еще... отвѣчай за тебя! Эхъ ты, бо́сая команда!—съ презрительнымъ сожалѣніемъ добавилъ онъ.

— Ты откуда?—спросила я свою спутницу.

— Я... здѣшняя... Въ Ростовѣ жила...—неохотно сказала она.

— На мѣстѣ?

— Да... нѣтъ...—неопредѣленно отвѣчала спутница. Потомъ, помолчавъ, быстро проговорила:—Безпаспортная я,—и угрюмо отвернулась въ сторону.

Я больше не стала ее разспрашивать, да и о чемъ? Вся грустная повѣсть ея и безъ вопросовъ была ясна... Нужда, безхлѣбье погнали ее изъ родной деревни въ городъ искать счастья; тамъ мыканье по мѣстамъ, городскіе соблазны, какой-нибудь лабазный Донъ-Жуанъ, паденіе и обманъ; потомъ улица и трактиръ, сивуха и ночлежный домъ, и т. д., и т. д., вплоть до полицейскаго участка и этапа... И вотъ теперь она, въ своихъ городскихъ лохмотьяхъ, съ разъѣденною всякими нечистями душой, больная, опустившаяся, излѣнившаяся, возвращается „домой", гдѣ о ней, можетъ быть, мать или отецъ давно уже отслужили панихидку, и, дрожа отъ внутренняго и внѣшняго холода, съ ужасомъ всматривается въ унылую мутную даль, не предвѣщающую ей въ будущемъ ничего хорошаго...

А мы мчались все впередъ и впередъ. Вотъ въ сторонѣ вырисовался смутный силуэтъ церкви, зачернѣли вѣтряки, молоденькій лѣсокъ черною каймою опоясалъ засыпанный снѣгомъ оврагъ. Спутница моя вдругъ вздрогнула, завозилась и стала всматриваться въ плывшее мимо насъ село.

— Этъ наше... вона...—пробормотала она съ видимымъ волненіемъ.—И церква наша...

— Аль узнала?—сказалъ Сидоръ, оборачиваясь къ ней.

Она молчала и затуманившимися глазами долго смотрѣла на родное село.

II.

Уже смерклось, когда Сидоръ сказалъ: — А вонъ и Мухоярово! — Въ мутно-бѣломъ сумракѣ зимняго вечера что-то зачернѣлось; нырнулъ огонекъ, другой, третій... запахло дымомъ и навозомъ.

— Васъ куда прикажете доставить, — въ больницу прямо, аль на станцію?—спросилъ Сидоръ.—А то ежели въ больницу, такъ вотъ она! — прибавилъ онъ, указывая на рядъ огоньковъ, мерцавшихъ сквозь обнаженныя вѣтви деревьевъ.

Мнѣ казалось неловкимъ сразу, со всѣми своими пожитками, нагрянуть къ доктору, и я велѣла ѣхать на станцію. Сидоръ свистнулъ, и мы во всю прыть, съ громомъ, звономъ, понеслись по селу, и какъ бѣшеные ворвались во дворъ почтовой станціи, освѣщенный фонаремъ, съ двумя полосатыми столбами у воротъ.

На крыльцо вышелъ староста.

— А, Сидоръ! Кого это привезъ?

— Докторицу изъ города.

— А это еще кто съ ней?

— А это такъ... шлюха. По этапу...

Староста спустился съ крыльца и вѣжливо пригласилъ меня въ „проѣзжающую“ комнату. Потомъ грубо прикрикнулъ на мою спутницу и приказалъ ей идти въ ямщицкую. Она съ тѣмъ же покорнымъ видомъ убиваемаго животнаго вылѣзла изъ саней и исчезла въ темныхъ сѣняхъ, а я прошла въ „проѣзжающую“.

„Проѣзжающая“ представляла изъ себя просторную, довольно опрятную комнату, съ деревянными диванами, картинами изъ русско-турецкой войны, геранями и даже занавѣсками на окнахъ. Натоплено было страшно; отъ печки такъ и несло, что̀ съ морозу показалось очень пріятно, но черезъ нѣсколько минутъ стало тяжело и душно. Между тѣмъ староста внесъ мои пожитки и пошелъ за самоваромъ. Это былъ высокій, красивый мужикъ съ кудрявыми волосами, въ которыхъ уже пробивалась густая сѣдина, но съ подозрительно-красными глазами и носомъ. Внеся самоваръ, поставивъ его на столъ, онъ счелъ своимъ долгомъ меня занимать и, усѣвшись въ углу на сундукѣ, началъ разговоръ:

— А докторъ нашъ только-только передъ вами пріѣхалъ. Шибко у насъ гоняютъ, совсѣмъ отдыху нѣту. Вотъ вы теперь еще будете ѣздить. Рано завтра поѣдете?

— Я еще не знаю, куда ѣхать. Пораньше, конечно.

— Ну, вотъ! А лошадей нѣтъ. Четырнадцать троекъ, и всѣ въ разгонѣ.

— Кто же ѣздитъ?

— Да кто? И земскій, и докторъ, и становой, почта опять, теперь вы, фельдшера ѣздятъ, акушерку возимъ... Разгонъ „агроматный“!

— Лошадей надо больше держать, если разгонъ большой!

— Такъ-то оно такъ, да хозяинъ у насъ молодой,—не наладитъ никакъ. Самъ-то померъ, вотъ и пошли непорядки. А ты въ отвѣтѣ!

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что и земскую, и почтовую гоньбу содержалъ прежде членъ земской управы, но на Рождество онъ померъ, и теперь хозяйничаетъ его сынъ, очевидно—тотъ молодой человѣкъ, котораго я видѣла на городской станціи.

— И вѣдь скорёхонько какъ убрался, покойникъ!—продолжалъ староста.—Въ три дня кончился! А здоровый былъ, мужественный эдакій...

— Отчего же онъ померъ такъ быстро?

— Да отчего... все отъ водочки!.. — съ сокрушеніемъ произнесъ староста.—Все она, такая-сякая, виновата... Пилъ шибко покойникъ, да и ночуй на дворѣ, а морозъ-то былъ сорокъ градусовъ! Ну, охватило его, воспаленіе легкаго что-ли тамъ сдѣлалось—и крышка!...

Я предложила ему чаю, и за самоваромъ наша бесѣда приняла болѣе интимный характеръ. Староста жаловался на судьбу и вкратцѣ разсказалъ мнѣ свою біографію. Оказалось, что онъ изъ духовнаго званія, одинъ братъ у него священствовалъ, другой служилъ въ губернскомъ городѣ, въ какой-то палатѣ, а вотъ ему не повезло — въ училищѣ не кончилъ, занялся хлѣбопашествомъ, но прогорѣлъ, пустился въ торговлю, и тоже прогорѣлъ, а вотъ теперь, на старости лѣтъ, долженъ служить по наймамъ.

— Отчего же это вамъ такія неудачи? — спросила я.

— Да такъ... ужъ, видно, участь такая...—цѣломудренно потупляя глаза, отвѣчалъ староста и, подумавъ, съ рѣшимостью прибавилъ:—все она... все водочка!

— Такъ зачѣмъ же вы пьете? Бросили бы!

— Бросилъ!—съ энергіей заявилъ староста.—Теперь, слава Богу, бросилъ! Теперь ее, проклятую, мнѣ и на̀ духъ не надо. Вѣдь эдакая скверность завелась на бѣломъ свѣтѣ, Боже ты мой! И зачѣмъ? Какая въ ней сладость?

Я перевела разговоръ на другой предметъ, и спросила его

о докторѣ. Староста разсказалъ мнѣ, что докторъ служитъ у нихъ недавно и совсѣмъ еще молоденькій, жена у него тоже молодая, что хлопотунъ онъ большой, но дѣло свое знаетъ хорошо.

— Только вотъ чудёнъ!.. — прибавилъ староста, ухмыляясь.

— Чѣмъ чудёнъ?

— Да вотъ... не любитъ, кто водку пьетъ. Страсть этого не уважаетъ!

— Что же, это хорошо.

— Конечно, хорошо... Ну, только обижаются очинно.

— Кто обижается?

— Да всякіе народы... Намедни нашъ кабатчикъ говоритъ: „Ужъ я,—говоритъ,—этого доктора пришью! Нешто можно это народъ сомущать? За это чтò бываетъ-то“?..—Обижаются дюже!

— А докторъ чтò же?

— А онъ все свое, не унимается. Какъ увидитъ пьянаго, такъ и затопочетъ... Чудной! Теперь выдумалъ въ училищѣ книжки читать, и все больше насчетъ водки, какая кому вреда отъ нея бываетъ. Печенки что-ли тамъ отъ нея горятъ... ужъ не знаю... Страсть суетной, Богъ съ нимъ, а ничего, хорошій!

Видя, что всѣ наши разговоры роковымъ образомъ сводятся къ водкѣ, я замолчала и ни о чемъ больше не разспрашивала. Да и самоваръ подходилъ къ концу. Послѣ чая я одѣлась и въ сопровожденіи мальчика пошла къ доктору.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы вышли на улицу. Въ избахъ свѣтились огни; собаки лѣниво побрехивали во дворахъ. Улица была широкая; избы въ сумракѣ казались мнѣ большими и красивыми. Построены онѣ были изъ кирпича, оконъ въ пять и болѣе; сѣни безъ крылецъ дѣлили ихъ на двѣ половины; по стѣнамъ красовались намазанные синей и бѣлой краской грубые узоры. Я уже много видѣла такихъ избъ по дорогѣ въ Мухоярово; очевидно, это былъ общій типъ построекъ въ безлѣсномъ Х. уѣздѣ, но хотя избы были просторныя и красивыя снаружи, но темныя пятна сырости, кое-гдѣ подернутыя плесенью, портили ихъ видъ и заставляли догадываться, какъ неуютно было внутри.

— Большое у васъ село?—спросила я своего спутника.

— „Агроматное“!—съ удовольствіемъ отвѣчалъ онъ.—Верстъ на пять, пожалуй, будетъ. Вотъ поѣдемъ завтра, увидите!

Мы свернули влѣво и вдругъ очутились не то въ рощѣ, не то въ саду. Высокія деревья глухо шумѣли; направо и налѣво смутно мелькали огоньки.

— Это вотъ наша расправа, а тамъ вонъ и больница!— сказалъ провожатый.

Мы отворили маленькую калитку и очутились на большомъ дворѣ, по обѣ стороны котораго чернѣли постройки. На встрѣчу намъ съ лаемъ бросилась большая, лохматая собака, но, увидѣвъ моего провожатаго, перестала лаять и ласково завиляла хвостомъ.

— Дружокъ, Дружокъ! Ахъ ты, подлый! Сюда пожалуйте, на крылечко! Въ маленькой передней топилась печка; передъ огонькомъ, на низенькой скамеечкѣ, сидѣла старуха и вязала чулокъ.

— Вамъ кого? — спросила она, поднимая на лобъ очки и почесывая спицей за ухомъ.

Я начала объяснять ей, кто я, но не успѣла кончить своихъ объясненій, какъ изъ сосѣдней комнаты послышались восклицанія, и въ переднюю выбѣжалъ самъ докторъ.

— Вы эпидемическій врачъ? Слава Богу, слава Богу... А я ужъ думалъ, не пришлютъ... Шура, эпидемическій врачъ пріѣхалъ!.. А гдѣ же ваши вещи? Да раздѣвайтесь скорѣе, пойдемте чай пить... Какъ? Вы на станціи остановились? Да зачѣмъ же? Нянька, гдѣ Дмитрій? Послать скорѣе его на станцію, за вещами!

Вышла и докторша; поднялась суета, бѣготня, и черезъ нѣсколько минутъ мои вещи были уже перевезены со станціи, а я сидѣла въ уютной столовой и пила чай съ своими радушными хозяевами. Докторъ, дѣйствительно, оказался молоденькій, маленькій и „суетной“. Онъ былъ необычайно подвиженъ, вѣчно куда-то спѣшилъ, суетился и спокойно не могъ посидѣть на мѣстѣ. Докторша, тоже молоденькая и красивая особа, была ему подъ пару, и они даже говорили иногда вмѣстѣ, перебивая другъ друга, торопясь и волнуясь. „Подожди, Шура, не трещи, дай мнѣ сказать!“ — „Ахъ, Коля, постой, лучше я это разскажу!“ — И оба они въ это время были такіе славные и смѣшные, что на нихъ пріятно было смотрѣть.

Изъ разсказовъ доктора я узнала, что дифтеритъ свилъ себѣ гнѣздо въ селѣ Яругинѣ, что заболѣванія начались съ Рождества, и что форма болѣзни имѣетъ въ высшей степени злокачественный характеръ. До сихъ поръ изъ 34 заболѣвшихъ умерло уже 22, а въ одной семьѣ изъ 10 человѣкъ дѣтей осталось только 3. Это послѣднее обстоятельство особенно его перепугало, и онъ далъ знать въ управу, прося прислать эпидемическаго врача. Но на его просьбу не было отвѣта двѣ недѣли, и онъ думалъ уже, что никого не пришлютъ, а между тѣмъ въ селѣ Дунькинѣ, слышно, уже тоже появилась какая-то горловая болѣзнь.

— Почему же такъ долго вамъ не отвѣчали?

— Боже мой, да вѣдь это цѣлая процедура — приглашеніе эпидемическаго врача! Дѣло въ томъ, что у уѣздной земской управы нѣтъ средствъ пригласить его, а для того, чтобы губернская управа взяла этотъ расходъ на свой счетъ, нужно, чтобы болѣзнь была признана эпидемической, а для того, чтобы признать ее эпидемической, нужно засѣданіе отдѣленія „Общества охраненія народнаго здравія“, и т. д., т. д. А пока они тамъ списываются, переписываются, засѣдаютъ, обсуждаютъ,—тутъ можно сто разъ издохнуть!..

— Да это что—дифтеритъ!—продолжалъ докторъ.—Тутъ не одинъ дифтеритъ, а еще и тифъ! Просто не знаю, что и дѣлать... Вотъ я вамъ сейчасъ пересчитаю: Зеленое... Черновка... Петюхино... Рыжиково... Знобишино... и вездѣ въ лёжку, дворовъ 20 подъ-рядъ. А эпидемическій фельдшеръ только одинъ, въ Черновкѣ, да и то ни чорта не дѣлаетъ, пьянствуетъ. Ну, что тутъ дѣлать, скажите на милость?

— Сыпной тифъ?

— И сыпной, и брюшной, а то ужъ и не разберешь какой. Смертность, слава Богу, пока не велика, — что будетъ дальше. Вы ужъ, пожалуйста, помогите мнѣ, я совсѣмъ съ ногъ сбился!

— Съ удовольствіемъ.

— Вѣдь вы посмотрите, какой у меня участочекъ! — (Онъ сбѣгалъ въ кабинетъ и принесъ карту X. уѣзда.)—Вотъ глядите, два крайнихъ фельдшерскихъ пункта. До этого отъ Мухоярова 48 верстъ. А до этого—54 версты. Итого 102 версты. И на каждомъ я долженъ обязательно побывать два раза въ мѣсяцъ. А тутъ еще эпидемія! А тутъ у меня больница на 20 кроватей, да амбулаторія! А тутъ еще лошадей не даютъ... Да чортъ васъ возьми, возьму и брошу я эту медицину! Сниму участокъ земли и буду земледѣліемъ заниматься...—Онъ вскочилъ и забѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— А я слышала, что вы тутъ еще чтенія устроили?—спросила я.—Занимаетесь искорененіемъ пьянства?

— Кто это вамъ сказалъ?

— Староста на станціи.

— Ну ужъ изъ этого субъекта ничѣмъ пьянства не искоренишь!

— Какъ? Онъ сказалъ мнѣ, что совсѣмъ бросилъ пить.

Докторъ расхохотался.

— Бросилъ? Ахъ, животное! Первый пьяница и плутъ, съ

утра до ночи безъ просыпу пьянъ. Вы еще увидите, что̀ это за жуликъ. Ахъ, Тартюфъ эдакій!..

Докторъ и его жена наперерывъ принялись мнѣ разсказывать о мѣстныхъ нравахъ и порядкахъ, о своихъ предпріятіяхъ и культурныхъ затѣяхъ, и въ какихъ-нибудь два-три часа, я узнала всю подноготную молодыхъ супруговъ. Оказалось, что дѣйствительно докторъ, съ разрѣшенія мѣстнаго священника, организовалъ воскресныя чтенія, въ которыхъ принимаетъ участіе и сельскій учитель, что на дняхъ онъ ожидаетъ изъ Москвы волшебный фонарь и книжки для народа, и что пока дѣло еще хорошенько не наладилось, но есть надежда на успѣхъ. Я выразила сомнѣніе, докторъ вскипятился, и тутъ мы немножко поспорили, при чемъ подняли такой шумъ, что старуха-нянька, задремавшая-было у печки, проснулась и съ недоумѣніемъ высунула въ дверь свою заспанную физіономію.

— Будетъ полуношничать-то! Ужъ три часа никакъ!—объявила она.

Дѣйствительно было уже около трехъ часовъ. Мы вспомнили, что вѣдь завтра мнѣ надо ѣхать въ Яругино въ восемь часовъ утра, и, пожалуй, пора спать. Было рѣшено, что я поселюсь пока у доктора, такъ какъ Мухоярово представляетъ изъ себя центральный пунктъ, откуда мнѣ всего удобнѣе будетъ посѣщать зараженныя тифомъ и дифтеритомъ мѣста; кромѣ того, здѣсь же земская станція, что̀ тоже удобно для разъѣздовъ. Я согласилась съ этимъ, и мы разошлись.

Положили меня въ кабинетѣ маленькаго доктора. Но, лежа на мягкомъ диванѣ, я долго не могла уснуть, возбужденная поѣздкой, разговорами и особенно тѣмъ, что̀ предстояло мнѣ завтра. Мысленно я намѣчала программу будущихъ дѣйствій, припоминала различные способы леченія, дезинфекціи и т. д., т. д. Потомъ мысли начали путаться; какія-то смутныя, но печальныя картины мерещились; кирпичныя, пропитанныя сыростью избы толпой окружили меня, глядѣли мнѣ въ глаза всѣми своими окнами и, казалось, вопіяли: „ко мнѣ, ко мнѣ“! А въ уши кто-то назойливо и монотонно шепталъ: „дезинфекція... изоляція, дезинфекція, изоляція“... Я заснула.

III.

Разбудили меня громкіе голоса за стѣной. Одинъ изъ нихъ, взволнованный и разсерженный, принадлежалъ маленькому доктору; другой, неувѣренный и тягучій, былъ мнѣ незнакомъ. Док-

торъ, очевидно, нападалъ и распекалъ; неизвѣстный оправдывался и возражалъ. Я взглянула на часы,—было уже семь. Надо вставать.

Голоса замолкли, послышались торопливые шаги и стукъ въ дверь.

— Вы спите?—спросилъ меня докторъ.

— Нѣтъ, встаю.

— Мерзавцы эдакіе! Полюбуйтесь, какихъ они вамъ лошадей привели!

— А что̀, плохія?

— Да нѣтъ, вы поглядите только! Ну, что̀ же это такое? А? Канальи!..

Онъ ринулся куда-то, и въ передней снова послышался его негодующій голосъ, а я подошла къ окну и взглянула на дворъ. Передъ окномъ печально стояла пара одровъ, при видѣ которыхъ мнѣ невольно вспомнилась знаменитая лошадь Пиквика,—лошадь, никогда будто бы не распрягавшаяся, во избѣжаніе паденія. Несчастные скелеты, стоявшіе передъ моими глазами, казалось, тоже упали бы немедленно, еслибы ихъ не поддерживали оглобли. Лошадямъ соотвѣтствовали и сани—крошечныя, узенькія, съ кривыми полозьями, набитыя соломой, торчавшей въ разныя стороны. Какія-то рваныя мочалки вмѣсто сбруи довершали картину, но около ушей несчастныхъ клячъ все-таки болтались бубенцы,—вѣроятно, для приданія имъ бодрости, а можетъ быть, и для „красоты“.

Зрѣлище было настолько грустное, что мнѣ даже смѣяться не захотѣлось. Я вышла въ переднюю. Тамъ стоялъ вчерашній староста съ книгой въ рукахъ. Голова его была понурена, и онъ часто мигалъ своими красными вѣками. Передъ нимъ, весь взъерошенный, разгоряченный, кипятился докторъ.

— Ну, что̀, видѣли?—обратился онъ ко мнѣ.—Каковы?

— Я на этихъ лошадяхъ не поѣду,—объявила я старостѣ.

Староста еще болѣе поникъ головой.

— Другихъ нѣту...

— Какъ угодно, я такъ и запишу въ книгу. У меня открытый листъ на тройку, а вы даете пару, да хоть бы еще порядочныхъ, а то мертвецовъ какихъ-то! Я сейчасъ же напишу въ земскую управу.

Староста сдѣлалъ жестъ отчаянія.

— Что же, нѣту лошадей?

— Да тамъ есть тройка...—убитымъ голосомъ началъ онъ.

— Такъ что же? Вотъ и давайте ее!

— А ну какъ она понадобится!

— Кому?

— Кому? Начальству... Вдругъ становой поѣдетъ или земскій...

— Ахъ, канальи вы эдакія!—закипятился опять докторъ.—Становой, земскій... Да что же докторъ-то, по вашему, зря ѣздитъ? Для собственнаго удовольствія? Вѣдь тамъ люди мрутъ, а у васъ лошадей для доктора нѣтъ? Давай сюда книгу!

Староста вздохнулъ и вышелъ. Черезъ минуту на дворѣ прогремѣли бубенцы, и все затихло.

— Нѣтъ! Брошу медицину, ну ее къ чорту!—кричалъ докторъ, бѣгая по комнатѣ.—Брошу, брошу, уйду, буду землю пахать...

Нянька въ это время собирала на столъ и довольно равнодушно смотрѣла на изступленную бѣготню доктора,—очевидно, это было привычное явленіе и никого не безпокоило.

Въ дверь просунулась голова больничнаго сторожа, Дмитрія.

— Лошадей подали!—объявилъ онъ торжественно.

Докторъ прекратилъ свою бѣготню, и мы бросились смотрѣть. Лошадей опять была пара, но лошади были хорошія, сани тоже имѣли приличный видъ и не угрожали развалиться на дорогѣ; сбруя щегольская, и вмѣсто бубенцовъ на дугѣ красовалась пара колокольчиковъ. Однимъ словомъ, все было какъ слѣдуетъ.

— Ну, что?—съ торжествомъ воскликнулъ докторъ.—Я вамъ говорилъ, что съ этими негодяями надо по-собачьи! Ну, вотъ, вѣдь нашлись же лошади!—обратился онъ къ старостѣ.

Староста ничего не отвѣчалъ, но когда я расписывалась въ книгѣ, онъ шепнулъ мнѣ, обдавъ меня спиртуознымъ запахомъ:—Вы, сударыня, ужъ распишитесь, что троечку получили! — Но я уклонилась отъ этого, и онъ ушелъ огорченный.

Наскоро напившись чаю, я стала собираться въ путь. Докторъ снабдилъ меня своими валенками, которыми я забыла запастись, потомъ въ сани уложили ящикъ съ медикаментами, бутыль съ сулемой, гидропультъ, свертокъ съ чаемъ и сахаромъ, и наконецъ усѣлась я.—Ну, счастливый путь!—крикнулъ съ крыльца докторъ, и мы покатили.

Первая остановка моя должна была быть въ с. Козихѣ, верстъ за двѣнадцать отъ Мухоярова. Здѣсь была послѣдняя земская станція, которую содержалъ богатый мужикъ Рыжиковъ, онъ же и „воспенникъ“. По хорошей широкой дорогѣ мы быстро доѣхали до Козихи, и здѣсь мнѣ запрягли пару гуськомъ, такъ какъ до Яругина приходилось ѣхать уже не по большой, а по

проселочной дорогѣ. Пока перепрягали лошадей, я сидѣла у „воспенника", въ большой просторной избѣ, гдѣ кромѣ бабъ и ребятъ помѣщались еще двѣ овцы съ ягнятами, новорожденный теленокъ и голуби, обитавшіе на полатяхъ. Воздухъ былъ нестерпимый; слѣды голубей виднѣлись на столѣ, на лавкахъ, даже на почтовой книгѣ. Двѣ бабы молча пряли на прялкахъ; ребятишки лазали по лавкамъ, съ любопытствомъ на меня посматривая; на печи кто-то храпѣлъ. Курносый, невзрачный парень, котораго называли Амелькой, въ рваномъ тулупѣ, въ огромной шапкѣ, вошелъ въ избу и объявилъ, что лошади готовы.

— Подземка на дворѣ,—прибавилъ онъ.—Такъ и мететъ, такъ и мететъ!

Дѣйствительно на дворѣ сильно мело. Лошади были хорошія, сытыя, и Козиха быстро промелькнула. Тѣ же кирпичныя избы съ проступившей наружу сыростью, кучи золы на улицахъ, ребятишки съ салазками, бабы съ ведрами... а тамъ опять снѣжныя поля, буераки, занесенные сугробами, кое-гдѣ перелѣски, деревни съ вѣтрянками... Метель, между тѣмъ, разыгрывалась не на шутку; даль задернулась молочной дымкой, силуэты вѣтрянокъ потонули въ снѣжномъ вихрѣ. Мы плыли въ какомъ-то безбрежномъ бѣломъ и холодномъ морѣ. Несмотря на то, что я была въ валенкахъ и окутана плэдомъ, ноги у меня начали зябнуть. Въ воротникъ задувало, а подъ платокъ сыпался снѣгъ и таялъ.

— Далеко отъ Козихи до Яругина?—спросила я Амельку.

— Версты двадцать двѣ будетъ.

— А сколько мы проѣхали?

— Верстовъ восемь.

„Еще четырнадцать осталось!"—подумала я и рѣшилась покориться своей участи. Я съёжилась, плотнѣе завернулась въ плэдъ и зарыла ноги въ солому, которая обильно была натыкана въ сани. Но солома оказалась мокрая, валенки мои отсырѣли, и ноги стали зябнуть еще пуще. А отъ ногъ острый холодокъ началъ пробираться и по всему тѣлу. Я вспомнила разсказъ одного шипкинскаго солдата, который во время балканскихъ морозовъ уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ, отморозивъ себѣ только обѣ ноги. „Первое дѣло,—чтобы во всю грудь не дышать!—разсказывалъ онъ мнѣ. Бывало, эдакъ, заберешь въ себя духу побольше, да и держишь его внутрѣ, не выпущаешь зря; духъ согрѣется,—глядишь, и самому потеплѣе станетъ! Потому, главная вещь, чтобы духъ въ тебѣ былъ теплый, а какъ духъ охолодаетъ, тутъ ужъ каюкъ"! Я попробовала сдѣлать то же самое, и дѣйствительно, сдѣлалось какъ будто теплѣе „внутрѣ". А метель все крутила и

крутила; съ нею вмѣстѣ безпорядочно крутились и мои мысли. Я укуталась съ головой и подъ шумъ вѣтра, подъ мѣрный топотъ лошадей забылась.

Вдругъ—трахъ, трахъ... сани накренились на одинъ бокъ, потомъ на другой и ринулись куда-то внизъ. Я открыла глаза.

— Чтò это такое? — спросила я: спросонья мнѣ показалось, что мы летимъ въ пропасть.

— Яругино,—отвѣчалъ Амелька.

Мы пересѣкали дно глубокой лощины. Передъ нами, на буграх, словно часовые, угрюмо чернѣли неподвижныя вѣтрянки. Слава Богу, пріѣхали!..

IV.

— Куда заѣзжать будете?—спросилъ Амелька, когда мы выѣхали на большую площадь села.

— Къ старостѣ.

Амелька обогнулъ церковь и остановилъ лошадей у большой бѣлой избы, аккуратно покрытой свѣжей соломой. На крыльцѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ мужиковъ.

— Гдѣ староста?—спросила я, вылѣзая изъ саней и расправляя застывшіе члены. Ко мнѣ подошелъ низенькій рыжеватый мужикъ съ раскосыми сѣрыми глазами, плутовато бѣгающими по сторонамъ.

— Вамъ его на что?—спросилъ онъ.

Я объяснила. Староста снялъ шапку, и лицо его изобразило привычную почтительность передъ начальствомъ, а на губахъ заиграла притворно-умильная улыбка. Мужики, сидѣвшіе на крыльцѣ, тоже встали и сняли шапки.

— Это я и есть староста! Пожалуйте въ избу обогрѣться!

Я вошла въ избу, гдѣ пахло горячимъ хлѣбомъ и овчиной. Староста и мужики послѣдовали за мной.

— Это вотъ у Бурдачевыхъ началось допрежь,—началъ разсказывать староста.—Съ нихъ и пошло. У васъ, что-ль?—обратился онъ къ кому-то въ толпѣ.

Изъ толпы выдвинулся высокій угрюмый мужикъ.

— У насъ. Да это давно, до Рожества еще. Оба померли...

— А потомъ у Борискиныхъ. У нихъ тоже двое померли. Тоже на Рожество никакъ? Ай нѣтъ?

— На свѣчки [1]) хоронили!—послышалось въ толпѣ.

---

[1]) Крещенскій сочельникъ.

— Ну-ну, такъ и есть—на свѣчки! Обои отъ глоточки! Захватитъ-захватитъ глоточкю, и шабашъ! И чтò за боль такая, Господи и чтò за боль?

— А теперь гдѣ же больные есть?

— Да теперича вотъ у Шипулиныхъ двѣ дѣвки захворали. Прибѣгали утресь—сказывали.

Я справилась въ записной книжкѣ, которую далъ мнѣ докторъ.

— Это у какихъ Шипулиныхъ? У которыхъ семеро померло?

— Нѣтъ, у другихъ, у сосѣдей.

— А у тѣхъ есть еще больные?

— Да не слыхать. Филька-то никакъ поправляется.

— Какое поправляется!—послышалось въ толпѣ.—Померъ!

— Какъ померъ?—воскликнулъ староста.

— Вечёрось хоронили. А теперича, точно, не слыхать.

Староста, очевидно, былъ сконфуженъ и завилялъ глазами. —Какъ же это такъ, померъ!—бормоталъ онъ.—А говорили, поправляется!..—Въ избѣ, между тѣмъ, становилось все тѣснѣе и тѣснѣе,—набирался народъ. Всѣ тѣснились ко мнѣ. Вотъ сквозь толпу протискалась крошечная, сморщенная старушка въ поношенномъ ватномъ пальто, съ платкомъ, свернутымъ въ комочекъ, въ рукахъ, и слезящимися глазами уставилась на меня.

— Говорятъ, докторица пріѣхала,—начала она,—вотъ я и прибѣгла! Ко мнѣ-то, ко мнѣ-то заѣзжайте! У меня двое больны,—дѣвочка да мальчикъ!

— Давно заболѣли?

— Да дѣвочка другой день, а мальчикъ, слава Богу, вызволяется. Полегчало! А у дѣвочки-то я поглядѣла давеча въ глоточкѣ, такъ все пупырьями, все пупырьями...

— А Любашку схоронила?—спросилъ кто-то.

— Схоронила,—покорно отвѣчала старушка и утерлась своимъ комочкомъ.—Ахъ, ужъ и дѣвочка была занятная, ужъ такая занятная...

— Это внучка ейная скончалась,—вмѣшался староста, видимо желая загладить свой давешній промахъ насчетъ Фильки.—Пять дёнъ была больна!

— Ну, хорошо,—сказала я.—Такъ мы, значитъ, такъ по порядку всѣхъ больныхъ и объѣдемъ. Староста, ты со мной поѣдешь, будешь указывать, гдѣ есть больные!

— Слушаю. Такъ мы сейчасъ къ Платоновымъ,—это вотъ рядомъ здѣсь,—потомъ, значитъ, на тотъ конецъ, къ Шипули-

нымъ.—Эй, бабка!—крикнулъ онъ старушкѣ съ комочкомъ.—Сейчасъ къ тебѣ!

— Ой, надо побѣчь! У меня дома-то никого!—заторопилась старушка, скрываясь въ толпѣ.

Мы вышли на крыльцо. Ко мнѣ подошелъ давешній угрюмый мужикъ.

— Шерсть прикажите отдать!—сказалъ онъ, снимая шапку.

— Какую шерсть?

— Шерсть у насъ опечатали докторъ съ урядникомъ. Быдто отъ шерсти боль. А какая отъ ней боль? Ей и всего-то три пуда! Прикажите отдать.

— А откуда же у васъ шерсть?

— Съ Кавказа. Мы кажный годъ туда ходимъ шерсть бить. Шерстобиты мы. А у насъ ее опечатали! И всего-то три пуда... Сдѣлайте такую милость, прикажите отдать!

— Хорошо, я посмотрю,—сказала я, сбитая съ толку и запутанная всѣми этими непредвидѣнными обстоятельствами.—Это послѣ, сейчасъ мнѣ некогда.

Не успѣли мы отъѣхать отъ старостиной избы—откуда-то выскочили ребятишки и помчались за нами. Староста пригрозилъ имъ бадикомъ, и они разсыпались въ разныя стороны.

— Ишь, каторжныя! Сладу съ ними нѣтъ! Докторъ не велитъ ихъ на похороны пущать, а какъ за ними углядишь? Полна церква наберется, да вѣдь, анаѳемы, къ самому покойнику лѣзутъ!... Вонъ, вонъ, у хибарки-то остановись!—крикнулъ онъ, когда мы поровнялись съ приземистой, кривобокой избенкой, обмазанной глиной.

Старушка уже стояла на порогѣ и кланялась.

Мы вошли въ крошечную избу, на половину занятую печью. Полъ былъ земляной, но чисто выметенъ; лавки, столъ выскоблены,—ни грязи, ни вони; уютно и аккуратно.

— Анютка! А, Анютка!—кликнула старушка.—Слѣзь-ка съ печки-то,—вотъ тебѣ докторица глоточку посмотритъ!

Съ печки слѣзла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ и тусклыми глазами. Она тяжело дышала и апатично глядѣла на меня. Въ глоткѣ у нея оказались дифтеритическіе налеты и кровоточащія язвинки.

— Помретъ?—спросила старушка.

— Ну, это еще неизвѣстно. Можетъ, и поправится.

Старушка заморгала и вытерлась комочкомъ.

— Ужъ вижу, что помретъ... Вотъ и Любка такъ же,—все горѣла, все горѣла, потомъ пошла носомъ кровь—и кончилась.

А все, бывало, кричитъ: „Я, бабушка, не поддамся! Я помирать-то не хочу!“ Занятная была такая... А тутъ подъ-вечеръ и ослабѣла. Позвала меня. „Прощай, говоритъ, бабушка, перекрести меня!“ Я это ее перекрестила, а она икнула разъ, икнула другой, словно водой захлебнулась—и отошла...

Старушка плакала.

— А мальчикъ гдѣ же?

— Мальчикъ на дворъ убѣгъ. Не усмотришь за нимъ. Теперича ничего, отдохъ, а тоже дюже она его забрала. Глоточку-то словно сажею залѣпило. Я ужъ, бывало, возьму лучинку, да лучинкой-то ему и прочищу, такъ, кубать, паутина тянется,—сѣрая такая, да клубомъ. И глядѣть-то страшно!

— Ты имъ—бабушка?

— Бабушка рôдная. Родителей-то нѣту.

— Померли?

— Зачѣмъ померли, помилуй Богъ! На работѣ! Отецъ на чугунку пошелъ, а мать въ городѣ, въ прислугахъ. Землицы-то у насъ, вишь, нѣту, обѣдняли, видишь, какъ живемъ! Ни овечки, ни курочки,—хлѣба-то, и того нѣту! Ну, и пошли въ люди добывать! Оставили меня, старую, за дѣтьми глядѣть, анъ я вонъ какъ углядѣла...

— А самоварчикъ есть у тебя, бабушка?

— Какой самоварчикъ? Нѣту. Горшковъ-то и то нѣту!

— А я, было, тебѣ хотѣла чайку-сахарку оставить.

Лицо старушки просіяло.

— О! Это ты оставь, это мы попьемъ съ Анюткой. Мы и въ горшкѣ его запаримъ. Слышь, Анютка, чайку хочешь?

— Хочу...—робкимъ шопотомъ отозвалась Анютка.

— Любашки-то нѣту...—вспомнила опять старушка, всхлипнувъ.—А то бы и она съ нами попила... Тоже, бывало, ужъ чуть дышетъ, а все чайку проситъ: „бабушка, ты бы чайку достала,—чайку хотца...“ Побѣжишь къ кабатчицѣ, выпросишь...

Я смазала дѣвочкѣ горло, оставила лекарствъ и неизбѣжную „карболку“, и мы съ старостой отправились къ Шипулинымъ. Пришлось проѣхать опять чуть не все село. Когда мы завернули въ глухой переулокъ, староста велѣлъ остановиться. Опять низенькія избы, до самыхъ крышъ занесенныя сугробами, темныя сѣнцы безъ крылецъ, кучи золы на снѣгу, узенькія тропинки, протоптанныя отъ дороги къ дверямъ... Тишина, безлюдье, мертвенный покой... Только снѣжные вихри, вздымаемые вѣтромъ, словно призраки, носятся надъ сугробами.

— Вотъ они, обои Шипулины рядомъ. Куда прежде,—къ Адріану или къ Филиппу?

— Гдѣ есть больные—туда.

— Такъ это къ Филиппу. Отъ нихъ нынче приходили.

Темныя сѣни, загроможденныя кадками и какими-то мѣшками, низенькая закопченая дверь, тѣсная изба съ крошечными подслѣповатыми оконцами... Острый запахъ навоза и мочи обдалъ насъ при входѣ; въ избѣ царилъ полумракъ. Когда глаза нѣсколько освоились съ этой темнотой, я увидѣла передъ собою высокаго, худого старика съ длинной, сѣдой бородой. Онъ стоялъ у порога и недовѣрчиво смотрѣлъ на меня.

— Вы Филиппъ Шипулинъ?

— Мы.

— Гдѣ у васъ больные?

Старикъ сдѣлалъ рѣшительный жестъ и, загораживая мнѣ дорогу, отвѣчалъ:

— Нѣту у насъ больныхъ... Такъ, пустое!

— Покажите мнѣ больныхъ.

— Да чтò ихъ глядѣть? Говорю, нѣту. Да вы сами-то кто будете?

— Я докторица. Изъ губерніи меня прислали,—лечить.

— Нечего лечить! На все воля Божья,—кому помереть, а кому и выздоровѣть. Не надо намъ докторовъ!

— Да ты что же это разговариваешь, старый чортъ?—вступился староста.—Отъ васъ нынче объявка была, что двое захворали, а ты тутъ кобянишься? Ты съ кѣмъ это разговариваешь-то? Слышишь, изъ губерни докторица!

— А мнѣ наплевать, что изъ губерни!—угрюмо продолжалъ старикъ. — Знаемъ мы докторей-то этихъ! Вонъ къ Адріану ѣздилъ тоже докторъ, а вылечилъ, что-ль? Всѣ померли, ничего не вылечилъ! Коли помирать, такъ пущай такъ помираютъ.

— Ахъ ты, анаѳема! Да я тебя...—закричалъ староста.

— Ну, ну, молчи, косой дьяволъ! Вотъ возьму помело, да и съ докторшей-то васъ...

Видя, что отъ вмѣшательства старосты наши отношенія только обостряются и ничего, кромѣ ругани, не выйдетъ, я велѣла старостѣ молчать и снова обратилась къ старику.

— Не хорошо, дѣдушка, говоришь! Я вѣдь не по своей волѣ пріѣхала, меня земство прислало; говорятъ, у васъ дѣти тутъ сильно хвораютъ, надо помочь, а ты меня и на порогъ не пускаешь. За что? Чтò я тебѣ худого сдѣлала?

— И вправду, чего ты зря-то?—послышался изъ темнаго

угла бабій голосъ.—Може, отъ нея помога какая будетъ, а ты, ничего не видя, кидаешься...

— И то зря!—отозвался другой бабій голосъ.

Старикъ, лишенный поддержки, смутился и растерянно оглядѣлся по сторонамъ.

— Да вѣдь я что же?.. Я вѣдь ничего...—началъ онъ другимъ тономъ.—Я вѣдь это только къ тому и говорю, чѣмъ они лечить будутъ... Вонъ фершалъ намедни былъ, какую-то іоду далъ. А отъ ней еще пуще дѣвчонку разнесло. Гдѣ она у насъ, іода-то? Въ пузырькѣ она была. Агашка, гдѣ пузырекъ-то?

— Да ты куда ее дѣлъ? Дѣвки, не видали іоду?

— Да въ печуркѣ должно. Энта, что-ль?

— Нѣту! Энта желтая! А это полоскать...

Въ избѣ поднялась суматоха. Обрадованная счастливымъ исходомъ дѣла, я сѣла на лавку и осмотрѣлась. Въ избѣ оказалась куча народу; бабы съ прялками; на печкѣ, на полатяхъ—ребятишки; на полу, на соломѣ—телята, овцы, ягнята.

Наконецъ, „іода" отыскалась, и старикъ торжественно подалъ ее мнѣ.

— Вотъ она! На-ка, погляди; должно, она—вредная!

Я должна была съ самымъ серьезнымъ видомъ осмотрѣть пузырекъ, обнюхать его, даже лизнуть для пущей убѣдительности, и объявила, что разнесло не отъ іода, что іодъ—штука хорошая, а что ужъ это болѣзнь такая.

— И ты опять ей мазать будешь?—съ недовѣріемъ спросилъ старикъ, пытливо на меня глядя.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Если она не помогаетъ, у меня другія лекарства есть. Я попробую по другому лечить.

— О! — сказалъ успокоенный старикъ.—Ну, ладно... Александра! Неси дѣвчонку-то!

Въ темномъ углу произошла какая-то возня; кого-то уговаривали идти, подталкивали; кто-то упирался. Наконецъ, ко мнѣ подошла молодая баба съ дѣвочкой лѣтъ четырехъ на рукахъ. Она прижимала ее къ себѣ съ такимъ видомъ, какъ будто я собираюсь отнять отъ нея дѣвочку, и въ глазахъ ея свѣтился испугъ. Дѣвочка была въ жару и въ забытьѣ; глаза ея были полуоткрыты; изъ воспаленнаго рта со свистомъ вырывалось зловонное дыханіе. Видя, что я не дѣлаю никакихъ попытокъ отнять у нея дѣтище, баба взглянула на меня смѣлѣе и подошла ближе.

— Вчерась захватило...—разсказывала она.—Я давеча поглядѣла у ней въ глоточкѣ,—кабыть, творогъ; я ложечкой хотѣла—кровища пошла.

Я попробовала открыть дѣвочкѣ ротъ шпаделемъ—дѣвочка застонала и заметалась. Баба въ ужасѣ прижала ее къ себѣ.

— Она?—спросила она упавшимъ голосомъ.

— Да.

Баба заплакала, и слезы крупными каплями скатывались по ея щекамъ и падали на лицо больной.

— А ты не убивайся! Мы ее полечимъ! Не всѣ вѣдь отъ этой болѣзни помираютъ,—утѣшала я ее.

— Нѣтъ, гдѣ ужъ!—вмѣшался старикъ.—И лечить-то нечего! Готовь, Александра, рубаху.

Александра враждебно посмотрѣла на старика и, утирая глаза концомъ головного платка, прошептала:

— Ты все-таки дай мнѣ чего-нибудь! Ужъ я все буду дѣлать, какъ велишь, только полечи ты ее мнѣ. Одна она у меня.

Я открыла свою походную аптечку, достала пульверизаторъ и привела его въ дѣйствіе, потомъ приготовила кисточку для смазыванія, пузырекъ съ растворомъ полуторохлористаго желѣза и разложила все это на столѣ. Изъ темнаго угла появились еще бабы и окружили меня; съ печи и полатей свѣсились русыя и бѣлыя головы; со всѣхъ сторонъ глядѣли любопытные и въ то же время нѣсколько испуганные глаза.

На этотъ разъ Александра безъ всякаго сопротивленія позволила мнѣ открыть дѣвочкѣ ротъ и даже помогла дѣйствовать пульверизаторомъ. Потомъ я смазала больной горло и обратилась къ старику.

— Ну, гдѣ же у васъ еще больные?

— Эй, бабы!—крикнулъ старикъ.—Тащи больныхъ-то! Вотъ дѣвка еще... Варька, иди къ барынѣ-то, небось!

— Варвара, иди...—слышался шопотъ.—Она ничего...

Дѣвушка лѣтъ шестнадцати подошла ко мнѣ и несмѣло открыла ротъ, косясь на ящикъ съ пузырьками. Увидѣвъ, что я беру шпадель, она заплакала.

— Чего ты?—спросила я.

— Рѣзать будешь...

— Какъ тебѣ не стыдно! Большая, а глупости говоришь. Какъ же это я тупымъ рѣзать буду? Вѣдь это тупой, погляди сама.

— А и впрямь дура! — подтвердилъ и старикъ, хотя все время не отходилъ отъ ящика и подозрительно оглядывалъ каждый предметъ.—Небось, барыня знаетъ, что̀ дѣлаетъ!

У Варьки оказалась легкая форма. Смазала и ей, и она ушла въ свой уголъ успокоенная.

— Еще есть?

— Есть!—уже совсѣмъ весело закричалъ старикъ, убѣдившись окончательно, что никакихъ особенныхъ ужасовъ отъ моихъ лекарствъ не произошло. Еще дѣвка есть,—у насъ все дѣвки! Эй, Глашка! Куда она дѣвалась? Бабы, гдѣ она?

— Подъ печкой, смотри! Она еще давеча, какъ сказали, что докторица пріѣхала,—шмыгъ!—и спряталась.

— Глашка!—кричалъ дѣдъ — Иди, стерва! Аль издохнуть хочешь?

И онъ, пересаливая въ своемъ усердіи, которымъ, очевидно, желалъ загладить давешній пріемъ, вытащилъ изъ-подъ печки дѣвочку лѣтъ семи, въ длинной бѣлой рубашонкѣ, съ бѣлыми волосами, остриженными въ кружокъ, какъ у мальчика. Она упиралась и ногами, и руками, рвалась изъ рукъ дѣдушки и дико орала. Разсерженный старикъ далъ ей подзатыльника.

— Ну, зачѣмъ же это? — остановила я расходившагося дѣдушку.—Не надо, а то она бояться будетъ.

— Да что же она, стерва...

— Оставь ее, она сама подойдетъ и глотку покажетъ. Да она и такъ ишь какъ ротъ разинула,—все видно! Вотъ я въ другой разъ пріѣду, конфектъ привезу. Всѣмъ, кто горло будетъ показывать, дамъ!

Но, несмотря на всѣ умасливанія, Глашка вырвалась отъ старика и опрометью бросилась на полати.

— Эхъ ты!—крикнулъ ей кто-то.—А еще мальчикъ!

— Она у насъ за мальчика! — улыбаясь, сказала одна изъ бабъ. — У насъ въ семействѣ мальчиковъ-то нѣту, вотъ она и говоритъ: „Я у васъ въ мальчикахъ буду!“ —Да вѣдь какая,—и пахать умѣетъ, и косить, и съ лошадьми въ ночное ѣздитъ,— чистый мужикъ, право!

— Возьметъ, шапку надѣнетъ и кричитъ: „Я не Глашка, я Гришка! Зовите меня Гришкой!“ —прибавила другая.—Вотъ, помужичьи ее остригли, теперь штаны сошьемъ, совсѣмъ мальчикъ будетъ!

— Эй, Гришка, слѣзай! Чтò барыня-то скажетъ? Какой это, скажетъ, мальчикъ,—дѣвчонка это ледащая!

— Вотъ жалко, если помретъ,—сказала я.

— Я помирать не хочу!—откликнулась съ полатей Глашка.

— Не хочешь, а горла мнѣ не показала!

— Я и такъ не поддамся!

— Не поддашься! — замѣтилъ старикъ. — Вонъ Филька-то больше тебя былъ, тоже говорилъ,—не поддамся,—а померъ!

Дѣвочка задумалась. Она свѣсила голову съ полатей и нерѣшительно смотрѣла на меня. Потомъ на лицѣ ея появилась лукавая улыбка.

— А конфетку-то... дашь?

— А какже! Вотъ завтра пріѣду и привезу.

— Ну, ладно!

Она проворно спрыгнула съ полатей и разинула ротъ. Смазала и ей.

— Ну, всѣ, что-ль?—крикнулъ дѣдъ.

— Всѣ!

— Ну, дай Богъ съ вашей легкой руки! Когда же еще-то пріѣдешь?

— Теперь каждый день буду ѣздить.

— О! Это ты ловко! Пріѣзжай, пріѣзжай, да ужъ не серчай на насъ. Больно мы напуганы, ужъ такъ напуганы, бѣда!..

V.

— Размякъ, старый песъ!—ворчалъ староста, когда мы выходили. Нѣтъ, съ ними надо не такъ! Его бы, стараго кобеля, въ одноглазкѣ три дня проморить за эдакія дѣла! Какже! Полна изба больныхъ, а онъ не пущаетъ! И еще ему же кланяются, просятъ, да тьфу!..

Онъ видимо былъ недоволенъ всѣмъ моимъ поведеніемъ и потерялъ ко мнѣ всякое уваженіе.

Опять темная изба, запушенныя снѣгомъ оконца, вонь, духота, тѣснота... Въ углу большой столъ, накрытый скатертью; за печкой двѣ люльки; въ одной изъ нихъ сидитъ крошечная грязная дѣвочка съ огромнымъ ломтемъ хлѣба въ рукахъ. У стола на лавкѣ молодая, красивая баба въ полушубкѣ и платкѣ; другая, постарше, въ черной кофтѣ и въ черномъ платкѣ, повязанномъ на затылкѣ, возится у печи.

— Адріанъ Шипулинъ дома?—спросила я, входя.

Женщина въ черномъ платкѣ не оглянулась и не отвѣчала. Молодуха отвѣтила: „нѣту его дома“!

— Это у васъ семеро померло?

— У насъ.

— Твои всѣ?

— Нѣтъ, моихъ только двое. А вотъ у ней пятеро было, всѣ померли. Вчера послѣдняго схоронили.

При этихъ словахъ женщина въ черномъ бросила ухватъ и

стремительно выбѣжала въ сѣни. Но черезъ минуту она снова вернулась и еще яростнѣе стала швырять горшками и ухватами. Ея худое, заострившееся лицо застыло въ выраженіи какой-то окаменѣлой злобы; тонкія губы были стиснуты, точно она старалась подавить въ себѣ нестерпимую боль, нахмуренныя брови сдвинуты надъ переносицей.

Въ эту минуту въ избѣ появилось новое лицо. Это была низенькая, толстая баба лѣтъ сорока, съ толкачемъ въ рукахъ. Ея скуластое лицо, все изрытое рябинами, съ толстымъ носомъ и огромнымъ ртомъ, было некрасиво, почти безобразно, но въ этихъ безобразныхъ чертахъ было разлито столько добродушія и веселости, маленькіе голубенькіе глазки смотрѣли такъ открыто и честно, что я сразу почувствовала къ толстухѣ большое расположеніе.

— Ты съ ней не говори теперича!—шепнула она мнѣ, мигая на черную бабу.—Она теперича не въ себѣ... плакать не плачетъ, а только вотъ рветъ и мечетъ на всѣхъ. Какъ Фильку схоронила, такъ и озвѣрѣла. Вѣдь и вправду, шутка ли, пятерыхъ схоронить! Да у молодой двое померло. И, Господи, чтò тутъ было! Бывало, шестнадцать человѣкъ за столъ-то садилось, а нынче пусто! Я чужая, и то жутко глядѣть.

— А это чьи же дѣти?—спросила я, указывая на люльки.

— Это наши,—равнодушно отвѣчала молодуха.—Дѣвчонки все остались, одна вотъ моя, да у середней невѣстки двѣ. Дрянь-то вотъ осталась... а на кой она? Ужъ помирали бы и эти!

— И что ты, что ты!—замахала на нее толкачемъ толстуха.—Помилуй Богъ, нешто можно такъ говорить, грѣхъ!

— Да что, извѣстно, помирали бы! Хворыя, глядѣть на нихъ тошно! А большіе да здоровые померли!

— Всѣ большіе померли?

— Старшая дѣвка-то невѣста ужъ была, 17-й годокъ. Филькѣ 14 лѣтъ было...

— Эхъ, Филяху жалко!—сказала толстуха.—Что за малый былъ! Красавитый, да работникъ, да шутникъ! А смерть свою чуялъ... Третьеводни дядя говоритъ ему: „Филяха, вставай, будя тебѣ лежать-то!“—А онъ обнялъ его эдакъ за шею, да и говоритъ: „Нѣтъ, дядяха, прощай, моего житья немного осталось“...

Толстуха прослезилась и утирала носъ и глаза полой полушубка.

— А эти у васъ здоровы?—обратилась я снова къ молодухѣ.

— Да чтò, ни здоровы, ни больны; такъ, чаврѣютъ! Вонъ

у энтой животъ ростетъ, а ноги какъ спички, и все несетъ, все несетъ, чтò ни съѣстъ, все несетъ! Моя тоже закоростовѣла совсѣмъ.

— А глазки не болятъ?

— Нѣтъ, ничего. У одной болѣло, да прошло; она теперь на дворъ убѣгла.

Я подошла къ другой люлькѣ и подняла пологъ. Мнѣ въ лицо пахнуло нестерпимымъ запахомъ; въ люлькѣ лежала дѣвочка лѣтъ двухъ, завернутая въ грязныя тряпки; головка ея, личико, руки, животъ, все слилось подъ зловонной корой мокнущей экземы.

— Я вамъ лекарства оставлю, это пройдетъ!—сказала я.— Только вы почище ее держите и мажьте аккуратнѣе.

— А ну ее! Руки отвалились совсѣмъ, а тутъ еще съ ней возись. Пущай помираетъ!

Толстуха пришла въ негодованіе.

— Ну, Фима, ты сбѣсилась! Эдакъ объ дитѣ говорить! Не говори ты съ ними!—зашептала она мнѣ.—Ополоумѣли онѣ обѣ, право слово! Ты мнѣ лекарства дай, я буду мазать! Возьму къ себѣ въ избу и буду мазать! Я одинокая!

Во все это время старшая баба не проронила ни слова и продолжала дѣятельно возиться у печи, то выходя, то возвращаясь. Но вся эта повидимому кипучая работа совершалась ею автоматически, по привычкѣ, и окаменѣлое лицо ея оставалось безучастнымъ.

Когда я записала всѣ нужныя для меня свѣдѣнія, дала лекарство и объявила, что они должны выбѣлить свою избу известкой, полы вымыть, а одежду, бывшую подъ больными, вынести на морозъ или, если не жалко, сжечь—она вдругъ точно проснулась и обернулась ко мнѣ.

— Чего это еще? Избу бѣлить?—неистово закричала она.— А мы-то куда дѣнемся?

— Ваша изба не велика, ее выбѣлить недолго. Мужики цѣлый день на работѣ, а дѣтей можно къ сосѣдямъ перевести. Да вотъ она возьметъ дѣтей!—обернулась я къ толстухѣ.

— И конешно возьму! Я одинокая!—весело подхватила толстуха, и ея безобразное лицо освѣтилось прекраснѣйшей улыбкой.—Давай ихъ всѣхъ мнѣ, я всѣмъ мѣсто найду!

— Ну вотъ и отлично! А выбѣлить непремѣнно надо, чтобы зараза не оставалась въ домѣ. Известку я вамъ привезу, платить за нее не надо, земство на свой счетъ вамъ ее дастъ!

— А мнѣ плевать на ваше земство!—въ изступленіи про-

должала баба.—Не надоть вашей известки, подавитесь вы ей! Небось, когда издыхали, васъ не было, а теперича, какъ подохли всѣ, хватились избы бѣлить да одежу жечь! Не буду я вамъ бѣлить!

— Чтò ты, чтò ты, дура!—остановилъ ее староста.—Чтò ты болтаешь? Начальство тебѣ приказываетъ законъ исполнять, а ты эдакія слова...

— Плевать мнѣ на начальство и на законъ! Ты, косой чортъ, гдѣ былъ, когда мы въ волость заявляли, что у насъ зараза? Небось, кто говорилъ: „не господа, не подохнете!" А какъ подохли,—законъ!

— Молчи, дура!—сказалъ староста и завилялъ глазами.

— Нѣтъ, я не дура, а ты мошенникъ! Ты когда доктору-то заявилъ про заразу? Когда ужъ на погостъ стали таскать! Идолы вы всѣ, будьте вы трижды прокляты! Мнѣ все равно теперича, коли жечь, такъ я все въ печку побросаю, все пожгу, и избу сожгу, и все село сожгу!..

Съ этими словами она сорвала съ себя платокъ и бросила его въ печку. Толстуха бросилась къ ней.

— Э, дура!—пробормоталъ староста, и мы вышли.—Вѣдь вотъ, дура простоволосая, не понимаетъ, какія она слова говоритъ!—продолжалъ онъ уже на улицѣ.—Вѣдь за эти, за самыя пустыя слова чтò бываетъ? Вѣдь я бы ее сейчасъ...

— Ну, Богъ съ ней, это она съ горя говоритъ!—сказала я.

— Помилуйте, да чѣмъ же начальство виновато, аль докторъ?

— А вонъ она говоритъ, что ты виноватъ, доктору вò-время не заявилъ.

— Брешетъ она, вѣдьма!—виляя глазами, сказалъ староста. —Я заявлялъ. Нѣтъ, они идолы необразованные, вотъ чтò! Давеча, энтотъ старый лѣшій въ избу не пущаетъ, а потомъ на старосту валятъ, что не доноситъ!

Мы еще не успѣли отъѣхать отъ Шипулиныхъ, какъ черезъ дорогу перебѣжала баба и, махая рукой, просила остановиться. У нея тоже сынишкѣ захватило „глоточкю"... Утромъ еще бѣгалъ, игралъ, а сейчасъ лежитъ, горитъ и ничего глотать не можетъ. Пришлось опять вылѣзать, тащиться по сугробамъ, разспрашивать, смазывать, записывать... Наконецъ, слава Богу, все кончено.

— Никого больше нѣтъ?

— Никого.

— А вотъ въ Дунькинѣ, говорятъ, тоже хвораютъ?

— Тамъ было. Трое померли, а теперь не слыхать.

На площади староста спрыгнулъ съ саней и пожелалъ добраго пути, а мы выѣхали-было на Козихинскую дорогу, какъ снова сзади крики. Къ намъ бѣжалъ высокій мужикъ, въ „знакѣ", съ бадикомъ. Оказался десятскій... у Власовыхъ малому глотку схватило, да баба жалуется. Надо выходить... Я сдѣлала десятскому строжайшее внушеніе завтра къ моему пріѣзду обойти всѣ дворы и собрать свѣдѣнія о больныхъ, чтобы обходить ихъ по порядку и не терять времени даромъ. Десятскій тащилъ почтительно мой ящикъ и твердилъ: „слушаю-съ"!..

Уже темнѣло, когда мы съ Амелькой возвращались назадъ. Амелька во время моихъ скитаній по дворамъ благоразумно успѣлъ выспаться въ саняхъ и теперь былъ въ духѣ. Онъ весело посвистывалъ и покрикивалъ на лошадей; что касается меня, то я была совершенно разбита и физически, и нравственно. Отъ усталости, отъ голода, отъ духоты избъ и тяжелыхъ впечатлѣній всего видѣннаго и слышаннаго въ головѣ у меня кружилось, во рту было сухо и горько. Я съ наслажденіемъ вдыхала въ себя свѣжій воздухъ полей и отдавалась чувству покоя, убаюкиваемая мягкимъ покачиваньемъ саней. Метель утихла, небо прояснилось; на западѣ чуть-чуть золотилась узенькая полоска зари, кое-гдѣ вздрагивали голубыя звѣздочки. Вѣтеръ еще не угомонился и вздымалъ надъ снѣгами легкіе вихри; они перепархивали съ сугроба на сугробъ, танцуя и гоняясь другъ за другомъ. И мнѣ вспоминался глухой Шипулинскій переулокъ, мерещились придавленныя сугробами убогія избы, въ ушахъ все еще раздавались крики дѣтей, голоса бабъ, проклятія жены Адріана Шипулина. Пестрый калейдоскопъ лицъ проносился передъ глазами... виляющіе глаза старосты... старушка съ комочкомъ... безобразная толстуха съ своей прелестной улыбкой... дѣвочка „Гришка"... старикъ Филиппъ Шипулинъ съ недовѣрчивымъ взглядомъ прищуренныхъ глазъ... „Ужъ больно мы напуганы, больно напуганы"... И я явственно представляла себѣ всю эту убогую жизнь подъ снѣгами, безпросвѣтный деревенскій мракъ, вѣчную борьбу съ нуждой и болѣзнями, завываніе вѣтра, бѣлые призраки, крутящіеся въ воздухѣ, безпомощные стоны умирающихъ отъ страшной заразы дѣтей,— все, все унылое существованіе деревенскаго люда, въ грязи, въ темнотѣ, въ вѣчномъ страхѣ передъ невѣдомыми ужасами... И въ полудремотѣ мнѣ вдругъ почудилось, что я—не я, а именно этотъ темный, напуганный деревенскій чело-

вѣкъ... Воетъ метель, призраки ростутъ и надвигаются на меня... гдѣ-то далеко звенитъ колокольчикъ. Все ближе, ближе... сердце сжимается отъ страха. „Кто это? Чтò это? Господи, пронеси бѣду!“...—„Шерсть-то, шерсть-то отдайте!“—прокричалъ кто-то надъ самымъ ухомъ, и я очнулась. Слава Богу, все по прежнему. Это звенитъ мой колокольчикъ; Амелька везетъ меня домой, гдѣ свѣтло, тепло и кипитъ на столѣ самоваръ... А шерсть надо отдать... А еще чтò? Да, известка... Конфетъ тоже не забыть бы купить. И какіе мы, культурные люди, все-таки подлые эгоисты!.. Даже во снѣ намъ страшно очутиться въ положеніи деревенскаго человѣка, и мы спѣшимъ проснуться. Намъ жаль разстаться съ своими привычками, съ своимъ самоварчикомъ, съ своей ежедневной газетой и культурными разговорами. А тамъ?..

Но тутъ качка снова убаюкала меня, и я забылась. И снилось мнѣ мое далекое дѣтство, когда я сама жила въ такой же занесенной снѣгомъ избѣ, вокругъ выли метели, слышались испуганные голоса, разсказывающіе о разбойникахъ, о таинственныхъ небесныхъ знаменіяхъ, о привидѣніяхъ и моровой язвѣ, о дорогой мукѣ „рубь-десять пудъ“! А мы, ребятишки, дрожа, сидѣли на печи и съ ужасомъ прислушивались къ этимъ разсказамъ...

— Вылѣзайте, пріѣхали!

Докторъ встрѣтилъ меня на порогѣ съ какой-то бумагой въ рукахъ. Я раскутывалась и второпяхъ сообщала о своихъ впечатлѣніяхъ. При извѣстіи о новыхъ заболѣваніяхъ докторъ пріунылъ.

— Печально, печально... А вотъ я сейчасъ тоже получилъ,— не угодно ли полюбоваться?

Онъ подалъ мнѣ сѣрую бумажку, которую держалъ въ рукахъ. Я прочла:

„Господину доктору Мухояровскаго медицинскаго участка отъ Кривинскаго старосты. Предписываю вамъ, что въ деревняхъ нашей волости, Катéриновкѣ и Солнцевкѣ, Петровское тожъ, на дѣтяхъ появилась зараза—жаръ, боль отъ головы и распухаетъ глотка, отчего даже помираютъ. И прошу васъ, господинъ докторъ, не замедлить пріѣздомъ, въ чемъ и подписуюсь Кривинской староста, Иванъ Чайниковъ“. Внизу подписи была приложена грубая печать.

— Вотъ вамъ и „предписаніе“! — сказалъ докторъ. — Вы завтра куда поѣдете?

— Поѣду опять въ Яругино. Надо и больныхъ провѣдать, и известку отвезти. Слѣдуетъ произвести дезинфекцію у Бурдачевыхъ, у Борискиныхъ и у Адріана Шипулина.

— Жаль! А я было-хотѣлъ васъ просить съѣздить въ Катериновку и Солнцево, — что тамъ такое? Мнѣ самому завтра нельзя; въ участокъ надо ѣхать. Вотъ получилъ съ Z пункта извѣстіе,—жена фельдшера пишетъ, что мужъ сыпнымъ тифомъ заболѣлъ. Просто не знаю, что и дѣлать!

— А это не по дорогѣ въ Яругино?

— О, нѣтъ, совсѣмъ въ другую сторону! На самой окраинѣ уѣзда.

Мы пошли смотрѣть на картѣ, гдѣ находится Солнцевка и Катериновка. Дѣйствительно, почти на границѣ Х. уѣзда съ О., Т. и К. губерніями, за линіей желѣзной дороги, мы нашли двѣ черныя точки рядомъ, которыя значились по картѣ Солнцевкой и Катериновкой.

— Видите куда? Прямо изъ Мухоярова надо ѣхать, не перемѣняя лошадей, или изъ Козихи, но въ другую сторону. Однако, пойдемте чай пить. Небось, вы озябли, устали и не ѣли ничего цѣлый день.

Но мнѣ уже было не до чаю и ѣды. Въ теплѣ меня разморило, и я еле-еле выпила стаканъ чаю и съѣла тарелку чего-то горячаго. Глаза слипались, въ ушахъ шумѣло и невыносимо хотѣлось спать. Я даже не дослушала разсказъ доктора о какомъ-то новомъ сообщеніи во „Врачѣ" и попросилась въ свою комнату. И какъ только легла въ постель, такъ и заснула мертвымъ сномъ.

VI.

Когда я встала, доктора уже не было,—онъ еще въ пять часовъ уѣхалъ съ женой на пунктъ. Мнѣ лошадей еще не подавали,—не было восьми часовъ, и, напившись чаю, я пошла въ больницу. Больница была тѣсная, довольно грязная, съ некрашеными полами, съ плохой вентиляціей; по корридору бродило нѣсколько больныхъ, изнывая отъ скуки. Больные были все больше хроники: старикъ, страдающій водянкой, двѣ-три бабы-сифилитички въ третичномъ періодѣ, ревматикъ, чахоточный и только одинъ мальчикъ съ переломомъ ноги.

Старичокъ-фельдшеръ, возившійся въ аптекѣ съ какими-то микстурами, вышелъ ко мнѣ и сообщилъ, что „Семенъ". (чахоточный больной) желаетъ меня зачѣмъ-то видѣть. Я пошла къ нему. Онъ лежалъ одинъ въ маленькой комнаткѣ, называвшейся почему-то „перевязочной". Это былъ мужикъ лѣтъ 35-40, страшно исхудавшій, съ густыми черными волосами и бородой, съ ли-

цомъ цыганскаго типа и орлинымъ, заострившимся отъ болѣзни, носомъ.

Онъ устремилъ на меня огромные тусклые глаза и прерывающимся отъ удушья голосомъ прошепталъ: „доктора-то нѣту"?

— Онъ уѣхалъ. Да ты скажи, чего тебѣ нужно, я сдѣлаю.

Больной сдѣлалъ попытку подняться, но отъ усилій только закашлялся, упалъ снова на подушку и прошепталъ: „хлѣбца бы мнѣ... бѣленькаго"...

— Хорошо, тебѣ дадутъ хлѣбца. Давно лежишь-то здѣсь?

— Давно... да вотъ... все нѣту мнѣ поправки... Скучно лежать-то одному...

— У тебя никого нѣтъ родныхъ?

— Какъ нѣту? Есть... жена да дѣвочка...

— Гдѣ же онѣ? Дома живутъ?

— Нѣтъ... дома-то у насъ нѣту... Въ людяхъ живутъ... побираются...

— Значитъ, земли-то у васъ тоже нѣтъ?

— Какая земля?..—прохрипѣлъ Семенъ, оживляясь.—Кабы земля-то была, нешто побирались бы... А то вотъ нѣту ея... по чужимъ людямъ жилъ, работалъ... да вотъ привязалась болѣсть, силы-то не стало... тоже побираться пошелъ... Ходилъ... перебивались кое-какъ... теперича не могу, свалился совсѣмъ. Скучно!.. Здѣсь-то хоша... и ничего... дай Богъ здоровья доктору... и пища, и все... да кабы домъ-то свой—лучше бы дома-то... съ своими...

Онъ замолчалъ, судорожно перебирая исхудавшими руками одѣяло...

Я вышла. Лошади уже стояли у крыльца, и Дмитрій нагружалъ сани мѣшками съ известкой и бутылями съ сулемой. Пора было ѣхать.

По пріѣздѣ въ Яругино, я, не заѣзжая къ старостѣ, велѣла Амелькѣ прямо везти меня къ Шипулинымъ. У Филиппа Шипулина меня встрѣтили дружелюбнѣе, чѣмъ вчера. Дѣвочка „Гришка" сама соскочила съ печки и еще за три шага отъ меня разинула ротъ, за что и получила немедленно обѣщанную конфетку. Варварѣ было лучше и голова болѣла меньше, но Александрина дѣвочка была совсѣмъ плоха. По прежнему она лежала въ забытьѣ на рукахъ у матери, и у нея появились уже признаки паралича глоточныхъ мышцъ. Что̀ дѣлалось у нея въ горлѣ—страшно было смотрѣть; мать плакала, и даже у меня, привычной ко всякаго рода зрѣлищамъ, дрожали руки, когда я смазывала ей горло. Вдобавокъ, во время смазыванья съ нею сдѣлалась рвота; зловонная сѣрая масса хлынула мнѣ на руки и на

лицо... Это произвело на всѣхъ присутствующихъ тяжелое впечатлѣніе, и старикъ, безнадежно махнувъ рукой, сказалъ:

— Чтò ужъ тамъ лечить!.. Положила бы тоже подъ образа, да свѣчки зажгла...

— Да замолчи ты, замолчи, ради Христа!—истерически закричала Александра и, схвативъ дѣвочку на руки, съ рыданьями бросилась изъ избы.

Отъ нихъ я пошла къ Адріану Шипулину. На этотъ разъ я застала въ избѣ самого хозяина. Онъ сидѣлъ на лавкѣ у стола и даже не пошевелился при моемъ входѣ. Голова его была свѣшена на грудь и кудрявые волосы закрывали лицо; во всей позѣ сказывалась глубокая скорбь. На другомъ концѣ стола сидѣлъ старикъ съ длинною сѣдою бородой, пожелтѣвшей на концѣ, съ рѣдкими вьющимися волосами, окружавшими его голову въ видѣ сіянія. Одной рукой онъ качалъ люльку, а другою выщипывалъ изъ лежавшей на столѣ краюхи хлѣба мякишъ и ѣлъ его, запивая квасомъ изъ кружки. Сердитая баба въ черной кофтѣ, пригорюнившись, сидѣла у печки. Всѣ молчали.

— Здравствуйте,—сказала я.

Глаза хозяйки сверкнули, лицо сдѣлалось злымъ, и она сразу вся какъ-то подобралась и насторожилась, очевидно приготовляясь дать мнѣ отпоръ. Старикъ молча уставился на меня, продолжая жевать, и только хозяинъ встряхнулъ волосами, мелькомъ бросилъ взглядъ въ мою сторону и, проговоривъ равнодушно: „здравствуйте!“—принялъ прежнюю позу.

— Ну вотъ, я вамъ известки привезла,—сказала я, чувствуя неловкость при зловѣщемъ молчаніи хозяевъ.

Никто не отвѣчалъ.

— Вы ужъ ссыпьте ее куда-нибудь, да побѣлите поскорѣе!—продолжала я, а у самой въ головѣ копошилась мысль: „И чего я въ самомъ дѣлѣ съ известкой къ нимъ лѣзу? Все равно ужъ теперь не поможешь“...

Словно въ отвѣтъ на эту мысль, хозяйка вскочила, какъ ужаленная, и закричала:

— Вотъ, опять съ известкой пристаютъ!—Сказала, не буду бѣлить,—и не буду! Бѣлите сами, коли охота! Съ пустяковиной ѣздятъ каждый день, нѣтъ на васъ пропасти, а какъ помирали, небось ни одного чорта не было...

— Молчи, баба!.. перебилъ ее мужикъ угрюмо.—Крикомъ не поможешь, изъ могилы не подымешь... А избу мы побѣлимъ!—обратился онъ ко мнѣ сухо и снова замолчалъ, понурившись.

— Да, да, побѣлите пожалуйста! И полы чтобы вымыть, выскоблить, и трапье, которое подъ больными было, сжечь...

Старикъ, который все время, насмѣшливо прищурившись, смотрѣлъ на меня,—вдругъ усмѣхнулся и прошамкалъ:

— Это къ чему же еще известка-то?

Я объяснила ему. Старикъ еще насмѣшливѣе взглянулъ на меня и покачалъ головой.

— Ишь ты вѣдь! Значитъ, больше Бога хотите быть! Божье попущеніе, Божья воля; захотѣлъ Господь наказать за грѣхи, болѣзнь наслалъ, а они, вишь, известкой хотятъ Богу напѝперечь сдѣлать. О, Господи!..

— Это, дѣдушка, неизвѣстно, наказываетъ Богъ или нѣтъ!—возразила я ему.—Мы Божьихъ дѣлъ не знаемъ и не можемъ знать, а вотъ что всякая болѣзнь заводится отъ голода, отъ холода, отъ грязи да отъ тяжкой работы,—это намъ извѣстно!

— Такъ, такъ!—иронически поддакнулъ старикъ.—Это ты вѣрно говоришь... А вотъ ты скажи, — вотъ младенецъ-то въ люлькѣ лежитъ,—отчего онъ живъ остался, а прочіе всѣ померли? Это какъ по твоему? Нѣтъ, выше Бога-то, знать, не будешь... Кому, значитъ, нужно помереть, тѣ и померли, а коимъ не нужно,—тѣ остались, а вѣдь тутъ же были, въ одномъ мѣстѣ...

Видя, что нашъ разговоръ со старикомъ грозитъ перейти въ цѣлый диспутъ, я оставила его философствованія безъ возраженія и обратилась къ хозяину.

— Такъ вы скажите мнѣ, когда бѣлить будете,—я тогда пріѣду...

— Побѣлимъ, побѣлимъ!..—сказалъ мужикъ, и на лицѣ его вдругъ выразилась отчаянная тоска.—Намъ чтѝ,—намъ трудно, что-ль, побѣлить... Да вотъ, видишь, охоты ни къ чему нѣту, руки-ноги отваливаются... Дай ты намъ вздохъ!..—почти простоналъ онъ и, отвернувшись, замолчалъ.

Эти слова подѣйствовали на меня гораздо сильнѣе, чѣмъ вопли и ругань бабы. Я не стала больше ничего говорить и вышла изъ избы. Тяжелое чувство овладѣло мною... Всѣ мои разговоры, ѣзда, известка, лекарства, суетня—все это показалось мнѣ безсмысленнымъ и ненужнымъ.

На улицѣ я встрѣтилась лицомъ къ лицу съ симпатичною толстухой. Она куда-то неслась, но, увидѣвъ меня, остановилась.

— Еще не уѣхала?—запыхавшись, сказала она.—То-то... а я-то бѣжала...

— Ну, чтѝ они тамъ? Ругается, что-ль, сама-то?

— Да, ругается. Я известку имъ привезла; вотъ не знаю, куда имъ ссыпать.

— Давай сюда... Гдѣ она? Я сейчасъ ссыплю.

Толстуха живо нашла какую-то пустую кадку въ сѣняхъ, приволокла изъ саней мѣшокъ, ссыпала известку и съ сіяющей улыбкой, довольная, посмотрѣла на меня.

— Ну вотъ! А завтра приду и побѣлю имъ... Чего на нихъ смотрѣть-то? Я ужъ двоихъ ребятъ къ себѣ перетащила... Ты зайди ко мнѣ, посмотри на нихъ... я здѣсь недалечко...

Говоря это, она тащила меня черезъ сугробы къ какой-то мазанкѣ, совершенно утонувшей въ снѣгу, — только труба торчала... Низко нагнувъ головы мы пролѣзли въ какую-то щель, толстуха толкнула крошечную дверку, и я очутилась въ темной хаткѣ, напоминавшей сказочную избушку на курьихъ ножкахъ. Присмотрѣвшись хорошенько и нѣсколько привыкнувъ къ полумраку, я увидѣла за столомъ двухъ дѣвочекъ, въ одной изъ которыхъ узнала несчастную малютку, пораженную экземой. Но теперь она была одѣта въ чистую рубашонку и головка ея была подвязана тряпочкой, сквозь которую просачивалась мазь. Толстуха очевидно принялась лечить серьезно и не жалѣла мази...

— Ну, вотъ онѣ!—весело сказала она, указывая на дѣтей.— Ишь сидятъ, чисто воробьи! И ни чуточки не кричатъ, а ужъ какъ твое мазиво прилюбилось—бѣда! Вчерась я ее взяла, вымыла-вымыла въ корытѣ, да какъ вымазала мазивомъ, — она у меня цѣльную ночь спала, и не пикнула, и не дралась совсѣмъ,— знать, мазиво-то унимаетъ зудъ! Ну, а нынче проснулась, дала я ей пышки, а она на голову указываетъ,—дескать, мазать надоть! Вотъ вѣдь дотошная какая!—въ восхищеніи прибавила толстуха.

Простившись съ нею, я отправилась дальше; безъ старосты у меня дѣло шло какъ-то ладнѣе, и хотя мнѣ не приходилось прибѣгать ни къ окрикамъ, ни къ угрозамъ, вездѣ меня встрѣчали довѣрчиво и сами зазывали въ избу посмотрѣть больныхъ. Вымазавъ кому слѣдуетъ глотки, отпустивъ лекарства и записавъ вновь заболѣвшихъ, я поѣхала къ старостѣ.

Здѣсь меня ждала уже цѣлая толпа. Угрюмый Бурдачевъ требовалъ возвращенія шерсти; старушка Платонова звала къ себѣ,—Анютка была плоха, и ее соборовали; десятскій сообщилъ, что у кабатчицы заболѣла дочка. Потомъ нужно было сдать на храненіе старостѣ мѣшки съ известью и сдѣлать распоряженіе насчетъ дезинфекціи у Бурдачевыхъ и у Борискиныхъ.

— А у Шипулиныхъ вы были?—спросилъ староста. Я нынче

туда ходилъ, такъ она, было, меня съѣла. Эдакая язва—баба! Всегда змѣища была, а теперича и совсѣмъ осатанѣла. За то Богъ-то и наказалъ!

— А мужикъ-то у нея, кажется, хорошій!—сказала я.

— Мужикъ-то хорошій, она—язва, вотъ причина! Эдакая баба, со всѣми лается, а коли не съ кѣмъ, такъ она платокъ повѣситъ, съ платкомъ будетъ ругаться! Вотъ она какая вѣдьма!

Мы поѣхали къ кабатчицѣ. Страшный гвалтъ, смѣшанный гулъ пьяныхъ голосовъ, запахъ водки, соленой рыбы, полушубковъ и пота—все это ошеломило меня при входѣ въ кабакъ. Кабатчица, толстая, красная, что называется „сырая" женщина, встрѣтила меня съ растеряннымъ лицомъ и съ бутылкой въ рукахъ, изъ которой она очевидно только сейчасъ разливала водку по шкаликамъ, выстроеннымъ въ рядъ на прилавкѣ.

— Ахъ, батюшки мои, докторица пріѣхала! — засуетилась она.—Господа поштенные, ужъ повремените пожалуйста, я сейчасъ...

Шумъ затихъ; пьяныя красныя лица съ любопытствомъ уставились на меня.

— Ладно, ладно!—послышались голоса. А одинъ рыжебородый, сильно выпившій мужикъ счелъ своимъ долгомъ отрекомендоваться и привѣтствовать меня.

— Я Лоривонъ Дутыхъ! Въ случаѣ чего, не оставьте, сударыня! Теперича, значитъ, вы у насъ докторица-то? И чудесно! Доктора-то смѣнили?

Кабатчица ввела меня за перегородку, гдѣ на огромной кровати, занимавшей три четверти помѣщенія, разметавшись, лежала прехорошенькая дѣвочка лѣтъ десяти и тяжко дышала.

— Варя, встань, покажи барышнѣ глоточку!—окликнула ее мать.

Дѣвочка съ трудомъ поднялась и покорно открыла ротъ... Желтовато-сѣрые налеты, темно-красная, бархатистая припухлость слизистой оболочки, пульсъ сто, апатія и состояніе оглушенія... Я молча стала приготовлять пульверизаторъ и кисточку.

— Дифтерикъ?—съ испугомъ спросила кабатчица.

— Да.

Она грузно опустилась на сундукъ и заплакала.—Тутъ я замѣтила, что отъ нея сильно попахивало водкой.

— Родимые мои, что же теперь я буду дѣлать!—жалко-то какъ... что за дѣвочка была, умница, въ школѣ первая ученица... И гдѣ это она, ее, проклятую, схватила?

— Да у васъ очень легко заразиться! Смотрите, сколько на-

роду бываетъ; кто-нибудь и занесъ. Вамъ бы прикрыть кабакъ надо.

— Прикрыть? А кормиться-то чѣмъ?.. Нѣтъ, это она отъ Любки Платоновой заразилась! Пріятельницы были, вотъ моя-то все къ ней и бѣгала, все бѣгала, а когда Любку хоронили, она и въ церковь бѣгала, прощалась съ ней...

— Зачѣмъ же вы ее пускали? Не надо было пускать.

— Господи, кто же зналъ? Говорятъ, — зараза, а кто ее знаетъ, какая она зараза... Кабы я знала, что дифтерикъ, привязала бы ее...

Когда я уходила изъ кабака, тамъ уже опять послышался шумъ и, наконецъ, грянула нескладная пѣсня. И долго еще вслѣдъ мнѣ неслись отголоски этой пѣсни, а я ѣхала и думала о больной дѣвочкѣ, и о пьяныхъ слезахъ ея матери, и о томъ, что, несмотря ни на что, все-таки „надо кормиться"...

Я застала доктора уже дома; онъ былъ въ мрачномъ настроеніи.

— Ну, что̀ тамъ у васъ? Скверно? И у меня скверно... Пріѣзжаемъ — фельдшеръ лежитъ въ бреду, никого не узнаетъ, мечется... Жена плачетъ и прикладываетъ ему компрессы, дѣти ревутъ. А въ другой комнатѣ толпа народа,—кто лекарства проситъ, кто звать къ больнымъ пришелъ. Я вамъ скажу, просто хоть караулъ кричи!.. Вотъ и мы съ вами тоже скоро, должно быть, свалимся. Меня и то что-то знобитъ, ломаетъ всего...

— Ну, ужъ захворай только, Коля, ужъ только захворай!— вмѣшалась докторша.—Сейчасъ же поѣду въ земскую управу и всѣхъ тамъ разругаю...

— Очень глупо будетъ! За что ругать-то? Кто виноватъ?

VII.

На слѣдующій день мы съ Амелькой ѣхали изъ Козихи по направленію къ Солнцевкѣ и Катериновкѣ, куда призывало меня „предписаніе" кривинскаго старосты. Дорога шла пустынными полями, изрытыми оврагами; деревень и селъ, ростущихъ какъ грибы, по дорогѣ въ Яругино, здѣсь совсѣмъ не попадалось. Поля, овраги, опять поля, да узенькая, малоѣзженная, ухабистая дорога, по которой даже гуськомъ трудно было ѣхать, и сани наши накренялись то на одинъ бокъ, то на другой. Мнѣ вспомнились безлюдныя степныя пространства моей родины, по которымъ когда-то приходилось мнѣ колесить сперва гимназисткой,

потомъ сельской учительницей. Тишина, просторъ, пѣсни жаворонковъ... молодыя мечты и думы... восторженные порывы, жажда дѣятельности, и потребность жертвы, и стихи Некрасова...

Все рожь кругомъ. Какъ степь живая...
Ни замковъ, ни морей, ни горъ...
Спасибо, сторона родная,
За твой чарующій просторъ!

День былъ праздничный; солнце ярко свѣтило, снѣгъ блестѣлъ и слѣпилъ глаза, полозья весело скрипѣли. Но Амелька былъ не въ духѣ и ворчалъ:

— Ни тебѣ праздника, ни тебѣ будней... Вотъ ужъ служба-то каторжная! Люди гуляютъ, а ты трусись...

— Что̀ ты ворчишь, Емельянъ?

— Да какже! — обиженно отозвался Амелька. — У людей праздникъ, а мы ѣдемъ! Загоняли совсѣмъ! Теперича у насъ въ Козихѣ-то веселье! Бабы пироги напекли; дѣвки на улицѣ гуляютъ, пѣсни поютъ!..

— А ты тоже любишь съ дѣвками пѣсни играть?

— Неужли-жъ нѣтъ? Чай, я женихъ!..

Онъ обернулся ко мнѣ, и его некрасивое, скуластое лицо озарилось самодовольной улыбкой.

— Зачѣмъ же въ батраки шелъ? Жилъ бы себѣ дома, лежалъ на печи, пироги по праздникамъ ѣлъ, съ дѣвками гулялъ...

— Нешто пошелъ бы, кабы не нужда? А то ка̀къ дома-то жить, у чего? Землю давно заложили, да и какая она земля? Одна сажень съ четью на душу. Лошади тоже нѣтъ, коровы нѣтъ, мать въ стряпки пошла, отецъ въ пастухахъ ходитъ... Пироговъ-то не больно разъѣшься, не изъ чего! Ну, что̀ стали! — съ раздраженіемъ прикрикнулъ онъ на лошадей. — Балуй!

Онъ помолчалъ и снова обернулся ко мнѣ.

— А тутъ на станціи чижало — страсть! Разгонъ большой. Ѣздишь — ѣздишь!.. Долго вы будете ѣздить?

— Да вотъ когда люди перестанутъ хворать?

— И когда же это они перестанутъ?

— А ужъ это мнѣ неизвѣстно. Ты терпи, Амелька! Когда-нибудь и на нашей улицѣ будетъ праздникъ!

— Да, когда его дождешься! — сказалъ Амелька, и горько задумался.

Что̀ бродило въ его темной головѣ? Пироги, теплая печь, пѣсни дѣвокъ или своя изба, свое хозяйство, своя воля?..

Въ сторонѣ что-то зачернѣлось, и среди снѣга ослѣпительно заблестѣли рельсы.

— Станція!—сказалъ Амелька.—Надо спросить, куда ѣхать на Солнцевку, а то я здѣсь никогда не ѣздилъ.

Мы пересѣкли линію желѣзной дороги, миновали глухую, безлюдную станцію съ сиротливой водокачкой и въѣхали въ какой-то поселокъ. На углу стояла кучка мужиковъ; Амелька обратился къ нимъ съ разспросами.

— Ѣзжай все прямо!—сказалъ мужикъ, неопредѣленно махнувъ куда-то рукой.

Я всматривалась въ снѣжную гладь, разстилавшуюся передъ нами. Вотъ впереди снова что-то зачернѣлось,—словно кучи навоза, разбросаннаго по снѣгу. Одна кучка вправо, другая — влѣво... Я старалась представить себѣ карту Х. уѣзда, и мнѣ вспомнились эти двѣ черныя точки, затерянныя среди пустынныхъ пространствъ. Должно быть, это онѣ и есть.

— Сюда, что-ль, ѣхать?—съ недоумѣніемъ говорилъ Амелька, приподнимаясь на облучкѣ и озираясь. — И дороги-то путевой нѣту; куда и править, не знаю.

Мы поѣхали наудалую, почти цѣликомъ. Лошади вязли въ сугробахъ, сани ползли бокомъ. А кучки все росли, приближались и, наконецъ, мы уперлись въ какой-то плетень. Изъ-за плетня выскочило двое ребятишекъ съ салазками и удивленно смотрѣли на насъ.

— Эта Солнцевка-то, что-ль?—спросилъ ихъ Амелька.

— Ета...

— Куда къ старостѣ подъѣхать?

Малыши переглянулись.

— А тебѣ его на что?

— Ну, разговаривай еще!—крикнулъ на нихъ Амелька.

Мальчики вдругъ проворно перелѣзли черезъ плетень, прицѣпились къ задку саней и закричали: — Вотъ прямо, прямо, черезъ гумно ѣзжай... Сюда, сюда... Вотъ изба-то съ краю... Стой, здѣсь! Эй, Ѳедотъ, иди скорѣй, тебя барыня зоветъ!

На ихъ крики изъ избы вышелъ высокій сутуловатый мужикъ въ рваномъ полушубкѣ, съ желтымъ, худымъ лицомъ, носившимъ слѣды гумознаго сифилиса, и съ испугомъ уставился на насъ.

— Гдѣ у васъ тутъ больные? — спросила я.

Староста молчалъ и растерянно мигалъ красными вѣками безъ рѣсницъ.

— Тутъ, говорятъ, дѣти у васъ хвораютъ. Покажите, куда ѣхать?

Староста продолжалъ молчать. Амелька разсердился.

— Ну, ужъ староста! Глухонѣмой онъ, что-ль, у васъ? Ты

чего-жъ стоишь, какъ пень,—слышишь, про больныхъ тебя спрашиваютъ?

— Больныхъ здѣсь много! — отозвался одинъ изъ мальчиковъ.—Вотъ тутъ въ избѣ никакъ трое лежатъ. И вонъ рядомъ тоже...

— И у Степкиныхъ всѣ ребята лежатъ!—звонко крикнулъ другой мальчикъ.

Я вышла изъ саней. Забитый, запуганный староста, наконецъ, пришелъ въ себя и, понявъ, чего отъ него требуютъ, повелъ меня по избамъ.

Дѣйствительно, чуть не въ каждой избѣ лежало по трое, по четверо больныхъ. Изъ разспросовъ выяснилось, что хворать ребята начали еще до Рождества, что болѣзнь перебрала всѣхъ, и пятеро уже умерли, а остальные кое-какъ „вызволяются". Вновь заболѣвшихъ было немного, и при осмотрѣ ихъ я убѣдилась, что имѣю дѣло не съ дифтеритомъ, а съ скарлатиной. Большинство было уже съ послѣдствіями этой болѣзни: отеки, огромные животы, малокровіе, запущенные адениты, гноящіяся, разъѣденныя язвы. . Болѣзнь, очевидно, прекращалась сама собой, безъ лекарствъ и врачебной помощи. Бѣдность вездѣ была поразительная, и яругинскія сырыя каменныя избы казались дворцами въ сравненіи съ здѣшними глиняными мазанками, топившимися „по черному", съ закоптѣлыми стѣнами, покрытыми слоемъ бархатистой сажи, съ крошечными оконцами надъ землей, съ земляными полами, изрытыми отъ ходьбы... Ни телятъ, ни овецъ съ ягнятами въ избахъ не было, потому что никакой домашней скотины въ Солнцевкѣ не водилось, а на мой вопросъ,—почему раньше не дали знать доктору о заразѣ? — получился одинъ отвѣтъ: „Да лошадей нѣту, не на чемъ съѣздить къ доктору. Давно ужъ и лошадей всѣхъ перевели"... Оставалось только удивляться такой незначительной смертности: или эпидемія была слаба, или ужъ солнцевцы отличались такой необычайной живучестью...

Староста уже оправился отъ своего испуга, и хотя все еще мямлилъ и метался безъ толку, но все-таки отъ него уже можно было добиться чего-то похожаго на членораздѣльную рѣчь. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ Катериновкѣ тоже начали хворать дѣти, и что на-дняхъ, кажется, уже хоронили. Его слова подтвердили и другіе. Со всей деревни сбѣжались мужики, бабы, ребятишки и толпой ходили за мной изъ избы въ избу. Очевидно мое появленіе въ этомъ забытомъ уголку было событіемъ, и ящикъ съ лекарствомъ вызвалъ всеобщее любопытство, смѣшанное съ благоговѣніемъ. Всѣ тѣснились поближе къ нему, заглядывали въ его

внутренность, и среди бабъ слышалось какое-то таинственное перешептываніе.

— Иди...

— Нѣтъ, ты иди...

— Попроси! можетъ, дастъ!

— Ой, нѣтъ, боюсь я...

Наконецъ, сквозь толпу, тяжело дыша, протискалась баба съ отекшимъ лицомъ и, робко откашлявшись, тронула меня за рукавъ.

— Мнѣ лекарствица не дашь?—шопотомъ спросила она.

— Какого тебѣ?

— Да вотъ видишь, больна я... Опухъ во мнѣ: и животъ пухнетъ, и руки, и ноги—видишь, какія...

Она подняла юбку и показала мнѣ огромныя, какъ бревна, ноги.

— Давно это у тебя?

— Да ужъ съ годъ время...

— Что же ты въ лечебницу не пріѣзжала, къ доктору?

— Да на чемъ? Лошадки-то нѣту у насъ, ягодка, а пѣшкомъ я развѣ дойду эдакая? Дай лекарствица!

Я объяснила ей, что у меня отъ ея болѣзни нѣтъ лекарства, но обѣщала привезти въ другой разъ и записала ея фамилію.

Ободренная успѣхомъ, толпа еще тѣснѣе сдвинулась вокругъ меня.

— И меня запиши... — прохрипѣлъ худой, какъ скелетъ, согнутый мужикъ, хватая меня за руку и съ мольбой глядя на меня.—Поясница вотъ у меня... и всѣмъ я нездоровъ. Одышка бьетъ... работать не могу...

— И меня запиши! Сыпь какая-то...

— И меня! Дѝсна гніютъ и зубы шатаются!

— А у меня вотъ мальчонку погляди... Пупокъ ростетъ!

— Да у меня вѣдь лекарствъ нѣтъ!—отбивалась я.

— Ничего, ты только посмотри...

И всѣ напирали на меня, глядѣли мнѣ въ лицо умоляющими глазами, просили лекарствъ, вопіяли о своихъ недугахъ, обдавая меня зловоннымъ отъ цынги и сифилиса дыханіемъ. Кажется, ни одного здороваго человѣка не было здѣсь... Это хроническій голодъ показывалъ мнѣ свои язвы, сыпи, сочащіяся кровью десна, одеревенѣвшіе мускулы, гніющія кости... У меня закружилась голова, въ глазахъ потемнѣло... я еле выбралась на улицу и пришла въ себя только когда уже сѣла въ сани. Толпа высыпала за мной; всѣ съ надеждой провожали меня глазами. А я чувствовала свое

полное безсиліе, и всѣ мои лекарства, мои поѣздки казались мнѣ безсмысленными и жалкими игрушками передъ этой все болѣе и болѣе обступающею меня деревенской нищетой...

VIII.

— Ну ужъ дере-евня!—сказалъ Амелька, когда мы выѣхали изъ Солнцевки.—Это ужъ и не знаю чтò такое за деревня! Сроду и не видалъ!

Онъ видимо тоже былъ пораженъ и до самой Катериновки крутилъ головой и что-то бормоталъ про себя.

Катериновка лежала всего въ полуверстѣ отъ Солнцевки и издали представляла изъ себя такую же безпорядочную груду навоза, какъ и ея печальная сосѣдка. Но вблизи она смотрѣла гораздо веселѣе. Избы здѣсь не были разбросаны зря, безъ всякаго плана, а выстроились другъ противъ друга въ довольно правильную, широкую улицу; среди глиняныхъ мазанокъ съ взъерошенными крышами попадались и большія каменныя избы съ трубами, крылечками и даже палисадниками. На улицѣ кое-гдѣ виднѣлись пестрыя кучки дѣвокъ, парней и мужиковъ въ праздничныхъ одеждахъ; слышались пѣсни; ребятишки съ гамомъ и свистомъ мчались за нашими санями, норовя прицѣпиться. Но я все еще находилась подъ мрачнымъ впечатлѣніемъ Солнцевки, и думалось мнѣ, что всѣ эти дѣвки, ребята, мужики—больные, что подъ праздничными одеждами ихъ скрываются гнойныя раны, а ихъ пѣсни и веселый гамъ ребятишекъ казались неумѣстными и рѣзали ухо.

Мы скоро отыскали старосту, который тоже не былъ похожъ на солнцевскаго. Это былъ высокій, плотный мужикъ съ умнымъ, хотя непріятнымъ лицомъ и размѣренной, обстоятельной рѣчью, сопровождаемой закругленными движеніями. Одѣтъ онъ былъ въ хорошій черный полушубокъ; на шеѣ — лиловый шарфъ; на головѣ—новая шапка. И на дѣлѣ онъ оказался такимъ же обстоятельнымъ и толковымъ, какъ на словахъ; сейчасъ же кликнулъ какого-то паренька, сказавшагося десятскимъ, и послалъ его по деревнѣ разузнавать, гдѣ есть больные, а самъ, стоя передъ санями, принялся докладывать (именно „докладывать“, а не просто разсказывать!) о томъ, какъ началась въ Катериновкѣ болѣзнь. Занесли ее къ нимъ изъ Солнцевки; заболѣли дѣти сначала у него, потому что онъ староста, и ему приходится имѣть дѣло со всякимъ народомъ, а потомъ пошли хворать и другія. Онъ тогда

сейчасъ же далъ знать въ Кривино, и вчера оттуда присылали фельдшера.

— Значитъ, съ вашего двора началось?

— Съ моего.

— И теперь у васъ есть больные?

— Нѣтъ, теперича нѣтъ, слава Богу.

— Выздоровѣли?

— Нѣтъ, померли. Дѣвочка двухъ годковъ, да мальчикъ грудной,—спокойно сказалъ староста.

Прибѣжалъ, запыхавшись, десятскій и сообщилъ, что больныхъ много. У Лабутиныхъ, у Фроловыхъ, у Вяхирева...

— У Вяхирева?—что-то соображая, спросилъ староста.—Ну такъ это вотъ чтò, — мы, значитъ, съ того конца и начнемъ, чтобы по порядку. Ты, Иванъ, бѣги впередъ, показывай дорогу, а я вотъ здѣсь присунусь. Ну, ѣзжай, ямщикъ, вонъ къ большой хатѣ... Сюда, сюда... Да что же ты, миляга, въ сугробъ-то лѣзешь! Ты къ тропочкѣ, къ тропочкѣ заворачивай... во-во... не въ снѣгъ же барышнѣ вылазить!

Мы остановились у большой избы; подъ окнами и въ сѣняхъ толпился народъ, а изнутри доносились какіе-то странные, протяжные звуки. Расторопный староста живо растолкалъ народъ; мы вошли въ избу, и я невольно остановилась на порогѣ.

Изба представляла необычайное зрѣлище. Она была чисто прибрана, на столѣ постлана бѣлая скатерть, у иконъ теплилась свѣчка. Въ красномъ углу, на лавкѣ, лежало что-то, покрытое бѣлымъ коленкоромъ. За столомъ, закрывъ фартукомъ лицо и подпершись рукой, сидѣла баба, раскачивалась изъ стороны въ сторону и въ голосъ причитала. Вся изба была наполнена этими тоскливыми, надрывающими душу звуками, и никто ихъ не прерывалъ—посѣтители молча входили и молча выходили. А въ окна ярко свѣтило низкое солнце и видны были приплюснутые носы любопытныхъ ребятишекъ.

У меня сжалось сердце... Но я пересилила себя и подошла къ бабѣ.

— Здравствуйте...—нерѣшительно сказала я и остановилась.

Баба не отвѣчала, не взглянула на меня и продолжала:

— Родимый ты мой Васинька, голубчикъ ты мой сизокрылый, и зачѣмъ же ты меня спокинулъ...

— А гдѣ же хозяинъ? — обратилась я къ толпѣ.—Мнѣ бы его разспросить надо, больныхъ посмотрѣть...

— Хозяинъ? Нѣтъ его... — послышались голоса.—Онъ ни-

какъ въ Кривино ушелъ, къ попу... Не къ попу,—за гробомъ!.. Аль за гробомъ?..

Я снова обратилась къ хозяйкѣ:

— Гдѣ же у васъ еще больные? Покажите мнѣ ихъ.

Баба не отвѣчала, и тягучія причитанія лились безъ конца, вонзаясь въ самое сердце. Нервы мои не выдержали; я чувствовала, что вотъ-вотъ, еще одна минута—и я закричу сама...

— Эй, слушай-ка, ты!—грубо крикнула я на бабу, стараясь подавить свое волненіе.—Ты что же это не отвѣчаешь? Тебя спрашиваютъ!..

Мой нелѣпый окрикъ подѣйствовалъ на бабу. Она перестала выть и тупо взглянула на меня своими мутными, заплаканными глазами.

— Чего?—точно спросонья спросила она.

Мнѣ стало невыразимо стыдно и больно передъ нею, передъ старостой, передъ всей этой безмолвной толпой, которая стояла тамъ сзади и молча осуждала меня. Лучше бы ужъ уйти... но теперь поздно, надо продолжать свою „миссію",—и я повторила вопросъ.

— Есть больныя... вонъ дѣвчонки...—отвѣчала баба.

— А это мальчикъ? Давно померъ?

— Нонѣ утромъ... Всего три денечка и хворалъ... Ва-асинька, да что же это ты со мной сдѣлалъ!..—закричала она снова и ударилась головой объ столъ.

— Будя тебѣ, Аксинья, ну чего ты!—ласково сказалъ староста.—Чтò-жъ подѣлаешь, у меня вонъ двое померли!

— Да вѣдь одинъ у ней малый-то былъ...—сказалъ кто-то въ толпѣ.—Ужъ она вѣдь какъ надъ нимъ тряслась,—страсть! Да и малый былъ хорошъ!..

Я подошла къ лавкѣ и приподняла коленкоръ. Маленькій мертвецъ лежалъ смирно, въ новой розовой рубашечкѣ, сложивъ руки на пояскѣ. Блѣдное, хорошенькое личико съ полуоткрытымъ ртомъ было серьезно и спокойно—онъ точно спалъ...

— Знаете чтò!—обратилась я къ старостѣ.—Ужъ не будемъ ее нынче тревожить. Мнѣ бы вотъ только дѣвочекъ посмотрѣть.

Но дѣвчонки куда-то забились и не показывались. Насилу староста разыскалъ ихъ на полатяхъ. Двухъ я выманила конфектами, но третья такъ и не вылѣзла. Я ужъ не настаивала; очень мнѣ было скверно... И до сихъ поръ еще не могу я забыть этой возмутительной сцены; часто вспоминается мнѣ хорошенькій мертвый мальчикъ подъ коленкоромъ, а надъ нимъ ры-

дающая мать, и ея мутные, заплаканные глаза съ нѣмымъ укоромъ смотрятъ на меня...

Мы обошли еще избъ восемь подъ рядъ. Мой ящикъ быстро пустѣлъ; оставалась только одна сушеная мята, которую я уже раздавала просто для очистки совѣсти. Но именно почему-то мята особенно привлекала всеобщее вниманіе, и ее разбирали у меня нарасхватъ.

— Ты ужъ и намъ оставь мятки-то!—говорила какая-нибудь старушка, умильно заглядывая мнѣ въ глаза.

— Да зачѣмъ тебѣ? Ты вѣдь не больна!

— А я ее замѣсто чаю буду пить!—таинственно шептала старушка.—Заварю въ горшечкѣ, да и буду пить... У меня огрызочекъ сахарцу есть.

И она бережно, вся сіяя отъ удовольствія, уносила въ бумажкѣ щепотку мяты.

— Ну, теперь, пожалуй, на тотъ конецъ поѣдемъ, къ Мареевымъ,—сказалъ староста. — Здѣсь, кажись, всѣхъ объѣхали. Нѣтъ... Стой! Петръ Кирсановъ заходилъ давеча,—мальчонка, что-ли, у него захворалъ. Стой здѣсь!

Низенькая, лохматая избенка, до самыхъ оконъ заваленная навозомъ „для тепла". Крыльца нѣтъ; узенькая щель вмѣсто двери, порогъ и темныя, какъ яма, сѣни.

— Постойте, постойте, барышня!—предупреждалъ меня староста, нащупывая впотьмахъ дверь въ избу.—Вы ужъ за меня держитесь... а то кабы того... не упасть съ непривычки. Полъ-то неровный.

Низко нагибая головы, чтобы не стукнуться о притолоку, мы влѣзли въ полутемную лачугу.

— Еще здравствуй, Петруха!—говорилъ кому-то въ полумракѣ староста. — Вотъ докторицу къ тебѣ привелъ, — кто боленъ-то? показывай!

— Да вонъ Андрюшка захворалъ...—отозвался чей-то унылый голосъ.

Я оглядѣлась. Мало-по-малу глаза мои привыкли къ темнотѣ, и я стала различать предметы. Передъ нами стоялъ высокій мужикъ; въ углу у печи, на примостѣ, въ грудахъ тряпья, лежалъ блѣдный, одутловатый мальчикъ лѣтъ восьми. Я подошла къ нему и взяла его за руку. Онъ весь горѣлъ; пульсъ былъ частый и неровный; изъ полуоткрытыхъ запекшихся губъ съ трудомъ вылетало хриплое дыханіе. Большіе голубые глаза покорно глядѣли на меня.

— Чтò у тебя болитъ, Андрюша?—спросила я, нагибаясь къ нему.

— Глотчкя...—прохрипѣлъ мальчикъ.

— Вчерась еще игралъ, и въ училище ходилъ, а нонѣ вотъ сразу схватило...—сказалъ хозяинъ.—Господи ты Боже мой, и чтò это за напасть такая?..

Особенно унылый звукъ голоса заставилъ меня пристальнѣе вглядѣться въ хозяина. Это былъ еще совсѣмъ молодой мужикъ, лѣтъ двадцати пяти, не болѣе, но красивое лицо его выражало такую безнадежную тоску, что на него жутко было глядѣть. Взглядъ большихъ голубыхъ глазъ былъ печаленъ, губы сжаты, какъ отъ сильной внутренней боли... Художникъ могъ бы писать съ него олицетвореніе отчаянія.

Ощупывая и осматривая больного мальчика, я наткнулась на что-то теплое, живое, копошившееся въ грудѣ тряпокъ рядомъ съ Андрюшей.

— А это кто у васъ еще тутъ?—спросила я.

— А это другой мальчонка, Ѳедька.

— Тоже боленъ?

— Да у него кровавый поносъ... давно ужъ.

— Чтò же вы не скажете? Надо его осмотрѣть. У меня лекарства есть.

— Да нѣтъ ужъ... онъ ужъ помираетъ никакъ,—съ ужасающимъ равнодушіемъ отчаянія вымолвилъ мужикъ.

Я стала разбирать тряпки, въ которыхъ былъ завернутъ ребенокъ. Это былъ мальчикъ лѣтъ пяти; онъ лежалъ лицомъ къ стѣнѣ и на мой зовъ не отвѣчалъ. Пульса у него почти уже не было; рѣдкіе, глубокіе вздохи вырывались изъ его груди; широко открытые, такіе же голубые, какъ у отца, глазенки, ничего не видя, глядѣли въ стѣну и начинали уже тускнѣть... У него была агонія.

— Послушайте... — сказала я въ волненіи. — Онъ дѣйствительно умираетъ... вы бы его положили куда-нибудь на другое мѣсто...

— Ну, что-жъ...—апатично проговорилъ хозяинъ.

Въ избу вошла толстая, приземистая баба лѣтъ тридцати, страшно грязная и некрасивая. Увидѣвъ меня и старосту, она безтолково засуетилась, начала для чего-то стирать со стола, потомъ схватила вѣникъ и принялась мести полъ. Я остановила ее и, указавъ на умирающаго мальчика, попросила положить его въ другое мѣсто. Она тупо глядѣла на меня и, вытирая носъ грязными пальцами, твердила: „ну кштожъ... положимъ!“

Я дала Андрюшѣ конфетку. Вдругъ откуда-то послышался звонкій дѣтскій голосокъ:

— И минѣ дай!..

— У васъ еще есть дѣти?—спросила я.

— Это мой!—широко улыбаясь и показывая бѣлые, большіе зубы, сказала баба.

— А эти развѣ не ваши?

— Нѣ... это у него отъ первой жены. Мачиха я имъ. Петюнь!.. Подь сюды, барыня и тебѣ гостинчика дасть!

На печи кто-то зашевелился и съ приступочки бойко соскочилъ мальчикъ лѣтъ трехъ. Улыбаясь и немножко косясь, онъ бочкомъ подбѣжалъ ко мнѣ и протянулъ ручонку. Я погладила его по кудрявой головкѣ и дала ему конфетку; онъ, какъ звѣрокъ, выхватилъ ее у меня изъ рукъ и проворно бросился опять на печь.

— Мамушка, она сла-адкая!..—послышался оттуда его пѣвучій голосокъ.

— Вотъ неудача этому Петрухѣ!—разсказывалъ староста, когда мы ѣхали по деревнѣ.—Петля, да и шабашъ. Совсѣмъ въ раззоръ-разорился: корова пала, лошадь еще въ голодный годъ продали, а тутъ жена померла,—на вдовѣ женился, чтобы хоть за дѣтишками-то было кому приглядѣть... Она ничего, баба добрая, а все же не родная мать, да и вокругъ себя неаккуратна. Совсѣмъ малый съ толку сбился. Теперича вотъ ребята захворали... онъ ужъ и то давеча мнѣ говоритъ: „вотъ, говоритъ, перехороню ребятъ, жена пущай одна кормится, а самъ уйду, куда глаза глядятъ“... А мужикъ какой хорошій,—тверёзый, грамотный; никакихъ эдакихъ глупостей у него нѣтъ...

— Должно быть вообще всѣ здѣсь бѣдно живутъ?—спросила я.

— Нѣтъ, ничего, нельзя сказать... Въ голодный годъ, точно, ослабли малость, а то ничего, не очень ужъ... А голодный годъ насъ, точно, здòрово обезпечилъ! Чтò было-то, вы бы поглядѣли! Вотъ у моего отца—восемь лошадей было, а осталось три. А вонъ въ Солнцевкѣ такъ на тридцать дворовъ никакъ одна лошадь!..

— Да, у нихъ тамъ бѣдность страшная.

— Не приведи Богъ! Побираются, ходятъ,—староста помолчалъ и прибавилъ:—Я такъ думаю, разбѣгутся всѣ, да и кончено...

— Куда же разбѣгутся-то?

— Да такъ, кое-куда... У насъ много эдакъ мужиковъ ушло.

Возьмутъ въ волости пачпортъ, да и уйдутъ, и гдѣ они свою жизнь обитаютъ—ничего неизвѣстно... Потому не при чемъ здѣсь жить... А вотъ наша школа!—съ гордостью сказалъ онъ, указывая на красивый домикъ съ палисадникомъ, стоявшій въ сторонѣ отъ другихъ избъ, на пригоркѣ.

— Земская?

— Нѣтъ, помѣщичья. Здѣсь барская усадьба прежде была, ну, барыня сама-то здѣсь не живетъ, отдала подъ училище, дай ей Богъ здоровья, и учительницу на свой счетъ наймаетъ. Ну, топка, сторожъ, это ужъ, извѣстно, общественные... Хорошая школа,—такой и въ Кривинѣ нѣту!

— Много ребятъ учится?

— Да почитай всѣ, и дѣвочки, и мальчики. Со станціи, изъ поселка тоже къ намъ ходятъ. Учатъ хорошо. У меня малый тоже, лѣтъ четырнадцати—охъ, ловокъ учиться! Охочъ! Кабы Богъ сило̀въ далъ,—въ городъ бы его отдалъ, и учительница тоже совѣтуетъ. Ну, Богъ знаетъ, какъ тамъ будетъ, а ужъ больно старательный малый...—У старосты на лицѣ заиграла улыбка удовольствія.—Какъ теперича книжку увидитъ, такъ и затрясется.

— А гдѣ же вы книжки достаете?

— Да гдѣ? Въ училищѣ беретъ; въ городѣ я ему покупалъ кое-какія. А ему все мало. Какъ соберусь въ городъ ѣхать, онъ ужъ это сейчасъ: „тятенька, купи книжечку, да потолще!..“ Ужъ я, грѣшнымъ дѣломъ, иной разъ заругаюсь на него.

— Зачѣмъ же ругаться? Это дѣло хорошее, что онъ читать любитъ.

— Да я и самъ понимаю, что худого нѣтъ, а все-таки... Ну, какъ зачитается, да отъ дѣла отобьется,—кто его знаетъ... Пожалуйте, вотъ Мареевы!

В. Дмитріева.

ОПЫТЪ
ГОРОДСКОГО ПОПЕЧЕНІЯ
О БѢДНЫХЪ

I.

Сводный отчетъ московскихъ городскихъ попечительствъ за первый годъ ихъ дѣятельности представляетъ интересъ прежде всего для московскаго городского управленія и для жителей Москвы. Первое—можетъ судить по отчету о томъ, принялось ли новое городское учрежденіе, и чего ему недостаетъ для дальнѣйшаго развитія; а жители Москвы убѣдятся изъ отчета, что ихъ лепты были даны не напрасно, и увидятъ, сколько еще нужно сдѣлать, чтобы ихъ родной городъ сталъ въ ряды городовъ образцовыхъ по организаціи благотворительности.

Но московскій отчетъ имѣетъ не одно только *мѣстное* значеніе. Городскія попечительства, хотя они и новы у насъ, не *случайная* форма и не *случайно* обзавелась ими Москва. Съ этой-то стороны мы хотѣли бы здѣсь коснуться дѣла и разсмотрѣть изданный московскимъ городскимъ управленіемъ отчетъ [1]), изъ котораго „Вѣстникъ Европы“ (авг., стр. 915) уже привелъ главныя цифры и нѣкоторыя подробности, характеризующія дѣятельность московскихъ попечительствъ.

Мѣстное попечительство есть современная, можно сказать,

---

[1]) „Попечительство о бѣдныхъ города Москвы въ 1895 году“. Стр. 64, съ картою. Цѣна 25 к. Складъ въ городской канцеляріи.

усовершенствованная форма благотворенія. Оно *смѣнило* собою до извѣстной степени первобытныя формы — милостыни и богадельни, но, смѣняя ихъ какъ высшая форма, оно ихъ не упразднило, а подчинило себѣ, въ себя претворило. На самомъ дѣлѣ мѣстное попечительство есть *организованная*, *систематическая* милостыня и представляетъ собою какъ бы *подвижную* богадельню. Собирая милостыни своихъ членовъ, попечительство *подаетъ* ихъ тому, кому нужно и *когда* нужно; съ другой стороны, оно не принуждено, какъ богадельня или пріютъ, ограничивать свою помощь опредѣленнымъ числомъ или разрядомъ людей, не ждетъ, чтобы къ нему приходили за этою помощью, а разноситъ свои пособія по домамъ и трущобамъ, оказывая, насколько ему позволяютъ средства, свою помощь и въ видѣ постояннаго попеченія, и въ видѣ временнаго пособія, и деньгами и квартирой, и хлѣбомъ и работой, совѣтомъ и указаніемъ, и, гдѣ возможно, нравственнымъ вліяніемъ.

Зачатки этой формы восходятъ въ глубь временъ—и попытки систематической ея организаціи встрѣчаются уже давно. Но не вездѣ она находила необходимыя для нея условія въ учрежденіяхъ и въ развитіи людей. Какъ бы то ни было, въ нынѣшнемъ вѣкѣ мѣстное попечительство—господствующая форма благотворенія въ Европѣ. Въ Англіи оно существуетъ съ начала новой исторіи, и въ настоящее время, несмотря на коренной принципъ англійскаго призрѣнія—помѣщеніе въ работный домъ—четыре-пятыхъ призрѣваемыхъ получаютъ пособіе *на волѣ* (out door relief). Во Франціи мѣстное попечительство (bureau de bienfaisance) установлено ровно сто лѣтъ тому назадъ, и если въ этой странѣ пока еще одна только треть общинъ обзавелась попечительствами (14.760 на 36.117 общинъ—въ 1884 г.), зато существующія крѣпко укоренились и успѣли довести свои основныя средства до 14 милліоновъ слишкомъ ежегодной ренты. Въ Германіи вольный городъ Гамбургъ еще въ началѣ нынѣшняго вѣка прославился образцовой организаціей своего призрѣнія, а въ Пруссіи реформа мѣстныхъ учрежденій, вызванная наполеоновскимъ погромомъ и направленная знаменитымъ фонъ-Штейномъ къ дарованію городамъ самоуправленія, создала ту почву, на которой фабричный городокъ Эльберфельдъ, въ прирейнской Пруссіи, построилъ свою образцовую организацію, получившую типическій характеръ.

Въ Россіи городовое Положеніе 1870 года не только создало тѣ условія, которыя необходимы для городской благотворительности, но и возложило эту обязанность на городскія управленія.

Дѣло было за ними. Почему и теперь еще дѣло за ними,—не трудно объяснить. Установленіе городского хозяйства требовало громадныхъ тратъ и большого напряженія силъ; въ особенности привлекало всеобщее вниманіе слишкомъ запущенное народное образованіе; но нельзя, къ сожалѣнію, не прибавить, что препятствіемъ служила также извѣстная отсталость общества въ вопросѣ объ общественномъ призрѣніи; по старой рутинѣ, благотворительность считалась дѣломъ лишь личной совѣсти или церковныхъ и крупныхъ благотворительныхъ учрежденій, какъ, напр., Императорское Человѣколюбивое Общество и т. п. Только большій навыкъ въ общественной дѣятельности, вызванный городовымъ Положеніемъ 1870 года, могъ постепенно привести къ убѣжденію, что организованная благотворительность есть существенная, неотложная задача городскихъ управленій.

Въ крупныхъ городскихъ центрахъ, гдѣ нужда ютится около довольства и нерѣдко подъ одной общей крышей, гдѣ нищіе на улицахъ не только даютъ благочестивымъ людямъ желанный поводъ подать *Христа-ради*, но сотни людей, промышляющіе этимъ великимъ словомъ, живутъ сытнѣе, чѣмъ иной труженикъ—въ такихъ городахъ давно назрѣлъ вопросъ объ организаціи общественнаго призрѣнія. Москва сдѣлала починъ; намѣтивъ путь, она облегчила другимъ городамъ предстоящую имъ задачу, а потому можетъ быть не лишнимъ взглянуть на пройденный ею путь и прежде всего познакомиться съ данною ея попечительствамъ организаціей.

II.

Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ московскому городскому управленію организовать мѣстныя или участковыя попечительства, послѣдовало со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ и предложеніе выработать *правила* для организаціи и дѣятельности этихъ попечительствъ. Правила были выработаны, приняты думою и утверждены министерствомъ. Оставалось осуществить начертанный планъ, поставить на мѣста людей и подумать о средствахъ. Это было дѣломъ городского головы—и дѣло находилось въ рукахъ человѣка какъ бы для него призваннаго. Будучи долголѣтнимъ вице-президентомъ комитета по разбору лицъ, просящихъ милостыню, и учредителемъ и организаторомъ Рукавишниковскаго пріюта, московскій городской голова зналъ близко потребности городской благотворительности; по своимъ личнымъ связямъ, онъ стоялъ близко къ различнымъ общественнымъ слоямъ, участіе которыхъ

было необходимо въ новомъ дѣлѣ. Ноября 30-го 1894 года, по предложенію головы, московская городская дума постановила, въ ознаменованіе бракосочетанія Государя Императора, ежегодно выдавать по 1.000 р. каждому изъ имѣющихъ открыться въ Москвѣ первыхъ сорока попечительствъ о бѣдныхъ, а всего 40.000 р. въ годъ. Это было приданое, которое Москва назначала своимъ попечительствамъ при снаряженіи ихъ въ путь. По французскому закону, открытіе попечительства дозволяется лишь подъ условіемъ его обезпеченія рентою, по крайней мѣрѣ въ 50 фр. въ годъ. Такъ какъ московскимъ попечительствамъ были выданы деньги за вторую половину 1894 г., то они имѣли возможность открыть свои дѣйствія съ авансомъ въ 500 р., что было совершенно необходимо.

Но такъ же необходимы, какъ деньги, были люди. Въ исторіи московской благотворительности будетъ памятно засѣданіе въ одинъ декабрьскій вечеръ въ домѣ городского головы, гдѣ рѣшалась въ извѣстномъ смыслѣ судьба зарождавшагося учрежденія, зависѣвшая отъ степени участія къ нему московскаго населенія. Отъ того, примутъ ли приглашенныя на засѣданіе лица предложенное имъ званіе попечителя участковъ,—зависѣли первый личный составъ городского попечительства о бѣдныхъ и число открываемыхъ тамъ участковъ. И здѣсь обнаружилось благотворное значеніе мѣстныхъ учрежденій и сложившейся традиціи общественнаго служенія. На отзывъ городского головы откликнулось 24 лица изъ разныхъ классовъ общества, къ числу которыхъ принадлежалъ и бывшій городской голова кн. Щербатовъ, который еще раньше организовалъ въ своемъ околоткѣ частное попечительство, и бывшій губернаторъ города Москвы кн. Голицынъ, и предводители дворянства—губернскій и уѣздные—кн. Трубецкой, Голицынъ и Ливенъ, и старшина купеческаго сословія Протопоповъ, и сыновья лицъ, оставившихъ память своей дѣятельностью въ качествѣ гласныхъ думы, Самаринъ, Горбовъ, и представители другихъ фамилій, служившихъ московской думѣ съ самаго начала ея возникновенія, Найденовъ, Гучковъ, Бахрушинъ, Ганешинъ и проф. Духовскій, состоявшій въ своемъ участкѣ предсѣдателемъ возникшаго во время холерной эпидеміи санитарнаго попечительства, и другія извѣстныя въ Москвѣ лица какъ изъ состава думы, такъ и внѣ ея.

Въ организаціи, которую усвоила себѣ московская дума, попечитель представляетъ собою ядро организма, который долженъ около него сложиться и находить въ немъ свое средоточіе. Ему предоставлено какъ при возникновеніи попечительства, такъ и

при возобновленіи его состава, пріискать себѣ товарища и помощниковъ въ числѣ до десяти, которые, по утвержденіи ихъ думою, составляютъ совѣтъ попечительства, рѣшающаго по большинству голосовъ вопросы, касающіеся призрѣваемыхъ, и другія текущія дѣла. Ему вмѣстѣ съ членами совѣта приходится привлекать *сотрудниковъ*, повѣряющихъ показанія бѣдныхъ, посѣщающихъ квартиры призрѣваемыхъ и о нихъ ходатайствующихъ въ засѣданіяхъ совѣта. Ему приходится съ членами совѣта заботиться о привлеченіи денежныхъ средствъ для попечительства, руководить засѣданіями какъ совѣта, такъ и общими, на которыхъ могутъ присутствовать всѣ члены попечительства, т.-е. всѣ лица, сдѣлавшія какой-либо взносъ въ его пользу. На попечителѣ лежитъ отвѣтственность передъ городскимъ управленіемъ за правильное расходованіе средствъ и за сохранность ихъ. Онъ обязанъ принимать участіе въ общихъ засѣданіяхъ всѣхъ городскихъ попечителей, которые подъ предсѣдательстомъ городского головы составляютъ *городское попечительство* о бѣдныхъ. Участковые попечители о бѣдныхъ соотвѣтствуютъ давнему и излюбленному въ Москвѣ учрежденію попечителей (попечительницъ) городскихъ школъ, которое такъ много сдѣлало для развитія въ обществѣ интереса къ народному образованію и для правильной постановки этого дѣла [1]).

III.

Положеніе и роль попечителя о бѣдныхъ въ московской системѣ выясняется полнѣе отъ ея сопоставленія съ парижской и эльберфельдской системами. Парижскія попечительства—ихъ 20 на весь городъ—состоятъ, каждое, изъ 12 администраторовъ, назначавшихся прежде министромъ внутреннихъ дѣлъ, а теперь префектомъ по тремъ спискамъ, представляемымъ въ двойномъ числѣ кандидатовъ директоромъ благотворительной коммиссіи, мэромъ и

---

[1]) Вотъ уже два года, какъ учрежденіе школьнаго попечительства введено и въ Петербургѣ, притомъ съ тѣмъ удобствомъ, что городъ раздѣленъ на 30 школьныхъ участковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой центръ; помощь своимъ бѣднымъ учащимся входитъ также въ число заботъ участковаго попечительства. Авторъ справедливо замѣчаетъ о чрезвычайной важности этого учрежденія для успѣховъ дѣла народнаго образованія, а потому нельзя не пожалѣть о томъ недоумѣніи, которое относительно его обнаружилось на первыхъ порахъ въ Петербургѣ; оно хорошо извѣстно нашимъ читателямъ по „опроверженіямъ“ г. директора училищъ спб. губерніи и нашимъ ему отвѣтамъ. См. ниже: „Хроника“. — *Ред.*

самимъ попечительствомъ. Администраторы засѣдаютъ подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго мэра. Каждый изъ нихъ завѣдуетъ опредѣленнымъ участкомъ и пользуется помощью состоящихъ при попечительствѣ сотрудниковъ и сотрудницъ (commissaires et dames de bienfaisance), обязанность которыхъ опредѣляется въ регламентѣ словами—assister et éclairer les bureaux dans la distribution des secours. Эти лица „присутствуютъ въ засѣданіяхъ бюро по спеціальному приглашенію съ совѣщательнымъ голосомъ".

Эльберфельдская система знаетъ только попечителя—Armenpfleger, районъ дѣйствія котораго очень узокъ—4 призрѣваемыхъ. Въ Эльберфельдѣ 1 дек. 1885 г. на его 106.493 жителей было 364 попечителя; 14 участковыхъ попечителей образуютъ округъ, во главѣ котораго поставленъ старшина (Bezirksvorsteher), предсѣдательствующій въ засѣданіи попечителей. Попечители и старшины избираются думою по предложенію стоящаго во главѣ городского призрѣнія учрежденія (Armenverwaltung), которое состоитъ подъ предсѣдательствомъ оберъ-бургомистра изъ 4 гласныхъ и 4 жителей, избираемыхъ думою.

Какъ возникновеніе, такъ и успѣшное дѣйствіе такой системы было въ зависимости отъ многихъ мѣстныхъ условій. Она началась еще въ 1800 году подъ вліяніемъ недовольства неудовлетворительными результатами прежняго церковно-приходскаго призрѣнія и была слѣдствіемъ рѣшимости гражданъ Эльберфельда самимъ взяться за дѣло и дружно сплотиться для борьбы съ одолѣвавшимъ ихъ нищенствомъ. Съ тѣхъ поръ первоначальная организація постепенно развивалась, накоплялся опытъ, росло усердіе гражданъ, и въ 1853 году эльберфельдское городское призрѣніе получило свою теперешнюю организацію. Движеніе было такимъ образомъ *самобытно* (spontané), шло снизу и съ самаго начала располагало большимъ числомъ участниковъ. Къ этому присоединились два важныхъ обстоятельства. По прусскому закону, какъ расходы на призрѣніе, такъ и безвозмездное служеніе въ организаціи городского призрѣнія стали обязательны для городскихъ избирателей. Возможность самой организаціи, наконецъ, облегчалась однороднымъ характеромъ мѣстнаго населенія, съ значительнымъ преобладаніемъ достаточнаго и крѣпко осѣдлаго бюргерства, привыкшаго къ общественной дѣятельности.

Нужно ли послѣ этого ставить вопросъ, почему московская организація не сводится къ копіи эльберфельдской? Даже въ Германіи немного еще городовъ, усвоившихъ себѣ цѣликомъ эту систему, и нѣтъ ни одного, который бы усвоилъ ее безъ всякихъ

видоизмѣненій. Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, нужно отличать сущность отъ случайныхъ формъ. Сущность современнаго призрѣнія, помимо того, что оно признается общественнымъ дѣломъ, заключается въ принципѣ *индивидуализаціи*,—т.-е., въ отличіе отъ огульнаго призрѣнія и безразличной подачи милостыни,—въ стремленіи, такъ сказать, лечить каждый случай нужды сообразно съ *личностью* и личными обстоятельствами призрѣваемаго. Для этого нужно каждый такой случай ставить подъ постоянное наблюденіе попечителя о бѣдномъ; а чтобы такая задача была исполнима для попечителя, нужно какъ можно больше съузить кругъ его попечительной дѣятельности. Эльберфельдская организація довела эту систему, для обезпеченія успѣха, до nec plus ultra *специализаціи*, постановивъ, чтобы попечителю было поручаемо не болѣе 4 паціентовъ—въ общественномъ смыслѣ. Этотъ принципъ нужно имѣть въ виду, когда идетъ рѣчь объ эльберфельдской системѣ, а не формальную сторону дѣла: называется ли, напр., такой наблюдатель надъ бѣднымъ—попечителемъ или сотрудникомъ; предоставляется ли сотруднику право рѣшающаго голоса лишь въ изслѣдованныхъ имъ случаяхъ, или также во *всѣхъ* разсматриваемыхъ въ попечительствѣ случаяхъ и т. п.

Въ Германіи два сосѣднихъ съ Эльберфельдомъ города, находящіеся въ такихъ же условіяхъ и принявшіе „почти буквально“ эльберфельдскій уставъ призрѣнія — Барменъ и Крефельдъ,—сдѣлали въ немъ отступленія: первый изъ нихъ дозволяетъ предоставлять *пфлегеру* уже шесть призрѣваемыхъ, второй допускаетъ женщинъ къ участію въ общественномъ призрѣніи. Вольный городъ Бременъ, преобразуя въ 1878 году свое призрѣніе по эльберфельдскому типу, далъ ему слѣдующую организацію. Городъ, по населенію *равняющійся* Эльберфельду, разбитъ на 160 участковъ съ особыми *пфлегерами*; восемь изъ нихъ образуютъ округъ подъ предсѣдательствомъ окружного старшины, избираемаго центральнымъ попечительствомъ (Vorstand) изъ числа пфлегеровъ. Это попечительство состоитъ изъ директора, назначаемаго бременскимъ сенатомъ изъ своей среды, и 20 окружныхъ старшинъ. Попечительство слѣдитъ за ходомъ дѣла въ окружныхъ засѣданіяхъ и имѣетъ право *отмѣнять* ихъ постановленія и перерѣшать ихъ. Въ организацію входятъ кромѣ того семь инспекторовъ надъ бѣдными, получающихъ жалованье.

Вводить въ Москвѣ эльберфельдскую систему „безъ уклоненій“ значило бы отложить осуществленіе городского призрѣнія до „*греческихъ календъ*“, т.-е. до дня, не помѣченнаго въ календарѣ. Изъ 21 тысячи заявленій о помощи, московскія попечи-

тельства, несмотря на скудныя средства перваго года, признали подлежащими удовлетворенію болѣе 15.000. Но число бѣдныхъ въ городѣ, конечно, гораздо значительнѣе. Вѣсть о возникновеніи попечительствъ еще не проникла въ массы, особенно въ тѣхъ окраинахъ, гдѣ на 3—4 полицейскихъ участка, т. е. на 100.000 жителей, было организовано лишь одно попечительство. И если въ нѣмецкихъ городахъ средняя цифра призрѣваемыхъ 3,21%, а въ нѣкоторыхъ городахъ доходитъ до 4, до 5, а въ одномъ до 6%, то число людей, подлежащихъ общественному призрѣнію, въ Москвѣ никакъ не менѣе 40.000. А это значитъ, что по эльберфельдской системѣ московскому городскому управленію нужно было бы при открытіи попечительствъ предварительно найти среди московскаго населенія 10.000 лицъ, склонныхъ и способныхъ взять на себя званіе попечителей и къ тому же достаточно для этого подготовленныхъ! Къ этому нужно прибавить, что на московскихъ окраинахъ есть цѣлыя улицы, гдѣ ютится сплошь нуждающееся въ призрѣніи населеніе, а среди мѣстныхъ домовладѣльцевъ и лавочниковъ совсѣмъ нѣтъ людей, пригодныхъ для роли попечителей; что въ Москвѣ значительная часть бѣднаго населенія перекочевываетъ изъ одного участка въ другой; что въ ночлежныхъ домахъ собираются тысячи людей, которыхъ можно застать и видѣть только ночью, и т. п.

На призывъ городского головы вступать въ организацію городского призрѣнія откликнулось въ теченіе перваго года болѣе 1.700 человѣкъ. Изъ нихъ 200 приняли званіе членовъ совѣта, что даетъ среднимъ числомъ 8 на попечительство. Но въ дѣйствительности только 6 попечительствъ набрали 10 членовъ; нѣкоторыя пошли не далѣе 6, и даже 5 и 4. Но и это число 200 нельзя принимать вполнѣ, такъ какъ нѣкоторые согласились сдѣлать взносъ и посѣщать засѣданія, но не имѣютъ возможности принимать болѣе дѣятельное участіе въ призрѣніи, стать, напр., во главѣ особаго участка. Число сотрудниковъ, занесенныхъ въ списки, около 1.500, но сюда включены и тѣ, которые очень недолгое время исполняли свои обязанности, или даже вовсе къ нимъ не приступали, или же изъявили готовность брать на себя какую-нибудь спеціальную обязанность, по врачебной или юридической части. Естественно, что особенно горячо отнеслась къ новому дѣлу молодежь, и среди студентовъ и молодыхъ дѣвушекъ не мало такихъ, которые своей преданностью дѣлу, выдержкой и теплымъ сочувствіемъ къ призрѣваемымъ внушили очевидцамъ ихъ дѣятельности полную вѣру въ прочность общественнаго призрѣнія въ Москвѣ; но самые ряды этихъ дѣятелей непрочны, и

многіе изъ нихъ должны были оставлять сотрудничество, когда у нихъ только начиналъ слагаться опытъ. Поэтому число сотрудниковъ, которые въ дѣйствительности исполняли роль аналогическую обязанности эльберфельдскихъ *пфлегеровъ*, конечно гораздо меньше, и ихъ число кромѣ того распредѣляется крайне неравномѣрно по участкамъ. Въ одномъ изъ центральныхъ и по характеру населенія наиболѣе благопріятно обставленныхъ попечительствъ (Пречистенскомъ, обнимающемъ два полицейскихъ участка) число мѣстныхъ, постоянныхъ сотрудниковъ было достаточно для того, чтобы провести децентрализацію участка, т.-е. разбить его на 42 подъ-участка въ завѣдываніи особыхъ сотрудниковъ, такимъ образомъ возведенныхъ по правамъ и обязанностямъ въ званіе попечителей своего квартала.

Московскія попечительства съ своими попечителями, членами совѣта и сотрудниками представляютъ въ настоящее время школу, можно сказать штабъ, гдѣ должны формироваться ряды будущихъ дѣятелей по общественному призрѣнію. Отъ того, какъ и насколько это удастся—будетъ зависѣть и самая форма или организація общественнаго призрѣнія въ будущемъ. Какъ ни важно число дѣятелей въ этой области, однако еще важнѣе качество ихъ. Чрезвычайно мѣтко сказалъ Зейфартъ, предсѣдатель извѣстнаго нѣмецкаго общества благотворительности и организаторъ общественнаго призрѣнія въ Крефельдѣ, что высокій подъемъ общественнаго призрѣнія въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи былъ достигнутъ только тѣмъ, „что должность попечителя бѣдныхъ была возведена на степень важнаго, гражданскаго, основаннаго на избраніи городскими думами, почетнаго званія (Ehrenamt.)".

Въ особенности необходимо имѣть въ виду этотъ принципъ въ средѣ, гдѣ самая идея городского общественнаго призрѣнія *нова*, гдѣ она многимъ непонятна и нѣкоторымъ даже несочувственна. Упадокъ англійскаго общественнаго призрѣнія въ началѣ нынѣшняго вѣка до реформы 1834 года объясняется между прочимъ тѣмъ, что „высшіе классы стали избѣгать должности попечителя (overseer) и что общественное призрѣніе попало въ руки людей мало способныхъ къ раціональному веденію дѣла". На вопросъ коммиссара одному изъ нихъ, почему онъ допустилъ такой-то неправильный расходъ, тотъ отвѣтилъ: „Помилуйте, нашъ секретарь такой ужасный человѣкъ! онъ всегда грозитъ подраться со мной (to feight me), когда я возражаю противъ такого расхода".

IV.

Попечители не только проводники въ обществѣ идеи общественнаго призрѣнія, не только посредники между мѣстными органами призрѣнія и городскимъ управленіемъ, но въ московской системѣ призрѣнія на нихъ, по необходимости, возложена и трудная забота о средствахъ мѣстнаго попечительства. Коснувшись средства, мы укажемъ на другое существенное различіе въ условіяхъ дѣйствія эльберфельдской и московской организаціи.

Попечитель въ Эльберфельдѣ и вообще во всякомъ нѣмецкомъ городѣ обязанъ, конечно, соблюдать бережливость и не допускать расходовъ, которыхъ можно избѣгнуть безъ существеннаго ущерба для бѣдныхъ; но если попечитель убѣжденъ, что такой-то расходъ цѣлесообразенъ, то онъ дѣлаетъ его, не заботясь о деньгахъ. Весь расходъ попечителей несетъ безропотно городская казна, и они ни у кого не принуждены просить денегъ. Московскія попечительства, помимо упомянутой субсидіи изъ городской казны,—въ зависимости отъ могущихъ къ нимъ поступить случайныхъ пожертвованій и въ особенности отъ денежнаго сбора, доставляемаго обходомъ по домамъ. Результаты этихъ обходовъ и вообще денежныя средства попечительствъ, поэтому, крайне неравномѣрны,—какъ, впрочемъ, и въ Парижѣ. Въ этомъ городѣ *собственныя* средства попечительствъ колеблются между 5 и 117 фр. на *единицу нужды* (unité misère), какъ гласитъ техническій терминъ французской статистики общественнаго призрѣнія, т.-е. сильнѣйшее по доходамъ попечительство можетъ истратить въ 24 раза больше на каждый случай нужды, чѣмъ бѣднѣйшее. Изъ московскаго отчета видно, что сборы членскихъ взносовъ и другихъ добровольныхъ пожертвованій колебались между 2.226 и 13.445, а если принять во вниманіе различіе въ количествѣ бѣднаго и свести разсчетъ на французскую мѣрку, то оказывается, что въ самыхъ бѣдныхъ попечительствахъ на „единицу нужды“ пришлось по 2 р. 31 к. и даже по 1 р. 83 к., тогда какъ въ болѣе состоятельныхъ приходилось по 15 р. 82 к., 18 р. 70 к., по 20 р. 51 и даже 21 р. 93 к. Въ Парижѣ это различіе сглаживается въ сильной степени тѣмъ, что коммиссія, управляющая общественнымъ призрѣніемъ города, располагаетъ большими *общими* средствами, въ нѣсколько разъ превышающими собственныя средства попечительствъ, вмѣстѣ взятыя — 9.800.000 фр. противъ 1.250.000 фр. Значительную часть этихъ общихъ средствъ (fonds commun) коммиссія тратитъ, по весьма сложной системѣ раз-

верстки, на то, чтобы уравнять средства отдѣльныхъ попечительствъ, и такимъ способомъ оно достигло того результата, что (въ 1887 г.) 19 бюро могли на „единицу нужды" тратить 93 фр., и одно лишь превосходило эту общую цифру, имѣя возможность тратить 104 фр.

Въ Москвѣ городская дума также разверстывала въ 1895 г. общія пожертвованія, а остаточныя суммы (отъ 40.000-ной субсидіи по 1.000 р. на каждое изъ 24 попечительствъ) между попечительствами—по степени ихъ нужды, но это пособіе пока еще не могло высоко поднять общаго уровня, и потому естественно, что между лицами, интересующимися успѣхами общественнаго призрѣнія, слышатся требованія объ установленіи налога въ пользу бѣдныхъ. Вопросъ этотъ не предусмотрѣнъ городовымъ Положеніемъ и можетъ быть разрѣшенъ только законодательнымъ путемъ. Но прискорбно, если съ такимъ желаніемъ усилить средства попечительствъ соединяется требованіе отмѣны добровольнаго сбора по домамъ и квартирамъ. Мѣстные сборы, какъ они ни тягостны для лицъ, ихъ производящихъ, должны составлять краеугольный камень дѣятельности попечительствъ. Подобно тому какъ эти учрежденія представляютъ собою школу для развитія дѣятелей по общественному призрѣнію, они должны своими сборами и неотступными обращеніями и ходатайствами воспитывать общество и стараться проводить въ немъ убѣжденіе, что участіе въ общественномъ призрѣніи—если не дѣломъ, то рублемъ—есть гражданскій долгъ, независимый отъ расположенія, отъ гуманности или доброты сердца. И въ богатомъ также Парижѣ опытные дѣятели по общественному призрѣнію настаиваютъ на томъ, чтобы этотъ сборъ производился и притомъ производился не нанятыми сборщиками, а самими администраторами или сотрудниками (commissaires et dames de bienfaisance). „Для того, чтобы итогъ этихъ сборовъ (collectes) былъ значителенъ, важно, чтобы онъ производился лицами благотворительными и безкорыстными".

V.

Отъ организаціи московскихъ попечительствъ перейдемъ къ ихъ дѣятельности. Въ виду того, что, какъ было сказано, дѣятельность попечительствъ совмѣщаетъ въ себѣ обѣ формы благотворительности—пособіе на *волѣ* и постоянное обезпеченіе въ пріютѣ (out door и in door relief)—и отчетъ о московскихъ попечительствахъ распадается на двѣ части. Постояннаго помѣщенія въ пріютѣ преимущественно требуютъ люди на противополож-

ныхъ порахъ жизни — одинокіе старики и дѣти. Москва богата богадельнями; если взять только 9 самыхъ крупныхъ, то число призрѣваемыхъ ими лицъ болѣе 5.000. И тѣмъ не менѣе, попечительства нашли такое множество престарѣлыхъ лицъ, влачившихъ самое жалкое существованіе, что почти всѣ были вынуждены устроивать для нихъ временные пріюты. Такимъ образомъ, къ концу перваго года 17 попечительствъ пріютили 668 человѣкъ; это значитъ, что совокупная дѣятельность ихъ создала новое благотворительное учрежденіе, которое по числу призрѣваемыхъ занимаетъ четвертое мѣсто среди главнѣйшихъ московскихъ богаделенъ.

Самымъ этимъ фактомъ, однако, еще не исчерпывается заслуга попечителствъ по общественному призрѣнію., Къ этому нужно прибавить, во-первыхъ, что результатъ достигнутъ ими съ гораздо меньшими *тратами*, т.-е. представляетъ меньшее бремя для общества. Содержаніе призрѣваемыхъ обходилось попечительствамъ по 5—6 р. въ мѣсяцъ на лицо, тогда какъ содержаніе призрѣваемаго въ общественныхъ и городскихъ богадельняхъ обходится до 9 р., а если принять въ разсчетъ траты на ремонтъ зданій и проценты съ затраченнаго капитала, то въ три раза дороже.

Во-вторыхъ, попечительства достигли этого результата безъ *затратъ*. Что̀ это значитъ—покажетъ слѣдующій разсчетъ. Чтобы соорудить богадельню на 668 человѣкъ и обезпечить ея содержаніе, необходимъ основной капиталъ отъ 2 до 3 милліоновъ. Еслибы кѣмъ-либо было сдѣлано такое громадное пожертвованіе, добрая его доля пошла бы въ пользу архитектора и подрядчиковъ; добрая часть воздвигнутаго зданія была бы отведена на квартиры служащимъ, залу засѣданія правленія, канцелярію, столовую, больницу и пр. Но такая затрата непосильна и милліонеру, а крупныхъ милліонеровъ немного, и не всякій изъ нихъ имѣетъ охоту и даже возможность сдѣлать такое пожертвованіе. Такая затрата возможна и для крупнаго города лишь съ помощью займа, а многимъ городамъ совершенно недоступна. Но попечительства возможны въ каждомъ городѣ. Московскія попечительства тратятъ на полное обезпеченіе 668 лицъ около 40.000 р. въ годъ. Для того, чтобы собрать такую сумму, достаточно, чтобы въ каждомъ изъ 40 участковъ города нашлось хотя бы 200 человѣкъ съ 5-рублевымъ ежегоднымъ взносомъ—а такой взносъ по силамъ самому небогатому семейству,—если оно будетъ отдѣлять на это по 40 к. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, значенія попечительствъ въ общественной жизни между прочимъ можетъ быть опредѣлено

какъ приложеніе великаго кооперативнаго принципа къ общественному призрѣнію.

Богадельни попечительствъ хотя и носятъ названіе *временныхъ*, какъ необезпеченныя капиталомъ, въ дѣйствительности же представляютъ собою *постоянныя* учрежденія. Болѣе сохраняютъ временный характеръ другія учрежденія попечительствъ—устроенные ими *дѣтскіе пріюты*. Въ Москвѣ и въ этомъ отношеніи много сдѣлано; въ ней дѣйствуетъ особое общеизвѣстное учрежденіе—совѣтъ дѣтскихъ пріютовъ; въ ней два частныхъ общества для безпріютныхъ дѣтей, пріютившихъ болѣе 200 дѣтей, Рукавишниковскій пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ,—великолѣпное учрежденіе имени цесаревны Маріи на 300 дѣтей,—для лицъ, ссылаемыхъ въ Сибирь; въ Москвѣ только-что открытъ Мазуринскій сиротскій домъ и т. д.; но тѣмъ не менѣе и въ этой области передъ попечительствами открылось широкое поле дѣйствія: несмотря на свои скудныя средства, уже въ первый годъ 12 попечительствъ нашли себя вынужденными открыть пріюты для 342 дѣтей. То, что̀ сказано по поводу большихъ богаделенъ, то еще съ бо̀льшимъ основаніемъ примѣнимо къ дѣтскимъ пріютамъ. Монументальныя зданія и роскошныя залы въ этомъ случаѣ не только поглощаютъ непроизводительно большія средства, но порождаютъ привычки и потребности, вредныя для многихъ дѣтей. У обратившейся въ одно попечительство простой женщины была двадцатилѣтняя дочь, портниха, недавно вышедшая изъ пріюта и не имѣвшая работы. „Отчего вы не поищете мѣста въ какой-нибудь модной мастерской?“ —спросили ее. — „Я пробовала, но не могу жить съ *народомъ*“,—отвѣтила она. И ее нельзя винить за это: она выросла барышней.

Дѣтскіе пріюты попечительствъ должны служить самымъ разнообразнымъ, такъ сказать, спѣшнымъ потребностямъ. Въ нихъ и дѣти, взятыя на день въ пріютъ, чтобы дать матери возможность идти на работу, и дѣти такихъ матерей или родителей, которые хотя остаются и дома, но не могутъ прокормить дѣтей—такія дѣти, которыхъ необходимо, по возможности, отлучить отъ родителей или отъ среды, въ которой они живутъ: напр., дѣти, которыхъ посылаютъ нищенствовать, — дѣти школьнаго возраста, которыя не попали въ школу, и которымъ дневной пріютъ замѣняетъ школу,— наконецъ, совсѣмъ безпризорныя дѣти, которыхъ нужно куда-нибудь окончательно пристроить. Положеніе всѣхъ этихъ дѣтей въ особенности вызываетъ горячее участіе къ нимъ со стороны сотрудницъ, и потому попечительства преимущественно въ этой области могутъ похвалиться рѣдкой энергіей и безза-

вѣтной преданностью дѣлу своихъ членовъ. Дѣтскіе пріюты попечительствъ представляютъ собою поприще для приложенія непрофессіональной *материнской* заботы о чужихъ дѣтяхъ, и такъ какъ самое поприще не слишкомъ обширно по числу дѣтей, то эта забота можетъ имѣть индивидуалистическій, *воспитательный* характеръ. А насколько именно воспитаніе тутъ необходимо, можно судить по слѣдующему факту. Въ одномъ изъ пріютовъ дѣтямъ предложили на страстной недѣлѣ говѣть и всѣмъ вмѣстѣ изъ пріюта ходить къ службѣ. „Дѣти отнеслись къ говѣнью очень серьезно: говѣли всѣ почти съ 7-ти-лѣтняго возраста. Между ними были нѣкоторыя 10 и 11 лѣтъ, которыя говѣли въ первый разъ, а двѣ дѣвочки 7 и 9 лѣтъ ни разу до поступленія въ пріютъ не бывали въ церкви“!

VI.

Есть еще одна область благотворительности, нуждающаяся въ учрежденіяхъ — это пріюты или больницы для хрониковъ. Несмотря на существованіе въ Москвѣ Голицынской больницы и на щедрое пожертвованіе бр. Бахрушиныхъ, устроившихъ недавно больницу для неизлечимыхъ больныхъ на 200 кроватей, попечительства встрѣтились и тутъ съ вопіющей нуждой. Но будемъ говорить словами отчета. „Съ первыхъ шаговъ дѣятельности попечительства выяснилось ужасное положеніе хроническихъ больныхъ. Не принимаемые ни одной больницей, вслѣдствіе продолжительности ихъ болѣзни, безъ всякихъ средствъ къ существованію, безъ ухода, безъ намека на гигіену, эти несчастные были обречены на мѣсяцы и на годы страдальческой жизни. Попечительство старалось, насколько возможно, облегчить ихъ участь, нѣкоторымъ выдавались денежныя пособія, управляющіе участками посылали имъ пищу, доктора не отказывали въ своей помощи, но все это не достигало цѣли, такъ какъ корень зла заключался въ помѣщеніяхъ и въ обстановкѣ, въ которой находились больныя. Сотрудницы напрасно ѣздили въ больницы и просили принять ихъ опекаемыхъ, — вездѣ получался аналогичный отвѣтъ: „хроники живутъ долго, ими займется мѣсто, намъ придется отказывать острымъ случаямъ“. И хроники умирали въ конурахъ, углахъ и подвалахъ, безо всякаго ухода.

„Таковъ былъ случай съ Е. М. Л. Она была интеллигентная женщина, вдова полковника. Страдая хронической болѣзнью въ теченіе двадцати лѣтъ, она дошла до крайней бѣдности. Дочь

ея, очень работящая дѣвушка, лишилась заработка вслѣдствіе того, что мать лежала совершенно безпомощная. Въ больницѣ ей было отказано. Я лично обратилась къ старшему доктору первой городской больницы, къ проф. С., въ Бахрушинскую больницу—все было переполнено. Хлопоты начались въ январѣ, а въ маѣ Л. умерла въ своей душной каморкѣ, величиной не болѣе кубической сажени. И не одна Л., а десятки ей подобныхъ были въ такомъ безвыходномъ положеніи". Видя эту нужду, г-жа О. Н. Сиверсъ устроила, преимущественно на средства, ею же собранныя, убѣжище для 12 женщинъ-хрониковъ. Конечно, содержаніе такого пріюта обходится не дешево и не всякое попечительство можетъ найти для этого средства. Поэтому есть основанія, чтобы городъ удовлетворилъ такой вопіющей нуждѣ собственными средствами. Но то, что было сказано по поводу богаделенъ и пріютовъ, примѣнимо и здѣсь. Больные хроники найдутъ въ небольшомъ пріютѣ, руководимомъ женщиной, которая себя на это посвятила, болѣе теплаго участія и утѣшенія, чѣмъ въ большой больницѣ, правленію которой они извѣстны лишь подъ нумерами своихъ коекъ, и сердоболіе частныхъ лицъ можетъ найти себѣ здѣсь плодотворное примѣненіе въ взаимодѣйствіи съ попечительствами.

Во Франціи мѣстныя попечительства (bureaux de bienfaisance) завѣдують исключительно *открытымъ* призрѣніемъ; завѣдываніе закрытыми благотворительными учрежденіями — hôpitaux и hospices—находится въ рукахъ особыхъ коммиссій. Московскія попечительства въ силу вещей были принуждены заняться также устройствомъ временныхъ богаделенъ и пріютовъ; но, какъ сказано въ отчетѣ, „оказаніе пособія нуждающимся на дому есть главнѣйшая и спеціальная обязанность городскихъ попечительствъ; въ этомъ заключается поводъ къ ихъ возникновенію, къ этой задачѣ приноровлена ихъ организація; помѣщать престарѣлыхъ людей въ богадельню можно было бы и безъ городскихъ попечительствъ, но постоянное попеченіе о бѣдныхъ, внимательное отношеніе къ людямъ случайно, неожиданно, иногда временно впавшимъ въ крайнюю нужду, невозможно безъ систематической и широко развѣтвленной организаціи призрѣнія, которую и представляютъ собою городскія попечительства".

VII.

Но все вышесказанное составляетъ въ то же время и самую трудную обязанность попечительствъ, и ту, наконецъ, о размѣрахъ и плодотворности которой *труднѣе* всего судить по отчетамъ. Для того чтобы дать возможность ее живо себѣ представить, нужна была бы безконечная вереница захватывающихъ, но однообразныхъ, миніатюрныхъ картинъ горя и страданій, которыя не укладываются въ рамки отчета. Разсматривая *отдѣлы*, подъ которые подведена относящаяся сюда дѣятельность попечительствъ, мы, по однимъ заголовкамъ ихъ, получаемъ полное изображеніе человѣческой нужды въ разныхъ ея проявленіяхъ. Каждый изъ этихъ заголовковъ такъ многозначителенъ въ своей краткости!—*Уплата за квартиру*!—за какую? Это нерѣдко рубль или два за койку въ смрадномъ, сыромъ подвалѣ, на которой ютится старуха, вырабатывающая кое-что вязаніемъ чулокъ или получающая пищу отъ „добрыхъ людей", но не имѣющая чѣмъ заплатить за койку. Подобнымъ образомъ и за всѣми слѣдующими заголовками легко вообразить себѣ длинный рядъ блѣдныхъ лицъ, истощенныхъ лишеніями и страданіями. *Помощь хлѣбомъ*; — помощь *платьемъ*; *выкупъ вещей* (платья или швейной машины, которою кормилась семья); *уплата* за паспортъ или за больницу; *врачебная помощь* и лекарство; *отправка* на родину; *похороны*!..

Особеннаго вниманія заслуживаютъ попытки нѣсколькихъ попечительствъ оказывать помощь доставленіемъ или пріисканіемъ *работы*. Существенный вопросъ объ удовлетвореніи потребности труда, о пособіи посредствомъ доставленія работы,—настолько обширенъ, что выходитъ за предѣлы общественнаго призрѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне труденъ въ практическомъ разрѣшеніи. Во всякомъ случаѣ необходимымъ условіемъ успѣшнаго разрѣшенія этого вопроса является подробное разслѣдованіе той среды, которая нуждается въ работѣ, а это лучше всего можетъ быть достигнуто съ помощью мѣстныхъ попечительствъ. И по другому еще вопросу московскія попечительства сдѣлали починъ въ весьма важномъ общественномъ дѣлѣ. Три изъ нихъ устроили бюро или контору для пріисканія мѣстъ и должностей. Одно изъ нихъ, на основаніи опыта, пришло къ весьма вѣрному заключенію, что такое дѣло, и по стоимости своей, и ради большой успѣшности, не должно дробиться, а быть поручено какому-нибудь центральному органу при городскомъ управленіи. Этотъ опытъ не останется, конечно,

безъ вліянія на подготовляемыя въ этомъ отношеніи московскимъ городскимъ управленіемъ мѣры.

Уже по этимъ краткимъ, приведеннымъ здѣсь изъ отчета даннымъ можно вывести заключеніе объ общемъ значеніи городскихъ попечительствъ: его не слѣдуетъ искать только въ области благотворенія и филантропіи въ тѣсномъ смыслѣ. Даже если посмотрѣть на дѣло лишь съ одной точки зрѣнія, то московскія попечительства сдѣлали *не мало*. Они привлекли къ дѣлу благотворенія *много* людей и большую сравнительно сумму—до 300.000 р. Въ ихъ лицѣ часть московскаго населенія подала бѣднымъ огромную небывалую *милостыню*. Но важно при этомъ то, что эта милостыня была на этотъ разъ раздана съ разборомъ. „Усердные сотрудницы и сотрудники,—какъ вѣрно сказано въ отчетѣ московскаго попечительства,—исходили участокъ вдоль и поперекъ. Нужда бѣдняковъ, ютившаяся по темнымъ угламъ и трущобамъ, подчасъ никому невѣдомая, безпомощная, выведена какъ бы на свѣтъ, сдѣлалась предметомъ добросовѣстнаго разслѣдованія, публичнаго обсужденія, общественнаго интереса"...

Милостыня эта подавалась кромѣ того не случайно и равнодушно проходящими лицами. „Сотрудницы и сотрудники приносили кромѣ матеріальной помощи и сердечное участіе, и человѣческое отношеніе къ тому нуждающемуся люду, который условіями жизни былъ мало къ тому пріученъ"...

Подвергая нужду добросовѣстному разслѣдованію, публичному обсужденію, городскія попечительства „пріобрѣтали драгоцѣнный навыкъ въ дѣлѣ распознаванія нужды, въ этомъ важномъ и трудномъ дѣлѣ, гдѣ опасность ошибки такъ близка, гдѣ лживая нужда такъ умѣло принимаетъ обликъ нужды истинной".

Проводя эту границу, попечительства отстаиваютъ скромное достояніе настоящаго бѣдняка отъ тѣхъ *паразитовъ*, которые присвоиваютъ себѣ это достояніе—отъ профессіональныхъ нищихъ и отъ тѣхъ еще болѣе опасныхъ попрошаекъ, которые плодятся и кормятся подъ сѣнью филантропіи въ большихъ городахъ, подавая всюду свои прошенія—и по учрежденіямъ, и по частнымъ лицамъ, разсылая повсюду письма и развивая свою профессію до невѣроятнаго искусства.

Такимъ образомъ, городскія попечительства, исполняя свое спеціальное призваніе, оказываютъ обществу и другія услуги. Они даютъ ему возможность изучить, познать не въ однѣхъ только статистическихъ цифрахъ тотъ темный слой, въ которомъ гнѣздится нужда съ сопровождающими ее страданіями, а нерѣдко и

пороками. Обстоятельная и правильная діагноза, какъ во всѣхъ другихъ областяхъ, такъ и въ соціальной—первое условіе улучшенія. Выясняя размѣры и свойства недуга, съ которымъ нужно бороться городскому управленію при помощи всего общества, попечительства служатъ также средствомъ къ распространенію въ самомъ обществѣ болѣе правильныхъ представленій объ общественномъ призрѣніи, что̀ чрезвычайно важно и необходимо для обѣихъ сторонъ, какъ для благотворителей, такъ и для самихъ просителей.

Конечно, нищенство и попрошайничество встрѣчаются и въ тѣхъ странахъ, гдѣ уже давно укоренилось общественное призрѣніе, однако дѣятельность его о̀рагновъ была тамъ ненадежна и вызвала въ народной массѣ болѣе правильный и серьезный взглядъ на дѣло—въ особенности въ Англіи, гдѣ сложился даже техническій терминъ для людей, живущихъ общественнымъ призрѣніемъ. Какъ бы ни былъ скроменъ его заработокъ, въ настоящее время рабочій человѣкъ въ Англіи, и мужчина и женщина, считаютъ для себя *униженіемъ* попасть въ разрядъ *пауперовъ*, т.-е. людей, питающихся пособіями. Такое отношеніе къ дѣлу въ высшей степени важно; оно вызываетъ въ массѣ чувство собственнаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ бережливость и заботу о будущемъ.

Тамъ, гдѣ обычай милостыни широко развитъ, онъ препятствуетъ развитію этихъ необходимыхъ соціальныхъ свойствъ. Въ этомъ заключается главный вредъ такихъ раздачъ въ поминки или другіе торжественные дни, когда сотни рублей раздаются гривенниками или рублями сбѣжавшейся толпѣ. И въ этомъ отношеніи многое можно возразить противъ раздающихся по жребію благотворительныхъ капиталовъ, особенно тогда, когда количество просьбъ дѣлаетъ невозможнымъ правильно въ нихъ разобраться, что̀ и было въ Москвѣ — до возникновенія попечительства—съ Великолѣповскимъ и Молчановскимъ капиталомъ, изъ ежегодныхъ процентовъ съ которыхъ болѣе 1.000 лицъ — на 9.000 прошеній—получали по жребію по 25 р.

„*Даютъ*,—отчего же не брать!"—вотъ взглядъ, противъ котораго приходится бороться попечительствамъ. Отчеты нѣкоторыхъ попечительствъ сообщаютъ въ этомъ отношеніи интересные факты. Въ одно изъ нихъ обратилась за помощью вдова въ безбѣдномъ положеніи, продолжавшая торговлю мужа съ ежедневною выручкой до 50 р. Когда эти обстоятельства были выяснены сотрудникомъ и ей поставлены на видъ, она оправдывалась тѣмъ, что „ея *родные* заставили ее" пойти въ попечительство. Въ другой разъ въ

то же попечительство обратились бездѣтные супруги, молодыхъ лѣтъ, полные силъ, оба имѣвшіе мѣста службы и получавшіе за нее болѣе 25 р. въ мѣсяцъ. Обратились же они за помощью на томъ основаніи, что у нихъ отъ расходовъ не остается сбереженій „про черный день".

„*Просятъ*,—отчего же не дать?"—таково нисколько не лучшее отношеніе къ дѣлу другой стороны. Что оно, не всегда по крайней мѣрѣ, разумнѣе, въ общественномъ отношеніи, въ этомъ можно убѣдиться, справившись о мотивахъ, побуждающихъ къ неумѣстной подачѣ милостыни. Одни скажутъ, что у нихъ привычка, выходя утромъ изъ дома, класть въ карманъ нѣсколько мѣдяшекъ для раздачи. Одинъ очень извѣстный писатель, подавшій милостыню здоровому нищему, отвѣтилъ на замѣчаніе, что это противорѣчитъ высказанному имъ же взгляду:—„Я далъ просто изъ *вѣжливости*; это какъ еслибы кто-нибудь попросилъ у васъ на улицѣ огня, чтобы закурить папиросу — *неловко* отказать". Наиболѣе же распространенъ мотивъ, лаконически объясненный молодымъ человѣкомъ, подавшимъ милостыню не-пожилой женщинѣ, съ признаками опьяненія:—„Э! не все ли равно, кому дать"? Еслибы этотъ молодой человѣкъ поработалъ годъ сотрудникомъ при попечительствѣ, онъ вѣроятно бы вышелъ изъ своего равнодушія *автомата*, машинально выбрасывающаго изъ себя свои бездѣлушки.

Но если попечительствамъ и приходится идти наперекоръ господствующему равнодушію и укоренившейся рутинѣ, то, съ другой стороны, они соотвѣтствуютъ глубокой потребности современнаго общества. Какъ въ прошломъ вѣкѣ верхними слоями общества овладѣло непреодолимое влеченіе къ *природѣ*, такъ въ нашемъ вѣкѣ эти слои одушевлены искреннимъ влеченіемъ къ меньшей братьи, къ *нищимъ* духа и тѣла. Мѣстныя попечительства даютъ этому влеченію полную возможность правильно и плодотворно осуществиться. „Мы, кому Провидѣніе дало общественное положеніе, состояніе и воспитаніе, мы должны дѣлать все, что мы въ силахъ сдѣлать для людей, которымъ судьба менѣе благопріятствовала". Эти слова, сказанныя въ одномъ общественномъ собраніи принцемъ Альбертомъ, супругомъ королевы Викторіи, не только характеризуютъ эту благородную личность, но и составляютъ знаменіе нашего времени. И въ Россіи, въ дѣятельности отдѣльныхъ благотворительныхъ обществъ, можно указать не мало лицъ, одушевленныхъ чувствомъ долга, высказаннаго принцемъ Альбертомъ. Но тѣмъ болѣе слѣдуетъ сказать, что и у насъ настало время для организаціи систематическаго общественнаго

призрѣнія. Москва показала примѣръ, что это дѣло находится всецѣло въ рукахъ городскихъ управленій и въ особенности городскихъ головъ. Ходатайство городского управленія въ устройствѣ попечительствъ было безпрепятственно удовлетворено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; выработанное въ московской думѣ положеніе объ организаціи и дѣятельности попечительства было безъ измѣненій утверждено министерствомъ, съ добавленіемъ только статьи, въ интересахъ города воспрещающей оказывать пособіе лицамъ, пробывшимъ въ городѣ менѣе двухъ лѣтъ. Нѣтъ основанія думать, что ходатайства другихъ городовъ встрѣтили бы менѣе благосклонный пріемъ.

Знаменательное въ жизни русскаго народа событіе привлекло въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ въ стѣны Москвы представителей всѣхъ русскихъ городовъ. Многіе изъ прибывшихъ городскихъ головъ воспользовались своимъ досугомъ, чтобы познакомиться съ достопримѣчательностями Москвы. Не знаемъ, многіе ли изъ нихъ успѣли познакомиться съ организаціей городскихъ попечительствъ. Во всякомъ случаѣ, это—единственная достопримѣчательность, которою Москва охотно бы подѣлилась съ другими городами. И трудно представить себѣ, чтобы возвратившіеся домой городскіе головы могли лучше ознаменовать великое, совершившееся на ихъ глазахъ, событіе, собравшее въ древнюю Москву русскіе города въ одну семью,—какъ взявши на себя въ своихъ городахъ починъ организаціи повсемѣстнаго общественнаго призрѣнія.

В. Герье.

АНДРЕЙ МОЛОГИНЪ

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Avoir de la volonté, c'est faire toujours non pas ce que l'on veut, mais ce que l'on a voulu.

Guizot.

Въ общей комнатѣ тѣстовскаго трактира четверо молодыхъ людей сидѣли за ужиномъ. Въ этотъ самый день они только-что скинули студенческіе мундиры, покончивъ съ послѣднимъ выпускнымъ экзаменомъ, и праздновали это великое событіе скромной пирушкой, усердно потягивая плохенькое бессарабское вино. Они помѣстились за отдѣльнымъ столомъ въ углу залы. На другомъ ея концѣ, уходившемъ въ полутьму майской ночи, мѣрно и плавно гудѣлъ органъ. Было еще не поздно. Недавно пробило полночь. Окна въ залѣ были всѣ настежь. Весна мягко и радостно вливалась черезъ нихъ въ комнату. Но молодымъ людямъ до нея не было дѣла. Въ нихъ расцвѣтала иная, своя—тоже радостная весна. Жизнь для нихъ раскрывалась широкая, загадочная и заманчивая, и разговоръ, то-и-дѣло, безпорядочно и нервно перескакивая съ вопроса на вопросъ, весь дышалъ смутнымъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ этой жизни.

Они сознавали всѣ, хоть и не высказывали этого, что пройдетъ какой-нибудь мѣсяцъ, и развѣетъ ихъ на всѣ четыре сто-

роны—развѣетъ та же своенравная судьба, которая свела ихъ на университетской скамьѣ изъ разныхъ концовъ Россіи. Общаго у нихъ не было ничего: и по своему происхожденію, и по роду занятій, даже по складу привычекъ и характера они совсѣмъ не походили другъ на друга. И тѣмъ не менѣе ихъ связывала тѣсная, хоть и случайная товарищеская дружба. Одинъ изъ нихъ, Василій Антоновичъ Бессеръ, былъ единственный сынъ извѣстнаго московскаго врача, не успѣвшаго, однако, разбогатѣть, несмотря на свою извѣстность. Это былъ длинный, худощавый, но сутуловатый и какъ-то неловко скроенный молодой человѣкъ, съ блѣдными, продолговатыми чертами лица и какимъ-то пристальнымъ, упрямымъ выраженіемъ на этомъ лицѣ, некрасивомъ, но энергичномъ. По-русски онъ говорилъ совершенно правильно, безъ акцента, но что-то особенно старательное, аккуратное въ его произношеніи все-таки выдавало въ немъ не природнаго русскаго. Онъ былъ юристъ и готовился современемъ занять профессорскую каѳедру. Сидѣвшій какъ разъ противъ него круглолицый и слегка рябой малый, съ мясистымъ ртомъ и веселыми насмѣшливыми глазами былъ и у профессоровъ, и у товарищей на отличномъ счету. Сынъ богатаго вологодскаго крестьянина, онъ въ гимназіи получилъ золотую медаль и съ блескомъ прошелъ медицинскій факультетъ. Открытаго нрава, добродушный и непритязательный, онъ сходился со всѣми легко, хотя за этимъ добродушіемъ пряталась чуткая осторожность. Себя онъ держалъ въ рукахъ, и выкладывать передъ другими свою душу до самаго дна не былъ охотникъ. А главная неотступная его мысль была всегда одна—не терять времени и не попадаться въ просакъ, чтобы въ пору себѣ обезпечить сытный кусокъ хлѣба.

Звали его Алексѣемъ Яковлевичемъ Васьковымъ.

Третій ихъ собесѣдникъ—смуглый, красивый брюнетъ съ курчавыми волосами и обильной растительностью на лицѣ, съ живымъ блескомъ въ открытыхъ темныхъ, чуть-чуть неподвижныхъ глазахъ, былъ живой контрастъ своимъ двумъ товарищамъ. Быстрый и необдуманный въ рѣчахъ, готовый всегда поувлечься, пламенный народникъ по убѣжденіямъ, онъ не видѣлъ передъ собой осязательной цѣли, не зналъ хорошенько еще, куда ему пойти—въ народные учителя или на государственную службу. Товарищи увѣряли его, что онъ такъ-таки никуда и не пойдетъ. Зачѣмъ онъ выбралъ себѣ естественныя науки, къ которымъ не чувствовалъ призванія,—онъ самъ бы хорошенько не могъ объяснить. Средства у него, впрочемъ, имѣлись достаточныя. По фамиліи онъ принадлежалъ къ духовному званію. Дѣдъ его былъ

извѣстный московскій протопопъ Аѳонскій. Отецъ, не захотѣвшій идти въ священники, въ бурное время реформъ попалъ въ какую-то исторію, но потомъ остепенился и теперь занималъ видное, хоть и не первостепенное мѣсто по судебному вѣдомству. Его Колѣ можно было, пожалуй, и побить баклуши.

Четвертый изъ молодыхъ людей, Иванъ Алексѣевичъ Ульяновъ, былъ родомъ южанинъ и сынъ довольно богатаго помѣщика. Но по внѣшности онъ казался необыкновенно забитымъ и жалкимъ. Тонкое лицо съ блѣднымъ румянцемъ на щекахъ, жидкіе, бѣлокурые волосы, какъ-то всегда расползавшіеся по головѣ, узкія плечи, низкій ростъ, наконецъ задумчивые, постоянно влажные глаза—все это взятое вмѣстѣ глядѣло какъ-то безпомощно. А между тѣмъ это былъ высоко одаренный человѣкъ, нервный и чуткій, съ отзывчивой фантазіей, съ выдающимся музыкальнымъ талантомъ. Его спеціальность была филологія. Но мертвые языки и клинообразныя надписи его не особенно занимали. Большая часть его времени уходила на причуды, казавшіяся всѣмъ почти товарищамъ нелѣпою блажью, хотя кое-кто изъ нихъ и группировался вокругъ него съ мистическимъ восторгомъ. Ульяновъ весь отдавался какимъ-то таинственнымъ, страннымъ вкусамъ—гипнотизму и столоверченію, и пописывалъ звучавшіе довольно хорошо, но зачастую совсѣмъ непонятные стихи. Онъ любилъ запираться на цѣлые дни, и въ обществѣ бывалъ, большею частью, молчаливъ. Хотя порой охватывало его восторженное настроеніе, и прорицалъ онъ тогда—именно прорицалъ, а не говорилъ только—многозначительныя, не то дикія, не то загадочныя рѣчи. И въ этотъ вечеръ онъ былъ молчаливѣе остальныхъ.

— Чтò, Ульяновъ,—дразнилъ его Бессеръ:—навѣрно стихи опять безсмысленные сочиняешь? По глазамъ вижу.

Въ самомъ дѣлѣ, глаза молодого человѣка неподвижно уставились въ противоположную сторону, точно онъ вычитывалъ на ней какія-то загадочныя слова.

— Постой, постой, не мѣшай,—разсѣянно отвѣтилъ онъ:—дай ухватиться за мысль. Сейчасъ вотъ была тутъ—и онъ пальцемъ ткнулъ себя въ лобъ—а теперь...

— Улетѣла, не давъ себя поймать? Ну, конечно, оно всегда такъ. Ты просто пьянъ, мой милый.

Ульяновъ нервно махнулъ рукой и губы его полубезсознательно пробормотали:

„Читаю я теперь, какъ тамъ, у Валтассара,
На гибельномъ пиру зловѣщія слова“...

Онъ умолкъ, напрасно силясь подыскать окончаніе къ третьему стиху.

Всѣ прочіе разсмѣялись.

— Опять символа ищетъ, — продолжалъ дразнить его Бессеръ:—какъ близорукіе ищутъ въ лѣсу грибы и, разумѣется, не находятъ...

Смѣялся онъ отрывисто и сухо. Онъ, впрочемъ, все дѣлалъ отрывисто.

— Ну, скажи пожалуйста, что̀ изъ тебя выйдетъ, и ради чего ты эти четыре года зубрилъ классическую мертвечину? Ты вѣчно будешь ходить какъ во снѣ и за призраками гоняться среди бѣлаго дня.

Ульяновъ мягко улыбнулся и хотѣлъ что-то отвѣтить, но Аѳонскій его перебилъ:

— А я вотъ что̀ думаю, господа, — остаться бы мнѣ еще на четыре года да поступить на юридическій.

— Вона!.. умно придумалъ!—разсмѣялся Васьковъ.

— Что̀, по твоему, не практично? Наживы не будетъ? Ну, скажи пожалуйста, на что мнѣ естественныя науки, коли я себѣ цѣлью поставилъ изучать народъ?..

— Объ этомъ надо было раньше думать...

— Раньше... конечно, тутъ ошибка. Самое глупое недоразумѣніе, потому что не уразумѣлъ я вѣдь самого себя. Да что̀ подѣлаешь, коли у насъ во всемъ оно такъ. Вся судьба русской интеллигенціи—сплошной рядъ ошибокъ и недоразумѣній.

— Опять старая пѣсня! — сухо захихикалъ Бессеръ: — подумаешь, невѣсть какая бездна премудрости, въ самомъ этомъ народѣ. И что̀, скажи, пожалуйста, будешь ты въ немъ изучать? Привычку лежать на печкѣ и умываться разъ въ недѣлю?

— Эхъ, Василій, грѣшно, право, грѣшно! И все оттого, что ты не природный русскій. Не понимаешь ты и не любишь народа!

— Да что̀ въ немъ понимать такого? Какое это онъ слово таинственное про себя хранитъ слишкомъ тысячу лѣтъ? Учить его надо, толкать впередъ, насильно спасать отъ самого себя.

— И обирать помаленьку, и по міру пустить?—загорячился Аѳонскій. — Хороши эти ваши новыя теоріи, нечего сказать! Пусть наука торжествуетъ и цивилизація тамъ какая-то развивается, а народъ, живой русскій народъ, пропадай себѣ пропадомъ! Это у васъ прогрессомъ называется, эволюціей!

— Что̀ дѣлать, милый мой, — возразилъ Бессеръ: — исторія требуетъ жертвъ. Отдѣльный человѣкъ самъ по себѣ ничего не значитъ, а когда онъ безграмотный пьяница, такъ и подавно.

Общество должно идти впередъ, а надъ каждымъ Ѳомкой да Ванькой слезы проливать не наше дѣло.

— И ты эту безнравственную чепуху,—совсѣмъ уже взволнованнымъ голосомъ закричалъ Аѳонскій: — собираешься съ каѳедры проповѣдовать? Васьковъ, чего ты молча слушаешь, да смѣешься, — тебя это развѣ не возмущаетъ? Ты вѣдь самъ изъ народа.

— Оттого-то, братецъ мой, я за него и не боюсь,—весело отвѣтилъ вологжанинъ.—Вы всѣ знаете его только изъ книжекъ и строите на его счетъ разныя теоріи. А я самъ изъ него вышелъ, съ избою знакомъ не по наслышкѣ и пинки видалъ отъ тятеньки самые настоящіе. Повѣрьте мнѣ, татарщину онъ вынесъ и московщину, которая была, пожалуй, похуже и петербургскихъ чиновниковъ. Такъ вы ему, господа, и съ гнѣвомъ своимъ, и съ любовью, куда какъ не страшны!..

Ульяновъ вдругъ рѣшительнымъ движеніемъ налилъ себѣ полный стаканъ вина, опорожнилъ его залпомъ и, встряхнувъ волосами, громко возгласилъ:

Читаю на стѣнѣ, какъ встарь у Валтассара,
На гибельномъ пиру,
Зловѣщія слова: и насъ постигнетъ кара
Въ полночную пору.
Какъ древній Вавилонъ, и наше поколѣнье
Судьба накажетъ вновь,
На жизненномъ пиру, въ забавахъ, въ ослѣпленьѣ,
За пролитую кровь,
За то, что красотѣ служить мы перестали;
Уродливымъ богамъ—
Богамъ насилія, богамъ огня и стали —
Подносимъ ѳиміамъ.

— Чудесно!—разсмѣялся Бессеръ.—И ты это поэзіей считаешь? Это насъ-то, скажи пожалуйста, кара постигнетъ на жизненномъ пиру? И за какую это пролитую кровь ты напасти эти сулишь? Ты дребедень эту лучше брось сочинять, а то, право, съ ума спятишь когда-нибудь.

Ульяновъ выслушалъ эту отповѣдь съ неподвижно смиреннымъ выраженіемъ на лицѣ. Его глаза были устремлены въ пустое пространство, точно онъ въ самомъ дѣлѣ чуялъ приближеніе чего-то неотвратимаго и грознаго.

— А въ одномъ ты все-таки правъ: мы дѣйствительно служимъ уродливымъ богамъ, хоть за это никто насъ и не покараетъ. И о красотѣ мы совсѣмъ думать перестали. Такая ужъ полоса нашла. Только плакаться надъ этимъ не приходится.

Всему свое время, и прежнему служенію красотѣ, и теперешнему культу безобразія. Мы тѣмъ и разумнѣе стали, что понимаемъ это и не волнуемся напрасно. Когда-нибудь опять иная волна придетъ, а теперь противъ теченія незачѣмъ бороться.

— Оппортунистъ!—зычнымъ голосомъ закричалъ Аѳонскій.— И вотъ что̀ скверно: прежде за такія слова клеймили позоромъ; такихъ людей, какъ ты, обзывали постепеновцами. Требовали всего разомъ, безъ компромиссовъ, и кое-чего достигали. А ты во сто кратъ хуже самихъ постепеновцевъ. Тебя и не тянетъ на дневной свѣтъ изъ этой тьмы кромѣшной. Ты во имя своей дурацкой науки съ каждою мерзостью готовъ мириться!

— Эхъ, батенька! — спокойно возразилъ Бессеръ, пожимая плечами.—Извѣстное дѣло,—когда у людей аргументовъ недостаетъ, они ругаться начинаютъ. И кого ругаешь—науку. Точно она виновата, что наши цыплячьи мозги не въ силахъ уразумѣть признаковъ времени, и мы глупо прыгаемъ впередъ, къ несбыточнымъ идеаламъ.

Ульяновъ прислушался къ этимъ словамъ, и тусклые его глаза вдругъ блеснули.

— Нѣтъ, господа, — заговорилъ онъ восторженно:—вы оба не правы. Настоящихъ признаковъ времени ни одинъ изъ васъ не понимаетъ. Какъ въ природѣ, мы каждый день новые законы открываемъ,—ну, хоть бы, напримѣръ, гипнотизмъ—что̀ за новая, за тайная, за великая сила! Такъ и умъ нашъ, и фантазія, все съ большею чуткостью проникаютъ въ тайны познанія, находятъ новыя созвучія, гдѣ мы прежде ихъ и не подозрѣвали. Вы надъ символистами смѣетесь, вамъ ихъ слова кажутся бредомъ, а въ томъ-то и дѣло, что у нихъ шестое чувство открылось; что прежней грубой правды имъ недостаточно. Старые идеалы рухнули, потому что это были все идеалы несостоятельные, дѣтскіе, топорные. Но когда вы на ихъ мѣсто ставите одинъ свой пошлый матеріализмъ — мы вамъ говоримъ:—нѣтъ, съ этимъ не проживешь; намъ утонченныхъ, неуловимыхъ идеаловъ надо. И коли мы пока не въ силахъ ихъ формулировать точно, мы предвкушаемъ ихъ заранѣе всѣми фибрами своего существа. Мы—то же, что ветхозавѣтные пророки.

Стѣнные часы пробили разъ.

— Постой, другъ любезный,—остановилъ Ульянова Бессеръ.— Часъ ночи—спать пора, а ты свою галиматью трезвонишь. Что это Андрей не идетъ? Я больше дожидаться не стану. Пойдемъ, Васьковъ, пора.

И Бессеръ поднялся.

— Нѣтъ, еще минуточку! Андрей сейчасъ будетъ... Задержали, должно быть,—сталъ уговаривать его Аѳонскій.

— Чего спѣшишь?..—присоединился къ нему и Ульяновъ.— Домой, спать? Ты развѣ не чувствуешь, что какъ разъ теперь, ночью, живешь удвоенною, нервною жизнью?

— Ну, хорошо,—опять усѣлся Бессеръ:—четверть часа подожду, ровно четверть часа, а потомъ ужъ не взыщите.

— Эхъ ужъ проклятая твоя нѣмецкая аккуратность! — заворчалъ Аѳонскій. — Ни малѣйшей способности къ увлеченію... Ну, смотри—вотъ и Андрей,—легокъ на поминѣ!

Въ эту минуту дверь громко распахнулась, и крупными шагами въ комнату вошелъ рослый, плечистый молодой человѣкъ, съ открытымъ, оживленнымъ лицомъ и волнистыми, небрежно зачесанными темно-русыми волосами. Мягкая борода густо окаймляла круглый подбородокъ, здоровый румянецъ игралъ на щекахъ. Глаза, быстрые, нетерпѣливые, то спокойно улыбались, то перебѣгали съ предмета на предметъ и что-то доброе и довѣрчивое въ нихъ не переставало свѣтиться.

Сидѣвшіе за столомъ встрѣтили его съ громкими возгласами радости.

II.

Андрей Мологинъ былъ единственный сынъ извѣстнаго московскаго профессора, баловень семьи и общій любимецъ товарищей. Его открытый нравъ и всегдашняя готовность сочувственно откликнуться на что угодно—на чужое горе или на только-что поднятый вопросъ — вербовали ему друзей во всѣхъ лагеряхъ. Золотое сердце и, въ придатокъ къ нему, недюжинный умъ— вотъ каковъ былъ лестный отзывъ о немъ всѣхъ его сверстниковъ. Въ любой мысли, въ любомъ направленіи онъ умѣлъ находить что-нибудь сродное собственнымъ взглядамъ, какъ пчела находитъ въ каждомъ цвѣткѣ каплю меда. И не казалось это податливостью шаткаго ума, не установившагося на опредѣленныхъ убѣжденіяхъ, а счастливою способностью въ чужихъ противорѣчіяхъ находить примиряющую, высшую идею.

— Гдѣ ты застрялъ, Андрей? Мы тебя ждали, ждали...— говорилъ ему Бессеръ.—Я ужъ собирался удрать.

— Вздоръ какой!—усаживаясь за столъ и поочередно всѣмъ протягивая руку, весело отвѣтилъ Мологинъ.—Ты знаешь—коли ужъ я далъ слово, приду навѣрно. А если опоздаю немножко, акъ не по своей винѣ. Такая была исторія,—продолжалъ онъ,

закуривая и обращаясь уже разомъ во всѣмъ:—такую пришлось кашу расхлебывать! Ну, слава Богу, уладилъ.

Всѣ глядѣли на него съ безмолвнымъ вопросомъ на лицѣ, очевидно ожидая чего-то совсѣмъ необыкновеннаго.

— Битыхъ три часа провозился съ этимъ упрямцемъ Зиминымъ. Уломалъ-таки, наконецъ.

— Положимъ, было изъ чего упрямиться,—возразилъ Бессеръ.

Прочіе молчали.

Мологинъ сперва опустилъ голову, какъ бы въ раздумьѣ, потомъ опять поднялъ свѣтящіеся глаза, обводя ими присутствующихъ.

— Да, скверная это штука, нечего и говорить,—началъ онъ опять тихимъ голосомъ.—Тарасовъ былъ кругомъ виноватъ.

— Еще бы,—опять вставилъ Бессеръ:—растратить деньги товарища и цѣлый мѣсяцъ не признаваться, когда этотъ товарищъ, вдобавокъ, самъ нуждается и столько разъ выпутывалъ его изъ бѣды. Не мудрено, что Зиминъ съ такимъ подлецомъ больше не хотѣлъ знаться.

Одобрительный шопотъ пронесся по столу. Всѣ прочіе, очевидно, были одного мнѣнія съ Бессеромъ, только не высказывали этого прямо.

— А знаешь,—рѣшительно взглянувъ на Бессера своими блестящими глазами, громко отвѣтилъ Андрей.—Что этому самому Тарасову Зиминъ протянулъ руку въ моемъ присутствіи и обѣщалъ все позабыть? Да-съ, вотъ чего я достигъ! Видишь, коли я опоздалъ,—извинить меня можно.

— Сильно, что̀ и говорить,—пробормоталъ Бессеръ.—Только много ли проку будетъ въ такомъ примиреніи? Тарасовъ все-таки подлецъ.

— Есть грѣшокъ,—захихикалъ Васьковъ.

— И охота тебѣ,—чуть слышно сказалъ Ульяновъ,—вмѣшиваться въ это грязное дѣло!..

Мологинъ опять молча обвелъ глазами присутствующихъ. Потомъ онъ спросилъ у Аѳонскаго:

— А ты, Коля, ничего не скажешь?

Яркій румянецъ выступилъ на смуглыхъ щекахъ Аѳонскаго. Видно было, что онъ боролся съ затаеннымъ чувствомъ, не рѣшаясь ему дать вырваться. Андрей повторилъ свой вопросъ.

— По-моему,—сказалъ, наконецъ, Аѳонскій:—дурную траву изъ поля вонъ! Нечестныхъ людей въ нашемъ кружкѣ терпѣть нельзя.

— Да? и ты, стало быть, одного мнѣнія съ ними? И всѣ

вы находите, что если кто провинился—его простить уже нельзя? И такъ Аѳонскій, думаешь ты, чувствуетъ народъ—нашъ русскій православный народъ, который ты такъ любишь? За минуту увлеченія заклеймить человѣка позоромъ и навсегда вытолкнуть его изъ общества порядочныхъ людей, чтобъ онъ ужъ навѣрно сталъ на скверную дорогу! Это, по-твоему, честно, хорошо? Нѣтъ, господа, какъ хотите, народъ думаетъ не такъ, и православіе учитъ иному!

На губахъ Бессера показалась улыбка, а у Васькова искорка мелькнула въ глазахъ.

— Ахъ, вы!—замѣтивъ это, съ укоромъ сказалъ Мологинъ:—все осмѣять готовы со своимъ дрянненькимъ скептицизмомъ. Ну, онъ еще, положимъ, на половину только русскій—а ты, Васьковъ, зачѣмъ туда же?

— А ты самъ, Мологинъ,—спросилъ Васьковъ:—съ какихъ поръ сталъ...

— Вѣрующимъ?—перебилъ его Андрей, и правой рукой взъерошилъ свои густыя кудри:—ахъ, братецъ ты мой,—я, можетъ, по настоящему и не вѣрую какъ слѣдуетъ, только не могу я и не хочу тоже распроститься съ вѣковыми понятіями народа, съ русскою душой, которая сидитъ во мнѣ, какъ и во всѣхъ васъ. Можно отрицать догматы, и все-таки, все-таки, сохранять въ себѣ то, что̀ составляетъ весь смыслъ, всю цѣну нашего православія—его безконечное умиротворяющее мягкосердіе...

Съ минуту всѣ помолчали. Слова Андрея подѣйствовали.

— Ты не всегда такъ говорилъ,—замѣтилъ ему, наконецъ, Бессеръ.—Ты высказывалъ, помнится, такія строгія требованія.

— Да, строгія къ себѣ, но не къ другимъ. На себя надо вериги накладывать—понимаешь, нравственныя вериги—а другимъ... Ну, господа,—перебилъ онъ себя вдругъ:—полно философствовать. Давайте о другомъ говорить. Экзамены съ плечъ долой,—ура! такихъ дней въ жизни немного!—И, тряхнувъ головой, онъ громко окликнулъ полового.—Эй, шампанскаго, и хорошенько заморозить!

— Шам-панскаго?—съ разстановкой переспросилъ Бессеръ.—Вотъ какъ расходился! Ты—всегдашній проповѣдникъ строгаго воздержанія?

— Эхъ, братецъ мой,—смѣясь, возразилъ Андрей:—вѣчно ты съ своей дрянненькой нѣмецкой логикой. Развѣ всѣ дни въ жизни другъ на друга похожи? Dormiant leges, милѣйшій мой,—даже спартанцы это признавали—спартанцы, эти нѣмцы древ-

ности, не понимавшіе, что не люди существуютъ для законовъ, а законы для людей.

— Ты вѣдь самъ изъ себя не разъ спартанца корчилъ,— попробовалъ опять возразить Бессеръ.—Помнишь, какую ты разъ проповѣдь намъ всѣмъ прочелъ, требуя подвижничества какого-то? Это былъ твой лучшій ораторскій успѣхъ. Аѳонскій послѣ того даже пить бросилъ. Помнишь твою знаменитую параллель между восточными аскетами и русской молодежью? Ты говорилъ тогда, что въ русскомъ человѣкѣ потребность подвига сидитъ и самый матеріализмъ у насъ получаетъ аскетическій закалъ.

— Не только говорилъ, и теперь повторю то же! Да что жъ изъ этого? Мы, русскіе, тѣмъ и великій народъ, что не подходимъ ни подъ какую мѣрку, что сегодня мы черезъ любыя Балканы перелѣзть готовы, и ни холодъ, ни голодъ, намъ не страшны; а завтра мы—самые простые люди, и ни тѣни геройства, повидимому, въ насъ нѣтъ. Вотъ этого вы, нѣмцы, съ своей европейской закваской, никогда не поймете. Коли надѣнете рыцарскіе доспѣхи, такъ ужъ не снимете ихъ ни за что. И такъ и написано у васъ на лбу, даже когда сквернаго кофе отхлебываете: „Мы побѣдители, мы великій народъ". Нѣтъ,—великіе тѣ только, кто умѣютъ быть малыми.

Половой, между тѣмъ, принесъ замороженную бутылку. Пробка хлопнула, и пѣнистая влага была разлита по стаканамъ.

— Ну, господа,—съ шумомъ поднимаясь, воскликнулъ Андрей: —за нашъ университетъ, за наше хорошее прошлое и за будущее тоже, которое станетъ, надѣюсь, еще лучше... За честность убѣжденій, которымъ мы не измѣняли никогда! За нашъ страждущій, но бодрый, православный народъ! Да, православный,—я это сто разъ повторю—смѣйся тамъ, сколько угодно, Бессеръ и ты, Васьковъ, тоже! Я слова этого не боюсь. Не то, конечно, это православіе, что̀ въ катехизисѣ имѣется, а природное наше, мужицкое... Да, православіе наше—истинно мужицкая, демократическая вѣра. И попы наши бородатые, и пьяница нашъ мужикъ съ своей глупой, но дорогой намъ всѣмъ общиной—все это Русь, Русь настоящая.

— Ура! правда, глубокая правда!—не вытерпѣлъ Аѳонскій, и бросился обнимать пріятеля.

— Смотри!—весь стаканъ расплескалъ. Фу, дубина!—комично разсердился Мологинъ.

— Видишь, — нѣмецкая аккуратность тоже на что-нибудь таки годна,—разсмѣялся Бессеръ, осторожно чокаясь съ Андреемъ. Остальные чокнулись тоже.

— А ты, Ульяновъ, чего отпиваешь крохотными глотками, словно дѣвица красная, — хихикнулъ Васьковъ: — или нервы боишься разстроить?

— Я и жизни отхлебываю крошечными глотками,—не только вина,—съ блуждающею мягкой улыбкой на влажныхъ глазахъ отозвался Ульяновъ.—Этому еще насъ древніе учили.

— Противный эпикуреецъ!—прогремѣлъ Аѳонскій.

— Не одни эпикурейцы имѣлись въ древности,—были и циники,—съ тѣмъ же мягкимъ выраженіемъ продолжалъ Ульяновъ.

— Ну, такъ циникъ, коли хочешь!—циникъ, развѣ это лучше?

— Не лучше, положимъ, только совсѣмъ изъ другой оперы. Это ужъ такая у тебя привычка все валить въ одну кучу. А отчего такъ? Оттого, что ты одностороненъ, какъ всѣ вы—народники, славянофилы, почвенники,—ну, какъ еще васъ тамъ кличутъ... Надо всего отвѣдать, всего понемножку, потому что во всякой идеѣ, даже самой нелѣпой, есть крупица истины.

— Опять ахинею понесъ!—воскликнулъ Бессеръ.

— Нѣтъ, господа, не ахинею,—провозгласилъ Андрей, совсѣмъ теперь расходившійся. У него и глаза блестѣли необычнымъ огнемъ, какъ блестятъ они только за полночь, когда чуть-чуть туманится въ головѣ и не совсѣмъ ясно различаютъ призраки отъ дѣйствительности.

— Не ахинею,—повторилъ онъ:—тутъ, напротивъ, кроется глубокая мысль, только Ульяновъ ее не выразилъ какъ слѣдуетъ. Способность все понимать и на все отзываться—драгоцѣнное свойство. И въ насъ, русскихъ, именно оно есть,—мы послѣдніе пришли на пиръ цивилизаціи, и всего, чт҄о было подано на этомъ пиру, намъ приходится отвѣдать.

— Стало быть, мы обжоры?—разсмѣялся Бессеръ.

— Нѣтъ, мы только лучше и вѣрнѣе другихъ понимаемъ, чт҄о человѣку нужно, чт҄о настоящее золото, чт҄о мишура въ европейскомъ прогрессѣ, потому что мы, славяне, не утратили своей народной души и ею, а не умомъ только, отзываемся на вопросы знанія и жизни.

Онъ хотѣлъ налить себѣ еще шампанскаго, но бутылка оказалась пустою.

— Эй, братецъ, еще бутылку!—крикнулъ онъ.

— Однако!—насмѣшливо отпустилъ Бессеръ.

— Чт҄о? экономія нѣмецкая въ тебѣ сказывается? Не безпокойся,—мой „патеръ“ мнѣ сегодня, по случаю послѣдняго экзамена, радужную приподнесъ. Такъ беречь ее прикажешь, что-ли, —на черный день?

— А я и забылъ тебя новостью обрадовать,—вдругъ хлопнулъ себя по лбу Васьковъ:—знаешь, кто здѣсь, въ Москвѣ, со вчерашняго дня?—Твой пріятель Курцовъ!

Радостное восклицанiе вырвалось у Мологина въ отвѣтъ на это извѣстіе.

— Да, про тебя спрашивалъ, отыскивалъ тебя на прежней квартирѣ,—продолжалъ разсказывать Васьковъ:—я ему сказалъ, что отецъ твой казенную получилъ и въ самомъ университетѣ живетъ.

— Ну, чтò, каковъ онъ? Измѣнился очень? Новыхъ идей набрался за границей? Я его цѣлыхъ вѣдь два года не видалъ,—не слушая Васькова, осыпалъ его вопросами Андрей.

Курцовъ уже два года передъ тѣмъ окончилъ университетъ и отправился въ Германію изучать сельское хозяйство. Онъ былъ круглый сирота и наслѣдникъ довольно большого имѣнія въ рязанской губерніи.

— По-моему, онъ все тотъ же,—коротко отвѣтилъ Васьковъ.

— То-есть, по настоящему,—дрянь!—отпустилъ Аѳонскій.—Западникъ! Да и самаго сквернаго еще пошиба—аристократишка!

— Какъ тебѣ не стыдно?—заступился за Курцова Андрей.—Онъ лучшій мой пріятель, а сталъ бы я развѣ дружить съ аристократишкой?

— Вотъ въ толкъ не возьму,—сказалъ Бессеръ:—какъ вы можете быть пріятелями. Нѣтъ у васъ ничего общаго, рѣшительно вѣдь ничего. Ты...

Андрей сразу оборвалъ его, нахмурившись. Бессеръ былъ единственный изъ товарищей, позволявшій себѣ иногда обсуждать слова и поступки Мологина,—а этого допускать не слѣдовало.

— Ну, чтò такое я, по-твоему?—перебилъ Бессера Андрей:—и почему не могу я сойтись съ Курцовымъ? Я попросту не узкій, не односторонній человѣкъ, какъ всѣ вы, и потому не чуждаюсь тѣхъ, кто думаетъ не такъ, какъ я. Курцовъ, разумѣется, во многомъ не правъ. Но все же онъ славный и честный малый. За его здоровье, господа!

Шампанское было снова разлито по стаканамъ. Пошли одинъ за другимъ тосты.

Все живѣе и громче становилась бесѣда.

За второй бутылкой послѣдовала третья, потомъ четвертая.

Утро бѣлѣло молочнымъ свѣтомъ, когда пріятели спустились на улицу.

— Что жъ, домой? Неужто домой?—щуря масляные глаза, не совсѣмъ рѣшительно сказалъ Мологинъ.

Прочіе хихикнули въ отвѣтъ, за исключеніемъ Ульянова.

— Извозчикъ, на Цвѣтной бульваръ!—громко приказалъ Мологинъ, усаживаясь съ Бессеромъ.

Не послѣдовалъ ихъ примѣру одинъ Ульяновъ. Онъ побрелъ къ себѣ по опустѣвшей улицѣ, вопрошающимъ, робкимъ взглядомъ озираясь на проснувшееся утро, засвѣтившееся надъ спящимъ еще городомъ. И въ отуманенной его головѣ горячій, болѣзненный порывъ зашевелился куда-то въ даль, въ непонятную даль, гдѣ тепло и свѣтъ, и, озаренные ими, легко разрѣшаются всѣ мучительные вопросы души.

III.

На слѣдующій день, часу во второмъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-четырехъ остановился у воротъ большого неуклюжаго зданія на Моховой и спросилъ у сидѣвшаго тутъ дворника, гдѣ живетъ Мологинъ.

— А извольте пройти во дворъ,—лѣниво отвѣтилъ тотъ, не трогаясь съ мѣста:—небось сами отыщете.

На тонкомъ, слегка загорѣвшемъ лицѣ молодого человѣка обрисовалась чуть замѣтная улыбка, и, не сказавъ болѣе ни слова, онъ направился черезъ ворота во дворъ, ровною, упругою, хоть и неспѣшною походкой. Во всѣхъ его движеніяхъ было что-то увѣренно-спокойное и какъ-то не совсѣмъ по-русски законченное. Видно было, что это одинъ изъ тѣхъ людей, которые привыкли не торопиться и все-таки поспѣвать. Средняго роста, онъ казался выше, благодаря стройному сложенію и той ловкой силѣ, тому стремленію вверхъ, какое придаетъ навыкъ къ физическимъ упражненіямъ.

Огромный дворъ глядѣлъ унылымъ и грязнымъ подъ жгучими, почти отвѣсными лучами назойливаго радостнаго майскаго солнца. Молодой человѣкъ отеръ вспотѣвшій лобъ и остановилъ какого-то парня въ картузѣ, спросивъ еще разъ о квартирѣ профессора.

— Профессоръ? Какого вамъ надыть профессора?—почесывая затылокъ, отвѣтилъ парень. Молодой человѣкъ махнулъ рукой и наудачу свернулъ на одну изъ многочисленныхъ лѣстницъ, выходившихъ на дворъ.

„Ну ужъ Москва!—подумалъ онъ, поднимаясь наверхъ:—сейчасъ видно, что здѣсь время не деньги“.

И мысленно выбранивъ Бѣлокаменную, но выбранивъ очень добродушно, онъ постучался у дверей второго этажа: звонокъ оказался оборваннымъ. Ему долго не отворяли, и пришлось постучаться еще раза два, пока, наконецъ, послышалось торопливое шарканье чьихъ-то ногъ и дребезжащій женскій голосъ проговорилъ:—Сейчасъ, сію минуту!

— Можете ли указать, гдѣ живетъ Николай Арсеньевичъ Мологинъ,—спросилъ молодой человѣкъ у показавшейся на порогѣ старухи.

— Да здѣсь, батюшка, какъ разъ здѣсь,—ласково осклабя беззубый ротъ, проговорила та.—Пожалуйте. Да какъ же это вы по черной лѣстницѣ сюда изволили?

Она и не задумалась его впустить безъ доклада. Въ наружности молодого человѣка было что-то внушавшее довѣріе, что-то одинаково далекое отъ робости и отъ заносчивости. Черты его были замѣчательно правильны, хотя красивыми ихъ нельзя было назвать. Продолговатое лицо съ коротко остриженными темными волосами, широкимъ, выпуклымъ лбомъ, прямымъ носомъ и твердо сложенною, чуть-чуть изогнутою линіею губъ,—лицо это прежде всего говорило, что обладатель его знаетъ, чего хочетъ, и свои мысли скрывать не охотникъ. Говорили про это и небольшіе, прямо смотрѣвшіе темно-сѣрые глаза съ едва уловимой насмѣшливой искоркой въ зрачкахъ, и немного выдавшійся впередъ крутой подбородокъ, какой такъ часто встрѣчается у античныхъ лицъ.

Одѣтъ былъ молодой человѣкъ въ одноцвѣтную темную пару, сидѣвшую на немъ изящно и свободно, хоть и не было въ его костюмѣ и слабаго намека на бьющее въ глаза щегольство.

— Андрей Николаевичъ дома?—спросилъ онъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прошелъ вслѣдъ за старухой черезъ корридоръ въ столовую, гдѣ не успѣли еще прибрать остатки завтрака. Запахъ кухни наполнялъ собою всѣ комнаты обширной квартиры профессора. Дышалось въ нихъ тяжело, несмотря на ихъ внушительные размѣры. Окна были заперты наглухо.

— Сюда, баринъ, пожалуйте,—ласково проговорила старуха, указывая на дверь налѣво. Но въ эту самую минуту въ противоположныхъ дверяхъ показалась высокая фигура старика, съ нависшими на лобъ сѣдыми волосами и такою же сѣдой, всклоченной бородой. Старикъ былъ въ халатѣ и туфляхъ, и разстегнутый воротъ рубашки обнаруживалъ волосатую грудь. Онъ тотчасъ узналъ молодого человѣка и живо, совсѣмъ не по-старчески, подошелъ къ нему съ распростертыми объятіями.

— Дмитрій Сергѣевичъ!—воскликнулъ онъ хрипловатымъ,

но сильнымъ басомъ:—вотъ не ждалъ, не гадалъ, вотъ обрадовали-то!

И три раза, точно христосуясь съ нимъ, онъ облобызалъ гостя. Перо, торчавшее за правымъ ухомъ профессора, свалилось на полъ, и золотые очки чуть не соскочили съ носа.

— Вы къ Андрюшѣ, конечно?—сказалъ онъ, узнавъ, что Курцовъ пріѣхалъ наканунѣ и въ Москвѣ остановился всего на три дня.—Никакъ онъ еще не всталъ,—вчера, вы знаете, послѣдніе экзамены—ну, разумѣется, покутилъ съ товарищами... Такъ идите къ нему, Дмитрій Сергѣевичъ, не хочу васъ задерживать. Пристыдите моего пострѣла. Только ужъ непремѣнно отобѣдайте сегодня у насъ.

И, отпустивъ молодого человѣка, профессоръ скрылся опять за дверь кабинета, гдѣ просидѣлъ все утро за работой, то и-дѣло отпивая глотками холодный чай изъ чашки огромныхъ размѣровъ.

Николай Арсеньевичъ Мологинъ занималъ каѳедру славянскихъ древностей, но извѣстностью онъ былъ обязанъ не своимъ почтеннымъ и еще болѣе скучнымъ трудамъ по археологіи, а дѣятельному участію въ газетахъ. Онъ славился какъ бойкій и страстный полемистъ и зарабатывалъ много.

Раскрывъ двери въ комнату Андрея, Курцовъ увидѣлъ товарища лежащимъ съ книгою въ рукахъ на огромномъ кожаномъ диванѣ. Недопитый стаканъ чаю стоялъ рядомъ на столѣ. Многочисленные окурки валялись на полу. Постель въ углу не была еще прибрана. Въ комнатѣ дышалось такъ же тяжело, какъ и въ столовой.

— Браво! что за прилежаніе!—сказалъ Курцовъ, остановившись въ дверяхъ. — А отецъ твой увѣрялъ меня, будто ты еще спишь.

— Дмитрій! какъ я радъ!—воскликнулъ Андрей и, вскочивъ на ноги, стремительно бросился къ товарищу. Книга въ лѣвой рукѣ мѣшала ему обнять Курцова, и онъ швырнулъ ее на подоконникъ.—Эхъ, подлецы,—что за вздоръ они пишутъ, ты не повѣришь! Ну, разсказывай, разсказывай. Какъ ты провелъ эти два года, надолго ли пріѣхалъ... И какъ разыскалъ меня здѣсь, въ этомъ чудовищномъ ковчегѣ, который московскимъ университетомъ прозывается?

— Не безъ труда, признаюсь. И подлинно это ковчегъ. Дворники здѣшніе точно звѣри допотопные, толку отъ нихъ не добьешься.—Онъ положилъ шляпу на столъ и принялся стягивать перчатки.—Ну и ты хорошъ, нечего сказать: во второмъ

часу, полуодѣтый, въ какой-то непозволительной тужуркѣ, валяешься на грязномъ диванѣ съ журналомъ въ рукахъ... И въ этомъ Москва видна!

— Ахъ, братецъ мой,—живо и какъ будто сконфуженно возразилъ Мологинъ: — какъ проснулся я и увидалъ на столѣ новую книжку журнала, такъ и набросился. Зналъ напередъ, что будетъ статья этого болвана Передерникова, и потомъ ужъ оторваться не могъ—такъ и разбирала меня злость. Представь себѣ,— эта вѣчная белиберда подъ космополитическимъ соусомъ, и никакого національнаго чувства. Прохвостъ!

— Постой, Андрей, постой. Два года не видались, а ты мнѣ съ мѣста готовъ все содержаніе какой-то статьишки выкладывать. Ты мнѣ лучше про себя, про своихъ повѣдай.

— Хочешь чаю? — перебилъ его Андрей и потянулся къ звонку.

— Нѣтъ, спасибо. Не люблю я чай глотать среди дня, отъ нечего дѣлать. Ты лучше поскорѣй туалетъ свой заверши, а, главное, позволь отворить окно. Воздухъ сегодня дивный, такъ и просится въ комнату, а ты сидишь взаперти. — Онъ подошелъ къ окну и растворилъ его. Веселый чистый майскій воздухъ такъ и хлынулъ въ душную комнату.—Удивительные вы, право, люди!—продолжалъ онъ, садясь на соломенный стулъ и кладя ногу на ногу:—можете цѣлые дни проводить въ спертомъ воздухѣ за какой-нибудь книжонкой. Отъ лѣни это или отъ избытка серьезности—ужъ, право, не разберешь.

— А ты совсѣмъ, кажется, въ европейца преобразился,— немного обиженнымъ тономъ сказалъ Андрей, принимаясь поспѣшно одѣваться.—Сейчасъ видно, что западнаго духа набрался.

— Я такимъ былъ и въ университетѣ,—спокойно возразилъ Дмитрій.

— Русскаго въ тебѣ мало,—вотъ что̀...

— Оттого, что я времени терять не люблю и большей частью напередъ знаю, что̀ стану дѣлать? Это, что-ли, по-твоему, не русская черта? Больно ужъ вы, господа, отъ избытка національнаго чувства-то себя самихъ да Россію унижаете. И что̀ такъ пугаетъ васъ кличка „европеецъ“, скажи пожалуйста? Развѣ Москва за Ураломъ? и для полноты русскаго характера вамъ непремѣнно нужны щи да каша, да банная полка съ вѣникомъ, да тараканы по стѣнамъ?

— Полно, Курцовъ, самъ вѣдь знаешь отлично, въ чемъ дѣло. Размѣрять жизнь по кусочкамъ, точно это матерія какая, что̀ на аршины считается, да каждаго чувства отпускать на вѣсъ

ровно сколько нужно, точно въ аптекѣ—вотъ чтò я не русскимъ назову. А въ тебѣ эта черта сидитъ немножко, признайся. Можетъ, этого и цивилизація требуетъ, только мнѣ такой цивилизаціи не надо.

— Ну, а это, по-твоему, не-русская черта? — ничуть не измѣняя ровности тона и слегка лишь сдвигая брови, возразилъ Курцовъ: — Увидѣлись послѣ двухлѣтней разлуки и съ мѣста принялись за споръ объ отвлеченныхъ вопросахъ, которыхъ и формулировать-то порядочно не умѣютъ. Брось это лучше, Андрей, поговоримъ толкомъ. Сто разъ вѣдь мы съ тобой за этотъ споръ принимались и ни до чего не договаривались никогда.

Въ самомъ дѣлѣ, и въ прошлые годы любая встрѣча между Курцовымъ и Мологинымъ не обходилась безъ стычки, чтò ничуть имъ не мѣшало оставаться друзьями. Противорѣчія даже ихъ какъ будто сближали, и сдержанный, холодный съ виду Курцовъ, въ сущности, былъ привязанъ къ Андрею еще больше, чѣмъ тотъ къ нему. Умирая, отецъ Курцова, жившій съ роднею не въ ладу, оставилъ единственнаго сына на попеченіе своему пріятелю Николаю Арсеньевичу Мологину, и домъ профессора, въ которомъ издавна царили въ одинаковой мѣрѣ и гостепріимство, и безпорядокъ, сталъ для молодого Дмитрія роднымъ.

— Такъ чтò же ты, собственно, за границей творилъ эти два года? Изучалъ что-нибудь, или просто такъ странствовалъ и прохлаждался?—быстро принялся разспрашивать пріятеля Андрей, приглаживая густые, непослушные волосы.—Ну, вотъ я и готовъ, и весь къ твоимъ услугамъ.—Онъ поспѣшно однимъ глоткомъ допилъ остатокъ чая и закурилъ. Во всѣхъ его движеніяхъ было что-то стремительное, точно избытокъ жизни каждую минуту готовъ былъ хлынуть у него черезъ край.—И надолго ты къ намъ въ Москву?.. Ты не куришь?

— Нѣтъ, бросилъ... Я уѣзжаю завтра къ себѣ въ рязанское имѣніе,—коротко отвѣтилъ Дмитрій.

Блестящіе глаза Андрея широко раскрылись.

— Завтра? Нѣтъ, ужъ это, батюшка, дудки!—не пущу, ни за что не пущу!

— Я не только завтра ѣду, — спокойно улыбаясь, продолжалъ Дмитрій:—но и тебя собираюсь увезти.

— Меня? Да у меня здѣсь дѣла прòпасть!

— По всему замѣтно. И какое, смѣю спросить, дѣло?

— Постой, который теперь часъ? Половина третьяго?—Андрей вскочилъ съ мѣста и швырнулъ папиросу за окно.—Да я долженъ бѣжать, бѣжать сейчасъ!

— Сиди спокойно...—и, положивъ ему обѣ руки на плечи, Дмитрій почти насильно усадилъ его опять.—Ты не зналъ даже въ точности, который часъ, стало быть, никакого дѣла серьезнаго у тебя нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Я обѣщалъ въ два быть у Зимина. Скверная исторія вышла. Положимъ, я вчера эту исторію почти уладилъ...

— Ну, вотъ видишь,—перебилъ Курцовъ:—значитъ, и ѣхать незачѣмъ. Да и опоздалъ ты... Ну, что дальше?

— Дальше? Мы сегодня въ „новотроицкомъ" чествуемъ профессора Костоправова. Ты знаешь Костоправова? Популярнѣйшій и умнѣйшій профессоръ. Онъ въ отставку выходитъ. Мерзостей ему надѣлало начальство...

— Какихъ мерзостей? — спросилъ Дмитрій.

— Не знаю въ точности—не моего факультета,—не успѣлъ еще разспросить. Понимаешь,—эта возня съ экзаменами... А поддержать надо... Ну, вотъ... и еще до обѣда надо успѣть сговориться съ товарищами, чтобы завтра утромъ встрѣтить, какъ слѣдуетъ, Вольскую, которая сюда изъ Петербурга ѣдетъ.

— А актрисъ встрѣчать—тоже дѣло, по-твоему?

— Батюшка! Знаменитость первой руки, да еще на всѣхъ студенческихъ вечерахъ участвуетъ! Да въ тебѣ рыбья кровь, что-ли? И букеты да вѣнки надо еще заказать.

— Значитъ, любезный другъ,—медленно произнесъ Курцовъ и поднялся съ мѣста: — надо съ тобой распроститься, можетъ быть, надолго... А я надѣялся этотъ день провести съ тобой. Ну, что дѣлать!

Что-то грустное было на лицѣ Дмитрія, пока онъ это говорилъ.

— Отецъ твой пригласилъ меня обѣдать,—но тебя вѣдь не будетъ?..

— Ахъ, чортъ!—Андрей топнулъ ногой. — А что, отъѣздъ ты отложить не можешь?

— Да у тебя и завтра найдется, вѣроятно, куча дѣла...— все съ тою же грустной улыбкой на лицѣ отвѣтилъ Курцовъ.— Ты гдѣ лѣто собираешься провести? Или будешь еще долго коптѣть въ этомъ пыльномъ, вонючемъ городѣ?

— На лѣто у меня цѣлый планъ есть. Только не знаю, сказать ли тебѣ.—Андрей сперва опустилъ глаза, точно онъ въ самомъ дѣлѣ колебался, довѣриться ли ему товарищу. Потомъ онъ раскрылъ ихъ опять, и въ нихъ снова засіялъ жизнерадостный лучъ самоувѣренной рѣшимости. — Мы съ пятью товарищами, — продолжалъ онъ, — на югъ хотимъ ѣхать, на Кубань. Тамъ у Алеши Зимина есть земелька. Ну, мы и порѣшили тамъ

колонію устроить—земледѣльческую колонію на артельныхъ началахъ.

— И всего, конечно, на одно лѣто?—усмѣхнулся Курцовъ:— „вилледжіатура“, такъ сказать, съ сельскими работами, въ видѣ гимнастическихъ упражненій?..

— Стыдно надъ этимъ смѣяться, Курцовъ!—горячо возразилъ Андрей, и щеки его вспыхнули. — Можетъ быть, это и вздоръ, я самъ еще хорошенько не знаю... Но, во всякомъ случаѣ, это благородный вздоръ... Видишь ли...

Но онъ не успѣлъ договорить. Въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то легкіе, упругіе шаги.

— Это ты, Динь-Динь? — окликнулъ онъ проходившую по столовой дѣвушку.—Зайди-ка сюда, посмотри, кто у меня здѣсь.

— Это твоя сестра, Надежда Николаевна?—живо спросилъ Курцовъ, и тутъ же передъ нимъ предстала вбѣжавшая въ комнату пятнадцати-лѣтняя сестра Андрея—Надя, или Динь-Динь, какъ называлъ ее братъ.

И прозвище это шло какъ нельзя лучше къ ея тонкой, живой фигуркѣ, къ ея звонко-серебристому смѣху. На брата она не походила ничуть. Только глаза у нея были такіе же, какъ у него—блестящіе и жизнерадостные. Но и въ нихъ свѣтилось что-то иное, чѣмъ у Андрея, что-то менѣе безпокойное, но зато болѣе устойчивое и мягкое въ то же время. Не вспыхивали они, какъ у брата, но теплилось въ нихъ что-то до того искренно-радостное, что, глядя на нее, сразу на сердцѣ становилось легко. Не вполнѣ еще сложившійся станъ обличалъ полу-ребенка, да и пепельные волосы, волною спадавшіе изъ-подъ гребня на спину, и платье, не вполнѣ доходившее до полу,—все это было еще какъ у подростка. И, какъ подростокъ тоже, она, очевидно, не много занималась своей наружностью. Платье ея, совсѣмъ простенькое, опоясанное кожанымъ кушакомъ, сидѣло какъ будто нескладно, точно оно было и скроено, и надѣто нà-скоро. И въ движеніяхъ ея было что-то ребячески-быстрое, что-то напоминавшее школьника. А между тѣмъ, когда тѣнь задумчивости ложилась на ея тонкія, словно выточенныя черты, или случалось заплакать ея большимъ темно-каримъ глазамъ,—и мысли и слезы уже у нея были не дѣтскія.

— Дмитрій Сергѣевичъ? Вы? — остановившись въ дверяхъ, удивленно и радостно воскликнула она, протягивая руку.

— Такъ-таки сразу меня и узнали? — совсѣмъ по-товарищески пожимая ея пальчики, отвѣтилъ Дмитрій. — А всѣ увѣ-

ряютъ, и братъ вашъ въ томъ числѣ, будто я страшно перемѣнился!..

Она молча качнула головой.

— Васъ я бы не узналъ, Надежда Николаевна. Удивительно, какъ это дѣвочки способны быстро становиться взрослыми!..

И сразу у нихъ пошелъ живой обмѣнъ воспоминаній, и хоть перебивали они другъ друга то-и-дѣло,—съ Надей Курцовъ высказался гораздо полнѣе, чѣмъ съ ея братомъ. Она узнала отъ него, что два эти года онъ провелъ въ Германіи, учась тамъ сельскому хозяйству и на короткое лишь время, для отдыха, разрѣшая себѣ небольшія экскурсіи въ горы. Оказалось, что побывалъ онъ въ такихъ мѣстахъ, куда рѣдко заглядываютъ туристы, въ особенности русскіе, и что какъ разъ про эти малознакомые уголки онъ имѣлъ разсказать много интереснаго. Холодности не было въ его тонѣ и слѣда.

— Мы природой любоваться не умѣемъ, — сказалъ онъ между прочимъ:—потому что идемъ глядѣть на нее толпой, а настоящую свою красу она показываетъ намъ тогда только, когда мы съ нею наединѣ.

— Вотъ какъ! — задумчиво проронилъ Андрей, барабаня пальцами по столу.—Стало быть, цѣлыхъ два года на агрономію посвятилъ. И не жаль тебѣ этихъ двухъ лѣтъ? Да и что̀ станешь ты съ нею дѣлать, съ этой премудростью? На службѣ она тебѣ не понадобится.

— А кто тебѣ сказалъ, что я намѣренъ служить,—по крайней мѣрѣ теперь, когда я еще Россіи совсѣмъ не знаю? Нѣтъ, братецъ мой, послѣ школьнаго ученія теперь у меня пойдетъ другое, безъ котораго шагу нельзя ступить. Посижу я въ своемъ рязанскомъ гнѣздѣ года два-три, и какъ узнаю немножко русскихъ людей и русскую землю,—пожалуй, тогда пойду строчить въ канцеляріяхъ, коли меня захотятъ взять. А то вѣдь, странное дѣло,—у насъ, едва съ школьной скамьи, усадитъ себя молодецъ за оффиціальную чернильницу и пойдетъ законы писать для Россіи, а Россія-то ему и не видна сквозь казенную бумагу, и когда разучится онъ ее окончательно понимать, такъ и поѣдетъ управлять ею въ какую-нибудь губернію. По-моему, надо какъ разъ наоборотъ—сперва въ провинціи потолкаться, а потомъ ужъ изъ Петербурга ей наставленія читать.—Такъ ли, Андрей Николаевичъ?

Напрасно онъ не обратился съ этимъ вопросомъ къ Надѣ. Въ ея глазахъ онъ прочелъ бы самое живое сочувствіе, а Мологинъ отвѣтилъ не совсѣмъ довольнымъ тономъ:

— По-моему, и провинція твоя, и Петербургъ, ни чорта не стоютъ... Вездѣ та же гниль. Провинція—это чуланъ съ застоявшимся воздухомъ; Петербургъ—сборище пустоголовыхъ болтуновъ, гдѣ вѣчно лишь сквозитъ отъ перекрестныхъ теченій, и ни одно изъ нихъ путнаго ничего послѣ себя не оставляетъ.

Курцовъ разсмѣялся.

— Надежда Николаевна,—обратился онъ вдругъ къ дѣвушкѣ: —знаете чтò, я этого закоренѣлаго скептика, который въ провинцію не вѣритъ, хочу съ собою туда увезти, не дальше какъ завтра. Да и васъ тоже въ придачу. Развѣ можно въ такую пору въ городѣ сидѣть! У васъ тамъ, кстати, въ моемъ сосѣдствѣ деревенька есть, которою ваша тетушка, Анна Арсеньевна, нѣкогда управляла. Она жива и здравствуетъ до сихъ поръ, надѣюсь. Такъ неужели же васъ туда не тянетъ?—Да?—Какъ я радъ! Будьте же моей союзницей и помогите уломать этого упрямца, который съ Москвой да съ своими мнимыми обязанностями разстаться не хочетъ. Я, такъ и быть, лишній день здѣсь пробуду. А послѣ завтра укатимъ втроемъ. Хотите?..

— Разумѣется, хочу. Это чудесно будетъ! — оживленно воскликнула Надя. — Мы всѣ вѣдь туда собираемся. Только, вы знаете, папашу не скоро изъ его кабинета вытащишь, а матушка безъ него ни на шагъ.

— Ну, вотъ, мы втроемъ и укатимъ, и будемъ на чистомъ воздухѣ хорошія книжки читать... А впрочемъ, какія теперь книжки?—Гулять будемъ да соловья слушать!

— Откуда на тебя вдругъ такой поэтическій стихъ нашелъ?— чуть-чуть насмѣшливо проговорилъ Андрей. — Ты да пѣніе соловья—это не совсѣмъ какъ-то вяжется вмѣстѣ.

Курцовъ на мигъ вскинулъ на товарища глазами, и что-то необыкновенно мягкое было въ улыбкѣ этихъ глазъ. Потомъ онъ снова обратился къ дѣвушкѣ.

— Видите, какого хорошаго мнѣнія обо мнѣ вашъ братъ? А давно, кажется, меня знаетъ! Что-жъ, Надежда Николаевна, рѣшено?

Въ тотъ же день за обѣдомъ это было рѣшено въ самомъ дѣлѣ. Татьяна Гавриловна, мать Андрея и Нади, сперва колебалась, испуганно выжидая, чтò скажетъ ея мужъ, котораго не переставала бояться съ самаго дня ихъ свадьбы, хотя ровно ничего страшнаго не было въ ея ученомъ супругѣ. А профессоръ и не разслышалъ, о чемъ шла у нея рѣчь съ молодыми людьми. Онъ весь погрузился въ задуманную имъ хлёсткую политическую статью. Они съ женой были нѣжно привязаны другъ къ другу,

хотя за всѣ двадцать-четыре года ихъ совмѣстной жизни Татьяна Гавриловна все тщетно выжидала, что мужъ возьметъ въ свои сильныя руки и домъ, и ее, и дѣтей, — а онъ и не думалъ о своей роли главы семейства. У Мологина были сильныя руки тогда только, когда онъ работалъ перомъ, а домашніе порядки онъ оставлялъ на волю судьбы. Не мудрено, что порядки эти были не изъ лучшихъ. Года шли, и коренное недоразумѣніе въ семьѣ профессора не прекращалось: жена все жаждала руководства и была вся повиновеніе, а мужъ отказывался властвовать. И все-таки жизнь текла у нихъ мирная, хорошая, вполнѣ честная.

— Ну, что, Николай,—въ третій разъ повторила свой вопросъ Татьяна Гавриловна:—можно пустить Надю, послѣ завтра, къ Аннѣ Арсеньевнѣ въ Куриловку? И Дмитрій Сергѣевичъ поѣдетъ съ нею, и Андрей тоже.

— Конечно, можно, еще бы!—разсѣянно отвѣтилъ профессоръ, выпучивая изъ-подъ очковъ свои огромные зрачки. Онъ только-что придумалъ ядовитый конецъ для своей статьи, переполненной горячими выходками противъ „коварнаго Альбіона".

IV.

Два дня спустя, въ маленькой квартирѣ, занимаемой Алексѣемъ Зиминымъ, въ четвертомъ этажѣ огромнаго дома на Большой Дмитровкѣ, страстно и громко спорили нѣсколько молодыхъ, порядкомъ охрипшихъ голосовъ. Самъ хозяинъ, уткнувшись въ уголъ огромнаго кожанаго дивана, больше отмалчивался, лишь изрѣдка вставляя нерѣшительное слово.

Это былъ необыкновенно блѣдный и худой юноша, съ усталымъ и, въ то же время, упорнымъ выраженіемъ глазъ, точно глаза эти не въ силахъ были оторваться отъ точки, на которой остановились.

Спорящіе—были недавно съ нимъ помирившійся Тарасовъ и старинные наши знакомые, Аѳонскій, Ульяновъ и Бессеръ.

— Говорю тебѣ, Зиминъ, онъ и сегодня не придетъ, какъ два эти дня,—горячился Тарасовъ, швыряя на полъ только-что докуренную папиросу.—Морочитъ онъ насъ, вотъ что! и, коли правду сказать, порядочная онъ дрянь, твой Мологинъ.

— Какъ вамъ не стыдно, Тарасовъ? — закричалъ на него Аѳонскій:—не вамъ бы, кажется, такъ говорить!

— Да ужъ нечего сказать,—пощипывая усики, съ холодной насмѣшливостью проронилъ Бессеръ.

Зиминъ молчалъ и какъ-то все ёжился, прислоняясь къ спинкѣ дивана. Ему было неловко и за себя, и за товарища. Андрея онъ горячо любилъ и вѣрилъ въ него свято, но прирожденная робость не давала ему высказаться прямо и рѣшительно.

— Чтò это, намекъ?—вызывающимъ тономъ, откинувъ курчавую голову, сказалъ Тарасовъ:—по вашему мнѣнію, я не имѣю права оцѣнивать поступки Мологина, потому что...

— Потому что онъ васъ только-что изъ петли вытащилъ!—отчеканилъ Аѳонскій:—и самое простое чувство порядочности...

— Оставь его въ покоѣ! Еще порядочности вздумалъ требовать!—все съ тѣмъ же равнодушіемъ вставилъ Бессеръ.

И эти слова оказали на Тарасова больше дѣйствія, чѣмъ всѣ запальчивые упреки Аѳонскаго.

— Позвольте, господа, позвольте...—началъ онъ сконфуженнымъ тономъ:—я, кажется, ничего такого не сказалъ...

— Какъ ничего не сказалъ?! Вы цѣлый часъ вотъ намъ твердите, что на Мологина положиться нельзя, что убѣжденій у него никакихъ нѣтъ,—стало быть, что онъ безчестный человѣкъ. И вы хотите, чтобъ мы этимъ не возмущались?

— Да, это не хорошо, Тарасовъ, не хорошо!—своимъ тихимъ, груднымъ голосомъ проговорилъ Зиминъ.

Бессеръ только фыркнулъ и повернулся въ сторону Ульянова.

— Чтò, милѣйшій мой, не состряпалъ ли новаго декадентскаго стихотворенія?—спросилъ онъ, щурясь.—А тэма богатѣйшая. Собираются четверо молодцовъ, которые въ сельскомъ хозяйствѣ ни аза не смыслятъ,—земледѣльческую колонію гдѣ-то въ Тмутаракани заводить!—Ахъ, господа, господа!—вставая и застегиваясь, продолжалъ онъ, обращаясь къ прочимъ:—сущій вы это вздоръ затѣяли.

— Нѣтъ, не вздоръ,—задумчиво вставилъ Ульяновъ, видимо силясь уловить не совсѣмъ ясную мысль:—это все исканіе правды, лучшей, настоящей правды. Только не тамъ ее ищутъ, потому что правда только въ мірѣ идей, а не въ дѣйствительности.

— Конечно, не вздоръ,—пріосанившись опять, провозгласилъ Тарасовъ:—это великій опытъ сліянія физическаго труда съ умственнымъ!

— И мороченіе себя, за-одно съ прочими, вдобавокъ!—отрѣзалъ Бессеръ.—А для иныхъ господъ—удобный случай поснимать пѣнки.

Въ передней раздался звонокъ.

— А вотъ и Мологинъ! — воскликнулъ Аѳонскій: — объ закладъ бьюсь, что онъ!

И дѣйствительно, не прошло минуты, какъ въ дверяхъ показался Андрей.

— Чтò я вамъ говорилъ, Тарасовъ?—съ укоромъ произнесъ Аѳонскій.

— Извините, господа,—бросая на столъ котелокъ, сказалъ Андрей, съ своей неизмѣнной живостью по-очередно здороваясь съ каждымъ.

— А что?—меня ужъ, кажется, по частямъ раздирали? а? И навѣрно Тарасовъ первый во мнѣ усомнился, по глазамъ вижу! —Нечего конфузиться, мой милѣйшій! и другой на твоемъ мѣстѣ чортъ знаетъ чтò бы подумалъ. Одинъ Коля Аѳонскій, разумѣется, непоколебимъ остался.

Аѳонскій съ такимъ краснорѣчивымъ негодованіемъ глядѣлъ на Тарасова своими выразительными глазами, что и усомниться нельзя было въ его безконечномъ довѣріи къ Мологину.

— Чтò, отгадалъ?—бросаясь на диванъ, весело продолжалъ Андрей.—Фу! чортъ знаетъ, какъ усталъ! Нарыскался-таки! Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь выпить, Зиминъ?

— Водки не держу и вина тоже — ты вѣдь знаешь,—робко отвѣтилъ тотъ.

— Ахъ да, я и забылъ. Нельзя ли хоть за пивомъ послать? На, вотъ, получи сію монету!—И, доставъ изъ портмонè двугривенный, онъ перебросилъ его товарищу.

Тотъ всталъ и прошелъ въ переднюю.

— А я вполнѣ заслужилъ всевозможные укоры, — удобно растягиваясь на диванѣ, заговорилъ опять Мологинъ. — Да, чтò дѣлать! Занятъ былъ по горло. Третьяго дня Курцовъ меня задержалъ вплоть до самаго обѣда.

— Ага! Курцовъ! — съ недоброю улыбкой пробормоталъ Тарасовъ.

— Не нравится онъ тебѣ?—разсмѣялся Андрей.—И Аѳонскому тоже, я знаю. Теперь вотъ молчитъ, а намедни Курцова аристократишкой выбранилъ... Ну, чтò дѣлать, на всѣхъ не угодишь!.. Кстати, пришелъ я вамъ объявить, господа, что сегодня уѣзжаю, съ этимъ самымъ Курцовымъ, въ рязанскую губернію!

Общій взрывъ удивленія отвѣтилъ на это извѣстіе. Мологинъ не смутился ничуть.

— Ну, чего на меня глаза таращите? Говорю вамъ—уѣзжаю и баста! чему тутъ удивляться? Захотѣлось деревенскимъ воздухомъ подышать. Васьковъ, небось, удралъ ужъ?

— Да, — сумрачно отвѣтилъ Аѳонскій: — онъ рѣшительно отказывается. У него одно въ головѣ — поскорѣе на хорошее

мѣсто, да зарабатывать побольше. Я его вчера отчиталъ какъ слѣдуетъ. Да что! — все наше дѣло пропадетъ, коли ты отлынивать вздумалъ. Алеша!—крикнулъ онъ входившему Зимину:— представь себѣ—Мологинъ отказывается! И выходитъ, Тарасовъ былъ правъ!

— Это чортъ знаетъ что̀ такое!—тотчасъ сталъ ему вторить ободренный его словами Тарасовъ. Но ему не поздоровилось отъ этого замѣчанія.

— Молчите вы!—крикнулъ на него Аѳонскій.—Тоже, суётесь. Васъ развѣ спрашиваютъ?

— Чудный примѣръ братскаго единенія въ будущей коммунѣ!—захихикалъ Бессеръ.

— Андрей, ты въ самомъ дѣлѣ отказываешься?—пристально уставясь на Мологина, спросилъ Зиминъ, и спросилъ такимъ голосомъ, какъ будто шло дѣло о самомъ важномъ и роковомъ для него извѣстіи.

— Да и не думалъ! Съ чего вы взяли?—разсмѣялся Мологинъ. — Хотѣлъ только полюбоваться, какъ всѣ вы придете въ неописанный ужасъ отъ одной этой мысли. Чего спѣшить? Дайте срокъ!.. Сестру отвезу къ теткѣ въ имѣніе, полюбуюсь недѣлю, другую, на родныя мѣста, а тамъ и въ путь. Дивлюсь я вамъ, право!—Онъ съ жадностью налилъ себѣ стаканъ пива и выпилъ залпомъ:—Вотъ Бессеръ и Ульяновъ про наше дѣло и слышать не хотятъ; Бессеръ надъ нимъ даже трунитъ, и все это имъ сходитъ съ рукъ. А я не смѣю въ деревнѣ отдохнуть недѣли двѣ!

— Да развѣ ты имъ чета? — закипятился Аѳонскій: — они, какъ тамъ ни говори, все не нашего поля ягода. У Бессера эта его проклятая манера все вышучивать. Ульяновъ ни на какое дѣло не пригоденъ и вѣчно какъ слизень будетъ въ своей раковинѣ сидѣть. А ты — ты наша сила! За тобой мы куда угодно пойдемъ, а безъ тебя мы пропали.

— Это правда,—на тебѣ великая отвѣтственность, Андрей!— все съ тою же мягкою, нѣсколько вялою торжественностью подтвердилъ Зиминъ.

Снисходительная улыбка показалась на лицѣ Андрея.

— Точно дѣти вы, право, настоящія дѣти! — промолвилъ онъ.—На край свѣта, будто бы, готовы за мной идти, а на первомъ же шагу отъ пустѣйшаго случая недовѣріе васъ беретъ... Нѣтъ,—разгорячился онъ вдругъ и, встряхнувъ головой, вскочилъ на ноги: — говорю вамъ разъ навсегда, не таковъ я человѣкъ, чтобы измѣнить данному слову, и какъ бы ни смѣялся Бессеръ, всего себя я въ это дѣло вложу...

Аѳонскій и Зиминъ были совсѣмъ наэлектризованы этими словами; даже на блѣдномъ лицѣ послѣдняго румянецъ оживленія заигралъ. Поочередно оба они крѣпко пожали руку Андрея.

— Право,—засмѣялся Бессеръ:—ни дать, ни взять, тріо изъ „Вильгельма Тэля"! Родину вы, что-ли, освобождать собираетесь, а? Вчера, небось, Мологинъ съ такимъ же точно энтузіазмомъ танцовщицу какую-то ѣздилъ встрѣчать на желѣзную дорогу.

Андрей чуть-чуть покраснѣлъ.

— Не танцовщицу,—воскликнулъ онъ:—а великую драматическую артистку! Ульяновъ знаетъ, онъ былъ со мной. И стыдиться этого нечего. Можно жить одной жизнью съ народомъ и почитать искусство. Такъ вѣдь, Ульяновъ? Да?

— По-моему, — тихо проговорилъ Ульяновъ: — въ одномъ искусствѣ и есть настоящая жизнь. Въ дѣйствительности—одна мишура, одинъ призракъ!—Онъ проговорилъ это съ такой убѣжденной серьезностью, что вышло оно совсѣмъ комично. Всѣ разсмѣялись,—даже Зиминъ, не смѣявшійся почти никогда.

— Ну, друзья мои,—весело объявилъ Мологинъ:—на такомъ глубокомысленномъ замѣчаніи можно и покончить. Умнѣе этого мы ничего не услышимъ. А мнѣ пора—надо въ путь собираться.

Онъ обнялся поочередно со всѣми,—Тарасову, впрочемъ, онъ пожалъ только руку,—и, насвистывая какой-то оперный маршъ, Андрей быстро сбѣжалъ съ высокой лѣстницы.

V.

Курцовъ пріѣхалъ на рязанскій вокзалъ за десять минутъ до отхода поѣзда. На платформѣ уже царила обычная желѣзнодорожная суматоха. Передъ дверцами отдѣленія перваго класса толпилась пестрая группа, прощаясь съ уѣзжавшими, смѣясь и перекидываясь шутками.

Артельщики торопливо разносили багажъ, дѣти визжали, какой-то господинъ неуклюжимъ басомъ читалъ наставленіе отъѣзжавшей супругѣ.

Курцовъ быстрыми шагами прошелся вдоль линіи вагоновъ, но взглядъ его тщетно отыскивалъ Андрея и его сестру. Онъ начиналъ безпокоиться, зная неаккуратность пріятеля. Раздался уже второй звонокъ. Всѣ поспѣшно усаживались. Вдругъ изъ той самой шумливой кучки, гдѣ всего оживленнѣе шелъ безпорядочный говоръ, выдѣлилась молодая дама, нарядно, даже слишкомъ нарядно одѣтая, и, уставивъ на Дмитрія свои большіе, немного

влажные, задорно блестѣвшіе глаза, окликнула его своимъ бархатнымъ голосомъ, въ которомъ то-и-дѣло словно вздрагивали звонкія, хрустальныя нотки.

— Дмитрій Сергѣевичъ!.. вы меня не узнаете?

Курцовъ остановился. Дама, подавшись впередъ, стояла передъ нимъ, протягивая руку въ длинной шведской перчаткѣ, вся будто облитая сіявшимъ въ ея глазахъ электрическимъ свѣтомъ. Лицо ея было точно одна улыбка, одна сіяющая, смѣлая, побѣдная улыбка, какая бываетъ только у русскихъ женщинъ, когда счастливый нравъ даетъ имъ легко и беззаботно проходить черезъ жизнь, примѣчая въ ней то лишь, что̀ имъ нравится.

Нелюбезно отвѣтить на исполненный какой-то затаенной ласки привѣтъ дамы было, очевидно, нельзя. Въ томъ движеніи, съ которымъ Дмитрій приподнялъ шляпу, слегка пожимая протянутую руку молодой женщины, чувствовался, однако, несомнѣнный оттѣнокъ холодности. Онъ даже не счелъ должнымъ извиниться, что не замѣтилъ ее первый. Но дама была не изъ робкихъ.

— Вы въ Москвѣ? И не завернули даже ко мнѣ! — упрекнула она шутливо.

— Я здѣсь всего три дня и, какъ видите, сейчасъ уѣзжаю,— съ очень сдержанной вѣжливостью отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Веселая кучка, между тѣмъ, успѣла разсѣяться. Какая-то дама въ послѣдній разъ обмѣнялась поцѣлуемъ съ уѣзжавшей подругой, кто-то отпустилъ еще одну двусмысленную остроту, послышался смѣхъ... Потомъ захлопнулись дверцы. Но двое военныхъ, одинъ въ казацкой, другой въ адъютантской формѣ, высунулись черезъ окно вагона, прикладывая руку къ козырьку.

— Прощайте, Ольга Павловна, прощайте!—крикнулъ одинъ изъ нихъ молодой женщинѣ. — Не забывайте насъ, бѣдныхъ... А мы васъ въ вѣкъ не забудемъ!..

Но она не обращала на нихъ уже вниманія.

— Вы на все лѣто уѣзжаете? — улыбаясь, говорила она Курцову.

— Надѣюсь, Ольга Павловна,—коротко отвѣтилъ тотъ.

— А все-таки три дня здѣсь пробыли и не дали о себѣ знать... Ну, что̀ дѣлать! Осенью... А, впрочемъ, кто знаетъ, гдѣ я буду осенью. Вы за границу не собираетесь?

— Я только-что оттуда, Ольга Павловна. — И снова приподнявъ шляпу, онъ добавилъ, отступая на шагъ: — Простите меня, поѣздъ сейчасъ тронется... — Теперь онъ даже не протянулъ ей руки.

Какъ разъ въ этотъ мигъ Андрей и Надя быстро входили, почти вбѣгали на платформу. За ними старуха горничная тащила какіе-то узелки.

— Вотъ и Дмитрій!—смѣясь, воскликнулъ Андрей.—Видишь, Надя, не опоздали.

— Извольте садиться, господа! — торопилъ ихъ кондукторъ.

Они втроемъ усѣлись въ купѐ второго класса. Не прошло и минуты, какъ поѣздъ тронулся.

— Кто была эта дама, съ которой ты разговаривалъ, когда мы вошли?—спросилъ Андрей.

— Ахъ, да!.. — оживленно повторила его вопросъ Надя.— Кто эта дама? Она такая... Она меня поразила...

— Чѣмъ поразила, Надежда Николаевна? Красотой своей, что-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не то хотѣла сказать, — поспѣшила возразить дѣвушка: — она совсѣмъ мнѣ даже не понравилась. Въ ней есть что-то...—Надя не сразу подобрала слово:—какъ будто дерзкое.

— Постой, Надя,—перебилъ ее братъ:—ты своей болтовней не даешь Дмитрію сказать, кто она такая.

— Ее зовутъ Ольгой Павловной Ларцевой,—небрежно отвѣтилъ Курцовъ. — Я съ нею прошлымъ лѣтомъ встрѣтился за границей. — Онъ чуть-чуть морщился, говоря это. Видно, съ именемъ Ольги Павловны связано было для Дмитрія не совсѣмъ пріятное, быть можетъ, тягостное воспоминаніе.

— Замужняя или вдова?—продолжалъ разспрашивать Андрей, не замѣчавшій, что пріятель отвѣчаетъ нѣхотя.

— Мужъ ея морякъ... Онъ хорошій, очень хорошій человѣкъ...

— Съ какимъ ты жаромъ это говоришь, Курцовъ, — разсмѣялся Андрей:—точно хочешь защитить его... И навѣрно этотъ хорошій человѣкъ гдѣ-нибудь въ дальнемъ плаваніи и жену оставляетъ по себѣ горевать?

У Андрея глаза почему-то искрились, пока онъ говорилъ это.

— Недавно онъ былъ еще на Тихомъ океанѣ, — отвѣтилъ Дмитрій.—Но, кажется, вернулся. Да тебѣ-то какое до этого дѣло?

Лицо Дмитрія становилось все сумрачнѣе.

— Такъ...—коротко отвѣтилъ Мологинъ и откинулся назадъ, слегка прищуривая глаза, точно силился вызвать снова мелькнувшій передъ нимъ образъ молодой женщины. Минуту спустя онъ добавилъ:

— Мнѣ просто хотѣлось узнать, кто эта особа. Она такъ

звонко, такъ заманчиво смѣется. Въ ней есть что-то необыкновенно изящное.

— Вотъ ужъ нѣтъ! — отрѣзала Надя и, покачавъ головой, топнула ножкой.

— Удивительный ты судья въ этомъ дѣлѣ!—какъ-то преувеличенно разсмѣялся на это замѣчаніе ея братъ.

Курцовъ посмотрѣлъ на дѣвушку и молча улыбнулся. Онъ старался прогнать налетѣвшія воспоминанія, но они упорно дразнили его чѣмъ-то очень похожимъ на угрызенія совѣсти. Прошлую осень онъ встрѣтился съ госпожею Ларцевой гдѣ-то на морскихъ купаньяхъ. Свелъ ихъ одинъ изъ тѣхъ ничтожныхъ случаевъ, какихъ столько бываетъ среди пестрой сутолоки любого космополитическаго сборища. Курцовъ не могъ даже хорошенько припомнить, какъ произошла ихъ первая встрѣча. Особенно живого впечатлѣнія Ольга Павловна на него не произвела. Она показалась ему просто одною изъ многихъ женщинъ, у которыхъ всегда есть запасъ молодого смѣха, готоваго отозваться на самую пустую шутку. И сама жизнь, казалось, была для госпожи Ларцевой сплошною шуткой, да еще совсѣмъ заурядною вдобавокъ.

Не то было съ Ольгой Павловной. Курцовъ ей понравился сразу. Онъ вызвалъ у нея быструю вспышку капризнаго желанія покорить себѣ этого съ виду холоднаго, равнодушнаго человѣка, и она приложила всѣ старанія, чтобы достигнуть цѣли. Заставить Курцова полюбить себя ей не удалось, но тонкая паутина ея кокетства все-таки на мигъ опутала его. Кровь въ немъ заговорила, вопреки тому, почти брезгливому чувству, какое сперва онъ испытывалъ въ обществѣ молодой женщины. Да и не легко было въ двадцать-три года устоять противъ обольщенія этихъ яркихъ электрическихъ глазъ, сулившихъ такъ много. И когда въ первый разъ его руки обвились вокругъ ея стройнаго стана, Курцову даже почудилось что-то похожее на счастье...

Но упоеніе было непродолжительно. Всего нѣсколько дней спустя, Ольга Павловна безъ тѣни замѣшательства познакомила Дмитрія съ своимъ только-что пріѣхавшимъ мужемъ.

Ларцевъ получилъ командировку въ кругосвѣтное плаваніе и передъ отплытіемъ поспѣшилъ къ женѣ проститься.

Отношенія ихъ казались необыкновенно искренними и нѣжными. Курцова покоробило какъ разъ отъ этой показной нѣжности, не стоившей, повидимому, Ольгѣ Павловнѣ никакого труда. Мужъ довѣрялъ ей такъ чистосердечно, такъ безпредѣльно... И ничего комичнаго не было въ его слѣпомъ довѣріи.

Курцовъ понялъ тотчасъ, что эта до наивности чистая лю-

бовь къ женѣ свидѣтельствовала не о самодовольной ограниченности, а лишь о неиспорченной, прямодушной натурѣ, не знающей подозрѣнія. И ему невыразимо стыдно и больно стало и за себя, и за то, въ особенности, что этотъ обманутый имъ человѣкъ искалъ съ нимъ сближенія. Не онъ одинъ, конечно, согрѣшилъ передъ бѣднымъ Ларцевымъ, но какъ разъ потому, что мужъ Ольги Павловны выказывалъ ему столько явной симпатіи, и ничего кромѣ уваженія не могъ къ нему чувствовать Курцовъ,— совѣсть мучительно терзала Дмитрія. И его тоже невольно тянуло къ Ларцеву. Ему нравилось въ немъ сочетаніе развитого и честнаго ума съ какою-то полудѣтской жизненной неопытностью, и всякій разъ, что приходилось Курцову пожимать ему руку, презрѣніе къ себѣ поднималось въ немъ и ненависть къ женщинѣ, сообщникомъ которой онъ сдѣлался.

Все это жгучею струей теперь проносилось въ памяти Курцова, и пока онъ неподвижнымъ взглядомъ смотрѣлъ, какъ пробѣгали мимо зеленыя отлогія поля, горькая складка все замѣтнѣе ложилась на его губы.

— Какой вы молчаливый сегодня! — вдругъ сказала Надя, только-что передъ тѣмъ живо толковавшая съ братомъ, какъ пріѣдутъ они завтра утромъ въ Куриловку и какъ встрѣтитъ ихъ тетушка Анна Арсеньевна. Андрея не поразило болѣзненное выраженіе на лицѣ товарища: наблюдательнымъ отъ природы онъ не былъ.

— Да такъ, Надежда Николаевна,—отвѣтилъ Курцовъ, чуть-чуть улыбнувшись.—Прошлое вспоминаю. А прошлое, когда возвращаешься въ родныя мѣста, всегда немножко грусти нагоняетъ.

— А мнѣ такъ хорошо. Я такъ рада, что въ деревню ѣду. И такъ весело глядитъ все вокругъ. Тихо... прозрачно тихо... Вечеръ такой чудный—посмотрите!..—и широко раскрытыми глазами дѣвочка точно впитывала въ себя весь радостный свѣтъ этого кончавшагося майскаго дня, всю мягкую прелесть молодой зелени луговъ и полей, на которые длинныя, нѣжныя тѣни набѣгали отъ близкаго лѣса. Мужикъ, совсѣмъ вблизи отъ полотна дороги, браня и погоняя клячонку, допахивалъ полосу. Тощее стадо разбрелось по лугу, пощипывая короткую травку. На косогорѣ стояла деревенька, съ кое-гдѣ покосившимися избами, съ плетнемъ вокругъ огорода.

— Отъ такихъ картинъ, — замѣтилъ Курцовъ, указывая на деревню, — я за послѣдніе два года отвыкъ-таки. И знаешь, Андрей, какъ вернешься домой, такъ и кажется, что въ одной

только Россіи время остановилось... Даже въ этомъ промышленномъ краю попадаются остатки татарскихъ временъ.

— Ну, что-жъ такое, — вдругъ оживился Андрей, почуявъ, что возникнетъ споръ: — старинные уклады... И прекрасно, что они хранятся. Тебѣ бы хотѣлось, можетъ быть, чтобъ воцарились вездѣ паръ, да желѣзо, да электричество, и новый каменный вѣкъ капитализма стеръ бы слѣды деревянной Руси?

— А тебѣ бы это увѣковѣчить хотѣлось? Въ томъ числѣ клячу, и допотопную соху, и дрянныхъ этихъ коровенокъ, и то даже, что мужикъ въ концѣ мая еще не обсѣялся? Да впрочемъ, что-жъ!—Ты вѣдь, кажется, на Кубань собираешься, чтобы собственными руками эти прелести разводить.

— Андрюша, развѣ ты въ самомъ дѣлѣ поѣдешь? — скрестивъ руки на колѣняхъ, почти испуганно проговорила Надя.

— Разумѣется, поѣду. Я товарищамъ далъ слово.—И такая беззаботная улыбка озаряла при этомъ лицо Андрея, что Курцовъ разсмѣялся, скептически покачавъ головой.

— Проживу въ деревнѣ недѣлю — другую, да и махну на Кубань!—повторилъ Андрей, устремивъ на товарища не то вызывающій, не то смѣющійся взглядъ.

— Да развѣ папаша тебя отпуститъ? Ты ему про это ничего даже и не говорилъ.

— Отпуститъ! Вотъ еще! — встряхнувъ волосами, самоувѣренно возразилъ Андрей. — Я мальчикъ, что-ли? Да и отецъ самъ долженъ понять, что это прямой логическій выводъ изъ его собственныхъ принциповъ. Онъ вѣритъ въ старинную народную Россію, онъ служитъ ей перомъ, а я хочу ей служить руками!.. Чего ты улыбаешься, Дмитрій? По-твоему, это смѣшная затѣя, потому что ты привыкъ на мужика и на все русское глядѣть презрительно.

— Нѣтъ, Андрей, не презрительно, — серьезно и спокойно возразилъ Курцовъ.—Я тоже хотѣлъ бы народу служить—замѣть, я скромно говорю: хотѣлъ бы, потому что не знаю еще, съумѣю ли. Только надо ему служить, стараясь его поднять до себя. А наряжаться въ его костюмъ и пахать землю, да еще во сто кратъ хуже, чѣмъ самъ онъ это дѣлаетъ—воля твоя, это—комедія съ переодѣваньемъ, не болѣе, — и прескучная, вдобавокъ. И никому изъ васъ не выдержать своей роли до конца.

— Ну, что-жъ! — равнодушно повелъ плечами Андрей:—не выдержу, такъ и брошу! Будетъ, по крайней мѣрѣ, сдѣланъ честный опытъ...

— Не опытъ,—строго возразилъ Курцовъ,—а завѣдомая ложь

передъ собой и передъ народомъ. Напрасная трата времени и труда, послѣ которой ты начнешь воображать, что пріобрѣлъ право на все махнуть рукой и сидѣть сложа руки. И совсѣмъ это даже не честно, потому что ты вѣдь отстанешь очень скоро и отряхнешь пыль съ своихъ ногъ, а товарищей, которые за тобой слѣпо идутъ, ты ведешь на вѣрное разочарованіе.

Андрею вдругъ почему-то не захотѣлось продолжать споръ. Ему стало неловко.

Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Они только-что подъѣхали къ станціи. Запахло молодымъ березовымъ листомъ и сиренью.

— Запахъ-то какой, роскошь!—сказалъ Андрей.—Я думаю, весна нигдѣ такъ не хороша, какъ у насъ.—А тамъ, посмотри, Курцовъ, чт̀о за огромная фабрика!..

Многочисленныя окна громаднаго пятиэтажнаго зданія горѣли какъ сотни глазъ каменнаго чудовища, освѣщенныя электрическими лампами.

— Вотъ это тебя радуетъ, должно быть. Европой пахнетъ.

И Андрей закидалъ товарища разспросами о его путешествіи, о которомъ они еще не успѣли разговориться.

Курцовъ смекнулъ, отчего Мологинъ вдругъ завелъ рѣчь о его дорожныхъ впечатлѣніяхъ, но онъ добродушно сдѣлалъ видъ, будто не догадывается, и принялся разсказывать.

Два эти года онъ посвятилъ на изученіе сельскаго хозяйства, чтобы у себя дома приступить къ дѣлу не новичкомъ-самоучкой. И во время своихъ многочисленныхъ странствованій по горамъ южной Германіи онъ старался вникать въ тамошній народный бытъ, чтобы сравнить потомъ русскую деревню не съ отвлеченнымъ идеаломъ, а съ западною дѣйствительностью, и распознать тайну ихъ глубокаго отличія.

Въ Коломнѣ они втроемъ вышли пить чай. Вечеръ уже совсѣмъ наступилъ. Розовый закатъ потухалъ на небосклонѣ, и среди надвигавшихся прозрачныхъ сумерокъ слабо бѣлѣлъ на небѣ молодой серпъ луны. Мягкая пахучая нѣга стояла въ воздухѣ, и даже угольный дымъ и копоть локомотива не могли осилить ея чарующей прелести. И неуклюжее зданіе станціи, и шумливая возня пассажировъ, и пошлыя фигуры, сновавшія по платформѣ, — все это какъ бы пріобрѣтало сладко волшебную окраску тихо-радостнаго весенняго вечера.

Рядомъ со столомъ, за которымъ усѣлись Курцовъ и Мологинъ съ Надей, трое подгулявшихъ нѣмцевъ громко и грузно смѣялись, выпивая блѣдное пиво изъ огромныхъ стакановъ.

— Aber das ist doch ein infames Bier, Sacrament! —выругался одинъ изъ нихъ.

— Nun, lieber Müller, fragen sie nach водка, das ist doch der Nationaltrunk!

И всѣ трое разсмѣялись еще громче.

— Охотно бы я имъ башку раскрошилъ дурацкую! — сказалъ Андрей, поднимаясь съ мѣста.—Чего лѣзутъ къ намъ съ своими колбасными порядками, и къ чему намъ ихъ поганое пиво?

— Порядочные люди, мой милый, на станціяхъ не кричатъ!— остановилъ его Курцовъ.—Или ты на исторію съ ними хочешь полѣзть?

— На исторію? хотѣлъ бы я видѣть! — вытягивая впередъ сложенныя въ кулакъ руки, прихвастнулъ Мологинъ.

— Ну, коли тебѣ все равно, ты бы хоть о сестрѣ подумалъ! А впрочемъ, ты вѣдь это только такъ, несерьезно...

Они вышли на платформу.

— Терпѣть не могу этихъ колбасниковъ! Да и рѣчь ихъ нѣмецкую не могу слышать равнодушно,—продолжалъ кипятиться Андрей.—Кто ихъ сюда звалъ?

— А тебѣ хотѣлось бы Россію отъ нихъ запереть? Да? Куда же дѣвалось твое поклоненіе русскому добродушію и русскому гостепріимству? Ты вчера еще—помнишь—говорилъ, и хорошо говорилъ—я тебѣ отъ души сочувствовалъ,—что народъ нашъ великъ своею братской сердечностью, своимъ умѣніемъ воспринимать въ себѣ чужое, что въ этомъ его истинно христіанскій, православный духъ. И отецъ твой говорилъ то же.

— Ну, что-жъ, коли говорилъ? — разсмѣялся Мологинъ. — Отдавать себя иностранцамъ на съѣденіе, что-ли, оттого, что они расторопнѣе насъ и умнѣе?

— Такъ съ какого же права, коли они умнѣе, мы произвели себя въ Богомъ избранный народъ?

Андрей вспыхнулъ. Онъ не привыкъ уступать въ спорѣ. Очень ужъ избаловали его товарищи.

— Постой! Постой!—съ оттѣнкомъ раздраженія воскликнулъ онъ. — Ты меня не поймаешь. Мы у себя дома, и насъ много. А они къ намъ явились непрошенными гостями. И пикнуть не должны они смѣть передъ нами. Вотъ и все!

На лицѣ Курцова показалась невеселая улыбка. Онъ обмѣнялся съ Надей быстрымъ взглядомъ и тихо, почти кротко произнесъ:

— Сила, значитъ, никакого резона не принимаетъ, и въ кулакѣ — послѣдній, рѣшающій аргументъ. Чудесно!.. Стало быть, и татары были правы, когда они Русь выжигали?..

Раздался звонокъ.

— Ну, теперь до свиданія!—простился Курцовъ съ Андреемъ и съ Надей:—я пойду отыскать себѣ мѣсто. Доброй ночи! Не забудьте, мы въ четыре часа пріѣзжаемъ.

Оставшись вдвоемъ съ сестрой, Андрей сперва помолчалъ, насвистывая себѣ что-то подъ носъ, а потомъ вдругъ обратился къ Надѣ съ вопросомъ.

— Знаешь, Динь-Динь, удивительно сухимъ сталъ Курцовъ. Ты не находишь?

— Сухимъ? — удивленно переспросила дѣвочка. Ей даже и въ голову не приходило, чтобы Курцовъ могъ произвести такое впечатлѣніе на кого-либо.

— Ну да, — все у него размѣрено какъ-то. Точно онъ самому себѣ шагу не даетъ ступить изъ своей колеи. Точно онъ на кордѣ, какъ манежная лошадь.

И Андрей громко разсмѣялся, довольный своимъ сравненіемъ.

Замѣтивъ въ глазахъ сестры негодующую искру, онъ не далъ ей отвѣтить и поспѣшно добавилъ:

— Ну, я теперь, другъ мой, на боковую!.. Въ самомъ дѣлѣ, спать пора. Чѣмъ-свѣтъ пріѣзжаемъ, а тамъ еще двадцать верстъ до Куриловки. И, сказавъ это, онъ растянулся и покрылъ себя плэдомъ. Не прошло и десяти минутъ, какъ богатырскій сонъ уже сковалъ его въ своихъ крѣпкихъ объятіяхъ.

Надѣ, однако, не спалось. И когда, полчаса спустя, остановка поѣзда и свистъ локомотива разбудили молодого человѣка, онъ удивился, что сестра еще не ложилась, и глаза ея черезъ открытое окно вагона неотступно глядятъ на усыпанное звѣздами небо.

— Динь-Динь, что-жъ ты не спишь? Смотри, устанешь! Ужъ эти мнѣ дѣвчонки!.. Навѣрно, грезишь себѣ о чемъ-то и съ какой-нибудь звѣздой разговариваешь.

— Не хочется, ночь слишкомъ хороша!—тихо отвѣтила дѣвушка. И, минуту спустя, она добавила, еще понизивъ голосъ:—Скажи, пожалуйста, Андрюша, кто эта барышня, про которую Дмитрій Сергѣевичъ говорилъ вчера?—Кажется, дальняя его кузина. Ее Ниной Горыниной зовутъ... Я ее что-то не помню.

— Да просто—барышня, какъ всѣ,—равнодушно зѣвнувъ, отвѣтилъ Андрей.—Ничего особеннаго!

— Ея, должно быть, не было въ деревнѣ два года назадъ, когда мы лѣто тоже провели въ Куриловкѣ.

— Можетъ быть и не было. Да тебѣ-то что?

— Такъ...—загадочно-коротко отвѣтила дѣвушка и, опустивъ вѣки, уткнулась въ уголъ.

— Ну, спи тамъ, и не спрашивай пустяковъ!—не совсѣмъ любезно скомандовалъ Андрей, и вскорѣ опять его ровное дыханіе показало сестрѣ, что его снова охватилъ благодѣтельный сонъ.

Нѣсколько часовъ спустя — Рязань уже проѣхали давно — Андрей проснулся опять. Поѣздъ стоялъ у какой-то крошечной станціи, и необыкновенная тишина царствовала вокругъ, точно и самъ этотъ поѣздъ, и всѣ бывшіе въ немъ, спали заколдованнымъ сномъ. Слышалось гдѣ-то у колесъ мѣрное постукиваніе молоткомъ, да вдали на лугу дергачъ выводилъ свой однообразный, будто вопрошающій, окликъ. На платформѣ никого не было.

— Чтò это?—удивился Андрей.—Стоимъ? Эй, кондукторъ!— Никто не отвѣтилъ. Сестры онъ не хотѣлъ будить. Простояли еще минутъ десять. Вокругъ все то же молчаніе, все то же бездонное звѣздное небо, да необъятная равнина, погруженная въ дремоту подъ сладкимъ дыханіемъ весенней ночи.

Андрея стало разбирать нетерпѣніе.—Да что же это такое?— воскликнулъ онъ раздраженно.—Стоимъ себѣ, да и только! Вотъ порядки! Ну, ужъ Русь-матушка!

Къ счастью для Мологина, некому было разслышать это замѣчаніе. Онъ тотчасъ подумалъ, что, будь здѣсь Курцовъ, ему бы не избѣжать насмѣшки товарища. Онъ высунулся въ окно.—Да это, однако, ни на что не похоже! Кондукторъ!—Все молчало. Слышались только чьи-то приближавшіеся шаги. Кто это?

— А, Дмитрій!—узналъ онъ подходившаго Курцова.—Чтò, стоимъ?

— Стоимъ,—отвѣтилъ тотъ спокойно.—Путь не свободенъ. Что-то случилось съ товарнымъ поѣздомъ.

— Тьфу, мерзость!—выругался Андрей.

— Что за бѣда! Пріѣдемъ въ шесть, вмѣсто четырехъ. Хочешь, прогуляемся вмѣстѣ? Ночь дивная!

— Нѣтъ, слуга покорный!

И, сердито растянувшись, Мологинъ прильнулъ головой къ подушкѣ.

А Дмитрій продолжалъ свою прогулку, любуясь тихою ночью, полною таинственнаго мерцанія звѣздъ, и мысль его ушла далеко назадъ, къ раннимъ годамъ юности, когда онъ въ послѣдній разъ видѣлъ ту, съ которой теперь встрѣтится опять въ родныхъ мѣстахъ. Можетъ быть, завтра... Нина Горынина была тогда шестнадцатилѣтней дѣвушкой, носившей еще полу-длинныя платья, изъ-подъ

которыхъ выглядывали ея стройныя узкія ножки. Но ужъ тогда,—хотя она такъ любила рѣзвиться и бѣгать въ горѣлки,—подчасъ, не по лѣтамъ строгій находилъ на нее стихъ, и, должно быть, не дѣтскія мысли бродили подъ ея гладкимъ, высокимъ лбомъ, оттѣненнымъ волнистыми темными кудрями. Онъ, двадцатилѣтній студентъ, уже на третьемъ курсѣ, чувствовалъ себя порой какъ бы моложе ея. И часто ему мерещилось тогда, что лучшаго счастья ему не найти, чѣмъ вдвоемъ съ ней. Но онъ не высказывалъ этого Нинѣ. Она была еще слишкомъ молода, да и казалось ему, что въ ея сердцѣ не проснулось еще первое тревожное чувство. Одну лишь любовь она знала—любовь къ людямъ вообще, особенно къ бѣднымъ и страждущимъ... Съ тѣхъ поръ четыре года прошло, и они болѣе не видались. Она была на югѣ съ больной, умиравшей матерью... Теперь она одна на землѣ—одна съ сухой, чопорной теткой... Какъ встрѣтятся они? И неужели она не захочетъ протянуть ему руку и вдвоемъ съ нимъ начать новую, хорошую, честную жизнь?...

VI.

Солнце уже высоко поднялось, когда они пріѣхали на свою станцію. Майское утро улыбалось имъ, все обмытое росой, все проникнутое радостнымъ сіяніемъ.

Дмитрій простился съ Мологиными, обѣщавъ заѣхать въ Куриловку на дняхъ, и усѣлся въ ожидавшій его экипажъ. Тройка дружно взяла съ мѣста и весело понеслась ровною крупною рысью. Въ безоблачной красѣ прозрачнаго дня, въ свѣжей зелени полей, въ легкомъ утреннемъ вѣтеркѣ, приносившемъ съ собой пряный запахъ молодой листвы — во всемъ этомъ чувствовался какъ бы добрый привѣтъ родного края. Но у Курцова почему-то не нашлось отголоска на окружавшую его весеннюю радость. Сознаніе полнаго одиночества, почти незнакомое ему, пока онъ толкался среди чужихъ людей, охватило его въ тотъ самый мигъ, когда онъ увидѣлъ знакомыя мѣста и каждый поворотъ колесъ приближалъ его къ родному дому. Его встрѣтятъ тамъ угодливыя лица служащихъ, его ожидаетъ многосторонняя, интересовавшая его работа, не запущеннымъ онъ найдетъ свое Пречистое, еще въ дѣтствѣ перешедшее къ нему отъ покойнаго отца. Его опекунъ и дядя, человѣкъ строгій и сухой, но хозяинъ отмѣнный, управлялъ имѣніемъ племянника какъ собственнымъ. Въ Дмитріѣ онъ любилъ своего единственнаго наслѣдника, какъ только могъ любить кого-

либо угрюмый холостякъ, самъ не знавшій всю свою жизнь настоящей привязанности.

И все-таки чѣмъ-то непривѣтливымъ и холоднымъ будто вѣяло на пріѣзжаго отъ его благоустроеннаго имѣнія. Тамъ ждали его однѣ дѣловыя заботы и давно поблекшія воспоминанія счастливаго дѣтства. Отца онъ едва помнилъ, и мать, любимую имъ нѣжно, схоронилъ тоже, когда минуло ему всего пятнадцать лѣтъ. Да и дядя Василій Григорьевичъ—онъ узналъ это отъ кучера—не встрѣтитъ его на крыльцѣ родного дома.

„Скажите Дмитрію Сергѣевичу,—объявилъ онъ наканунѣ приказчику, уѣзжая въ свою усадьбу,—что онъ теперь полный хозяинъ, и мѣшать ему да совѣтовать ни въ чемъ я не стану. Молодые люди совѣтчиковъ не любятъ; а захочетъ у меня поучиться—пускай ко мнѣ пріѣдетъ,—дорогу онъ знаетъ".

И какъ ни твердилъ себѣ Дмитрій, что надо осилить, разогнать малодушное уныніе, онъ не могъ вытравить изъ сердца засѣвшей тамъ упрямой тоски.

Никто не обрадуется его пріѣзду. Даже старой няни у него нѣтъ въ живыхъ, и одни деревья холенаго сада вспомнятъ, можетъ быть, какъ прощался онъ съ ними юношей, и станутъ ему шептать невнятныя, хоть и привѣтливыя рѣчи... На бѣду только, Дмитрій не любилъ и не умѣлъ, пожалуй, отдаваться мягкимъ, туманнымъ грезамъ, на какія только и можно найти отвѣтъ въ таинственномъ языкѣ природы; онъ даже словно боялся нѣжничать съ собой и расчувствоваться съ другими. Онъ держалъ себя на-сторожѣ. И когда щемящее чувство, жаждавшее отвѣта, пробуждалось у него на сердцѣ, онъ крѣпился, чтобы не давать ему волю.

И теперь, когда показались на отлогомъ пригоркѣ въ сторонѣ отъ дороги церковная колокольня Пречистаго и бѣлыя стѣны большого двухъ-этажнаго господскаго дома, Дмитрій отряхнулъ съ себя ныпшую въ немъ грусть и бодро далъ себѣ слово, что съ перваго же дня примется за то, скромное пока, служеніе родинѣ, за ту подготовительную жизненную школу, на которую обрекъ себя во время своихъ двухлѣтнихъ странствованій.

Совсѣмъ иная встрѣча ожидала Мологиныхъ. Куриловка не походила на Пречистое. Вмѣсто каменной ограды, внушительно окружавшей большой пречистенскій садъ—рядъ старыхъ ракитъ, добродушно сторожившихъ скромную усадьбу Анны Арсеньевны; вмѣсто обширныхъ палатъ—уютный деревянный одно-этажный домикъ, смотрѣвшійся на чистую гладь широкаго ключевого пруда. А на противоположномъ берегу—крестьянскія хаты, вы-

строившіяся въ рядъ и тоже смотрѣвшія бодро, какъ господскій домъ, тою особою бодростью, какая отличаетъ собою стариковъ, честно и хорошо прожившихъ свой вѣкъ. Унылое, безпорядочное запустѣніе, такъ часто уродующее нашу деревянную Русь, миновало Куриловку, хоть и сама усадьба да и ея хозяйка тоже много лѣтъ уже вели все ту же неспѣшную трудовую жизнь. Анна Арсеньевна осталась въ дѣвушкахъ послѣ неудачнаго романа, горестнымъ разочарованіемъ испортившаго ея раннюю юность. Но старой дѣвой она все-таки не сдѣлалась. Два чувства жили въ ея на мигъ было-сжавшемся сердцѣ — немного восторженное поклоненіе брату, въ которомъ она видѣла что-то почти геніальное, и привязанность къ родной Куриловкѣ, гдѣ протекло ея дѣтство. Съ нея этого было довольно. Въ Куриловкѣ она жила почти безвыѣздно, управляя ею съ тою немного щепетильной старательностью, какую знаютъ однѣ женщины, и управляла необыкновенно толково. Анна Арсеньевна не спрашивала себя даже, кому принадлежитъ Куриловка—ей или брату— все свое добро, въ томъ числѣ и себя самое, она считала какъ бы собственностью Николая Арсеньевича и его дѣтей. И видѣть ихъ у себя, когда они пріѣзжали въ Куриловку лѣтомъ, было для нея настоящимъ праздникомъ. Нечего и говорить, какъ обрадовалась она, получивъ телеграмму о пріѣздѣ Андрея и Нади. Она ихъ не ожидала такъ скоро, и чайный столъ, заставленный разнообразнымъ печеньемъ, давно былъ накрытъ на террасѣ, и не разъ уже сама хозяйка выбѣгала на крыльцо, когда наконецъ издали послышался въ чистомъ утреннемъ воздухѣ тонкій звонъ колокольчика. Анна Арсеньевна поднялась съ шести часовъ и хлопотала усердно, въ ожиданіи запоздавшихъ пріѣзжихъ.

И вотъ, маленькій тарантасикъ наконецъ подкатилъ. Надя выпрыгнула первая, живая и легкая, какъ весенній вѣтерокъ, а за нею взбѣжалъ на крыльцо и ея братъ, весь покрытый дорожною пылью, съ немного заспаннымъ лицомъ, но все-таки, особенно въ глазахъ тетушки, молодецъ собой, весь дышавшій жизненной силой. Анна Арсеньевна была крѣпко привязана къ обоимъ, но Андрей все-таки былъ ея любимцемъ. Она, разумѣется, была въ восторгѣ отъ того, что такъ блистательно сошли экзамены, хоть и знала напередъ, что будетъ такъ.

— А вы знаете, тетя, кто въ одномъ поѣздѣ съ нами пріѣхалъ?—сказала Надя.—Дмитрій Сергѣевичъ.

— Да, да, слышала. Его давно ждутъ. Да и пора. Чего тамъ за границей таскаться, да деньги проживать, когда у себя

дома такое чудное имѣніе. Василій Григорьевичъ на дняхъ ко мнѣ заѣзжалъ—разсказывалъ, что племянника ждетъ...

А когда она услышала отъ Андрея, что Курцовъ собирается въ Пречистомъ надолго поселиться, Анна Арсеньевна радостно воскликнула:

— Ну, вотъ, это хорошо! Всѣмъ бы молодымъ людямъ такъ; а то либо въ полкъ поступятъ и долговъ надѣлаютъ, либо чиновниками станутъ, да и пойдутъ себѣ разный вздоръ строчить... И много я ихъ повидала на своемъ вѣку. И умники такіе, кажись, а какъ про дѣло заговорятъ, про настоящее-то дѣло—хозяйство—такую чепуху понесутъ, прости, Господи!..

— Да чтò, тетушка, развѣ хозяйство ужъ такое важное дѣло?

— Да какое же еще дѣло, дружокъ мой, коли не это? Хлѣбомъ-то вся Россія, думается мнѣ, живетъ, а не бумагой, кажись. Да и сѣрому-то народу кто больше полезенъ, по-твоему? Кто разныя тамъ предписанія сочиняетъ, какъ съ него поборы брать, или кто ему работу даетъ и примѣръ показываетъ? Ну, дай Богъ, Дмитрій Сергѣевичъ у насъ совсѣмъ останется. И невѣста для него есть на примѣтѣ, славная такая,—Нина Александровна. Ты ее помнишь, Андрюша?

Андрей покачалъ головой.

— Да чтò,—сказалъ онъ презрительно:—ей тогда было, кажись, лѣтъ двѣнадцать или тринадцать. Гдѣ такую дѣвчонку помнить? Вотъ Надя мнѣ про нее что-то ночью говорила.

Анна Арсеньевна взглянула на племянницу. Та почему-то вспыхнула.

— Не понимаю одного, — продолжалъ Андрей. — Какъ это можно, при способностяхъ Дмитрія и его состояніи, зарыться въ какой-нибудь черноземный уѣздъ, да мечтать о томъ, чтобы сдѣлаться лэндлордомъ и всю душу свою положить въ сельское хозяйство. Больно ужъ это узко.

Надя вспыхнула еще ярче и горячо заступилась за Курцова.

— Тутъ ничего нѣтъ узкаго, Андрюша,—воскликнула она.— Дмитрій Сергѣевичъ по крайней мѣрѣ знаетъ, чего хочетъ...

— Да, но зато хочетъ онъ совершенныхъ пустяковъ! Много отъ того прока будетъ, коли у него станетъ родиться лишняя четверть съ десятины!.. И вдобавокъ, женитьба на провинціальной барышнѣ, которая ввѣкъ ни одной дѣльной книжки не прочла и мечтаетъ о губернскихъ балахъ...

Анна Арсеньевна привыкла восхищаться всѣмъ, чтò бы ни сказалъ Андрей. На этотъ разъ, однако, она почти разсерди-

лась.—Вздоръ ты говоришь Андрей, право вздоръ,—ласково укорила она его:—очень даже большой прокъ будетъ, коли въ Пречистомъ хозяйство пойдетъ хорошо. А что до Нины касается, она совсѣмъ не такая, какъ ты думаешь. Да ты самъ увидишь. Она часто сюда заѣзжаетъ...

И капризная судьба устроила такъ, что Нина заѣхала въ Куриловку въ самый этотъ день. Анна Арсеньевна только-что пошла съ Надей по хозяйству,—она считала долгомъ племянницу съ юныхъ лѣтъ посвящать въ свою науку,—и дома оставался одинъ Андрей, игравшій на крыльцѣ съ своимъ давнишнимъ другомъ, огромнымъ водолазомъ, какъ вдругъ показалась за околицей, верхомъ на гнѣдой лошади, молодая дѣвушка въ сѣрой амазонкѣ. Андрей тотчасъ догадался, что это была Нина Горынина.

Дѣвушка шагомъ подъѣхала къ крыльцу. Она издали примѣтила Андрея и удивилась встрѣтить въ Куриловкѣ незнакомаго молодого человѣка. Андрей оттолкнулъ собаку, вскочилъ на ноги и раскланялся.

— Тетушки нѣтъ дома, Нина Александровна,—развязно началъ онъ.—Вы меня, конечно, не помните, но я, какъ видите, узналъ васъ отлично. Я—Андрей Мологинъ.

Это была, разумѣется, чистѣйшая ложь. Андрей ни за что бы не узналъ Нины, еслибы встрѣтился съ нею во всякомъ иномъ мѣстѣ. Съ перваго взгляда на дѣвушку онъ убѣдился, что Анна Арсеньевна была права, что зауряднаго ровно ничего нѣтъ, по крайней мѣрѣ во внѣшности Нины.

Ея слегка зарумянившееся отъ ѣзды лицо—въ обычное время Нина была скорѣе немного блѣдна—говорило ясно, что наполняли ея головку не однѣ суетныя мечты. И въ томъ, какъ держала она эту головку, и какъ вела послушную лошадь, было что-то свободное, почти гордое. Вольно и ловко выпрямлялся надъ сѣдломъ ея тонкій станъ. Андрею она сразу понравилась. Понравилась именно тѣмъ, что изящество въ ней такъ сливалось въ одно гармоническое цѣлое съ чѣмъ-то смѣлымъ и твердымъ, что̀ сразу читалось въ открытомъ взглядѣ ея сѣрыхъ глазъ, въ правильной дугѣ ея темныхъ бровей.

Оба они были не изъ робкихъ, и чутьемъ сразу поняли это оба.

— А тетушка ваша не скоро вернется?—спросила дѣвушка. —У меня до нея дѣло.

Водолазъ подошелъ къ ней, ласкаясь.

— Вы не вѣрите, — продолжала она, замѣтивъ улыбку на лицѣ Андрея.—Да, настоящее, пресерьезное дѣло.—Постой, Неп-

тунъ, смирно!—ласково унимала она между тѣмъ расходившагося пса, гладя его курчавую голову. Онъ поднялся на заднія лапы, стараясь лизнуть ей руку.—Какой онъ у васъ славный!—улыбаясь, обратилась она опять къ молодому человѣку, и въ спокойныхъ ея глазахъ улыбка блеснула тоже.

— Тетушка сейчасъ вернется,—живо отвѣтилъ Андрей.—Да и можно за нею послать. Эй! Трофимъ!—окликнулъ онъ подходившаго кучера. — Зайдите, Нина Александровна, пожалуйста зайдите, иначе я буду въ отвѣтѣ передъ тетушкой.—И, не дожидаясь ея согласія, онъ приказалъ Трофиму принять лошадь барышни и потомъ отыскать Анну Арсеньевну.

Съ первыхъ же словъ Нины его поразило что-то особенное въ ея голосѣ, что-то необыкновенно искреннее, теплое и, въ то же время, какъ бы властное.

Ни одинъ женскій голосъ до сихъ поръ не производилъ на него такого мягкаго, плѣнительнаго впечатлѣнія. Онъ не вкрадывался въ душу, не ласкалъ слуха, этотъ голосъ, онъ прямо, открыто овладѣвалъ довѣріемъ и симпатіей. Онъ лился ровно, какъ строгая въ своей красотѣ классическая музыкальная фраза.

— Хорошо, я войду, — сказала она совсѣмъ просто. Колебаться было не въ ея привычкѣ. Чутье какое-то всегда подсказывало ей, какъ надо поступить. И, погладивъ шею лошади, безпокойно переступавшей съ ноги на ногу, дѣвушка ловко соскочила съ сѣдла, едва коснувшись протянутой руки Андрея.

Онъ провелъ ее черезъ домъ на террасу, любуясь изящной увѣренностью ея походки, законченной прирожденной граціей, какая была во всѣхъ ея движеніяхъ. Гармонія была во всемъ, что̀ ни дѣлала она, въ томъ даже, какъ опустилась она на диванъ и сняла съ рукъ перчатки. Эти руки, немного длинныя, съ тонкими розовыми пальцами, свидѣтельствовали о томъ же сочетаніи мягкости и энергіи, какое чуялось во всемъ ея существѣ. Водолазъ улегся у ея ногъ. Андрей велѣлъ подать чаю и усѣлся передъ дѣвушкой на перила.

— Мы только сегодня утромъ пріѣхали съ сестрой,—объяснилъ онъ Нинѣ. — И въ одномъ поѣздѣ съ нами былъ тоже старинный вашъ пріятель, Дмитрій Курцовъ.

— А!.. Курцовъ здѣсь! какъ я рада!—отозвалась на это извѣстіе дѣвушка. Но въ тонѣ ея отвѣта не было ни малѣйшаго оттѣнка тревоги, и краска ничуть не усилилась на ея лицѣ. Даже мало наблюдательный Андрей это замѣтилъ.

— Что, онъ сюда на все лѣто?—спросила Нина.

— Не только на лѣто, на цѣлыхъ два года... Вы знаете,

онъ за границу ѣздилъ агрономіи учиться и хочетъ теперь эту премудрость къ своему имѣнію примѣнить. Онъ, кажется, сельскимъ хозяйствомъ только и бредитъ.

— Однимъ хозяйствомъ?—опять спросила дѣвушка.—На то, чтобы бредить,—этого мало.

— Да, маловато что-то,—разсмѣялся Андрей.

— Курцовъ человѣкъ не глупый, даже очень,—перебила его Нина.—И воля у него есть тоже. Только воля и умъ тогда лишь не безплодны, когда ими пользуешься не для себя одного.

Горячій, сочувственный отвѣтъ готовъ былъ сорваться у Андрея, но въ самый этотъ мигъ Анна Арсеньевна съ Надей показались въ дверяхъ. Нина успѣла, однако, этотъ отвѣтъ прочесть въ глазахъ молодого человѣка.

Поцѣловавшись съ Анной Арсеньевной, она ласково поздоровалась и съ Надей. Но, странное дѣло, всегда дышавшее оживленіемъ личико дѣвочки почти не отвѣтило на эту ласку. Что-то недовѣрчивое, пугливое таилось будто въ ея глазахъ, и въ то же время глаза эти подвергали быстрой оцѣнкѣ наружность Нины. Въ первый разъ, можетъ быть, передъ удивленнымъ взоромъ Нади являлось такое законченное женское изящество. Нина была одѣта очень просто,—она всегда, впрочемъ, такъ одѣвалась,—но въ этой дорого стоившей простотѣ все, отъ пера на широкополой шляпѣ до обуви, было чѣмъ-то совсѣмъ невиданнымъ для Нади. Безукоризненность вкуса и совершенство покроя мигомъ сказались чутью дѣвочки, не привыкшей обращать вниманіе на свою внѣшность и въ средѣ подругъ не встрѣчавшей ничего подобнаго.

Въ гимназіи, куда ходила Надя, даже хвастались немного равнодушіемъ къ внѣшности. Надя почувствовала себя невольно пристыженной за свой уже слишкомъ незатѣйливый костюмъ.— „Діана Вернонъ"!—промелькнуло у нея въ головѣ.

Она мысленно сравнивала Нину съ любимой своей героиней изъ романовъ Вальтеръ-Скотта, которыми зачитывалась въ послѣднее время. И пока Нина Александровна оставалась въ Куриловкѣ, дѣвочка не переставала зорко вглядываться въ нее съ какимъ-то страннымъ любопытнымъ, не совсѣмъ дружелюбнымъ восхищеніемъ. Она присмирѣла какъ-то вдругъ и ушла въ себя. А Нина, между тѣмъ, принялась толковать съ Анной Арсеньевной о своемъ дѣлѣ. Новая мысль ей пришла въ голову недавно. Въ Ключахъ — такъ называлось большое имѣніе Горошиныхъ— съ незапамятныхъ временъ завелось два промысла, исключительно женскихъ—плетеніе кружевъ и тканье полотенецъ. Но выручка

оказывалась самая ничтожная. Рисунки были старинные, однообразные, и свои издѣлія ключевскія бабы сбывали прасоламъ за безцѣнокъ. Нина задалась планомъ лучше организовать этотъ промыселъ и сдѣлать его доходнымъ. Мастерицы въ Ключахъ были отличныя, но имъ недоставало вкуса и въ особенности умѣнія отыскать себѣ сбытъ. Нина собиралась ихъ снабдить новыми станками и лучшими рисунками, да въ Москвѣ устроить имъ складъ. Обо всемъ этомъ она пріѣхала посовѣтоваться съ Анной Арсеньевной.

Андрей не вѣрилъ ушамъ. Нина излагала свой планъ такъ разумно, такъ серьезно, дѣловито, а онъ недавно еще обзывалъ ее пустою кисейною барышней... Глаза его загорѣлись живымъ сочувствіемъ. И на заалѣвшемъ личикѣ Нади тоже читалось невольное удивленіе, боровшееся въ ея правдивомъ сердечкѣ съ предвзятымъ чувствомъ нерасположенія къ Нинѣ.

— Какъ это хорошо, Нина Александровна! Какой вы молодецъ! — воскликнулъ Андрей, соскакивая съ мѣста и подходя къ дѣвушкѣ.—Вы меня пристыдили! Ничего подобнаго я бы не придумалъ, со всей своей университетской мудростью. А вѣрьте мнѣ, я сотню разъ говорилъ себѣ, что готовъ всѣ силы свои отдать, чтобы помочь нашему бѣдному, доброму народу. И не я одинъ... Много такихъ, что порываются народу служить и не знаютъ, какъ за дѣло взяться толково...

— Погодите меня хвалить, — съ свѣтлой улыбкой на лицѣ, остановила его Нина:—видите, тетушка ваша качаетъ головой, а она опытнѣе насъ всѣхъ.

— Ахъ, дружокъ мой, — ласково отозвалась на это Анна Арсеньевна:—я тоже радуюсь, слушая васъ. Только не знаю, удастся ли. Мы, люди стараго вѣка, мужика учить не умѣемъ, да и не довѣряетъ онъ намъ, — вотъ бѣда!.. И коли правду сказать, нельзя на него и пенять...

— Побѣдить надо это недовѣріе, Анна Арсеньевна,—своимъ теплымъ, бархатнымъ голосомъ отвѣтила Нина, и спокойный, тихій свѣтъ такъ и блестѣлъ въ ея мягкомъ взорѣ.—И я не теряю надежды, что мнѣ это удастся... Меня съ дѣтства знаютъ въ Ключахъ и любятъ, кажется. Весной я въ Москвѣ на ткацкую фабрику ѣздила и разспрашивала тамъ многихъ и узнала, какіе станки надо заказать и рисунки выбрала. Можетъ быть, дѣло и пойдетъ. Наши ключевскія женщины уже пробовали на этихъ станкахъ работать—ничего, выходитъ. Одно меня затрудняетъ: куда и какъ сбывать наши издѣлія? Тутъ ужъ мнѣ, конечно, московскіе фабриканты не помогутъ.

Въ словахъ Нины было столько теплой и скромной вѣры въ свое дѣло, что восторгъ все ярче загорался на лицѣ Андрея.

— Нина Александровна,—воскликнулъ онъ:—позвольте мнѣ вамъ помочь, какъ умѣю! Я хоть завтра поѣду въ Москву, коли хотите, и товарищей растормошу, и отца тоже,—да, отца,—это главное. Онъ вѣдь очень популяренъ среди торговаго люда. Ну, и устроимъ какъ-нибудь ваше дѣло общими силами.

— Я и не унываю,—отвѣтила Нина, тономъ старшей сестры. —Вы меня, я вижу, плохо знаете еще. Спасибо вамъ за доброе намѣреніе. Только незачѣмъ торопиться. У насъ пока и готовыхъ образчиковъ еще нѣтъ, а когда будутъ,—мы ихъ, пожалуй, на ярмарку въ Нижній отправимъ. Я ужъ съ нашимъ предводителемъ говорила, и онъ тоже обѣщался помочь.

Воодушевленіе Андрея сразу упало, какъ скоро Нина упомянула о предводителѣ. Онъ даже обидѣлся чуть-чуть.

— Вы, кажется,— сказалъ онъ, — на нашу братію не особенно полагаетесь... А это напрасно. Мы неопытны, можетъ быть, зато ревности ко всякому доброму дѣлу у насъ много. А этимъ брезгать не слѣдуетъ, Нина Александровна.

— Я не брезгаю. Напротивъ, спасибо вамъ! — и она протянула ему руку, замѣтивъ, какъ смущенно загорѣлось его лицо. —И когда будетъ нужно, я воспользуюсь вашимъ усердіемъ, даю вамъ слово. А пока дайте мнѣ еще съ Анной Арсеньевной потолковать.

И вышло на повѣрку, что Анна Арсеньевна, хоть и не отозвалась такъ громко, какъ племянникъ, на затѣю Нины, придумала-таки дѣльный совѣтъ. Она знала одного мѣстнаго торговца, много разъѣзжавшаго по Россіи съ товаромъ, и предложила дѣвушкѣ пока черезъ него попытаться распространять ключевскія издѣлія.

— Онъ честный, хорошій человѣкъ,—твердила она.—Крупныхъ барышей черезъ него не добудемъ, а все-таки познакомимъ кой-кого съ вашими полотенцами да кружевами. Такъ понемножку и пойдетъ у васъ дѣло.

Еще съ полчаса Нина просидѣла на террасѣ, чувствуя себя какъ среди родныхъ. И когда она встала, чтобы уѣхать, и Андрей проводилъ ее до крыльца, она, прощаясь, его пригласила побывать въ Ключахъ.

— Вы можете быть увѣрены, что застанете меня дома,— сказала она, садясь на лошадь съ его помощью,—и что я буду рада васъ увидѣть. Я никого не приглашаю такъ только, изъ неискренней вѣжливости.

Она ударила лошадь и ускакала съ мѣста короткимъ галопомъ. А Мологинъ долго еще стоялъ на крыльцѣ, слѣдя за легкимъ облакомъ пыли, провожавшимъ ее по гладкой дорогѣ.

VII.

Въ первые три дня послѣ своего пріѣзда Курцовъ не успѣлъ побывать въ Ключахъ. Дѣла его обступили, какъ темный, хмурый лѣсъ сбившагося съ дороги путника. Весь персоналъ служащихъ, съ управляющимъ во главѣ, какъ бы намѣренно создавалъ ему затрудненія. Въ Пречистомъ его помнили только мальчикомъ, и не могли понять сразу, какъ это онъ вдругъ превратился въ полновластнаго и знающаго дѣло хозяина. Управляющій, Густавъ Францевичъ, совсѣмъ обрусѣвшій нѣмецъ, былъ честный и аккуратный человѣкъ, вполнѣ добросовѣстно исполнявшій свои обязанности. Но дядя Курцова, Василій Григорьевичъ, пріучилъ его никогда не выходить съ нимъ изъ дѣлового тона. Они будто условились оба смотрѣть другъ на друга лишь какъ на двухъ необходимыхъ двигателей сложнаго механизма и не признавать даже, что въ каждомъ изъ этихъ двигателей могла быть человѣческая душа. Отъ Василія Григорьевича подчиненные никогда ласковаго слова не слыхали и требовалъ онъ отъ нихъ только послушанія, а не преданности. Не мудрено, что и Дмитрій не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ дѣловитой исполнительности. И пришлось ему, вдобавокъ, съ перваго же дня натолкнуться на слѣды глухого несогласія между дядей и его главнымъ помощникомъ. Василій Григорьевичъ не вѣрилъ въ нововведенія и твердо придерживался старинной рутины. Управляющій тщетно порывался къ хозяйству примѣнить свою академическую науку и сразу высказалъ передъ Дмитріемъ цѣлый рядъ обвиненій противъ устарѣлой системы его дяди.

Курцовъ всѣхъ выслушивалъ, молча провѣрялъ на дѣлѣ разнорѣчивые совѣты и понемногу составлялъ себѣ осторожное самостоятельное мнѣніе.

Но прежде всего надо было съѣздить къ дядѣ и поблагодарить упрямаго старика, точно съ обидою на сердцѣ оставившаго ему бразды правленія. Василій Григорьевичъ въ душѣ обрадовался племяннику, но выказать это онъ не захотѣлъ и съ обычною сухой ироніей предвѣщалъ ему однѣ неудачи.

— Эхъ, мой милѣйшій, — кисло отвѣтилъ онъ Дмитрію: — коли хочешь знать мое настоящее мнѣніе,—вотъ оно тебѣ. Хо-

зяйство въ наше время — самое пустое занятіе, и бросилъ бы я давно свою берлогу, кабы у меня было куда уйти. Да старому медвѣдю дальше своего лѣса рыскать не приходится. Прожилъ я здѣсь безъ толку сорокъ лѣтъ, стало быть—здѣсь мнѣ и околѣвать. А вся твоя заграничная наука гроша мѣднаго не стоитъ, и незачѣмъ тебѣ здѣсь запираться да ученую воду толочь. Ты молодъ, тебѣ жить надо, — не то, что мнѣ, старому дураку. И средства у тебя есть. Пятнадцать тысячъ въ годъ, положимъ, не золотыя горы, но прожить съ этимъ вездѣ можно, благо ты, кажись, не ротозѣй и не куралесникъ. А Пречистое ты мужикамъ сдай — вотъ тебѣ мой сказъ. Все одно, что тебѣ, что имъ землю мотать...

Совсѣмъ не такъ смотрѣлъ Дмитрій на свои обязанности землевладѣльца. Въ отцовскомъ наслѣдствѣ онъ видѣлъ священный завѣтъ прошлаго, налагавшій на него долгъ особаго служенія родинѣ. Не малодушно уходить изъ родного гнѣзда его тянуло, ради столичныхъ удовольствій, а вложить въ родное помѣстье всѣ свои познанія, весь свой трудъ. И не ради одного полученія доходовъ ему рисовалась эта задача, а для того, чтобы живымъ примѣромъ служить народу, и справедливый заработокъ ему давать, и понемногу возвышать его умственный уровень и складъ его хозяйства.

Все это онъ высказалъ дядѣ, и высказалъ осторожно, не горячась, чтобы не вызвать недовѣрчиваго раздраженія старика.

Василію Григорьевичу очень не повезло въ жизни, и не мудрено, что она сдѣлала его скептикомъ. Любимая имъ когда-то дѣвушка сперва обманула его привязанность, выйдя за другого, а потомъ обманула и его уваженіе къ ней, сдѣлавшись потерянной женщиной. На службѣ онъ безъ вины былъ запутанъ въ какое-то некрасивое дѣло и вышелъ въ отставку, не смывъ даже окончательно пятна съ своего имени. Въ провинціи его не любили и нѣсколько разъ забаллотировали въ предводители. Онъ махнулъ на все рукой и лежебокомъ не сталъ лишь изъ ненависти къ лѣни. На жизнь онъ глядѣлъ какъ на скучную и безцѣльную шутку, въ которой на его долю пришлась самая незабавная роль.

— Ну, братецъ ты мой, это ужъ, воля твоя, одна фанаберія,—отозвался онъ на слова племянника. — Кабы ты былъ модными идеями зараженъ, я бы еще понималъ твою затѣю. А ты, кажись, малый разумный, такъ какой же ты придумалъ еще новый сортъ этого, какъ бишь, служенія народу? Мужикъ глупъ, и изъ его тысячелѣтней спячки ты его не выбьешь. Обижать

его, конечно, не надо, да и потакать не слѣдуетъ. Пусть онъ землю себѣ пашетъ да платитъ оброкъ барину и царю, а учить его тамъ да поднимать, какъ ты выражаешься,—это, воля твоя, одинъ вздоръ.

Иного, болѣе сердечнаго отвѣта такъ и не добился отъ Василія Григорьевича Курцовъ и уѣхалъ отъ него съ лишней тяжестью на сердцѣ. А кругомъ все было такъ радостно, зелено, такою дерзкою, могучей жизнью дышалъ безоблачный майскій день, тихо склонявшійся къ вечеру. Воздухъ, пронизанный золотыми лучами, то стоялъ неподвижный, точно выжидая, что заколышетъ его ласковая волна поднявшагося откуда-то вѣтерка, то онъ словно вздрагивалъ въ сладострастномъ опьяненіи, когда пробѣгала по немъ пахучая, теплая струя. Жаворонокъ нырялъ въ бездонной выси, громко посылая вдаль свою радостную трель, и жизнь, молодая, безтрепетная, полная надеждъ, и въ лѣсу, и въ полѣ, двигалась, шумѣла, наполняя воздухъ могучимъ, радостнымъ дыханіемъ расцвѣтавшей природы.

На Дмитрія весь этотъ весенній шумъ и блескъ нагонялъ грустныя мысли. Болѣзненная потребность найти въ комъ-либо сочувственный откликъ, подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими надеждами и планами все сильнѣе билась въ его сердцѣ. И когда показались среди лиловатой дымки небосклона соломенныя крыши Пречистаго, онъ въ первый разъ тревожно спросилъ себя, хватитъ ли у него силы одному, безъ чьей-либо поддержки, довести до конца свое негромкое, упорное дѣло?

Обширное село, съ массивнымъ бѣлымъ храмомъ на концѣ, широко расположилось по отлогимъ скатамъ оврага, гдѣ когда-то рѣчка протекала, а теперь сухая пыль поднималась, когда гналось по дну этого оврага крестьянское стадо, еле находившее тамъ жидкую травку. Бѣдно глядѣли низкія избы съ крошечными окнами и черными полами, и вокругъ лишь кое-гдѣ старыя ракиты, обломанныя вѣтромъ, оживляли сѣрую картину. И въѣзжая въ село, Дмитрій живо вспомнилъ веселый, такъ и говорившій о прочной домовитости, видъ селеній южной Германіи, съ ихъ бѣлыми домами и роскошными плодовыми деревьями. Сдѣлать хоть шагъ къ тому, чтобы сдвинуть родную деревню съ вѣкового застоя, чтобы научить сосѣдей-мужиковъ, какъ богатѣть на счетъ земли и труда, а не на счетъ только полунищей голытьбы—это была завѣтная мечта Курцова. Но какъ справиться ему съ задачей, при роковомъ недовѣріи къ нему крестьянъ? Два раза уже онъ говорилъ съ ними, и получалъ либо уклончивые, неискренніе отвѣты, либо прозрачные намеки, что

баринъ, должно быть, собирается ихъ какъ-нибудь провести, и они это понимаютъ отлично. Сейчасъ вотъ, передъ въѣздомъ въ село, онъ разговорился съ мужикомъ, допахивавшимъ полосу, и на вопросъ, какъ они такъ поздно все еще не обсѣялись, тотъ сказалъ, почесывая затылокъ:

— Да у насъ все такъ... Міру, знамо, не угодно за посѣвъ раньше приниматься...

— „Міру не угодно"! Да, это вѣчная, знакомая ему преграда, съ которой ничего не подѣлаешь ни совѣтомъ, ни примѣромъ.

— У меня давно сѣять кончили,—возразилъ Дмитрій.— Знаете, небось, что такъ лучше?

— Какъ не знать, батюшка,—осклабясь, неискренно сказалъ мужикъ:—только намъ это никакъ ужъ не можно. Отцы и дѣды такъ дѣлали, да и міръ не велитъ.

А на самомъ прогонѣ, около церкви, стояла куча домохозяевъ Пречистаго, громко и безпорядочно галдѣвшихъ. Дмитрій зналъ, о чемъ у нихъ вотъ уже цѣлую недѣлю идетъ споръ, изъ-за котораго остановились работы. Толковали о передѣлѣ мірскихъ полей и въ десятый разъ принимались кидать жребій. Тѣ, у которыхъ хотѣли скинуть по одной или по двѣ души, упорно не соглашались. Одинъ несовершеннолѣтній парень, круглый сирота и сынъ богатаго крестьянина, воемъ вылъ и Дмитрію приходилъ жаловаться, что міръ собирался у него отнять половину отцовскаго надѣла.

Дмитрій уже разъ пытался уговорить крестьянъ не передѣлять земли, и теперь, подъѣхавъ къ толпѣ, вторично заговорилъ объ этомъ.

— Хлѣба у васъ никогда порядочнаго не будетъ, коли станете каждый годъ дѣлиться,—твердилъ онъ имъ.—Вѣдь никто какъ слѣдуетъ полосы не удобритъ, коли не знаетъ, долго ли ею придется владѣть. Да и что у васъ за огороды? Капусты даже не разводите! А садовъ и въ поминѣ нѣтъ.

Онъ протолковалъ съ ними долго и еще разъ убѣдился въ своей безпомощности. Ему стыдно было за одно въ особенности—за явное отсутствіе къ нему довѣрія. И заслужить понемногу это довѣріе, на опытѣ показать, что его наука не вздоръ, заставить себя слушать—въ этомъ онъ видѣлъ цѣль своихъ усилій.

Вечеръ наступалъ теплый, млѣющій, благоуханный... Дмитрій покончилъ съ дѣлами и спустился въ садъ, разстилавшійся передъ большимъ домомъ съ затѣйливымъ куполомъ на крышѣ и съ рядомъ довольно-таки неуклюжихъ, хоть и величествен-

ныхъ колоннъ вокругъ террасы. Садъ отлого спускался къ оврагу, замыкаясь огромнымъ прудомъ, съ мельницей на плотинѣ. Сирень въ полномъ цвѣту наполняла воздухъ пряннымъ ароматомъ, къ которому примѣшивался крѣпкій запахъ бальзамическаго тополя. Верхушки деревьевъ неподвижно обрисовывались на звѣздномъ, полутемномъ небѣ. Соловей гдѣ-то щелкалъ вдали... И еще сильнѣе, чѣмъ днемъ, въ этой прозрачной тиши пахучей майской ночи Дмитрій чувствовалъ, какъ тяжело въ родномъ домѣ не видѣть около себя ни одного существа, въ которомъ билось бы преданное, любящее сердце, какъ бѣденъ голосъ природы, когда въ ней ищешь сочувствія, и какъ ея равнодушная краса еще живѣе и болѣзненнѣе вызываетъ ощущеніе одиночества!..

На слѣдующій день Дмитрій поѣхалъ въ Ключи. Нины онъ дома не засталъ. Его приняла тетка молодой дѣвушки, Варвара Семеновна, величественная дама, всегда, и лѣтомъ и зимой, важно носившая шолковыя платья съ тяжелымъ шелестомъ длиннаго шлейфа. Покойный ея мужъ, отставной генералъ Таращановъ, былъ извѣстный московскій хлѣбосолъ и умеръ, разстроивъ желудокъ и дѣла. Послѣ его смерти, Москва, по старой привычкѣ, все еще ѣздила къ его вдовѣ, хотя держать открытый столъ она уже не могла, и торжественной скукой вѣяло отъ ея гостиной, гдѣ всегда пахло затхлостью и крѣпкими духами. Молодежь подсмѣивалась надъ ея важною осанкой, ея напыщеннымъ пустословіемъ и густыми румянами, придававшими комическую яркость ея всегда немного взволнованному лицу. Но и молодежь не забывала дороги къ ея ветхому дому на Молчановкѣ, съ тѣхъ поръ особенно, какъ въ этомъ домѣ показалась Нина. Послѣднюю зиму молодая дѣвушка провела у тетки. И нерадостное время это было для Нины. Ее тяготила обветшалая пышность полуразоренной генеральши и суетливая пустота ничѣмъ не занятой жизни. И Нина почти была рада, что трауръ избавлялъ ее отъ выѣздовъ съ теткой. При жизни матери, она годъ провела въ Петербургѣ и прошла тамъ черезъ искусъ свѣтскихъ удовольствій, оставившихъ ей томящее воспоминаніе безтолковаго служенія какому-то мнимому долгу. Нинѣ чувствовалось, что большинство ея сверстницъ—настоящихъ подругъ у нея не было—веселятся точно по приказу, словно какую-то обязанность исполняютъ, и когда на слѣдующую зиму она съ заболѣвшей матерью уѣхала въ Италію, Нина безъ сожалѣнія разсталась съ жизнью свѣтской дѣвушки. За границей она дѣлила свое время между уходомъ за тихо угасавшей матерью и кар-

тинными галереями, гдѣ она проводила долгіе часы, развивая въ себѣ проснувшуюся у нея страсть къ живописи. Но скоро и эта страсть въ ней остыла. Душа ея требовала иного. Иной идеалъ красоты—невещественной, не выразимой красками—проснулся въ ней, заставляя ее мечтать о деревнѣ, гдѣ такъ много ее ждало хорошаго, никѣмъ непочатаго дѣла. Путешествіе раскрыло ей глаза не для искусства только. Невольно она сравнивала то, что̀ видѣла теперь, съ сѣрой нищетой родного села, которой прежде, въ беззаботные дѣтскіе годы, она и не примѣчала. Московскій домъ тетки, конечно, былъ еще дальше отъ этого идеала, чѣмъ все видѣнное ею въ Италіи. Но очень скоро она поняла, что власть надъ нею Варвары Семеновны только съ виду тяжела и что, въ сущности, тетка мало заботится, чѣмъ занята племянница. И Нина занялась благотворительностью съ восторженнымъ, неопытнымъ рвеніемъ новообращенной, и здѣсь возмущаясь зачастую суетой и пустословіемъ иныхъ милосердныхъ барынь. Зато были въ благотворительныхъ кружкахъ, въ которые она вошла, нѣсколько мужчинъ не свѣтскаго круга, въ томъ числѣ профессоръ Мологинъ, и они-то, какъ она думала, направили ее наконецъ на прямой, настоящій путь. Едва наступила весна, Нина стала торопить тетку поѣхать въ Ключи. Тамъ, набравшись опыта и совѣтовъ, она взялась за живую работу. Варвара Семеновна ей не мѣшала—въ сущности, она была не прочь пять мѣсяцевъ провести въ чужомъ имѣніи на счетъ богатой племянницы, но глухую оппозицію себѣ Нина въ ней все-таки чувствовала. Всякій разъ, что пріѣзжалъ кто-нибудь изъ сосѣдей, генеральша, съ грустью на величественныхъ чертахъ, принималась жаловаться на затѣи племянницы. Варвара Семеновна тоже покачивала головой, когда Нина ѣздила въ Куриловку къ Аннѣ Арсеньевнѣ.

— Comme vous avez le goût de la mauvaise société, ma chère!—говаривала она.—Il ne faut voir que ses pareils!

Но эти наставленія Нина пропускала мимо ушей, и за „mauvaise société“ она скорѣе готова была признать московскихъ пріятельницъ тетки, чѣмъ добрую, живую Анну Арсеньевну.

И Курцову Варвара Семеновна повѣдала свое горе насчетъ племянницы. Она слышала кое-что о прежней наклонности его къ Нинѣ, когда та была еще дѣвочкой, и съ мѣста рѣшила, что такого жениха изъ рукъ выпускать не слѣдуетъ.

Преувеличенная любезность генеральши не оставила въ Курцовѣ никакого сомнѣнія, что она будетъ ему союзницей. Но такой поддержки онъ скорѣй испугался, чѣмъ обрадовался, сильно

подозрѣвая, что расположеніемъ Нины госпожа Таращанова не пользуется.

Онъ уже битыхъ полчаса внималъ скучной болтовнѣ генеральши, какъ въ дверяхъ показалась Нина. Онъ удивился перемѣнѣ въ ней. Теперешняя Нина, съ ея почти строгимъ выраженіемъ глазъ, съ задумчивымъ лбомъ и съ такою законченностью въ движеніяхъ и въ рѣчи, мало походила на рѣзвую дѣвочку-шалунью, которая то-и-дѣло рвала себѣ платье гдѣ-нибудь въ саду и чья длинная коса такъ часто распускалась самовольно во время бѣготни.

Она встрѣтила его привѣтливо и просто, по-товарищески пожавъ ему руку. „Слишкомъ даже по-товарищески",—подумалъ онъ.—Потомъ она молча присѣла, и ее видимо тяготили длинные разсказы тетки, которымъ Дмитрій внималъ изъ вѣжливости.

И радостью блеснули его глаза, когда, воспользовавшись минутнымъ перерывомъ, Нина вдругъ сказала ему:

— Дмитрій Сергѣевичъ, хотите, я покажу вамъ нашъ садъ? Онъ совсѣмъ не такой, что прежде.

Ключи рѣзко отличались отъ сосѣднихъ помѣщичьихъ усадебъ. Домъ былъ совсѣмъ новый—его отстроили три года назадъ—сложенный изъ краснаго и бѣлаго кирпича, съ причудливыми выступами и сводчатыми широкими итальянскими окнами. Въ томъ же стилѣ были и немногочисленныя службы. Хозяйственныя постройки стояли въ полуверстѣ отъ дома. И садъ тоже былъ разбитъ по новому, на манеръ англійскихъ садовъ. Онъ глядѣлъ нарядно, хотя молодыя деревья давали еще мало тѣни.

— Пойдемте туда, въ липовую аллею. Вы помните—тамъ нашъ старый домъ стоялъ. Она одна только и уцѣлѣла отъ прежнихъ временъ.

Нина Дмитрія порадовала, что ему напомнила про старые годы, точно, за-одно съ этимъ напоминаніемъ, должна была возродиться ихъ прежняя полудѣтская дружба. Она такъ живо разспрашивала молодого человѣка про его заграничныя впечатлѣнія, что Дмитрій охотно развернулъ передъ нею весь свитокъ впечатлѣній послѣднихъ, имъ прожитыхъ, годовъ. Онъ все дожидался, что и Нина, заразившись его примѣромъ, раскроетъ передъ нимъ свой внутренній міръ, куда ему такъ хотѣлось проникнуть. Онъ чуялъ, что эти большіе, вдумчивые глаза не даромъ глядѣли на божій свѣтъ, и много новыхъ мыслей бродило за этими гордыми, правильными бровями. Но молодая дѣвушка почему-то пряталась отъ него, не высказываясь сама и не отвѣ-

чая прямо на два-три его вопроса, пытливо коснувшіеся того, чтѝ она хранила про себя.

Пока говорилъ Дмитрій, она раза два украдкой всматривалась въ него, и потомъ взглядъ ея отворачивался опять, скрываясь за опущенными рѣсницами.

— Въ прошломъ году я все порывался къ вамъ, во Флоренцію,—сказалъ онъ наконецъ.—Я не сдѣлалъ этого, чтобъ васъ не побезпокоить. Я зналъ вѣдь, что все свое время вы отдаете матушкѣ. Вамъ было тогда не до меня... Васъ опять въ Италію не тянетъ?..

Она покачала головой.—Нѣтъ, мои обязанности здѣсь, дома.

— Обязанности? И только обязанности? Развѣ вы себя не считаете свободной?

— Свободны бываютъ тѣ только, Дмитрій Сергѣевичъ,—отвѣтила она почти строго:—кому до прочихъ нѣтъ дѣла.

— Я не то хотѣлъ сказать. Я не понимаю только, чтобы забота о ближнемъ казалась ярмомъ, какимъ-то добровольнымъ рабствомъ. Тетушка ваша мнѣ говорила...

— Ахъ, тетушка!—съ оттѣнкомъ горечи перебила его Нина: —я понимаю, что съ ея словъ вы меня, конечно, осуждаете.

— Помилуйте! мнѣ—васъ осуждать! Напротивъ, я хотѣлъ вамъ предложить работать общими силами. Цѣли у насъ вѣдь одинаковыя.

— Не думаю, чтобы совсѣмъ одинаковыя,—прямо взглянувъ на Курцова, отвѣтила Нина.

Онъ не настаивалъ, его кольнули эти слова. Нѣсколько шаговъ они прошли молча. Потомъ онъ спросилъ опять:

— А рисовать вы бросили? Помните, когда вы были дѣвочкой, у васъ былъ талантъ.

— Да, бросила. Я много этимъ занималась въ Италіи, но теперь... теперь мнѣ кажется, что это пустое занятіе, и я не имѣю права терять время, когда у меня есть иныя...

— Вы опять, кажется, хотѣли сказать: „обязанности",—чуть-чуть улыбнувшись,—замѣтилъ Курцовъ.

— Да, и не сказала, потому что это слово васъ, кажется, пугаетъ.

Теперь къ строгому выраженію ея глазъ примѣшивалось даже что-то ироническое. Оба они почувствовали вдругъ, что какъ-то не попадаютъ въ тонъ, будто два неспѣвшихся голоса, и что лучше имъ, пожалуй, держаться вдвоемъ нейтральной области безразличныхъ вопросовъ. Они такъ и сдѣлали. Но какъ разъ потому, что, въ сущности, у нихъ было столько задушевныхъ мы-

слей, которыя они упрямо почему-то хранили про себя, обмѣниваться ничтожными словами имъ показалось тяжело.

Дмитрій уѣхалъ изъ Ключей, не оставшись обѣдать.—„А вѣдь это почти то же, что встрѣча Чацкаго съ Софьей",—подумалъ онъ, усаживаясь въ экипажъ.—„И неужели такъ будетъ всегда, и намъ сблизиться не суждено, хоть мы думаемъ и чувствуемъ одинаково"?

Дмитрій зналъ за собой крупный недостатокъ. Всякій разъ, что ему не удавалось сразу завоевать себѣ чье-либо довѣріе, онъ уже не возобновлялъ попытки съ какой-то гордой робостью, храня про себя свои задушевныя чувства. Навязывать эти мысли кому-либо, дѣлать усилія, чтобы разсѣять неловкую натянутость первой встрѣчи, онъ не умѣлъ и не любилъ. Оттого-то онъ и не былъ такъ счастливъ на друзей, какъ его товарищъ Мологинъ. Дмитрій внутренно страдалъ отъ этой неспособности развертываться передъ каждымъ, но поступать иначе онъ не могъ и не хотѣлъ.

— Въ Куриловку! — приказалъ онъ кучеру, когда тронули лошади. Онъ вспомнилъ обѣщаніе побывать у Мологиныхъ, и какъ разъ теперь его потянуло туда, словно онъ ощущалъ особую потребность въ обществѣ близкихъ людей.

До Куриловки было всего пять верстъ, и добрыя лошади довезли его туда мигомъ. Встрѣтила его Анна Арсеньевна, и встрѣтила такъ, какъ будто не прошло цѣлыхъ четырехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись въ послѣдній разъ. Добрая старушка и не догадывалась, какую радость ему доставлялъ ея ласковый привѣтъ.

— А гдѣ Андрей?—спросилъ онъ, просидѣвъ съ ней на террасѣ вдвоемъ минутъ десять.

— Андрей спитъ. Утромъ онъ ходилъ на охоту и страшно усталъ. Онъ придетъ къ обѣду.

— Спитъ? Въ этотъ часъ? — разсмѣялся Дмитрій.—И былъ на охотѣ въ такое время? Ахъ, онъ злодѣй! Непремѣнно разбужу въ наказаніе... А Надя куда скрылась? — добавилъ онъ, поднимаясь.

Анна Арсеньевна теперь только хватилась Нади. Едва подъѣхалъ тарантасъ Курцова, дѣвочка убѣжала къ себѣ въ комнатку. Ей стыдно было показаться передъ Дмитріемъ въ своемъ незатѣйливомъ костюмѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ была въ Куриловкѣ Нина, въ ней проснулось незнакомое прежде тщеславное женское чувство. Стоя передъ зеркаломъ, она съ ужасомъ разсматривала свое черезъ-чуръ простенькое запыленное платьице, и ей ужаснымъ казалось предстать въ такомъ видѣ передъ Дмитріемъ, съ воло-

сами, небрежно прихваченными гребнемъ, въ неуклюжихъ, изношенныхъ ботинкахъ. И торопливо она старалась хоть сколько-нибудь принарядиться. Послѣ визита Нины она не переставала совѣтоваться съ Анной Арсеньевной, какъ обновить свой черезъчуръ скромный туалетъ. Горничную засадили за кройку, изъ Москвы выписали все нужное и перешарили въ домѣ всѣ ящики, въ поискахъ за какими-нибудь лентами или бантиками. Но въ три дня съ этими великими приготовленіями далеко еще не успѣли покончить.

Андрей лежалъ у себя на диванѣ, засунувъ руки за голову, когда вошелъ къ нему Дмитрій. Рядомъ на полу валялась выпавшая у него изъ рукъ толстая книга. Это былъ первый томъ пространнаго трактата Маркса о капиталѣ.—Андрей не спалъ, онъ предавался только сладкимъ неопредѣленнымъ грезамъ. Часа два назадъ, онъ растянулся отдохнуть, принявшись за толстую книгу Маркса. Но запутанныя теоріи нѣмецкаго экономиста привлекли его вниманіе не надолго. Отъ мудреныхъ разсужденій о мѣновой цѣнности онъ быстро перенесся къ заманчивымъ картинамъ своей будущей дѣятельности, и все шире становились рамки тѣхъ задачъ, за которыя онъ думалъ приняться. Сперва онъ видѣлъ себя въ земледѣльческой колоніи на Кубани, и, разумѣется, во главѣ этой колоніи; потомъ онъ читалъ не то профессорскія лекціи, не то проповѣди какія-то передъ слушавшей его внимательно толпой. Потомъ все шире раздвигалась его будущая роль, и онъ чувствовалъ уже не одну опьяняющую волну популярности, а жгучее ощущеніе власти...

И среди этихъ туманныхъ образовъ то-и-дѣло мелькалъ иной, плѣнительно выступавшій образъ дѣвушки, сіявшій ему издали, какъ блестящая путеводная звѣзда.

— Извини, что нарушаю твой сонъ, мой милѣйшій,—сказалъ Дмитрій:—но, воля твоя, никакого состраданія не испытываю къ твоей усталости. Какъ тебѣ не стыдно въ маѣ охотиться, чтобъ застрѣливать едва оперившихся утятъ!

Андрей встрепенулся тотчасъ, внутренно посылая товарища къ черту, но протягивая ему привѣтливо руку.

— Брось свои упреки,—разсмѣялся онъ.—Пять часовъ битыхъ, представь себѣ таскался, по всякимъ дебрямъ и ничего домой не принесъ. А еще увѣряютъ, что охота—удовольствіе! Даю тебѣ слово, что это въ первый и послѣдній разъ. Конечно, не ради этихъ дурацкихъ правилъ, которыхъ я не признаю...

Дмитрій, между тѣмъ, поднялъ упавшую на полъ книгу и прочелъ ея заглавіе.

— А, ты это въ видѣ добровольной эпитиміи читалъ? Похвально. Чтò, понравилось?

Андрей сперва хотѣлъ-было выступить защитникомъ Маркса и огорошить пріятеля громкими тирадами насчетъ будущей эволюціи капитализма, но очень скоро онъ убѣдился, что Дмитрію нѣмецкій экономистъ лучше знакомъ, чѣмъ ему самому, и что его краснорѣчіе не подѣйствуетъ.

— Признаться,—сказалъ онъ, улыбаясь:—очень ужъ скучную ахинею несетъ этотъ нѣмецкій жидъ. И, главное, намъ, русскимъ, совсѣмъ вѣдь не ко двору вся его премудрость. Насъ, давай Богъ, минуетъ гроза, какую онъ пророчитъ, потому что нѣтъ у насъ и не будетъ всѣхъ прелестей западнаго правового порядка, и вся наша жизнь не на узкой законности построена, а на любви.

— Ахъ, братецъ мой, кабы она и въ самомъ дѣлѣ на любви была построена!—усаживаясь и бросая книгу, сказалъ Дмитрій:—только на дѣятельной, настоящей, разумной любви...

— А то какъ же?—Андрей совсѣмъ теперь вышелъ изъ-подъ власти своихъ грезъ, и глаза его зажглись обычнымъ блескомъ.

— Да въ томъ-то и дѣло, мой милый,—отвѣтилъ Курцовъ,—что мы за любовь принимаемъ распущенность; что законнаго права мы не ищемъ оттого, что намъ лѣнь его искать, и готовы мы даже простить тѣмъ, кто не платитъ намъ долговъ, потому что сами охотно ихъ не платимъ. И выходитъ оно не совсѣмъ по-евангельски.

— Пожалуйте кушать!—растворяя дверь, сказала горничная.

Мужской прислуги Анна Арсеньевна не держала.

За обѣдомъ и послѣ, весь вечеръ, Дмитрій, казалось, былъ само оживленіе. Онъ много разсказывалъ изъ своихъ заграничныхъ воспоминаній, добродушно шутилъ съ Анной Арсеньевной и чуть-чуть поддразнивалъ Надю. Ея стараній пріодѣться онъ, правда, не замѣтилъ, къ ея великому огорченію. Свои чудные шелковистые пепельные волосы дѣвочка обхватила темно-синей лентой, и кушакъ того же цвѣта опоясывалъ ея тонкій станъ.

Но для Дмитрія она просто была милымъ ребенкомъ, одинаково милымъ въ любомъ нарядѣ. И когда онъ говорилъ ей шутя, что въ деревнѣ она умретъ со скуки, потому что никакой молодежи нѣтъ, кромѣ ея брата да его самого, Дмитрія, а онъ, вдобавокъ, совсѣмъ не умѣетъ забавлять барышенъ, она не смѣялась въ отвѣтъ.

Чуткое ухо подсказывало Надѣ, что оживленіе Дмитрія напускное, что за нимъ кроется затаенная, подавленная грусть. И

когда Анна Арсеньевна спросила Курцова, побывалъ ли онъ уже въ Ключахъ, и лицо его мгновенно измѣнилось, пока онъ неохотно и коротко ей отвѣчалъ,—Надя догадалась, какова причина этой грусти. И ей самой въ этотъ вечеръ совсѣмъ не хотѣлось рѣзвиться и хохотать.

VIII.

Надѣ пришлось вскорѣ сдѣлать новое неожиданное открытіе: ея братъ, очевидно, былъ живо заинтересованъ ихъ молодой сосѣдкой. Андрей сталъ все чаще ѣздить въ Ключи, всякій разъ принося оттуда какъ бы искры догоравшаго возбужденія. Живой блескъ его глазъ, словно устремленныхъ на что-то далекое и чарующее, краска, часто вспыхивавшая на его лицѣ, странная молчаливость, охватывавшая его то-и-дѣло, — все это ясно выдавало, чтѝ за чувство влекло его въ Ключи. Даже неопытная пятнадцатилѣтняя Надя на этотъ счетъ не обманулась.

Генеральша Таращанова сильно всполошилась отъ перваго же пріѣзда Андрея. Она принялась выговаривать племянницѣ за ея чрезмѣрную любезность къ этому неотесанному студентишкѣ, какъ она выразилась насчетъ Мологина. И въ самомъ дѣлѣ, Нина открыто выказала молодому человѣку удовольствіе его видѣть въ Ключахъ и тотчасъ увела его съ собою. Цѣлый часъ они протолковали вдвоемъ, расхаживая по той самой липовой аллеѣ, откуда Дмитрій недавно еще унесъ съ собою такія нерадостныя впечатлѣнія. Это совсѣмъ выходило изъ рамокъ приличій и, по мнѣнію генеральши, заслуживало строгой отповѣди. Нина выслушала тетку спокойно, уклоняясь отъ всякаго спора,—и сказала только, что Андрей очень образованный и хорошій человѣкъ, обѣщающій пойти по слѣдамъ своего знаменитаго отца.

— Знаменитаго?—удивилась генеральша, презрительно взглянувъ на племянницу.—Je ne sais vraiment, ma chère, où vous allez chercher de pareilles celébrités! Dans notre monde on n'a jamais entendu parler de ce monsieur.

Нина чуть-чуть вспыхнула, но голосъ ея не дрогнулъ, когда, опустивъ длинныя рѣсницы, она отвѣтила теткѣ: — Вы, можетъ быть, никогда не слыхали о профессорѣ Мологинѣ, но вся Россія его знаетъ. Въ томъ, чтѝ онъ пишетъ, не только много ума, но и много сердца, а это главное!

Варвара Семеновна замолчала, очень хорошо сознавая, что на племянницу ея увѣщанія не дѣйствуютъ. Скоро, впрочемъ,

Андрею удалось преклонить ея гнѣвъ на милость... Большою стойкостью во мнѣніяхъ генеральша не отличалась. Разъ Андрей засталъ ее въ Ключахъ одну. Она хотѣла - было отказать молодому человѣку, но, подумавъ, разсудила иначе и просидѣла съ нимъ вдвоемъ довольно долго. Андрей безъ труда развлекъ ея скучающую праздность. Онъ обладалъ умѣньемъ непринужденно разговориться съ кѣмъ угодно. Запасъ его оживленія былъ неистощимъ, даже когда его собесѣдницей оказывалась не молодая и далеко не забавная дама. Къ пріятному изумленію Варвары Семеновны, онъ обнаружилъ даже изрядное знакомство съ французскимъ языкомъ. А ея разсказы о московскихъ знакомыхъ, сильно ему надоѣдавшіе, онъ выслушивалъ съ терпѣливой вѣжливостью, украдкою лишь посматривая на раскрытыя двери террасы, гдѣ, какъ онъ ожидалъ, должна была, наконецъ, показаться Нина.

И, какъ все на свѣтѣ, его пытка кончилась. Нина вошла своей легкой и въ то же время увѣренной походкой; положивъ на круглый столъ зонтикъ и шляпу, она крѣпко, по-мужски, пожала руку поднявшагося къ ней на встрѣчу Мологина. Что-то дружеское почувствовалъ онъ въ быстромъ прикосновеніи ея теплой, мягкой руки. Лицо ея разгорѣлось отъ ходьбы и глаза блестѣли. Но когда она опустилась на широкое кресло — утомленное, почти грустное выраженіе читалось на ея лицѣ.

— Вы, кажется, устали, Нина Александровна?—спросилъ Мологинъ.

— Я шла очень быстро,—отвѣтила она:—я отъ дождя спасалась, стало ужъ накрапывать.

— Да, да!—засуетилась Варвара Семеновна:—я давно чувствую, что будетъ гроза. И что за вѣтеръ поднялся! Вы слышите?

Было, напротивъ, совсѣмъ тихо. Небо только съ каждою минутою все больше темнѣло отъ надвигавшейся тучи.

— Ужасно дуетъ!—тревожно настаивала Варвара Семеновна.—Нина, затвори дверь на балконъ!

Дѣвушка собиралась исполнить желаніе тетки, обмѣнявшись чуть-чуть насмѣшливымъ взглядомъ съ Мологинымъ, но Андрей ее предупредилъ.

— И охота тебѣ,—продолжала генеральша:—вѣчно по полямъ таскаться въ такую жару! Коли хочешь воздухомъ подышать—оставайся въ саду. На то онъ и есть! По полямъ одни мужики ходятъ. Удивительные у тебя, право, вкусы! Я увѣрена, что ты опять на деревнѣ была. Вотъ тоже, Андрей Николаевичъ, понять не могу, что̀ у нея за страсть въ избы къ мужи-

камъ заходить. Воображаю, что тамъ за грязь! Я бы—ни за что, ни за что!

Генеральша долго продолжала въ этомъ духѣ, обращаясь то къ Нинѣ, то къ Андрею. Дѣвушка слушала молча, опустивъ глаза, и нетерпѣніе ея выражалось тѣмъ лишь, что чуть-чуть сдвинулись у нея брови и рука ея быстро вертѣла сорванную вѣтку герани.

Отповѣди положилъ конецъ вошедшій лакей, доложившій, что пришелъ управляющій. Генеральша встала и тяжело, съ претензіей на величавость, прошла къ себѣ въ кабинетъ. Она считалась попечительницей Нины и дѣлала видъ, что управляетъ ея дѣлами, хотя, на самомъ дѣлѣ, всѣмъ завѣдывалъ товарищъ ея по опекѣ, Василій Григорьевичъ Курцовъ.

— Вамъ было очень скучно?—спросила Нина, когда тетка скрылась за дверью. Съ уходомъ Варвары Семеновны обычное оживленіе къ ней вернулось, точно она мигомъ стряхнула съ себя усталость.

— Ваша тетушка,—разсмѣялся Андрей,—угостила меня цѣлымъ ворохомъ разсказовъ про ту Москву, которой я не знаю, —про вашу великосвѣтскую Москву. Что-жъ! это было очень поучительно.

— Не называйте ее только моею, Андрей Николаевичъ!— отвѣтила дѣвушка.

Она поднялась съ мѣста и, подойдя къ дверямъ на террасу, прислонила лобъ къ холодному стеклу.

— Грозы все еще нѣтъ. Все такъ чудно, тихо... Листъ даже не шелохнется... Выйдемъ на террасу—хотите? Здѣсь душно что-то!

Она растворила двери и вышла. Крупныя, рѣдкія капли падали тяжело, съ шумомъ ударяясь о желѣзную крышу. Тучи низко, неторопливо ползли, какъ молчаливая враждебная рать.

— А здѣсь, Нина Александровна,—спросилъ Андрей, слѣдуя за нею,—вы больше сочувствія встрѣтили къ своему доброму дѣлу, чѣмъ тамъ, въ Москвѣ?

— Нѣтъ, совсѣмъ даже нѣтъ!—съ грустной усмѣшкой отвѣтила она.—Тамъ, въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, есть кое кто, въ комъ можно живой откликъ найти—вашъ отецъ, напримѣръ... —Она ему назвала еще нѣсколько именъ.—А здѣсь, здѣсь на меня почти какъ на сумасшедшую глядятъ. Да, не удивляйтесь! Наиболѣе снисходительные называютъ это причудой, а другіе и заподозрить готовы. Кто-то на меня даже губернатору доносъ написалъ!

Пока она это говорила, грустное выраженіе на ея чертахъ смѣнило иное, смѣлое, гордое, почти вызывающее.

— Увѣряютъ, будто въ провинціи,—добавила она,—ближе стоятъ къ народу и больше его любятъ. Неправда это! Здѣсь живутъ какъ въ заколдованномъ кругу, живутъ только чтобы жить. Иной цѣли нѣтъ!

— А Курцовъ, Дмитрій Курцовъ?—спросилъ Андрей нерѣшительно.

Она прямо не отвѣтила.—Его образа мыслей я не знаю,—проговорила она негромко:—я видѣлась съ нимъ всего разъ...

Странно подѣйствовалъ на Мологина отвѣтъ дѣвушки. Затаенную радость вызвали у него слова Нины—радость, въ которой онъ самъ не захотѣлъ бы себѣ признаться.

А гроза все надвигалась, точно крадучись, медленно заволакивая небо. Вдали глухо ворчалъ громъ; порывы вѣтра, быстрые и внезапные, то-и-дѣло ознобомъ пробѣгали по листвѣ. И все ниже громоздились тучи, давя собою сгущенный воздухъ...

Нина спустилась въ садъ, подставляя накрапывавшему дождю свою непокрытую голову. Съ какимъ-то особымъ лихорадочнымъ наслажденіемъ она поджидала, что вотъ-вотъ сейчасъ грянетъ ударъ и понесется по саду дикая пляска расходившейся бури.

Андрей спустился съ террасы вслѣдъ за нею, и оба они медленно шли по дорожкѣ, огибавшей цвѣтникъ передъ домомъ. Начатая бесѣда продолжалась урывками. У обоихъ точно складывалось что-то въ умѣ, чего они не высказывали словами. Вдругъ послышались сзади торопливые шаги, и чей-то голосъ, непріятно хриплый и какъ будто насмѣшливый, отчетливо произнесъ:

— Нина Александровна, вы бы вернулись домой. Гроза будетъ не на шутку. Молодымъ барышнямъ въ такую погоду гулять не годится!

Андрей узналъ этотъ голосъ и быстро обернулся.

— Свѣтловскій, это вы? Вотъ не ждалъ, не гадалъ!

Они пожали другъ другу руку.

— А, вы знакомы съ Гермогеномъ Ивановичемъ?—спросила Нина, какъ бы отстраняясь отъ Свѣтловскаго. Что-то явно недружелюбное мелькнуло въ ея глазахъ. И въ самомъ дѣлѣ, лицо Гермогена Ивановича къ симпатіи не располагало. Жесткое, съ рѣзкими чертами, заостренное книзу, съ жидкой бородкой песочнаго цвѣта и выпуклыми, мутно-голубыми глазами, оно казалось упрямымъ и, въ то же время, неискреннимъ.

— По милости Василія Григорьевича, я второй годъ имѣю удовольствіе управлять Ключами,—сказалъ онъ, обращаясь къ Андрею.

— А вы по какому дѣлу приходили къ тетушкѣ?—спросила Нина, все съ тѣмъ же брезгливымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Такъ-съ, инцидентъ самый простой. Аудіенція, какъ видите, была непродолжительна. Все насчетъ луга за деревней. Господа пейзане упорно не хотятъ признать, что сдали мы этотъ лугъ купцу Большакову, и преспокойно тамъ пасутъ лошадей. Пришлось къ мѣропріятіямъ прибѣгнуть. А ея превосходительство я, конечно, побезпокоилъ только для формы.

Въ тонѣ, какимъ все это было сказано, ясно читалось какое то полу-насмѣшливое снисхожденіе, точно и молодую дѣвушку, и ея тетку, Свѣтловскій за настоящихъ хозяевъ не признавалъ.

— А безъ этого нельзя?—сдвинувъ брови, спросила Нина.— Вѣдь лугомъ этимъ крестьяне владѣли много лѣтъ.

— Нельзя-съ, Нина Александровна. Я дѣйствую по указаніямъ Василія Григорьевича. Когда вы вступите сами въ управленіе, — Нинѣ цѣлаго года недоставало до совершеннолѣтія,— буду подчиняться вашимъ распоряженіямъ. А теперь смѣю вамъ повторить, что черезъ секунду начнется проливной дождь.

Нина молча отвернулась и не торопясь направилась къ дому. Въ самомъ дѣлѣ, едва секунда прошла, огненная струя блеснула почти надъ ихъ головами и сухой, рѣзкій ударъ грома разразился мгновенно. А вѣтеръ могучею, широкою волной откуда-то поднялся и разомъ охватилъ и садъ, и домъ, въ грозныхъ объятіяхъ, срывая на пути листы и сучья. И визгъ, и стонъ, и ревъ, пошли по деревьямъ, точно застигнутымъ врасплохъ неожиданнымъ ударомъ, и облако пыли закружилось, гонимое вихремъ. Въ домѣ оконная рама съ шумомъ захлопнулась, сорвавшись съ крючка, два-три цвѣточныхъ горшка свалились съ подоконника на полъ. Послышался звонъ разбитаго стекла. И громко надъ всѣмъ этимъ шумомъ раздавался голосъ Варвары Семеновны, сердито звавшей прислугу:—Кто тамъ? Человѣкъ!—кричала она:—да приходите же! Окна, двери закрывайте! А гдѣ барышня, гдѣ Нина Александровна? Въ садъ пошла! Господи, что за сумасшедшая!

Нина, однако, уже входила въ гостиную.

— Видите, тетушка, я цѣла и невредима! — спокойно проговорила она, еще болѣе раздражая своимъ ироническимъ хладнокровіемъ расходившуюся генеральшу.

Но выбранить какъ слѣдуетъ племянницу она все-таки не захотѣла въ присутствіи слугъ и, громко захлопнувъ дверь, удалилась въ свои покои.

Андрей, между тѣмъ, разговорился съ управляющимъ.

— Что-то, батюшка, вы ужъ очень того — съ тѣхъ поръ,

какъ покончили съ Петровской академіей. Больно ужъ крутъ поворотъ! Помнится, вы не то говорили на нашихъ собраніяхъ.

— Убѣжденія сами по себѣ,—съ кривой улыбкой на блѣдныхъ губахъ, отвѣтилъ Свѣтловскій:—а сельское хозяйство—тоже само по себѣ. Агрономія—наука прикладная, Андрей Николаевичъ, стало быть практическая. А пока у меня принципаломъ Василій Григорьевичъ Курцовъ... Слышали про него?

— Какъ не слыхать! Только это самое, что вы теперь излагаете, у насъ оппортунизмомъ называлось, и вы такія воззрѣнія, помнится, клеймили не разъ.

Они остановились на террасѣ, любуясь расходившейся грозой. Вихрь разревѣлся, гудя то здѣсь, то тамъ, то ударяясь въ домъ полною грудью, то отскакивая назадъ и причудливо крутясь въ чащѣ кустовъ и деревьевъ. Голубоватыя молніи бороздили небо и ударъ за ударомъ сливались въ одинъ могучій, непрерывный гулъ. А дождь такъ и хлесталъ по крышѣ косыми, частыми струями.

— Эхъ, силища-то какая!—проговорилъ Андрей, щурясь отъ блеска молніи.—Невѣсть откуда взялась и съ чего расходилась, глупа и безполезна, какъ бабья злость! А все-же хороша въ своей дикой волѣ!.. Ну-съ, Гермогенъ Ивановичъ,—обратился онъ опять къ управляющему:—такъ вы, стало быть, оставаясь радикаломъ въ душѣ, изволите здѣсь служить интересамъ крупнаго землевладѣнія?

Свѣтловскій разсмѣялся непріятнымъ, короткимъ смѣхомъ.

— Что-жъ, вы хотѣли бы,—сказалъ онъ, — чтобъ у насъ, какъ надъ лавкой, вывѣска была, съ указаніемъ, чѣмъ мы торгуемъ? Угрюмый видъ, да нестриженые волосы,—словомъ, весь оффиціальный мундиръ, какъ слѣдуетъ. Нѣтъ-съ, Андрей Николаевичъ, это старо. Умнѣе мы стали!.. А намъ бы лучше войти, какъ вы думаете?

Они направились къ дверямъ.

— Я вамъ и забылъ доложить,—добавилъ управляющій,—что у меня гостятъ теперь двое нашихъ общихъ пріятелей. На два дня ко мнѣ пріѣхали. И про васъ много разспрашивали... Ульяновъ и Бессеръ!..

— А!—живо воскликнулъ обрадованный Андрей.—Ихъ надо съ Ниной Александровной познакомить. Вы ихъ сюда еще не приводили?

— Нѣтъ, убоялся ея превосходительства! — отвѣтилъ Свѣтловскій.

Андрей тотчасъ принялся разсказывать Нинѣ про товарищей

и такъ живо расписалъ ей меланхолика-символиста Ульянова и рѣзкаго скептика Бессера, что ей самой захотѣлось съ ними познакомиться. Она попросила Свѣтловскаго ихъ привести къ обѣду.

Гроза, между тѣмъ, не унималась и ливень обѣщалъ на многіе часы сдѣлать всѣ дороги непроѣздными. Волей-неволей, приходилось Андрею остаться въ Ключахъ обѣдать, и нельзя сказать, чтобъ онъ на это особенно посѣтовалъ. Въ обращеніи съ нимъ молодой хозяйки все болѣе чувствовалась непринужденность и простота, какая обыкновенно бываетъ только между короткими знакомыми. Андрей чутьемъ сознавалъ, что было между ними какое-то созвучіе, будто спѣлись они съ первыхъ же обмѣненныхъ ими словъ. Съ Ниной ему говорилось обыкновенно легко, и чувствовалъ онъ себя въ этотъ день особенно въ ударѣ. Онъ много разсказывалъ ей про университетъ и каждаго изъ близкихъ товарищей умѣлъ, какъ живымъ, представить Нинѣ, мѣтко обрисовывая его двумя-тремя штрихами. Въ сравненіи съ ними, удивительно блѣдными и безличными казались ей молодые люди, которыхъ она встрѣчала въ своемъ кругу. Про одного Курцова Андрей не упомянулъ ни словомъ. Нинѣ хотѣлось разспросить его про Дмитрія — она слышала про ихъ старинную дружбу. Вопросъ уже готовъ былъ сорваться съ ея губъ, но почему-то она его не сдѣлала. Съ минуту они промолчали даже, и обоимъ это молчаніе показалось неловкимъ и натянутымъ.

— Это все ваши ноты?—спросилъ вдругъ Андрей, примѣтивъ лежавшія кучей на роялѣ толстыя музыкальныя тетради. Онъ подошелъ къ инструменту и принялся ихъ перелистывать. — Я думаю, — продолжалъ онъ, — ваша тетушка по этой части не грѣшна? Какъ-то не могу себѣ представить Варвару Семеновну за роялемъ... Да у васъ, вдобавокъ, все одна классическая музыка...

— А вы до нея не охотникъ?—спросила Нина, подходя тоже.

— Напротивъ, большой даже! Не знаю только, умѣю ли я понимать ее какъ слѣдуетъ. Къ Бетховену и Моцарту принято подходить только съ священнымъ трепетомъ, а наше поколѣніе давно уже разучилось трепетать передъ чѣмъ-либо.

Нина чуть-чуть сдвинула брови. Ей не совсѣмъ понравилась эта шутка.

И Андрей это тотчасъ замѣтилъ.

— Коли хотите, сыграемте что-нибудь! Только не будьте черезчуръ взыскательны—я вѣдь самоучка...

— Давайте!—сказала она, поднимая крышку инструмента.— Я сама не великая мастерица. — Она клеветала на себя. Едва

они не совсѣмъ увѣренно проиграли первые такты увертюры къ „Эгмонту", лицо ея приняло сосредоточенно строгое выраженіе, она словно ушла отъ дѣйствительности въ таинственный міръ безсмертной гармоніи, и ровно, отчетливо выливались изъ подъ ея пальцевъ благородные звуки бетховенской увертюры, въ которой спокойствіе до того величаво, что оно будто навѣваетъ представленіе о безстрастномъ спокойствіи вѣчности. Искусство всегда увлекало Нину, хотя она и не любила поддаваться этому увлеченію.

Андрей аккомпанировалъ бойко, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, иной разъ отставая чуть-чуть, а то и забѣгая впередъ, но слухъ у него былъ вѣрный, и онъ легко попадалъ опять въ тактъ, поддержанный умѣлою игрой Нины.

— Хотите взять еще что-нибудь?—спросила она, когда они кончили.

Они сыграли подъ рядъ двѣ увертюры Мендельсона—„Фингалову пещеру" и „Сонъ въ лѣтнюю ночь". Андрей сознавалъ прекрасно, какъ далеко ему до исполненія Нины, и хоть не робкаго онъ былъ десятка, ему частенько приходилось внутренно краснѣть за себя. Но въ глазахъ молодой дѣвушки онъ читалъ столько благосклоннаго снисхожденія, что подъ конецъ привычная увѣренность совсѣмъ къ нему вернулась.

— Браво!—послышался за ними знакомый голосъ, когда прозвучали послѣдніе аккорды.

Они не разслышали, какъ вошелъ въ залу Курцовъ.

— Не смѣйтесь, Дмитрій Сергѣевичъ!—вставая и здороваясь, сказала Нина.—Я давно знаю, какой вы строгій судья.

Ей не совсѣмъ пріятно было, что Дмитрій засталъ ихъ за роялемъ.

— Да я и не думаю смѣяться. Андрей путалъ чуть-чуть, это правда. Да я, признаюсь, совсѣмъ не подозрѣвалъ, что онъ по этой части гораздъ. А вы, Нина, само олицетвореніе классической музыки, я вамъ давно это говорилъ.

— А ты,—продолжалъ онъ, обращаясь къ товарищу,—мнѣ и не заикнулся, что успѣлъ познакомиться съ Ниной Александровной.

Ни малѣйшаго ироническаго оттѣнка не было въ голосѣ Курцова, а Нинѣ и Андрею въ его словахъ все-таки чудилась насмѣшка.

— Не пришлось...—почти сконфуженно отвѣтилъ Мологинъ. —Нина Александровна, такъ вы мнѣ позволите обоихъ этихъ юнцовъ привести къ обѣду? Могу васъ увѣрить, вы не раскаетесь.

Сказавъ это, онъ поспѣшно удалился, направляясь черезъ дворъ во флигель, гдѣ жилъ управляющій.

Нина и Курцовъ остались вдвоемъ.

— А какъ вы рѣшились пріѣхать въ такую ужасную погоду?—спросила дѣвушка.

— Во-первыхъ, ничего ужаснаго нѣтъ. За игрой вы даже не замѣтили, что дождь прошелъ давно и солнце проглянуло. А, во-вторыхъ,—добавилъ онъ, улыбаясь:—я не привыкъ справляться съ погодой, когда нужное дѣло. У меня есть порученіе отъ дяди, которому подагра двигаться не даетъ. Оно касается васъ и вашего имѣнія.

Она могла бы прочесть на его лицѣ спокойную рѣшимость ставить выше всего малѣйшій вопросъ, сколько-нибудь касающійся ея. Нинѣ, однако, почему-то не хотѣлось прочесть именно это, и она даже не подняла глазъ на Курцова, когда онъ договорилъ.

— У васъ здѣсь непріятности были,—продолжалъ онъ.—И дядюшка, разумѣется, прислалъ меня съ неумолимо-строгими приказаніями.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь,—съ оттѣнкомъ горечи произнесла Нина.—И Гермогенъ Ивановичъ эти приказанія въ точности исполнитъ. Въ этомъ я тоже увѣрена. Что-жъ! Я пока должна подчиняться и молчать.

— Ну, положимъ, дядюшка не совсѣмъ неправъ! Милосердіе—прекрасная вещь, только не тогда, когда оно становится распущенностью. Тогда оно вредно для тѣхъ самихъ, кому вы милость оказываете.

Она вспыхнула и хотѣла что-то запальчиво возразить, но смолчала.

— Помогать мужикамъ не легкое дѣло, Нина,—продолжалъ онъ.—Я это испытываю теперь у себя. И для успѣха въ этомъ надо прежде всего два условія—желѣзная твердость и такое же терпѣніе.

Почти непріязненное чувство къ Дмитрію вызвали у нея эти слова. Ей было даже непріятно, что онъ называлъ ее просто Ниной, какъ въ тѣ далекіе уже дни, когда она была еще подросткомъ въ коротенькомъ платьицѣ.

— Я знаю,—проговорила дѣвушка, не глядя на него,—что вы совсѣмъ за-одно съ Василіемъ Григорьевичемъ и съ Свѣтловскимъ, и смотрите на крестьянъ какъ на какія-то низшія существа.

Курцовъ мягко засмѣялся.

— Совсѣмъ нѣтъ. И откуда вы могли это узнать, Нина? Я

на этотъ счетъ съ вами, кажется, не высказывался. По-моему, прежде всего никакой злобы, никакого раздраженія противъ нихъ имѣть не надо, даже когда они высказываютъ намъ самое тупое недовѣріе. А въ настоящемъ случаѣ вотъ вамъ мое мнѣніе: для вида, надо выказать строгость и поддержать свое право, а потомъ...

Его послѣднихъ словъ Нина и не разслышала. Въ залу входилъ Андрей, въ сопровожденіи двухъ товарищей и Свѣтловскаго. Она встрѣтила гостей тѣмъ привѣтливѣе, что появленіе ихъ прерывало ея разговоръ съ Курцовымъ. Къ удивленію Нины, любезно приняла молодыхъ людей и Варвара Семеновна. Среди деревенской скуки, чопорная генеральша была довольна всякому пріѣзжему. Да и совсѣмъ не подходили они оба подъ то представленіе о свѣже-выпущенномъ студентѣ, какое создало себѣ ея воображеніе.

— Mais ils sont tout à fait bien, ces messieurs!—говорила она племянницѣ вечеромъ, когда молодые люди удалились.—Et ce petit Мологинъ aussi, quoiqu'il ne soit pas de notre monde...

IX.

Къ обѣду пріѣхалъ еще одинъ нежданный гость — нѣкто Ардаліонъ Тимоѳеевичъ Пузановъ—необыкновенно худощавый и сухой господинъ, съ длинными усами, желчнымъ лицомъ, которое то-и-дѣло подергивало, точно по немъ какая-то судорога пробѣгала, и очень усталыми глазами съ сильно покраснѣвшими вѣками. Нѣкогда онъ служилъ въ гусарахъ и порядкомъ пожилъ. Теперь онъ занималъ въ уѣздѣ должность земскаго начальника и благословлялъ судьбу даже за это скромное пристанище, хотя скромности въ немъ самомъ было немного. Онъ усвоилъ себѣ привычку рѣзко судить о всемъ—и о вопросахъ, и о людяхъ— и не совсѣмъ грамотно пописывалъ въ „благонамѣренныхъ“ газетахъ. Варвара Семеновна его очень цѣнила,—и за то, что онъ подходилъ къ ея ручкѣ, и за то, что, кланяясь, постукивалъ каблуками, точно на нихъ еще были шпоры, и за то, въ особенности, что былъ неутомимымъ партнеромъ для винта.

Надо, впрочемъ, отдать справедливость Ардаліону Тимоѳеевичу. Благодаря ему, обѣдъ прошелъ очень оживленно. Онъ громко восхвалялъ энергію управляющаго, признавая въ немъ образецъ благонамѣренной твердости, чѣмъ и вызвалъ на устахъ Гермогена Ивановича довольно-таки загадочную улыбку. Дамамъ онъ говорилъ усердно любезности, а съ Курцовымъ и Бессеромъ

вступилъ въ горячій споръ, когда тотъ и другой слегка насмѣшливо отозвались на его тираду о необходимости сплотить всю Россію такъ, чтобы всѣ русскіе стали не только говорить, но и чувствовать и думать одинаково. „Чтобы всѣ мы,—какъ онъ выразился,—сдѣлались однимъ дружнымъ оркестромъ".

— Боюсь только, скучновато это будетъ!—замѣтилъ мимоходомъ Бессеръ.

— Да и не играетъ оркестръ въ униссонъ!—добавилъ Курцовъ.

Они сказали это небрежно, мимоходомъ, очевидно, не желая поднять брошенную перчатку. Но Ардаліонъ Тимоѳеевичъ читалъ себѣ одобреніе въ глазахъ Варвары Семеновны и продолжалъ увѣренно:

— Ахъ, господа, господа,—настаивалъ онъ, смачивая длинные усы рюмкой мадеры:—мы самая великая нація въ мірѣ...

— То-есть, самая многочисленная?—поправилъ его Курцовъ. —Да и то на этотъ счетъ китайцы...

— Ну да, это все равно! — продолжалъ господинъ Пузановъ.—Мы сильны, мы это доказали, покоривъ все вокругъ себя. Но внѣшней покорности недостаточно. Нужно умственное, духовное единеніе; надо, чтобы всѣ говорили и думали одинаково, на одномъ языкѣ и съ одними вѣрованіями и понятіями...

— Съ понятіями самоѣда и съ вѣрованіями камчадала? Такъ ли?—спросилъ Курцовъ.

— Mon cher, vous allez trop loin!—остановила его Варвара Семеновна.

— Разумѣется,—провозгласилъ Ардаліонъ Тимоѳеевичъ:—съ крѣпкою православною вѣрой русскаго человѣка! Одна власть наверху и, какъ твердая основа для нея, крестьянскій міръ, съ своей вѣковой устойчивостью, и крестьянская семья...

— Ну, насчетъ семьи-то кое-что можно бы возразить,—хихикнулъ Бессеръ.

— И мила вамъ община оттого только,—добавилъ Курцовъ:— что она въ мужикѣ подавляетъ личную волю. Вѣдь и въ животномъ царствѣ только низшіе организмы живутъ общею жизнью!

Но Ардаліонъ Тимоѳеевичъ нашелъ себѣ неожиданнаго союзника въ Мологинѣ.

— Личная воля, Дмитрій!—воскликнулъ онъ:—личная воля! Многіе ли въ состояніи ее вынести? Это все у тебя западныя вѣянія. Тамъ всѣ любятъ идти въ разрѣзъ... Хоть съ голоду умирай, да въ своемъ углу! А мы не то. Мы привыкли идти дружно и довѣряться пастуху.

— Какъ стадо? — уронилъ Дмитрій, совсѣмъ не желавшій вступать съ пріятелемъ въ споръ.

— Хотя бы какъ стадо. Тамъ, по крайней мѣрѣ, всѣ равны и всѣмъ обезпеченъ кормъ.

— Прекрасно! Вы это прекрасно сказали! — одобрительно возгласилъ господинъ Пузановъ и тотчасъ нагнулся къ уху Варвары Семеновны, спрашивая:—Qui est ce jeune homme?

Андрей пропустилъ мимо ушей не совсѣмъ лестную для него похвалу и, съ загорѣвшимся отъ воодушевленія лицомъ, продолжалъ, обращаясь къ товарищу:

— Мы тоже любимъ волю, но волю степей—тамъ есть, гдѣ разгуляться! Намъ перегородокъ и заборовъ не нужно, гдѣ каждый стоитъ у своей крошечной межи съ камнемъ за пазухой!

— И все-таки никого этимъ камнемъ не побиваетъ!—мягко отвѣтилъ Курцовъ, все съ той же неохотой вступать съ пріятелемъ въ открытый бой.

— Да! Но принципъ-то, принципъ какой? Чтò мое, того никому не отдамъ — вотъ основа всей западной цивилизаціи. Право, личное право, и больше ничего! А мы принесли съ собою новое, болѣе широкое начало. Мы признаёмъ, что это самое право создаетъ нужда. Нашъ девизъ—не каждому свое только, а всѣмъ то, чтò имъ надо.

Теперь и у Дмитрія кровь разгорѣлась.

— Хорошъ, въ особенности,—воскликнулъ онъ,—этотъ принципъ, когда его примѣняютъ къ стаду, все равно, будутъ ли это люди, или бараны. Однихъ стригутъ и рѣжутъ, а другихъ пока только стригутъ и колотятъ вдобавокъ, отъ времени до времени. Я увѣренъ, что господинъ Пузановъ,—съ косымъ взглядомъ на земскаго начальника добавилъ онъ,—отъ розогъ не прочь.

— Еще бы!—хихикнулъ Ардаліонъ Тимоѳеевичъ, пощипывая лѣвый усъ.

— Вотъ видишь, Андрей?.. Какъ же это укладывается въ одну программу съ твоей степной казацкой волей? Удивительный ты, право, человѣкъ! До сихъ поръ не можешь рѣшиться итогъ подвести своимъ мыслямъ.

— Успѣю, братецъ ты мой,—уже прямо съ вызовомъ въ глазахъ отвѣтилъ Андрей, тряхнувъ кудрями. — Итогъ подводятъ, когда счеты сведены...

Онъ чувствовалъ инстинктивно, что Нина за него, и это придавало ему увѣренности. А молодая дѣвушка не была въ силахъ рѣшить, кто изъ спорящихъ правъ. Она сознавала смутно, что есть какое-то внутреннее противорѣчіе и въ словахъ Андрея, и

во всей его натурѣ, а между тѣмъ ее влекло къ нему и что-то въ ней все сильнѣе возстановлялось противъ Дмитрія, какъ разъ потому, быть можетъ, что онъ такъ ярко обличалъ непослѣдовательность товарища. Она промолчала почти весь обѣдъ, лишь изрѣдка перекидываясь немногими словами съ сидѣвшимъ возлѣ нея Бессеромъ.

Между тѣмъ земскій начальникъ, почему-то необыкновенно довольный собой, съ покровительственнымъ видомъ обратился къ управляющему:

— А когда вамъ угодно будетъ мнѣ подать прошеніе насчетъ... мм... незаконныхъ поступковъ здѣшнихъ крестьянъ,— сдѣлайте милость...

— Мы еще переговоримъ объ этомъ съ Гермогеномъ Ивановичемъ,—поспѣшилъ вмѣшаться Курцовъ:—можетъ быть и обойдемся безъ суда. Завтра я потолкую съ мужиками.

— Не совѣтую! — откидываясь назадъ, провозгласилъ Ардаліонъ Тимоѳеевичъ; за обѣдомъ онъ выпилъ достаточно и голосъ его сталъ грубоватъ:—Здѣшній народъ не уломаете.

— Попробую,— скромно отвѣтилъ Курцовъ. — У себя я до сихъ поръ безъ помощи властей обходился.

Странное дѣло, несмотря даже на это заступничество Дмитрія за провинившихся крестьянъ, Нина почему-то не смягчалась. Ей чудилось даже какое-то притязаніе на роль опекуна со стороны бывшаго товарища дѣтства.

Разговоръ, между тѣмъ, сталъ общимъ. Ардаліонъ Тимоѳеевичъ, подстрекаемый генеральшей, увѣренно провозгласилъ цѣлую систему обращенія съ мужиками, въ которой была и отеческая строгость, и заботливое попеченіе, а прежде всего признаніе крестьянъ сплошнымъ стадомъ барановъ.—Что прикажете дѣлать? — закончилъ онъ:—коли ихъ распустить, они сами себя обворовать готовы и къ любому кулаку въ петлю полѣзутъ добровольно!

— Ну и прекрасно!—съ уступчивымъ выраженіемъ на губахъ замѣтилъ Бессеръ. — Этимъ только путемъ и уберется изъ деревни все слабое. И въ лѣсу мелкая поросль гибнетъ! Законъ природы, а стало быть, и человѣческихъ обществъ...

— Позвольте, однако, — началъ-было господинъ Пузановъ, но не нашелъ, что отвѣтить.

— И ты хочешь этому милому закону помогать?—спросилъ взволнованымъ голосомъ Андрей. Поднялась живая перепалка. Даже Варвара Семеновна величаво замѣтила, и притомъ по-французски, „à cause des domestiques“, что поздно за умъ взя-

лись и давно надо было „créer un pouvoir fort“. Андрей на это поспѣшилъ замѣтить, что этотъ „pouvoir fort“ ужъ на лицо, что онъ—въ традиціонной власти „міра“; а Бессеръ на это сказалъ, что міръ—это господство застоя и тупости,—Прокустово ложе, на которомъ искусственно калѣчатъ крупныхъ людей, а мелкихъ все-таки не вытягиваютъ. А Свѣтловскій добавилъ, что какъ тамъ ни старайся, а сила все равно свое возьметъ. Отмалчивался одинъ Ульяновъ. Ему было не до такихъ споровъ. Онъ любовался въ окно на странные переливы тоновъ, какими играло заходящее солнце на сизыхъ разорванныхъ тучахъ. И къ нему словно набѣгали неуловимые еще звуки, въ которыхъ должна была вылиться эта роскошь красокъ. То стихи незаконченные, то отрывочныя музыкальныя фразы звучали въ его ушахъ, сливаясь въ одно впечатлѣніе съ пурпурно-фіолетовымъ закатомъ...

— Эхъ, господа! — закончилъ споръ Курцовъ, когда уже вставали изъ-за стола.—Странное, право, у насъ отношеніе къ народу: то, въ немъ бездушную тварь видятъ, годную только для статистики, то желая въ немъ пробудить чувство личности, готовы добрую его половину выкинуть куда-то на голодную смерть, а не хотятъ понять, что мужикъ просто такой же человѣкъ, какъ мы, и общіе рецепты для него не годятся...

Курцову никто не возражалъ. Всѣ были утомлены споромъ и спѣшили на террасу полюбоваться чуднымъ тихимъ вечеромъ.

— Курцовъ, посмотри, чтò за роскошь!—подозвалъ Дмитрія Ульяновъ, стоявшій поодаль отъ прочихъ, у самыхъ перилъ.— Ты вѣдь когда-то любилъ природу.

— И теперь люблю, хоть и не совсѣмъ по твоему. Не ломаю себѣ головы передъ ея загадками, потому что никакихъ загадокъ, по настоящему, въ ней и нѣтъ.

— Нѣтъ, ты посмотри! — настаивалъ Ульяновъ, у котораго отъ восторга даже глаза заблестѣли. — Чтò на небѣ-то дѣлается! По-твоему, это просто вечернія облака, а я тутъ вижу цѣлое полчище великàновъ, которые огромную чудовищную крѣпость приступомъ берутъ. А краски, краски!.. Не часто онѣ такія бываютъ у насъ на сѣверѣ. И воздухъ—точно хрустальный,— неподвижный и, въ то же время, какъ бы живой, до того онъ весь пронизанъ насквозь солнечнымъ блескомъ!..

Дмитрій на мигъ тоже весь ушелъ въ восхищеніе. Стояло чудное, яркое затишье, какое почти всегда бываетъ раннимъ лѣтомъ послѣ грозы. И не было это тяжелымъ затишьемъ полуденнаго зноя, а радостнымъ, сіяющимъ покоемъ умиротворенной

природы, полной блеска и жизни. Косые лучи бросали яркія пятна золота на молодую листву, и кое-гдѣ еще, какъ нестертыя слезы, дрожали крупныя дождевыя капли. По землѣ, точно ползущіе великаны, росли и переплетались длинныя тѣни. Стаи мошекъ ныряли въ прозрачномъ воздухѣ, будто купаясь въ вечернихъ лучахъ. Въ густыхъ вѣтвяхъ шелъ несмолкаемый веселый говоръ птичьихъ голосовъ, а стрижи, въ какомъ-то рьяномъ восторгѣ, описывали быстрые круги, то почти совсѣмъ ударяясь о землю, то опять однимъ взмахомъ взлетая въ блѣдно-голубую высь.

— Да, хорошо, что́ и говорить!—повторялъ Дмитрій, оборачиваясь къ товарищу, который не могъ оторваться отъ овладѣвшей его вниманіемъ картины.

Къ нимъ подходилъ Бессеръ, съ чашкой кофе въ рукахъ. Онъ только-что успѣлъ освободиться отъ генеральши, забросавшей его кучей совсѣмъ неинтересныхъ вопросовъ, едва они вышли изъ-за стола.

— Ну, а скажи пожалуйста, — спросилъ Дмитрій: — и ты, Бессеръ, тоже скажи,—какимъ образомъ вы оба въ здѣшнихъ палестинахъ очутились?

Отвѣчалъ ему одинъ Бессеръ. Ульяновъ только разсѣянно взглянулъ, и губы его беззвучно задвигались, точно повторяя про себя какія-то загадочныя слова.

— Что́, опять нелѣпыя стихотворенія заготовляешь?—спросилъ Бессеръ.

— Нѣтъ, музыкальную фразу хочу уловить. У меня краски всегда въ музыку укладываются.

Бессеръ махнулъ рукой.—Опять пошелъ вздоръ молоть!..

— А теперь, Курцовъ, хочешь знать, какъ мы сюда попали? Этотъ полупомѣшанный юнецъ меня къ себѣ въ Малороссію позвалъ. Мы съ нимъ вдвоемъ и отправились. А по дорогѣ я ему предложилъ къ старинному пріятелю завернуть. Хотѣлось поглядѣть, что́ вышло изъ Свѣтловскаго. Чуялъ мой носъ, что изъ этого радикальнаго краснобая выйдетъ дѣлецъ не послѣдняго сорта. И знаешь, какъ попадешь въ деревню, такъ и почувствуешь, будто совсѣмъ иной міръ передъ тобой раскрывается, точно забилась вокругъ тебя настоящая непритворная жизнь.— Помнишь, старикъ Гёте еще говорилъ: Greif'nur hinein ins volle Menschenleben! Это вѣдь и есть настоящая наука!

— Истинная правда!—отвѣтилъ Курцовъ.—Только поймать жизнь за хвостъ, какъ совѣтуетъ Гёте, намъ, русскимъ, никогда не удастся... Однако,—добавилъ онъ, шутя:—полно философство-

вать; мы забываемъ свои природныя обязанности—занимать дамъ. А у меня, вдобавокъ, есть обязанности иного рода... Онъ обернулся, ища глазами управляющаго, съ которымъ собирался еще переговорить. Но взглядъ его случайно остановился на стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ Нинѣ. Дѣвушка склонилась надъ перилами и вся ушла, повидимому, въ то, что̀ говорилъ ей вполголоса Андрей. По лицу ея то-и-дѣло искрой пробѣгала сочувственная улыбка, и мигъ спустя мягко раздался ея тихій, грудной смѣхъ. Нина даже въ дѣтствѣ не была хохотуньей, и вызвать ея смѣхъ не всякому удавалось. Въ ушахъ Дмитрія этотъ смѣхъ прозвучалъ какъ милое воспоминаніе прошлаго, но потомъ вдругъ странная мысль у него мелькнула въ головѣ и словно обожгла его. Въ первый разъ его поразила близость, установившаяся такъ быстро между Ниной и Андреемъ, и мелькнувшая у него догадка на мигъ словно кольнула его.

Въ слѣдующее мгновеніе онъ уже отогналъ ее. Да и не пришлось Дмитрію вести далѣе свои наблюденія: Варвара Семеновна подозвала племянницу къ себѣ.

— Сейчасъ, тетя,—отвѣтила дѣвушка, и поспѣшила къ генеральшѣ, прерывая свой неоконченный разговоръ.

— Гермогенъ Ивановичъ, на пару словъ!—остановилъ Курцовъ управляющаго, собиравшагося уходить.

— Завтра утромъ соберите мнѣ домохозяевъ села Ключей. Попробую столковаться. А съ подачею жалобы вы повремените, пожалуйста.

— А я не останусь въ отвѣтѣ передъ Василіемъ Григорьевичемъ?

— Не безпокойтесь. Дядюшка суровъ только съ виду и уполномочилъ меня кончить миромъ.

— Ну, а если намъ придется...—скептически настаивалъ управляющій:—въ случаѣ неудачи, уплатить арендатору неустойку...

— Да неужели вы не понимаете,—нетерпѣливо оборвалъ его Дмитрій: — что не въ деньгахъ здѣсь вопросъ, а въ томъ, что Нинѣ Александровнѣ непріятенъ этотъ споръ съ крестьянами, какъ разъ потому, что она взялась имъ помогать и встрѣчаетъ у нихъ одно недовѣріе?

Свѣтловскій повелъ плечами.—Какъ угодно! Только—дамскія фантазіи и веденіе хозяйства...

— О чемъ вы толкуете?—перебилъ его подошедшій земскій начальникъ. — Все объ этой глупой исторіи? Да вѣдь рѣшено, кажется, что вы мнѣ завтра подаете жалобу.

Услыхавъ отъ Дмитрія, что никакой жалобы не будетъ,

господинъ Пузановъ развелъ руками и сильно выпучилъ круглые глаза.

— Ну ужъ, батенька, я васъ не понимаю. Самое явное нарушеніе правъ собственности, коренной, такъ сказать, принципъ, а вдобавокъ полная возможность штрафъ взыскать изрядный. Народъ здѣшній не бѣденъ. Вы бы посмотрѣли, какіе здоровые штрафы купецъ Большаковъ деретъ! Чуть ли не однимъ этимъ способомъ всѣ расходы покрываетъ.

— Да въ томъ-то и бѣда,—спокойно возразилъ Дмитрій,—что я не Большаковъ. За принципъ постою, но штрафами оплачивать расходы—слуга покорный!

— Полноте, ныньче развѣ такъ можно?—качнувшись на каблукахъ, громкимъ басомъ возразилъ господинъ Пузановъ и тутъ же прочелъ Дмитрію лекцію о томъ, что одно спасеніе для помѣщика—сдѣлаться кулакомъ. На его бѣду, эти благіе совѣты долетѣли до слуха Нины, и, поднявшись съ мѣста, молодая дѣвушка подошла къ спорившимъ.

Даже непривыкшему робѣть представителю власти не совсѣмъ пріятно было почувствовать на себѣ пронзительный взглядъ, которымъ его смѣрила дѣвушка.

— Вы бы меня очень обязали, Ардаліонъ Тимоѳеевичъ,—проговорила она тихо, и сдержанное негодованіе слышалось въ ея голосѣ: — еслибы поменьше заботились о моихъ интересахъ. Жить въ деревнѣ, видѣть нищету здѣшняго народа и спорить съ нимъ за каждый клокъ земли,—для меня это было бы невыносимо, я стыдилась бы каждаго гроша, какой приносили бы Ключи. И если иначе хозяйничать нельзя, пусть лучше пропадаютъ всѣ наши имѣнія!..

— Хорошо, что вы еще несовершеннолѣтняя!—притворно захохотавъ, возразилъ земскій начальникъ.—А то съ подобною системой управленія...

— А черезъ годъ придется исполнять волю Нины Александровны,—захихикалъ Свѣтловскій.

— Что-жъ,—примирительно вставилъ Дмитрій:—опытъ и Нинѣ Александровнѣ принесетъ свое. А пока, отчего ей и не помечтать о такой фантастической странѣ, гдѣ о спорахъ нѣтъ и рѣчи и доходы поступаютъ сами собой?

Онъ сказалъ это полушутя, а между тѣмъ глаза его ясно говорили о восторгѣ, какой вызывала въ немъ пылкая искренность дѣвушки и сама та, слегка наивная, рѣшимость, съ какой она готова была идти прямо, не оглядываясь, къ своей несбыточной цѣли.

— Постараемся все это уладить самымъ мирнымъ образомъ, Гермогенъ Ивановичъ,—добавилъ онъ, протягивая управляющему руку.

И на этотъ разъ Нина ошиблась насчетъ дѣйствительнаго смысла его словъ. Она не догадывалась, что̀ за чувство къ ней все сильнѣе звучало у товарища ея дѣтства,—быть можетъ, просто отъ того, что ей догадываться не хотѣлось. И слова Дмитрія, которыя она истолковала по-своему, опять вызвали на ея лицѣ упрямо-холодное выраженіе, словно отталкивавшее его дружеское участіе.

Нина отвернулась и медленными шагами спустилась въ садъ, надъ которымъ уже начинали густѣть свѣтлыя іюньскія сумерки.

Мологинъ и оба его товарища стояли передъ террасой, весело болтая. Она прошла мимо, не глядя на нихъ. Они тотчасъ ее нагнали, и до ушей Курцова долетѣли громкія ноты всегда оживленнаго голоса Андрея, прерываемыя насмѣшливыми замѣчаніями Бессера.

Дмитрій тоже спустился въ садъ, но не пошелъ вслѣдъ за прочими. Молодые люди огибали цвѣтникъ, и вдали огненными точками виднѣлись зажженныя папироски Мологина и Бессера.

Солнце зашло, но розовато-фіолетовые и оранжевые тоны, необыкновенно мягкіе и нѣжные, все еще догорали надъ горизонтомъ, а на востокѣ въ медленно опускавшейся широкой тучѣ блѣдно-мерцала зарница. Нѣгой и истомой дышалъ и убаюкиваемый дремотой воздухъ, и крѣпкій запахъ сирени въ полномъ цвѣту. Ночные мотыльки то-и-дѣло мелькали, опьяненные ароматомъ цвѣтовъ, и не разъ уже ихъ мягкія крылья быстро прикасались налету къ щекѣ Дмитрія. И что-то несказанно тоскливое понемногу заныло въ его сердцѣ, что-то говорившее объ одиночествѣ, еще болѣе полномъ, чѣмъ то, какое ощущалъ онъ въ первые дни своего пріѣзда. Опустивъ слегка голову, онъ прошелъ всю длинную липовую аллею, гдѣ происходила его первая бесѣда съ Ниной. На возвратномъ пути молодая дѣвушка попалась ему на встрѣчу, на этотъ разъ уже вдвоемъ съ Андреемъ. Бессера усадили за винтъ съ Варварой Семеновной и Пузановымъ, а Ульяновъ подошелъ къ роялю: онъ отыскалъ, наконецъ, долго недававшуюся ему музыкальную тэму, и странные звуки, то дико нескладные, то удивительно томные, полились по клавишамъ изъ-подъ его пальцевъ. Это была, можетъ быть, сумасшедшая, но, во всякомъ случаѣ, не заурядная музыка...

Когда Дмитрій поровнялся съ молодой дѣвушкой, онъ былъ невольно пораженъ искренней близостью, очевидно установив-

шеюся между нею и Андреемъ. Это замѣтно было и въ тонѣ ея голоса, и въ выраженіи лица. Опять что-то похожее на подозрѣніе запало ему на душу.

Онъ прошелъ въ полуосвѣщенную залу, гдѣ Ульяновъ только-что окончилъ свою импровизацію. Молодой человѣкъ сконфуженно поднялся, увидавъ Дмитрія. Но тотъ усадилъ его опять.

— Это чудесно! Сыграй еще разъ, пожалуйста сыграй!

Но теперь почему-то послышались уже совсѣмъ иные звуки, упрямо тоскливые въ своей ноющей грусти. Дмитрій слушалъ молча, и что-то примиряющее, какое-то затишье незамѣтно проникало въ его душу.

— Спасибо! — протянулъ онъ руку товарищу, когда тотъ кончилъ.—У тебя большой талантъ. А Мологинъ, кажется, музыки не понимаетъ, хоть и разыграетъ бойко что угодно.

— Ты знаешь романсъ Шуберта—„Die Gestirne"? Сыграй пожалуйста. Это какъ нельзя болѣе подходитъ къ сегодняшнему вечеру!

Ульяновъ исполнилъ его просьбу, и Дмитрію въ самомъ дѣлѣ показалось, что вокругъ него проносится глубоко спокойная, невозмутимая гармонія свѣтилъ,—и самъ онъ ощущаетъ въ себѣ какъ бы отзвукъ этой неземной тишины.

К. Головинъ.

ВОПРОСЪ
о
ЗАПАДНОМЪ ВЛІЯНІИ
ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

— *Алексѣй Веселовскій.* Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Историко-сравнительные очерки. Второе переработанное изданіе. М. 1896.

Въ этомъ второмъ изданіи трудъ г. Веселовскаго, собственно говоря, появляется уже въ третій разъ, такъ какъ въ первыхъ очеркахъ онъ появился въ „Вѣстникѣ Европы“ въ 1881—1882 году: съ тѣхъ поръ, въ дополненномъ видѣ, онъ вышелъ отдѣльной книгой въ 1883, и наконецъ еще значительно дополненъ въ настоящемъ изданіи.

Поставленный авторомъ вопросъ чрезвычайно важенъ не только въ чисто научномъ историко-литературномъ отношеніи; онъ важенъ и по своей связи съ давно возникшими недоумѣніями о значеніи западныхъ вліяній не только въ русской литературѣ, но и въ цѣломъ образованіи, цѣлой „культурѣ“. Эти недоумѣнія до сихъ поръ вызываютъ страстные споры и особливо ожесточенныя нападенія на „Западъ“, все еще предполагаемый гнилымъ и для насъ зловреднымъ, и на тѣхъ, кто думаетъ напротивъ, что въ западномъ просвѣщеніи заключена такая богатая работа мысли, усвоеніе которой необходимо для успѣховъ нашей собственной культуры. Споры этого рода велись съ великимъ раздраженіемъ и въ то время, когда г. Веселовскій предпринималъ свой трудъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ; они были отчасти и поводомъ къ

самой работѣ. Въ то время, говоритъ авторъ въ предисловіи, „литература и общество переживали болѣзненный пароксизмъ племенной исключительности, нетерпимо относящейся къ общечеловѣческой цивилизаціи, отрицающей свои связи съ нею и самодовольно надѣющейся все извлечь изъ собственныхъ нѣдръ, — одинъ изъ рецидивовъ застарѣлаго недуга, которые проявлялись не разъ и прежде, и занесены въ литературную исторію. Желаніе возстановить истину, напомнить о великихъ результатахъ западнаго вліянія, неизбѣжнаго въ періодъ ученичества литературы, живительнаго по нравственной поддержкѣ и творческимъ возбужденіямъ въ пору ея зрѣлости, — показать, что оно не отдаляло отъ своего, народнаго дѣла, а научило выполнять общественное призваніе литературы, — наконецъ, ввести развитіе русской мысли и творчества въ кругъ европейскаго умственнаго движенія, обусловленнаго единствомъ цѣлей, и разъяснить, что при самомъ широкомъ развитіи племенныхъ элементовъ намъ никогда уже не отрѣшиться отъ участія въ поступательномъ движеніи человѣчества, — вотъ намѣренія, побудившія автора взяться за перо“.

Это положеніе вопроса отразилось и на самой работѣ автора. „Пріемы противниковъ, — продолжаетъ авторъ, — воскрешавшіе тактику блаженной памяти Шишкова и его „Бесѣды“, голословныя нападки, произвольное измѣненіе фактовъ и научныхъ данныхъ, отвага, съ которой навязывалась автору очерковъ нелѣпая проповѣдь вѣчнаго ученичества и рабской зависимости отъ Европы, тогда какъ въ сотнѣ мѣстъ своего обзора онъ привѣтствовалъ, какъ желанный исходъ „западной“ школы, самостоятельность нашихъ великихъ писателей, — все это возбуждало къ горячей полемикѣ“.

Въ отдѣльномъ изданіи книги, 1883, авторъ развилъ въ частностяхъ содержаніе своей работы и прибавилъ библіографическія цитаты въ качествѣ оправдательныхъ документовъ. Когда эта книга давно разошлась и понадобилось новое изданіе, положеніе дѣла, по мнѣнію автора, значительно измѣнилось. „Борьба утратила острый характеръ, — говоритъ г. Веселовскій, — многихъ бойцовъ нѣтъ уже въ живыхъ; убѣжденное принципіальное противодѣйствіе ихъ досталось по большей части въ удѣлъ лицамъ, чье рвеніе не имѣетъ ничего общаго съ литературой. Уваженіе или хоть приличное отношеніе къ европейской культурѣ понемногу возстановилось. Къ тому же и жизнь научила новѣйшихъ шишковистовъ кой-чему. Не такъ давно можно было не безъ любопытства созерцать, какъ они братались съ „великой дружественной республикой“ и ратовали за франко-русскій союзъ. Когда же на-

стала пора для русскаго вліянія не только на политику, но и на словесность запада, и Европа, а за нею Америка, поддались обаянію русскаго художественнаго творчества, это возвратное вліяніе, это отдариваніе нашихъ прежнихъ учителей, представлявшееся рано ли, поздно ли неизбѣжнымъ, естественнымъ для тѣхъ, кто стоялъ на почвѣ общечеловѣческаго обмѣна идей, наполнило удовольствіемъ и непримиримыхъ противниковъ западничества.

„Но за тѣ же годы много измѣнилось и для его сторонниковъ. Необыкновенно разросся научный матеріалъ, облегчившій оцѣнку западнаго вліянія; не только для новой литературы или для изученія дѣятельности выдающихся ея представителей, но и для до-Петровскаго періода словесности въ ея частыхъ сближеніяхъ съ мыслью и творчествомъ Европы, сдѣлано, намѣчено, открыто много важнаго и цѣннаго. Тамъ, гдѣ были лишь одиночные работники, начинается дружный коллективный трудъ“.

Въ результатѣ настоящее изданіе является почти заново написанной книгой на ту же тему. „Почти удвоенная размѣромъ, по большей части вновь написанная, съ обширнымъ вступленіемъ о древней литературѣ, замѣнившимъ прежнее бѣглое введеніе, книга ратуетъ за ту же неизмѣнную идею, но, свободная отъ обязанностей полемики, добыла себѣ больше простора для выполненія своей задачи. Изучая по существу одинъ изъ любопытнѣйшихъ сравнительно-историческихъ вопросовъ, она имѣетъ цѣлью изложить сущность его не только спеціалисту, но и среднему читателю,—потому что возмужалъ тѣмъ временемъ этотъ читатель; что не легко успокоить его старыми розсказнями, полными лести и самообольщенія; что точный разсказъ о томъ, какъ предки его продвигались изъ мрака къ свѣту и изъ учениковъ сами становились мастерами, можетъ только возбудить въ немъ энергію къ дальнѣйшему труду для народнаго блага“.

Такова исторія этой книги, которая и въ своей первоначальной формѣ восполняла большой пробѣлъ въ историческомъ объясненіи нашей литературы, а тѣмъ болѣе теперь, значительно переработанная и обогащенная въ своей фактической части, представляетъ цѣлый сравнительно-историческій трактатъ, который долженъ установить существенный вопросъ объ историческихъ международныхъ отношеніяхъ нашей литературы. Отдѣльные факты были давно извѣстны, но историки литературы очень рѣдко понимали ихъ въ цѣлой исторической связи, часто понимали ихъ слишкомъ поверхностно, считая ихъ какъ будто случайной

модой, за внѣшностью факта не видали его широкой исторической необходимости, за литературными явленіями не видѣли ихъ жизненныхъ основаній. Мало того, были историки, и ихъ не мало до настоящей минуты, которымъ было, и даже совершенно искренно, непонятно то широкое историческое явленіе международныхъ отношеній, къ которымъ принадлежитъ вліяніе „Запада" на нашу литературу: самый фактъ этого вліянія (котораго и они не могли не признать) казался имъ чѣмъ-то незаконнымъ, угрожающимъ нашей національной самобытности, слѣдовательно зловреднымъ, заслуживающимъ только осужденія и преслѣдованія; „европейское" прямо противополагалось народному и становилось, наконецъ, почти браннымъ словомъ. Трудно было придумать болѣе извращенное пониманіе исторіи, особливо когда тѣми же людьми, въ другую минуту, русскому народу приписывалась исключительная высота „всечеловѣческаго" достоинства и пониманія...

Разобраться въ этомъ смѣшеніи понятій общечеловѣческаго и національнаго, въ противорѣчіи требованій исключительной самобытности и вмѣстѣ полнаго развитія національныхъ силъ въ области искусства и науки,—развитія, которое возможно было бы только на общечеловѣческой почвѣ и получало бы всю свою цѣну только становясь общечеловѣческимъ достояніемъ, — можно было только путемъ историческаго изслѣдованія, наблюденія и объясненія самыхъ фактовъ. Особенную заслугу труда г. Веселовскаго составляетъ именно такое историческое изслѣдованіе, гдѣ съ одной стороны вопросъ русской литературы поставленъ въ рядъ историческихъ явленій цѣлой всеобщей литературы,—такъ что онъ теряетъ ту исключительность, въ какую хотятъ поставить его мнимые ревнители самобытности, и, напротивъ, пріобрѣтаетъ значеніе общаго историческаго явленія, и русская литература не стоитъ одинокимъ особнякомъ, а сливается съ цѣлою жизнью литературы народовъ, представляющихъ высшіе интересы человѣчества въ области искусства и науки; и гдѣ, съ другой стороны, эти факты литературнаго общенія изложены не въ той случайной и отрывочной формѣ, въ какой они всего чаще отмѣчались прежними историками литературы, а въ послѣдовательности глубокаго историческаго процесса, которому они служили выраженіемъ. Авторъ внимательно собралъ данныя, которыя частію были уже ранѣе извѣстны, дополнилъ ихъ многими новыми указаніями и, главное, умѣлъ освѣтить ихъ общей исторической мыслью и при этомъ открыть много особенностей и оттѣнковъ, какіе еще не были замѣчены другими изслѣдователями. Такимъ образомъ, рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ „вліяніяхъ", „заимствованіяхъ", „подражаніяхъ" и т. п., но о

цѣломъ складѣ общественной мысли, художественныхъ стремленій, литературныхъ формъ, который, въ связи съ европейскими вліяніями и даже имъ подчиняясь, являлся выраженіемъ историческаго развитія и на каждой ступени этого развитія заключалъ въ себѣ своеобразныя черты русскаго содержанія. Путемъ того „подражанія", которое, повидимому, должно бы было оставаться безплоднымъ, напротивъ, пріобрѣталась все болѣе прочная литературная почва. Въ новомъ періодѣ русской литературы, когда литературное общеніе въ первый разъ приняло болѣе широкіе размѣры, и когда особенно усилилось „подражаніе", оплакиваемое консервативными историками, почти можно сказать, что съ каждымъ поколѣніемъ, несмотря на возроставшее подражаніе, все усиливается эта доля самостоятельнаго содержанія,—такъ что для внимательнаго историка нѣтъ ничего удивительнаго, что вслѣдъ за подражательнымъ по преимуществу восемнадцатымъ вѣкомъ, въ началѣ девятнадцатаго столѣтія какъ бы внезапно открывается самобытная русская литература, ознаменованная геніальными произведеніями Пушкина, Грибоѣдова и Гоголя. На дѣлѣ этой внезапности не было: геніальныя дарованія были, конечно, могущественной силой, исключительной по богатству достигаемыхъ результатовъ, но какъ ихъ собственная дѣятельность была подготовлена предъидущимъ развитіемъ и они тѣсно связаны съ нимъ исторически, такъ и кругъ общества, съ восторгомъ встрѣчавшій ихъ необычайныя созданія, очевидно былъ уже воспитанъ для ихъ пониманія чѣмъ-то прежнимъ... Дѣло въ томъ, что это прежнее, подражательное, несамостоятельное, во-первыхъ, почти никогда не было вполнѣ несамостоятельнымъ и, напротивъ, въ немъ постепенно возросталъ уровень художественнаго и научнаго пониманія: чужое содержаніе усвоивалось, органически сливаясь съ содержаніемъ собственной жизни, и съ каждой новой ступенью литературы расширялось пониманіе, развивались литературныя формы, повышались эстетическія требованія и, частію по чужому примѣру, частію по собственному инстинкту развитія, усиливался запросъ на литературное воспроизведеніе русской жизни, на меньшую исключительность заимствованной формы, на изящество языка. Пушкинъ, который былъ первымъ великимъ представителемъ самобытной русской литературы, несмотря на громадность своего подвига, которую и самъ онъ зналъ и чувствовалъ, какъ извѣстно, не выдѣлялъ себя изъ общаго теченія литературы и охотно признавалъ своихъ „учителей": это скромное признаніе остается знаменательнымъ подтвержденіемъ того, что предъидущее развитіе было не безплодно, и въ самомъ дѣлѣ, величіе подвига Пушкина

не умаляется тѣмъ, что въ ряду дѣятелей, его подготовлявшихъ, были Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, даже Батюшковъ.

До какой степени мало понимались эти условія нашей литературы съ XVIII вѣка, этому можно привести множество примѣровъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ сороковыхъ годахъ стала въ особенности развиваться точка зрѣнія, противополагавшая древнюю Русь и „петербургскій періодъ" и въ первой видѣлось самобытное русское развитіе, а во второмъ—„рабское" подражаніе Европѣ, литература XVIII вѣка, а затѣмъ и XIX-го, осуждалась огуломъ, какъ плодъ этого рабства, какъ слѣпое подражаніе чужимъ образцамъ, чуждое русскому содержанію; эта литература принадлежала только высшимъ классамъ, воспитаннымъ по чужому образцу, и была чужда, непонятна и ненужна народу. Правда, въ этой литературѣ было нѣсколько именъ, которыхъ не могла не признать и сама славянофильская школа: таковъ былъ, напримѣръ, Ломоносовъ. Его трудно было подвести подъ схему рабскаго подражанія, чуждаго народному содержанію; приходилось дѣлать исключеніе, — но очевидно, что еслибы это исключеніе было разъ допущено, подъ него должны были подойти и многія другія явленія XVIII-го вѣка, отличавшіяся отъ дѣятельности Ломоносова только по размѣрамъ исторической цѣнности, но вовсе не по существу. У писателей старой славянофильской школы это противорѣчіе осталось неразъясненнымъ, а впослѣдствіи принято было предположеніе, что рядомъ съ подражаніемъ въ литературѣ XVIII-го и затѣмъ XIX-го столѣтія шло другое направленіе, которое заключало въ себѣ „борьбу" противъ Запада. Это представленіе „борьбы" было въ сущности фикціей, потому что писатели, которыхъ хотѣли изображать дѣятелями этой борьбы, на дѣлѣ вовсе не боролись противъ западнаго просвѣщенія (какъ, напримѣръ, Ломоносовъ), а только искали болѣе широкаго примѣненія этого просвѣщенія къ русской жизни. „Вліяніе" Запада не подвергалось сомнѣнію,— это былъ фактъ слишкомъ очевидный, — но оно по прежнему представлялось какой-то язвой, отъ которой слѣдовало во что бы ни стало освободиться, а тѣ явленія, которыя на дѣлѣ были здоровымъ результатомъ этого вліянія, изображались какъ разъ наоборотъ „борьбой" противъ него. Историческій выводъ былъ совершенно превратный... Мы остановимся на минуту на этомъ превратномъ толкованіи исторіи, которое до сихъ поръ служитъ источникомъ весьма распространенныхъ заблужденій, и которое устраняется возстановленіемъ дѣйствительныхъ фактовъ. Это поло-

женіе вопроса дѣлало въ особенности необходимымъ такой трудъ, какой былъ исполненъ г. Веселовскимъ.

Вслѣдъ за первымъ появленіемъ сочиненія о „Западномъ вліяніи въ новой русской литературѣ“, и повидимому не безъ отношенія къ нему, вышелъ въ 1882 г. первый выпускъ сборника покойнаго Н. Н. Страхова: „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“ [1]). Отношеніе къ Западу было то самое, о которомъ мы сейчасъ сказали, именно самое враждебное: его вліяніе изображается гибельнымъ для русской самобытности; проявленія самостоятельности въ области искусства и науки были именно „борьбой“. Страховъ распространялъ свое полемическое изслѣдованіе на самые глубокіе вопросы религіи, философіи, общественнаго быта и т. д. Не касаясь его пониманія „борьбы“ въ этихъ общихъ вопросахъ [2]), мы остановимся только на его положеніяхъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ литературѣ и ея исторіи.

„По содержанію этой книги, — говорилъ Страховъ въ предисловіи къ первому выпуску своей „Борьбы съ Западомъ“,—читатель легко увидитъ, почему мнѣ пришла мысль вновь издать эти разсужденія. Они ратуютъ противъ зла, которое давно было ясно, противъ того самаго зла, которое теперь своимъ развитіемъ приводитъ насъ въ содроганіе. Больше всего приходится просить извиненія у читателей за тѣ надежды, за тѣ виды на лучшее будущее, которые встрѣчаются кое-гдѣ въ этой книгѣ. Эти надежды плохо исполняются, тогда какъ, напротивъ, опасенія осуществляются скорѣе и полнѣе, чѣмъ можно было ожидать, а дѣйствительность, кажется, готова превзойти самыя зловѣщія предсказанія.

„Книга эта касается самаго главнаго, самаго существеннаго изъ нашихъ вопросовъ, вопроса о нашей духовной самобытности. Безъ сомнѣнія, коренное наше зло состоитъ въ томъ, что мы не умѣемъ жить своимъ умомъ, что вся духовная работа, какая у насъ совершается, лишена главнаго качества: прямой связи съ нашей жизнью, съ нашими собственными духовными инстинктами. Наша мысль витаетъ въ призрачномъ мірѣ; она не есть настоящая живая мысль, а только подобіе мысли. Мы—подражатели, то-есть думаемъ и дѣлаемъ не то, что̀ намъ хочется, а то, что̀ думаютъ

---

[1]) Впослѣдствіи этотъ сборникъ дошелъ до трехъ выпусковъ.

[2]) Разборъ этихъ его взглядовъ былъ уже сдѣланъ Вл. С. Соловьевымъ: „Національный вопросъ въ Россіи“. Выпускъ второй. Спб., 1891, стр. 181—227 и др.

и дѣлаютъ другіе. *Вліяніе Европы постоянно отрываетъ насъ отъ нашей почвы. Поэтому, все наше историческое движеніе получило какой-то фантастическій видъ.* Наши разсужденія не соотвѣтствуютъ нашей дѣйствительности; наши желанія не вытекаютъ изъ нашихъ потребностей; наша злоба и любовь устремлены на призраки; наши жертвы и подвиги совершаются ради мнимыхъ цѣлей. Понятно, почему такая дѣятельность безплодна, почему она только пожираетъ силы и расшатываетъ связи, а ничего добраго произвести не можетъ.

„Эта фантастическая бѣда хуже всевозможныхъ дѣйствительныхъ бѣдъ и несчастій. Вообразимъ, въ самомъ дѣлѣ, что Россію постигли какія-нибудь реальныя бѣдствія и одолѣваютъ реальные недостатки: голодъ и пожары, война и внутренніе безпорядки, жестокость и безразсудство правителей, невѣжество, пьянство, преступленія, дикіе нравы; развѣ все это еще могло бы быть поводомъ къ отчаянію? Не ясна ли сущность каждаго изъ этихъ золъ? Эти бѣдствія и недостатки въ той или другой мѣрѣ неизбѣжны, и могутъ приводить насъ въ скорбь, но не въ недоумѣніе; мы тутъ хорошо знаемъ, противъ чего и какъ намъ слѣдуетъ бороться; все зависитъ только отъ нашей стойкости, отъ нашей доброй воли.

„Но что̀ сказать, когда болѣзнь чисто умственнаго свойства, когда люди постоянно поражаются острою мечтательностію, когда они слѣпнутъ для дѣйствительности и тратятъ свои силы и дѣятельность на погоню за воображаемыми благами и на борьбу противъ воображаемыхъ золъ? Мысли такихъ людей питаются сами собою, независимо отъ всего окружающаго; стремленія ихъ возникаютъ и разгораются безъ настоящихъ нуждъ, и потому ничѣмъ удовлетворены быть не могутъ; жажда жизни, которая ихъ мучитъ, не находитъ себѣ никакого утоленія въ дѣйствительномъ мірѣ и обращается въ ненависть къ этому міру, заставляетъ ихъ губить себя и другихъ.

„Мечтательность нашего времени грозитъ превзойти всѣ увлеченія былыхъ временъ. При нынѣшней легкой жизни, при уничтоженіи и облегченіи всякихъ узъ, нѣкогда связывавшихъ человѣка, люди начинаютъ забывать свое прошлое, теряютъ пониманіе неизбѣжныхъ трудностей и условій жизни и на свободѣ предаются самодовольнымъ мечтамъ о неслыханномъ еще совершенствѣ и обновленіи человѣчества. Эти мечтанія, отрѣшенныя отъ дѣйствительной жизни, зародились и развились тамъ, на Западѣ; какъ же имъ было не приняться у насъ, въ томъ народѣ, котораго обра-

зованные классы постоянно и неизбѣжно отрываются отъ родной дѣйствительности!

„Нелѣпое, невѣжественное убѣжденіе, что мы, теперешніе люди, лучше, выше людей прошлыхъ временъ; нелѣпая увѣренность, что здѣсь, на землѣ, возможно какое-то благополучіе, мирящееся со всѣми противорѣчіями нашей судьбы и природы,— эти мысли, свидѣтельствующія о крайней дикости нашихъ умовъ и сердецъ, о томъ, что въ насъ заглохло истинное пониманіе и чутье вещей, — господствуютъ повсюду въ наше просвѣщенное время. Самодовольный вѣкъ все больше и больше отрывается отъ прошлаго, все меньше и меньше понимаетъ истинный смыслъ жизни.

„Что же дѣлать противъ такого зла? Чѣмъ предупредить ужасныя разочарованія, къ которымъ приведетъ такое самообольщеніе? Очевидно, только однимъ: нужно открыть ослѣпленные глаза, указать заблуждающимся правильный путь. Задача безмѣрная! Требуется, собственно, измѣнить характеръ нашего просвѣщенія, внести въ него другія основы, другой духъ. Эта задача въ особенности настойчиво является передъ нами, русскими, такъ какъ только въ насъ однихъ можно еще предполагать духовные инстинкты, непохожіе на европейскіе; сама же Европа едва ли можетъ измѣнить тому пути, по которому такъ далеко ушла въ своемъ развитіи. Намъ предстоитъ совершить критику началъ, господствующихъ въ европейской жизни, и привести къ сознанію другія, лучшія начала. Задача эта уже давно поставлена. Мы до сихъ поръ подсмѣивались надъ нею, какъ надъ чѣмъ-то несбыточнымъ, излишнимъ и вздорнымъ; но если мы и теперь не станемъ для нея работать, не станемъ напрягать нашихъ силъ для ея рѣшенія, то, по всей вѣроятности, сами неумолимыя событія вынудятъ насъ взяться за нее, какъ за единственный исходъ изъ нашихъ умственныхъ и нравственныхъ затрудненій. Можетъ быть, намъ суждено представить свѣту самые яркіе примѣры безумія, до котораго способенъ доводить людей духъ нынѣшняго просвѣщенія; но мы же должны обнаружить и самую сильную реакцію этому духу; отъ насъ нужно ожидать приведенія къ сознанію другихъ началъ, спасительныхъ и животворныхъ.

„Намъ не нужно искать какихъ-нибудь новыхъ, еще небывалыхъ на свѣтѣ началъ; намъ слѣдуетъ только проникнуться тѣмъ духомъ, который искони живетъ въ нашемъ народѣ и содержитъ въ себѣ *всю тайну* роста, силы и развитія нашей земли. Народъ, какъ огромный балластъ, лежащій въ глубинѣ нашего государственнаго корабля, одинъ даетъ этому кораблю его прямое и

могучее движеніе, несмотря ни на какіе внѣшніе вѣтры и бури, несмотря ни на какую вѣтренность кормчихъ и капитановъ. Эту безсознательную жизнь, эту духовную силу, исполненную такого смиренія и такого могущества, намъ слѣдуетъ привести себѣ къ сознанію и ею одушевить наше просвѣщеніе. Обнаруживъ еще неслыханную въ мірѣ стойкость, живучесть и силу распространенія, русскій народъ, однакоже, никогда не отдавался исключительно матеріальнымъ и государственнымъ интересамъ, а, напротивъ, постоянно жилъ и живетъ въ нѣкоторой духовной области, въ которой видитъ свою истинную родину, свой высшій интересъ. Вотъ изъ какого строя жизни намъ нужно почерпать и уяснять себѣ начала для пониманія человѣческой жизни и отношеній между людьми, начала, которыми долженъ быть внесенъ лучшій смыслъ въ науки нравственнаго міра, въ исторію, въ науку права, въ политическую экономію. Европейское просвѣщеніе, этотъ могущественный раціонализмъ, это великое развитіе отвлеченной мысли, должно быть для насъ побужденіемъ и средствомъ къ такому сознательному уясненію нашихъ собственныхъ духовныхъ инстинктовъ; все наше рабство передъ Западомъ, всѣ наши обезьянничанья и всѣ бѣды, которыя мы отъ этого терпимъ и будемъ еще терпѣть, получатъ себѣ даже нѣкоторое историческое оправданіе, если цѣною ихъ мы достигнемъ, наконецъ, сознательной самобытности, если пробудится въ насъ настоящая умственная жизнь, и то непонятное для себя и для другихъ чудище міра, которое называется Россіею, придетъ къ сознанію самого себя.

„Умственная борьба съ Западомъ при этомъ необходима".

Приведенныя слова даютъ понятіе о цѣломъ складѣ мыслей автора, какъ и вообще о той точкѣ зрѣнія, какую представляетъ все направленіе. Правда, и самъ писатель и другіе люди этого направленія говорили иногда прямѣе, но основа мнѣній остается столь же неясной и въ особенности не-исторической. Передъ нами великое зло: „мы не умѣемъ жить своимъ умомъ"; „вся наша духовная работа лишена прямой связи съ нашей жизнью", даже „съ нашими собственными духовными инстинктами"; „наша мысль витаетъ въ призрачномъ мірѣ"; „наши желанія не вытекаютъ изъ нашихъ потребностей"; „мы—подражатели, то-есть думаемъ и дѣлаемъ не то, что̀ намъ хочется, а то, что̀ думаютъ и дѣлаютъ другіе,—вліяніе Европы постоянно отрываетъ насъ отъ нашей почвы". Эти сокрушенія такъ темны, такъ далеки отъ какого-нибудь опредѣленнаго факта, что читателю оставалось бы пребывать въ недоумѣніи, еслибы авторъ не указалъ,

наконецъ, источникъ этого бѣдственнаго состоянія русской общественной мысли,—этотъ источникъ есть вліяніе Запада, и еслибы авторъ не указалъ потомъ средства исцѣленія, именно возвращенія къ народному духу, о которомъ скажемъ далѣе. Побуждаемый этимъ мрачнымъ взглядомъ на русскую духовную жизнь и отыскивая исцѣленіе, авторъ предпринялъ самъ „борьбу" съ Западомъ и старался указать также, какъ эта борьба происходила въ русской литературѣ, когда она бывала вѣрна народному духу. Первая книжка сборника Страхова посвящена Герцену, Миллю, парижской коммунѣ, Ренану и Штраусу: онъ опровергаетъ названныхъ писателей, какъ потомъ въ тѣхъ же книжкахъ опровергалъ Дарвина и т. д., и этимъ, по его мнѣнію, онъ боролся противъ Запада и уничтожалъ его тлетворное вліяніе. На это было уже въ свое время замѣчено, что, во-первыхъ, очень трудно отождествить Западъ съ этими, хотя бы и знаменитыми именами, а во-вторыхъ, что въ своей борьбѣ противъ этихъ писателей онъ не сказалъ ничего такого, что̀ не было бы сказано ихъ противниками на самомъ Западѣ. Мнимая борьба не представляла такимъ образомъ ничего оригинальнаго и спеціально русскаго; это было только повтореніе консервативныхъ мнѣній, извѣстныхъ и высказанныхъ въ самой западной литературѣ. Съ другой стороны сокрушенія объ упадкѣ самобытной духовной жизни въ русскомъ обществѣ остаются темными и произвольными. Читатель можетъ, конечно, догадываться, что мы перестали „жить своимъ умомъ" и т. д. съ тѣхъ поръ, какъ началось вліяніе Запада. Но когда именно это могло случиться? Въ славянофильствѣ полагалось, что это началось съ петербургскаго періода; новѣйшія изслѣдованія показали, однако, что начало западныхъ вліяній надо отодвинуть во вторую половину XVII-го вѣка, а первые инстинкты этого движенія еще далѣе. Такимъ образомъ выходило бы, что русская жизнь почувствовала влеченія къ западному просвѣщенію (въ той или другой области) въ то время, когда еще вполнѣ жила своимъ умомъ, слѣдовательно по собственной охотѣ и безъ всякаго принужденія. Точно такъ же, въ настоящее время можно считать доказаннымъ, что самая реформа Петра вовсе не была дѣломъ его личнаго произвола, что она была вызвана неотступными потребностями самой жизни, чѣмъ и объясняется ея успѣхъ, который выразился, во-первыхъ, горячими сочувствіями русскихъ людей, искавшихъ неизвѣстнаго прежде образованія, во-вторыхъ, необычайнымъ развитіемъ русской государственной силы... Мы увидимъ дальше, что самъ Страховъ не отрицалъ ни величія этой государственной силы, созданной

XVIII вѣкомъ, ни имъ же созданныхъ литературныхъ явленій, какими были, напримѣръ, Ломоносовъ и Карамзинъ; мы увидимъ, что онъ самъ не считалъ ихъ „оторванными отъ почвы", хотя они несомнѣнно воспитались подъ западнымъ вліяніемъ, и, напротивъ, признавалъ за ними національное значеніе... Пушкинъ въ глазахъ Страхова представляетъ въ высокой степени національное явленіе русской литературы, хотя, какъ мы упоминали, самъ Пушкинъ признавалъ свою историческую связь съ тѣми „учителями", въ которыхъ западное вліяніе не подлежало никакому сомнѣнію не только для критики, но и для нихъ самихъ. Если такимъ образомъ западное вліяніе вовсе не уничтожало въ даровитыхъ писателяхъ возможности болѣе или менѣе высокаго національнаго значенія и самостоятельности въ содержаніи и въ самомъ пріемѣ творчества, остается предполагать, что жалобы Страхова на губительные результаты западнаго вліянія относятся къ временамъ новѣйшимъ; но очевидно, что въ новѣйшее время только продолжался давно начавшійся процессъ этихъ вліяній; по существу дѣло не измѣнилось, и точно также можно было бы ожидать, что въ концѣ концовъ результатомъ этихъ вліяній будетъ расширеніе литературнаго и научнаго горизонта... Для наблюдателя непредубѣжденнаго не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣйствительно вліянія западной науки отразились самымъ благотворнымъ образомъ, напримѣръ, въ тѣхъ самыхъ изученіяхъ, которыя посвящены были русской старинѣ и народности, слѣдовательно разъясненію народнаго духа, утрату котораго Страховъ оплакивалъ... Мы не однажды имѣли случай объяснять, что сознательное отношеніе къ народному духу начинается именно съ тѣхъ поръ, какъ явилась возможность научнаго изслѣдованія русской исторіи и народной жизни: это началось въ XVIII вѣкѣ, и именно въ настоящее время изученіе народа создало громадную и разнообразную литературу и подъ ея дѣйствіемъ развилось страстное влеченіе къ сліянію съ народомъ.

Изъ сказаннаго можно видѣть, до какой степени эти жалобы на зловредность западнаго вліянія лишены простого историческаго основанія; намеки политическіе были неумѣстны въ цѣлой исторіи образованія и требовали другихъ объясненій. Столь же смутны указанія на средство исцѣленія отъ „рабства передъ Западомъ". „Намъ слѣдуетъ только проникнуться тѣмъ духомъ, который искони живетъ въ нашемъ народѣ и содержитъ въ себѣ всю тайну роста, силы и развитія нашей земли"; „эту безсознательную жизнь, эту духовную силу намъ слѣдуетъ привести себѣ къ сознанію" и т. д. Безъ болѣе точнаго опредѣ-

ленія эти ссылки на народный духъ, на безсознательную жизнь и т. д. остаются безсодержательнымъ мистицизмомъ,—но такого опредѣленія до сихъ поръ не дали вообще приверженцы этого мистицизма; или, когда они пытались опредѣлять его, они не въ силахъ были выйти изъ противорѣчій. Отсутствіе исторической критики и здѣсь отомщается туманной сентиментальностью и исторической неправдой.

Какое значеніе ни придавали бы мы таинственному народному духу, очевидно, что онъ органически связанъ съ реальнымъ народомъ исторіи; но этотъ реальный народъ не былъ единымъ и неизмѣннымъ. Напротивъ, на глазахъ исторіи онъ измѣнялся и по этнологическому составу, воспринимая и перерабатывая новые племенные элементы, и при этомъ самъ пріобрѣталъ новые племенные оттѣнки; онъ измѣнялся въ религіозномъ отношеніи, когда изъ языческаго дѣлался христіанскимъ, когда переживалъ различныя религіозныя движенія, въ результатѣ которыхъ въ настоящее время цѣлые милліоны самаго подлиннаго русскаго народа живутъ внѣ общенія съ господствующею церковью; онъ измѣнялся политически, когда, напримѣръ, древній удѣльно-вѣчевой складъ его жизни смѣнялся московскимъ единодержавіемъ, когда само древнее племя было разбито на части (Новгородъ, Москва, югъ, западъ), которыя частію только послѣ долгой исторической жизни врозь могла объединить имперія, далеко, однако, не объединивъ ихъ по народному характеру. Еслибы даже вмѣсто этого реальнаго сложнаго народа мы представили себѣ идеальный единый народъ (напримѣръ, великорусское племя), однородный по общему характеру, религіозному складу, преданіямъ и т. д., опять было бы исторически невѣрно сказать, что цѣлый составъ русской національности и ея политическое величіе и т. д. былъ созданъ только этимъ мистическимъ народнымъ духомъ, ведущимъ „безсознательную жизнь": въ реальной исторіи, создавшей національное величіе, народная масса, изображаемая консервативными историками исключительною носительницею народнаго духа, слишкомъ часто играла только страдательную роль, такъ что сама по себѣ далеко не всегда могла бы принять на себя вину или заслугу событій; а съ другой стороны, въ историческомъ результатѣ имѣли свою долю руководители націи и ея верхніе классы, а вмѣстѣ съ тѣмъ—идеи и средства, не созданныя народомъ, напримѣръ идеи политическія, внушенныя связями съ Европой и отъ нея же заимствованныя учрежденія и средства образованія. Въ сложныхъ событіяхъ исторіи было бы невозможно отличать, что̀ было прямо или косвенно внушаемо народнымъ ду-

хомъ, или что̀ совершалось внѣ его участія или даже наперекоръ ему; историкъ, настаивающій на безразличномъ исторически, мистическомъ народномъ духѣ, былъ бы поставленъ въ необходимость рѣшать мудреные вопросы: былъ ли, напримѣръ, дѣятелемъ народнаго духа расколъ, увлекавшій милліоны народа, или этимъ дѣятелемъ была администрація, его усмирявшая; были ли дѣломъ того же народнаго духа различныя волненія, возникавшія въ средѣ народной массы, или дѣло народнаго духа исполняли укрощавшіе ихъ солдаты, и т. п. Въ концѣ концовъ даже мистическій историкъ долженъ былъ бы признать, что проявленія народнаго духа до чрезвычайной степени сложны, въ разныхъ обстоятельствахъ даже противорѣчивы, что поэтому ссылки на народный духъ должны быть очень осторожны, чтобы не впасть въ вопіющую нелѣпость. Наконецъ, самый упрямый мистическій историкъ едва ли будетъ отвергать, что къ числу инстинктовъ, потребностей и внушеній народнаго духа должна принадлежать потребность въ просвѣщеніи: иначе надо было бы признать, что культурные элементы народа, по природѣ способнаго къ просвѣщенію, находятся въ дремотѣ и нуждаются въ пробужденіи; или же, если эти способности пробуждены, онѣ нуждаются въ питаніи. Въ томъ и другомъ случаѣ, въ процессѣ національной жизни получаетъ все свое право и становится необходимымъ притокъ знанія изъ источника чужеземнаго, если свои запасы знанія были скудны. И какъ скоро возникалъ этотъ притокъ, было неизбѣжно другое явленіе: знаніе (напримѣръ, знаніе природы и исторіи), какъ результатъ вѣковой работы ума, свободной отъ племенныхъ ограниченій, не можетъ съ перваго же раза не вступить въ извѣстное, болѣе или менѣе сильное, противорѣчіе съ наличными представленіями массы, съ наивнымъ преданіемъ и съ невѣжествомъ; и такимъ образомъ уже на первыхъ порахъ необходимо обособляется классъ людей образованныхъ отъ невѣжественной массы. Такъ было всегда и вездѣ, и работа мысли, результатомъ которой было развитіе науки, сопровождалась обыкновенно тяжелой, нерѣдко трагической борьбой ея новыхъ пріобрѣтеній съ традиціоннымъ міровоззрѣніемъ массы или общественнаго большинства. Не было ничего удивительнаго, что то же явленіе повторилось и у насъ, и опять только по невниманію къ исторіи можно было, какъ дѣлали это мистическіе историки, оплакивать мнимую оторванность образованныхъ классовъ отъ народа или отъ „почвы“, смѣшивая различіе по образованію съ различіемъ сословнымъ и въ прежнее время съ различіемъ рабовладѣльцевъ и крѣпостныхъ.

Но если разъ допустить возникновеніе образованія въ средѣ

традиціоннаго міровоззрѣнія, въ прежнее время соединявшаго въ однородную массу всѣ сословія и ступени народа, то становилось неизбѣжнымъ и это выдѣленіе болѣе образованнаго класса изъ массы, и исканіе новыхъ средствъ образованія. Ихъ приходилось искать у народовъ болѣе просвѣщенныхъ, и такимъ образомъ становилось неизбѣжной, жизненной, національной необходимостью то „вліяніе Запада", которое мистики считаютъ національнымъ бѣдствіемъ... Остается изумляться непониманію исторіи, которое способно было доводить даже мирныхъ людей до фанатизма.

Но, когда даже этимъ мистикамъ случалось обращаться къ исторіи, и они способны были усматривать ея простые факты, не замѣчая только, что эти факты противорѣчили ихъ теоріи. Таковы нѣкоторыя обращенія Страхова къ исторіи литературы XVIII вѣка. Во второй книгѣ „Борьбы съ Западомъ" онъ хотѣлъ между прочимъ объяснить „ходъ нашей литературы, начиная отъ Ломоносова". Объясненіе весьма неполное, но любопытно, что, говоря о XVIII вѣкѣ, который такъ прославленъ подражательнымъ и таковымъ дѣйствительно былъ, Страховъ долженъ быть признать, что подражательность не помѣшала ни Ломоносову, ни Карамзину, какъ потомъ Жуковскому, Батюшкову, Пушкину, остаться вѣрными народному духу, высказывать мысли и настроенія, именно отвѣчавшія чувству народа или общества. Повидимому онъ забылъ на ту минуту о своихъ проклятіяхъ Западу; но, вспоминая ихъ, удивительно читать у него, напримѣръ, слѣдующіе отзывы о Ломоносовѣ: „Отъ Ломоносова начинается у насъ рядъ такихъ европейскихъ вліяній, которыя уже не порождаютъ одной подражательности, а дѣйствительно *вызываютъ къ самодѣятельности* нашъ народный духъ... Въ немъ совершилось чудо—созданы произведенія, равныя своимъ образцамъ, и явился языкъ, вполнѣ пригодный для такихъ произведеній". „Ломоносовская ода есть явленіе удивительное. Искренность и живость многихъ стиховъ поразительны; великолѣпное теченіе рѣчи, которое вполнѣ усвоилъ себѣ только Пушкинъ, не уступитъ никакимъ одамъ въ мірѣ"... Самая высокопарность этихъ одъ и ходульность псевдо-классическихъ трагедій имѣли свое историческое основаніе: въ самой жизни было нѣчто, чтò ихъ поддерживало. „Россія въ тотъ періодъ, очевидно, питала великія надежды и по временамъ испытывала упоеніе славы... Ясно было, что намъ открывается *безмѣрное поприще*, всемірно-историческое значеніе; европейская цивилизація тогда еще не пугала и не подавляла насъ, какъ теперь, а напротивъ, возбуждала въ насъ только юно-

шескую бодрость и надежду. Эпоха Петра была блистательнымъ заявленіемъ нашего могущества, вѣкъ Екатерины былъ вѣкомъ твердой, громкой славы. Было бы странно, еслибы литература не отразила въ себѣ того героическаго восторга, который составлялъ самую свѣтлую сторону тогдашей жизни Россіи. Было бы странно, еслибы при такомъ ненатуральномъ, приподнятомъ положеніи народа, литература была натуральною, еслибы она отражала въ себѣ тогдашнюю будничную дѣйствительность, а не тѣ порывы и помыслы, которые носились поверхъ этой дѣйствительности". Вообще „*періодъ восторга* (отъ Ломоносова до Карамзина), періодъ оды и трагедіи принесъ и свой положительный плодъ, оставилъ намъ долговѣчное наслѣдство". Въ этихъ замѣчаніяхъ есть большая историческая правда; но дѣло въ томъ, что именно этотъ періодъ былъ въ особенности періодомъ подражанія, и слѣдовательно мистическому историку пришлось опровергать самого себя, какъ скоро онъ проще взглянулъ на историческіе факты.

Подобнымъ образомъ ему пришлось сдѣлать исключеніе изъ своей теоріи, когда онъ говорилъ о Карамзинѣ. Мы читаемъ: „Время Екатерины было временемъ удивительнаго примиренія двухъ противоположныхъ началъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ развивалась Россія,—наплыва европейскаго просвѣщенія и ревниваго охраненія своей самобытности, своей государственной силы, своихъ народныхъ интересовъ. Космополитизмъ въ принципахъ, народность въ практикѣ уживались и не мѣшали другъ другу почти непонятнымъ образомъ. Это было время мира, который, очевидно, не могъ удержаться и грозилъ перейти въ жестокую борьбу; но въ ту минуту никто не замѣчалъ этой опасности. И этотъ миръ принесъ свои прекрасные плоды. Карамзинъ былъ вполнѣ сынъ XVIII вѣка, былъ проникнутъ всѣми лучшими сторонами тогдашняго просвѣщенія, его сантиментальностію, любовью къ людямъ, розовыми надеждами на возможное и близкое счастіе человѣчества. Онъ прочелъ лучшія тогдашнія книги и познакомился съ Европою въ своемъ путешествіи, такъ что былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ лучшихъ тогдашнихъ европейцевъ. Но *въ то же время онъ былъ вполнѣ русскій*", и т. д.

Но если такъ, то какимъ образомъ возможны были приведенныя выше заключенія о зловредномъ вліяніи Запада, которое отнимало у насъ самобытность, дѣлало насъ не только подражателями, но *рабами* Запада, лишало насъ своего ума и т. п.?

Можно предположить, что по мыслямъ мистическаго историка всѣ эти бѣдствія миновали пока восемнадцатый вѣкъ и обрушились только на новѣйшее время, когда русскіе начали читать Милля,

Ренана, Дарвина и пр., съ которыми Страховъ и предпринялъ „борьбу“. Но, какъ бы ни мало сочувствовалъ онъ этимъ писателямъ, во всякомъ случаѣ процессъ западныхъ вліяній по существу оставался тотъ же: если Ломоносовъ, Карамзинъ, позднѣе Пушкинъ при всѣхъ увлеченіяхъ Западомъ оставались „вполнѣ русскими“, то не было причины отвергать такой возможности и въ новомъ періодѣ русскаго образованія и литературы. Само собою разумѣется, что это такъ и было, что каковы бы ни были увлеченія содержаніемъ западной литературы, увлекавшіеся также несомнѣнно оставались „вполнѣ русскими“; и это всегда можно было видѣть между прочимъ потому, что этихъ увлекавшихся вообще никогда не покидала мысль о русской жизни, стремленіе служить пользамъ русскаго общества и народа.

Наконецъ, эти жалобы не вяжутся съ самыми фактами новѣйшей литературы. Мы имѣли случай подробно указывать въ другомъ мѣстѣ, что именно въ то время, когда, по мнѣнію Страхова, русское общество находилось, „вслѣдствіе вліянія Запада“, въ крайнемъ упадкѣ, оторвавшись отъ почвы,—именно въ это время въ нашей литературѣ съ небывалой до тѣхъ поръ ревностію совершаемы были разнообразныя изученія народной жизни древней и современной. Ожидаемое и затѣмъ только-что совершившееся освобожденіе крестьянъ вызвало самые горячіе порывы народолюбиваго чувства; правительственныя реформы шестидесятыхъ годовъ наполняли общество самыми свѣтлыми ожиданіями, и первая возможность нѣкоторой самодѣятельности общества вызвала разнообразные и достойные всякаго уваженія труды въ дѣлѣ установленія новыхъ формъ народнаго быта, въ дѣлѣ народныхъ школъ, народной книги и т. д. И несомнѣнно въ то же время, что какъ научныя изученія народной жизни, такъ и эти стремленія практически служить народному благу, были воспитаны еще въ предъидущемъ поколѣніи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, въ эпоху тѣхъ же „западныхъ вліяній“ и между прочимъ при ихъ прямомъ воздѣйствіи. Извѣстно, какими богатыми результатами вознаграждены были въ нашей литературѣ эти труды изслѣдователей старины и народности, и извѣстно также, что въ средѣ общества эти стремленія служить практически интересамъ народной жизни повели къ цѣлому движенію, которое названо было народничествомъ и хотѣло, наконецъ, достигнуть „опрощенія“, полнаго сліянія съ народомъ... Въ этомъ послѣднемъ движеніи бывали увлеченія и крайности,—происходившія между прочимъ потому, что движеніе совершалось инстинктами, отрывочно, и въ свое время оставалось недоступно открытымъ сужденіямъ обще-

ственнаго мнѣнія и литературы,—но въ цѣломъ нельзя не признать тѣхъ благородныхъ побужденій, которыя дѣйствовали въ этихъ увлеченіяхъ народничества...

Этого никогда раньше небывалаго движенія совершенно не замѣчалъ писатель мистической школы, и нельзя, кажется, объяснить этого иначе, какъ односторонностью фанатизма. Въ самомъ дѣлѣ нельзя иначе опредѣлить ту крайнюю нетерпимость, какую обнаруживалъ писатель,—какъ говорятъ, лично добродушный,—въ полемикѣ съ противниками. Именно эта нетерпимость влекла за собою тѣ одностороннія и противорѣчивыя сужденія, образчики которыхъ мы приводили. Писатель видѣлъ только свою фантастическую цѣль и въ борьбѣ съ противорѣчіемъ забывалъ и исторію и дѣйствительность; встрѣтившись съ какимъ-нибудь рѣзкимъ и всего чаще личнымъ и случайнымъ мнѣніемъ или выраженіемъ противника, писатель переставалъ спокойно разсуждать, смѣшивалъ факты совершенно разныхъ категорій, дѣлалъ неправильныя обобщенія и затѣмъ отдавался порывамъ своей нетерпимости, негодовалъ, скорбѣлъ и сыпалъ проклятіями Западу, который былъ мнимымъ виновникомъ всего зла,—писатель забывалъ только исторію, а вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣчалъ того усиленнаго стремленія изучать народъ и служить ему, стремленія, которое, при всѣхъ его неясностяхъ, было однимъ изъ отрадныхъ явленій нашей общественности и литературы въ тяжелое время, которое онѣ тогда переживали.

Въ данномъ вопросѣ особенно странно было непониманіе тѣхъ историческихъ отношеній, какія обнаруживаются такъ-называемыми литературными подражаніями, заимствованіями и т. д. „Западныя вліянія" представляются мистическому писателю какимъ-то историческимъ бѣдствіемъ, которое постигло русскую литературу и угрожало подорвать ея нормальное развитіе въ духѣ національнаго преданія. Удивительнымъ образомъ ему не приходила мысль, что фактъ международныхъ вліяній, оказавшихся въ русской литературѣ особливо съ XVIII вѣка, во-первыхъ, былъ простымъ послѣдствіемъ той слабой степени просвѣщенія, какая вообще отличала до-Петровскую Россію, и которая съ XVIII вѣка искала восполненія въ чужихъ источникахъ образованія,—что это было необходимымъ удовлетвореніемъ настоятельной *національной* потребности; во-вторыхъ, что этотъ фактъ не представлялъ ничего исключительнаго, и, напротивъ, былъ только однимъ изъ множества однородныхъ явленій въ цѣлой исторіи человѣчества. Въ томъ и другомъ случаѣ мистическій писатель повторялъ старую тему славянофильства сороковыхъ годовъ, забывая о всемъ томъ,

что̀ было уже сдѣлано съ тѣхъ поръ для историческаго объясненія реформы и не обращая вниманія на подобныя явленія въ исторической жизни другихъ народовъ. Относительно перваго уже въ то время, когда писалъ Страховъ, было достаточно объяснено, что „западныя вліянія“ временъ Петра были только естественнымъ и непрерывнымъ продолженіемъ тѣхъ исканій западной культуры, которыя видимо сказывались еще со второй половины XVII вѣка и которыхъ начатки восходятъ далеко въ древность, въ конецъ XV вѣка, и даже ранѣе, — какъ дальше увидимъ. Относительно второго достаточно было справиться съ общеизвѣстными фактами исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ, не только исторія образованія и литературы, но и исторія реальнаго быта и нравовъ исполнена безконечнымъ множествомъ явленій международнаго взаимодѣйствія. Не углубляясь въ отдаленныя времена исторіи, гдѣ уже находятъ факты подобнаго взаимодѣйствія, исторія Греціи и Рима, среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени представляетъ множество примѣровъ бытового и литературнаго заимствованія, путемъ котораго одинъ народъ усвоивалъ то, что̀ было совершенно независимо отъ него выработано другимъ народомъ, и затѣмъ это заимствованное становилось средствомъ его собственнаго развитія. Въ исторіи культурнаго развитія Греціи указываютъ вліянія азіатскаго востока и Египта; но собственное развитіе Греціи осталось изумительнымъ примѣромъ своеобразнаго богатства, необычайной силы оригинальнаго творчества въ области мысли и искусства. Римъ до того заимствовалъ у Греціи, что даже въ эпоху величайшаго національнаго развитія продолжалъ подражать греческимъ литературнымъ образцамъ: греческая школа была обязательна; римляне заимствовали даже греческую миѳологію и приладили къ ней свое національное преданіе,—но все это не помѣшало Риму развить могущественнымъ образомъ тѣ стороны національнаго генія, которыя составляли его истинную силу. Для послѣдующихъ вѣковъ греческая и римская культура слились въ одно цѣльное представленіе „классической древности“, которой суждено было много вѣковъ спустя испытать среди новыхъ европейскихъ народовъ славную эпоху „Возрожденія“. Распространеніе христіанства, кромѣ его высокаго религіознаго значенія, было вмѣстѣ и фактомъ воздѣйствія восточныхъ элементовъ въ установленіи новаго мышленія и искусства. Исторія первыхъ вѣковъ представляетъ чрезвычайно любопытныя явленія международныхъ воздѣйствій, гдѣ старые элементы искусства и литературы смѣшивались съ новыми, элементы восточные сливались съ

западными, христіанскіе съ античными, гдѣ новые европейскіе народы воспринимали съ христіанствомъ новое содержаніе нравственныхъ ученій, вѣрованій, поэзіи, искусства,—содержаніе, которое не имѣло ничего общаго съ ихъ первобытной миѳологіей, бытомъ, нравами и затѣмъ, послѣ извѣстнаго періода двоевѣрія, становилось ихъ господствующимъ міровоззрѣніемъ и преданіемъ, неотъемлемой чертой ихъ „національности". Такъ называемое великое переселеніе народовъ было прямымъ смѣшеніемъ племенъ, изъ котораго возникли новые виды народностей и племенныхъ оттѣнковъ, при чемъ совершался также и обмѣнъ нравовъ и преданій; но и безъ того подобный обмѣнъ постоянно происходилъ не только между сосѣдними племенами вслѣдствіе торговыхъ связей, военныхъ столкновеній и т. п., но и между народами весьма отдаленными другъ отъ друга, черезъ промежуточныхъ посредниковъ. Такимъ обмѣномъ между прочимъ объясняютъ необычайное единство сказочныхъ сюжетовъ, которое простирается не только на европейскіе, но и на азіатскіе народы. Начало новой европейской исторіи представило чрезвычайное развитіе этого международнаго общенія. Проповѣдь христіанства приносила языческимъ народамъ Европы не только религіозное ученіе, но съ нимъ вмѣстѣ и формы новой культуры, и зачатки просвѣщенія, созданнаго на совершенно иной почвѣ: таково на западѣ было вліяніе Рима, на востокѣ—вліяніе Византіи. Римская церковь приносила латинскій языкъ, какъ языкъ церкви и образованія; Византія передавала обширную готовую литературу. Такимъ образомъ на первыхъ шагахъ доступной намъ исторіи самостоятельная племенная жизнь европейскихъ народовъ, и въ томъ числѣ русскаго славянства, получила новое направленіе извнѣ, и затѣмъ въ этомъ европейскомъ мірѣ, кромѣ того, совершался разнообразный племенной и культурный обмѣнъ, въ который вовлечено было и русское славянство. На Западѣ долго продолжалось племенное смѣшеніе, такъ что, напримѣръ, элементы англійской національности сложились сполна уже только послѣ Вильгельма Завоевателя; на югѣ романское племя смѣшивалось съ греками, сарацинами, норманнами; на крайнемъ западѣ кельтскія и романскія племена смѣшивались съ германскими; на русскомъ востокѣ славянская основа воспринимала элементы финскіе, норманскіе и тюркскіе. Все это не оставалось безъ вліянія на складъ народныхъ характеровъ и быта, на содержаніе преданій и поэзіи. На этой сложной почвѣ развивались потомъ литературныя и образовательныя взаимодѣйствія. На западѣ церковный латинскій языкъ становился общимъ языкомъ образованія,

и этимъ создавалъ почву для новаго литературнаго обмѣна, а вмѣстѣ съ тѣмъ открывалъ путь для вліяній классической древности, высшимъ пунктомъ которыхъ была эпоха Возрожденія. Собственно говоря, трудно даже указать, когда возникло это Возрожденіе, потому что и въ глубокіе средніе вѣка, при полномъ расцвѣтѣ церковнаго міровоззрѣнія, писатели языческой древности пріобрѣтали уже большую привлекательность. Въ то же время между западными литературами среднихъ вѣковъ совершалось живое общеніе въ области легенды, героической поэзіи, сказки и новеллы; одни и тѣ же поэтическіе сюжеты обходили всю Европу; вѣка крестовыхъ походовъ знакомили съ легендарнымъ и поэтическимъ міромъ Востока, не только христіанскаго, но и магометанскаго. Въ новѣйшія времена европейской исторіи снова происходитъ оживленный обмѣнъ не только поэтическихъ сюжетовъ, но и литературныхъ формъ и направленій: французская литература почерпаетъ изъ итальянской и испанской, въ началѣ восемнадцатаго вѣка подчиняется вліяніямъ англійскихъ мыслителей, и взамѣнъ французскій псевдо-классицизмъ распространяется по всѣмъ литературамъ западной Европы, а во второй половинѣ вѣка такое же господство пріобрѣтаетъ французская „философія“. Конецъ вѣка въ литературномъ отношеніи ознаменованъ реакціей противъ псевдо-классицизма, и рядомъ съ освобожденіемъ формы возрождается стремленіе къ національнымъ элементамъ литературы, какъ начинается движеніе національности въ жизни политической и общественной. Съ паденіемъ псевдоклассицизма распространяется вліяніе, почти неизвѣстнаго до тѣхъ поръ внѣ Англіи, Шекспира; національное движеніе въ литературѣ возвращаетъ къ народной поэзіи и къ среднимъ вѣкамъ, которые со временъ Возрожденія были осуждены, какъ эпохи варварства, и въ результатѣ возникаетъ романтизмъ, который въ различныхъ оттѣнкахъ и взаимодѣйствіяхъ опять обходитъ всѣ литературы Европы. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ литературное общеніе мало-по-малу пріобрѣтаетъ размѣры, какихъ не имѣло оно никогда прежде, и наконецъ русская литература, прежде совсѣмъ неизвѣстная въ Европѣ, въ лицѣ своихъ первостепенныхъ писателей стала предметомъ внимательнаго изученія и удивленія. Даже небольшія литературы скандинавскаго сѣвера вызываютъ къ себѣ интересъ оригинальностью нравственно-общественной тенденціи у нѣкоторыхъ представителей этихъ литературъ.

Такимъ образомъ литературное общеніе, вліяніе одной литературы на другую, или даже господство одной литературы въ данное время надъ всѣми другими, составляетъ широкое явленіе,

проходящее черезъ всю исторію просвѣщенія. И это было совершенно естественно: въ историческихъ встрѣчахъ, связяхъ и столкновеніяхъ, между народами не могло не оказаться взаимодѣйствія; отраженіемъ его было литературное общеніе, и отсюда ясенъ его историческій смыслъ. Въ тѣ вѣка, когда даже не было еще писанной литературы, это бывалъ устный обмѣнъ народной мудрости и поэзіи; литература письменная давала только возможность закрѣпить эти взаимныя пріобрѣтенія. Теперь, какъ и издавна, возможность вліянія и взаимодѣйствія опредѣлялась двумя основными условіями: интересомъ поэтическаго творчества и степенью знанія. Поэтическое произведеніе усвоивалось просто въ силу его привлекательности; научное знаніе пріобрѣталось изъ чужого источника въ силу пробужденной любознательности, и притомъ не только между слабой и сильной, но и между равными сторонами. Заимствованіе обыкновенно вовсе не бывало простымъ подражаніемъ; самое побужденіе къ заимствованію было признакомъ новыхъ потребностей мысли или поэтическаго влеченія, признакомъ извѣстнаго критическаго отношенія къ старому содержанію и исканіемъ того, что̀ казалось болѣе совершеннымъ. Такъ называемое „рабское подражаніе", копированіе, бываютъ лишь на очень низкой ступени литературнаго развитія или, въ отдѣльныхъ случаяхъ, у людей совершенно бездарныхъ,—но всего чаще подчиненіе чужому образцу вовсе не бываетъ полнымъ; заимствованное примѣняется къ своей почвѣ, перелагается на свои нравы, окружается мѣстными чертами, потому что самое заимствованіе дѣлается потому, что въ чужомъ произведеніи, или цѣломъ направленіи, находятъ пригодное для себя, и въ передачѣ невольно, сами собой, являются мѣстныя черты, краски, способъ выраженія. Переложеніе на свои нравы было весьма обычнымъ пріемомъ литературныхъ заимствованій, и бывало первой ступенью къ болѣе самостоятельной работѣ въ усвоенномъ направленіи.

Какъ мы видѣли, подобныя заимствованія происходили между литературами даже равными по національной самобытности, по обилію силъ, каковы, напр., были нѣкогда итальянская и французская, французская и англійская и т. д.,—но по различію условій въ той или другой литературѣ сильнѣе развивалось какое-либо направленіе, особый складъ литературной производительности или научнаго направленія, и этими своими сторонами литература пріобрѣтала силу и вліяніе надъ другими, въ свою очередь подчиняясь имъ въ другой области поэтическаго творчества или науки. Таковы были измѣнявшіяся взаимныя отношенія

французской и англійской литературы въ XVIII вѣкѣ. Понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда заимствующая сторона была менѣе богата силами и самостоятельнымъ запасомъ въ области поэзіи и науки, зависимость отъ чужого содержанія была больше и продолжительнѣе. Но всегда заимствованіе было дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ: заимствовалось то, чего не было дома и что въ томъ или другомъ отношеніи представлялось по условіямъ времени необходимымъ для успѣховъ собственнаго образованія. Съ теченіемъ времени, когда путемъ литературнаго труда пріобрѣтался опытъ, расширялось знаніе, выработывался вкусъ, прежняя зависимость сама собою отпадала и мало-по-малу подготовлялась самостоятельная дѣятельность, и національная особенность брала верхъ.

Этотъ процессъ иноземныхъ воздѣйствій не однажды совершался и на историческомъ пути русской литературы. Мистическіе историки видѣли обыкновенно одинъ пунктъ этого пути и съ своей исключительной точки зрѣнія видѣли что-то небывалое и гибельное въ фактѣ европейскихъ вліяній на нашу литературу за послѣдніе два вѣка: они оплакивали „рабство" русскаго образованія, думали, что необходимо принимать усиленныя мѣры спасенія отъ грозящей опасности, и призывали погибающихъ возвратиться къ глубинамъ народнаго духа Мы видѣли, что они сами были вынуждены признавать, что опасность была ими преувеличена, что среди „рабства" возможны были замѣчательныя проявленія самобытности (напр., у Ломоносова, Карамзина); но большее вниманіе къ исторіи могло бы показать имъ кромѣ этой ошибки и другую. Дѣло въ томъ, что западное вліяніе XVIII вѣка было вовсе не единственнымъ фактомъ иноземныхъ воздѣйствій, что, напротивъ, оно было только послѣднимъ въ ряду другихъ. Съ самаго начала русская письменность не была исключительнымъ созданіемъ русскаго народа. При первомъ введеніи христіанства русскій народъ получилъ готовыя книги на чужомъ, хотя и родственномъ, языкѣ и эта литература, переводная съ греческаго, на цѣлые вѣка наложила свою печать на русскую письменную дѣятельность и на самый языкъ. Эта литература состояла не только въ церковныхъ книгахъ; рядомъ съ ними приходили книги историческаго и иного научнаго содержанія, также произведенія поэтическаго характѐра. Изъ этой древней письменности, повидимому, очень многое утратилось безслѣдно, но и изъ того, что сохранилось, можно видѣть, что при этихъ греческихъ и южнославянскихъ вліяніяхъ складывалось также нѣчто самостоятельное въ лѣтописи, легендѣ, и наконецъ въ такомъ чисто народ-

номъ созданіи, какъ Слово о полку Игоревѣ. Древняя Русь, какъ извѣстно, не чуждалась Запада; не сохранилось литературныхъ памятниковъ, изъ которыхъ можно было бы заключить о литературныхъ связяхъ, но проникало западное искусство: въ Новгородѣ работали нѣмецкіе мастера, въ далекомъ Владимірѣ на Клязьмѣ въ XII вѣкѣ работали художники итальянскіе; съ XV вѣка итальянскіе художники являются въ Москвѣ. Но если не уцѣлѣли памятники, то сохранились указанія о томъ, что былъ обмѣнъ поэтическихъ сказаній, вѣроятно, и книжный: въ германской средневѣковой поэзіи были извѣстны сказанія о русскомъ богатырѣ Ильѣ, въ старой русской письменности былъ извѣстенъ Дитрихъ Бернскій. Ко временамъ московскаго государства, вслѣдствіе трудныхъ условій исторической жизни, развилась крайняя замкнутость, боязнь и нелюбовь къ иноземцамъ; но какъ для разныхъ потребностей государства требовалась помощь иноземной науки, такъ естественная любознательность побуждала искать новыхъ познаній въ чужомъ источникѣ, хотя подозрительномъ, потому что онъ былъ иновѣрный. Такъ съ XVI вѣка распространяется большое количество переводовъ съ латинскаго и польскаго: здѣсь были книги по исторіи и географіи, по естествознанію и медицинѣ, но были также легендарныя и героическія исторіи, сказки, повѣсти, и даже драма и романъ. Такимъ образомъ „западное вліяніе" началось не съ XVIII, а еще съ XVI вѣка. Въ XVII столѣтіи оно достигло очень значительныхъ размѣровъ; къ латинскому и польскому источнику прибавляется еще нѣмецкій, даже французскій. Старая письменность начинаетъ сильно измѣняться въ своемъ составѣ, направленіи и языкѣ: рядомъ съ прежнимъ запасомъ благочестиваго чтенія возникаетъ обширный отдѣлъ свѣтской литературы; въ книжной рѣчи, къ чинному складу церковнаго языка присоединяется пестрая примѣсь словъ новаго образованія, между прочимъ, съ польскимъ оттѣнкомъ. И самое любопытное было то, что подъ вліяніемъ этого новаго свѣтскаго чтенія являются попытки самостоятельной русской повѣсти, какъ извѣстная исторія о Фролѣ Скобѣевѣ. Позднѣйшій наплывъ иностранныхъ вліяній въ XVIII вѣкѣ былъ по существу и по исторической связи непосредственнымъ продолженіемъ этихъ начатковъ XVI и XVII вѣка; эти литературныя вліянія расширились потому, что начались прямыя связи съ западною европейскою жизнью, началась сознательная забота о пріобрѣтеніи иноземныхъ знаній, увеличилось знакомство съ иностранными языками,—но самый фактъ европейскихъ литературныхъ вліяній наступилъ еще до XVIII вѣка. Мистическіе исто-

рики могутъ сказать, что вредъ этихъ вліяній оказался именно тогда, когда онѣ получили большое распространеніе, что до тѣхъ поръ онѣ не устраняли общаго тона старой русской книжности, но дѣло—въ самомъ принципѣ этихъ вліяній, и если въ теченіе XVIII вѣка русская литература была дѣйствительно наводнена массою самыхъ разнообразныхъ переводныхъ книгъ и собственныхъ подражаній, очевидно, что эта литература вызывалась глубокой потребностью самого общества, которое искало новыхъ знаній и новыхъ художественныхъ впечатлѣній, какихъ не давала собственная старина. Одинъ фактъ обширной переводной литературы XVIII вѣка требовалъ бы спокойной оцѣнки состоянія тогдашней образованности, и эта оцѣнка привела бы къ заключенію, что для общества XVIII вѣка не было иного пути удовлетворить вполнѣ законному требованію знанія и художественнаго интереса, кромѣ обращенія къ богатымъ литературамъ Запада. Если, какъ говорилъ самъ Страховъ, „Россія въ тотъ періодъ питала великія надежды и по временамъ испытывала упоеніе славы", если „намъ открывалось безмѣрное поприще, всемірно-историческое значеніе", то надо, наконецъ, признать, что это къ чему-нибудь обязывало—а обязывало именно къ пріобрѣтенію знаній, къ усвоенію, хотя бы до извѣстной степени, того, что̀ было сдѣлано другими народами съ всемірно-историческимъ значеніемъ. Если мистическимъ историкамъ казалось, что въ результатѣ западныхъ вліяній произошло наше подчиненіе Западу, даже умственное рабство, это могло означать только одно, что мы еще не вполнѣ овладѣли тѣмъ общечеловѣческимъ умственнымъ достояніемъ, обладаніе которымъ необходимо было для дѣйствительнаго исполненія „великихъ надеждъ", для всемірно-историческаго значенія не только по внѣшней силѣ, но и по духовному содержанію...

Но были однако факты этого „рабства" въ образованіи и нравахъ XVIII вѣка; это рабство видятъ даже въ настоящую минуту. По поводу XVIII вѣка у насъ привыкли негодовать на подражаніе европейскимъ обычаямъ, на господство французской моды и французскаго языка, на легкомысленное и иногда дѣйствительно презрѣнное пренебреженіе къ своему народу и т. д., —но это происходило только въ одномъ классѣ общества, который и безъ того былъ нравственно ничтоженъ въ общественномъ и народномъ смыслѣ. Достаточно однако взглянуть на дѣятельность истинныхъ друзей просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ и мы увидимъ, во-первыхъ, что литература со временъ Кантемира неизмѣнно высказывала презрѣніе къ этому разряду людей,

и во-вторыхъ, что образцы иноземнаго просвѣщенія постоянно вели къ болѣе широкому пониманію человѣческаго и общественнаго достоинства и къ сознательному пониманію собственной народной жизни. Средства къ серьезному образованію въ теченіе всего XVIII вѣка были у насъ еще крайне невелики, и по истинѣ надо удивляться, что литература этого времени тѣмъ не менѣе могла создать столько замѣчательныхъ явленій. Для безпристрастнаго наблюдателя этой литературы очевидно, что послѣдняя цѣль ея заключалась въ стремленіи къ просвѣщенію и заботѣ о нравственномъ возвышеніи общества и о судьбѣ народа. Въ другомъ мѣстѣ мы указывали подробно, что самое изученіе народа и народнаго духа въ первый разъ создано было XVIII вѣкомъ: онъ впервые возстановлялъ забытую русскую исторію, открывалъ и собиралъ ея заброшенные памятники, впервые обратилъ вниманіе на народную поэзію, которая въ древней Руси не допускалась въ книгу и предавалась проклятію, впервые полагалъ основаніе настоящей національной литературѣ, изображавшей русскую жизнь, создавалъ языкъ, способный передать важное содержаніе науки и дать изящное выраженіе поэтической фантазіи; онъ впервые поднялъ голосъ объ освобожденіи крѣпостного народа.

Въ девятнадцатомъ вѣкѣ западныя вліянія были несомнѣнно обширнѣе и глубже, чѣмъ въ восемнадцатомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ принимались уже съ гораздо большею самостоятельностью. Съ одной стороны романтизмъ и у насъ расширилъ литературный горизонтъ и пробудилъ интересъ къ дѣйствительности и народному быту, хотя на первое время въ натянутой и изысканной формѣ; а затѣмъ послѣ Пушкина и еще болѣе послѣ Гоголя возникло столь сильное реалистическое движеніе, что русская литература пріобрѣла въ немъ самобытную и прочную основу. Съ другой стороны начинаетъ укрѣпляться русская наука съ основаніемъ новыхъ университетовъ и особливо съ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, когда путемъ посылки за границу молодыхъ ученыхъ воспиталось новое поколѣніе профессоровъ, которые могли болѣе или менѣе близко познакомиться съ современнымъ положеніемъ науки и могли болѣе серьезно руководить новыми университетскими поколѣніями. Важно было въ особенности то, что болѣе серьезное критическое изученіе направлено было на изученіе русской исторіи, исторіи литературы, народнаго быта. Вліяніе нѣмецкой философіи, которая увлекала молодые умы въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, важно было, конечно, не въ чисто теоретическомъ смыслѣ, а какъ новое сильное возбужденіе нравственно-общественныхъ и историческихъ интересовъ; результатъ

ея сказался именно въ появленіи тѣхъ школъ сороковыхъ годовъ, которыя раздѣлили тогдашнюю литературу въ видѣ такъ-называемыхъ западнаго и славянофильскаго направленія. Весь интересъ ихъ борьбы сосредоточенъ былъ на основномъ вопросѣ о судьбахъ русской цивилизаціи: вопросъ не былъ рѣшенъ, но споръ былъ плодотворенъ въ томъ отношеніи, что ставилъ новыя точки зрѣнія, вызывалъ новыя изслѣдованія, и въ концѣ концовъ вопросъ русской исторіи, не безъ вліянія этихъ споровъ, ставился потомъ гораздо шире, чѣмъ когда-нибудь прежде. Въ эпоху освобожденія крестьянъ оба старые лагеря съ единодушнымъ сочувствіемъ привѣтствовали эпоху реформъ.

Почти странно говорить о томъ, будто бы въ это время русской литературѣ грозили какія-то бѣдствія отъ „вліяній Запада“, будто бы этой литературѣ необходимо было предпринимать усиленную „борьбу съ Западомъ“ для спасенія русской самобытности. Надо было слишкомъ погрязнуть въ фанатической нетерпимости мелочныхъ литературныхъ споровъ, чтобы не видѣть, что въ русскомъ обществѣ съ эпохи реформъ совершался обширный матеріальный и нравственный переворотъ, что именно вопросы народной жизни, въ прежнее время увлекавшіе небольшой кружокъ западниковъ или славянофиловъ, волновали теперь обширную долю общества. Увлеченія, ошибки, крайности, безъ которыхъ не обошлось это движеніе, были слѣдствіемъ тревоги, какая овладѣваетъ умами въ эпохи переломовъ въ общественной и народной жизни; волненія улеглись, но народный вопросъ поставленъ уже крѣпко въ общественномъ сознаніи и едва ли можно сомнѣваться, что онъ останется руководящей основой нашей литературы въ будущемъ.

Мы отвлеклись отъ книги г. Веселовскаго, но не отъ сущности предмета. Дѣло въ томъ, что изложенные выше взгляды мистическихъ историковъ составляютъ то смутное представленіе, которое должно было быть наконецъ устранено исторической критикой. Книги Страхова мы взяли въ примѣръ не потому, чтобы онѣ были единственнымъ или главнымъ изложеніемъ подобныхъ взглядовъ: онѣ были только ближайшимъ по времени и довольно распространеннымъ трактатомъ о западныхъ вліяніяхъ, изданіе котораго, быть можетъ, было въ нѣкоторой связи съ первымъ появленіемъ сочиненія г. Веселовскаго. Мысли Страхова, какъ мы замѣчали, составляютъ продолженіе точки зрѣнія, которую еще въ сороковыхъ годахъ излагала славянофильская школа, а позднѣе обновили изданія И. С. Аксакова; въ шестидесятыхъ годахъ вос-

принялъ ее кружокъ Достоевскаго, а за послѣднее время она распространилась до столь обширныхъ размѣровъ, что ей служатъ теперь цѣлый рядъ книгъ, журналовъ и газетъ. Эго, конечно, не есть прежнее славянофильство, и между новѣйшими дѣятелями этой точки зрѣнія нѣтъ людей съ дарованіемъ и достоинствами И. С. Аксакова, нѣтъ его смѣлой общественной мысли, внушавшей уваженіе самимъ противникамъ, которые не раздѣляли его теоретическихъ положеній. Эта консервативная литература представляетъ много разныхъ оттѣнковъ, —но она объединяется и многими общими сторонами: упорнымъ мнимымъ „консерватизмомъ", который бываетъ всего чаще отголоскомъ не лучшихъ, а только худшихъ элементовъ стараго времени, а также враждою къ Западу, какую мы видѣли у Страхова. Наши общественныя понятія еще такъ непрочны и такъ невеликъ запасъ серьезнаго образованія, что взгляды подобнаго рода легко могутъ находить послѣдователей, и въ результатѣ размножается путаница понятій, которая, безъ сомнѣнія, не можетъ не отозваться положительнымъ вредомъ. Мы постоянно слышимъ объ упадкѣ уровня литературы, который совпадаетъ съ упадкомъ общественныхъ понятій, и нельзя отвергать справедливости этихъ жалобъ: литература, къ сожалѣнію, даетъ этому не мало подтвержденій. Не останавливаясь на этомъ печальномъ явленіи и его причинахъ, можно замѣтить, что между прочимъ теряется историческое пониманіе, которое должно, однако, имѣть великое значеніе въ здоровомъ общественномъ сознаніи. Мы видѣли на приведенныхъ выше примѣрахъ, въ какомъ извращенномъ видѣ представляется прошедшее нашего просвѣщенія и общественнаго развитія у мистическихъ писателей, которые для многихъ кажутся авторитетомъ. Мнимая защита національной самобытности становится обскурантизмомъ; историческіе факты забываются или остаются непонятыми; мнимо-философская теорія національности погружена въ мистическій туманъ; выводъ— „борьба съ Западомъ"...

Въ такомъ положеніи вопроса въ понятіяхъ консервативныхъ писателей и значительной доли общества, трудъ г. Веселовскаго является необходимымъ противовѣсомъ. Какъ мы видѣли, въ новой переработкѣ сочиненія онъ устраняетъ полемическія цѣли, и справедливо. Для тѣхъ, кто искалъ бы правильнаго освѣщенія вопроса, достаточно одной исторической его постановки, и г. Веселовскій дѣлаетъ это съ такимъ обширнымъ матеріаломъ фактовъ, съ такою массою указаній, что для безпристрастнаго взгляда сама собою устраняется масса недоразумѣній, которыя такъ

упорно запутывали вопросъ объ отношеніяхъ русской литературы и образованія къ такъ-называемому Западу.

Г. Веселовскій посвящаетъ первыя страницы своей книги цѣлому вопросу о литературномъ общеніи и взаимодѣйствіи, гдѣ отношенія русской литературы къ литературѣ другихъ народовъ являются только эпизодомъ, новымъ примѣромъ общаго правила въ исторіи человѣческаго просвѣщенія. Русская литература и еще раньше русское народное сказаніе съ широкой исторической точки зрѣнія представляются только звеньями великой цѣпи, связывающей народы и въ области мысли и въ области поэтическаго творчества, и новѣйшая наука въ послѣднее время полагала особенный трудъ на разъясненіе этихъ литературныхъ и народно-поэтическихъ связей и взаимодѣйствій. Г. Веселовскій говоритъ:

„Обмѣнъ идей, образовъ, фабулъ, художественныхъ формъ между племенами и народностями цивилизованнаго міра—одно изъ важнѣйшихъ наблюденій сравнительно молодой еще историко-литературной науки. Постоянно подкрѣпляемое все новыми и новыми сближеніями и параллелями, изъ классической старины и новыхъ вѣковъ, изъ литературной жизни Востока и Запада, Европы и Азіи, славянства и романо-германскаго міра, оно становится однимъ изъ законовъ развитія художественнаго творчества. Самобытная сила извѣстнаго племени, встрѣчая на своемъ пути странствующіе по свѣту сказанія и миѳы, идеи и грезы, фабулы и бытовые мотивы, усвоиваетъ ихъ, сливаетъ съ своимъ собственнымъ достояніемъ, иногда развивая ихъ пышнѣе прежняго и измѣняя до неузнаваемости. Заимствованіе могло произойти и непосредственно, отъ народа къ народу, и на разстояніи, когда явились посредники и передатчики, наконецъ при отдаленіи не только въ пространствѣ, но и во времени, когда давно минувшее сильно подѣйствовало на умы еще не затронутаго имъ народа. Онъ, быть можетъ, поддался вліянію болѣе культурнаго племени, но, въ свою очередь, когда настанетъ его время, онъ можетъ отвѣтить такимъ же вліяніемъ, такой же поддержкой. Этотъ круговоротъ идей и художественныхъ мотивовъ сближалъ народы искони и тѣмъ болѣе долженъ былъ усилиться въ послѣдніе два вѣка, когда надъ національною розныю все могущественнѣе поднимается общечеловѣческое культурное сліяніе, и когда то, что создано и добыто для общаго блага одною страной, все быстрѣе разносится во всѣ концы міра. Историкъ отдѣльныхъ литературныхъ родовъ, повѣсти, драмы, лирики, изслѣдователь исторіи сюжетовъ лѣтописецъ главнѣйшихъ школъ и направленій, энциклопедизма, романтизма, народничества, бытового реализма, литературныхъ отра-

женій соціализма, изслѣдователь „психологіи народовъ", старающійся опредѣлить и характеризовать вклады каждаго племени въ общее движеніе человѣчества, неминуемо встрѣтятся съ вѣковѣчнымъ принципомъ обмѣна идей.

„Европейская наука уже освоилась съ нимъ, смиряя часто ради него прежнія патріотически-односторонніа симпатіи, какъ сдѣлала это, напримѣръ, французская наука о старинѣ, примирившаяся съ открытіями двухъ чужеземцевъ, итальянца Райны и датчанина Ниропа, которые доказали, что французскій героическій эпосъ—германскаго происхожденія, и одинъ изъ выдающихся спеціалистовъ въ этой области, Гастонъ Парисъ, не затруднился недавно заявить, какъ основное свое убѣжденіе, что, „восходя въ глубь древнѣйшей поры французской литературы, мы всегда найдемъ, вмѣсто обособленнаго развитія, необыкновенное множество чужеземныхъ зародышей самаго разнообразнаго происхожденія, заимствованныхъ, усвоенныхъ, превращенныхъ", и что именно „благодаря этому притоку элементовъ въ ея внутреннюю жизнь, во французской литературѣ развилась сила, настолько могущественная и величавая, что она могла сгруппировать вокругъ себя всю Европу". Въ самомъ фактѣ заимствованія пріучились видѣть не позоръ, не рабство, не безличность, а свободное пользованіе правомъ культурнаго дѣятеля, получившее даже психологическое оправданіе въ такихъ трудахъ, какъ книга Тарда о „Законахъ подражанія", прослѣженнаго авторомъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, общественной, политической, научной, художественной. Если у народа есть жизненная сила, вліянія и заимствованія не только не убьютъ въ немъ самостоятельности, но вызовутъ эту силу на свободное состязаніе, а для народа неопытнаго, отставшаго, послужатъ школой, въ которой окрѣпнетъ его самодѣятельность...

„И результатомъ признанія закономѣрности литературнаго обмѣна явилась разростающаяся не по днямъ, а по часамъ литература всевозможныхъ изслѣдованій о взаимномъ вліяніи однѣхъ европейскихъ литературъ на другія. Вліяніе нѣмецкой словесности на литературы всѣхъ народовъ Европы, въ частности на французскую,—итальянской на нѣмецкую, англійскую, французскую,—испанской на французскую и нѣмецкую,—англійской на французскую и нѣмецкую,—французской на нѣмецкую, и т. д.—изслѣдовано иногда съ необыкновенною, щепетильною обстоятельностью, тогда какъ множество статей, посвященныхъ или новѣйшему вліянію русской беллетристики на европейскую, или увлеченію Запада скандинавскою литературой, получившему уже про-

звище septentrionalisme'а, является подготовительной работой для будущихъ научныхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ, которыя обогатятъ лѣтопись обмѣна двумя любопытными главами".

„Такая постановка вопроса, — заключаетъ г. Веселовскій, — не кажется оскорбительною для чьего бы то ни было патріотизма, унижающею самобытность и независимость національнаго начала. Самое начало это наука привыкла разлагать на части и изучать ихъ взаимодѣйствія".

Вмѣстѣ съ элементами національностей, изслѣдованіе распространилось на ихъ духовное содержаніе — миѳологію, народное міровоззрѣніе, поэзію. Сравнительно-историческое изученіе становится необходимымъ пріемомъ и постоянно обнимаетъ все новыя области исторической жизни народовъ; такое изученіе древнихъ эпохъ народной поэзіи уже теперь образовало обширную литературу, и сравнительно-историческій пріемъ примѣненъ былъ также къ судьбѣ русской народной поэзіи и старой письменности. Еще недавно, въ сороковыхъ годахъ (когда, впрочемъ, и то и другое были еще очень мало извѣстны), русская народная поэзія разсматривалась какъ нѣчто вполнѣ уединенное, какъ исключительное созданіе русскаго народнаго духа, которое можетъ и должно быть объясняемо только изъ его общихъ свойствъ и изъ исторической судьбы народа. Но уже вскорѣ, при первыхъ сравнительно-историческихъ сопоставленіяхъ оказалось, во-первыхъ, что русскій народъ по своему народно-поэтическому міровоззрѣнію и творчеству стоитъ вовсе не одиноко, а, напротивъ, тѣсно связанъ съ одноплеменными народами не только славянской, но цѣлой индо-европейской семьи, — такъ что извѣстныя представленія его поэзіи не были его исключительнымъ созданіемъ, а только національнымъ видоизмѣненіемъ общей темы; во-вторыхъ, что кромѣ этого происхожденія миѳологическихъ и поэтическихъ мотивовъ изъ общаго племенного до-историческаго источника, въ образованіи народной поэзіи чрезвычайно обширную роль занимало другое начало — начало народно-поэтическаго взаимодѣйствія и заимствованія, и притомъ не только путемъ непосредственнаго общенія, но и путемъ литературной передачи. Съ установленіемъ этого факта, который былъ затѣмъ подтвержденъ множествомъ любопытнѣйшихъ сравнительно-историческихъ объясненій, представленіе о судьбахъ и содержаніи народной поэзіи совершенно измѣнилось. Когда прежде считали возможнымъ принимать народную поэзію за готовый фактъ исключительно національнаго творчества, гдѣ каждая подробность была самобытнымъ созданіемъ народной фантазіи, и требовались только философскія умозаклю-

ченія, чтобы вывести ее изъ народнаго духа и, обратно, объяснять ею народный духъ, теперь передъ изслѣдованіемъ стояла прежде всего задача объяснить происхожденіе самаго состава народной поэзіи. Онъ оказался чрезвычайно сложнымъ: въ немъ открылись наслоенія различныхъ эпохъ, совпаденія и заимствованія изъ чужихъ источниковъ народныхъ и книжныхъ; всѣ разнообразныя связи народа съ его сосѣдствомъ южнымъ, восточнымъ, западнымъ, оставили свой слѣдъ въ народномъ творчествѣ. Отдаленность временъ, недостатокъ письменныхъ свидѣтельствъ во многихъ случаяхъ скрывали отъ историческаго наблюденія процессъ переработки этого содержанія въ народной фантазіи до такой степени, что вопросъ о народной поэзіи, который представлялся прежде столь простымъ, обратился, напротивъ, въ чрезвычайно сложную и трудную задачу. Одно стало несомнѣннымъ, что область народной поэзіи и даже древняя письменность—при всей ограниченности ея запаса—представляютъ поприще оживленнаго народно-поэтическаго и литературнаго общенія; что если говорить объ иноземныхъ вліяніяхъ на русскую литературу (включая и народную словесность), начало ихъ нужно возводить къ самымъ отдаленнымъ вѣкамъ народной жизни, до какихъ достигаетъ исторія.

Г. Веселовскій, въ новомъ изданіи своего труда, прибавилъ очень живо написанный очеркъ этихъ иноземныхъ воздѣйствій на русскую письменность и народную поэзію въ древнемъ періодѣ, и дѣйствительно, этотъ взглядъ назадъ долженъ служить введеніемъ къ обзору тѣхъ новѣйшихъ вліяній, какія совершались въ XVIII и XIX вѣкѣ.

Какъ мы упоминали выше, древнѣйшій, кіевскій періодъ нашей исторіи представляетъ замѣчательныя черты международнаго общенія. Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ послѣдствій татарскаго нашествія было то, что когда центръ національной жизни окончательно установился на сѣверо-востокѣ, а западная Русь подпала литовско-польскому владычеству, этотъ центръ былъ отрѣзанъ отъ ближайшихъ сношеній съ Западомъ. Въ трудномъ процессѣ установленія новаго государства, среди крайне неблагопріятныхъ условій, когда самое владычество татаръ еще не было свергнуто, въ характерѣ московскаго народа развилась черта національной исключительности, — она явилась весьма естественно, когда прежній горизонтъ международнаго общенія былъ стѣсненъ, когда народъ по своимъ политическимъ отношеніямъ и религіи относился по необходимости враждебно къ варварскому Востоку и непріязненной Литвѣ и Польшѣ, когда успѣхъ созиданія госу-

дарства наполнялъ его чувствомъ своего достоинства, переходившимъ въ самомнѣніе, и это самомнѣніе еще болѣе выросло съ паденіемъ Константинополя, послѣ котораго московская Россія осталась единственнымъ православнымъ царствомъ; но эта нетерпимость впослѣдствіи сильно задерживала успѣхи образованія, потому что побуждала опасаться всякой новизны, исходившей отъ иновѣрнаго Запада. Но и въ это время сказалась потребность общенія, новыхъ знаній, новыхъ эстетическихъ удовольствій, даже потребность новыхъ религіозныхъ воззрѣній, и исторія московскаго общества въ XVI и XVII вѣкѣ представляетъ разнообразные примѣры новыхъ движеній и наконецъ прямыхъ и косвенныхъ западныхъ вліяній. Ко второй половинѣ XVII-го вѣка эти западныя вліянія, прямыя и косвенныя, становятся очевидны.

Г. Веселовскій собралъ эти факты, какъ они выражались въ самой жизни и особливо въ литературѣ, и естественность реформы съ сопровождавшимъ ее болѣе широкимъ развитіемъ западныхъ вліяній вытекаетъ сама собою изъ этихъ данныхъ предшествующей исторіи.

Въ своемъ изложеніи авторъ, какъ мы видѣли, устраняется отъ полемики. Онъ справедливо предпочиталъ оставаться на почвѣ фактовъ, одно сопоставленіе которыхъ достаточно объясняетъ дѣйствительное историческое положеніе вещей. Лишь два, три раза онъ счелъ нужнымъ отозваться на мнѣнія противниковъ. Такъ на первыхъ страницахъ книги онъ говоритъ по поводу очень распространеннаго и до сихъ поръ страннаго пониманія „западныхъ вліяній", какое, напримѣръ, мы видѣли выше у консервативно-мистическаго писателя. Задачу, поставленную имъ въ своей книгѣ, онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ (стр. 7—8):

„На томъ, кто, несмотря на всѣ эти предубѣжденія, рѣшается говорить о западномъ вліяніи и исторически обозрѣвать его изъ вѣка въ вѣкъ, лежитъ прежде всего обязанность сосчитаться съ встрѣчнымъ мнѣніемъ и разъ навсегда объясниться,—хотя бы пришлось разъяснять элементарныя истины.

„Указывать съ помощью фактовъ, которыхъ ничѣмъ нельзя изгладить изъ исторіи, на важность западнаго вліянія, *не значитъ* отрицать самодѣятельность народную; жалокъ, ничтоженъ былъ бы тотъ народъ, который, не умѣя найти ни *своихъ* словъ, ни *своихъ* мыслей, вѣчно слѣдилъ бы за чужою указкой. Это *значитъ* изучать постепенное развитіе, подъ воздѣйствіемъ опытныхъ чужеземныхъ силъ, самодѣятельной національной работы. Это *значитъ* также подвести ей точные итоги, отдѣлить свое отъ чу-

жого, творческое отъ подражательнаго, скорѣе съузить кругъ своего національнаго богатства, чѣмъ съ хвастливой гордостью видѣть его всюду, гдѣ только живая русская рѣчь облеклась въ художественныя формы, и бороться противъ того самовосхваленія, того идолопоклонства, которымъ попрекнулъ нашу литературу еще Бѣлинскій. Это *не значитъ* пытаться парализовать энергію и стремленіе впередъ, къ полноправности и равенству съ другими культурными народами, но, наоборотъ, *значитъ* вести къ этой цѣли, внушать бодрость, духъ неутомимой работы, сознаніе, что свѣтлое будущее вовсе еще не близко, привѣтствовать каждый нашъ вкладъ въ человѣческую литературу, каждый фактъ начинающагося вліянія нашего творчества на нее, но вмѣстѣ съ тѣмъ напоминать, что первенствующее, руководящее значеніе нельзя себѣ приписать, но что его нужно заслужить".

Мы видѣли, что подобныя разъясненія „элементарныхъ истинъ" все еще необходимы.

Съ наибольшими подробностями авторъ излагаетъ, конечно, исторію западныхъ вліяній въ XVIII и XIX вѣкѣ. И здѣсь прежнее изложеніе значительно расширено и въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ доведено до современныхъ фактовъ. Это — цѣлая исторія нашей литературы и общественныхъ движеній по связи ихъ съ западными вліяніями, изложенная въ живыхъ наглядныхъ очеркахъ, съ тонко подмѣченными подробностями и въ цѣлыхъ явленіяхъ нашей жизни и литературы, и въ отдѣльныхъ произведеніяхъ литературы, гдѣ западно-европейскія вліянія сливались съ условіями самой русской жизни. Авторъ съ большимъ искусствомъ слѣдитъ за постепеннымъ возростаніемъ научныхъ понятій, литературныхъ интересовъ, художественнаго вкуса; указываетъ, какъ европейскія вліянія возникали у насъ не случайно, а именно въ связи съ собственнымъ процессомъ нашей умственной и общественной жизни, такъ что участіе западныхъ воздѣйствій пріобрѣтаетъ значеніе органическаго элемента въ цѣлой исторіи нашего образовательнаго и художественнаго развитія. Только крайняя нетерпимость и историческое непониманіе могли представлять себѣ эту исторію какъ „рабство", противъ котораго должна быть предпринята „борьба", могли изображать подчиненіе этимъ западнымъ вліяніямъ какъ отступленіе отъ народнаго духа, почти какъ измѣну, — когда это была неизбѣжная и затѣмъ глубоко плодотворная школа, выбранная добровольно и въ связи съ собственными потребностями русскаго образованія, но впрочемъ далеко не свободно вступавшая въ русскую жизнь, потому что ея вліяніе умѣрялось съ одной стороны размѣрами пониманія въ

самомъ обществѣ и преданіями стараго застоя, а съ другой спеціальнымъ надзоромъ, который въ силу преданій вообще задерживалъ ходъ русскаго образованія и въ особенности недовѣрчиво относился именно къ этимъ его элементамъ. Смѣна направленій, порождаемыхъ западными вліяніями, опять была вовсе не произвольна. Уже въ первомъ очеркѣ своего труда г. Веселовскій замѣтилъ, и теперь сохранилъ это замѣчаніе, что наша литература въ дѣйствительности постоянно отставала отъ западно-европейской и притомъ на періоды весьма значительные.

„Если теперь, — говоритъ онъ, — съ каждымъ годомъ становится замѣтнѣе быстрота передачи литературныхъ и научныхъ движеній, то этому порядку вещей, строго говоря, никакъ не болѣе нѣсколькихъ десятилѣтій. Запоздалость окончательнаго упроченія нашей образованности при Петрѣ не могла бы одна объяснить этого вліянія; можно бы ожидать, что на свѣжей русской почвѣ будетъ воспринято сразу *послѣднее* слово мыслящей Европы, и что затѣмъ русскій культурный человѣкъ будетъ стараться идти въ ногу съ своими учителями, хотя и сознавая, что иногда это ему не подъ силу. А между тѣмъ при Петрѣ у насъ увлекались Пуффендорфомъ, отживавшимъ уже свой вѣкъ на родинѣ, переводили старомодныя, до-мольеровскія пьесы, читали Эразма и Юста Липсія; такъ это продолжалось до безконечности. Ложный классицизмъ явился у насъ тогда, когда на Западѣ онъ былъ почти совершенно расшатанъ; сатирическая журналистика опоздала на полвѣка; Шиллера и Гёте стали у насъ цѣнить, когда прошла добрая половина ихъ дѣятельности; Байрона мы узнали лишь за нѣсколько лѣтъ до его смерти. И вмѣстѣ съ тѣмъ каждый разъ степень интенсивности движенія ослаблялась по мѣрѣ передачи. Такъ просвѣтительное направленіе привело во Франціи къ политическому перевороту, въ Германіи оставило слѣдъ на идеалистическомъ поклоненіи свободѣ и братству, въ Россіи прошлаго вѣка дало пищу для либеральныхъ разговоровъ. Сентиментальное англійское направленіе умѣло, несмотря на всю болѣзненность своего сочувствія къ людскимъ страданіямъ, дать сильный толчокъ развитію общественнаго романа; по слѣдамъ Ричардсона прошелъ и Руссо съ „Новою Элоизой", и гётевскій „Вертеръ", — а въ нашей романической литературѣ сентиментальность прежде всего отразилась въ блѣдныхъ, чахлыхъ повѣстяхъ Карамзина. Эта медленность передачи, усиливаемая еще разновременными стараніями отдѣлить насъ китайской стѣною отъ Запада, должна быть неизбѣжно принята въ расчетъ. Насколько очевидною становится

необходимость сравнительнаго изученія нашей литературы, настолько же ясно, что это сравненіе должно въ большинствѣ случаевъ сближать эпохи разновременныя".

Рядомъ съ этимъ авторъ дѣлаетъ и другое наблюденіе. „Вступая на ту часть пути, которая только-что оставлена была нашими предшественниками, мы переживали затѣмъ тѣ же стадіи, черезъ которыя они сами проходили, и это совершалось не вслѣдствіе рабской подражательности, но въ силу нормальнаго хода народнаго развитія, повторяющагося при одинаковыхъ условіяхъ" (стр. 10—11).

Дѣйствительно русская литература никогда не шла и не могла идти вровень съ европейской, и это было вполнѣ естественно: то, что̀ русскій образованный человѣкъ могъ бы найти въ данную минуту въ европейской литературѣ, было тамъ плодомъ вѣковыхъ усилій, составляло результатъ самостоятельной работы, имѣло твердую почву и въ преданіи, и въ понятіяхъ значительной части общества; у насъ, напротивъ, это представлялось бы новизною, къ которой общество приготовлено не было. По необходимости приходилось усвоивать не то, что̀ совершалось въ европейской литературѣ въ данную минуту, а болѣе раннія предварительныя ступени литературнаго направленія, и именно тѣ ихъ стороны, которыя были болѣе доступны. Только въ послѣднее время бывало то, что̀ авторъ считаетъ „быстрой передачей" литературныхъ и научныхъ движеній, но и это надо принимать только съ очень большими оговорками. Эта передача имѣетъ мѣсто только въ небольшомъ кругѣ наиболѣе образованныхъ людей и далеко не находитъ мѣста въ литературѣ, во всемъ объемѣ этихъ движеній. До сихъ поръ многія имена европейской науки извѣстны у насъ только по наслышкѣ; научное содержаніе европейской литературы, кромѣ безразличныхъ, чисто отвлеченныхъ или чисто техническихъ отдѣловъ ея, извѣстно только въ весьма неполномъ видѣ.

Тѣмъ не менѣе, и съ указанными ограниченіями значеніе европейскихъ вліяній было въ высокой степени благотворное. Само собою разумѣется, что при этихъ заимствованіяхъ не могло не происходить ошибокъ, преувеличеній, поверхностнаго перениманія формы безъ пониманія идеи и т. п., какъ это и было естественно при скудномъ составѣ домашняго образованія, — но въ цѣломъ, результатомъ этихъ заимствованій были положительныя пріобрѣтенія, которыя мало-по-малу становились общественнымъ достояніемъ и исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія. Какъ ни

медленно расширялась русская школа, можно съ каждымъ поколѣніемъ наблюдать успѣхи этого развитія, и значительная доля ихъ должна быть отнесена къ вліянію литературы, доставлявшеи образовательный матеріалъ изъ западно-европейскаго источника. Даже самые ожесточенные враги „петербургскаго періода" и западныхъ вліяній соглашаются, что дѣятельность Пушкина и Гоголя была уже вполнѣ самостоятельнымъ актомъ русской литературы; но эта дѣятельность вышла послѣдовательно изъ прежняго, еще несамостоятельнаго періода и была началомъ послѣдующей эпохи, когда эта самостоятельность уже не утрачивалась. Впослѣдствіи, когда въ концѣ сороковыхъ годовъ появились первые разсказы изъ „Записокъ Охотника", славянофильская критика встрѣтила ихъ съ большимъ сочувствіемъ (въ „Московскомъ Сборникѣ"), хотя передъ тѣмъ относилась весьма недружелюбно къ произведеніямъ автора-„западника": достоинство новыхъ разсказовъ объяснялось тѣмъ, что писатель коснулся земли, народной жизни и они дали ему свою силу,—но очевидно, что онъ въ своемъ западничествѣ былъ къ этому подготовленъ: въ дѣйствительности, онъ воспитывался и русскою жизнью, и вліяніями европейской литературы, въ атмосферѣ которой онъ всегда жилъ и которая, безъ всякаго сомнѣнія, содѣйствовала и развитію его общественныхъ взглядовъ, и выработкѣ его изящной манеры. Тѣ писатели сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, которымъ предстояло впослѣдствіи произвести такое сильное впечатлѣніе въ европейской литературѣ, гдѣ они приняты были какъ оригинальные представители русскаго генія, эти писатели въ своемъ развитіи вовсе не были чужды „западнымъ вліяніямъ": само собою разумѣется, что это вовсе не было ни „рабство", ни излишество; это было естественное, необходимое для мыслящаго человѣка и высокаго художника общеніе съ современнымъ движеніемъ богатыхъ западныхъ литературъ, съ величайшими произведеніями европейской мысли и поэзіи. Отголосокъ этого общенія легко видѣть не только у Тургенева и Григоровича, но точно также у Достоевскаго, даже Островскаго и Писемскаго. Но здѣсь, на зрѣлыхъ ступеняхъ русской литературы, только съ большею силою сказалось то самостоятельное русское содержаніе и самостоятельный стиль, первые проблески которыхъ можно замѣтить еще въ прежнее время, въ періодъ наиболѣе сильнаго вліянія европейскихъ образцовъ. Въ тѣхъ блестящихъ явленіяхъ, которыя нашли теперь признаніе внѣ предѣловъ самой русской литературы, мы видимъ только послѣдовательно развившійся органическій результатъ всей предъидущей исторіи.

Послѣдніе выводы своихъ историческихъ разысканій г. Веселовскій дѣлаетъ въ слѣдующихъ словахъ.

„Восьмидесятые годы, отмѣченные „мирнымъ нашествіемъ" русскаго творчества на Европу, подѣйствовавшаго и художественной силой, и гуманной нравственной стороной, краснорѣчиво завершаютъ собой долгую лѣтопись нашего западничества.

„Но старый терминъ этотъ уже изветшалъ и обносился. Время и опытъ требуютъ пересмотра и дополненія обиходнаго понятія. Крайности и односторонности старыхъ споровъ обозначились. Изъ рядовъ тѣхъ людей, которыхъ въ прежнее время обзывали западниками, т.-е. отступниками отъ всего родного, вышли и выходятъ въ наше время ревностные изобразители и изслѣдователи, дѣятели и заступники, посвящавшіе свои силы народу; на смѣну мистическаго благоговѣнія, связаннаго съ незнаніемъ, они поставили близкое знакомство, матеріальное, бытовое и идейное, съ народностью; экономисты, земскіе статистики, этнографы, знатоки народныхъ юридическихъ обычаевъ и религіозныхъ ученій, собиратели и объяснители народной поэзіи выставлены были въ большинствѣ случаевъ западнической группой. Культурное движеніе современнаго западнаго славянства, подчасъ являющееся живымъ укоромъ для нашей неповоротливости, вызываетъ въ „западникѣ" нашихъ дней сочувствіе, не справляющееся съ тѣмъ, что это должно бы составлять принадлежность тѣхъ, чье иноземное прозвище обязывало именно ихъ быть „любителями всего славянскаго". Не записываясь въ тотъ же цехъ, историкъ нерѣдко посвящаетъ свои силы, всю свою жизнь изученію русской старины, но не для того, чтобъ въ романтическомъ духѣ изобразить ее золотымъ вѣкомъ, а съ цѣлью установить отправную точку русской національной эволюціи. Вокругъ такихъ насущныхъ преобразованій, какъ реформа суда или мѣстное самоуправленіе, могли группироваться и потомки западниковъ и такіе убѣжденные эпигоны славянофильства, какъ Иванъ Аксаковъ. Передъ фактомъ великой культурной важности западнаго вліянія въ литературѣ преклонился и такой, рѣшительно расположенный въ послѣдніе свои годы къ воззрѣніямъ противоположнаго характера, мыслитель, какъ Достоевскій, и въ своемъ прекрасномъ некрологѣ Жоржъ-Зандъ, быть можетъ, неожиданно для своихъ поклонниковъ, выразилъ открыто и опредѣленно свой взглядъ: „У насъ, русскихъ, двѣ родины: наша Русь и Европа... Многое, очень многое изъ того, что мы взяли изъ Европы и пересадили къ себѣ, мы не скопировали только... а привили къ нашему организму, въ нашу

плоть и кровь; иное же пережили и даже выстрадали самостоятельно, точь-въ-точь, какъ тѣ, тамъ на Западѣ, для которыхъ все это было свое, родное... Я утверждаю и повторяю, что всякій европейскій поэтъ, мыслитель, филантропъ, кромѣ земли своей,—изъ всего міра наиболѣе и наироднѣе бываетъ понятъ и принятъ всегда въ Россіи... Это русское отношеніе къ всемірной литературѣ есть явленіе, почти не повторявшееся въ другихъ народахъ въ такой степени, во всю всемірную исторію... Всякій поэтъ-новаторъ Европы, всякій, прошедшій тамъ съ новою мыслью и съ новою силою, не можетъ миновать русской мысли, не стать почти русской силой".

„Эти слова (отъ которыхъ не отказался бы и такой ветеранъ западничества, какъ Салтыковъ), — невольная дань уваженія къ культурному призванію старшихъ товарищей и предшественниковъ нашихъ,—донесшіяся изъ стана непріязненнаго имъ, какъ будто вызываютъ обѣ такъ долго враждовавшія стороны перейти отъ непримиримыхъ преній въ ту высшую область мысли, гдѣ противорѣчія и притязанія разрѣшаются равноправностью и солидарностью. Европеизмъ, народолюбіе, славяновѣдѣніе уже могутъ сливаться въ наше время подъ условіемъ осуществленія высшихъ общечеловѣческихъ культурныхъ требованій, оставляя по ту сторону обскурантизмъ и косность. Надъ старыми партійными распрями, надъ расовыми счетами, надъ самонадѣянными грезами отдѣльныхъ племенъ о томъ, что именно имъ принадлежитъ блестящая роль избранниковъ, встаетъ заря общечеловѣческаго единства, примиреннаго съ племенною самостоятельностью".

Книга г. Веселовскаго составляетъ вообще весьма важный вкладъ въ историческое изученіе нашей литературы. Значительно обогащенная въ новомъ изданіи болѣе подробной разработкой фактовъ, бо́льшимъ количествомъ библіографическихъ указаній и особливо вновь написаннымъ обзоромъ древняго періода, она представляетъ цѣлую картину международныхъ отношеній нашей литературы, старой и новой, и такимъ образомъ является необходимымъ дополненіемъ къ обычнымъ изложеніямъ исторіи литературы, гдѣ эта сторона ея объясняется только при случаѣ и отрывочно. Исторія литературныхъ фактовъ ведется въ связи съ исторіей самой жизни, школы, научнаго движенія и общественныхъ настроеній, и такъ какъ „западныя вліянія" были не случайнымъ, а органическимъ явленіемъ, которое вовсе не навязывалось насильственно, а вызывалось потребностями самой жизни, то вмѣстѣ съ притокомъ европейскихъ воздѣйствій въ этой исто-

ріи изображается и постоянный ростъ самостоятельныхъ пріобрѣтеній литературы въ содержаніи, формѣ и языкѣ. Очеркъ написанъ вообще сжато, но очень живо и изящно, иногда, можетъ быть, нѣсколько изысканно; обширныя библіографическія указанія даютъ любознательному читателю руководство для ознакомленія съ подробностями предмета въ источникахъ и новѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

А. Пыпинъ.

МЕЧТАТЕЛЬ

„An imaginative man“, by John Hichens.

Окончаніе.

VII *).

Дня два спустя, м-съ Денисонъ спросила мужа въ удивленіи, которое близко граничило съ тревогой.

— Развѣ мы не ѣдемъ дальше по Нилу на пароходѣ „Принцъ Аббасъ“?

— Вчера, когда я былъ въ Каирѣ, я перенесъ билеты на другой срокъ!—былъ отвѣтъ.

Лицо его слегка порозовѣло, но голосъ былъ спокоенъ, равно какъ и все его обращеніе. Съ минуту м-съ Денисонъ не нашлась отвѣтить; только большіе глаза ея наполнились слезами, а губы дрожали такъ, что жалко было смотрѣть.

— Что̀ скажутъ сэръ Эврардъ и лэди Тэлоръ? Они взяли себѣ каюты единственно, чтобы не разставаться съ нами,—замѣтила она.

— Будь покойна, они переживутъ благополучно это ужаснѣйшее изъ разочарованій, да и спутники они не особенно веселые. Сэру Эврарду нуженъ не столько я самъ, какъ вообще партнеръ въ пикетъ. Вотъ и вся причина.

— Но мы здѣсь живемъ ужъ давно, вторую недѣлю,—робѣя, но все-таки настаивая на своемъ, проговорила жена.—Мы уже все видѣли, вездѣ побывали... Мы раньше вѣдь совсѣмъ сюда не собирались. Она разстроила всѣ наши планы!

---

*) См. выше: сентябрь, стр. 192.

— Терпѣть не могу сдѣлать себѣ росписаніе еще сидя дома и не отступать отъ него ни на шагъ!—отвернувшись къ окну, чтобы скрыть свое раздраженіе и вспыхнувшее лицо, возразилъ Денисонъ.

— Но до сихъ поръ у насъ вѣдь былъ именно такой порядокъ,—не унималась м-съ Денисонъ.—Я терпѣливо влѣзала на горы, посѣщала пирамиды, любовалась древними святилищами на глубинѣ ста футовъ подъ землею и, наконецъ, сфинксомъ... до того, что всѣ они мнѣ страшно надоѣли; я просто устала!

Денисонъ распахнулъ окно и выглянулъ въ него.

— Гарри!—заговорила хорошенькая Энида.—Должна же я высказаться откровенно! Мнѣ кажется... я увѣрена, что знаю причину, по которой ты рѣшилъ остаться здѣсь.—Мужъ повернулся и подошелъ къ ней. Румянецъ потухъ у него на щекахъ; онѣ были даже блѣдны.

— Чтò ты хочешь этимъ сказать? Что?.. Говори! — вырвалось у него.

— То, что ты будешь счастливъ и доволенъ лишь пока м-съ Энтри здѣсь, — понизивъ голосъ, сказала она. На губахъ Денисона появилась насмѣшливая улыбка. Онъ смѣялся самъ надъ собою.

„Какой же я глупецъ,—думалъ онъ, — что могъ хоть разъ понадѣяться, что она будетъ умнѣе другихъ!"—а вслухъ проговорилъ:

— Послушай! Ты, какъ всѣ женщины вообще, готова не разсуждая набрасываться на всевозможные умозаключенія и выводы, не задумываясь надъ ихъ происхожденіемъ, и это вамъ, женщинамъ, иногда удается. Но на этотъ разъ ты ошибаешься. Для меня м-съ Энтри просто любопытна, какъ чрезвычайно блестящее явленіе; а къ сыну ея, какъ это мнѣ самому ни странно, я чувствую жалость, хотя склонности жалѣть у меня вовсе нѣтъ. М-съ Энтри и сынъ ея для меня чужіе: чтò мнѣ особенно ихъ жалѣть или ими интересоваться! Просто воздухъ здѣшній, по-моему, чрезвычайно полезенъ: у меня цѣлые годы словно съ плечъ свалились. Многіе даже по нѣскольку мѣсяцевъ здѣсь живутъ.

Жена ничего не сказала, только выраженіе ея лица говорило, что она слушаетъ, но не соглашается съ мужемъ.

— Ты мнѣ не вѣришь?—спросилъ онъ.

— Я еще не такъ глупа, хоть ты и допускаешь это... за послѣднее время.

Денисонъ разсмѣялся, но безъ гнѣва.

— Съ твоей стороны большая заслуга—такая откровенность.

Ты бы могла дать женщинамъ хорошій урокъ. А все-таки ты неправа.

Энида разразилась громкими слезами, и въ ту же минугу мужъ спокойно, не волнуясь, принялся утѣшать ее. Ея горе казалось ему теперь чѣмъ-то далекимъ, постороннимъ.

— Энида! Это просто смѣшно!—говорилъ онъ.—Ревность—чувство, недостойное порядочнаго человѣка. Не плачь же! Право же, не о чемъ. Я такъ же всецѣло принадлежу тебѣ, какъ всегда.

Молодая женщина въ нервномъ порывѣ проговорила:

— Ну, тогда почему же тебя не было дома вчера ночью?

Денисонъ измѣнился въ лицѣ. Онъ этого никакъ не ожидалъ.

— Чтò это значитъ? Объясни!

— Хорошо. Вчера, когда мы съ м-съ Энтри пошли (будто-бы) спать, я, какъ уже сказала, слышала въ корридорѣ ваши голоса, и это весьма меня огорчило. Потомъ, когда я тебѣ объ этомъ сказала и ты разсердился и ушелъ, я не могла заснуть, не повидавъ тебя; меня мучила мысль, что мы разстались въ раздраженіи... Ну, я пошла къ тебѣ и... не нашла тебя! До половина второго прождала я въ твоей спальнѣ;—но напрасно. Я вернулась къ себѣ и долго еще не спала; но ты такъ и не вернулся... Наконецъ, я заснула.

— Я гулялъ.

— Всю ночь?

— Всю.

— И... одинъ?

— Да, совершенно!—проговорилъ мужъ, послѣ чуть замѣтнаго колебанія.

— Это... это очень странно!—проговорила она растерянно.

— Надѣюсь, я имѣю полное право наслаждаться тишиной и луннымъ свѣтомъ?—продолжалъ ея мужъ спокойно; но это спокойствіе казалось немного натянутымъ.

— О, да!—подтвердила жена, и Денисонъ ожидалъ, что она еще распространится на эту тэму; но она только еще сильнѣе зарыдала.

Денисонъ пошелъ прочь и уже подходилъ къ дверямъ, какъ вдругъ рыданія мгновенно оборвались и м-съ Денисонъ сравнительно съ меньшимъ волненіемъ заговорила:

— Гарри! Съ тѣхъ поръ, какъ мы живемъ здѣсь, ты замѣтно перемѣнился. Я не могла этого не замѣтить, хоть и не говорила тебѣ объ этомъ. Тебя занимаетъ что-то такое, чтò отвлекаетъ твои мысли ото всего окружающаго. Ты сталъ какой-то тревожный, не такой безстрастный и равнодушно-насмѣшливый,

какъ бывало. Прежде ты наблюдалъ за другими; теперь тебѣ все кажется, что другіе за тобой наблюдаютъ, — я это вижу у тебя по лицу... Какъ же мнѣ не тревожиться?

По мѣрѣ того, какъ она говорила, выраженіе лица Денисона становилось все тревожнѣе. Онъ былъ пораженъ такой наблюдательностью жены и чувствовалъ себя какъ человѣкъ, припертый къ стѣнѣ. Сдѣлавъ чрезвычайное усиліе обратить все въ шутку, онъ отвѣтилъ:

— Я только попрошу тебя, Энида, не давать такой воли своему воображенію. Иначе мнѣ, какъ женѣ Пилата, придется „много пострадать" за тебя.

Сознаніе, что Энида замѣтила въ немъ перемѣну, тревожило его, но лишь потому, что эта перемѣна уже настолько обострилась, чтобы выдѣлить его изъ числа другихъ нормальныхъ людей. Если же онъ такъ рѣзко отличается отъ прочихъ, то какъ назвать его ненормальность? Ужъ не сумасшествіе ли это, или его начало?!

Такъ разсуждалъ мечтатель, сидя уже у себя въ комнатѣ и сознавая, что даже его блѣдное, нервное лицо являлось уже достаточной противоположностью оживленной картинѣ, разстилавшейся передъ нимъ. Яркое солнце заливало своимъ свѣтомъ шумные караваны, группы торговцевъ и путешественниковъ, врывалось въ его комнату и всему придавало жизнерадостный, блестящій видъ.

Невесело прислушивался Денисонъ къ веселому смѣху и говору людскому и чувствовалъ, что онъ далекъ отъ простыхъ, будничныхъ интересовъ съ ихъ мелочными радостями и горестями, всецѣло поглощающими будничнаго человѣка. Но если онъ самъ не такой, какъ всѣ,—что же онъ такое?.. Помѣшанный?!..

Мысль объ этомъ наполняла ему сердце весьма понятнымъ ужасомъ.

Денисонъ сосредоточилъ всѣ свои интересы и стремленія не на отдѣльныхъ фактахъ, а на отвлеченныхъ понятіяхъ, на мысляхъ, возникавшихъ въ немъ вслѣдствіе сильныхъ впечатлѣній, которыя онъ получалъ даже отъ неодушевленныхъ предметовъ или которыя самъ создавалъ себѣ въ своихъ мечтахъ. Эти мечты увлекали его, какъ никогда ни одна женщина не увлекала. Онѣ вызывали въ немъ чувства, мысли и стремленія, которыя, казалось, служили наилучшимъ доказательствомъ того, что въ человѣкѣ дѣйствительно живетъ „душа живая". Денисонъ чувствовалъ въ себѣ ея пробужденіе, ея величіе и неземную прелесть. Сдержанность и необходимость скрывать свои настоящія мысли и

чувства дѣлали ихъ прочнѣе, неизмѣннѣе и привлекательнѣе, нежели высказанныя, которыя становятся незамѣтнѣе для души и уже не будятъ воображенія, которое поддерживаетъ даже самое пылкое изъ чувствъ—любовь.

Денисонъ и самъ зналъ, что онъ—ненормальный человѣкъ; но, бывало, ненормальныя чувства и ощущенія никогда не длились у него особенно долго. Теперь же дѣло другое: его поглотила и увлекла за собою постоянная, страстная мечта, надѣлившая въ его глазахъ гранитное изваяніе непостижимой, таинственной душою, за которую думалъ и чувствовалъ бѣдный мечтатель. Сердце его болѣло каждый разъ, когда онъ представлялъ себѣ, какъ непочтительно шумѣли и критиковали великолѣпнаго гранитнаго гиганта легкомысленные туристы; какъ жадные до наживы арабы галдѣли и спорили вокругъ него изъ-за грошей и швыряли камнями въ суроваго, неподвижнаго сфинкса. Бѣдный Денисонъ былъ ревнивъ какъ влюбленный, и съ пылкостью влюбленнаго увлекался... и чѣмъ же? гранитнымъ изваяніемъ безобразнаго сфинкса!.. Онъ дико засмѣялся при мысли объ этой несообразности. Какъ настоящій влюбленный, онъ стремился къ своему кумиру; онъ томился, онъ проводилъ въ тоскѣ цѣлые дни и часы, когда ему нельзя было уединиться къ предмету своей необъяснимой страсти.

Въ то время, когда они дня на два ѣздили въ Каиръ и часъ уходилъ за часомъ, а м-съ Денисонъ все еще продолжала ходить изъ магазина въ магазинъ, восхищаясь восточнымъ производствомъ такихъ рѣдкостей, такихъ богатыхъ вещей, что, казалось, имъ мѣсто только въ мірѣ арабскихъ сказокъ, — Денисонъ испытывалъ почти физическія страданія отъ нетерпѣнія скорѣе вернуться въ безбрежные пески. Сердце его готово было разорваться при мысли, что еще далекъ тотъ часъ, когда онъ вновь увидитъ предметъ своихъ стремленій, олицетворившій въ его глазахъ неразрѣшимую загадку,—цѣль всей его умственной жизни. Онъ ожилъ душою, лишь завидя вдали знойные пески Сахары и очертанія пирамиды.

Сцена съ женой была для него тягостна и непріятна; но мысль уступить Энидѣ, уѣхать отсюда, была еще ужаснѣе! Надо еще потерпѣть немного, еще таить свои сокровенныя мысли, хоть нѣсколько дней; пусть Энида выходитъ изъ себя, пусть мучитъ и себя, и его слезами и ревностью... Невозможно же, въ самомъ дѣлѣ, сказать ей правду! Она приметъ его за помѣшаннаго, созоветъ докторовъ, побѣжитъ оповѣщать своихъ родныхъ и друзей...

Нервная, холодная дрожь пробѣжала у него по тѣлу, несмотря на то, что палящее солнце жгло даже стѣны его комнаты. Его страсть, его поклоненіе великому, таинственному, его благоговѣйное чувство передъ величіемъ и непоколебимостью этого нѣмого свидѣтеля тысячелѣтій, его любовь—отвлеченная, чистая и безплотная — вдругъ станетъ достояніемъ сплетенъ и пустой болтовни!..

Нѣтъ, нѣтъ! Во чтò-бы то ни стало, надо сохранить свою тайну неприкосновенною. Надо отвлечь свое вниманіе и вниманіе жены отъ нея и отъ м-съ Энтри, для которой ревность молодой женщины была бы оскорбленіемъ. И Денисонъ рѣшилъ посвятить свое время блѣдному, приговоренному къ смерти мальчику, который могъ пробудить въ Энидѣ лишь сочувствіе и жалость; не глупую ревность (къ сожалѣнію, и ея коснулся этотъ вѣковѣчный порокъ: людская глупость!), а самыя лучшія ея чувства.

Денисонъ остановился на этомъ рѣшеніи и даже былъ доволенъ, что ему выпало на долю играть такую трудную роль. Но и вниманіе м-съ Энтри было также возбуждено: она день ото дня все больше и больше интересовалась Денисономъ, который выигрывалъ въ ея глазахъ отъ болѣе близкаго знакомства. Съ ея точки зрѣнія, у каждаго человѣка должна быть какая-нибудь преобладающая черта, достоинство или порокъ, которая руководитъ всѣми его помыслами и поступками, всей его жизнью.

— Какому пороку, какой добродѣтели повинуется Денисонъ?— задавала она себѣ вопросъ; и чѣмъ ближе присматривалась къ нему, тѣмъ меньше могла отвѣтить на него. Она видѣла, что Денисонъ отчасти слѣдуетъ ея собственному примѣру. Какъ она старалась отвлечь вниманіе своего несчастнаго сына отъ своихъ горестныхъ думъ и чувствъ, такъ и Денисонъ всѣ усилія прилагалъ къ тому, чтобы жена не подмѣтила его настоящихъ мыслей и ощущеній. Онъ также шелъ одинокимъ по жизненному пути и даже самъ стремился къ уединенію; она, въ сущности, стояла одиноко въ обществѣ, которое ее осуждало за поблажки „разнузданному мальчишкѣ“. Двѣ-три доброжелательныя старушки вздумали-было выразить ей свое сочувствіе, жалѣть, что сынъ у нея такой „необузданный“ и „шелопай“... но во второй разъ ужъ никто не осмѣливался больше непрошенно вмѣшиваться въ ея внутреннюю жизнь, хотя она и не сказала никому ничего обиднаго.

Между тѣмъ, Энида повидимому примирилась съ поведеніемъ мужа, отъ страха ли передъ его гнѣвомъ, или съ цѣлью сначала провѣрить свои подозрѣнія — не все ли равно? Какъ бы то ни

было, Денисонъ предпочиталъ видѣть ее не плачущей и страждущей, а улыбающейся, хотя ея улыбки и шли въ разрѣзъ съ его личнымъ настроеніемъ. Сравнительно спокойное состояніе Эниды было даже нѣкоторымъ для него утѣшеніемъ: онъ не желалъ сдѣлать ее несчастной и радъ былъ, что мелочное вниманіе и ласки могли удовлетворять ее, какъ будничные интересы и союзъ съ положительно-глупымъ человѣкомъ всю жизнь удовлетворяли ея мать. М-съ Энтри... какая противоположность съ матерью Эниды! Чуткій умъ, душевная отзывчивость на всѣ человѣческіе чувства и даже недостатки; энергія и сдержанность даже въ такомъ щекотливомъ для нея вопросѣ, какъ дѣло воспитанія ея единственнаго сына, вотъ отличительныя черты этой рѣдкой женщины. Она нажила себѣ враговъ въ лицѣ участливыхъ старушекъ, которыя распускали молву, что на несчастномъ юношѣ отразились грѣхи родителей. Такая, молъ, оригиналка слишкомъ выдается изъ среды прочихъ матерей, чтобы быть безгрѣшной.

— Бѣдный мальчикъ! Ему, вѣрно, не пришлось видѣть ни отъ кого внимательнаго ухода!—шептали доброжелательницы и старыя дѣвы, мужчины и воспитательницы изъ круга туристовъ.

М-съ Энтри вскорѣ замѣтила, что окружающіе не питаютъ къ ней особаго расположенія, и только одному удивлялась: какъ это людямъ нравится быть такими грубыми и неделикатными? Или, быть можетъ, это оттого, что правила цивилизаціи воспрещаютъ имъ грубость въ обхожденіи? Все равно, ей до нихъ нѣтъ дѣла; ихъ грубость останется въ сторонѣ, а для ея вниманія достаточную пищу представляетъ одинъ только Денисонъ.

Между тѣмъ, отношенія между обѣими дамами пошли сравнительно глаже и въ одинъ прекрасный день онѣ по взаимному соглашенію отправились однѣ, безъ мужчинъ, посмотрѣть на служеніе дервишей въ каирской мечети.

Витъ Энтри уѣхалъ изъ дому еще съ утра и довольно небрежно возразилъ на предложеніе сопутствовать матери и м-съ Денисонъ:

— Пожалуй! Можетъ быть, если будетъ мнѣ по пути — заѣду!

Денисонъ остался сидѣть у себя дома и старательнѣйшимъ образомъ чистилъ гусиныя перья, приготовляясь писать письма въ Англію.

Покачиваясь въ каирской повозкѣ и забавляясь прыжками кисточки на фескѣ ихъ возницы, м-съ Энтри проговорила:

— А вашему супругу, кажется, всякія зрѣлища противны?

Энида тихонько вздохнула и загородилась зонтикомъ отъ солнца.

— Да, Гарри непохожъ на другихъ людей и даже никогда не старается на нихъ походить.

— Вы какъ будто жалѣете объ этомъ? Развѣ вамъ хотѣлось бы, чтобы въ немъ было больше подражательныхъ свойствъ?

— О, нѣтъ!—чистосердечно воскликнула молодая женщина.— *Онъ* правъ, а не другіе — я твердо убѣждена. Но... но такъ пріятно жить, какъ всѣ другіе!

М-съ Энтри улыбнулась и поспѣшила, какъ бы въ поясненіе своей веселости, указать своей спутницѣ на какого-то чрезмѣрно-толстаго турка, который ѣхалъ верхомъ на чрезмѣрно тощемъ мулѣ.

— Но неужели вы считаете, что лучше самому быть обезьяной, если живешь въ кругу обезьянъ?—мягко возразила она.—Не могу сказать, чтобъ я была того же мнѣнія; мнѣ кажется предосудительнымъ всякое неискреннее подражаніе. Мнѣ думается иной разъ, что было бы хорошо юношей и молодыхъ дѣвушекъ хоть одинъ годъ заставлять посвящать изученію своихъ личныхъ свойствъ, потребностей, достоинствъ и недостатковъ, а также и приблизительныхъ послѣдствій, которыя они могутъ повлечь за собою. Это, вѣроятно, дало бы имъ возможность предначертать себѣ извѣстный жизненный путь, безъ необходимости рабски подражать другимъ. Почти всѣ юноши у насъ на одинъ образецъ; но они далеко не „образцовые“ юноши. Съ двадцати трехъ и до тридцати лѣтъ всѣ молодые люди такъ же одинаковы покроемъ, какъ ихъ сюртуки и фраки; молодыя дѣвушки такъ же боятся быть самими собою. Но, скажите пожалуйста, къ чему стыдиться своей собственной души?

— Не знаю, право,—довольно нерѣшительно сказала Энида.

— Вашъ супругъ—оригинальный, самостоятельный человѣкъ. Онъ сознательно относится къ своимъ личнымъ свойствамъ и потребностямъ и ему все равно, такія ли онѣ у него, какъ у другихъ людей, или нѣтъ...

— Но въ томъ и дѣло, что онъ и самъ не всегда знаетъ, чего хочетъ,—какъ-то порывисто возразила м-съ Денисонъ. Ей вдругъ пришла въ голову мысль тонкимъ образомъ выпытать кое-что по этому поводу. Она исподтишка заглянула въ оживленное лицо и горящіе глаза своей спутницы и прибавила:

— Ему иной разъ случается вдругъ мѣнять свое мнѣніе.

— ...И въ этомъ подражать женщинамъ?

— Да. Когда мы только-что пріѣхали въ Египетъ, онъ не

могъ допустить мысли прожить хоть недолго въ Mena-House... Ну, изъ-за сфинкса!

— Неужели?!—М-съ Энтри положительно была озадачена.

— Гарри былъ убѣжденъ, что этотъ безобразный сфинксъ будетъ ему противенъ уже потому, что онъ—одно изъ чудесъ свѣта. Я даже боялась, какъ бы это неудовольствіе не выразилось рѣзко...

— А теперь онъ все еще его терпѣть не можетъ?—спросила м-съ Энтри.

Какъ ни смотрѣла на нее проницательно Энида, она не могла уловить и тѣни чего-либо подозрительнаго. Лицо ея было безмятежно-спокойно.

— Не знаю; я не спрашивала его объ этомъ. Только... только теперь онъ уже самъ захотѣлъ остаться здѣсь. Ему нравится Mena-House... и даже очень нравится!

Энида опять подняла глаза на свою спутницу, но не прочла на лицѣ ея ни малѣйшаго смущенія,—признака ея виновности.

— Странно! Чтò бы могло здѣсь его такъ плѣнять? — проговорила м-съ Энтри.

— Я тоже не могу придумать!

— Можетъ быть, м-ръ Денисонъ, который не любитъ толпы и зрѣлищъ, просто радъ пожить здѣсь въ тишинѣ, погрѣться на солнышкѣ, какъ ящерица.

— Я положительно увѣрена, что Гарри ни мало не похожъ на ящерицу!—рѣшительно заявила Энида; а м-съ Энтри вывела заключеніе, что въ ея молодой спутницѣ нѣтъ ни малѣйшей наклонности къ юмору.

Разсужденія ихъ прервалъ завтракъ; и лишь подкрѣпившись немного, онѣ двинулись дальше по дорогѣ къ мечети.

Но Энида все еще не угомонилась. Она не могла отказаться отъ своихъ первыхъ шаговъ на пути къ хитростямъ.

— Вы, вѣрно, умѣете хорошо угадывать характеръ людей, м-съ Энтри?—спросила она.

— Право, не знаю; вѣроятно, первый встрѣчный—лучшій физіономистъ, чѣмъ я. Но чтò вамъ вздумалось?

Энида уклонилась отъ отвѣта или, по крайней мѣрѣ, подумала, что уклоняется, замѣтивъ:

— Весьма нетрудно ошибаться въ людяхъ... особенно въ мужчинахъ. Они всегда больше говорятъ, нежели чувствуютъ.

— Нѣкоторые изъ нихъ, — не спорю! Но настоящіе, сильные духомъ люди дѣлаютъ и чувствуютъ именно настолько, сколько говорятъ, — замѣтила въ свою очередь м-съ Энтри.

Отвѣтъ ея совершенно смутилъ Эниду.

Своими разспросами она хотѣла навести свою собесѣдницу на мысль, что на Гарри нельзя положиться; что его вниманіе непродолжительно и разбросано; что онъ можетъ говорить одно, а думать другое; что его чувствамъ нельзя довѣряться и что никому (кромѣ жены, конечно), не слѣдуетъ полагаться на его постоянство... Но и только. Дальше этого она бы не пошла, а пока умолкла съ такимъ очаровательно-скромнымъ и даже смущеннымъ видомъ, что м-съ Энтри могла лишь любоваться на нее, теряясь въ догадкахъ: къ чему это прелестное дитя клонило свою рѣчь, заведенную повидимому неспроста.

Дорога, по которой онѣ ѣхали, становилась все люднѣе и люднѣе, по мѣрѣ приближенія къ мечети, и вскорѣ передъ обѣими спутницами, во всей своей восточной красотѣ, встали расплывчатыя очертанія мечети,—большого, широкаго зданія, весьма напоминавшаго по своей формѣ какой-нибудь гигантскій пирогъ, сооруженный сказочными великанами.

Цѣлыя толпы нищихъ и попрошаекъ окружили повозку, хватали дамъ за платье своими грязными руками; когда же онѣ, наконецъ, пошли пѣшкомъ къ самому входу, арабы даже мѣшали имъ идти, цѣпляясь, съ назойливымъ крикомъ, за платья. Съ большимъ трудомъ удалось имъ продраться сквозь галдѣвшую дерзкую толпу и наконецъ вздохнуть свободнѣе на порогѣ въ длинную крытую галерею, которая ведетъ во дворъ мечети.

VIII.

М-съ Энтри шла по крытой галереѣ, которая вела во дворъ мечети, бодрою поступью и съ блестящими отъ оживленія глазами, —какъ человѣкъ, которому удалось счастливо окончить тяжелую борьбу и которому было даже забавно бороться. Платье и прическа ея ничуть не пострадали, а шляпа даже не была помята.

Энида, напротивъ того, имѣла совершенно видъ испуганнаго ребенка, въ глазахъ ея даже стояли слезы, а платье было помято и задергано руками арабовъ-оборванцевъ. Щеки молодой женщины пылали; она, видимо, была въ сильномъ возбужденіи. Глядя на нее, м-съ Энтри почувствовала къ ней жалость и желаніе помочь ей, защитить ее, какъ болѣе нѣжное и слабое существо. Дойдя до двора, она остановила Эниду и своими ловкими, проворными руками оправила на ней платье и волосы, въ

то время, какъ Энида—настоящее дитя!—жаловалась на обиду и грубости арабовъ.

Инстинктивно она искала себѣ защиты въ покровительствѣ своей болѣе пожилой и основательной спутницы,—но лишь на минуту. Она скоро пришла въ себя, и обѣ поспѣшили войти въ большое овальное зданіе мечети. Народу тамъ было еще мало, и онѣ рады были поскорѣе и поудобнѣе усѣсться на своихъ складныхъ стульяхъ, которые принесли съ собою. Вокругъ нихъ возвышались бѣлыя стѣны мечети, уходящія подъ высокую сводчатую крышу и прорѣзанныя лишь кое-гдѣ полукруглыми, длинными окнами. Передъ присутствующими разложены были также полукруглые плетеные коврики-маты.

Между тѣмъ, Денисонъ, оставшись одинъ, радовался, что дамы уѣхали, и что чудный, тихій, солнечный день оказался въ его полномъ, неотъемлемомъ распоряженіи. О письмахъ, которыя собирался писать, онъ пересталъ и думать; гусиное перо, совсѣмъ очиненное, было брошено на столъ... Вѣрно, ужъ не судьба этимъ письмамъ быть когда-нибудь готовыми и посланными въ Англію...

Англія! Англія!.. Названіе ея ничего не говорило его сердцу, не имѣло для него значенія. Тамъ, далеко на сѣверѣ, въ бурномъ, мрачномъ морѣ, утопаетъ въ туманахъ заброшенный въ волны островокъ. А здѣсь-то? Здѣсь солнце, здѣсь зной и безграничный, сіяющій просторъ!

Денисонъ высунулся изъ окна, и воображеніе нарисовало ему сѣрое небо его родины, непроглядную пелену моросящаго дождя, осеннюю стужу и крикъ встревоженныхъ морскихъ птицъ, носящихся надъ шумящими сѣдыми волнами; ему слышался докучный стукъ дождя въ тысячи-тысячъ городскихъ оконъ; ему представились тускло мерцающіе сквозь туманъ огоньки жилья. И Денисонъ жадно простеръ руки къ солнечнымъ лучамъ, словно желая завладѣть ими. Въ эту минуту „суровый Альбіонъ" пересталъ для него существовать, даже самое существованіе его казалось ему совершенно невѣроятнымъ.

Денисонъ взялъ шляпу и зонтикъ и вышелъ на залитую утреннимъ солнцемъ большую дорогу. Арабы-проводники и бродяги настолько ознакомились съ нимъ, что больше не приставали, а всѣ свои уловки и хитрости оставляли на долю бѣдныхъ неопытныхъ туристовъ, на которыхъ они нападали, какъ стая голодныхъ волковъ, не разбирающихъ ни возраста, ни родства, когда дѣло идетъ о добычѣ. Незамѣченный никѣмъ, онъ прошелъ мимо и вскорѣ очутился въ безпредѣльной пустынѣ. Прежде она

наполняла его удивленіемъ, теперь же поражала своей красотою. И вспомнился ему одинъ концертъ въ Лондонѣ, оставившій по себѣ сильное впечатлѣніе.

То было давнымъ-давно, въ большой, душной, ярко освѣщенной залѣ. Надъ моремъ головъ и пестрыхъ дамскихъ шляпъ виднѣлся на эстрадѣ знаменитый пѣвецъ и разносился его голосъ, воспѣвавшій „безмолвіе пустыни". Ему аккомпанировала оркестровая музыка Фелисьена Давида, изображавшая тишину и общую картину безбрежной пустыни, ея нескончаемыхъ, вѣчныхъ песковъ, мѣрное колыханіе каравановъ и звонъ бубенчиковъ, побрякивающихъ на шеѣ у верблюдовъ. Но вотъ спускается на землю ночь. Вдали замираетъ шумъ танцевъ... Пѣвецъ воспѣваетъ ночную темноту, ночныя грезы...

Вдругъ, послѣ полнаго молчанія, раздается все разростающійся шорохъ; дамскія шляпы колышатся; толпа рукоплещетъ, а дирижеръ усердно раскланивается на всѣ стороны, причемъ лицо его расплывается въ широчайшую улыбку. Денисонъ помнитъ, что онъ ушелъ скорѣе на воздухъ, подальше отъ шумной залы, и старался въ ночной полумглѣ вновь оживить воспоминанія о дивномъ ощущеніи, которое такъ живо вызвала въ немъ музыка Давида. Онъ напрягалъ свой умственный слухъ, чтобы вновь услыхать и сохранить въ душѣ отдаленный звукъ танцевъ, бубенчиковъ и ночныхъ дивныхъ грезъ...

Но едва очутился онъ на улицѣ, какъ со всѣхъ сторонъ его охватила уличная суета, крики извозчиковъ, зазывавшихъ его:

— Сюда, сюда пожалуйте! Со мной пріѣхали!

Замазанные уличные мальчишки прыгали вокругъ него со своими обычными шутками; женщина, нарядно одѣтая въ коричневый плюшевый костюмъ и ярко-красную шляпу, догнала его и просила зайти купить ей пару перчатокъ...

И звонъ колокольчиковъ замеръ у него въ ушахъ; караванъ ушелъ безслѣдно, звуки танцевъ затихли въ отдаленіи; лучистыя южныя звѣзды померкли. Только дождь стучалъ не переставая, да мимо, въ туманную даль катились длинныя вереницы зеленыхъ и красныхъ омнибусовъ. Одна изъ лошадей споткнулась и кучеръ громко выбранилъ ее непечатной бранью...

Денисонъ печально вздохнулъ, провожая свои недавнія грезы, и купилъ у газетчика газету, въ которой пространно говорилось объ ужаснѣйшемъ пожарѣ и о неслыханномъ убійствѣ.

Теперь, среди пустыни, подъ знойными лучами египетскаго солнца, въ безмолвной тишинѣ припомнилась ему та причудливая картинная музыка Давида. Прислушиваясь къ ея звукамъ, вновь

воскресшимъ въ его воображеніи, Денисонъ бродилъ одиноко по песчанымъ буграмъ, которые казались иной разъ какими-то полуразрушенными или недоведенными до конца зданіями. Постепенно увлекаясь впередъ безо всякой опредѣленной цѣли, онъ подошелъ къ заднему откосу чудовищной головы сфинкса.

Не сводя съ него глазъ, Денисонъ остановился, и ему показалось, что въ его уродливыхъ чертахъ отражается яснѣе, чѣмъ когда-либо, величавая власть и сила, грозная, безмятежно-непреклонная и роковая, какъ всякое проявленіе сильной воли въ живыхъ существахъ. Зачѣмъ невѣдомый творецъ сфинкса вдохнулъ въ это чудовище искру жизни, которую такъ бережетъ въ себѣ ничтожнѣйшій изъ людей, и съ которой онъ разстается не иначе, какъ съ ропотомъ и со слезами робости? Нѣтъ, настоящее величіе состоитъ лишь въ творчествѣ великаго и властнаго, безпредѣльнаго молчанія, молчанія, которое захватываетъ, поглощаетъ, властно овладѣваетъ душою и усмиряетъ въ ней волненіе, даетъ покой всѣмъ метущимся душою. И это роковое, вѣщее молчаніе захватывало Денисона, засасывало его, какъ зеленая, заманчивая трясина; оно увлекало неудержимо, какъ потокъ увлекаетъ слабую хворостинку. Глаза его горѣли; дыханіе становилось горячѣе, а шаги все бодрѣе и поспѣшнѣе... Но, по мѣрѣ приближенія къ гранитному чудовищу, до него долеталъ все громче и опредѣленнѣе неистовый гамъ криковъ и хохота туристовъ, рѣзкая трескотня проводниковъ-арабовъ... Денисонъ круто повернулъ назадъ и буквально бѣжалъ прочь, уже самъ издѣваясь надъ своей слабостью, надъ своимъ подчиненіемъ неугомонному воображенію.

— „Вздоръ! Пустяки!“—разсуждалъ онъ теперь, торопясь домой. — „Буду я лучше жить по-просту, безъ затѣй, какъ м-съ Энтри, какъ Энида“!..—и, дойдя до своей гостинницы, приказалъ подать коляску.

— Въ мечеть „завывающихъ дервишей“! — крикнулъ онъ, злорадно усмѣхаясь самъ себѣ и мысленно рѣшая, если ужъ не удалось погрузиться въ совершенное молчаніе, то окунуться хоть въ совершеннѣйшій шумъ и хаотическій безпорядокъ, который все-таки хоть не совсѣмъ безъ смысла и причины.

Колыханіе и стукотня повозки пришлись мечтателю, на этотъ разъ, по вкусу, и онъ самъ повелъ громкій разговоръ со своимъ кучеромъ, веселымъ малымъ, у котораго на спинѣ развѣвались концы съ бахромой отъ длиннаго коричневаго шарфа, обмотаннаго вокругъ шеи. Приближаясь къ мосту, Денисонъ замѣтилъ,

что толпа туземцевъ запестрѣла группами любопытныхъ иностранцевъ, жадныхъ до зрѣлищъ.

Важность турокъ казалась ему такой же крайностью, какъ и напускная бѣшеная веселость иностранцевъ, выражавшаяся особенно въ лицѣ четырехъ чрезмѣрно толстыхъ пожилыхъ француженокъ, которыя хихикали, болтали и размахивали вѣеромъ игриво, какъ самыя юныя дѣвицы; на головѣ у нихъ трепетали перья и цвѣты, въ изобиліи украшавшіе ихъ широкополыя шляпы. Красивыя англичанки, въ соломенныхъ шляпахъ, въ рубашечкахъ и жакетахъ, чинно шли себѣ впередъ, въ сопровожденіи офицеровъ или своихъ грумовъ, и вмѣстѣ съ ними какъ бы вливалась струя лондонскаго великосвѣтскаго духа. Двое американцевъ съ узкими бородками, въ шляпахъ, напоминавшихъ собою головы сахару, плелись себѣ шажкомъ на миніатюрныхъ ослахъ и тихо говорили между собою.

Денисонъ, нахмурясь, откинулся на спинку своего экипажа и старался перевести свое вниманіе на извѣстную гостинницу, мимо которой приходилось проѣзжать. Народъ толпился на ея многочисленныхъ террасахъ; переводчики, которыхъ здѣсь было также множество, шумѣли.

— Какое мрачное лицо!—замѣтила одна изъ барышенъ своему брату, указывая на Денисона, но братъ не обратилъ на это вниманія. Ему было не до того: онъ спѣшилъ обмѣняться взглядами съ какой-то прелестной, волоокою испанкой въ легкомъ бѣломъ вуалѣ.

Когда экипажъ Денисона остановился у мечети, онъ, какъ во снѣ, вышелъ и направился во дворъ, гдѣ громаднаго роста дервишъ, съ черной косматой гривой, вручилъ ему складной стулъ, за который онъ тотчасъ же заплатилъ и понесъ его дальше, не чувствуя тяжести. Однако вошелъ онъ въ мечеть не сразу. Онъ невольно остановился, прислушиваясь къ страннымъ звукамъ, которые доносились оттуда. Служеніе уже началось, но Денисонъ этого еще не зналъ и тѣмъ болѣе удивился. Словъ онъ, конечно, не могъ разобрать, но его поразили неизмѣримо малые интервалы, которыми голосъ за стѣною спускался все ниже и ниже; они были гораздо менѣе полутоновъ нашей музыкальной гаммы. Спустившись, голосъ пріостановился и перешелъ въ какое-то рычаніе, затѣмъ вдругъ началъ подниматься или, вѣрнѣе говоря, скрипѣть, пока не добрался до рѣзкой, пронзительной, высокой ноты, взятой въ носъ, но съ чрезвычайной силой. Опять перерывъ, опять новое мгновенное молчаніе—и опять раздается глубокій ревъ или ворчаніе—но какъ

бы четырехъ голосовъ заразъ; по крайней мѣрѣ, такъ показалось Денисону. Ворчаніе, постепенно замирая, перешло въ яростное бормотаніе, и снова одинъ единственный голосъ затянулъ свою невообразимо-тѣсную гамму, но громче, нежели сначала.

Денисону живо представилось, что это не турецкій подданный, а сердитый римско-католическій священникъ съ насморкомъ служитъ обѣдню въ итальянской церкви... Въ эту минуту, укутанный покрываломъ придверникъ дотронулся до его плеча и показалъ движеніемъ руки дорогу, приглашая его войти. Тихо ступая, продолжая нести свой стулъ съ собою, Денисонъ очутился за порогомъ овальной комнаты, въ которой уже сидѣло полукругомъ человѣкъ шесть иностранцевъ, въ изумленіи смотрѣвшихъ на невиданное ими дотолѣ зрѣлище; между ними оставались пустыя пространства. По серединѣ, на полу, устланномъ циновками стояли пять-шесть колѣнопреклоненныхъ фигуръ въ длинныхъ одеждахъ; онѣ тихонько раскачивались взадъ и впередъ съ такой равномѣрностью, которая тотчасъ же привлекала къ себѣ взоры. Посреди круга стоялъ старый шейхъ, съ пронзительнымъ голосомъ; глаза у него были глубокіе, проницательные, волосы—сѣдые какъ лунь. Два другихъ стояли тутъ же, рядомъ съ нимъ.

Не оглядываясь вокругъ, чтобы разыскать жену и м-съ Энтри, Денисонъ сѣлъ на стулъ и весь отдался любопытному зрѣлищу, странность котораго поглощала невольно все вниманіе зрителя. Крикливый, пронзительный голосъ производилъ на него такое же впечатлѣніе, какое произвела бы грубая и жесткая рука, еслибъ ею провели по голому тѣлу. Изрѣдка къ этому голосу примѣшивались еще и другіе, ревѣвшіе словно дикіе звѣри, когда они повинуются непреодолимому чувству злобы и ужаса.

Постепенно другіе дервиши, еще и еще, незамѣтно крадучись, входили въ комнату и смѣшивались съ остальными, которые начинали раскачиваться чуть-чуть скорѣе. Нѣкоторые изъ нихъ растрепались, и ихъ волосы длинными космами выбились изъ-подъ покрывалъ, висѣли у нихъ по плечамъ. Одинъ изъ дервишей поднялъ руку и сорвалъ себѣ съ головы покрывало, какъ будто оно было слишкомъ невыносимой для него тяжестью.

Пронзительный, высокій голосъ все кричалъ и кричалъ, вытягивая свою неизмѣнную гамму вверхъ и внизъ, пока, наконецъ, у Денисона не появилось ощущеніе, какъ будто бы ему въ черепъ вбивали тонкій, острый ножъ.

Мѣрное раскачиваніе колѣнопреклоненныхъ фигуръ сообщилось и ему; его тянуло вторить ихъ механически-правильному

движенію; но онъ противился искушенію. Вдругъ его какъ бы кто подтолкнулъ за плечи и качнулъ взадъ и впередъ. Онъ поспѣшно оглянулся на окружающихъ его туристовъ, чтобы по нимъ провѣрить свое ощущеніе. Они сидѣли себѣ неподвижно и, повидимому, совершенно невозмутимо,—одинъ даже чему-то самодовольно улыбался. Другой опустилъ руку въ карманъ, досталъ часы и справился, который часъ. Пожилая дама въ черной шляпѣ, сверкавшей стеклярусомъ и такими же цвѣтами, пошарила въ своемъ платьѣ, пока не набрела на карманъ, помѣщенный въ заднемъ полотнищѣ, затѣмъ преспокойно вынула себѣ платокъ и въ нѣсколько пріемовъ громко высморкалась. Денисонъ отвернулся отъ нея и машинально пожалъ плечами.

Но вотъ откуда-то явился небольшой, изящно-сложенный человѣкъ, который былъ одѣтъ въ узкое, плотно облегавшее платье лимоннаго цвѣта, и немедленно принялся вертѣться на мѣстѣ какъ волчокъ, до того быстро, что казалось, будто онъ стоитъ неподвижно. И въ самомъ дѣлѣ, ноги его словно приросли къ полу—такъ искусно поворачивалъ онъ ихъ, стоя на одномъ и томъ же мѣстѣ. Дервиши, которыхъ тѣмъ временемъ уже набралось человѣкъ сорокъ, всѣ встали, повидимому подчиняясь сильному возбужденію, которое постепенно, но неуклонно овладѣло ими. Они, какъ бы исподтишка бросали другъ на друга странные, вызывающіе взгляды, будто для того, чтобы предупредить о чемъ-то одинъ другого. Ревъ и рычаніе становились все громче, все сильнѣе, и, напряженно прислушиваясь къ ихъ дикимъ, возбужденнымъ звукамъ, Денисонъ почувствовалъ, что и его охватываетъ неудержимое возбужденіе. Яростный ревъ, шумъ и гамъ, въ которыхъ сливались звуки и движенія, звяканіе цимбалъ и мотаніе косматыхъ головъ, мельканіе коричневыхъ сухопарыхъ шей, дикое постукиваніе тамтама, — весь этотъ неистовый хаосъ и грохотъ, казалось, воплотили въ себѣ всѣ звуки, которыми люди выражаютъ на всѣхъ концахъ вселенной свои чувства и ощущенія. Въ этихъ стѣнахъ теперь слились всѣ вопли и стенанія, подавленные крики и проклятія, жалобы и шипѣніе зависти, клятвы, спѣсивое презрѣніе и сатанинская властная гордость—словомъ, всѣ возгласы и звуки, изъ которыхъ составляется необъятный концертъ міровыхъ скорбей и недуговъ. Въ этихъ же самыхъ бѣлыхъ стѣнахъ мечети за рѣшетчатыми окнами виднѣлись закутанныя лица женщинъ, сверкали ихъ большіе черные глаза. Завывающій дервишъ, казалось, старался перекричать весь шумъ и гамъ, а небольшой человѣкъ неутомимо и съ неописанной быстротой вертѣлся на мѣстѣ. Де-

нисону пришло даже въ голову сравнить его съ земнымъ шаромъ, который вертится такъ быстро, что мы не видимъ и не чувствуемъ его вращательнаго движенія. Ему стало казаться, что этотъ шумъ, эти безпорядочныя волны неистовыхъ звуковъ подхватываютъ его и колышатъ, а онъ отдается спокойно на произволъ бурнаго теченія. Онъ готовъ былъ и самъ кричать, какъ бы повинуясь неудержимой силѣ, но въ дѣйствительности оставаясь неподвижнымъ и нѣмымъ, какъ человѣкъ, который поддался вліянію гипноза, но которому еще не сдѣлано внушенія.

Еслибы эта оргія прекратилась вдругъ въ эту минуту, воображеніе Денисона сохранило бы о ней самое пылкое представленіе, но она затянулась внѣ всякихъ границъ и предѣловъ, и его чуткіе нервы, сначала растянувшіеся, теперь приходили въ состояніе болѣзненной и непроизвольной напряженности. По мѣрѣ того, какъ обрядъ подвигался къ концу, раздраженіе Денисона все возростало, а въ то же время росла и рѣзкость, неудержимость и непрерывность дикихъ звуковъ и мычаній. Косматыя головы безъ покрывалъ кивали словно на пружинахъ, звуки тамтама сливались съ цимбалами, криками и пронзительной хроматической гаммой несуществующихъ интерваловъ. Сначала этотъ шумъ былъ просто порывомъ страсти, теперь онъ превратился въ порывъ грубой, бѣшеной силы—и только! Теперь Денисону уже не казался этотъ хаосъ звуковъ любопытнымъ: онъ былъ ненуженъ, онъ былъ здѣсь лишнимъ, онъ грубо вторгался въ безпредѣльное, вѣковое безмолвіе великой египетской пустыни. Только оно, это безмолвіе, и есть конечная цѣль мірового спокойствія, цѣль бытія.

Какое святотатство!.. И еще люди рѣшаются являться сюда нарушать его?! Да это преступленіе! Это—грѣхъ противъ могучаго, безпредѣльнаго духа пустыни: она—настоящая колыбель безмолвія и вѣчной тишины!—такъ думалъ Денисонъ,—какъ вдругъ хаосъ усилился до того, что онъ уже не могъ противиться желанію протянуть руку и крикнуть, остановить дерзкое бѣснованіе, рвануться впередъ, разогнать дервишей и зрителей. Невольно Денисонъ грознымъ движеніемъ протянулъ руку впередъ, но въ тотъ же мигъ кто-то сзади удержалъ ее за локоть. Денисонъ оглянулся: рядомъ съ нимъ стояла м-съ Энтри. Она опиралась на его руку и не спускала съ него пытливаго, твердаго взгляда.

— Не отправиться ли намъ вмѣстѣ?—предложила она.—Мы сейчасъ уходимъ.—На лицѣ ея появилось какое-то новое,

странное выраженіе, которое Денисонъ когда-то, осматривая домъ умалишенныхъ, подмѣтилъ у сторожей и сидѣлокъ.

— Пойдемъ вмѣстѣ,—повторила она.—Жена васъ ждетъ на воздухѣ, она очень напугана.

Не говоря ни слова, онъ послѣдовалъ за нею и во дворѣ встрѣтилъ Эниду, которая была близка къ истерикѣ. Ея хорошенькое личико пылало, въ глазахъ стояли слезы. Увидавъ мужа, она бросилась къ нему и нервно схватила его за руку.

— О, Гарри! Увези меня скорѣй! Я, кажется, оглохла, мнѣ страшно... О, они всѣ съума сошли! Скорѣй, скорѣй подальше отъ этого отвратительнаго шума!

— Сейчасъ, Энида! Пойдемъ къ экипажу,—спокойно отвѣчалъ Денисонъ и повелъ жену прочь, сквозь толпу нищихъ и бродягъ, залитую солнцемъ.

Не скоро добрались они до экипажа, и еще долго, сквозь топотъ лошадей, провожалъ ихъ безпорядочный гомонъ алчной толпы, крики и ругательства.

Въ суетѣ отъѣзда, Денисонъ и его дамы не замѣтили, что имъ встрѣтился экипажъ, въ которомъ сидѣлъ Витъ Энтри. Остановившись посреди толпы нищихъ, онъ съ трудомъ всталъ и, нетвердо держась на ногахъ, пошелъ въ мечеть, хватаясь руками за стѣну, чтобы не пошатнуться.

Въ эту минуту возбужденіе дервишей достигло самой высшей степени.

IX.

Въ тотъ же вечеръ, вскорѣ послѣ табль-д'ота, бѣднаго юношу привезли домой чуть живого—побитаго, изнеможеннаго. Денисоны сидѣли съ м-съ Энтри на верандѣ въ то время, какъ у крыльца остановился экипажъ съ иностранцемъ, повидимому англичаниномъ, который оказалъ больному этотъ подвигъ милосердія. Витъ попробовалъ-было встать, но упалъ на подушки, и его спутникъ, высокій, здоровенный іоркширецъ, внесъ его на крыльцо на рукахъ, какъ ребенка. Даже мать не могла удержаться отъ восклицанія ужаса, а Денисонъ подумалъ, что Энтри умираетъ. Его тотчасъ же уложили въ постель, послали за докторомъ, а іоркширецъ передалъ вкратцѣ, какъ было дѣло, и съ облегченнымъ сердцемъ отправился во-свояси.

Оказалось, что бѣдный юноша въ нетрезвомъ видѣ явился въ мечеть и въ возбужденіи набросился на одного изъ дервишей, который задалъ ему потасовку, не разбирая, съ кѣмъ имѣетъ

дѣло, какъ дикій звѣрь. Когда отняли Вита отъ него, мальчикъ былъ безъ сознанія и весь въ крови, и только послѣ внимательнаго осмотра убѣдились, что онъ не израненъ, хотя голова его сильно истекала кровью. Его кутежъ, однако, не прошелъ ему даромъ. Онъ занемогъ и ослабѣлъ такъ, что ему пришлось пролежать нѣсколько дней въ постели. Онъ былъ въ отчаяніи. Его главная мечта—присутствовать на скачкахъ—рушилась: пока онъ охалъ и сердился, лежа какъ пластъ, скачки прошли безъ него!

Но это приключеніе имѣло еще и другія послѣдствія.

Съ той минуты, какъ Энида увидала больного въ позорномъ видѣ безчувственно пьянаго человѣка,—вмѣсто жалости къ нему въ ней проснулось отвращеніе, и этого чувства она уже не въ силахъ была измѣнить. Она брезгливо отворачивалась отъ него, она начинала его почти ненавидѣть, и эта ненависть была, безъ ея вѣдома, могучимъ орудіемъ въ ея рукахъ противъ стремленія мужа подольше пробыть въ странѣ сфинксовъ и пирамидъ. Бѣдная Энида, беззаботная какъ дитя, была какъ дитя пуглива, и не въ ея власти было переродиться. Она отъ природы принадлежала къ разряду людей, которые лишены геройскаго чувства самопожертвованія, сила котораго творитъ чудеса: такіе люди ухаживаютъ за самыми отвратительными больными, перевязываютъ гнойныя раны и не подаютъ вида, что больной такъ ужасенъ. Нѣтъ, Энида не имѣла въ себѣ и крупицы подобнаго геройства и примыкала охотнѣе къ тѣмъ слабымъ существамъ, которыя предпочитаютъ идти невозмутимо своимъ ровнымъ, безпечальнымъ путемъ, не оглядываясь на горести и недуги другихъ, чтобы не затмить его сіянія. Жить счастливо и безъ тревогъ—пріятнѣе и легче! Понятно, что и Энидѣ непріятно было себя утруждать. Когда мужъ заговорилъ съ нею о плачевномъ состояніи Вита, о томъ, какъ для него должно быть ужасно чувствовать, что онъ еще такъ молодъ, а конецъ уже такъ близокъ и такъ неизбѣженъ, она отвѣтила, что онъ самъ виноватъ, и онъ недостоинъ ничьего участія.

— Вообще, мнѣ противно о немъ думать, Гарри!—какъ-то разъ вырвалось у нея.—Когда онъ сойдетъ внизъ?

— По всей вѣроятности, дня черезъ два,—былъ холодный отвѣтъ.

— Нельзя ли намъ будетъ къ тому времени уѣхать?—горячо подхватила жена и умоляюще взглянула на мужа.—Мы такъ сблизились съ ними, что было бы неловко теперь избѣгать ихъ общества, и мнѣ придется подходить, сидѣть съ нимъ, раз-

говаривать... О, какой ужасъ!—и она содрогнулась.—Я его боюсь... боюсь вспомнить его окровавленное, искривленное лицо... Я не привыкла видѣть больныхъ; мама считаетъ, что ихъ видъ вредно дѣйствуетъ на воспріимчивое воображеніе дѣвушекъ.

— Воображеніе?—насмѣшливо перебилъ ее Денисонъ.—Неужели и ты обладаешь этимъ чудовищемъ, Энида?

Молодая женщина была озадачена.

— Да и не я одна, милый: у каждаго вѣдь есть воображеніе,—тихо отвѣтила она.

— Вотъ какъ? Ну, тогда не о чемъ и толковать. Старайся только не давать своему воображенію слишкомъ много воли. Что же касается Энтри, я думаю, онъ не можетъ сдѣлать тебѣ ничего дурного, а мать его... Мнѣ казалось, что она даже нравится тебѣ...

— Да,—какъ-то неувѣренно протянула Энида.—Она добра и... даже забавна, только...

— Ну?

— Я иной разъ побаиваюсь ея... да, немножко! Она такъ странно, пристально глядитъ, и не всегда соглашается съ другими, даже въ пустякахъ, которые ужъ всѣми приняты, какъ установленныя истины.

— Она не глупа, Энида, а наблюдательность еще не такой грѣхъ.

— Конечно, ты будешь всегда ее защищать,—съ горечью замѣтила жена.

— Мнѣ жаль ее,—отвѣтилъ Денисонъ.—Положеніе ея очень тяжелое, и тебѣ слѣдовало бы желать нѣсколько облегчить его.

Онъ повернулся и пошелъ прочь, оставивъ Эниду въ довольно возбужденномъ состояніи. Ему впервые пришлось пожалѣть, что она недостаточно похожа на обыкновенныхъ женщинъ. Для женщины обыкновенной естественное дѣло жалѣть сирыхъ и больныхъ, сочувствовать несчастнымъ; въ Энидѣ же не было настоящей жалости ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Все могло бы еще уладиться, еслибы м-съ Энтри была женщиной болѣе слабой и менѣе самостоятельной отъ природы, но она страдала молча и ни въ чемъ сочувствіи не нуждалась, не искала его. Она какъ будто бы совсѣмъ не замѣчала, какъ отнеслись всѣ жильцы Mena Hôtel'я къ скандалу, разъигранному ея сыномъ. Всѣ, или по крайней мѣрѣ большинство, довольно легко смотрятъ на порокъ въ постороннихъ, онъ даже нерѣдко возбуждаетъ смѣхъ и саркастическую усмѣшку, но человѣкъ больной, полумертвецъ и порочный—невольно вселяетъ отвращеніе. Многое, если и не со-

всѣмъ похвально, то хоть не противно въ человѣкѣ, полномъ юныхъ силъ и здоровья. Поэтому всѣ поголовно возстали противъ развращенности Вита Энтри и безвозвратно осудили его. И чѣмъ больше его осуждали, тѣмъ сильнѣе росла въ сердцѣ Денисона жалость къ несчастному юношѣ и къ его матери.

Когда Витъ въ первый разъ сошелъ внизъ и, слабый, измѣнившійся до невозможности, появился въ столовой отеля, говоръ мгновенно затихъ, и при всеобщей тишинѣ больной прошелъ, съ трудомъ владѣя своими слабыми ногами, къ своему мѣсту за столомъ. Хорошенькія барышни опустили глазки, а ихъ маменьки какъ-то особенно насупились, словно насѣдки, защищающія свой выводокъ отъ какой-то надвигающейся бѣды. Въ воздухѣ носился духъ осужденія. Энида подобрала губки.

Эта нѣмая сцена не ускользнула отъ вниманія Денисона, и онъ не старался даже скрыть свое негодованіе. Всѣ эти люди были ему ненавистны, потому что не могли и не хотѣли понять настоящаго положенія больного юноши. Ни одинъ изъ нихъ и не подумалъ заглянуть ему въ душу, представить себѣ, что̀ дѣлается у него на сердцѣ, никому и въ голову не пришло посмотрѣть на жизнь и на ея будничныя стороны его усталыми, разочарованными, безнадежно-грустными глазами.

„Да! Рѣшительно величайшее зло въ мірѣ — недостатокъ воображенія,—разсуждалъ самъ съ собою Денисонъ.—Развѣ были бы люди такъ жестоки и безсердечны, такъ неразборчиво алчны и безжалостны къ страждущимъ и неимущимъ, еслибъ могли себѣ представить ихъ внутреннее состояніе? Эгоизмъ въ общеніи съ другими, войны и воинственный патріотизмъ, устилающій тѣлами поле битвы, невоздержаніе и алчность къ наживѣ— вотъ вампиры, высасывающіе кровь честныхъ и забытыхъ судьбою людей! Общество все состоитъ изъ людей поверхностныхъ, людей безъ души и безъ воображенія, которые не хотятъ, да и неспособны внимать воплямъ бѣдствующихъ и огорченныхъ. Оно проходитъ одинаково безучастно мимо погрязшей въ порокѣ, пышно-разодѣтой женщины и мимо добродѣтельной, скромной труженицы: онѣ для него безразличны. Слишкомъ сантиментальными показались бы тѣ свѣтскіе люди, которые дали бы волю своимъ чувствамъ, подчиняясь картинамъ, набросаннымъ ихъ услужливымъ воображеніемъ. Но воображенія въ нихъ нѣтъ ни на̀-волосъ, и въ томъ-то вся бѣда!“ Такъ думалъ Денисонъ и невольно отвернулся отъ жены, чтобы не видѣть ея презрительно поджатыхъ губъ.

Между тѣмъ, м-съ Энтри не переставала наблюдать за своимъ новымъ знакомымъ, который не могъ этого не замѣтить. Это его смущало тѣмъ болѣе, что и онъ, съ своей стороны, интересовался ея внутреннимъ міромъ, который еще не вполнѣ для него опредѣлился. Они часто сиживали вмѣстѣ, часто гуляли, но говорили мало: разговоры имъ замѣняла тонкая наблюдательность, которая, пока, еще ни одного изъ нихъ не привела къ опредѣленнымъ выводамъ.

Однажды они оба сидѣли, не притрогиваясь къ молоткамъ, въ то время, какъ Витъ и м-съ Денисонъ сражались въ крокетъ: послѣдняя играла неохотно, а ея противникъ—съ горячимъ желаніемъ непремѣнно выиграть.

М-съ Энтри слѣдила за склонявшимися спинами партнеровъ, и на лицѣ ея не трудно было прочесть выраженіе, которое, казалось, непремѣнно должно было вылиться въ глубокомъ вздохѣ. Но она не вздохнула, а только проговорила, обращаясь къ своему молчаливому сосѣду:

— Это истый спортсмэнъ: онъ любитъ всякаго рода игры и физическія упражненія. Жаль только, что вашей женѣ съ нимъ не будетъ весело: отъ него слова не дождешься! Я знаю, что онъ теперь только о томъ и будетъ думать, какъ бы выиграть.

— Молчаніе и тишина никому не вредятъ,—замѣтилъ Денисонъ: — мнѣ бы хотѣлось, чтобъ всего этого на свѣтѣ было больше.

— Ну, ужъ въ Египтѣ-то, надѣюсь, и того, и другого—вдоволь! Я до тѣхъ поръ не понимала величія безмолвной тишины, пока не побывала здѣсь въ пустынѣ.

— Не понимаю только, почему арабы, живущіе среди безмолвія пустыни, такъ усердно стремятся всячески шумѣть, чтобы его нарушить! Я, кажется, нигдѣ не былъ такимъ заклятымъ врагомъ шума и грохота, какъ въ этихъ вѣчныхъ пескахъ.

Голосъ его обличалъ нѣкоторое раздраженіе.

— Правда, здѣсь много болтаютъ,—согласилась она.

— Нѣтъ, и не просто *много*, а убійственно много,—поправилъ Денисонъ.—Но это еще не все. Церемонія, при которой мы присутствовали на дняхъ въ мечети, просто позоръ для всего Каира!..

— А, да! вы о дервишахъ?..

— Конечно, я вполнѣ понимаю то побужденіе, которое руководило вашимъ сыномъ.

— Но Витъ былъ въ такомъ состояніи, что побужденія его не могли быть разумны,—спокойно возразила она.

— Разумныя побужденія могутъ являться и въ отуманенномъ разсудкѣ или даже у человѣка, вовсе лишеннаго разсудка. Весь міръ обязанъ благодарностью такимъ людямъ; многіе изъ нихъ были истинно велики и знамениты, несмотря на свой умственный и физическій недугъ. Весьма возможно, что Витъ и не сознавалъ, гдѣ онъ находится и что̀ видитъ, но онъ невольно, безсознательно поступилъ лучше и справедливѣе, нежели всѣ тѣ люди, которые поощряютъ сумасбродство дервишей тѣмъ, что платятъ за зрѣлище.

— Такъ вы, можетъ быть, опередили бы его?!—поспѣшно воскликнула она.

Это было настолько не въ ея духѣ, что Денисонъ на мигъ былъ озадаченъ.

— А, понимаю!—началъ онъ—Вы, значитъ, успѣли замѣтить, какъ дѣйствовали мнѣ на нервы шумъ и безпорядочное метанье дервишей?

Онъ до сихъ поръ старался и не вспоминать объ этой отталкивающей сценѣ и только въ настоящую минуту дѣйствительно сообразилъ, что м-съ Энтри съ Энидой были въ мечети въ одно время съ нимъ.

— Но... гдѣ же вы сидѣли?—спросилъ онъ, не спуская съ нея внимательнаго взора.

— Прямо напротивъ васъ,—былъ тихій отвѣтъ, но въ немъ почудилась Денисону предательски-выжидательная нотка.

Онъ испытывалъ ощущеніе виновнаго, за которымъ ходитъ по пятамъ усердный сыщикъ,—и потому отвѣтилъ не такъ смѣло, какъ обыкновенно:

— А я васъ не видалъ.

— Да и жена, тоже, васъ не видала: она слишкомъ увлеклась дервишами; но они, какъ мнѣ кажется, страшно ее перепугали.

— Сначала они даже понравились мнѣ,—началъ Денисонъ, все время чувствуя желаніе, чтобъ она высказалась, какое впечатлѣніе онъ самъ произвелъ на нее въ мечети. Ея сдержанность злила его; онъ почти ненавидѣлъ эту женщину, которая застигла его врасплохъ.—Мнѣ казалось сперва, что это шумъ и метанье — воплощеніе чего-то могучаго, величественнаго... Но, признаюсь, въ концѣ концовъ, нервы мои не выдержали...

Онъ выждалъ съ минуту; но м-съ Энтри продолжала молчать.

— И вы это замѣтили, конечно?—заключилъ Денисонъ.

— Да,—просто отвѣтила она и немного нерѣшительно посмотрѣла на кончикъ своей изящной ботинки.—Мнѣ кажется, м-ръ

Денисонъ, что я отчасти понимаю ваше сочувствіе Виту,—проговорила она полувопросительно.

— То-есть, что̀ именно вы хотите сказать?—удивленно спросилъ ея собесѣдникъ.

— Что я наблюдала за вами тогда, въ мечети, и что вамъ это досадно. Но я же вѣдь не виновата, что вы усѣлись прямо у меня передъ глазами.

— Весьма немногіе видятъ то, что̀ у нихъ ближе всего передъ глазами,—замѣтилъ вскользь Денисонъ.

— Чѣмъ же я виновата, если я попала въ ихъ число?.. Только,—вернемся къ прежнему: я теперь понимаю, почему вы сочувствуете моему Виту.

— Ну, почему же?

— Потому что въ васъ сильно развита способность волноваться.

— Все-таки, какъ бы ни былъ я способенъ волноваться, я еще не могу понять, почему эта именно моя способность могла привлечь ко мнѣ симпатію вашего сына.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Но вѣдь теперь мой Витъ—не что̀ иное, какъ воплощенный комокъ нервовъ; умъ его пылаетъ всесокрушающимъ огнемъ и раскаленъ до послѣдней степени, чтобы уничтожить всѣхъ, кто только думаетъ иначе, чѣмъ онъ. Но вы этого не боитесь, потому что...

— Ну, почему же?

— Потому... потому, что и въ васъ самомъ горитъ такой же сокрушающій огонь.

— Но откуда же онъ, по вашему, берется?

— Почему я знаю? Я могу судить только по тому, что̀ мнѣ случается подмѣтить или угадать. Одно только могу навѣрное сказать, что въ вашемъ горнилѣ погибли бы всѣ, кого вамъ вздумалось бы уничтожить.

— Но вы—исключеніе! Ни вами, ни вашимъ сыномъ я никогда не рѣшусь пожертвовать, повѣрьте, м-съ Энтри! — проговорилъ съ неожиданной серьезностью и даже чувствомъ ея всегда скрытный собесѣдникъ.

Съ чисто-женскимъ оборотомъ мысли мать Вита подумала тотчасъ же о его женѣ: отчего Денисонъ ничего не сказалъ про Эниду? Но она промолчала и только изъ вѣжливости уклончиво проронила:

— Благодарю за вниманіе.

Возвращаясь домой, Денисонъ самъ надъ собой смѣялся,—такъ ему страннымъ показалось новое для него ощущеніе. Онъ чув-

ствовалъ себя счастливымъ, какъ юноша, какъ мальчикъ, который радъ, что его хоть отчасти поняли и раздѣляютъ его мысли.

Почемъ знать? Можетъ быть, теперь явилось для Эниды больше повода бояться соперничества м-съ Энтри, которое до тѣхъ поръ существовало лишь въ ея воображеніи.

X.

При лунномъ свѣтѣ Египетъ казался волшебною картиной, залитой расплавленнымъ серебромъ. Стройные минареты сверкали на чистомъ фонѣ небосвода. Нилъ широко разливался вдаль, а надъ его сонными струями какъ бы застыли въ ночномъ прозрачномъ воздухѣ цѣлыя вереницы крылатыхъ лодокъ и лодочекъ— призрачныхъ и легкихъ, какъ волшебное видѣніе. Длинная аллея бѣлой, серебристой лентой лежала между двухъ рядовъ кружевныхъ акацій, и ихъ причудливо прозрачныя вѣтви безмолвно колебались, какъ бы танцуя какой-то особый, грандіозно-прихотливый и плавный танецъ, повинуясь своему неизмѣнному учителю—невидимкѣ-вѣтерку. Вдоль берега слышалась тихая болтовня арабовъ и доносились ихъ грустныя и почти беззвучныя пѣсни; они тихо пускали клубы дыма и порой смѣялись, играя между собой, какъ дѣти, которыя не замѣчаютъ и не чувствуютъ безмолвной прелести и священнаго величія серебристой ночи.

Далеко впереди, за аллеей акацій разстилалось необозримое пространство, и его дивную ночную тишину не прерывалъ ни смѣхъ, ни болтовня пустая, ни даже лай собакъ, который разносился по берегу Нила. Поверхность равнины лежала, облитая луннымъ свѣтомъ, ровно и гладко, какъ морская зыбь въ затишье. Безмолвіе и полная таинственности тишина вливаются въ душу, овладѣваютъ ею безраздѣльно и легко, какъ мечта, какъ сновидѣніе, которое до тѣхъ поръ лелѣетъ и тѣшитъ спящаго, пока онъ не пошевельнется и, во снѣ, не вскинетъ руками, какъ будто для того, чтобы прогнать его...

Денисонъ чувствовалъ, какъ настоятельно и нѣжно овладѣвало имъ обаяніе дивной ночи, и мало-по-малу подчинялся его задумчивой, тихой прелести. Вдругъ позади раздался чей-то голосъ, который рѣзко вырвалъ его изъ мечтательнаго настроенія.

— Ѣдемъ сейчасъ, дружище; ѣдемъ! Mea mater у меня молодецъ,—не робкаго десятка. Саидъ готовъ и ожидаетъ насъ. Въ такую ночь только и бить шакаловъ. Ну, что же: ѣдемъ вмѣстѣ?

Рѣзкій голосъ, очевидно, принадлежалъ не кому иному, какъ

Виту Энтри, и Денисонъ, оглянувшись, увидалъ за собой его исхудавшую до невѣроятія, костлявую фигуру. Лицо бѣднаго юноши было блѣдно и безцвѣтно, какъ бумага, а лунный свѣтъ еще глубже оттѣнялъ глазныя впадины, придававшія ему видъ скелета. Глаза ввалились и вокругъ нихъ легли широкія черныя тѣни, прибавлявшія ему еще больше сходства съ призракомъ или даже скелетомъ, какимъ его изображаютъ на сценѣ.

— Чего вы такъ уставились?—спросилъ опять больной:—или что-нибудь да неладно?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Денисонъ, съ трудомъ превозмогая волненіе:—нѣтъ, ничего!..

— Ну, такъ вы съ нами? Да?

— Да, да, сейчасъ иду!

И въ самомъ дѣлѣ, онъ рѣшился сопровождать на охоту юношу, который во многомъ напоминалъ ему его самого. Какъ тотъ находился въ состояніи непрерывной борьбы со своимъ душевнымъ міромъ, такъ и онъ, Денисонъ, не находилъ себѣ ни умственнаго, ни душевнаго успокоенія. Порой ему начинало казаться, что связь между ними не только умственная, но и душевная; не умомъ только признавалъ онъ это сходство, но и душою. Онъ рѣшительно жалѣлъ бѣднаго юношу и изъ жалости согласился сопутствовать ему, хотя охота на шакаловъ и не привлекала его вовсе. Все-таки, шумъ и суета охоты могли помочь Виту разсѣяться, отвлечь его вниманіе отъ поглощающей, неотступной мысли, что грозный призракъ смерти приближается неумолимо твердыми шагами. Мысль эта не давала ему всю ночь покоя и разсвѣтъ всегда заставалъ его еще неуснувшимъ. Каждую ночь все яснѣе слышались ему роковые шаги, и, сжимая въ исхудалыхъ рукахъ одѣяло, обливаясь холоднымъ потомъ, юноша разражался проклятіями въ перемежку съ приступами кашля. Лишь изрѣдка случалось, что страхъ смерти до того разростался, до того неотступно висѣлъ надъ нимъ, что несчастный принимался молиться... Но и сквозь безсвязныя слова молитвы порой прорывался стукъ грозной поступи зловѣщаго видѣнія, и молитва смѣнялась вдругъ громкимъ, безумнымъ проклятіемъ.

При одной только мысли, что хоть одну ночь ему не придется мучаться и разражаться приступами безсильной злобы, Энтри не помнилъ себя отъ радости.

— Ступайте скорѣй за ружьемъ!—крикнулъ онъ Денисону, нетерпѣливо поглядывая на часы. А, вотъ и mea mater!

М-съ Энтри появилась на крыльцѣ совсѣмъ готовая къ отъѣзду: въ короткой юбкѣ, въ жакетѣ, перехваченномъ у пояса

кожанымъ кушакомъ, и въ маленькой войлочной шляпѣ; на рукахъ у нея были перчатки съ нарукавниками, у пояса висѣла небольшая фляжка. За спиной м-съ Энтри виднѣлась миніатюрная Энида, въ вечернемъ платьѣ и въ большой накидкѣ на бѣломъ мѣху.

Она подошла прямо къ мужу:

— Надѣюсь, ты не ѣдешь?

— Напротивъ; ѣду непремѣнно.

— Но ты не любишь вѣдь охотиться.

— На перепеловъ—да, конечно; но здѣсь ихъ нѣтъ, и здѣсь мнѣ нравится охота.

— Ну, такъ и я поѣду; только переодѣнусь!—неожиданно предложила она.

Но мужъ не выразилъ на это своего согласія; наоборотъ, онъ твердо и рѣшительно отвѣчалъ отказомъ:

— Я бы не совѣтовалъ тебѣ; ты вѣдь никогда еще не бывала на охотѣ и пугаешься даже самаго слова: „ружье". Тебѣ будетъ все время только непріятно. Вдобавокъ, ты устанешь...

— Устану?! Но вѣдь м-съ Энтри ѣдетъ, и усталость ее не страшитъ.

— То ты, а то м-съ Энтри!—возразилъ Денисонъ, вскидывая глазами на мать Вита, которая разговаривала въ сторонкѣ съ арабченкомъ-саидомъ и его юнымъ господиномъ.

— Да, знаю, знаю!—съ оттѣнкомъ презрѣнія замѣтила жена: —Она ничего не боится и даже умѣетъ стрѣлять. Не думаю, чтобы меня особенно привлекла стрѣльба: это слишкомъ не-женственное дѣло. А? Какъ ты думаешь?

— Не знаю, право, какъ разграничить, что̀ женственно и что̀ нѣтъ. Для меня безразлично, будетъ ли женщина бить шакаловъ или вышивать глупѣйшія накидки на кресла и диваны: эта вышивка портитъ глаза и выходитъ все-таки безобразна на взглядъ. Но не въ этомъ дѣло. Ты слаба здоровьемъ, а м-съ Энтри нѣтъ. Вотъ я и говорю тебѣ: лучше не ѣзди!

Энида постояла съ минуту молча и готова была разразиться слезами.

— И я могла бы постепенно окрѣпнуть,—дрожащимъ голосомъ возразила она.

Денисонъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Феи не для того рождены на свѣтъ Бо́жій, чтобы носить тяжести; нѣжныя, легкокрылыя,—ихъ дѣло хорошѣть и красоваться своимъ изяществомъ и прелестью... а не ходить на шакаловъ!.. Пойду лучше и принесу ружье.

Денисонъ ушелъ, закончивъ такимъ тономъ, какъ будто это уже дѣло рѣшеное, что она не поѣдетъ. Энида не осмѣлилась возражать и только шепнула мужу, когда онъ вышелъ опять на крыльцо:

— Я не засну, пока ты не пріѣдешь!

Денисонъ нагнулся и поцѣловалъ жену, уговаривая ее спать спокойно, и, сойдя со ступенекъ, пошелъ черезъ площадку, залитую луннымъ свѣтомъ, къ тому мѣсту, гдѣ ожидали господъ саидъ и осѣдланные ослы.

Энида долго стояла на крыльцѣ и смотрѣла вслѣдъ маленькому обществу, удалявшемуся отъ нея съ каждымъ шагомъ. М-съ Энтри, уѣзжая, оглянулась и помахала ей рукой въ знакъ прощальнаго привѣта. Мальчишки-погонщики покрикивали на своихъ лѣнивыхъ осликовъ, и тѣ двигались себѣ впередъ, медленно, но вѣрно удаляясь и постепенно уменьшаясь вдали, пока ихъ всадники и они сами не стали казаться точками.

Наконецъ, ихъ и совсѣмъ не стало видно: они слились съ безбрежной полосой серебрившейся пустыни. Молодая женщина перевела глаза на трепетавшую листву акацій и простояла неподвижно, пока ее не стала пробирать дрожь.

Кутаясь плотнѣе въ свою мѣховую накидку, она усѣлась въ низкое кресло и вдругъ почувствовала, что она одинока и даже безпріютна на чужой сторонѣ, среди чужихъ, совершенно незнакомыхъ ей людей и незнакомой обстановки. Слезы потекли у нея по щекамъ неудержимо, а мысль перенеслась на родину къ матери, къ ея обычнымъ, мелочнымъ, но все же привычнымъ интересамъ; къ знакомому обществу, знакомымъ улицамъ и внушительнымъ чугуннымъ рѣшеткамъ сада, который виднѣется изъ оконъ—теперь, навѣрное, завѣшанныхъ тяжелыми занавѣсами.

„Сидитъ себѣ мамочка такъ уютно, и изъ-за спущенныхъ занавѣсей до нея долетаютъ твердые, мѣрные шаги полицейскаго и стукъ колесъ проѣзжающихъ мимо экипажей, которые спѣшатъ на Оксфордъ-Стритъ или Пикадилли“...—думала она. Бѣдная Энида! Въ этой тихой, безпредѣльной равнинѣ, всегда залитой или солнечнымъ, или луннымъ свѣтомъ, все ей казалось чуждо, таинственно и даже... враждебно. Ей чуялось что-то недоброе въ томъ вліяніи, которое она и сама не знала хорошенько, откуда именно взялось; знала только, что мужъ ея—совсѣмъ не тотъ съ тѣхъ поръ, какъ поселился здѣсь. Ей хотѣлось побороть это вліяніе, уничтожить его, не давать ему власти надъ мужемъ, который принадлежитъ ей одной; но уловить, уяснить себѣ его она не могла и не умѣла; могла только подмѣчать, что нѣчто

жуткое, неуловимое, какъ призракъ, влечетъ его за собою, отдаляя отъ нея... И долго еще сидѣла одна бѣдная Энида, задумчиво, безцѣльно слѣдя глазами за чуткими вѣтвями раскидистыхъ, трепетныхъ акацій...

Денисонъ былъ въ глубинѣ души доволенъ, что охота была неудачной: ни одного шакала не повстрѣчалось въ обширномъ пространствѣ, которое, какъ увѣрялъ саидъ, должно было кишѣть хищниками въ лунную ночь. Бѣдный арабченокъ былъ въ отчаяніи: онъ усердно распинался, извиняясь на своемъ картинномъ восточномъ нарѣчіи, что шакалы не желали попадаться на глаза охотникамъ. Онъ говорилъ безъ умолку и, примѣтивъ, что молодой господинъ хмурится все больше и больше, пустился въ разсказы о приключеніяхъ, въ которыхъ самая драматическая роль выпадала, понятно, на долю хищниковъ-шакаловъ. Онъ даже весьма живо передалъ картину, какъ, спрятавшись за выступомъ скалы, онъ самъ, своими глазами видѣлъ огромнаго волка, который пришелъ растерзать палаго верблюда.

— Да, правда, правда!—кричалъ онъ въ возбужденіи:—клянусь Аллахомъ и своимъ правымъ глазомъ!

Но въ отвѣтъ на его старанія Витъ Энтри только спросилъ еще разъ:

— Гдѣ же шакалы?.. Чортъ побери! Вѣдь не за волками мы пріѣхали сюда!

Саидъ снова принялся клясться и божиться, что онъ не виноватъ, что иногда такъ бываетъ... Въ эту минуту какая-то проворная тѣнь мелькнула впереди, чернымъ пятномъ перерѣзавъ лунный свѣтъ.

Витъ поспѣшилъ прицѣлиться... Раздался выстрѣлъ, и тѣнь, сраженная, упала безъ движенія. Саидъ, въ восторгѣ, понесся къ добычѣ какъ вихрь; только складки его длинной одежды раздувались у него за спиною. Его торжеству, однако, суждено было превратиться въ горькое разочарованіе: подстрѣленный шакалъ оказался просто... бродячею собакой!

Энтри готовъ былъ браниться и кричать съ досады, но мать его ловко обратила все въ шутку и успокоила его обѣщаніемъ опять когда угодно возобновить интересную прогулку.

— Можетъ быть, та окажется удачнѣе этой. Будемъ надѣяться!

Но успокоить юношу было не легко.

— Это чортъ знаетъ, чтò такое!—восклицалъ онъ.—Ну, ты, животное! - грубо прозвучалъ его голосъ, и онъ досадливо дер-

нулъ кверху своего осла, который оступился.—Ну, не досадно ли даромъ потратить столько времени и суеты?

— Даромъ?!—возразилъ Денисонъ, оглядываясь вокругъ восхищеннымъ взоромъ.

Ихъ небольшая группа казалась крохотнымъ челномъ, заброшеннымъ далеко въ самую середину затихшаго морского простора. Неопредѣленность очертаній безбрежныхъ песковъ, казалось Денисону, граничила съ представленіемъ о безпредѣльной вѣчности. Когда ему случалось думать о Существѣ Высшемъ, Необъятномъ, Вѣчномъ, онъ всегда представлялъ себѣ вѣчность въ видѣ чего-то безграничнаго, невозмутимо-ровнаго, сверкающаго бѣлизной, какъ чистый, нетронутый воздушный эѳиръ. Тамъ времени не существуетъ: ему тамъ нѣтъ предѣла; тамъ дни и годы не вызываютъ, какъ у насъ, изъ нѣдръ земли холмы, деревья, острова, явные признаки того, что время не стоитъ неподвижно, а все идетъ впередъ, все сокрушая, но и все созидая на своемъ пути. Время идетъ и исчезаетъ въ вѣчности безслѣдно, какъ исчезаетъ вдали самый край пустыни, сливаясь съ вѣковѣчнымъ небосводомъ.

Зачѣмъ человѣкъ силится непремѣнно нарушить дивный, безпредѣльный покой, которому нѣтъ другого, равнаго на землѣ? Вотъ гдѣ искать забвенія и мира, тишины; гдѣ воздухъ самъ, казалось, весь проникнутъ святостью вѣчнаго успокоенія!.. Денисонъ чувствовалъ, что будь онъ здѣсь одинъ, онъ не нашелъ бы ничего лучшаго, какъ растянуться съ наслажденіемъ на поверхности этого песчанаго моря и уснуть... уснуть такъ сладко и такъ крѣпко, чтобы въ этомъ мирномъ снѣ незамѣтно перейти въ вѣчность, всю свою душу раскрывая на встрѣчу живительному солнцу и ночнымъ свѣтиламъ. Пусть прахъ его смѣшается съ незыблемымъ прахомъ пустыни; пусть его бренные останки разметаетъ вихрь пустыни, соединяя ихъ съ неисчислимыми песчинками равнины; пусть его прахъ сольется навсегда съ вѣковѣчной матерью природой. Развѣ погрузиться, умирая, въ ея безсмертное и живоносное лоно не значитъ вновь ожить, и ожить на вѣки, безпредѣльно, какъ безпредѣльно ея собственное существованіе?..

Но Витъ настаивалъ на томъ, чтобы ему поддакивали, выражали сочувствіе.

— Да,—дѣлать нечего, подтвердилъ ему въ угоду Денисонъ:— да, это дѣйствительно досадно. Будемъ надѣяться, что въ слѣдующій разъ счастье будетъ на нашей сторонѣ!

Повернувъ обратно къ дому, Витъ поѣхалъ впередъ, рядомъ

со своимъ саидомъ; позади, не спѣша, ѣхали себѣ шажкомъ его мать и Денисонъ.

Мечтатель, какъ всегда, больше молчалъ, нежели говорилъ, и предавался размышленіямъ, оглядывая внимательно свою спутницу. На этотъ разъ ему показалось, что энергичный взглядъ ея темныхъ глазъ печальнѣе и разсѣяннѣе обыкновеннаго; замѣтилъ онъ еще, что на лицѣ ея немало складокъ и морщинъ, обыкновенно незамѣтныхъ; въ ея смѣло взбитой прическѣ кое-гдѣ серебрились сѣдые волоса. Когда его оселъ послушно повернулъ назадъ, она встрепенулась отъ тяжелой задумчивости и вскинула глазами сначала на него, потомъ на двѣ удалявшіяся фигуры, темнѣвшія впереди.

— Да, да: ѣдемъ обратно!.. — проговорила она и глубоко вздохнула.—Еслибы мнѣ только удалось помочь ему быть счастливымъ! Еслибъ я могла научить его величайшему подвигу въ мірѣ!

— То-есть?..

— То-есть—покориться!

— Мнѣ думается, иной разъ, что на это способны лишь слабые духомъ,—возразилъ Денисонъ.

— А мнѣ кажется, это подвигъ, исключительно достойный сильныхъ.

— Да, такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ пасторы и богословы.

— Но они часто говорятъ истинную правду.

— Нѣтъ, въ одномъ только истина; одно только безгласное говоритъ правду неизмѣнно. Всѣ истины философіи, богословія, этики, чистоты и святости—всѣ онѣ, всѣ заключены въ безмолвной тишинѣ вѣчнаго покоя,—тихимъ глубокимъ голосомъ проговорилъ мечтатель.

М-съ Энтри взглянула на него съ возрастающимъ любопытствомъ.

— Но покорности-то вы не видите въ безмолвіи и покоѣ?— спросила она.

— Покорность, пожалуй, надо отнести къ величайшимъ міровымъ порокамъ: покорность и смиреніе однихъ даютъ возможность другимъ ихъ терзать. Они создаютъ рабство и жестокость; они облегчаютъ всякую неправду, даютъ поводъ къ злоупотребленіямъ. Нѣтъ, я не нахожу, чтобы покорность выражалась въ молчаніи и безгласности. Взгляните на картины, на статуи: онѣ безгласны, но развѣ это—доказательство ихъ покорности? Пусть разобьютъ ихъ, изорвутъ, сожгутъ: развѣ онѣ не останутся въ

памяти людской несокрушимыми, какъ прежде, когда приковывали къ себѣ вниманіе, овладѣвали умомъ и чувствомъ? Ихъ нѣтъ, онѣ уже давно не существуютъ; но ихъ духъ живетъ въ воспоминаніи о нихъ и сохраняетъ навсегда свою былую красоту и прелесть. Но пусть человѣкъ покорится участи, которая его постигнетъ, и онъ измѣнится, и... непремѣнно къ худшему. Въ его внѣшности и въ его обращеніи начинаетъ проглядывать какая-то приниженность, какое-то подчиненіе и даже робость въ разговорѣ, ну, словомъ, все такія свойства, которыя могутъ возбуждать только презрѣніе въ другихъ.

— Но если человѣкъ покоряется Богу?.. — возразила м-съ Энтри.

— Весьма возможно, что такая покорность покажется прекрасной и добродѣтельной; но для этого она должна довершаться чувствомъ вѣры. Въ противномъ случаѣ, въ ней нѣтъ ничего прекраснаго.

— Значитъ, жизнь по вашему заключается въ душевной борьбѣ?

— Или въ полной безучастности ко всѣмъ и ко всему.

— Интересно знать, какова она для васъ?—задумчиво произнесла м-съ Энтри, словно выражая вслухъ привычную для нея мысль.

— Ахъ, да не все ли равно?—горько вырвалось у него.— Въ сущности, весьма мало на свѣтѣ такого, что̀ люди считаютъ важнымъ и что̀ дѣйствительно важно. И въ самомъ дѣлѣ, волненіе о чемъ бы то ни было глупо и неумѣстно. Я бы желалъ прожить въ состояніи полнаго, безучастнаго и безжалостнаго покоя.

М-съ Энтри открытымъ взглядомъ посмотрѣла прямо ему въ лицо.

— А между тѣмъ, мнѣ кажется, что вы самый впечатлительный человѣкъ, и самый горячій, какого мнѣ когда-либо случалось встрѣчать.

— Въ самомъ дѣлѣ?! Вы заблуждаетесь на мой счетъ...

— А, вы еще вдобавокъ хотите обманывать другихъ!

Денисонъ не сразу нашелся. Никто въ мірѣ еще не понималъ его такъ хорошо, какъ эта женщина; и это его не особенно сердило; ему только хотѣлось дознаться, до какой степени она провидѣла истинную подкладку его сокровеннаго „я“.

— Вы, значитъ, думаете, что понимаете меня?—началъ онъ опять.

— Я даже вовсе этого не думаю; только думаю, все-таки, что понимаю васъ лучше, чѣмъ ваша... чѣмъ многіе другіе.

— Вы хотѣли сказать: „чѣмъ ваша жена“?

М-съ Энтри замѣтно вспыхнула, несмотря на блѣдное освѣщеніе луны.

— Что-жъ, я не отпираюсь и прошу прощенья за такое неудачное доказательство, — откровенно призналась она.

— А между тѣмъ Энида хвастаетъ, что она знаетъ меня лучше, нежели я ее.

— Что-жъ, это весьма естественная и простительная ошибка съ ея стороны, — тихо возразила его спутница.

Вокругъ все было по прежнему тихо и прекрасно; и луна, и безбрежная пустыня—все тѣ же, которыя восхищали его ужъ не сегодня и овладѣвали всѣмъ его душевнымъ миромъ; но сегодня впервые онъ не замѣчалъ ихъ безпредѣльной красоты, слишкомъ увлекшись неожиданной бесѣдой.

— Я полагаю,—продолжалъ онъ:—что мы для того только и родимся на свѣтъ, чтобы ошибаться. Еще въ младенчествѣ и въ самомъ раннемъ дѣтствѣ мы ошибаемся, воображая, что границы нашего сада—въ то же время и границы всей вселенной, и что ночникъ у насъ въ дѣтской похожъ на луну. Кто знаетъ? Можетъ быть, мы такъ же точно ошибаемся, думая, что смерть дастъ намъ освобожденіе, а могила—покой?.. Въ концѣ концовъ, чему же насъ научаютъ наши заблужденія?

— Мои многому меня научили, — возразила м-съ Энтри.

— А мои—только одному: что весь родъ людской сплошь заблуждается!

— Вашъ выводъ черезчуръ поспѣшенъ.

— Мои ошибки показали мнѣ, что все, рѣшительно все въ міроздании сотворено по болѣе возвышенному образцу, нежели самъ человѣкъ, и совершеннѣе, нежели онъ можетъ что-либо придумать и создать.

— Какъ это такъ?

— А, напримѣръ, небесную гармонію или безмолвіе, которое возвышеннѣе всякой музыки на свѣтѣ.

Взгляды м-съ Энтри явно выражали вопросъ.

— Угодно, я поясню вамъ на примѣрѣ? — предложилъ онъ болѣе мягкимъ голосомъ, нежели говорилъ обыкновенно.

Тѣмъ временемъ они ужъ приближались къ Mena-House.

— Вы не торопитесь домой?—спросилъ Денисонъ свою собесѣдницу.

— Нѣтъ,—отвѣчала она.

— Ну, тогда мы можемъ свернуть немного съ дороги.

Денисонъ повернулъ вправо, и оба молча доѣхали до того

мѣста, гдѣ въ углубленіи покоился вѣками безобразный, но величественный въ своемъ безобразіи, загадочный сфинксъ.

Сначала м-съ Энтри не знала, къ чему клонитъ ея спутникъ, и не могла понять, что̀ ему нужно въ ровной, безцвѣтной пустынѣ; но, завидѣвъ сфинкса, она вопросительно оглянулась на Денисона. Онъ ѣхалъ задумавшись и на лицѣ его было написано, что онъ забылъ, что онъ не одинъ. Она не захотѣла мѣшать его думамъ, и они въ полномъ молчаніи остановились у подножія гранитнаго изваянія,—этой міровой загадки.

Когда наступаетъ зима, въ Египтѣ входитъ въ моду ѣздить смотрѣть на сфинкса въ лунную ночь цѣлой компаніей, съ шумомъ и смѣхомъ. Но въ эту ночь тамъ было тихо: единственные туристы, очутившіеся съ глазу на глазъ съ чудовищемъ, отвѣчали на его нѣмой взглядъ такимъ же нѣмымъ взглядомъ. Ни смѣху, ни говору и неумѣстныхъ шутокъ; м-съ Энтри только взглянула на своего спутника утвердительно, чтобы онъ понялъ, что она понимаетъ его недавнее разсужденіе.

Безмолвіе, безпредѣльный миръ и тишина были вокругъ, и были дѣйствительно такіе, которые можно было пережить и перечувствовать глубоко; но безмолвіе гранитнаго гиганта, казалось, подавляло, захватывало своей могучей властью непреодолимо. М-съ Энтри была вообще женщина въ высшей степени впечатлительная, и нервы ея напряглись до невозможности. Ей начало казаться, что эта тишина затаенная—живая сила, что она давитъ, душитъ ее, какъ состояніе кошмара, которому спящій противиться не въ силахъ, хотя и чувствуетъ весь его ужасъ... Быть можетъ, она просто утомилась, или ее ужъ такъ настроилъ разговоръ съ Денисономъ; только она вдругъ почувствовала, что дольше не въ силахъ ни минуты вынести своего напряженнаго состоянія, и потеряла всякую власть надъ собою.

— Да скажите же мнѣ хоть слово! — вырвалось у нея настойчиво и рѣзко.

— А! и вы не выносите полнаго молчанія? — съ трудомъ проговорилъ онъ.—Въ такомъ случаѣ, пойдемте прочь!

— Нѣтъ, нѣтъ: не то!—возразила она, оживая, и, чувствуя, что нервы сыграли съ ней плохую шутку, улыбнулась сама себѣ. — Напротивъ, побудемъ здѣсь еще немного: я вѣдь просила васъ заговорить лишь потому, что слишкомъ сильно повліяла на меня тишина, сдѣлалась даже для меня невыносимой. Развѣ вамъ не случалось никогда испытывать что-либо такъ глубоко, что вамъ становится невыразимо страшно этого ощущенія,—будто

передъ бѣдою или неминуемой грозной опасностью. Еслибъ я не заговорила, я бы просто крикнула отъ ужаса.

— Вотъ до какого состоянія довело насъ всѣхъ непрестанное тараторство!—насмѣшливо замѣтилъ онъ, но не успѣлъ распространиться на эту тэму: за спиной у нихъ послышался голосъ Вита.

— Ага! Вотъ вы гдѣ! На кой чортъ записались вы оба въ звѣздочеты? Саидъ вѣдь угадалъ, что вы явились на поклонъ къ этой гранитной образинѣ... Эй ты, Гассанъ, или какъ тебя тамъ? подай мнѣ ружье! — прокричалъ онъ и взвелъ курокъ; но выстрѣлить онъ не успѣлъ. Кто-то подтолкнулъ ему руку и пуля взлетѣла на воздухъ.

— Вы-то чего, Денисонъ? Я, чортъ побери...

Денисонъ убѣдительно коснулся его руки и твердо сказалъ:

— Не стоитъ терять заряды попустому на такія каменныя глыбы... Пойдемъ-ка лучше прочь—пора!

Витъ вскинулъ на него глазами и согласился.

— Ну, хорошо, пойдемъ! Только вѣдь, знаете, я все равно цѣлился на воздухъ!..

— Ну да; ну да, идемъ!

Въ ту ночь м-съ Энтри заснула тревожно. Ужъ не Денисонъ ли, сатирикъ и мечтатель, такъ ее растревожилъ?

XI.

Денисонъ очень жалѣлъ, что не выдержалъ своего обычнаго характера, и пожалѣлъ тотчасъ же послѣ того, какъ остался одинъ. Онъ упрекалъ себя въ излишней слабости, и твердо порѣшилъ, что явится на слѣдующій же день во всеоружіи своей обычной сдержанности.

„Ну, что̀ она теперь обо мнѣ думаетъ? Что я съ ума сошелъ“?—невольно вертѣлось у него въ головѣ, пока усталость не послала ему сонъ.

На утро, едва Витъ Энтри завидѣлъ его на верандѣ, какъ уже поспѣшилъ къ нему.

— Послушайте, дружище! Вы у меня въ долгу за вашу вчерашнюю безцеремонность!—воскликнулъ онъ оживленно.

— Ну, чѣмъ могу служить?—стараясь попасть ему въ тонъ, подхватилъ Денисонъ.

— Извольте провести со мною ночь въ Каирѣ!

— Но позвольте, голубчикъ...

— Ничего не позволю, а тѣмъ болѣе—читать нравоученія! Вы, вѣрно, считаете своимъ долгомъ прикидываться святошей? Разувѣрьтесь, дружище: мать прекрасно понимаетъ, что нельзя не кутнуть иной разъ. О, вы еще не знаете ее!

М-съ Энтри посмотрѣла на Денисона, какъ бы говоря: „не отказывайте ему“!—а вслухъ сказала:

— Да оно и не нужно: всякому туристу рано или поздно суждено знакомиться съ увеселительною стороной Каира. И вы, конечно, знаете ее ужъ наизусть?

— Я знаю въ немъ мечети,—съ улыбкой возразилъ Денисонъ.

— А я вамъ покажу такое веселье, которое стоитъ полусотни мечетей!—воскликнулъ Витъ.—Ну, идетъ, что-ли?

— Идетъ!

— Я такъ и зналъ, что вы покутить не прочь!—ликовалъ бѣдный юноша. — Ужъ я вамъ все, все покажу. Мы пообѣдаемъ плотнѣе, а тамъ и махнемъ!.. Я вамъ... я...

Припадокъ сильнѣйшаго кашля не далъ ему договорить. Мать бросилась къ нему, а Денисону казалось, что на его глазахъ разыгрывалась ужасающая сцена борьбы жизни и смерти. М-съ Энтри по наружности оставалась спокойной и, повидимому, не теряла самообладанія; но лѣвая рука ея то судорожно сжимала, то рвала легкія складки платья.

Наконецъ, Витъ, лежавшій на креслѣ безъ сознанія, открылъ глаза и приподнялся, стараясь заставить поскорѣе забыть выраженіе ужаса, застывшее у него въ лицѣ, облитомъ холоднымъ, болѣзненнымъ потомъ.

— Ну, вотъ и прошло!—усиленно стараясь бодриться, объявилъ онъ.

— Отчего бы не отложить вамъ денька на два?—небрежно проговорила м-съ Энтри. — И вчера же мы съѣздили такъ неудачно...

— Вотъ потому-то и надо скорѣй замѣнить неудачу удачей!—настаивалъ юноша.—Вотъ ужъ сегодня такихъ насмотримся шакаловъ, что восторгъ!

Онъ разсмѣялся; и Денисонъ, не желая огорчить его, подражалъ ему именно въ томъ, что̀ осуждалъ. Лишь бы м-съ Энтри перемѣнила о немъ мнѣніе, перестала считать его необыденнымъ, страннымъ человѣкомъ.

Солнце было ужъ на закатѣ, когда мужчины простились со своими дамами. Передъ ихъ отъѣздомъ м-съ Энтри улучила-таки минутку шепнуть Денисону:

— Ради Бога! Удерживайте его, насколько возможно: онъ вѣдь ужасно ослабѣлъ!

Денисону послышалось отчаяніе въ ея тихомъ шопотѣ, а лицо ея улыбалось веселою улыбкой.

„Сколько въ женщинѣ мужества"! — подумалъ онъ, удивляясь ей.

Отъ Эниды однако не укрылось, что м-съ Энтри что-то шептала ея мужу. Она вся вспыхнула сердито и ушла въ комнаты, оставивъ мать Вита одну. Мысли ея вертѣлись теперь у одного только пункта—возвращенія на родину. Ей казалось такъ просто и естественно, что, очутившись среди сѣверныхъ тумановъ, прежній Денисонъ снова къ ней вернется. Какъ она ни старалась, бѣдняжка, ея проницательность все-таки была недальновидна...

Прощанье съ дамами не было лишено нѣкоторой напускной веселости, и теперь, по мѣрѣ удаленія отъ дома, мужчины погрузились въ молчаніе. Энтри, дѣйствительно, поутомился, а Денисонъ впалъ въ свою обычную мечтательность, при видѣ багроваго солнца, которое готово было захлебнуться въ пурпурныхъ водахъ великой рѣки, словно впитавшей въ себя кровь множества злополучныхъ поколѣній, павшихъ въ рабствѣ и въ бою,—при видѣ англійской лагерной суеты и оживленія, звуковъ призывной трубы и группъ солдатъ, игравшихъ на площадкѣ въ мячъ. Послѣдняя картина нѣсколько оживила Энтри; онъ высунулся изъ экипажа и, слѣдя глазами за движеніями играющихъ, понемногу началъ болтать и улыбаться.

Къ ресторану они подъѣхали болтая и даже смѣясь. Усѣвшись за отдѣльнымъ столикомъ, Энтри тотчасъ же принялся „подбадривать" себя съ помощью усердныхъ возліяній, и Денисонъ радъ былъ, когда ему удалось убѣдить его перейти въ гостиную.

— Надо намъ составить компанію,—суетился Витъ:—не пригласить ли къ себѣ вотъ того мичмана?

Мимо проходило, стояло и сидѣло не мало англичанъ и американцевъ въ военной или морской формѣ, или просто статскихъ.

— Не надо, пусть онъ самъ, по своему разумѣнію, теряетъ свою буйную голову!—возразилъ шутливо Денисонъ, и Витъ не сталъ ему перечить, весело разсмѣявшись.

— Ужъ вы, тихони, самые завзятые кутилы! — проговорилъ онъ, фамильярно хлопнувъ по плечу Денисона, которому было не до смѣха.

Ему хотѣлось ударить юношу по его исхудалой, дѣтски-слабой рукѣ; хотѣлось схватить его и рыдать надъ нимъ въ одно и то же время. Ему жутко было сравнить его, полуживого, изможденнаго, съ безшабашнымъ и полнымъ силы весельемъ, къ которому несчастный стремился.

— Ну, теперь остановка лишь за переводчикомъ,—замѣтилъ Денисонъ, вставая.

— О, объ этомъ ужъ не заботьтесь, я мигомъ!—возбужденно проговорилъ юноша и поспѣшно вышелъ вонъ.

Меньше чѣмъ черезъ двѣ-три минуты онъ вернулся.

— Въ шляпѣ дѣло!—объявилъ онъ.—Скорѣе въ путь!

И въ самомъ дѣлѣ, скоро они ужъ были на пути въ увеселительный кварталъ Каира, гдѣ днемъ было сравнительно тихо, а ночью кипѣло шумливое движенье. Проводникъ ихъ оказался нѣкій Гассанъ-Али—изъ второразрядныхъ и менѣе щепетильныхъ толмачей; присяжные переводчики ни за какія деньги не пойдутъ туда, гдѣ скученъ всякій сбродъ, промышляющій грубыми кутежами и продажнымъ весельемъ.

Недолго пришлось иноземнымъ гостямъ пробыть въ дорогѣ, покачиваясь въ туземной повозкѣ, въ тактъ мѣрному шагу приземистыхъ лошадокъ, и потѣшаться надъ очертаніями головъ и фигуръ кучера и проводника, сидѣвшихъ на козлахъ и казавшихся особенно забавными при свѣтѣ освѣщенныхъ домовъ, мимо которыхъ они проѣзжали. Вотъ, наконецъ, и знаменитое, восточное „Inferno“—„Адскій кварталъ“, кишащій разнузданностью и пороками, которые здѣсь, въ узкихъ, грязныхъ улицахъ, не стыдятся выставлять себя на показъ на свѣтъ Божій. У самаго въѣзда въ этотъ адъ, благопристойность и благоустройство города остановились, да такъ и остались позади, въ свѣтлыхъ, чинныхъ улицахъ, среди лоска и блеска полу-европейской цивилизаціи. Здѣсь, съ первой же минуты, получалось впечатлѣніе, какъ будто попадаешь на большую дорогу, гдѣ нападеніе на жизнь и кошелекъ дѣло обычное. Оборванцы—даже дѣти и юноши—на-ходу цѣплялись за края повозки и громкимъ шопотомъ на ломаномъ арабско-англійскомъ языкѣ поспѣшно сообщали о чудесахъ, на которыя стоитъ посмотрѣть, о небывалыхъ танцахъ и тому подобныхъ представленіяхъ, гдѣ главную роль притягательной силы играли невиданныя совершенства восточныхъ красавицъ. Толпы босоногихъ туземцевъ, самаго послѣдняго разбора осаждали проѣзжихъ, протягивая руки за піастрами, толкаясь, назойливо выкрикивая брань.

Нѣжные, вкрадчивые голоса темнокожихъ юношей, такъ просто

относившихся къ порочной сторонѣ той жизни, въ которой они жили и кормились; допотопная беззастѣнчивость обстановки, въ которой рождались и жили женщины и дѣти; грубыя, засаленныя одежды и еще болѣе грубыя и засаленныя шутки, — вотъ что̀ дѣйствительно нельзя было себѣ представить, не увидавъ собственными глазами. Казалось, въ этомъ пестромъ, низкопробномъ мірѣ шла жизнь полу-животныхъ, полу-людей тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда люди не знали узды нравственности и закона.

Вотъ, на порогѣ игорнаго домишка, изъ котораго доносились слабые звуки нестройной музыки, остановились двое типичныхъ сирійскихъ жидовъ, обрамленныхъ длинными, крутыми кудрями. Они углубились въ денежные разсчеты и пересчитывали деньги на ладонк, что-то бормоча и какъ бы держа совѣтъ: идти ли? Наконецъ, одинъ двинулся впередъ—и второй очутился за порогомъ почти рядомъ съ нимъ; на ихъ носатыхъ лицахъ виднѣлась улыбка.

А вотъ, подальше, солдата-грека безжалостно тузитъ солдатъ-англичанинъ. Грекъ закрывалъ руками глаза, чтобы ихъ не залило кровью, которая струилась у него по головѣ и по лицу. Англичанинъ остервенѣлъ и окровавленными кулаками продолжалъ угощать бѣднягу тумаками, приправляя ихъ жестокой бранью. Двѣ дѣвушки-танцорки стояли тутъ же и съ неподвижной улыбкой смотрѣли на кровавую расправу, которая привлекла вниманіе даже Вита. Онъ приподнялся въ своемъ экипажѣ, но на ухабѣ покачнулся и упалъ бы на мостовую, еслибъ его услужливо не поддержали нѣкоторые изъ назойливыхъ арабовъ.

Это взбѣсило больного; онъ отпихнулъ ихъ сердито и громко закричалъ на кучера:

— Да ну, пошелъ скорѣе!—но тутъ же упалъ на подушки въ припадкѣ жесточайшаго кашля, который высоко вздымалъ его чахлую, узкую грудь.

Но вотъ и танцовальный участокъ!

Это—рядъ домиковъ безъ оконъ, но зато съ широко распахнутыми дверями, въ которыя видно было все, что̀ дѣлалось внутри. Вотъ цѣлая группа турокъ тѣснится вокругъ стола, надъ которымъ бросаютъ кости; игра до того завладѣла ихъ вниманіемъ, что они и не замѣчаютъ клубовъ дыма, которымъ дышутъ и который почти мѣшаетъ имъ различать другъ друга. Дѣвушки—темнокудрыя и свѣтловолосыя—бросали за нихъ кости и побѣжали-было взглянуть на проѣзжихъ, но турки погнали ихъ обратно. Въ одномъ домѣ, побольше другихъ, мелькнула цѣлая волшебная картина. Въ большой и совершенно пустой комнатѣ, въ самой

глубинѣ стоялъ длинный диванъ, на которомъ сидѣли, поджавъ ноги, музыканты, издававшіе жалобные и нѣжные звуки флейтъ и цимбалъ. Посреди комнаты, подъ звуки этой призрачно-тихой и фантастической музыки, четыре женскія фигуры въ блѣдно-голубыхъ воздушныхъ одеждахъ стояли, изогнувшись какъ статуи, въ граціозныхъ позахъ, держа горизонтально тонкую палочку въ своихъ стройныхъ свѣтло-коричневыхъ рукахъ. Справа отъ нихъ стояли зрители: кучка мужчинъ и юношей-подростковъ... И эта живая картина промелькнула, какъ другія; и тихій отзвукъ флейтъ и цимбалъ замеръ въ отдаленіи... лишь для того, чтобъ возродиться снова съ приближеніемъ къ другой подобной же сценѣ... Разъ промелькнула даже цѣлая группа нубійскихъ танцорокъ, среди которыхъ выдѣлялась одна бѣлая, прокричавшая что-то на знакомомъ языкѣ.

— Чортъ побери, американка!—воскликнулъ Энтри.

Шумъ и безпорядочная суета на улицахъ, скорѣе похожихъ на грязныя тропинки. Несмолкаемый гамъ толпы, удары тамтама, жалобныя звуки флейтъ и цимбалъ, пестрота и яркость картинъ, которыя мелькали въ мрачныхъ, но ярко освѣщенныхъ домахъ, которые гудѣли гомономъ танцевъ и азартной игры—все это, вмѣстѣ взятое, ошеломляло, одуряло пришельца, которому, сверхъ того, еще жужжали въ уши услужливые и алчные арабы.

Воображеніе Денисона не дремало. Ему уже казалось, что со всѣхъ сторонъ невидимые голоса твердятъ одну и ту же мысль, которая стучала у него въ мозгу неотвязно:

— Да это адъ кромѣшный! Адъ!

Эти слова, казалось, пылали огненными буквами надъ дверями игорныхъ притоновъ, надъ группами танцорокъ и непроглядными столбами дыма курильщиковъ, надъ улыбками женщинъ и крикомъ визгливыхъ ребятишекъ... даже надъ мертвенно-блѣднымъ лицомъ Вита, полу-живого, но горящаго страстнымъ желаніемъ пожить, повеселиться, какъ другіе... Наконецъ, Денисонъ рѣшился прервать свои невеселыя думы вопросомъ:

— Ну, куда жъ мы теперь?

— Въ Hôtel de Londres!—былъ возбужденный отвѣтъ.

— Гм! На восточное названіе что-то непохоже,—замѣтилъ Денисонъ.

— Пустяки! Да вотъ, сами увидите, дружище! Это вѣдь балетъ, а не отель... А, здравствуй Мохаммедъ! Ахъ ты образина! вотъ и я, да еще не одинъ!

Мохаммедъ пошелъ рядомъ съ экипажемъ, чтобы не отста-

вать, и вскорѣ кучеръ придержалъ лошадей у высокаго, мрачнаго дома.

Войдя въ дверь, Денисонъ, его спутникъ и Мохаммедъ очутились въ сводчатомъ корридорѣ, который велъ къ темной лѣстницѣ. Съ трудомъ, тяжело опираясь на руку Денисона, Витъ поднялся на плоскую крышу дома, и оба облегченно вздохнули, очутившись подъ вольнымъ, звѣзднымъ небомъ. Съ одной стороны къ крышѣ примыкала стѣна, въ которой свѣтилось одно только окошко, выходившее также на крышу; съ нея вела внутрь дома еще дверь, и за ней долго никто не откликался на стукъ и на зовъ. Денисону даже пріятна была такая проволочка; онъ наслаждался дивною картиной, разстилавшейся передъ нимъ. Круглая, какъ серебряное блюдо, луна тихо плыла по звѣздному небу; внизу темными массами тянулись дома, кое-гдѣ освѣщенные; у ногъ его—на узкую улицу падала струя тусклаго свѣта... Мысль Денисона, словно чайка на крыльяхъ, полетѣла вдоль, за окраину города, гдѣ луна мирно глядѣлась въ безмятежно дремавшія воды Нила,—полетѣла къ зеленымъ равнинамъ, за грязныя деревушки; туда, гдѣ безпредѣльно раскинулась пустыня, передъ величіемъ которой онъ, холодный и насмѣшливый, благоговѣлъ, въ которой онъ мысленно падалъ ницъ передъ безмѣрнымъ всемогуществомъ Творца. Онъ припадалъ смиренно къ Его благостнымъ стопамъ; онъ въ лоно Его изливалъ свои тяжкія сомнѣнія и печали...

— Чтò они всѣ? Съ ума сошли? — раздался у него подъ ухомъ голосъ запыхавшагося Вита.

Мохаммедъ забарабанилъ кулаками въ дверь, и она мигомъ растворилась.

— Ну, Салли, шевелись! Впускай гостей! — скомандовалъ юноша, и Денисонъ увидалъ безобразно-толстую африканскую негритянку, на мохнатой головѣ которой красовался ярко-красный тюрбанъ, увѣшанный цехинами, побрякивавшими въ тактъ ея приниженнымъ поклонамъ. Богато расшитая безрукавка едва сдерживала ея расползающійся станъ; на пальцахъ и на голыхъ толстыхъ рукахъ сверкали кольца и браслеты. По бокамъ ея высовывались украдкой двѣ дѣтскихъ смѣющихся чернокудрыхъ головки. Негритянка протянула въ знакъ привѣта руку Денисону... и его мечты какъ не бывало!

Вмѣсто великаго Нила, зеленой равнины и песковъ, которые ему нарисовало его чуткое воображеніе, онъ очутился въ трехъ заурядныхъ, на европейскій ладъ меблированныхъ комнатахъ. Ничего любопытнаго, или хотя бы восточнаго, пока не предвидѣлось,

и Денисонъ безучастно усѣлся на диванъ, закуривая папиросу въ то время, какъ Витъ Энтри, негритянка, Мохаммедъ и толмачъ спорили изъ-за денегъ.

Чернокожая, какъ оказалось, одержала побѣду и добилась желаемаго.

— Чортъ, а не женщина!—воскликнулъ Витъ, бросаясь на диванъ рядомъ съ пріятелемъ:—ее не проведешь! Хочешь—не хочешь, а ужъ придется платить ей за каждый танецъ отдѣльно... Нѣтъ, нѣтъ: не то!—прокричалъ онъ, махая рукой на молодую нубіянку, которая только-что вошла и повидимому намѣревалась выступить въ качествѣ солистки.

Старуха, вѣрно, знала, что больше можетъ нравиться, и покорно вышла вслѣдъ за дѣвушкой. Между тѣмъ, Мохаммедъ взялся за флейту, а Гассанъ за громкій и однообразный тамтамъ. Флейта засвистѣла, тамтамъ отбивалъ какой-то необыкновенный размѣръ, и все время, пока длились приготовленія къ танцамъ, музыку не переставали сопровождать за дверью шептанье и хихиканье женщинъ.

Витъ Энтри ужъ не разъ покрикивалъ, чтобы поторопились... Вдругъ тихо отворилась дверь и въ комнату проскользнула та же нубіянка, только въ иномъ нарядѣ и въ сопровожденіи двухъ другихъ дѣвушекъ, но еще болѣе юныхъ, чѣмъ даже она сама. Вмѣсто плотной куртки и пышныхъ шальваръ, на нихъ было длинное, но легкое и тонкое до прозрачности, свободное платье, усѣянное блестками; на рукахъ, ногахъ и головѣ—кольца, браслеты и бусы.

Танцовщица остановилась неподвижно и — стройная, юная, сложенная какъ статуя—дѣйствительно казалась прекраснымъ изваяніемъ; глаза у этой статуи смотрѣли слишкомъ вызывающе-лукаво. Ей на видъ было лѣтъ шестнадцать, не больше, но ея подруги были и того моложе. Она казалась главной изъ нихъ, а онѣ лишь подражали ей, держась немного позади и невольно увлекаясь привычнымъ танцемъ, будто она имъ сообщала огонекъ, таившійся въ ея чуть замѣтныхъ движеніяхъ, въ ея большихъ черныхъ глазахъ

Танецъ начался весьма оригинально.

Стоя на мѣстѣ, она улыбалась, и съ головы до пятъ все ея молодое тѣло чуть замѣтно трепетало. Мало-по-малу, трепетъ становился замѣтнѣе и напоминалъ собой колебаніе пламени свѣчи. Ея подруги вторили ей, и движенія ихъ дѣлались, постепенно, продолжительнѣе, опредѣленнѣе. Ихъ высоко поднятыя руки сначала тихо опускались до уровня плечъ и, наконецъ,

лица́, котораго почти касались ихъ темные пальчики, а изъ-за нихъ, словно изъ-за рѣшетки, сверкали бѣлые зубки и блестящіе смѣющіеся глазки. Ножки, попиравшія большія розы на коврѣ, понемногу стали отбивать тактъ съ удивительной точностью. Музыка, мѣрныя движенія и топотня ножекъ по пышнымъ розамъ ковра, должно быть, и на него дѣйствовали какъ-то притягательно, потому что Денисонъ вдругъ увидалъ, что Витъ ему сочувственно киваетъ головой и говоритъ:

— А что? Вѣдь хорошо?!

Возбужденіе танцоровъ и окружающихъ все возрастало.

Въ зеркалахъ отражались и метались фигуры танцующихъ, которыхъ казалась цѣлая толпа; сверкали тамтамы; виднѣлись флейты и сами музыканты (они же и зрители). Казалось, воздухъ отяжелѣлъ и въ немъ стономъ стоялъ топотъ ногъ, и грохотъ, и визгъ инструментовъ. Движенія танцующихъ становились размашистѣе; ихъ руки мелькали въ воздухѣ, будто надъ головою Денисона, и ему начинало казаться, что онѣ дѣлаютъ надъ нимъ гипнотическіе пассы,—учащенно, но мѣрно. Лица ихъ, казалось, становились горячѣе, возбужденнѣе... Глаза Вита неотступно слѣдили за ихъ выраженіемъ; на его впалыхъ щекахъ разгорались зловѣщія красныя пятна.

Смутное состояніе гипноза овладѣвало Денисономъ; воображеніе его отдавалось соннымъ грёзамъ. Какъ во снѣ видѣлъ онъ около и вокругъ себя полуобнаженныя, пластическія фигуры танцовщицъ, уже метавшіяся въ бѣшеномъ вихрѣ танца; видѣлъ ихъ, словно призраки быстрыхъ и мимолетныхъ сновидѣній. Но Энтри, увлекаясь, жадно слѣдилъ за мелькавшими передъ ними красавицами, воплощеніемъ жизни, здоровья и увлеченія. Взоры его горѣли; онъ качнулся впередъ и жадно ловилъ каждое движеніе, каждый искрометный взглядъ ихъ разгорѣвшихся лицъ...

Вдругъ Денисонъ вздрогнулъ и оглянулся.

Его руку судорожно сжималъ его сосѣдъ, Энтри. Бѣдняга не могъ уже больше скрыть физической боли, и ужасъ былъ написанъ на его исхудаломъ, обострившемся лицѣ; его впалая грудь порывисто колыхалась подъ напоромъ сильнѣйшаго приступа кашля. Кашель прервался на мигъ, и, весь въ изнеможеніи, больной упалъ на низкія подушки дивана. По его желтой обивкѣ змѣйкой поползла тонкая струйка крови.

А танцовщицы все вертѣлись и вертѣлись... Флейта свистѣла и выкрикивала, цимбалы звенѣли... И тѣ, и другіе, словно не могли остановиться, подчиняясь обаянію однообразно-мѣрной музыки, которое они сами создали. Да и самъ Денисонъ какъ-то

безсознательно поглядывалъ на поблѣднѣвшее лицо несчастнаго юноши, на струйку крови, которая текла изъ его осунувшагося рта; на его руки, безпомощно свѣсившіяся до-полу... Онъ казался ему не живымъ человѣкомъ, а лишь центральнымъ лицомъ адски страшной картины, которая была у него передъ глазами.

XII.

Воспоминаніе обо всемъ происшедшемъ долго не могло изгладиться изъ памяти Денисона. День и ночь въ ушахъ его свистѣла флейта и звенѣли цимбалы. Передъ его мысленными очами извивались красавицы въ своихъ легкихъ одеждахъ, сверкавшихъ мишурными блестками; улыбались ихъ лукавыя, возбужденныя лица; махали въ воздухѣ ихъ смуглыя руки, топали темныя крошечныя ножки и алѣли ярко-пунцовыя розы полу-европейскаго ковра. Не ихъ обаяніе сковывало вниманіе Денисона: ему жутко было сидѣть безъ движенія и жутко шевельнуться... Онъ не помнитъ, какъ онъ очнулся; помнитъ только, какъ одна изъ танцовщицъ ступила ногой на мокрое, кровавое пятно и въ ужасѣ остановилась неподвижно передъ злополучнымъ юношей, блѣднымъ и распростертымъ какъ покойникъ. Музыка вдругъ оборвалась на полутонѣ; толстая негритянка кубаремъ скатилась съ дивана. Цимбалы, звеня, покатились по полу. Кровь текла неудержимо, но никто не нашелся сразу помочь бѣдѣ...

Наконецъ, кто-то рѣшился двинуться первый. Дверь растворили и на рукахъ вынесли недвижимаго юношу, котораго, какъ по бѣлоснѣжной простынѣ пронесли по крышѣ, озаренной луною. Въ отворенную дверь смотрѣли ему во слѣдъ, стоя на порогѣ, молодыя танцовщицы. Улыбка сбѣжала съ ихъ губъ; взоры стали тихи и какъ бы боязливы, что̀ придавало имъ видъ наивныхъ дѣтей, испугавшихся чего-нибудь „страшнаго". Какой-то особый оттѣнокъ невинности и дѣтской чистоты и прелести лежалъ на ихъ юныхъ, присмирѣвшихъ лицахъ, словно облагороженныхъ чувствомъ страха. Или, быть можетъ, небесное свѣтило своими чистыми лучами смыло съ ихъ юной красоты и тѣнь порока?..

Внизу, у порога, иностранцевъ ожидала цѣлая толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, зазывающихъ къ себѣ наперерывъ. Они шумно набросились на доходныхъ гостей, каждый громко выхваляя свои увеселенія; но вдругъ умолкли и отступили назадъ отъ слабаго, полуживого юноши, блѣднаго и неподвижнаго, какъ мертвецъ. Очевидно, никакія увеселенія не могли его развесе-

лить! Женщины трогали его пальцами, выкрикивали въ ужасѣ отрывистыя замѣчанія. Имъ показалось, что онъ уже мертвъ, и на лицахъ всѣхъ отразилось разочарованіе: ну, къ чему имъ этотъ полу-мертвецъ?

Медленно, шажкомъ поплелись лошадки и долго еще по бокамъ экипажа виднѣлись группы пестро одѣтыхъ мужчинъ и женщинъ; долго мелькали въ толпѣ, въ перемежку, синія восточныя одежды и красные тюрбаны. Ряды домиковъ и домишекъ стали, наконецъ, постепенно рѣдѣть; музыка начала замирать въ отдаленіи и—совсѣмъ замерла въ сонномъ воздухѣ.

„Адскій" кварталъ остался позади. Лошадки пошли свободной рысцою, словно понимая, что вырвались на чистую, вольную дорогу, смѣнившую грязные, тѣсные проулки, для которыхъ названіе „улицъ" было бы слишкомъ большимъ почетомъ. А впереди разстилалась необозримая ширь пустыни...

Три дня пролежалъ бѣдный Витъ въ одномъ изъ отелей Каира, и только тогда его бережно перевезли домой. Вмѣстѣ съ упадкомъ силъ, повидимому, въ немъ упала всякая охота къ развлеченіямъ и къ кутежамъ. Физическія страданія мѣшали ему потушить нравственныя, и онъ непрерывно испытывалъ на себѣ ощущеніе, знакомое птицѣ, которую, напримѣръ, привязали бы за лапку на очень длинной и свободной веревкѣ. Онъ былъ чрезвычайно слабъ и могъ только сидѣть или полулежать на верандѣ отеля, съ ненавистью въ глазахъ слѣдя за картинами изъ быта туристовъ въ Египтѣ, которыя непрерывно разыгрывались передъ нимъ у подножія пирамиды. Мать не отходила отъ него ни на шагъ, но вообще никогда не подавала повода замѣтить, что она считаетъ его слабымъ больнымъ и, страдая въ душѣ, обходилась съ нимъ оживленно, почти весело и ухаживала какъ будто не нарочно, а такъ себѣ, между прочимъ. Она болтала весело и остроумно; рѣчь ея текла плавно и блистала обычной находчивостью. Всѣ постояльцы Mena-House сходились во мнѣніи, что она женщина черствая, безсердечная. Громкимъ шопотомъ стояло въ воздухѣ выраженіе, которымъ заклеймили ее добродушные обитатели отеля.

— Безчеловѣчная! Безчеловѣчная мать!—раздавалось въ корридорахъ и въ большихъ, уютныхъ столовыхъ и гостиныхъ, полныхъ комфорта и пріятной прохлады.

Въ несправедливости своей, впрочемъ, осуждавшіе ее были виновны лишь наполовину. Они стремились въ ней подмѣтить

подходящія черточки въ словахъ и движеніяхъ, въ выраженіи лица, которое, по ихъ мнѣнію, приличествовало бы матери умирающаго, единственнаго ребенка, но не находили ихъ и не задумывались осуждать ее безповоротно.

Энида не примыкала къ общему хору осужденій, но въ душѣ она все-таки причисляла м-съ Энтри къ людямъ незауряднымъ и также осуждала ее, но со своей точки зрѣнія и осуждала втихомолку, своими низко опущенными глазами и нѣмыми взглядами. На время Энида какъ будто бы даже примирилась съ тѣмъ, что мужъ отстранился отъ нея, и только ожидала, когда бы скорѣй уѣхать. Она даже не могла хорошенько уяснить себѣ, въ чемъ именно у нихъ съ мужемъ вышла рознь; только въ своихъ догадкахъ она считала виновницей мужнинаго отчужденія м-съ Энтри и ревновала ее къ своему Гарри.

Между тѣмъ, и въ немъ самомъ совершалась какая-то замѣтная перемѣна. Онъ становился угрюмѣе обыкновеннаго и какъ бы былъ чѣмъ-то недоволенъ, досадовалъ на что-то или даже отчаявался... но въ чемъ? Вся наблюдательность м-съ Энтри ничего тутъ не могла подѣлать. А дѣло было просто въ томъ, что Денисонъ былъ недоволенъ собой и своимъ безъисходнымъ положеніемъ.

Онъ никакъ не могъ удовлетворительно рѣшить вопросъ, какъ бы ему продлить пребываніе въ тиши Египта и въ сосѣдствѣ съ его грандіозными представительницами — пирамидами. Время ужъ близилось къ отъѣзду. Каюты были взяты заблаговременно, и Энида, оживленная, повеселѣвшая, не скрывая своего удовольствія, возилась съ упаковкой и укладкой.

Слово: „отъѣздъ", казалось, такъ и звенѣло въ воздухѣ... А Денисону рѣшительно не хотѣлось уѣзжать. Какъ ни ломалъ онъ голову, а ничего не могъ придумать, чтобъ задержать свой отъѣздъ. Думалъ-было сдѣлать видъ, что боленъ, но и это средство было не изъ особенно надежныхъ: Энида не отходила бы отъ него ни на шагъ и мѣшала бы ему предаваться своему единственному наслажденію, уединеннымъ прогулкамъ, отдохновенію на лонѣ пустыни.

Только тамъ, среди безбрежнаго пространства, въ тиши, полной таинственнаго, священнаго величія и безпредѣльности, онъ отдыхалъ душою;—онъ вкушалъ полный, сладостный миръ и покой; и только этотъ миръ давалъ ему возможность хоть не надолго отдохнуть отъ непрестаннаго напряженія,—этого естественнаго послѣдствія его слишкомъ чуткаго воображенія и чрезвычайной воспріимчивости. По наружности, Денисонъ былъ, какъ

и обыкновенно, невозмутимъ и всегда готовъ къ презрительнымъ шуточкамъ и насмѣшкамъ; но въ глубинѣ души его грызла боязнь, какъ бы люди не догадались о его таинственныхъ прогулкахъ и о самомъ предметѣ его горячаго поклоненія. И въ то время какъ всѣ его считали разсѣяннымъ и безучастнымъ, онъ, наоборотъ, былъ до болѣзненности сосредоточенъ и непрерывно подстрекалъ себя быть на сторожѣ, не дремать, чтобы ни словомъ, ни движеніемъ, ни даже взглядомъ не выдать тайны своего фантастическаго культа.

Ему вдругъ начинало казаться, что каждый туристъ непремѣнно съ особымъ любопытствомъ таращитъ на него глаза, что ничтожнѣйшій изъ слугъ въ гостинницѣ слѣдитъ за нимъ исподтишка. Говорилъ онъ съ каждымъ днемъ все меньше и меньше; а если и говорилъ, то взвѣсивъ предварительно каждое слово и сообразивъ, какія могли быть послѣдствія или какъ могло повліять на другихъ его замѣчаніе.

Ему казалось, что самое достойное для человѣка — это полнѣйшее ничѣмъ невозмутимое молчаніе, и порой, силою привычки, онъ доходилъ почти до такихъ святотатственныхъ помысловъ, что готовъ былъ укорять Провидѣніе: зачѣмъ оно наградило людей даромъ слова?.. По ночамъ, вернувшись со своей одинокой прогулки, Денисонъ долго-долго еще не спалъ, перебирая въ умѣ ужасы полныхъ трагизма разочарованій, любовныхъ раздоровъ, недоразумѣній между близкими и любящими людьми,— словомъ, все, что̀ бываетъ послѣдствіемъ способности человѣка говорить, устно выражать свои мысли и чувства. И, мало-помалу онъ доходилъ до того, что останавливался на заключеніи, будто всѣ бѣды на свѣтѣ происходятъ отъ людской говорливости. На глазахъ его выступали слезы умиленія при мысли, что цвѣты и растенія — эти роскошные дары природы — вѣчно хранятъ благоговѣйное молчаніе, и постигнуть „ихъ“ думы и чувства не въ силахъ весь умъ человѣческій. Цвѣты благоухаютъ въ своей тихой прелести и навѣваютъ на человѣка неизмѣнно привлекательныя грезы, будятъ въ душѣ его отзвукъ того, чего имъ не дано выразить въ словахъ.

Денисонъ съ наслажденіемъ мечталъ о величественной красотѣ великихъ твореній искусства. Воображеніе напоминало ему, какъ бы въ подтвержденіе, цѣлыя картины и изображенія святыхъ въ соборахъ и церквахъ, гдѣ лики ихъ безмолвно и безстрастно смотрятъ на цѣлыя поколѣнія богомольцевъ и усердныхъ ревнителей вѣры христіанской. Передъ нимъ, какъ сейчасъ, вставали дивныя изваянія безсмертныхъ мастеровъ-скульпторовъ,

на которыя любоваться приходятъ толпы богомольцевъ, которыя, невольно нѣмѣя въ священной тишинѣ собора, принимаются на улицѣ безъ умолку болтать, убивая въ себѣ безвозвратно то драгоцѣнное душевное умиленіе, которое они только-что чувствовали въ Божьемъ храмѣ. Таинственное сочетаніе и единеніе природы и растеній, сумерокъ и ночной мглы, земли и волнъ морскихъ приводило его въ неописанный восторгъ и безмолвный трепетъ,—единственный достойный способъ поклоненія передъ великимъ алтаремъ божественной природы. Денисонъ считалъ высшимъ ея проявленіемъ торжественную тишину; а кто же могъ служить ея нагляднѣйшимъ воплощеніемъ, какъ не вѣчная сфинксъ-загадка, безстрастно глядящая на тысячи поколѣній, смѣняющихся на ея глазахъ? Мечтателю казалось достойнымъ поклоненія величественное гранитное лицо загадочнаго изваянія, и его созерцаніе давало ему наслажденіе, къ которому онъ стремился. Душѣ его была близка невозмутимая вѣковѣчная неподвижность, которая и ему сообщала свой покой, свое безмолвное затишье.

Пусть его сочтутъ сумасшедшимъ, пусть на него указываютъ пальцемъ!

Ужъ не сегодня высказано мнѣніе, что каждый человѣкъ до нѣкоторой степени сумасшедшій; это знаетъ прекрасно и самъ Денисонъ, и этому же свидѣтель—его гранитный безмолвный кумиръ. Ничего прекраснѣе молчанія и тишины онъ рѣшительно не могъ себѣ представить.

— Не лучше ли было бы людямъ не тратить понапрасну чуднаго дара Божія—дара слова?—разсуждалъ онъ упрямо.—Въ безмолвныхъ городахъ и селахъ жилось бы дружнѣе, веселѣе; не слышалось бы грубой брани, проклятій и упрековъ. Дѣти не гомонили бы съ утра до вечера; женщины не трещали бы безъ умолку; весь городъ утопалъ бы въ безмолвіи... Что̀ за миръ и тишина спустились бы тогда въ шумныя улицы и въ грязные кварталы! Даже старые и пожилые люди, умудренные своимъ долголѣтнимъ молчаливымъ раздумьемъ, перестали бы тогда бояться вѣчнаго покоя: страхъ смерти пересталъ бы для нихъ существовать!.. О, еслибы весь міръ жилъ въ безмолвномъ покоѣ!..

Эта мысль до того внѣдрилась въ его воображеніе, что даже Энида замѣтила все возрастающую молчаливость мужа.

— Что̀ съ тобой, Гарри?—спросила она:—ты все молчишь!

— Людямъ и безъ того приходится слишкомъ много болтать,—возразилъ Денисонъ уклончиво.

— А я такъ думаю, что умный разговоръ лучше всякихъ другихъ удовольствій въ мірѣ,—замѣтила молодая женщина.

Но мужъ оставилъ ея замѣчаніе безъ отвѣта; онъ, по обыкновенію, усиленно думалъ о томъ, какъ бы продлить свое пребываніе въ Mena-House. Пристальный взглядъ, его, однако, встрѣтился со взглядомъ его встревоженной жены, и она спросила:

— Чего ты? Что-нибудь у меня не въ порядкѣ?—и критическимъ взоромъ окинула свое платье; но Денисонъ только отрицательно покачалъ головой и пошелъ прочь.

Въ корридорѣ къ нему подошла м-съ Энтри, блѣдная, осунувшаяся, съ дрожащими губами. Тѣмъ болѣе тяжело было ее видѣть въ такомъ состояніи, что она всегда была сдержанной и веселой.

— А я за вами!—проговорила она.

— Да?—отрывисто спросилъ Денисонъ, стремившійся скорѣе удалиться въ свое возлюбленное уединеніе.

— Виту сегодня хуже...—начала она опять, видимо напрягая всѣ усилія, чтобы говорить обыкновеннымъ, твердымъ голосомъ:—кровохарканье опять возобновилось, и д-ръ Вэнъ говоритъ... д-ръ Вэнъ...

Голосъ ея оборвался, но взглядъ былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Въ ея широко-раскрытыхъ глазахъ Денисонъ прочелъ ясно недосказанное и серьезнѣе обыкновеннаго отвѣтилъ:

— Мнѣ очень жаль!.. Я вамъ сочувствую...—но въ глубинѣ души онъ все-таки сознавалъ, что въ эту минуту его скорѣе привлекаютъ его личные интересы.

— Не зайдете ли къ нему на минутку?—предложила м-съ Энтри. — Онъ никого къ себѣ не подпустилъ бы, кромѣ васъ. До другихъ ему дѣла нѣтъ!

Денисонъ довольно сухо выразилъ свое согласіе, сознавая всю свою эгоистичность и въ то же время не стараясь ее скрыть.

Онъ одинъ прошелъ прямо въ комнату больного и былъ пораженъ рѣзкою въ немъ перемѣной. Даже руки Вита, лежавшія поверхъ одѣяла, казались уже совсѣмъ отжившими, какъ у покойника. Однако, входя, Денисонъ постарался принять безпечный и почти веселый видъ, замѣтивъ, что больной желаетъ все-таки бодриться.

— Ну, другъ, какъ видите, мнѣ вздумалось сегодня поваляться!—какъ бы извиняясь, что онъ еще въ постели, началъ Витъ Энтри своимъ слабымъ, сдавленнымъ голосомъ.—Вчера я порядкомъ усталъ, а сегодня и совсѣмъ разлѣнился. Всегда я былъ, впрочемъ, лежебокомъ...

Его блестящіе глаза смотрѣли на посѣтителя тревожно и пытливо, стараясь подмѣтить на его лицѣ отблескъ выраженія

ужаса или сострадания; но Денисонъ не проявилъ ни того, ни другого и усѣлся, разговаривая, у него въ ногахъ. Все время онъ, однако, не переставалъ чувствовать, что Витъ умираетъ, постепенно погружаясь въ бездонную пучину, гдѣ царятъ вѣчные тишина и покой. Во взглядѣ и въ голосѣ юноши было что-то такое странное, новое; такое неестественное и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекающее вниманіе.

Глядя на осужденнаго на смерть больного, Денисонъ завидовалъ ему и удивлялся, почему онъ такъ боится вѣчнаго успокоенія. Все, къ чему такъ стремился, чего онъ, Денисонъ, желалъ такъ горячо, все дается этому неблагодарному ребенку. Онъ погрузится въ состояніе истиннаго, блаженнаго покоя; отдѣлится на вѣки отъ бренной суеты и трескотни пустой толпы порочныхъ и пустыхъ людей!..

Денисонъ незамѣтно для себя задумался и замолчалъ. Въ комнатѣ слышалось только тяжелое дыханіе больного, съ котораго Денисонъ не сводилъ своего пытливаго взгляда и во время наступившаго молчанія испытывалъ все возрастающее чувство зависти къ счастливцу, оставляющему юдоль мелочныхъ дрязгъ и интересовъ, въ которой ему, Денисону, еще суждено пресмыкаться.

Досада и безсильная злоба на судьбу овладѣли имъ, и ему страстно захотѣлось протянуть руку счастливцу и крикнуть ему:

— Поздравляю, поздравляю!

Но онъ только протянулъ руку, чѣмъ не мало удивилъ Вита.

— Чтò съ вами? Вы ужъ собрались уходить?

Денисонъ нагнулся надъ больнымъ и, пристально глядя ему въ глаза, спросилъ:

— Ну, чего вы отчаяваетесь? Чего боитесь?

Юноша уставилъ на него глаза.

— Кто говоритъ, что я боюсь? Чего такого мнѣ бояться?

Сухія губы больного дрогнули, когда Денисонъ прибавилъ:

— Вы сами знаете: чего!

— Вы жестоки!—пробормоталъ онъ, заглушая порывъ рыданій.—Да чтò же вы хотите, наконецъ, сказать?—вырвалось у него, и предчувствіе ужаса овладѣло имъ невольно.

Денисону доставляло злорадное наслажденіе помучить мнимаго счастливца.

— Ну, чего вы боитесь умирать?—холодно спросилъ онъ.

Бѣдный Витъ затрясся какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ, несмотря на знойное солнце, нагрѣвавшее его постель.

— Чтò за ахинею вы несете?!—громкимъ шопотомъ сердито

вырвалось у него. Но злобное раздраженіе, отражавшееся у него въ глазахъ, еще больше поощряло Денисона.

— Вы вѣдь умираете,—подтвердилъ онъ.

Юноша громко принялся браниться и съ клятвой увѣрялъ, что этого не можетъ быть, это неправда!

Денисонъ, глядя на него, только улыбался; въ его глазахъ даже смѣшнымъ казалось сопротивленіе такому завидному удѣлу. Онъ склонялся надъ умирающимъ все ниже, ниже и, наконецъ, обѣими руками ухватилъ его за худенькія плечи.

— Да поймите же вы, что я вамъ завидую!—воскликнулъ онъ.—Вы, счастливецъ, освободитесь отъ житейской пустоты!

Но Витъ только дрожалъ отъ страха и разразился страстнымъ припадкомъ дѣтски-безпомощныхъ, отчаянныхъ слезъ.

XIII.

Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, Энида была особенно весела и любезна съ мужемъ; но не до того было бы ей, еслибъ она, уходя на покой, невзначай оглянулась. На лицѣ его играла недобрая усмѣшка, когда онъ шелъ обратно на веранду, гдѣ одиноко сидѣла м-съ Энтри. Бѣдный сынъ ея теперь бо̀льшею частью засыпалъ, какъ только солнце заходило, а слабость не давала ему возможности и даже желанія говорить или думать.

— М-ръ Денисонъ!—обратилась къ нему м-съ Энтри.—Мнѣ вѣдь казалось, что отъѣздъ вашъ долженъ былъ бы меня огорчить.

— Вы хотите сказать, что въ сущности онъ васъ *не* огорчаетъ?

— Теперь—не очень!.. Чѣмъ вы обидѣли Вита?

— Да ничѣмъ! Я даже васъ не совсѣмъ понимаю.

— Онъ мнѣ только-что признался, что онъ васъ... *васъ*, обществомъ котораго онъ такъ всегда дорожилъ... ненавидитъ! Что̀ это значитъ?

Денисонъ закуривалъ папироску и ея пламя освѣщало ему лицо. Онъ бросилъ ее на полъ и притопталъ ногами.

— Это, по всей вѣроятности, значитъ, что я отступилъ отъ общаго правила и сказалъ ему правду въ глаза. Это рѣдко кто можетъ вынести.

— Какую правду?

— А у васъ самихъ хватитъ ли силъ ее услышать?

— Да, хватитъ!—былъ спокойный отвѣтъ.

— Я сказалъ, что завидую ему потому, что онъ умираетъ!

Съ минуту м-съ Энтри молча смотрѣла прямо передъ собою, въ неясную даль ночного небосвода.

— И это правда: я искренно завидую ему!—повторилъ ея собесѣдникъ.

— Онъ умираетъ; я и сама это знаю,—сказала мать Вита, безъ колебаній или особой чувствительности въ видѣ вздоховъ или дрожанья въ голосѣ. — Быть можетъ, онъ и пожилъ бы еще, еслибы я не допускала его прожигать жизнь въ кутежахъ. Но еслибы мнѣ пришлось вновь пережить все прошлое,—не знаю, могла ли бы я поступать иначе?

— Бороться, все равно, вамъ пришлось бы напрасно. Человѣку не по силамъ сломить въ другомъ—проявленія человѣческой природы; всѣ надежды на это совершенно неосновательны.

— Я и не надѣялась ни на что: я просто слишкомъ сильно его любила для того, чтобы вести борьбу. Я слишкомъ была слаба и безсильна.

— Да; часто любовь замѣняетъ намъ слабохарактерность.

— Ну, такъ, я полагаю, это—плохо направленная любовь.

— А поступать сильно и смѣло, говорить открыто все, что̀ думаешь и чувствуешь,—развѣ это не все равно, что сѣять вражду къ себѣ? Витъ, напримѣръ, теперь меня возненавидѣлъ, потому что я не побоялся сказать ему правду въ глаза; я сказалъ ему только то, что̀ чувствовалъ на самомъ дѣлѣ. Еслибы вы узнали мое настоящее *я*, вы могли бы меня возненавидѣть или просто бояться меня, какъ Витъ боится смерти. Я пришелъ къ этому убѣжденію путемъ долголѣтняго опыта, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началъ мыслить и отдавать себѣ отчетъ въ своихъ ощущеніяхъ. Я вижу, что люди довѣряютъ лишь людямъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ, а любятъ только лживыхъ и лукавыхъ,—заключилъ Денисонъ съ нескрываемой горечью.

М-съ Энтри покачала головой.

— Вы сами не вѣрите своимъ словамъ. Вы и сами-то не искренни!.. Гвидо не потому только возненавидѣлъ васъ, что вы сказали ему правду, а потому, что вы напугали его этой ужасною правдой. О, еслибъ я только могла придать ему бодрости!

— Ну, все равно, она понадобится ему не надолго.

— Вѣра — надежная броня для борьбы съ неизбѣжнымъ врагомъ,—возразила м-съ Энтри.—Но отчего-то люди вообще мало къ ней прибѣгаютъ.

— Мнѣ кажется, въ насъ самихъ есть инстинктъ, который ведетъ насъ непремѣнно къ горшему изъ страданій и въ то же время учитъ насъ облегчать ихъ или даже вовсе отстранять отъ себя.

Мы, какъ фанатики, бросаемся на вражескіе штыки; мы живемъ изо дня въ день, какъ будто бы воображаемъ, что мы всѣ безсмертны. Вотъ почему насъ поражаетъ несравненно больше все неизбѣжное, нежели даже неожиданное. Я не имѣю ни малѣйшей претензіи разъяснить, почему именно это такъ; я даже не могу опредѣлить самого себя совершенно ясно. Могу только сказать съ полной увѣренностью, что я не боюсь и никогда не буду бояться смерти!

— А все-таки вы въ сущности трусите и боитесь.

— Вотъ какъ?! Въ чемъ же это замѣтно?

— Въ томъ, что вы жить боитесь.

Денисонъ промолчалъ.

— Но вѣдь это неестественно,—продолжала м-съ Энтри.

— Мнѣ это кажется настолько же естественно, какъ и бояться умереть,—возразилъ онъ.

Въ свою очередь м-съ Энтри ничего не возразила, и они вскорѣ разошлись.

— До свиданія!—сказала она. — А завтра уже намъ придется сказать: прощайте!

— Покойной ночи!—проговорилъ Денисонъ—и только, безъ малѣйшаго намека на ея замѣчаніе. Она замѣтила это, но не видала, что, уходя, онъ какъ-то особенно странно улыбался.

Время ужъ далеко зашло за полночь, когда Энида въ ужасѣ проснулась. Ей послышался чей-то голосъ, отчаянно звавшій на помощь.

Въ комнатѣ у нея было тихо и темно. А голосъ все еще отчаянно кричалъ:

— Помогите!.. Помогите!..

Энида сѣла на кровати и, застывъ отъ ужаса, вслушивалась въ страшные звуки; потомъ вдругъ, еще полусонная, вскочила и бросилась въ потемкахъ впередъ, въ дверь, которая почему-то, противъ обыкновенія, была неплотно притворена. На порогѣ она обо что-то споткнулась, и когда очутилась на полу, ошеломленная, обезсиленная, ей какъ во снѣ послышалась суматоха и топотня встревоженныхъ постояльцевъ. Они спѣшили на стукъ, на мѣсто происшествія, кто въ чемъ былъ, и потому явились во всевозможныхъ видахъ ночныхъ и домашнихъ нарядовъ. Двѣ сердобольныя дамы принялись поднимать м-съ Денисонъ, но она только кричала:

— Мужъ! Мужъ зоветъ! Помогите ему скорѣе... Онъ зоветъ!

Бросились къ его двери; но она оказалась заперта внутри, и долгое время никто не откликался. Наконецъ, на окрикъ старика араба, задрапированнаго въ живописный бѣлый плащъ, за дверью послышался глухой, заспанный голосъ Денисона, говорившій:

— Чтѐ тамъ такое?.. Ну, войдите!

Арабъ вошелъ и принялся сообщать ему о приключеніи съ его женою въ то время, какъ Денисонъ протиралъ глаза и старался понять, въ чемъ дѣло; услышавъ же, что она серьезно пострадала, мужъ проворно одѣлся и вышелъ къ ней.

Она лежала въ постели, а горничная растирала ей ногу. Денисонъ сѣлъ у ея изголовья и воскликнулъ:

— Чтѐ случилось? Ты вздумала во снѣ прогуляться? Ушиблась?

— Да; ушибла ногу. Но, Гарри, отчего ты звалъ на помощь?

Денисонъ удивленно вскинулъ на нее глазами.

— Ты бредишь?! Я спалъ, и спалъ крѣпчайшимъ сномъ.

— Я слышала твой голосъ; это ты меня разбудилъ. Поэтому-то я и побѣжала и ушиблась. Другіе тоже слышали твой крикъ.

— Значитъ, ты все время сама кричала. Бѣдная! Тебя душилъ кошмаръ! Онъ наклонился надъ ея ногою и съ непривычной нѣжностью спросилъ:

— Очень болитъ, голубушка?

— Да; я вывихнула ногу, и придется, пожалуй, обратиться завтра къ доктору. Ахъ, Боже мой, а завтра надо ѣхать!

— Да, если только ты будешь въ состояніи,—замѣтилъ Денисонъ, и жена, вся зардѣвшись, пытливо посмотрѣла на него; взглядъ ея выразилъ раздраженіе, но, переводя глаза съ него на служанку и обратно, она закусила губу. Дѣвушка невозмутимо продолжала поливать больную ногу водой изъ губки, которую она терпѣливо и мѣрно, какъ машина, выжимала.

Откинувшись на подушки, Энида тихо сказала:

— Конечно, буду!

— Ну, это мы еще увидимъ,—возразилъ мужъ и еще разъ, уходя, бросилъ на нее взглядъ, полный глубокаго участія.

И въ самомъ дѣлѣ, приговоромъ доктора бѣдная Энида осуждена была пролежать въ постели неподвижно по крайней мѣрѣ дней семь-восемь.

Какъ только докторъ вышелъ, она откинулась назадъ и капризно, какъ ребенокъ, разрыдалась. Теперь ужъ ревности ея данъ былъ полный просторъ, и страшное подозрѣніе обуяло ее. Ей подумалось, ужъ не нарочно ли испугалъ ее мужъ, чтобы только остаться подольше въ обществѣ ненавистной для нея м-съ

Энтри. Теперь-то имъ будетъ легко безъ нея ходить на прогулки вдвоемъ, куда угодно—и въ зеленыя равнины, и въ далекую пустыню.

Темнокудрая головка Эниды запряталась въ подушки и она зарыдала, такъ что сердце ея какъ бы разрывалось на части. Ей было страшно больно допустить, что мужъ, ея нѣжно-любимый Гарри, могъ такъ безжалостно и хладнокровно обдумать способъ лишить ее возможности уѣхать изъ ненавистнаго ей отеля. А между тѣмъ, несмотря на всю свою невольную ревность, она не могла въ обращеніи этихъ двоихъ друзей подмѣтить ничего похожаго на любовное ухаживаніе. И въ то же время, бывали моменты, когда она могла предположить, что между ея мужемъ и ея „соперницею" существуетъ какое-то особое соглашеніе,—особые, общіе для нихъ интересы.

Улики были, впрочемъ, на лицо, и даже весьма вѣскія. Во-первыхъ, отлучки Денисона по ночамъ и его подозрительныя прогулки въ пустынѣ; встрѣча съ м-съ Энтри въ корридорѣ долго спустя послѣ того, какъ та ушла къ себѣ спать; рѣшительный отказъ мужа взять жену съ собою на охоту. Ну, словомъ, всѣ, всѣ подобныя предположенія и завѣдомые факты перебирала въ умѣ бѣдная Энида, и они горячили ей воображеніе, жгли ея умъ и душу, какъ раскаленные уголья. Ей было все равно; она не принимала въ соображеніе ни того, что м-съ Энтри все свое время посвящала умиравшему сыну, что Денисону, повидимому, за послѣднее время ни до кого не было дѣла. Одно только заботило и огорчало ее: что Гарри обманывалъ ее, и даже въ мелочахъ былъ скорѣе враждебно къ ней настроенъ, нежели какъ бы слѣдовало любящему человѣку. Энида чувствовала, что вокругъ нея творится что-то неладное, но она съ чисто-женской логикой обвиняла во всемъ не мужа, а женщину, къ которой сердце ея не лежало.

Отчасти она и была права: онъ дѣйствительно унизился до того, чтобы выкидывать штуки, словно школьникъ, лишь бы не разставаться со своей излюбленной загадкой. Умѣнье обуздать себя, присущее всякому здравомыслящему человѣку, совершенно оставило его: онъ уже больше не былъ въ состояніи здраво разсуждать. Онъ былъ безсиленъ бороться противъ охватившаго его влеченья, которое овладѣло имъ, и мчало его куда-то впередъ, безъ мысли, безъ оглядки!

Всѣ помыслы его были теперь сосредоточены единственно на томъ, чтобы найти возможность подольше насладиться созерцаніемъ могучаго генія пустыни, безстрастнаго сфинкса. Недѣлю

онъ еще пробудетъ здѣсь, въ тиши, на лонѣ безбрежнаго, вѣчнаго простора; но дальше какъ быть и что̀ дѣлать? Вотъ вопросъ, который онъ собственно и не могъ рѣшить, какъ человѣкъ непрактичный. Онъ жилъ мечтами, которыя вызывало его слишкомъ чуткое воображеніе. Оно рисовало ему непрестанно картины, которыя предшествовали послѣдней болѣзни Вита; оно заставляло его переживать все видѣнное въ эту дивную лунную ночь, въ которую рѣзкими полосами вырывался на дорогу свѣтъ изъ игорныхъ притоновъ и танцовальныхъ залъ.

Денисонъ всегда отъ природы былъ пессимистъ и холодный насмѣшникъ, какъ другой отъ природы бываетъ чахоточный или тому подобное; но въ Египтѣ эти оба его свойства, казалось, достигли высшей своей степени. Его признаніе Виту не было выдумкой, направленной лишь къ тому, чтобы передъ нимъ порисоваться. Нѣтъ, онъ совершенно искренно завидовалъ этому счастливцу, который постепенно отдалялся отъ всякихъ игръ и танцевъ, отъ мелочныхъ житейскихъ дрязгъ и суеты. Ему казалось, что Витъ скоро вступитъ въ ту таинственную сѣнь, гдѣ царствуютъ вѣчный миръ и тишина, воплощающіе въ себѣ символъ всего прекраснаго, что̀ прямо противоположно всѣмъ людскимъ хлопотамъ и сумасбродствамъ.

Какъ будто бы единственно за то, что онъ боялся смерти и всего на свѣтѣ, Витъ былъ намѣченъ вѣщею судьбой, чтобы погрузиться въ состояніе безмятежнаго блаженства; а Денисонъ оставался и его обошла своимъ роковымъ вниманіемъ несправедливая судьба; онъ оставался жить, а ненавидѣлъ все то житейское, что̀ Витъ любилъ.

„Да! Тотъ, кто хотѣлъ бы умереть, остается еще влачить свое существованіе. Желаніе, само по себѣ, уже уничтожаетъ самую его цѣль“!

Такъ думалъ Денисонъ въ то время, когда Энида лежала у себя на кушеткѣ или проводила долгіе, безсонные вечера и ночи у себя на постели.

А посреди песковъ, въ пустынѣ, безстрастный ко всему людскому — къ радости и горю—покоился громадный, величавый сфинксъ—великое твореніе рукъ человѣческихъ или природы, но великое и несокрушимое, какъ само спокойствіе, царившее вокругъ него... и въ немъ самомъ...

Между тѣмъ, несмотря на душевную тревогу, которую она испытывала, Энида стала поправляться. Нога ея быстро заживала; щечки ея, блѣдныя и похудѣвшія, опять порозовѣли. Мужъ ея съ затаеннымъ ужасомъ смотрѣлъ на такую быструю перемѣну.

Онъ не переставалъ молчать, но сдержанность и непрерывная надъ собою бдительность въ немъ какъ будто ослабли. Не одному уже изъ вновь прибывшихъ путешественниковъ и туристовъ бросилась въ глаза странность его обхожденія. Эниды не было подлѣ него: она лежала наверху, у себя въ нумерѣ, а м-съ Энтри не отходила отъ своего злополучнаго сына.

Когда сосѣди Денисона въ табль-д'отѣ пытались съ нимъ заговорить, всѣ ихъ попытки разбивались объ его упорное молчаніе: онъ, почти не отвѣчая, сторонился всякаго, кто только ни обращался къ нему съ привѣтливымъ словомъ. Одинъ изъ нихъ оказался, впрочемъ, особенно настойчивымъ, и упорство Денисона никакъ не могло его отвадить отъ попытокъ завести съ нимъ бесѣду. Тогда Денисонъ „удалился отъ зла и сотворилъ благо": ушелъ изъ-за общаго стола и усѣлся въ глубинѣ столовой на возвышеніи одинъ, за отдѣльнымъ маленькимъ столикомъ, и такимъ образомъ окончательно прервалъ всякія сношенія съ себѣ подобными. Теперь ужъ Денисонъ вполнѣ предался молчанію, и большого труда стоило ему удержаться отъ гнѣвной вспышки противъ дерзновеннаго нарушителя его.

Въ тѣ рѣдкіе промежутки, когда мать Вита могла отойти отъ него хоть ненадолго, она замѣчала въ Денисонѣ рѣзкую перемѣну: странность его движеній и рѣчи, холодная сдержанность, которая не могла скрыть отъ нея кипучаго возбужденія, таившагося подъ ледяной корой угрюмой внѣшности; пламя его прорывалось наружу,—по крайней мѣрѣ, оно не могло ускользнуть отъ ея напряженно-пытливаго взора. Странный блескъ грустныхъ глазъ Денисона и нѣчто неуловимо-сосредоточенное, ушедшее въ себя, не могло не привлечь ея вниманія. Сидя у постели сына, когда онъ спалъ, опустившись всѣмъ своимъ блѣднымъ, исхудалымъ тѣломъ въ мягкія подушки,—м-съ Энтри часто въ мысляхъ перебирала всѣ странности, всѣ слова и движенія Денисона, настоящей причины которыхъ она не могла угадать. Она приписывала его физическое или душевное разстройство какой-нибудь неизвѣстной ей причинѣ: неоднократнымъ сильнымъ потрясеніямъ, или наслѣдственности, или постепенному нервному разстройству, или какой-либо тому подобной неизмѣримо мелкой причинѣ.

Звѣздною ночью или въ полуденный зной всѣ одинаково привыкли видѣть Денисона угрюмо и молчаливо гуляющимъ по пескамъ пустыни и у подножія пирамидъ. Онъ бродилъ съ утра до вечера и съ вечера до утра своимъ медленнымъ, тяжело-размѣреннымъ шагомъ, безучастный къ окружающей толпѣ, къ ея суетливому движенію и говору. Арабы-толмачи и проводники уже настолько

привыкли къ нему, что оставляли его въ покоѣ и обращали свои назойливыя приставанья исключительно на вновь прибывшихъ постояльцевъ Mena-Hôtel'я и туристовъ. Когда кучка такихъ господъ приближалась, гомоня, къ излюбленному мѣсту его уединенныхъ прогулокъ, Денисонъ молча принималъ безпечный видъ человѣка, который бродитъ отъ нечего дѣлать, гдѣ ни попало, и уходилъ прочь не спѣша, будто бы просто гуляя.

Смѣхъ и веселый гомонъ поднимались тогда у подножія величественныхъ пирамидъ, и Денисонъ издали выжидалъ лишь той минуты, когда толпа европейцевъ и арабовъ исчезала въ облакѣ пыли, развѣвающихся восточныхъ одеждъ и бѣлыхъ вуалей. Тогда онъ возвращался и возобновлялъ, въ полной тишинѣ, свою прерванную прогулку вокругъ чудовищнаго изваянія, которое его обворожило.

Никто и не подозрѣвалъ о существованіи такой невѣроятной маніи, какая овладѣла угрюмымъ постояльцемъ Mena-Hôtel'я. Самое близкое къ нему въ мірѣ существо—его жена—подозрѣвала въ немъ совершенно иныя стремленія; а такъ какъ онъ весьма рѣдко заходилъ навѣщать ее, то она имѣла полную свободу долго и много, лежа одна, больная, разсуждать и пускаться въ догадки: что̀ бы это такое съ нимъ творилось? Она не могла подобрать подходящей причины, не могла уяснить себѣ, чѣмъ она могла подать ему поводъ такъ ужасно къ ней перемѣниться. Иной разъ ей приходило въ голову взять себя въ руки и смѣло обратиться за разъясненіемъ своихъ сомнѣній къ м-съ Энтри—болѣе пожилой и опытной женщинѣ, чѣмъ она сама. Но смѣлости у нея на это не хватило, и она осталась при своихъ сомнѣніяхъ. Когда мужъ сидѣлъ у ея изголовья, она даже взглянуть на него боялась; ей страшно было сказать съ нимъ слово,—до того неподвижно и какъ бы враждебно было его молчанье.

По мѣрѣ того, какъ недѣльный срокъ, установленный докторомъ, приходилъ къ концу, Энида поправлялась, розовѣла, а Денисонъ худѣлъ и блѣднѣлъ; несокрушимая тревога отражалась въ его мрачныхъ взорахъ. Однако, онъ самъ предоставилъ Энидѣ назначить день отъѣзда, и она не замѣтила при этомъ въ его обхожденіи или наружности ничего подозрительнаго.

XIV.

Наступилъ, наконецъ, послѣдній вечеръ пребыванія Денисоновъ въ гостинницѣ Mena-House.

Энида чувствовала себя уже настолько лучше, что могла

сойти внизъ, къ общему столу, и помѣстилась съ нимъ отдѣльно отъ другихъ, на возвышеніи въ глубинѣ столовой, за тѣмъ самымъ столикомъ, за которымъ онъ привыкъ сидѣть безъ нея, одинъ. Сидя съ мужемъ и оглядывая окружающихъ, Энида не могла не сдѣлать невыгоднаго для него сравненія. Его блѣдность, угрюмая замкнутость въ себѣ и неестественное молчаніе поразили ее.

Она-то думала, что порадуетъ его своей милой свѣжестью и нарядомъ; прихорашивалась передъ зеркаломъ и, невольно любуясь своимъ отраженіемъ, давала указанія горничной, какъ покрасивѣе причесать ея пышные волосы и какое выбрать платье. Вся въ бѣломъ, изящная, миніатюрная, стройная, она дѣйствительно была прелестна своей дѣвической свѣжестью и миловидностью. Въ зеркалѣ ея большіе пытливые глаза улыбались хорошенькой, дѣтски-невинной дѣвушкѣ,—какою она и въ самомъ дѣлѣ казалась. Улыбка не сходила съ губъ Эниды все время, пока она, полная надеждъ на милостивое вниманіе къ себѣ своего супруга и повелителя, шла къ нему на встрѣчу.

Одинъ взглядъ на его сумрачную фигуру, на его холодное лицо—и ея радости, ея надеждъ какъ не бывало! Она почувствовала вдругъ, что ей съ нимъ страшно быть наединѣ, постепенно ее охватили вновь прежнія сомнѣнія въ его правотѣ передъ нею и искренности.

Энида долго боролась со своими подозрѣніями; она упорно возражала сама себѣ противъ возможности съ его стороны обмана и хитрости; она допускала даже, что онъ могъ говорить ей неправду; но чтобы онъ, для своихъ цѣлей, не пожалѣлъ ее, не пожалѣлъ ея здоровья?! Этого она не могла и не хотѣла допустить! Наконецъ, до того много и упорно думала она объ этомъ, что ей почти удалось себя разувѣрить.

Но теперь, сидя съ нимъ за обѣдомъ, она почувствовала, что подозрѣнія ея вновь пробудились, насильно ворвались къ ней въ душу, и ей показалось вдругъ возможнымъ, что и въ настоящую минуту онъ строитъ въ умѣ какія-нибудь безжалостныя козни для того только, чтобы задержаться здѣсь подольше, въ ненавистномъ ей Египтѣ!

Бѣдная женщина, хорошенькая и нарядная какъ куколка, внутренно содрогалась отъ ужаса... и передъ кѣмъ же? Передъ человѣкомъ, котораго любила, которому она сама вручила на вѣки свою жизнь, свою судьбу!

„О, Боже! — думала Энида.—Неужели я нашла въ мужѣ не друга и защитника, а злого нѐдруга“?

Она все-таки попыталась весело и естественно болтать и

улыбаться; но Денисонъ сидѣлъ, погруженный въ тупое, угрюмое молчаніе.

Оно тревожило, пугало ее и, наконецъ, заставило невольно умолкнуть. Она послѣдовала его примѣру, замолчала, но ѣсть была не въ силахъ,—такъ ей было жутко. Если ей случалось ударить нечаянно вилкой о тарелку или стукнуть стаканомъ о стаканъ, Денисонъ вскидывалъ на нее свой мрачный взоръ, полный злобнаго укора.

Нервы ея давали себя знать; она нечаянно что-то уронила на голый полъ и... и ясно увидала, что мужъ крѣпко сжалъ себѣ руки, какъ будто его правая рука хотѣла удержать лѣвую отъ рѣзкаго движенія.

Уходя изъ столовой, Денисона встрѣтила въ сѣняхъ м-съ Энтри, которая остановилась перекинуться съ ними парою словъ; но Энида не то испуганно, не то просто невѣжливо убѣжала отъ нея, и Денисонъ остался одинъ передъ нею. Впрочемъ, м-съ Энтри была слишкомъ поглощена своими тревогами, чтобы замѣтить рѣзкость выходки м-съ Денисонъ. Мужъ послѣдней довольно холодно приготовился слушать, чтò она скажетъ.

— Виту гораздо хуже,—сказала она.—Весьма возможно, что ему... что онъ не... не переживетъ эту ночь.

Какъ ни была она утомлена и поглощена своимъ горемъ, отъ нея не укрылось, что по лицу Денисона скользнуло выраженіе гнѣва.

„Онъ злится... но на чтò и почему“? — невольно подумалось ей.

А между тѣмъ, онъ стоялъ передъ нею съ широко раскрытыми глазами и проговорилъ, наконецъ, съ видимымъ усиліемъ:

— А онъ еще хочетъ пожить!

На губахъ его мелькнула странная улыбка, и онъ, вдругъ повернувшись, быстро удалился.

М-съ Энтри въ совершенномъ недоумѣніи пошла къ себѣ наверхъ.

Не успѣла она исчезнуть въ концѣ корридора, какъ мужа нагнала Энида, вышедшая изъ общей гостиной.

— Покойной ночи, Гарри!—нервно и порывисто обратилась она къ нему.—Я такъ устала, лучше пойду спать.

Денисонъ только утвердительно кивнулъ въ отвѣтъ; а бѣдная Энида, добравшись до своей комнаты, рыдая, повалилась на постель.

— Боже мой! Чтò съ нимъ такое, съ моимъ Гарри? Или я совершенно ему ужъ противна?—спрашивала она себя въ безграничной тоскѣ.—Чтò съ нимъ могло случиться?

Вмѣсто радости и удовольствія, которыя ей сулила поѣздка вверхъ по Нилу, въ сердцѣ ея разростался ужасъ передъ непонятною перемѣной въ ея мужѣ. Совсѣмъ ужъ приготовившись ложиться въ постель, она, вся побѣлѣвшая отъ страха, подкралась къ дверямъ, которыя вели въ комнату Денисона, и закрыла ихъ на ключъ.

Ей было страшно... очень, очень страшно!

Тѣмъ временемъ, Денисонъ оставался одинъ на верандѣ.

Онъ вышелъ туда машинально, слѣдуя примѣру другихъ мужчинъ, собравшихся кучками, чтобы поболтать за душистой сигарой, которую особенно пріятно выкурить на чистомъ воздухѣ послѣ обѣда. Они ходили или стояли отдѣльными кучками; всѣ говорили между собою вполголоса, чтобы не слышно было другимъ. Денисонъ сѣлъ, конечно, поодаль, держа въ рукахъ свой портсигаръ, который онъ, въ разсѣянности, позабылъ даже раскрыть. Онъ готовился къ тяжкому испытанію,—къ разлукѣ!

Лунныхъ ночей уже не было и помину: небосводъ тускло раскинулся надъ землею, хоть звѣзды и горѣли на немъ своимъ яркимъ блескомъ. Вѣтерокъ вѣялъ тихій и нѣжный, насыщенный благоуханіемъ зеленыхъ луговъ величественнаго Нила. Онъ шепталъ; онъ слышался какъ вздохъ, замиравшій въ листвѣ раскидистыхъ акацій, которыя рѣзкою полосой тянулись отъ границъ пустыни и до самыхъ минаретовъ Каира. Звукъ вѣтра, который шевелилъ листвою деревъ, казалось, всхлипывалъ по временамъ, какъ человѣкъ.

Такъ думалъ Денисонъ и, затаивъ дыханіе, старался уловить въ отголоскѣ вѣтра выраженіе мимолетной тоски, которая то прорывается у человѣка, то притупляется и замираетъ, словно изъ боязни, что ея не поймутъ.

Денисонъ машинально продолжалъ сидѣть на мѣстѣ, всматриваться и вслушиваться въ созвучія тихой ночи, пока ему не начало казаться, что онъ сливается съ ней нераздѣльно, живетъ въ ея таинственномъ, безмолвномъ пространствѣ. Голова его упала низко на грудь, а взоры не могли оторваться отъ бѣлой полосы дороги, уходившей въ привѣтливую и безмолвно-обаятельную даль, къ подножію великой, вѣковѣчной пирамиды. Онъ поддался мечтамъ; онъ началъ грезить на яву, какъ это нерѣдко бываетъ съ людьми, склонными къ мечтательности, или съ несчастными, много терпѣвшими на своемъ вѣку. Къ задумчивости, къ тихимъ грезамъ такъ располагала безмятежная, тихая полу-мгла южной ночи!..

„*Загадка*?! — думалъ онъ, представляя себѣ внушительный

обликъ сфинкса: да и *я* самъ, и вся жизнь моя — развѣ не та же загадка? Развѣ не загадочна и необъяснима самая обыденная жизнь самаго обыденнаго изъ людей? Да и моя собственная жизнь — лишь повтореніе, во многихъ своихъ проявленіяхъ, тысячи тысячъ другихъ жизней, которыя уже свершили свой земной удѣлъ. Въ нихъ былъ затепленъ жизненный огонекъ невидимой рукою Невидимаго Существа и тою же рукой потушенъ, когда его слабый свѣтъ уже не могъ служить никому".

И Денисону вдругъ стало страшно досадно и обидно быть лишь сколкомъ съ какихъ-то невѣдомыхъ ему людей, давно истлѣвшихъ въ могилѣ; повторять, въ лицѣ своемъ, ихъ мысли и дѣянія, идти по ихъ стопамъ, по ихъ же пути; и, наконецъ, подобно имъ, сойти съ него, какъ и они сошли. Это его сердило, унижало и приводило въ ярость. Ему просто тошно было отъ безконечнаго повторенія однообразныхъ и заурядныхъ существованій.

Онъ прислушался къ говору своихъ сосѣдей по отелю. Они все ближе, ближе придвигались другъ къ другу; ихъ говоръ постепенно переходилъ въ многозначительный, усердный шопотъ. Одинъ изъ голосовъ, видимо, направлялъ бесѣду, и порой, какъ только онъ на мигъ прерывался, слышались взрывы одобрительнаго смѣха, за которымъ слѣдовали оживленные споры и поясненія.

„Вѣрно, — подумалъ Денисонъ, — разсказываютъ какой-нибудь пересоленый анекдотъ, какихъ цѣлыя сотни разсказываются теперь въ послѣобѣденное время въ компаніи холостяковъ не одного отеля".

Сколько онъ могъ припомнить, съ юношескихъ лѣтъ ему были знакомы и этотъ говоръ подъ шумокъ пирушки или въ сумерки, послѣ обѣда, и разгоряченные виномъ взоры людей, жадныхъ до грубыхъ шутокъ, которыя могутъ забавлять, какъ новинка, лишь самыхъ юныхъ и невзыскательныхъ мальчишекъ.

„Вездѣ-то и повсюду ведутся нескромныя рѣчи, сыплются плоскія шутки: и въ клубахъ, и въ свѣтскихъ гостиныхъ, и на скачкахъ, и въ театральныхъ залахъ, и въ ресторанахъ и пивныхъ!.. Вездѣ, у всякаго при такихъ разсказахъ является извѣстное сокращеніе мускуловъ лица, вызванное смѣхомъ; выраженіе какъ-то особенно таинственное и какъ бы смакующее прелесть цинизма... Какъ безконечно повторяется все въ жизни и какъ это повтореніе отнимаетъ отъ нея малѣйшую новизну и свѣжесть"!

И Денисонъ стремился такъ же мало походить на этихъ циниковъ на дѣлѣ, какъ мало походилъ на нихъ по мысли; онъ страстно хотѣлъ отдѣлиться отъ нихъ совершенно, навсегда!

Онъ всталъ тихонько и спустился со ступенекъ веранды, а очутившись на большой дорогѣ, естественнымъ образомъ пошелъ по ней впередъ. Впереди его манила пустыня, погруженная въ чистую, святую тишину. Мечтатель шелъ себѣ впередъ и грезилъ о печальной для него отрадѣ—передъ разлукою проститься со своимъ кумиромъ.

Мѣрнымъ шагомъ, задумавшись, шелъ себѣ Денисонъ къ той котловинѣ, въ которой покоится дивный сфинксъ, и ему въ лицо вдругъ пахнýла новая струя свѣжаго вѣтра, какъ-то особенно чистаго и живительнаго, вольнаго, какъ сама природа, надъ лономъ которой онъ проносился.

По мѣрѣ того, какъ онъ шелъ впередъ, ему начало даже казаться, что даже вѣтру извѣстно его тайное намѣреніе, и что онъ, этотъ вѣтеръ, какъ вѣрный гонецъ, летитъ себѣ впередъ—оповѣстить о его приближеніи. Шаги его, мимоходомъ задѣвая за мелкіе камни, издавали тонкій лязгъ, который одинъ нарушалъ царившее вокругъ молчаніе. И эти камешки были до невозможности противны Денисону, который хотѣлъ полнаго, безпредѣльнаго затишья!

Вдали завыли бродячія собаки на глиняномъ валу, который огибалъ селеніе, раскинувшееся въ долинѣ. О, еслибы нашелся кто-нибудь, кто придушилъ бы ихъ!..

„А тамъ, въ отелѣ,—думалъ Денисонъ,—мои сосѣди все еще продолжаютъ, чего добраго, тѣшить себя игривой болтовней и, чего добраго, изъ кожи лѣзутъ, чтобы одинъ другого перещеголять! Каждый стремится превзойти противника въ грубости сенсаціонныхъ россказней. А въ гостиной, въ уютныхъ пріемныхъ, женщины такъ и заливаются—щебечутъ, сообщая одна другой свѣжія скандальныя новости изъ жизни обывателей Mena-Hôtel.

„Такъ ужъ это велось и ведется споконъ вѣку и такъ останется надолго въ будущемъ... Ну, что могутъ думать о насъ, о родѣ человѣческомъ, прекрасныя творенія искусства и природы, дивныя по своей красотѣ, но безмолвныя и полныя суровой величавости?.. И какъ мы еще можемъ дорожить нашей однообразной и тоскливой жизнью? Мы въ ней даже находимъ своего рода достоинства и даже увлеченія... Нѣтъ, рѣшительно, въ насъ болѣе всего величественнаго покоя—когда мы предаемся сну“!

Онъ, словно крадучись, тихонько подходилъ къ ложбинѣ, въ которой лежитъ сфинксъ. Ночь еще только начиналась и вдали надъ гладкой поверхностью пустыни порой мелькало длинное платье бедуина или араба-толмача, исчезавшаго плавно и легко, какъ призракъ въ ночныхъ грезахъ.

Но вотъ Денисонъ остановился, завидя неясныя очертанія чудовищнаго изваянія. Завтра, завтра ему суждено быть ужъ далеко отъ него, отъ величаваго генія пустыни; суждено окунуться въ мірскую суету и гамъ.

Хватитъ ли у него духу покинуть свой кумиръ?

Денисонъ вдругъ насупилъ брови и онѣ еще больше оттѣнили его угрюмый взглядъ. Лицо его осунулось и приняло сѣрый оттѣнокъ, свойственный умирающимъ или трудно больнымъ. Въ сердцѣ его кипѣло отчаяніе, въ тысячу разъ ужаснѣе, нежели испытываетъ молодой влюбленный, разставаясь съ предметомъ своей страсти,—съ женщиной, образъ которой онъ лелѣетъ и обожаетъ, какъ единственный, неподражаемый кумиръ.

Слезъ Денисонъ не проливалъ надъ своей угасшею мечтой—слишкомъ громадна была для того потеря, слишкомъ, не подходящи, мелочны были бы слезы для человѣка, который не болтливъ, а напротивъ, молчитъ, весь отдаваясь своему сосредоточенному молчанью.

„А тамъ, въ отелѣ, Энида мирно спитъ подъ бѣлоснѣжнымъ пологомъ и снится ей... да: снится нашъ отъѣздъ! Еще нѣсколько часовъ навсегда канутъ въ вѣчность—и она ужъ проснется, заспѣшитъ, заторопитъ уѣзжать отсюда; она вся уйдетъ, съ наслажденіемъ, въ мелочную хлопотню послѣднихъ сборовъ. Потомъ, мы поѣдемъ черезъ Каиръ, который весь кишитъ шайками тунеядцевъ; черезъ толпу громко вопящихъ египтянъ, смѣшавшихся въ одну общую кучу со своими верблюдами; мимо цѣлыхъ отрядовъ англійскихъ солдатъ, веселыхъ наѣздниковъ и наѣздницъ. Богатые турки, взобравшись на свои высокіе экипажи, тревожно возсѣдаютъ позади своихъ русскихъ рослыхъ и крѣпкихъ лошадокъ, которыя везутъ ихъ скорымъ шагомъ. Вонъ кучка оборванцевъ нищихъ: они настойчиво требуютъ денегъ и не отходятъ отъ экипажа иностранцевъ. На углу, у шумнаго кафé, за мостомъ стоятъ кучками саиды въ своихъ яркихъ одеждахъ и усердно перемываютъ косточки своимъ господамъ. На широкой рѣкѣ толпятся цѣлыя тучи лодокъ, толкающіяся одна объ другую, а на нихъ чернѣетъ масса людей, натисканныхъ какъ сельди въ боченки. Изъ казармъ доносится звукъ трубы, а по большой дорогѣ несутся во весь опоръ горячія лошади хедива, возвращающагося изъ Куббеха. Туристы толпами направляются къ большой площади, гдѣ помѣщается британское агентство... Солнечные лучи свѣтятъ и грѣютъ во всю мочь...

„Хватитъ ли силы уѣхать отсюда“?

Вотъ вопросъ, который онъ задавалъ себѣ не разъ, и ко-

торый наполнялъ его гнѣвомъ противъ ни въ чемъ неповиннаго Вита. Онъ былъ сердитъ, ему было досадно, что вмѣстѣ съ солнечнымъ закатомъ угасаетъ жизнь этого юноши, и онъ тихо нисходитъ въ мрачную сѣнь могилы.

„Но развѣ уже такъ ужасно лишиться жизни? Развѣ отсутствіе сознанія времени и бытія такъ ужъ полно трагизма? Въ морѣ вѣчности время является лишь мимолетною искоркой, которую, однако, люди съ жадностью ловятъ налету и хотѣли бы удержать подольше...—продолжалъ думать увлекшійся мечтатель.—Человѣкъ только до тѣхъ поръ и можетъ жизнь назвать своею, пока нить ея крѣпко натянута и сдерживается его рукой; но отпустите, ослабьте ее немного—и все потонетъ въ морѣ вѣчности, увянетъ безслѣдно, хотя время никогда не увядаетъ".

Денисонъ думалъ о Витѣ, какъ ѣздокъ на скачкахъ думаетъ о своемъ соперникѣ, который его перегоняетъ. Гнѣвъ его разростался; зависть трясла его какъ въ лихорадкѣ.

„Да хватитъ ли у меня силъ уѣхать"? — спрашивалъ онъ себя чуть ли не въ сотый разъ.

Безмолвно, неподвижно стоялъ Денисонъ одинъ передъ великой міровой загадкой и долго-долго прислушивался къ тишинѣ пустыни, пока ухо его не уловило звукъ слабаго и ровнаго дыханія.

Ему вдругъ стало жутко. Онъ задрожалъ при одной только мысли о томъ, что̀ ему пришло въ голову.

Ему начало чудиться, будто единственная въ мірѣ сочувствующая ему душа, таинственная душа таинственнаго сфинкса, стремится ему на встрѣчу и рвется на волю, чтобы слиться съ нимъ, съ его душой, навѣки. Чудилось ему, что она окликаетъ его и зоветъ къ себѣ и чего-то хочетъ добиться отъ него.

Но чего?..

Быть можетъ, его страстное обожаніе и тронуло величественнаго духа пустыни и тотъ жалѣлъ его? Вѣдь всякое живое существо ищетъ сочувствія въ другомъ себѣ подобномъ. Отчего бы, кажется, и въ неодушевленныхъ предметахъ не допустить того же?

„Или этотъ великій духъ зыбучихъ песковъ пытается шепнуть мнѣ что-либо своимъ голосомъ, легкимъ какъ вѣтеръ?.. Мыслимо ли оставить его здѣсь опять въ уединеніи, одного—лицомъ къ лицу съ пустотой и мелочностью грядущихъ вѣковъ?.. Развѣ я самъ не раздѣляю его таинственнаго значенія, его безмолвныхъ думъ среди глухой пустыни". Почему бы и мнѣ не слиться во-едино съ его безстрастною гранитною душой"?..

Денисонъ вздрогнулъ. Ему вдругъ стало страшно, какъ бы

гранитный великанъ и въ самомъ дѣлѣ не проявилъ вслухъ свой таинственный голосъ.

Онъ прислушался напряженно.

Тихое дыханіе прекратилось и только вдали раздавался лай собакъ на стѣнахъ селенія. Но вотъ и все: больше ни звука, ни намека на шорохъ! Вокругъ полная, безмятежная, величественная тишина, полное, вѣковѣчное молчанье!

Оно манило; оно вливалось къ нему въ душу. Ему хотѣлось самому слиться на вѣки съ молчаньемъ, въ которое погружено было единственное въ мірѣ существо, близкое ему по чувству. До завтра отложить—ну, просто невозможно!

Денисонъ вдругъ пошелъ, или, вѣрнѣе говоря, соскользнулъ съ крутого откоса и бѣгомъ бросился въ потемки, окружающія подножіе сфинкса.

Молча и со всего разбѣга ударился онъ грудью о твердый гранитъ, раскинувъ руки, какъ бы для того, чтобы обнять его—необъятнаго, вѣчнаго, несокрушимаго, устоявшаго противъ могучихъ объятій истекшихъ вѣковъ...

Въ ту ночь Энидѣ совсѣмъ не спалось: слишкомъ ужъ было ей и горестно, и жутко. Она лежала въ постели неподвижно, съ раскрытыми глазами, и ее одолѣвали самыя тягостныя, самыя тревожныя думы. Слухъ ея болѣзненно напрягался, чтобы уловить въ корридорѣ шаги мужа. Полночь подходила; полночь прошла—но не шелъ домой Денисонъ. Часы пробили часъ...

Ревность съ новою силой охватила бѣдную Эниду и принялась ее по прежнему терзать. Пробило два... А молодая женщина еще и не смыкала глазъ. Она всю ночь металась и томилась, пока ей чувство не подсказало нѣчто совсѣмъ уже странное: она вдругъ встала и начала старательно причесываться и одѣваться. Она долго стояла передъ зеркаломъ, причесывая свои прекрасные волосы и все время мысленно уговаривая себя не спѣшить, а тщательно отнестись къ каждой мелочи въ нарядѣ.

Наконецъ, вотъ она и совсѣмъ готова: хоть сейчасъ идти на парадный завтракъ! Но тутъ ужъ дѣло не до завтраковъ! Тутъ ночь,—тревожная и безмолвная ночь!—и никакихъ завтраковъ тутъ быть не можетъ. Вокругъ и внутри дома, вездѣ-вездѣ было темно и тихо.

Сжавъ губы, скрѣпя сердце, Энида затворила за собой тихонько дверь и со свѣчой въ рукахъ пошла по темному, пустому корридору. Дойдя до комнаты мужа, она вошла и хотя

знала, что его навѣрное тамъ нѣтъ, все-таки огорчилась, когда увидала, что даже и постель его не смята.

Въ одинъ мигъ, какъ-то нечаянно, послѣ короткой нерѣшимости, она отправилась обратно и постучалась въ дверь м-съ Энтри.

На первый стукъ послѣдняя не обратила, вѣроятно, вниманія, и потому Энидѣ пришлось дважды постучаться, прежде чѣмъ дверь отворилась и вышла мать Вита.

Она была одѣта совсѣмъ по домашнему, въ длинномъ бѣломъ капотѣ; на лицѣ ея отражались слѣды безсонныхъ и тревожныхъ ночей. За спиной у нея было тускло-освѣщенное пространство и слышался какой-то звукъ, будто отъ нервнаго, тяжелаго дыханія, которое, казалось, наполняло всю комнату.

— Чтд тамъ такое?—спросила шопотомъ м-съ Энтри.

— Гдѣ мой мужъ?—также шопотомъ возразила м-съ Денисонъ.

М-съ Энтри, очевидно, была весьма удивлена.

— Зачѣмъ же вы *сюда* пришли спрашивать объ этомъ?— спросила опять м-съ Энтри съ какимъ-то разсѣяннымъ взглядомъ.

Ясно было, что она больше прислушивалась къ тяжелому дыханію сына, нежели слушала нежданную гостью.

— Онъ же у васъ, я знаю!—громкимъ шопотомъ вырвалось у Эниды.

Мать Вита даже не обидѣлась, не разсердилась; она только протянула руку къ своей нежданной посѣтительницѣ и тихо, но съ грустнымъ видомъ, полнымъ достоинства, потянула ее за собою въ слабо освѣщенную заднюю комнату. Не говоря ни слова, она ей указала на постель, гдѣ низко ушла въ подушки чья-то страшно тощая фигура.

То былъ бѣдный Витъ Энтри. Глаза его были плотно закрыты; изъ запекшихся бѣлыхъ губъ вылетало громкое, страшно-сиплое и рокочущее дыханіе; вѣки дрожали и подергивались, а безкровныя и почти безтѣлесныя руки щипали одѣяло.

Прямо противъ его постели м-съ Энтри остановила Эниду, чтобъ та могла посмотрѣть на умирающаго, и, порывисто, холодно схвативъ ее за руку, страстнымъ шопотомъ проговорила:

— Ну, а теперь просите у меня прощенія!

Энидѣ стало неописанно-стыдно своихъ думъ и дѣйствій, но страхъ еще не покидалъ ее. Слезы жалости жгли ей глаза; но эгоизма было въ ней все-таки еще много. Она вдругъ прижалась, какъ малое дитя, къ женщинѣ, которая была старше ея годами и опытомъ, а та съ минуту подержала ее у своей груди,

какъ настоящаго ребенка, котораго ей жаль, что онъ пугается и стонетъ.

— Такъ гдѣ жъ онъ можетъ быть? — съ рыданіемъ вырвалось неудержимо у Эниды.

Но м-съ Энтри не успѣла отвѣтить.

Съ постели послышался тихій стонъ. Она бросилась къ своему злополучному сыну и упала въ ногахъ его, на колѣни, сжимая въ своихъ рукахъ исхудалыя, изсохшія руки умирающаго...

Энида Денисонъ пошла обратно, черезъ темный корридоръ, одна...

А. Б—г—

О „ВЕЛИКОЙ ЛЖИ“ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Книга, изданная не такъ давно К. П. Побѣдоносцевымъ [1], обратила на себя общее вниманіе не только по личности издателя, но и по важности затронутыхъ въ ней вопросовъ: рѣчь идетъ объ основахъ государственной жизни, о церкви и народномъ просвѣщеніи, о власти и законности, объ общественныхъ и личныхъ правахъ, о печати и судѣ присяжныхъ. Авторы статей этого сборника высказываютъ свои мысли ясно и рѣзко, иногда краснорѣчиво и занимательно. Главной задачей книги является обличеніе иноземной лжи, проникающей или проникшей въ русское общество въ видѣ либеральныхъ и просвѣтительныхъ идей. Консервативная и реакціонная ложь оставлена пока въ сторонѣ...

Въ статьяхъ „Московскаго Сборника“ замѣтно прежде всего отрицательное, какъ бы пренебрежительное отношеніе къ западной Европѣ, къ ея политическимъ и общественнымъ идеямъ, къ ея культурному и нравственному быту. Всѣ передовые государства и народы находятся на ложномъ пути; лучшіе ихъ умы и руководящіе дѣятели блуждаютъ въ потемкахъ,—только мы, какъ будто, обладаемъ истиною и можемъ даже просвѣщать ихъ и указывать имъ дорогу. Печальныя и жалкія заблужденія господствуютъ повсюду...

---

[1] „Московскій Сборникъ“. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва, 1896.

Такова основная точка зрѣнія книги. Съ наибольшею суровостью осуждается современная Франція: она дошла до „крайней деморализаціи общественной мысли“, до „ослабленія политическаго смысла цѣлой націи“, до „крайней степени политическаго разложенія“ (стр. 30 и 154). А мы, между тѣмъ, тѣсно сближаемся съ этою разлагающеюся, деморализованною націею?.. Въ одной изъ статей сборника обстоятельно разъясняется и причина столь грустнаго положенія французской націи. Статья озаглавлена: „Великая ложь нашего времени“. Великая ложь, губящая злосчастный Западъ съ Франціею во главѣ,—это идея политическаго самоуправленія западныхъ народовъ, или теорія парламентаризма.

„Одно изъ самыхъ лживыхъ политическихъ началъ,—говорится въ указанной статьѣ,—есть начало народовластія, та, къ сожалѣнію, утвердившаяся со времени французской революціи идея, что всякая власть исходитъ отъ народа и имѣетъ основаніе въ волѣ народной. Отсюда истекаетъ теорія парламентаризма, которая до сихъ поръ вводитъ въ заблужденіе массу такъ называемой интеллигенціи—и проникла, къ несчастію, въ русскія безумныя головы. Она продолжаетъ еще держаться въ умахъ съ упорствомъ узкаго фанатизма, хотя ложь ея съ каждымъ днемъ изобличается все явственнѣе передъ цѣлымъ міромъ“. Авторъ этой статьи думаетъ, что теорія парламентаризма истекаетъ изъ идеи народовластія, утвердившейся со времени французской революціи; въ дѣйствительности, парламентаризмъ, какъ извѣстно всякому, выработался и прочно утвердился въ Англіи задолго до французской революціи, совершенно независимо отъ идеи народовластія, и слѣдовательно никакъ не можетъ истекать „отсюда“. Допустивъ эту историческую ошибку, авторъ дѣлаетъ еще другую, логическую: онъ полагаетъ, что для цѣлаго міра обязательны тѣ понятія о государственной власти, которыя имѣютъ законную силу по отношенію къ Россіи. Если для насъ парламентаризмъ есть ложь, то значитъ ли это, что и для всѣхъ другихъ народовъ и государствъ теорія парламентаризма должна считаться лживою и негодною? Каждая страна вырабатываетъ для себя такой типъ государственнаго устройства, какой соотвѣтствуетъ ея историческимъ условіямъ и обстоятельствамъ. То, что̀ у насъ признается ложью, можетъ быть истиною для Франціи или Англіи,—и наоборотъ. Такое относительное, условное значеніе политическихъ идей какъ будто упускается изъ виду авторомъ: онъ беретъ за исходную точку опредѣленные взгляды, вытекающіе изъ нашихъ историческихъ отношеній, и рѣшаетъ заранѣе, что западно-европейскіе народы, не придерживающіеся этихъ взглядовъ, плохо устроили

свою судьбу. Въ чужихъ краяхъ масса такъ-называемой интеллигенціи вводится въ заблужденіе теоріею парламентаризма, которая съ фанатическимъ упорствомъ держится въ умахъ, и авторъ считаетъ своимъ долгомъ разоблачить это заблужденіе и это упорство. Мы видимъ здѣсь, впрочемъ, нѣкоторое недоразумѣніе. Главнѣйшіе доводы противъ демократическихъ и парламентскихъ принциповъ заимствованы авторомъ у тѣхъ же западно-европейскихъ писателей, которые ничѣмъ не стѣснены въ критикѣ своихъ отечественныхъ учрежденій; недостатки послѣднихъ давно уже разоблачены, и по мѣрѣ возможности они устраняются или ослабляются на дѣлѣ, такъ что при указаніи ихъ не было повода принимать обличительный тонъ относительно Запада. Никто изъ противниковъ парламентаризма въ западной Европѣ не предлагаетъ отречься отъ него въ виду присущихъ ему недостатковъ, такъ какъ недостатки вообще не служатъ основаніемъ къ упраздненію самыхъ учрежденій, которымъ они свойственны. Объ „узкомъ фанатизмѣ“ не можетъ быть и рѣчи въ данномъ случаѣ по той простой причинѣ, что свобода публичнаго обсужденія несовмѣстима съ узкимъ фанатизмомъ и не представляетъ благопріятной почвы для исключительности и нетерпимости въ мнѣніяхъ. Западно-европейскіе народы упорно дорожатъ своими парламентами только потому, что въ своемъ жалкомъ самообольщеніи предпочитаютъ видѣть во главѣ управленія какихъ-нибудь Тьеровъ и Гамбеттъ, Гладстоновъ и Биконсфильдовъ, чѣмъ истинныхъ сановниковъ, въ родѣ князя Полиньяка или маршала Сентъ-Арно. Съ точки зрѣнія автора статьи, это предпочтеніе парламентскихъ дѣятелей опытнымъ царедворцамъ можетъ казаться страннымъ, но мы не имѣемъ основанія навязывать свои идеи чужимъ народамъ и государствамъ, какъ это дѣлаетъ авторъ.

Характеристика чуждой намъ парламентской системы построена авторомъ на отвлеченныхъ предположеніяхъ, съ которыми сопоставляются противорѣчащіе имъ реальные факты. Механизмъ народнаго правленія, говоритъ онъ, „могъ бы успѣшно дѣйствовать, когда бы довѣренныя отъ народа лица устранились вовсе отъ своей личности; когда бы на парламентскихъ скамьяхъ сидѣли механическіе исполнители даннаго имъ наказа; когда бы министры явились тоже безличными, механическими исполнителями воли большинства; когда бы притомъ представителями народа избираемы были всегда лица, способныя уразумѣть въ точности и исполнять добросовѣстно данную имъ и математически точно выраженную программу дѣйствій. Вотъ при такихъ условіяхъ дѣйствительно машина работала бы исправно и достигала

бы цѣли. Законъ дѣйствительно выражалъ бы волю народа; управленіе дѣйствительно исходило бы отъ парламента; опорная точка государственнаго зданія лежала бы дѣйствительно въ собраніяхъ избирателей, и каждый гражданинъ явно и сознательно участвовалъ бы въ правленіи общественными дѣлами“. Другими словами, — еслибы люди были безжизненными машинами, еслибы народъ выбиралъ безличныхъ дѣятелей и систематически устранялъ самостоятельныхъ талантливыхъ, выдающихся по уму и характеру, и еслибы парламентскія и министерскія скамьи заняты были всегда пассивными ничтожествами, то машина работала бы исправно и достигала бы цѣли. А такъ какъ на практикѣ посылаются въ парламентъ и выдвигаются въ качествѣ кандидатовъ въ министры не механическіе исполнители чужихъ наказовъ, а люди независимые и энергическіе, доказавшіе свою способность къ общественной дѣятельности, то весь парламентскій механизмъ никуда не годится и превращается въ зловредную ложь. Представимъ себѣ, что въ парламентахъ засѣдали бы только такія довѣренныя отъ народа лица, которыя, по выраженію автора, „устранились вовсе отъ своей личности“,—и тогда всякіе Жюль-Фавры, Тьеры и Гладстоны были бы вполнѣ устранены. „Вотъ при такихъ условіяхъ, — скажетъ авторъ, — дѣйствительно машина работала бы исправно и достигала бы цѣли“.

Не будучи ни безличными, ни пассивными, западно-европейскіе парламентскіе министры и народные представители рѣшительно не удовлетворяютъ требованіямъ нашего автора. Эти представители „не стѣсняются нисколько взглядами и мнѣніями избирателей, но руководятся собственнымъ произвольнымъ усмотрѣніемъ и разсчетомъ, соображаемымъ съ тактикою противной партіи“; министры „располагаютъ всѣми силами и достатками націи по своему усмотрѣнію, раздаютъ льготы и милости, содержатъ множество праздныхъ людей на счетъ народа,—и притомъ не боятся никакого порицанія, если располагаютъ большинствомъ въ парламентѣ“ (т.-е. не боятся порицанія, если не имѣютъ поводовъ бояться порицанія). Оттого „ошибки, злоупотребленія, произвольныя дѣйствія—ежедневное явленіе въ министерскомъ управленіи, а часто ли мы слышимъ о серьезной отвѣтственности министра? Развѣ, можетъ быть, разъ въ пятьдесятъ лѣтъ приходится слышать, что надъ министромъ судъ, и всего чаще результатъ суда выходитъ ничтожный—сравнительно съ шумомъ торжественнаго производства“. Правда, недобросовѣстные или неудачные министры не продержатся и одного дня предъ парламентомъ; они легко устраняются, помимо суда, простымъ разоб-

лаченіемъ ихъ злоупотребленій и произвольныхъ дѣйствій,—но это еще не составляетъ „серьезной отвѣтственности" съ суровой точки зрѣнія автора. На его взглядъ, формальный судъ надъ министрами бываетъ слишкомъ рѣдко; нужно, чтобы министровъ судили не разъ въ пятьдесятъ лѣтъ, а примѣрно черезъ каждыя десять или пять лѣтъ, и притомъ, чтобы результатъ суда былъ болѣе значительный, чѣмъ обычное увольненіе отъ службы или тюремное заключеніе. При отсутствіи этихъ строгостей, министры неизбѣжно увлекаются произвольными соображеніями и корыстными разсчетами; весь парламентъ есть въ сущности „учрежденіе, служащее для удовлетворенія личнаго честолюбія и тщеславія и личныхъ интересовъ представителей". Вмѣсто правильнаго возвышенія людей, способныхъ вызывать къ себѣ довѣріе и расположеніе начальства, поднимаются вверхъ и достигаютъ вліянія и почета какія-то частныя лица, иногда ничего не имѣющія за собою, кромѣ дара краснорѣчія, искусства дѣйствовать на толпу, заражать ее духомъ патріотизма и стремленія къ общественному благу; эти чувства могутъ быть поддѣльны и лживы въ ораторѣ, но они принимаются за чистую монету и оказываютъ соотвѣтственное возвышающее дѣйствіе на публику. По мнѣнію автора, избирательныя и парламентскія рѣчи всегда и непремѣнно обманчивы, фальшивы. Въ нихъ нѣтъ той подлинной, безстрастной правды, которою отличаются дѣловые канцелярскіе записки и доклады. Кандидатъ въ члены парламента долженъ обманывать—и обманываетъ избирателей; передъ выборами онъ „твердитъ все о благѣ общественномъ, онъ не что иное, какъ слуга и печальникъ народа, онъ о себѣ не думаетъ и забудетъ себя и свои интересы ради интереса общественнаго,—и все это слова, слова, одни слова, временныя ступеньки лѣстницы, которыя онъ строитъ, чтобы взойти куда нужно и потомъ отбросить ненужныя ступени". Послѣ избранія „уже не онъ станетъ работать на общество, а общество станетъ орудіемъ для его цѣлей". Избиратели, какъ безсмысленныя существа, слѣпо идутъ за нимъ; они „являются для него стадомъ—для сбора голосовъ, и владѣльцы этихъ стадъ подлинно уподобляются богатымъ кочевникамъ, для коихъ стадо составляетъ капиталъ, основаніе могущества и знатности въ обществѣ". Непонятно, какъ могутъ избиратели сами создавать для себя такое позорное иго, почему они не сбрасываютъ насѣвшихъ на нихъ обманщиковъ и не замѣняютъ ихъ болѣе правдивыми и честными представителями. Выборы періодически повторяются съ тѣми же лживыми пріемами и фразами; а жертвы обмана, избиратели, упорно обольщаютъ себя сознаніемъ своего участія въ общественныхъ и поли-

тическихъ дѣлахъ страны. „И такая-то комедія выборовъ продолжаетъ до сихъ поръ обманывать человѣчество и считаться учрежденіемъ, вѣнчающимъ государственное зданіе... Жалкое человѣчество!“—восклицаетъ авторъ. Игра въ собираніе голосовъ подъ знаменемъ демократіи процвѣтаетъ „во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ,—и передъ всѣми, кажется, обнаружилась ложь ея; однако, никто не смѣетъ явно возставать противъ этой лжи. Несчастный народъ несетъ тяготу; а газеты—глашатаи мнимаго общественнаго мнѣнія—заглушаютъ вопль народный своимъ кликомъ: „велика Артемида Ефесская!“. Тяжесть, лежащая на несчастныхъ европейскихъ народахъ, дѣйствительно ужасна: имъ приходится выбирать депутатовъ, черезъ которыхъ они могутъ вліять на законодательство и управленіе, а депутаты не всегда оправдываютъ оказанное имъ довѣріе.

Напрасно только говоритъ авторъ, что никто не смѣетъ возстать противъ игры въ собираніе голосовъ, противъ лживыхъ избирательныхъ маневровъ, противъ всѣхъ закулисныхъ слабостей парламентаризма; объ этомъ говорятъ и пишутъ очень много и вполнѣ безпрепятственно [1]). Прибѣгать къ сомнительнымъ способамъ для цѣлей личной карьеры свойственно, конечно, не однимъ парламентскимъ дѣльцамъ; интриги, лесть, угодничество, ложь въ разныхъ видахъ и формахъ, не любятъ публичности и съ наибольшимъ успѣхомъ практикуются тамъ, гдѣ нѣтъ опасности разглашенія. Кандидаты въ политическіе дѣятели могутъ столь же послѣдовательно руководствоваться побужденіями эгоизма, какъ и заурядные чиновники и сановники; по справедливому вообще замѣчанію автора, „въ наше время рѣдки люди, проникнутые чувствомъ солидарности съ народомъ, готовые на трудъ и самопожертвованіе для общаго блага“,—и въ этомъ отношеніи парламентскіе карьеристы не составляютъ исключенія. Но несправедливо было бы произвольно обобщать эти отрицательныя явленія и дѣлать изъ нихъ выводъ о негодности парламентскаго режима для западно-европейскихъ націй,—точно такъ же, какъ странно было бы требовать упраздненія чиновничества на томъ основаніи, что между чиновниками бываютъ эгоисты и честолюбцы, что у нихъ забота объ общемъ благѣ и государственной пользѣ очень часто заглушается мотивами личной выгоды и личнаго возвышенія.

Слѣдуя теоріи нашего автора, можно найти „великую ложь“ во всякомъ учрежденіи, хотя бы самомъ почтенномъ

---

[1]) Ср. разборъ сочиненій сэра Генри Мэна, Пренса, Жюля Симона и др. въ книгѣ: „Основные вопросы политики“ (Спб. 1889), въ главѣ о парламентаризмѣ.

и авторитетномъ. Людовикъ XV былъ несомнѣннымъ представителемъ законной королевской власти во Франціи; но кто станетъ утверждать, что при немъ королевская власть могла дѣйствовать правильно, согласно своему назначенію, и что она не была великою ложью въ рукахъ фаворитокъ, разорявшихъ тогда страну? О политическомъ строѣ государствъ надо судить относительно, принимая во вниманіе историческія обстоятельства и условія;—объ этомъ основномъ правилѣ совершенно какъ бы забываетъ авторъ разбираемой статьи. Въ теоріи, французскій король былъ неограниченный властитель, а довѣренныя отъ него лица были только орудіями его воли; министры должны были бы довольствоваться ролью механическихъ исполнителей даннаго имъ наказа; въ государственные сановники должны были всегда назначаться люди, способные уразумѣть въ точности и исполнять добросовѣстно данную имъ и математически точно выраженную программу дѣйствій. Вотъ при такихъ условіяхъ, — говоря словами автора статьи „Московскаго Сборника“,—дѣйствительно машина работала бы исправно и достигала бы цѣли. Законъ дѣйствительно выражалъ бы сознательную волю короля; управленіе дѣйствительно исходило бы отъ единой центральной власти; опорная точка государственнаго зданія лежала бы дѣйствительно въ совѣсти и разумѣ законнаго правителя. На дѣлѣ происходило совсѣмъ не то: монархіею самовластно управляли люди, прикрывавшіеся именемъ короля,—большею частью придворныя ничтожества, случайные любимцы, искатели наслажденій и наживы, ловкіе честолюбцы, а иногда могущественные характеры, въ родѣ Ришельё или Кольбера. Французская государственная власть была тогда „учрежденіемъ, служившимъ для удовлетворенія личнаго честолюбія и тщеславія и личныхъ интересовъ ея представителей“; она была „торжествомъ эгоизма, высшимъ его выраженіемъ“, и „все здѣсь было разсчитано на служеніе своему *я*“. По теоріи, король рѣшалъ государственные вопросы по личному своему усмотрѣнію и пониманію, по здравомъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, независимо отъ какихъ-нибудь одностороннихъ вліяній и внушеній; на дѣлѣ онъ рѣшалъ такъ, какъ желательно было его приближеннымъ, ибо до него могли доходить только тѣ свѣдѣнія и соображенія, о которыхъ они ему сообщали. Въ принципѣ, министры были только исполнителями королевской воли; на практикѣ, они создавали и направляли эту волю по своему желанію. Въ свою очередь, многіе взгляды и проекты министровъ вырабатывались для нихъ подчиненными и предлагались уже вполнѣ готовыми въ канцелярскихъ докладахъ и запискахъ, такъ что источники государствен-

ной мудрости часто оказывались вовсе не тамъ, гдѣ предполагала ихъ довѣрчивая публика. Въ теоріи, довѣріемъ короля должны были пользоваться только честные и добросовѣстные слуги престола и отечества; на дѣлѣ постоянно возвышались пустые салонные кавалеры, льстивые лицемѣры и ханжи, и всего рѣже цѣнились люди по своимъ достоинствамъ и заслугамъ. Лживость тогдашней правительственной системы была ясна для всѣхъ; однако, никто не смѣлъ возражать противъ нея, подъ страхомъ тюрьмы и ссылки. Несчастный народъ не въ силахъ былъ выносить этотъ гнетъ произвола и беззаконія; народная масса доведена была до полнаго нищенства, а глашатаи мнимой благонамѣренности заглушали народный вопль громкими заявленіями самодовольства. На какомъ же основаніи нашъ авторъ — хотя и косвенно — рекомендуетъ Франціи возвратиться къ этой великой лжи стараго порядка? Не странно ли доказывать французамъ, что лучше было бы имъ оставаться подъ властью фальшивыхъ аббатовъ и разорительныхъ фаворитокъ, чѣмъ находиться подъ управленіемъ Карно или Феликса Фора?

Предположимъ, что авторъ статьи правъ, — что парламентская система уже теряетъ почву на Западѣ, и что „дѣти наши и внуки несомнѣнно дождутся сверженія этого идола, которому современный разумъ продолжаетъ еще въ самообольщеніи поклоняться“. Допустимъ, что „современный разумъ“ наконецъ постигнетъ истину, столь очевидную теперь для автора статьи „Московскаго Сборника“. Будутъ ли тогда вообще уничтожены парламенты или только замѣнены другими болѣе цѣлесообразными учрежденіями? Какія новыя или старыя начала будутъ положены въ основу политической жизни западно-европейскихъ государствъ? Объ этомъ авторъ не говоритъ ни слова; — дѣло именно въ томъ, что онъ даже не касается сущности парламентаризма, а критикуетъ только нѣкоторыя его формы. Самый скромный гражданинъ въ Англіи или во Франціи считаетъ себя въ правѣ интересоваться публичными дѣлами своей собственной страны; плательщики податей хотятъ знать, на что идутъ собираемые съ нихъ налоги; обыватели вообще убѣждены, что хорошее или дурное управленіе отзывается непосредственно на положеніи всѣхъ и каждаго, что вопросъ о войнѣ и мирѣ затрогиваетъ всѣ классы населенія, и что поэтому право общественнаго контроля и обсужденія составляетъ необходимую принадлежность ихъ политическаго быта. Отсюда вытекаютъ, во-первыхъ, свобода мнѣній и критики въ дѣлахъ публичнаго интереса, и во-вторыхъ, общественное участіе въ вопросахъ общей политики, законодательства и финансовъ. Которое

изъ этихъ правъ, по мнѣнію автора, теряетъ почву на Западѣ и можетъ быть отмѣнено со временемъ? Думаетъ ли онъ, что западно-европейскимъ народамъ надоѣло пользоваться правомъ публичнаго контроля и обсужденія правительственныхъ дѣйствій, свободою рѣчи и печати, правомъ публичныхъ собраній? Возможно ли отнять у этихъ народовъ право подавать свой голосъ противъ неправильнаго употребленія народныхъ средствъ или противъ упорнаго держанія во власти недостойныхъ министровъ, злоупотребляющихъ довѣріемъ своего повелителя? Нѣтъ сомнѣнія, что самъ авторъ отвѣтилъ бы на эти вопросы отрицательно, еслибы только поставилъ ихъ,—а перечисленныя права именно и составляютъ основные элементы, на которыхъ построена тамъ парламентская система. Такъ какъ законное осуществленіе этихъ правъ на Западѣ немыслимо безъ представительныхъ собраній въ той или другой формѣ, то новый парламентаризмъ неизбѣжно возникъ бы на развалинахъ прежняго. Если же вмѣстѣ съ парламентами удалось бы уничтожить общественное участіе въ ходѣ государственныхъ дѣлъ, то кто выигралъ бы отъ этой перемѣны? Знаменитѣйшіе государственные люди Англіи—Питтъ и Каннингъ, сэръ Робертъ Пиль и лордъ Пальмерстонъ, Гладстонъ и Биконсфильдъ—были типическими порожденіями парламентаризма,—и британская имперія, конечно, не занимала бы такого большого мѣста въ современномъ мірѣ, еслибы ею управляли люди другого типа и склада, обычные любимцы придворныхъ салоновъ, искусные въ дѣлѣ угодничества и въ закулисныхъ интригахъ. Внѣшній блескъ сановниковъ, ихъ празднествъ и затѣй, замѣнилъ бы славу великихъ ораторовъ и дипломатовъ съ ихъ умственною энергіею и предпріимчивостью; англійскій народъ не сдѣлался бы тѣмъ великимъ народомъ, какимъ мы его знаемъ, и королева Викторія не была бы императрицею Индіи. Династія потеряла бы столько же, сколько и нація. Во Франціи малоизвѣстные теперь аристократы, о талантахъ которыхъ никто не слыхалъ, были бы опять хозяевами страны; они по мѣрѣ силъ душили бы всякую независимую мысль и всякое общественное движеніе. Нашъ авторъ какъ бы убѣждаетъ европейцевъ, что они обманываютъ себя, думая, что парламентское правленіе избавило ихъ отъ беззаконій и произвола: у нихъ все осталось въ сущности по прежнему;—„какъ прежде, правитъ ими личная воля и интересъ привилегированныхъ лицъ; только эта личная воля осуществляется уже не въ лицѣ монарха (т.-е. не въ лицѣ пользующагося наибольшимъ его довѣріемъ сановника), а въ лицѣ предводителя партіи, и привилегированное положеніе принадлежитъ не родовымъ аристократамъ, а господствующему

въ парламентѣ и правленіи большинству“... „Вмѣсто неограниченной власти монарха (или его приближенныхъ) мы получаемъ неограниченную власть парламента, съ тою разницею, что въ лицѣ монарха можно представить себѣ единство разумной воли, а въ парламентѣ нѣтъ его, ибо здѣсь все зависитъ отъ случайности“. На практикѣ же парламенты ограничиваютъ не власть короля, а самовластіе его министровъ и совѣтниковъ; только послѣднимъ, а не монарху, можно противопоставлять предводителей партій, которые сами дѣйствуютъ отъ его имени, сдѣлавшись министрами. Власть выборной палаты не можетъ быть названа неограниченною; она поставлена въ извѣстныя рамки прерогативами короны и притомъ существуетъ только на опредѣленный срокъ, до новыхъ выборовъ. Итакъ, авторъ находитъ, что для народовъ все равно, какая и чья личная воля правитъ ими,—будетъ ли это личная воля великолѣпнаго герцога Букингама, ни предъ кѣмъ не отвѣтственнаго и несмѣняемаго, или личная воля Гладстона, непосредственно зависящаго отъ парламентскаго большинства, которое обновляется каждыя нѣсколько лѣтъ. Для западныхъ народовъ будто бы безразлично, кто господствуетъ надъ ними,—родовая ли аристократія, обладающая властью по праву наслѣдства, или парламентская партія, достигшая побѣды на выборахъ, благодаря талантамъ своихъ вождей и могущая потерять свое „привилегированное положеніе“ на слѣдующихъ выборахъ, вслѣдствіе своихъ ошибокъ и неудачъ. Такъ полагаетъ авторъ; онъ не видитъ принципіальной разницы между владычествомъ небольшой горсти несмѣняемыхъ вельможъ и господствомъ выборнаго парламентскаго большинства, между властью случайныхъ фаворитовъ, завладѣвшихъ довѣріемъ короля неизвѣстными способами, и ролью парламентскихъ предводителей, пріобрѣвшихъ довѣріе цѣлаго общества своею публичною дѣятельностью и обязанныхъ постоянно оправдывать это довѣріе предъ судомъ придирчивой оппозиціи и свободнаго общественнаго мнѣнія. „Все осталось въ сущности по прежнему“, по словамъ автора, и парламентскій контроль есть только напрасный плодъ „самообольщенія ума человѣческаго“; но мы опасаемся, что „современный разумъ“ приметъ эти доводы автора статьи за доказательство несерьезнаго отношенія къ разсматриваемому имъ предмету.

Очевидно, авторъ статьи не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что̀ собственно онъ опровергаетъ и что̀ доказываетъ; онъ принимаетъ за сущность парламентаризма внѣшнія особенности его въ Англіи и Франціи, не отличаетъ парламентскаго правленія въ собственномъ смыслѣ отъ системы парламентскаго контроля, дѣй-

ствующей, напр., въ Германіи, и предвѣщаетъ свержeніе „этого идола", основныя черты котораго остаются для него неясными. Если господство политическихъ партій, съ періодическою смѣною либеральнаго министерства консервативнымъ, представляетъ зло для Англіи, — зло, съ которымъ англичане, впрочемъ, вовсе не желаютъ разстаться, — то въ Германіи это зло не существуетъ, и, слѣдовательно, къ германскимъ парламентамъ непримѣнимы разсужденія въ „Московскомъ Сборникѣ". Въ Пруссіи и Германіи центральная правительственная власть имѣетъ вполнѣ монархическій характеръ; министры назначаются короною независимо отъ парламентовъ и отъ господствующаго въ нихъ большинства; политическія партіи и ихъ вожди не разсчитываютъ на прямое участіе въ управленіи; парламенты только контролируютъ правительство и разрѣшаютъ финансовые и законодательные вопросы. Въ германской имперіи нѣтъ парламентскаго правленія въ англійскомъ или французскомъ смыслѣ, но есть народное представительство, исполняющее свои законныя функціи безъ ущерба для авторитета государственной власти; имперскій сеймъ и выборныя палаты отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ образуютъ существенные элементы германской политической жизни, и относить ихъ къ разряду „идоловъ", которымъ предстоитъ паденіе, нѣтъ ни малѣйшаго повода. Не видно также основанія, почему мы могли бы усматривать въ нихъ „великую ложь нашего времени", ожидавшую лишь своего разоблаченія отъ нашего автора.

Прусскихъ и германскихъ правителей нельзя заподозрить ни въ желаніи подкопаться подъ основы монархическаго строя, ни въ малодушіи или слабости предъ общественнымъ мнѣніемъ; и если они опираются на парламентскія учрежденія и стараются ужиться съ ними, то только потому, что признаютъ ихъ необходимость для правильнаго національнаго развитія своихъ государствъ. Бисмаркъ включилъ въ германскую имперскую конституцію демократическій принципъ всеобщаго избирательнаго права, руководствуясь, безъ сомнѣнія, заботою о благѣ имперіи. Нашъ авторъ приписываетъ Бисмарку личные и даже преступные мотивы: „въ Германіи,—говоритъ онъ,—введеніе общей подачи голосовъ имѣло несомнѣнною цѣлью утвердить центральную власть знаменитаго правителя, пріобрѣвшаго себѣ великую популярность громадными успѣхами своей политики" (стр. 27). Замѣчаніе это кажется намъ рискованнымъ. Какъ ни судить о политической дѣятельности желѣзнаго канцлера, но до сихъ поръ никто еще не сомнѣвался въ его прусско-германскомъ патріотизмѣ и въ его безусловной преданности Вильгельму I; мы можемъ осуждать его политику, но не

имѣемъ права обвинять его въ измѣнѣ своему отечеству и своему королю. Бисмаркъ не могъ желать утвердить свою „центральную власть“ при помощи такого учрежденія, которое нарушало бы права его монарха и приносило бы вредъ государству; взводить на него подобное обвиненіе, не имѣя къ тому никакихъ данныхъ, тѣмъ болѣе неловко со стороны автора, что статья его помѣщена въ сборникѣ, изданномъ высопоставленнымъ лицомъ. Кто самъ не считаетъ себя способнымъ нарушить долгъ службы и присяги, тотъ не долженъ предполагать такую склонность и въ другихъ. Въ этомъ случаѣ авторъ поступилъ какъ представитель той „безотвѣтственной“ печати, о которой говорится въ особой статьѣ сборника; онъ нѣсколькими словами, какъ бы мимоходомъ, бросаетъ тѣнь на личную честь человѣка, лишеннаго возможности защищаться предъ русской читающею публикою. Обвиненіе само по себѣ не выдерживаетъ критики. Послѣ разгрома Франціи, при основаніи новой имперіи, Бисмаркъ былъ въ апогеѣ своей славы и вліянія; достигнувъ полнаго торжества своей политики вопреки противодѣйствію парламентской и придворной оппозиціи, онъ былъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, увѣренъ въ незыблемой прочности своего личнаго положенія при королѣ и императорѣ. Личные мотивы должны были побуждать его стремиться къ расширенію оффиціальной власти Вильгельма I и къ уничтоженію парламентскаго контроля, который причинялъ ему столько хлопотъ и непріятностей въ первые годы министерской дѣятельности. Но онъ поступилъ не какъ вульгарный честолюбецъ, а какъ дальновидный государственный человѣкъ, привыкшій жертвовать личными удобствами для пользы государства. Онъ поставилъ парламентскую жизнь имперіи на широкую національную основу всеобщаго избирательнаго права, чтобы избѣгнуть преобладанія сословныхъ и классовыхъ интересовъ въ народномъ представительствѣ; для центральной власти было несравненно лучше имѣть предъ собою организованное публичное мнѣніе цѣлаго общества и его главныхъ группъ, чѣмъ считаться лишь съ желаніями болѣе вліятельныхъ классовъ и кружковъ. Бисмаркъ никогда не боялся публичности; онъ понималъ служеніе государству не какъ замкнутую область, скрытую отъ взоровъ народной массы, а какъ общественное, національное дѣло, успѣшный ходъ котораго немыслимъ безъ активной поддержки и сочувствія гражданъ. Онъ предпочиталъ дѣйствовать и говорить предъ лицомъ всей націи, выслушивая рѣзкія возраженія и нападки противниковъ, вмѣсто того, чтобы замыкаться въ тѣсный кругъ преклонявшихся предъ нимъ сановныхъ посредственностей. Онъ часто боролся съ парламен-

томъ, но никогда не отрицалъ его законной роли и значенія. Парламентскія рѣчи Бисмарка внесли жизнь и движеніе въ разнообразныя сферы его дѣятельности; онѣ даютъ богатый матеріалъ для пониманія происходившихъ событій и содержатъ въ себѣ много поучительнаго съ точки зрѣнія консервативной практики парламентаризма въ Германіи [1]). „Московскій Сборникъ" даетъ теперь понять, будто онъ лучше Бисмарка понимаетъ истинные государственные интересы германской имперіи. Знаменитый канцлеръ увлекъ Вильгельма I на путь „самообольщенія ума человѣческаго" или по незнанію, или по недобросовѣстности; можетъ быть, онъ остановился бы во-время, еслибы стоялъ на уровнѣ пониманія нашего автора и не поддавался внушеніямъ „современнаго разума".

Отмѣтимъ еще два указанія въ „Московскомъ Сборникѣ". Политическія партіи, по мнѣнію автора, стремятся къ власти изъ-за матеріальныхъ выгодъ. Сторонники министерства всегда подаютъ голосъ за правительство; „имъ приходится, во всякомъ случаѣ, стоять за него — не ради поддержанія власти, не изъ-за внутренняго согласія въ мнѣніяхъ, но потому, что это правительство само держитъ членовъ своей партіи во власти и во всѣхъ сопряженныхъ со властью преимуществахъ, выгодахъ и прибыляхъ" (стр. 48). Намекъ на „прибыли", связанныя съ властью, заставляетъ насъ напомнить объ одномъ обстоятельствѣ, которое всегда должно было удивлять читателя при извѣстіяхъ о ходѣ министерскаго кризиса, напр., во Франціи. Кабинетъ вышелъ въ отставку, и президентъ республики ищетъ новыхъ министровъ; эти поиски продолжаются нѣсколько дней, иногда недѣлю и больше; разные политическіе дѣятели поочередно отказываются отъ предлагаемыхъ имъ министерскихъ портфелей; нерѣдко налаженная уже комбинація разстраивается изъ за упорства какого-нибудь одного кандидата, котораго не удается уговорить сдѣлаться министромъ. Бывали случаи, когда трудность отысканія министровъ, согласныхъ между собою на почвѣ опредѣленной программы, доходила до трагизма; при маршалѣ Макъ-Магонѣ одинъ кандидатъ на постъ главы кабинета умеръ отъ волненій, вызванныхъ утомительною и тщетною погонею за кандидатами въ министры. Ничего подобнаго не было бы, еслибы для политическихъ дѣятелей стояли на первомъ планѣ соображенія о „преимуществахъ, выгодахъ и прибыляхъ", сопряженныхъ съ министерскою властью. Всякій, кому предложенъ постъ

[1]) Эта сторона политической дѣятельности князя Бисмарка разсмотрѣна обстоятельно въ весьма интересномъ спеціальномъ сочиненіи г. Вл. Ренненкампфа: „Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка", Кіевъ, 1890.

министра, немедленно изъявлялъ бы свое согласіе; никто не возбуждалъ бы вопросовъ о тѣхъ или другихъ пунктахъ политической программы, никто не отказывался бы изъ-за споровъ о какомъ-нибудь законопроектѣ, и образованіе новаго министерства подъ главенствомъ опредѣленнаго лица было бы дѣломъ очень легкимъ и простымъ. Очевидно, что даже во Франціи, гдѣ матеріальные интересы играютъ вообще большую роль во всѣхъ сферахъ дѣятельности, политика партій и ихъ вождей направляется другими цѣлями и побужденіями, чѣмъ указываемыя нашимъ авторомъ „прибыли“. Что касается Англіи, то связывать мысль о личныхъ „прибыляхъ“ съ политическими стремленіями и дѣйствіями Гладстона или лорда Сольсбери не рѣшится, вѣроятно, и „Московскій Сборникъ“. Такъ же точно сторонники министерства далеко не всегда слѣдуютъ за своими предводителями, располагающими правительственною властью; достаточно сослаться на отпаденіе части либеральной партіи отъ Гладстона изъ-за проекта ирландской автономіи. Сами министры выходятъ въ отставку при первомъ серьезномъ разногласіи между собою или съ главою правительства; они не держатся цѣпко за свои портфели и, дѣйствуя на широкой публичной аренѣ, привыкаютъ дорожить больше общественнымъ уваженіемъ, чѣмъ своими „прибыльными“ мѣстами. Долголѣтнее и упорное, до поздней старости, пребываніе однихъ и тѣхъ же лицъ во власти является на Западѣ рѣдкимъ исключеніемъ, выпадающимъ лишь на долю особенно даровитыхъ, незамѣнимыхъ дѣятелей.

„Московскій Сборникъ“ утверждаетъ, что въ западной Европѣ стоитъ за парламентскую систему и славитъ ее только „либеральная интеллигенція“; въ дѣйствительности, повсюду консервативные элементы общества столь же твердо защищаютъ парламентскія учрежденія, какъ либералы, и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между консерваторами и прогрессистами, ни въ Англіи, ни въ Германіи, ни въ другихъ конституціонныхъ странахъ. Можно сказать наоборотъ, что западно-европейскіе консерваторы крѣпче отстаиваютъ парламентаризмъ, чѣмъ передовая „интеллигенція“, и что противъ парламентовъ чаще всего высказываются на Западѣ крайніе радикалы, за-одно съ соціалистами и анархистами.

Признаемся, что мы вообще не вѣримъ серьезности многихъ утвержденій „Московскаго Сборника“, ибо они слишкомъ часто опровергаются имъ самимъ. Разсуждая свысока о западно-европейскихъ политическихъ идеяхъ и порядкахъ, онъ въ то же время говоритъ нѣчто совершенно другое, когда приходится разбирать наши

собственныя дѣла и ходячія понятія. Въ Англіи царитъ „великая ложь нашего времени"; слѣдовательно, тамъ авторитетъ власти и закона долженъ быть подорванъ и ослабленъ. У насъ нѣтъ „великой лжи"; законъ и власть должны стоять у насъ выше и тверже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Между тѣмъ, авторъ намъ ставитъ въ образецъ англійское уваженіе къ власти и закону: „когда говорится объ уваженіи къ закону въ Англіи, слово *законъ* ничего еще не изъясняетъ; сила закона (коего люди не знаютъ) поддерживается въ сущности уваженіемъ къ *власти*, которая орудуетъ закономъ, и довѣріемъ къ разуму ея, искусству и знанію. Въ Англіи не пренебрежено, но строго охраняется главное, необходимое условіе для поддержанія законнаго порядка: опредѣлительность поставленныхъ для того властей и принадлежащаго каждой изъ нихъ круга, такъ что ни одна изъ нихъ не можетъ сомнѣваться въ твердости и колебаться въ сознаніи предѣловъ своего государственнаго полномочія. На этомъ основаніи власть орудуетъ не одною буквою закона, рабски подчиняясь ей въ страхѣ отвѣтственности, но орудуетъ закономъ въ цѣльномъ и разумномъ его значеніи, какъ нравственною силою, исходящею отъ государства" (стр. 89—90). Авторъ какъ будто уже забылъ, что власть и законъ въ Англіи зависятъ отъ „этого идола", которому люди поклоняются въ своемъ самообольщеніи.

У насъ господствуетъ правда, и во имя этой правды „Московскій Сборникъ" смѣло обрушивается на лживый Западъ. Но, —какъ справедливо замѣчено въ томъ же сборникѣ,—„никогда еще, кажется, отецъ лжи не изобрѣталъ такого сплетенія лжей всякаго рода, какъ въ наше смутное время, когда столько слышится отовсюду лживыхъ рѣчей о правдѣ. По мѣрѣ того какъ усложняются формы быта общественнаго, возникаютъ новыя лживыя отношенія и цѣлыя учрежденія, насквозь пропитанныя ложью. На всякомъ шагу встрѣчаешь великолѣпное зданіе, на фронтонѣ коего написано: „здѣсь истина". Входишь и ничего не видишь, кромѣ лжи. Выходишь, и когда пытаешься разсказывать о лжи, которою душа возмущалась, люди негодуютъ и велятъ вѣрить и проповѣдывать, что это истина, внѣ всякаго сомнѣнія" (стр. 57). Гдѣ же истина среди этихъ повсемѣстныхъ лживыхъ рѣчей о правдѣ? Если вѣрить автору, она затерялась и у насъ въ Россіи, „въ несчастной, оболганной и оболживленной чужеземною ложью Россіи" (стр. 59). Несчастіе наше, повидимому, еще не такъ велико: иноземную, наносную ложь всегда легче искоренить, чѣмъ свою собственную, родную, выросшую самостоятельно и проникшую насквозь весь частный и общественный бытъ.

Однако, въ крайне печальномъ свѣтѣ рисуется наша жизнь въ „Московскомъ Сборникѣ“, независимо отъ ложныхъ заграничныхъ ученій. Человѣческая жизнь цѣнится дешево; люди прибѣгаютъ къ самоубійству съ непонятною легкостью, при полномъ общественномъ равнодушіи, — и это „оттого, что жизнь наша стала до невѣроятности уродлива, безумна и лжива; оттого, что исчезъ всякій порядокъ, пропала всякая послѣдовательность въ нашемъ развитіи; оттого, что разслабла посреди насъ всякая дисциплина мысли, чувства и нравственности“. Въ нашемъ обществѣ накопилась „необъятная масса лжи, проникшей во всѣ отношенія, заразившей самую атмосферу, которою мы дышемъ, среду, въ которой движемся и дѣйствуемъ, мысль, которою мы направляемъ свою волю, и слово, которымъ выражаемъ мысль свою“. Такое страшное опустошеніе не могла бы произвести чужая, заимствованная ложь: она встрѣтила бы отпоръ въ родной правдѣ и осталась бы предъ нею безсильною. Многіе погибаютъ у насъ „оттого, что не въ силахъ примирить свой, можетъ быть возвышенный, идеалъ жизни и дѣятельности съ ложью окружающей ихъ среды, съ ложью людей и учрежденій; разувѣряясь въ томъ, во что обманчиво вѣровали, и не имѣя въ себѣ другой истинной вѣры, они теряютъ равновѣсіе и малодушно бѣгутъ вонъ изъ жизни“. По крайней мѣрѣ представители власти сохраняютъ, конечно, незыблемый нравственный авторитетъ, такъ какъ они свободны отъ недостатковъ и погрѣшностей, порождаемыхъ на Западѣ „великою ложью нашего времени“.

Но и это утѣшеніе исчезаетъ какъ дымъ, благодаря откровеннымъ признаніямъ „Московскаго Сборника“. Оказывается, что не мало у насъ такихъ людей, которыхъ „погубило внезапное и неравномѣрное возвышеніе, погубила власть, къ которой они легкомысленно стремились, которую взяли на себя не по силамъ“. Доступъ къ власти почему-то открытъ всякому желающему; съ необычайною легкостью создаются репутаціи, „получаются важныя общественныя должности, сопряженныя съ властью, раздаются знатныя награды“. Недоучившійся, неопытный юноша можетъ сдѣлаться „составителемъ законодательныхъ проектовъ; былинка, вчера только поднявшаяся изъ земли, становится на мѣсто крѣпкаго дерева“. Дошло до того, что „дѣйствительному достоинству становится трудно явить и оправдать себя, ибо на рынкѣ людского тщеславія имѣетъ ходъ только дутая блестящая монета. Въ такую эпоху люди легко берутся за все, воображая себя въ силахъ со всѣмъ справиться,—и успѣваютъ, при нѣкоторомъ искусствѣ, проникать безъ большихъ усилій на властное мѣсто. Властное званіе соблазни-

тельно для людского тщеславія; съ нимъ соединяется представленіе о почетѣ, о льготномъ положеніи, о правѣ раздавать честь и создавать изъ ничего иныя власти. Но каково бы ни было людское представленіе, нравственное начало власти—одно, непреложное: „кто хочетъ быть первымъ, тотъ долженъ быть всѣмъ слугою". Еслибы всѣ объ этомъ подумали, кто пожелалъ бы брать на себя невыносимое бремя? Однако, всѣ готовы съ охотою идти во власть, и это бремя власти многихъ погубило и раздавило, ибо въ наше время задача власти усложнилась и запуталась чрезвычайно, особливо у насъ. И такъ, много есть людей, передъ коими власть, легкомысленно взятая, легкомысленно возложенная, становится роковымъ сфинксомъ и ставитъ свою загадку. Кто не съумѣлъ разгадать ее, тотъ погибаетъ" (стр. 94—99). Государственные дѣятели, которые въ теоріи должны превосходить западно-европейскихъ коллегъ, не проявляютъ своихъ преимуществъ на практикѣ. „Общая и господствующая болѣзнь у всѣхъ такъ называемыхъ государственныхъ людей—честолюбіе или желаніе прославиться. Жизнь течетъ въ наше время съ непомѣрною быстротою; государственные дѣятели часто мѣняются, и потому каждый, покуда у мѣста, горитъ нетерпѣніемъ прославиться поскорѣе, пока еще есть время и пока въ рукахъ кормило". Всякому хочется передѣлать все свое дѣло заново, очистить себѣ ровное поле и творить изъ ничего; это стремленіе „тѣмъ сильнѣе увлекаетъ мысль государственнаго дѣятеля, чѣмъ менѣе онъ приготовленъ знаніемъ и опытомъ къ своему званію". Этотъ пріемъ „соблазнителенъ еще и тѣмъ, что, прикрывая дѣйствительное знаніе (незнаніе?), онъ даетъ широкое поле дѣйствію политическаго шарлатанства и помогаетъ прославиться самымъ дешевымъ способомъ". На этомъ удобномъ полѣ творчества всякій начальствующій человѣкъ „можетъ, ничего не смысля въ дѣлѣ и не давая себѣ большого труда, защищать какой бы то ни было проектъ преобразованія, составленный въ подначальныхъ канцеляріяхъ кѣмъ-нибудь изъ малыхъ преобразователей, подстрекаемыхъ тоже желаніемъ дешево прославиться". Не имѣя предъ собою обычныхъ золъ иноземной политической жизни, „полагающихъ преграду вольному устройству быта и порыву мысли и воображенія", реформаторы могутъ безпрепятственно осуществлять самые неосновательные планы. „Гдѣ шире и вольнѣе историческое и экономическое поле, тамъ есть гдѣ разгуляться какимъ угодно преобразовательнымъ фантазіямъ, — тамъ нѣтъ иногда и борьбы, нѣтъ и затруднительнаго разсчета съ утвердившимися идеями, интересами и партіями, но полная свобода широкому

размаху руки, натиску груди, быстрому налету перваго наѣздника“ (стр. 117—9).

Именно то, что̀ давало поводъ „Московскому Сборнику“ гордиться нашимъ превосходствомъ предъ Западомъ, превращается у него же вдругъ въ источникъ печальныхъ явленій. „Поприще государственной дѣятельности наполняется все архитекторами, и всякій, кто хочетъ быть работникомъ, или хозяиномъ, или жильцомъ, — долженъ выставить себя архитекторомъ. Очевидно, что при такомъ направленіи мысли и вкуса открывается безграничное поле всякому шарлатанству, всякой ловкости лицемѣрія и бойкости невѣжества“. Авторъ особенно напираетъ на вредъ непризваннаго новаторства, исходящаго отъ некомпетентныхъ лицъ; но дѣло тутъ не въ направленіи дѣятельности, а въ самой возможности того, что люди мало знающіе, склонные къ шарлатанству и лицемѣрію, попадаютъ будто бы въ государственные дѣятели. Есть и другого рода дѣятели, предпочитающіе положительную, практическую работу; но, подъ вліяніемъ общаго неблагопріятнаго для нихъ настроенія, они „отходятъ, или—что̀ еще хуже и что̀ слишкомъ часто случается,— не покидая мѣста, становятся равнодушны къ дѣлу и стерегутъ только видъ его и форму, ради своего прибытка и благосостоянія“ (стр. 121). Относясь столь критически къ государственнымъ дѣятелямъ, авторъ по справедливости не долженъ былъ бы уже выражать желаніе, чтобы только по ихъ уполномочію позволялось высказывать что-либо въ печати и чтобы критика ихъ сдѣлалась невозможною для журналистики и для частныхъ изданій, въ томъ числѣ и для такихъ, какъ „Московскій Сборникъ“.

Преобладающіе у насъ типы служебныхъ карьеристовъ, кандидатовъ въ государственные люди, очерчены весьма ярко въ интересной статьѣ о „характерахъ“. Бездарный и холодный, но ловкій „Никандръ“ умѣетъ вызывать и поддерживать о себѣ высокое мнѣніе начальства; его бумаги, записки и доклады всегда составлены съ замѣчательнымъ искусствомъ, хотя въ сущности производили впечатлѣніе „прекрасно сервированнаго завтрака, на которомъ ѣсть нечего“. Своимъ гладкимъ канцелярскимъ стилемъ ему всегда удавалось „притупить и обольстить вкусъ, поглотить сущее зерно вопроса, опутать его пеленами закругленной фразы, до того, что читатель, упуская изъ виду сущность и корень дѣла, сосредоточиваетъ интересъ свой на оболочкѣ, на побочныхъ и формальныхъ его принадлежностяхъ, на тѣхъ путяхъ, по которымъ дѣло слѣдуетъ отъ истока своего до впаденія“; такимъ образомъ, бумага „гладко и ровно доводила податливаго читателя

до потребнаго результата, отмѣчая ту точку, въ которой требовалось на сей разъ прибуксировать дѣло. Казалось, все такъ ясно изложено было въ обточенныхъ фразахъ, но въ сущности ничто не было ясно, все прикрывалось туманомъ; а дѣло, по бумагѣ, въ концѣ-концовъ обдѣлывалось—е sempre bene". Это искусство канцелярскаго изложенія играетъ у насъ ту роль, которая на Западѣ принадлежитъ парламентскому краснорѣчію, столь сурово осуждаемому авторомъ; но, какъ видно, и наша самобытная форма обсужденія государственныхъ вопросовъ имѣетъ свои слабыя стороны. Никандръ достигъ значительнаго правительственнаго поста и можетъ сойти за отечественнаго Гладстона. „Вѣкъ живи, вѣкъ учись!—заключаетъ авторъ.—Подлинно, я начинаю теперь только понимать, отчего въ школѣ учители наши такъ восхищались Никандромъ, отчего и въ нынѣшней его дѣятельности всѣ имъ довольны, всѣ прославляютъ его геніемъ дѣла. Говорятъ, что геній—тотъ, кто отвѣчаетъ на вопросы времени, кто умѣетъ постигнуть потребность эпохи, мѣста, и удовлетворяетъ ей. Никандръ умѣлъ понять вопросы времени, потребности среды, и удовлетворить имъ. Чтò нужды, что вопросы эти — мелкіе, что потребности эти—немудреныя! Все-таки онъ великій человѣкъ—и, увы, отчасти представитель великихъ дѣятелей нашего времени. Около него образовалась уже цѣлая школа подобныхъ ему дѣятелей. Какъ они всѣ благоприличны, какъ они гладки, какъ ровно и плавно вступаютъ въ репутацію способныхъ людей! Когда я вижу ихъ, мнѣ невольно приходитъ на мысль отрывочная сцена изъ Фауста. „Духи исчезаютъ безъ всякаго запаха. Маршалокъ съ удивленіемъ спрашиваетъ бискупа: слышите вы, чѣмъ-нибудь пахнетъ?—Ничего не слышу,—отвѣчаетъ бискупъ. А Мефистофель поясняетъ:—Духи этого рода, государи мои, не имѣютъ никакого запаха (Diese Art Geister stinken nicht, meine Herren)" (стр. 225—231).

„Московскій Сборникъ" противопоставляетъ этимъ дѣятелямъ свой идеалъ начальника и преподаетъ имъ хорошіе совѣты, но чувствуетъ самъ, что нравственныя сентенціи не передѣлаютъ взрослыхъ людей, достигшихъ власти надъ другими. „Власть,—говоритъ онъ,—какъ носительница правды, нуждается болѣе всего въ людяхъ правды, въ людяхъ твердой мысли, крѣпкаго разумѣнія и праваго слова, у коихъ „да" и „нѣтъ" не соприкасаются и не сливаются, но самостоятельно и раздѣльно возникаютъ въ духѣ и въ словѣ выражаются. Только такіе люди могутъ быть твердою опорою власти и вѣрными ея руководителями. Счастлива власть, умѣющая различать такихъ людей и цѣнить ихъ по достоинству и неуклонно

держаться ихъ. Горе той власти, которая такими людьми не дорожитъ и предпочитаетъ имъ людей склоннаго нрава, уклончиваго мнѣнія и языка льстиваго“. Но гдѣ же тѣ признаки, по которымъ можно отличить твердую правду отъ столь же твердаго и послѣдовательнаго заблужденія? Твердая мысль, высказываемая безъ колебаній и настойчиво проводимая на дѣлѣ, можетъ исходить изъ ложной идеи и принести неисчислимый вредъ государству; поэтому было бы крайне рискованно держаться такихъ людей неуклонно, не выслушивая несогласныхъ съ ними лицъ, и тѣмъ болѣе—предоставить имъ роль „руководителей“ самой власти. Въ начальникѣ,—говорится далѣе,—„сознаніе достоинства должно быть неразлучно съ сознаніемъ долга: по мѣрѣ того, какъ блѣднѣетъ сознаніе долга, сознаніе достоинства, расширяясь и возвышаясь не въ мѣру, производитъ болѣзнь, которую можно назвать гипертрофіею власти. По мѣрѣ усиленія этой болѣзни, власть можетъ впасть въ состояніе нравственнаго помраченія, въ коемъ она представляется сама по себѣ и сама для себя существующею. Это будетъ уже начало разложенія власти“. Начальникъ не долженъ пренебрегать указаніями своихъ подчиненныхъ. „Бѣда начальнику, если онъ вообразитъ, что все можетъ знать и обо всемъ разсудить непосредственно, независимо отъ знаній и опытности подчиненныхъ, и захочетъ рѣшить всѣ вопросы однимъ своимъ властнымъ словомъ и приказаніемъ, не справляясь съ мыслью и мнѣніемъ подчиненныхъ (только подчиненныхъ ?), непосредственно къ нему относящихся... Пущая бѣда ему, если онъ впадаетъ въ пагубную привычку не терпѣть и не допускать возраженій и противорѣчій: это—свойство не однихъ только умовъ ограниченныхъ, но встрѣчается нерѣдко у самыхъ умныхъ и энергическихъ, но не въ мѣру самолюбивыхъ и самоувѣренныхъ дѣятелей. Добросовѣстнаго дѣятеля должна страшить привычка къ произволу и самовластію въ рѣшеніяхъ: ею воспитывается равнодушіе, язва бюрократіи. Власть не должна забывать, что за каждою бумагою стоитъ или живой человѣкъ, или живое дѣло, и что сама жизнь настоятельно требуетъ и ждетъ соотвѣтственнаго съ нею рѣшенія и направленія“. Но этотъ живой человѣкъ, это живое дѣло и сама жизнь представляются начальнику только въ отвлеченности и неизбѣжно блѣднѣютъ и исчезаютъ съ его горизонта; тогда власть совершаетъ свое дѣло „безсознательно и формально, подъ покровомъ начальственнаго величія“. А „когда учрежденіе нѣмѣетъ и мертвѣетъ, замыкаясь въ пошлыхъ путяхъ текущей формальности, оно перестаетъ быть школою искусства, превращаясь въ машину, около коей смѣняются работники. Горизонты

замыкаются, некуда смотрѣть, и нѣтъ стремленія и движенія впередъ". Злоупотребленія разнаго рода находятъ благодарную почву. „Къ несчастью, по мѣрѣ ослабленія нравственнаго начала власти въ начальникѣ, имъ овладѣваетъ пагубная страсть патронатства, страсть покровительствовать и раздавать мѣста и должности высшаго и низшаго разряда. Великая бѣда—отъ распространенія этой страсти, лицемѣрно прикрываемой видомъ добродушія и благодѣянія нуждающимся людямъ. Побужденія этой благодѣтельности нерѣдко смѣшиваются съ побужденіями угодничества передъ другими сильными міра, желающими облагодѣтельствовать своихъ кліентовъ. Увы, благодѣянія этого рода раздаются часто на счетъ блага общественнаго, на счетъ благоустройства служебныхъ отправленій, наконецъ на счетъ казенной или общественной кассы". Увлеченіе этой слабостью „можетъ довести власть до крайняго разслабленія, до смѣшенія достоинства и способности съ тупостью и низостью побужденій, до развращенія подчиненныхъ общею погоней за мѣстами, общею похотью къ почестямъ, наградамъ и денежнымъ раздачамъ" (стр. 250—263).

Мало утѣшительны также отзывы „Московскаго Сборника" о нравахъ такъ-называемаго высшаго общества, окружающаго представителей власти. „Гордая и величественная Мессалина", царящая въ салонахъ,—какъ узнаемъ мы изъ этюда „о характерахъ", —ничѣмъ не разнится отъ Лаисы, пользующейся популярностью среди знатной молодежи; но у нея есть мужъ, котораго громкое имя она носитъ, и есть домъ, великолѣпный, съ цѣлою когортою ливрейныхъ лакеевъ на мраморной лѣстницѣ. „Но какая связь соединяетъ ее съ этимъ мужемъ и для чего живутъ они подъ одною кровлею—это тайна, извѣстная одной Мессалинѣ. Въ ея салонѣ мужъ присутствуетъ; мужъ сопровождаетъ ее въ другіе салоны, и все покрываетъ собою. Но когда встрѣчаютъ Мессалину зимой на бѣшеной тройкѣ, или весной на шумномъ гульбищѣ въ шикарномъ экипажѣ, запряженномъ рысаками,—нѣкто другой, а не мужъ, раздѣляетъ съ нею часы забавы и веселости"... Въ ея чертогахъ „всѣ извиняютъ другъ другу все, кромѣ строгаго отношенія къ нравственнымъ началамъ жизни". „Все ложь—въ жизни и обстановкѣ Мессалины. Роскошь, ее окружающая, домъ ея съ великолѣпнымъ убранствомъ, разставленные по лѣстницѣ величественные лакеи, тысячные наряды ея и уборы,—все это ложь; все это должно, кажется, рухнуть каждую минуту. Все это, и давно уже, въ сущности не ея, а чужое, мнимое, потому что счетъ уже потерянъ долгамъ ея и ея супруга, и счеты изъ магазиновъ, ей предъявленные, давно уже составляютъ безобразную

кучу, въ которой никто не умѣетъ разобраться. Имѣнія ея заложены и назначаются то-и-дѣло въ публичную продажу; заводы то-и-дѣло останавливаютъ свое дѣйствіе; заимодавцы пристаютъ съ требованіями и предъявляютъ иски. Но какимъ-то волшебствомъ все это распутывается въ критическія минуты, — имѣнія освобождаются отъ продажи, заводы возстановляютъ свое дѣйствіе, заимодавцы, подобно завоевателю, гонимому невѣдомымъ страхомъ, разсѣеваются и притихаютъ,—и Мессалина объявляетъ въ своихъ чертогахъ балъ, на которомъ присутствуетъ избранное общество, и нѣтъ конца восторженнымъ похваламъ блеску и вкусу и великолѣпію бала“. „Мессалина и подобные ей живутъ на высотахъ, никогда не спускаясь въ долину. Смотришь на нихъ наверхъ и съ изумленіемъ спрашиваешь себя: какъ эти люди, дыша всегда воздухомъ горныхъ высотъ, не задохнутся? Или, подобно олимпійцамъ, питаются они амброзіею? Они видятъ и слышатъ только подобныхъ себѣ, и всѣ дѣла, заботы, печали и радости людей дольняго міра представляются имъ въ туманной картинѣ, долетаютъ къ нимъ какъ дальнее жужжаніе насѣкомыхъ“. Иногда они чувствуютъ потребность успокоить свою совѣсть дѣлами благотворенія, и для этого придумано учрежденіе, при помощи котораго благотворительность „превращается въ одинъ изъ видовъ общественнаго увеселенія и представляетъ изъ себя ярмарку тщеславія“. На роскошномъ „базарѣ благотворительности“ Мессалина возбуждаетъ зависть и восторгъ своимъ блестящимъ туалетомъ, только-что полученнымъ изъ Парижа и стоившимъ бѣшеныхъ денегъ; она проникнута гордымъ сознаніемъ исполненнаго долга, хотя вся ея выручка не достигала цѣны того платья, которое она на себѣ носила. „Невольно приходило на мысль: какая громадная сумма составилась бы изъ сложенія всѣхъ тѣхъ цифръ, которыя принесли въ залу на плечахъ своихъ эти благодѣтельныя особы“ (стр. 232—9). Какія же нравственныя начала могутъ найти себѣ опору въ этомъ мірѣ наружнаго блеска, при всеобщемъ владычествѣ столь соблазнительныхъ формъ лжи и лицемѣрія?

Наша дѣйствительная жизнь, какъ соглашается и „Московскій Сборникъ“, даетъ мало матеріала для самодовольства и самомнѣнія. „Стоитъ только пройтись по улицамъ большого или малаго города, по большой или малой деревнѣ, — читаемъ мы въ сборникѣ,—чтобы увидать разомъ и на каждомъ шагу, въ какой безднѣ улучшеній мы нуждаемся и какая повсюду лежитъ безобразная масса покинутыхъ дѣлъ, пренебреженныхъ учрежденій, разсыпанныхъ храминъ“. Школы, больницы, уличное благоустрой-

ство, общественное хозяйство, правительственныя канцеляріи, духовные интересы, — все ждетъ разумнаго руководства и содѣйствія; „вотъ присутственное мѣсто, призванное къ важнѣйшему государственному отправленію, въ которомъ водворился хаосъ неурядицы и неправды, за неспособностью чиновниковъ, туда назначаемыхъ; вотъ департаментъ, въ который, когда ни придешь за дѣломъ, не находишь нужныхъ для дѣла лицъ, обязанныхъ тамъ присутствовать; вотъ храмы—свѣтильники народные, оставленные посреди селъ и деревень запертыми, безъ службы и пѣнія, и вотъ другіе, изъ коихъ, за крайнимъ безчиніемъ службы, не выноситъ народъ ничего, кромѣ хаоса, невѣдѣнія и раздраженія. Великъ этотъ свитокъ, и сколько въ немъ написано у насъ рыданія и жалости и горя!" (стр. 122—3). Предстоитъ еще „начать преобразованіе изнутри, просвѣтить сначала духъ народный, углубить въ немъ идею, очистить и обогатить нравственный и умственный бытъ его" (стр. 185). Во многихъ мѣстностяхъ „народъ тупо стоитъ въ церкви, ничего не понимая, подъ козлогласованіемъ дьячка или бормотаніемъ клирика"... „Увы, не церковь повинна въ этой тупости и не бѣдный народъ повиненъ:—повиненъ лѣнивый и несмыслящій служитель церкви; повинна власть церковная, невнимательно и равнодушно распредѣляющая служителей церкви; повинна, по мѣстамъ, скудость и безпомощность народная" (стр. 223).

Послѣ всего этого позволительно было бы спросить: возможно ли совмѣстить приведенные факты съ указаніемъ на „чужеземную ложь", какъ на главнѣйшій источникъ нашихъ бѣдствій? Подобаетъ ли намъ снисходительно осуждать недостатки чужихъ странъ и брать на себя роль обличителей и наставниковъ по отношенію къ западной Европѣ? Изъ многихъ справедливыхъ замѣчаній самого „Московскаго Сборника" несомнѣнно вытекаетъ отрицательный отвѣтъ на эти вопросы.

L.

ИЗЪ БУШОРА

FAUST MODERNE.

Какъ въ бурю море рвется на просторъ,
Когда надъ нимъ суровый вѣтеръ свищетъ,—
Моя душа простора вѣчно ищетъ—
Но ей въ отвѣтъ вездѣ нѣмой отпоръ.

И снова я, безсильной злобы полный,
Бѣгу назадъ, кляня свою судьбу;
Такъ объ утесъ, порой, разбившись, волны
Сбѣгаютъ вновь, чтобъ вновь начать борьбу...

Къ чему, къ чему усилія пигмея?
И жалкія надежды на успѣхъ?
Зачѣмъ, мечту о счастіи лелѣя,
Я никакихъ не вѣдаю утѣхъ,
И такъ глубоко презираю всѣхъ,
И бросить вызова не смѣю?..

Л. Евреиновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1896.

Новая губернія.—Проектъ уголовнаго уложенія и брачное законодательство.— „Заблужденіе" землевладѣльцевъ и его виновники.— Винокуреніе, какъ привилегія.—Сельскіе рабочіе и сельскіе хозяева. —Нижегородскій торгово-промышленный съѣздъ и съѣзды вообще. — Воинская повинность и льготы по образованію.—Н. А. Неклюдовъ †.

Мѣсяца два тому назадъ распубликованъ законъ объ образованіи на Кавказѣ изъ бывшаго черноморскаго округа новой губерніи, также названной „черноморскою". Устройство этой губерніи во многомъ своеобразно. Мѣсто губернскаго правленія и разныхъ губернскихъ присутствій занимаетъ въ ней *общее присутствіе*, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора: засѣдаютъ, вице-губернаторъ, правитель канцеляріи губернатора, представитель министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, лицо прокурорскаго надзора, податной инспекторъ, губернскій инженеръ, губернскій врачебный инспекторъ, губернскій ветеринаръ и губернскій землемѣръ. Постоянными членами общаго присутствія являются, впрочемъ, только первые двое; мѣра участія лица прокурорскаго надзора опредѣляется общими правилами о кругѣ дѣйствій губернской прокуратуры; представитель министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и податной инспекторъ участвуютъ въ засѣданіяхъ присутствія по дѣламъ крестьянскимъ, переселенческимъ, о земскихъ повинностяхъ, городскомъ общественномъ управленіи, народномъ продовольствіи, общественномъ призрѣніи, общественномъ здравіи и оспопрививаніи, а податной инспекторъ сверхъ того—по дѣламъ, касающимся сборовъ съ населенія; всѣ остальные участвуютъ только въ разрѣшеніи дѣлъ, касающихся ихъ части. Призываются еще въ присутствіе, на правахъ членовъ: по дѣламъ, касающимся городского общественнаго управленія—новороссійскій городской голова и одинъ изъ гласныхъ

новороссійской городской думы по ея избранію; по дѣламъ о воинской повинности — представитель военнаго вѣдомства; по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ—представитель почтово-телеграфнаго вѣдомства; по дѣламъ судебнаго свойства — представитель судебнаго вѣдомства и по переселенческимъ дѣламъ — чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ. Общее присутствіе, такимъ образомъ организованное, соотвѣтствуетъ только отчасти тому типу губернскаго управленія, который былъ намѣченъ сенаторскими ревизіями 1880 — 81 г., какъ лучшее средство къ объединенію, а слѣдовательно и усовершенствованію различныхъ отраслей администраціи. Шагъ впередъ, сравнительно съ обыкновеннымъ шаблономъ, заключается въ уменьшеніи числа коллегій, между которыми распредѣлено завѣдываніе губерніей; но онъ парализуется въ значительной степени раздѣленіемъ членовъ присутствія на нѣсколько категорій, далеко не равноправныхъ. Совершенно понятно, что такіе спеціалисты, какъ губернскій инженеръ, губернскій землемѣръ, губернскій ветеринаръ, приглашаются въ присутствіе только по дѣламъ, касающимся ихъ спеціальности—понятно тѣмъ болѣе, что они всѣ принадлежатъ къ одному и тому же вѣдомству (министерства внутреннихъ дѣлъ) и всѣ подчинены губернатору. Совсѣмъ инымъ является положеніе представителей другихъ вѣдомствъ (за исключеніемъ развѣ столь спеціальныхъ, какъ военное), а также органовъ самоуправленія. Рѣзко опредѣленную грань между дѣлами чисто-административными, финансовыми, хозяйственными провести трудно, почти невозможно; полицейскія распоряженія сплошь и рядомъ затрогиваютъ какъ интересы казны, такъ и интересы населенія; юридическіе вопросы возникаютъ не въ однихъ только дѣлахъ „судебнаго свойства". Настоящее единство дѣйствій можетъ быть достигнуто, поэтому, только такимъ центральнымъ губернскимъ учрежденіемъ, *постоянными* членами котораго были бы какъ чины министерствъ, непосредственно участвующихъ въ внутреннемъ управленіи (т.-е. министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія), такъ и представители городовъ и земства (гдѣ оно существуетъ). Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи можно считать ту роль, которая отведена въ черноморскомъ общемъ присутствіи представителямъ министерствъ земледѣлія и финансовъ. Они призваны къ участію не только въ дѣлахъ, прямо касающихся ихъ вѣдомствъ, но и во многихъ другихъ, имѣющихъ къ нимъ только косвенное отношеніе (народное продовольствіе, общественное призрѣніе, общественное здравіе и т. п.). Это—явное и вполнѣ раціональное отступленіе отъ чисто-формальнаго дѣленія дѣлъ по вѣдомствамъ или

министерствамъ; остается только распространить его еще дальше, —вывести заключеніе, логически изъ него вытекающее.

Черноморская губернія, если мы не ошибаемся, первая, которая— вѣроятно, только на время, — не будетъ имѣть своего окружного суда; она остается подвѣдомственною екатеринодарскому окружному суду (кубанской области), въ составъ которой входилъ черноморскій округъ. Она сохраняетъ судебно-мировыя учрежденія. На мировыхъ судей возлагается производство предварительныхъ слѣдствій. Земскіе начальники въ черноморской губерніи не вводятся.

Осенью прошлаго года проектъ новаго уголовнаго уложенія, составленный особою коммиссіею, поступилъ на разсмотрѣніе министерства юстиціи и былъ разосланъ, въ то же время, на заключеніе другихъ вѣдомствъ; въ наступающемъ законодательномъ періодѣ онъ будетъ внесенъ, по всей вѣроятности, въ государственный совѣтъ. Уже теперь обрисовываются, благодаря полемикѣ въ печати, нѣкоторые изъ числа спорныхъ пунктовъ, на которыхъ придется остановиться высшему законодательному учрежденію. Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ появилось возраженіе противъ одного изъ нововведеній, проектируемыхъ коммиссіею въ отдѣлѣ о посягательствахъ на союзъ семейный. Органу с.-петербургской духовной академіи отвѣчалъ (въ „Новомъ Времени“) одинъ изъ членовъ коммиссіи, профессоръ Фойницкій; на сторону „Церковнаго Вѣстника“ стали „Московскія Вѣдомости“, какъ въ передовыхъ статьяхъ, такъ и въ сообщеніяхъ случайныхъ сотрудниковъ (между прочимъ—юрьевскаго профессора Красножена). Сущность спора заключается въ слѣдующемъ. Дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ (ст. 1593, 1594, 1559, 1560), признавая кровосмѣшеніемъ всякую плотскую связь между родственниками или свойственниками такихъ степеней, при которыхъ церковью не дозволенъ бракъ, караетъ, сообразно съ этимъ, и самый бракъ между такими лицами; проектъ уложенія (ст. 440, 441, 352) считаетъ преступленіемъ связь, брачную или внѣ-брачную, только съ родственниками или свойственниками восходящими или нисходящими и съ боковыми родственниками второй степени. Такъ какъ запрещеніе брака, въ зависимости отъ родства или свойства, не одинаково для различныхъ вѣроисповѣданій, то не одинакова, по дѣйствующему уложенію, и отвѣтственность православныхъ и не-православныхъ за кровосмѣшеніе или кровосмѣсительный бракъ; проектъ уложенія, наоборотъ, не установляетъ никакого различія между тѣми и другими. Коммиссія, составлявшая проектъ уложенія, руководилась двумя главными основаніями: желаніемъ создать по дѣламъ

брачнымъ общую, по возможности, юридическую почву для лицъ всѣхъ исповѣданій, даже не-христіанскихъ, и убѣжденіемъ, что ненаказуемость нѣкоторыхъ браковъ, воспрещенныхъ церковью, отнюдь не идетъ въ разрѣзъ съ церковными постановленіями, такъ какъ бракъ, ненаказуемый передъ свѣтскимъ уголовнымъ судомъ, можетъ быть наказуемымъ передъ судомъ духовнымъ и недѣйствительнымъ передъ судомъ гражданскимъ. Разсмотримъ отдѣльно каждое изъ этихъ основаній, вмѣстѣ съ доводами, приводимыми въ ихъ опроверженіе.

Общность уголовнаго законодательства по дѣламъ брачнымъ не можетъ быть абсолютной, безусловной, въ виду существенно различныхъ взглядовъ на бракъ, вызываемыхъ различіемъ вѣроученій; но это еще не значитъ, чтобы къ ней не слѣдовало стремиться, въ предѣлахъ возможнаго и удободостижимаго. Сохраненію подлежатъ только тѣ особенности, которыя, глубоко коренясь въ обычаяхъ и нравахъ той или другой части населенія, не находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ требованіями нравственности или общественнаго порядка. Предположимъ, напримѣръ, что нѣкоторыя группы язычниковъ, обитающихъ въ предѣлахъ имперіи, считаютъ допустимымъ бракъ между братомъ и сестрой: это не должно служить препятствіемъ къ уголовному преслѣдованію подобныхъ браковъ, потому что они, составляя рѣдкое исключеніе, слишкомъ прямо идутъ въ разрѣзъ съ основами семейнаго союза и условіями нормальнаго развитія, физическаго и духовнаго. Совершенно правильно, поэтому, поступаютъ составители уложенія, распространяя запрещеніе брака (и вообще плотской связи) между боковыми родственниками второй степени на всѣхъ жителей имперіи, безъ различія вѣроисповѣданій [1]). Иначе ставится вопросъ по отношенію къ многоженству: на немъ построенъ весь бытъ язычниковъ и магометанъ; поколебать или искоренить его въ этой средѣ путемъ уголовныхъ каръ совершенно немыслимо. Это понимаютъ даже „Московскія Вѣдомости“, разъясняющія слишкомъ прямолинейному своему сотруднику (г. Кирѣеву), что отношеніе государства къ браку и его послѣдствіямъ нельзя „основывать исключительно на догматахъ православной церкви“. Если условіемъ наказуемости вступленія въ новый бракъ, при существованіи прежняго, проектъ уложенія (ст. 351), согласно съ дѣйствующимъ закономъ (ст. 1554), считаетъ запрещеніе такого брака правилами вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ брачущійся, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы составители проекта впали въ противорѣчіе съ

[1]) По дѣйствующему уложенію (ст. 1594) кровосмѣшеніе между братомъ и сестрой считается преступленіемъ только для лицъ христіанскихъ исповѣданій.

своей главной цѣлью — объединеніемъ брачнаго законодательства; они только допустили исключеніе изъ общаго правила — исключеніе неизбѣжное и справедливое.

Столь же неоснователенъ и другой, однородный аргументъ проф. Красножена. Ст. 353-я проекта опредѣляетъ отвѣтственность *христіанина*, завѣдомо вступившаго въ бракъ съ не-христіаниномъ. Изъ спеціальнаго характера этого постановленія, относящагося только къ христіанамъ, г. Красноженъ выводитъ заключеніе, что коммиссія „оказалась безсильной выполнить поставленную ею задачу". И здѣсь, какъ въ вопросѣ о многоженствѣ, онъ упускаетъ изъ виду, что въ законодательной дѣятельности строгая логичность достижима далеко не всегда, и что неполнымъ осуществленіемъ основной задачи нельзя доказывать ея неправильность или неумѣстность. Съ нашей точки зрѣнія, исключеніе изъ общаго правила, допущенное ст. 353-ей проекта, возбуждаетъ сомнѣнія совсѣмъ другого рода; намъ кажется, что для него нѣтъ достаточныхъ основаній. Вступленіе христіанина въ бракъ съ не-христіаниномъ гораздо правильнѣе было бы отнести, наравнѣ съ вступленіемъ въ бракъ съ болѣе отдаленными родственниками или свойственниками, къ числу дѣяній уголовно ненаказуемыхъ, хотя и влекущихъ за собою недѣйствительность брака. Эта мысль выяснится сама собою при обсужденіи второго тезиса коммиссіи и направленныхъ противъ него возраженій.

Если вѣрить профессору Красножену и „Московскимъ Вѣдомостямъ", признаніе ненаказуемости дѣяній, воспрещенныхъ церковью, знаменовало бы собою крутой переворотъ въ отношеніяхъ между церковью и государствомъ: первая преслѣдовала бы свои особыя задачи, второе—свои, и Россія уподобилась бы западной Европѣ, гдѣ „церковь и государство давно уже идутъ разными дорогами". „Не то — восклицаетъ г. Красноженъ — было, къ счастію, на Востокѣ, и не тотъ порядокъ существуетъ до сихъ поръ у насъ въ Россіи". Примѣру Юстиніана, „не стыдившагося согласовать свои законы съ церковными канонами", слѣдовали „позднѣйшіе византійскіе императоры, а также государи и законодатели земли русской, ко благу не только самой православной церкви, но и русскаго государства и русскаго народа". Опираясь на авторитетъ ученаго юриста, редакція „Московскихъ Вѣдомостей" идетъ еще дальше, прямо утверждая, что „признаніе ненаказуемыми браковъ, завѣдомо противорѣчащихъ церковнымъ законамъ, равняется раздѣленію, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи, церкви и государства". Другими словами, составители уголовнаго уложенія оказываются приверженцами принципа, на русской почвѣ считающагося не только неподходящимъ, но и не-

благонамѣреннымъ. Еще яснѣе та же мысль выражена г. Кирѣевымъ („Московскія Вѣдомости № 219"). Возмущаясь ссылкою И. Я. Фойницкаго на евангельскія слова: „Божіе—Богови, а кесарево—кесареви", г. Кирѣевъ находитъ, что она была бы умѣстна только въ устахъ „китайскаго или турецкаго профессора, т.-е. чиновника языческаго или мусульманскаго государства, или даже и какого-либо христіанскаго современнаго государства, но такого, которое уже отдѣлилось, отмежевалось отъ церкви и называется христіанскимъ потому только, что большинство его гражданъ исповѣдуетъ ту или другую христіанскую религію. Въ *такомъ* государствѣ можно хлопотать о введеніи гражданскаго брака, гражданскаго крещенія (?!) и т. п., о томъ, словомъ, чтобы установить *свободную церковь въ свободномъ государствѣ*—но не у насъ, ибо у насъ кесарь не врагъ Христа, а вѣрный Его рабъ; нашъ Кесарь стоитъ на стражѣ правъ и интересовъ церкви".

Все это грозное crescendo заподозриваній и обвиненій—чрезвычайно типичный образецъ одного изъ любимыхъ пріемовъ реакціонной печати: замѣны вопроса, составляющаго настоящій предметъ спора, другимъ, взятымъ изъ совершенно другой области. Въ самомъ дѣлѣ, чтб послужило исходной точкой для составителей проекта уложенія и для проф. Фойницкаго, явившагося истолкователемъ его въ печати? Безспорное, несомнѣнное различіе между грѣхомъ и преступленіемъ, между дѣяніемъ, воспрещеннымъ церковью, и дѣяніемъ, воспрещеннымъ, *подъ страхомъ уголовнаго наказанія*, государственною властью. Уголовная санкція—только одна изъ многихъ, установляемыхъ или допускаемыхъ государствомъ. Существуетъ санкція гражданская, заключающаяся въ признаніи незаконнаго дѣянія недѣйствительнымъ или какъ бы несовершившимся, лишеннымъ юридической силы; существуетъ санкція полицейская, заключающаяся въ устраненіи, путемъ административнымъ, послѣдствій незаконнаго дѣянія, или въ понужденіи, тѣмъ же путемъ, къ совершенію незаконно упущеннаго; существуетъ санкція церковная, заключающаяся въ отлученіи отъ церкви или наложеніи другихъ церковныхъ взысканій. Законодателю, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, предстоитъ опредѣлить, какою санкціею—или какими санкціями, такъ какъ одна изъ нихъ не исключаетъ другихъ—должно быть обезпечено предупрежденіе и пресѣченіе противозаконныхъ дѣяній или упущеній. Если уголовная санкція кажется ему излишней, нецѣлесообразной или несправедливой, то это еще не значитъ, чтобы дѣяніе, до тѣхъ поръ запрещенное подъ страхомъ уголовной кары, становилось дозволеннымъ и законнымъ; остальныя санкціи могутъ сохранить свою силу—и эта сила, во многихъ случаяхъ, такъ велика, что вовсе не нуждается въ добавочной опорѣ. Исключеніе изъ числа уголовно-наказуемыхъ дѣяній нѣкото-

рыхъ изъ числа браковъ, противорѣчащихъ церковнымъ законамъ, ни въ чемъ не уменьшаетъ значенія этихъ законовъ, развѣ что ненаказуемый бракъ продолжаетъ считаться недѣйствительнымъ какъ передъ лицомъ церкви, такъ и передъ лицомъ государства; никакого „раздѣленія между церковью и государствомъ" здѣсь, очевидно, не происходитъ. Никто не утверждаетъ и не утверждалъ, чтобы въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ допускалось уже теперь нѣчто похожее на такое раздѣленіе, а между тѣмъ въ немъ прямо предусмотрѣнъ бракъ, церковнымъ закономъ воспрещенный, но не влекущій за собою уголовной кары. По ст. 1569 улож. о наказ., „лица духовнаго званія, коимъ по законамъ ихъ церкви воспрещено вступать въ брачный союзъ, за нарушеніе сего запрещенія подвергаются наказанію по усмотрѣнію ихъ духовнаго начальства", т.-е. исключительно церковной карѣ, не имѣющей ничего общаго съ уголовнымъ наказаніемъ. И это еще не все. Церковный законъ безусловно воспрещаетъ бракъ между воспріемникомъ и матерью воспринятаго и между воспріемницей и отцомъ воспринятаго; тѣмъ не менѣе въ уложеніи о наказаніяхъ нѣтъ статьи, которая бы карала подобный бракъ или плотскую связь между такими лицами. Въ статьѣ „Недѣли" (№ 31) о брачныхъ проступкахъ указанъ другой аналогичный случай. Тотъ изъ разведенныхъ супруговъ, который признанъ, приговоромъ духовнаго суда, виновнымъ, теряетъ право вновь вступить въ бракъ; если онъ все-таки самовольно вступитъ въ бракъ, онъ не подвергается никакому уголовному наказанію, хотя бракъ его духовною консисторіею расторгается и считается незаконнымъ. И въ настоящее время, слѣдовательно, у насъ имѣется на лицо комбинація условій, которую проектъ уложенія, къ великому ужасу „Московскихъ Вѣдомостей" и ихъ союзниковъ, предполагаетъ примѣнить къ бракамъ между болѣе отдаленными родственниками и свойственниками: браки, запрещенные церковью, и теперь могутъ быть и иногда бываютъ уголовно ненаказуемыми.

Совершенно напрасно, поэтому, г. Красноженъ потревожилъ тѣнь Юстиніана; совершенно напрасно г. Кирѣевъ приравнялъ И. Я. Фойницкаго къ китайскому или турецкому профессору и счелъ нужнымъ напомнить о томъ, кто стоитъ у насъ на стражѣ правъ и интересовъ церкви. Усматривать въ нѣкоторомъ ограниченіи уголовной репрессіи нѣчто колеблющее авторитетъ церкви и установившіяся отношенія ея къ государству—болѣе чѣмъ странно, и мы затрудняемся понять, какимъ образомъ въ числѣ защитниковъ подобнаго тезиса могъ очутиться профессоръ юридическаго факультета. Весь вопросъ сводится къ тому, нужна ли, справедлива ли, съ общеуголовной точки зрѣнія, наказуемость браковъ (а также плот-

ской связи) между болѣе отдаленными родственниками и свойственниками. Разрѣшая этотъ вопросъ отрицательно, составители проекта уложенія поступили, по нашему мнѣнію, совершенно правильно. Нельзя считать *преступленіемъ* такое дѣяніе, совершеніе котораго прямо разрѣшено лицамъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, по своему нравственному развитію стоящимъ на одномъ уровнѣ съ православными. Для предупрежденія браковъ, запрещенныхъ церковью, но не преступныхъ по самому своему существу, вполнѣ достаточно признанія ихъ недѣйствительными передъ судомъ гражданскимъ. По отношенію къ нѣкоторымъ изъ числа этихъ браковъ [1]) цѣлесообразно было бы, быть можетъ, пойти еще дальше и прямо узаконить ихъ заключеніе; но для этого необходимъ пересмотръ дѣйствующихъ у насъ гражданскихъ и церковныхъ узаконеній [2]). Пока они остаются въ силѣ, бракъ, съ ними несогласный, продолжаетъ быть запрещеннымъ, и г. Красноженъ впадаетъ въ непростительную для юриста ошибку, утверждая, что, по смыслу проекта уголовнаго уложенія, браки между болѣе отдаленными родственниками и свойственниками являются *сопряженіями дозволенными*. Далеко не все то дозволено, что̀ не запрещено подъ страхомъ уголовнаго наказанія.

Весьма курьезны разсужденія „Московскихъ Вѣдомостей" о гражданскомъ бракѣ, пристегнутыя, безъ всякой надобности, къ полемикѣ о проектѣ уголовнаго уложенія. По мнѣнію московской газеты, „такъ называемый гражданскій бракъ, если онъ не служитъ только дополненіемъ къ браку церковному, строго говоря ничѣмъ не отличается отъ простого сожительства, кромѣ того, что обѣ стороны принимаютъ заблаговременно мѣры для обезпеченія своихъ правъ и интересовъ отъ разныхъ случайностей. Но если разсматривать бракъ какъ простой договоръ, основанный на свободномъ соглашеніи сторонъ, то слѣдуетъ *конечно* допустить заключеніе браковъ на сроки, а затѣмъ, *разумѣется*, нѣтъ уже основанія опредѣлять заранѣе продолжительность этихъ сроковъ, и придется допустить заключеніе ихъ не только на годы и на мѣсяцы, но даже на дни и на часы, или совсѣмъ безъ опредѣленія срока. Такимъ образомъ, логически отъ гражданскаго брака до теоріи свободной любви остается одинъ шагъ". Что̀ это такое—незнаніе самыхъ простыхъ вещей, или намѣренное ихъ игнорированіе? На какихъ читателей разсчитываетъ газета, полагая, что ея слова могутъ быть приняты за чистыя деньги? Гражданскій бракъ,

---

[1]) Въ настоящее время, напр., братъ мой не можетъ жениться на сестрѣ моей жены, сестра моя не можетъ выйти замужъ за брата моей жены. Это влечетъ за собою большія неудобства, едва ли чѣмъ-либо уравновѣшиваемыя.

[2]) Что въ этихъ узаконеніяхъ желательны поправки — это признаютъ даже „Московскія Вѣдомости".

вездѣ гдѣ онъ существуетъ—а слѣдовательно, и въ Россіи, гдѣ онъ, съ 1874 г., допущенъ для раскольниковъ—отличается отъ простого сожительства не тѣмъ, что стороны „принимаютъ заблаговременно мѣры для обезпеченія своихъ правъ и интересовъ“ (такое обезпеченіе, въ видѣ, напримѣръ, выдачи векселей или внесенія капитала въ кредитное учрежденіе, возможно и при вступленіи „въ простое сожительство“), а тѣмъ, что государство считаетъ гражданскій бракъ дѣйствительнымъ и законнымъ и даетъ сторонамъ всѣ права законныхъ супруговъ, рождающимся отъ нихъ дѣтямъ—всѣ права законныхъ дѣтей. Столѣтняя исторія гражданскаго брака (если вести ее только со временъ французской революціи) удостовѣряетъ, вопреки всѣмъ „*разумѣется*“ и „*конечно*“ московской газеты, что онъ не только никогда не обращался въ краткосрочное или хотя бы просто срочное сопряженіе, но наоборотъ, былъ и остается столь же трудно расторжимымъ, какъ и бракъ церковный. Мало того: во Франціи, съ 1816 г. до конца восьмидесятыхъ годовъ, гражданскій бракъ былъ нерасторжимъ *безусловно*, и законъ допускалъ только разлученіе супруговъ. Во что же обращаются затѣмъ смѣлыя увѣренія „Московскихъ Вѣдомостей“?..

Мы говорили, въ предъидущемъ обозрѣніи, что систематическіе защитники дворянско-землевладѣльческихъ привилегій извѣрились, повидимому, въ дѣйствительность средствъ, до тѣхъ поръ ими излюбленныхъ—разсрочекъ, отсрочекъ, пониженія процентовъ,—и обратились къ изысканію новыхъ путей, ведущихъ къ старой цѣли. Въ прожектахъ, болѣе или менѣе фантастическихъ, и теперь нѣтъ недостатка, но рядомъ съ ними опять рекомендуются и давно извѣданныя, никому не помогающія лекарства. Стоило только дворянскому земельному банку сдѣлать обычную первую публикацію объ имѣніяхъ, назначаемыхъ въ продажу—и печать извѣстнаго оттѣнка опять вопіетъ о необходимости „своевременной поддержки“ дворянъ-землевладѣльцевъ. Она очень хорошо знаетъ, что первая публикація—холостой выстрѣлъ, знаменующій не столько несостоятельность къ платежу, сколько свойственную русскому человѣку забывчивость и неаккуратность; она очень хорошо знаетъ, что изъ нѣсколькихъ тысячъ имѣній, перечисленныхъ въ публикаціи, дѣйствительно продано будетъ лишь нѣсколько десятковъ—и все-таки выставляетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто бы на волоскѣ виситъ значительная часть дворянскаго землевладѣнія. Вопросъ о разсрочкахъ, впрочемъ, былъ вновь выдвинутъ на сцену еще до появленія публикаціи, подъ вліяніемъ извѣстій о продолжающемся паденіи цѣнъ на хлѣбъ. Къ прежнимъ аргументамъ былъ прибавленъ еще одинъ придуманный до-

вольно коварно: землевладѣльцы выставлены жертвами заблужденія, въ которое они были введены наукою, печатью и *отчасти даже самимъ правительствомъ* [1]). Эти три силы поддерживали въ землевладѣльцахъ убѣжденіе, „что затрудненіе ихъ только временное, скоропреходящее, что они должны крѣпиться и не продавать не только земли, но и хлѣба, что необходимо только умѣть пользоваться облегченнымъ кредитомъ". Руководясь такимъ убѣжденіемъ, землевладѣльцы пропустили удобный моментъ, когда, продавъ половину земли, они могли расплатиться съ банковымъ долгомъ—и вотъ, „долги все росли, и петля затягивалась все плотнѣе". Отсюда логическій выводъ, прямо не высказанный, но разумѣющійся самъ собою; если правительство способствовало ошибкѣ, то оно должно отвѣчать, въ той или другой мѣрѣ, и за ея послѣдствія. Это напоминаетъ намъ отношеніе „Московскихъ Вѣдомостей" (еще во времена Каткова) къ краху скопинскаго банка; онѣ проводили мысль объ отвѣтственности правительства передъ вкладчиками, предполагавшими, будто бы, что правительство имѣетъ надзоръ за банкомъ, и именно потому спокойно помѣщавшими туда свои сбереженія. Софизмъ и тамъ, и тутъ одинаково смѣлъ и одинаково очевиденъ или даже, быть можетъ, еще болѣе очевиденъ въ настоящемъ случаѣ. Открывая дворянамъ-землевладѣльцамъ облегченный кредитъ, правительство уступало ихъ собственнымъ усиленнымъ просьбамъ и освобождало ихъ бóльшею частью отъ гораздо болѣе тяжелыхъ условій обыкновеннаго банковаго кредита. Точно такъ же оно поступало и тогда, когда предоставляло заемщикамъ дворянскаго банка дальнѣйшія, все болѣе и болѣе широкія льготы. Предвидѣть паденіе хлѣбныхъ цѣнъ оно не могло, да и не было обязано: каждый хозяинъ самъ долженъ заботиться о томъ, чтобы кредитъ, которымъ онъ пользуется, ни при какихъ обстоятельствахъ не становился бы для него „мертвою петлей"... О *винѣ* науки и печати передъ землевладѣльцами мы говорить не будемъ, такъ какъ съ нихъ взыскивать убытки не намѣревается никто; замѣтимъ только, что если нѣкоторые óрганы печати и разжигали стремленіе къ „облегченному кредиту", то другіе постоянно ему противодѣйствовали и даже указывали на возможную невыгодность его для самихъ землевладѣльцевъ.

„Но что̀ же можетъ сдѣлать государство — продолжаетъ московская газета,—когда всякая льгота землевладѣнію легла бы новымъ бременемъ на остальныя платежныя силы населенія, тоже ни въ чемъ неповиннаго? Оно можетъ сдѣлать относительно землевладѣльцевъ то же, что̀ дѣлаетъ благоразумный кредиторъ относительно несостоя-

---

[1]) См. перед. статью въ № 221 „Москов. Вѣдомостей".

тельнаго, но не злостнаго и не безнадежнаго должника. Если дѣла его находятся не въ совсѣмъ отчаянномъ положеніи, онъ можетъ даже въ собственныхъ интересахъ отсрочить взысканіе и со временемъ получить рубль за рубль, тогда какъ при ликвидаціи въ данный моментъ получилъ бы полтинникъ". Итакъ, отсрочка или разсрочка — вотъ выходъ, спасительный для землевладѣльцевъ, выгодный для государства и безобидный для „остальныхъ платежныхъ силъ населенія". Но чѣмъ же будетъ пополненъ пробѣлъ, образующійся вслѣдствіе разсрочки, въ наличныхъ средствахъ кредитныхъ учрежденій? Откуда будутъ взяты деньги для уплаты процентовъ и погашенія, не внесенныхъ самими заемщиками? Очевидно — изъ тѣхъ „остальныхъ" источниковъ новаго обремененія, которыхъ не хотятъ, на словахъ, сами адвокаты дворянскаго землевладѣнія. Съ помощью этихъ же источниковъ пришлось бы возмѣстить и потери, которыя такъ легко могутъ быть понесены казною при окончательномъ разсчетѣ съ неисправными заемщиками. Въ самомъ дѣлѣ, если уже теперь многіе землевладѣльцы затрудняются вносить текущіе платежи, то какъ и когда они справятся съ платежами, увеличенными недоимкою многихъ лѣтъ? Если уже теперь суммы, выручаемыя при продажѣ имѣній съ публичнаго торга, не всегда оказываются достаточными для покрытія капитальнаго долга и текущихъ платежей, то что̀ же будетъ, когда къ капитальному долгу присоединятся платежи отсроченные? Гдѣ основанія думать, что кризису, переживаемому русскимъ землевладѣніемъ и земледѣліемъ, скоро наступитъ конецъ, и что новое повышеніе цѣнности и доходности имѣній сдѣлаетъ возможнымъ полное удовлетвореніе казны, безъ разоренія землевладѣльцевъ? Никакихъ признаковъ близкаго поворота къ лучшему не видно; наоборотъ, весьма вѣроятно дальнѣйшее пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, а слѣдовательно и стоимости земель. Какъ ни прискорбны потери, угрожающія одному сословію или классу, переводить ихъ на массу населенія было бы явною несправедливостью. Допустимъ, что землевладѣльцы *неповинны* въ своихъ потеряхъ (хотя по отношенію ко многимъ изъ нихъ, непроизводительно воспользовавшимся занятыми суммами, этого сказать никакъ нельзя); остальные общественные классы не только въ нихъ *неповинны*, но и вовсе къ нимъ *непричастны*. Когда земля была дорога и цѣны на хлѣбъ высоки, выгоды отъ этого всецѣло доставались землевладѣльцамъ; на какомъ же основаніи не они одни должны нести невыгоды, обусловливаемыя противоположными явленіями?.. Въ отдѣльныхъ, не особенно многочисленныхъ случаяхъ возможна, конечно, увѣренность что имѣніе выдержитъ отсрочку или разсрочку, и допущеніе ея не представляетъ тогда большихъ неудобствъ;

но какъ *общая мѣра*, она неминуемо привела бы къ самымъ нежелательнымъ результатамъ.

Мы упомянули о томъ, что рядомъ съ избитыми, банальными средствами „воспособленія" дворянскому землевладѣнію рекомендуются иногда и новыя. Сюда относится, напримѣръ, „возвращеніе дворянству его старой привилегіи на винокуреніе" [1]). Аргументируется это возвращеніе отчасти основаніями, говорящими *вообще* въ пользу сельско-хозяйственнаго винокуренія (безъ пріуроченія его къ одному сословію), отчасти соображеніями „историческими". Привилегія дворянства на винокуреніе уже существовала—это разъ; она была установлена именно въ то время (1817), когда вводилась казенная винная монополія, скоро отмѣненная, но теперь возстановляемая—это два.—Такому способу доказательства нельзя отказать въ большомъ, хотя, конечно, и ненамѣренномъ комизмѣ. Существовали очень многія дворянскія привилегіи, въ томъ числѣ и привилегія владѣнія крѣпостными людьми; но изъ *факта* ихъ существованія никто еще, кажется, не выводилъ *права* на ихъ возобновленіе. Не болѣе высокаго достоинства и второй доводъ, построенный на совпаденіи, по времени, двухъ мѣръ совершенно различнаго характера. Можно, пожалуй, утверждать, что съ казенной питейной монополіей сельско-хозяйственное винокуреніе совмѣстимо больше, чѣмъ съ системой откупной или акцизной—но никакимъ логическимъ скачкомъ нельзя замѣнить въ этомъ положеніи эпитетъ *„сельско-хозяйственное"* эпитетомъ *„привилегированно-дворянское"*. Какъ производится вино—это можетъ имѣть значеніе для казны, но *кѣмъ* оно производится—это для нея безразлично. „Систематическія злоупотребленія", съ которыми акцизному надзору приходится вести, въ настоящее время, „отчаянную борьбу", зависятъ отъ организаціи винокуренія, т.-е. отъ сосредоточенія его преимущественно на крупныхъ заводахъ, а не отъ перехода его „въ руки прожектеровъ, купцовъ, евреевъ и т. п."; извѣстно, что подсудимыми по сенсаціоннымъ акцизнымъ дѣламъ нерѣдко бывали и дворяне, какъ собственники винокуренныхъ заводовъ. Получивъ исключительное право винокуренія, дворяне все-таки, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не сами завѣдывали бы винокуреннымъ дѣломъ, и безъ „прожектеровъ, купцовъ, евреевъ" они все-таки бы не обошлись. Привилегія весьма легко могла бы сдѣлаться предметомъ купли-продажи; подъ фирмой дворянина скрывались бы, сплошь и рядомъ, лица другихъ сословій. Тридцать-пять лѣтъ тому назадъ землевладѣльцевъ не-дворянъ было немного; они не имѣли права владѣть крестьянами, т.-е. не располагали даровой

---

[1]) См. „Московскія Вѣдомости" № 187.

рабочей силой и уже по тому одному не могли соперничать съ дворянами на поприщѣ сельско-хозяйственной промышленности. Дворяне, съ своей стороны, мало занимались другими отраслями промышленности, и такимъ образомъ устанавливалось само собою раздѣленіе сферъ дѣятельности, коренившееся въ самыхъ основахъ тогдашняго быта. Теперь все перемѣнилось: не-дворянское землевладѣніе значительно расширилось, условія промышленной предпріимчивости сдѣлались одинаковыми для всѣхъ сословій, дворяне стали конкуррировать съ купцами въ устройствѣ фабрикъ и заводовъ. При такомъ положеніи дѣлъ привилегія винокуренія, данная дворянамъ, имѣла бы совершенно искусственный характеръ и явилась бы настоящимъ privilegium odiosum, постояннымъ источникомъ антагонизма между землевладѣльцами дворянами и не-дворянами.

Съ новыми сѣтованіями на кризисъ, разразившійся надъ землевладѣніемъ, переплетаются нерѣдко старыя жалобы на неисправность сельскихъ рабочихъ, какъ на одно изъ обстоятельствъ, затрудняющихъ веденіе хозяйства. Остріе этихъ жалобъ направлено, бóльшею частью, на законъ 12 іюня 1886 г., изданный, какъ извѣстно, именно съ цѣлью огражденія нанимателей, но съ самаго начала не удовлетворившій тенденціозныхъ радѣтелей о „хозяйскомъ интересѣ". Въ первые годы послѣ его изданія недовольные возлагали надежды на новый судебно-административный строй, долженствовавшій создать усиленную охрану для хозяевъ. И дѣйствительно, такая охрана легла въ основу положенія о земскихъ начальникахъ, еще болѣе— въ основу ихъ практики. И этого, однако, оказалось мало: законъ 12 іюня по прежнему провозглашается неудачнымъ, даже „самымъ неудачнымъ" изъ дѣйствующихъ постановленій, и все настойчивѣе ставится вопросъ о его пересмотрѣ. При этомъ обнаруживается нерѣдко поразительное незнаніе предмета, о которомъ ведется разсужденіе. Вотъ, напримѣръ, какъ передаетъ фельетонистъ „Новаго Времени" (№ 7343) слышанное имъ отъ одного изъ земскихъ начальниковъ. „Я заваленъ дѣлами о рабочихъ, взявшихъ задатки и бросившихъ работу, и ничего не могу сдѣлать. Порядокъ обыкновенный: получаю жалобу, что рабочій такой-то бросилъ работу и ушелъ. Посылаю ему повѣстку, которая обыкновенно не вручается за ненахожденіемъ отвѣтчика. Конечно, онъ въ это время гдѣ-нибудь жнетъ или коситъ. Дѣло прекращается до осени, когда онъ явится, но тогда онъ уже, разумѣется, не нуженъ. Бываетъ такъ: получаю откуда-нибудь изъ харьковской губерніи, напримѣръ, жалобу, что такіе-то крестьяне изъ моего участка забрали задатки и ушли. Назна-

чаю разбирательство и, понятно, истецъ изъ харьковской губерніи не является. Опять дѣло прекращается". Этотъ земскій начальникъ, если онъ лицо не фиктивное [1]), очевидно страдаетъ недостаточнымъ знакомствомъ съ закономъ, опредѣляющимъ его функціи, а также съ положеніемъ 12 іюня 1886 г. Землевладѣльцу харьковской губерніи, отъ котораго ушли, забравъ задатки, рабочіе изъ другой губерніи, нѣтъ никакой надобности обращаться съ искомъ по мѣсту ихъ жительства, гдѣ-то за тридевять земель: онъ можетъ, на основаніи ст. 24 правилъ 29 декабря 1889 г. (о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ), предъявить искъ земскому начальнику того участка, гдѣ находится его имѣніе [2]). Далѣе: почему рабочій, явившійся, въ качествѣ отвѣтчика, осенью оказывается *ненужнымъ*? Это было бы понятно, еслибы объектомъ искового требованія было *водвореніе* рабочаго къ хозяину; тогда для истца важно было бы добиться постановленія и исполненія рѣшенія до окончанія срока полевыхъ работъ. Но вѣдь иски о водвореніи дѣйствующимъ закономъ не допускаются; можно только просить — и то не земскаго начальника, а полицію, и притомъ лишь при наймѣ по договорному листу—объ *обязаніи* рабочаго вернуться къ нанимателю. Если рабочій не подчинится требованію полиціи, онъ подвергается взысканію въ порядкѣ уголовнаго производства. Гражданскій искъ къ самовольно ушедшему рабочему можетъ, такимъ образомъ, имѣть предметомъ только взысканіе задатка и убытковъ—и съ этой точки зрѣнія явка рабочаго къ суду не безразлична какъ лѣтомъ, такъ и осенью или зимою. Если искъ основанъ на договорномъ листѣ, то разрѣшеніе его возможно даже и при неврученіи отвѣтчику повѣстки, за неразысканіемъ (правила 29 декабря ст. 39). Зная всѣ эти постановленія, собесѣдникъ фельетониста, можетъ быть, и жаловался бы на законъ, но иначе мотивировалъ бы свою жалобу.

Другая черта, свойственная іеремиадамъ на тэму о распущенности рабочихъ — это нежеланіе раскрыть свои карты и сказать, прямо и открыто, въ чемъ же должна состоять желанная перемѣна. „Пока условія вольнонаемнаго труда въ Россіи"—таковы, напримѣръ, заключительныя слова одного изъ „плакальщиковъ („Московскія Вѣдомости" № 242), — „не будутъ строго регламентированы въ законодательномъ отношеніи, наше частновладѣльческое хозяйство будетъ

[1]) Если въ форму рѣчи земскаго начальника фельетонистъ облекаетъ свое собственное мнѣніе, то упрекъ въ незнаніи закона упадаетъ, конечно, на него самого.

[2]) Если въ данной мѣстности не введено положеніе о земскихъ начальникахъ, то искъ, за силою ст. 36[1] уст. гражд. судопр., можетъ быть предъявленъ мѣстному, по нахожденію имѣнія, мировому судьѣ.

все быстрѣе и быстрѣе идти къ разрушенію, если бы даже и поправлялись хлѣбныя цѣны. Только исходя изъ этого убѣжденія и разъ навсегда покинувъ путь всяческихъ компромиссовъ, возможно еще надѣяться на лучшее будущее для нашей деревни". Итакъ, регламентація, введенная закономъ 12-го іюня 1886 г. и обостренная судебно-административной реформой 1889 г., все еще недостаточно строга, все еще несвободна отъ „компромиссовъ". Цѣлый рядъ чисто гражданскихъ правонарушеній возведенъ на степень уголовно-наказуемыхъ дѣяній; недобросовѣстная, по полученіи задатка, неявка на работы и самовольный уходъ съ работъ, безъ отработки забранныхъ впередъ денегъ, включены въ число проступковъ, влекущихъ за собою, наравнѣ съ мошенничествомъ и кражей, тѣлесное наказаніе (ст. 17 и 38 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ) — а нашимъ доморощеннымъ Драконамъ и этого мало. Чего же они, наконецъ, хотятъ, что̀ скрывается за ихъ неопредѣленными фразами? Обратное, по первому требованію хозяина, водвореніе ушедшаго рабочаго? Облеченіе дворянъ-землевладѣльцевъ, по отношенію къ ихъ рабочимъ, правами вотчинной полиціи, или, говоря проще, правомъ суммарной тѣлесной расправы? Предоставленіе такой расправы земскому начальнику, какъ представителю помѣщичьихъ интересовъ, или становому приставу, какъ блюстителю порядка въ до-реформенномъ смыслѣ этого слова?.. Пускай господа защитники „строгой регламентаціи" договорятся до конца, поставятъ точку надъ і; тогда будетъ видно, многимъ ли отличаются ихъ прожекты отъ простого возвращенія къ крѣпостному труду.

Послѣ ламентацій, образцы которыхъ мы только-что привели, отрадно встрѣтиться съ сельскимъ хозяиномъ, который хотя и повторяетъ обычныя жалобы на рабочихъ, но не выводитъ изъ нихъ обычныхъ „регламентаціонныхъ" заключеній. Такимъ хозяиномъ является г. А. Н., въ письмѣ, обращенномъ къ редакціи „Новаго Времени" (№ 7373). Картина помѣщичьихъ затрудненій, съ которой онъ начинаетъ, очень похожа на ту, которую такъ любятъ рисовать реакціонныя газеты, и, подобно ей, далеко не чужда преувеличеній и черезчуръ яркихъ красокъ [1]). Вслѣдъ затѣмъ, однако, онъ признаетъ, что „водвореніе" ушедшихъ рабочихъ было бы невыгодно для самихъ землевладѣльцевъ, и, не предлагая никакихъ репрессивныхъ мѣръ,

---

[1]) „Печатая письмо г. А. Н., редакція „Новаго Времени" сочла нужнымъ возразить противъ его увѣренія, что „число случаевъ неисполненія договоровъ рабочими умножается съ каждымъ годомъ". По совершенно основательному предположенію редакціи, неисполненіе договоровъ является скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ; иначе „сельскимъ хозяевамъ давно пришлось бы прекратить всякую эксплоатацію имѣній".

останавливается на вопросѣ, почему тотъ же русскій крестьянинъ, который такъ неисправенъ при наймѣ на сельскія работы, оказывается аккуратнѣйшимъ фабричнымъ рабочимъ, довольствующимся небольшой рабочей платой и безпрекословно подчиняющимся „желѣзной" фабричной дисциплинѣ. На этотъ „проклятый" вопросъ г. А. Н. отвѣчаетъ слѣдующею догадкой: сельскія работы, продолжающіяся лишь нѣсколько мѣсяцевъ, не обезпечиваютъ постояннаго заработка, въ которомъ крестьянинъ нуждается, въ особенности зимою. У сельскаго рабочаго нѣтъ, такимъ образомъ, „основного стимула дорожить своимъ мѣстомъ, которое, по окончаніи срока найма, все равно придется оставить". При данныхъ условіяхъ сельскому хозяйству остаются только тѣ рабочія руки, которыя не могутъ пристроиться къ другимъ дѣламъ—а такихъ рукъ становится все меньше и меньше, по мѣрѣ развитія у насъ промышленной дѣятельности. Выводъ г. А. Н. таковъ: „разрѣшеніе вопроса о сельскихъ рабочихъ надо искать не въ усиленіи строгостей закона за нарушеніе договоровъ найма или строгостей административныхъ взысканій, а въ такомъ переустройствѣ техники сельскаго хозяйства, чтобы рабочимъ было выгодно наниматься на сельскія работы". Вполнѣ сочувствуя первой, отрицательной части этого заключенія, мы думаемъ, что положительною его стороною „проклятый вопросъ" исчерпывается далеко не вполнѣ. Во-первыхъ, г. А. Н. говоритъ только о рабочихъ, нанимающихся на лѣтніе мѣсяцы, а хозяева жалуются, сплошь и рядомъ, и на рабочихъ годовыхъ. Во-вторыхъ, какъ бы ни была переустраиваема техника сельскаго хозяйства въ лѣтнее время, оно все-таки, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, будетъ требовать больше рабочихъ рукъ, чѣмъ въ зимнее; исключенія изъ общаго правила будутъ возможны только при такомъ развитіи сельско-хозяйственной промышленности, которое доступно не для всѣхъ землевладѣльцевъ. Въ-третьихъ, переустройство сельско-хозяйственной техники совершается мало-по-малу, съ задержками и остановками, и разсчитывать на ускореніе его мѣрами правительства можно только до извѣстной степени. Въ ожиданіи той, во всякомъ случаѣ еще не близкой минуты, когда оно сдѣлается явленіемъ общимъ и повсемѣстнымъ, нужно пользоваться какъ можно лучше данными условіями, т.-е. дѣлать наемъ на сельскія работы выгоднымъ для рабочихъ не путемъ усовершенствованія техники, а другими, болѣе простыми средствами — назначеніемъ достаточной платы (а не искусственно уменьшенной, съ помощью найма въ самое трудное для крестьянъ время), хорошимъ помѣщеніемъ и содержаніемъ, хорошимъ обращеніемъ и т. п. Гдѣ эти средства пускаются въ ходъ, тамъ и теперь устанавливаются нормальныя отношенія между хозяевами и рабочими. Жалобы на сельскихъ рабочихъ слы-

шатся не въ одной только Россіи—и не въ одной только Россіи ихъ интенсивность обратно пропорціональна заботливости хозяина о лучшемъ устройствѣ быта рабочихъ. Еще недавно въ берлинской корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 244) сообщалось объ одномъ богатомъ прусскомъ землевладѣльцѣ (г. Эбгардѣ, въ округѣ Маріенбургѣ), съумѣвшемъ обезпечить себя рабочими руками, тогда какъ его сосѣдямъ, по ихъ словамъ, „нѣтъ житья отъ рабочихъ“. Эбгардъ „очень требователенъ, у него и въ имѣніи, и на винокуренномъ заводѣ усердно работаютъ, но нигдѣ не платятъ такъ хорошо за трудъ, и крестьяне знаютъ, что никогда помѣщикъ ихъ не оставитъ въ нуждѣ: онъ ихъ совѣтчикъ, защитникъ и другъ“. Такихъ землевладѣльцевъ, мы въ томъ убѣждены, немало и у насъ въ Россіи—и не въ ихъ средѣ, конечно, раздаются крики о необходимости обострить безъ того уже достаточно суровое рабочее законодательство.

Въ томъ же Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ раздался недавно газетный панегирикъ „всероссійскому купечеству“ [1]), руководители новоявленной силы поспѣшили опровергнуть — конечно, вовсе этого не желая—увѣренія своего панегириста: они протестовали противъ рѣшенія торгово-промышленнаго съѣзда, постановившаго (по большинству голосовъ) ходатайствовать о совершенномъ сложеніи или пониженіи таможенныхъ пошлинъ на ввозимыя изъ-за границы сельско-хозяйственныя машины и орудія и на матеріалы, изъ которыхъ они приготовляются — желѣзо, чугунъ и сталь. Такой протестъ особенно характеристиченъ въ настоящую минуту, когда необходимость поддержать земледѣліе сознается даже обычными сторонниками протекціонизма. „Московскія Вѣдомости“ сочли нужнымъ похвалить торгово-промышленный съѣздъ за самоотверженіе, выразившееся въ рѣшеніи его по вопросу о сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ и машинахъ; но къ этому рѣшенію не были причастны высшія купеческія сферы, вовсе не расположенныя поступаться, для общей пользы, какимъ бы то ни было изъ своихъ „пріобрѣтенныхъ правъ“ и „охраненныхъ интересовъ“. Если въ постановленіяхъ торгово-промышленнаго съѣзда, высказавшагося, между прочимъ, и за всеобщее обученіе, за обязательное страхованіе рабочихъ, за урегулированіе рабочаго времени подростковъ и взрослыхъ рабочихъ обоего пола, съ цѣлью доставленія имъ возможности посѣщать образовательныя учрежденія (воскресныя школы, вечерніе курсы, народныя чтенія, народныя читальни и т. п.), не замѣтно узкаго эгоизма, свойственнаго односто-

[1]) См. Общественную Хронику въ предъидущей книгѣ „Вѣстника Европы“.

ронним защитникамъ крупной промышленности, то это объясняется составомъ съѣзда, въ которомъ, рядомъ съ промышленниками и торговцами, участвовало не мало представителей науки и общественныхъ дѣятелей.

Кстати о нижегородскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ. Та самая газета, которая выдала ему похвальный аттестатъ, выражаетъ, нѣсколько дней спустя, сомнѣніе въ его пользѣ, да и вообще въ пользѣ подобныхъ съѣздовъ. „Не слишкомъ ли часты у насъ — восклицаетъ она—всѣ эти съѣзды, конгрессы и т. д.? Созываются и собираются они какъ будто для дѣла и даже для очень нужнаго дѣла, а когда приглядишься и прислушаешься къ тому, каковы бываютъ ихъ результаты, то оказывается, что эти результаты весьма невелики... Докладовъ обыкновенно бываетъ масса—всякому хочется прославиться,—но ихъ никто не слушаетъ, прекрасно зная, что все это будетъ напечатано, и что нужное всегда будетъ лучше и спокойнѣе прочесть дома. Преній интересныхъ почти не бываетъ, такъ какъ для нихъ мало времени и такъ какъ интересныя пренія и вообще-то большая рѣдкость". Мода на конгрессы и съѣзды объясняется просто желаніемъ развлечься и позабыть, на нѣсколько дней, „обстановку будничной жизни". „Сказать прямо, что ѣдешь развлекаться, серьезному человѣку неловко"—и вотъ, онъ спѣшитъ заявить о необходимости присутствовать на съѣздѣ", благо—съѣзды устраиваются обыкновенно въ большихъ городахъ и представляютъ всѣ „удобства для развлеченій"...

Нѣтъ, конечно, такого дѣла, участіе въ которомъ не вызывалось бы иногда мелкими, даже низменными побужденіями; но нужно особенное устройство глаза, чтобы видѣть *только* этотъ стимулъ и отрицать всѣ остальные, болѣе важные. Стремленіе къ обмѣну мыслей, къ общенію съ людьми одной и той же профессіи или спеціальности до такой степени естественно, до такой степени распространено, что просто смѣшно объяснять чѣмъ-либо другимъ многолюдность и оживленность нашихъ съѣздовъ. Каждый изъ нихъ требуетъ массы труда со стороны своихъ устроителей и дѣятельныхъ участниковъ—труда безвозмезднаго и безкорыстнаго въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, потому что *прославиться* докладомъ на съѣздѣ никому еще, кажется, не удавалось. Совершенно невѣрна и картина съѣздовъ, рисуемая ихъ противникомъ. Доклады слушаются, бо́льшею частію, весьма внимательно, потому что въ засѣданія секцій приходятъ люди, интересующіеся извѣстной категоріей вопросовъ, а въ общихъ собраніяхъ выступаютъ обыкновенно наиболѣе выдающіеся члены съѣзда. Отлагать знакомство съ докладомъ до его напечатанія значитъ—лишать себя возможности слѣдить за преніями и, тѣмъ болѣе, участвовать въ нихъ—а пренія, сплошь и рядомъ, бываютъ весьма оживленныя;

самая кратковременность ихъ, препятствуя многословію, увеличиваетъ ихъ содержательность... Мы понимаемъ, впрочемъ, что̀ заставляетъ людей извѣстнаго пошиба косо смотрѣть на съѣзды и стремиться къ ихъ дискредитированію. Непріятно для этихъ людей, во-первыхъ, самое зрѣлище многочисленнаго собранія, болѣе или менѣе свободно дебатирующаго не только теоретическіе, но и практическіе вопросы. Нужды нѣтъ, что оно созвано съ разрѣшенія правительства и работаетъ подъ его наблюденіемъ; вѣдь при такихъ же условіяхъ дѣйствуютъ и земскія собранія—а между тѣмъ самый звукъ земскихъ рѣчей непріятенъ для уха, жаждущаго невозмутимой тишины. Перефразируя извѣстное изреченіе: „Ruhe ist die erste Bürgerspflicht“, ненавистники съѣздовъ и конгрессовъ могли бы сказать: „молчаніе — первая обязанность гражданина“. Непріятны имъ, во-вторыхъ, и самыя резолюціи съѣздовъ, бо̀льшею частію идущія въ разрѣзъ съ рутиной и никогда или почти никогда не попадающія въ тонъ нашихъ газетныхъ реакціонеровъ. Сельско-хозяйственный съѣздъ (Москва, 1895) отклоняетъ всѣ предложенія, направленныя къ стѣсненію рабочихъ въ пользу нанимателей; съѣздъ дѣятелей по техническому образованію (Москва, 1895—6) высказывается за всеобщее обученіе; пироговскій съѣздъ врачей (Кіевъ, 1896) постановляетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и о введеніи въ не-земскихъ губерніяхъ земскихъ учрежденій. Понятно, затѣмъ, что самое слово: *съѣздъ*, начинаетъ удручать нервы литературныхъ блюстителей благочинія—и вотъ одинъ изъ нихъ пытается подорвать авторитетъ съѣздовъ въ глазахъ общества, выставляя ихъ собраніемъ скучающихъ россіянъ, желающихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, повеселиться вдали отъ своихъ женъ, дѣтей и „будничной обстановки“...

Судьба съѣздовъ, однако, зависитъ не отъ одного только общества. Недостаточно, поэтому, представить ихъ въ непривлекательномъ видѣ; нужно еще заподозрить ихъ благонадежность—и вотъ, мы видимъ рядъ попытокъ, направленныхъ къ этой цѣли. Цитируется, прежде всего, отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной на нижегородскомъ съѣздѣ директоромъ харьковскаго технологическаго института, профессоромъ В. Л. Кирпичевымъ. Ораторъ указалъ на вліяніе, которое можетъ имѣть техникъ съ высшимъ образованіемъ, и выразилъ желаніе, чтобы техники, вмѣстѣ со всѣми образованными людьми, составили нѣчто въ родѣ *масонскаго братства*, всѣ члены котораго были какъ бы одной семьей. Другими словами, техники должны быть не только спеціалистами, но и широко образованными людьми, для которыхъ понятны всѣ общественные интересы и ясна необходимость дружной дѣятельности на пользу общества. Эта невинная мысль превращается, подъ перомъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ проповѣдь

отрѣшенія интеллигенціи отъ народа—отрѣшенія зловреднаго и зломанѣреннаго. „Странно,—восклицаетъ газета,—зная нашу интеллигенцію, не знать, что еслибы ей только дана была свобода, еслибъ у нея только оказались развязанными руки, то она „просвѣтила" бы народъ лишь на стачки, раздоры и смуты, что въ этомъ отношеніи *наша образованная интеллигенція идетъ въ хвостѣ наиболѣе крайнихъ и невѣжественныхъ западно-европейскихъ соціалистовъ*... Въ высшихъ школахъ найдутся или, по крайней мѣрѣ, недавно находились каѳедры, въ которыхъ *соціализмъ проповѣдывался увѣшенными орденами дѣйствительными статскими совѣтниками*". Комментаріи излишни...

Нѣсколько дней спустя настаетъ очередь кіевскаго съѣзда врачей. Выраженная членами съѣзда увѣренность, что правильная постановка народной медицины возможна только при существованіи земскихъ учрежденій, даетъ московской газетѣ поводъ къ слѣдующей выходкѣ: „является какой-то земскій врачъ, всѣ права котораго на участіе въ съѣздѣ заключаются, быть можетъ, въ томъ, что онъ переморилъ нѣсколько десятковъ больныхъ въ земской больницѣ, и заявляетъ, что система мѣстнаго управленія должна быть другая, что отношенія правительства къ польскому вопросу должны быть измѣнены и т. д. Это ли не верхъ глубокомыслія и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу?" Съ гораздо бо́льшимъ правомъ этотъ послѣдній вопросъ можетъ быть поставленъ въ примѣненіи къ самому обвинителю. Въ какой степени введеніе въ западныхъ губерніяхъ земскихъ учрежденій означало бы или должно было бы повлечь за собою измѣненіе правительственной политики по отношенію къ полякамъ—объ этомъ не брались судить ни авторъ предложенія, сдѣланнаго на съѣздѣ ни члены съѣзда, его поддержавшіе; они ограничились указаніемъ условій, безъ которыхъ, по ихъ добросовѣстному и глубокому убѣжденію, немыслимо коренное улучшеніе народно-врачебнаго дѣла. Быть можетъ, политическія соображенія должны взять верхъ надъ бытовыми и земское хозяйство западныхъ губерній должно остаться in statu quo, несмотря на всѣ его неудобства [1])—но этого не обязаны были знать члены медицинскаго съѣзда; они разбирали дѣло съ своей спеціальной точки зрѣнія, ничуть не выходя за предѣлы предоставленнаго имъ права. Начальникъ юго-западнаго края обратился къ собравшимся врачамъ съ приглашеніемъ помочь ихъ опытомъ устройству медицины въ мѣстныхъ (не-земскихъ) губерніяхъ; они отвѣтили именно такъ, какъ подсказывалъ имъ ихъ опытъ, и нужны „совсѣмъ

[1]) Въ предъидущемъ обозрѣніи мы имѣли случай замѣтить, что для введенія земскихъ учрежденій въ западныхъ губерніяхъ настало, повидимому, удобное время.

особенныя свойства", чтобы усмотрѣть въ этомъ отвѣтѣ вмѣшательство въ высшую государственную политику... Пользуясь удобныхъ случаемъ, обличитель кіевскаго съѣзда бросаетъ камень и въ предсѣдателя съѣзда, Ѳ. Э. Эрисмана, допустившаго „экскурсіи врачей въ область политики". Ѳ. Э. Эрисманъ—одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ представителей нашей научной и земской медицины; оставленіе имъ, на дняхъ, каѳедры, которую онъ занималъ въ московскомъ университетѣ, разсматривается всѣми его знавшими какъ большая, трудно вознаградимая потеря для нашего ученаго міра, для всего русскаго земства—и въ это самое время онъ становится предметомъ ретроспективныхъ нападеній со стороны реакціонной печати. Она доказала еще разъ, что степень симпатіи ея къ выдающимся дѣятелямъ обратно пропорціональна степени, приносимой или принесенной ими пользы...

На разсмотрѣніе государственнаго совѣта внесенъ недавно законопроектъ, направленный къ новому ограниченію льготъ по образованію при отбываніи воинской повинности. Въ чемъ заключаются ограниченія—объ этомъ мы говорили подробно два года тому назадъ, когда только-что закончились работы коммиссіи, ихъ проектировавшей [1]); мы старались показать, что они не вызываются необходимостью и должны отразиться весьма тяжело на множествѣ молодыхъ людей, обязанныхъ военной службой. Не возвращаясь теперь къ существу вопроса, мы желали бы только показать, что, защищая широкія льготы по образованію, либеральная печать вовсе не впадаетъ, какъ это кажется ея противникамъ, въ противорѣчіе сама съ собою. Проектъ, говорятъ намъ, имѣетъ въ виду бо́льшую уравнительность повинности—а противъ него высказываются такіе органы, „которые, ради этой уравнительности въ другихъ случаяхъ готовы жертвовать самыми серьезными государственными и общественными интересами" [2]). „Уравнительность", за которую стоитъ либеральная печать—вовсе не идолъ, требующій жертвоприношеній. Отрицая ненужныя, устарѣвшія, ни къ чему не ведущія привилегіи, она не устраняетъ различій, одинаково совмѣстныхъ съ справедливостью и съ общимъ благомъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ, прежде всего, различія, обусловливаемыя образованіемъ. Никому изъ „либераловъ" не приходило и не приходитъ въ голову утверждать, что, во имя *уравнительности*, право лечить, приготовлять лекарства, преподавать въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть предоставлено всѣмъ и каждому

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 9 „В. Европы" за 1894 г.

[2]) См. передовую статью въ № 241 „Московскихъ Вѣдомостей".

независимо отъ степени и свойства образованія. Никто изъ либераловъ не возставалъ и не возстаетъ противъ образовательнаго ценза, какъ условія для занятія тѣхъ или другихъ должностей. Ничего непослѣдовательнаго или страннаго нѣтъ, затѣмъ, и въ защитѣ, со стороны „либераловъ", льготъ по воинской повинности. Создавая эту категорію льготъ, уставъ о воинской повинности имѣлъ въ виду, съ одной стороны, безспорную способность людей образованныхъ усвоивать себѣ, въ сравнительно короткое время, требованія военной службы, съ другой—потребность государства и народа въ образованныхъ дѣятеляхъ, заставляющую желать возможно скораго выхода ихъ изъ рядовъ арміи, гдѣ не находятъ примѣненія знанія, пріобрѣтенныя ими съ большимъ трудомъ и съ большими издержками (значительная доля которыхъ упадаетъ на счетъ казны, т.-е. всего народа). Этихъ соображеній вполнѣ достаточно, чтобы оправдать широкія льготы по образованію, тѣмъ болѣе, что лица, ими пользующіяся, подлежатъ обратному призыву подъ знамена, въ случаѣ возможности войны или открытія военныхъ дѣйствій. Совершенно иное значеніе имѣла бы такая льгота, которая сохраняла бы свою силу и въ критическія минуты народной жизни, напр. льгота, благодаря которой привилегированная часть населенія *безусловно* освобождалась бы отъ военной службы, даже въ военное время.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ у насъ всеобщая воинская повинность, никто, если мы не ошибаемся, не предлагалъ возстановленія подобныхъ льготъ, никто не высказывался, прямо и открыто, за возвращеніе къ старому порядку, давно осужденному и теоріей, и практикой. Уставъ 1-го января 1874 г. былъ единственнымъ крупнымъ актомъ эпохи великихъ реформъ, основы котораго оставались не только нетронутыми, но и не оспоренными. Теперь очередь дошла и до него. Та самая газетная статья, въ которой сдѣланъ опровергнутый нами упрекъ либераламъ, ставитъ на очередь вопросъ о разрѣшеніи выкупа отъ военной службы или замѣны себя добровольцемъ. Недопущеніе выкупа уставомъ 1874 г. газета приписываетъ „примѣненію того отвлеченнаго принципа равенства, который не имѣетъ никакихъ корней въ нашемъ государственномъ строѣ и основанъ почти исключительно на подражаніи Западу" (à bon entendeur salut). „Съ точки зрѣнія государственной пользы и правъ частныхъ лицъ,—читаемъ мы дальше,—какое можетъ быть препятствіе къ тому, чтобы одинъ новобранецъ, избравшій иного рода занятія и не имѣющій склонности къ военной службѣ, но имѣющій возможность представить вмѣсто себя вполнѣ подходящаго замѣстителя, не продолжалъ своей прежней дѣятельности, можетъ быть тоже полезной для государства?.. Отъ того, что одинъ представитъ замѣстителя, другимъ тяжелѣе не

будетъ, такъ же, какъ имъ не станетъ легче отъ того, что ему не позволятъ этого сдѣлать... Равномѣрность въ служеніи отечеству должна состоять не въ томъ, чтобы всѣ одинаково терпѣли отъ необходимости этого служенія, а въ томъ, чтобы каждый приносилъ ему пользу, насколько позволяютъ ему способности, силы и средства, *не исключая матеріальныхъ*". Кто помнитъ до-реформенные порядки въ области военной службы, тотъ знаетъ, что̀ такое былъ *наемъ охотниковъ*, сколько деморализаціи онъ вносилъ и въ общество, и въ войско. Менѣе вредной была, сравнительно, даже совершенная свобода высшихъ сословій отъ военной службы; ея послѣдствія не такъ бросались въ глаза, выражались не въ такой отталкивающей формѣ. Привилегія туго набитаго кармана—самая антипатичная изъ всѣхъ, наиболѣе возмущающая нравственное чувство. Ошибочно было бы думать, что допущеніе замѣстителей было бы безразлично для лично-несущихъ воинскую повинность; они глубоко чувствовали бы его несправедливость, она усиливала бы ощущеніе бремени, на нихъ лежащаго. Права вольноопредѣляющагося достались ему не даромъ, онъ купилъ ихъ цѣною многихъ лѣтъ ученія—и, что̀ всего важнѣе, онъ пользуется ими только въ мирное время. Права откупившагося отъ военной службы имѣютъ совершенно иное, случайное происхожденіе—и идутъ несравненно дальше, безповоротно снимая съ него „повинность крови". „Служеніе отечеству" своими силами, своимъ здоровьемъ, своею жизнью и служеніе ему нѣсколькими сотнями или тысячами рублей (смотря по рыночной цѣнѣ человѣка)—величины несоизмѣримыя; здравый смыслъ и совѣсть не позволяютъ признать послѣдній видъ служенія эквивалентомъ перваго... Когда составлялся уставъ о воинской повинности, купечество просило о сохраненіи права откупаться отъ военной службы, предлагая взамѣнъ взять на себя содержаніе инвалидовъ. Какъ ни выгодно было это предложеніе, оно было отклонено правительствомъ, находившимъ, очевидно, что обязанность защищать отечество не подлежитъ денежной оцѣнкѣ. Нѣтъ основанія думать, чтобы такой взглядъ на дѣло могъ уступить мѣсто другому...

Неожиданная, преждевременная смерть Н. А. Неклюдова тяжело поразила всѣхъ его знавшихъ. Богато одаренный отъ природы, широко образованный, прекрасный ораторъ, даровитый писатель,—онъ игралъ выдающуюся роль на всѣхъ поприщахъ, которыя открывала передъ нимъ судьба. Его магистерская диссертація („Уголовно-статистическіе этюды"), написанная еще въ ранней молодости, предвѣщала блестящую ученую дѣятельность; ее привѣтствовалъ К. Д. Кавелинъ, какъ произведеніе крупнаго таланта и зрѣлой мысли. Обычной про-

фессорской дорогой Неклюдовъ не пошелъ, но долго преподавалъ уголовное право въ военно-юридической академіи, пользуясь большимъ вліяніемъ на слушателей. Первый составъ мировыхъ судей въ Петербургѣ былъ богатъ талантливыми людьми, и все-таки Неклюдовъ занялъ между ними чуть ли не самое видное мѣсто, работая, вмѣстѣ съ тѣмъ, на пользу всего мирового института, которому „Руководство для мировыхъ судей" сослужило большую службу. Должность оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента сената Неклюдовъ опять вознесъ на ту высоту, на которой она стояла при М. Е. Ковалевскомъ. Иногда, правда, ему случалось выражать въ своихъ заключеніяхъ мысли, мало гармонировавшія съ его прежними взглядами [1])—но это были рѣдкія исключенія, не измѣнявшія обычнаго характера его дѣятельности. Чтó именно принадлежало ему въ работахъ коммиссіи по составленію проекта уголовнаго уложенія, членомъ которой онъ былъ съ самаго ея учрежденія—это покажетъ со временемъ ея исторія; несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что и здѣсь онъ былъ полезенъ своей эрудиціей, своей замѣчательной діалектикой, хорошо памятной старѣйшимъ членамъ с.-петербургскаго юридическаго общества (позже Неклюдовъ не принималъ живого участія въ дѣлахъ общества). Чѣмъ оказался бы онъ въ средѣ высшаго государственнаго управленія—объ этомъ возможны только догадки. И товарищемъ государственнаго секретаря, и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ онъ былъ слишкомъ недолго, чтобы успѣть что-нибудь сдѣлать; и тамъ, и тутъ, притомъ, онъ занималъ не самостоятельное положеніе и не имѣлъ рѣшающаго голоса. Не свободенъ отъ увлеченія, поэтому, слѣдующій газетный отзывъ о Неклюдовѣ: „онъ отдавалъ себя осуществленію одной излюбленной идеи—законности и правомѣрности во что бы то ни стало. Какъ настоящій государственный человѣкъ, онъ хорошо понималъ, что нельзя разбивать вниманіе, что нельзя дѣлать второй шагъ, не сдѣлавши перваго, и нельзя думать объ обоихъ шагахъ сразу, и прежде всего имѣлъ въ виду самый *законъ*, а потомъ уже—*каковъ* этотъ законъ. Строгій и, можетъ быть, безстрастный законникъ въ кассаціонномъ судѣ и въ государственной канцеляріи, онъ былъ призванъ работать въ томъ же духѣ и въ гораздо болѣе трудной и сложной области непосредственнаго внутренняго управленія"... Совершенно невѣрно, во-первыхъ, что утвержденіе законности не можетъ идти рука объ руку съ улучшеніемъ законодательства. Наоборотъ, послѣднее служитъ лучшимъ подспорьемъ для перваго: чѣмъ больше совершенствуется законъ, тѣмъ легче достигнуть уваженія къ закону, не

---

[1]) См. въ № 4 „В. Европы" за 1884 г. Внутреннее Обозрѣніе и статью г. О-

случайно процвѣтающему всего больше именно въ прогрессивные періоды государственной жизни. Нѣтъ, во-вторыхъ, основанія предполагать, что Неклюдовъ былъ призванъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ именно какъ „строгій законникъ", съ цѣлью укрѣпленія „законности и правомѣрности" въ области „непосредственнаго внутренняго управленія". Мы не видимъ рѣшительно никакихъ точекъ опоры для такого предположенія. Что Неклюдовъ, если бы жизнь его не была прервана такъ внезапно, оставилъ бы болѣе или менѣе глубокій слѣдъ въ исторіи нашего внутренняго управленія—это весьма возможно; но въ чемъ бы онъ заключался—это вопросъ, на который, вслѣдствіе его преждевременной смерти, нельзя дать никакого опредѣленнаго отвѣта.

P.S. Одинъ изъ читателей нашего журнала обращаетъ вниманіе на слѣдующія цифры, приведенныя въ перепечатанномъ нами правительственномъ сообщеніи о стачкахъ рабочихъ въ Петербургѣ. Общее число рабочихъ въ Петербургѣ, не считая желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и казенныхъ заводовъ, опредѣлено въ 79.157; общее число забастовщиковъ—14.712; число рабочихъ на остальныхъ частныхъ заводахъ, не участвовавшихъ въ стачкѣ—68.445. Между тѣмъ, если вычесть 68.445 изъ 79.157, въ остаткѣ получается не 14.712, а 10.712, т.-е. ровно на четыре тысячи меньше; если сложить 68.445 и 14.712, то получается не 79.157, а 83.157. Очевидно, что въ одну изъ вышеприведенныхъ цифръ вкралась ошибка или опечатка; но мы не можемъ знать—въ какую именно?

НАРОДНАЯ ШКОЛА ВЪ БЕРЛИНѢ.

Въ колоніальномъ отдѣлѣ берлинской выставки, у самаго входа въ павильонъ, носящій названіе „научнаго", возвышается небольшая пирамида съ надписью: „Kulturzustand des deutschen Reiches im J. 1895". На вершинѣ пирамиды—Германія; затѣмъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи—Великобританія, Франція, Австро-Венгрія, и въ самомъ низу—Россія. На вершинѣ—короткая замѣтка: изъ 1.000 нѣмцевъ 9 или 10 не умѣютъ читать и писать; и такъ же кратокъ текстъ внизу, на широкомъ базисѣ пирамиды: въ Россіи изъ 1.000 жителей отъ 750 до 800—неграмотны...

Допустимъ, что статистика, которою пользовался нѣмецкій авторъ, изобразившій нашу пирамидальную отсталость, устарѣла. Очень далеко отъ дѣйствительности она все-таки не будетъ. Мы читали недавно въ одной петербургской газетѣ восторги по поводу того, что у насъ, по даннымъ, собраннымъ для нижегородской выставки, оказалось болѣе трехъ милліоновъ учащихся. Три милліона школьниковъ!! Нѣтъ сомнѣнія, цифра очень почтенная, но есть ли пока основаніе радоваться, и что̀ она означаетъ для народа въ 120 милліоновъ? При отсутствіи точной переписи, трудно дать вполнѣ точный отвѣтъ на основной въ подобныхъ случаяхъ вопросъ: какую долю эти учащіеся составляютъ въ общей массѣ дѣтей школьнаго возраста? По аналогіи съ возрастными группами въ европейскомъ населеніи, школьный возрастъ, по германской терминологіи, составитъ и у насъ не менѣе 10% всего населенія; а такъ какъ населеніе всей Россіи, вѣроятно, не меньше 120 милліоновъ, то на три милліона школьниковъ окажется 9 милліоновъ дѣтей, школы не посѣщающихъ! Если же исключить Финляндію и Прибалтійскій край, съ ихъ особенно благопріятными условіями народнаго образованія, то на 1 ребенка, учащагося въ школѣ, окажется не 3, а 5 неучащихся.

Предъ нами отчетъ городского училищнаго совѣта въ С.-Петербургѣ за 1895 годъ, и, просматривая его, мы убѣдились, что нѣмецъ въ колоніальной выставкѣ, пожалуй, не преувеличилъ состоянія нашей необразованности. Къ 1-му января 1896 г. во всѣхъ начальныхъ училищахъ Петербурга состояло учащихся 19.113 дѣтей. Если признать нормальнымъ школьнымъ возрастомъ только возрастъ отъ 8 до 12 лѣтъ, какъ это по нашимъ условіямъ вынуждена дѣлать городская училищная коммиссія въ Петербургѣ (въ Берлинѣ дѣти остаются

въ народной школѣ съ 6 до 14 лѣтъ), то и въ такомъ случаѣ въ нашей столицѣ наберется, при населеніи въ 1 милліонъ человѣкъ, отъ 50 до 60 тысячъ дѣтей. Выключимъ дѣтей, воспитывающихся въ гимназіяхъ и частныхъ училищахъ, и все-таки останется на 19.000 школьниковъ въ городскихъ школахъ по крайней мѣрѣ столько же—а вѣроятно больше—дѣтей вовсе нигдѣ не учащихся. Въ теченіе учебнаго года *отказано* въ пріемѣ 5.834 дѣтямъ; эта цифра, какъ замѣчаетъ отчетъ, далеко еще не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ, хотя съ одной стороны бывали и повторные случаи, но зато очень многія училища вовсе не показали числа отказовъ. Не забудемъ, что, при отсутствіи обязательности обученія, еще очень велики контингенты бѣдныхъ и невѣжественныхъ людей, которые и не думаютъ добровольно стучаться въ двери школы.

Есть, однако, и такіе факты въ исторіи петербургскихъ школъ, при знакомствѣ съ которыми становится менѣе стыдно за столичную некультурность. Въ 1877—78 году, первомъ послѣ передачи начальныхъ училищъ въ вѣдѣніе города, число училищъ было 16 съ 899 учащимися, а въ 1895 г. въ 328 городскихъ училищахъ учились 17.249 дѣтей. Девятнадцать лѣтъ тому назадъ окончившихъ курсъ было 88, а въ прошедшемъ году ихъ было около 3.000. Совершенно такое же явленіе обнаруживается и въ исторіи городскихъ училищъ въ Берлинѣ, послѣ передачи ихъ городу. Поэтому намъ кажется не лишнимъ познакомить читателей въ краткихъ чертахъ съ прошлымъ и настоящимъ берлинской народной школы, преимущественно на основаніи докладной записки, составленной, по порученію магистрата (городская управа), школьнымъ инспекторомъ д-ромъ Цвикъ, и вышедшей два года тому назадъ [1]).

Въ 1820 году, когда городъ Берлинъ, вмѣстѣ съ общественнымъ призрѣніемъ, получилъ въ свое вѣдѣніе и школы для бѣдныхъ дѣтей, Armenschule,—изъ 27 тысячъ дѣтей этой категоріи 8.000 вовсе нигдѣ не учились, а для остальныхъ ученіе сводилось къ обученію чтенію и письму. Администрація передала городу 6 школъ съ 7 классами и 500 дѣтьми: это все, что̀ существовало тогда въ смыслѣ народной школы въ Берлинѣ! Около 700 бѣдныхъ дѣтей учились на казенный счетъ въ частныхъ элементарныхъ школахъ, чрезвычайно распространенныхъ тогда, но по платѣ доступныхъ только зажиточному и полу-зажиточному мѣщанству. Существовали еще въ Берлинѣ и приходскія школы, а также училища при цехахъ и сиротскихъ домахъ, но ученіе тамъ было очень скудное, контроля надъ посѣще-

[1]) Die Entwickelung des Berliner Gemeindeschulwesens. Berlin 1894.

ніемъ школы—никакого, а мѣстъ въ школахъ было гораздо меньше, чѣмъ дѣтей школьнаго возраста.

Исходя изъ совершенно вѣрной мысли, что какъ бы дѣти ни учились, но лишь бы *всѣ* посѣщали какую-нибудь школу, городское самоуправленіе прежде всего обратило вниманіе на огромный процентъ внѣ-школьныхъ дѣтей, до тѣхъ поръ совсѣмъ остававшихся неграмотными. Обязательность грамотности не должна была оставаться на бумагѣ, но, не имѣя еще достаточно собственныхъ школъ, городъ по крайней мѣрѣ платилъ за бѣдныхъ дѣтей въ частныя училища и заставлялъ родителей отдавать въ ученіе ребенка, какъ только ему наступало 6 лѣтъ. Труднѣе всего было заставить учиться дѣтей, которыя уже работали на фабрикѣ или въ мастерскихъ. Только съ 1855 года въ Пруссіи начало сколько-нибудь исполняться запрещеніе принимать совсѣмъ маленькихъ дѣтей на фабричныя работы, и постановлено, чтобы дѣтямъ школьнаго возраста, работающимъ на фабрикахъ и заводахъ, предоставлено было три часа въ день на посѣщеніе школы.

Настойчиво повторяя требованіе объ обязательности народнаго обученія, школьное управленіе сначала достигло того, что по крайней мѣрѣ дѣти моложе 9 лѣтъ не допускались на фабрики; затѣмъ запрётный возрастъ былъ поднятъ до 12, и наконецъ уже на нашихъ глазахъ доведенъ до 14 лѣтъ. Въ Берлинѣ съ 1840 года спеціальныя школы для фабричныхъ дѣтей, съ вечерничи занятіями, лишь въ томъ случаѣ избавляли отъ обязанности посылать дѣтей въ общую школу, если ребенокъ раньше пробылъ въ послѣдней по крайней мѣрѣ три года. Сами по себѣ, однако, вечерніе дѣтскіе классы были пыткой и для учителя, которому приходилось биться съ учениками, уставшими отъ денной работы и засыпавшими за уроками. Позже вечерніе классы были замѣнены воскресными, а затѣмъ и вовсе исчезли. Теперь рѣчи больше не можетъ быть о какихъ-либо изъятіяхъ для фабричныхъ, такъ какъ дѣти принимаются на фабрики не раньше окончанія курса въ народномъ училищѣ, т.-е. послѣ 14 лѣтъ.

Къ счастію, однако, въ то время, какъ берлинскому магистрату выпала задача организовать народное образованіе, фабричныя дѣти еще составляли меньшинство. Годъ за годомъ, сначала медленно, потомъ болѣе быстрымъ тэмпомъ увеличивалось число собственныхъ городскихъ школъ: въ 1840 г., Берлинъ имѣлъ 12 школъ съ 73 классами и съ 7.642 дѣтьми; въ 1850 г.—15 школъ съ 126 классами и съ 10.691 дѣтьми; въ 1860 г.—20 школъ съ 185 классами и 14.178 дѣтьми. Городъ тоже, правда, разростался еще очень медленно, и не было рѣчи о такомъ колоссальномъ увеличеніи населенія, какое обнаружилось послѣ франко-прусской войны; но тѣмъ не менѣе только меньшая часть

дѣтей школьнаго возраста училась въ городскихъ начальныхъ училищахъ, и это потому, что городская школа продолжала носить печать „Armenschule", такъ что мало-мальски зажиточный ремесленникъ или бюргеръ предпочиталъ посылать дѣтей въ частное училище. Коммунальное училище для бѣдныхъ того времени состояло изъ 8 классовъ, по 75 учениковъ въ каждомъ,—одна половина классовъ для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ. Школьныя программы ограничивались чтеніемъ, письмомъ, счетомъ, Закономъ Божіимъ, пѣніемъ, а для дѣвочекъ введено было еще преподаваніе рукодѣлія.

Наканунѣ франко-прусской войны положеніе народной школы въ Берлинѣ приблизительно было на той ступени развитія, на какой оно находится теперь у насъ въ обѣихъ столицахъ. Преимущество Берлина состояло въ томъ, что, благодаря закону объ обязательномъ ученіи, почти всѣ дѣти дѣйствительно учились, но сама по себѣ городская школа, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и содержанію, была не выше нынѣшней русской. Значительная часть школъ помѣщалась въ наемныхъ домахъ; собственныя училищныя зданія города имѣли мало привлекательный видъ; внутри классы были переполнены, не было ни плацовъ для игръ, ни гимнастическихъ залъ, ни рекреаціонныхъ комнатъ. Недавно городъ срылъ послѣдній изъ школьныхъ домовъ того періода; онъ построенъ былъ въ 1840 году и производилъ впечатлѣніе жалкаго пигмея въ сравненіи съ роскошными школьными зданіями нынѣшняго Берлина.

Такое блестящее состояніе городскихъ народныхъ школъ въ германской столицѣ есть продуктъ только послѣднихъ 25 лѣтъ, и это для насъ во всякомъ случаѣ утѣшительный фактъ, такъ какъ онъ намъ говоритъ, что не вѣка, а только два, три десятка лѣтъ понадобятся на то, чтобы и мы могли достигнуть такого же высокаго уровня.

Если мы спросимъ, какія мѣры содѣйствовали такому быстрому преобразованію городской берлинской школы, то намъ прежде всего укажутъ на постановленіе думы (Stadtverordneten-Versammlung), отъ 22-го декабря 1869 г., гласившее: „Съ 1-го января 1870 г. *плата за ученіе* въ берлинскихъ коммунальныхъ школахъ *отмѣняется*". Многимъ вѣроятно покажется удивительнымъ, что этому постановленію можно придавать столько значенія для преобразованія школы; между тѣмъ въ отчетѣ берлинскаго магистрата сказано: „рѣдко городское самоуправленіе предпринимало рѣшенія столь смѣлыя, послѣдствія которыхъ едва можно обозрѣть, и рѣдкое постановленіе оказалось столь благодѣтельнымъ". Но неужели же плата за ученіе составляла для такого города, какъ Берлинъ, такой крупный доходъ, что отказаться отъ него было смѣлостью? Нѣтъ; изъ полъ-милліона талеровъ, которые городъ тогда давалъ на начальныя

училища, только 49 тысячъ, 9%, покрывались взносами родителей. Такъ въ чемъ же было дѣло?

Признавая ученіе безплатнымъ, а учрежденіе школъ — обязанностью города, дума сняла съ училищъ клеймо „Armenschule", и этимъ самымъ раскрыла ихъ двери всему населенію. Разъ народная школа становится школой для дѣтей всѣхъ сословій, весь ея характеръ измѣняется, содержаніе ея становится шире, внѣшній видъ красивѣе, устройство соотвѣтствуетъ болѣе высокимъ требованіямъ относительно гигіены и удобствъ, которыя предъявляютъ болѣе привилегированные классы. Постепенно тѣ же взгляды усвоиваются и дѣтьми бѣдняковъ; изъ школы высшія культурныя привычки переносятся въ семьи, въ жизнь взрослыхъ, и школа пріобрѣтаетъ высокое педагогическое значеніе, такъ какъ она выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ обученія грамотѣ. Это прекрасно понимала и берлинская дума, рѣшившись на отмѣну платы за ученіе: не въ 50.000 талерахъ было дѣло, а въ десяткахъ милліоновъ, которые понадобятся на устройство, обзаведеніе и содержаніе новыхъ школъ.

Разсчетъ оказался совершенно вѣрнымъ. Уже въ первый годъ послѣ провозглашенія народной школы—школой для всѣхъ, 12.900 дѣтей вновь поступило въ Gemeindeschulen. Съ 1873 и 1878 г. число городскихъ училищъ увеличилось съ 71 до 104, а число классовъ—съ 950 на 1.457, число дѣтей—съ 55.589 до 86.852. Понятно, что такое колоссальное увеличеніе возможно было только въ періодъ колоссальнаго роста города, но это еще болѣе затрудняло задачу преобразованія: нужно было предоставить школѣ классныхъ учителей для массы пришлыхъ дѣтей изъ деревень и провинцій, заранѣе разсчитать, не имѣя надлежащаго критерія и опыта, на сколько приблизительно дѣтей должно быть приготовлено мѣста. При спокойныхъ, нормальныхъ условіяхъ нетрудно опредѣлить естественный приростъ, но какъ это было сдѣлать въ 70-хъ и первой половинѣ 80-хъ годовъ, когда Берлинъ росъ не по днямъ, а по часамъ, скачками, преимущественно на счетъ провинціи? Величайшую заслугу городского самоуправленія составляетъ то, что оно не только справилось съ трудной задачей, но и разрѣшило блистательно внутреннюю реформу.

Мѣсто находилось для всѣхъ дѣтей и въ такіе годы, когда населеніе увеличивалось на 60 и 70 тысячъ, а приростъ школьниковъ достигалъ семи и болѣе тысячъ,—въ отдѣльныхъ случаяхъ (1885 годъ) даже 11.000 дѣтей. Всякій занимающійся школьнымъ дѣломъ пойметъ, что̀ такое значитъ—найти мѣсто сразу еще для 11.000 дѣтей, да и не гдѣ-нибудь, а въ школѣ, ближайшей къ мѣсту жительства. Присоедините къ тому періодическую эмиграцію изъ одного городского участка въ другой. Въ нынѣшнемъ Берлинѣ огромнѣйшая масса

дѣтей принадлежитъ къ рабочимъ семьямъ, а рабочій кочуетъ съ фабрики на фабрику, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ квартиры на квартиру, и дѣтямъ его приходится часто мѣнять училище.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ приведены данныя о развитіи школьнаго дѣла въ Берлинѣ на основаніи главнаго его показателя—числа учащихся въ городскихъ школахъ дѣтей.

Года.	Число дѣтей въ возрастѣ отъ 6 до 14 л.	Учащіеся въ город. нач. школахъ.	Учащіеся въ гор. школ. составл. % школьн. дѣтей.
1878	115.173	79.981	69,44
1879	121.252	86.852	71,63
1880	127.553	93.591	73,37
1881	136.924	102.655	74,97
1882	147.436	112.863	76,55
1883	156.744	122.098	77,90
1884	166 491	131.933	79,24
1885	178.314	142.982	80,19
1886	184.868	149.514	80,88
1887	191.690	156.053	81,41
1888	197.748	162.230	82,04
1889	202.277	166.619	82,37
1890	205.111	169.681	82,70
1891	208.165	171.994	82,62
1892	209.350	173.338	82,96

Само собою разумѣется, что всѣ 13% дѣтей, которыя въ 1892 г. не учились въ городскихъ начальныхъ школахъ, не остались безъ образованія. Это—дѣти именно богатыхъ и зажиточныхъ людей, воспитывающіяся въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, на дому, въ гимназіяхъ, военныхъ училищахъ. Въ 1895 г., Берлинъ имѣлъ въ своихъ городскихъ училищахъ почти 200 тысячъ дѣтей! Что касается распредѣленія дѣтей по полу, то изъ 177.087 дѣтей, оказавшихся въ городскихъ школахъ въ концѣ декабря 1892 г., мальчиковъ было 87.461 и дѣвочекъ 89.626.

Школы улучшались, однако, не только количественно: сравнивать нельзя нынѣшнихъ школъ ни съ „Armenschule“ 20-хъ годовъ,—задача которой была только научить ребенка чтенію и письму,—ни даже съ городскою школой 40-хъ годовъ, задававшейся нѣсколько болѣе широкими задачами. Если сопоставить, напр., росписаніе уроковъ въ городской школѣ 40-хъ и въ такой же школѣ 1893 года, то окажется, что въ первой вовсе не было уроковъ естественной исторіи (которымъ въ 4 высшихъ классахъ нынѣшней школы посвящено 9 часовъ въ недѣлю), геометріи, рисованія и гимнастики (12 уроковъ во всѣхъ классахъ). Исторіи и географіи посвящаютъ теперь 14 уроковъ, вмѣсто прежнихъ 8; число уроковъ Закона Божія уменьшено съ 6 до 4 въ

каждомъ классѣ, но преподаваніе нѣмецкаго языка на столько же увеличено. Въ 50-хъ годахъ введеніе физики въ курсъ программы народнаго училища сочли бы утопіей, а теперь она преподается во всѣхъ германскихъ школахъ, и друзья народнаго просвѣщенія еще ропщутъ, что школа мало даетъ народу: справедливый ропотъ, въ виду огромнаго запроса на знаніе въ самомъ народѣ, но завидно становится, что люди могутъ *такъ* роптать. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ области народнаго образованія берлинское самоуправленіе далеко выходитъ за предѣлы начальныхъ училищъ устройствомъ „Fortbildungsschulen", ремесленныхъ и коммерческихъ классовъ, гдѣ, кромѣ спеціальныхъ классовъ, есть еще курсы новыхъ языковъ, бухгалтеріи, рисованія, стенографіи. Въ однихъ 23 „Fortbildungsschulen" города Берлина въ прошлую зиму (1895—96 г.) обучались около 23.440 молодыхъ людей обоего пола, кончившихъ курсъ въ народномъ училищѣ.

Два года тому назадъ особенно торжественно происходило въ Берлинѣ освященіе 200-ой школы,—теперь ихъ уже 214. Читателю нужно при этомъ отрѣшиться отъ усвоеннаго въ нашей практикѣ представленія о школѣ, всегда совпадающей съ представленіемъ о классѣ. Берлинская школа—не одинъ или два класса въ какомъ-нибудь наемномъ домѣ, а огромное, массивное многоэтажное зданіе, съ 16—20 классами, залами для рисованія и гимнастики. Въ центрѣ города, среди монументальныхъ построекъ, они не бросаются такъ въ глаза, хотя и тутъ народная школа обращаетъ на себя вниманіе, но на окраинахъ и въ предмѣстьяхъ, гдѣ больше всего школъ, училищное зданіе сразу бросается въ глаза своею солидностью, прочностью, большими размѣрами, особенно если это „двойная школа", для мальчиковъ и дѣвочекъ, вмѣщающая въ такомъ случаѣ 40 классовъ, съ 2.000 учениками и ученицами! Гордость берлинскаго городского управленія—школьныя зданія—обошлись ему въ десятки милліоновъ. Въ 1878 г., городъ уже имѣлъ 78 собственныхъ домовъ; съ 1878 по 1892 гг. выстроено 122 новыхъ школы, и на постройку ихъ издержано 23.941.512 марокъ, свыше 10 милліоновъ рублей, т.-е., въ среднемъ, каждая школа обошлась въ 80.000 рублей. Наружный фасадъ каждаго училища — изъ краснаго крупнаго кирпича съ терракотой; въ новѣйшихъ зданіяхъ имѣются и небольшіе сады на улицѣ. Максимумъ учениковъ на 1 классъ — 60 въ высшемъ, и 70 — въ низшемъ, но въ дѣйствительности средняя цифра—54 дѣтей на 1 классъ, и высшая цифра никогда еще не превышала 62. Лѣстницы такъ широки, что дѣти по-четверо легко могутъ сходить по нимъ; во время рекреацій и по окончаніи ученія вся школа, въ 1.000—1.200 дѣтей, въ пять минутъ можетъ быть на улицѣ. Корридоры такъ широки, что дѣти безъ стѣсненія могутъ ими пользо-

ваться въ дурную погоду на перемѣнахъ; тутъ же въ коридорахъ—вѣшалки для платья и помѣщенія для зонтиковъ. Отопленіе паровое. До сихъ поръ, въ классахъ преобладали трехъ-и четырехъ-мѣстныя скамейки; теперь постепенно вводятся двухъ-мѣстныя, съ отбрасывающимися спинками и металлическими лавками для ногъ, для того, чтобы дѣти меньше пачкали полы и классы быстрѣе и тщательнѣе очищались. Въ каждомъ новомъ зданіи школы находятся дѣтскія бани: рядъ душей съ теплой и холодной водой. Въ нижнемъ этажѣ особое помѣщеніе отведено для дѣтей младшаго возраста, остающихся въ школѣ до вечера, если родители работаютъ внѣ дома. Обыкновенно наблюденіе за дѣтьми берутъ на себѣ дамскія благотворительныя общества, учредившія ясли во всѣхъ частяхъ города. Съ нѣкотораго времени „общество снабженія бѣдныхъ дѣтей пищей" доставляетъ въ народныя школы завтраки для неимущихъ школьниковъ и устраиваетъ вблизи школъ дѣтскія столовыя, гдѣ школьники и школьницы получаютъ безплатно обѣдъ. При каждой школѣ есть учительская и ученическая библіотеки, на содержаніе которыхъ, кромѣ 1.000—1.200 марокъ на каждую при обзаведеніи, городъ ассигнуетъ ежегодно еще 54.000 марокъ. Берлинскіе народные учителя, впрочемъ, располагаютъ интереснымъ учрежденіемъ—школьнымъ музеемъ, при которомъ находится превосходная педагогическая библіотека.

Городъ только тогда въ состояніи привлечь на службу школѣ хорошій составъ учителей, если онъ дастъ имъ достаточное, соотвѣтствующее ихъ соціальному положенію и условіямъ жизни большого города, содержаніе. Берлинскій учитель „Armenschule" 30-хъ годовъ долженъ былъ довольствоваться начальнымъ жалованьемъ въ 480—500 марокъ, которое, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и послѣ многихъ лѣтъ службы, доходило до максимума въ 1.200 марокъ, около 500 рублей; учительница рукодѣлія за 8 часовъ въ недѣлю получала 50 талеровъ въ годъ. Это содержаніе кажется теперь нищенскимъ даже молодому человѣку безъ семьи, только-что сошедшему со скамьи учительской семинаріи. Правда, условія жизни измѣнились. Берлинъ изъ города съ населеніемъ въ 400—500 тысячъ превратился въ столицу съ полутора-милліоннымъ населеніемъ, жизнь стала дороже, потребности увеличились. Но и относительно говоря, соціальное и экономическое положеніе учителя чрезвычайно поднялось, что конечно не исключаетъ стремленія къ высшему и лучшему положенію въ будущемъ.

По дѣйствующему нынѣ въ Берлинѣ постановленію думы, отъ 1 апрѣля 1894 года, первоначальное жалованье молодого учителя, еще не утвержденнаго въ должности, составляетъ 1.200 марокъ въ

годъ. Не позже, какъ черезъ 4 года, учитель окончательно утверждается въ должности съ жалованьемъ въ 1.600 марокъ; черезъ два года содержаніе повышается до 1.900, черезъ слѣдующіе два года— до 2.200. По истеченіи 11 лѣтъ педагогической дѣятельности, жалованье народнаго учителя уже составляетъ 2.600 марокъ, и затѣмъ черезъ каждые три года, а послѣ 23 лѣтъ службы—черезъ каждые четыре года, окладъ повышается на 200 марокъ, пока на 31 году службы не достигнетъ максимальнаго предѣла — 3.800 марокъ въ годъ. Какъ ни высоко уже, по нашимъ понятіямъ, содержаніе учителя, но берлинская дума, утверждая новый порядокъ окладовъ городскихъ учителей, сохранила за собою право поднять максимумъ жалованья до 4.000 марокъ, которое должно быть достигнуто не черезъ 31, а уже черезъ 25 лѣтъ службы.

Такое повышеніе или передвиженіе съ низшей на высшую ступень вовсе не составляетъ награды за особыя заслуги и не зависитъ отъ усмотрѣнія училищнаго начальства: нѣтъ, это *право* учителя народной школы, котораго онъ можетъ быть лишенъ лишь въ томъ случаѣ, если окажется непригоднымъ для своего дѣла и будетъ отрѣшенъ отъ должности постановленіемъ административнаго суда. Разъ утвержденный на службѣ учитель, какъ и всякій служащій въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, не можетъ быть лишенъ по одному произволу своего начальства тѣхъ правъ, которыя связаны съ его должностью. Чтобы выдѣлить наиболѣе способныхъ и усердныхъ изъ общаго уровня, здѣшняя городская училищная коммиссія имѣетъ въ своемъ распоряженіи также не мало средствъ. Болѣе 200 мѣстъ „ректоровъ", т.-е. смотрителей зданій городскихъ начальныхъ училищъ, съ жалованіемъ въ 4—5 тысячъ марокъ, замѣщаются по большей части выдающимися людьми изъ учительскаго персонала; кромѣ того, способный народный учитель привлекается къ дѣятельности въ другихъ сферахъ городского управленія, какъ общественное призрѣніе; нѣкоторые попадаютъ и въ училищный совѣтъ.

Мысль, лежащая въ урегулированіи жалованья народныхъ учителей, не составляетъ особенности, оригинальной идеи берлинскаго самоуправленія: система повышенія окладовъ по истеченіи извѣстнаго срока службы болѣе или менѣе полно проведена во всѣхъ отрасляхъ общественной и государственной службы. Чиновникъ можетъ всю свою жизнь пробыть на одномъ и томъ же мѣстѣ, и тѣмъ не менѣе съ годами положеніе его поднимается. Въ Германіи не рѣдкое явленіе, что старый служака на маленькой должности получаетъ больше жалованья, чѣмъ молодой его начальникъ; повышеніе въ должности зависитъ отъ способностей, таланта (такова по крайней мѣрѣ идея), повышеніе въ жалованьѣ—плодъ продолжительной службы. Государство

и общество считаютъ себя обязанными дать возможность жить человѣку, трудомъ котораго они пользуются; но такъ какъ у молодого, начинающаго служить, другія условія жизни, чѣмъ у чиновника среднихъ лѣтъ, обыкновенно имѣющаго на своихъ плечахъ семью, то за одну и ту же службу опытный, старый служака получаетъ въ полтора и два раза больше, чѣмъ начинающій юноша. Въ Пруссіи, напр., жалованье члена окружного суда—отъ 2.400 до 6.000 марокъ; членъ же судебной палаты (Oberlandesgericht) получаетъ отъ 4.800 до 6.600 м. въ годъ. Такія же градаціи, въ зависимости отъ срока службы, встрѣчаются во всѣхъ областяхъ внутренняго управленія, на почтѣ, желѣзныхъ дорогахъ и т. д. Благодаря этой системѣ, учитель народной берлинской школы, прослужившій 15 лѣтъ, получаетъ больше жалованья, чѣмъ молодые учителя гимназіи съ университетскимъ образованіемъ. Правда, благодаря переполненію въ интеллигентныхъ профессіяхъ, и на службѣ народной школы попадаются лица также съ высшимъ образованіемъ.

Въ противоположность съ нашими порядками въ школѣ, гдѣ женщина—главная дѣятельница народнаго просвѣщенія, нѣмецкія школы до сихъ поръ преимущественно были дѣломъ мужчинъ. До 1863 г. въ Берлинѣ вовсе не было школьныхъ учительницъ въ городскихъ школахъ, за исключеніемъ только учительницъ рукодѣлія, получавшихъ отъ 50 до 150 талеровъ въ годъ, или по 1 маркѣ за часъ, и не пользовавшихся правами общественной службы. Опытъ частныхъ училищъ, изъ которыхъ нѣкоторыя пользовались городскою субсидіей, убѣдилъ однако училищную коммиссію, что женщина можетъ быть вполнѣ пригодной дѣятельницей и въ городской школѣ. „Врожденное дарованіе и склонность къ воспитанію, ласковость и простота, съ которою женщина воспринимаетъ и передаетъ учебные предметы, способность и склонность развивать (въ дѣтяхъ) душевную жизнь, женскій тактъ—все это очень быстро разсѣяло недовѣріе къ женщинѣ-учительницѣ, основывавшееся на предположеніи, будто женщина, и по своему соціальному положенію, и по физической слабости, не въ силахъ будетъ справиться съ своей задачей“. Въ 1875 г. въ школахъ для дѣвочекъ на 11 учительницъ было 13 учителей; четыре года спустя, отношеніе обратное: въ 1878 г. на службѣ школы 1.065 учителей и 343 учительницы, а въ 1893 г.—2.337 учителей, 1.033 учительницъ по всѣмъ предметамъ и 563 такъ-называемыхъ техническихъ учительницъ, т.-е. преподавательницъ рисованія, гимнастики и рукодѣлія.

При назначеніи, болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, первыхъ учительницъ, жалованье имъ опредѣлено было въ 900 марокъ, и только немногія могли разсчитывать на повышеніе. Въ настоящее время первоначальное жалованье — 1.200 марокъ, увеличивающееся съ годами

службы и доходящее по истеченіи 18 лѣтъ до 2.200 марокъ. Матеріальное положеніе учительницы и въ этомъ случаѣ хуже, чѣмъ учителя; но надо прибавить, что здѣсь учительница, выходя замужъ, оставляетъ службу; пока существуетъ такой порядокъ, разница въ вознагражденіи имѣетъ свое оправданіе въ семейныхъ различіяхъ: мужчинѣ черезъ 10 — 12 лѣтъ службы уже нужно въ большинствѣ случаевъ кормить семью, тогда какъ дѣвушка имѣетъ только заботу о себѣ, да иногда еще помогаетъ родителямъ. Кромѣ того, учитель имѣетъ въ Берлинѣ обязательныхъ 28 уроковъ въ недѣлю, учительница только—24. Городскимъ управленіемъ въ Берлинѣ предпринято интересное статистическое изслѣдованіе, насколько занятія учительницы отражаются на здоровьѣ женщины. Съ 1863 по 1893 г. на службѣ берлинской школы находились 1.454 учительницы, имѣвшихъ въ совокупности 9.858 лѣтъ службы. Ими пропущено преимущественно по болѣзни 83.129 дней, или въ среднемъ на 1 учительницу 8 дней въ году, при учебномъ годѣ въ 250 дней. Въ первые четыре года службы пропуски *не* достигаютъ средней нормы 8 дней въ году; по истеченіи 14 лѣтъ службы, они достигаютъ своего максимума—22 дней, а затѣмъ опять понижаются. Что касается пропусковъ въ связи съ возрастомъ учительницы, то до 29 лѣтъ они ниже средней нормы, у 30-лѣтнихъ они начинаютъ увеличиваться, и у 42-лѣтнихъ достигаютъ 16 дней въ годъ. При нынѣшнемъ составѣ берлинскихъ учительницъ, ежедневно нужны замѣстительницы для 34 классовъ, которыя легко набираются изъ 177 такъ-называемыхъ „госпитантокъ" или волонтерокъ, не получающихъ жалованья, но пользующихся вознагражденіемъ за замѣщеніе отсутствующей учительницы. Обыкновенно дѣвушка 2—3 года остается волонтеркой, пока не получаетъ постояннаго назначенія. Нечего и говорить, что, при переполненіи профессіи учительницъ, на 1 вакантное мѣсто нѣсколько кандидатокъ.

...„Если въ настоящее время всѣ граждане столицы проявляютъ величайшій интересъ къ дѣлу народныхъ школъ, соединяющійся съ готовностью приносить величайшія жертвы для удовлетворенія школьныхъ нуждъ, и если теперь едва ли найдется хотя бы одно берлинское дитя, уклоняющееся отъ обязательнаго школьнаго обученія, то эти успѣхи должны быть въ значительнѣйшей степени приписаны тѣмъ 2.000 гражданъ, которые отдаютъ въ распоряженіе школъ безвозмездно свои силы и свое время". Читая эти слова въ юбилейной запискѣ [1]), всякій можетъ догадываться, что не однимъ принужденіемъ

[1]) Denkschrift, p. 15.

закона и ассигновкой большихъ суммъ изъ городского бюджета достигнуто нынѣшнее блестящее положеніе народнаго образованія въ Берлинѣ.

Но о какихъ 2.000 гражданъ идетъ рѣчь? Для отвѣта на такой вопросъ нужно вкратцѣ изложить организацію здѣшняго школьнаго управленія. Принявъ отъ государства въ 20-хъ годахъ завѣдываніе такъ-называемыми школами для бѣдныхъ, городъ назначилъ особаго члена магистрата, Stadtschulrath'а, въ рукахъ котораго должно было сосредоточиться школьное дѣло, и присоединилъ къ нему школьный совѣтъ, въ которомъ засѣдаютъ гласные по выбору думы, почетные бюргеры изъ негласныхъ и представители духовенства. Эта „школьная депутація" существуетъ и въ настоящее время въ составѣ 6 членовъ управы, 10 гласныхъ, 11 „депутатовъ отъ бюргерства", 4 лютеранскихъ суперъ-интендентовъ, 1 католическаго священника и 10 школьныхъ инспекторовъ; но она уже давно перестала быть единственнымъ учрежденіемъ, вѣдающимъ школьныя дѣла. Опытъ очень скоро убѣдилъ представителей города,что централизація въ школьномъ управленіи такъ же неудобна, какъ и въ организаціи общественнаго призрѣнія. Городъ могъ создать школы и дать средства для нихъ, но пока всеобщее обученіе еще не вошло „въ плоть и кровь" населенія,—нѣтъ гарантіи, что всѣ дѣти дѣйствительно будутъ учиться. Еще въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ далеко не всѣ дѣти посѣщали школы. Отчетъ магистрата (управы) почти съ ужасомъ констатируетъ, что въ 1843 г. 2.932 берлинскихъ дѣтей вовсе не посѣщали школы, а изъ посѣщавшихъ 10—15% приходили крайне неаккуратно. Коммиссія для завѣдыванія общественнымъ призрѣніемъ, учителя, пасторы, даже полиція, усердно помогали школьной депутаціи въ выслѣживаніи дѣтей, уклонающихся отъ школы,—но все было напрасно. Тогда городское управленіе рѣшилось на новую мѣру, оказавшуюся благодѣтельной и до сихъ поръ составляющей главную опору народнаго образованія: оно обратилось къ поддержкѣ самого населенія, децентрализовавъ школьное дѣло и раздѣливъ наблюденіе за исполненіемъ обязательнаго обученія на мѣстныя, участковыя попечительства. Это и есть школьныя коммиссіи, Schulcommissionen, учрежденныя въ 1845 г.

За 50 лѣтъ своего существованія школьныя коммиссіи измѣнились въ составѣ, числѣ участковъ и объемѣ своей компетенціи, но основная ихъ задача осталась та же. Въ Берлинѣ въ 1894 г. ихъ было 168 съ 1.972 членами. Каждая коммиссія ведетъ списокъ дѣтей школьнаго возраста (6—14 лѣтъ) своего участка. Раньше каждый ребенокъ этого возраста долженъ былъ имѣть своего рода паспортъ, „карточку школьнаго посѣщенія", которая предъявлялась полицейскому участку при каждой перемѣнѣ квартиры. Теперь кар-

точки, какъ несоотвѣтствующія порядку, вообще не знающему обязательности паспорта, отмѣнены, но зато оберъ-полиціймейстеръ каждые три мѣсяца сообщаетъ управленію городскихъ школъ о вновь прибывшихъ или переѣхавшихъ въ другую часть города дѣтяхъ. Каждая школьная коммиссія ведетъ списокъ дѣтей своего участка.

Когда ребенку минуло 6 лѣтъ, отецъ его обращается съ заявлеліемъ о принятіи въ училище. Если это не сдѣлано, членъ школьной коммиссіи приглашаетъ къ себѣ родителей или является къ нимъ на домъ, чтобы узнать, почему ребенокъ не посѣщаетъ школы. Въ концѣ каждой недѣли ректоры училищъ сообщаютъ предсѣдателю коммиссіи своего участка, какія дѣти безъ достаточнаго основанія отсутствовали. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, обыкновенно ближайшій по мѣсту своего жительства, отправляется въ семью ребенка, и если по его мнѣнію къ пропуску уроковъ не было солидныхъ мотивовъ, предупреждаетъ его родителей, потомъ дѣлаетъ имъ выговоръ, и если тѣмъ не менѣе не послѣдуетъ правильнаго посѣщенія ребенкомъ школы, доноситъ школьной депутаціи. Послѣдняя допрашиваетъ родителей черезъ мѣстную коммиссію, и если сообщеніе члена коммиссіи оправдывается, подвергаетъ ихъ денежному штрафу, а въ рѣдкихъ случаяхъ упорнаго сопротивленія—даже *аресту*. Въ теченіе 8 дней постановленіе школьной депутаціи можетъ быть обжаловано въ магистратъ, рѣшеніе котораго—уже окончательное.

Школьныя коммиссіи не вѣдаютъ однако педагогической, учебной стороны школьнаго дѣла. Наблюденіе за послѣднимъ принадлежитъ городскимъ окружнымъ школьнымъ инспекторамъ (Städtische Schulinspektor), которыхъ теперь въ Берлинѣ 10. Раньше, до 1877 г., существовалъ другой порядокъ: каждая школа имѣла своего попечителя или наблюдателя, и очень часто эту роль поручали пастору. Однако и городское самоуправленіе, и учителя, и само духовенство признали, что для надзора за школами нужны прежде всего опытные педагоги, изъ коихъ и выбираются школьные инспектора. Да и правительство настолько убѣдилось въ разумности новаго порядка, что согласилось отказаться отъ своего контроля черезъ собственнаго правительственнаго чиновника, и поручило эту обязанность городскимъ инспекторамъ (служащимъ въ городскомъ управленіи), съ членомъ управы по завѣдыванію городскими училищами во главѣ. Мѣстному духовенству предоставлено право посѣщать уроки закона Божія и присутствовать на экзаменахъ по этому предмету, но — сказано въ циркулярѣ прусской провинціальной школьной коллегіи—никакихъ самостоятельныхъ распоряженій духовное лицо не въ правѣ дѣлать, а свои замѣчанія оно можетъ сообщить городской школьной депутаціи.

Такое ближайшее и активное участіе населенія въ управленіи школы

и надзорѣ за нею создаетъ у гражданъ убѣжденіе, что нѣтъ болѣе производительныхъ расходовъ, какъ затраты на народное образованіе. Берлинъ отдаетъ изъ своего 85-милліоннаго бюджета 11 милліоновъ въ годъ на народныя школы. Да и не въ одной столицѣ Германія, а и во всѣхъ остальныхъ городахъ расходы на народное образованіе—крупнѣйшая статья городского бюджета. Въ Гамбургѣ, съ населеніемъ вдвое меньше Петербурга, расходы на народныя школы по бюджету 1893—94 г. составляли 3.738.440 марокъ. т.-е. около 17.000.000 рублей по нынѣшнему курсу. Какой-нибудь Магдебургъ, провинціальный городъ съ 200 тысячами жителей, расходуетъ на свои начальныя училища $1^3/_4$ милліона марокъ больше нашей столицы, и даетъ образованіе 28.000 дѣтямъ. Такіе факты изъ дѣятельности нѣмецкихъ городовъ объясняются тѣмъ, что бюджеты германскихъ городовъ покоятся преимущественно на платежахъ зажиточнаго населенія, такъ какъ главный источникъ ихъ—*подоходный налогъ*, отъ котораго бѣдное населеніе вовсе освобождено. Безъ того, фактически всѣ городскіе налоги платили бы бѣдняки, потому что домовладѣлецъ и трактирщикъ перелагаютъ городскіе сборы съ себя на жильцовъ и потребителей. Блейхредеру же въ Берлинѣ, платящему, помимо налоговъ на свои дома, еще около 125.000 марокъ въ годъ подоходнаго налога въ пользу города (97% государственнаго подоходнаго налога),—не на кого уже перекладывать, и такимъ образомъ доля его избытковъ идетъ на школы, общественное призрѣніе или на оздоровленіе города.

Въ послѣднее время, въ залѣ берлинской думы засѣдалъ женскій конгресъ, въ программѣ котораго удѣлено мѣсто и народной школѣ, и народной учительницѣ. „Наше время характеризуется пробужденіемъ общественной совѣсти, а отголосокъ ея и до сихъ поръ еще не проникъ въ школу“, — жалуется одна изъ референтокъ, учительница берлинской школы. Она желала бы, чтобы юноши и дѣвушки изъ народа оставались на школьной скамьѣ до 16 лѣтъ, и чтобы школа до этого возраста была единой для всѣхъ сословій. Этотъ идеалъ „Einheitsschule“ имѣетъ теперь въ Германіи многихъ сторонниковъ. Мы видѣли, что и берлинская дума, предпринимая реформу начальнаго образованія, имѣла въ виду тоже создать школу для *всѣхъ* классовъ населенія. „Ея двери, — говоритъ д-ръ Цвикъ въ своей запискѣ,—раскрыты для дѣтей всѣхъ слоевъ народнаго населенія; она имѣетъ въ виду то, что *всѣ* дѣти, богатыя и бѣдныя, должны сидѣть на одной той же скамьѣ и воспитываться на одинаковыхъ принципахъ нравственности и просвѣщенія... Это—лучшій путь къ сближенію между различными классами“. И въ нѣкоторой степени эта цѣль достигнута. По іюльской статистикѣ, отъ 1-го іюля 1894 года, изъ 182.347 дѣтей обоего пола, воспитывавшихся въ городскихъ народ-

ныхъ школахъ Берлина, 108.362 были дѣти наемныхъ рабочихъ, 44.155 имѣли отцами самостоятельныхъ ремесленниковъ и мѣщанъ 20.162—учителей, мелкихъ чиновниковъ и 9.278—дѣтей привилегированныхъ классовъ, отцы которыхъ—зажиточные купцы, адвокаты, врачи, офицеры и т. п. Однако въ то же время около 40.000 дѣтей, въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ, воспитывались въ частныхъ училищахъ, гимназіяхъ или на дому. Въ южной Германіи, въ возрастѣ отъ 6 до 9 лѣтъ, принципъ „единства" образованія проведенъ полнѣе. Въ Мюнхенѣ, Штутгартѣ или Карлсруэ, даже министръ не стѣсняется посылать ребенка въ Volksschule, пока не наступитъ возрастъ пріема въ гимназію. Требованіе „единства" начальнаго образованія въ Германіи поэтому далеко не утопія; рѣчь идетъ только о томъ, чтобы дать одинаковое образованіе дѣтямъ всѣхъ сословій приблизительно до среднихъ классовъ гимназій, тогда какъ теперь дѣти расходятся въ разныя стороны уже у порога средне-учебныхъ заведеній.

Г. Б.

Берлинъ, 14/26 сентября.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1896 г.

Путешествіе Ихъ Величествъ.—Новая „конституція" Кандіи и разрѣшеніе критскаго вопроса.—Судьба турецкихъ армянъ.—Западно-европейская дипломатія въ Константинополѣ и ея сомнительные успѣхи.—Общественное мнѣніе въ Англіи и рѣчи Гладстона.—Британская внѣшняя политика.

Путешествіе Ихъ Величествъ, Государя Императора и Государыни Императрицы, приближается къ концу. Послѣ отдыха въ семейномъ кругу, въ Даніи и Шотландіи, послѣдовавшаго за торжественными пріемами въ сосѣднихъ имперіяхъ, въ столичномъ городѣ Вѣнѣ и въ Бреславлѣ, наступаетъ поѣздка, чрезъ Шербуръ, въ столицу Франціи. Чрезвычайныя приготовленія къ пріему Ихъ Величествъ въ Парижѣ придадутъ народный характеръ чествованію Высокихъ Гостей; не только правительство, въ лицѣ президента республики и министровъ, но и народное представительство, въ лицѣ сената и палаты депутатовъ, а также и представительство городское, примутъ участіе въ чествованіи Ихъ Величествъ. Послѣ продолжительной эпохи постоянно вооружавшагося мира, путешествіе Государя Императора, сопровождаемое повсюду самыми сердечными привѣтствіями не однѣхъ оффиціальныхъ сферъ, а и народныхъ массъ, единогласно признается за ручательство въ будущемъ вполнѣ искренняго мира и „европейскаго согласія", столь необходимаго въ переживаемое нами время различныхъ осложненій на близкомъ Востокѣ.

Вопросъ о судьбѣ Кандіи формально разрѣшенъ: турецкій султанъ утвердилъ проектъ новой критской „конституціи", выработанный представителями шести великихъ державъ въ Константинополѣ по почину Франціи. Въ четырнадцати параграфахъ изложена программа реформъ, способныхъ, по общему мнѣнію, удовлетворить христіанское населеніе острова. Генералъ-губернаторомъ Крита назначается на пять лѣтъ христіанинъ, по выбору султана, съ согласія державъ. Народное собраніе избирается каждые два года и засѣдаетъ въ теченіе опредѣленнаго срока, отъ сорока до восьмидесяти дней; оно утверждаетъ двухгодичный бюджетъ, провѣряетъ денежные счеты, разсматриваетъ законопроекты и предложенія, вносимыя генералъ-губернаторомъ или депутатами. Рѣшенія принимаются про-

стымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ; только предложенія, касающіяся перемѣнъ въ конституціонныхъ законахъ, вотируются большинствомъ двухъ-третей и представляются затѣмъ на усмотрѣніе султана. Никакой новый законъ не можетъ быть примѣняемъ въ предѣлахъ острова, если онъ не былъ предметомъ голосованія въ народномъ собраніи. Предложенія, клонящіяся къ увеличенію расходовъ, будутъ разсматриваемы въ собраніи только въ томъ случаѣ, если они внесены генералъ-губернаторомъ, административнымъ совѣтомъ и подлежащими коммиссіями. Генералъ-губернаторъ имѣетъ право отказывать въ утвержденіи законовъ, принятыхъ народнымъ собраніемъ; но по прошествіи двухъ мѣсяцевъ законы вступаютъ въ силу, если не послѣдовало согласія собранія на измѣненіе ихъ. Въ случаѣ какихъ-нибудь замѣшательствъ, генералъ-губернаторъ можетъ для возстановленія порядка прибѣгнуть къ содѣйствію турецкихъ войскъ, которыя въ обыкновенное время помѣщаются въ опредѣленныхъ пунктахъ острова. Изъ числа общественныхъ должностей двѣ-трети должны быть замѣщаемы христіанами, а одна треть—мусульманами. Второстепенныхъ чиновниковъ назначаетъ генералъ-губернаторъ; назначеніе высшихъ должностныхъ лицъ зависитъ отъ султана. Половина таможенныхъ доходовъ принадлежитъ Криту; пошлина на табакъ также идетъ въ пользу мѣстныхъ финансовъ. Особая коммиссія, при участіи иностранныхъ офицеровъ, приступитъ къ преобразованію жандармеріи; другая коммиссія, въ которую войдутъ иностранные юристы, займется изученіемъ необходимыхъ реформъ въ судебной организаціи, подъ условіемъ соблюденія правъ иноземной юрисдикціи. Печатаніе книгъ и журналовъ, основаніе типографій и ученыхъ обществъ, разрѣшаются генералъ-губернаторомъ, согласно закону. Ближайшіе выборы въ народное собраніе должны состояться въ теченіе шести мѣсяцевъ со времени обнародованія приведенныхъ правилъ; до открытія засѣданій собранія генералъ-губернаторъ, совмѣстно съ административнымъ совѣтомъ, приметъ предварительныя мѣры для введенія въ дѣйствіе новаго конституціоннаго порядка. За исполненіемъ этихъ правилъ будутъ слѣдить великія державы... Таково содержаніе документа, подписаннаго турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и европейскими представителями въ Константинополѣ. Въ званіи критскаго генералъ-губернатора утвержденъ Георгій Беровичъ-паша, бывшій князь Самоса и слѣдовательно прошедшій уже школу полу-независимаго законнаго управленія подъ номинальною властью Порты. Беровичъ—человѣкъ еще не старый; онъ родился въ 1845 году въ Скутари; по происхожденію онъ—албанецъ, а по вѣрѣ — православный. Критяне, повидимому, довольны его назначеніемъ и считаютъ объявленныя

уступки султана вполнѣ достаточными; только мусульманская часть населенія волнуется и продолжаетъ грозить возобновленіемъ безпорядковъ.

Примирятся ли турки съ потерею безконтрольнаго владычества надъ Кандіею? Не будутъ ли они поощрять мѣстныхъ мусульманъ къ возстаніямъ и волненіямъ, которыя послужатъ поводомъ къ вмѣшательству военной власти? Никто не вѣритъ въ искренность турецкаго правительства, и существуетъ полное основаніе думать, что Порта, вынужденная къ уступчивости давленіемъ западно-европейской дипломатіи, воспользуется всякимъ случаемъ, чтобы фактически уничтожить или парализовать дарованныя Криту права. Нѣсколько разъ уже провозглашалась автономія Кандіи, и въ сущности кандіоты добивались лишь дѣйствительнаго примѣненія и соблюденія обѣщаній и конвенцій, относящихся къ семидесятымъ и восьмидесятымъ годамъ. Будетъ ли нынѣшняя сдѣлка долговѣчнѣе прежнихъ? Безъ сомнѣнія, критская „конституція", о принятіи которой Порта оффиціально сообщила державамъ 11-го сентября (нов. ст.), имѣетъ отчасти характеръ международнаго акта и не можетъ быть нарушена произвольно, такъ какъ исполненіе ея подлежитъ надзору и контролю иностранныхъ кабинетовъ; притомъ окончаніе критскихъ замѣшательствъ было настолько важно и необходимо для самой Турціи, что трудно ожидать отъ нея серьезныхъ попытокъ нарушить установленную программу въ близкомъ будущемъ. Быть можетъ, со временемъ начнется опять старая исторія, и критскій вопросъ снова выступитъ на сцену; но пока кризисъ разрѣшился благополучно, и это разрѣшеніе достигнуто мирными способами только потому, что великія державы отложили на время въ сторону взаимные счеты и дѣйствовали совмѣстно съ надлежащимъ внѣшнимъ единодушіемъ. Критянамъ значительно помогли армяне, которые своими волненіями и бѣдствіями перенесли опасность въ самый центръ турецкаго господства и успѣшно отвлекли вниманіе Порты отъ сравнительно второстепенныхъ дѣлъ Кандіи. Туркамъ и султану было не до критянъ, когда въ столицѣ Турціи происходили событія, ставившія на карту самое существованіе оттоманской имперіи въ Европѣ. Очутившись въ невозможномъ положеніи относительно армянскаго вопроса, по которому до сихъ поръ не предпринято еще ничего существеннаго, Порта старалась по крайней мѣрѣ смягчить Европу своими уступками въ пользу Крита. Этимъ прежде всего объясняется рѣшимость турецкаго правительства отказаться отъ дальнѣйшихъ уловокъ и проволочекъ въ критскомъ дѣлѣ и сразу покончить съ нимъ, согласно требованіямъ дипломатіи.

Что касается армянъ, то судьба ихъ становится все болѣе без-

отрадной и сильнѣе, чѣмъ когда-либо, возбуждаетъ сочувствіе въ Европѣ и особенно въ Англіи. Пока систематическія избіенія армянъ повторялись въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Малой Азіи, можно было еще относиться съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ сообщаемымъ извѣстіямъ и къ колоссальнымъ цифрамъ жертвъ; но теперь рѣзня происходитъ въ Константинополѣ, на глазахъ дипломатовъ, и они имѣютъ печальную возможность лично удостовѣриться въ справедливости обвиненій, казавшихся прежде мало вѣроятными. Порта могла категорически отрицать свою отвѣтственность за участіе мѣстныхъ военныхъ властей въ повальныхъ убійствахъ, когда слухи о такомъ участіи доходили до Европы изъ далекой турецкой Арменіи; можно было предполагать, что мѣстные распорядители избіеній дѣйствовали произвольно, по собственному усмотрѣнію, и скрывали отъ центральнаго правительства истинный характеръ принимаемыхъ „мѣръ". Но какъ отрицать то, чтó дѣлалось публично на улицахъ Стамбула, иногда даже въ присутствіи членовъ иностранныхъ посольствъ? Тотчасъ послѣ захвата оттоманскаго банка армянами появились одновременно въ разныхъ мѣстахъ города вооруженные отряды курдовъ и албанцевъ; они нападали на армянъ и истребляли ихъ совершенно открыто, не встрѣчая никакого противодѣйствія или даже возраженія со стороны находившихся тутъ же турецкихъ офицеровъ; было очевидно, что исполнители были заранѣе подобраны, что они были вполнѣ убѣждены въ одобреніи начальства, и что эта увѣренность ихъ раздѣлялась представителями администраціи. По свидѣтельству корреспондента „Temps", въ толпѣ мусульманъ раздавались крики: „вышелъ приказъ (ираде)!"! Убійцы совершали свое дѣло безъ увлеченія, съ спокойнымъ сознаніемъ исполненнаго долга. Мусульманскіе служители европейцевъ просили у нихъ отпуска наканунѣ, ссылаясь на то, что султанъ позволилъ убивать армянъ въ продолженіе двухъ дней. Садовникъ одного дипломата разсказывалъ съ оттѣнкомъ хвастовства, что ему удалось убить восемь человѣкъ, съ разрѣшенія полиціи. По настоянію пословъ, султанъ повелѣлъ на третій день прекратить кровопролитіе, и одного его слова было достаточно, чтобы очистить улицы отъ варварскихъ полчищъ. Почему это слово не было произнесено раньше? — спрашиваетъ упомянутый корреспондентъ. Факты сами по себѣ слишкомъ краснорѣчивы, чтобы допускать обычные дипломатическіе пріемы оправданія и лавированія. Нельзя было уже ссылаться на законное право усмиренія возставшихъ подданныхъ и на необходимость сохраненія status quo. Два посла, германскій и итальянскій, были свидѣтелями того, какъ убивали беззащитныхъ армянъ у дверей посольствъ, на глазахъ турецкихъ войскъ. Германскій посолъ обратился съ упрекомъ къ офицеру, безучастно

глядѣвшему на эти сцены ужаса и отчаянія; турокъ только пожалъ плечами, какъ бы говоря: „не я распоряжаюсь здѣсь, и не въ моей власти останавливать то, что́ дѣлается“. Представители великихъ державъ рѣшились откровенно изложить свои наблюденія и замѣчанія турецкому правительству. Въ коллективной нотѣ отъ 31-го августа они говорятъ уже не тѣмъ дружескимъ тономъ, въ какомъ принято было до сихъ поръ разговаривать съ Портою. Приводимъ эту ноту почти цѣликомъ, въ виду представляемаго ею особаго интереса.

„Представители великихъ державъ,—сказано въ этой нотѣ,—считаютъ своимъ долгомъ обратить вниманіе Высокой Порты на исключительно серьезную сторону безпорядковъ, недавно обагрившихъ кровью столицу и ея окрестности. Положительными данными обнаружено, что дикія шайки, злодѣйски нападавшія на армянъ и грабившія ихъ дома и лавки, куда онѣ забирались подъ предлогомъ разысканія агитаторовъ, не были случайными скопищами фанатическаго люда, а представляли всѣ признаки спеціальной организаціи, хорошо извѣстной нѣкоторымъ агентамъ власти, если не направляемой ими. Это доказывается слѣдующими обстоятельствами. Шайки выступили одновременно въ различныхъ пунктахъ города при первомъ извѣстіи о занятіи банка армянскими революціонерами, прежде даже чѣмъ полиція и военная сила появились на мѣстѣ безпорядковъ; между тѣмъ Высокая Порта признаетъ, что свѣдѣнія о преступныхъ замыслахъ агитаторовъ были получены ею раньше. Значительная часть людей, входившихъ въ составъ этихъ шаекъ, была одѣта и вооружена одинаковымъ образомъ. Во главѣ ихъ шли или сопровождали ихъ софты, солдаты и даже полицейскіе офицеры, которые не только пассивно смотрѣли на ихъ безчинства, но по временамъ сами принимали въ нихъ участіе. Нѣкоторые начальники сыскной полиціи, по словамъ очевидцевъ, раздавали кинжалы этимъ башибузукамъ и указывали имъ тѣ мѣста, гдѣ слѣдуетъ искать армянъ. Шайки могли свободно передвигаться и совершать свои преступленія безнаказанно на глазахъ войскъ и ихъ офицеровъ, даже въ сосѣдствѣ императорскаго дворца. Одинъ изъ убійцъ, задержанный драгоманомъ одного посольства, заявилъ, что солдаты не имѣютъ права арестовать его; приведенный въ Ильдизъ-кіоскъ, онъ былъ принятъ тамошними служащими, какъ знакомый. Два турка, служившіе у европейцевъ и исчезнувшіе на время безпорядковъ, объяснили по возвращеніи, что они были вызваны и вооружены для участія въ избіеніи армянъ. Эти факты не нуждаются въ комментаріяхъ. Единственное замѣчаніе, которое можно прибавить,—это то, что они напоминаютъ событія въ Анатоліи, и что подобная сила, образуемая на

глазахъ властей и при содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ ихъ агентовъ, становится чрезвычайно опаснымъ оружіемъ. Направляемая сегодня противъ одной національности страны, она можетъ завтра обратиться противъ иностранныхъ колоній или даже противъ тѣхъ, которые допустили организацію этой силы. Представители великихъ державъ полагаютъ себя не въ правѣ скрыть эти факты отъ своихъ правительствъ и признаютъ своимъ долгомъ потребовать отъ Высокой Порты, чтобы происхожденіе указанной организаціи было разслѣдовано, и чтобы вдохновители и главные дѣятели были открыты и наказаны съ примѣрною строгостью. Представители готовы съ своей стороны облегчить разслѣдованіе, сообщивъ всѣ факты, доведенные до ихъ свѣдѣнія очевидцами, и подвергнувъ ихъ спеціальной провѣркѣ".

Европейскіе дипломаты довольно ясно дали понять Высокой Портѣ, что ея игра разоблачена, и что довѣріе державъ безповоротно утрачено ею; они намекнули ей, что считаютъ правительство султана солидарнымъ съ убійцами, и что пора такъ-называемыхъ дружественныхъ переговоровъ и уклончивыхъ разъясненій уже миновала. Недавно еще возможны были толки о дружбѣ той или другой державы съ Турціею; графъ Голуховскій ссылался на эту традиціонную дружбу, когда объяснялъ направленіе и цѣли австрійской политики на Востокѣ. Но мыслимо ли сохранять дружескія отношенія съ правительствомъ, которое обвиняется или подозрѣвается въ сознательной организаціи злодѣйскихъ шаекъ для систематическихъ убійствъ и грабежей? Какъ ни мягко выражаются дипломаты, но изъ словъ ихъ несомнѣнно вытекаетъ заключеніе, что истинные распорядители избіеній принадлежатъ къ числу ближайшихъ совѣтниковъ падишаха. Военныя и полицейскія силы не могли бы дѣйствовать такъ, какъ онѣ дѣйствовали, безъ прямого приказанія свыше; никакія второстепенныя власти или агенты ихъ не могли бы въ столицѣ имперіи самовольно организовать вооруженные отряды и обезпечить имъ пассивное содѣйствіе арміи и полиціи, еслибы не были уполномочены къ тому секретными приказами начальства. Указаніе на то, что убійства совершались близъ султанскаго дворца, и что одинъ случайно задержанный участникъ ихъ былъ встрѣченъ служащими въ этомъ дворцѣ какъ свой человѣкъ, должно было считаться прямымъ и краснорѣчивымъ намекомъ на мѣстопребываніе закулисныхъ вдохновителей рѣзни. За послѣдніе годы управленіе турецкою имперіею все болѣе сосредоточивалось въ Ильдизъ-кіоскѣ; великій визирь, игравшій прежде роль перваго министра, утратилъ всякое значеніе, и эта почетная должность сдѣлалась игрушкою въ рукахъ личныхъ фаворитовъ султана. Придворные и гаремные сановники фактически управляютъ Турціею; они могутъ всегда смѣнить министровъ, не

съумѣвшихъ угодить имъ, и оффиціальное правительство есть въ сущности только пассивный органъ двора Абдулъ-Гамида. Министры ничего не могутъ предпринимать или рѣшать самостоятельно; они не всегда даже знаютъ, какія мѣры и рѣшенія принимаются по собственному ихъ вѣдомству. Всѣмъ памятна исторія перваго крупнаго избіенія армянъ въ Малой Азіи: получивъ извѣстіе объ армянскихъ волненіяхъ, султанъ приказалъ одному изъ приближенныхъ распорядиться, чтобы предполагаемое возстаніе было подавлено въ самомъ зародышѣ посредствомъ безпощадной военной расправы, а когда расправа совершилась и надѣлала слишкомъ много шуму въ Европѣ, онъ такъ разгнѣвался на этого приближеннаго, что тотъ упалъ замертво у его ногъ. Приказъ былъ посланъ мѣстному военному начальству прямо изъ Ильдизъ-кіоска и исполненъ съ буквальною точностью; а министры, съ великимъ визиремъ во главѣ, получили свѣдѣніе объ этомъ распоряженіи какъ о совершившемся фактѣ. Султанъ находилъ, что злополучный паша не долженъ былъ немедленно приводить въ исполненіе высказанную имъ волю; но самый способъ непосредственныхъ сношеній съ мѣстными властями, помимо министровъ и великаго визиря, представлялся ему вполнѣ нормальнымъ и ни въ комъ не возбуждалъ сомнѣній. Позднѣе султанъ убѣдился, что протесты великихъ державъ не идутъ далѣе обычныхъ дипломатическихъ разговоровъ и что они нисколько не опасны для его имперіи; армянскія избіенія стали повторяться тогда въ разныхъ мѣстахъ Анатоліи и принимали все болѣе широкіе размѣры, съ цѣлью радикальнаго умиротворенія страны въ духѣ турецкихъ традицій. Дипломатія долго дѣлала видъ, что смотритъ на совершаемыя звѣрства только какъ на слишкомъ суровыя мѣры укрощенія революціонныхъ элементовъ, или какъ на злоупотребленія мѣстныхъ начальствъ, поддерживаемыя самобытнымъ фанатизмомъ туземныхъ мусульманъ и въ особенности курдовъ. Портѣ давались совѣты ввести извѣстныя реформы, которыми она сама ограничивала бы свои полномочія; ее старательно успокаивали относительно намѣреній великихъ державъ, отклоняя всякую мысль объ активномъ вмѣшательствѣ и о нарушеніи верховныхъ правъ султана. Англія проявляла наибольшій интересъ къ участи армянъ и готова была настоятельно требовать прекращенія повальныхъ убійствъ; но она вызвала противъ себя недовѣріе другихъ государствъ и осталась одинокою въ своихъ попыткахъ энергическаго воздѣйствія на Турцію. Султанъ и его совѣтники могли не обращать вниманія на Англію; ихъ утѣшала и ободряла континентальная Европа, которая устами австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ выражала неизмѣнную рѣшимость охранять оттоманскую имперію отъ внѣшнихъ посягательствъ и уважать ея пре-

словутый status quo. Туркамъ было предоставлено въ концѣ-концовъ поступать съ армянскою народностью какъ имъ заблагоразсудится, и они пользовались этою возможностью безпрепятственно; они постепенно, по мѣрѣ силъ, истребляли неудобныхъ подданныхъ султана, а христіанская Европа отъ времени до времени повторяла свои невинныя увѣщанія, вмѣстѣ съ увѣреніями въ своихъ хорошихъ чувствахъ къ турецкому правительству. При такихъ условіяхъ продолжительная дипломатическая кампанія только ухудшала фактическое положеніе армянъ. Кровавыя сцены, разыгравшіяся въ самомъ Константинополѣ, положили предѣлъ упорному оптимизму дипломатіи. Представители культурныхъ націй увидѣли на дѣлѣ, что Турція по-своему понимаетъ ихъ миролюбивую сдержанность и оффиціальную дружбу; они были вынуждены, наконецъ, коллективно формулировать обвиненіе, которое прежде высказывала и поддерживала одна Англія.

Чтó могла отвѣтить Порта на столь прозрачно поставленный вопросъ о соучастіи ея въ преступленіяхъ, совершаемыхъ баши-бузуками? Она могла бы сказать: „такова всегдашняя турецкая система укрощенія непокорныхъ христіанъ, и уличать насъ въ этой вѣрности старымъ завѣтамъ и примѣрамъ—довольно странно". Порта имѣла бы также поводъ повернуть дѣло иначе и принять тонъ настоящей великой державы: она могла откровенно признать печальные факты бездѣйствія или косвеннаго содѣйствія войска и полиціи, сослаться на естественные порывы мусульманскаго патріотизма и обѣщать съ своей стороны произвести строгое слѣдствіе о виновникахъ избіеній, хотя бы въ дѣло замѣшаны были вліятельныя и высокопоставленныя лица. Такой „благородный" отвѣтъ, по всей вѣроятности, обезоружилъ бы дипломатію и возбудилъ бы восторженныя похвалы туркофильскихъ кружковъ; но это было бы уже слишкомъ явное глумленіе надъ довѣрчивостью Европы, такъ какъ руководящая роль Ильдизъ-кіоска въ принимаемыхъ мѣрахъ и распоряженіяхъ ни для кого не составляла тайны въ Константинополѣ. Притомъ даже словесное только допущеніе возможной отвѣтственности лицъ, исполнявшихъ приказы свыше, было бы оскорбительно для султана и его приближенныхъ. Порта выбрала другой, болѣе вѣрный и давно испытанный путь; она просто отрицаетъ безспорные, общеизвѣстные факты, засвидѣтельствованные иностранными посольствами и ихъ драгоманами, и противопоставляетъ имъ разсказы собственнаго сочиненія, по смыслу которыхъ всѣ убитые и пострадавшіе были вполнѣ достойны смертной казни. Порта готова даже утверждать, что истинными жертвами были турки, а не армяне. Въ циркулярной депешѣ къ своимъ представителямъ за границею она заявляетъ, что 236 ту-

рецкихъ офицеровъ и солдатъ было ранено во время послѣднихъ безпорядковъ и что почти столько же было убито. Телеграфному агентству Рейтера сообщено изъ турецкаго оффиціальнаго источника, что въ Константинополѣ никто не понимаетъ „дикой ярости, овладѣвшей частью англійской печати по поводу анархистскихъ покушеній армянскихъ революціонеровъ“. Дѣйствія армянъ отнесены къ разряду подвиговъ „гигантской разбойничьей лиги противъ всякой законно установленной власти въ Европѣ“ и напоминаютъ будто бы планы ирландскихъ динамитчиковъ, направленные противъ Англіи двадцать лѣтъ тому назадъ. Если же мирные армянскіе обыватели подвергаются гдѣ-нибудь неожиданнымъ бѣдствіямъ, то только по собственной винѣ; они сами грабятъ себя и убиваютъ, чтобы причинить непріятность турецкимъ властямъ. Классическая въ этомъ родѣ телеграмма приведена въ „Times“: „Въ Эгіи армяне, подъ вліяніемъ неосновательнаго опасенія безпорядковъ, сожгли и покинули свои жилища и пытались защитить себя баррикадами на холмахъ близъ города. Императорскія войска, посланныя къ нимъ съ цѣлью убѣдить ихъ вернуться домой, подверглись съ ихъ стороны нападенію и стрѣльбѣ“. Дѣло излагается въ такомъ тонѣ, какъ будто рѣчь идетъ о чемъ-то вполнѣ естественномъ и обыкновенномъ: армяне неосновательно сами себя напугали, сами себя подожгли, добровольно бѣжали изъ города, устроили себѣ защиту отъ небывалыхъ враговъ, а реальные враги, въ видѣ турецкихъ войскъ, направляются къ нимъ только для того, чтобы разсѣять ихъ напрасныя опасенія и уговорить ихъ спокойно возвратиться во-свояси; между тѣмъ коварные армяне принимаютъ этихъ доброжелательныхъ друзей за непріятелей, сами нападаютъ на нихъ и угощаютъ выстрѣлами. Выходитъ, что сначала армяне изъ чрезмѣрной трусости убѣгаютъ изъ города, а потомъ съ замѣчательною смѣлостью совершаютъ нападеніе на миролюбивую императорскую армію; изъ воображаемыхъ жертвъ они становятся дѣйствительными преступниками, съ которыми надо по неволѣ расправиться по всей строгости военныхъ законовъ. Императорская армія вынуждена была прибѣгнуть къ оружію для собственной своей обороны; она должна была стрѣлять въ напавшую на нее толпу, а въ разгарѣ борьбы нельзя было разбирать, въ кого попадаютъ удары; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ результатѣ получается извѣстіе объ истребленіи части населенія, съ женщинами и дѣтьми, въ такой-то мѣстности. Такъ объясняется большинство армянскихъ избіеній, съ точки зрѣнія Высокой Порты. То же самое было, очевидно, и въ Константинополѣ. Горсть армянскихъ революціонеровъ захватила банкъ; масса армянскихъ торговцевъ и ремесленниковъ одновременно въ разныхъ

частяхъ города накинулась на безобидные отряды вооруженныхъ курдовъ и заставила ихъ защищаться; войско и полиція, при видѣ того, какъ армяне обижали турокъ и курдовъ, предоставили послѣднимъ принимать мѣры необходимой обороны; отсюда рядъ кровопролитій, въ которыхъ виноваты исключительно армяне.

Порта не передаетъ хода константинопольскихъ событій въ такомъ видѣ только потому, что безцѣльно было разсказывать подобныя вещи представителямъ великихъ державъ въ Константинополѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ дѣйствительно происходившей рѣзни. Армянское населеніе Стамбула было поражено извѣстіемъ о захватѣ банка гораздо болѣе, чѣмъ сами турки; оно совершенно не было подготовлено къ охранѣ своей безопасности, и этотъ ужасъ неожиданности среди армянъ бросался всѣмъ въ глаза во время разыгравшихся волненій. Всѣ вообще армяне внезапно очутились внѣ закона; ихъ настигали повсюду, гдѣ они показывались. Турецкое правительство серьезно считало, что вся армянская народность подлежитъ жестокой расправѣ за преступленія отдѣльныхъ армянскихъ революціонеровъ. Въ угоду западно-европейской дипломатіи назначены были чрезвычайные суды для разбора дѣлъ о незаконныхъ убійствахъ и грабежахъ; но до сихъ поръ еще ни одинъ мусульманинъ не признанъ виновнымъ, тогда какъ аресты и ссылки армянъ продолжаются съ усиленною энергіею. Недавно еще судъ оправдалъ двухъ жандармовъ, которые убили двухъ безоружныхъ армянъ въ Терапіи. Въ послѣдніе дни, по словамъ „Times", вновь арестовано болѣе трехъ тысячъ армянъ. Судьба всѣхъ этихъ арестованныхъ и сосланныхъ никому неизвѣстна. Перспектива попасть въ руки турецкаго такъ-называемаго правосудія побуждаетъ многихъ армянъ рисковать жизнью и искать спасенія въ иностранныхъ посольствахъ; дипломаты дѣлаютъ что̀ могутъ, но физически не въ состояніи дать у себя убѣжище всѣмъ желающимъ; они отправляютъ многія сотни спасенныхъ за предѣлы Турціи, подъ своею охраною, — преимущественно въ Грецію и Болгарію. Что̀ будетъ дальше? Имѣя предъ собою всѣ бѣдствія турецкаго режима, представители Европы поставлены еще въ необходимость поддерживать мирныя отношенія съ виновниками этихъ безобразій, бесѣдовать съ ними на равныхъ правахъ о политикѣ и выслушивать ихъ увѣренія, что толпы пострадавшихъ армянъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, состоятъ сплошь изъ анархистовъ и динамитчиковъ, которыхъ не щадятъ и въ культурной Англіи. Такъ или иначе, дипломаты должны еще вести переговоры съ правительствомъ, которое не стѣсняется, посылать шайки башибузуковъ противъ безоружнаго населенія своей собственной столицы. Порта смѣется надъ ними и ихъ увѣщаніями, безъ всякихъ

церемоній; она находитъ готовые отвѣты на самыя тяжелыя обвиненія и относится съ полнымъ равнодушіемъ къ тому, чтò думаютъ и говорятъ о ней иноземцы.

Возможно ли достигнуть чего-нибудь для несчастныхъ подданныхъ этого государства при помощи дружескихъ убѣжденій и совѣтовъ? Дипломаты ясно видятъ и чувствуютъ, что это невозможно, и тѣмъ не менѣе они вынуждены въ сотый разъ повторять свои ходатайства и доводы, свои напоминанія и требованія, безъ малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ. Они могутъ еще добиться уступокъ, когда дѣло идетъ объ автономіи точно опредѣленной и ограниченной мѣстности, въ родѣ острова Кандіи; дорого стоющая возня съ періодическими возстаніями и замѣшательствами вызываетъ тогда естественную готовность промѣнять номинальныя права на положительныя выгоды, представляемыя полученіемъ правильной ежегодной дани безъ хлопотъ и заботъ. Но положеніе армянъ подъ турецкимъ владычествомъ тѣмъ именно и безнадежно, что они не занимаютъ точно опредѣленной территоріи, которую можно было бы выдѣлить изъ состава оттоманскихъ владѣній, безъ ущерба для остальной имперіи; самая мысль объ армянской автономіи, о которой много говорилось въ свое время, не можетъ быть предметомъ серьезнаго дипломатическаго обсужденія, пока не поставленъ на очередь вопросъ о раздѣлѣ Турціи. О добровольномъ согласіи турокъ на созданіе особой турецкой Арменіи нечего и думать, а предпринимать ради этого общую европейскую войну было бы безуміемъ, тѣмъ болѣе, что далеко не для всѣхъ великихъ державъ было бы желательно образованіе особаго армянскаго государства. Разбросанность армянъ въ разныхъ областяхъ страны, въ перемежку съ мусульманскимъ населеніемъ, превращаетъ армянскій вопросъ въ обще-турецкій—въ вопросъ о судьбѣ подданныхъ султана вообще, при убійственномъ традиціонномъ способѣ управленія оттоманскою имперіею. Такимъ образомъ, армянскій кризисъ существенно отличается отъ критскаго, и онъ не можетъ разрѣшиться тѣмъ путемъ, какой оказался пригоднымъ для послѣдняго. Въ этомъ и заключается мучительный характеръ вопроса, и въ этомъ же—великая трудность задачи, озабочивающей дипломатію. Преобразовать турецкій режимъ въ духѣ твердой законности и порядка—немыслимо, и всякіе толки о турецкихъ реформахъ останутся безплодными. Армянамъ, какъ и прочимъ христіанскимъ обитателямъ Турціи, приходится ждать распаденія оттоманской имперіи и образованія на ея развалинахъ новыхъ самостоятельныхъ государствъ, или раздѣла ея между культурными европейскими державами.

Но въ ожиданіи этого будущаго великія христіанскія націи не могутъ смотрѣть, сложа руки, на кровавыя безчинства, совершаемыя

систематически правительствомъ турецкаго султана. Необходимость предпринять сообща что-нибудь болѣе реальное, чѣмъ обычныя дипломатическія увѣщанія, сознается съ особенною силою въ Англіи, гдѣ общественная совѣсть издавна отличается наибольшею чуткостью. Англійское общественное мнѣніе волнуется по поводу армянскихъ бѣдствій столько же, сколько въ былое время волновалось по поводу болгарскихъ звѣрствъ, и теперь, какъ и тогда, неутомимымъ выразителемъ возмущеннаго человѣческаго чувства является „великій старецъ“, самый авторитетный и популярный изъ живущихъ государственныхъ людей Англіи и Европы. Энергія и свѣжесть чувства, умственная бодрость и неустанная дѣятельность этого великаго человѣка, которому скоро исполнится 87 лѣтъ отъ роду, представляютъ своего рода чудо природы. Почти ежедневно печатаются въ англійскихъ газетахъ его письма къ разнымъ лицамъ, въ отвѣтъ на ихъ обращенія къ нему по текущимъ вопросамъ политики и преимущественно по армянскому вопросу; онъ произноситъ рѣчи, которыя становятся событіями, и его могущественный голосъ будитъ общественное сознаніе культурныхъ народовъ съ неотразимою силою. Стоя уже у края могилы, не принимая болѣе никакого участія въ политическихъ дѣлахъ своей страны и своей партіи, онъ всецѣло отдается благороднѣйшимъ порывамъ своей натуры и выступаетъ горячимъ борцомъ человѣчности въ лучшемъ и высшемъ смыслѣ этого слова. Гладстонъ ставитъ вопросъ рѣзко и круто; онъ не допускаетъ никакихъ компромиссовъ съ вопіющими безобразіями турецкаго управленія и энергически протестуетъ противъ внутренней лжи, характеризующей отношенія христіанскихъ державъ съ „великими убійцами“, господствующими на берегахъ Босфора. Онъ требуетъ не войны и не насилія, а только прямого, откровеннаго отреченія отъ дружественныхъ связей съ злодѣями, позорящими человѣческое имя своимъ звѣрскимъ фанатизмомъ. Европа не должна относиться къ Турціи какъ къ правильному и законному государству, и не должна признавать султана дѣйствительнымъ государемъ и правителемъ. Турція есть только варварская орда, подавляющая своимъ безмысленнымъ гнетомъ подвластное населеніе и заглушающая всякую жизнь въ прекраснѣйшихъ мѣстностяхъ земного шара; правитель ея есть только „великій убійца“, и Гладстонъ иначе не называетъ его, какъ „the Great Assassin“ или просто „the Assassin“. Эти идеи онъ развивалъ между прочимъ въ замѣчательной рѣчи, произнесенной 24-го сентября (нов. ст.) на многолюдномъ митингѣ въ Ливерпулѣ. По его мнѣнію, надо отказаться отъ надежды сдѣлать что-нибудь въ защиту христіанскихъ подданныхъ Турціи при помощи мирныхъ дипломатическихъ переговоровъ и проектовъ; всѣ

усилія дипломатіи въ Константинополѣ ни къ чему не приведутъ и не могутъ привести, пока существуетъ турецкая имперія. Гладстонъ совѣтуетъ прекратить мирныя сношенія съ Портою, такъ какъ эти сношенія унижаютъ достоинство христіанскихъ государствъ и народовъ. Онъ ставитъ политическій вопросъ на почву морали, и еслибы европейскіе кабинеты могли отрѣшиться отъ соображеній взаимнаго соперничества и недовѣрія, отъ разсчетовъ національнаго честолюбія и эгоизма, то эта постановка восточнаго вопроса была бы единственно правильная и разумная. Дипломатическій разрывъ съ Турціею имѣлъ бы практическое значеніе, еслибы онъ послѣдовалъ по общему согласію державъ и еслибы взамѣнъ дипломатіи употреблены были другіе способы воздѣйствія на турецкое правительство; но при отсутствіи этихъ двухъ условій, проектъ Гладстона не достигъ бы ни одной изъ предположенныхъ цѣлей. Рѣшимость Англіи прекратить сношенія съ султаномъ и его совѣтниками не была бы для нихъ грознымъ ударомъ, а скорѣе, напротивъ, могла бы показаться облегченіемъ для турокъ, такъ какъ избавила бы ихъ отъ стѣснительной британской опеки; а подданные Турціи лишились бы дѣятельныхъ и настойчивыхъ заступниковъ. Но несомнѣнно одно, что сношенія Европы съ Портою должны носить другой характеръ, чѣмъ взаимныя связи равноправныхъ культурныхъ государствъ, и что оффиціальная дружба съ турецкими правителями должна разъ навсегда исчезнуть изъ дипломатическаго лексикона и изъ дипломатической практики.

Въ сущности, вопросы соперничества на Востокѣ не затрогиваются въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается судьбы милліоновъ человѣкъ, относительно которыхъ ни одна держава не можетъ имѣть какихъ-либо эгоистическихъ цѣлей. Никто не претендуетъ на пріобрѣтеніе армянъ отъ Турціи, но всѣ, по долгу человѣчности, заинтересованы въ томъ, чтобы армяне не подвергались звѣрскимъ расправамъ и избіеніямъ. Ни одной изъ великихъ державъ не нужны и остальныя народности и области нынѣшней турецкой имперіи, а Константинополь едва ли кому достанется уже потому, что слишкомъ много есть на него претендентовъ. Согласившись признать теперешнюю турецкую столицу самостоятельнымъ „вольнымъ городомъ" подъ общимъ покровительствомъ Европы, европейскіе кабинеты легко достигли бы мирнаго и справедливаго рѣшенія всѣхъ остальныхъ задачъ, связанныхъ съ вопросомъ о турецкомъ наслѣдствѣ. Эти задачи и вопросы, быть можетъ, менѣе трудны, чѣмъ то кажется съ перваго взгляда, и вѣроятно восточный кризисъ былъ бы давно разрѣшенъ съ пользою для человѣчества, еслибы вездѣ и всегда руководили внѣшнею политикою такія свѣтлыя и исключительныя личности, какъ Гладстонъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1896.

— В. П. Вахтеровъ. Внѣшкольное образованіе народа. Сельскія библіотеки. Книжные склады. Воскресныя школы и повторительные классы. М. 1896.

Имя В. П. Вахтерова извѣстно читателямъ „Вѣстника Европы"; мы не одинъ разъ имѣли случай упоминать о его почтенныхъ трудахъ по вопросу народнаго образованія: это — одинъ изъ убѣжденныхъ и ревностныхъ друзей народной школы. Въ настоящей книжкѣ собрано много свѣдѣній о тѣхъ вспомогательныхъ средствахъ народнаго образованія, которыя служатъ дополненіемъ и развитіемъ школы, какъ сельскія библіотеки, книжные склады, воскресныя школы и повторительные классы. Въ началѣ книжки авторъ говоритъ о высокомъ значеніи, какое имѣетъ книга для народа: „воспитательное значеніе книги въ деревнѣ громадно", — говоритъ онъ;—люди образованные, для которыхъ привычно самое разнообразное чтеніе, не могутъ судить по себѣ о томъ, какое дѣйствіе производитъ хорошая книга на свѣжаго деревенскаго читателя: „всякій, кто наблюдалъ за чтеніями въ деревнѣ; кто видѣлъ, съ какимъ трепетомъ сердечнымъ слѣдятъ деревенскіе читатели за терзаніями героя разсказа, съ какимъ восторгомъ узнаютъ они о его удачахъ; кто слышалъ этотъ искренній, неудержимый, гомерическій хохотъ деревенской аудиторіи, когда положеніе дѣйствующихъ лицъ разсказа становится комичнымъ, видѣлъ эти слезы наиболѣе впечатлительныхъ слушателей, сопровождаемыя вздохами и восклицаніями другихъ, при талантливомъ воспроизведеніи какого-нибудь печальнаго событія; кто слышалъ сужденія крестьянъ по поводу просто и толково прочитаннаго,—тотъ знаетъ, что, при хорошемъ чтецѣ, талантливая, интересная и доступная пониманію народа книга оставляетъ неизгладимый слѣдъ въ душѣ простолюдина, входитъ въ его міровоззрѣніе, становится замѣтнымъ факторомъ въ его духовной жизни и, возбуждая и направляя его мысль,

въ то же время сильно дѣйствуетъ и на его чувство". Авторъ припоминаетъ забытый анекдотъ, который дѣйствительно передаетъ чрезвычайно характерно то впечатлѣніе, какое хорошая книга можетъ произвести на читателя, который не избалованъ чтеніемъ и со всей непосредственностью воспринимаетъ дѣйствіе книги. „Извѣстный ученый Гершель приводитъ любопытный разсказъ, живо рисующій удовольствіе, получаемое народомъ при чтеніи книгъ. Въ одной деревнѣ въ Англіи кузнецъ случайно досталъ одинъ изъ романовъ Ричардсона и читалъ его громко передъ многочисленнымъ обществомъ, сидя на своей наковальнѣ, въ длинные лѣтніе вечера. Извѣстно, что этотъ романъ далеко не изъ короткихъ, но онъ былъ выслушанъ до конца; когда же послѣ многочисленныхъ приключеній герой сходится, наконецъ, со своей возлюбленной, и авторъ предрекаетъ имъ счастливую и долгую семейную жизнь, то слушатели пришли въ такое восхищеніе отъ благополучнаго конца романа, что принялись изъявлять свой восторгъ громкими криками и, добывъ ключи отъ деревенской колокольни, начали звонить въ колокола, какъ въ праздничный день".

Каждый годъ однѣ школы, находящіяся въ вѣдомствѣ министерства просвѣщенія, выпускаютъ до нѣсколько сотъ тысячъ учениковъ; въ 1895 году число ихъ дошло до 600 тысячъ, а вмѣстѣ съ учениками школъ другихъ вѣдомствъ авторъ считаетъ все число ихъ до 800 тысячъ грамотныхъ. Почти всѣ они еще въ школѣ пріобрѣтаютъ привычку къ чтенію, и степень этой потребности указывается огромною массой лубочныхъ изданій, идущихъ именно въ народъ. Отсюда необходимость сельскихъ библіотекъ.

„Разумное удовлетвореніе этой жажды народной къ чтенію,—говоритъ авторъ,—составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ и притомъ неотложныхъ задачъ нашей интеллигенціи. И до тѣхъ поръ, пока въ народной средѣ не будетъ обращаться достаточно много хорошихъ по содержанію и изложенію книгъ, на нашемъ образованномъ человѣкѣ будетъ лежать отвѣтственность за то, что простой народъ и до сихъ поръ въ огромномъ большинствѣ случаевъ читаетъ произведенія, разсчитанныя на низменные инстинкты читателей" (стран. 6). Здѣсь мы опять замѣтили бы только, что слѣдовало бы болѣе опредѣлительно говорить о „задачахъ нашей интеллигенціи". Намъ не однажды случалось объяснять, къ какимъ нежелательнымъ недоразумѣніямъ приводило это выраженіе. У насъ привыкли употреблять слово „интеллигенція", какъ будто оно означаетъ какой-нибудь опредѣленный классъ, когда въ дѣйствительности такого опредѣленнаго класса не существуетъ: есть вообще люди, болѣе или менѣе образованные, и какую-нибудь сборную „интеллигенцію" (ко-

торой предъявляются „задачи“) они могутъ составить лишь тогда, когда находятся въ какой-нибудь организаціи, и говоря о „задачахъ“, должно было бы необходимо разумѣть такую организацію и какое-либо право этой организаціи. Безъ этого слово „интеллигенція“ становится пустымъ звукомъ. Такимъ организованнымъ кружкомъ образованныхъ людей было, напримѣръ, въ шестидесятыхъ годахъ педагогическое общество, но существованіе его было прекращено простымъ распоряженіемъ гр. Д. А. Толстого; другой, долго и плодотворно дѣйствующей организаціей былъ комитетъ грамотности въ вольно-экономическомъ обществѣ, но и онъ долженъ былъ прекратить свое существованіе. Къ счастію среди образованныхъ людей несмотря на эти испытанія не охладѣваетъ ревность къ дѣлу, которое есть дѣло истинно великаго національнаго значенія.

Книга г. Вахтерова представляетъ собраніе свѣдѣній объ упомянутыхъ средствахъ народнаго образованія, извлеченныя изъ тѣхъ отвѣтовъ, какіе вызваны были московской коммиссіей по воскреснымъ школамъ, разославшей циркуляръ о сельскихъ библіотекахъ, воскресныхъ и вечернихъ школахъ и книжныхъ складахъ. Коммиссія получила 182 сообщенія отъ земствъ, училищныхъ совѣтовъ, инспекторовъ народныхъ училищъ, законоучителей и преподавателей народныхъ школъ. Свѣдѣнія получились довольно разнообразныя. Въ однихъ мѣстахъ дѣло стоитъ хуже, въ другихъ лучше, кое-гдѣ оно поставлено самымъ разумнымъ и желательнымъ образомъ—въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій, того или другого отношенія земствъ къ вопросу народнаго образованія, большей или меньшей ревности къ дѣлу отдѣльныхъ лицъ и т. п. Въ цѣломъ получается впечатлѣніе чрезвычайно отрадное въ томъ отношеніи, что вездѣ, гдѣ дѣло школы, сельской библіотеки, книжнаго склада, поставлено нѣсколько разумно и практично, оно встрѣчало самое живое, нерѣдко восторженное сочувствіе... Упомянутая московская коммиссія въ 1895 году черезъ волостныя правленія собрала свѣдѣнія о внѣшкольномъ образованіи народа, и оказалось, что въ 43 волостяхъ открыты библіотеки по иниціативѣ самихъ крестьянъ, а въ 134 составлены приговоры объ открытіи библіотекъ. Какое впечатлѣніе производятъ чтенія на деревенскихъ слушателей, объ этомъ есть уже достаточно показаній; много ихъ собрано и въ настоящей книгѣ. Одному изъ такихъ чтецовъ для народа, читавшаго сказку о рыбакѣ и рыбкѣ, пѣсню о царѣ Иванѣ Васильевичѣ и т. п., говорили напр.: „ужъ ты больно гоже читаешь, — вѣдь нонѣ такіе народы къ тебѣ пришли сюда, которые, можетъ, цѣлый годъ изъ хаты не вылѣзали: старики древніе“ (стр. 348).

Приводя по упомянутымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ москов-

скомъ комитетѣ грамотности, авторъ извлекаетъ изъ нихъ практическія указанія о томъ, какъ наиболѣе цѣлесообразно могли бы устроиваться всѣ эти пособія для внѣшкольнаго образованія народа. Понятно, что эти указанія могутъ быть чрезвычайно полезны для всѣхъ тѣхъ, кто работаетъ въ народной школѣ, и для тѣхъ лицъ земской и оффиціальной администраціи, которыя желали бы принести пользу дѣлу народнаго образованія.

— Экономическая оцѣнка народнаго образованія. Очерки И. И. Янжула, А. И. Чупрова и Е. Н. Янжулъ. Съ приложеніемъ извлеченій изъ докладовъ на второмъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, происходившемъ въ Москвѣ, въ 1895—96 гг., Л. Л. Гавришева, П. М. Шестакова, Ф. А. Данилова и А. В. Горбунова. Спб. 1896. (Въ пользу школъ Имп. Русскаго Техническаго Общества).

Эта книжка образовалась слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ нынѣшняго года предсѣдатель постоянной коммиссіи по техническому образованію обратился къ проф. Янжулу съ просьбой о разрѣшеніи воспользоваться его статьей: „Значеніе образованія для успѣховъ промышленности и торговли“, напечатанной въ книжкахъ „Недѣли“, для журнала Техническаго Общества. Давъ на это свое согласіе, г. Янжулъ предложилъ коммиссіи издать цѣлый сборникъ статей по тому же вопросу, включивъ въ него и доклады, обсуждавшіеся на второмъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію 1895—96 гг. въ Москвѣ. Книжку удалось издать безвозмездно, благодаря пожертвованіямъ гг. Варгунина, Голике и Скороходова, и по желанію участниковъ изданія, гг. Янжула, Чупрова и пр.; доходъ отъ изданія долженъ поступить въ пользу школъ Техническаго Общества.

„Настоящая книга,—читаемъ мы въ предисловіи,—представляетъ собой сборникъ, во-первыхъ, трехъ статей, разнородныхъ по содержанію и принадлежащихъ тремъ авторамъ, но одинаковыхъ по своей цѣли и задачѣ: собрать посильно воедино всевозможные аргументы *экономическаго* характера на пользу народнаго образованія и тѣмъ самымъ дать хотя бы самый слабый толчокъ разрѣшенію этого кардинальнѣйшаго вопроса всей русской народной жизни... Можетъ быть, на это нѣкоторые возразятъ, что польза образованія давно уже сдѣлалась прописною истиной, которую поэтому излишне повторять... Замѣчаніе—вполнѣ вѣрное, но не менѣе, однако, справедливо и то, что отъ общаго признанія той или иной истины, какъ это доказываетъ ежедневное наблюденіе, и до примѣненія ея сущности къ жизни практической проходитъ обыкновенно много и много лѣтъ; на

этомъ-то основаніи авторы настоящихъ очерковъ полагаютъ, что напоминать указанную выше истину, аргументируя ее съ наиболѣе чувствительной и наглядной для человѣка — съ *экономической* стороны — не только не безполезно, но даже, напротивъ (и особенно у насъ), важно и необходимо".

Къ сожалѣнію, вовсе нельзя сказать, чтобы у насъ „польза образованія давно уже сдѣлалась прописною истиной". Совсѣмъ напротивъ, въ нашей общественной и народной жизни вопросъ состоитъ не въ томъ, что проходятъ многіе годы отъ признанія извѣстной истины до практическаго ея осуществленія; не должно скрывать отъ себя, что самая истина далеко еще не признана. Въ тѣхъ спорахъ, которые уже въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ ведутся между различными теченіями нашего общественнаго мнѣнія, большое мѣсто занимаетъ и споръ о народномъ образованіи. И до сихъ поръ не мало людей, которые относятся къ народной школѣ далеко не дружелюбно и сами сколько могутъ мѣшаютъ ея успѣхамъ или пугаютъ общественное мнѣніе, что народная школа, стоящая нѣсколько выше простой школы грамоты, принесетъ народу только вредъ, подрывая старые добрые нравы. Еще недавно въ „Гражданинѣ" была смѣло высказана мысль, что невѣжественнымъ народомъ легче управлять... Неудобство только въ томъ, что невѣжественный народъ будетъ бѣднѣе и, при страшно возростающей теперь образовательной, экономической и политической конкурренціи народовъ, будетъ отставать отъ другихъ въ поддержаніи своего благосостоянія, а наконецъ и въ матеріальной силѣ. Въ концѣ концовъ окажется, что оставаться невѣжественнымъ для народа прямо опасно.

Статьи, собранныя въ настоящей книгѣ, ставятъ вопросъ не только объ экономической невыгодѣ невѣжества, а напротивъ, о великомъ значеніи образованія для производительности труда и для утвержденія народнаго и государственнаго благосостоянія. Кромѣ упомянутой статьи г. Янжула, въ сборникѣ помѣщена статья А. И. Чупрова: „Знаніе и народное богатство"; статья г-жи Янжулъ: „Вліяніе грамотности на производительность труда", и въ приложеніяхъ нѣсколько докладовъ о томъ же предметѣ, сдѣланныхъ на упомянутомъ съѣздѣ. Всѣ эти статьи исполнены интереса. „Польза образованія" перестаетъ быть только вопросомъ народной нравственности, національнаго достоинства, отвлеченной заботой о просвѣщеніи, но въ довершеніе всего становится вопросомъ цѣлаго національнаго благосостоянія, вопросомъ экономическимъ и финансовымъ. И это понятно уже давно.

И. И. Янжулъ приводитъ чрезвычайно любопытныя данныя, извлеченныя изъ новѣйшихъ экономическихъ и статистическихъ изслѣдо-

ваній о сравнительной цѣнности труда и его интенсивности. Еще Стюартъ Милль приводилъ любопытный фактъ, что русскій трудъ, въ то время крѣпостной и очень дешевый, былъ въ сущности гораздо дороже, напримѣръ, англійскаго, потому что былъ гораздо менѣе интенсивенъ, т.-е. менѣе производителенъ: „Два миддльсекскихъ косца,— говорилъ онъ въ своей „Политической Экономіи",—накашиваютъ въ одинъ день столько же травы, сколько получается отъ труда лишь шестерыхъ русскихъ крѣпостныхъ, почему, несмотря на дороговизну жизненныхъ припасовъ въ Англіи и дешевизну въ Россіи, косьба сѣна англійскому хозяину обходится за то же самое количество полкопѣйки, а русскому—отъ 3-хъ до 4-хъ копѣекъ". Впослѣдствіи тотъ выводъ, что самый дешевый трудъ не есть самый выгодный по результату работы, былъ подтвержденъ на множествѣ разнообразныхъ примѣровъ изъ разныхъ странъ.

„Интенсивность труда,—говоритъ г. Янжулъ,—опредѣляется, во-первыхъ, физической силой рабочаго, которая отчасти зависитъ отъ расы, а частью и питанія, а потому съ теченіемъ времени можетъ подлежать измѣненію, и каждый хозяинъ хорошо знаетъ, что если кормить рабочаго лучше обыкновеннаго и притомъ продолжительное время, то тяжелый трудъ выполняется лучше и быстрѣе. Второе условіе поднятія интенсивности заключается въ искусствѣ рабочаго, которое, въ свою очередь, зависитъ отъ его умственнаго развитія, опредѣляемаго степенью его общаго образованія, его технической подготовки, и частью его ручной опытности или навыка къ извѣстной работѣ. Итакъ, важнѣйшимъ моментомъ при рѣшеніи капитальнаго вопроса объ интенсивности труда, отъ правильной постановки котораго въ значительной степени зависитъ, въ свою очередь, „быть или не быть" всей промышленности,—является *образованіе* народа во всѣхъ его видахъ одинаково, какъ степень его общаго умственнаго развитія, такъ и техническаго или ремесленнаго обученія".

И эта необходимость образованія становится тѣмъ сильнѣе, что мы живемъ въ вѣкъ машинъ и великихъ техническихъ изобрѣтеній. „Когда-то Анакреонъ въ звучныхъ стансахъ воспѣлъ изобрѣтеніе водяной мельницы, какъ великій актъ освобожденія женщины отъ тяжелаго, почти каждодневнаго труда—верченія ручного жернова. За утилизаціей силы воды въ средніе вѣка послѣдовало изобрѣтеніе вѣтряной мельницы; въ прошломъ вѣкѣ паръ поступилъ на службу человѣку, и, наконецъ, на нашихъ глазахъ совершена утилизація великой, еще далеко не изслѣдованной силы—электричества". И распространеніе машинъ идетъ чрезвычайно быстро, такъ что должна увеличиваться и потребность въ умѣніи обращаться съ ними, т.-е. потребность въ извѣстной степени образованія. „Въ 1870 году сила

однихъ лишь паровыхъ двигателей на земномъ шарѣ разсчитывалась въ 18 милліоновъ лошадиныхъ силъ, а въ настоящее время всѣхъ паровыхъ двигателей (собственно въ 1890 г.) предполагается уже болѣе 60 мил. лошадиныхъ силъ (изъ нихъ ²/₃ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Америки),—или, полагая каждую лошадиную силу равной 4-мъ человѣческимъ, получится въ результатѣ, что современное человѣчество въ одномъ только паровомъ двигателѣ обладаетъ какъ бы 250 милліонами рабовъ—послушныхъ и дешевыхъ — для удовлетворенія нуждъ и потребностей всѣхъ людей". Съ другой стороны, давно установлена связь между образованіемъ рабочаго и производительностью его труда, и въ то же время—съ размѣрами заработанной платы. До какой степени при бо́льшемъ образованіи рабочихъ, при бо́льшемъ размѣрѣ заработной платы, а вмѣстѣ съ тѣмъ при бо́льшей производительности труда возростаетъ богатство цѣлой страны, самый поразительный примѣръ этого представляютъ Сѣверо-Американскіе Штаты. Г. Янжулъ приводитъ изъ достовѣрныхъ источниковъ слѣдующія цифры: „Въ прежнее время пальма первенства по общей суммѣ богатства принадлежала Англіи; теперь она должна была уступить это первенство Соединеннымъ Штатамъ—не потому, чтобы Англія стала бѣднѣть, а потому, что богатство Соединенныхъ Штатовъ ростетъ въ гораздо болѣе быстрой прогрессіи. Въ 1840 г. эта цифра національнаго богатства составляла въ Соединенныхъ Штатахъ только четвертую долю англійскаго; въ срединѣ 1860-хъ годовъ она составляла около половины, въ 1880-хъ Сѣверная Америка уже перегнала Англію, а въ 1888 г. національное богатство Англіи и Соединенныхъ Штатовъ представляло цифры въ 8 и въ 12 милліардовъ фунтовъ стерлинговъ. За тотъ же годъ ежегодный приростъ американскаго богатства былъ высчитанъ въ 468 милліоновъ стерлинговъ, или 11.700 милліоновъ франковъ, т.-е. американцы ежегодно лишь увеличиваютъ богатство своей страны на сумму *въ два съ четвертью раза* больше той контрибуціи, которую Германія, послѣ послѣдней побѣдоносной войны, къ общему удивленію, взяла съ Франціи. Понятно, что съ этимъ необычайно возростаетъ производительность промышленнаго труда; но съ экономическимъ богатствомъ возростаетъ и политическое могущество. „Америка еще недавно отбила у Россіи первенство по снабженію Европы сельскохозяйственными продуктами и, повидимому, удержитъ его навсегда; но и ея обрабатывающая промышленность сдѣлала громадные успѣхи, и ея мануфактуры разнаго рода распространены по всему земному шару и немаловажную роль начинаютъ играть даже въ самой Великобританіи". Съ другой стороны,—говоритъ г. Янжулъ,—„мы видѣли недавно и примѣръ политической силы этой страны, имѣющей, какъ

извѣстно, всего лишь 25 тысячъ человѣкъ постояннаго войска: достаточно было ея главѣ, президенту, сказать нѣсколько энергическихъ словъ по адресу Великобританіи,—и на биржахъ произошла паника, а общественнымъ мнѣніемъ такой могущественной державы, какъ Англія, овладѣла тревога".

Гдѣ же причина этого быстраго возвышенія экономическаго благосостоянія и политическаго могущества?

„Этотъ неслыханно быстрый прогрессъ молодой, сравнительно, страны, конечно, какъ и всякое важное и сложное экономическое явленіе, имѣетъ много разнообразныхъ причинъ, но изъ нихъ, нѣтъ сомнѣнія, какъ это признаютъ сами американцы и какъ это оправдывается и подтверждается всѣми обстоятельствами и условіями даннаго факта, одной изъ важнѣйшихъ причинъ является *высокій уровень образованія массъ* и постоянно ростущая у американскаго народа и правительства заботливость и затраты на его дальнѣйшее и дальнѣйшее поднятіе и развитіе, непосредственно ведущее за собой такіе превосходные экономическіе результаты. Ни одна страна по сю сторону Атлантическаго океана не можетъ въ этомъ случаѣ соперничать съ Соединенными Штатами; въ нихъ, во-первыхъ, слишкомъ 23% всего населенія, или почти одна четверть его, находится въ школахъ; всѣ государства Европы, кромѣ маленькой Саксоніи, значительно отстали (Англія 16%, Францція 15%, Австрія 13%), и ни одно не въ состояніи затрачивать такую колоссальную массу денегъ— до 143 милл. дол., или свыше 250 милл. бумажн. рублей, на однѣ лишь общенародныя школы... Каковы же результаты этихъ огромныхъ затратъ на дѣло народнаго образованія во всѣхъ его видахъ въ Америкѣ? Американцы поставили себѣ за правило, какъ видимъ, въ своей бюджетной политикѣ, что каждая лишняя копѣйка, отпущенная на образованіе, непремѣнно принесетъ тому же народу въ будущемъ цѣлые рубли. И дѣйствительно, они не обманулись въ своихъ разсчетахъ: благодаря широкому доступу къ образованію, американская нація превратила свои рабочіе классы въ представителей наиболѣе интенсивнаго труда на свѣтѣ и тѣмъ создала свою обширную индустрію и экономическое могущество. Общее образованіе и развитіе народа—вотъ истинные источники ея колоссальнаго богатства, которое заставляетъ всѣхъ удивляться".

Американскія экономическія отношенія г. Янжулъ знаетъ и по личному наблюденію; точно также по личному наблюденію онъ знаетъ промышленную и торговую практику Германіи и приводитъ чрезвычайно интересныя указанія о томъ, какое обширное образованіе служитъ средствомъ для экономическаго процвѣтанія,—но онъ приводитъ и другое личное наблюденіе: „всего лишь какихъ-нибудь де-

сять лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою московскимъ фабричнымъ инспекторомъ, одной крупной бумагопрядильней въ московскомъ уѣздѣ, напримѣръ, завѣдывалъ долго бывшій дворникъ, другою—бывшій мелочной лавочникъ... Наконецъ, я долженъ констатировать даже тотъ печальный фактъ, что въ то время мнѣ неоднократно между владѣльцами фабрикъ встрѣчались прямо лица, которыя не могли подписать свое имя подъ оффиціальными документами, и требовалась для того посторонняя помощь".

Въ заключеніи статьи г. Янжулъ приводитъ слова англійскаго экономиста Маршалля: „нѣтъ расточительности болѣе зловредной для роста народнаго благосостоянія, чѣмъ то небреженіе, которое дозволяетъ генію, имѣющему родиться въ необразованныхъ классахъ народа, по недостатку обученія, истратиться на низменный видъ труда и такимъ образомъ пропасть для интереса всего человѣчества". Самъ авторъ вѣруетъ, что и для нашего отечества наступитъ пора высокаго народнаго образованія: „Высокая важность образованія для самыхъ существенныхъ условій общаго благосостоянія должна опредѣлить и наше отношеніе ко всякому труду, ко всякому усилію, потраченному прямо или косвенно на содѣйствіе дѣлу народнаго просвѣщенія: можно быть твердо увѣреннымъ, что нѣтъ дѣла полезнѣе или плодотворнѣе и нѣтъ труда почетнѣе и достойнѣе уваженія... Я искренно вѣрю, что то положеніе, которое такъ часто повторяется у насъ послѣднее время въ Россіи—о необходимости поднять образованіе, сдѣлать его *въ дѣйствительности* общедоступнымъ и всенароднымъ, не пройдетъ зря, а скоро созрѣетъ и принесетъ свои плоды, и самый скромный труженикъ на поприщѣ народнаго образованія можетъ быть покоенъ, что и его трудъ послужитъ однимъ изъ тѣхъ многихъ-многихъ милліоновъ кирпичей, изъ коихъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, будетъ воздвигнуто величественное зданіе Россіи,—Россіи уже страны образованной,—Россіи, въ которой каждый человѣкъ войдетъ въ жизнь черезъ школьныя двери... А будетъ Россія *образована*, будетъ и *богата*".

Столь же обилуетъ фактами и столь же любопытна статья г. Чупрова и статья г-жи Янжулъ. Въ приложеніи помѣщено нѣсколько графическихъ изображеній, въ которыхъ наглядно представлены: сравнительное богатство главнѣйшихъ европейскихъ странъ и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; паровая сила, которою они владѣютъ; потребленіе мяса; народное образованіе; средняя рабочая плата; среднее производство на каждаго рабочаго. Нельзя безъ прискорбія видѣть, что даже въ первой рубрикѣ Россія, при всей обширности своей территоріи и ея природныхъ богатствъ и при всей многочисленности населенія, занимаетъ только пятое мѣсто послѣ Соединен-

ныхъ Штатовъ, Великобританіи, Франціи и Германіи, а по всѣмъ остальнымъ рубрикамъ она почти неизмѣнно стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ, отставая не только отъ названныхъ богатыхъ странъ, но даже отъ такихъ земель, какъ Швейцарія, Голландія, Швеція, Бельгія, Испанія, Италія. Вообще книжка, изданная Техническимъ Обществомъ, въ высокой степени поучительна.

— А. Коменскаго, Лабиринтъ міра и рай сердца (1623 г.). Съ чешскаго языка перевелъ членъ Нижегородской ученой Архивной Коммиссіи Ѳ. В. Ржича. Нижній-Новгородъ, 1896.

Въ Литературномъ Обозрѣніи было у насъ не однажды указано на тотъ особенный интересъ, который въ послѣдніе годы возбудила личность и дѣятельность знаменитаго чешскаго философа и педагога Коменскаго, особливо въ нашемъ педагогическомъ мірѣ. Въ этомъ интересѣ была нѣкоторая странность въ томъ отношеніи, что онъ явился слишкомъ случайно, по поводу трехсотлѣтняго юбилея его рожденія. Этотъ юбилей, который вызвалъ въ западно-европейской литературѣ глубокія сочувствія къ памяти знаменитаго писателя, отозвался и у насъ: появились переводы сочиненій Коменскаго; „Великая дидактика" появилась въ двухъ или, кажется, въ трехъ переводахъ; составилось общество имени Коменскаго; написано нѣсколько (краткихъ) біографій; историческое значеніе Коменскаго, какъ великаго преобразователя въ области педагогіи, ставилось еще тѣмъ выше, что это былъ славянинъ. Все это было прекрасно, но мы уже въ то время имѣли поводъ сомнѣваться въ томъ, чтобы эти восхваленія сопровождались дѣйствительнымъ пониманіемъ Коменскаго, которое могло выразиться только дальнѣйшимъ развитіемъ его идей въ условіяхъ современной жизни и науки и живымъ примѣненіемъ къ современной практической педагогіи. Изъ того, что̀ говорилось у насъ о Коменскомъ и говорилось, между прочимъ, очень высокопарно, мы не могли извлечь впечатлѣнія, что содержаніе идей Коменскаго было дѣйствительно передумано и усвоено; не хотѣлось предполагать, что это прославленіе Коменскаго останется тѣмъ не менѣе безплоднымъ...

Между прочимъ въ тѣ годы заявлено было, сколько помнимъ, о приготовляемомъ въ Петербургѣ переводѣ одного изъ знаменитѣйшихъ произведеній Коменскаго—„Лабиринтъ свѣта". Этотъ переводъ, кажется, еще не выходилъ, и тѣмъ временемъ вышла книжка, заглавіе которой мы выписали.

„Лабиринтъ свѣта" есть одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній Коменскаго, гдѣ онъ высказалъ въ простой, общедоступной формѣ свои религіозныя вѣрованія и свое ученіе о нравственности;

вмѣстѣ съ тѣмъ это одна изъ любопытнѣйшихъ книгъ въ литературѣ первой половины XVII вѣка. Путникъ проходитъ по лабиринту свѣта и наблюдаетъ всевозможныя формы человѣческой жизни, наблюдаетъ людей всѣхъ религій, всѣхъ государственныхъ и общественныхъ положеній, всѣхъ философскихъ и ученыхъ системъ, и вездѣ видитъ заблужденіе, обманъ, суетность и всякую нравственную погибель и находитъ, наконецъ, миръ и истинное блаженство въ „невидимой церкви", въ общеніи съ Христомъ. Амосъ Коменскій былъ послѣднимъ епископомъ моравскихъ братьевъ, религіозная система которыхъ отразилась потомъ въ общинѣ гернгутеровъ: это—исповѣданіе, построенное не столько на догматѣ, сколько на стремленіи построить жизнь на строгихъ правилахъ христіанской нравственности. Та же нравственная система отразилась и въ воспитательныхъ правилахъ „Великой дидактики"; но въ „Лабиринтѣ свѣта" эти теоретическія положенія примѣняются къ дѣйствительной жизни въ разныхъ ея сторонахъ и ступеняхъ, и въ заключеніе дѣлается призывъ къ той высокой жизни, которая одна спасаетъ отъ неправды и соблазна свѣта.

Это въ различныхъ отношеніяхъ замѣчательное произведеніе заслуживало, конечно, особеннаго вниманія почитателей Коменскаго: оно требовало внимательнаго перевода, а кромѣ того и историческаго объясненія, — потому что современному читателю неизвѣстна среда, въ которой возникло это произведеніе, и не извѣстны бытовыя подробности XVII вѣка, которыя встрѣчаются въ разсказахъ и наставленіяхъ Коменскаго. Надо было ожидать, что книга явится съ этимъ необходимымъ комментаріемъ, что вообще отдано будетъ все должное вниманіе знаменитому памятнику XVII вѣка; но вмѣсто этого мы встрѣчаемъ въ нижегородскомъ изданіи нѣчто очень странное.

Во-первыхъ, книга потеряла ту внѣшнюю форму, которая характерна для изданій того вѣка. Въ тѣ времена любили издавать книги обстоятельно, съ подробнымъ заглавіемъ, съ эпиграфами, посвященіями, предисловіями къ читателю, въ главахъ и параграфахъ, съ подробными указаніями содержанія на поляхъ къ каждому параграфу. Нижегородскій переводчикъ помѣстилъ только посвященіе и предисловіе, но не привелъ даже полнаго заглавія книги и не сохранилъ тѣхъ примѣчаній на поляхъ, которыя въ иныхъ случаяхъ необходимы для самаго пониманія текста. Полное заглавіе книги, въ которомъ обозначается весь ея тонъ и направленіе, было такое (по изданію 1663 года): „Лабиринтъ свѣта и рай сердца, то-есть: ясное изображеніе того, какъ въ этомъ свѣтѣ и всѣхъ его дѣлахъ нѣтъ ничего кромѣ суетныхъ заботъ, смуты и тревоги, обмана и заблужденій, бѣдствія и страха, и напослѣдокъ омерзѣнія всѣмъ и

отчаянія; но кто оставаясь дома въ своемъ сердцѣ запрется съ однимъ Господомъ Богомъ, тотъ одинъ приходитъ къ истинному и полному мысли успокоенію и радости".

Какъ были бы нужны объяснительныя примѣчанія на поляхъ, можно видѣть, напримѣръ, въ главѣ 17, гдѣ изображеніе различныхъ религій большинству читателей будетъ вѣроятно непонятно безъ этихъ объясненій. А именно, въ подлинникѣ къ первому параграфу замѣчено: „язычники"; ко второму: „іудеи" и „выдумки Талмуда"; къ третьему: „магометане"; къ четвертому: „Алкоранъ"; къ пятому: „магометанство стоитъ насиліемъ"; къ шестому: „раздоръ между персами и турками объ Алкоранѣ".

Но все это еще не столь важно, какъ то, что̀ мы встрѣчаемъ на страницѣ 73-й нижегородскаго изданія. Послѣ главы 17-й мы читаемъ подъ-рядъ: „Главы: 18, 19, 20, 21", а затѣмъ идетъ глава 22, что̀ означаетъ, что тѣ четыре главы совсѣмъ опущены въ русскомъ переводѣ. Но эти пропущенныя главы именно характеризуютъ религіозные и общественные взгляды Коменскаго. Въ главѣ 18-й путникъ „наблюдаетъ христіанскую религію"; въ главѣ 19-й „путникъ осматриваетъ состояніе властей"; въ главѣ 20-й—„солдатское сословіе"; въ главѣ 21-й—„рыцарское сословіе",—то-есть, здѣсь изложены взгляды Коменскаго на церковь, государство, войну и аристократію. Кромѣ того, въ главѣ 35 пропущено цѣлыхъ четыре параграфа. Не знаемъ, были ли эти пропуски вынуждены или сдѣланы самимъ переводчикомъ; во всякомъ случаѣ, книга является въ искаженномъ видѣ. Неужели дѣйствительно русская литература наканунѣ двадцатаго столѣтія, послѣ трехсотлѣтняго юбилея Коменскаго, не можетъ вынести благочестивой мечтательности и нравоученія чешскаго мыслителя первой половины XVII вѣка?

Наконецъ, нѣсколько замѣчаній о переводѣ. Сличивъ нѣкоторыя мѣста перевода съ подлинникомъ, мы находили, что переводчикъ вообще относился къ своему дѣлу весьма добросовѣстно. Передача такихъ произведеній, какъ „Лабиринтъ свѣта" (между прочимъ переводчикъ напрасно не удержалъ въ заглавіи этого послѣдняго слова, потому что оно вполнѣ совпадаетъ съ русскимъ), требуетъ особеннаго вниманія. Въ этихъ памятникахъ старой литературы важно не только содержаніе, но и стиль, отражающій какъ личную особенность писателя, такъ литературные пріемы вѣка. Стиль Коменскаго отвѣчаетъ важному настроенію религіознаго дидактика; это стиль сжатый, серьезный, какъ подобаетъ благочестивому поученію, отражающій манеру общераспространеннаго тогда латинскаго ученаго стиля. Переводчикъ очень внимательно сохранялъ эту особенность, но, какъ намъ кажется, нѣсколько преувеличилъ: забота о точности не должна

была дѣлать ущерба ясности и изяществу современной рѣчи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ не умѣлъ справиться съ передачею подлинника и даже оставлялъ цѣликомъ чешскія слова, которыхъ вовсе нѣтъ въ русскомъ языкѣ. Напримѣръ, въ главѣ 17-й авторъ переводитъ: „путникъ смотритъ сословіе набожниковъ"; во-первыхъ, рѣчь идетъ вовсе не о *сословіи*, а о состояніи, о разрядѣ; во-вторыхъ, слова „набожникъ" въ русскомъ языкѣ нѣтъ; надо было сказать просто: состояніе религіи, служителей религіи. Въ главѣ 33, параграфъ 2, царь Соломонъ въ своей рѣчи приводитъ церковно-славянскій текстъ, чтó здѣсь некстати. Не находя русскаго слова, переводчикъ выдумываетъ собственныя, въ русскомъ языкѣ не существующія, напримѣръ: „навеселье" (гл. 32, параграфъ 5, т.-е. состояніе на-веселѣ). Въ главѣ 10, параграфъ 2, поставлена некстати русская пословица. Въ главѣ 11, параграфъ 9, вѣроятно за неимѣніемъ шрифта въ типографіи, греческая фраза переписана русскими буквами, чтó выходитъ весьма безобразно.

— Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія В. Л. Сѣрошевскаго. Изданіе Имп. Р. Географическаго Общества на средства, пожертвованныя А. И. Громовой. Подъ редакціей профессора Н. И. Веселовскаго. Томъ I. Съ 168 рисунками, портретомъ и картой. Спб. 1896.

Первый томъ сочиненія г. Сѣрошевскаго есть книга большого формата, болѣе семисотъ страницъ, со множествомъ рисунковъ; если предположить еще продолженіе, эта книга представитъ самую обширную монографію о якутахъ, какая есть въ нашей литературѣ. Это—плодъ многолѣтняго труда, который исполнялся въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, во время долгаго пребыванія и тяжелыхъ странствій въ непріютной странѣ, въ суровомъ климатѣ, среди полудикихъ или совершенно дикихъ людей: если представить себѣ всѣ эти условія, нельзя не почувствовать глубокаго уваженія къ изслѣдователю, который при этой обстановкѣ предпринималъ свои изученія и, какъ увидимъ, чрезвычайно старательно выполнялъ ихъ.

Г. Сѣрошевскій пробылъ въ якутскомъ краѣ около двѣнадцати лѣтъ, съ 1880 до выѣзда въ Якутскъ, въ 1892 г. Онъ прибылъ въ Якутскъ весной 1880 года; въ началѣ апрѣля онъ выѣхалъ дальше въ Верхоянскъ, куда прибылъ лишь въ концѣ мая, „послѣ многихъ приключеній и отклоненій въ сторону, вызванныхъ распутицей". Въ Верхоянскѣ онъ прожилъ до марта 1883 и въ теченіе этого времени, кромѣ мелкихъ экскурсій въ окрестности, сдѣлалъ поѣздку на лодкѣ по рѣкѣ Янѣ до Ледовитаго океана и вернулся сухимъ путемъ, берегомъ той же рѣки, по мѣстамъ мало извѣстнымъ и мало

заселеннымъ. Въ мартѣ 1883 онъ выѣхалъ въ Среднеколымскъ и видѣлъ различныя мѣстности этого края. Въ 1885 онъ выѣхалъ обратно въ Якутскъ и опять жилъ въ одномъ захолустьѣ этого края; въ 1887 переѣхалъ въ другую мѣстность того же края, гдѣ занялся земледѣліемъ и прожилъ до іюня 1892. Между прочимъ за это время онъ посѣтилъ различные якутскіе улусы и сдѣлалъ путешествіе въ лодкѣ по Ленѣ до устья Алдана. „Эти многократныя перемѣщенія и разъѣзды дали мнѣ возможность составить себѣ нѣкоторое представленіе о странѣ, записать и провѣрить много варьянтовъ преданій и обычаевъ. Для этого я въ началѣ пользовался переводчиками, сопутствовавшими мнѣ казаками, и знавшими по-русски якутами, и затѣмъ самъ настолько узналъ языкъ, что могъ записывать самостоятельно. Обыкновенно записывалъ я текстъ по-русски, а по-якутски вставлялъ только болѣе характерные обороты или рѣдкія сомнительныя и трудныя для перевода слова. Это значительно сокращало время записи и не такъ утомляло разсказчика. Таково происхожденіе матеріаловъ, составившихъ эту книгу". Въ Иркутскѣ работа г. Сѣрошевскаго заинтересовала членовъ восточно-сибирскаго отдѣла Географическаго Общества, и г-жа Громова, стоящая во главѣ торговаго дома, давно ведущаго дѣла въ якутской области, согласилась дать средства на изданіе этого труда. Въ Иркутскѣ г. Сѣрошевскій работалъ полтора года въ библіотекѣ Отдѣла. Въ обширной литературѣ объ якутской области, говоритъ г. Сѣрошевскій, „самую существенную помощь и самыя цѣнныя указанія я нашелъ въ трудахъ высокоуважаемаго покойнаго А. Ѳ. Миддендорфа; еще въ якутской области я съ пользой слѣдовалъ его указаніямъ, привыкъ имъ вѣрить и удивляться; все это побудило меня посвятить мой трудъ незабвенному ученому". При книгѣ помѣщенъ портретъ знаменитаго академика, принявшаго посвященіе незадолго до своей смерти... Наконецъ, спеціальныя части труда г. Сѣрошевскаго просмотрѣли еще въ рукописи гг. Толь по географіи и фаунѣ, Штеллингъ по климату, Коржинскій и Прейнъ по ботаникѣ.

Долгое пребываніе въ краѣ, знаніе языка, внимательное наблюденіе, наконецъ изученіе литературы предмета, дали возможность автору составить обширную книгу, богатую разнообразными фактами. Мы имѣемъ еще только первый томъ и уже здѣсь мы находимъ множество данныхъ по исторіи и этнографіи якутскаго племени, а именно, послѣ введенія (стр. 1—180), гдѣ изложены географическій очеркъ и описаніе климата, растительности, фауны, домашнихъ животныхъ, мы находимъ въ пятнадцати главахъ перваго тома слѣдующіе предметы: о южномъ происхожденіи якутовъ; разселеніе; физическія особенности племени; экономическія основы быта; пища; платье; по-

стройки; ремесла и искусства; о распредѣленіи богатства, условіяхъ труда и найма; родовой строй; семья; дѣти; бракъ и любовь; народное словесное творчество; вѣрованія. Все это авторъ изучилъ съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ собиралъ преданія, чтобы выяснить отраженіе въ нихъ исторической судьбы племени, его вѣрованія, его поэтическія и бытовыя представленія; въ данныхъ реальнаго быта онъ старается объяснить ихъ экономическую и соціологическую основу; въ описаніи ремеслъ онъ подробно объясняетъ пріемы и орудія ремесла; собираетъ всѣ мельчайшія подробности быта, хозяйственныхъ пріемовъ, примѣтъ и т. п.; въ описаніяхъ природы авторъ умѣетъ отмѣчать характерныя черты явленій и въ изображеніи природы нерѣдко сказываются достоинства писателя-художника, которыя были уже раньше оцѣнены въ другихъ произведеніяхъ г. Сѣрошевскаго. Прибавимъ наконецъ, что въ приложеніяхъ помѣщены, во-первыхъ, указатель собственныхъ именъ, и во-вторыхъ, чрезвычайно подробный указатель предметный: то и другое дѣлаетъ всякія справки очень удобными.

Въ многочисленныхъ иллюстраціяхъ, сопровождающихъ текстъ, передаются по рисункамъ или фотографіямъ мѣстный пейзажъ, типы, бытовыя сцены, постройки, различные предметы одежды, промысла, предметы домашняго быта и т. д.

Внѣшнее исполненіе изданія безукоризненно.—Т.

Въ сентябрѣ поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Азбукинъ, М. — Учебникъ по русской грамматикѣ. Орелъ, 96. Стр. 51. Ц. 20 коп.

Аксеновъ, М.—Не-университетская философія. Этюдъ I: О времени. Трансцендентально-кинетическая теорія времени. Харьк. 96. Стр. 37. Ц. 60 к.

Аргутинскій-Долгоруковъ.—Исторія сооруженія и эксплоатаціи закавказской желѣзной дороги за 25 лѣтъ ея существованія. 1871 — 1896 г. Тифл. 96. Стр. 682.

Барановъ, А.—Разсказы. Кн. 2. Вятка, 96. Стр. 277. Ц. 1 р.

Бартеневъ, Б. — На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорскаго края. Спб. 96. Стр. 154. Ц. 80 к.

Баръ, Ф.—Организація сельскихъ имѣній и полевого хозяйства—и аренда. 2 изд. М. 96. Стр. 452—69. Ц. 3 р. 50 к.

Беллинъ, д-ръ Э. Ф.—Судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ, обвиняемыхъ въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ. Харьк. 96. Стр. 40.

Берне, Лудвигъ.—Сочиненія, въ переводѣ П. Вейнберга. Со статьею о жизни и литературной дѣятельности автора и его портретомъ. Т. I и II. Изд. 2. Спб. 96. Стр. 261 и 330. Ц. 3 р.

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М.—Эмпирическіе законы дѣятельности суда присяжныхъ. Съ атласомъ. М. 96. Стр. 615. Ц. 4 р., съ атлас.

Бравэ, Авг.—Изслѣдованіе о многогранникахъ симметрической формы. Перев. съ предисл. Як. Самойлова. Од. 96. Стр. 34.

Брэмъ, А.—Жизнь животныхъ. Попул. изд. подъ ред: С. Переяславцевой. Полут. III, вып. 33—38. Древесныя птицы. Од. 96. Стр. 193—384. Ц. по 25 к.

Бѣлоусовъ, П. П.—Къ вопросу о современномъ положеніи и ближайшихъ задачахъ ассенизаціи русскихъ городовъ. Спб. 96. Стр. 220. Ц. 1 р.

Бэтсъ, Германъ, де.—Искусство говорить на судѣ. Перев. съ франц. В. Быховскаго. М. 96. Стр. 51. Ц. 50 к.

Вахтеровъ, В. П.—Внѣшкольное образованіе народа. Сельскія библіотеки. Книжные склады. Воскресныя школы и повторительные классы. М. 1896. Стр. 380. Ц. 1 р.

——— Сельскія воскресныя школы и повторительные классы. М. 96. Стр. 48.

Венгеровъ, С.—Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893). Вып. V: Альбовъ-Амвросій. Спб. 96. Стр. 193—240. Ц. 35 к.

Вентцель, Конст. — Основныя задачи нравственнаго воспитанія. М. 96. Стр. 47. Ц. 25 к.

Гардинеръ, С., и *Эйри*, Ѳ.—I. Пуритане и Стюарты, 1603—1660 г.—II. Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV. Перев. съ англ. А. Каменскаго. Спб. 96. Стр. 228. Ц. 1 р. 75 к.

Гаспринскій, Исм.—Русско-восточное соглашеніе. Мысли, замѣтки и пожеланія. Бахчисарай, 96. Стр. 20.

Глаголевъ, С. С.—Больной цѣлитель (о Шлаттерѣ). Сергіевъ-Посадъ, 96. Стр. 35. Ц. 25.

Гоголь, Н. В.—Сочиненія. Изд. 10. Текстъ свѣренъ Н. Тихонравовымъ и Вл. Шенрокомъ. VI и VII. М. 96. Стр. 826 и 1086. Ц. 3 р. 3 р. 50 к. Ц. 7 томовъ—15 руб.

Голубевъ, П.—Сборникъ свѣдѣній по вопросамъ экономическаго и культурнаго развитія Вятскаго края. Вят. 96.

Гранстремъ, Э.—Елена-Робинзонъ. Приключенія одной дѣвочки на необитаемомъ островѣ. Составлено по де-Фоэ и Меллину. 2-е изд., съ 67 рис. Спб. 96. Стр. 272. Ц. 2 р. 50 к.

Грушевскій, М. — Етнографічний збірникъ. Видаэ Наукове Товариство імени Шевченка. За редакцыью М. Гр. У Львові, 1895. (Нѣсколько пагинацій). Ціна 3 корони (для членівъ товариства 2 корони, обо 1 гульден).

Гурвичъ, И.—Экономическое положеніе русской деревни. Перев. съ англ. А. Санина, п. р. и съ предисл. автора. Изд. М. Водовозовой. М. 96. Стр. 290 и 66, съ примѣч. Ц. 1 р. 25 к.

Гюго, Викторъ.—Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей, п. р. И. Тхоржевскаго. Вып. 15 и послѣдній. Тифл. 96. Стр. 421—466 Ц. 20 к. Полн. собраніе—6 р.

Доводчиковъ, К. К.—Можно ли и какъ помочь больному сифилисомъ деревенскому люду. Яросл. 96. Стр. 55. Ц. 40 к.

Дыдынскій, Ѳед.—Императоръ Адріанъ. Истор.-юрид. изслѣд. Съ портретомъ и картою. Варш. 96. Стр. 261.

З—скій, Л.—Руководство - справочникъ для чиновъ волостной и уѣздной полиціи и судебныхъ приставовъ. Спб. 96. Стр. 265. Ц. 1 р. 50 к.

Ингреэмъ, И.—Царь изъ дома Давида. Съ англ. Е. М. Спб. 96. Стр. 319. Ц. 60 к.

Кабардинъ, Н. К.—Природа, пчелы и пчеловоды. Спб. 96. Стр. 107. Ц. 1 р.

Кайгородовъ, Д. — „Лепестки". Разсказы, очерки и картинки. Спб. 96. Стр. 141.

Кокашъ и *Тектандеръ*.—Путешествіе въ Персію чрезъ Московію. 1602—1603 г. Перев. съ нѣм. А. Станкевичъ. М. 96. Стр. 61.

Келлеръ, К.—Жизнь въ морѣ. Перев. В. Шацкаго. Въ 2 ч. Спб. 96. Стр. 208 и 184. Ц. 1 р.

Коменскій, І.-А.—Лабиринтъ міра и рай сердца (1623 г.). Съ чешскаго языка перевелъ членъ Нижегородской ученой архивной коммиссіи Ѳ. В. Ржича. Нижній-Новгородъ, 1896. VI и 158 стр. Ц. 1 р.

Крамштыкъ, Ст.—Начальная физика для низшихъ учебныхъ заведеній и народн. библіотекъ. Пер. съ польск. Д. Воронова и А. Никольскаго. Ч. I. Варш. 96. Стр. 110. Ц. 30 к.

Кривенко, В. С.—По Дагестану. Вдали отъ родныхъ. Спб. 96. Стр. 298. Ц. 1 р. 25 к.

Ладыженскій, В. И.—Стихотворенія. М. 96. Стр. 75. Ц. 25.

Лампрехтъ, К.—Исторія германскаго народа. Т. III, ч. 5. Перев. съ нѣм. П. Николаева. М. 96. Стр. 545. Ц. 3 р.

Легренъ, М., д-ръ.—Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Переводъ Л. Н. Бастамова, подъ ред. врача В. М. Бяшкова. Тверь, 1896. Стр. 176. Ц. 75 к.

Лисовскій, А. Н.—Главные мотивы въ поэзіи Шевченко. Полт. 96. Стр. 48 Ц. 25 коп.

Локкъ, Дж.—Мысли о воспитаніи. Перев. съ нѣм. А. Басистова. Съ портр. и очеркомъ жизни. М. 96. Стр. 241. Ц. 1 р. 50 к.

Лыкошинъ, Н. С.—Мурадбекъ и Фатима. Хивинское преданіе. Ташк. 96. Стр. 97. Ц. 30 к.

Маслянниковъ, К. И.—За десять лѣтъ (1886—1895). Изъ дневника неунывающаго хозяина. I. Спб. 96. Стр. 173. Ц. 1 р.

Мартыновъ, П. К.—Дѣла и люди вѣка. Отрывки изъ старой записной книжки, статьи и замѣтки. Т. II. Спб. 96. Стр. 303. Ц. 1 р. 50 к.

Межерицеръ, П. И.—Проекціонное черченіе. Элементарный курсъ начертательной геометріи. Руководство для ремесл., технич. и др. учебн. завед. и для самообученія. Съ 93 фиг. Од. 96.

Мельшинъ, Л.—Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Спб. 96. Стр. 378. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловъ, В. П.—Роль и значеніе первобытной женщины. Спб. 97. Стр. 40.

Мясницкій, И.—Гостинодворцы. М. 96. Стр. 584. Ц. 2 р.

Немировичъ-Данченко, В. И.—Просвѣтъ, четыре разсказа. Спб. 96. Стр. 191. Ц. 1 р.

Нефедовъ, Ф.—Дѣтство Протасова. Пов. Изд. 2. М. 97. Стр. 175. Ц. 40 к.

Образцовъ, А.—Просвѣтительные завѣты Я.-А. Коменскаго и ихъ современное значеніе. Спб. 96. Стр. 96. Ц. 40 к.

Орловъ, Ф.—Письма молодого солдата. Керчь, 96. Стр. 118. Ц. 50 к.

Поперековъ, А. И.—Какъ играть на фортепіано, не зная нотъ. Тайна музыки и ея разоблаченіе. Спб. 96. Стр. 56. Ц. 20 к.

Поэ, Эдгаръ. — Необыкновенные разсказы. Перев. съ англ. Кн. I—II. Спб. 96. Стр. 209 и 213. Ц. 1 р. 20 к.

Радецкій, И. М.—За д[illegible]. Скромные труды въ дѣлѣ возрожденія. Сбор-

никъ статей и замѣтокъ по вопросамъ призрѣнія, воспитанія и защиты молодого поколѣнія. Од. 96. Стр. 224. Ц. 1 р. 30 к.

Раевскій, В.—Изъ жизни народныхъ училищъ. Очерки и характеристики училищъ, попечителей ихъ, законоучителей, учителей, учительницъ и дѣтей. Н.-Новг. 96. Стр. 112.

Рейсснеръ.—Русско-нѣмецкая азбука для обученія въ одинъ мѣсяцъ нѣмецкому чтенію, письму и разговору. 10-е изд. Варш. 96. Стр. 32. Ц. 10 к.

Рукавишниковъ, Ив.—Сѣмя, поклеванное птицами. Пов. М. 96. Стр. 140. Ц. 75.

С., А.—Очеркъ возстанія горцевъ Терской области въ 1877. Съ картою. Спб. 96. Стр. 124. Ц. 60 к.

Сагарадзе, М.—Значеніе А. Л. Грибоѣдова въ умственномъ развитіи русскаго общества — вліяніе монгольскаго ига на Россію. Кутаисъ. 95. Стр. 59. Ц. 40 коп.

Селезневъ, В.—Изразцы и мозаика. Монументальная эмалевая живопись. Съ 19 рис. Спб. 96. Стр. 80.

Силинъ, Я.—Дара. Пов. М. 96. Стр. 123. Ц. 50.

Смирновъ, А. И., проф. — Публичныя лекціи по философіи наукъ. Основныя понятія и методы наукъ физико-математическихъ. Каз. 96. Стр. 164.

Соловьевъ, Влад.—Магометъ, его жизнь и религіозное ученіе. Очеркъ, съ изображеніемъ Магомета. Спб. 96. Стр. 79. Ц. 25 к.

Сперанскій, Н.—Очерки по исторіи народной школы въ западной Европѣ. М. 96. Стр. 454. Ц. 2 р.

——— Рабочіе дома въ Россіи и за границею. Спб. 96. Стр. 41.

Тезяковъ, И. И., вр. — Сельско-хозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора въ Херсонской губерніи. Херс. 96. Стр. 300.

Токарскій, А. А.—Записки психологической лабораторіи психіатрической клиники Имп. Московскаго Университета. 1896. 3. Стр. 126—204.

Фейгинъ, д-ръ-мед.—Наставленіе матерямъ, какъ кормить грудныхъ дѣтей, чтобы они были здоровы. Спб. 96. Стр. 69. Ц. 50.

——— Предохранительныя мѣры противъ зараженія венерическими болѣзнями и для всѣхъ доступные способы ихъ леченія. Изд. 3. Спб. 96. Стр. 67. Ц. 30 к.

——— Краткія наставленія для повивальныхъ бабокъ и кормилицъ, какъ должно кормить дѣтей, чтобы они были здоровы. Спб. 96. Стр. 32. Ц. 15 к.

Фейгинъ, Ф.—Выводъ изъ доводовъ за и противъ „девальваціи" и проекты мѣропріятій. Спб. 96. Стр. 81.

Филипповъ, М. М.—Философія дѣйствительности. Въ 4 вып. Вып. II. Спб. 96. Стр. 133—292. Ц. полн. соч. 7 руб., по подп. 5 руб.

Харузинъ, Н. — Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи. М. 1896. IV, 124 и IV стр.

Чаевъ, Н.—Стихотворенія. М. 96. Стр. 139. Ц. 1 р.

Шерръ, I. — Всеобщая исторія литературы. Перев. п. р. П. Вейнберга. Вып. 13 и 14. Спб. 96. Стр. 97—208.

Штейнгауеръ, И. — Первые уроки географіи, примѣненные къ потребностямъ школъ съ инородческимъ элементомъ. Изд. 6. Спб. 96. Стр. 93. Ц. 40 к.

Якимовъ, В. М.—Преступная молодежь, по изслѣдованіямъ медицинской науки, и мѣры уголовной политики въ отношеніи нея. Ворон. 96. Стр. 13. Ц. 20 коп.

Янжулъ, И. И., *Чупровъ*, А. И., и *Янжулъ*, Е. Н. Экономическая оцѣнка

народнаго образованія. Очерки. (Въ пользу школъ Имп. Р. Техническаго Общества). Спб. 1896. IV и 87 стр. Ц. 50 к.

Эрлицкій, А. Ф.—Клиническія лекціи по душевнымъ болѣзнямъ. Спб. 96. Стр. 421. Ц. 3 р.

— Бесѣды дѣдушки Пахома о худой болѣзни. Спб. 96. Стр. 32. Ц. 10 к.

— Библіотека общественныхъ знаній, п. р. Л. Зака. Вып. 4: Русскій рубль, его исторія, экономическое значеніе и предстоящая реформа. С. Сергѣева. Од. 96. Стр. 86. Ц. 40 к.

— Вопросы нервно-психической медицины. Журналъ, посвященный вопросамъ психіатріи, нервной патологіи, физіологической психологіи, нервно-психической гигіены и пр., издаваемый подъ ред. проф. И. А. Сикорскаго. Годъ первый. 1896. Вып. 3. Кіевъ, 1896. Стр. 257—417.

— Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Выходять у Львові під редакциэю Михайла Грушевського Рік V. 1896, кн. I—IV (Томъ IX—XII). У Львові. Ціна тому 1 зр. або 2 корони.

— Инструкція для Варшавской пожарной команды. Составл. по распор. ген.-м. Н. В. Клейгельса. Спб. 96. Стр. 128, съ прилож. Ц. 1 р. 50 к.

— Исторія Греціи со времени пелопоннесской войны. Сборникъ статей. Перев. п. р. Н. Шамонина и Д. Петрушевскаго. Вып. 2. М. 96. Стр. 502. Ц. 1 р. 75 к.

— Кавказская жизнь. Художественно-литературный сборникъ. Кн. I. Тифл. 96. Стр. 66 in 4°. Ц. 1 р.

— Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей. Составл. п. р. П. Г. Виноградова. Вып. 1. М. 96. Стр. 441. Ц. 1 р. 50 к.

— Международная Библіотека № 5: Государственный строй С.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ, А. Шенбахъ. № 43: Общественныя задачи правовѣдѣнія. Ант. Менгеръ. Спб. 96. Стр. 44 и 26. Ц. по 15 к.

— Народный театръ. Сборникъ. М. 96. Стр. 256. Ц. 2 р.

— Нашему юношеству. Разсказы о хорошихъ людяхъ. № 19: Луи Пастеръ и его научныя открытія. О. М. Мижуевой. Спб. 96. стр. 79. Ц. 20 коп.

— Новѣйшіе легкіе способы сознательно закрѣплять въ памяти все слышанное и читанное. Научный разсказъ. Съ 12 чертежами въ текстѣ. Спб. 1896. Стр. 77. Ц. 60 коп.

— Обновленное министерство и сельско-хозяйственный кризисъ. Спб. 96. Стр. 56.

— Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнаулѣ, Томской губерніи. Отчетъ за 1895 г. Барн. 96. Стр. 79.

— Отчетъ по вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ, состоящихъ подъ покров. И. И. В. и принадлеж. къ вѣдом. учрежд. имп. Маріи, за 1890—94 г. Спб. 96. Стр. 204, съ прилож.

— Памяти К. Д. Ушинскаго. По случаю 25-лѣтія со дня его кончины (26 дек. 1870—1895). Спб. 96. Стр. 212. Ц. 50 к.

— Энциклопедическій Словарь. Изд. Брокгауза и Эфрона. Т. XVIII: Лопари—Малолѣтніе преступники. Спб. 96. Стр. 480. Ц. 3 руб.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

André Maurel. Les trois Dumas. Par. 1896. Стр. 288.

Со смертью Александра Дюма-сына сошелъ со сцены послѣдній представитель семьи, игравшей значительную роль въ культурной жизни Франціи. Два носителя имени Дюма, отецъ и сынъ, отмѣчаютъ собою цѣлую литературную эпоху. Дѣдъ, генералъ Дюма, былъ замѣчательнымъ въ своемъ родѣ спутникомъ Наполеона I во время его военныхъ кампаній. Этотъ родоначальникъ семьи пользовался большой славой, которая, однако, затмилась въ ореолѣ, окружающемъ имена его двухъ потомковъ. Очень интересной, поэтому, является книга Андрэ Мореля „о трехъ Дюма". Не сообщая ничего особенно новаго о двухъ писателяхъ, она, однако, представляетъ интересный матеріалъ сопоставленіемъ фактовъ изъ жизни трехъ поколѣній Дюма. Морель устанавливаетъ общія семейныя черты, переходившія изъ рода въ родъ и достигшія апогея въ личности и талантѣ послѣдняго изъ знаменитыхъ Дюма. Для характеристики писателей Дюма три біографіи, разсказанныя Морелемъ, одна въ связи съ другой, имѣютъ несомнѣнное значеніе и прочтутся съ интересомъ.

Вотъ какъ говоритъ самъ Морель о преемственности трехъ типовъ, выведенныхъ имъ въ его трудѣ: „Генералъ Дюма воплощаетъ воинственное опьяненіе времени революціи и имперіи; Александръ Дюма—типъ романтика, возбужденнаго, экспансивнаго, выходящаго во всемъ изъ границъ, преисполненнаго жажды свободы, а потомъ жажды наслажденія; это—типъ временъ іюльской монархіи и второй имперіи. Наконецъ, Дюма-сынъ,—прекрасный образчикъ современнаго человѣка, серьезнаго, занятаго нравственными и соціальными проблемами, съ серьезнымъ взглядомъ на жизнь и, въ противоположность Бомарше, не спѣшащаго смѣяться, потому что, быть можетъ, есть причина плакать".

Генералъ Дюма былъ первый, внесшій черную кровь въ свою семью. Его отецъ былъ французскій аристократъ, маркизъ Davy de Pailletery, отправившійся во второй половинѣ XVIII вѣка искать счастья за океанъ, или „на острова", какъ тогда говорили. Въ Гаити, гдѣ онъ поселился, маленькая черная рабыня, сдѣлавшаяся его женой, родила въ 1762 году мальчика, носившаго всю жизнь только имя своей матери—Дюма. Черная рабыня умерла въ 1772 году, и

отецъ съ сыномъ вернулись во Францію, гдѣ молодой мулатъ сдѣлалъ очень быструю военную карьеру, покоряя всѣхъ своей дикой отвагой, непосредственностью своей натуры и своей необычайной красотой. На портретахъ генерала Дюма, изображающихъ его въ періодъ наполеоновскихъ войнъ, поражаютъ рѣзкія и правильныя черты темнаго мулатскаго лица и странная смѣсь полудѣтской кротости и наивности омраченныхъ глазъ и несмѣлыхъ очертаній рта, съ общимъ впечатлѣніемъ силы и неустрашимости, которое производитъ его мощная, стройная фигура. Во время австрійской кампаніи онъ былъ грозою враговъ, называвшихъ его „Der schwarze Teufel". Существуетъ разсказъ о томъ, какъ онъ одинъ отстоялъ мостъ противъ напора враговъ, за что Бонапартъ представилъ его директоріи подъ именемъ тирольскаго Горація Коклеса. Въ сношеніяхъ съ Наполеономъ, во время консульства и директоріи, Дюма высказывалъ прямоту и откровенность. Въ служебныхъ запискахъ, сохранившихся отъ этого времени, поражаетъ безцеремонность съ которою генералъ Дюма выражаетъ свое неудовольствіе Наполеону по поводу его поведенія. Въ запискахъ Александра Дюма существуетъ разсказъ о томъ, какъ генералъ Дюма обучалъ Бонапарта гражданскому долгу. Наполеонъ обвинялъ генерала въ развращающемъ вліяніи на армію, т.-е. въ томъ, что генералъ позволяетъ себѣ критиковать дѣйствія его, Бонапарта, на что Дюма разъяснилъ ему, что видитъ въ той изъ его кампаній, о которой шла тогда рѣчь, чисто личный, а не отечественный интересъ, и объявилъ ему, что не послѣдуетъ за нимъ въ такого рода походъ. „Итакъ, Дюма", возразилъ на это Наполеонъ, „вы отдѣляете Францію отъ моей личности въ своемъ умѣ". — „Я полагаю, что интересы Франціи", возразилъ спокойно генералъ, „важнѣе интересовъ отдѣльнаго человѣка, какъ бы великъ ни былъ этотъ человѣкъ. Я думаю, что судьба націи не можетъ быть подчинена судьбѣ отдѣльнаго человѣка". — „Значитъ, вы хотите отдѣлиться отъ меня?"—„Да, съ того момента, когда вы отдѣляетесь отъ Франціи". — „Вы неправы, Дюма", холодно возразилъ Наполеонъ, и разговоръ на этомъ оборвался. Эта размолвка съ Бонапартомъ была началомъ ихъ дурныхъ отношеній, не улучшившихся впослѣдствіи.

Генералъ Дюма имѣлъ случай еще разъ выказать себя честнымъ и безукоризненнымъ служителемъ родины. Во время египетской кампаніи, устраивая свое помѣщеніе, онъ нашелъ тамъ сокровища, стоимостью около двухъ милліоновъ, и отослалъ ихъ Наполеону съ короткимъ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что леопардъ не мѣняетъ шкуры, а честный человѣкъ не мѣняетъ совѣсти, при чемъ просилъ лишь въ случаѣ его смерти позаботиться объ его женѣ и ребенкѣ

во Франціи. Этого какъ разъ Наполеонъ не сдѣлалъ, и генералу Дюма предстоялъ очень печальный конецъ жизни. Дюма попалъ въ плѣнъ къ неаполитанцамъ и провелъ въ тюрьмѣ около двухъ лѣтъ, среди невѣроятныхъ терзаній и подвергаясь много разъ опасности быть отравленнымъ или убитымъ. Вернувшись, наконецъ, изъ плѣна, Дюма описалъ всѣ трагическія подробности своего плѣна въ рапортѣ, котораго нельзя читать безъ содроганія. Генералъ Дюма вернулся во Францію больнымъ, почти умирающимъ, безъ всякихъ средствъ, но, несмотря на всѣ свои обращенія къ Наполеону, не могъ добиться помощи, и умеръ въ 1806 году почти нищимъ, испытавъ лишь одну радость въ послѣдніе годы своей жизни—рожденіе своего сына, будущаго знаменитаго драматурга.

Жизнь и дѣятельность мулата, выказавшаго столько военной доблести, прямолинейной честности и благородной порывистости натуры, на половину дикой и неиспорченной культурнымъ вліяніемъ, сказалась въ литературномъ дарованіи его сына. Южная кровь проявлялась во всѣхъ поступкахъ генерала Дюма, дѣлала его непобѣдимымъ въ сраженіяхъ и рѣзкимъ въ жизни;—нѣсколько смирившаяся во второмъ поколѣніи, она дѣлаетъ изъ Александра Дюма, его сына, уже не человѣка дѣла, а художника, съ неистощимымъ воображеніемъ и небывалой продуктивностью. Литературная физіономія Александра Дюма въ значительной степени объясняется тѣмъ, что отецъ его былъ мулатъ и обладалъ военнымъ талантомъ. Въ описанія небывалыхъ подвиговъ своихъ героевъ Дюма вложилъ то геройство, которое онъ унаслѣдовалъ отъ отца, но уже не могъ проявлять въ жизни.

Мать Дюма осталась вдовой, когда мальчику было всего три года. Дѣтство писателя прошло въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и то немногое, чтó m-me Дюма имѣла, она употребила на воспитаніе сына, приготовляя его въ клэрки нотаріальной конторы. Въ свободное отъ занятій время Дюма успѣвалъ зачитываться книгами, увлекаться театромъ, узнавая Шекспировскаго „Гамлета“ по передѣлкамъ Дусиса, и уже въ ранней юности носился съ проектами пьесъ трагическаго и комическаго характера. Черезъ посредство своего друга де-Левена, молодой Дюма, пріѣхавшій на праздничный день въ Парижъ, имѣлъ возможность познакомиться съ великимъ актеромъ Тальмà и даже быть ему представленнымъ. Дюма разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ объ этомъ знаменательномъ свиданіи, въ которомъ онъ признался великому актеру въ томъ, что пишетъ пьесы для театра, и попросилъ его коснуться рукой его лба, чтобы принести ему счастье. Тальмà исполнилъ его желаніе. „Съ удовольствіемъ“, сказалъ онъ, „Александръ Дюма, благословляю тебя во

имя Шекспира, Корнеля и Шиллера. Возвращайся въ провинцію, въ твою контору, и если призваніе въ тебѣ есть, ангелъ поэзіи съумѣетъ найти тебя, гдѣ бы ты ни былъ, ухватить тебя за волосы, какъ пророка Габакука, и понести туда, куда нужно".

Переѣхавши вскорѣ въ Парижъ, вмѣстѣ съ своею матерью, Дюма сдѣлалъ быструю карьеру. Слава ожидала его прежде всего на поприщѣ драматическомъ. Уже одна изъ его первыхъ пьесъ, „Christine", открыла ему двери Comédie Française" и сдѣлала его знаменитымъ. Одна за другой послѣдовали пьесы: „Генрихъ III и его дворъ", довольно посредственная драма, „Наполеонъ", а затѣмъ самыя знаменитыя изъ его драмъ, „Antony", „La Tour de Nesle", „M-lle de Belle-Isle" и др. Въ этихъ пьесахъ сказались всѣ преимущества и также всѣ слабости романтическаго театра, среди представителей котораго Александръ Дюма—одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ. Во всѣхъ этихъ пьесахъ подкладка историческая, но исторія понимается своеобразно, какъ волшебная декорація, на фонѣ которой болѣе рѣзко и эффектно выдѣляются необузданныя страсти и кажутся правдоподобными поступки и дѣла, невозможные въ будничной обстановкѣ. Конечно, внутренняя правдоподобность и психологическая вѣрность не выиграли отъ того, что всѣ эти люди, то безпорочные и возвышенные, какъ ангелы небесные, то уподобляющіеся демонамъ по безпричинной злобѣ и коварству, носили имена, знаменитыя въ хроникахъ французской исторіи; но обстановка получалась эффектная, имена и факты казались знакомыми, и фантазія драматурга, колоритная какъ родина его предковъ, дѣлала остальное, увлекая за собой зрителей. Выдумывая своихъ необузданныхъ героевъ, создавая поле дѣйствія для ихъ страстей, Александръ Дюма не отражалъ жизни и современности, но, можно сказать, создавалъ особую атмосферу для этой дѣйствительности. Не жизнь воплощалась на сценѣ, а сцена вліяла на жизнь съ подмостковъ романтическаго и историческаго театра, созданнаго Дюма и другими романтиками его поры. Преувеличенность чувствъ и поступковъ, увлеченіе эффектными фразами и красивыми чувствами переходила въ жизнь. Въ этомъ сплетеніи искусства и жизни, въ которомъ созидательная и воспитательная роль принадлежала искусству, заключается главное значеніе романтической эпохи во Франціи, и Дюма, съ своими фантастическими драмами, лишенными психологіи, но блещущими колоритностью, играетъ несомнѣнно большую роль.

Драмы Дюма создали ему громадную популярность и доставили въ то же время большое состояніе. Но все величіе славы ожидало его на поприщѣ романа. Главная сила Дюма заключается несомнѣнно въ неистощимости его фантазіи, въ томъ, что онъ былъ неподражае-

мымъ разсказчикомъ, умѣвшимъ изъ каждаго сюжета создать необычайной сложности фабулу и безъ конца обогащать ее новыми и новыми осложненіями. Онъ вполнѣ нашелъ себя, начавъ впервые писать небольшія повѣсти, открывшія ему его призваніе, и найденная руда оказалась неизсякаемой. Цѣлыя поколѣнія зачитывались похожденіями любимыхъ героевъ Дюма, его „Трехъ Мушкетеровъ", его „Монте-Кристо", „Королевой Марго", „Chevalier de Maison rouge" и другими безчисленными длинными и короткими романами. Критика часто старалась развѣнчать литературное значеніе всей этой библіотеки романовъ, созданной однимъ человѣкомъ. И въ самомъ дѣлѣ, они не имѣютъ высоко-художественнаго значенія. Въ нихъ нѣтъ того, что́ дѣлаетъ художественное произведеніе долговѣчнымъ, нѣтъ идей, одухотворяющихъ изображеніе жизни, нѣтъ самой жизни, не видно даже попытки заглянуть въ человѣческую душу и объяснить какія-нибудь ея движенія. Но тѣмъ не менѣе романы Дюма несомнѣнно художественны, потому что въ нихъ чувствуется свободное теченіе творческой фантазіи, цѣлый міръ какой-то особой праздничной дѣйствительности, въ которой все возможно,—безгранично высокое и демонически мрачное, и въ которомъ все безконечно весело, отрадно и полно жизни. Жизнерадостность Дюма является желаннымъ коррективомъ къ напускной мрачности романтизма. Если признавать красоту и даже своего рода искренность въ Байроновской окраскѣ романтизма, то для того, чтобы понять, сколько жизнерадостности таилось подъ его мрачнымъ плащомъ Чайльдъ-Гарольда, нужно вспомнить неистощимую заразительную веселость разсказчика и той публики, которая, затаивъ дыханіе, внимала разсказамъ объ его неправдоподобныхъ герояхъ.

Съ творчествомъ Александра Дюма сливалась вся его жизнь, протекавшая безпорядочно и грандіозно, преисполненная скачками отъ колоссальной славы и безумной роскоши къ временамъ бѣдности и забвенія. Морель разсказываетъ о балѣ, который Александръ Дюма далъ всему артистическому Парижу, и для котораго его друзья, лучшіе художники Франціи, раскрасили фресками стѣны пустой квартиры; необузданность натуры Дюма высказалась на этомъ балу въ истинно эпическихъ размѣрахъ яствъ и питій, и веселья, которыми онъ по-царски угощалъ своихъ гостей. Та же необузданность побудила его построить цѣлый замокъ Монте-Кристо, открытый для всѣхъ и вѣчно полный посѣтителями, жившими на счетъ слишкомъ гостепріимнаго фантазера-хозяина. Вся эта роскошь окупалась продуктивностью Дюма, безпримѣрною въ исторіи литературы. Онъ одновременно печаталъ въ цѣломъ рядѣ газетъ и журналовъ длиннѣйшіе романы и повѣсти. Въ продолженіе одного 1845—1846 года онъ на-

печаталъ болѣе 60 томовъ, продолжая въ то же время наводнять прессу цѣлымъ потокомъ фельетоновъ и писать сотни актовъ для различныхъ театровъ. Такъ какъ человѣческія силы, хотя бы у потомка дикой, нетронутой расы, ограничены, то нѣтъ сомнѣнія въ справедливости исторій о сотрудникахъ Дюма, т.-е. о цѣломъ рядѣ писателей, писавшихъ подъ его фирмой и помогавшихъ ему сооружать грандіозное зданіе его романовъ и драмъ. Можно, конечно, осуждать такого рода недобросовѣстное отношеніе къ своему писательскому имени, но несомнѣнно, что Дюма очень умѣло пользовался своими такъ-называемыми секретарями; онъ умѣлъ наложить на все, даже не имъ написанное, отпечатокъ своей литературной физіономіи. Проходя черезъ его руки, все написанное другими, менѣе талантливыми писателями, загоралось особымъ блескомъ фантазіи, характернымъ для его собственнаго творчества.

Преемственность между Александромъ Дюма и его отцомъ, генераломъ, очень ясна. Это та же воинственная и стихійная натура, измѣнившая лишь поприще своей дѣятельности. Болѣе рѣзкимъ является переходъ отъ романтика Дюма къ его сыну, драматургу, Александру Дюма. Все легкомысліе въ талантѣ писателя романтической поры исчезаетъ подъ перомъ его сына. Неистовость фантазіи и красокъ уступаетъ мѣсто вдумчивому, философскому отношенію къ жизни, искреннимъ стремленіямъ сказать какую-то правду, что-то рѣшить, серьезнымъ отношеніямъ къ задачѣ писателя, какъ къ миссіи моралиста, учителя общества. Но все-таки, несмотря на этотъ несомнѣнный контрастъ отца и сына, нѣчто общее связываетъ ихъ. Этой общностью является талантливость натуры, легкость и продуктивность пера и находчивость ума, одинаково сказывающаяся въ остроуміи героевъ и отца, и сына. Извѣстны рѣдкія дружескія отношенія, соединявшія ихъ обоихъ. Дюма-сынъ родился въ 1824 году, когда отцу его было всего 22 года. Матери своей, хорошенькой парижской модистки, будущій драматургъ почти не зналъ и съ самаго дѣтства жилъ съ отцомъ, который рано посвятилъ его въ свою жизнь, побуждая его раздѣлять свой легкомысленный образъ жизни, познакомившій юношу очень рано съ самыми разнообразными слоями столичнаго населенія. Старшій Дюма необыкновенно гордился своимъ сыномъ и дожилъ до того, что слава послѣдняго пережила его собственную. Первые шаги молодого драматурга произошли подъ ободряющимъ вліяніемъ отца. Онъ началъ писать въ романтическомъ духѣ, но его первыя попытки были далеко не изъ удачныхъ. Дюма-сынъ пошелъ по оригинальному пути, начиная съ драмы „Дама съ камеліями", передѣланной имъ изъ своего собственнаго романа. Отецъ привѣтствовалъ эту первую работу, основанную на событіи изъ дѣй-

ствительной жизни автора, и предсказалъ сыну мытарства цензурнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за этой, какъ изъ-за многихъ послѣдующихъ пьесъ, Александру Дюма-сыну пришлось много бороться съ строгостью политическаго режима того времени. И разсказы, которые Морель приводилъ по этому поводу, очень интересно рисуютъ нравы той эпохи. Морель подробно излагаетъ идеи Дюма, проводимыя имъ въ своихъ пьесахъ: „Dame aux camélias", „Diane de Lys", „Les idées de m-me Aubray", „La femme de Claude", „Monsieur Alphonse" и др. Въ этихъ идеяхъ критикъ видитъ главное значеніе драматурга, указавшаго на шаткость различныхъ общественныхъ предразсудковъ, возставшаго въ защиту падшей женщины, но свято охранявшаго въ то же время неприкосновенность домашняго очага, клеймившаго измѣну и доказывавшаго, что счастье можетъ быть достигнуто только въ упорядоченной атмосферѣ семейнаго очага, и что иллюзія счастья, создаваемаго вопреки человѣческимъ и божественнымъ законамъ, всегда заканчивается катастрофою. Обличая несовершенство общественнаго быта, предразсудки по отношенію къ незаконнорожденнымъ и т. п., Дюма является строгимъ ревнителемъ нравственныхъ принциповъ общественной и личной жизни.

Но, конечно, не въ этой проповѣди, возможной и во всякой другой формѣ, кромѣ романтической—значеніе Дюма для современной литературы, какъ это хочетъ показать его біографъ Морель. Въ его книгѣ слишкомъ мало обращено вниманія на то, что̀ составляетъ истинное обаяніе драмъ Дюма,—его умѣнье отразить съ большой ясностью, съ необычайнымъ остроуміемъ и художественностью, физіономію различныхъ общественныхъ типовъ, его чисто сценическое искусство и неподражаемый блескъ его діалога.—З. В.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По поводу „дополнительнаго" опроверженія директора народныхъ училищъ спб. губерніи, В. Латышева [1]).

Вопросъ о правахъ и обязанностяхъ попечителей начальныхъ училищъ мы всегда считали чрезвычайно важнымъ; отъ правильной его постановки, согласно закону, зависитъ судьба всего училищнаго

[1]) См. выше: іюнь, стр. 850; іюль, 458 стр.; авг., 900 стр., и наконецъ сент., 405 стр.

дѣла, его дальнѣйшаго развитія и успѣховъ. Только потому мы и обратили вниманіе въ іюнѣ (стр. 850) на статью редактора одного изъ педагогическихъ журналовъ („Русскій Народный Учитель"), г. Латышева, напечатанную имъ, однако, въ другомъ его качествѣ, какъ директора народныхъ училищъ спб. губерніи („Разъясненіе директора народныхъ училищъ Спб. губерніи о правахъ попечителей начальныхъ училищъ", г. Латышева).

Прежде всего мы указали автору (іюнь, 850 стр.), что онъ, ссылаясь въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ на текстъ статьи коренного школьнаго закона, „Положенія о начальныхъ училищахъ 1874 г.", привелъ эту статью съ произвольными пропусками. Въ своемъ „опроверженіи" (іюль, 458 стр.) г. Латышевъ вовсе умалчиваетъ о томъ, а слѣдовательно какъ бы и самъ признаетъ правильность сдѣланнаго нами указанія. Въ этомъ „опроверженіи" (іюль, 458 стр.) говорится только о томъ, что у насъ, будто бы, неправильно сказано, что г. Латышевъ „объявляетъ попечителей *низшими инстанціями*"; что „низшею инстанціею попечителей начальныхъ училищъ объявилъ Правительствующій Сенатъ". На это мы, приведя подлинный текстъ сенатскаго указа, на который г. Латышевъ ссылался, доказали ему (августъ, 900 стр.), что тамъ вовсе нѣтъ подобнаго выраженія, а потому вышеприведенное увѣреніе г. Латышева лишено всякаго основанія, а самое выраженіе: „низшія инстанціи", составлено имъ самимъ. И съ этимъ онъ долженъ былъ согласиться.

Казалось бы, этимъ вопросъ былъ исчерпанъ: г. Латышевъ напечаталъ у насъ свое „опроверженіе", а мы въ слѣдующемъ нумерѣ журнала опровергли то. Но г. Латышевъ, ссылаясь опять на тотъ же § 138 устава о цензурѣ сдѣлалъ нѣчто такое, что̀ вовсе не предвидѣно этою статьею, а именно, предложилъ намъ напечатать въ сентябрьской книжкѣ журнала „дополнительное (?) опроверженіе". Ни о какихъ „дополнительныхъ" опроверженіяхъ въ упомянутой статьѣ закона не говорится, или иначе, г. Латышевъ, доставивъ намъ опроверженіе, въ теченіе года могъ бы доставить намъ еще 11 „дополнительныхъ" опроверженій, а въ газету—364!

Въ этомъ своемъ „дополнительномъ" опроверженіи г. Латышевъ ничего не дополняетъ, а только повторяетъ то, что̀ онъ уже говорилъ въ своемъ „опроверженіи"; дополненіемъ же является развѣ только то, что, по его увѣренію, нами „придумано" (!) то обстоятельство, что онъ подчиняетъ себѣ попечителей и отдаетъ ихъ въ свое личное распоряженіе. Прежде всего мы должны по этому поводу указать г. Латышеву на циркуляръ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, № 868: „Согласно точному смыслу статьи 138 закона, посылаемыя въ редакціи повременныхъ изданій опроверже-

нія и поправки должны заключать въ себѣ единственно фактическія свѣдѣнія безъ всякихъ отвлеченныхъ сужденій, и тѣмъ болѣе полемическихъ или *укоризненныхъ выраженій*", такъ какъ это,— поясняетъ циркуляръ—давало бы поводъ редакціямъ не помѣщать у себя опроверженій, — чѣмъ, впрочемъ, мы не воспользовались. Укоризненныя выраженія и составляютъ собственно „дополненіе" къ прежнему „опроверженію" г. Латышева: вмѣсто того, чтобы фактически опровергнуть тѣ доводы, на основаніи которыхъ мы должны были придти къ заключенію, что онъ желаетъ принять въ свое личное распоряженіе попечителей училищъ, онъ прибѣгаетъ къ укоризненнымъ выраженіямъ и голословно утверждаетъ, что все это „придумано" нами. А что это нами не „придумано", въ томъ можно убѣдиться изъ того, что, какъ мы слышали изъ достовѣрнаго источника, отношеніе г. Латышева на практикѣ къ гг. попечителямъ народныхъ училищъ г. Петербурга, какъ къ „низшей инстанціи", вызвало собою оффиціальное представленіе о его дѣйствіяхъ въ одно изъ спеціальныхъ учрежденій, вѣдающихъ училищное дѣло въ столицѣ. Въ виду того, мы считаемъ даже неудобнымъ продолжать наши объясненія, не дождавшись рѣшенія дѣла установленнымъ порядкомъ. Если г. Латышевъ и въ своемъ „дополнительномъ" опроверженіи продолжаетъ настаивать на томъ, что „между попечителями, особенно въ селахъ, бываютъ лица и необразованныя, что попечители нерѣдко больше заботятся о своихъ правахъ, чѣмъ объ обязанностяхъ",—то и г. Латышевъ согласится, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ, что такимъ порокомъ могутъ страдать не одни попечители училищъ... Что же касается до „сельскихъ" попечителей, то на ихъ значеніе и заслуги можно встрѣтить болѣе правильный взглядъ въ интересномъ очеркѣ инспектора народныхъ училищъ, В. Раевскаго [1]), о которомъ у насъ упоминается ниже, въ „Библіографическомъ Листкѣ": дѣйствительно, между ними встрѣчаются и „необразованные", но они бываютъ иногда даже лучше и полезнѣе иныхъ, мнящихъ себя „образованными людьми"...

[1]) „Изъ жизни народныхъ училищъ. Очерки и характеристики училищъ, попечителей ихъ, законоучителей, учителей, учительницъ и дѣтей". Состав. инсп. народн. учил. В. Раевскій, Нижн.-Новг., 1896 г.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1896.

Общество врачей восточной Сибири въ Иркутскѣ и „Сибирскій Вѣстникъ".—Однородные случаи въ подольской губерніи и на Кавказѣ. — Судебныя ошибки и смертная казнь.—Впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя.—„Калужскій Вѣстникъ".—Письмо въ Редакцію изъ Фридрихсгама.

Въ столичной печати, если мы не ошибаемся, прошелъ почти незамѣченнымъ любопытный „инцидентъ", происшедшій весною нынѣшняго года въ иркутскомъ обществѣ врачей (оффиціальное его названіе—общество врачей восточной Сибири); а между тѣмъ онъ заслуживаетъ вниманія какъ самъ по себѣ, такъ и въ особенности по тѣмъ фактамъ, которые обнаружились при обсужденіи его въ сибирской печати. Въ одномъ изъ апрѣльскихъ засѣданій общества былъ прочитанъ докладъ врача Кириллова о роли врача въ назначеніи тѣлеснаго наказанія. Указавъ на несообразность порядка, при которомъ лица, лишенныя правъ, присужденныя къ тѣлесному наказанію, подвергаются (или, лучше сказать, должны подвергаться), до исполненія наказанія, медицинскому освидѣтельствованію, а для лицъ, не лишенныхъ правъ состоянія, такой гарантіи не установлено, докладчикъ привелъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ тѣлесное наказаніе имѣло плачевные результаты для здоровья наказаннаго, и пришелъ къ заключенію, что ни одинъ врачъ не имѣетъ нравственнаго права удостовѣрять безвредность тѣлеснаго наказанія для даннаго лица. Послѣ прочтенія доклада врачъ Зисманъ предложилъ возбудить ходатайство о безусловной отмѣнѣ всякаго рода тѣлесныхъ наказаній. Едва ли можно отрицать, что такое ходатайство (аналогичное съ тѣми, которыя были недавно возбуждены въ Саратовѣ и Казани) являлось логическимъ выводомъ изъ доклада. Каково, въ самомъ дѣлѣ, положеніе врачей, призываемыхъ удостовѣрить нѣчто неуловимое и удостовѣренію не подлежащее? Если даже предварительный медицинскій осмотръ не составляетъ ручательства въ томъ, что тѣлесное наказаніе не угрожаетъ здоровью, или даже жизни наказуемаго, то какъ велика опасность для многочисленныхъ лицъ, подвергаемыхъ тѣлесному наказанію безъ всякаго медицинскаго осмотра?! Всѣ эти вопросы имѣютъ, безспорно, медицинскій характеръ и, слѣдовательно могутъ быть предметомъ обсужденія въ медицинскомъ обществѣ. Предсѣдатель иркутскаго общества врачей, г. Маковецкій, призналъ, однако, что предложеніе врача Зисмана и даже докладъ врача Кириллова выходятъ

за предѣлы компетенціи общества, и воспротивился голосованію перваго и напечатанію послѣдняго [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдатель, противорѣча самъ себѣ, коснулся и существа вопроса: онъ замѣтилъ, что среди лицъ, уже понесшихъ тяжкія наказанія (каторжниковъ-поселенцевъ), дисциплина поддерживается, быть можетъ, лишь угрозой тѣлеснаго наказанія. Въ защиту этого мнѣнія выступилъ врачъ Болотовъ; онъ утверждалъ, основываясь на извѣстныхъ ему примѣрахъ, что арестанты, освобожденные отъ тѣлеснаго наказанія по болѣзни и считающіе себя обезпеченными отъ него и на будущее время, становятся крайне дерзкими. Въ слѣдующемъ засѣданіи общества, сравнительно весьма многочисленномъ (присутствовало 35 членовъ врачей, между тѣмъ какъ въ предъидущемъ засѣданіи ихъ было только 9), сдѣлана была попытка возобновить пренія по существу, но тотчасъ же остановлена предсѣдателемъ; врачъ Цѣхановскій успѣлъ только заявить, что во всю бытность его, около одиннадцати лѣтъ, тюремнымъ врачомъ, при шести различныхъ смотрителяхъ въ тюрьмѣ, къ тѣлеснымъ наказаніямъ не прибѣгали—а между тѣмъ никакого ожесточенія со стороны арестантовъ замѣтно не было. Въ дополненіе къ этому заявленію „Сибирскій Вѣстникъ“ (газета, выходящая въ Томскѣ) сообщилъ (въ № 113) слѣдующія замѣчательныя данныя: въ 70 верстахъ отъ Иркутска находится александровская центральная каторжная тюрьма, въ которой число заключенныхъ доходитъ иногда до $2^1/_2$ тысячъ. Въ послѣдніе три года тѣлесныя наказанія, въ качествѣ тюремно-дисциплинарной мѣры, въ этой тюрьмѣ вовсе не примѣняются. Отмѣну розогъ бывшій начальникъ тюрьмы, А. П. Сипягинъ (теперь иркутскій губернскій тюремный инспекторъ), и его помощникъ Ласкотовичъ (теперь начальникъ тюрьмы) предприняли на свой рискъ и страхъ, и результатъ опыта превзошелъ ожиданія: дисциплина и порядокъ не только не понизились, но значительно повысились; даже необходимость прибѣгать къ карцеру значительно сократилась, такъ какъ карцеръ потерялъ свое прежнее значеніе относительно-снисходительнаго наказанія, и сталъ, въ глазахъ арестантовъ, чѣмъ-то томительно-позорнымъ. Въ послѣдніе два года, 500 каторжниковъ изъ александровской тюрьмы, раскованные и при самомъ небольшомъ конвоѣ, дружно и успѣшно проработали на желѣзной дорогѣ, при крайне незначительномъ числѣ побѣговъ и полномъ отсутствіи жалобъ со стороны мѣстнаго населенія. Въ той же статьѣ „Сибирскаго Вѣстника“ (содержащей въ себѣ между прочимъ въ выс-

[1]) Въ концѣ концовъ постановлено было докладъ г. Кириллова напечатать, а прежде возбужденія ходатайства, сведеннаго, притомъ, къ распространенію предварительнаго медицинскаго осмотра на *всѣ* случаи тѣлеснаго наказанія,—рѣшено „справиться съ существующими узаконеніями“.

шей степени любопытныя свѣдѣнія объ арестантѣ изъ бродягъ Никитинѣ, имѣвшемъ самое благотворное вліяніе на заключенныхъ), мы находимъ свѣдѣнія о докторахъ Болотовѣ и Цѣхановскомъ, выразившихъ, въ засѣданіи общества, прямо противоположныя мнѣнія о необходимости суровой расправы съ арестантами. Болотовъ—молодой врачъ, успѣвшій прослужить въ тюрьмѣ не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Цѣхановскій, осужденный за участіе въ польскомъ возстаніи 1863 г., прошелъ, въ качествѣ арестанта, весь путь отъ западнаго края до Иркутска. Сдѣлавшись, по освобожденіи изъ заключенія, тюремнымъ врачомъ, онъ составилъ себѣ имя, которое знаетъ и чтитъ вся сибирская ссылка. Теперь, живя въ Иркутскѣ, онъ лечитъ населеніе бѣднѣйшей части города, той самой, которая переполнена ссыльными и людомъ, такъ или иначе соприкасающимся съ тюрьмами. Въ центральныхъ мѣстахъ города врача Цѣхановскаго рѣдко можно встрѣтить; но уже часовъ въ 5—6 утра, когда богатая часть города еще спитъ, его можно видѣть направляющимся въ окраины города, къ своимъ паціентамъ-бѣднякамъ. Авторъ статьи „Сибирскаго Вѣстника" сравниваетъ г. Цѣхановскаго съ извѣстнымъ харьковскимъ врачомъ-филантропомъ Франковскимъ, за гробомъ котораго шелъ недавно чуть не весь городъ. Понятно, затѣмъ, сама собою сравнительная цѣнность мнѣній, высказанныхъ обоими врачами. Добавочной иллюстраціей къ вопросу о томъ, какъ практикуется въ Сибири тѣлесное наказаніе и какъ иногда относятся къ нему „тяжкіе преступники, которымъ нечего терять", служитъ приводимое въ той же статьѣ „Сибирскаго Вѣстника" (№ 114), дѣло ссыльно-поселенца Котлярова. Совершенно неправильно и безъ всякихъ основаній [1]), присужденный земскимъ засѣдателемъ Заруденко къ наказанію розгами, Котляровъ сначала пытается освободиться отъ наказанія, подкупивъ письмоводителя; несмотря на данную и принятую взятку, его требуютъ къ расправѣ; онъ бѣжитъ къ засѣдателю, умоляетъ его о пощадѣ, и когда тотъ грубо отказываетъ ему, убиваетъ его выстрѣломъ изъ револьвера. По распоряженію иркутскаго генералъ-губернатора, Котляровъ былъ преданъ военному суду по законамъ военнаго времени, присужденъ къ смертной казни и казненъ. По отзывамъ всѣхъ его знавшихъ, Котляровъ былъ человѣкъ смирный, тихій; убійство совершено было имъ подъ гнетомъ отчаянія, вызваннаго страхомъ стыда и сознаніемъ вопіющей несправедливости (другому поселенцу, присужденному къ розгамъ при одинаковыхъ условіяхъ съ Котляровымъ, удалось освободиться отъ наказанія, именно благодаря

[1]) Вся вина Котлярова заключалась въ томъ, что онъ *присутствовалъ* при дракѣ между другими поселенцами, не принимая въ ней никакого участія.

тому средству, которое безуспѣшно было пущено въ ходъ Котляровымъ).

Таковы контрасты, представляемые нашей дѣйствительностью. Съ одной стороны—по истинѣ „темное царство": господство произвола и безчеловѣчной расправы, находящей защитниковъ даже между врачами, малодушіе цѣлаго ученаго общества, не рѣшающагося высказаться открыто за отмѣну тѣлесныхъ наказаній или хотя бы за бо́льшую осторожность въ ихъ примѣненіи; съ другой стороны—настоящій „лучъ свѣта въ темномъ царствѣ": дѣятельность гг. Сипягина, Ляскотовича и Цѣхановскаго, имена которыхъ должны быть дороги не для одной только „сибирской ссылки", но и для всей Россіи. И чѣмъ темнѣе, тѣмъ ярче лучъ свѣта. Именно въ Сибири, среди преданій всевластія и безправія, именно въ сибирской тюрьмѣ, среди массы тяжкихъ преступниковъ, особенно трудно было создать систему, основанную на довѣріи и гуманности, и провести ее въ жизнь „на собственный рискъ и страхъ". Какъ краснорѣчивъ, за то, примѣръ, поданный Сибирью европейской Россіи! Если можно управлять безъ тѣлесныхъ наказаній нѣсколькими сотнями каторжниковъ и бродягъ, то неужели нельзя управлять безъ нихъ нѣсколькими тысячами мирныхъ крестьянъ? Если волненія, неминуемо возникающія отъ времени до времени въ каждой многолюдной тюрьмѣ, могутъ быть усмиряемы безъ повальнаго сѣченія правыхъ и виновныхъ, то неужели такой способъ укрощенія неизбѣженъ при другихъ условіяхъ, въ примѣненіи къ другой толпѣ, несравненно менѣе опасной? Если тѣлесное наказаніе начинаетъ казаться невыносимымъ даже для людей, извергнутыхъ изъ гражданскаго общества, то какъ велика должна быть его тяжесть для членовъ этого общества, повинныхъ лишь въ какомъ-нибудь маловажномъ проступкѣ? Ходатайствамъ земскихъ собраній и ученыхъ обществъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній противопоставляютъ нерѣдко упрекъ въ теоретичности, въ неумѣньѣ или нежеланьѣ считаться съ реальными требованіями жизни; но что́ можно противопоставить практической дѣятельности скромныхъ тюремныхъ смотрителей, рѣшившихся упразднить, de facto, тѣлесныя наказанія и исполнившихъ это рѣшеніе?..

Къ несчастію, хорошій примѣръ обладаетъ гораздо меньшей силой, чѣмъ дурной. По стопамъ гг. Сипягина и Ляскотовича идутъ немногіе, а экзекуціи, однажды войдя въ моду, не перестаютъ находить усердныхъ подражателей. Эпидемія тѣлесной расправы проявляется не только въ видѣ превышенія власти, но и въ видѣ прямого злоупотребленія ею. Въ газетахъ опубликовано недавно слѣдующее Высочайшее повелѣніе, состоявшееся $^{20}/_{21}$ августа (въ формѣ ли утвержденія приговора военно-окружного суда, или внѣ судебнаго производства—это изъ тек-

ста Высочайшаго повелѣнія не видно): „35-го драгунскаго бѣлгородскаго его величества императора австрійскаго короля венгерскаго Фридриха-Іосифа I полка штабсъ-ротмистръ фонъ-Брадке, поручики Григоровичъ-Бирскій и Петровичъ и корнеты Киселевъ, Македонскій, Колодѣевъ, Корбутъ, Земичковскій, Дунаевскій, Пущинъ и Богдановичъ разжалываются въ рядовые, а командиръ того же полка полковникъ Папаафонасопуло зачисляется въ запасъ армейской кавалеріи". Въ „Русскомъ Инвалидѣ", „въ устраненіе неосновательныхъ слуховъ", разъясненъ поводъ къ этому Высочайшему приказу: вышепоименованные офицеры, „вопреки существующихъ правилъ, дозволили себѣ взять команду низшихъ чиновъ, которыхъ *заставили чинить противозаконную расправу* надъ нѣкоторыми обывателями мѣстечка Межибужья, подольской губерніи, въ отмщеніе за оскорбленіе своего товарища".—Въ то же самое время въ кавказскомъ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло ротмистра К., присужденнаго къ наказанію за расправу съ армяниномъ М.; послѣдняго, по приказанію ротмистра, растянули на землѣ, положили ему на шею и ноги дубины, на концѣ которыхъ сѣли солдаты, а затѣмъ нѣсколько солдатъ поочередно сѣкли М. розгами. Подобные факты не требуютъ комментаріевъ; замѣтимъ только, что они едва ли были бы возможны, еслибы тѣлесныя наказанія исчезли какъ изъ нашихъ законовъ, такъ и изъ нашей административной практики. Немыслимы были бы тогда и выходки, въ родѣ той, которую позволилъ себѣ, если вѣрить газетамъ, защитникъ ротмистра К., присяжный повѣренный Туркевичъ. „Чтобы смыть нанесенное ротмистру, въ присутствіи солдатъ, оскорбленіе,—воскликнулъ слишкомъ усердный защитникъ,—былъ лишь одинъ исходъ: *оскорбителя немножко освѣжить*"... Какъ ни возмутительна, въ этомъ восклицаніи, „игривость" формы, еще хуже его основная мысль. Слишкомъ опасно для общественнаго спокойствія и для общественной нравственности было бы распространеніе взгляда, въ силу котораго оскорбленіе, нанесенное лицу извѣстнаго сословія, уполномочиваетъ его на репрессаліи, въ видѣ истязаній оскорбителя —истязаній, производимыхъ, вдобавокъ, подчиненными истязателя, не считающими себя въ правѣ не исполнить его приказа...

Съ тѣлеснымъ наказаніемъ, по своему юридическому свойству, имѣетъ много общаго смертная казнь. Одинаковы, во многомъ, возраженія, возбуждаемыя ими въ наукѣ; однородны, отчасти, и условія, благопріятствующія или неблагопріятствующія имъ въ жизни. Подобно тому, какъ рядомъ съ тѣлесными наказаніями, назначаемыми на основаніи закона, практикуются тѣлесныя наказанія внѣ-

законныя, экстраординарныя,—рядомъ съ смертной казнью, вытекающею изъ общихъ узаконеній, встрѣчается смертная казнь, уложеніемъ не предусмотрѣнная, или, лучше сказать, идущая прямо въ разрѣзъ съ его постановленіями. Это — смертная казнь по дѣламъ, подсуднымъ общему суду, но передаваемымъ въ военный судъ для рѣшенія по законамъ военнаго времени. „Отступленіе отъ обычной подсудности и обычнаго процессуальнаго порядка—говорили мы два года тому назадъ, по поводу одного изъ такихъ дѣлъ,—неизбѣжно заключаетъ въ себѣ элементъ случайности, несовмѣстимый съ требованіями справедливости и права. Преступленіе одинаковаго свойства, совершенныя при одинаковыхъ условіяхъ, подлежатъ преслѣдованію и наказанію на основаніи одинаковыхъ началъ, заранѣе установленныхъ и заранѣе всѣмъ извѣстныхъ... По законодательству всѣхъ культурныхъ странъ, уголовный законъ, усугубляющій наказаніе, не имѣетъ обратнаго дѣйствія. Почему? Именно потому, что никто не долженъ нести отвѣтственность въ большей мѣрѣ, чѣмъ та, которую онъ могъ и обязанъ былъ предвидѣть. Если уголовная кара, назначенная закономъ за то или другое преступленіе, признается недостаточно тяжкой, ничто не мѣшаетъ измѣнить законъ, сдѣлать его болѣе строгимъ, но лишь *на будущее время*—и для *всѣхъ* преступныхъ дѣяній извѣстнаго рода. Еще съ половины прошлаго вѣка многіе писатели прославляли мудрость и гуманность нашего законодательства, исключившаго смертную казнь изъ числа наказаній за обыкновенныя (не-политическія) преступленія. До шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія эти похвалы находили печальное опроверженіе въ фактическомъ существованіи у насъ смертной казни, и притомъ медленной, мучительной (наказаніе кнутомъ, плетьми, шпицрутенами). Теперь такимъ же опроверженіемъ является смертная казнь, опредѣляемая приговорами военно-окружныхъ судовъ не только за преступленія массовыя (напр., холерные безпорядки), но и за преступленія единичныя, почему-либо обратившія на себя особое вниманіе, вызвавшія особенную строгость [1]“... Мы замѣтили, тогда же, что передача дѣла въ военный судъ, для сужденія по законамъ военнаго времени, почти равносильна (особенно если предано суду только одно лицо) приглашенію суда произнести смертный приговоръ: „постановить другой приговоръ, болѣе мягкій, значитъ какъ бы признать, что не было основанія къ передачѣ дѣла на разсмотрѣніе военнаго суда“. Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ, до сихъ поръ сохраняющимъ полную силу, можно прибавить еще два, подтверждаемыя недавними фактами. Почти одновременно мы прочли въ газетахъ объ исполненіи въ Тиф-

[1]) См. Общественную Хронику въ № 9 „Вѣстн. Европы“ за 1894 г., стр. 443.

лисѣ, по приговору военнаго суда, смертной казни надъ священникомъ, убившимъ архимандрита, и о замѣнѣ смертной казни, произнесенной военнымъ судомъ въ Двинскѣ надъ убійцей смотрителя военнаго госпиталя, безсрочною каторгою, за силою милостиваго манифеста 14 мая. Двумъ совершенно однороднымъ дѣяніямъ соотвѣтствуютъ, такимъ образомъ, различныя кары, исключительно потому, что оба эти преступленія были совершены въ разное время. Правда, элементъ времени долженъ всегда играть рѣшающую роль въ эпоху изданія милостиваго манифеста; но при сужденіи обоихъ подсудимыхъ обыкновеннымъ судомъ этотъ элементъ повлекъ бы за собою только разницу въ *мѣрѣ* наказанія, а теперь онъ привелъ къ разницѣ въ *родѣ* наказанія, даровавъ одному изъ преступниковъ жизнь и отнявъ ее у другого. А вотъ что̀ сообщаетъ на-дняхъ „Новое Время“ (№ 7369), со словъ „Сибирскаго Вѣстника“: „Нѣсколько лѣтъ назадъ, по приговору омскаго военно-окружного суда, казненъ черезъ повѣшеніе нѣкто Шуклинъ, ошибочно признанный за Лосева, обвинявшагося въ убійствѣ двухъ конвойныхъ солдатъ, сопровождавшихъ его во время пересылки въ предѣлахъ тобольской губерніи. Задержанный и принятый за Лосева, Шуклинъ не смогъ доказать, что онъ не Лосевъ, и подвергся смертной казни. Въ настоящее время въ Александровской центральной тюрьмѣ содержится бродяга, назвавшійся Барончукомъ и обвиняемый въ цѣломъ рядѣ преступленій. Установлено, между прочимъ, что это и есть Лосевъ, убившій двухъ конвойныхъ и служащій теперь нагляднымъ доказательствомъ, что осужденный и казненный Шуклинъ — жертва судебной ошибки“. „Сибирскій Вѣстникъ“ напоминаетъ, по этому поводу, о другой судебной ошибкѣ — о казни въ 1891 г., въ Иркутскѣ, Максима Дмитріева. Это ошибка, о которой мы въ свое время подробно говорили [1]), другого рода, чѣмъ допущенная по дѣлу Шуклина: она имѣетъ характеръ не фактическій, а юридическій (назначеніе за покушеніе на убійство наказанія какъ за убійство совершившееся, при чемъ, вопреки буквальному смыслу закона, судъ перешелъ отъ каторжной работы къ смертной казни). Если прибавить къ приговорамъ по дѣламъ Шуклина и Дмитріева упомянутый выше приговоръ по дѣлу Котлярова, то получится краснорѣчивый протестъ противъ примѣненія смертной казни, среди глубокаго мира, по законамъ военнаго времени — краснорѣчивый именно потому, что здѣсь сами говорятъ за себя оффиціальные факты. Приговоръ по дѣлу Котлярова — не судебная ошибка въ техническомъ смыслѣ слова, но нѣчто весьма къ ней близкое. Фактъ установленъ вѣрно, законъ пріисканъ надлежащій — но вовсе не

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ №№ 10, 11 и 12 „Вѣстника Европы“ за 1891 г.

принята во вниманіе нравственная сторона дѣла; отвергнуто несомнѣнное право подсудимаго на снисхожденіе, очевидно — только потому, что военному суду, при экстраординарномъ расширеніи его подсудности, не подобаетъ быть снисходительнымъ. Приговоръ по дѣлу Дмитріева свидѣтельствуетъ о томъ, какъ опасно ставить *жизнь подсудимаго* въ зависимость отъ суда, среди котораго — не только при разрѣшеніи вопроса о виновности, но и при назначеніи наказанія — преобладаютъ не-юристы. Приговоръ по дѣлу Шуклина еще разъ, наконецъ, напоминаетъ объ одномъ изъ самыхъ старинныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ сильныхъ аргументовъ противъ смертной казни — о ея невознаградимости и непоправимости. Отмѣтимъ, въ заключеніе, еще одну опасную сторону смертной казни, назначаемой на основаніи законовъ военнаго времени. Конфирмація ея зависитъ отъ командующаго войсками мѣстнаго военнаго округа. Судъ, зная, что не ему принадлежитъ послѣднее слово, чувствуетъ себя какъ бы менѣе отвѣтственнымъ, а вслѣдствіе этого можетъ оказаться и менѣе осторожнымъ: онъ можетъ произнести смертный приговоръ съ сравнительно-легкимъ сердцемъ, предполагая и ожидая, что смертная казнь будетъ замѣнена другимъ тяжкимъ наказаніемъ. Между тѣмъ, командующій войсками можетъ усмотрѣть въ приговорѣ суда выраженіе его крайняго убѣжденія и именно потому утвердить его всецѣло. Обѣ власти, отъ которыхъ зависитъ судьба подсудимаго, могутъ, такимъ образомъ, понадѣяться другъ на друга, другъ друга не понимая—и жертвою этого непониманія можетъ стать подсудимый.

Намъ пришлось недавно еще разъ исполнять обязанности присяжнаго засѣдателя — по прежнему, въ небольшомъ уѣздномъ городѣ, не очень далекомъ отъ столицы, нѣсколько оживившемся въ послѣдніе годы, вслѣдствіе наплыва дачниковъ, но окруженномъ почти со всѣхъ сторонъ довольно-таки захолустными мѣстностями [1]). Захолустный характеръ носятъ на себѣ, бо̀льшею частью, и дѣла, разбираемыя въ этомъ городѣ. Кража со взломомъ, кража въ пути, повтореніе кражи, грабежъ, нанесеніе ранъ или увѣчій, убійство въ дракѣ, рѣже — поджогъ, еще рѣже — разбой: вотъ преступленія, съ которыми здѣсь обыкновенно приходится встрѣчаться суду присяжныхъ. Замѣчательно постоянство нѣкоторыхъ изъ преступленій. Не проходитъ, кажется, ни одной сессіи безъ нѣсколькихъ дѣлъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, иногда весьма тяжкихъ или даже смертельныхъ, нанесенныхъ однимъ крестьяниномъ другому, безъ всякаго

[1]) См. Общественную Хронику въ № 7 „В. Европы“ за 1887 г. и № 4 за 1890 г.

серьезнаго повода, бо́льшею частью во время деревенскихъ праздничныхъ сборищъ, сопровождаемыхъ усиленнымъ пьянствомъ. Вотъ, напримѣръ, три дѣла, разсматривавшіяся во время августовской сессіи. Въ избѣ, куда собралась на супрядки (посидѣлки) деревенская молодежь, одинъ изъ парней сталъ производить безпорядокъ—тушить огонь и т. п. Началась свалка, сперва легкая, потомъ все болѣе ожесточавшаяся. Доставалось въ особенности одному ея участнику, на помощь къ которому поспѣшилъ, извѣщенный какими-то дѣвочками, его отецъ. Едва только онъ успѣлъ вбѣжать въ избу и схватиться съ нападавшими на его сына, какъ получилъ ударъ кирпичомъ по головѣ, отъ котораго упалъ и пролежалъ нѣсколько дней безъ сознанія. Молодой крестьянинъ, нанесшій этотъ ударъ, былъ преданъ суду по обвиненію въ причиненіи, въ запальчивости и раздраженіи, тяжкой раны; но на судѣ обнаружилось, что потерпѣвшій самъ участвовалъ въ общей схваткѣ, вслѣдствіе чего присяжные признали рану нанесенною въ дракѣ, а судъ, на основаніи милостиваго манифеста, освободилъ подсудимаго отъ наказанія. Въ другомъ случаѣ, по деревенской улицѣ шелъ пьяный крестьянинъ, крича: „караулъ", хотя его никто не трогалъ и ничѣмъ ему не грозилъ. Къ нему подошелъ другой крестьянинъ и сталъ успокаивать его, но онъ продолжалъ кричать. Въ это время выбѣжалъ изъ-за угла сынъ его, молодой парень, также пьяный, и, предполагая, что отца обижаетъ стоявшій рядомъ съ нимъ крестьянинъ, ударилъ послѣдняго коломъ по головѣ. Отъ удара треснулъ черепъ, и потерпѣвшій вскорѣ умеръ. Подсудимый, которому присяжные не дали снисхожденія, присужденъ къ отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе на два года (наказаніе, слѣдовавшее ему по закону, было смягчено за силою милостиваго манифеста). Обстоятельства третьяго дѣла таковы: для распивки вина, поставленнаго по случаю свадьбы, старики собрались въ одной избѣ, молодежь—въ другой. Во второй избѣ, крестьянину сосѣдней деревни, однажды уже выпившему, удалось какимъ-то образомъ получить еще вторую порцію вина, на которую онъ, по обычаю, не имѣлъ права. Замѣтивъ это, другой молодой парень послѣдовалъ за нимъ на улицу, сталъ упрекать его въ обманѣ и, наконецъ, ударилъ его въ грудь полѣномъ такъ сильно, что тотъ долго былъ серьезно боленъ. И по этому дѣлу присяжные вынесли вердиктъ безусловно обвинительный; подсудимый приговоренъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Всѣ эти дѣла производили тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, что подсудимые — люди молодые, очевидно не испорченные, никому не желавшіе зла, удрученные послѣдствіями своихъ поступковъ. Чувствовалось, что корень зла—въ обстановкѣ, сдѣлавшей ихъ преступниками почти противъ воли. Вѣрующими

въ всесиліе твердой власти измѣненіе этой обстановки ожидалось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отъ земскихъ начальниковъ. Предполагалось, что они подтянутъ сельское населеніе, заберутъ его въ приспособленныя къ его распущенности желѣзныя рукавицы, регламентируютъ сельскіе праздники и водворятъ въ деревнѣ благочиніе и порядокъ, отъ которыхъ она отвыкла со времени отмѣны крѣпостного права. Ожиданія эти не сбылись, хотя въ попыткахъ подтягиванія— въ уѣздѣ, намъ знакомомъ,—и не было недостатка. Мы далеки отъ мысли винить за это земскихъ начальниковъ. Они безсильны искоренить наслѣдіе цѣлыхъ вѣковъ, невѣжества и угнетенія; они не могутъ ни уничтожить потребность народа въ увеселеніяхъ, ни дать ему увеселенія болѣе высокаго разбора. Если бы полицейская сила, находящаяся теперь въ распоряженіи земскихъ начальниковъ, была увеличена въ пять, въ десять разъ,—она все-таки была бы недостаточна для надзора за каждымъ домомъ въ каждой деревнѣ. Если бы волостные суды, по внушенію свыше, стали вдесятеро строже преслѣдовать драки, ссоры, уличное буйство, не щадя, при этомъ, и „мечей правосудія" и въ особенности радѣя о дисциплинированіи молодежи, они достигли бы только одного—еще бо́льшаго огрубѣнія и безъ того грубыхъ нравовъ. Наоборотъ, чѣмъ гуманнѣе обращеніе власти съ крестьянами, тѣмъ легче внести гуманность и въ отношенія крестьянъ между собою. Чтобы положить конецъ безобразіямъ, совершаемымъ въ пьяномъ видѣ и въ праздничное время, необходимо, съ одной стороны, уменьшеніе народнаго пьянства, съ другой—соединенныя усилія церкви, школы, всѣхъ лицъ и учрежденій, которымъ дорого образованіе народа. Необходимо устраненіе препятствій, задерживающихъ распространеніе въ деревняхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ, чтеній и спектаклей, чайныхъ и столовыхъ. Необходимо прекращеніе всѣхъ видовъ физической расправы, идущей сверху внизъ и поддерживающей привычку невысоко цѣнить достоинство человѣка и его тѣлесную неприкосновенность.

Если драки, со всѣми ихъ послѣдствіями, составляютъ принадлежность захолустья, то другой родъ преступленій, прежде никогда почти не встрѣчавшійся въ данной мѣстности, знаменуетъ собою соприкосновеніе ея съ худшими сторонами культуры. Это—ложные доносы, составлявшіе предметъ двухъ дѣлъ. Первое изъ нихъ возникло такъ: купецъ, торгующій въ городѣ, предъявилъ къ крестьянину въ волостномъ судѣ искъ по подписанному счету о заборѣ товара. Отвѣтчикъ заявилъ, что подпись на счетѣ сдѣлана не имъ. Волостной судъ, основываясь на показаніи свидѣтеля, присутствовавшаго при подписаніи счета, постановилъ взыскать съ отвѣтчика всю сумму, требуемую истцомъ, и это рѣшеніе было утверждено уѣзднымъ

съѣздомъ. Тогда крестьянинъ подалъ прокурору окружного суда заявленіе о подлогѣ и подтвердилъ его при производствѣ слѣдствія. Слѣдствіе о подлогѣ вскорѣ было прекращено, такъ какъ заявленіе жалобщика ничѣмъ не подтвердилось, а къ опроверженію его клонились какъ свидѣтельскія показанія, такъ и экспертиза (фотографическая и путемъ сличенія почерковъ). Тогда возникло новое дѣло, по обвиненію крестьянина въ ложномъ доносѣ. Оказалось, между прочимъ, что онъ уже не въ первый разъ отказывается отъ своей подписи, и что односельцы избѣгаютъ сдѣлокъ съ нимъ, зная, что онъ умѣетъ разнообразить свой почеркъ, т.-е. подписываться такъ, чтобы имѣть потомъ возможность доказывать несходство данной подписи съ другими, несомнѣнно ему принадлежащими. На судѣ подсудимый (пожилой человѣкъ: его печальное „каллиграфическое искусство“ не можетъ, слѣдовательно, подлить воды на мельницу противниковъ земской школы) ни въ чемъ не сознался, но присяжные, не колеблясь, признали его виновнымъ безъ снисхожденія. Другое дѣло состояло въ слѣдующемъ: скупщикъ лѣса и земли, занимающійся и арендованіемъ помѣщичьихъ имѣній, жилъ не въ ладахъ съ начальникомъ сосѣдней желѣзнодорожной станціи. Возвращаясь однажды изъ города, въ пьяномъ видѣ, онъ поднялъ на станціи шумъ (изъ-за пропавшей у него, будто бы, корзины), сталъ бранить начальника станціи и наконецъ поднялъ на него руку, но тотъ успѣлъ отклонить ударъ. Выведенный (или, по собственному его показанію, вытолкнутый) на дворъ станціи желѣзнодорожными служителями, онъ опять ворвался въ помѣщеніе станціи, крича, что его ограбили, и произвелъ безпорядокъ. По приказанію начальника станціи, онъ былъ связанъ, но сейчасъ же освобожденъ и уѣхалъ домой. Вечеромъ того же дня онъ опять пріѣхалъ на станцію и послалъ двѣ телеграммы: одну—исправнику, другую—управляющему желѣзной дорогой, жалуясь въ обѣихъ на ограбленіе, при участіи начальника станціи. Два дня спустя, онъ послалъ о томъ же письменное заявленіе прокурору окружного суда, прямо обвиняя одного изъ желѣзнодорожныхъ служителей въ отнятіи у него двухъ слишкомъ тысячъ рублей, а начальника станціи—въ попустительствѣ этого преступленія. Слѣдствіе не только не подтвердило фактъ ограбленія, но дало поводъ усомниться въ томъ, была ли при мнимо-ограбленномъ такая сумма денегъ, какую, по его словамъ, у него отняли. И здѣсь, поэтому, за прекращеніемъ слѣдствія о грабежѣ, послѣдовало возбужденіе слѣдствія о ложномъ доносѣ. На судѣ завѣдомая ложность обвиненія, взведеннаго подсудимымъ на начальника станціи и стрѣлочника, обнаружилась вполнѣ, и подсудимый былъ признанъ виновнымъ; если ему было дано снисхожденіе, то это объясняется, по-

видимому, тѣмъ, что присяжные приняли во вниманіе раздраженіе, вызванное въ подсудимомъ слишкомъ усерднымъ его укрощеніемъ со стороны начальника станціи и желѣзнодорожныхъ служащихъ. Оба осужденные за ложные доносы были приговорены, съ примѣненіемъ милостиваго манифеста, къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

Изъ остальныхъ семи дѣлъ (одно о разбоѣ, одно о грабежѣ, четыре о кражѣ, одно объ увѣчьѣ, нанесенномъ въ тюрьмѣ однимъ арестантомъ другому) оправдательнымъ вердиктомъ окончилось только одно (о грабежѣ), за недостаточностью уликъ; освобожденъ былъ отъ наказанія, за силою милостиваго манифеста, одинъ изъ обвинявшихся въ кражѣ, такъ какъ присяжные признали его виновнымъ только въ утайкѣ найденнаго. Дѣло о грабежѣ, само по себѣ не представляющее особаго интереса, характеристично по отношенію къ нему присяжныхъ засѣдателей. Во время судебныхъ преній возникли разные частные вопросы (сопровождался ли грабежъ насиліемъ, происходилъ ли онъ на большой дорогѣ и т. п.), подлежавшіе разрѣшенію присяжныхъ въ случаѣ признанія ими виновности подсудимаго. Когда присяжные вошли въ совѣщательную комнату, одинъ изъ нихъ, сравнительно образованный, замѣтилъ, обращаясь къ старшинѣ, что слѣдовало бы прямо приступить къ обсужденію этихъ вопросовъ, такъ какъ виновность подсудимаго очевидна. Ему тотчасъ же возразилъ другой присяжный, крестьянинъ, что есть не мало обстоятельствъ, заставляющихъ сомнѣваться въ дѣйствительности грабежа или, по меньшей мѣрѣ, въ совершеніи его именно подсудимымъ. Всѣ эти обстоятельства подверглись детальному разбору, и въ концѣ концовъ присяжные, не исключая и того, который первоначально выражалъ увѣренность въ виновности обвиняемаго, нашли обвиненіе недоказаннымъ и произнесли оправдательный вердиктъ. Вообще присяжные-крестьяне, какъ и во всѣхъ другихъ сессіяхъ, въ которыхъ намъ приходилось участвовать, относились къ своимъ обязанностямъ, за самыми рѣдкими исключеніями, съ величайшею добросовѣстностью, сохраняя полную самостоятельность сужденія и безъ труда различая важное отъ неважнаго, серьезное отъ несерьезнаго. Они сразу поняли, напримѣръ, что жилой домъ, если въ немъ и не было никого въ моментъ совершенія кражи, все-таки остается строеніемъ *обитаемымъ*, и сразу отвергли усилія защиты доказать противное. Много разъ, во время совѣщанія присяжныхъ, намъ приходилось сожалѣть, что его не слышатъ противники учрежденія, въ особенности тѣ, которые знакомы съ судомъ присяжныхъ только по книгамъ, газетнымъ статьямъ, салоннымъ толкамъ, и тѣмъ не менѣе крѣпко держатся своего предубѣжденія, принимая или выдавая его за убѣжденіе.

Въ настоящую минуту, когда судъ присяжныхъ вызываетъ столько противоположныхъ мнѣній, когда громадное большинство людей, близко къ нему стоящихъ, высказывается за его сохраненіе, когда точныхъ, послѣдовательныхъ наблюденій надъ нимъ сдѣлано еще весьма мало, когда въ нашей литературѣ только-что появился первый систематическій трудъ по этому предмету [1]), обязательно, какъ намъ кажется, по меньшей мѣрѣ одно: не произносить надъ судомъ присяжныхъ безапелляціонныхъ, ничѣмъ не мотивированныхъ, догматическихъ приговоровъ — особенно приговоровъ чисто отрицательныхъ, т.-е. ничего не предлагающихъ взамѣнъ осужденнаго института. Именно такой приговоръ, однако, мы находимъ въ книгѣ, обратившей и до сихъ поръ обращающей на себя всеобщее вниманіе — „Московскомъ Сборникѣ", изданномъ К. П. Побѣдоносцевымъ. Какъ относится „Московскій Сборникъ" къ печати — это мы видѣли въ предъидущей хроникѣ; къ суду присяжныхъ онъ еще менѣе благосклоненъ, рѣшая его участь истинно-суммарнымъ способомъ. Изъ трехъ страницъ, посвященныхъ суду присяжныхъ, двѣ наполнены выпискою изъ Мэна, проводящаго параллель между древнимъ народнымъ судомъ и современнымъ англійскимъ судомъ присяжныхъ, и заключающаго ее выводомъ, что безъ строгой регулирующей и сдерживающей власти, въ лицѣ предсѣдателя-судьи, „англійскіе присяжные нашего времени слѣпо потянули бы съ своимъ вердиктомъ на сторону того или другого адвоката, кто съумѣлъ бы на нихъ подѣйствовать". Послѣдняя страница содержитъ въ себѣ соображенія самого автора, краткости которыхъ соотвѣтствуетъ ихъ рѣшительность. „Мысль невольно переносится къ несчастному учрежденію суда присяжныхъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ тѣхъ историческихъ и культурныхъ условій, при коихъ онъ образовался въ Англіи. Очевидно, многіе, вводя это учрежденіе, только *слышали звонъ, да не знали, гдѣ онъ*. Неразумно и легкомысленно было ввѣрять приговоръ о винѣ подсудимаго народному правосудію, не обдумавъ практическихъ мѣръ и способовъ, какъ его поставить въ надлежащую дисциплину, и не озаботившись изслѣдовать предварительно чужеземное учрежденіе въ исторіи его родины и со сложною его обстановкой". Вопросы о томъ, чѣмъ замѣнить судъ присяжныхъ, „возникаютъ и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ есть крѣпкое судебное сословіе, вѣками воспитанное, прошедшее строгую школу науки и практической дисциплины. Можно себѣ представить, во что обращается народное правосудіе тамъ, гдѣ въ юномъ государствѣ нѣтъ и этой крѣпкой, руководящей силы, но

---

[1]) Книга А. М. Бобрищева-Пушкина, къ которой мы постараемся возвратиться. Объ отрывкѣ изъ нея, напечатанномъ въ „Журналѣ Министерства Юстиціи", мы говорили въ нашемъ майскомъ Внутреннемъ Обозрѣніи.

взамѣнъ того есть быстро образовавшаяся толпа адвокатовъ, которымъ интересъ самолюбія и корысти самъ собою помогаетъ достигать вскорѣ значительнаго развитія софистики и логомахіи, для того, чтобы дѣйствовать на массу; гдѣ дѣйствуетъ пестрое, смѣшанное стадо присяжныхъ, собираемое или случайно, или искусственнымъ подборомъ изъ массы, коей недоступны ни сознаніе долга судьи, ни способность осилить массу фактовъ, требующихъ анализа и логической разборки".

Итакъ, ссылка на мнѣніе иностраннаго писателя, пользующагося большимъ авторитетомъ въ области изученія древняго права и древняго общественнаго быта, но рѣдко касавшагося вопросовъ современной государственной жизни; презрительный отзывъ о дѣятеляхъ нашей судебной реформы, поступавшихъ „неразумно и легкомысленно" и не давшихъ себѣ труда ознакомиться съ англійскимъ судомъ присяжныхъ; нѣсколько рѣзкихъ словъ по адресу адвокатовъ и присяжныхъ — вотъ весь арсеналъ орудій, выдвигаемыхъ противъ одной изъ главныхъ опоръ нашего судебнаго строя! Не ясно ли, что подѣйствовать ими можно развѣ на тѣхъ, кто заранѣе и во всемъ согласенъ съ „Московскимъ Сборникомъ", заранѣе готовъ jurare in verba magistri? Вопросы первостепенной важности не рѣшаются однимъ почеркомъ пера, не исчерпываются двумя-тремя давно извѣстными аргументами. Чтобы сокрушить судъ присяжныхъ, недостаточно было бы даже доказать его неудовлетворительность; нужно было бы еще доказать, что болѣе удовлетворительною будетъ та форма суда, которая будетъ поставлена на его мѣсто. „Московскій Сборникъ" не только не дѣлаетъ и не пытается сдѣлать ничего подобнаго, но заставляетъ сомнѣваться въ томъ, чтобы это было возможно. Два раза, въ другихъ статьяхъ „Сборника", выступаетъ на сцену современный коронный судъ — и вовсе не въ такомъ свѣтѣ, чтобы можно было ожидать отъ него чего-нибудь бòльшаго и лучшаго, чѣмъ отъ суда присяжныхъ. Вотъ что̀ мы читаемъ, напримѣръ, въ статьѣ: „Болѣзни нашего времени" (стр. 109—110). „Чѣмъ является правда въ новѣйшей, искусственной, выглаженной и выстроганной по европейской модѣ формѣ судебнаго учрежденія! Мы видимъ машину для *искусственнаго дѣланія* (курсивъ въ подлинникѣ) правды, но самой правды не видно въ торжественной суетѣ машиннаго производства. не слышно въ шумѣ колесъ громаднаго механизма... Засѣдаютъ судьи, въ величавомъ сознаніи своего жреческаго достоинства и, подобно древнимъ авгурамъ, слушаютъ, сколько вмѣститъ вниманіе; ораторствуютъ адвокаты, проводя величавыя слова и громкія фразы по узенькимъ корридорамъ и трубочкамъ хитросплетеннаго мышленія, и заранѣе взвѣшивая на звонкую монету каждый изъ длинныхъ сво-

ихъ періодовъ; тянутся длинные, томительные часы словесной пытки, а между тѣмъ главная жертва этой пытки, злосчастная правда, должна переходить въ обѣтованный рай по тонкому волоску магометова моста: горе тому, кто положится при этомъ переходѣ на свою собственную силу. „Правъ только тотъ, кто, изучивъ прежде въ совершенствѣ искусство акробата, съумѣетъ не оступиться и не упасть на дорогѣ"...

А вотъ еще выписка изъ статьи: „Власть и начальство" (стр. 259—260). „Когда учрежденіе нѣмѣетъ и мертвѣетъ, замыкаясь въ пошлыхъ путяхъ текущей формальности, оно перестаетъ быть школой искусства (какою должно быть всякое учрежденіе, назначенное для практической дѣятельности), превращаясь въ машину, около коей смѣняются наемные работники... Такова, можетъ быть, судьба новыхъ учрежденій, разростающихся съ усложненіемъ общественнаго и гражданскаго быта... Таковъ становится судъ, какъ бы ни были въ немъ усложнены и усовершенствованы *формы* производства, когда онъ перестаетъ быть школою для образованія крѣпкаго знаніемъ, опытомъ и искусствомъ судебнаго сословія: формы застываютъ и мертвѣютъ, а духъ жизни исчезаетъ въ нихъ, и самъ судъ можетъ стать такою же машиной, около которой смѣняются лишь наемные работники"...

Сопоставленіе этихъ двухъ цитатъ устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что онѣ обѣ касаются именно современнаго русскаго коронного суда. Вѣрна ли изображенная въ нихъ картина—объ этомъ мы пока говорить не будемъ; теперь для насъ важно только опредѣлить, чтó вытекаетъ изъ нея по отношенію къ суду присяжныхъ. Если профессіональный судъ становится похожъ на машину, если судьи, въ „величественномъ сознаніи своего жреческаго достоинства", напоминаютъ древнихъ авгуровъ, если въ омертвѣвшихъ судебныхъ формахъ исчезаетъ духъ жизни,—то не ясно ли, что громадное преимущество передъ *такимъ* судомъ имѣютъ присяжные, меньше всего поддающіеся формализму, меньше всего навлекающіе на себя упрекъ въ безжизненности, въ напускной величественности, въ равнодушіи къ реальной правдѣ? Или, можетъ быть, на мѣсто застывшаго и окоченѣвшаго судебнаго *механизма* долженъ быть поставленъ новый судебный *организмъ*, жизнеспособный и въ качествѣ суда, и въ качествѣ школы? Весьма вѣроятно, что такова мысль автора; но она остается лишенной всякаго значенія, пока не указанъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, путь и способъ ея осуществленія. Можно, пожалуй, угадать, чего *не хочетъ* авторъ—но этого мало, чтобы составить себѣ понятіе о положительной сторонѣ его идеала. Ненавистна „Московскому Сборнику" адвокатура, т.-е. правильно организованная защита тяжущихся и подсудимыхъ; несимпатична ему, повидимому,

устность процесса („томительные часы словесной пытки"), а также его гласность (въ статьѣ о судѣ присяжныхъ къ числу условій, неблагопріятныхъ для правосудія, отнесена „смѣшанная толпа публики, приходящей на судъ какъ на зрѣлище, посреди праздной и бѣдной содержаніемъ жизни"). Съ письменнымъ и негласнымъ процессомъ, безъ участія адвокатуры, Россія хорошо знакома; всѣ эти черты соединялъ въ себѣ нашъ до-реформенный судъ, оставившій по себѣ такую прекрасную память... Намъ скажутъ, можетъ быть, что въ до-реформенномъ судѣ было нѣчто похожее на хорошую судебную школу: сенатскія канцеляріи. Не споримъ, въ послѣднія 20—30 лѣтъ до судебной реформы здѣсь можно было кое-чему научиться, но отразилось ли это ученье хоть сколько-нибудь замѣтно на низшихъ и среднихъ судебныхъ учрежденіяхъ? Развѣ у насъ были въ то время хотя бы зачатки „крѣпкаго знаніемъ, опытомъ и искусствомъ судебнаго сословія"? Что̀ препятствуетъ, съ другой стороны, образованію такого сословія на почвѣ судебныхъ уставовъ? Во всякомъ случаѣ— не сами уставы, а преданія и обычаи до-реформеннаго времени, стушевавшіеся въ лучшую эпоху нашей общественной жизни, но слишкомъ скоро забравшіе вновь значительную силу и сохраняющіе ее до настоящей минуты...

Извѣстно, съ какими затрудненіями сопряжено всякое расширеніе рамокъ провинціальной печати. Еще недавно, напримѣръ, въ такомъ большомъ центрѣ, какъ Тамбовъ, признано было излишнимъ существованіе частной газеты, такъ какъ для потребностей публики вполнѣ достаточно оффиціальныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей". Не вездѣ, къ счастію, господствуетъ такое понятіе о публикѣ и о прессѣ. Въ Калугѣ, съ перваго сентября, выходитъ новая газета: „Калужскій Вѣстникъ", въ первомъ нумерѣ которой напечатано слѣдующее: „Въ то время, когда нѣкоторые иниціаторы мѣстныхъ провинціальныхъ изданій не получили административнаго разрѣшенія на изданіе мѣстныхъ газетъ, Калуга, благодаря просвѣщенному сочувствію и содѣйствію мѣстной власти и энергіи нѣкоторыхъ лицъ, имѣетъ мѣстный печатный органъ съ весьма широкой для провинціи программой". Нужно надѣяться, что въ скоромъ времени Тамбовъ не будетъ имѣть причины завидовать Калугѣ, и что въ вопросѣ объ основаніи новыхъ провинціальныхъ газетъ рѣшительный голосъ не будетъ болѣе принадлежать мѣстной администраціи, часто заинтересованной въ томъ, чтобы гласности, въ ближайшемъ сосѣдствѣ, было какъ можно меньше... Редакція „Калужскаго Вѣстника"—читаемъ мы въ той же статьѣ— „будетъ, по возможности, избѣгать помѣщенія въ своемъ изданіи

тѣхъ корреспонденцій, которыя иногда появляются на свѣтъ вслѣдствіе какихъ-либо недоразумѣній личнаго характера. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаружилось бы ненормальное отношеніе къ закону и правдѣ, какъ прочнымъ государственнымъ и общественнымъ основамъ и какъ гарантіи человѣческой личности отъ произвола эгоистическихъ стремленій, редакція считала бы себя не вправѣ замалчивать, полагая, что такія явленія могутъ подлежать ея обсужденію, конечно, въ тѣхъ предѣлахъ, которые предоставлены печатному слову существующими узаконеніями".

Итакъ, хотя „Калужскій Вѣстникъ" и не получилъ особыхъ *полномочій* на раскрытіе всяческой неправды, онъ считаетъ себя обязаннымъ не замалчивать ея, когда она доходитъ до его свѣдѣнія. Онъ знаетъ, какъ важно внести хоть слабый свѣтъ въ искусственно поддерживаемыя провинціальныя потемки—или даже дать понять, что *возможно* внезапное появленіе такого свѣта. Печатное слово не только изобличаетъ—оно *сдерживаетъ*: достаточной гарантіей противъ злоупотребленій является иногда одно опасеніе ихъ огласки... Намъ кажется, что „Калужскій Вѣстникъ" понимаетъ задачи и обязанности печати гораздо лучше, чѣмъ тѣ, которые изъ отсутствія *полномочій* выводятъ для печати обязанность молчанія [1]).

Мы получили на дняхъ изъ г. Фридрихсгама слѣдующее письмо, отъ преподавателя тамошняго финляндскаго кадетскаго корпуса г. В. Сидоровича:

„М. Г.—Въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы" за текущій годъ, на стр. 274, г. И. Соколовъ, въ примѣчаніи къ своей статьѣ: „Дома", выражаетъ желаніе знать происхожденіе слова „руси", употребляемаго въ мѣстности около Бѣлоозера и отчасти на Волгѣ для обозначенія особаго рода рыболовныхъ снастей.

„Верши, плетеныя изъ бичевы и натянутыя на деревяные обручи, носятъ слѣдующія названія на германскихъ языкахъ, указанныя Dalin'омъ въ его „Svensk Handordbok":

На нижнесаксонскомъ нарѣчіи	rüse
На старо-нѣмецкомъ	riusa
На ново-нѣмецкомъ.	reuse
На датскомъ языкѣ.	ruse
На шведскомъ и норвежскомъ языкахъ. . . .	rysja

„Изъ шведскаго языка это слово перешло въ финскій въ формѣ rysä (произносится: рюсэ). Въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка,

---

[1]) См. Обществ. Хронику въ предъидущей книжкѣ „Вѣстника Европы".

кромѣ указанной г. Соколовымъ формы: „русь“, „руси“, имѣются еще: „рюжа“, „рюша“ и „рюза“—послѣдняя употребляется въ Архангельскѣ. Эти формы упоминаются въ сочиненіи Ф. Тамма (F. Tamm, „Slaviska lanord från nordiska språk), вышедшемъ въ 1882 году въ Упсалѣ. Авторъ полагаетъ, что шведская форма заимствована изъ нѣмецкаго языка. Что же касается русскихъ словъ, то авторъ того мнѣнія, что формы „рюжа“ и „рюша“ перешли къ намъ съ норвежскаго языка, а форма „рюза“—съ финскаго; изъ послѣдняго источника заимствовано, вѣроятно, и приводимое г. Соколовымъ слово „русь“.

„Первообразомъ же слова Русь, какъ названія государства россійскаго, послужило, вѣроятно, финское слово Ruots, древне-финское Rots, что значитъ: Швеція. Отъ этихъ словъ легко могли произойти русскія „Русь“ и „Россъ“. То же словопроизводство вполнѣ согласно съ теоріей шведскаго происхожденія варяговъ; послѣдняя же теорія находитъ себѣ подтвержденіе въ сходствѣ различныхъ собственныхъ именъ, упоминаемыхъ Несторомъ, съ употребительными шведскими именами.

„Не всегда писатели, занимающіеся вопросомъ о происхожденіи русскаго государства, знакомы съ производствомъ слова „Русь“ отъ Ruots, или не расположены къ такому словопроизводству. Такъ, г. Бильбасовъ, въ своей статьѣ, помѣщенной два-три года тому назадъ въ „Русской Старинѣ“, желая опровергнуть теорію шведскаго происхожденія варяговъ, приводитъ, что по-фински слово „Шведъ“ значитъ Ruotsalainen, а отъ послѣдняго слова мудрено-молъ произвести слово „Русь“. Странно допустить, чтобы изслѣдователь, знакомый со словомъ „Ruotsalainen“, не зналъ значенія слово Ruots. Повидимому, автору во что бы то ни стало нуженъ былъ аргументъ, хотя бы отрицательный, въ пользу предпочитаемой имъ теоріи происхожденія Руси отъ Роксаланъ“.

ПОПРАВКИ.

Въ сентябрьской книгѣ, на стр. 191, строч. 7 св., напечатано: Р. М. Гинъ, вмѣсто: Р. М. Хинъ.

Выше, на стр. 430, строч. 7 св., и на стр. 438, строч. 14 и 16 сн., слѣдуетъ читать: Кальтаниветта, вмѣсто: Кастанизетта.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ, 1896

Книга девятая. — Сентябрь. стр.

Книга десятая. — Октябрь.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Изъ жизни народныхъ училищъ. Очерки и характеристики училищъ, попечителей ихъ, законоучителей, учителей, учительницъ и дѣтей. Состав. инспекторъ народныхъ училищъ В. Раевскій. Н.-Новг. 96. Стр. 112.

Авторъ посвящаетъ свой трудъ посѣтителямъ учебнаго отдѣла народныхъ училищъ на нижегородской выставкѣ, находясь подъ вліяніемъ справедливой мысли, что никакая выставка учебныхъ столовъ, досокъ, пюпитровъ, разложенныхъ на нихъ тетрадей, учебниковъ и т. п., еще не дветъ и малѣйшаго понятія о самой жизни школы, о трудахъ ея главнаго дѣятеля—народнаго учителя и учительницы, и о томъ матеріалѣ, который принимаютъ они для переработки —дѣтей. Такимъ образомъ, онъ задумалъ сдѣлать другую, живую выставку нашей современной народной школы, въ ея будничной реальной обстановкѣ, со всѣми дѣйствующими въ ней лицами, и, благодаря своей опытности и короткому знакомству съ жизнью народной школы, авторъ весьма удачно выполнилъ свою задачу. Предъ глазами читателя проходитъ цѣлая панорама школъ, числомъ свыше 50; самое изложеніе такъ живо и наглядно, что читатель, слѣдуя за авторомъ, самъ дѣлается какъ бы очевидцемъ всего, что̀ происходитъ въ школѣ. Несмотря на все, что̀ говорится у насъ въ извѣстнаго рода печати, авторъ заключаетъ свою „выставку" словами: „я утверждаю, что общій уровень умственно-нравственнаго развитія дѣтей земскихъ училищъ достаточно высокъ для того, чтобы можно было сказать, что начальныя училища исполняютъ свое назначеніе вполнѣ удовлетворительно".

Внѣшкольное образованіе народа. В. П. Вахтеровъ. М. 96. Стр. 372. Ц. 1 р.

Вопросъ о „внѣшкольномъ" образованіи народа нигдѣ не представляетъ такой важности, какъ у насъ; нигдѣ, какъ у насъ, не остается такой огромный процентъ населенія, въ школьномъ его возрастѣ, внѣ школы — за ея отсутствіемъ или недостаточнымъ числомъ начальныхъ училищъ. Для массы, по необходимости вышедшей изъ школьнаго возраста безграмотною, могутъ послужить впослѣдствіи воскресныя школы. Но и размѣры самого народнаго образованія минимальны, сравнительно съ тѣмъ же предметомъ въ другихъ странахъ: у насъ начальное образованіе ограничивается тремя годами, тогда какъ въ Германіи, напримѣръ, оно требуетъ для себя отъ 6 до 7 лѣтъ. Отсюда вытекаетъ другая необходимость для насъ—съ одной стороны, поддержать то небольшое содержаніе ученія, какое дается въ нашихъ начальныхъ училищахъ, а съ другой—дать средства къ его пополненію: для того могутъ служить наилучшимъ средствомъ сельскія библіотеки и книжные склады. Книга г. Вахтерова представляетъ цѣлый рядъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ, до какой степени въ послѣднее время самъ народъ проникся сознаніемъ необходимости самостоятельно дополнять путемъ чтенія тѣ ограниченныя свѣдѣнія, какія даетъ начальная школа. Приводится, по этому поводу, одинъ трогательный случай: были проданы новые сапоги, чтобы выручить 2 рубля, необходимые для покрытія гербоваго сбора при прошеніи объ открытіи сельской читальни. Въ такихъ же живыхъ сценахъ и разсказахъ авторъ изображаетъ значеніе воскресной школы для той массы, которая не могла въ свое время воспользоваться даже и начальною школой. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе почтеннаго автора, что у насъ на устройство общеобразовательныхъ заведеній „должна быть въ настоящее время направлена вся энергія лицъ, близко стоящихъ къ школѣ, не отвлекаясь въ сторону огородничествомъ, гимнастикой, ремеслами и т. п.". Болѣе подробное содержаніе интересной книги г. Вахтерова помѣщено выше, въ Литературномъ Обозрѣніи.

Больной целитель. О Шлаттерѣ. С. С. Глаголевъ. Серг.-Посадъ, 96.

Авторъ обратилъ вниманіе на статьи, появившіяся въ нашей печати, объ „американскомъ пророкѣ", нѣкоемъ Шлаттерѣ, „человѣкѣ чудесъ", который въ концѣ прошедшаго года, по словамъ американскихъ газетъ, „исцѣлилъ бездну больныхъ, глухихъ, уродовъ, паралитиковъ, чахоточныхъ, слѣпыхъ, и онъ исцѣлялъ ихъ не только прикосновеніемъ руки, но даже одною перчаткой, которую передавалъ въ толпу". Наконецъ, появилось письмо въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", гдѣ корреспондентъ этой газеты разсказываетъ, какъ онъ самъ въ двѣ-три минуты былъ исцѣленъ Шлаттеромъ отъ застарѣлаго ревматизма въ правой рукѣ. Въ виду всего того, авторъ взялъ на себя трудъ разобраться по поводу различныхъ толковъ, вызванныхъ разсказами о Шлаттерѣ очевидцевъ не только въ американскихъ, но и въ нашихъ газетахъ. Приведя слова, сказанныя по такому же поводу св. Іоанномъ Златоустомъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что „чистое сердце чистаго человѣка есть бо̀льшее чудо, чѣмъ тысяча исцѣленій неизлечимыхъ болѣзней".

Магометъ, его жизнь и религіозное ученіе. Очеркъ Владиміра Соловьева. Съ изображеніемъ Магомета. Спб. 96. Стр. 79. Ц. 25 к.

Въ очеркѣ главное мѣсто занимаетъ религіозное ученіе Магомета, которое, по заключенію автора, во многихъ отношеніяхъ мало походитъ на позднѣйшій исламъ, какъ то наблюдается и въ исторіи другихъ религій. Главнымъ источникомъ для автора послужилъ Коранъ, а потому онъ, для обезпеченія себя отъ возможныхъ для не-оріенталиста частныхъ ошибокъ, воспользовался услугами извѣстнаго знатока арабскаго языка—академика бар. В. Р. Розена.

Энциклопедическій Словарь. Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Т. XVIII: Лопари — Малолѣтніе преступники. Спб. 96. Стр. 480.

Можно сказать, что это обширное предпріятіе если не перешло за половину всего пути, то весьма уже близко къ тому. Въ настоящій выпускъ вошли біографіи многихъ русскихъ дѣятелей въ области государственной, литературной, художественной: графа Лориса-Меликова, Майковыхъ, Аполлона и Валеріана, Лѣскова, Н. С., Маковскихъ, художниковъ, и др. Въ составленіи самаго выпуска приняли участіе своими трудами проф. Д. Анучинъ, С. Буличъ, П. Модестовъ, акад. К. Бестужевъ-Рюминъ, В. Миллеръ, В. И. Герье, И. Лучицкій, Вл. Соловьевъ и др.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1897 г.

(Тридцать-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Принимается подписка на годъ, первое полугодіе и первую четверть 1897 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.
A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.
DUE DEC 19 1916